UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324490 2

LR
1918346B
Mordovtsev, Daniil Lukich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ (Kn. 15-18)

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Polnoe sobranie istoricheskikh romanov... pt. 15-18 in 1v.
kn. 15.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ?

494370
7.7.49.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ БУНТА СТЕНЬКИ РАЗИНА.

1636V

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
Кн. 15-18

Mordovtsev, Daniil Lukich
Полное собраніе исторіи романовъ ... кн. 15-18.
(Polnoe sobranie istoricheskikh romanov... pt. 15-18)
494370
7.7.49

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ?

Историческая повѣсть изъ времени бунта Стеньки Разина.

Царское сидѣнье.

Въ Грановитой палатѣ, въ столовой избѣ, у великаго государя съ боярами «сидѣнье».

Это было 5-го мая 1664 года.

Съ ранняго утра, которое выдалось такимъ яркимъ и теплымъ, обширная площадь около дворца запружена каретами, колымагами и боярскою дворовою челядью съ осѣдланными конями въ богатой сбруѣ. Экипажи и кони принадлежали московской знати, нахлынувшей во дворецъ къ царскому сидѣнью: обширное постельное крыльцо, словно маковое поле, пестритъ цвѣтною и золотою одеждою площадныхъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ.

Эта пестрая и шумная толпа поминутно разступается и поклонами провожаетъ знатныхъ и близкихъ бояръ, которые черезъ постельное крыльцо проходятъ прямо въ царскую переднюю. Это уже великая честь, до которой стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ высоко, какъ до креста на колокольнѣ Ивана Великаго.

Но и передняя уже давно полна: кромѣ бояръ, въ ней толпятся, по праву, окольничіе, что удостаиваются великой чести быть иногда «около» самого государя, равно думные дворяне и думные дьяки.

Наконецъ, въ самой столовой избѣ, въ «комнатѣ», высшая знать московская, самые сановитые бородачи. Тутъ же и великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Ру-

сіи самодержецъ. Онъ сидитъ въ переднемъ углу, на возвышеніи со ступенями. Подъ нимъ большое золоченое кресло. Столовая изба такъ и блеститъ золотомъ и серебромъ изящной, а чаще аляповатой московской работы: на одномъ окнѣ, на золотомъ бархатѣ, красуются рядомъ четверо серебряныхъ часовъ-курантовъ; у того же окна серебряный стѣнной «шандалъ»; на другомъ окнѣ большой серебряникъ съ лоханью, а по сторонамъ его высокіе разсольники; на третьемъ окнѣ, на золотомъ бархатѣ, другой серебряный разсольникъ, да серебряная позолоченная бочка, «мѣрою въ ведро». На рундукѣ, противъ государева мѣста, и на ступеняхъ, постланы дорогіе персидскіе ковры; около столпа, упирающагося въ потолокъ столовой избы, поставецъ: на немъ ярко горятъ подъ лучами весенняго солнца всевозможные драгоцѣнные сосуды, золотые, серебряные, сердоликовые, яшмовые.

Едва царь усѣлся въ кресло, какъ на постельномъ крыльцѣ произошло небывалое смятеніе. Послышался смѣшанный говоръ, изъ котораго выдѣлялись отдѣльные голоса:

— Хохлы! Хохлатые люди ѣдутъ!

— Это черкасы, гетмановы Ивана Брюховецкаго посланцы на отпускъ къ великому государю.

— Смотрите! Смотрите! Каки усищи!

— И головы бриты, словно у татаръ.

— Только у татаръ хохловъ нѣтъ, а эти съ хохлами.

Дѣйствительно, изъ-за каретъ и колымагъ, запружавшихъ дворцовую площадь, показалась небольшая группа всадниковъ. Это и были гетманскіе посланцы, всего пять человѣкъ. Ихъ сопровождалъ стрѣлецкій сотникъ, а почетную свиту ихъ составляли три взвода стрѣльцовъ отъ трехъ приказовъ, только безъ пищалей, какъ полагалось по придворному церемоніалу. Своеобразная, очень красивая одежда и вся внѣшность украинцевъ, столь рѣдкихъ въ то время гостей на Москвѣ, не могли не поражать москвичей. Высокія смушковыя шапки съ красными верхами, лихо заломанныя къ затылку и на бекрень; выпущенные изъ-подъ шапокъ, словно дѣвичьи косы, чубы-оселедцы, закинутые за ухо и спускавшіеся до плечъ; длинные, ниспадавшіе жгутами, черные усы; яркіе цвѣтные жупаны, отороченные золотыми позументами; такія же яркія, только другихъ, еще болѣе кричащихъ цвѣтовъ шаровары, пышныя и широкія, какъ юбки, и убранныя въ желтые и красные сафьяные сапоги съ серебря-

ными «острогами» и подковами, все это невольно бросалось въ глаза, вызывало удивленіе москвичей.

Посланцы сошли съ коней и направились къ постельному крыльцу.

— Потѣснитесь малость, господо стольники и стряпчіе! Дайте дорогу посланцамъ его ясновельможности гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и всего войска запорожскаго низоваго,—говорилъ стрѣлецкій сотникъ, проводя посланцевъ чрезъ постельное крыльцо.

— Добро пожаловать, дорогіе гости!—слышались привѣтствія среди толпившихся на крыльцѣ.

Посланцы вступили въ переднюю, а изъ нея введены были въ столовую избу предъ лицо государя. Ихъ встрѣтилъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Бояре, чинно сидѣвшіе въ избѣ и почтительно уставившіе брады свои и очи въ свѣтлыя очи «тишайшаго», также чинно повернули брады свои и очи къ вошедшимъ. Полное, добродушное лицо царя и особенно глаза его освѣтились едва замѣтною привѣтливою улыбкой.

Посланцы низко поклонились и двумя пальцами правыхъ рукъ дотронулись до полу. Это они ударили челомъ великому государю, по этикету. Но всѣ молчали.

Тогда выступилъ Алмазъ Ивановъ и, обратясь къ лицу государя, громко возгласилъ:

— Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Запорожскаго гетмана Ивана Брюховецкаго посланцы, Гарасимъ Яковлевъ съ товарищи, вамъ, великому государю, челомъ ударили и на вашемъ государскомъ жалованьѣ челомъ бьютъ.

Посланцы снова ударили челомъ.

— Гарасимъ! Павелъ!—снова возгласилъ дьякъ, обращаясь уже къ посланцамъ.—Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ: тебѣ, Гарасиму, отласъ гладкой, камка, сукно лундышъ, два сорока соболей да денегъ тридцать рублевъ.

Герасимъ ударилъ челомъ на государскомъ жалованьѣ и поправилъ оселедецъ, который, словно дѣвичья коса, перевѣсился съ бритой головы на крутой лобъ запорожца.

— А тебѣ, Павлу,—продолжалъ дьякъ, обращаясь къ Павлу

Абраменку, товарищу Герасима,—тебѣ отласъ, сукно лундышъ сорокъ соболей да денегъ двадцать рублевъ.

И Абраменко ударилъ челомъ.

— А васъ, запорожскихъ казаковъ (это дьякъ говорилъ уже остальнымъ тремъ запорожцамъ, стоявшимъ позади посланцевъ) и твоихъ посланныхъ людей (это опять къ Герасиму) царское величество жалуетъ своимъ государскимъ жалованьемъ отъ казны.

И остальные ударили челомъ.

Царь, сидѣвшій до этого времени неподвижно въ своемъ золотомъ одѣяніи, словно икона въ золотой ризѣ, повернулъ лицо къ Алмазу Иванову и тихо проговорилъ:

— Сказывай наше государское слово.

И дьякъ возгласилъ заранѣе приготовленную и одобренную царемъ и боярами рѣчь.

— Гарасимъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ вамъ сказати: пріѣзжали есте къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, по присылкѣ гетмана Ивана Брюховецкаго и всего войска запорожскаго съ листомъ. И мы, великій государь, тотъ листъ выслушали, и гетмана Ивана Брюховецкаго и все войско запорожское, за ихъ службу, что о нашей царскаго величества милости ищутъ, жалуемъ, милостиво похваляемъ и, пожаловавъ васъ нашимъ царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить къ гетману и ко всему войску запорожскому. И посылаемъ съ вами къ гетману и ко всему войску запорожскому нашу царскаго величества грамоту. Да къ гетману-жъ и ко всему войску запорожскому посылаемъ нашего царскаго величества ближняго стольника Родіона Матвѣевича Стрѣшнева да дьяка Мартемьяна Бредихина. И какъ вы будете у гетмана, у Ивана Брюховецкаго, и у всего войска запорожскаго, и вы ему, гетману, и всему войску запорожскому нашу царскаго величества милость и жалованье разскажите.

Проговоривъ это, Алмазъ Ивановъ, по знаку царя, приблизился къ «тишайшему» и взялъ изъ рукъ его грамоту, и тутъ же передалъ ее главному гетманскому посланцу, который, почтительно поцѣловавъ ее и печать на ней, бережно уложилъ въ свою объемистую шапку.

Затѣмъ дьякъ, опять-таки по знаку царя, обратился снова къ посламъ:

— Гарасимъ! Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ, посланцевъ гетмана и всего войска запорожскаго, къ рукѣ.

«Гарасько-бугай», какъ его дразнили въ Запорожьѣ товарищи за его воловью шею и за такое же воловье здоровье, тихо но грузно ступая по полу своими желтыми сафьянными сапожищами съ серебряными острогами, приблизился къ ступенямъ, которыя вели къ государеву сидѣнью, осторожно поставилъ ногу на первую ступень, какъ бы боясь, что она не выдержитъ воловьяго груза, потомъ на вторую и, перегнувшись всѣмъ своимъ массивнымъ корпусомъ, бережно приложился къ бѣлой, пухлой, «якъ у матушки-игуменьи» (подумалъ онъ про себя), выхоленной царской рукѣ, словно къ плащаницѣ. За нимъ приложились и остальные посланцы. Только послѣдній изъ нихъ, Михайло Брейко, поцѣловавъ царскую руку и почтительно пятясь назадъ, оступился на ступенькѣ и грузно повалился на полъ у подножія государскаго сидѣнья.

— Оце лихо! Николи съ коня не падавъ, а тутъ, бачъ, упавъ!—невольно вырвалось у него.

Наивность запорожца разсмѣшила «тишайшаго», а за нимъ разсмѣялась и вся столовая-изба.

Молодецъ, однако, скоро оправился и сталъ на свое мѣсто, а дьякъ Алмазъ снова выступилъ съ отпускной рѣчью.

— Гарасимъ!—возгласилъ онъ.—Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ, въ стола мѣсто кормъ.

Посланцы въ послѣдній разъ ударили челомъ на государевѣ жалованьѣ, на корму, и удалились.

— Какіе молодцы!—весело сказалъ Алексѣй Михайловичъ, когда за казаками затворилась дверь.—Съ такимъ народомъ любо жить въ братской пріязни и любительствѣ.

Въ это время изъ-за широкихъ боярскихъ спинъ, съ задней скамьи, поднимается стройный молодой человѣкъ и выступаетъ на середину избы. Одежда на немъ была богатая, изысканная, какую носила тогдашняя золотая молодежь. Изъ-подъ кафтана

темно-малиноваго бархата ярко выдѣлялся зипунъ изъ бѣлаго атласа съ рукавами изъ серебряной объяри; къ вороту зипуна пристегнута была высокая, шитая, разукрашенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями «обнизь», родъ стоячаго воротника. Кафтанъ, скорѣе кафтанецъ, на немъ былъ такой же щегольской: запястья у рукавовъ кафтанца были вышиты золотомъ, по которому сверкали крупныя зерна жемчуга, а разрѣзъ спереди кафтана и подолъ оторочены были золотою узкою тесьмою съ серебрянымъ кружевомъ; шелковые шнуры съ кистями и массивныя пуговицы съ изумрудами дѣлали кафтанецъ еще нарядпѣе.

При видѣ нарядпаго молодого человѣка Алексѣй Михайловичъ привѣтливо улыбнулся. Тотъ истово ударилъ челомъ, по-божески: поклонился до земли и коснулся лбомъ пола.

— А, это ты, Иванъ Воинъ,—привѣтствовалъ его государь.

Молодой человѣкъ поднялся съ полу и откинулъ назадъ курчавые волосы. Лицо его рдѣло отъ смущенія, хотя онъ и отвѣтилъ улыбкой на улыбку царя.

— На отпускъ пришелъ?—спросилъ послѣдній.

— На отпускъ, великій государь,—былъ отвѣтъ.

Алексѣй Михайловичъ обратился къ Алмазу Иванову:

— Все готово къ отъѣзду?

— Все, великій государь,—отвѣчалъ дьякъ,—все въ посольскомъ приказѣ.

— И грамоты къ посламъ, и наша царская казна?

— Все, великій государь, какъ ты указалъ и бояре приговорили.

— Хорошо. Поѣзжайте же (Алексѣй Михайловичъ обратился къ молодому человѣку), поѣзжай съ Богомъ, да кланяйся отъ меня отцу. Простись со мной и ступай съ Богомъ.

Молодой человѣкъ поднялся къ царскому сидѣнью и горячо поцѣловалъ государеву руку. Алексѣй Михайловичъ поцѣловалъ его въ голову, какъ родного сына.

— Учись у отца служить намъ, великому государю,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ столовой избы весь взволнованный.

II. А соловей-то заливается!..

Вечеромъ того же дня, съ котораго началось наше повѣствованіе, по одному изъ глухихъ проулковъ, выходившихъ къ Арбату, осторожно пробиралась закутанная въ теплый охабень, высокая фигура мужчины. Легкая соболевая шапочка такъ была низко надвинута къ самымъ бровямъ, и воротъ охабня такъ поднятъ и съ затылка, и выше подбородка, что лицо незнакомца трудно было разглядѣть. По всему видно было, что онъ старался быть незамѣченнымъ и неузнаннымъ. По временамъ онъ осторожно оглядывался, не видать ли кого-либо сзади. Но переулокъ, скорѣе проулокъ, былъ слишкомъ глухъ, чтобъ по немъ часто могли попадаться пѣшеходы, особливо же въ такой поздній часъ, когда Москва собиралась спать или уже спала.

Но сѣверныя весеннія ночи—предательскія ночи. Онѣ не для тайныхъ похожденій: ни для воровъ, ни для влюбленныхъ. Впрочемъ, глядя на нашего незнакомца, смѣло можно было сказать, что это не воръ, а скорѣе политическій заговорщикъ или влюбленный.

По обѣимъ сторонамъ проулка, по которому пробирался таинственный незнакомецъ, тянулись высокіе каменные заборы, съ прорѣзями наверху, оканчивавшіеся у Арбата и загибавшіеся одинъ вправо, другой влѣво. И тотъ, и другой заборъ составляли ограды двухъ боярскихъ домовъ, выходившихъ на Арбатъ При обоихъ домахъ имѣлись тѣнистые сады, поросшіе липами кленами, березами и высокими рябинами, только на-дняхъ начавшими покрываться молодою яркою листвою. Изъ-за высокой ограды сада, тянувшагося съ правой стороны, по которой пробирался ночной гость, неслись переливчатыя трели соловья. Незнакомецъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться. Но не трели соловья заставили его остановиться: до его слуха донесся черезъ ограду тихій серебристый женскій смѣхъ.

— Это она,—беззвучно прошепталъ незнакомецъ,—видно, что ничего не знаетъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился у едва замѣтной калитки, продѣланной въ оградѣ праваго сада. Онъ еще разъ остановился и прислушался. Изъ-за ограды слышно было два голоса.

— Только съ мамушкой... Господи, благослови!

Тихо, тихо щелкнулъ ключъ въ замочной скважинѣ, и калитка беззвучно отворилась, а потомъ также беззвучно закрылась. Незнакомецъ исчезъ. Онъ былъ уже въ боярскомъ саду.

Русскія женщины, особенно жены и дочери бояръ XVI и XVII вѣка, жили затворницами. Онѣ знали только теремъ да церковь. Ни жизни, ни людей онѣ не знали. Но люди вездѣ и всегда люди, подчиненные законамъ природы. А природа вложила въ нихъ врожденное, роковое чувство любви. Любили люди и въ XVII вѣкѣ, какъ они любятъ въ XIX и будутъ любить въ XX и даже въ двухсотомъ столѣтіи. А любовь, это божественное чувство, всемогуща: передъ нею безсильны и уединенные терема, и «свейскіе замки», считавшіеся тогда самыми крѣпкими, и высокія ограды, и даже монастырскія стѣны.

А если люди любятъ, а любовь божественная тайна, то они и видятся тайно, находятъ возможность свиданій, несмотря ни на какія грозныя препятствія.

Недаромъ юная Ксенія Годунова, заключенная въ царскомъ терему и ожидавшая постриженія въ черницы, плакалась на свою горькую долю:

«Ино мнѣ постритчися не хочетъ,
«Чернеческаго чина не здержати,
«Отворити будетъ темна келья—
«На добрыхъ молодцовъ посмотрити»...

Хоть посмотрѣть только! Да не изъ терема даже, а изъ монастырской кельи...

— Воинушко! Свѣтъ очей моихъ! — тихо вскрикнула дѣвушка, когда, сбросивъ съ себя охабень и шапку, передъ нею, словно изъ земли, выросъ тотъ статный молодой человѣкъ, котораго утромъ мы видѣли въ столовой избѣ, и котораго царь Алексѣй Михайловичъ назвалъ Иваномъ Воиномъ.

Дѣвушка рванулась къ нему. Это было еще очень юное существо, лѣтъ шестнадцати, не болѣе. На ней была тонкая бѣлая сорочка съ запястьями, вышитыми золотомъ и унизанными крупнымъ жемчугомъ. Сорочка виднѣлась изъ-за розоваго атласнаго лѣтника съ широкими рукавами «нажапками», тоже вышитыми золотомъ съ жемчугами.

— Вотъ не ждала, не гадала...

Пришедшій молчалъ. Онъ какъ будто боялся даже загово-

рить съ дѣвушкой и потому обратился прежде къ старушкѣ-мамушкѣ, вставшей со скамьи при его появленіи.

— Здравствуй, мамушка,—тихо сказалъ онъ.

— Здравствуй, соколъ ясный! Что давно очей не казалъ?

Пришедшій подошелъ къ дѣвушкѣ. Та потянулась къ нему и, положивъ маленькія ручки ему на плечи, съ любовью и лаской посмотрѣла въ глаза.

— Что съ тобой, милый?—съ тревогой спросила она.

— Я пришелъ проститься съ тобой, солнышко мое!—отвѣчалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Какъ проститься? Для чего?—испуганно заговорила дѣвушка, отступая отъ него.

— Меня государь посылаетъ къ батюшкѣ и къ войску,—отвѣчалъ тотъ.

Дѣвушка, какъ подкошенная, молча опустилась на скамью. Съ розовыхъ щечекъ ея медленно сбѣгалъ румянецъ. Она безпомощно опустила руки, словно плети.

Теперь она глядѣла совсѣмъ ребенкомъ. Голубые ея съ длиннымъ разрѣзомъ глаза, слишкомъ большіе для взрослой дѣвушки, смотрѣли совсѣмъ по-дѣтски, а поблѣднѣвшія отъ печали губки также по-дѣтски сложились, собираясь, повидимому, плакать вмѣстѣ съ глазами.

— Для тово я такъ давно и не былъ у тебя,—пояснилъ пришедшій,—таково много было дѣла въ посольскомъ приказѣ.

Дѣвушка продолжала молчать. Пришедшій приблизился къ ней и взялъ ея руки въ свои. Руки дѣвушки были холодны.

— Наташа!—съ любовью и тоской прошепталъ пришедшій.

Дѣвушка заплакала и, высвободивъ свои руки изъ его рукъ, закрыла ими лицо.

— Наташа!—продолжалъ онъ съ глубокой нѣжностью.—Если ты любишь меня...

При этихъ словахъ дѣвушка быстро встала, какъ ужаленная.

— А ты этого не зналъ?—глухо спросила она, вся оскорбленная въ своемъ чувствѣ этимъ «если».

— Прости, радость моя! Мое сердце кровью исходитъ, умъ мутится, — быстро заговорилъ пришедшій, — силъ моихъ нѣту оторваться отъ тебя... Коли ты любишь, ты все сдѣлаешь.

Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на него. Но онъ, повидимому, не рѣшался продолжать и стоялъ, потупивъ голову,

словно бы прислушиваясь къ соловью, который изливалъ свою безумную любовь въ страстныхъ треляхъ любовной мелодіи.

— Наташа! Обвѣнчаемся нынѣ же, сейчасъ, и поѣдемъ вмѣстѣ къ батюшкѣ!—вырвалось у него признаніе, какъ порывъ отчаянія.

Дѣвушка, казалось, не поняла его сразу. Только глаза ея расширились.

— Я уже и священника знакомаго условилъ,—продолжалъ пришедшій,—я уже совершенъ возрастомъ, могу дѣлать, что Богъ на душу положитъ: а мнѣ Богъ тебя далъ, сокровище безцѣнное! Мы обвѣнчаемся и поѣдемъ къ батюшкѣ, онъ благословитъ насъ: онъ знаетъ тебя.

Безумная радость блеснула въ прекрасныхъ глазахъ дѣвушки, но только на мгновенье. Русая головка ея, отягченная огромною пепельнаго цвѣта косою, опять безпомощно опустилась на грудь.

— А мой батюшка?—съ тихимъ отчаяніемъ прошептала она.—Какъ же безъ батюшкова благословенья?

— Твой батюшка опосля благословитъ насъ.

Дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Бѣжать отай изъ дому родительскаго... отай вѣнчаться безъ батюшкова, безъ матушкова благословенья... да такова грѣха не бывывало, какъ и свѣтъ стоитъ,—говорила она словно во снѣ.

Молодой человѣкъ опять взялъ ея холодныя руки.

— Не говори такъ, Наташа. Вонъ въ польскомъ государствѣ, сказывалъ мнѣ мой учитель, изъ польской шляхты, въ ихнемъ государствѣ молодыя боярышни всегда такъ дѣлаютъ: отай повѣнчаются, а послѣ вѣнца прямо къ родителямъ: повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Ну, назадъ не перевѣнчаешь, и прощаютъ, и благословляютъ. Такъ водится и за моремъ, у всѣхъ иноземныхъ людей.

Дѣвушка грустно покачала головой.

— Али я басурманка? Али я поганая еретичка?—тихо шептала она.—Бѣглянка, соромъ-отъ, соромъ-отъ какой! Какъ же потомъ добрымъ людямъ на глаза показаться? Да за это косу урѣзать мало, такого сорому и грѣха и черненческая ряса не покроетъ.

— Наталья, не говори такъ!—недовольнымъ голосомъ перебилъ ее молодой человѣкъ.—Это все московскіе забобоны, это

тебѣ наплели старухи да потаскуши-странницы. Мы не грѣхъ учинимъ, а пойдемъ въ храмъ Божій, къ отцу духовному: коли онъ согласенъ обвѣнчать насъ, какой же тутъ грѣхъ и соромъ?.. А коли и грѣхъ, то на его душѣ грѣхъ, не на нашей. Ты говоришь, соромъ! Соромъ любить, коли самъ Спаситель сказалъ: «любите другъ друга, любитесь!» Но соромъ ли то, что мы съ тобою любилися въ этомъ саду, аки въ раю, сердцемъ радовались! Ахъ, Наташа, Наташа! Ты не любишь меня.

Дѣвушка такъ и повисла у него на шеѣ.

— Милый мой! Воинъ мой! Свѣтъ очей моихъ! Я ли не люблю тебя!

— Ты идешь со мной?

— Хоть на край свѣта!

— Наташа! Идемъ же...

— Куда, милый?—не помня себя, спохватилась дѣвушка

— Въ церковь, къ вѣнцу.

— Къ вѣнцу!—дѣвушка опомнилась.—Безъ батюшкова благословенья?

— Да, да! Нонѣ же, сейчасъ, со мной, съ мамушкой!

— Нѣтъ! Нѣтъ! — и дѣвушка въ изнеможеніи упала на скамейку.

Молодой человѣкъ обѣими руками схватился за голову, не зная, на что рѣшиться.

А соловей заливался въ сосѣднихъ кустахъ. Пѣсня его, счастливая, беззаботная, рвала, казалось, на части сердца влюбленныхъ. Мамушка сладко спала на ближайшей скамьѣ, свѣсивъ набокъ сѣдую голову.

— Наташа! Ласточка моя!—снова заговорилъ молодой человѣкъ, нагибаясь къ дѣвушкѣ и кладя руки на плечи ей. — Наташечка!

— Что, милый?—какъ бы во снѣ спросила она.

— Всемогущимъ Богомъ заклинаю тебя, святою памятью твоей матери молю тебя, будь моей женою, моимъ спасеньемъ!

— Буду, милый мой, суженый мой!

— Такъ идемъ же, разбудимъ мамушку.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не тяни моей душеньки! Охъ, и безъ того тяжко... Владычица! Сжалься.

— Такъ нейдешь?

— Милый! Суженый! О-охъ!

— Послѣднее слово: ты гонишь меня на прощанье?

— Воинушко! Родной мой! Не уходи!

Дѣвушка встала и протянула къ нему руки. Но онъ уклонился съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ.

— О! Проклятая Москва! Ты все отняла у меня... Прощай же, Наталья, княженецка дочь!—словно бы прошипѣлъ онъ.— Не видать тебѣ больше меня, прощай! Жди другого суженаго!

И, схвативъ охабень и шапку, онъ юркнулъ въ калитку и исчезъ за высокой оградой.

Дѣвушка протянула было къ нему руки и упала на-земь, какъ подрѣзанный косою полевой цвѣтокъ.

А соловей-то заливается!..

III. Батюшка и сынокъ.

Молодой человѣкъ, собиравшійся похитить дѣвушку изъ родительскаго дома и такъ презрительно отзывавшійся о московскихъ обычаяхъ, былъ сынъ извѣстнаго въ то время царскаго любимца Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, по имени Воинъ.

Воинъ представлялъ собою только что нарождавшійся тогда въ московской Руси типъ западника. До нѣкоторой степени западникомъ былъ уже и отецъ его, любимецъ царя, Аѳанасій.

За нѣсколько времени до того Нащокинъ посланъ былъ на воеводство въ Псковъ, въ его родной городъ. А по тогдашнимъ обычаямъ московскимъ, воеводство это было въ буквальномъ смыслѣ «кормленіе»; такого-то послали воеводою туда-то «на кормленіе», другого—въ другой городъ, третьяго—въ третій, и все это—«на кормленіе»; и вотъ для воеводы дѣлаются всевозможные поборы, и хлѣбомъ, и деньгами, и рыбою, и дичью; даже пироги и калачи сносились и свозились на воеводскій дворъ горами.

Нащокинъ первый возсталъ противъ этихъ «приносовъ» и «привозовъ». По тому времени это уже было новшество, нѣчто даже богопротивное, съ точки зрѣнія подьячихъ и истинно-русскихъ людей.

Мало того, Нащокинъ перевернулъ въ Псковѣ вверхъ дномъ весь строй общественнаго управленія, урѣзавъ даже свою собственную, почти неограниченную, воеводскую власть.

Ему жаль было своего родного города, когда-то богатаго и могущественнаго, гордаго союзника и соперника «Господина Великаго Новгорода». Какъ пограничный городъ, стоявшій на рубежѣ двухъ сосѣднихъ государствъ — Швеціи и Польши, Псковъ еще недавно богатѣлъ отъ заграничной торговли съ этими обоими государствами. Войны послѣднихъ лѣтъ почти убили эту торговлю. Между тѣмъ вся экономическая жизнь города и его области сосредоточилась въ рукахъ кулаковъ, богатыхъ «мужиковъ-горлановъ», положительно не дававшихъ дышать остальному населенію страны.

— Я не хочу только кормиться отъ моей родины,—я самъ хочу ее кормить!—говорилъ новый воевода въ съѣзжей избѣ во всеуслышаніе.

— Какъ же ты ее, батюшка-воевода, кормить станешь?—лукаво спрашивали «мужики-горлалы».

— А вотъ какъ, господо старички: съ примѣру сторонних, чужихъ земель...

— Это съ заморщины-то, отъ нехристей?—ухмылялись въ бороды лукавые старички.

— Съ заморщины и есть: за моремъ есть чему поучиться. Такъ вотъ я и помышляю въ разумѣ, что какъ во всѣхъ государствахъ славны тѣ только торги, которые безъ пошлины учинены, то и для Пскова-города я учиню такожде: быть во Псковѣ-городѣ безпошлинному торгу разъ съ Богоявленія по день преподобнаго Евѳимія Великаго, сирѣчь по 20-е число мѣсяца января; другой разъ—съ вешняго Николы по день мученика Михаила Исповѣдника.

— Такъ, батюшка воевода, такъ! Да какая же намъ-отъ съ той безпошлины корысть будетъ, да и казнѣ-матушкѣ?—лукаво спрашивали горланы-мужики, по нынѣшному консерваторы.

— А вотъ какая корысть! То, что вы нонѣ, стакавшись промежъ себя, продаете въ тридорога молодшимъ и чорнымъ людямъ и рольникамъ, то у иноземныхъ гостей они купятъ за полцѣны.

— Что-жъ, батюшка-воевода, это корысть токмо подлымъ людишкамъ, смердьему роду, а казнѣ-матушкѣ пошлинная деньга плакала,—твердили свое старыя лисицы.

— И казну не обойду,—отражалъ ихъ доводы ловкій воевода.—Нонѣ, вѣдомо вамъ буди, по всей матушкѣ Русіи торговые люди плачутъ на иноземныхъ гостей: гости-де, стакавшись промежъ себя, какъ и вы вотъ, мошной своей, а у нихъ мошна не

вашей чета, мошной своей всѣхъ нашихъ торговыхъ людей задавили. Вы сами не лѣвой ногой сморкаетесь...

— Хе-хе-хе!—отвѣчали на шутку воеводы старики.—Шутникъ ты!

— Нѣтъ, я не шучу, а вы сами вѣдаете, что иноземные гости, чтобы проносить ложку съ русской кашей помимо вашихъ ртовъ, стакались съ вашимъ же братомъ, которые побѣднѣе, задаютъ имъ деньги впередъ, на вѣру, а то и по записи, и на эти-то деньги вашъ братъ, который побѣднѣе, и скупаетъ на торгахъ, и по пригородамъ, и по селамъ товаръ малою цѣною, и все это имъ же, толстосумымъ гостямъ. Вотъ отъ такого-то неудержанія русскіе люди на иноземцевъ, на ихъ корысть, торгуютъ ради скуднаго прокормленія и оттого въ послѣднюю скудость приходятъ, а которые псковичи и свои животы имѣли, то и они отъ своихъ же сговорщиковъ съ нѣмцами для низкой цѣны товаровъ также оскудѣли.

— Правда, истинная правда, бояринъ, — соглашались старички и удивлялись,—и откуда это ты, бояринъ, въ нашемъ торговомъ дѣлѣ таково сталъ дотошенъ.

— Откуда? Я не изъ княжаго роду, не изъ богатыхъ бояръ: знавалъ и я, почемъ ковшъ лиха, да и понѣ цѣны тому ковшу не забылъ.

— Такъ-такъ... Да какъ же ты, бояринъ, этого ковша изведешь, чтобы насъ, то есть, нѣмцы не заѣдали?

— А вотъ какъ: чтобы не было такого тайнаго сговора съ нѣмцами, чтобы маломочные псковичи не брали у нихъ въ подрядъ денегъ и не роняли цѣны русскимъ товарамъ, вы, старички и молодшіе, лутчіе торговые люди, распишите сами, по свойству и по знакомству, во Псковѣ-городѣ и по пригородамъ, всѣхъ маломочныхъ людей, распишите ихъ по себѣ, и вѣдайте ихъ торговлю и промыслы, а во мѣсто того, что они брали деньги у нѣмцевъ и на нихъ работали, на ихъ колеса воду лили, будемъ давать имъ ссуду изъ земской избы. Когда такимъ изворотомъ маломочные люди на земскія деньги накупятъ товару, то пущай везутъ его во Псковъ, къ примѣру, въ декабрѣ мѣсяцѣ, сдаютъ товаръ въ земскую избу, въ амбары, гдѣ и записываются всѣ подвозы въ книги, а вы, лутчіе люди, должны принимать тотъ товаръ каждый у своего, кто за кѣмъ записанъ, и давать имъ цѣну съ наддачею для прокормленія, и чтобы къ маю мѣсяцу они накупали новыхъ товаровъ, къ самому никольскому торгу; послѣ же торгу вы, лут-

чіе люди, продавши товары сваломъ иноземцамъ, должны заплатить маломочнымъ людямъ ту цѣну, по какой сами продали.

— Ну, и дока же нашъ воевода,—твердили послѣ этого псковичи.

Но Нащокинъ въ своихъ преобразованіяхъ пошелъ еще дальше, урѣзавъ свою собственную власть, и опять-таки по образцу западному, «съ примѣру стороннихъ, чужихъ земель».

Собравши въ земской избѣ всѣхъ «лутчихъ людей» Пскова онъ держалъ къ нимъ такую рѣчь:

— Госпо́до псковичи, лутчіе люди! Увѣрились ли вы, что я хочу добра Пскову-городу?

— Увѣрились! Увѣрились!—послышались голоса.—Въ торговомъ дѣлѣ ты уже утеръ носа нѣмцамъ.

— Спасибо! Такъ сотворите теперь сами доброе дѣло Пскову городу и пригородамъ. Доселѣ воевода судилъ васъ во всѣхъ дѣлахъ и обидахъ; но воевода не всевѣдущъ; вы свои дѣла и обиды лучше знаете. Такъ выберите изъ себя пятнадцать человѣкъ добрыхъ людей на три года, чтобы изъ нихъ каждый годъ сидѣло въ земской избѣ по пяти человѣкъ. Эти пятеро выборныхъ должны судить посадскихъ людей во всѣхъ торговыхъ и обидныхъ дѣлахъ, а ко мнѣ, къ воеводѣ, отводить только въ измѣнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Ежели же случится тяжба между дворяниномъ и посадскимъ, то судить дворянину, кто будетъ у судныхъ дѣлъ, съ выборными посадскими людьми. Пошлины же съ судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ пятью выборными, держать въ земской избѣ для градскихъ расходовъ. Люба-ли вамъ моя рѣчь? — закончилъ воевода.

— Люба-то, люба, только дай намъ малость подумать,— былъ отвѣтъ.

— Думайте, думайте.

За этими думами Псковъ раздѣлился на двѣ партіи: меньшіе люди всѣ примкнули къ «новшеству» Нащокина, «лутчіе» уперлись на старинѣ, что для нихъ было выгоднѣе.

Такъ и въ иномъ другомъ Нащокинъ шелъ нѣсколько впереди своего вѣка. За это его и не любили старые бояре и подъячіе.

Оттого, когда сегодня утромъ молодой Нащокинъ, Воинъ, шелъ изъ столовой избы черезъ переднюю, его провожало злобное шипѣнье приверженцевъ старины:

— Вонъ, изъ молодыхъ да ранній, весь въ батюшку.

— А что батюшка! Отъ него старымъ людямъ житья нѣтъ: все бранится, всѣхъ укоряетъ... все, по его, дѣлается не хорошо... толкуетъ о новыхъ порядкахъ, что въ чужихъ земляхъ!

— Знамо! А каки-таки эти порядки? Что онъ завелъ во Псковѣ? Пріѣдетъ воевода въ городъ, а ему тамъ и дѣлать нечего, всѣмъ владѣютъ мужики!

— Да что-жъ будешь дѣлать! Великій государь его жалуетъ: грамоты шлетъ ему прямо изъ приказа тайныхъ дѣлъ, такъ всякому бы можно писать великому государю, что хочетъ, обносить, кого хочетъ, никто не свѣдаетъ.

— И чему дивиться! Былъ бы изъ честнаго стараго роду, а то откуда взятъ?

— Умный человѣкъ!—ядовито замѣчаетъ кто-то.

— Умный! Никто у него ума не отнимаетъ, да какъ будто всѣ другіе глупы?

— Ну, а сынокъ, поди, шагнетъ еще выше! Вонъ и сейчасъ у великаго государя у ручки былъ.

Дѣйствительно, сынокъ пошелъ дальше отца, только нѣсколько въ другомъ родѣ.

Во многомъ приверженецъ Запада и его общественныхъ порядковъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, проникнутый благоговѣніемъ къ европейскому образованію, пожелалъ и сыну своему, Воинькѣ, дать по возможности отвѣдать этого роскошнаго плода. Но какія были средства для этого въ тогдашней московской Руси? Ни университетовъ, которыми давно гордилась Европа, ни высшихъ, даже среднихъ образовательныхъ училищъ, ни даже учителей, ничего этого не было на Руси. Даже для царскихъ дѣтей приходилось брать учителей изъ Малороссіи. Но Малороссію Орднъ-Нащокинъ не любилъ. Онъ былъ приверженецъ монархическихъ порядковъ. Не будучи самъ знатнаго рода, онъ душою льнулъ къ древней родовитости, къ аристократизму. Онъ презрительно отзывался даже о Голландіи и ея республиканскомъ управленіи.

— Голландцы, это наши псковскіе и новгородскіе мужики-вѣчники, тѣ же горланы!—отвѣчалъ онъ Алексѣю Михайловичу, когда тотъ желалъ знать его мнѣніе о союзѣ французскаго и датскаго королей съ голландцами противъ Англіи.

Понятно, что онъ не долюбливалъ и Малороссію съ ея выборнымъ началомъ.

— Эти хохлатые люди еще почище нашихъ вѣчевыхъ гор-

лановъ!—говорилъ онъ о запорожскихъ казакахъ.—Они своихъ кошевыхъ атамановъ и гетмановъ кіями бьютъ, словно своихъ воловъ.

Зато сердце его лежало къ полякамъ, къ аристократической націи, по преимуществу.

И вотъ изъ поляковъ, попавшихъ къ русскимъ въ плѣнъ, Ординъ-Нащокинъ выбралъ учителей для своего балованнаго сына Воина. Неудивительно, что, вмѣстѣ съ мечтательной любовью къ Западу, учителя эти посѣяли въ сердцѣ своего пылкаго и впечатлительнаго ученика презрѣніе къ Москвѣ, къ ея обычаямъ и порядкамъ, даже къ ея вѣрованіямъ. Все московское было для него или смѣшно, или противно.

Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ воззрѣній на жизнь онъ рѣшился на самый отчаянный по тому времени шагъ—похитить любимую имъ дѣвушку. Однако, всѣ усилія его разбились въ прахъ объ унаслѣдованное московской боярышней отъ матерей и бабушекъ понятіе о женской чести и стыдливости. Ни любовь, ни страхъ вѣчной разлуки, ни страданія оскорбленнаго чувства, ничто не могло заставить дѣвушку переступить роковую грань обычая. Она не перенесла страшнаго момента разлуки, и потеря сознанія облегчила на нѣсколько минутъ ея муки, ея ужасное горе, первое послѣ потери матери, великое горе въ ея молодой жизни.

Когда она пришла въ себя, то увидѣла склонившееся надъ нею ужасомъ искаженное лицо мамушки.

— Гдѣ онъ? Что съ нимъ?—были первыя ея слова.

— Не знаю, дитятко, словно онъ сквозь землю провалился. А что съ тобой, мое золото червонное?

— Я ничего не помню, мамушка: только онъ сказалъ, что мы больше съ нимъ не увидимся.

— Ахъ, онъ злодѣй! Да, какъ же это такъ?—встревожилась старушка.—Что тутъ у васъ вышло? Чѣмъ онъ тебя обидѣлъ, ласточка моя?

— Онъ ничѣмъ меня не обидѣлъ: онъ только сказалъ, что намъ больше не видаться на семъ свѣтѣ.

Дѣвушка молчала. Даже старой мамкѣ своей она не могла выдать того, что она считала святою, великою тайной.

А соловей все заливался...

IV. Таинственное исчезновеніе молодого Ордина- Нащокина.

Прошло недѣли двѣ послѣ 5-го мая, и по Москвѣ, среди бояръ и придворныхъ, разнеслась вѣсть, что молодой Ординъ-Нащокинъ, Воинъ, пропалъ безъ вѣсти.

Стало также извѣстно, что царь лично отправилъ его съ важными бумагами и большою суммою денегъ къ отцу, который вмѣстѣ съ другими боярами, съ Долгорукими и Одоевскимъ, находился на польскомъ рубежѣ для переговоровъ съ польскими послами о мирѣ.

Одни говорили, что молодой Нащокинъ кѣмъ-либо на дорогѣ былъ убитъ и ограбленъ. Враги же Нащокиныхъ распускали слухъ, что Воинъ, прельстясь деньгами, которыя были ему довѣрены царемъ, и будучи ученикомъ коварныхъ польскихъ панковъ, съ царскими денежками и съ важными бумагами улизнулъ за рубежъ и тамъ протираетъ глаза этимъ денежкамъ.

Извѣстіе объ исчезновеніи молодого Нащокина, естественно, очень смутило Алексѣя Михайловича, и онъ тоже началъ думать, что молодой человѣкъ былъ увлеченъ въ сѣти злоумышленниками и погибъ безвременно. Онъ даже упрекалъ себя въ томъ, что далъ серьезное порученіе такому неопытному юношѣ и ему же довѣрилъ значительную сумму денегъ. Алексѣй Михайловичъ тотчасъ приказалъ отправить гонцовъ во всѣ концы; но все напрасно: молодой человѣкъ словно въ воду канулъ.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть дѣвушку, съ которою онъ видѣлся наканунѣ отъѣзда изъ Москвы. Она винила себя въ гибели своего возлюбленнаго. Точно окаменѣлая бродила она по переходамъ своего терема и по саду, гдѣ видѣла его въ послѣдній разъ, и гдѣ, казалось, на дорожкѣ, ведущей отъ скамейки къ калиткѣ, оставались еще слѣды его ногъ. Какъ безумная припадала она къ этимъ кажущимся слѣдамъ и все звала своего милаго. Она глухо кляла теперь и свой напрасный страхъ, свою нерѣшительность. Что для нея людскіе толки и пересуды, еслибъ около нея былъ ея суженый? Тогда она боялась итти съ нимъ подъ вѣнецъ, а теперь съ нимъ охотно бы пошла на плаху. Зачѣмъ же ей теперь жить? Для кого? Вѣдь только для него свѣтило это солнце, для него синѣлъ этотъ сводъ неба, для него раздавались эти трели соловья. А соловей пѣлъ и тогда, въ тотъ чудный и ужасный вечеръ, когда она, безумная, оттолкнула его отъ себя.

Она не могла даже плакать, не могла молиться. По цѣлымъ часамъ она сидѣла на той скамейкѣ, на его мѣстѣ, неподвижная, холодная.

Старая мамушка насильно увела ее изъ саду и уложила въ постель. Къ вечеру дѣвушка вся разгорѣлась, а ночью бредила, говорила безсвязныя слова или вздрагивала, прислушиваясь къ тролямъ соловья.

Больше недѣли оставалась она такимъ образомъ между жизнью и смертью. По ней служили молебны, кропили ее крещенскою водой, къ ней приносили изъ церквей чудотворныя иконы, приводили знахарокъ со всей Москвы. Все напрасно!

Страшно поразило отца исчезновеніе любимаго сына. Онъ также думалъ, что его Воинъ погибъ отъ руки злоумышленниковъ. Въ нѣсколько дней онъ осунулся, постарѣлъ. Переговоры его съ польскими послами о мирѣ шли вяло, онъ, казалось, утратилъ сразу и умъ, и энергію, и находчивость, и даръ слова, которому прежде всѣ завидовали.

Между тѣмъ розыски пропавшаго безъ вѣсти производились самымъ тщательнымъ образомъ. Изслѣдованъ былъ весь путь отъ Москвы вплоть до польскаго рубежа, до того мѣстечка надъ рѣкою Городнею, гдѣ отецъ пропавшаго, Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ, и другіе русскіе послы вели переговоры съ польскими комиссарами о мирѣ. Разспрашивали въ каждомъ попутномъ селѣ, въ каждой деревенькѣ, по кабакамъ и корчмамъ, не проѣзжалъ ли въ такіе-то и такіе-то дни такой-то, на такой-то лошади, съ такими-то примѣтами. И почти вездѣ отвѣчали, что видѣли такого-то, проѣзжалъ-де, а кто такой, того не вѣдаютъ. И вдругъ слѣдъ его пропалъ какъ разъ у рубежа, въ пограничномъ лѣсу, гдѣ змѣились три расходившіяся въ разныя мѣста дорожки. Тутъ онъ исчезъ безслѣдно. За рубежомъ, на польской землѣ, его уже не видали.

Какъ и чѣмъ объяснить это таинственное исчезновеніе? Всѣ теряли головы, и никто не могъ ничего придумать.

Несчастный отецъ остановился на одной ужасной мысли: сына его убили.

Но гдѣ убійцы? Кто? Для чего? Для грабежа? Но кто зналъ, что у него деньги? Вѣдь гонцы часто ѣздили и изъ Москвы, и въ Москву, и ни одинъ не пропалъ. Пропалъ его единственный сынъ, гордость и утѣха его старости, его надежды!

Онъ убитъ, и Аѳанасій знаетъ, кто его убійцы. Враги отца, завистники—они наложили злодѣйскую руку на его сына. Они видѣли, какъ 5-го мая великій государь жаловалъ его къ рукѣ. Они знали, куда онъ ѣдетъ и съ какими порученіями. Съ нимъ были бумаги изъ ненавистнаго имъ приказа тайныхъ дѣлъ. Надо захватить эти бумаги и отмстить высокомѣрному отцу въ его единственномъ сынѣ.

Они подослали убійцъ къ невинной жертвѣ. За нимъ слѣдили по пятамъ до самаго рубежа, и въ послѣднюю ночь въ этомъ порубежномъ лѣсу убили, зарѣзали!

Но гдѣ же трупъ несчастнаго? Трупъ зарыли или бросили въ Городню съ камнемъ на шеѣ.

«Это тебѣ, Аѳанасій, за твою гордыню, за царскія милости, за приказъ тайныхъ дѣлъ!».

Вотъ что теперь они говорятъ промежъ себя, усмѣхаясь въ бороды. А у Аѳанасія сердце кровью исходитъ, мозгъ сохнетъ подъ черепомъ.

Недаромъ этотъ «Тараруй», князь Хованскій, все теперь передѣлываетъ на свой ладъ во Псковѣ, что сдѣлалъ тамъ онъ, Аѳанасій. Такъ этого мало, надо сына отнять!

Хоть бы кости его найти да похоронить по-христіански!

И Нащокина часто видѣли бродящимъ въ лѣсу, гдѣ, онъ былъ увѣренъ, зарѣзали его сына.

Разъ онъ набрелъ тамъ на старика, сдиравшаго лыки на лапти.

— Здравствуй, старичокъ!—сказалъ онъ. — Богъ въ помощь. Ты здѣшній будешь?

Старикъ былъ глуховатъ и не разслышалъ словъ незнакомаго боярина. Онъ только кланялся. Нащокинъ заговорилъ громче и повторилъ свой вопросъ.

— Тутошній, тутошній, батюшка бояринъ,—отвѣчалъ старикъ,—грѣшнымъ дѣломъ лычки деру на лапотки, только лапотками и кормлюсь.

— Доброе дѣло, — ласково заговорилъ Нащокинъ, — Богъ труды любитъ.

— Чаво баишь, бояринушко?—не разслышалъ старикъ.

— Богъ, говорю, любитъ труды, а ты вотъ трудишься.

— Тружусь, батюшко, кормлюсь лапотками. А ты, чаю, на зайчика?

— На зайчика, дѣдушка.

— Воръ зайчикъ, молоденьку корочку грызетъ, божье деревцо портитъ зря.

— А что, дѣдушка, не опасно здѣсь на рубежѣ, въ лѣсу? Не шалятъ, бываетъ, польскіе, а то и русскіе людишки тутъ?

— Бываетъ, батюшко, бываетъ, пошаливаютъ.

— И убивства случаются?

— Попущаетъ Богъ, убиваютъ. Вотъ и нынѣшней весной, сказывали, убили тутъ боярскаго сынка.

Нащокина словно что ударило подъ сердце.

— Боярскаго сына, говоришь, убили? — спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Убили, боляринушко, попустилъ Богъ. Я, поди, и злодѣевъ-ту этихъ видѣлъ, да невдомекъ мнѣ было, что это злодѣи. Опосля ужъ смекнулъ, да поздно.

— Разскажи же, дѣдушка, когда и какъ это дѣло было?— Нащокинымъ овладѣло страшное волненіе. — Припомни, дѣдушка: можетъ, злодѣи и сыщутся.

— А такъ было дѣло, боляринушко. Однова этта весной, передъ вешнимъ Миколой, замѣшкался я въ лѣсу съ лычками, ночь захватила.

— Такъ передъ вешнимъ Миколой, говоришь?—переспросилъ Нащокинъ.—«Такъ, передъ Николой и должно быть»,— съ ужасомъ соображалъ онъ.—Ну, что же?

— Позамѣшкался я этта тады въ лѣсу, надралъ лычекъ эдакъ свѣженькихъ охапочку, да грѣшнымъ дѣломъ и ковыляю домой. Анъ глядь, вонъ тамъ изъ лѣсу и выѣзжаютъ на коняхъ невѣдомые люди да туда вонъ прямо за рубежъ и повѣялись.

— Трое, говоришь?

— Трое, боляринушко, трое.

— А обличья ты ихъ не разглядѣлъ?

— Гдѣ разглядѣть, батюшко! Далече ѣхали. А что меня въ сумлѣнье ввело, батюшка, такъ конь у нихъ, у злодѣевъ, лишній: два, какъ и слѣдъ, верхами, а одинъ-отъ злодѣй одвуконь, другово-ту коня въ поводу велъ. Для-че имъ лишній конь? Знамо, не ихъ конекъ, а изъ-подъ тово боярскаго сынка, что они, злодѣи, убили въ лѣсу и ограбили: теперича этта я такъ мекаю, а тады и невдомекъ было: украли, думаю, конька, злодѣя, да и за рубежъ.

А дѣло-ту вышло во-како: душегубство, а окаянныхъ-ту злодѣевъ и слѣдъ, чу, простылъ.

Теперь для Нащокина стало несомнѣннымъ, что то были убійцы его сына, убійцы, подосланные его врагами изъ Москвы. Ясно, что они слѣдили за нимъ по пятамъ, до самаго польскаго рубежа, и тутъ, совершивъ свое гнусное злодѣяніе, перебрались за рубежъ, чтобъ воротиться въ Москву уже другою дорогою. Лошадь убитаго они не могли оставить въ лѣсу, а увели ее съ собою и, вѣроятно, продали въ какомъ-нибудь польскомъ мѣстечкѣ.

Нащокинъ далъ старику нѣсколько алтыновъ и пошелъ къ тому мѣсту лѣса, гдѣ, по его мнѣнію, былъ убитъ его сынъ. Но и тамъ не нашелъ онъ никакихъ слѣдовъ преступленія, ни подозрительной насыпи, ни слѣдовъ борьбы или насилія.

А лѣсъ между тѣмъ жилъ полною жизнью, какою только можетъ жить природа въ весеннее время, когда говоромъ и любовнымъ шепотомъ, кажется, звучитъ отъ каждаго куста, когда говорятъ вѣтви и листья на деревьяхъ и трава съ цвѣтами шелеститъ любовнымъ шепотомъ. Все такъ полно жизни, блеска и радости, все дышетъ любовью и счастьемъ, которое слышится въ этомъ неумолчномъ говорѣ птицъ, въ этомъ жужжаньи пчелъ, въ этомъ беззаботномъ гудѣніи и какомъ-то дѣтскомъ лепетѣ неуловимыхъ глазомъ живыхъ тварей, и среди этой жизни, среди этого блаженства природы—смерть, наглая ужасающая смерть въ самомъ расцвѣтѣ молодой жизни!

— И за что, Боже правый! — шепталъ несчастный старикъ.—Не за его, за мои прегрѣшенія! За что его, а не меня, Господи!

Онъ упалъ лицомъ въ траву и беззвучно заплакалъ.

А надъ нимъ было такое голубое небо, такое ласковое утреннее солнце.

V. Въ своей семьѣ.

На Москвѣ между тѣмъ дѣла шли своимъ порядкомъ.

Патріархъ Никонъ, поссорясь съ царемъ, давно сидѣлъ безвыѣздно въ Воскресенскомъ монастырѣ и на всѣ попытки государя примириться съ нимъ отвѣчалъ глухимъ ворчаніемъ. Алексѣй Михайловичъ съ своей стороны, мѣшая государственныя дѣла съ бездѣльемъ, тѣшилъ себя тѣмъ, что, проживая въ селѣ Коло-

менскомъ, отъ скуки каждое утро купалъ въ пруду своихъ стольниковъ, если кто изъ нихъ опаздывалъ къ царскому смотру, то есть къ утреннему выходу *).

Но сегодня почему-то не занимало его это купанье стольниковъ. Онъ вспоминалъ о своемъ бывшемъ «собинномъ» другѣ Никонѣ, и его грызло сознаніе, что онъ былъ слишкомъ суровъ съ нимъ. Но и Никонъ не хотѣлъ итти на примиреніе.

А тутъ еще это исчезновеніе молодого Ордина-Нащокина. По его винѣ онъ погибъ! Каково же должно быть бѣдному отцу?

— А все я, всему я виной,—грызла ему сердце эта мысль,— отъ меня все исходитъ, и горе, и радость... А кому радостно? Больше слезъ я вижу, чѣмъ радостей... Бѣдный, бѣдный Аѳанасій! Не пошли я малаго, онъ бы живъ теперь былъ... А то на! Обласкалъ своею милостью, и малаго не стало...

Въ такія грустныя минуты Алексѣй Михайловичъ любилъ заходить къ своей любимицѣ, къ маленькой царевнѣ Софьѣ. Она своими ласками, своимъ дѣтскимъ щебетаньемъ, развлекала его, отвлекала отъ думъ.

И Алексѣй Михайловичъ задумчиво побрелъ по переходамъ къ свѣтлицѣ своей дѣвочки.

Уже передъ дверью свѣтлицы онъ услыхалъ ея серебристый смѣхъ.

— Блаженни, — тихо, съ грустной улыбкой проговорилъ онъ,—ихъ бо есть царствіе Божіе.

И онъ тихонько вступилъ въ свѣтлицу. Отъ этого свѣтленькаго теремка, отъ всего, что онъ увидѣлъ, такъ на него и повѣяло чистотой дѣтства, невинности, счастьемъ невѣдѣнія. Дѣвочка сидѣла у стола надъ какой-то книгой и теребила свои пышные, еще не заплетенные волосы. А въ сторонкѣ, у окна, сидѣла ея мамушка и что-то вязала.

— Ахъ, мамка, какъ это смѣшно, какъ смѣшно,—повторяла дѣвочка.

— Что смѣшно, моя птичка? — вдругъ услышала она за

---

*) Государь самъ писалъ объ этомъ стольнику Матюшкину: «Извѣщаю тебѣ, что тѣмъ утѣшаюся, што стольниковъ купаю ежеутръ въ прудѣ. Іордань хорошо сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти, и по двѣнадцати человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, и иныя говорятъ: мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ»...

собою голосъ отца и вздрогнула отъ нечаянности, потому что ноги Алексѣя Михайловича, обутыя въ мягкія сафьянныя туфли, тихо ступали по коврамъ, не дѣлая ни малѣйшаго шуму.

Дѣвочка вскочила и радостно бросилась къ отцу на шею.

— Батюшка! Государь! Свѣтикъ мой!—обнимала она его, лаская руками шелковистую бороду родителя.

— Здравствуй, здравствуй, птичечка моя, ясные глазыньки!—любовно цѣловалъ и гладилъ онъ дѣвочку.—Здравствуй и ты, мамушка.

— Самъ здравствуй, свѣтикъ нашъ, царь-осударь, на многія лѣта!—кланялась мамушка.

— Что это вы тутъ смѣшное читаете?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ.—Не сказку ли какую?

— Нѣтъ, батюшка, не сказку,—отвѣчала царевна, и опять ея голосокъ зазвенѣлъ смѣхомъ, точно серебряный колокольчикъ.—Вотъ эта книга, она называется: «Книга глаголемая Лусидаріусъ или златый бисеръ» *). Тутъ обо всемъ писано, и о звѣздахъ, и о землѣ, и о зѣло дивныхъ людяхъ въ землѣ индѣйской. Вотъ послушай.

И дѣвочка нагнулась надъ раскрытою книгой, писанною полууставомъ.

— Слушай,—читала она,—«тамо есть люди, именуемые силокпеси (циклопесы—циклопы), имѣютъ только по единой ногѣ и рыщутъ борзѣе птицына летанія, а егда сядетъ или ляжетъ, тою ногою отъ зноя и отъ дождя закрывается». Какъ же это, батюшка, объ одной ногѣ?—удивленно посмотрѣла она на отца.

— А такъ, дитятко, чудеса Господни неисповѣдимы,—отвѣчалъ царь серьезно.

Дѣвочка какъ бы смутилась немножко, но снова нагнулась надъ книгой и что-то искала въ ней.

— А вотъ, смотри,—сказала она торопливо, — слушай: «тамо же есть люди безглавніи, имъ же есть очи на плечахъ, и вмѣсто устъ и носа имѣютъ на персехъ по двѣ дыры». Какъ же это батюшка? Развѣ безъ головы можно жить?—спросила она.

— Не знаю, милая; но у Бога все возможно,—задумчиво говорилъ Алексѣй Михайловичъ.—А гдѣ ты взяла эту книгу?—спросилъ онъ.

---

*) Книга эта имѣется у автора.

— Мнѣ мама дала ее почитать, а мамѣ ее подарилъ протопопъ Аввакумъ.

— Аввакумъ,—повторилъ про себя Алексѣй Михайловичъ.

Онъ опять задумался, опять что-то укоромъ подкатилось къ его сердцу. «Можетъ быть, за правду и этотъ страдаетъ»,—думалось ему,—«но гдѣ правда, гдѣ истина... Истина! Іисусъ же отвѣта не даде! Боже великій!»

При имени Аввакума онъ вспомнилъ, что этотъ мученикъ религіознаго фанатизма, по его же повелѣнію, прикованъ на цѣпь въ одной изъ келій монастыря Николы на Угрѣшу. А кто правъ? Онъ ли, Аввакумъ, Никонъ ли? Двуперстное или троеперстное сложеніе? Гдѣ же истина?

«Іисусъ же отвѣта не даде», ныло у него на сердцѣ.

Видя грустную задумчивость отца, юная царевна стала робко ласкаться къ нему, и ему представилась другая такая же сцена: юный Воинъ ласкается къ своему отцу; а теперь этотъ отецъ осиротѣлъ, и осиротилъ его онъ.

Желая отогнать мрачныя мысли, Алексѣй Михайловичъ машинально беретъ подаренную царицѣ Аввакумомъ книгу и читаетъ вслухъ:

— А, вонъ оно что! О нашей Европѣ тутъ пишется, вишь ты! Европой ее именуютъ: «Вторая часть сего міра зовется Еѳропа, яже простереся по горамъ,тамо языкъ германскій, Готеы, тамо же величайшая рѣка Дунай»...

— Вишь ты!—перебилъ онъ самъ себя.—Дунай, а мою Волгу-ту и забыли? А, може, мы не въ Еѳропѣ живемъ? Посмотримъ, что дальше будетъ (читаетъ): «а отъ моря языкъ благоизбранный и людіе храбри словенстіи, яже суть Русь»!..

— Вишь ты!—улыбнулся онъ.—Не забыли и насъ, спасибо! Ну, инъ далѣ: «таможе-бриляне», это еще что за бриляне? Не вѣмъ... «чехи, ляхи, поляки, воринганы (варяги, надо бы думать), фрязи, микіяне (такихъ не знаю), дауцы, керенгвяне (и такихъ не слыхалъ), Фрисландія, и иныя многія земли. На другой половинѣ тоя же Еѳропы земли Остерляндіи, Сунгорія, Бѣсемія, галове, греки, та страна даже до моря».

Книга такъ заинтересовала Алексѣя Михайловича, что онъ присѣлъ къ столу, а юная царевна взмостилась къ нему на колѣни и обвила рукою его шею.

— Ахъ, ты, дѣвка! Тяжелая какая стала!—ласково трепалъ

онъ волосы у дѣвочки.—И не диво, тринадцатый годокъ ужъ пошелъ.

— Нѣтъ, батюшка-царь, четырнадцатый! — поправила она отца.

— Ой-ли? Ну, совсѣмъ невѣста, пора замужъ!

— Я замужъ не хочу!

— Ну, захочешь... Сиди смирно! Посмотримъ, что тамъ далѣ книга пишетъ.

Онъ нагнулся и сталъ читать: «И земля Дамасія, въ ней же есть источникъ дивный, иже отъ него зажигаются свѣщи»...— Дивны дѣла твоя, Господи!—перебилъ онъ себя.—«Тамо и великая гора Олимпусъ, ея же высота превыше облакъ, отъ той же горы начинается земля Италія, тамо украина, именуемая Римъ»... Точно, Римъ, гдѣ напежъ живетъ... «И Галлія, Британія, тамо Венецыя, юже созда царь Ипутусъ, оттолѣ вышла рѣка Рынъ *), и течетъ по французской землѣ; подлѣ той рѣки прилежатъ мнози велицыи украины, Кастилія, Калонія (Каталонія!), Местинія, Страсборхъ, Стернъ, потомъ начнется Испанія, къ ней прилежатъ широкія страны, Картеза градъ и иные многіе. Сіе испанское государство лежитъ все подлѣ моря. Къ тому государству близъ страны, иже есть Британія и Англія, губерніи Капатосъ; изъ сихъ странъ вывозятъ злато. Тамо же на западъ край моря страна, нарицаемая Схотія: тамо пришедъ солнце отъ востокъ, скрывается; то есть мѣсто, глаголаемое западъ; тамо же въ морѣ близъ островъ, на немъ же древеса, которыя ростутъ, отнюдь не повалятся; тамо же есть Мерзлое море; въ томъ мѣстѣ толика студеность, еже тамо невозможно человѣку быти».

— Вотъ, батюшка,—перебила его Софья,—ты все воюешь съ поляками, на что они тебѣ? А ты-бъ завоевалъ намъ рай.

— Какой рай, птичка?—удивился Алексѣй Михайловичъ.

— А гдѣ великая рѣка Гангъ.

И царевна стала перелистывать книгу.

— Ахъ, все твоя борода мѣшаетъ,—отвела она рукой пушистую бороду отца,—вотъ! «Тамъ же есть люди въ велицѣй рѣцѣ Ганги (начала она читать), яже изъ рая течетъ»—видишь? изъ рая... «Тѣ люди имѣютъ овощіе, иже изъ рая пловутъ, и отъ тѣхъ овощовъ питаются живыми ядрами, а иные пищи не требуютъ, и тѣ овощи осторожно вельми у себя блюдутъ того ради, понеже

*) Рейнъ, конечно.

они зѣло боятся злосмраднаго всякаго обонянія, и тѣми овощами защищаютъ животъ свой; аще, если который изъ нихъ обоняетъ какую злосмрадную воню, а тѣхъ вышеупомянутыхъ овощевъ при себѣ имѣть не будетъ, то вскорѣ умираетъ и живъ быти не можетъ, яко рыба на сушѣ». Вотъ, видишь, гдѣ рай?

— Вижу токмо, дитятко мое, что дивныя творенія рукъ божіихъ,—задумчиво проговорилъ государь, — а гдѣ ужъ намъ, грѣшнымъ, рая достигнуть въ сей жизни! Хоть бы послѣ смерти Господь сподобилъ насъ рая пресвѣтлаго своего.

Онъ замолчалъ. Слышны были только благочестивые вздохи мамушки.

— Что, мамка, вздыхаешь?—спросилъ ее государь.

— О грѣхахъ, батюшка-царь,—отвѣчала старушка.

Послышался шорохъ атласнаго платья, и въ дверяхъ свѣтлицы показалась царица Марья Ильишна, какъ ее тогда называли, а не Ильинишна.

Софья соскочила съ колѣнъ отца и бросилась къ матери.

— Ахъ, мама! Что мы тутъ съ батюшкой читали! И объ раѣ, и объ Европѣ, и объ людяхъ безъ головъ!—торопилась, почти захлебываясь, будущая правительница русской земли.

— Гдѣ же это вы таки чудеса вычитали?—улыбалась Марья Ильишна.

А въ той книгѣ, что ты мнѣ дала, «Книга глаголемая Лусидаріусъ».

— Такъ и есть таки люди, что безъ головъ?—недовѣрчиво спросила царица.

— Есть, мама, только у нихъ очи на плечахъ, а вмѣсто устъ и носа на персяхъ по двѣ диры.

— А чѣмъ же они ѣдятъ?

— Должно быть, мама, этими дирами.

— А гдѣ они живутъ?

— Въ Индѣйской землѣ, мама. И есть тамъ люди объ одной ногѣ.

Алексѣй Михайловичъ тоже подошелъ къ царицѣ.

— Что, Маша, слышно о протопопѣ Аввакумѣ?—какъ-то робко спросилъ онъ, не смѣя взглянуть ей въ глаза.

— Во узахъ сидитъ мученикъ-святитель, на цепи у Николы на Угрѣшу!—какъ бы нехотя, но съ нервной дрожью въ голосѣ отвѣчала царица.

— Ты спосылала къ нему?

— Спосылала не разъ.

— Отъ меня?

— Отъ тебя и отъ себя: твоимъ царевымъ словомъ умоляла.

— И что-жъ онъ?

— Стоитъ такъ, цепью окованъ, руки горѣ: «не соединюсь, говоритъ, со отступниками: онъ, говоритъ, мой царь, мой! Я, говоритъ, не сведу съ высоты небесныя руки, дондеже Богъ его отдастъ мнѣ!» И ручки такъ къ небу простираетъ: «не сведу, говоритъ, рукъ съ высоты! Не сведу!» *) Это онъ къ тому, что будто тебя у него отступники отняли.

— Охъ, Маша, тяжелъ мой крестъ, крестъ царевъ!—горько покачалъ головой Алексѣй Михайловичъ.—Тяжела шапка Мономаха! Кто правъ? «Гдѣ истина?» повторяю я съ Пилатомъ: «что есть истина? Іисусъ же отвѣта не даде». Помнишь это, Маша?

И царь, задумавшись, повернулся и направился къ себѣ.

— А что молодой Ординъ-Нащокинъ? Такъ и не сыскали?—кликнула ему вслѣдъ царица.

Но Алексѣй Михайловичъ ничего не отвѣтилъ.

VI. Стенька Разинъ въ гостяхъ у Аввакума.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, было съ Аввакумомъ, котораго участь такъ горячо принималась къ сердцу всею царскою семьей, и изъ-за котораго у царя съ царицей были иногда очень горькія препирательства?

Онъ, дѣйствительно, сидѣлъ на цѣпи у Николы на Угрѣшѣ. Ему, впрочемъ, не привыкать было къ этимъ цѣпямъ, къ битью плетьми, палками, къ таскапью за волосы, за бороду.

А теперь и таскать было не за что. У него отрѣзали его святительную бороду, остригли его іерейское украшеніе, волосы.

— Видишь,—говорилъ онъ посланцу царицы, князю Ивану Воротынскому,—полюбуйся, какъ окарнали меня! Волки, а не люди: оборвали меня, горюна, словно собаки, одинъ хохолъ оставили, какъ у поляка на лбу. Да что говорить! Богъ ихъ проститъ. Я своего мученія на нихъ не спрошу, ни въ сей вѣкъ, ни въ бу-

*) «Житіе протопопа Аввакума». Изд. проф. Тихонравова.

дущій и буду молиться о нихъ, о живыхъ и о преставльшихся. Діаволъ между нами разсѣченіе положилъ.

Теперь онъ былъ одинъ въ своей темницѣ, лежалъ на полу, на связкѣ соломы, и бормоталъ что-то про себя. Онъ былъ страшно изможденъ, худъ, какъ скелетъ, но въ энергическихъ, совсѣмъ юношескихъ ясныхъ глазахъ свѣтилась дѣтская радость. Чему же онъ радовался? А радовался своимъ мукамъ, истязаніямъ, которымъ его подвергали въ жизни за идею, за двуперстное сложеніе, за трегубую аллиллуію, за букву І въ словѣ Ісусъ, а не Іисусъ... Онъ теперь лежалъ и съ дѣтской радостью припоминалъ всѣ эти истязанія.

— Это тогда, когда воевода у вдовы отнялъ дочь дѣвицу, а я за нихъ заступился, и онъ воздвигъ на мя бури! У церкви его слуги мало до смерти меня не задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживъ божіимъ мановеніемъ; но его опять научилъ дьяволъ: пришелъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, а я въ то время молитвы говорю. Это разъ.

Но ему помѣшали продолжать перечисленіе испытанныхъ имъ истязаній. Кто-то постучался въ желѣзную дверь его тюрьмы.

— Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!— проговорилъ за дверью чей-то незнакомый голосъ.

— Аминь!—съ удивленіемъ отвѣчалъ Аввакумъ, потому что къ нему въ тюрьму никого не впускали, даже посланцевъ отъ царицы.

Загремѣли ключи, три раза щелкнулъ замокъ, заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ дверь, и въ тюремную келью вошелъ неизвѣстный человѣкъ.

Аввакумъ разомъ окинулъ его взглядомъ и даже какъ будто смутился. Передъ нимъ стоялъ могучій широкоплечій мужчина въ казацкомъ одѣяніи, подстриженный въ кружало, какъ стриглись тогда донскіе и воровскіе казаки. Широкій лобъ обличалъ въ пришельцѣ могучую энергію. Но особенно поражали его глаза: въ нихъ было что-то властное, непреклонное; за этими глазами люди идутъ въ огонь и въ воду; этимъ глазамъ повинуются толпы, было что-то непостижимое въ нихъ, что-то такое, что смутило даже Аввакума, котораго не смущали ни плахи, ни

костры, ни убійственныя очи Никона, ни царственный взглядъ царя Алексѣя Михайловича.

Аввакумъ быстро поднялся съ соломы.

— Благослови меня, святой отецъ!—сказалъ пришелецъ повелительнымъ голосомъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — какъ-то смущенно проговорилъ протопопъ-фанатикъ.—Ты кто, сынъ мой?

— Я казакъ съ вольнаго Дону.

— А какъ имя твое, сыне?

— Зовутъ меня Стенькой.

— Рабъ божій Степанъ, значитъ. А по отчеству?

— Отца Тимошкой звали.

— А развѣ отецъ твой помре?

— Да. По ево душѣ я молился въ Соловкахъ да по братней, по Тимоѳеевой же, что казнили неправедно.

— Кто и за что?—удивился Аввакумъ.

— Казнилъ его князь Юрій Долгорукій. Братъ мой старшій, Тимоѳеемъ же, какъ и отца, звали, былъ у насъ атаманомъ и съ казаками ходилъ въ походъ супротивъ поляковъ, въ помощь этому князю Юрью. По окончаніи похода братъ мой оставилъ Долгорукаго и повелъ казаковъ на Донъ. Мы люди вольные, служимъ бѣлому царю по нашему хотѣнію, коли казачій кругъ приговоритъ. Мы креста никому не цѣловали на холопство, братъ и ушелъ съ казаками домой, а князь Юрій, осерчавъ на то, обманомъ заманилъ къ себѣ брата и отрубилъ ему голову.

— Царство небесное славному атаману, рабу божію Тимоѳею,—набожно проговорилъ Аввакумъ.—А куда же ты, Степанъ Тимоѳеевичъ путь держишь?—спросилъ онъ.

— Къ себѣ на тихій Донъ, отче святый. Я иду изъ Соловокъ.

— Изъ Соловокъ! — удивился протопопъ. — Немаленькій путь сотворилъ ты, сынъ мой, во имя Божіе: подвигъ сей зачтется тебѣ. Какъ же ты обо мнѣ узналъ, миленькій?

— Твое имя, отче святый, аки кадило на всю святую Русь сіяетъ,—былъ отвѣтъ.

Аввакумъ набожно перекрестился.

— Недостоинъ я сего; сыне: я—песъ, лающій во славу Божію за святое двуперстіе да за истинную вѣру,—сказалъ онъ смиренно, но глаза его разомъ засвѣтились,—и буду лаять до

послѣдняго издыханія, на плахѣ, на висѣлицѣ, на кострѣ, на крестѣ!

Онъ заходилъ было по своей тюрьмѣ, но она была такъ тѣсна, какъ клѣтка, и онъ остановился, видимо, любуясь, своимъ нежданнымъ посѣтителемъ.

— Какъ же ты, сынъ мой, попалъ ко мнѣ во узилище?— спросилъ онъ гостя. — Вишь, ко мнѣ никого не пущаютъ; даже вонъ царицыны посланцы, и тѣ со мною разговариваютъ черезъ оконную да дверную рѣшетку. Опамедни самъ царь приходилъ, да только походилъ около моей темницы и опять пошелъ прочь. И Воротынскій бѣдной, князь Иванъ, просился же ко мнѣ въ темницу; ино не пустили горюна; я лишь, въ окно глядя, поплакалъ на него *). А какъ ты попалъ ко мнѣ? Чѣмъ отперъ сердце недреманной стражи?

— Золотымъ ключемъ,—былъ отвѣтъ.

— А! Разумѣю. А что нонѣ, сынъ мой, въ Соловкахъ творится, въ обители святыхъ угодниковъ Зосимы-Савватія?—спросилъ Аввакумъ.

— Крѣпко стоятъ за двуперстіе и Никона клянутъ.

У фанатика опять засверкали глаза при имени Никона.

— У! Никонишко, адовъ песъ!—всплеснулъ онъ руками.— Ты знаешь-ли, какъ онъ книги печаталъ? «Печатай»,—говоритъ,—«Арсенъ, книги какъ нибудь, лишь бы не по старому». Такъ-су и сдѣлали! О, будь они прокляты, окаянные, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ, а страждующимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! Вить ты не знаешь, что у насъ дѣлается: за старую вѣру жгутъ и пекутъ, что барановъ. Охъ, Господи! Какъ это они въ познаніе не хотятъ прійти? Слыхано-ли! Огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Хороши апостолы съ кнутами! Развѣ тѣ такъ учили? Развѣ Христосъ приказалъ имъ учить огнемъ, кнутомъ да висѣлицею? О! Да что и говорить! Зато много ангельскихъ вѣнцовъ роздали новые апостолы, такъ и сыплятъ вѣнцами. А я говорю: аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы. Есть борцы! Нонѣ кому охота вѣнчаться мученическимъ вѣнцомъ, незачѣмъ ходить въ Персиду, либо въ Римъ къ Діоклетіану, у насъ свой Вавилонъ! Ну-ко, сынокъ (обратился онъ къ Стенькѣ), нарцы имя Христово истово—Іисусъ, стань среди Москвы, перекрестись двѣми

*) См. «Житіе пр. Аввакума».

персты, вотъ тебѣ и царство небесное, и вѣнецъ! Ну-тко, стань!.. *)!

— И стану!—громовымъ голосомъ отвѣчалъ Разинъ (это былъ онъ), такъ что даже фанатикъ вздрогнулъ и попятился отъ него,—и стану среди Москвы, и крикну имя Христово.

Онъ былъ величественъ въ своемъ негодованіи и, казалось, выросъ на цѣлую голову. Аввакумъ смотрѣлъ на него въ какомъ-то умиленіи, въ экстазѣ. Онъ самъ былъ весь энергія и сила, а тутъ передъ нимъ стояла теперь такая силища!

— Слышишь,Москва! Слышите бояре? Я къ вамъ приду,— я вездѣ найду васъ! Ждите меня!

Разинъ остановился, его душило негодованіе. Потомъ онъ сталъ говорить спокойнѣе.

— Я прошелъ теперь всю Русь изъ конца въ конецъ, отъ Черкасска до Соловокъ: вездѣ-то слезы и рыданія, вездѣ голодъ. А тутъ, на Москвѣ-то! Палаты, что твои храмы божьи. Да куда! Богаче церквей. Не такъ залиты золотомъ и жемчугами ризы матушки Иверской, какъ ферязи да кафтаны боярскіе. А колесницы въ золотѣ, а кони то-жъ въ золотѣ, сущіе фараоны! Тамъ корки сухой нѣту, а тутъ за однимъ обѣдомъ съѣдаютъ и пропиваютъ цѣлыя селы, цѣлыя станицы. Это-ли правда? Это-ли по-божески?

Аввакумъ стоялъ передъ нимъ, какъ очарованный, и все крестилъ его.

— Охъ, сыночекъ мой, богоданный! Степанушко мой свѣтикъ!—шепталъ онъ со слезами на глазахъ.

Они долго еще бесѣдовали, и Аввакумъ со всею пылкостью, на какую только онъ былъ способенъ, съ неудержимою страстностью своего кипучаго темперамента, изобразилъ такую потрясающую картину смутнаго состоянія умовъ въ тогдашней московской Руси, что въ пылкой головѣ Разина созрѣлъ кровавый планъ завести новые порядки на Руси, хотя бы для этого пришлось бродить по колѣна въ крови.

— Будь благонадеженъ, святой отецъ, — сказалъ онъ съ свойственною ему энергіею,—мы положимъ конецъ господству притѣснителей.

— Какъ же ты это сдѣлаешь, чадо мое богоданное?—спросилъ Аввакумъ.

---

*) Подлинныя «слова изъ Житія».

— Мы начнемъ съ Дона, Яика и съ Волги: тѣхъ, что голодаютъ и плачутъ, больше, чѣмъ тѣхъ, что объѣдаются и радуются. Всѣ голодные за мной пойдутъ, только надо дать имъ голову. А головой той для нихъ буду я, Степанъ Тимоѳеевъ сынъ Разинъ. Жди же меня, отче святый!

— Буду ждать, буду ждать, чадо мое милое, ежели до той поры не сожгутъ меня въ срубѣ,—говорилъ фанатикъ въ умиленіи, обнимая и цѣлуя своего страшнаго гостя.

Разинъ ушелъ, а Аввакумъ долго стоялъ на колѣняхъ и молился, звеня цѣпью.

VII. «За куклой женихъ забытъ»!.

Миновало лѣто. Прошло и около половины зимы 1664 года, и о молодомъ, пропавшемъ безъ вѣсти, Ординѣ-Нащокинѣ уже и забывать стали. Не забывали о немъ только отецъ несчастнаго да царь Алексѣй Михайловичъ. Не могла забыть и та юная боярышня, съ которой онъ такъ грустно простился наканунѣ своего рокового отъѣзда изъ Москвы.

Это была единственная дочь боярина, князя Семена Васильевича Прозоровскаго, шестнадцатилѣтняя красавица Наталья. Хотя она и оправилась нѣсколько послѣ постигшаго ее удара и тяжкой болѣзни, молодость взяла свое, однако, она въ душѣ чувствовала, что молодая жизнь ея разбита. Куда дѣвалась ея живость, неукротимая веселость! Правда, ея похудѣвшее, томно-задумчивое личико стало еще миловиднѣе, еще прелестнѣе; но при взглядѣ на нее, всѣмъ, знавшимъ и незнавшимъ ее прежде, почему-то думалось, что это милое созданіе не отъ міра сего, что такія не живутъ среди людей и мѣсто ихъ среди ангеловъ свѣтлыхъ.

Отецъ боготворившій ее, хотя угадывалъ сердцемъ, какое страданіе подтачиваетъ эту молодую жизнь, но онъ слишкомъ уважалъ святость ея чувства, и съ грустью молчалъ, будучи увѣренъ, что всесильная молодость все побѣдитъ, что богатства молодости такъ неисчислимы, такъ неисчерпаемы, что ихъ никакая сила, кромѣ смерти, не ограбитъ, даже не умалитъ.

Дѣвушка тоже молчала. Чувство ея и ея горе были слиш-

комъ святы для нея, чтобы въ эту святыню могъ заглянуть чей бы то ни было взоръ, даже взоръ отца или матери.

Однажды, за нѣсколько дней передъ Рождествомъ, отецъ, желая ее развлечь, накупилъ ей очень много подарковъ и разныхъ нарядовъ, самыхъ изящныхъ, самыхъ дорогихъ, какіе только можно было найти въ Москвѣ. Дѣвушка горячо благодарила отца, цѣловала его руки, голову, лицо, обнимала его, но тутъ же не выдержала и расплакалась, горько-горько расплакалась.

— О чемъ ты, дитятко, мое ненаглядное, радость моя единая, о чемъ же?—испугался и растерялся злополучный отецъ.

— Батюшка! Милый мой! Родной мой!—плакала она, обливая слезами щеки растерявшагося князя.—Знаешь, мой дорогой, о чемъ я хочу просить тебя?

— О чемъ, мое дитятко золотое, солнышко мое! Проси, все для тебя сдѣлаю!

— Батюшка! Свѣтикъ мой! Отдай меня въ монастырь.

— Въ монастырь! Что съ тобой, моя ягодка? Мое дитя! Утѣха моя!

— Да, мой родной, отдай: я хочу принять ангельскій чинъ, не жилица я на міру, я хочу быть Христовой невѣстой.

И несчастная разрыдалась пуще прежняго: слово «невѣста» точно ножомъ ее по сердцу полоснуло.

— Да Господь же съ тобой, чистая моя голубица! Господь съ тобой, сокровище мое!—утѣшалъ ее отецъ.—Обдумай свое хотѣніе, пощади и меня, старика: на кого ты оставишь меня? Съ кѣмъ я буду доживать свой вѣкъ, съ кѣмъ раздѣлю я мое одинокое старчество? Для кого мои добра, мои богачества? *).

И онъ самъ горько заплакалъ, обхвативъ руками бѣлокурую головку дочери, какъ бы боясь, что вотъ сейчасъ-сейчасъ она уйдетъ отъ него, улетитъ на крыльяхъ ангела.

— Хоть погоди малость, поживи со мной до весны, дай мнѣ одуматься, съ государемъ переговорить: онъ же объ тебѣ спрашивалъ... ты такъ ему полюбилась... онъ часто видѣлъ тебя въ Успенскомъ, какъ ты молилась тамъ и плакала этими днями. И царевнушка Софья въ тебѣ души не чаетъ: она просила привезти тебя въ соборъ на «пещное дѣйство». Поѣдемъ, мое зо-

*) У него было еще два малолѣтнихъ сына отъ второй жены; но за какой-то проступокъ онъ сослалъ ее съ сыновьями въ ея вотчину.

лото, а тамъ подумаемъ, потолкуемъ; можетъ... Государь спосылаетъ гонцовъ въ Польшу... можетъ, Богъ дастъ... еще не вѣрно...

Онъ не договорилъ, боясь, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ самъ хорошо понималъ, что въ довѣрчивое сердце своей любимицы онъ забрасываетъ напрасную надежду; какъ и всѣ въ Москвѣ, онъ зналъ, что молодого Ордина-Нащокина уже не воскресить; но ему, во что бы то ни стало, хотѣлось подольше удержать дочь отъ рокового рѣшенія... «Молодо-зелено, перегоритъ, а тамъ еще свѣжѣе расцвѣтетъ», думалось ему, и онъ давалъ понять дѣвушкѣ, что онъ что-то знаетъ, чего-то—а чего именно, она сама догадается,—онъ ждетъ, что имъ-де съ царемъ что-то извѣстно, а что—пусть сама соображаетъ. Онъ слѣпо вѣрилъ во всемогущество молодости и времени: все переживается человѣкомъ, всякія душевныя раны даже, повидимому, смертельныя, исцѣляетъ время. Развѣ онъ думалъ, что переживетъ свою Аннушку, мать этой самой дѣвочки? А пережилъ. Сколько разъ, когда она, такая молоденькая да хрупкенькая, умерла у него на рукахъ, и онъ свезъ ее въ Новодѣвичій на погостъ, сколько разъ онъ пытался наложить на себя руки! Такъ не попустилъ: не попустилъ вотъ этотъ невинный ангелочекъ, вотъ эта самая Наталенька, вся въ мать! Наталенька, что теперь тихо плачетъ у него на плечѣ. Ее было жаль кинуть одну на бѣломъ свѣтѣ, ее, этого чистаго ангелочка, и онъ остался жить для нея. И смертельная его рана зажила, закрылась, съ годами, хоть по временамъ и саднитъ, охъ, какъ саднитъ! Переживетъ и она свое дѣвичье великое горе, заживетъ и ея кровавая рана, заживетъ, Богъ милостивъ.

— Вотъ ужо повезу тебя, дитятко, на «пещное дѣйство»,— говорилъ онъ, лаская всхлипывавшую у него на плечѣ дѣвушку,—а тамъ съ государемъ перемолвлюсь о вѣстяхъ нѣкіихъ... кубыть, надо бы надѣяться... а Аѳанасій Лаврентьевичъ (онъ зналъ, что дѣвочка понимаетъ, о комъ онъ говоритъ) и Аѳанасій Лаврентьевичъ, кубыть, повеселяе сталъ малость... Богъ милостивъ, не оставитъ...

Онъ чувствовалъ, какъ при этихъ словахъ у него на груди, подъ шитою шелками тонкою срачицею, колотилось сердце его дѣвочки.

— А развѣ послы наши воротились съ польскаго рубежа?—робко спросила она.

— Воротились, дитятко.

— И Аѳанасій Лаврентьичъ?

— И онъ, золото мое... Сказываю тебѣ, кубыть, веселяе маленечко сталъ... Вѣстимо, Богъ его, горюна, не оставитъ: доберъ уже зѣло человѣкъ.

Все это онъ выдумалъ. Ничего веселаго онъ не замѣтилъ въ старикѣ Ординѣ-Нащокинѣ. Видѣлъ онъ его въ Успенскомъ соборѣ, какъ тотъ служилъ панихиду по сынѣ и плакалъ. Вотъ все, что онъ замѣтилъ. Но ему нужно было, во что бы то ни стало, удержать дочь на краю пропасти, къ которой влекло ее ея молодое чувство, ея разбитая любовь и отчаяніе.

— Все вотъ гонцовъ ждутъ изъ Польши, позамѣшкались они,—на что-то намекалъ онъ.

— А далеко, батюшка, эта Польша, Аршавъ-городъ? — спрашивала дѣвушка, переставая плакать и отирая слезы шелковою ширинкой.

— Варшава, дитятко, а не Аршавъ, — поправлялъ онъ (тогда наши боярышни въ гимназіяхъ не учились),—а далеконько-таки, правда, эта Варшава.

— И тамъ все еретички живутъ, какъ наша Маришка-безбожница?

— По нашему отъ еретики, милая, а все-жъ онѣ христіанскаго закону, токмо латынской, папежской вѣры.

— Сказываютъ, все красавицы?

— Не все красавицы, милая, люди какъ люди.

Онъ зналъ, къ чему она гнетъ; догадывался, что у нея на сердчишкѣ копошилось, но показывалъ видъ, что ни о чемъ не догадывается.

— А какъ у нихъ, батюшка, вѣнчаются? Съ родительскаго благословенія?

— Вѣстимо, дитятко. Гдѣ-жъ это видано, чтобъ безъ родительскаго благословенія что ни на есть доброе чинилось, упаси Богъ! А который человѣкъ дѣлаетъ что безъ родительскаго благословенія, и отъ того человѣка самъ Господь отвернется.

Мало-по-малу дѣвушка успокоилась, и они рѣшили ѣхать въ Успенскій соборъ на «пещное дѣйство».

«Пещное дѣйство» это въ древней Руси былъ особый цер-

ковный обрядъ, не сохранившійся до нашего времени. Онъ состоялъ въ томъ, что за нѣсколько дней до празника Рождества Христова, и обыкновенно въ послѣднее воскресенье, во время заутрени въ церкви, въ присутствіи патріарха и царя, если служба шла въ Успенскомъ соборѣ, изображалась въ лицахъ, «лицедѣйно», извѣстная библейская исторія о трехъ благочестивыхъ отрокахъ—Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ, посаженныхъ въ горящую печь по повелѣнію халдейскаго царя за то, что отроки не хотѣли поклониться его идоламъ.

Для этого, по распоряженію соборнаго ключаря, убирали въ соборѣ большое паникадило, что надъ амвономъ, принимали и самый амвонъ, а на его мѣсто ставили «халдейскую печь». Это былъ большой полукруглый шкафъ безъ крыши, на подмосткѣ и съ боковымъ входомъ. Стѣны «халдейской пещи» раздѣлены были, по числу отроковъ, на три части или внутреннія стойла, украшенныя рѣзьбою, позолотою и приличными «пещному дѣйству» изображеніями. Около «пещи» ставились желѣзные «шандалы» съ вставленными въ нихъ витыми свѣчами.

«Пещное дѣйство» начиналось обыкновенно съ вечерни. Это было нѣчто въ родѣ увертюры, или пролога къ самому «дѣйству». Начинали благовѣстомъ въ большой колоколъ, и благовѣстъ отличался особенной торжественностью: онъ продолжался цѣлый часъ. Москва вся спѣшила на это удивительное зрѣлище, замѣнявшее ей и наши театры, и концерты, и наши оперы съ оперетками, балеты и феерія. Шествовалъ на это зрѣлище и царь съ своимъ семействомъ и съ боярами.

Собственно дѣйствующихъ лицъ полагалось шестеро, не считая самого патріарха, сослужащаго ему духовенства, поддьяковъ или иподіакановъ и двухъ хоровъ пѣвчихъ: это были: «отроческій учитель», три «отрока», самые юные и красивые мальчики изъ дѣтей бѣлаго соборнаго духовенства, и два «халдея».

Когда Прозоровскіе, отецъ и дочь, пріѣхали въ соборъ и вошли въ храмъ, «пещное дѣйство» только что начиналось. Царь и царица уже возсѣдали на державномъ мѣстѣ, а около «государя» свѣтилось дѣтскимъ любопытствомъ оживленное личико его любимицы, царевны Софьюшки. Она съ необыкновеннымъ интересомъ наблюдала за всѣмъ, что происходило въ соборѣ, все видѣла, все замѣчала, почти всѣхъ знала и поминутно, хотя незамѣтно, дергала отца то за рукавъ, то за полу одежды и пере-

давала ему свои наблюденія, замѣчанія или спрашивала о чемъ-либо.

Когда вошли Прозоровскіе, она «непосѣда-царевна», не преминула толкнуть отца. Царь замѣтилъ Прозоровскихъ и ласково поглядѣлъ на блѣдное, задумчивое, но прелестное личико княжны. Она замѣтила, замѣтила и сочувственно остановившійся на ней взглядъ юной царевны, и слабый румянецъ окрасилъ ея матовыя, нѣжныя щечки.

Соборъ горѣлъ тысячами огней, которые, отражаясь въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ иконъ, на лампадахъ и паникадилахъ, наконецъ, на золотыхъ и парчовыхъ ризахъ духовенства, превращали храмъ въ какое-то волшебное святилище. «Пещь», освѣщаемая громадными витыми свѣчами въ массивныхъ «шандалахъ», смотрѣла чѣмъ-то зловѣщимъ.

Вдругъ весь соборъ охватило какое-то трепетное волненіе, всѣ какъ бы вздрогнули и, оглядываясь ко входу въ трапезу, чего-то ожидали.

Это начиналось шествіе, начало «дѣйства». Это шествовалъ самъ святитель, блюститель патріаршаго престола, ростовскій митрополитъ Іона (патріархъ Никонъ, послѣ неудачной попытки, 19-го декабря, воротить свое значеніе, предавался въ этотъ часъ буйному негодованію въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ). Впереди святителя шествовали «отроки» съ зажженными свѣчами. Они были одѣты въ бѣлые стихари, и юныя розовыя личики ихъ осѣнялись блестящими вѣнцами: что-то было въ высшей степени умилительное въ этихъ полудѣтскихъ вѣнчанныхъ головкахъ.

По бокамъ «отроковъ» шли «халдеи» въ своихъ «халдейскихъ одеждахъ»: они были въ шлемахъ, съ огромными трубками, въ которыя была вложена «плавучая трава», со свѣчами и пальмовыми вѣтками.

Процессія двигалась дальше по собору между двухъ сплошныхъ стѣнъ зрителей, напутствуемая тысячами горящихъ любопытствомъ, тревогой и умиленіемъ глазъ.

Князь Прозоровскій украдкой наблюдалъ за дочерью. Онъ видѣлъ, что глаза ея блестятъ, нѣжныя щечки рдѣютъ румянцемъ. Она была вся зрѣніе. Онъ гляпулъ на державное мѣсто, на царицу, на юную царевну. И у нихъ на лицахъ такое же оживленіе и восторгъ.

— Охъ, женщины, женщины!—думалось ему,—вы до старости дѣти; дай вамъ куклу, игрушку, дѣйство, и вы все забыли... за куклою женихъ забытъ!..

Святитель вошелъ въ алтарь. За нимъ вошли и «отроки», только сѣверными дверями.

Халдеи остались въ трапезѣ.

Началось пѣніе поддьяковъ, къ которому присоединились свѣжіе, звонкіе голоса «отроковъ».

VIII. «Пещное дѣйство» *).

Собственно «пещное дѣйство» совершалось уже послѣ полуночи, въ заутрени, за шесть часовъ до разсвѣта.

Внутренность собора еще ярче, чѣмъ во время вечерни, горитъ тысячами огней. Царская семья опять на державномъ мѣстѣ, но болѣе торжественно разодѣтая. Духовенство и святитель еще въ болѣе пышныхъ ризахъ.

И Прозоровскіе, князь и юная княжна, тоже на своихъ мѣстахъ. Только у послѣдней глазки немножко заплаканы: «кукла» ненадолго утѣшила бѣдную. Въ молодой душѣ засѣло что-то болѣе могучее и оттѣснило собой весь остальной міръ. Она думаетъ о гонцахъ изъ Польши, о послѣднемъ весеннемъ вечерѣ, когда такъ безумно пѣлъ соловей въ кустахъ. Отецъ видитъ это и страдаетъ.

Предшествуемый «отроками» со свѣчами и «халдеями» съ пальмовыми вѣтвями, святитель опять проходитъ между стѣнами молящихся и входитъ въ алтарь. И «отроки» входятъ туда же.

Утренняя служба началась. Хоры пѣвчихъ съ особенною торжественностью и силою исполняли каноны. Соборъ гремѣлъ богатыми, могучими голосами, которые всегда такъ любила Москва.

Во время пѣнія седьмого канона, гдѣ, какъ извѣстно, упоминаются «три отрока», когда хоръ грянулъ «Отроци богомудріи», и когда ирмосы и причеты чередовались по клиросамъ, на иконостасное возвышеніе выступилъ «отроческій учитель» и сотворилъ по три земныхъ поклона передъ мѣстными иконами.

---

*) Подробное описаніе «пещнаго дѣйства» находится въ «Древ. рос. вивліоѳ.» VI, 375 и далѣе.

Затѣмъ, подойдя и поклонившись святителю Іонѣ, возсѣдавшему на возвышеніи противъ «пещи» въ сонмѣ соборнаго духовенства, возгласилъ:

— Благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити!

Святитель поблагословилъ его «по главѣ» и съ своей стороны возгласилъ:

— Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!

«Отроки» въ это время стояли въ сторонѣ, лицомъ къ святителю и ко всему собору молящихся.

— Бѣдненькіе!—не вытерпѣла царевна Софья, вся превратившаяся въ зрѣніе.

«Учитель» отошелъ къ «отрокамъ», обвязалъ ихъ по шеямъ убрусами и, когда святитель сдѣлалъ соотвѣтственный знакъ рукою, передалъ ихъ на жертву «халдеямъ».

«Халдеи», взявъ «отроковъ» за концы убрусовъ, повели ихъ къ «пещи»: одинъ «халдей» шелъ впереди, ведя перваго «отрока», за нимъ два остальные, держась руками другъ за друга, а другой «халдей» позади отроковъ.

Вотъ, наконецъ, «отроковъ» привели къ «пещи».

— Дѣти царевы! — громко возгласилъ первый «халдей», указывая пальмовою вѣткой на «пещь».—Видите ли сію пещь, огнемъ горящу и вельми распаляему!

— Сія пещь,—пояснялъ другой «халдей»,—уготовася вамъ на мученіе.

«Отрокъ», изображавшій собою лицо Ананія, гордо выпрямился и сказалъ:

— Видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ея: есть бо Богъ нашъ на небеси, Ему же мы служимъ, той силенъ изъяти насъ отъ пещи сія!

— И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ!—повторилъ за нимъ второй «отрокъ», изображавшій Азарія.

— А сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе!—съ силою и твердостью заканчивалъ Мисаилъ.

— Вотъ такъ молодцы отроки!—вырвалось у царевны Софьи.—Не убоялись пещи огненной.

Она сказала это такъ громко, что даже святитель Іона улыбнулся, и многіе обернулись къ державному мѣсту. Софья сидѣла вся красная, и мать укоризненно качала ей головой.

Между тѣмъ протодіаконъ, стоя въ царскихъ вратахъ, зажигалъ «отроческія свѣчи», а «отроки», готовясь къ мученію, безбоязненно пѣли:

«И потщимся на помощь»...

Свѣчи зажжены, пѣніе отроковъ окончено. Тогда протодіаконъ съ зажженными свѣчами направился къ святителю и вручилъ ему свѣчи.

Затѣмъ отроки поочередно подходили къ святителю и, получивъ отъ него по свѣчѣ, кланялись и цѣловали ему руку.

Тогда «учитель» развязывалъ каждаго изъ «отроковъ», и святитель благословлялъ ихъ на мученіе.

Выходили затѣмъ «халдеи» и вели такой разговоръ:

— Товарищи!

— Чего?

— Это дѣти царевы

— Царевы.

— Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?

— Не слушаютъ.

— А златому тѣлу не поклоняются.

— Не поклоняются.

— И мы вкинемъ ихъ въ печь?

— И начнемъ ихъ жечь!

— Ахъ, злые, гадкіе мучители!—опять вырвалось у юной царевны; но она, спохватившись, сама зажала себѣ ротъ рукой.

Тогда «халдеи» взяли подъ руки Ананію и втолкнули въ «пещь».

— А ты, Азарія, чево сталъ?—обращались они ко второму «отроку».—И тебѣ у насъ то же будетъ.

Брали затѣмъ и Азарію и также толкали въ «пещь». Потомъ и Мисаила ввергли къ братьямъ на мученіе.

Едва «отроки» ввергнуты были въ «пещь», какъ выходилъ чередной звонарь съ горномъ, наполненнымъ горящими угольями, и ставилъ его подъ пещь. Протодіаконъ же возглашалъ:

— Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ! Хвально и прославлено имя твое во вѣки!

«Отроки» повторяли за протодіакономъ этотъ стихъ, и «халдеи», ходя около печи со свѣчами, пальмовыми вѣтвями и трубками, бросали изъ трубокъ «плавучую траву» и махали пальмовыми вѣтвями, какъ бы раздувая огонь.

Въ это время протодіаконъ читалъ «пѣснь отроковъ».

— И прави путіе твои, и судьбы истины сотворилъ еси!

Чтеніе протодіакона поддьяки сопровождали пѣніемъ, которое такъ оживляло и разнообразило оригинальное «пещное дѣйство».

Прозоровскій украдкой взглянулъ въ это время на дочь и увидѣлъ, что его «дѣвочка опять нашла свою куклу». Это его успокоило.

— Ты не притомилась, дѣвынька?—шепнулъ онъ ей.

— Нѣтъ, батюшка, таково хорошо дѣйство!—былъ отвѣтъ и ласковый взглядъ ясныхъ глазъ.

Между тѣмъ протодіаконъ возглашалъ:

— И распаляшеся пламень надъ пещію!

А отроки какъ бы подкрѣпляли его возглашеніе:

— Яже обрѣте о пещи халдейстѣй!

Въ это время выступалъ изъ сонма духовенства соборный ключарь и подходилъ къ священнику подъ благословеніе.

— Благослови, отче, ангела спущати въ пещь.

Священникъ благословилъ его, а діаконы брали у «халдеевъ» трубки съ «плавучею травою» и огнемъ. Протодіаконъ же громогласно возглашалъ:

— Ангелъ же Господень сниде купно съ Азаріиною чадію въ пещь, яко духъ хладенъ и шумящъ!

Въ этотъ моментъ сверху появляется ангелъ съ крыльями, со свѣчею въ рукѣ, и съ громомъ спускается въ «пещь».

При видѣ съ громомъ спускающагося ангела, «халдеи», которые очень высоко держали пальмовыя вѣтки, разомъ попадали, а дьяконы опаляли ихъ свѣчами.

Но скоро «халдеи» опомнились отъ ужаса, но еще боялись подняться.

— Товарищъ!—заговорилъ первый «халдей».

— Чево?—спросилъ второй.

— Видишь?

— Вижу.

— Было три, а стало четыре...

— Грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію.

«Отроки» же между тѣмъ ухватились за ангела, два за крылья, а одинъ за лѣвую, конечно, босую ногу. Затѣмъ ангелъ

сталъ подниматься вверхъ вмѣстѣ съ отроками, а потомъ сбрасывалъ ихъ въ «пещь» обратно.

Протодіаконъ снова читалъ «пѣснь отроковъ»; отроки тоже опять пѣли въ «пещи», имъ вторили дьяки праваго, потомъ лѣваго клироса.

«Халдеи», между тѣмъ, поднялись съ полу, зажгли свои свѣчи и стояли уничтоженные, съ поникшими головами. Они были посрамлены.

А съ клиросовъ неслось стройное пѣніе... «благословите, тріе отроцы!»

Ангелъ снова спускался въ пещь «съ громомъ и трясеніемъ», а «халдеи» въ ужасѣ падали на колѣни.

Наконецъ, ангелъ совсѣмъ улеталъ, и тогда «халдеи», ободренные этимъ, подходили къ «пещи», отворяли ее, въ удивленіи стояли безъ шлемовъ, давно валявшихся на полу, и вели такой разговоръ:

— Ананія! Гряди вонъ изъ пещи!

— Чево сталъ?—говорилъ второй «халдей».

— Поворачивайся! Не иметъ васъ ни огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра.

— Мы чаяли, васъ сожгли, а мы сами сгорѣли!

Тогда «халдеи» сами брали «отроковъ» подъ руки, выводили изъ пещи одного за другимъ, снова надѣвали на себя шлемы, брали въ руки свои трубки съ «плавучею травой» и огнемъ и становились по обѣ стороны отроковъ.

Затѣмъ протодіаконъ возглашалъ многолѣтіе царю, всему царствующему дому и властямъ.

Послѣ славословія протодіаконъ вмѣстѣ съ «отроками» входилъ въ «пещь» и читалъ тамъ евангеліе.

Такъ кончалось «пещное дѣйство».

Прозоровскіе возвращались домой, когда было еще совсѣмъ темно. Свѣтъ отъ факеловъ и фонарей, сопровождавшихъ кареты и пѣшеходовъ, возвращавшихся изъ собора по домамъ, освѣщалъ иногда внутренность кареты Прозоровскихъ и блѣдное личико княжны. Она сидѣла съ закрытыми глазами, и отецъ думалъ, что она, утомленная продолжительной службой, дремлетъ.

— Батюшка!—вдругъ произнесла она.—Ты такъ и не говорилъ съ государемъ?

Онъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Нѣту, дитятко,—отвѣчалъ онъ,—когда же было? Дѣйство шло... Вотъ ужо, на смотру.

Дѣвушка опять закрыла глаза. Факелы опять по временамъ освѣщали ея блѣдное, грустное личико.

— Оо-хо-хо!—думалось Прозоровскому.—Дѣвочка опять потеряла куклу.

— А смотръ государевъ рано будетъ?—снова услыхалъ онъ вопросъ.

— Рано, ласточка, ты еще почивать будешь

— Нѣтъ, тутъ не куклой пахнетъ... Оо-хо-хо:

IX. Бѣглецъ Воинъ въ Венеціи.

Князь Прозоровскій напрасно, однако, тѣшилъ себя надеждою, что всесильное время и молодость, которую никогда нельзя ограбить, такъ она богата и всемогуща, возвратятъ ему его прежнюю веселенькую Наталеньку. Время еще не успѣло затуманить и вытравить изъ ея сердца свѣтлые образы ея перваго дѣвическаго счастья, которое она сама погубила своимъ безразсудствомъ, а молодость, на забывчивость которой онъ надѣялся, молодость, которая вездѣ, въ самой себѣ, въ самой этой молодости, найдетъ новые источники счастья, какъ богачъ новые капиталы, эта молодость слишкомъ бурно чувствовала пережитое ею счастье, потому что оно было первое счастье въ ея жизни, счастье, въ первый разъ сознанное, какъ бы открытое на груди того, кого она сама оттолкнула отъ себя и погубила его, эта молодость не могла помириться съ мыслью, что она уже никогда-никогда не будетъ трепетать на этой именно груди, давшей ей первые въ жизни моменты блаженства, эта молодость жаждала только его, его одного, со всѣмъ пыломъ страсти. Она ждала только его, и его не было.

Она скоро поняла, что гонцы, посланные въ Польшу отъ царя, что намеки отца на то, что онъ, котораго она погубила, живъ, что это—куклы, которыми ее, какъ маленькую, хотѣли обмануть, развлечь. Она все поняла, и ей захотѣлось умереть. Но смерть не шла къ ней. Такъ надо похоронить себя заживо. Надо уйти отъ міра, отъ людей, чтобъ ничто не напоминало ей о жизни, о ея радостяхъ, которыя она похоронила вмѣстѣ съ тѣмъ, кого любила.

Прозоровскій, наконецъ, долженъ былъ сознаться дочери, что молодой Ординъ-Нащокинъ, дѣйствительно, пропалъ безъ вѣсти: никакіе царскіе гонцы не въ состояніи были найти того, кого уже не было на свѣтѣ.

Дѣвушка, казалось, нѣсколько успокаивалась на этомъ. Странное, но свойственное любящимъ успокоеніе: такъ не достанется же онъ никому, какъ не достался ей. Теперь ее уже не будетъ мучить мысль о красавицахъ-еретичкахъ, о полькахъ: ея Воинъ не достанется имъ.

Не достанется же и она никому! Монастырь, черническая ряса, клобукъ, темная келья, вотъ кому она достанется. Тамъ она будетъ за него молиться, его ждать въ предсмертный часъ, чтобъ тамъ съ нимъ свидѣться, тамъ, за гробомъ.

Она стала торопить отца отдать ее въ монастырь, и именно въ Новодѣвичій, гдѣ похоронена ея мать. Какъ ни плакалъ отецъ, она оставалась непреклонна.

— Батюшка!—утѣшала она его.—Все же я останусь твоей дочерью, ты будешь ѣздить ко мнѣ, видѣть меня. Ежели, что и перемѣнится, такъ только имя мое: я уже тогда не буду княжной Натальей, а инокинею или старицею Надеждою.

И она была пострижена и, дѣйствительно, получила ангельскій чинъ подъ именемъ Надежды. Всѣ инокини и бѣлицы навзрыдъ плакали въ церкви, когда ея прелестное, блѣдненькое личико выглядывало изъ-подъ чернаго монашескаго покрывала, и на возгласы постригавшаго ее святителя Іоны: «откуду еси притекла въ обитель сію» или: «подаждь ми ножницы сія!» она кротко отвѣчала или покорно нагибалась, чтобъ поднять бросаемыя святителемъ на полъ, по чину постриженія, ножницы.

Но какъ плакалъ ея отецъ, этого словами люди никогда не сумѣютъ передать.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ ея постриженія, вотъ, что случилось.

Въ то время, когда у московскихъ пословъ кончились переговоры съ польскими коммиссарами о мирѣ, съ обѣихъ сторонъ послѣдовалъ обмѣнъ плѣнныхъ и бѣглыхъ.

Обыкновенно партіи этихъ полонянниковъ пригонялись въ Москву, въ подлежащій «разрядъ», а изъ «разряда», послѣ переписки, ихъ препровождали въ патріаршій дворцовый приказъ для допросовъ: не осквернился ли кто въ полону скоромною

пищею, не перемѣнилъ ли вѣры, не держалъ ли тамъ папежскую или иную вѣру, не бывалъ ли у «латынскаго ксенжа» на исповѣди или въ костелѣ, не биралъ ли «секраментъ» вмѣсто причастья, или даже «не бусурманенъ» ли и т. д.

Въ числѣ присланныхъ такимъ образомъ въ патріаршій приказъ для допроса былъ одинъ крѣпкій старикъ, который, какъ оказалось, находился въ полону около сорока лѣтъ.

Подъячій патріаршаго приказа, записывавшій его «распросныя рѣчи», глазамъ своимъ не вѣрилъ, чтобы можно было вынести то, что вынесъ на своемъ вѣку этотъ старикъ и остался живъ и бодръ.

Вотъ, что говорилъ онъ въ своихъ «распросныхъ рѣчахъ»:

— Зовутъ меня Варсунофей старецъ. Родина моя—городъ Москва. Въ дѣтствѣ моемъ отецъ взялъ меня въ Кіевъ и отдалъ учиться грамотѣ. По возрастѣ былъ я во дьячкѣхъ у Николы чюдотворца у Пустыннаго въ Кіевѣ же, а забаловавшися хмѣльнымъ дѣломъ, во дьячкѣхъ не восхотѣлъ быть, и служилъ у желныря у Гулявича въ Луцку, отдала меня мать въ службу тому желнырю за пьянство. И живучи я у желныря, по средамъ и въ посты мясо и всякую скверну ѣдалъ, а въ Филипповъ и Великій постъ мяса не ѣдалъ. А вѣру держалъ папежскую и секраментъ дважды принималъ. И живучи я у желныря, занемогъ и обѣщался опять притти къ Николѣ въ Пустынь, и пришедъ постригся въ меньшой образъ; постригалъ въ церквѣ на обѣднѣ тое-жъ Никольскіе пустыни игуменъ Іевъ Непитущей о Троицынѣ дни. А тотъ игуменъ молилъ за патріарха царяградцкаго за Кирила...

— Какъ!—удивился подъячій, закладывая перо за ухо.— За царяградцкаго, а не за нашего святителя, за московскаго и всеа Русіи?

— Нѣту, батюшка, какъ было, такъ и сказываю, словно на духу.

— Охъ, ужъ эти хохлы!—вздохнулъ подъячій.—Ну, говори дальше.

— Такъ молилъ онъ, Іевъ, сказываю, за патріарха Кирила, да за архимандрита печерскаго за Елисея Плетенецкаго, — продолжалъ допрашиваемый. — А переманатка и манатья на мнѣ не положена, потому что въ большой иноческій образъ я не постриженъ.

— А какъ тамъ, у хохловъ, крестютъ?—спросилъ подъячій.

— По-хохлацки, батюшка, по кіевской вѣрѣ: въ крещенье обливаютъ, а не погружаютъ, оттого хохлы и слывутъ обливанцы, и мvромъ, и масломъ помазуютъ. А постригшися, я не причащался. И я про то отцу своему духовному, что я секраментъ дважды принималъ, сказывалъ, и отецъ же духовный положилъ за то на меня епитемью на два года. А идучи я отъ Николы въ Васильковъ, и взяли меня въ полѣ въ полонъ ногайскіе тотаровя, будетъ тому нонѣ лѣтъ съ сорокъ, и свели меня съ протчими полоняпики въ Крымъ, а изъ Крыму свели въ Козловъ городъ, а изъ Козлова продали на рынкѣ въ Кафу, а изъ Кафы продали въ Царь-городъ, и въ Царь-городѣ посадили на катаргу, и былъ я на катаргѣ лѣтъ съ тридцать; будучи же я на катаргѣ, по средамъ и по пятницамъ, и въ великіе посты и мясо, и всякую скверность ѣдалъ, а не басурманенъ и отъ христіанскія вѣры не отступилъ. И будучи на катаргѣ въ морѣ, отгромили насъ шпанскаго короля нѣмцы, и шпанскаго короля владѣтель дука Ференцъ, давъ мнѣ листъ, отъ себя отпустилъ. И будучи я въ шпанской землѣ, у ксенжа бывалъ и секраментъ не разъ биралъ, и въ костелъ хаживалъ, по шпанской католицкой вѣрѣ маливался, по средамъ и пятницамъ и въ великіе посты, и въ иные посты мясо и всякую скверность ѣдалъ, а у отца духовнаго не бывалъ. А изъ шпанской земли ушелъ во французскую землю, а изо французскія земли шелъ берегомъ въ тальянскую землю, въ городъ Лигорны, а изъ Лигорны въ Римъ, и былъ въ Римѣ двѣнадцать денъ, и по папину велѣнью ксенжъ исповѣдывалъ, а секраменту не ималъ; и будучи въ Римѣ, вѣру держалъ римскую и до костела хаживалъ. Изъ Риму пошелъ въ осень, о Михайловѣ дни, въ прошломъ году, и шелъ черезъ Венецею, и въ Венеціи взяли меня на катаргу; да съ катарги меня выкупилъ русской человѣкъ, нашего боярина Аѳанасья Лаврентьича Ордина-Нащокина сынъ, Воинъ Аѳанасьичъ...

При этомъ имени какъ будто, что дрогнуло въ приказной палатѣ... У подъячаго, записывавшаго «распросныя рѣчи» старца Варсунофія, перо выпало изъ рукъ, и онъ съ изумленіемъ, не то съ испугомъ, вскочилъ съ мѣста; сидѣвшій за другимъ столомъ и что-то писавшій приказный, повидимому, дьякъ

патріаршаго приказа, сухой и лысый старикъ, тоже вскочилъ съ мѣста...

— Какъ! Воинъ Аѳанасьичъ, говоришь? — радостно воскликнулъ онъ.—Такъ онъ живъ?

— Живехонекъ былъ, милостивецъ батюшка! Пошли ему Господь здравія на многи лѣты,—отвѣчалъ допрашиваемый, не понимая въ чемъ дѣло.

— И ты его самъ видѣлъ и говорилъ съ нимъ?—допытывался дьякъ.

— И видѣлъ, батюшко, и говорилъ.

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестился дьякъ набожно.— Вотъ радость-то будетъ благодѣтелю моему, Аѳанасью Лаврентьичу! А ужъ по немъ давно и сорокоусты читаютъ по монастырямъ... Ахъ, Господи! Да разскажи же, старче, какъ дѣло было... Садись, старичекъ. Проша! Дай ему стулъ!

Подъячій, котораго называли Прошей, тотъ, что записывалъ со словъ старца «распросныя рѣчи», метнулся по приказу, досталъ и притащилъ стулъ.

— Садись, садись, старичекъ, да разскажи по порядку, какъ дѣло было,—волновался и суетился старый дьякъ,—сказывай!

Старецъ сѣлъ на стулъ, набожно перекрестился и началъ свой разсказъ. Всѣ подъячіе сбились около него въ кучу и жадно слушали.

— Дакъ вотъ, милостивцы мои, — говорилъ старецъ-бродяга,—будучи я въ Веницеѣ-градѣ, побирался Христовымъ именемъ. Площадь тамъ есть эдакая, что у самаго ихняго собора да около дворца, а дога у нихъ, у веницейцовъ, какъ бы во мѣсто царя правитъ. На площади этой столбы высокіе каменные стоятъ, и на одномъ столбѣ этта левъ поставленъ, на другомъ аки бы ангелъ. Сижу я этта на ступенькахъ подъ ангеломъ и пою тихонько каличій стихъ, что у насъ калики перехожи поютъ Христа-ради для милостыньки, пою про Лазаря убогаго. Дѣло этта было подъ вечеръ. Коли смотрю, милостивцы мои, пловетъ по морю чорна лодочка, гондолой у нихъ называется, длинная такая, а на ней храминка махонька съ дверцой и оконцами, словно бы часовенка, вся коврами цвѣтными да кистями золотными изукрашена. Многое множество въ Веницеѣ-градѣ такихъ гондолъ, потому городъ на водѣ стоитъ, и коней въ городѣ ни

единаго, всѣ пѣши ходятъ, либо на носилкахъ, а чаще всего ѣздятъ по морю и по каналамъ въ этихъ самыхъ гондолахъ. Такъ и пловетъ, говорю, этта така-жъ гондола мимо тѣхъ столбовъ, гдѣ я, горюнъ-бродяга, сижу. Коли слышу, поетъ кто-то въ гондолѣ той, да таково сладостно и горько. Владычица Богородица! Меня словно ножемъ по сердцу рѣзнуло... Слышу, поетъ... что бы вы думали, соколики мои! О-охъ поетъ:

«Какъ и не бѣлы-то снѣжки въ полѣ забѣлѣлися!»

— Господи! Что со мной было! Пятьдесятъ лѣтъ, какъ меня съ Москвы свезли, да, гдѣ пятьдесятъ! Болѣе шестидесяти лѣтъ, мыкаючись по бѣлу свѣту да по катаргамъ, не слыхалъ я этой пѣсни. А ужъ и пѣлъ же онъ, не пѣлъ, а горючими слезами разливался, когда выводилъ:

«А хуть и ночую—всю ночь протоскую!»

— Какъ безумный, голубчики вы мои, вскакиваю я изъ-подъ того ангела, да за гондолой, бѣгу и кричу, кричу и плачу: «остановись! погоди!». Такъ, гдѣ тебѣ! Не дошелъ мой старческій гласъ до гондолы, такъ скрылась изъ глазъ моихъ... Что я слезъ выплакалъ за ту ночь, и сказать не сумѣю: на катаргѣ, въ крымской и турецкой неволѣ такъ не плакивалъ...

И старикъ дрожащими руками утеръ катившіяся по его морщинистымъ щекамъ слезы. Слушатели, видимо, были тронуты: у нихъ тоже на глазахъ блестѣли слезы.

— Ну, и что-жъ, родимый? — прервалъ общее молчаніе старый дьякъ.

Бродяга какъ бы очнулся и заплаканными глазами взглянулъ на окружающихъ его подьячихъ.

— Ну, и какъ же потомъ, дѣдушка? Сыскалъ тово, кто пѣлъ?—подсказалъ одинъ изъ подьячихъ.

— Да, точно, милостивцы,—заговорилъ снова бродяга,—проплакавши эдакъ всю ночь, я наутрѣе опять усѣлся подъ тѣмъ ангеломъ. А катарга, на котору меня брали, уходила въ море черезъ два дня: я и былъ слободенъ, бродилъ на волѣ, а бѣжать, коли-бъ и охота была, некуда, потому море кругомъ, да и ярлыкъ ужъ у меня на плечѣ красный пришитъ былъ, ка-

таржный, значитъ: никто-бъ и не перевезъ меня до берега. Сижу я этта опять подъ ангеломъ, пою про Лазаря убогаго, кто идетъ—копѣечку дастъ, а то и такъ послушаетъ, покачаетъ головой и пойдетъ прочь. Коли эдакъ къ полудню подходитъ ко мнѣ невѣдомый человѣкъ, сталъ поблизь меня и слушаетъ, да таково взглядывается въ меня. А тамъ и говоритъ по нашему, по-московски, да таково радостно: «здравствуй, говоритъ, землячекъ! Какъ тебя Богъ занесъ сюда?». Меня отъ этихъ его словъ точно варомъ обварило, узналъ я гласъ, что вчера пѣлъ «не бѣлы снѣжки». Молодой такой, пригожій, черные власы и бородка. А я стою и слова вымолвить не умѣю: отъ радости у меня языкъ отнялся, потому, въ кой-то годы человѣка увидалъ съ родной сторонушки. Сердечушко во мнѣ заходило, какъ не выпрыгнетъ. «Сказывай же, говоритъ, землячекъ: въ неволѣ томишься? Полоняникъ? Катаржный?». Я и разскажи ему все про себя, какъ на духу, откудова и слова брались! «А ты, пытаю его, кто, отецкій сынъ?». «Я, говоритъ, бѣженецъ... бѣжалъ съ родимой сторонушки... бѣгунъ... въ бѣгахъ обрѣтаюсь, и былъ, говоритъ, допрежъ сего сынокъ Аѳонасья Лаврентьича Ординъ-Нащокина, Воинъ по имени». «А почто, пытаю его, бѣжалъ отъ отца-матери?». «Съ тоски сердечной, говоритъ, бѣжалъ». А съ чево та сердечная тоска, про то не сказалъ. «Какъ же, говорю, думаешь впредь быть, Воинъ Аѳанасьичъ? Домой воротишься, али здѣсь, на чужбинѣ, останешься?» «И самъ, говоритъ, не знаю: когда я былъ, говоритъ, на Москвѣ, то она такъ мнѣ опостылѣла, что не глядѣлъ бы ни на что; я, говоритъ, и бѣжалъ, потому, за моремъ мнѣ такой рай сулили, что я обезумѣлъ, говоритъ. А какъ помыкался, говоритъ, на чужбинѣ и въ польской землѣ, и во французской, и здѣся, въ тальянской землѣ, въ Венецеѣ, да такая, говоритъ, тоска лютая къ сердцу подступила, что хоша съ мосту да въ воду, и то впору». «Дакъ отчего-жъ, говорю, не воротиться къ отцу-матери?» «Нельзя, говоритъ, этого сдѣлать: мнѣ ужъ, говоритъ, на Москву путь-дороженька заказана: на Москвѣ, говоритъ, меня плаха ждетъ. А ты, говоритъ, старче, развѣе не хочешь на родную сторонушку нести старыя кости свои!» «Какъ, говорю, не хотѣть? Сорокъ лѣтъ плачу по святой Руси; а вонъ опять меня ждетъ катарга, да и смерть въ морѣ незнаемомъ». Жаль ему меня стало. «Я, говоритъ, землячокъ, выкуплю тебя изъ неволи: иди,

говоритъ, на святую Русь да поклонись ей отъ меня горючьми слезами». И самъ заплакалъ, а я за нимъ. «Поклонись, говоритъ, отъ меня, блуднаго сына, батюшкѣ моему рожоному, можетъ, онъ проститъ меня. Да поклонись еще, говоритъ... а кому, такъ и не кончилъ: еще пуще залился горючьми слезами.

Старикъ замолчалъ и задумчиво опустилъ голову.

— Ну, и что жъ, дѣдушка?—спросилъ кто-то.

— Выкупилъ, точно выкупилъ меня изъ неволи, пошли ему Господь здравіе и спасеніе!—отвѣчалъ бродяга.

— А самъ въ Венпцеѣ остался?—спросилъ старый дьякъ.

— Въ Венпцеѣ, батюшка, да и въ Римѣ хотѣлъ побывать.

— А ты самъ какъ же?—спросилъ его.

— Я, спасибо ему, Воину Аѳонасьичу, онъ мнѣ и денегъ на дорогу далъ, я изъ Венпцеи побрелъ въ цысарскую землю, а изъ цысарской земли вышелъ въ Польшу, въ Аршавъ-городъ, а изъ Аршава-города въ Литву, а ужъ изъ Литвы на русской рубежъ: тамъ меня и взяли за приставы и отправили въ Москву, въ «разрядъ», а изъ «разряду» къ вамъ.

— Ну, спасибо тебѣ, дѣдушка, за добрыя вѣсти,—сказалъ старый дьякъ. — Ты, Проша, пропиши до конца распросныя рѣчи, а я побѣгу обрадовать благодѣтеля своего, Аѳанасья Лаврентьича. Шутка ли, схоронилъ сына, поминалъ и сорокоусты заказалъ, а онъ, на, поди! живехонекъ... Охъ, младость, младость!

Онъ торопливо вышелъ изъ приказа, но опять скоро воротился.

— Отъ радости чуть было не запамятовалъ,—говорилъ онъ впопыхахъ.—Ты, вѣрно, голоденъ, дѣдушка?—обратился онъ къ бродягѣ.

— Да, батюшка, самъ вѣдаешь, чѣмъ мы, узники, кормимся, отъ Бога да отъ добрыхъ людей.

— Такъ вотъ что, Проша,—сказалъ дьякъ,—пока я сбѣгаю къ Аѳанасью Лаврентьичу, ты спосылай въ обжорный рядъ, да хорошенько накорми дѣдушку. Не ровенъ часъ ево потребуетъ къ себѣ на глаза Аѳанасій Лаврентьичъ, чтобъ онъ здѣсь былъ.

И дьякъ поспѣшно удалился.

X. «Твой сынъ—воръ!..»

Дьякъ патріаршаго приказа, желая первымъ сообщить Нащокину радостную вѣсть, чуть не загналъ лошадь извозчика, котораго онъ нашелъ около приказа.

— Гони въ мою голову!—торопилъ онъ его.—Гони, какъ на пожаръ, прибавку получишь знатную!

И возчикъ гналъ, хлесталъ свою лошадь и кнутомъ, и возжами, и даже самъ привскакивалъ на облучкѣ.

— Соколикъ! Вывози! Грабютъ!—кричалъ онъ.

Этотъ окрикъ на московскихъ улицахъ никого тогда не удивлялъ: грабежи на улицахъ въ городѣ, особенно по вечерамъ, были явленіемъ обыденнымъ. И оттого лошади пріучены были къ такому своеобразному понуканью, и когда слышали крикъ ямщика «грабютъ»! неслись стремглавъ. Ямщицкое «грабютъ» до настоящаго времени удержалось на нашихъ проселкахъ и даже на почтовыхъ трактахъ.

— Ой, батюшки, грабютъ! Рѣжутъ!—вопилъ извозчикъ, несясь по Москвѣ.

Къ счастью для усерднаго дьяка, Нащокинъ былъ дома.

Уже одно появленіе гостя въ неурочный часъ почему-то взволновало Нащокина; но радостный видъ дьяка нѣсколько успокоилъ его.

— Батюшка, Аѳанасій Лаврентьевичъ! Вамъ Господь милость свою посылаетъ!—выпалилъ онъ, кланяясь и крестясь на передній уголъ съ образами.

— Спасибо, Карпъ Иванычъ, на добромъ словѣ,—отвѣчалъ хозяинъ.—Господь и великій государь милостями своими не оставляютъ; токмо...

— Знаю, знаю, батюшка!—безцеремонно перебилъ его гость.—Только нонѣ эту токму приходится бросить, токму-то эту.

— Какую токму, Иванычъ?—не понялъ Нащокинъ.

— Да объ ней, объ этой самой токмѣ ты самъ сичасъ упомянулъ,—хитро улыбаясь, отвѣчалъ онъ,—ты говорилъ о милостяхъ, благодарилъ Бога и великаго государя; токмо, говоришь... Знаю я эту токму, это объ сынкѣ, объ Воинѣ Аѳанасьичѣ, токмоде ево у меня Богъ взялъ... Анъ нѣтъ! Нонѣ твоя токма въ нѣтѣхъ обрѣтается.

Нащокинъ началъ было уже думать, что дьякъ съ ума сошелъ, какъ тотъ вновь выпалилъ:

— Воинъ Аѳанасьичъ живехонекъ! Поклонъ тебѣ прислалъ!

Нащокинъ растерялся: жгучая радость охватила было его, но въ тотъ же моментъ онъ еще болѣе убѣдился, что бѣдный дьякъ дѣйствительно рехнулся. Онъ испуганно попятился назадъ.

— Молись Богу, Аѳанасій Лаврентьичъ, — продолжалъ дьякъ,—сынокъ твой въ Венице-градѣ... Здоровехонекъ... Поклонъ тебѣ прислалъ.

— Что ты! Что ты!—снова испугался Нащокинъ. — Такъ это правда? Господи! Да какъ же это? Ты отъ кого это узналъ?

– Семинутъ, батюшка Аѳанасій Лаврентьичъ, сымалъ я въ приказѣ распросныя рѣчи съ одново полоняника...

— Съ полоняника, говоришь? Кто же онъ такой?

— Московскій человѣкъ, въ полону былъ сорокъ лѣтъ въ турской землѣ, и въ шпанской землѣ...

— Ну, а какъ же сынъ-отъ мой?

— Да Воинъ-отъ Аѳанасьичъ въ Венице! Да ты погоди малость, не сшибай меня съ рѣчей, дай толкомъ, по ряду все разсказать. Полоняникъ-ту этотъ былъ въ турской землѣ на катаргѣ тридцать лѣтъ, да съ катарги отгромили его шпанскаго короля нѣмцы, и жилъ онъ въ шпанской землѣ, а изъ шпанской земли ему отпущеніе дали, потому старъ человѣкъ; и пришелъ въ италійскую землю, въ Римъ-городъ, а изъ Риму по папину велѣнью въ Венице пришелъ. Вотъ въ этой самой Венице онъ и столкнулся съ сынкомъ твоимъ богоданнымъ. Да и сустрѣлись-ту они чудно таково, божіимъ изволеніемъ, и разсказать тебѣ, Аѳанасій Лаврентьичъ, дакъ не повѣришь... И «не бѣлы-то снѣжки», и «ночку-то не ночую»... «а хуть и ночую, всю ночь протоскую»...

Нащокину опять страшно стало: спятилъ съ ума старый дьякъ! Какъ же такъ? И Венице и «не бѣлы снѣжки», и сынъ его Воинъ.

— Онъ-то, Воинъ Аѳанасьичъ, и выкупилъ старца Варсунофья съ катарги, — продолжалъ дьякъ.

— Да кто этотъ Варсунофій? — допытывался Нащокинъ.

— Да полоняникъ, говорю тебѣ толкомъ: онъ и поклонъ тебѣ отъ сына принесъ.

— Гдѣ-же онъ, полоняникъ твой?

— У меня, въ патріашемъ приказѣ сидитъ, да теперь, поди, жретъ, я велѣлъ накормить ево съ обжорново ряду. Велишь, милостивецъ, я самъ его къ тебѣ приволоку... семинутъ приволоку... пущай самъ тебѣ разскажетъ и про «не бѣлы снѣжки», и про сынка.

Соблазнъ былъ слишкомъ великъ: Нащокинъ начиналъ вѣрить.

— Ну, волоки ево ко мнѣ,—сказалъ онъ,—да допрежъ выпей у меня, подкрѣпись, пойдемъ въ столовую избу.

Черезъ нѣсколько минутъ дьякъ уже опять гналъ по Москвѣ.

— Соколики, грабютъ! Рѣжутъ! — опять слышалось вдоль Неглинной.

Наконецъ, полоняникъ былъ привезенъ къ Нащокину и вторично разсказалъ ему свою безконечную Одиссею. Съ неизъяснимымъ волненіемъ слушалъ его Аѳанасій Лаврентьевичъ. Надо знать состояніе умовъ тогдашней Руси, смутное и ужасное представленіе москвичей о заморщинѣ, чтобы понять душевное потрясеніе отца, узнавшаго, что сынъ его, одинокій, покинувшій родину, бродитъ по этой незнаемой чуждальной сторонѣ. Если и имѣлось тогда, даже относительно у образованныхъ москвичей, смутное представленіе о «Еѳропіи», то развѣ только по «Лусидаріусу», изъ котораго москвичи узнавали, что гдѣ-то за Аглицкой землей солнце доходитъ до «запада» и опускается въ море, что великая рѣка Гангъ течетъ изъ рая и приноситъ съ собою какія-то райскія овощи; что есть люди съ песьими головами, или одноногіе, или даже безъ головъ, съ глазами на плечахъ и т. п. Конечно, Ординъ-Нащокинъ, умный дипломатъ и по тогдашнему времени западникъ, былъ выше этихъ дѣтскихъ представленій о «Еѳропіи»; онъ зналъ, что такое «Вениціся»; но знать, что тамъ гдѣ-то, за рубежомъ, въ качествѣ бѣглеца и «вора» (по тогдашнему «воръ»—государственый преступникъ), скитается его милый Воинъ, это было выше его силъ.

— Ну, и какъ же, говоришь ты, старче божій, плакалъ мой сынъ, когда прощался съ тобой?—спрашивалъ онъ своего дорогого гостя.

— Плакалъ, бояринъ, горько плакалъ.

— И велѣлъ мнѣ кланяться?

— Земно, говоритъ, кланяюсь моему богоданному родителю и прошу, говоритъ, его родительскаго благословенія.

— Ну, а насчетъ сердечной тоски?

— Сказывалъ и о сердечной тоскѣ, а въ чемъ и съ чего та ево сердечная тоска, тово не сказалъ.

Нащокинъ начиналъ догадываться, что это была за «сердечная тоска». Въ послѣднее время онъ что-то замѣчалъ за сыномъ: его частая задумчивость, томный взглядъ, иногда безпричинная ласковость къ нему, а потомъ видимая тоска, ясно, что у него было что-то на сердцѣ...

— Была зазноба,—рѣшилъ онъ теперь въ умѣ,—но для чево было бѣжать?

— Блудный сынъ!—вспомнились ему «комидійное дѣйствіе», которое недавно сочинилъ Симеонъ Полоцкій и приносилъ ему для прочтенія.

— Ну, а про то не говорилъ, чтобъ воротиться ему съ повинной?—который уже разъ спрашивалъ огорченный отецъ.

— Говорилъ, какъ не говорить! Да только, говоритъ, мнѣ въ Москву ужъ путь-дороженька заказана: не видать-де мнѣ родной стороны.

— Что такъ?

— А плаха, говоритъ, ждетъ меня на Москвѣ.

— А про то не говорилъ, кто ево провелъ за рубежъ?

Теперь Нащокину вспомнился прошлогодній разсказъ порубежнаго старика, что въ лѣсу надъ рѣчкою Городнею лыки дралъ: онъ говорилъ, что изъ лѣсу тогда, весной, о Николинѣ днѣ, трое выѣхало за рубежъ, а одинъ изъ нихъ одвуконь. Ясно, что ему указали дорогу за рубежъ; у него были соучастники; но кто? Поляки? Не учителя ли изъ польскихъ полонянниковъ подвели такъ? Ну, заплатили за хлѣбъ-соль.

— А про царскія деньги ничего не сказывалъ?—снова допытывался онъ.

— Нѣтъ, боляринъ, про деньги не было рѣчи; а что мнѣ далъ малость на дорогу, это точно, да и меня съ катарги выкупилъ, пошли ему Господь здравіе.

Хотѣлъ было Нащокинъ спросить и про бумаги изъ приказа тайныхъ дѣлъ, что царь поручилъ Воину отвезти къ отцу, но раздумалъ. Конечно, сынъ его не говорилъ объ этомъ съ полонянникомъ, никакого резону не было. Бумаги, конечно, онъ

уничтожилъ, если не передалъ полякамъ. А если передалъ, то это усугубляетъ его страшное преступленіе. Не потому ли такъ неподатливы были польскіе коммиссары, коронный канцлеръ Пражмовскій и гетманъ Потоцкій, при заключеніи мира въ Андрусовѣ? Эта мысль терзала Нащокина. Что можетъ подумать царь, когда узнаетъ о преступленіяхъ и предательствѣ его сына? Продать отечество! За что? Изъ-за чего?

«Сердечная тоска»... Тутъ что-то непонятное... И почему княжна Наталья Прозоровская, такая юная, такая красавица, безъ всякой видимой причины пошла въ монастырь, постриглась въ шестнадцать лѣтъ? Съ какой стати самъ Прозоровскій, князь Семенъ, такъ часто спрашивалъ его о Воинѣ, есть ли какіе слухи? Живъ ли онъ? Вотъ откуда эта «сердечная тоска» и это постриженіе княжны... Что между ними было? Почему такъ все склалось? За что, для чего погубили себя и тотъ, и эта?

Но всего больше терзала его мысль о томъ, что его Воинъ измѣнилъ Россіи, царю, который такъ былъ милостивъ къ нему? Какъ теперь онъ, Аѳанасій, покажется на глаза великому государю? Нечего сказать! Воспиталъ сынка на позоръ себѣ, на позоръ всей Россіи. Что теперь скажутъ его враги, этотъ «Тараруй» и вся его роденька, когда узнаютъ о преступныхъ дѣлахъ его сына? А они скоро узнаютъ.

Ужъ лучше бы его, въ самомъ дѣлѣ, убили! Не было бы тогда безчестія на его сѣдую голову. Всѣ бы жалѣли, какъ и теперь жалѣютъ, бѣднаго отца. А то теперь вся Москва заговоритъ: «У Аѳанасья, у царскаго любимца и гордеца, сынъ воръ! Воровствомъ ушелъ за море и за моремъ воруетъ! Не фыркать было Аѳанасію на Москву, Москва-де старыми непорядками держится, надо все новое въ ней завести, съ иноземнаго, съ заморщины! Вотъ тебѣ и завелъ, родного сынка воромъ сдѣлалъ! Во Псковѣ мужиковъ во мѣсто воеводы посадилъ. Хороши повшества, нечего сказать! Ай да Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ.

Казалось, онъ уже слышалъ эти укоризны, видѣлъ злорадныя лица враговъ, перешептыванья, лукавыя улыбки...

И зачѣмъ явился этотъ полоняникъ? Зачѣмъ разсказалъ все?

— Ахъ, зачѣмъ его не убили?—невольно вырвалось у него отчаянное восклицаніе.

«Воръ, твой сынъ воръ!» шумѣло у него въ ушахъ.

Теперь онъ, казалось, возненавидѣлъ этого старца-полоня-

ника, которому сначала такъ было обрадовался. Онъ, этотъ старикъ, принесъ ему роковую вѣсть, принесъ позоръ на его голову! Онъ, казалось, ненавидѣлъ и дьяка патріаршаго приказа, способствовавшаго перенесенію къ нему роковой тайны. Пусть бы лучше служили сорокоусты по его сынѣ, чѣмъ теперь будутъ благовѣстить вездѣ о его позорѣ.

Сказать дьяку, чтобъ все это замялъ, что никакого полоняника не допрашивали, уничтожить самыя «распросныя рѣчи», а его самого сослать въ такое мѣсто, куда воронъ костей не занашивалъ?

Да, сослать, «распросныя рѣчи» сжечь, дьяку ротъ запечатать! Онъ, Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ, все это можетъ сдѣлать, онъ силенъ въ московскомъ государствѣ, онъ правая рука царя...

Къ вечеру Ординъ-Нащокинъ слегъ, онъ не выдержалъ страшнаго душевнаго потрясенія.

Въ горячечномъ бреду онъ шепталъ: «какъ я покажусь на глаза великому государю!.. Онъ скажетъ мнѣ: Аѳанасій! Твой сынъ—воръ»!.

XI. «Возьми свой одръ и ходи»...

Между тѣмъ, наверху, у царя, вотъ что происходило.

Алексѣю Михайловичу въ тотъ же вечеръ успѣли доложить, что сынокъ Аѳанасія Лаврентьевича не убитъ и не пропалъ безъ вѣсти, а проявился за моремъ, во градѣ-Венецѣ; что тамъ онъ туляетъ въ нѣмецкомъ платьѣ, «пьетъ богомерзкую табаку» и играетъ въ зернь; что словами своими безчеститъ московское государство и его, великаго государя; что онъ вывезъ съ собою за море столько денегъ, что швыряетъ ими направо и налѣво и выкупаетъ съ каторги полоняниковъ; что, наконецъ, собирается въ Римъ, къ папѣ, чтобъ перейти тамъ въ папину вѣру, а свою православную вѣру ногами потоптать. Говорили намеками, что Аѳанасьевны новшества къ добру не приведутъ.

Вообще все это говорилось осторожно, съ оглядкою, неровенъ-де часъ.

Алексѣй Михайловичъ слушалъ всѣ эти подходы, но своего мнѣнія не высказалъ, хотя и выразилъ сожалѣніе объ отцѣ, обманувшемся въ любимомъ сынѣ.

Его только одно удивляло, почему самъ Аѳанасій не явился къ нему, чтобъ лично доложить обо всемъ, что онъ узналъ.

Потому на другой день, рано утромъ государь приказалъ позвать къ себѣ Ордина-Нащокина. Посланный воротился и доложилъ слѣдующее: Аѳанасій Лаврентьевичъ такъ убитъ, что опасно занемогъ и не можетъ головы поднять съ подушки; что всю ночь онъ метался и въ бреду все повторялъ: какъ онъ теперь явится великому государю на очи. Боятся, какъ бы старикъ со стыда и горя, когда придетъ въ себя, рукъ на себя не наложилъ.

Это извѣстіе такъ встревожило государя, что онъ тотчасъ же пошелъ на половину царицы, чтобъ посовѣтоваться. Въ такихъ дѣлахъ женскій умъ можетъ иногда скорѣе разобраться, чѣмъ мужской: въ дѣлѣ Нащокина затрогивалась область семьи, область сердца, а тутъ женщина дальновиднѣе мужчины и найдетъ разгадку тамъ, гдѣ мужчина, можетъ быть, и искать не будетъ. Онъ же такъ любилъ Аѳанасія, что ему страшно было потерять его.

У царицы онъ засталъ свою любимицу Софьюшку. Юная царевна все носилась съ своимъ «Лусидаріусомъ». Онъ ей просто спать не давалъ, такъ эта книга волновала ея воображеніе. Теперь ей не давалъ спать вопросъ о томъ, гдѣ собственно находится рай на землѣ; а что онъ былъ на землѣ, изъ «Лусидаріуса» это ясно, какъ день.

— Какъ же, мама, — горячилась она, — тутъ именно глаголетъ «Лусидаріусъ», что первая часть міра есть Азія, въ ней же восходитъ солнце, отъ рая же исходитъ источникъ единъ, изъ того источника текутъ четыре рѣки: едина нарицается Виссонъ; егда же изыдетъ изъ рая, тогда именуется Гангія... Ну, видишь, мамочка, на землѣ рай.

— Кажись бы, на землѣ,—отвѣчала Марья Ильишна.

— Такъ, мамочка, — продолжала Софья, — ну, слушай: «вторая рѣка Гедеонъ; егда же изыдетъ изъ рая, нарицается Нилъ; третія Тигръ; четвертая Еѳратъ».

— Такъ, такъ, милая, — задумчиво соглашалась царица.

— Какъ же, мамочка, въ рай попасть? Можно?—приставала неугомонная дѣвочка.

— Нѣтъ, нельзя, милая: вить Богъ Адама и Еву изгналъ изъ раю.

— Такъ что-жъ, мама! Онъ согрѣшилъ, яблочко съѣлъ, а мы не ѣли.

Царица невольно разсмѣялась.

— Дурочка еще ты, вотъ что.

— Нѣтъ, мама, а ты слушай,—настаивала Софья,—тутъ пишется, что до рая человѣку сущу во плоти дойти невозможно...

— Видишь?—перебила ее Марья Ильишна.

— Нѣтъ, а ты слушай: понеже, говоритъ, облежатъ рай великія горы и чащи лѣсныя; подлѣ оныхъ лѣсовъ великія поля, широты и долготы презельныя, и на тѣхъ поляхъ много превеликихъ драконовъ и иныхъ лѣсныхъ звѣрей; потомъ начнется ближе всѣхъ къ тѣмъ мѣстамъ край земли—Индія земля и великая рѣка Индусъ, яже течетъ изъ горы Кауказосы и течетъ въ Чермное море. Въ тое землю трудно доити человѣку, понеже на единой половинѣ въ Вендейское море течетъ рѣка превеликая Индусъ, и прележитъ ко границѣ великое море, яко невозможно по немъ прейти въ четыре лѣта... Такъ какъ же, мамочка,—волновалась Софья,—коли невозможно въ четыре лѣта перейти сіе поле, то въ пять можно? Говори же, мама, можно?

За этимъ горячимъ разговоромъ засталъ ихъ Алексѣй Михайловичъ.

— Чево Софья-то изъ себя выходитъ?—спросилъ царь.

— Да все вотъ рай хочетъ найти,—улыбнулась государыня.

— Рай? — обратился Алексѣй Михайловичъ къ дочери.— Ужъ и ты не хочешь ли по Воиновымъ слѣдамъ итти?

— По какимъ Воиновымъ слѣдамъ, батюшка царь?—удивилась Софья.

— А сынка Аѳанасьева Ордина-Нащокина.

— А что, батюшка? — встрепенулась царевна.

Она знала, что Воинъ пропалъ безъ вѣсти. Она знала этого Воина, красиваго молодца, часто его видѣла и во дворцѣ, и въ церкви, и была къ нему, по своему, конечно, по-дѣтски, очень неравнодушна. А потому она очень покраснѣла, когда отецъ упомянулъ его имя.

— Что-жъ Воинъ? — не глядя на отца, переспросила она.— Вить его давно нѣтъ на свѣтѣ.

— Нѣтъ, дочушка, здравствуетъ, и такъ же, какъ ты вотъ, дорогу въ рай отыскиваетъ,—серьезно отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ.

И царица, и царевна посмотрѣли на него въ недоумѣніи.

— Ты шутишь, государь?—спросила первая.

— Не до шутокъ мнѣ, матушка-царица,—грустно отвѣчалъ царь.—Я пришелъ къ тебѣ объ этомъ именно и посовѣтоваться. Воинъ отыскался, живъ и невредимъ.

— Ахъ, батюшка!—невольно воскликнула Софья.

— Подлинно говорю, живъ, — продолжалъ Алексѣй Михайловичъ,—и нонѣ во градѣ Венецѣ обрѣтается. Отай ушелъ онъ изъ московскаго государства, бѣженцемъ, какъ блудный сынъ, и своимъ воровствомъ отца убилъ: Аѳанасій, узнавъ про воровство сынка, зѣло занемогъ. Да и каково отцу, и то надо сказать. Всю ночь, нонѣ, говорятъ, Аѳанасій-ту огнемъ горѣлъ и метался: «какъ я, говоритъ, теперь великому государю на очи покажусь»? Смерти бѣдный старикъ проситъ.

— Ахъ, онъ, горемычный!—соболѣзновала царица.

— И мнѣ ево жаль, ахъ, какъ жаль!—повторялъ Алексѣй Михайловичъ. — А какъ поправить дѣло? Что дѣлать, я и ума не приложу.

Царица задумалась. Всѣ молчали. Софья тихо ласкалась къ отцу и вопросительно глядѣла въ его задумчивые глаза.

— Какъ ни какъ, а старика надо пожалѣть, — сказала Марья Ильишна, — вѣрный старикъ, царства твоего и твоего государскаго покоя рачитель, ево поберечь надоть, утѣшить.

— И я такъ думаю, Маша, — согласился «тишайшій».

— А съ сынкомъ расправа послѣ,—пояснила царица.

— А что Воину будетъ, батюшка?—тревожно спрашивала отца Софья.

Она была дѣвочка умная, всегда любила быть съ большими, и потому она многое знала, что говорилось и дѣлалось при дворѣ: оттого, можетъ быть, она и вышла изъ-ряду вонъ, стала небывалымъ явленіемъ среди женщинъ XVII вѣка.

Алексѣй Михайловичъ не отвѣчалъ на ея вопросъ, а только погладилъ ея головку.

— Ты права, Маша,—повторилъ онъ,—утѣшимъ старика, и понѣже, ни мало не помедля: я напишу ему самъ, успокою его. А то долго ли до грѣха! Помретъ старикъ съ печали и со страху. Пойду, напишу.

И Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ къ себѣ.

— Вонъ оно, дочка, что значитъ рай-ту искать,—сказала Марья Ильишна.

— А развѣ, мама, онъ рай искалъ?—встрепенулась Софья.

— Вѣстимо. Тѣсно, вишь, и душно ему стало въ московскомъ государствѣ: пойду-де и я поищу, гдѣ солнце встаетъ и гдѣ оно заходитъ. Ишь новый Иванъ-царевичъ выискался, поѣхалъ жаръ-птицу искать да моложеватыя яблоки! Живой-ту воды не нашолъ, а мертвой-отъ водицы родителю прислалъ. Утѣшилъ старика!

— А что ему за это будетъ, мама?—робко спросила Софья.

— Ну, не похвалитъ за это государь.

— Казнить велитъ?

— Не знаю; а только не похвалитъ.

— Ево, мама, привезутъ изъ Веницеи?

Софья что-то вспомнила и бросилась къ своей излюбленной книгѣ, къ «Лусидаріусу». Она торопливо перевернула нѣсколько страницъ и остановилась.

— Такъ вонъ онъ гдѣ теперь, Воинъ, въ Венецыи,—сказала она, что-то соображая; потомъ прочла:—«Тамъ Венецыя, юже созда царь Упутусъ, оттолѣ вышла рѣка Рынъ, и течетъ по французской землѣ»... Ахъ, мама, куда онъ зашелъ! Вотъ молодецъ!

— Смотри, какъ бы этому молодцу не пришлось отвѣдать этой Венецыи въ Москвѣ,—замѣтила царица.

Но Алексѣй Михайловичъ оказался добрѣе, чѣмъ думала Марья Ильишна.

Когда Ординъ-Нащокинъ, послѣ мучительно проведенной ночи и тревожнаго утра, къ полудню забылся сномъ, ему принесли отъ царя письмо.

Сонъ нѣсколько подкрѣпилъ несчастнаго старика. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собою улыбающееся лицо Симеона Полоцкаго.

— Великій государь тебѣ милость прислалъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ, — сказалъ онъ съ южно-рускимъ акцентомъ,— бальзамъ на раны.

— Какую милость? — испуганно спросилъ Нащокинъ.

— Говорю: бальзамъ на раны,—повторилъ вкрадчиво хохолъ,—возьми одръ твой и ходи; прочти сіе!

Онъ подалъ ему письмо Алексѣя Михайловича.

Руки Нащокина дрожали, когда онъ распечатывалъ его;

но когда сталъ читать, слезы умиленія полились у него изъ глазъ; царь утѣшалъ его, просилъ не предаваться отчаянію, оправдывалъ даже его преступнаго сына.

Нащокинъ не могъ дольше сдерживать себя: онъ вслухъ восторженно прочелъ окончаніе царскаго письма:

«Твой сынъ—человѣкъ молодой (читалъ онъ, глотая слезы), хощетъ созданіе Владычне и руку его видѣть на семъ свѣтѣ, якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо, и, полетавъ довольно, паки къ гнѣзду своему прилетитъ. Такъ и сынъ твой вспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе ко святой купели и къ тебѣ скоро возвратится».

Нащокинъ съ благоговѣніемъ цѣловалъ посланіе царя, цѣловалъ и плакалъ.

— Возьми одръ твой и ходи,—повторялъ Семеонъ Полоцкій.

XII. Слѣпцы вожатые.

Во все время, пока продолжались переговоры русскихъ или, вѣрнѣе, московскихъ пословъ съ польскими коммиссарами о мирѣ, военныя дѣйствія не прекращались ни съ той, ни съ другой стороны; но только, если можно такъ выразиться, боевая линія, съ весны 1665 года, передвинулась гораздо южнѣе. Война шла почти исключительно, можно сказать, въ предѣлахъ правобережной Украйны, къ западу и югу отъ Кіева.

Въ то время правобережная Украйна совершенно отпала отъ Малороссіи и имѣла своихъ гетмановъ, польскихъ и турецкихъ ставленниковъ, какъ Юрій Хмельницкій, Тетеря и другіе. Вся же лѣвобережная Украйна и Запорожье находились подъ главенствомъ гетмана Брюховецкаго, посланцевъ котораго мы уже видѣли въ Москвѣ, весною 1664 года, на аудіенціи у Алексѣя Михайловича въ столовой избѣ, гдѣ мы въ первый разъ увидѣли и Воина Ордина-Нащокина.

Весною 1665 года, Брюховецкій съ нѣсколькими украинскими полками и великорусскими ратными людьми перешелъ на правую сторону Днѣпра. Съ польской же стороны противъ него шелъ знаменитый польскій полководецъ Чарнецкій съ немнѣе знаменитымъ короннымъ хорунжимъ Яномъ Собѣскимъ, впослѣдствіи королемъ Рѣчи Посполитой, съ Махновскимъ, съ гетманомъ Тетерею и другими.

Чарнецкій двигался по направленію къ Суботову, нѣкогда бывшему владѣнію Богдана Хмельницкаго, гдѣ когда-то этотъ послѣдній держалъ у себя въ плѣну этого самаго Чарнецкаго, посла поляковъ при Желтыхъ-Водахъ.

Брюховецкій же въ это время стоялъ ниже Чигиринца, у Бужина, гдѣ тогда находился и запорожскій кошевой Сѣрко съ своими казаками.

Весенній день близился къ вечеру, когда одинъ изъ передовыхъ отрядовъ польскаго войска, среди пересѣкающихся лѣсныхъ дорожекъ, тропъ и болотъ, какъ казалось его предводителю, сбился съ пути. Въ это время на одной изъ боковыхъ тропъ, изъ-за болота, показались трое путниковъ. Это были бродячіе нищіе, слѣпцы, которыхъ тамъ называютъ «старцями» и которые, какъ великорусскіе «калики перехожіе», бродятъ по ярмаркамъ и распѣваютъ духовные стихи, думы, а иногда и сатирическія пѣсни, по желанію слушателей. Иногда они поютъ и подъ звуки лиры, кобзы или бандуры, почему и называются то лирниками, то кобзарями, то бандуристами.

Завидѣвъ слѣпцовъ, польскіе жолнеры остановили ихъ. Двое изъ нихъ были слѣпые — одинъ старикъ, другой помоложе, а третій — мальчикъ, ихъ «поводатырь» или «мѣхоноша». У всѣхъ у нихъ было въ рукахъ по длинному посоху, а за плечами крестъ-на-крестъ висѣли сумы для подаяній.

— Вы здѣшніе, хлопы?—спросилъ ихъ усатый шляхтичъ со шрамомъ на щекѣ.

— Тутошни, панове,—отвѣчалъ старшій слѣпецъ.

— А дорогу до Суботова хорошо знаете? — спрашивалъ дальше шляхтичъ.

— Какъ же не знать, панове?—отвѣчалъ младшій.—Вы сами, бувайти здорови, вѣдаете, что жебрака, какъ и волка, ноги кормятъ: какъ волкъ знаетъ въ лѣсу всѣ дорожки, такъ и слѣпцы жебраки.

Нѣкоторые жолнеры разсмѣялись.

— И точно волки, а малецъ совсѣмъ волчонкомъ смотритъ. Ты чей?

— Ничей,—бойко отвѣчалъ мальчикъ.

— Какъ ничей?—удивился шляхтичъ.

— Ничей, пане: моего батька татары зарѣзали, а мать въ полонъ увели.

— А это за то, что вы противъ пановъ все бунтуете.

— Мы не бунтуемъ, пане.

— Ладно! Такъ показывайте намъ дорогу до Суботова. А сегодня мы туда дойдемъ?

— Не скажу, — отвѣчалъ старшій.

— Какъ не скажешь, пся крэвъ!—вспылилъ шляхтичъ.

— Не скажемъ,—повторили оба слѣпца.

Шляхтичъ замахнулся-было палашомъ, чтобъ ударить того или другого за дерзкій отвѣтъ, какъ его почтительно остановилъ одинъ изъ городовыхъ казаковъ, родомъ украинецъ.

— Они, вашмость, не не хотятъ сказать, а не знаютъ,—сказалъ онъ,—это такая хлопская рѣчь: когда они чего не знаютъ, то говорятъ «не скажу».

— Такъ-такъ, паньство,—подтвердилъ старшій слѣпецъ,—ужъ такая у насъ, у хлоповъ, рѣчь поганая. А сдается мнѣ, панове, что сегодня вы не дойдете до Суботова, далеконько еще.

— Такъ маршъ впередъ!—скомандовалъ шляхтичъ.

Скучившіеся было около слѣпцовъ жолнеры разступились, и отрядъ двинулся. Гдѣ-то позади какой-то хриплый голосъ затянулъ:

Wyszla dziewczyna wyszla iedyna,
Jak rózowy kwiat,

и тотчасъ же оборвался. Слышны были шутки, перебранки, смѣхъ.

— А пусть жебраки запоютъ какую-нибудь думу, все будетъ веселѣе итти,—предложилъ городовой казакъ съ огромной серьгой въ ухѣ.

— И то правда! Пусть затянутъ свою хлопскую думу,—согласились другіе.—Эй, вы, слѣпаки! Затяните-ка думу, да хорошую!

— Какую-жъ вамъ, панове? — отвѣчалъ старшій слѣпецъ, не оглядываясь, но ощупывая посохомъ путь.

— Какую знаете,—былъ отвѣтъ.

Слѣпцы тихонько посовѣтывались между собою, и младшій изъ нихъ, вынувъ изъ-подъ полы своей ободранной «свитипы» бандуру, сталъ ее налаживать и тихо перебирать пальцами струны. Скоро онъ затянулъ одну изъ любимѣйшихъ для каждаго украинца думу. «Невольницкій плачъ», думу, содержаніе

и мелодія которой хватали за душу каждаго, потому что въ то время чуть ли не изъ каждой украинской семьи кто-либо томился въ крымской или въ турецкой неволѣ. Скоро и второй голосъ присоединился къ первому, и оба голоса, равно какъ и мелодія думы, буквально рыдали.

Дума говорила о томъ, что не ясный соколъ плачетъ-выкрикиваетъ, а то сынъ къ отцу-матери изъ тяжкой неволи въ города христіанскіе поклонъ посылаетъ, яснаго сокола роднымъ братомъ называетъ «соколъ ясный, братъ мой родненькій! Ты высоко летаешь, ты далеко видишь, отчего ты у моего отца и матери никогда въ гостяхъ не побываешь? Полети ты, соколъ ясный, братъ мой родненькій, въ города христіанскіе, сядь, упади у моего отца и матери передъ воротами, жалобно прокричи, про мою казацкую участь припомяни. Пусть отецъ и матушка мою участь казацкую узнаютъ, свое добро-имущество съ рукъ сбываютъ, богатую казну собираютъ, головоньку мою казацкую изъ тяжкой неволи вызволяютъ! Потому что какъ станетъ Чорное море выгравать, такъ не будуть знать ни отецъ, ни матушка, въ которой каторгѣ меня искать, въ пристани ли Козловской, или въ Цареградѣ на базарѣ. А тутъ разбойники, турки-янычары, станутъ на насъ, невольниковъ, набѣгать, за Красное море въ Арабскую землю продавать, будутъ за насъ серебро-злато, не считая, и сукна дорогія поставами, не мѣряя, безъ счету брать»...

Воодушевленіе пѣвцовъ росло все больше и больше. Слушателямъ, особливо же изъ городовыхъ казаковъ, которые всѣ были чистѣйшіе украинцы, казалось, что это поютъ и плачутъ сами невольники, измученные, ослѣпленные мучителями-янычарами, что, дѣйствительно, они обращаются къ соколу, къ ясному солнцу, къ небесному своду. Всѣ толпились поближе къ пѣвцамъ и слушали-слушали, затаивъ дыханіе или же украдкой смахивая со щеки предательскую слезу. А они, поднимая свои слѣпые глаза къ небу, пѣли все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ. Самая бандура, совсѣмъ не хитрый инструментъ, и та, казалось, рыдала, и у нея духъ захватывало отъ рыданій.

Потомъ бандура и голоса пѣвцовъ какъ-то обрывались, и этотъ перерывъ еще больше томилъ душу слушателя: казалось,

онъ ждалъ, что же будетъ дальше въ этомъ безбрежномъ морѣ печали.

А бандура опять тренькала, сначала одинъ голосъ, потомъ другой, и снова раздавался невольничій плачъ и проклятіе:

«Будь ты проклята, земля турецкая, вѣра бусурманская! Ты наполнена сребромъ-златомъ и дорогими напитками, только бѣдному невольнику на свѣтѣ невольно: ни Рождества Христова, ни Свѣтлаго Воскресенья бѣдные невольники не знаютъ, все въ проклятой неволѣ, на турецкой каторгѣ, на Черномъ морѣ изнываютъ, землю турецкую, вѣру бусурманскую проклинаютъ: ты земля турецкая, ты, вѣра бусурманская, ты, разлука христіанская: не одного ты разлучила за семь лѣтъ войною, мужа съ женою, брата съ сестрою, дѣтей маленькихъ съ отцомъ и матерью! Высвободи, Боже, бѣднаго невольника на святорусскій берегъ, на край веселый, межъ народъ крещоный!»

— Поганая пѣсня! Самая хлопская!—послышалось среди жолнеровъ.

— Спойте другую, а то мы уснемъ. Пойте веселую!

— Вотъ что, люди божьи, спойте имъ про казака, что штаны латаетъ, либо про Пазину!—со смѣхомъ отозвался городовой казакъ съ огромной серьгой въ ухѣ.

И вдругъ неожиданно старый слѣпецъ, повернувшись лицомъ къ жолнерамъ и взявъ бандуру у товарища, быстро забренчалъ и, семеня ногами, запѣлъ:

Хто попа й попадю,
А я Пазину люблю,
Люблю у день и въ ночи
Ясне свитло гасючи
На Пазини корали—
Сто золотыхъ давали
А ни батько купивъ,
А и мати дала:
Сама добра була—
Съ козаками добула.
Здобула, здобула—
Бо хороша була!

— Ай да дѣдъ! Виватъ! Виватъ!—кричали жолнеры.

А слѣпецъ, серьезно отплясавъ, снова повернулся и зашагалъ, ощупывая посохомъ дорогу.

— Еще веселой! Еще, старче Божій!—не унимались жолнеры.

Старикъ опять повернулся къ нимъ лицомъ, повелъ слѣпыми очами, въ которыхъ видны были только бѣлки, взялъ у товарища бандуру и перебирая по струнамъ пальцами, залихватски затренькалъ и сталъ выдѣлывать ногами невообразимые выкрутасы, приговаривая:

Баба рака купила,
Три полушки дала,
Тричи юшку варила
Добра юшка була!

Снова взрывъ хохота и одобрительные возгласы.

— Да, эти хлопы хоть куда! Превеселый народъ! А еще говорятъ, что подъ польскою властью имъ не хорошо живется: если-бъ въ самомъ дѣлѣ было не хорошо, то не выдумали бы такихъ пѣсенъ.

Между тѣмъ начинало темнѣть. Пора было и привалъ дѣлать.

— Эй, слѣпаки! — крикнулъ шляхтичъ со шрамомъ на щекѣ.—Далеко еще до Суботова?

— Далеконько, пане,—былъ отвѣтъ.

— За свѣтло не дойдемъ?

— Гдѣ дойти, пане, не дойдемъ.

— Такъ дѣлать привалъ!—скомандовалъ шляхтичъ.

Приказъ начальника облетѣлъ весь отрядъ. Задніе ряды также остановились. Надвигались задніе отряды и располагались у опушки густого лѣса.

Скоро по всей равнинѣ запылали костры. Слышался смѣшанный гулъ голосовъ, ржанье коней, хлопанье бичей. У одного изъ крайнихъ къ лѣсу костровъ расположились и слѣпцы, сдявъ съ себя сумки, и слышно было, какъ тихо тренькала бандура и такъ же тихо, монотонно, раздавался голосъ младшаго слѣпца, который пѣлъ.

Летитъ орелъ проти сонця,
Згорда позирае:
Хто не знае коханнячка,
Той счастя не знае.
Плыве козакъ черезъ море,
Въ мори потопае:
Хто не знае коханнячка—
Той журбы не знае.

Скоро весь польскій станъ, утомленный продолжительнымъ переходомъ, спалъ крѣпкимъ сномъ. Скоро и костры потухли.

XIII. Вмѣсто карася—щука.

Ночь была тихая, теплая, но темная. Въ такія ночи особенно ярко горятъ звѣзды.

Тихо было и въ станѣ. Слышно было, какъ иногда фыркали лошади, позвякивая путами, но и тѣ, кажется, поснули. Не спалъ только соловей, задорно щелкавшій въ сосѣдней чащѣ, да иногда изъ этой чащи доносился глухой стонъ «пугача» филина.

Какъ ни была темна ночь, но при слабомъ мерцаніи звѣздъ хорошій глазъ могъ различить на бѣломъ фонѣ разбитой у опушки лѣса палатки человѣческую тѣнь, которая медленно шевелилась, то нагибаясь къ землѣ, то поднимаясь. Всматриваясь пристальнѣе, можно было замѣтить, что отъ одного изъ потухшихъ костровъ, именно отъ того, около котораго расположились на ночлегъ слѣпые нищіе, тихо отдѣлились двѣ человѣческія фигуры и такъ же тихо поползли по направленію къ той палаткѣ, на бѣломъ фонѣ которой шевелилась человѣческая тѣнь.

Когда тѣ двѣ тѣни, которыя отдѣлились отъ костра, неслышно подползли ближе къ палаткѣ, то по движеніямъ той одинокой тѣни они могли различить, что эта одинокая тѣнь молится.

Двѣ тѣни все ближе и ближе подползаютъ къ палаткѣ.

Вдругъ эти тѣни моментально накрываютъ собою молящуюся тѣнь, наклонившуюся къ землѣ. Произошло какое-то движеніе, борьба, но ни звука.

Такъ же беззвучно эти тѣни понесли что-то въ кусты и исчезли въ чащѣ лѣса. Около палатки одинокой тѣни уже не было.

Въ станѣ опять тихо, ни звука, ни движенія. Въ чащѣ, между трелями соловья, глухо простоналъ филинъ. Ему отвѣтилъ, ближе къ стану, такой же стонъ ночной птицы.

Но не ночная птица стонала это. Крикъ филина раздался изъ горла одной изъ человѣческихъ тѣней, пробиравшихся въ глубину лѣсной чащи и тащившихъ ту одинокую тѣнь, которая молилась у палатки.

— Не крутись, ляше, не выпустимъ,—шопотомъ сказала одна тѣнь, и въ этомъ шопотѣ можно было узнать голосъ того слѣпого нищаго, который недавно пѣлъ у костра:

Хто не знае коханнячка—
Той счастя не знае.

— Не бойся, ляше, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ,—говорилъ шопотомъ другой голосъ, голосъ другого слѣпца,—а пуще всего не вздумай кричать, такъ и всажу межъ реберъ вотъ этотъ ножъ по самый черенокъ.

Тотъ, къ кому относились эти слова, силился что-то сказать, но не могъ, у него во рту былъ «кляпъ».

— Ну, теперь его можно и на ноги поставить,—сказалъ старшій нищій, мнимый слѣпецъ,—ну, ляше, иди съ нами, а то тебя важко нести.

— Ну-ну, ляшеньку, вставай... держись... мы люди добрые.

Они опустили ношу на землю. Тотъ всталъ и набожно перекрестился.

— А! Да ляхъ, кажись, по нашему крестится,—замѣтилъ одинъ нищій,—а ну, ляше, перекрестись.

Плѣнникъ перекрестился.

— Вотъ чудо! А побожись, перекрестись, поклянись, что не будешь кричать, и мы у тебя «кляпъ» вынемъ изо рта. Ну!

Плѣнникъ повиновался и перекрестился три раза.

Стонъ филина послышался ближе. Ему отвѣчалъ одинъ изъ нищихъ такимъ же стономъ.

— Ну, вотъ теперь ты и безъ «кляпа», ляше.

Плѣнному освободили ротъ отъ затычки.

— Ну, теперь здравствуй, ляше, вашмосць! Мамъ гоноръ,—путливо заговорилъ старшій нищій,—сказывай, панъ, кто ты?

— Я не полякъ, я русскій изъ московскаго государства,—отвѣчалъ плѣнный чистою московскою рѣчью.

Тѣ были ошеломлены этой неожиданностью.

— Какъ! Ты не ляхъ? Оттака ловись!

— Вотъ поймали щуку замѣсь карася! Какъ же ты попалъ къ ляхамъ?

— Меня польскіе жолнеры взяли въ полонъ, когда я изъ Мультянской земли, отъ волохъ, пробирался въ Черкасскую землю, въ Кіевъ-градъ, къ святымъ угодникамъ печерскимъ,—отвѣчалъ плѣнникъ.

— Те-те-те! Вотъ подсидѣли райскую птицу!

— Какъ же ты, человѣче, попалъ къ волохамъ?—спросилъ старшій нищій.

— По грѣхамъ моимъ... Такъ Богу угодно было,—уклончиво отвѣчалъ плѣнникъ.

— Э! Да ты, человѣче, я вижу, не разговорчивъ: думаю, что съ нашимъ «батькомъ» ты скорѣй разговоришься.

Они продолжали двигаться лѣсною тропой. Начинало свѣтать, когда передъ ними открылась небольшая полянка среди чащи лѣса.

— Пугу! Пугу!—раздался вдругъ крикъ филина; но это выкрикнулъ не филинъ, а старшій нищій.

— Пугу! Пугу!—послышался отвѣтъ съ полянки.

— Казаки съ лугу!—сказали оба нищіе.

На этотъ возгласъ послышалось тихое, радостное ржаніе коней.

— Здоровы бывали, хлопцы! Съ добычею! А какую птицу поймали?

Это говорилъ показавшійся на полянкѣ запорожецъ въ высокой смушковой шапкѣ съ краснымъ верхомъ, въ широкихъ синихъ штанахъ и съ пистолетами и кинжалами за поясомъ. Съ боку у него болталась длинная кривая сабля. Тутъ же оказался и мальчикъ «поводатырь» съ бандурою въ рукахъ и съ мѣшкомъ за плечами.

— И ты ужъ тутъ, вражій сынъ?—замѣтилъ ему старшій нищій.

— Тутъ, дядьку,—улыбнулся мальчикъ.

Это уже были не слѣпцы, жалкіе и согбенные, а молодцы съ блестящими глазами, хотя и въ нищенскомъ одѣяніи, ободранные и перепачканные.

Тотъ, кого они привели съ собой, оказался богато одѣтымъ, молодымъ человѣкомъ, но не въ польскомъ, а въ нѣмецкомъ платьѣ.

Запорожцы, это оказались они, съ удивленіемъ глядѣли на своего плѣнника. Они, повидимому, не того искали.

— Такъ ты не ляхъ?—снова спросили его.

— Я ужъ вамъ сказалъ, что я изъ московскаго государства,—былъ отвѣтъ.

— А въ польскомъ войскѣ давно?

— Недѣли три будетъ.

— А кто ведетъ войско, не Янъ Собѣскій?

— Нѣтъ, самъ Чернецкій, а съ нимъ и Собѣскій, и Махновскій съ гетманомъ Тетерею и татарами.

— Тетеря! Собачій сынъ! Совсѣмъ обляшился!—съ сердцемъ произнесъ старшій запорожецъ-нищій. — Попадется онъ намъ въ руки, лядскій попыхачъ! А теперь они идутъ къ Суботову?

— Къ Суботову, а послѣ, сказывали, Чигиринъ добывать будутъ, а добывши Чигирина, хотятъ переправиться за Днѣпръ.

— За Днѣпръ! Какъ бы не такъ! Мы имъ зальемъ за шкуру сала.

— А сколько у нихъ войска и всякой потребы?—спросилъ другой запорожецъ, что былъ при лошадяхъ.

— Силы не маленьки,—отвѣчалъ плѣнникъ,—а сколько числомъ, того не вѣдаю.

Запорожцы стали собираться въ путь. Мнимые нищіе сняли съ себя лохмотья и надѣли казацкое одѣяніе, которое вмѣстѣ съ оружіемъ и «ратищами»—длинныя пики, спрятано было въ кустахъ. Тотчасъ же были и кони осѣдланы.

— Такъ скажи же теперь намъ, человѣче, какъ тебя зовутъ?—спросилъ старшій запорожецъ.—Надо жъ тебя по имени величать.

— Зовутъ меня Воиномъ,—отвѣчалъ плѣнникъ.

— Воинъ! Вотъ чудное имя!—удивились запорожцы.

— Вотъ имячко дали эти москали! Чудной народъ. Мы знаемъ въ святцахъ только одного Ивана Воина. А по батюшкѣ какъ тебя звать?

— Мой батюшка Аѳанасій.

— А прозвище?

— Ординъ-Нащокинъ.

— Не слыхали такого. Ну, да все равно: батько кошевой, можетъ, и знаетъ. Ну, теперь на-конь, братцы. Да только вотъ что, Остапе,—обратился старшій запорожецъ къ тому, который оставался при лошадяхъ,—мы, братъ, этого воина несли на рукахъ, а ты его повези теперь на конѣ, потому у насъ четвертаго коня не припасено для него.

— Добре!—отвѣчалъ тотъ. — Пускай хлопцы подумаютъ, что я везу бранку, красавицу ляшку. Ну, братъ Воинъ, взбирайся на моего коня, да садись позади сѣдла и держись руками за мой «чересъ».

Воинъ сдѣлалъ, что ему велѣли. Передъ нимъ на сѣдлѣ помѣстился Остапъ.

— Что, ловко сидѣть? Не упадешь?—спросилъ онъ плѣнника.

— Не упаду.

Мальчикъ «поводатырь» снялъ свой измятый «бриль» и сталъ прощаться съ запорожцами.

— А, вражій сынъ!—улыбнулся старшій запорожецъ.—На же тебѣ злотаго.

И онъ подалъ мальчику монету. Получивъ награду, мальчуганъ, словно лѣсной мышенокъ, юркнулъ въ чащу и исчезъ.

Запорожцы двинулись въ путь.

XIV. «Опять соловьи!..».

Къ вечеру этого же дня наши запорожцы вмѣстѣ съ плѣнникомъ прибыли къ войску гетмана, которое расположилось станомъ у Бужина. Въ таборѣ уже пылали костры, то украинскіе казаки, запорожцы и московскіе ратные люди варили себѣ вечернюю кашу.

Завидѣвъ приближающихся всадниковъ, запорожцы узнали въ нихъ своихъ товарищей и уже издали махали имъ шапками.

— Э! Да они везутъ кого-то: вѣрно, языка захватили.

— Вотъ такъ молодцы! У бабы пазуху скрадутъ, какъ пить дадутъ, и не услышитъ.

Тѣ подъѣхали ближе и стали здороваться.

— Что, паны-братцы, языка везете?—спрашивали ихъ.

— Языка-то языка, да только языкъ ужъ очень мудреный,—былъ отвѣтъ.

— А что, не говоритъ собачій сынъ? Перцу ждетъ?

— Нѣтъ, языкъ-то у него московскій, а не лядскій.

— Такъ не тотъ черевикъ баба надѣла?

— Нѣтъ, тотъ, да ужъ очень дорогой, кажется.

Всѣ окружили пріѣхавшихъ и съ удивленіемъ разсматривали плѣнника въ нѣмецкомъ платьѣ.

Вдругъ раздались голоса:

— Старшина ѣдетъ, братцы! Старшина! Вонъ и панъ гетманъ и батько кошевой сюда ѣдутъ.

Дѣйствительно, вдоль табора ѣхала группа всадниковъ, при-

ближаясь къ тому мѣсту, гдѣ остановились наши запорожцы съ плѣнникомъ. Послѣдніе сошли съ коней въ ожиданіи гетмана и кошевого. Тѣ подъѣхали и замѣтили новоприбывшихъ.

— Съ чѣмъ, братцы, прибыли? — спросилъ Брюховецкій, остановивъ коня.

— Языка, ясновельможный пане тетмане, у Чарнецкаго скрали,—отвѣчалъ старшій запорожецъ.

— Спасибо, молодцы!—улыбнулся гетманъ.

— Да только, ваша ясновельможность, человѣкъ онъ сумнительный,—пояснилъ запорожецъ;—говоритъ, что онъ московскаго государства, и черезъ волоховъ простовалъ до Кіева.

Брюховецкій пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка. Благородная наружность плѣнника, красивыя черты лица, нѣжныя, незагрубѣлыя руки, кроткій, задумчивый взглядъ, въ которомъ сквозила затаенная грусть, все это разомъ бросилось въ глаза гетману и возбудило его любопытство.

— Ты кто будешь и откуда?—ласково спросилъ онъ молодого человѣка.

— Ясновельможный гетманъ!—съ дрожью въ голосѣ отвѣчалъ казацкій плѣнникъ.—Я сынъ думнаго дворянина московскаго, Аѳанасія Лаврентьевича Ординъ-Нащокина.

Гетманъ выразилъ на своемъ лицѣ глубочайшее удивленіе.

— Ты сынъ Ординъ-Нащокина, любимца его царскаго пресвѣтлаго величества!—воскликнулъ онъ.

— Истину говорю, ясновельможный гетманъ, я сынъ его, Воинъ.

— Но какъ же ты находился въ польскомъ станѣ?

— Я возвращался изъ Рима и Венеціи черезъ Мультянскую землю. Я не хотѣлъ возвращаться чрезъ Варшаву, опасаючись того, что случилось: въ Волощинѣ я узналъ, что войска твоей ясновельможности и его царскаго пресвѣтлаго величества привернули въ покорность московскому государю всѣ городы сей половины Малыя Россіи, бывшіе подъ коруною польскою, и я Подольскою землею направился сюда, намѣреніе мое было достигнуть Кіева; но къ моему несчастію, я попалъ въ руки польскихъ жолнеровъ и сталъ плѣнникомъ Чарнецкаго. Не вѣдаю, ясновельможный гетманъ, какъ сіе совершилось, но Богу угодно было, чтобы нынѣшнею ночью меня выкрали изъ польскаго стана, и я благодарю моего Создателя, что онъ привелъ видѣть мнѣ особу твоей ясновельможности.

Гетманъ внимательно слушалъ его, и задумался.

— А какою видимостью ты подкрѣпишь показаніе свое, что ты несумнительно сынъ Ордина-Нащокина?—спросилъ онъ.— Есть у тебя наказъ, память изъ Приказа?

— Нѣтъ, ясновельможный гетманъ...

Молодой человѣкъ остановился и не зналъ, что сказать далѣе.

— Какъ же намъ вѣрить твоимъ рѣчамъ? — продолжалъ гетманъ.—Тебя здѣсь никто не знаетъ.

— Ясновельможный гетманъ! — быстро заговорилъ вдругъ плѣнникъ.—Есть ли здѣсь у тебя въ войскѣ твои посланцы, которыхъ въ прошломъ, во 143 году, я видѣлъ въ Москвѣ, въ столовой избѣ, на отпускѣ у великаго государя, то я узнаю ихъ.

— А кто были именно мои посланцы?—спросилъ гетманъ.

— Герасимъ да Павелъ, ясновельможный гетманъ,—отвѣчалъ допрашиваемый.

Брюховецкій переглянулся съ кошевымъ Сѣркомъ.

— Развѣ и ты былъ тогда въ столовой избѣ?—спросилъ онъ снова своего плѣнника.

— Да, ясновельможный гетманъ, былъ; меня великій государь тоже жаловалъ къ рукѣ.

— Жаловалъ къ рукѣ! Тебя!—удивился гетманъ.

— Меня, ясновельможный гетманъ, точно жаловалъ: великій государь посылалъ меня на рубежъ къ отцу, въ Андрусово, съ его государевымъ указомъ, въ гонцахъ.

— Но какъ ты очутился въ Римѣ?—спросилъ Брюховецкій.

Вопрошаемый замялся. Гетманъ настойчиво повторилъ вопросъ.

— Прости, ясновельможный гетманъ,—сказалъ молодой человѣкъ,—на твои о семъ вопросныя слова я не смѣю отвѣчать: на оныя я отвѣчу токмо великому государю и моему родителю, когда буду на Москвѣ.

Гетманъ не настаивалъ. Онъ думалъ, что тутъ кроится государственная тайна, дѣло его царскаго пресвѣтлаго величества.

Во время этого допроса вся казацкая старшина полукругомъ обступила гетмана. Онъ оглянулся и окинулъ всѣхъ быстрымъ взоромъ. Среди войсковой старшины онъ замѣтилъ и своихъ бывшихъ посланцевъ къ царю Алексѣю Михайловичу—Герасима Яковенка, онъ же и «Гараська бугай» Павла Абраменка и Михайлу Брейка.

Онъ опять обратился къ своему плѣннику.

— Посмотри,—сказалъ онъ,—не опознаешь ли ты среди казацкой старшины кого-либо изъ тѣхъ моихъ посланцевъ, что ты видалъ въ прошломъ году на Москвѣ, въ столовой государевой избѣ?

Тотъ сталъ пристально всматриваться во всѣхъ. Взоръ его остановился на Брейкѣ.

— Вотъ его милость былъ тогда въ столовой избѣ и жалованъ къ рукѣ,—сказалъ онъ, указывая на Брейка.

— Правда,—подтвердилъ тотъ.—Якъ у око влипивъ!

— Еще тогда его милость упалъ и великаго государя насмѣшилъ,—пояснилъ плѣнникъ.

— Овва! Про се бъ можно було й помовчать,—пробурчалъ великанъ, застыдившись,—кинь объ чотырехъ ногахъ, и то спотыкается.

Въ заднихъ рядахъ послышался смѣхъ. Улыбнулись и Брюховецкій, и Сѣрко.

Скоро опознанъ былъ и другой великанъ, «Гараська-бугай». Опознанъ былъ и Павло Абраменко.

Убѣдившись въ правдивости рѣчей своего плѣнника и считая вполнѣ достовѣрнымъ, что молодой человѣкъ—дѣйствительно сынъ знаменитаго царскаго любимца и, слѣдовательно, сама по себѣ особа важная, гетманъ приказалъ Герасиму Яковенку провести его въ гетманскій шатеръ, а самъ отправился дальше вдоль казацкаго стана, чтобы сдѣлать на ночь необходимыя распоряженія.

Думалъ ли молодой Ординъ-Нащокинъ, что изъ Рима и Венеціи онъ попадетъ въ казацкій станъ и притомъ такимъ необычайнымъ способомъ?

Ему вдругъ почему-то припоминалась послѣдняя ночь, проведенная имъ Москвѣ, и тотъ вечеръ, когда какъ и теперь, такъ громко заливался соловей. Впрочемъ, всякій разъ теперь, когда онъ слышалъ пѣніе соловья, этотъ роковой вечеръ вставалъ передъ нимъ со всѣми его мучительными подробностями, и томительной болью ныло его сердце. Тогда ему казалось, что дѣвушка не достаточно любила его; но теперь?.. А если она нашла другого суженаго? Ужели напрасно онъ выносилъ въ теченіе года и болѣе въ душѣ своей тоску, какъ преступникъ цѣпи?

И вчера ночью, когда онъ, въ польскомъ станѣ, лежалъ въ

палаткѣ Яна Собѣскаго и не могъ спать, и вчера такъ же пѣлъ соловей, напоминая ему мучительный, послѣдній вечеръ пребыванія его въ Москвѣ. Душа его жаждала молитвы, и онъ молился, по временамъ обращая молитвенный взоръ къ далекимъ звѣздамъ, мерцавшимъ на темномъ небѣ, и вдругъ его схватили...

Не божественный ли это Промыселъ, ведущій его къ спасенію, къ счастью?

Онъ такъ былъ поглощенъ своими мыслями и такъ взволнованъ, что почти не слыхалъ, что говорилъ ему его спутникъ, какъ онъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ въ качествѣ гетманскаго посланца, какъ на прощанье царь жаловалъ ихъ къ рукѣ и какъ упалъ Брейко.

— Только жъ и ночи у васъ на Москвѣ!—удивлялся запорожецъ.—Хоть иголки собирай... А все жъ таки и у васъ соловьи поютъ, хоть имъ, должно быть, и холодненько въ вашей сторонѣ...

«Опять соловьи!..».

XV. Поруганіе надъ прахомъ Хмельницкаго.

Когда утромъ въ этотъ день проснулись въ польскомъ лагерѣ, то всѣхъ поразило исчезновеніе слѣпыхъ нищихъ съ поводатыремъ и, что уже совсѣмъ неразгаданно, исчезновеніе вмѣстѣ съ ними молодого московскаго дворянина.

Тутъ только поляки догадались, что подъ личиною слѣпцовъ скрывались казацкіе лазутчики, а почему вмѣстѣ съ ними исчезъ и московскій дворянинъ, это для нихъ такъ и осталось тайной. Предполагали, что между лазутчиками и молодымъ ческалемъ существовалъ таинственный сговоръ; но гдѣ и когда онъ состоялся? Почему москаль узналъ, что то были лазутчики? Значитъ, и то неправда, что онъ говорилъ о себѣ, о возвращеніи будто бы изъ Рима, изъ Венеціи. Несомнѣнно, что и онъ былъ подосланъ или казаками, или москалями.

Въ виду всего этого Чарнецкій строго-настрого приказалъ усилить въ войскѣ предосторожности и разсылать во всѣ стороны развѣдчиковъ, нѣтъ ли по близости проклятыхъ запорожцевъ или даже самаго гетмана съ войскомъ.

Какъ бы то ни было, но поляки въ этотъ день достигли Суботова.

Весь этотъ день, вслѣдствіе ли тревогъ, всегда неизбѣжныхъ въ военное время, вслѣдствіе ли просто физическихъ причинъ, но Чарнецкому весь этотъ день было не по себѣ. Онъ часто задумывался, машинально водя рукою по своимъ длиннымъ сѣдымъ усамъ, отдавалъ приказанія и снова ихъ отмѣнялъ, а когда показалось Суботово, и онъ увидѣлъ суботовскую церковь, гдѣ, какъ онъ зналъ, былъ похороненъ Богданъ Хмельницкій, странная улыбка прозмѣилась подъ его сѣдыми усами, а изрѣзанное морщинами лицо мгновенно покрылось краскою. Это была краска стыда и негодованія. Онъ вспомнилъ, какъ когда-то въ этомъ Суботовѣ онъ, гордая отрасль древняго рода, всегда претендовавшаго на корону польскую, онъ, Стефанъ Чарнецкій, былъ плѣнникомъ у хлопа, у Хмельницкаго! Лицо Чарнецкаго побагровѣло. Рана на щекѣ, которую когда-то пробила насквозь хлопская стрѣла, во время штурма Монастырища, теперь налилась кровью.

— Я отмщу тебѣ, быдло!—бормоталъ онъ.—Отомщу, хотя тебя и похоронили съ царскими почестями. Вся это твое дѣло: ты посѣялъ эти драконовы зубы, они теперь выросли въ людей, разбойниковъ... Но я выбью эти проклятые зубы!

Суботово было занято безъ сопротивленія, такъ какъ въ немъ не оставалось ни одного казацкаго отряда.

Прежде чѣмъ двинуться къ Чигирину, Чарнецкій, довѣдавшись, въ какомъ направленіи удалились вчерашніе мнимые слѣпцы, отрядилъ по этому направленію часть своего войска подъ начальствомъ Незабитовскаго и Тетери и приказалъ имъ искать Сѣрка съ запорожцами, а если Сѣрко соединился съ Брюховецкимъ, то не допускать до Чигирина ни того, ни другого; самъ же остался ночевать въ Суботовѣ.

Чарнецкій приказалъ разбить свой шатеръ на холмѣ, откуда виденъ былъ весь его лагерь, и откуда онъ могъ созерцать Суботово, съ которымъ у него соединялись такія обидныя воспоминанія. Теперь онъ смотрѣлъ на это мѣстечко, бывшее когда-то гнѣздомъ унизившаго его врага, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія; онъ могъ превратить его въ развалины, въ мусоръ и разметать этотъ мусоръ по полю. При закатѣ солнца онъ долго сидѣлъ у своего шатра, и предъ нимъ проносились воспоминанія его бурной, полной тревогъ жизни. Вся жизнь на конѣ, въ полѣ подъ свистомъ пуль и татарскихъ стрѣлъ. Постоянно кругомъ

смерть, похороны, стоны. Но онъ свыкся съ этимъ въ этомъ вся его жизнь. Но гдѣ же его личное счастье, не счастье и гордость побѣдъ, не слава полководца, а счастье раздѣленнаго чувства? Кажется, его и не было.

Нѣтъ, было, было! Но такъ кратковременно... Этотъ высокій замокъ во мракѣ ночи, темный паркъ, мерцающія и отражающіяся въ тихой, сонной рѣкѣ звѣзды... Тутъ было это счастье, и такое мимолетное...

И вдругъ налетаетъ съ войскомъ этотъ бѣшеный вепрь, что теперь лежитъ подъ могильной плитой, вонъ въ той церкви! Замокъ въ огнѣ, замокъ разрушенъ, дорожки парка потоптаны конскими копытами. А та, чей шопотъ еще наканунѣ сулилъ счастье, лежитъ мертвая, какъ скошенная бѣлая лилія...

Мракъ все болѣе и болѣе надвигается на Суботово и на лагерь. Въ воздухѣ душно, быть грозѣ. Оттого ему и дышется такъ тяжело, и въ душу тѣснятся одни мрачныя воспоминанія...

Ночь. Чарнецкій одинъ въ своемъ роскошномъ шатрѣ. Тускло горятъ свѣчи въ высокомъ канделябрѣ. Сонъ не хочетъ или не смѣетъ войти въ этотъ шатеръ, точно онъ боится часовыхъ, стоящихъ у входа въ ставку стараго полководца.

Чарнецкій встаетъ и тушитъ свѣчи. Онъ ложится на походную кровать и прислушивается, какъ гдѣ-то вдали глухо раскатывается громъ. И опять передъ нимъ развертывается панорама пережитой жизни... Да пережитое... Только передъ смертію встаютъ въ душѣ подобныя панорамы. И не удивительно, ему уже 66 лѣтъ!

Гроза все ближе и ближе. Въ порывахъ вѣтра слышится не то стонъ, не то плачъ...

Это она плачетъ... это замокъ горитъ... вѣтеръ бушуетъ въ деревьяхъ парка. А онъ не можетъ ее спасти... не можетъ пробиться съ горстью жолнеровъ сквозь густые ряды казацкаго войска.

«Сидите, ляхи! Всѣхъ вашихъ дуковъ, всѣхъ князей вашихъ загоню за Вислу! А будутъ кричать за Вислою, я ихъ и тамъ найду! Не оставлю ни одного князя, ни шляхтишка на Украйнѣ!..».

Это онъ, разъяренный вепрь, кричитъ, это Хмельницкій... Онъ врывается въ палатку!..

Чарнецкій вскакиваетъ... его душитъ кошмаръ... онъ слы-

шалъ голосъ Хмельницкаго... Нѣтъ, это ударъ грома разразился надъ самою его палаткою.

И мертвый, онъ не даетъ ему покоя...

Гроза бушуетъ уже дальше, раскаты грома несутся туда, на востокъ...

«На востокъ и Польша понесетъ свои громы... Я понесу эти громы»,—опять забываясь, грезитъ Чарнецкій,—«а тамъ и на сѣверъ, въ Московію полетятъ польскіе орлы... Сидите, москали! Молчите москали!..».

Утромъ, окруженный своимъ штабомъ, Чарнецкій торжественно въѣзжаетъ въ Суботово. Онъ направляется прямо къ церкви, гдѣ въ это время только-что кончилась обѣдня.

Народъ началъ было выходить изъ церкви, но, увидавъ приближеніе богато-одѣтыхъ всадниковъ, остановился. Чарнецкій, сойдя съ коня, направился прямо въ церковь, а за нимъ и вся его свита. Старенькій священникъ, служившій обѣдню, еще не успѣлъ разоблачиться, а потому, увидѣвъ входящихъ пановъ, вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ крестомъ.

— Прочь, попъ!—крикнулъ на него Чарнецкій.—Мы не схизматики. Показывай, гдѣ могила Хмельницкаго.

Перепуганный батюшка пошелъ къ правому придѣлу.

— Здѣсь покоится тѣло раба Божія Зиновія-Богдана, при жизни божіею милостію гетмана Украины, — робко выговорилъ онъ.

— Божіею милостію, — злобно улыбнулся гордый ляхъ,— много чести.

Онъ подошелъ къ гранитной плитѣ и ткнулъ ее ногою.

— Поднять плиту!—громко сказлъ онъ.

Священникъ еще больше растерялся и испуганными глазами уставился на страшнаго гостя.

Чарнецкій обернулся къ стоявшему въ недоумѣніи народу.

— Сейчасъ же принести ломы!—скомандовалъ онъ.

Бывшіе въ церкви нѣкоторые изъ жолнеровъ бросились исполнять приказаніе своего вождя.

Ломы и топоры были скоро принесены. Плита была поднята. Въ темномъ каменномъ склепѣ виднѣлся массивный дубовый гробъ. Свѣтъ, падавшій сверху, освѣщалъ нижнюю его половину.

— Вынимайте гробъ!—продолжалъ Чарнецкій.

— Ясновельможный, сіятельный князь! Это святотатство!—

съ ужасомъ проговорилъ священникъ; крестъ дрожалъ у него въ рукахъ.—Пощади его кости, сіятельный...

— Молчать, попъ!—крикнулъ на него обезумѣвшій старикъ.

Жолнеры бросились въ склепъ, и гробъ былъ выпутъ.

— Поднимите крышку!

Топорами отбили крышку, и въ очи Чарнецкому глянуло истлѣвшее лицо мертваго врага. Чарнецкій долго глядѣлъ въ это лицо. Оно уже въ гробу обросло сѣдою бородой. Черныя брови, казалось, сердито насупились, но изъ-подъ нихъ уже не глядѣли глаза, передъ которыми трепетала когда-то Рѣчь Посполитая. Только широкій бѣлый лобъ оставался еще грознымъ...

Чарнецкій все глядѣлъ на него...

»А! Помнишь тотъ замокъ надъ рѣкою! Помнишь ту ночь! Помнишь ту бѣлую лилію съ распущеною косою, лилію, которую убилъ одинъ ужасъ твоего приближенія!«—бушевало у него въ душѣ.

Сидите, ляхи! Молчите, ляхи! А... не крикнешь ужъ больше!

Онъ все смотрѣлъ на него. Ему вспомнилась эта бурная ночь, ударъ грома...

Всѣ стояли въ оцѣпененіи. У стараго священника по лицу текли слезы. Онъ отпѣвалъ его, онъ хоронилъ этого богатыря Украины.

Чарнецкій, наконецъ, отвернулся отъ мертвеца. Лицо его было блѣдно, только шрамъ на щекѣ отъ раны, полученной при штурмѣ Монастырища, оставался багровымъ.

— Вынести гробъ изъ церкви и выбросить падаль собакамъ!—сказалъ онъ и вышелъ изъ церкви.

За нимъ жолнеры несли гробъ, окруженный свитою Чарнецкаго, точно почетнымъ карауломъ.

На лицѣ Яна Собѣскаго вспыхнуло негодованіе; но онъ смолчалъ...

Едва Чарнецкій вышелъ на крыльцо церкви, какъ къ нему почтительно приблизился дежурный ротмистръ его штаба съ двумя пакетами въ рукѣ.

— Что такое?—спросилъ Чарнецкій.

— Гонецъ съ Москвы, ваша ясновельможность!—отвѣчалъ ротмистръ, подавая пакеты.—Листы отъ царя московскаго и отъ думнаго дворянина Аѳанасія Ордина-Нащокина.

Чарнецкій взялъ пакеты и вскрылъ прежде письмо отъ царя Алексѣя Михайловича.

Странная улыбка скользнула по его лицу, когда онъ пробѣжалъ царское посланіе, и обернулся къ Собѣскому.

— Это все насчетъ того вайделоты, что вчерашнею ночью пропалъ у насъ безъ вѣсти,—сказалъ онъ съ видимою досадою.

— Молодого Ордина-Нащокина?—спросилъ Собѣскій.

— Да, пане. Царь шлетъ милостивое прощеніе.

— Прощеніе?—удивился Собѣскій.—Въ чемъ?

— Объ этомъ не говорится въ письмѣ: панъ можетъ самъ прочесть его.

И Чарнецкій подалъ царское посланіе будущему спасителю Вѣны и дома Габсбурговъ, а самъ вскрылъ посланіе Ордина-Нащокина.

— Та же пѣсня,—съ досадой произнесъ онъ,—а гдѣ мы найдемъ этого вайделоту, чтобъ объявить ему царскую милость и отцовское прощеніе?

— Я думаю,—отвѣчалъ Собѣскій,—его надо искать въ станѣ Брюховецкаго или у этой собаки—у Сѣрка.

— Такъ пусть панъ ротмистръ скажетъ царскому гонцу, чтобъ онъ искалъ бѣглеца у Брюховецкаго или у Сѣрка,—сказалъ Чарнецкій дежурному,—а панъ ротмистръ прикажетъ списать копіи съ этихъ листовъ и вручитъ ихъ гонцу съ пропускомъ моимъ,—закончилъ онъ, передавая ротмистру оба письма.

Между тѣмъ за церковью, на площади, слышенъ былъ гулъ голосовъ, заглушаемый женскими воплями и причитаніями.

То выбрасывали изъ гроба останки Хмельницкаго «псамъ на поруганіе».

XVI. Она узнала его.

Въ одинъ изъ іюльскихъ вечеровъ, когда уже начинало темнѣть, отъ Москвы по Дѣвичьему полю ѣхалъ одинокій всадникъ по направленію къ монастырю.

Судя по богато-убранному коню и по одеждѣ, всадникъ принадлежалъ къ богатому или знатному роду. Низкое, плоское, съ вызолоченными луками сѣдло, обшитое зеленымъ сафьяномъ съ золотыми узорами, лежало плотно на богатомъ малиноваго бархата чапракѣ съ серебряною оторочкою, изъ-подъ которой вид-

нѣлся голубого цвѣта «покровецъ» или попона, расшитая шелками и съ вензелевымъ изображеніемъ на заднихъ, удлиненныхъ концахъ съ серебряными кистями. Вензель состоялъ изъ трехъ серебряныхъ буквъ: В. О. Н. Уздечка на лошади также отличалась красотой и богатствомъ: «ухваты» и «оковы» на мордѣ коня были серебряные съ такими же цѣпочками. Ожерелье на шеѣ лошади унизано было серебряными же бляхами, узенькими поверхъ шеи и широкими снизу. Повыше копытъ коня висѣли маленькіе колокольчики, у самыхъ щетокъ, и при движеніи издавали гармоническій звонъ, который издавна москвичи называли «малиновымъ звономъ». Сверхъ всего этого, сзади у сѣдла придѣланы были маленькія серебряныя литавры, которыя при ударѣ объ нихъ бичемъ звенѣли, заставляя лошадь бодриться, красиво изгибать шею и вообще играть.

На молодомъ всадникѣ былъ также богатый нарядъ: и ферязь, и охабень, и ожерелья, все блестѣло или золотомъ, или жемчугами.

По небу ходили сплошныя тучи, но когда онѣ раздвигались, и изъ-за нихъ выплывалъ на минуту полный мѣсяцъ, то въ молодомъ всадникѣ легко можно было узнать нашего бродягу— Воина Ордина-Нащокина.

Онъ опять въ Москвѣ. Но сколько горя, сколько душевныхъ мукъ дало ему это возвращеніе на родину. Онъ узналъ здѣсь, что та, отъ которой онъ въ ослѣпленіи безумной страсти бѣжалъ, куда глаза глядятъ, бѣжалъ на край свѣта, та, мыслью о которой онъ только и дышалъ эти полтора года, милый образъ которой не отходилъ отъ него ни днемъ, ни ночью, о которой онъ думалъ, что она промѣняла его на другого, не захотѣвъ для него пожертвовать глупою дѣвичьею славою, онъ узналъ здѣсь и сердцемъ понялъ, что она не вынесла разлуки съ нимъ и навѣки похоронила свою дивную красу, свое дѣвство, прикрывъ свое прелестное личико и свою роскошную дѣвичью косу черничьею ризой! Сердце его обливалось кровью, когда онъ думалъ объ этомъ.

Объ этомъ онъ думалъ и теперь. Онъ ѣхалъ туда, гдѣ она похоронила себя заживо.

— «Все кончено», ныло у него на сердцѣ. И онъ съ тоской прислушивался, хотя вовсе не хотѣлъ этого, какъ гдѣ-то недалеко чей-то хриплый голосъ, вѣроятно голосъ пьянаго шатуна, напѣ-

валъ знакомую ему, любимую пѣсню кабацкихъ гулякъ. Хриплый голосъ пѣлъ:

«Какъ рябина какъ, рябина кудрявая!
Какъ тебѣ, рябинушка, не стошнится,
Во сыромъ бору стоючи,
На болотину смотрючи!»

Ему досадно было, что его чистыя думы о ней, о томъ невозвратномъ прошломъ, когда она давала ему свои горячія, хотя стыдливыя ласки, что эти святыя думы грязнятся этою пьяною пѣснью. А пьяная пѣсня все терзала ему слухъ и душу..

«Молодица ты, молодушка!
Молодица ты пригожае!
Какъ тебѣ не стошнится,
За худымъ мужемъ живучи,
На хорошаго смотрючи,
На пригожаго глядючи».

Онъ готовъ былъ свернуть съ дороги и отодрать этого шатуна своимъ бичемъ изъ гибкой татарской жимолости, но его удерживала мысль о той чистой и невинной, о которой онъ думалъ и по которой томилась его пораненная душа... Вѣдь при ней бы онъ этого не сдѣлалъ, стыдно бы, не хорошо было...

А тотъ все тянулъ:

«Наварю я пива пьянаго,
Накурю вина зеленаго,
Напою я мужа допьяна,
Положу его середь-двора,
Оболоку его соломою
Да зажгу его лучиною»...

— Ишь нализался!—слышится чей-то другой голосъ.—Да еще подъ праздникъ.

— Съ радости, милый человѣкъ: кто празднику радъ, съ вечера пьянъ,—отвѣчалъ пѣвецъ и снова гнусилъ:

«Выду я тоды на улицу,
Закричу я громкимъ голосомъ:
— Осудари вы, люди добрые,
Вы сусѣди приближены!
А ночесь громъ-отъ былъ,
А ночесь молонья сверкала,
Моего мужа убило
Моего мужа опалило».

— Это тебя-то, видно, пьяницу, жена подожжетъ лучиною,— опять послышался нравоучительный голосъ.

— Нѣтъ, шалишь! Я самъ ее за косы! Я самъ пропою!

Онъ допѣлъ окончаніе пѣсни:

«А ты, шельма-страдница
А не громъ убилъ, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела» *).

Пѣніе смолкло. А вотъ и монастырскія стѣны, ворота. Молодой Ординъ-Нащокинъ сошелъ съ коня, погладилъ его лоснящуюся шею, потрепалъ за гриву и, привязавъ чумбуромъ къ кольцу, вбитому въ стѣну, сунулъ монету въ руку старика-привратника.

— Пригляди за конемъ, дѣдушка,—сказалъ онъ,—я пойду ко всенощной.

— Добро, добро, батюшка, боляринъ, поприглядю,—отвѣчалъ старикъ.

Воинъ вошелъ въ ограду. Ему казалось, что онъ входитъ въ обширный могильный склепъ, въ которомъ похоронено все, что только онъ имѣлъ дорогого въ жизни. Церковь между тѣмъ горѣла огнями, которые лились на дворъ сквозь узкія окна съ желѣзными рѣшетками.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и какимъ-то страхомъ Воинъ вступилъ въ церковь.

Навстрѣчу ему неслось изъ царскихъ вратъ: «Слава святѣй, и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣльнѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!»

— Аминь!—какъ бы дрогнулъ весь клиръ тихими ангельскими голосами, и среди всего клира, ему казалось, отчетливо послышался милый, нѣжный, давно знакомый голосъ.

— Пріидите поклонимся Цареви нашему Богу,—опять неслось изъ алтаря вмѣстѣ съ дымомъ кадильнымъ,—пріидите, поклонимся и припадемъ Ему!

Онъ, дѣйствительно, припалъ горячею головой къ холодному полу, а слезы такъ и лились на этотъ полъ, такъ и лились... А голоса клира звенѣли подъ сводами храма, высоко, точно пѣли невидимые ангелы:

---

*) Пѣсня эта выписана покойнымъ историкомъ, С. М. Соловьевымъ, изъ столбцовъ приказнаго стола. № 3313. См. «Исторію Россіи». XIV. 359.

— Благослови душе моя, Господа!

— Благословенъ еси, Господи,—отвѣчалъ припѣвомъ другой клиръ.

Воинъ не поднималъ головы отъ пола: ему казалось, что онъ весь изойдетъ горькими и въ то же время сладостными слезами, всю душу выльетъ, а съ нею и свое горе...

А дивная мелодія все болѣе и болѣе наполняла своды храма, все неудержимѣе и неудержимѣе охватывала умиленіемъ растопившуюся въ слезахъ душу...

— На горахъ станутъ воды...

— О, Боже великій! Для тебя все возможно, Ты установилъ воды на горахъ, Ты растопилъ мое окаменѣлое сердце,—шепталъ несчастный все еще не поднимая съ полу мокраго отъ слезъ лица...

За псалмомъ «на горахъ станутъ воды» прошла великая ектенія, потомъ первая каѳизма, антифонъ, и «Господи воззвахъ», и стихиры, а онъ все молился и плакалъ.

Да, теперь онъ явственно различаетъ ея голосъ.

Изъ всего клира выдѣляется этотъ чистый голосокъ, когда клиръ запѣлъ вечернюю пѣснь: «Свѣте тихій!»...

Снова возглашеніе: — Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся...

Ему казалось, что все это онъ слышитъ первый разъ въ жизни: такъ все казалось ему святымъ, божественнымъ, не отъ міра сего!

Но мало-по-малу онъ нѣсколько успокоился, слезы незамѣтно унялись сами собою, и онъ всталъ съ колѣнъ, чтобы искать глазами ту, голосъ которой, какъ ему казалось, онъ узналъ. Онъ глядѣлъ на клиросъ, который весь былъ занятъ то черными клобуками монахинь, то такими же черными покрывалами молодыхъ черничекъ и послушницъ. Но всѣ ихъ лица были обращены къ алтарю и только иныя въ полъ-оборота глядѣли на мѣстныя иконы.

Гдѣ же она? Ему до этого казалось, что въ тысячѣ незнакомыхъ фигуръ, не видя лицъ, онъ отличитъ ея головку, ея плечи, гибкій станъ, изгибъ бѣлой шейки; но теперь все это было закрыто длинными фатами, головы, шеи, плечи. Но она тамъ, онъ это чувствовалъ и слышалъ ея милый голосъ.

А служба между тѣмъ шла. Изъ алтаря уже неслось горячее

моленіе:—Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концовъ земли и сущихъ въ мори далечѣ!..

— Онъ услышитъ, онъ помилуетъ,—беззвучно шептали его губы.

И въ этихъ моленіяхъ, стояніяхъ, каѳизмахъ, поклонахъ протечетъ вся ея жизнь! Гдѣ же радости, гдѣ счастье? И сегодня такъ, и завтра, и послѣзавтра; а тамъ... старость, усталость духа и тѣла, все то же, то же, то же!

А тамъ, глядишь, и послѣднее возглашеніе, послѣднія слезы: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею»...

Гдѣ же бури? И ихъ здѣсь нѣтъ... «Тихое пристанище...» Да, тихое, могильное.

Но вотъ на клиросѣ произошло какое-то движеніе. Нѣсколько темныхъ фигуръ отдѣляются и, проходя мимо мѣстныхъ иконъ, дѣлаютъ земные поклоны. Черезъ нѣсколько времени онѣ возвращаются одна за другою: въ рукахъ у нихъ: у одной кружка для сбора приношеній, у другой—блюдо, у третьей—опять кружка, а тамъ снова блюдо...

Что это! У него чуть ноги не подкосились, въ глазахъ потемнѣло, потомъ опять просвѣтлѣло... свѣтлѣе, кажется, стало въ храмѣ... что-то лучезарное блеснуло ему въ глаза...

Это она! Это ея лучезарное личико, полуприкрытое полями клобука, ея нѣжный овалъ, ея мраморное чело, оттѣненное клобукомъ... Совсѣмъ, совсѣмъ дитя въ такомъ безнадежномъ одѣяніи—въ саванѣ, въ черномъ саванѣ ребенокъ!

Онъ узналъ ее. Но она не поднимаетъ глазъ отъ блюда, длинныя рѣсницы опущены.

Онѣ идутъ посреди толпы, одна за другой, и кланяются. Впереди идетъ старуха, за ней другая. Послѣднею идетъ она! Слышно: то алтынъ съ глухимъ стукомъ упадетъ въ кружку, то копѣйка или полушка брякнетъ на металлическое блюдо. И на ея блюдо бросаютъ алтыны, полушки. Но она все не поднимаетъ глазъ, все личико ея словно мраморное, ни одинъ мускулъ на немъ не дрогнетъ.

Но какъ она измѣнилась, поблекла! Словно полузавядшій бѣлый ландышъ съ опущенною головкой.

Неужели не поднимаетъ глазъ? Онѣ все ближе и ближе... Вотъ прошла первая кружка, за нею блюдо, опять кружка... Ея блюдо поровнялось съ нимъ... Она не глядитъ!

Въ какомъ-то безумномъ отчаяньи онъ съ силою бросаетъ крупную золотую монету на ея блюдо. Она дрогнула, подняла удивленные глаза, глаза ихъ встрѣтились на мгновенье... Она замерла на мѣстѣ...

Блюдо со звономъ повалилось на полъ, и она упала на полъ, какъ подкошенный колосъ.

XVII. Только бы видѣть его.

Послѣ душевнаго потрясенія, бывшаго причиною обморока за всенощною, инокиня Надежда, перенесенная изъ церкви въ свою келію, придя понемногу въ себя, почувствовала глубокую, все ея существо охватившую, радость. Она помнила только, что онъ не умеръ, что она не была причиною его смерти, не убила его, какъ казалось ей прежде. Онъ живетъ, онъ будетъ жить. Она будетъ думать о немъ, будетъ знать, что онъ есть на свѣтѣ, видитъ и землю, и небо, и солнце, а она будетъ молиться о немъ, чего-жъ ей больше!

Она встала со своего скромнаго ложа и стала молиться. Она теперь въ первый разъ почувствовала сладость молитвы. Теперь ей есть о чемъ молиться, и какою молитвою! Высшими степенями молитвы!

Матушка игуменья, часто бесѣдовавшая съ нею о молитвѣ, сказывала, что молитва не одна живетъ, а есть три степени молитвы: первая степень это «прошеніе», просить Бога о чемъ-либо, о комъ-либо, о себѣ, о прощеніи грѣховъ, о душевномъ покоѣ и т. д.; вторая степень, высшая, это «благодареніе», благодарить Бога за то, что онъ далъ намъ жизнь и хлѣбъ насущный, и душевный покой, что онъ печется о нашемъ здоровьѣ, что онъ все даетъ намъ по нашему «прошенію»; это молитва человѣческая; но есть еще высшая степень молитвы, молитва ангельская: это «славословіе»; славословятъ Бога ангелы на небесахъ да святые угодники. Этой же благодати удостоены иноки и инокини, потому что они воспріяли ангельскій чинъ и носятъ ангельскій образъ. Монашествующіе, удостоившіеся высшей благодати, ангельскаго чина, должны только славословить Бога, а просить и благодарить могутъ только за другихъ. О чемъ имъ просить за себя? Они все имѣютъ, даже больше, они сопричислены къ ангельскому чину!

Теперь только юная инокиня Надежда поняла всю глубину

поученій матушки-игуменьи. Ей хотѣлось не только благодарить, но не за себя, а за него, что онъ живъ, что онъ можетъ жить; но ей теперь хотѣлось славословить!

И она, радостная, сіяющая, распростерлась передъ кіотой, откуда глядѣлъ на нее кроткій ликъ Спасителя, и славословила, славословила! Ей казалось, что она, дѣйствительно, стала ангеломъ, она трепетала отъ счастья, поднималась съ полу, поднимала къ небу свои нѣжныя руки, точно крылья ангела, и, казалось, неслась въ пространствѣ, неслась все выше и выше, такая легкая, воздушная... Она чувствовала за собою вѣяніе своихъ крыльевъ, чувствовала, какъ она разсѣкала воздухъ своимъ легкимъ тѣломъ, и славословила: «Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея!»

Это была какая-то дѣтская радость, чистая, невинная. Расплетенная коса опутала прядями всю ея бѣлую сорочку; ея босыя ножки не чувствовали прикосновенія къ холодному полу; сорочка спустилась съ плечъ...

Но вдругъ она опомнилась. Она, босая, въ одной ночной сорочкѣ, съ распущенными и растрепавшимися волосами, она славословитъ Бога! Ей стало и стыдно, и страшно. Матушка игуменья говорила ей, что на молитву надо приступать съ благоговѣніемъ и непремѣнно въ ангельскомъ одѣяніи, чинно... А она вскочила съ постели чуть не нагая и, какъ неистовая, поднимала руки, радовалась, трепетала отъ счастья, летѣла по небу!

Смущенная, она робко отошла отъ кіоты, одѣлась снова вся, какъ бы къ выходу въ церковь, причесала и заплела косу, надѣла клобукъ и стала молиться смиренно, тихо, чинно.

Но и теперь внутри ея клокотала радость, и она, сама того не сознавая, словословила Бога такъ же страстно, какъ и за нѣсколько минутъ передъ этимъ, когда она была въ одной рубашонкѣ и босая.

Наплакавшись потомъ счастливыми слезами, она уснула, какъ ребенокъ, не успѣвъ даже вытереть мокрые глаза и щеки.

И какія грезы окутали ее спящую! Такого высокаго блаженства, такого счастья, отъ котораго духъ захватывалъ, она никогда не испытывала въ жизни.... Что-то сладостное до истомы, до изнеможенія...

Когда она потомъ утромъ проснулась и вспомнила томительно-сладостныя ощущенія ночной грезы, когда ее, уже бодр-

ствующую, охватила эта истома, смутное сознаніе чего-то невыразимо блаженнаго, совершившагося съ нею, помимо ея воли, въ сонномъ мечтаніи, «въ тонцѣ снѣ», она вся вдругъ зардѣлась отъ стыда и счастья, больше отъ счастья вся затрепетала... и расплакалась, расплакалась, какъ ребенокъ, у котораго отняли что-то очень дорогое...

Она долго не могла встать съ постели; ей не хотѣлось покинуть сейчасъ это теплое ложе, гдѣ ночью, въ сонномъ мечтаніи, она ощутила что-то такое, чего съ нею еще никогда не бывало въ жизни... И это ощущеніе, это блаженство онъ ей далъ, онъ и видимый и невидимый, и осязаемый и неосязаемый...

Когда, затѣмъ, она встала, тщательно, тщательнѣе чѣмъ когда-либо, причесала, заплела косу, одѣлась въ свое ангельское одѣяніе и стала молиться, она молиться уже не могла, не умѣла, не умѣла и не могла ни славословить, ни благодарить, ни даже просить. Она повторяла какія-то слова, потерявшія для нея силу и смыслъ, и, распростершись на полу передъ кіотою, думала только о немъ: онъ здѣсь, въ Москвѣ, онъ такъ близко отъ нея.

Она приподнялась на колѣни и стала смотрѣть на ликъ Спасителя, такой кроткій, милостивый. Она хотѣла думать только о Спасителѣ; но его божественный ликъ мало-по-малу затуманивался въ какой-то дымкѣ и исчезалъ, а вмѣсто него вставала ночная греза, сладостное видѣніе...

Въ этомъ положеніи застала ее мать игуменья. Худая, маленькая, вся сморщенная старушка, но съ живыми, сѣрыми большими глазами, она, казалось, видѣла все насквозь. Она пришла навѣстить свою любимую духовную дщерь, носившую прежде знатное, но суетное имя княжны Прозоровской. Вчерашній обморокъ и испугалъ, и огорчилъ мать игуменью. Она знала, какъ усердна была къ своимъ обязанностямъ юная инокиня Надежда, какъ горячо она всегда молилась въ храмѣ, какая она была постница, и старушка думала, что юная черничка, не привыкшая къ суровому монастырскому уставу, изнѣженная въ родительскомъ домѣ, что она испостилась и изнемогла.

— Молись, молись, дщерь моя, — сказала она, входя въ келію юной отшельницы и видя, что она встаетъ съ колѣнъ,—доканчивай молитву.

— Я кончила, матушка,—сказала дѣвушка, подходя къ рукѣ игуменьи.

— Ну, что, дитя мое, оправилась послѣ вчерашняго-то?— спросила старушка.

— Оправилась, матушка.

— Ну, и благодареніе Создателю. Душно вчера въ церкви-то было, ты же усердно, я видѣла, молилась; ну и сомлѣла. Это Онъ тебѣ зачтетъ, Отецъ небесный. Что наша жизнь? Тлѣнъ и прахъ: тамъ наше житіе, о немъ надо думать о вѣчномъ житіи.

Теперь почему-то юная черничка смотрѣла на старушку съ какимъ-то сожалѣніемъ. Неужели вся ея жизнь протекла въ этомъ? Неужели она...

И дѣвушка почувствовала въ душѣ своей холодъ, холодъ отъ этихъ стѣнъ, отъ окна съ желѣзною рѣшеткою, отъ всего этого чернаго, мрачнаго.

Когда игуменья ушла, дѣвушкѣ стало какъ будто бы легче. Но это не надолго.

Что-то холодное и безнадежное стало шевелиться у нея въ душѣ и рости, рости! Вчерашнее блаженное состояніе прошло. Тогда отуманило ее счастье сознанія, что онъ живъ, что она его видѣла. Но теперь она начала сознавать, что потеряла его навсегда, потеряла радость и счастье всей своей жизни. Для чего теперь ей жизнь? Чтобы ожидать той, другой жизни? Но для нея теперь не было другой жизни, кромѣ этой, кромѣ той, отъ которой она, въ ослѣпленіи горя, сама бѣжала. Но тогда она готова была убѣжать въ могилу, не только за эти мрачныя стѣны. А теперь вдругъ все прошло! Все, все, и не для нея!

Гдѣ искать помощи? Въ молитвѣ? Но послѣ вчерашняго молитвеннаго порыва она не могла больше молиться. Какою «степенью» молитвы могла она теперь молиться? «Славословіемъ»? Но вчерашнее уже не повторится, оно прошло. Ей вчерашняго мало, ея душа требуетъ большаго. «Благодареніемъ». Но за что же ей благодарить? За то, что она сама оборвала нитку своей жизни? Благодарить! Нѣтъ, и эта степень молитвы отнята у нея, но кѣмъ? Она сама ее утратила. Остается «прошеніе». Но о чемъ просить, когда ничего уже воротить невозможно.

Гдѣ же помощь! Къ кому обратиться?

Она опять подошла къ кіотѣ и стала смотрѣть на ликъ Спасителя. Съ какою тоской она смотрѣла на этотъ кроткій, всепрощающій ликъ.

— Онъ всѣхъ прощалъ,—шевельнулось у нея въ душѣ,—

простилъ разбойника, простилъ ту бѣдную жену, которую хотѣли побить каменьями, а онъ простилъ ее за то, что она много любила...

И она любитъ!

Дѣвушка съ ужасомъ поняла, что теперь монастырь сталъ для нея ненавистенъ. И такъ быстро совершился этотъ переворотъ въ ея душѣ! Она ненавидитъ его, какъ тюрьму, лишившую ее свѣта, счастья. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше она будетъ грѣшить этимъ чувствомъ. Все равно душа ея погибнетъ, въ монастырѣ ли или внѣ монастыря.

Но тамъ, внѣ монастыря, онъ, который пришелъ вчера съ того свѣта, а ночью приходилъ къ ней въ видѣніи, «въ тонцѣ снѣ». Тамъ онъ и наяву придетъ, какъ тогда приходилъ къ ней въ садъ, когда пѣлъ соловей и распускалась береза.

Дѣвушка подошла къ окну своей кельи, которое выходило на Дѣвичье поле. Передъ нею вставалъ Кремль, золотыя маковки церквей, а тамъ, невидимо, на Арбатѣ ихъ домъ, ея дѣвичій теремъ, садъ... Сирень теперь давно отцвѣла, и соловей, и кукушка давно перестали пѣть...

Она отошла отъ окна и, припавъ лицомъ къ подушкѣ, горько плакала.

Но вдругъ она увидѣла себя въ церкви... онъ глянулъ ей въ глаза... Какъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ за то время, какъ она его не видѣла! Не радостно и ему жилось...

Она услышала шорохъ за дверью. Вздыхая и крестясь, въ келью вошла ея бывшая мамушка. Что-то родное, далекое, навѣки потерянное напомнилъ ей этотъ приходъ старушки и домъ отца, и ея свѣтлый теремокъ, и тѣнистый садъ со скамейкою, на которой онъ когда-то съ нею сиживалъ.

Старушка съ благоговѣніемъ цѣловала руки своей боярышни.

— Что, мамушка, у насъ дома? Что батюшка?—спросила юная затворница.

Старушка еще глубже вздохнула.

— Что, ягодка! Чему у насъ быть хорошему? Тотъ же монастырь,—сказала она.

— А батюшка?

— Все тоже; кручинится: осиротѣлъ онъ, какъ перстъ, одинъ безъ тебя.

— А матушка и братцы не пріѣзжали?

— Нѣту, родная; да они, словно, чужіе для него.

Дѣвушка хотѣла что-то спросить, но не рѣшалась. Ей все же хотѣлось заговорить о томъ, что ее терзало. Она заговорила стороной.

— А я, мамушка, вечоръ у всенощной сомлѣла, — сказала она.

— Господь съ тобой!—встревожилась старушка.—Съ чего это, ягодка?

— Должно быть, отъ жару и ладаннаго духа... Я такъ съ блюдомъ и грохнулась... И какъ бы ты думала, знаешь, кого я увидѣла въ церкви?

— Ково, золотая моя?

— Воина Аѳанасьича... Я, можетъ быть, съ тово и сомлѣла: сказывали допрежъ того, что онъ пропалъ безъ вѣсти, либо померъ, либо убитъ, такъ и поминали его... Каково-жъ мнѣ было увидать ево, мертвеца-то, да прямо предъ моими очушками! Я не спомнилась, какъ меня и изъ церкви-ту вынесли.

Мамушка въ знакъ сожалѣнія качала головой и охала; но для нея не было новостью, что молодой Ординъ-Нащокинъ отыскался. Ее тревожила мысль, какъ ея боярышня-черничка приметъ это извѣстіе.

Теперь она поняла, почему боярышня ея «сомлѣла» вчера... Теперь быть бѣдѣ! Какъ-то она, голубушка, перенесетъ это? Затѣмъ старушка и явилась въ монастырь.

— Не слѣдъ было ему приходить сюда!—сказала она строго.

— Для чево-жъ, мамушка, не притти и сюда? Никому не заказано молиться.

— Не заказано ту, не заказано,—качала укоризненно головой старушка,—да только смущать-ту чистую душеньку грѣхъ, охъ, грѣхъ какой!

— Да это, мамушка, я испужалась только сразу, а вдругорядь не испужаюсь.

— А думать станешь, мысли пойдутъ мірскія...

— Что-жъ, мамка, о мірскомъ-ту и молиться.

— О-охо-хо!—качала головой мамка.—Смущать-ту грѣхъ.

Юная черничка въ душѣ не соглашалась съ этимъ. Какъ? Отказаться даже отъ того, чтобы его видѣть иногда, когда можно! Одно, что осталось у нея, это видѣть его, какъ видѣть иногда вотъ ее, мамку, отца, и вдругъ отказаться даже отъ этого!

Но она не знала, что теперь, правда, достаточно только видѣть его иногда; но скоро этого будетъ не достаточно. Она не знала, какое зерно заброшено было вчера въ ея душу, что выростетъ изъ этого зерна...

— Нѣтъ, нѣтъ! Только бы видѣть его! Только бы знать, что онъ...

Съ большой тревогой старушка возвращалась изъ монастыря въ городъ.

XVIII. Она больше не черница.

Не въ меньшемъ волненіи, какъ и юная черничка, возвратился отъ всенощной Воинъ Ординъ-Нащокинъ. Только волненіе его было иного рода. Послѣ мгновенной радости и потрясенія, какія испыталъ онъ въ моментъ встрѣчи съ бывшей невѣстой, когда она узнала его и отъ радости или отъ неожиданности упала въ обморокъ, имъ овладѣло глубокое отчаянье. Этотъ обморокъ доказалъ ему, какъ много она любила его, а, быть можетъ, и теперь любитъ. Что-жъ ему изъ этого? Сознаніе, что она любитъ его, еще болѣе увеличивало въ глазахъ его цѣну понесенной имъ утраты. Страданія, причиняемыя этимъ сознаніемъ, усугублялись еще мыслью, что его тогдашняя безумная вспышка столкнула его въ бездну отчаянія. Что тогда стоило выждать мѣсяцъ, другой, наконецъ, цѣлый годъ при спокойной увѣренности, что ожидаемыя имъ минуты полнаго блаженства только отсрочены? А что онъ сдѣлалъ? Въ ослѣпленіи минутной страсти онъ самъ разбилъ свое счастье. Онъ тогда бросилъ ей въ глаза незаслуженный ею укоръ: «жди другого суженаго!»

И она нашла его подъ саваномъ черницы...

Что-жъ ему оставалось теперь дѣлать? Тогда впереди у него было что-то, много было впереди! Видѣть чужія земли, всѣ чудеса заморщины, сбросить съ себя родительскую опеку, забыть на время постылую Москву: цѣлый океанъ неизвѣданнаго былъ у него тогда впереди! И онъ извѣдалъ все это и кончилъ тѣмъ, что плакалъ въ гондолѣ, въ Венеціи, когда вспоминалъ объ этой самой Москвѣ, о брошенной въ ней невѣстѣ и пѣлъ «не бѣлы-то снѣжки», глотая слезы раскаянія.

И вотъ теперь... Нѣтъ, такъ оставаться нельзя! Теперь для него Москва пытка: отъ нея такъ близокъ Новодѣвичій монастырь!

Теперь надо стараться забыть ее, похороненную въ стѣнахъ монастыря. А какъ забыть? Гдѣ?

Онъ теперь зналъ гдѣ: тамъ, гдѣ люди умираютъ подъ громъ пушекъ, подъ крики побѣды, подъ свистомъ пуль и стрѣлъ. Онъ пойдетъ туда, къ запорожцамъ, къ Брюховецкому, къ Косатову, что воюютъ теперь съ поляками, его лютыми врагами, отравившими ему жизнь своею польскою наукой, отнявшими у него счастье, любовь къ родинѣ.

А сложитъ онъ тамъ голову, тѣмъ лучше! Слишкомъ ужъ тяжело стало носить ее на плечахъ. Да и кому она нужна? Отцу? У него на плечахъ государскія заботы. Ей? Все равно, ей не обнимать ужъ, не цѣловать эту буйную головушку, какъ когда-то она цѣловала ее.

На другой же день онъ сказалъ о своемъ рѣшеніи отцу. Старика удивило это внезапное рѣшеніе: всего дней пять какъ воротился изъ долговременной отлучки, послѣ скитанія по чужимъ землямъ, и вдругъ опять покидать Москву!

— Хочу заслужить вины предъ государемъ!—одно твердилъ онъ на всѣ доводы отца.—Либо лягу костьми въ полѣ ратномъ, либо со славою возвращусь, дабы тебѣ не краснѣть за блуднаго сына.

Рѣшеніе это въ то же время и радовало старика... «На путь истинный возвращается малый», думалъ онъ и доложилъ объ этомъ государю.

И Алексѣя Михайловича обрадовало это рѣшеніе молодого человѣка. Онъ полюбилъ его, какъ сына, особенно послѣ его чистосердечнаго раскаянія въ своемъ опрометчивомъ поступкѣ. Отца же, старика Аѳанасія, онъ давно любилъ и высоко цѣнилъ его государственный умъ.

Онъ велѣлъ Воину явиться къ нему попросту, не во время смотра и купанья запоздавшихъ стольниковъ, а въ его образную и въ то же время рабочую горницу, по нынѣшнему, въ свой кабинетъ, смежный съ молельнею государыни.

Царь принялъ Воина милостиво, хвалилъ за доброе рѣшеніе.

— Хощу вины свои заслужить предъ тобою, пресвѣтлый царь!—повторялъ и здѣсь то же самое Воинъ, что говорилъ отцу.—Либо положу свою голову въ ратномъ полѣ...

— Зачѣмъ же?—ласково перебилъ его государь, любуясь мужественной его осанкой.

— Батя! Ты знаешь, мы отъ рода римскаго кесаря Августа.

Это стрѣлой влетѣла въ отцовскую рабочую горницу царевна Софья, думая, что отецъ у себя одинъ, и остолбенѣла, вся вспыхнувъ; серебристый голосокъ ея оборвался на «Августѣ».

Она стояла съ тетрадкой въ рукахъ, какъ зайчикъ, застигнутый врасплохъ.

Воинъ низко поклонился ей.

— Что? Что?—съ любовною улыбкой глядѣлъ на нее Алексѣй Михайловичъ.—Отъ рода кесаря Августа, говоришь?

— Да, батюшка государь,—нѣсколько оправившись отъ смущенія, проговорила она и взглянула на Воина.

Замѣтивъ, что статный молодой человѣкъ любуется ею, она стала смѣлѣй.

— Откудоважъ ты это узнала, всезнайка?—спросилъ отецъ, продолжая любоваться дѣвочкой.

— А вотъ въ этой книгѣ написано,—прозвенѣла она и подошла къ отцу,—вотъ, читай: «выписано изъ житія преподобнаго Нила, Столбенскаго Чудотворца»...

— Ну, читай ты, у тебя глазки лучше моихъ: а тутъ такъ блѣдно написано,—сказалъ Алексѣй Михайловичъ, гладя головку дочери.

— Вотъ!—и Софья прочла:—«Пріиди во обитель преподобнаго Нила»... Ахъ!—остановила она себя.—Не съ того листа начала... Это о нѣкоей дѣвицѣ, не о кесарѣ Августѣ.

Алексѣй Михайловичъ разсмѣялся и повернулъ дѣвочку лицомъ къ себѣ.

— Ты что-й-то путаешь, торопыга.

Софья вспыхнула: она не хотѣла показаться смѣшной передъ молодымъ человѣкомъ, который ей нравился, когда она была еще совсѣмъ «чюпишная», а теперь уже ей почти четырнадцать лѣтъ.

— Нѣтъ, не путаю!—она перевернула листъ.—Вотъ: «Грань десятая, глава вторая. Въ лѣто проименитаго и самодержавнаго царя и великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю россійскую землю святымъ крещеніемъ, въ храбрости великаго князя Святослава, внука самодержавнаго Игоря и достохвальныя въ премудрости блаженныя великія княгини Ольги правнука Рюрекова»...

— Рюрикова,—поправилъ ее отецъ.

— Нѣтъ, Рюрекова!—настаивала упрямая дѣвочка.—Тутъ такъ написано! Смотри.

— Ну, добро,—согласился отецъ.—Читай дальше.

— ... «первовладычествующаго въ Великомъ Новѣградѣ и вс всей русской землѣ, не худа рода бяху и незнаема, но опаче проименитаго и славнаго римскаго кесаря Августа, обладающаго всею вселенною, единоначальствующаго на земли, во время перваго пришествія на землю Господа Бога Спаса Нашего Іисуса Христа, иже нашего ради спасенія изволи родитися отъ без... отъ безневѣстныя»...

Дѣвочка остановилась и вопросительно посмотрѣла на отца.

— Что это такое «безневѣстныя?»—спросила она.

— Это такъ Богородицу величаютъ, — отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ.

— Для чегожъ «безъ невѣсты?»—недоумѣвала Софья.—На что ей невѣста?

— Ну, инъ читай дальше!—перебилъ ее отецъ.

— «Отъ безневѣстныя, — покорно продолжала юная царевна,—и пресвятыя и приснодѣвы Маріи».

— Воистину такъ: при римскомъ кесарѣ воплотися Сынъ Божій, при Августѣ,—замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.—А вотъ Воинъ и самъ былъ въ Римѣ,—указалъ онъ на молодого человѣка.

Юная царевна такъ, кажется, и облила его съ головы до ногъ свѣтомъ своихъ ясныхъ глазъ.

Воинъ скромно улыбнулся:—«точно... сподобился... былъ въ Римѣ и лобызалъ каменныя ступени лѣстницы дома Пилатова по ней же сводили на пропятіе Спасителя»,—пояснилъ онъ.

— А развѣ она въ Римѣ?—удивился Алексѣй Михайловичъ.

— Въ Римѣ, государь,—отвѣчалъ Воинъ,—ее перенесли изъ Іерусалима крестоносные рыцари.

— Эка святыня какая, Господи!—покачалъ головою царь.—Ну, чтожъ кесарь Августъ?—обратился онъ къ царевнѣ.

Та въ это время такъ и пронизывала своими лучистыми глазами молодого Нащокина: «Шутка ли! Въ Римѣ былъ, вонъ этими губами цѣловалъ лѣстницу Пилатову, слѣды Христовыхъ ножекъ, казалось, говорили ея глаза.

Слова отца заставили ее опомниться. Она нагнулась къ книгѣ

— «Сей кесарь,—начала она снова читать,—Августъ раздѣли вселенную братіи своей и сродникомъ, ему же быша присный братъ, именемъ Прусъ, и сему Прусу тогда поручено бысть

властодержательство въ березѣхъ Вислѣ рѣкѣ градъ Мовберокъ *) и Турокъ **) Хваница (?) и преславный Гданскъ, и иные многіе городы по рѣкѣ глаголемую Нѣманъ, впадшую, иже зовется и понынѣ Прусская земля; сего же Пруса сѣмени отъяша вышереченный Рюрекъ и братія его; егда еще живяху за моремъ, и тогда варяги именовахуся и изъ-заморья имаху дань на чюди, то есть на нѣмцехъ и на словянехъ, то есть на новгородцехъ, и на кривичехъ, т. е. на торопчанехъ» ***).

Кончивъ чтеніе, Софья Алексѣевна съ торжествующимъ видомъ посмотрѣла на отца и на молодого Ордина-Нащокина.

— Такъ вотъ откудова мы родомъ,—улыбаясь, сказалъ Алексѣй Михайловичъ,—а я думалъ, что мы простаго роду; а оно вонъ куда махнуло, въ родню съ кесаремъ Августомъ! Не махонька у насъ роденька! А гдѣ ты взяла эту книгу?—спросилъ онъ.

— Симеонъ Ситіановичъ Полоцкой принесъ мнѣ,—отвѣчала царевна.

— Балуетъ онъ тебя, я вижу.

— А потому и балуетъ, что я хорошо учу всѣ уроки.

— Добро, добро! Ты у меня умница! Иди же къ матери.

Алексѣй Михайловичъ погладилъ дочь по головкѣ, и царевна, поцѣловавъ у отца руку, вышла изъ горницы, съ улыбкой кивнувъ головой Воину.

Скоро государь отпустилъ и этого послѣдняго, пожаловавъ къ рукѣ и пожелавъ ему счастья на ратномъ полѣ.

Три дня Воинъ лихорадочно готовился къ отъѣзду: выбиралъ лошадей, накупалъ новаго оружія, заказывалъ дорожное и боевое платье.

А на душѣ у него было очень тяжело. Хотѣлъ- онъ было еще разъ съѣздить въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной, но рѣшимости не хватило: «увижу ее, и все прахомъ пойдетъ»...

На четвертый день утромъ, когда отецъ засѣдалъ въ царской думѣ, Воину доложили, что его желаетъ видѣть монашка изъ

---

*) Малборкъ, Маріенбургъ.

**) Торунъ, Торнъ.

***) Изъ старинной рукописи, принадлежащей автору, а прежде принадлежавшей «лейбъ-гвардій Преображенскаго полку бонбордирской роте отъ мушкатеръ каптенармусу Михайле Голенищеву Кутузову».

Новодѣвичьяго. Сердце у него дрогнуло при этомъ словѣ. Но онъ велѣлъ впустить: «за сборомъ, должно быть, на монастырь».

Но сердце у него такъ и колотилось. Онъ всталъ.

Въ дверяхъ стояла она въ своемъ монашескомъ одѣяніи, блѣдная, блѣдная...

Онъ протянулъ къ ней руки. Она бросилась къ нему, да такъ и повисла у него на шеѣ.

— Милый мой! Суженый мой!—шептала она и плакала.

Онъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Милая! Наташечка! Да какъ же ты?

— Я совсѣмъ къ тебѣ, совсѣмъ! И до гробовой доски! Я твоя... бери меня, какъ знаешь... въ жены, въ полюбовницы... все равно, я пропала, погубила мою душеньку... Я только твоя, твоя!

— А монастырь?

— Не черница я больше! Не Надежда! Я твоя Наташа! Твоя вся! Вся!

Онъ ласкалъ ее, шепталъ всевозможныя нѣжныя слова, цѣловалъ ея свѣтлорусую головку...

Клобукъ ея упалъ съ головы на полъ. Она больше не черница.

XIX. Любовь Стеньки Разина.

Прошло три года.

Былъ конецъ августа 1668 года. На Волгѣ, у астраханской пристани, стояла многочисленная флотилія рѣчныхъ и морскихъ судовъ «струговъ». Было уже поздно. Теплая южная ночь давно стояла надъ Волгой и городомъ; мерцавшія въ небѣ звѣзды показывали уже время къ полуночи, а между тѣмъ въ Астрахани было, повидимому, очень шумно: оттуда доносились веселые голоса, подчасъ слышалось пѣніе, говоръ, и отъ времени до времени ночной воздухъ потрясаемъ былъ пушечными выстрѣлами съ крѣпостныхъ башенъ.

При каждомъ такомъ выстрѣлѣ, ходившій взадъ и впередъ по одному стругу казакъ останавливался, прислушивался и скучающимъ голосомъ проговаривалъ:

— Ишь, черти, загуляли, а ты тутъ слоняйся, какъ утокъ по верстатью!

Въ Астрахани, дѣйствительно, гуляли. Астраханскій воевода, нашъ московскій знакомый, князь Семенъ Васильевичъ

Прозоровскій, справлялъ именины своей любимой дочери Натальи, которую мы покинули въ Москвѣ, три года назадъ, уже не Натальею, а инокинею Надеждою.

Это и былъ Натальинъ день, 26-е августа.

Князь Прозоровскій назначенъ былъ астраханскимъ воеводою недавно, менѣе года тому назадъ. Теперь у него шелъ пиръ горой. Да и не удивительно: онъ очень любилъ свою бѣлокуренькую Наталью, а съ другой стороны онъ принималъ у себя сегодня рѣдкихъ, дорогихъ гостей. Главнымъ и почетнѣйшимъ гостемъ былъ славный атаманъ вольныхъ донскихъ казаковъ, Степанъ Тимофеевичъ Разинъ. Онъ недавно только воротился съ своею флотиліею и казаками изъ морского похода. Слава его громкихъ подвиговъ наполнила уже всю Россію, и хотя эти подвиги сильно озабочивали московское правительство, однако, до поры до времени оно принуждено было не только не показывать своего неудовольствія удалому атаману, предводителю буйнаго казачества, но какъ бы и поощрять его подвиги «великаго государя милостивыми грамотами».

Дѣйствительно, въ одинъ годъ Степанъ Тимофеевичъ успѣлъ показать, на что онъ способенъ. Едва онъ вышелъ съ своими молодцами съ Дону на Волгу и основался ватагой на знаменитомъ «бугрѣ», какъ тотчасъ же разбилъ весенній караванъ судовъ, направлявшійся въ Москву съ казенными, патріаршими товарами и товарами частныхъ лицъ, а также съ партіею арестантовъ; начальника стрѣлецкаго отряда, слѣдовавшаго съ караваномъ, приказалъ изрубить въ куски, какъ барана на шашлыкъ, судового приказчика и трехъ служащихъ повѣсить, арестантовъ освободить, чѣмъ и сдѣлалъ ихъ своими слугами, готовыми за него въ огонь и въ воду. Потомъ Степанъ Тимофеевичъ уже на тридцати трехъ стругахъ, пополненныхъ, сверхъ своихъ казаковъ, еще и стрѣльцами, вышелъ въ Каспійское море, оттуда рѣкою Яикомъ дошелъ до Яицкаго городка — обманомъ взялъ его, а взявши, велѣлъ тамошнему стрѣлецкому головѣ начальнымъ людямъ и «несогласнымъ» стрѣльцамъ поотрубать головы, ушедшихъ же изъ Яицкаго городка тоже порубить и потопить. Дальше разгромилъ кочевыхъ татаръ у устья Волги и ограбилъ турецкое судно. Астраханскому воеводѣ, князю Хилкову, предшественнику князя Прозоровскаго, присылавшему къ нему

просить, чтобъ онъ отпустилъ и стрѣльцовъ, и всѣхъ своихъ плѣнниковъ, велѣлъ сказать:

— Коли-де придетъ ко мнѣ великаго государя милостивая грамота, тогда отпущу, а теперь не пущу никого.

Когда же князь Прозоровскій послалъ къ нему съ той же просьбой двухъ пятидесятниковъ стрѣлецкихъ, то одного изъ нихъ, «грубіана», Степанъ Тимоѳеевичъ убилъ, а другого отпустилъ живымъ, но ни съ чѣмъ.

Затѣмъ Степанъ Тимоѳеевичъ съ своими молодцами опять вышелъ въ море, и на этотъ разъ уже громилъ прибрежныя владѣнія шаховъ персидскихъ, потомковъ царей Кира, Камбизовъ, Ксерксовъ и Даріевъ. Мало того, онъ послалъ въ Испагань трехъ молодцовъ въ качествѣ своихъ пословъ, которые и были приняты съ честью. А между тѣмъ самъ Степанъ Тимоѳеевичъ успѣлъ уже взять городъ Фарабадъ, разграбить его, сжечь до основанія, разорить увеселительные дворцы шаха и все это въ ожиданіи возврата своего почетнаго посольства. Но молодцовъ скоро раскусили въ Испагани, и шахъ отправилъ противъ Степана Тимоѳеевича флотилію изъ семидесяти судовъ.

— Плевое дѣло! — сказалъ Степанъ Тимоѳеевичъ своему есаулу, Ивашкѣ Черноярцу.—Ребята! Громи ихъ!

И ребята разгромили флотилію. Адмиралъ, командовавшій ею, астиранскій ханъ Менеды, бѣжалъ съ позоромъ, оставивъ въ добычу Степану Тимоѳеевичу красавицу, тринадцатилѣтнюю дочку Заиру и сына Рустема.

Когда юную полонянку привели къ Степану Тимоѳеевичу, онъ, грубый и сильный, человѣкъ съ желѣзной волей и стальными нервами, онѣмѣлъ отъ изумленія: онъ даже не подозрѣвалъ, чтобы на землѣ могла существовать такая поразительная красота! Это смѣшеніе чего-то нѣжнаго, какъ лилія, съ огнемъ, съ огненнымъ темпераментомъ, сверкавшимъ въ черныхъ огромныхъ глазахъ, это личико ребенка съ пышною черною косою, гибкость и округлость юныхъ членовъ, невыразимая грація въ движеніяхъ, все это отуманило буйную голову атамана. Онъ полюбилъ ее всею силою своей огневой души: тигръ по природѣ, онъ сдѣлался кротокъ и робокъ съ своею плѣнницей.

— Ребята!—сказалъ онъ своимъ молодцамъ.—Ежели кто дотронется до нея пальцемъ, хоть ненарокомъ, не до нея, а хоть до края ея одежды, того я зарѣжу. Знайте это!

И онъ убралъ ея горенку на своемъ стругѣ съ неслыханною роскошью: золото, серебро, жемчуга, алмазы, парчи, атласъ, всѣ награбленныя сокровища брошены къ маленькимъ ножкамъ Заиры.

И самъ Степанъ Тимоѳеевичъ сталъ другимъ человѣкомъ. Молодцы не узнавали его. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ въ горенкѣ своей красавицы и выходилъ оттуда сначала мрачный и задумчивый, а потомъ все свѣтлѣе и радостнѣе, и ласковѣе ко всѣмъ. Кровь, которую онъ прежде проливалъ, какъ воду, теперь стала для него противна. Онъ прекратилъ разбои. Что-то мягкое и тихое стало проглядывать въ чертахъ энергичнаго лица. Казалось, онъ теперь стыдился того, что прежде считалъ своею славою. Въ немъ, казалось, опять проснулся тотъ человѣкъ, который пѣшкомъ прошелъ черезъ всю Россію, отъ устьевъ Дона до Ледовитаго океана, чтобъ только помолиться и поплакать надъ могилами соловецкихъ угодниковъ.

Въ это лѣто Каспійское море было очень спокойное, ни бурь, ни вѣтровъ, и казацкая флотилія иногда по цѣлымъ недѣлямъ стояла въ открытомъ морѣ неподвижно. Въ тихіе, теплые вечера казаки часто пѣли свои грустныя, мелодичныя пѣсни, о «тихомъ Донѣ», о раздольныхъ степяхъ, о разлукѣ съ милыми.

Въ это время они часто видѣли, что ихъ атаманъ, теперь такой тихій и кроткій, выходилъ вмѣстѣ съ своею юною плѣнницею изъ ея роскошной горенки, и по цѣлымъ часамъ въ сторонѣ отъ всѣхъ они сидѣли вдвоемъ, тихо разговаривая или любуясь зеркальною поверхностью моря, въ которомъ отражались звѣзды. Заира умѣла говорить по-русски, потому что съ дѣтства за нею ухаживала любимая рабыня ея отца, русская полонянка изъ казачекъ. Въ эти тихіе вечера, подъ грустное, мелодическое пѣніе своихъ молодцовъ, укрощенный чистою любовью тигръ, ихъ «батюшка атаманушка» Степанъ Тимоѳеевичъ, разсказывалъ Заирѣ о своемъ родномъ Донѣ, что и тамъ такое же голубое небо, какъ и у нихъ, въ Персіи, что и звѣзды, которыя она видѣла съ дѣтства въ родной Астирани и въ Испагани, такія же и на Дону, надъ его тихими водами и надъ широкими полями.

Сначала робкая и часто плакавшая, теперь Заира, повидимому, свыклась съ своимъ положеніемъ. И не удивительно: теперешнюю свою жизнь на морѣ она уже не хотѣла бы промѣнять

на прежнюю, когда она затворницей жила въ отцовскомъ сералѣ. Она полюбила своего кроткаго и ласковаго, подчасъ бурнаго въ своихъ ласкахъ, повелителя: онъ теперь замѣнилъ для нея весь міръ. Она прежде не знала, что такое любовь, а теперь она полюбила первою, чистою и нѣжною, какъ она сама, любовью. Зачѣмъ же ей Персія, отецъ, все, что не могло ей дать того, что далъ ей вотъ этотъ самый сильный, какъ левъ, и кроткій, какъ ея египетскій голубь, мужчина, этотъ грозный атаманъ, побѣдитель ея отца и самого шаха? Онъ повезетъ ее на Донъ; онъ броситъ свои разбои и будетъ атаманомъ вольнаго Дона. Онъ самъ говорилъ ей это, а она, положивъ свою дѣтскую головку на его плечо, жадно слушала своего богатыря, какъ она его называла, а онъ тихо гладилъ и цѣловалъ ея шелковистые волосы. Любовь дѣйствительно переродила его.

Вотъ почему, когда князь Прозоровскій выслалъ противъ него своего товарища, князя Львова, съ отрядомъ стрѣльцовъ, и когда князь Львовъ, не увѣренный въ успѣхѣ, послалъ къ Разину парламентера сказать, что если онъ возвратитъ захваченныя имъ на Волгѣ суда и казенныя пушки, а также уведенныхъ съ собою служилыхъ людей и плѣнниковъ, то можетъ свободно воротиться на Донъ съ своими молодцами, вотъ почему это страшилище, переродившееся подъ ласками обожаемой дѣвушки, смиренно склонило передъ княземъ Львовымъ свою гордую голову. Разинъ присягнулъ на крестѣ и евангеліи, что навсегда бросаетъ ненавистные ему разбои, и съ своей ватагой явился въ Астрахань.

Вмѣстѣ съ есауломъ и другими казацкими старшинами Разинъ сошелъ съ своего струга и направился въ городъ, прямо въ приказную избу. Заира долго стояла на бортѣ атаманскаго струга и любящимъ взоромъ провожала прирученнаго ею тигра: она такъ любила его!

Въ приказной избѣ, гдѣ его ждали князь Прозоровскій и князь Львовъ съ другими властями города, Разинъ смиренно положилъ на столъ свой бунчукъ, «пасѣку», знакъ атаманской власти: этимъ онъ изъявлялъ полную покорность.

— Повинную голову не сѣкутъ,—сказалъ онъ кротко со вздохомъ.

Князь Прозоровскій и всѣ бывшіе въ избѣ глазамъ не вѣрили, чтобъ это былъ тотъ ужасный человѣкъ, передъ которымъ всѣ трепетали. Даже во взорѣ его было что-то мягкое, задумчивое.

— Дивны дѣла твои, Господи!—шепталъ князь Прозоровскій, всматриваясь въ этого непостижимаго человѣка.

XX. Клевета.

Вотъ почему сегодня, въ Натальинъ день, князь Прозоровскій съ такимъ торжествомъ праздновалъ именины своей любимицы Натальи: онъ принималъ у себя такого дорогого гостя, которому радъ бы былъ и царь Алексѣй Михайловичъ, такимъ страшнымъ стало на Руси его имя! И вдругъ онъ такой покорный, смирный, ласковый, обходительный.

Одно всѣхъ удивляло на этомъ пиру: Разинъ, который прежде предавался буйному разгулу, которому понятны были только два наслажденія—рѣзня и попойки, этотъ Разинъ теперь почти ничего не пилъ.

Его угощала изъ своихъ рукъ сама княгиня, мачиха княжны Натальи, взятая мужемъ обратно изъ ея деревенской ссылки вмѣстѣ съ сыновьями, когда князя послали на воеводство въ Астрахань, и Разинъ благодарилъ любезную хозяйку, но пить почти не пилъ.

— Аль въ монахи постригся, Степанъ Тимоѳеевичъ?—улыбалась княгиня.

— Точно, матушка княгиня, хочу свой маленькій скитокъ завести,—уклончиво отвѣчалъ Разинъ.

Но это не мѣшало другимъ гостямъ пить и веселиться. Пили здравицы и каждую такую здравицу сопровождали пушечные выстрѣлы съ крѣпостныхъ башенъ, потому что за окномъ, гдѣ происходилъ пиръ, стояли махальщики съ зажженными факелами, которыми и передавали сигналы на крѣпостныя башни. Пили за здоровье царя, царицы и всей царской семьи. Пили здравицу всему «тихому Дону» и отдѣльно «славному сыну его, Степану Тимоѳеевичу».

Съ необыкновеннымъ женскимъ чутьемъ княгиня Прозоровская догадалась, однако, что происходило въ душѣ ихъ дорогого необычайнаго гостя, съ извѣстіемъ о покорности котораго уже поскакалъ гонецъ отъ астраханскаго воеводы въ Москву къ царю Алексѣю Михайловичу. Княгиня заговорила съ нимъ о его молоденькой плѣнницѣ.

— Она, чаю, бѣдненькая, скучаетъ теперь тамъ одна на стругѣ?—сказала она.

— Нѣтъ, матушка княгиня, она привыкла,—отвѣчалъ Разинъ.

— А все-жъ, чаю, плачетъ по отцу, по матери.

— Поплакала малость прежде, а нонѣ нѣтъ.

— Ахъ, глупая я!—спохватилась княгиня.—И не вдомекъ мнѣ послать ей гостинца.

Разина это, видимо, тронуло. Княгиня же между тѣмъ взяла серебряный подносъ, наложила на него прекрасныхъ грушъ, винограду и другихъ, большею частью восточныхъ, сластей: кишмишу, рахатъ-лукума, изюму, винныхъ ягодъ и пр.

Тогда Разинъ подозвалъ своего персидскаго толмача, Хабибуллу, который былъ въ числѣ его пословъ у шаха, приказалъ отнести подносъ съ гостинцемъ на его стругъ и вручить отъ имени княгини Заирѣ Менедовнѣ, какъ онъ называлъ свою плѣнницу при другихъ.

Черные восточные глазки Хабибуллы почему-то блеснули радостью, когда онъ принималъ подносъ изъ рукъ княгини.

— Кто идетъ?—раздался окликъ съ атаманскаго струга, когда въ темнотѣ на его сходни стала подниматься какая-то темная фигура.

— Это ми, Хабибулла съ гастынцамъ,—отвѣчалъ гортанный голосъ.

— А! Это ты Хабибулка! Съ какимъ гостинцемъ? Ко мнѣ?

— Нэтъ, Иванъ Петровичамъ, не тебѣ, а ханымъ Заиръ Менеды.

— Какой гостинецъ?

— Кишмишъ, инджиръ, рахатъ-лукумъ, грушамъ.

— Отъ кого? Отъ батюшки Степана Тимоѳеевича?

— И отъ батушка, и отъ матушка.

— Отъ какой матушки?

— Отъ самово княгинь, отъ матушка воеводиха.

— А что атаманъ?

— Атаманъ скучилъ, ничаво не ѣдилъ, ничаво не пилъ, толка хадылъ и молчилъ.

— А наши ребята пьютъ здорово?

— Ай-ай какъ піютъ! Всо болшимъ кавшамъ.

Это разговаривали посланный отъ Разина къ Заирѣ съ

фруктами и другими сластями его толмачъ, персіанинъ Хабибулла, и есаулъ Разина, Ивашка Черноярецъ, остававшійся на атаманскомъ стругѣ въ качествѣ охранителя прекрасной персіанки.

— А что ханымъ скучилъ адынъ безъ батушка?—спросилъ Хабибулла.

— Вѣстимо скучаетъ,—отвѣчалъ есаулъ.

— Тэперъ нэ будытъ скучилъ.

И Хабибулла направился къ роскошно убранной горенкѣ Заиры, откуда свѣтился огонекъ.

Заира сидѣла на богатомъ персидскомъ коврѣ съ брошенными на него шитыми шелками подушками и играла съ маленькой бѣлой собачкой, которую она учила служить на заднихъ лапкахъ.

Робко вошелъ въ уютную свѣтличку Хабибулла и, припавъ на одно колѣно, поставилъ передъ Заирой подносъ съ фруктами.

— А это ты Хабибулла,—сказала персіанка на своемъ родномъ языкѣ.—Отъ кого это?

— Отъ княгини, отъ супруги воеводы,—отвѣчалъ Хабибулла тоже по-персидски и приложилъ руку ко лбу и къ сердцу.

Прелестное личико Заиры зарумянилось. Она поправила на шеѣ нитку жемчуговъ и въ смущеніи спросила:

— А развѣ княгиня меня знаетъ?

— Вѣроятно, знаетъ отъ батюшки Степана Тимоѳеевича,—былъ отвѣтъ.

— А что батюшка атаманъ?—спросила дѣвушка.

— Онъ скучаетъ, ничего не пьетъ, не ѣстъ, какъ не увивается около него княгиня.

Это извѣстіе, видимо, встревожило дѣвушку. Она какъ-то вся встрепенулась.

— Скучаетъ, говоришь?—съ боязнью спросила она.

— Скучаетъ, ханымъ.

— Отчего же? Не боленъ ли онъ? Ты не замѣтилъ?—продолжала тревожно спрашивать дѣвушка.

— Этого, ханымъ, не замѣтилъ,—уклончиво отвѣчалъ персіанинъ,—а замѣчаю только, что у насъ, съ пріѣздомъ въ Астрахань, что-то не ладно пошло дѣло.

— А что? Развѣ воевода сердится?

— Нѣтъ, ханымъ, не воевода, а его жена,—загадочно отвѣчалъ Хабибулла.

— Что его жена? Она сердится?—живо заговорила дѣвушка.

— Да, и сердится, и льнетъ къ нему, какъ гурія,—былъ отвѣтъ.

Этотъ отвѣтъ еще болѣе встревожилъ Заиру.

— А она молоденькая? Хороша собой?

— И молоденькая, и красавица.

Розовыя щечки Заиры мгновенно покрылись блѣдностью. Она, какъ раненый тигренокъ, вскочила съ ковра. Глаза ея горѣли.

— Говори все, что знаешь!—схватила она за руку Хабибуллу.—Говори! Онъ зналъ ее прежде?

— Зналъ, ханымъ,—угрюмо отвѣчалъ персіанинъ.

— И?.. Говори же! Говори!—страстнымъ шепотомъ настаивала дѣвушка.

— Что мнѣ говорить!.. Извѣстное дѣло... они спознались раньше... воевода старъ.

Бѣдная дѣвушка упала на коверъ и горько заплакала, уткнувъ свое личико въ подушку.

У Хабибуллы глаза сверкнули плотояднымъ огнемъ. Онъ сталъ передъ дѣвушкой на колѣни и, нагнувшись къ ней, страстно шепталъ:

— Не плачь, ханымъ, не печалься, звѣзда Востока. Я отвезу тебя домой, въ Персію, къ отцу. У меня уже и буса изготовлена и снаряжена, богатое и прочное судно, которое и доставитъ насъ въ Персію. Завтра же ночью мы и бѣжимъ отсюда. Завтра атаманъ назначаетъ пиръ у себя на стругѣ, зоветъ къ себѣ въ гости и воеводу съ женой...

— Съ женой?—какъ ужаленная, вскочила дѣвушка съ подушки.

— Да, съ женой,—отвѣчалъ соблазнитель.—Такъ ты сдѣлай вотъ что, жемчужина Востока: русскіе любятъ, чтобъ на пиру ихъ угощали жены хозяевъ. Ты здѣсь хозяйка, ты и угощай ихъ завтра. Завтра атаманъ будетъ пить, потому что если хозяинъ не пьетъ, то и гости не будутъ пить. Атаманъ долженъ будетъ пить и напьется пьянымъ. Казаки всѣ перепьются и уснутъ. Уснетъ и атаманъ, какъ убитый. Тогда я тихонько прі-

ѣду въ лодкѣ и возьму тебя на мою бусу. А чтобъ за нами не было погони, я и это устроилъ. Я подкупилъ одного персіанина, моего пріятеля, который послѣ завтра, когда мы уже будемъ далеко отъ Астрахани, придетъ сюда на стругъ и объявитъ, что ночью онъ видѣлъ, какъ съ атаманскаго струга какая-то женщина бросилась въ Волгу и утонула, что онъ кричалъ, чтобъ со струга ей подали помощь, но со струга никто не откликнулся, всѣ спали мертвымъ сномъ; что онъ самъ отыскалъ у берега лодку и бросился искать утопленницу, но такъ и не нашелъ, она пошла ко дну. Такъ бѣжимъ, солнце Востока? Все равно, атаманъ разлюбилъ тебя, промѣнялъ на прежнюю возлюбленную.

Дѣвушка опять горько заплакала, уткнувшись личикомъ въ подушку. Хабибулла утѣшалъ ее какъ маленькаго ребенка, гладилъ ея головку, говорилъ нѣжныя слова, тѣшилъ ее возвратомъ на родину.

Неопытная какъ младенецъ, она наслово повѣрила хитрому и своекорыстному обманщику, и ее охватило чувство полной безпомощности. Она очутилась одна вдали отъ родины. Брата ея, взятаго въ полонъ вмѣстѣ съ нею, Разинъ давно отправилъ назадъ къ отцу, такъ какъ мальчикъ очень тосковалъ по родинѣ. Дѣвушка же съ дѣтскою вѣрою и съ дѣтскою нѣжностью привязалась къ атаману, который былъ съ ней такъ добръ и ласковъ, добрѣе и ласковѣе отца; она скоро полюбила его первымъ, беззавѣтнымъ чувствомъ молодости, сосредоточила въ немъ весь свой міръ, и, вдругъ! этотъ ея кумиръ обманывалъ ее: онъ любилъ другую.

Что же ей остается? Бѣжать отъ него? Но она не въ силахъ это сдѣлать: она любитъ его, онъ для нея все.

Но вдругъ въ ней зашевелилось сомнѣніе въ искренности словъ Хабибуллы. А если онъ обманываетъ ее для своихъ цѣлей, чтобъ получить богатый выкупъ отъ отца? Къ ней воротилась надежда, и она со всею страстью южнаго темперамента бросается на шею Хабибуллы.

— Именемъ Аллаха и его пророка умоляю тебя,—скажи: ты пошутилъ? Ты выдумалъ на атамана? Онъ не любитъ этой русской женщины?—порывисто шептала она.

И Хабибулла страстно ласкалъ ее...

Но еслибъ только онъ видѣлъ, что съ самаго того момента, какъ онъ вошелъ къ Заирѣ, Ивашка Черноярецъ змѣей подползъ

къ освѣщенному окошечку Заириной каюты и все видѣлъ, и все слышалъ, что тамъ дѣлалось и говорилось, онъ окаменѣлъ отъ ужаса.

Ивашка зналъ персидскій языкъ и все слышалъ...

Разинъ воротился съ воеводской пирушки очень поздно. Его встрѣтилъ есаулъ Ивашка и, отведя въ сторону, долго шепталъ ему что-то. Движенія, которыя дѣлалъ атаманъ, слушая своего есаула, и порывистое дыханіе его богатырскихъ легкихъ обнаруживали, что онъ глубоко взволнованъ.

Войдя потомъ осторожно въ горенку Заиры, онъ, при свѣтѣ сильно нагорѣвшихъ восковыхъ свѣчъ канделябры, увидѣлъ, что дѣвушка, горько наплакавшись, уснула тутъ же на коврѣ невиннымъ сномъ младенца. На длинныхъ рѣсницахъ ея еще блестѣли слезинки. Рядомъ съ нею спала собачка и та не проснулась.

Разинъ сталъ передъ нею на колѣни и съ глубокой нѣжностью и тоскою долго смотрѣлъ на милое личико ребенка.

Изъ Астрахани доносился одинокій гулъ церковнаго колокола; то на соборной колокольнѣ били полночь. Было тихо кругомъ. Слышно было только, какъ журчала волжская вода подъ килемъ струга и плескалась около его крутыхъ боковъ.

Разинъ съ нѣжностью трижды перекрестилъ спящую дѣвушку, съ глубокой мольбою поднялъ глаза къ небу, всталъ съ ковра, тихо потушилъ свѣчи канделябры и неслышными шагами вышелъ въ свою каюту.

XXI. «На-жъ тебѣ,—возьми!»

На другой день всѣ замѣтили, что атаманъ былъ какъ-то особенно задумчивъ. Иногда онъ встряхивалъ своей курчавой головой, какъ бы отгоняя отъ себя докучливую мысль. То иногда подолгу останавливался у борта своего струга и какъ бы безцѣльно глядѣлъ куда-то въ даль, ничего не видя.

Онъ, однако, съ утра отдалъ приказаніе своему есаулу, Ивашкѣ Черноярцу, все приготовить для предстоящаго пира, такъ какъ онъ ожидаетъ къ себѣ въ гости воеводу, князя Прозоровскаго, его товарища, князя Львова, и нѣкоторыхъ другихъ представителей власти.

— Чтобы пиръ былъ на славу!—сказалъ онъ.

Вчерашнее сообщеніе есаула о подслушанномъ имъ у Заиры

и о томъ, что онъ вообще видѣлъ, глубоко поразило Разина. Конечно, онъ далекъ былъ отъ мысли, чтобы его маленькая Заира была не искренна, чтобы она обманывала его, онъ этого никогда бы не допустилъ! Она такой ребенокъ! Такъ наивна въ своихъ ласкахъ и признаніяхъ, такъ неопытна. Но это же самое можетъ и отнять ее у него, а онъ такъ полюбилъ этого ребенка. Вѣдь, она же, повидимому, не понимала вчера, какія чувства заставляли Хабибуллу утѣшать ее, гладить по головкѣ, обнимать; она принимала эти утѣшенія и ласки мужчины, какъ ласки няни. Но въ ней могла проснуться отъ этихъ ласкъ и женщина, какъ она проснулась въ ней отъ его ласкъ, и все это будетъ въ ней невинно, искренно, и сама она не сумѣетъ дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Какъ ему обвинить ее за это? Какъ обвинить ребенка, который тянется къ огню, не зная, что такое огонь!

И какъ же, послѣ этого, на такой зыбкой почвѣ основывать свое счастье!

Теперь Разинъ только въ первый разъ задался этой мыслью. Конечно, мысль эта въ душѣ казака слагалась въ иной формѣ. Но онъ, въ данномъ случаѣ, думалъ такъ же логически, какъ и всякій другой умный человѣкъ думалъ бы на его мѣстѣ: человѣческая логика и въ XVII-мъ вѣкѣ доходила до извѣстныхъ умозаключеній тѣмъ же путемъ, какъ и теперь, особенно же въ области чувства. А Разинъ былъ, безспорно, умный человѣкъ, богато одаренная натура, которая, смотря по обстоятельствамъ, могла быть направлена и на величайшее добро, и на величайшее зло.

Случайная любовь къ такому невинному, чистому созданію, какъ Заира, повернула его на добро, разбудила въ его богатой душѣ лучшія, благороднѣйшія ея силы. Онъ разомъ сдѣлался добръ, мягокъ возненавидѣлъ жестокость, грубость. Онъ пересталъ пить.

И вдругъ вчерашній случай чуть не разбудилъ въ душѣ прежняго Разина—звѣря. Онъ шелъ въ каюту своей милой дѣвочки, чтобъ растерзать ее за одно прикосновеніе къ презрѣнному татарину-ренегату. Но когда онъ увидѣлъ ея невинное спящее личико съ остатками слезъ на рѣсницахъ, онъ сталъ передъ нею на колѣни и съ материнскою нѣжностью и благоговѣніемъ сталъ крестить ее.

Что же будетъ дальше? Неужели для такого непрочнаго хрупкаго счастья онъ долженъ отречься отъ самаго себя, про-

ститься со славою, съ властью, съ громкими подвигами? Онъ, атаманъ цѣлаго войска и братъ казненнаго атамана же, неужели онъ долженъ отказаться отъ всего, даже отъ мести за позорную смерть брата, и похоронить себя заживо въ глухой донской станицѣ или на какомъ-нибудь хуторкѣ!

А отказаться отъ нея, отъ этой милой дѣвочки, отъ своего счастья, чтобъ это милое дитя досталось какому-нибудь презрѣнному холопу Хабибуллѣ, а не ему такъ другому! Онъ чувствовалъ что это выше его силъ. Онъ такъ любилъ ее! Для нея онъ рѣшился пожертвовать славой, для нея онъ позорно преклонилъ свой бунчукъ передъ воеводой, котораго онъ могъ, когда угодно, повѣсить; онъ все для нея бросилъ. Когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, а она, ласкаясь къ нему, шептала самыя нѣжныя слова, онъ искренно рѣшился всѣмъ пожертвовать для нея.

И теперь уступить ее другому! Нѣтъ, пусть лучше она никому не достается: та, которую онъ ласкалъ, не должна знать ласкъ другого мужчины.

Муки иного рода переживала теперь и Заира.

— А что, если въ самомъ дѣлѣ онъ любитъ другую?—думала она, поздно проснувшись въ своей хорошенькой каюткѣ. Хотя, по ея восточнымъ понятіямъ, мужчина могъ любить разомъ нѣсколькихъ женщинъ, и она видѣла это въ своемъ отцѣ, у котораго былъ сераль, и который приближалъ къ себѣ и хорошенькихъ рабынь, но ея чистая привязанность возмущалась одною этою мыслью. «Развѣ она сама можетъ полюбить кого-либо другого, кромѣ своего повелителя-атамана? Нѣтъ, никогда!»

И она робко выглянула изъ окошечка своей горенки. Атаманъ задумчиво стоялъ у борта струга, спиною къ ней. О чемъ, о комъ онъ думаетъ?

Въ эту минуту, какъ бы подъ вліяніемъ ея взгляда, онъ обернулся. Изъ окошечка смотрѣло на него милое личико, и задумчивое лицо его разомъ просвѣтлѣло. Онъ вошелъ въ горенку Заиры. И на лицѣ дѣвушки отразилась радость, но она не бросилась къ нему на шею, какъ бывало прежде. Она робко подошла къ нему, смущенная, краснѣющая; въ первый разъ по отношенію къ нему въ ней заговорила женская стыдливость. Онъ молча обнялъ ее, крѣпко прижалъ къ себѣ, какъ бы боясь потерять это нѣжное существо, и сталъ ласкать, цѣловалъ ея головку, глаза. Онъ чувствовалъ, что она дрожитъ въ его объятіяхъ. Но ни онъ,

ни она не говорили. О вчерашнемъ онъ не говорилъ ей ни слова, онъ ждалъ, не скажетъ-ли она. Но и она молчала. Онъ замѣтилъ, что присланныя ей вчера княгинею Прозоровскою лакомства не тронуты. Подносъ съ фруктами стоялъ въ сторонѣ на столикѣ

— Ты, кажись, не дотронулась до княгинина гостинца?— спросилъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

— Мнѣ не хотѣлось,—чуть слышно отвѣчала она. Но ни слова о вчерашнемъ.

Онъ сталъ наблюдать за нею, обдумывать ея поведеніе. Онъ видѣлъ, что она таится отъ него. Въ своей грубой совѣсти онъ такъ и рѣшилъ, что она виновата: молчитъ, значитъ боится. Эта совѣсть не умѣла подсказать ему, что дѣвушка щадитъ его спокойствіе, что ей жаль видѣть человѣка, котораго неминуемо ждетъ лютая казнь, хоть человѣкъ этотъ и былъ для нея непріятенъ, это Хабибулла.

И онъ, и она со вчерашняго вечера вдругъ почувствовали, что между ними уже что-то стояло: это что-то и было обоюдное подозрѣніе «черная кошка».

Онъ сказалъ, что сегодня у него будутъ гости, воевода и другія власти города.

— А она будетъ?—чуть слышно спросила Заира.

— Кто она?—удивился Разинъ.

— Воеводиха, княгиня.

— Зачѣмъ ей быть? Боярынѣ это непригоже, на Москвѣ нѣту такого звычая,—отвѣчалъ онъ.

«Значитъ, Хабибулла солгалъ? Можетъ быть, онъ и все солгалъ?»

Дѣвушка крѣпче прижалась къ своему возлюбленному, точно боялась, что у нея возьмутъ его. Она чувствовала, какъ стучало его сердце, точно молотъ.

Въ это время на стругѣ послышался какой-то говоръ. Можно было различить, что казаки Разина переговаривались съ кѣмъ-то на берегу. Съ берега слышно было: «Хотимъ видѣть батюшку Степана Тимоѳеича!»

Разинъ вышелъ на палубу. Передъ стругомъ стояла группа стариковъ. При появленіи Разина всѣ сняли шапки.

— Здорово, старички почтенные!—ласково сказалъ Разинъ.

— Ты здравъ буди, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ!—послы-

шалось съ берега.—Мы пришли къ тебѣ съ поклономъ: рыбный рядъ осетромъ тебѣ, батюшкѣ нашему кланяется.

— Спасибо на поклонѣ! — отвѣчалъ Разинъ. — Милости прошу пожаловать ко мнѣ на стругъ, выпить по чаркѣ вина заморскаго.

Старики гурьбой стали всходить по сходнямъ на стругъ.

— Ужъ и осетрище изволеніемъ божіимъ попался, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ,—говорилъ одинъ старикъ съ бородой по поясъ,—такова осетра не запомню съ тѣхъ мѣстъ, какъ царила у насъ въ Астрахани проклятая Маринка-безбожница съ Ивашкою Заруцковымъ. А нонѣ трехъ такихъ пымали наши ловцы: дакъ одново осетра мы спосылаемъ на Москву великому государю царю Алексѣю Михайловичу, а другово святѣйшему патріарху, а третьево тебѣ подносимъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ.

— Спасибо, спасибо за честь, почтенные старички!—благодарилъ атаманъ.—А воеводѣ-то своему вы что поднесете?—улыбнулся онъ.

— Воевода и севрюжиной будетъ доволенъ,—отвѣчалъ старикъ, тоже улыбаясь. — А ну, ребята, покажьте чудо-юду!—крикнулъ онъ ловцамъ, бывшимъ въ косной лодкѣ близъ струга.

Рыбаки съ трудомъ приподняли надъ водою огромную голову чудовища, которое такъ билось въ водѣ, что, казалось, лодку опрокинетъ.

— И впрямь чудо-юдо,—говорилъ Разинъ.

А въ это время Ивашка Черноярецъ съ казаками вынесли изъ трюма огромный боченокъ и серебряныя стопы, въ которыя и стали наливать вино.

Разинъ сталъ подавать вино гостямъ.

— Э! Нѣтъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, — отказывался старѣйшій изъ депутаціи рыбнаго ряда,—не по русскому звычаю: въ священномъ писаніи сказано: какъ доносщику первый кнутъ, такъ и хозяину первая чара.

Разинъ выпилъ. За нимъ всѣ. Рыбакамъ молодцы Разина поднесли зелена вина, осетра привязали къ одной изъ желѣзныхъ уключинъ струга, и депутація откланялась.

Разинъ приказалъ убить и выпотрошить осетра, а потомъ сварить его въ артельномъ котлѣ.

Между тѣмъ на стругѣ разставляли столы и приборы, серебряныя и золотыя мисы, стопы и т. д.

Къ полудню начали собираться гости. Разинъ былъ необыкновенно привѣтливъ и оживленъ. Казаки давно не видали его такимъ. Это тѣмъ болѣе ихъ удивило, что не далѣе какъ сегодня утромъ онъ былъ необыкновенно задумчивъ и грустенъ. Что было у него на душѣ никто не зналъ; но многихъ это тревожило. Иные думали даже, что онъ испорченъ, и что испортила его эта персидская чаровница-княжна.

Началось угощеніе. Въ послѣднее время, особенно когда среди казацкаго войска завелась эта чаровница, атаманъ почти ничего не пилъ, совсѣмъ сталъ красной дѣвицей. Но сегодня онъ пилъ, какъ никогда. Щеки его разгорѣлись, глаза блестѣли нехорошимъ огнемъ. Казаки это видѣли, они хорошо изучили своего атамана, чего-то побаивались: быть худу... Въ иные моменты онъ какъ бы забывалъ все, гдѣ онъ, что онъ... Глаза его дико блуждали...

Но черезъ минуту онъ опять овладѣлъ собой, и голосъ его звучалъ на всю пристань.

Князь Прозоровскій и другіе гости ничего этого не замѣчали и пировали отъ всей души, ѣли, пили, смѣялись. Всѣхъ поразилъ чудовищный осетръ.

— Гдѣ это ты, Степанъ Тимоѳеичъ, досталъ такова великана?—спросилъ воевода.

— Шахъ персицкой мнѣ въ подарокъ прислалъ за городъ Фарабадъ,—загадочно отвѣчалъ Разинъ.

Вдругъ точно что осѣнило его. Онъ всталъ и пошелъ въ горенку Заиры. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, держа дѣвушку за руку. Онъ былъ блѣденъ. Заира одѣта была въ дорогое персидское одѣяніе, вся въ золотѣ, въ жемчугахъ, драгоцѣнные камни такъ и горѣли на ней. Она была поразительно хороша въ своемъ смущеніи.

Гости ничего не ожидали подобнаго, и всѣ встали при ея появленіи, подавленные, казалось, блескомъ чего-то невиданнаго, ослѣпительно прекраснаго.

— По русскому звычаю,—сказалъ Разинъ, и нижняя челюсть его задрожала,—по русскому звычаю хозяйка должна поднести изъ своихъ рукъ по чарѣ добраго вина. Вотъ моя хозяйка.

Всѣ низко поклонились, точно бы къ нимъ вышла царица.

Разинъ налилъ виномъ стоявшіе на серебряномъ подносѣ

стопы, и Заира, не поднимая глазъ, стала разносить вино. Руки ея дрожали вмѣстѣ съ подносомъ. Всѣ пили и почтительно кланялись дѣвушкѣ.

Разинъ потомъ сѣлъ и посадилъ ее около себя.

— Дай Богъ тебѣ, Степанъ Тимоѳеичъ, счастья и здоровья на многія лѣта,—сказалъ князь Прозоровскій, и всталъ,—и великій государь не оставитъ тебя своими милостями.

Помянувъ имя великаго государя, онъ сѣлъ.

— Спасибо, князь,—отвѣчалъ Разинъ.—Я много счастливъ, такъ много, какъ тотъ эллинскій царь, о которомъ сказывалъ мнѣ одинъ святой мужъ. Счастье тово эллинскаго царя было такъ велико, что оракулъ сказалъ ему: «дабы тебѣ не лишиться твово счастья, пожертвуй Богу то, что есть у тебя самово дорогово». И царь тотъ зарѣзалъ любимую дщерь свою, лучшее свое сокровище.

Разинъ взглянулъ на Заиру. Онъ былъ блѣденъ. А она сидѣла рядомъ съ нимъ, все такая же прекрасная и смущенная.

— Вотъ мое сокровище!—сказалъ онъ, обнимая дѣвушку.

Потомъ онъ всталъ, шатаясь, и остановился у борта струга, лицомъ къ Волгѣ. Онъ былъ страшенъ.

— Ахъ, ты, Волга-матушка, рѣка великая! Много ты дала мнѣ злата и серебра и всего добраго. Какъ отецъ и мать славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ.

Сказавъ это, онъ быстро повернулся, схватилъ Заиру одной рукой за горло, другою за ноги и бросилъ за бортъ, какъ сорванный цвѣточекъ.

— Нажъ тебѣ, возьми!

Что-то яркое мелькнуло въ воздухѣ, послышался плескъ воды...

Всѣ въ ужасѣ вскочили. Заира исчезла подъ водой. Утромъ рыбаки вытащили изъ Волги трупъ Хабибуллы съ кинжаломъ въ груди...

XXII. Купанье стольниковъ.

Сообщая этотъ ужасный эпизодъ изъ жизни Разина, Н. Н. Костомаровъ полагаетъ, что «этотъ варварскій поступокъ не былъ только пьянымъ порывомъ буйной головы», съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться. «Стенька, какъ видно,—говоритъ историкъ,—завелъ у себя запорожскій обычай—считать сноше-

нія казака съ женщиною поступкомъ, достойнымъ смерти. Его увлеченіе красивою персіанкой, естественно, должно было возбудить негодованіе и ропотъ тѣхъ, которымъ Стенька не дозволялъ того, что дозволилъ себѣ и, быть можетъ, желая показать, что не въ состояніи привязаться къ женщинѣ, онъ пожертвовалъ красивой персіанкой своему вліянію на товарищей».

Такъ разсуждалъ историкъ, приговоры котораго всецѣло обусловливаются тѣмъ, что говорятъ ему находящіеся въ его рукахъ матеріалы или болѣе или менѣе достовѣрные источники, документы. Но о подобнаго рода явленіяхъ, обусловливаемыхъ душевными движеніями человѣка, всего менѣе говорятъ документы, какъ не говоритъ на судѣ о своемъ преступленіи тотъ, кого уличаютъ въ немъ на основаніи не вполнѣ ясныхъ уликъ. У историка въ этомъ случаѣ связаны руки.

Не таково положеніе романиста. Онъ долженъ все знать, даже то, чего нѣтъ и не могло быть въ документахъ: онъ долженъ знать душу своихъ героевъ, знать ихъ тайныя думы и помышленія.

И романистъ объясняетъ ужасный поступокъ Разина съ Заирой такъ, какъ онъ его объяснилъ на основаніи психологической критики, которой онъ подвергъ своего героя.

Неудивительно послѣ этого, что Разинъ, смирившійся было передъ властью, положившій свой бунчукъ къ ногамъ этой власти, подружившійся съ воеводою и водившій съ нимъ хлѣбъ-соль, вдругъ опять превращается въ звѣря, еще болѣе лютаго, чѣмъ онъ былъ прежде.

Астрахань теперь опостылѣла ему. Здѣсь онъ самъ разбилъ свое счастье, и его потянуло домой, на родину, туда, гдѣ протекло его дѣтство, когда у него за спиною не было ни воспоминаній, ни ужасныхъ призраковъ, которые теперь иногда посѣщали его.

4-го сентября Разинъ покинулъ Астрахань, чтобы, собравшись за зиму съ силой, начать исполненіе того, что онъ, на возвратномъ пути изъ Соловецкаго монастыря, обѣщалъ Аввакуму, когда навѣстилъ его въ тюрьмѣ монастыря Николы на Угрѣшѣ.

Между тѣмъ, отписки князя Прозоровскаго изъ Астрахани о полной покорности Разина вызвали на Верху великую радость, и Алексѣй Михайловичъ передъ осеннимъ возвращеніемъ изъ села Коломенскаго въ городъ рѣшился въ послѣдній разъ вдо-

воль натѣшиться купаньемъ въ пруду стольниковъ, запоздавшихъ къ царскому смотру.

Наскоро выслушавъ докладъ дьяка Алмаза Иванова по важнымъ дѣламъ и положивъ по нимъ резолюціи, государь вопросительно поглядѣлъ на дьяка, который переминался съ ноги на ногу и, повидимому, еще что-то хотѣлъ доложить, но не рѣшался.

— Что у тебя еще?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Пустое, государь: такъ, челобитьишко одно,—отвѣчалъ Алмазъ Ивановъ,—жалобишка непутевая.

— На кого?—спросилъ государь.

— На твоихъ государевыхъ воеводъ, на симбирскихъ, да на саратовскихъ съ товарищи.

— А чья жалоба?

— Твоихъ государевыхъ оброшныхъ людишекъ.

— А ну-ко, вычти,—сказалъ съ неохотой «тишайшій», позѣвывая; ему такъ хотѣлось купать стольниковъ.

— Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, — началъ, прокашлявшись, Алмазъ Ивановъ,— всеа Русіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю... «Облаадателю» съ однимъ азомъ, государь, прописка...

— Съ однимъ азомъ?—строго спросилъ царь.

— Съ однимъ, точно: «обладателю», во мѣсто «облаадателю», государь,—отвѣчалъ дьякъ.

— А кто учинилъ прописку?

— Писалъ, государь, подъячей не у дѣлъ Юшка Ивановъ.

— Такъ укажи бить Юшку батоги нещадно,—рѣшилъ Алексѣй Михайловичъ *).

Надо замѣтить, что въ царскомъ титулѣ слово «обладатель» всегда и обязательно писалось съ двумя а послѣ перваго л: «облаадателю».

— Читай дальше,—приказалъ государь.

Алмазъ Ивановъ продолжалъ: «Бьютъ челомъ сироты твои государевы, симбирскіе и саратовскіе татеровя мурзишки и сотничишки и мордовскіе и чувашскіе людишки, а во всѣхъ ихъ мѣсто Багай Кочюрентѣевъ сынъ да Шелмеско Шевоевъ сынъ: велѣно намъ, сиротамъ твоимъ государевымъ, по твоему госуда-

---

*) Въ то время за малѣйшую описку въ царскомъ титулѣ жестоко наказывали, какъ за государственное преступленіе.

реву наказу, твоя государева пашня пахати за твой государевъ ясакъ. И мы, сироты твои государевы, твою государеву пашню пахали многіе годы, рожь и ячмень и овесъ сѣяли. И мы твою государеву пашню пашючи, лошади покупали, животишки свои и достальные истощали. А за твоей государевой пашнею ходячи, одежонко все придрали, и женишка, и дѣтишка испроѣли, и нынѣче, государь, помираемъ голодною смертію. А одежонки намъ, государь, сиротамъ твоимъ государевымъ, купити не на што и нечимъ, и мы, государь, сироты твои государевы, погибаемъ нужною смертію, волочася съ наготы и съ босоты. А въ осеннюю пору, государь, мы жъ, сироты твои государевы, на гумна возимъ твой государевъ хлѣбъ, и въ клади кладемъ, и молотимъ. Да въ лѣтнюю пору, государь, и въ зимнюю ѣздятъ въ Астрахань твои государевы воеводы, и дѣти боярскіе, и казаки, съ твоими государевыми дѣлы къ Москвѣ и съ Москвы, и они, государь, емлютъ насъ въ подводы и съ судами въ лѣтнюю пору, и въ зимнюю пору съ лошадьми и саньми, и у насъ, государь, у сиротъ твоихъ государевыхъ, въ подводахъ ѣздячи и ходячи, голодною смертію и нужною съ волокиты лошаденки помираютъ. А которые, государь, изъ насъ татаровя и иные людишки по дорогамъ у Волги жили, и они, государь, отъ подводъ разбѣгаются, живутъ по лѣсамъ въ незнаемыхъ мѣстахъ. И у насъ, государь, у сиротъ твоихъ государевыхъ, лучшихъ людишекъ, у мурзишокъ и у сотничишковъ, въ подводахъ людишки и лошаденки помираютъ; а другіе бѣгаютъ по лѣсомъ отъ твоихъ государевыхъ посланниковъ потому: они, государь, посланники твои и воеводы насъ, сиротъ твоихъ государевыхъ, всякими пытками пытаютъ, и поминки съ насъ всякія емлютъ, и насъ, сиротъ твоихъ государевыхъ, грабительски грабятъ, коровенка и куры, и гуся, и утку, и рыбу, чѣмъ мы, сироты твои государевы, сыты бываемъ, емлютъ насильствомъ же, грабежомъ, государь, сымаютъ съ насъ, сиротъ твоихъ государевыхъ, съ плечъ шубы и зипуны, и порты и лапти, а у ково, государь, изъ насъ сиротъ твоихъ государевыхъ и портовъ нѣтъ, и тѣхъ, государь, морятъ голодомъ до смерти, а иныхъ, государь, емлютъ себѣ въ холопи, а жонъ, государь, и дѣвокъ...»

Алексѣй Михайловичъ нетерпѣливо махнулъ рукой:

— Скоро конецъ?

— Скоро, государь.

И Алмазъ Ивановъ, пробѣжавъ глазами челобитную, продолжалъ:

«А мастеровъ, государь, у насъ въ нашей бусурманской вѣрѣ нѣту, ни дровишекъ, государь, усѣчи нечимъ, ни на звѣря, государь, засѣки сдѣлати безъ топора не мошно и нечимъ, а обуви, государь, безъ ножа сдѣлати не мошно же. И намъ, государь, сиротамъ твоимъ государевымъ, съ студи и съ босоты и съ наготы голодною смертію погибнуть, и намъ, сиротамъ твоимъ, жити стало невозможно, и впредь, государь, погибнуть.

— Слышалъ!—нетерпѣливо перебилъ докладчика Алексѣй Михайловичъ.—Ну?

Дьякъ продолжалъ чтеніе:

«Милосердый царь государь, пощади сиротъ своихъ, покажи милость, не помори сиротъ своихъ напрасною смертію, вели намъ, сиротамъ своимъ, попрежнему покупати у русскихъ людей топоры и ножи и котлы, чтобъ мы, сироты твои государевы, въ конецъ не погинули и съ студи и съ босоты и наготы не померли, впредь бы твоего государства ясаку не отстали. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Алмазъ Ивановъ кончилъ и вытеръ вспотѣвшій лобъ ширинкой. Алексѣй Михайловичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Ну, слава Богу!—сказалъ онъ, зѣвая и крестя ротъ рукой, «чтобъ съ зѣвотой не вошелъ въ ротъ и въ утробу нечистый».—Передай челобитье въ думу: коли буду сидѣть съ бояры, тогда разберу и указъ учиню. А теперь пойду на крыльцо: тамъ чаю, стольники заждались мово купанья. Да на ихъ счастье и день теплый выдался.

И царь двинулся на крыльцо.

У крыльца уже давно толпилась дворская челядь, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы. На самомъ же крыльцѣ, на площадкѣ, имѣли право дожидаться только бояре, думные люди и другая знать.

Появленіе царя вызвало бурю поклоновъ, земныхъ и поясныхъ. Все заколыхалось, сдержанно кашляло, робко сморкалось «въ персты»», по «Домострою» «вѣжливенько, дабы не рычать носами».

Послѣ скучнаго доклада лицо «тишайшаго» просіяло при видѣ порядочной группы стольниковъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ прочихъ. Это были тѣ, за которыми числилась провинка:

они опоздали къ утреннему царскому «смотру», къ выходу. Ихъ и ожидало купанье въ пруду.

— Ну, Алмазъ, вели начинать дѣйство,—обратился государь къ Алмазу Иванову.

Послѣдній подалъ знакъ жильцамъ, которые стояли около провинившихся стольниковъ: это были «купальные».

«Купальные» подхватили подъ руки стоявшаго впереди молодого стольника, высокаго и стройнаго, и повели къ «ердани», къ купальной открытой сѣни.

— Многая лѣта великому государю!—едва успѣлъ крикнуть стольникъ, какъ «купальные» толкнули его въ прудъ «прямо мордой».

Стольникъ скрылся подъ водой, но черезъ нѣсколько секундъ вынырнулъ и, ловко держась на водѣ, клалъ поклоны, ударяя лбомъ о поверхность воды.

— Ай, да ловокъ Еремѣй! — послышались одобрительные возгласы среди бояръ.—И на водѣ великому государю челомъ бьетъ.

— И точно ловокъ! Ахъ, язва!

А стольникъ, видя произведенный имъ эффектъ, поднялъ правую руку и возгласилъ:

— Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое! Побѣды благовѣрному государю нашему Алексѣю Михайловичу на супротивныя даруяй...

— Ахъ, язва! И вода ево не беретъ.

Алексѣю Михайловичу, видимо, понравились продѣлки стольника.

— Похваляю, похваляю, Еремѣй!—милостиво улыбался онъ.

Еремѣй вышелъ изъ воды и, оставляя за собою мокрый слѣдъ и низко кланяясь, приближался къ царю. Тотъ пожаловалъ ловкаго стольника къ рукѣ.

— Похваляю, похваляю,—продолжалъ Алексѣй Михайловичъ,—жалую тебя двумя обѣдами.

Всѣ съ завистью смотрѣли на счастливца: его ожидала карьера по службѣ. Шутка-ли! Два обѣда разомъ!

Между тѣмъ «купальные» тащили уже другую жертву царской потѣхи. Это былъ старенькій, сухенькій и тщедушный стольничишко, которому плохо везло по службѣ. Онъ никогда не опаздывалъ къ царскому смотру потому, что, съ одной сто-

роны, былъ холопски усерденъ къ службѣ и вѣренъ, «аки песъ», съ другой, онъ боялся воды, такъ какъ во всю свою жизнь не купался, предпочитая холодной рѣчной водѣ паровую баню съ вѣникомъ; но сегодня, на бѣду, опоздалъ, за своею глухотою не разслышавъ боя часовъ на одной изъ кремлевскихъ колоколенъ.

Онъ весь дрожалъ со страху, крестился и жалобно просилъ:

— Царь государь! Смилуйся, пожалуй! Я отродясь не плавалъ... Я немощенъ... У меня утинъ на хребтѣ...

Это тѣшило «тишайшаго», и онъ смѣялся, а бояре вторили ему почтительнымъ ржаніемъ.

«Купальные» подстрекаемые общимъ весельемъ, взяли свою жертву за ноги и за руки, и раскачавъ въ воздухѣ, бросили далеко въ прудъ. Тщедушное тѣло булдыхнуло въ воду и пошло ко дну. На поверхности всплыли пузыри...

Ждутъ, а онъ не показывается. Еще ждутъ, нѣтъ его, только пузыри вскакиваютъ.

— Ишь, старый, словно тебѣ выхухоль въ водѣ живетъ,— слышалось межъ боярами.

— Что выхухоль! Настоящій соболь...

А соболя все нѣтъ. Алексѣй Михайловичъ начинаетъ тревожиться.

— Онъ шутитъ, государь, — успокаиваютъ его бояре, — ишь проказникъ!

Но проказника все нѣтъ, и вода въ пруду сравнялась, гладко, какъ зеркало.

— Ищите ево! Вымайте изъ воды — тревожно заговорилъ государь.—Охъ, Господи!

Всѣ засуетились, но никто не смѣлъ броситься въ воду. Слышались только возгласы, оханья. Всѣ столпились у пруда, разводили руками, топтались на мѣстѣ, какъ овцы...

Вдругъ кто-то протискивается сквозь толпу, крестится и съ размаху бросается въ прудъ.

— Еремѣй! Еремѣй Васильевичъ Сухово, — послышались радостные голоса.

Это былъ дѣйствительно онъ. Смѣльчакъ быстро доплылъ до того мѣста, гдѣ скрылся подъ водою старенькій стольникъ, и нырнулъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вынырнулъ, держа въ одной рукѣ за шиворотъ утопленника и поддерживая его безпомощную лысую голову надъ водою, и скоро достигъ «средины».

— Не клади на земь! Не клади! — послышались возгласы.

— Дайте охабень! На охабени качайте! Отойдетъ.

— Ахъ, Господи! Ахъ, Господи!—повторялъ Алексѣй Михайловичъ, глядя на посинѣвшее лицо утопленника.

Несчастнаго положили на охабень, качали шибко, сильно. Жалкое маленькое тѣло въ мокрой одеждѣ безпомощно перекидывалось по охабеню, руки и ноги болтались какъ плети, посинѣвшее лицо какъ бы о чемъ то просило...

Но его такъ и не откачали...

XXIII. Роковое пожатіе руки.

Въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ выслушивалъ доклады дьяка Алмаза Иванова, а потомъ купалъ своихъ стольниковъ, его любимица, царевна Софья Алексѣевна, затѣяла прогулку въ лѣсъ по грибы. Она воспользовалась прекраснымъ теплымъ сентябрьскимъ днемъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что царская семья и весь дворъ на дняхъ должны были переѣхать изъ села Коломенскаго въ Москву.

Теперь Софья Алексѣевна была уже не подростокъ дѣвочка, а настоящая дѣвица, «большая»: ей уже семнадцать лѣтъ, и она выросла, пополнѣла и вполнѣ развилась физически.

Въ это утро, по обыкновенію, она училась съ Симеономъ Полоцкимъ, который никакъ не могъ удовлетворительно объяснить ей, отчего это бываетъ снѣгъ. Хотя онъ объяснялъ по ученому, но ужасно туманно, и это раздражало царевну.

— Егда пара восходитъ на воздухъ,—толковалъ онъ,—и вѣтръ далече проженетъ, и та пара отолстѣетъ, обаче же не можетъ въ камень смерзнуться, понеже тамо есть мгла посреди: все же строится судьбами Всесотворшаго, и идетъ снѣгъ, дождь, и градъ, роса и иней, мразъ и зной, воздухомъ и солнцемъ, обаче же токмо единъ Онъ всесильный творецъ вѣсть.

Ахъ, Симеонъ Ситіановичъ, — зѣвала царевна, — лучше пойдемте въ лѣсъ по грибы: вонъ какое ведро, хорошо, зѣло хорошо; а то скоро въ городъ переѣдемъ.

Конечно учитель охотно согласился прогуляться въ лѣсу съ своей хорошенькой ученицей, и они, захвативъ корзинки, отправились небольшимъ обществомъ въ рощу, примыкавшую къ дворцу села Коломенскаго: съ ними пошли за грибами и старая

царевнина мамка, и случайно бывшая во дворцѣ у царицы молоденькая Ордина-Нащокина, Наталья Семеновна, урожденная княжна Прозоровская.

Читатель, можетъ быть, помнитъ, что княжну Прозоровскую, постригшуюся было съ отчаянья, мы видѣли въ послѣдній разъ, три года тому назадъ, когда она вдругъ неожиданно явилась въ монашескомъ одѣяніи къ Воину Ордину-Нащокину и рѣшительно заявила, что въ монастырь она больше не возвратится.

Происшествіе это въ свое время надѣлало много шуму въ Москвѣ, особенно въ придворныхъ сферахъ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что инокиня Надежда, урожденная княжна Наталья Прозоровская, отпросилась у игуменьи пойти въ Успенскій соборъ, во время службы, съ кружкою для сбора пожертвованій на святую обитель. Ее отпустили съ одной почтенной старицей. Но въ соборѣ, среди литургіи, молоденькая инокиня Надежда попросила старицу подержать на минуту ея кружку, пока она поставитъ свѣчку Николѣ Чудотворцу, и тотчасъ же исчезла! Изъ собора она поѣхала прямо къ тому, кого она давно любила, къ своему Воину.

Многихъ хлопотъ стоило родителямъ ихъ спасти юную бѣглянку отъ жестокаго наказанія по «Намоканону» и по монастырскому уставу. Только личное участіе царя въ судьбѣ молоденькой преступницы и его любовь къ старику Нащокину отвратили отъ ея пылкой головки суровую кару. Притомъ же Алексѣю Михайловичу проходу не давала его «непосѣда», царевна Софьюшка, которую онъ иногда называлъ «запорожцемъ въ юбкѣ». Она съ утра до вечера нудила надъ ухомъ: «прости да прости Наташу Прозоровскую»...

И пришлось простить. Но ее, конечно, по тогдашнему выраженію, «обнажили отъ ангельскаго чина», другими словами, разстригли.

Потомъ любящаяся парочка сочеталась бракомъ, и съ той поры молодая Ордина-Нащокина, жена Воина, глубоко привязалась къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ за ея заступничество предъ отцомъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ являлась во дворецъ.

Всѣ шли съ корзинками въ рукахъ, и Симеону Полоцкому дали огромную корзину, потому что онъ хвастался, что у нихъ въ Полоцкѣ онъ считался первымъ «грибонаходчикомъ».

Дорогой говорили о томъ, что занимало тогда умы москов-

скаго общества, о бывшемъ патріархѣ Никонѣ и о заключеніи его въ Ферапонтовомъ монастырѣ, о ссылкѣ протопопа Аввакума въ Пустозерскъ, въ земляную тюрьму, наконецъ, объ изъявленіи Разинымъ покорности.

— А что онъ послѣ тово, матушка царевна, сдѣлалъ! Не приведи Богъ, — замѣтила молодая Ордина-Нащокина.

— А что такое, Наташа? — спросила Софья Алексѣевна.

— Да, вотъ что, государыня царевна. Вечоръ отъ батюшки съ Астрахани гонецъ пригналъ съ гостинцами мнѣ отъ родителя, груши да виноградъ. Дакъ сказывалъ гонецъ: была-де въ полонянкахъ у Разина царская дочь, персицково царя, красавица! Ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. И полюбись, матушка, та царская дочь атаману Разину, ужъ такъ любилъ ее, такъ любилъ! И берегъ какъ зѣницу ока. Пришло, говоритъ, атаману Разину пора время говѣть, и на духу его батюшка пытаетъ: «что-де у тебя, рабъ Божій, дороже всего на свѣтѣ?» «А такъ и такъ, батюшка,—говоритъ Разинъ, — дороже мнѣ всево, говоритъ, царская дочь.—«Кинь,—говоритъ батюшка,— кинь ее въ море, какъ кинулъ въ море царь Соломонъ свой драгоцѣнный перстень. Ежели,—говоритъ,—Богъ приметъ твою жертву, то на третій же день рыба-китъ, аки Іону, возвратитъ тебѣ царевну».

— Ну, и чтожъ?—въ волненіи спрашивала царевна.— Кинулъ?

— Кинулъ, государыня,—отвѣчала Ордина-Нащокина.

— Господи!—всплеснула руками Софья Алексѣевна.—Ну, и какъ же было дѣло?

— Да какъ: былъ, говоритъ, у атамана Разина пиръ большой, у нево на стругѣ; былъ у нево, говоритъ, въ гостяхъ и мой батюшка. Вышла, говоритъ, изъ своей свѣтлицы къ гостямъ и царска дочь, вся въ золотѣ да въ камняхъ самоцвѣтныхъ, поднесла гостямъ по чарѣ, какъ законъ велитъ. А Разинъ и говоритъ къ гостямъ: «вотъ мое сокровище!» это на царскую-то дочь.—«Царь Соломонъ, говоритъ, бросилъ въ море свое сокровище, драгоцѣнный перстень, а я—ее!» Да съ этимъ словомъ схватилъ ее поперекъ и словно золотъ перстень бросилъ въ море!

Всѣ пришли въ ужасъ отъ этого разсказа, дошедшаго до Москвы уже въ искаженномъ варіантѣ.

— Ну и чтожъ, рыба-китъ не принесла ее на третій день?— спросила Софья Алексѣевна.

— Не принесла, матушка царевна.

Симеонъ Полоцкій полагалъ, что это просто бабья сказка, и потому больше думалъ о грибахъ, чѣмъ о царской дочери и ея участи.

— А вотъ сыроѣжка! Вотъ и бѣлый грибъ!—радостно воскликнулъ онъ, нагибаясь, чтобъ сорвать грибы.

Скоро и всѣ увлеклись грибами.

Въ это время у опушки лѣса показались два всадника. По всему видно было, что это соколиные охотники, потому что у каждаго изъ нихъ на рукавицѣ сидѣло по соколу, одинъ въ красной шапочкѣ, другой въ голубой.

— Да это никакъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ?— замѣтила Ордина-Нащокина.

— Онъ и есть,—подтвердилъ Симеонъ Полоцкій.

Царевна Софья Алексѣевна почему-то при этомъ вся вспыхнула.

— Должно, съ соколиной охоты ѣдутъ, — какъ бы нехотя сказала она.

Всадники подъѣзжали все ближе, и вдругъ, одинъ изъ нихъ, остановивъ лошадь, соскочилъ съ сѣдла, передалъ и лошадь, и своего сокола другому всаднику, что-то наказалъ ему, и торопливо пошелъ къ грибоискателямъ.

Это былъ, дѣйствительно, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, мужчина среднихъ лѣтъ, широкоплечій и достаточно плотный. Онъ издали узналъ Софію Алексѣевну и, приближаясь къ ней, почтительно снялъ шапку.

— Здравствуй, князь Василій!—ласково сказала царевна.

— Будь ты здрава, государыня царевна, — поклонился Голицынъ.—Грибнымъ дѣломъ тѣшишься!

— Точно, — отвѣчала Софья, скользнувъ глазами по всей фигурѣ собесѣдника.

Голицынъ поздоровался и съ другими.

— А князь Василій былъ на соколиныхъ ловахъ?—спросила царевна.

— Грѣшнымъ дѣломъ, государыня... Чтожъ я смотрю! — спохватился онъ. — Позволь, государыня, я хуть кошницу буду носить за тобой.

— И то дѣло, — согласилась царевна.

Всѣ занялись исканіемъ грибовъ, изрѣдка перекидываясь словами: «ай да рыжикъ!» А у меня «волнушка»! «Грузди»! Усерднѣе всѣхъ лазилъ по кустамъ Симеонъ Полоцкій, желая поддержать свою старую репутацію.

Молодая Ордина-Нащокина, не сильная насчетъ грибной части, боясь набрать мухоморовъ вмѣсто рыжиковъ, держалась профессора по грибной части, старой мамки, и не отходила отъ нея.

Софья же Алексѣевна, порывистая, нетерпѣливая, быстро переходила отъ одного мѣста къ другому, и Голицынъ долженъ былъ слѣдовать за ней. Она вся раскраснѣлась отъ ходьбы, и грудь ея высоко поднималась. Часто взоръ ея скользилъ по лицу Голицына, но какъ-то украдкой, стыдливо. Она испытывала какое-то радостное волненіе вблизи этого сильнаго мужчины, и ее все дальше и дальше тянуло въ глубь рощи

Они давно потеряли всѣхъ изъ виду и, кажется, забыли о грибахъ.

— Вонъ грибъ, государыня!—сказалъ Голицынъ, нагибаясь.

Нагнулась и Софья Алексѣева, и глаза ихъ встрѣтились. Что-то горячее сказалось съ обѣихъ сторонъ въ этихъ глазахъ, и когда рука Голицына потянулась было къ грибу, она ощутила не грибъ, а другую руку, руку царевны. Руки соединились порывисто, судорожно. Но теперь они не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза, хотя и чувствовали, что въ этотъ моментъ они составляютъ одну душу, одно существо...

— Ау! Ау! — послышался голосъ Ординой-Нащокиной.

— Я не могу откликнуться, — шепталъ въ волненіи князь Голицынъ, — не хочу!

— И не надо,—прошептала и Софья, вставая и не выпуская изъ руки руку Голицына.

Изъ-за ближнихъ кустовъ показался Симеонъ Полоцкій. Онъ торжествовалъ, въ корзинѣ у него были всевозможные грибы.

— А вы?—обратился онъ къ царевнѣ и къ князю Голицыну.

— Мы нашли всего одинъ грибъ, — отвѣчалъ послѣдній.

— А Симеонъ Ситіановичъ помѣшалъ намъ сорвать ево,— добавила Софья, лукаво глянувъ на Голицына.

— Ау! Ау! Ау!—повторялись ауканья Нащокиной.

— Ау! Ау!—отвѣчала царевна, думая про себя: «теперь пущай ее идетъ».

Софья Алексѣевна давно уже чувствовала влеченіе къ Голицыну, часто встрѣчая его во дворцѣ. Еще дѣвочкой она видѣла въ немъ образецъ мужчины, а чѣмъ старше становилась, тѣмъ очевиднѣе для нея самой росло въ ней нѣжное и тревожное чувство къ тому, кого она въ душѣ называла «Васенькой».

И вотъ сегодня она въ первый разъ почувствовала, что одно прикосновеніе его сильной, мускулистой руки дало ей столько счастья и чего-то такого сладостнаго, что она еще ни разу не испытывала въ жизни. Это прикосновеніе точно обожгло ее, и между тѣмъ ей хотѣлось, чтобы онъ не выпускалъ ея руку, ей хотѣлось чувствовать ея теплоту, ея силу, ея близость.

Всѣ пошли дальше, продолжая искать грибы и уже не разбиваясь на отдѣльныя единицы. Софья Алексѣевна теперь стала внимательнѣе къ своему дѣлу, и въ корзинку ея, которую продолжалъ носить Голицынъ, все чаще и чаще попадали то рыжики, то сыроѣжки, то и настоящіе бѣлые. Она разсказала Голицыну о варварскомъ поступкѣ Разина со своей хорошенькой плѣнницей, и Голицынъ тоже принялъ было это за сказку, еслибы разсказъ царевны не поддержала молодая Ордина-Нащокина сказавъ, что гонецъ, привезшій эту вѣсть изъ Астрахани, еще не выѣхалъ изъ Москвы обратно и можетъ лично подтвердить все сообщенное князю.

Но пора, наконецъ, было возвращаться и по домамъ. Когда они выходили изъ рощи, у опушки ея, на дорогѣ, ведущей въ Москву, Голицына ожидалъ его сокольничій съ лошадью и соколомъ. Голицынъ простился и вскочилъ на коня, взглянувъ послѣдній разъ на царевну.

Софья долго провожала его глазами.

Весь этотъ день и она и онъ постоянно вспоминали, какъ руки ихъ встрѣтились тамъ въ рощѣ; но они, конечно, не могли предвидѣть, какія кровавыя послѣдствія въ будущемъ произ-текутъ для Россіи и для нихъ самихъ изъ этого рокового пожатія одной руки другою.

XXIV. Въ нуль да въ воду.

Въ то время, когда въ Астрахани и въ Москвѣ происходили описанныя нами событія, какъ извѣстно, заключенъ былъ съ Польшею Андрусовскій миръ.

Виновникомъ этого гибельнаго для Малороссіи мира былъ старый нашъ знакомый, Ординъ-Нащокинъ-отецъ. Этимъ постыднымъ міромъ Малороссія разрѣзывалась пополамъ, такъ сказать, по живому тѣлу: вся правобережная Украйна, Волынь и Подолія, отдавалась Польшѣ вмѣстѣ съ величайшею святынею русскаго народа, Кіевомъ!

Мало того! Ходили слухи, и не безосновательные, что Ординъ-Нащокинъ совѣтывалъ царю совсѣмъ уничтожить казачество, какъ корень всѣхъ смутъ внутри государства и какъ начало всѣхъ несогласій и недоразумѣній съ сосѣдними государствами: долой Запорожье! Долой донское и яицкое войско!

Когда эти слухи проникли въ Запорожье и на Донъ, тогда все казачество подняло голову.

— Лучше жить въ братствѣ съ турками, чѣмъ съ москалями!—крикнулъ на полковничьей радѣ Брюховецкій, потрясая въ воздухѣ гетманскою булавой.

Это онъ выкрикнулъ въ Гадячѣ. Подобный же возгласъ раздался и на Дону, на небольшомъ островѣ Кагальникѣ.

— Я вырѣжу до-ноги все московское боярство и всѣхъ господъ, и поставлю надъ Русской землею одинъ казацкій кругъ!—сказалъ Разинъ, когда къ нему на Донъ явились посланцы отъ Брюховецкаго.

Посланцы эти, наши старые знакомые, которыхъ мы видѣли, въ первой главѣ нашего повѣствованія, въ Столовой избѣ Грановитой палаты, на отпускѣ у царя Алексѣя Михайловича: это—Герасимъ Яковенко или «Гараська-бугай», Павло Абраменко и Михайло Брейко, тотъ самый великанъ, который растянулся во весь ростъ на ступеняхъ державнаго мѣста и восклицаніемъ «оце лихо! николи съ коня не падавъ, а тутъ, бачъ, упавъ!»—вызвалъ общій смѣхъ.

Посланцы привели отъ гетмана въ подарокъ Разину прекраснаго бѣлаго арабскаго коня подъ богатымъ чапракомъ, а для казацкаго круга пригнали сто превосходныхъ черкасскихъ во-

ловъ, рога которыхъ перевиты были красными, голубыми, алыми и зелеными лентами.

— Ужъ и хохлы дошлые! Словно красныхъ дѣвокъ воловъ своихъ лентами изнарядили!—удивлялись донцы, любуясь прекрасными волами.

Станъ Разина въ это время, какъ сказано выше, находился на островѣ Кагальникѣ. Станъ былъ обнесенъ высокимъ земляпымъ валомъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ поставлены были пушки очень внушительныхъ размѣровъ. За валомъ вся площадь острова, т. е. внутренняя часть острова, состояла изъ массы небольшихъ кургановъ съ торчавшими изъ нихъ плетеными трубами: это были земляныя избы, или «курени», въ которыхъ помѣщались казаки Разина и онъ самъ.

— Тебѣ бы, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, особый куренекъ срубить,—говорилъ ему есаулъ Ивашка Черноярецъ, когда рыли землянки для войскъ.

— У Христа и норы лисьей не было, а онъ былъ царь надъ царями,—отвѣчалъ Разинъ.

Гетманскихъ пословъ Разинъ принялъ безъ всякихъ излишнихъ церемоній, которыхъ онъ терпѣть не могъ, говоря, что онѣ служатъ «для отводу глазъ дуракамъ», и только приказалъ стрѣлять изъ всѣхъ пушекъ, когда послы съ берега садились въ лодки, чтобъ ѣхать на островъ, и когда пристали къ острову.

Присланныхъ гетманомъ воловъ оставили на берегу, конечно, на время, для корму, а коня перевезли на островъ и торжественно провели передъ выстроившимися казаками.

Разинъ тотчасъ же собралъ «кругъ». Въ кругу стояли: Разинъ съ своимъ есауломъ и три гетманскіе посла. Въ рукахъ у Разина была богатая атаманская «насѣка», или бунчукъ.

Герасимъ Яковенко нѣсколько отступилъ отъ товарищей впередъ и подалъ Разину «листъ» отъ гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и всего войска запорожскаго низоваго къ господину атаману Степану Тимоѳеевичу Разину и всему вольному войску донскому. Разинъ взялъ «листъ»-пакетъ, поцѣловалъ печать, бережно разломалъ ее и, вынувъ изъ пакета бумагу, подалъ ее есаулу.

— Вычитай, что пишетъ намъ ясновельможный гетманъ и все славное запорожское войско низовое,—сказалъ онъ, нѣсколько преклоняя бунчукъ въ знакъ почтенія къ посольству.

Въ посланіи говорилось о нестерпимыхъ утѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Москвою и ея воеводами Украйнѣ, объ отдачѣ Кіева и всѣхъ печорскихъ угодниковъ полякамъ, о намѣреніи уничтожить все казачество.

Казаки не дали есаулу дочитать посланіе до конца.

— Не бывать этому! — кричали они, хватаясь за сабли, точно бы врагъ стоялъ передъ ними на лицо.

— На осину всѣхъ бояръ! Въ куль да въ воду!—кричали другіе.

Посланцы Брюховецкаго объяснили, что заводчикомъ всего этого у царя Аѳонька Ординъ-Нащокинъ.

— Онъ и сына своево, проклятаго Воинку, подсылалъ къ намъ лазутчикомъ,—пояснилъ великанъ Брейко.

— А наши казаки выкрали его у ляховъ. Мы думали, что оно что-нибудь доброе, а оно вонъ что, змѣиное отродье!—добавилъ «Гараська-бугай».

— Мы ево и въ Москвѣ найдемъ!—кричали казаки.

— И батюшку, и сынка въ одинъ куль!—добавляли другіе.

«Майданъ» долго волновался, пока Разинъ не махнулъ бунчукомъ. Все утихло.

— Атаманы-молодцы и все вольное войско казацкое!—возвысилъ голосъ Разинъ.—Москва хочетъ утопить насъ въ ложкѣ воды, отобрать отъ насъ казацкія вольности...

— Этому не бывать!—опять послышались крики.

— Не бывать!—подтвердилъ и Разинъ.—Мы сами зажгемъ московское государство съ двухъ концовъ: мы съ Волги, запорожскіе казаки и татары съ Днѣпра, и тогда посмотримъ, кто кого въ крови утопитъ!

— Любо! Любо! Только не мы утонемъ!—кричали казаки.

Между тѣмъ на кострахъ, разведенныхъ еще съ утра, на пищальныхъ шомполахъ уже жарились огромные куски черкасской говядины, а изъ войскового подвала выкатывались бочки съ виномъ.

Скоро на майданѣ начался пиръ.

И донскіе, и запорожскіе казаки всѣ были горазды выпить, а потому гульня была жестокая.

Чей-то голосъ вдругъ затянулъ:

«Какъ у насъ на Дону,
«Во Черкаскомъ городу»...

— Къ бѣсу Черкаской городъ,—раздались другіе голоса,— тамъ Корнилка Яковлевъ заодно съ Москвою! Въ воду всѣхъ согласниковъ!

Тогда другой голосъ запѣлъ:

«Какъ у насъ на Дону,
«Въ Кагальницкомъ городу»!

— Любо! Любо! Въ Кагальницкомъ городу!

Пьяные голоса перебивали одинъ другого, никто никого не слушалъ. А какой-то казакъ съ вырванною ноздрей, взявшись въ боки, присѣдалъ пьяными ногами и приговаривалъ:

«А какъ нашъ-отъ козелъ
Всегда пьянъ и веселъ,—
«Онъ шатается,
«Онъ валяется»...

Ему вторила другая пьяная, тоже вырванная ноздря, изъ «сибирныхъ», которая, приставивъ сложенныя ладони ко рту, дудѣла какъ на дудкѣ:

«А-бу-бу-бубу-бу-бу,
«Сидитъ воронъ на дубу,
«Онъ играетъ во трубу,—
«Труба точеная,
«Позолоченая»!

Между тѣмъ Разинъ, который въ это время разговаривалъ съ запорожскими послами, вспомнивъ что-то, всталъ на ноги (онъ сидѣлъ и пировалъ съ послами на разостланномъ персидскомъ коврѣ) и крикнулъ такимъ голосомъ, который всѣхъ заставилъ очнуться.

— Атаманы-молодцы! Слушать дѣло!—поднялъ онъ бунчукъ.—Привести сюда бабника съ бабой!

Нѣсколько казаковъ бросились къ небольшой земляной тюрьмѣ и вывели оттуда рослаго, широкоплечаго и мускулистаго казака и молоденькую дѣвушку-казачку. За ними еще одинъ казакъ несъ длинный рогожный куль, въ которомъ отчаянно метался и мяукалъ котъ.

Приведенный изъ земляной тюрьмы молодой казакъ смотрѣлъ

кругомъ смѣло, вызывающе, дерзко. Юная же подруга его была блѣдна, какъ мѣлъ и едва стояла на ногахъ. Молодость и миловидность ея были таковы, что даже грубыя, зачерствѣлыя черты убійцъ при видѣ ея смягчались.

Несчастные обвинялись въ тяжкомъ для «казака въ полѣ» преступленіи. Тренька Порядинъ, такъ звали молодого казака, нынѣшней ночью стерегъ на войсковомъ лугу казацкихъ коней. Когда же дозорные казаки обходили ночью войсковой табунъ и провѣряли варту, то застали Треньку Порядина съ этой дѣвушкой, съ Палагой Юдиной, съ сосѣдняго хутора. А по казацкому обычаю, «казакъ въ полѣ» за сношеніе съ бабой подвергался смертной казни: «въ куль да въ воду», притомъ вмѣстѣ съ бабой, если она поймана, и вдобавокъ съ котомъ, который бы ихъ царапалъ въ кулѣ.

Когда вины несчастныхъ были сказаны есауломъ въ казацкомъ кругу передъ гетманскими послами, Разинъ сказалъ:

— Вершите, атаманы-молодцы! Въ куль да въ воду!

Говоря это, онъ не сводилъ глазъ съ трепетавшей дѣвушки. Въ его душѣ вдругъ всталъ другой милый образъ, такъ безчеловѣчно погубленный имъ. За что? За чьи грѣхи? И уже никогда, никогда этотъ милый образъ не явится ему на яву, какъ онъ часто является ему во снѣ и терзаетъ его душу позднимъ, напраснымъ раскаяніемъ. И его разомъ охватила такая тоска, такая душевная мука, что онъ самъ, кажется, охотно бы пошелъ въ этотъ куль и въ воду...

— Въ куль да въ воду!—повторили голоса въ кругу, иные видимо неохотно.

Осужденный посмотрѣлъ въ глаза своему атаману такимъ взглядомъ, что даже Разинъ смутился.

— Тебя, вора, въ куль да въ воду!—глухо произнесъ осужденный.—Ты не по закону жилъ съ персицкою княжной, бусурманкой, а Палага моя законная невѣста...

Глухой ропотъ пронесся, какъ вѣтеръ, по майдану. Разинъ страшно поблѣднѣлъ и пошатнулся, словно бы отъ удара. Слезы и судороги сдавили ему горло...

— Онъ правъ... Онъ правъ, братцы! — рыдая, говорилъ онъ.—Вяжите меня въ куль... я не отецъ вамъ... я не жилецъ на этомъ свѣтѣ!.. Охъ, смерть моя!.. Вяжите! Вяжите меня!..

Разинъ упалъ на колѣни и положилъ бунчукъ на землю.

— Простите меня, братцы!—и онъ кланялся въ землю.— А теперь вяжите... вотъ мои руки... въ куль, въ куль, да въ воду!..

Онъ говорилъ точно въ бреду. Весь майданъ онѣмѣлъ отъ ужаса...

Наконецъ, нѣкоторые изъ казаковъ опомнились, бросились къ своему атаману, подняли его...

— Батюшка! Отецъ нашъ! Не покидай насъ, сиротъ твоихъ,—умоляли они его;—безъ тебя мы пропали.

Стонъ прошелъ по всему майдану. Разина обступили, цѣловали его руки, плакали...

Плакалъ и онъ... Въ плачѣ этомъ слышалось глубокое отчаяніе.

Но потомъ онъ быстро подошелъ къ осужденному и горячо обнялъ его:

— Прости меня, Тренюшка! Прости, родной мой! И ты меня прости, Палагеюшка!

Онъ поклонился дѣвушкѣ въ землю. Та блѣдная, все еще растерянная и трепещущая отъ ужаснаго надъ нею и ея возлюбленнымъ приговора, силилась поднять валявшагося въ ея ногахъ страшнаго атамана.

— Прости! Прости меня!—повторилъ Разинъ.—За твой дѣвичій стыдъ! За мое окаянство, прости!

— Богъ всѣхъ проститъ! Богъ всѣхъ проститъ!—раздались отдѣльные голоса на майданѣ, а за ними въ одинъ голосъ закричало все войско.—Богъ всѣхъ проститъ! Богъ всѣхъ проститъ!

Эта картина, полная глубокаго драматизма, произвела сильное впечатлѣніе на запорожцевъ.

Въ концѣ концовъ, осужденные были помилованы и какъ почетные гости посажены въ кругѣ, а ни въ чемъ неповинный котъ, выпущенный изъ куля, съ сердитымъ фырканьемъ вскочилъ на ближайшую развѣсистую вербу и злобно глядѣлъ оттуда своими круглыми, горѣвшими зеленымъ огнемъ, глазами.

XXV. Жена Разина.

Посольство Брюховецкаго къ Разину, какъ извѣстно, ни къ чему не привело. Гетманъ правобережной Украйны, Дорошенко, въ нѣсколько недѣль покорилъ подъ свою власть всю лѣвобереж-

ную Украйну, и Брюховецкій своею же чернью «голотою» въ нѣсколько минутъ былъ забитъ палками и ружейными прикладами, «какъ бѣшеная собака», по выраженію лѣтописца.

Разину предстояло дѣйствовать одному съ своими казаками.

Наступалъ 1669 годъ. Донъ вскрылся рано. Надо было думать о походѣ.

Вдругъ однажды подъ вечеръ разинскіе молодцы, которые ловили въ Дону, ниже Кагальника, рыбу, замѣтили лодку, которая осторожно, среди густыхъ тальниковъ и, видимо, крадучись, пробиралась къ казацкому стану. Ловцы настигли ее и увидѣли, что въ ней сидитъ женщина. На окликъ сначала отвѣта изъ лодки не послѣдовало, и лодка продолжала спѣшить къ острову.

— Остановись, каюкъ, стрѣлять будемъ!—закричалъ одинъ изъ ловцовъ и выстрѣлилъ по подозрительному каюку.

Послѣ выстрѣла каюкъ остановился. Ловцы подплыли ближе: въ каюкѣ находилась только одна женщина среднихъ лѣтъ, повидимому казачка.

— Ты кто такая и откель?—спросили ловцы.

— Сами видите, атаманы-молодцы, что я казачка и ѣду изъ Черкаскова,—смѣло и даже гордо отвѣчала неизвѣстная женщина.

— Видимъ, что не татарка,—улыбнулся одинъ изъ ловцовъ,—а куда путь держишь?

— Къ атаману Степану Тимоѳеичу Разину,—былъ отвѣтъ.

— О-го-го!—покачалъ головой тотъ же ловецъ.—Высоко, болѣзная, летаешь, а гдѣ-то сядешь!

— Сяду рядомъ съ вашимъ батюшкой атаманомъ!—гордо отвѣчала казачка.

— Не прогнѣвайся, молодо-молодка,—замѣтилъ другой ловецъ постарше,—въ нашъ городокъ вашъ братъ, баба, и ногой ступить не можетъ: а то заразъ кесимъ башка!

— Што такъ строго? — презрительно улыбнулась смѣлая казачка.

— А такъ, у насъ законъ таковъ: чтобъ бабьятиной и не пахло,—отвѣчалъ младшій ловецъ.

— Что жъ, али баба псиной пахнетъ?—презрительно пожала плечами казачка.

— Псиной не псиной, а припахиваетъ.

Этотъ дерзкій отвѣтъ взорвалъ казачку: она вспыхнула и

замахнулась весломъ, чтобъ ударить обидчика. Тотъ едва увернулся.

— О! Да она и въ самомъ дѣлѣ съ запашкомъ! — засмѣялся онъ.

— Прочь, вислоухіе!—закричала внѣ себя казачка.—Мнѣ не до васъ, сволочь! Мнѣ спѣшка видѣть атамана; а задержите меня, завтра жъ васъ въ куль да въ воду!

Она торопливо сняла съ своей руки перстень съ бирюзой и подала старшему ловцу.

— На! Заразъ же покажь этотъ перстень атаману, мнѣ ждать неколи, а ему и тово меньше,—сказала она повелительно.

Все это говорилось такимъ тономъ, и вообще незнакомая женщина такъ вела себя, что казаки уступили ея требованію и поплыли къ острову. Незнакомка слѣдовала за ними. Она такъ сильно и умѣло работала весломъ, что ея легкій каючекъ не отставалъ отъ казацкой лодки.

Скоро они были у острова. Изъ-за земляного вала, которымъ былъ обнесенъ станъ Разина, кое-гдѣ поднимался синеватый дымокъ къ небу.

Лодка и каюкъ пристали къ берегу. Старшій ловецъ тотчасъ же отправился въ станъ, а младшій съ незнакомой казачкой остались на берегу.

— Чтожъ у васъ въ Черкаскомъ дѣлается?—спросилъ было незнакомку оставшійся на берегу ловецъ.

— Это я скажу атаману,—былъ сухой отвѣтъ.

«Фу ты, ну ты!» подумалъ про себя ловецъ и только пожалъ плечами.

Скоро воротился и тотъ казакъ, который ходилъ въ станъ съ перстнемъ.

— Иди за мной,—сказалъ онъ незнакомкѣ,—батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ приказалъ звать тебя.

Незнакомка повиновалась. По лицу ея видно было, что волненіе и страхъ боролись въ ней съ какимъ-то другимъ чувствомъ.

Разинъ ждалъ ее на майданѣ въ кругу нѣсколькихъ казаковъ. Выраженіе лица его было сурово.

Незнакомка робко подошла къ нему и опустилась на колѣни. Разинъ молча вглядывался въ ея черты.

— Степанушка! Стеня! Али ты не узналъ меня?—съ нѣжнымъ упрекомъ произнесла пришедшая.

— Нѣтъ, узналъ,—сухо отвѣтилъ Разинъ.

Но и на его холодномъ лицѣ отразилось волненіе и какое-то другое чувство. Стоявшая передъ нимъ женщина была когда-то его женой. Была! Да она и теперь его жена: вотъ тотъ перстенекъ съ бирюзой, который когда-то, въ ту весеннюю ночку, онъ самъ надѣлъ ей на пальчикъ. Помнитъ онъ эту ночку, онѣ не забываются. Но чѣмъ-то другимъ, какою-то пеленою заслонились воспоминанія этой, давно минувшей ночи. Послѣ нея были другія ночи не здѣсь, не на Дону, а на морѣ...

— Встань, Авдотья, — болѣе мягкимъ голосомъ сказалъ атаманъ,—тебѣ сказали, что у насъ здѣсь нѣтъ женъ?

— Сказали,—отвѣтила жена Разина,—да я не къ мужу пришла, а къ атаману.

— Сказывай же, съ чѣмъ пришла?—спросилъ тотъ.

— Я при нихъ не скажу,—указала она на казаковъ.

— У меня отъ нихъ тайны нѣтъ,—возразилъ атаманъ.

— Такъ у меня есть,—съ своей стороны возразила жена атамана,—отойдемъ къ сторонѣ.

Разинъ нетерпѣливо пожалъ плечами, но исполнилъ то, чего требовала отъ него жена.

Когда она передала ему что-то на ухо, Разинъ сдѣлалъ движеніе не то удивленія, не то досады. Жена продолжала говорить что-то съ жаромъ. Глаза атамана сверкнули гнѣвомъ.

— А! Такъ они вотъ какъ!—глухо произнесъ онъ.—Ладно же! Я имъ покажу!

— Атаманы-молодцы!—громко обратился онъ къ кругу.—Нынче же въ Черкаской! Слышите?

— Слышимъ, батюшка, Степанъ Тимоѳеичъ! Любо!—гаркнули казаки.

— А тебѣ, Авдотья, спасибо за вѣсти,—сказалъ Разинъ женѣ.—А теперь уходи во свояси: тебѣ здѣсь не мѣсто.

— Не мѣсто! А персицкой любовницѣ было мѣсто!—крикнула жена атамана.

Глаза оскорбленной женщины и жены сверкали негодованіемъ. Не такого пріема ожидала она отъ мужа послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. А онъ, словно царь какой, принялъ свою когда-то Дуню, желанную, суженую. Въ этотъ моментъ она забыла, что сама когда-то знать его не хотѣла, когда онъ былъ невѣдомымъ бродягой и шатался съ такими же бродягами... А

теперь онъ царь, настоящій царь!.. «Спасибо за вѣсти, а намъ тебя не надо... тебѣ здѣсь не мѣсто!..» Безсильная злоба кипѣла въ ея душѣ.

И какъ на зло бывшій ея мужъ сталъ теперь еще красивѣе: сѣдина въ курчавой головѣ такъ шла къ его черной бородѣ... А когда-то она ласкала эту бороду, эту буйную голову... Послѣ нея ласкала другая... Эта была милѣе, желаннѣе...

— Не мѣсто! Женѣ не мѣсто, а любовницѣ мѣсто!—повторила она злобнымъ шопотомъ.

— Авдотья!—тихо, сдержанно сказалъ ей мужъ.—Уходи, если не хочешь сейчасъ же напиться донской воды.

— Хочу! Утопи меня!—настаивала упрямая казачка.

— Ты не стоишь этого!—махнулъ рукою Разинъ и началъ готовиться къ походу въ Черкаскъ.

Жена бросилась было за нимъ, но потомъ, закрывъ лицо руками, со слезами ушла съ майдана.

Скоро ея каючокъ отчалилъ отъ берега и скрылся во мракѣ.

— Несолоно хлебала,—сказалъ про себя провожавшій ее до каюка молодой ловецъ.

XXVI. На Москву шапокъ добывать.

Вѣсти, привезенныя изъ Черкаска женою Разина, были дѣйствительно тревожнаго свойства.

Изъ Москвы прибылъ на Донъ бывшій недавно въ «жильцахъ» стольникъ Еремѣй Сухово-Евдокимовъ, который такъ отличался въ прошломъ году, во время послѣдняго купанья стольниковъ и жильцовъ въ Коломенскомъ пруду, что Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ его двумя обѣдами разомъ. Еще тогда же дворскіе завистники говорили, что Еремѣй шибко пойдетъ въ гору послѣ такой «царской ѣствы, о какой у него и на умѣ не было».

Дѣйствительно, въ Сухово-Евдокимовѣ учуяли ловкаго малаго, который въ одно ушко влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ, и раннею же весною ему уже дали серьезное порученіе: ѣхать на Донъ съ милостивою царскою грамотою, а подъ рукою разузнать, не затѣваетъ ли вновь чего Разинъ. Въ Москвѣ уже извѣстно было и о варварскомъ его поступкѣ съ дочерью хана Менеды Заирою, и томъ, что онъ не соединился съ прочими дон-

скими казаками, а основалъ свой особый станъ на Кагальникѣ. Все это очень безпокоило Алексѣя Михайловича.

Вотъ съ этимъ-то двойственнымъ порученіемъ и явился въ Черкасскъ Сухово-Евдокимовъ «съ товарищи».

— Я знаю, Еремѣй, твое усердіе: ты и тамъ сухъ изъ воды выдешь,—сказалъ ему на милостивомъ отпускѣ «тишайшій», остроумно намекая игрою словъ и на его «сухую» фамилію, и на его умѣнье плавать.

— Ну, какъ бы тамъ изъ «сухово» не вышло мокренько,— процѣдилъ себѣ въ бороду Алмазъ Ивановъ, который лучше другихъ понималъ всю серьезность дѣлъ на Дону.

Эти-то вѣсти и сообщила Разину жена, которая оставалась все время въ Черкаскѣ, когда мужъ ея въ теченіе многихъ лѣтъ рыскалъ съ своею «голытьбой» то по Дону и Волгѣ, то по Яику и Каспійскому морю.

Въ ту же ночь Разинъ съ частью своихъ молодцовъ отправился въ Черкаскъ. На Дону въ это время начиналось весеннее половодье и потому удобнѣе было ѣхать въ Черкаскъ на лодкахъ. Столица донскихъ казаковъ, какъ извѣстно, въ половодье была неприступна ни съ луговой, ни съ нагорной стороны Дона, такъ какъ ее со всѣхъ сторонъ окружала вода, и весь Черкаскъ, его курени, сады и церкви, казалось, плавали на водѣ.

Утромъ флотилія Разина неожиданно окружила Черкаскъ. Въ станицѣ всѣ переполошились, когда услыхали три вѣстовыхъ пушечныхъ выстрѣла съ атаманскаго струга, и когда молодцы Разина стали высаживаться на берегъ и гурьбой, съ криками и угрозами по адресу Москвы, направляться къ соборной площади.

Разинъ тотчасъ же приказалъ бить «сполохъ», и соборный колоколъ оповѣстилъ всю станицу, что готовится что-то необычайное. Всѣ спѣшили на площадь, одни, чтобы узнать въ чемъ дѣло, другіе, чтобы только взглянуть на Разина, имя котораго успѣло покрыться такъ быстро небывалою славою и который представлялся уже существомъ сверхъестественнымъ: его ни пуля не брала, ни огонь, ни вода, ни сабля; на Волгѣ, напримѣръ, онъ разстелетъ на водѣ войлочную кошму, сядетъ на нее и, точно въ лодкѣ, переплываетъ рѣку; когда въ него стрѣ-

ляютъ, онъ хватаетъ пули рукою и бросаетъ ихъ обратно въ непріятеля.

Но зато станичныя и войсковыя власти всѣ спѣшили прятаться отъ страшнаго гостя. Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ укрылся въ соборѣ, въ алтарѣ, думая, что нечистая сила, съ которой знается Разинъ, не посмѣетъ проникнуть въ храмъ Божій.

На соборной площади, или на майданѣ, собрался между тѣмъ кругъ. Разинъ вышелъ на середину круга, махнулъ бунчукомъ на колокольню, и набатный колоколъ умолкъ. Тогда Степанъ Тимофеевичъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, съ глубокимъ знаніемъ своего народа и его инстинктовъ, началъ говорить образнымъ, самымъ пламеннымъ языкомъ о томъ, что Москва посягаетъ на ихъ казацкія вольности, какъ бояре задумали обратить весь Донъ и все казачество въ своихъ холопей, сдѣлать холопками ихъ женъ и дочерей; напомнилъ имъ, какъ князь Долгорукій самовольно казнилъ ихъ атамана, а его родного брата Тимоѳея. Онъ говорилъ страстно, убѣжденно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ народныхъ ораторовъ, которые родятся вѣками, и за которыми массы идутъ слѣпо. Онъ былъ грозенъ и прекрасенъ въ своемъ воодушевленіи, особенно когда говорилъ о томъ, что онъ видѣлъ, исколесивъ русскую землю отъ Черкаска до Соловокъ, что вездѣ страшная бѣдность, голодъ, болѣзни, притѣсненія, а за то на Москвѣ, въ царствѣ бояръ, какія палаты, какая роскошь! И все это награблено съ бѣдныхъ, съ подневольныхъ, съ голодныхъ. И вдругъ теперь то же хотятъ сдѣлать съ вольнымъ Дономъ, съ вольными казаками.

Вся площадь, казалось, замерла, слушая страстныя рѣчи человѣка, въ которомъ виднѣлась уже сверхъестественная сила.

Среди слушателей была и его жена. Она робко затерлась теперь въ толпѣ и изъ-за широкихъ спинъ казаковъ жадно и благоговѣйно глядѣла на своего бывшаго мужа. Она теперь не узнавала его, но зато никогда и не любила такъ, какъ въ этотъ моментъ, хотя онъ вчера и смертельно обидѣлъ ее.

— Степанушка! Степанушка мой!—молитвенно, беззвучно шептали ея губы.

— Гдѣ этотъ московскій лазутчикъ, что хочетъ казаковъ въ дурни пошить?—вдругъ оборвалъ свою жгучую рѣчь Разинъ, обратившись къ своимъ молодцамъ.—Подать мнѣ ево сюда!

Казаки бросились исполнять приказаніе атамана.

Черезъ нѣсколько минутъ Сухово-Евдокимова и его товарищей, московскихъ жильцовъ, ввели въ казачій кругъ.

— Долой шапки! — крикнулъ Разинъ. — Здѣсь вамъ не кабакъ!

Оторопѣлые послы московскаго царя сняли шапки.

— Ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ? — спросилъ атаманъ, подступая къ Сухово-Евдокимову.

— Я пріѣхалъ съ царскою милостивою грамотою,—отвѣчалъ послѣдній.

— Не съ грамотою ты пріѣхалъ, а лазутчикомъ, за мною подсматривать и про насъ узнавать! Такъ вотъ же тебѣ!

И Разинъ со всего размаху ударилъ царскаго посланца по щекѣ.

— Чево вамъ отъ насъ нужно?—продолжалъ атаманъ.— Али и безъ насъ мало вамъ съ кого кровь высасывать! Мало вамъ холопей вашихъ, да крестьянъ, да оброшниковъ, да ясашныхъ! Мало вамъ на Москвѣ палатъ, что на холопскихъ костяхъ сложены! У насъ вонъ нѣтъ каменныхъ палатъ, одни курени да мазанки. Чево-жъ вамъ надо? Нашихъ головъ? Такъ нѣтъ же! Вотъ тебѣ грамота!

И онъ снова ударилъ посла.

— Въ воду его!—махнулъ онъ бунчукомъ.

Казаки набросились на несчастнаго и избили до полусмерти. Затѣмъ потащили къ Дону и, еще живого, бросили съ атаманскаго струга въ воду.

— Ну-ка, бояринъ, полови стерлядей у насъ во Дону! У васъ на Москвѣ ихъ, слышь, нѣту,—издѣвались казаки надъ своей жертвой.

— Пущай плыветъ къ туркамъ, они добрѣе Москвы!

Искусный пловецъ тотчасъ же пошелъ ко дну.

— Ишь, только ножкой дрыгнулъ...

— Постой, атаманы-молодцы! Погоди! Не топи ево!—кричала съ берега голытьба.

— Што такъ, братцы?

— А цвѣтно платье зачѣмъ топить? У насъ зипуновъ нѣту, сымемъ съ боярина цвѣтно платье.

Казаки согласились съ доводами голытьбы и тотчасъ же бросились въ другія лодки, чтобъ баграми отыскивать утопленника.

Трупъ скоро былъ вытащенъ изъ воды, не успѣвъ еще окоченѣть. Зато тѣмъ легче было его раздѣвать, и его, дѣйствительно, раздѣли до-нага.

— Эко зипунъ завидный! Да и рубаха и порты знатныя!

— А то на! Эко добро да въ воду! Жирно будетъ.

— А сапоги-ту! Сафьянъ рудожолтъ, заглядѣнье!

— Только чуръ, братцы: и зипунъ, и рубаху и порты, и опучи, и сапоги, все въ дуванъ! По жеребью.

— А хрестъ тѣльной? И его въ дуванъ?

— Знамо! Мы не бусурманы: на насъ, чаю, тоже хресты.

И обнаженное тѣло московскаго посла снова бросили въ Донъ.

— Чать и ракамъ надо чѣмъ-нибудь кормиться.

— Вѣстимо...

— А шапка, братцы, боярска идѣ? — спохватилась голытьба.—Шапки не видать!

— Да! Шапка! Шапка! Идѣ шапка? Неужто утопили?

— Шапка, должно, въ кругу осталась, тамъ ево атаманы били.

Бросились въ кругъ искать шапку.

— Идѣ боярска шапка? Подавай шапку въ дуванъ!

Разинъ, увидѣвъ мечущуюся голытьбу, лукаво улыбнулся.

— Эхъ, братцы, я вамъ на Москвѣ такихъ шапокъ добуду!— сказалъ онъ задорно.

— На Москву, братцы! На Москву, шапокъ добывать!— закричала голытьба.

— На Москву! За батюшкой Степаномъ Тимоѳеевичемъ, шапки, зипуны добывать,—стоналъ майданъ.

И среди этой бушующей толпы только одни глаза съ любовью и тоскою слѣдили за каждымъ движеніемъ народнаго героя: то были глаза его жены съ навернувшимися на рѣсницы слезами. Но она не смѣла подойти къ нему.

Вечеромъ того же дня флотилія Разина возвращалась въ Кагальникъ. Но это была уже не прежняя маленькая флотилія: почти весь Черкаскъ ушелъ теперь за атаманомъ, захвативъ всѣ лодки, какія только были въ станицѣ.

Съ одного струга неслась заунывная пѣсня, и грустная мелодія ея далеко разлеталась по водѣ. Одинъ голосъ особенно отчетливо выводилъ:

«Какъ во городѣ, во Черкаскіемъ,
«У одной-то вдовы было семь сыновъ,
«А восьмая—дочь несчастная.
«Возлелѣявъ-то сестру, всѣ въ разбой пошли,
«Своей матушкѣ все наказывали:
«Не давай-ка безъ насъ сестру въ замужье»...

Вечеръ былъ тихій и теплый. Полная луна серебрила и поверхность широко разлившагося Дона, и прибрежные кусты тальника, и развѣсистыя вершины тополей. Съ луговой стороны неслись по водѣ трели соловья...

Разинъ сидѣлъ на носу своего струга въ глубокой задумчивости: эта пѣсня напомнила ему дѣтство... А теперь? Онъ грустно покачалъ головой.

Еслибъ онъ поднялъ глаза къ нагорному берегу, подъ которымъ плылъ его стругъ, то увидѣлъ бы силуэтъ женщины, которая шла за стругомъ высокимъ берегомъ Дона и отъ времени до времени утирала глаза рукавомъ.

XXVII. Васька-Усъ.

Весна и лѣто настоящаго года принесли Алексѣю Михайловичу много несчастій и огорченій. Тяжелъ былъ для него и предыдущій, 1668 годъ; но то былъ годъ високосный, онъ и не ожидалъ отъ него ничего хорошаго.

А теперь такъ и повалила бѣда за бѣдою.

Въ началѣ марта царица Марья Ильинишна, съ которою они прожили душа въ душу двадцать лѣтъ, умерла отъ родовъ. За нею черезъ два дня умерла и новорожденная царевна.

Изъ Малороссіи, съ Дона, съ Волги, отовсюду неутѣшительныя извѣстія. Малороссію раздираютъ смуты: тамъ разомъ борятся изъ-за власти семь гетмановъ: Многогрѣшный, Дорошенко, Ханенко, Суховіенко и Юрій Хмѣльницкій, и кровь льется рѣкою.

Разинъ послѣ звѣрскаго убіенія въ Черкаскѣ Сухово-Евдокимова уже двигается со своими полками къ Волгѣ.

Вдоль всего средняго Поволжья волнуются татары и другіе инородцы, которыхъ поднимаютъ противъ царскихъ воеводъ Багай Кочюрентѣевъ да Шелмеско Шевоевъ.

— А еще бояре въ думѣ назвали челобитье ихъ непутевымъ,

и ихъ же батоги бить велѣно нещадно,—вспоминаетъ Алексѣй Михайловичъ свою оплошность,—оплошка, точно оплошка.

И патріархъ Никонъ, сидя въ Ферапонтовѣ въ заточеніи, продолжаетъ гнѣваться, не шлетъ царю прощенія...

— Сердитуетъ святѣйшій патріархъ, сердитуетъ... И протопопъ Аввакумъ не шлетъ съ Пустозерка благословенія...

— Охъ, быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!—сокрушается Алексѣй Михайловичъ.

И бѣда, дѣйствительно, надвигалась.

Въ началѣ мая Разинъ съ своими толпищами уже приближался къ Волгѣ нѣсколько выше Царицына. Безконечная панорама этой многоводной рѣки всегда воодушевляла этого необыкновеннаго разбойника. Онъ ѣхалъ впереди своего войска на бѣломъ конѣ, котораго прислалъ ему въ подарокъ покойный гетманъ Брюховецкій.

При видѣ величественной рѣки, раскинувшей здѣсь свои воды по затонамъ и воложкамъ почти на необозримое пространство, Разинъ снялъ шапку точно передъ святыней. Поснимала шапки и ватага его. Разинъ воскликнулъ:

— Здравствуй, Волга-матушка, рѣка великая! Жаловала ты насъ, сыновъ твоихъ, допрежь сево златомъ серебромъ и всякимъ добромъ; чѣмъ-то теперь ты насъ, Волга-матушка, пожалуешь?

Но въ то же мгновенье онъ какъ будто вспомнилъ что-то и какъ-то загадочно посмотрѣлъ на своего есаула: въ душѣ атамана что-то давно назрѣвало противъ Ивашки Черноярца.

По Волгѣ между тѣмъ двигалась его флотилія съ пѣшею голытьбою. Вся Волга, казалось, стонала отъ пѣсни, которая неслась надъ водою. Голытьба пѣла:

«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»...

Въ это время изъ сосѣдняго оврага показалось нѣсколько всадниковъ. Передній изъ нихъ на поднятой надъ головою пикѣ держалъ какую-то бумагу.

Всадники эти при приближеніи Разина сошли съ коней и поклонились до земли.

— Встаньте! Кто вы? спросилъ Разинъ, останавливая коня.

Всадники поднялись съ земли. Это были, повидимому, татары, всѣхъ человѣкъ пятнадцать. Впереди ихъ были, какъ казалось, атаманъ и есаулъ: одинъ худой и высокій, другой приземистый.

— Кто вы?—повторилъ Разинъ.

— Мы синбирскіе татаровя, мурзишки, батушка Степанъ Тимоѳеичъ: я — мурзишка Багай Кочюрентѣевъ, а онъ—мурзишка Шелмеско Шевоевъ,—отвѣчалъ высокій татаринъ.—Мы къ тебѣ, батушка Степанъ Тимоѳеичъ.

— Съ какимъ дѣломъ?

— Съ челамбитьямъ, батушка.

И Багай подалъ Разину бумагу. Разинъ передалъ ее есаулу.

— Вычитай,—сказалъ онъ.

Ивашка Черноярецъ развернулъ бумагу и сталъ читать:

«Славному и преславному атаману вольнаго войска донского, батюшкѣ Степану Тимоѳеевичю, бьютъ челомъ и плачются синбирскіе татаровя, а во всѣхъ ихъ мѣсто Багай Кочюрентѣевъ сынъ да Шелмеско Шевоевъ сынъ: жалоба, намъ, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, на государевыхъ воеводъ да на подъячихъ да на служилыхъ людей; били мы, сироты твои, челомъ великому государю и плакались, что мы-де, сироты ево государевы, ево государеву пашню пашючи, лошаденка покупали и животишка свои и достальные истощали, а за ево государевою пашнею ходячи, одежонко все придрали, и женишка и дѣтишка испроѣли, и нынѣче, государь, помираемъ голодною смертію; а одежонка намъ, государь, сиротамъ твоимъ государевымъ, купити не на што и нечимъ, и мы-де, государь, сироты твои государевы, погибаемъ нужною смертію, волочася съ наготы и босоты. И за то челобитье насъ, государь, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, сиротъ твоихъ, указано бить батоги нещадно. Атаманъ государь, смилуйся, пожалуй».

Разинъ внимательно прослушалъ все челобитье, и брови его сурово сдвинулись.

— Такъ за это челобитье васъ и драли?—спросилъ онъ.

— За этамъ челамбитьямъ, батушка, нашъ войводъ сѣкилъ насъ батогамъ нещаднымъ,—отвѣчалъ смиренно Багай.

— Добро. Я и до вашево воеводы доберусь,—сказалъ Разинъ.—А теперь поѣзжайте домой и ждите меня, да и всѣмъ, въ Саратовѣ, и въ Самарѣ, и въ Синбирскѣ, скажите, чтобъ меня ждали! Я приду...

Татары усердно кланялись. Въ это время по дорогѣ изъ Царицына еще показались двое всадниковъ. Разинъ тотчасъ узналъ

ихъ: то были казаки, его лазутчики, которыхъ онъ предварительно подослалъ въ Царицынъ, чтобъ они заранѣе предупредили въ городѣ своихъ единомышленниковъ о скоромъ прибытіи атамана съ войскомъ. Единомышленники должны были тайно, ночью, отворить городскія ворота для незванныхъ гостей.

Разинъ да и всѣ казаки съ удивленіемъ замѣтили, что у одного изъ лазутчиковъ на сѣдлѣ сидѣлъ какой-то ребенокъ, и казакъ-лазутчикъ бережно придерживалъ его рукой.

— Это что у тебя за проява?—спросилъ Разинъ.

— Да вотъ, самъ видишь, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, калмычонокъ,—отвѣчалъ казакъ;—дѣвочка сиротка.

— Да гдѣ ты ее добылъ и зачѣмъ?—недоумѣвалъ Разинъ.

— Да вотъ видишь ли, атаманъ: повернули это мы ужо изъ Царицына, тамъ тебя ждутъ не дождутся! Коли смотримъ, идетъ навстрѣчь намъ калмычка съ ребенкомъ на рукахъ; да какъ увидала насъ и ну улепетывать! Испужалась насъ, должно быть. Я кричу этто: «стой! стой! не бойся!» А бѣжала она, дура, яромъ, да къ Волгѣ, а яръ-отъ крутой, она возьми да и споткнись, и полетѣла внизъ съ кручи, да прямо въ Волгу. Вода-то полая подошла къ самой кручѣ, глыбко тамъ, калмычка-ту и бултыхни въ воду, только пузыри пошли. А это пигалица какъ-то зацѣпилась за коренья барыни-ягоды, застряла, оретъ. Я и взялъ ее, жаль крошку. Калмычка, должно думать, нищенка шла изъ Дербетевыхъ улусовъ въ городъ побираться; а какъ увидала насъ, ну, знамо, заячій духъ напалъ, и бултыхъ въ воду: сказано, дура баба.

Маленькая калмычка, совсѣмъ голенькая, точно бронзовая, лѣтъ, можетъ, двухъ или немного больше, во время этого разсказа довѣрчиво глядѣла на Разина и усердно жевала изюмъ, сама доставая его изъ пазухи своего спасителя, а спаситель этотъ захватилъ малую толику изюмцу въ Царицынѣ у знакомаго армянина. Встрѣчая ласковый взглядъ своей бородатой няньки, дѣвочка весело улыбалась.

Разинъ также съ доброю улыбкою глядѣлъ на черненькое, косоглазое и косматое существо, и въ немъ заговорило хорошее чувство: онъ вспомнилъ, что судьба не дала ему дѣтей отъ его Дуни, съ которою онъ давно разстался; но, быть можетъ, она дала бы ему эту отраду въ жизни отъ другой, отъ той...

Онъ какъ-то машинально поманилъ къ себѣ маленькую кал-

мычку, и она съ улыбкой потянулась къ нему, быть можетъ, потому, что онъ былъ въ богатомъ съ золотными кистями кафтанѣ. Онъ взялъ ее и посадилъ къ себѣ на сѣдло, и дѣвочка тотчасъ же запялась кистями.

Казаки съ удивленіемъ, а татары просто съ умиленіемъ смотрѣли на эту невиданную сцену: страшный атаманъ съ ребенкомъ на рукахъ!

«Чортъ съ младенцемъ!»—не одному казаку пришло на умъ это присловье.

Но забавляться ребенкомъ не приходилось долго. Разинъ опять передалъ маленькую калмычку ея спасителю.

— Куда жъ мы ее дѣнемъ?—спросилъ онъ.

— Оставимъ у себя, атаманъ, не бросать же ее какъ котенка,—отвѣчалъ казакъ.—Все равно, матери у нея нѣту, а тащиться съ нею до Дербетевыхъ улусовъ не рука, да и тамъ оно, поди, съ голоду околѣетъ; а у насъ, по крайности, забавочка будетъ.

— Ишь ты бабу въ казацкій станъ пущать!—улыбнулся есаулъ.

— Какая она баба? Козявка, одно слово, мразь.

Разинъ махнулъ рукой:

— Ну, инъ пущай!

Но едва они двинулись впередъ, какъ справа, по возвышенному сырту, замелькали толпы народа, и пѣшіе, и конные.

— Кому бы это быть?—удивился Разинъ.—Царскія рати такъ не ходятъ; да это и не воеводская высылка, не разъѣздъ.

И онъ тотчасъ же приказалъ казакамъ развѣдать, что тамъ за люди. Нѣсколько казаковъ поскакали по направленію къ сырту. Издали видно было, что какъ тамъ, въ невѣдомой толпѣ, при ближеніи казаковъ, стали поднимать на пикахъ шапки. Другіе просто махали шапками и бросали ихъ въ воздухъ.

— Кажись, нашъ братъ, вольная птица,—замѣтилъ Разинъ.

— Что-то гуторятъ, руками на насъ показываютъ, — съ своей стороны замѣтилъ есаулъ.—Не калмыки ли?

— Нѣтъ, не калмыки: ни колчановъ, ни стрѣлъ ничево таково не видать.

Теперь посланные скакали уже назадъ. Они, видимо, чему-то были рады.

— Ну, что за люди?—окликнулъ ихъ Разинъ.

— Нашей станицы прибыло, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ!—кричали издали.—Васька-Усъ бьетъ тебѣ челомъ всею станицей!

— А! Вася-Усъ,—обрадовался Разинъ. — Слыхомъ слышали, видна птица по полету! Что жъ, милости просимъ нашей каши отвѣдать: а ужъ заварить заваримъ! Онъ раньше меня варить началъ.

— Раньше-то, раньше, — подтвердилъ Ивашка Черноярецъ,—да только каша ево пожиже нашей будетъ.

— Кулишъ, по нашему, по-запорожски,—пояснилъ одинъ казакъ изъ бывшихъ запорожцевъ.

Скоро толпы Васьки-Уса стали сближаться съ толпами Разина. Голытьба обнималась и цѣловалась съ голытьбою и казаками. Шумъ, говоръ, возгласы, топотъ и ржаніе коней... картина становилась еще внушительнѣе.

Сошлись и атаманы обоихъ толпищъ. Васька-Усъ, проникнутый уваженіемъ къ славѣ Разина, хоть былъ и старше его и лѣтами, и подвигами, первый сошелъ съ коня и снялъ шапку. Это былъ маленькій, худенькій человѣчекъ, изъ дворовыхъ холопей, уже сѣдой, съ усами неровной величины: одинъ усъ былъ у него выщипанъ по приказанію его вотчинника за то, что онъ, будучи доѣзжачимъ, раньше своего господина затравилъ въ полѣ зайца. За этотъ усъ Васька и мстилъ теперь всѣмъ боярамъ и вотчинникамъ, и за этотъ выщипанный усъ онъ и получилъ свою кличку.

Разинъ тоже сошелъ съ коня, и оба атамана трижды поцѣловались.

— Батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, — поклонился Усъ, — Прими меня и мою голытьбу въ твое славное войско.

— Спасибо, Василій, а какъ по отчеству величать — не знаю,—отвѣчалъ Разинъ.

— Трофимовъ,—подсказалъ Усъ.

— Спасибо, Василій Трофимычъ!..

— А я съ тобой, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, и въ огонь, и въ воду.

— И на бояръ?—улыбнулся Разинъ.

— О! Да на этихъ супостатовъ я какъ съ ковшомъ на брагу!

XXVIII. Смѣна часовыхъ.

Ночь передъ Царицынымъ.

Полный дискъ луны и блѣдныя звѣзды показываютъ, что время давно перевалило за полночь. Станъ Разина, обогнувшій съ трехъ сторонъ городскія стѣны, давно спитъ; только отъ времени до времени въ ночномъ воздухѣ проносятся караульные оклики:

— Славенъ городъ Черкаской,—несется съ освѣщеннаго луною храма, что высится у обрыва надъ рѣчкою Царицею.

— Славенъ городъ Кагальникъ!—отвѣчаетъ ему голосъ съ другого берега рѣчки Царицы.

— Славенъ городъ Курмояръ!—пѣвуче заводитъ голосъ съ тѣневой стороны предмѣстья.

— Славенъ городъ Чиры!

— Славенъ городъ Цымла!

Это перекликаются часовые въ станѣ Разина. Имъ вторитъ дружное кваканье лягушекъ, раздающееся въ камышахъ да въ осокѣ по берегу Царицы. Тамъ же отъ времени до времени раздается глухой протяжный стонъ, наводящій страхъ въ ночной тиши: но это стонетъ небольшая съ длинною шеей водяная птица, бугай или выпь!

Безбрежная равнина водной поверхности Волги кое-гдѣ сверкаетъ растопленнымъ серебромъ.

Чудная весенняя ночь!

Разинъ лежитъ въ своемъ атаманскомъ наметѣ съ открытыми глазами. Ему не спится, его томитъ какая-то глухая тоска. Какъ клочья громадной разодранной картины проносятся передъ нимъ сцены, образы, видѣнія, звуки изъ его прошлой бурной жизни: то пронесется въ душѣ оттолосокъ давно забытой пѣсни, то мелодія знакомаго голоса, то милый образъ, милое видѣніе, и опять мракъ, или зарево пожара, или стонъ умирающихъ...

Но явственнѣе всего передъ нимъ носится милый образъ. Въ наметѣ у него темно, но онъ видитъ это милое личико, точно оно сходитъ откуда-то вмѣстѣ съ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, проникающимъ въ шатеръ черезъ отдернутую полу намета. Онъ не можетъ его забыть, не можетъ отогнать отъ себя это видѣніе... Отогнать! Но тогда что жъ у него останется?..

Онъ старается прислушаться къ окликамъ часовыхъ, къ ночнымъ неяснымъ звукамъ. Но среди этихъ неопредѣленныхъ звуковъ слышится чей-то дѣтскій плачъ...

Нѣтъ, это сонное пѣніе пѣтуха въ городѣ...

— Славенъ городъ Раздоры!

— Славенъ городъ Арчада!

На свѣтлую полосу въ наметѣ, освѣщенную мѣсяцемъ, легла какъ будто прозрачная тѣнь. Разинъ всматривается и видитъ, что эта тѣнь приняла человѣческія формы...

Что это? Кто это? Но тѣнь все явственнѣе и явственнѣе принимаетъ человѣческій обликъ...

Это она, Заира! Она нагибается надъ нимъ, и онъ слышитъ тихій укоръ ея милаго голоса: «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Я такъ любила тебя»...

— Славенъ городъ Курмояръ!

— Славенъ городъ Кагальникъ!

Разинъ въ испугѣ просыпается... Но и теперь его глаза продолжаютъ видѣть, и онъ ясно сознаетъ это нѣсколько мгновеній: какъ легкая, прозрачная, точно дымъ отъ кадила, тѣнь отошла за отдернутую полу намета и исчезла въ лунномъ свѣтѣ. Ему стало жаль, что онъ проснулся и отогналъ давно жданное видѣніе. Если бы не эти оклики часовыхъ, она осталась бы дольше съ нимъ.

Онъ закрываетъ глаза. Онъ ждетъ: можетъ быть повторится видѣніе... Слышенъ какой-то свистъ со стороны Волги, что-то знакомое напоминаетъ этотъ свистъ... Да, онъ вспоминалъ-вспоминалъ высокіе камыши въ заводяхъ Каспійскаго моря, такую же ночь прошлаго года и тихо качающійся съ морской зыбью стругъ... Такъ же и тогда свистѣла эта ночная водяная птичка, это овчарикъ... Но тогда онъ не одинъ прислушивался къ свисту этой ночной птички...

Со стороны города опять доносится пѣніе пѣтуха. Это, должно быть, уже третьи пѣтухи. Скоро должны притти изъ города тѣ, которые отопрутъ городскія ворота. Но нѣтъ, до зари еще далеко.

Не слыхать болѣе окликовъ часовыхъ. Да это и не нужно. Кто же осмѣлится напасть на спящій станъ Разина? Да и кому нападать?

Слышится чей-то вздохъ, тихій, тихій, какъ вздохъ младенца...

Разинъ открылъ глаза... Что это? Опять она! На лицѣ ея грустная улыбка... Онъ слышитъ опять ея голосъ: «Зачѣмъ ты ему повѣрилъ? Онъ только хотѣлъ погубить меня... Онъ не хотѣлъ, чтобъ я была твоя»...

— Кто онъ?—глухо спросилъ Разинъ и самъ проснулся отъ своего голоса.

Но объ теперь зналъ, кто онъ... Онъ и прежде это зналъ. Если бы не его наушничество, она бы и теперь была жива. Это сознаніе давно его мучило, и онъ уже давно терзался глухою ненавистью къ своему есаулу. Объ всему виною!

Разинъ всталъ и вышелъ изъ шатра. До утра еще далеко.

— Славенъ городъ Раздоры!

— Славенъ городъ Арчада.

Это опять оклики часовыхъ, но ихъ самихъ не видать.

Разинъ обогнулъ уголъ своего просторнаго намета и въ тѣни, бросаемой имъ отъ мѣсяца, увидѣлъ спящаго есаула. Ивашка Черноярецъ лежалъ на разостланной буркѣ. Въ головахъ у него было сѣдло, а руки подложены подъ голову. Онъ лежалъ лицомъ вверхъ, растянувшись во весь ростъ.

Разинъ вынулъ изъ-за пояса, изъ оправленныхъ серебромъ и бирюзою ноженъ, длинный персидскій ножъ и по самую рукоятку всадилъ его въ грудь своего есаула, подъ самымъ лѣвымъ сосцомъ.

Черноярецъ открылъ глаза...

— Атаманъ!—съ ужасомъ прошепталъ онъ.

Разинъ быстро повернулъ ножъ въ груди своей жертвы и вынулъ.

— Это тебѣ за нее!—глухо произнесъ онъ.

Убитый даже не шевельнулся больше.

Тщательно вытеревъ ножъ о бурку и вложивъ въ ножны, Разинъ пошелъ вдоль своего стана. Казалось, онъ прислушивался къ ночнымъ звукамъ. Кваканье лягушекъ умолкло, но вмѣсто нихъ въ камышахъ Царицы заливалась очеретянка. По временамъ стонала выпь и насвистывалъ овчарикъ. На Волгѣ, вправо отъ Царицына, длинная водная полоса сверкала серебромъ.

— Хто идетъ?—послышался окликъ часового.

— Атаманъ,—отвѣчалъ Разинъ.

— Пропускъ?

— Кагальникъ.

Разинъ шелъ дальше. Видны уже были очертанія городскихъ стѣнъ, и длинная черная тѣнь тянулась отъ крѣпостной башни съ каланчею.

— Славенъ городъ Москва!—глухо донеслось съ каланчи.

— Славенъ городъ Ярославль!

— Славенъ городъ Астрахань!

Это перекликались часовые на стѣнахъ города. И Разину вдругъ ясно представилось, какъ эти города, которые теперь славятъ часовые, будутъ его городами, особенно Москва. И онъ вспомнилъ маленькую келейку въ монастырѣ у Николы на Угрѣшѣ и Аввакума, прикованнаго къ стѣнѣ этой келейки. Бѣдно и сурово въ кельѣ, только солома шуршитъ подъ ногами узника. А тамъ, въ городѣ, какія палаты у бояръ! Какое убранство на ихъ коняхъ, сколько золота на ихъ одеждѣ! Сколько соболей изведено на ихъ шубы, на шапки!

И этотъ городъ будетъ его городомъ! Онъ станетъ среди Москвы, на Лобномъ мѣстѣ, станетъ и крикнетъ, какъ тогда обѣщалъ Аввакуму: «Слышишь, Москва! Слышите, бояре». И услышатъ этотъ голосъ во всей русской землѣ, за моремъ услышатъ!

Изъ-за обрыва, спускавшагося къ Царицѣ, осторожно выюркнула человѣческая фигура и, увидѣвъ при свѣтѣ мѣсяца Разина, попятилась назадъ.

— Хто тамъ?—окликнулъ Разинъ и взялся за своей персидскій ножъ.

— Васька-Усъ,—былъ отвѣтъ,—а въ придачу Кагальникъ.

— А! Это ты, старина?—удивился Разинъ.—Што полупошничаешь?

— Не спится, атаманъ, дакъ робятъ повѣряю.

— Какихъ ребятъ?

— Часовыхъ... Который изъ нихъ задреметъ, тово и смѣняю.

— Какъ смѣняешь?

— Вотъ этимъ самымъ ножемъ.—Васька-Усъ показалъ широкій ножъ, на которомъ видна была свѣжая кровь.—Который часовой меня не окликнетъ, и я подкрадусь къ ему, тому прямо ножъ подъ микитки, и баста! Ужъ тотъ што за часовой, къ кото-

рому подкрасться можно, послѣднее дѣло: я тово и смѣняю. Я всегда такъ-ту, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, и у меня никогда часовой не задремитъ, ни-ни! Ни Боже мой! Ужъ это всѣ знаютъ.

— Ну, и молодецъ же ты, Василій Трофимычъ!—удивился Разинъ.—Вотъ умно придумалъ! Молодецъ. Ну, а я не дошелъ до этово, не додумался.

— Ничево, атаманъ, Богъ проститъ,—утѣшалъ его разбойникъ.

— Ну, и что жъ! Смѣнилъ кого?—спросилъ Разинъ.

— Двухъ смѣнилъ-таки, порѣшилъ... Другимъ наука.

— Ну, и молодецъ же ты!—похлопалъ разбойника по плечу Разинъ.—Будь же ты за это моимъ есауломъ.

— А Иванъ Черноярецъ што?—удивился въ свою очередь Васька-Усъ.—Не хорошъ?

— Я ево тоже смѣнилъ, какъ ты молодцовъ,—отвѣчалъ Разинъ.

— А-а!—протянулъ Усъ.

Изъ оврага, идущаго отъ Царицы, послышался протяжный, очень осторожный свистъ. Разинъ отвѣчалъ такимъ же свистомъ, только два раза.

Изъ оврага вышелъ человѣкъ въ поповскомъ одѣяніи.

— Здравствуй, отецъ протопопъ, — поздоровался съ нимъ Разинъ.

— Здравствуй, батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ,—отвѣчалъ пришедшій.

Къ нему подошелъ Васька-Усъ и снялъ шапку.

— Благослови, отче,—сказалъ онъ, протягивая руку горстью, какъ за подачкой.

— Во имя Отца и Сына...—благословилъ пришедшій.

— Ну, что, отецъ Никифоръ?—спросилъ Разинъ.—Уговорилъ?

— Уговорилъ, все готово, хоть голыми руками бери городъ.

Въ это время въ станѣ послышались голоса, говоръ, шумъ.

— Злодѣи! Есаула зарѣзали!

— Это Васькины ребята! Вяжи злодѣевъ! А гдѣ Васька?!

— Батюшки! И часовой зарѣзанъ!

Разинъ съ улыбкой переглянулся съ своимъ новымъ есауломъ, и они поторопились въ станъ.

Начинало свѣтать.

XXIX. Воевода Тургеневъ на веревкѣ.

Едва первые лучи солнца позолотили кресты и главы царицынскихъ церквей, какъ казаки двинулись къ городу.

Разинъ и его новый есаулъ ѣхали впереди, Разинъ съ бунчукомъ въ рукѣ, Васька-Усъ съ обнаженною саблей.

Разинцы подступали къ городу двумя лавами: одна шла къ тому мѣсту, гдѣ пологій валъ и городская стѣна, казалось, представляли наиболѣе удобствъ для приступа, хотя эта часть стѣны и башни были защищены пушками; другая лава подавалась впередъ правѣе, къ тому мѣсту, которое казалось неприступнымъ, и гдѣ находились городскія ворота, прочно окованныя желѣзомъ.

Разинъ попеременно находился то въ головѣ правой лавы, то въ головѣ лѣвой.

Воевода Тургеневъ, недавно назначенный командиромъ Царицына, и стрѣльцы, его подкомандные, повидимому, спокойно ожидали приступа, потому что, съ одной стороны, увѣрены были въ невозможности взять крѣпость безъ стѣнобитныхъ орудій, съ другой, что со дня на день ожидали прибытія по Волгѣ сверху сильнаго стрѣлецкаго отряда.

Тургеневу и другимъ защитникамъ Царицына очень хорошо видно было со стѣнъ, какъ Разинъ разъѣзжалъ впереди своей, казалось, нестройной толпы. Тургеневъ, высокій и плотный мужчина съ сильною сѣдиною въ длинной бородѣ, стоялъ на стѣнѣ, опершись на дуло пушки и, казалось, считалъ силы непріятеля.

— Дядя,—обратился къ нему стоявшій рядомъ молодой воинъ въ богатыхъ доспѣхахъ,—дозволь мнѣ попужать орла-стервятника.

— Каково это, племянникъ?—спросилъ воевода.

— А вонъ тово, што на бѣломъ конѣ, самово Стеньку.

— А чѣмъ ты ево попужаешь?

— Вотъ этой старушкой!—онъ указалъ на пушку.

— Добро, попробуй: только наводи вѣрнѣй.

Молодой воинъ при помощи пушкарей навелъ дуло орудія на Разина. Взвился дымокъ, и грянулъ выстрѣлъ. Ядро не долетѣло до цѣли и глухо ударилось о глинистую сухую почву.

Разинъ издали погрозилъ бунчукомъ.

Правая лава, между тѣмъ, достигла городскихъ воротъ и остановилась. Разинъ поскакалъ туда.

Вдругъ въ городѣ, какъ бы по сигналу, зазвонили колокола во всѣхъ церквахъ. Воевода съ удивленіемъ глянулъ на окружающихъ.

Со стѣны, ближайшей къ воротамъ, послышались крики:

— Батюшки! Злодѣи въ городѣ! Ихъ впустили въ ворота.

Дѣйствительно, Разинъ безпрепятственно вступилъ въ городъ въ головѣ правой лавы: городскія ворота были отворены передъ нимъ настежь.

Навстрѣчу новоприбывшимъ отъ собора двигалось духовенство въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями. Впереди съ Распятіемъ въ рукахъ, шелъ тотъ священникъ, соборный протопопъ Никифоръ, котораго мы уже видѣли ночью около стана Разина. Рыжая, огненнаго цвѣта борода его и такіе же волосы, разметанные по плечамъ, горѣли подъ лучами солнца, какъ червонное золото.

Разинъ сошелъ съ коня и приложился къ кресту. При этомъ онъ что-то шепнулъ на ухо протопопу, и тотъ утвердительно наклонилъ голову. Затѣмъ стали прикладываться къ кресту казаки.

Между тѣмъ на площади разставляли столы для угощенія дорогихъ гостей. Сначала робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе начали выходить изъ своихъ домовъ царицынцы и спѣшили на площадь.

Колокольный звонъ смолкъ, и духовенство возвратилось въ соборъ.

Царицынцы со всѣхъ сторонъ сносили на площадь калачи, яйца, всякую рыбу и горы сушеной и копченой воблы. Мясники рѣзали воловъ, барановъ и тутъ же на площади свѣжевали и потрошили убоину. Другіе обыватели разводили костры, жарили на нихъ всякую живность и сносили потомъ на разставленные столы, а съ кружечнаго двора выкатывали бочки съ виномъ.

Всѣмъ, повидимому, распоряжался соборный протопопъ Никифоръ. Его огненная борода мелькала то здѣсь, то тамъ.

— Ишь какъ батько-то хлопочетъ, такъ и порывается,—судачили царицынскія бабы, глазѣя на приготовленія къ пиру.

— Да и какъ, мать моя, не хлопотать горюну? Все это, чтобъ насолить супостату своему, воеводѣ жеребцу, за дочку.

— Что и говорить, милая, дочка-то у нево одна, что глазокъ во лбу, а онъ, волкъ лихой, и польстись на дѣвчонку.

— Эка невидаль! Дѣвченка! — ввязалась въ разговоръ

Мавра, извѣстная на весь Царицынъ сплетница. — Онамедни дѣвка сама къ яму, къ воеводѣ-то бѣгала.

— Плещи, плещи, язва!—осадила ее первая баба.

— Не плещу я! А ты сама язва язвенная! — окрысилась сплетница.—Ишь святая нашлась! Сама, своими глазыньками видѣла, какъ она, Фроська-то, шмыгнула къ нему въ ворота, такъ и засвѣтила рыжей косой.

— Тьфу ты, негодница! Помолчала бы хоша, сама была дѣвкой,—отвернулась первая баба.

— Глядь! Глядь-ко-ся! Мать моя! — удивилась вторая баба.—Что-й-то у тово казака на рукахъ? Никакъ махонька калмычка?

— И то, милая, калмычка, да совсѣмъ голенька. Должно, на дорогѣ подобрали.

— Ахъ, бѣдная! Семь-ка я сбѣгаю, принесу ей рубашонку отъ моей Фени.

И сердобольная баба побѣжала за рубашкой для маленькой калмычки.

Вскорѣ начался и пиръ. За почетнымъ столомъ помѣстился Разинъ съ своимъ новымъ есауломъ, а также всѣ казацкіе сотники. Ихъ угощалъ отецъ Никифоръ.

За сосѣднимъ столомъ возсѣдали на скамьяхъ другіе сподвижники Разина, и въ томъ числѣ Онуфрій Лихой, тотъ самый, что вчера привезъ въ казачій станъ маленькую калмычку. Дѣвочка сидѣла тутъ же, на колѣняхъ у своего сѣдобородаго покровителя, и, безпечно поглядывая своими маленькими глазами на все окружающее, серьезно занималась медовымъ пряникомъ. Она была, видимо, довольна своей судьбой, какъ сыръ въ маслѣ каталась, чего она въ своемъ улусѣ никогда не испытывала. Теперь она была въ чистенькой рубашенкѣ, и даже въ ея черную какъ смоль косенку была вплетена алая ленточка. Все это оборудовала сердобольная баба.

Пиръ, между тѣмъ, разгорался все болѣе и болѣе. Слышно было оживленіе, громкіе возгласы, смѣхъ. Разинъ, разгоряченный виномъ и подчиняясь своему огневому темпераменту, громко объявилъ, что онъ во всей русской землѣ изведетъ неправду, переведетъ до корня все боярство...

— На сѣмена не оставлю! А Ордина-Нащокина съ сыномъ Воиномъ на крестѣ Ивана Великаго повѣшу!

— Марушка! Марушка! Подь сюды, ходи черезъ столъ.

Это манилъ черезъ столъ маленькую калмычку казачій пятидесятникъ Яшка Лобатый, коренастый увалень, первый силачъ на Дону. Дѣвочкѣ уже дали подходящее имя: ее назвали «Марушкой».

— А гдѣ воевода?—вспомнилъ, наконецъ, Разинъ.—Подать сюда воеводу!

— Да воевода, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, заперся съ своими приспѣшниками въ башнѣ,—отвѣчалъ попъ Никифоръ.

— А! Въ башнѣ? Такъ я ево оттудова выкурю. Атаманы-молодцы! За мной!—крикнулъ Разинъ, вставая изъ-за стола.

Сотники, пятидесятники и другіе казаки, пировавшіе по близости, обступили атамана.

— Идемъ добывать воеводу! — скомандовалъ Разинъ. — Щука въ вершу попала, выловимъ ее!

— Щуку ловить, щуку ловить!—раздались голоса.

— Въ Волгу ее! Пущай тамъ карасей ловитъ!

Ватага двинулась къ крѣпостной башнѣ. Впереди всѣхъ торопливо шелъ попъ Никифоръ. Полы его рясы раздувались, а рыжіе волосы ярко горѣли на солнцѣ.

— Ай да батька! Ай да долгогривый!—смѣялись казаки.— Да ему хуть въ атаманы, дакъ въ пору.

Башня была заперта. На крики и стукъ въ башенную дверь въ одну изъ стѣнныхъ прорѣзей отвѣчали выстрѣломъ, никого, впрочемъ, не ранившимъ.

— А! Щука зубы показываетъ! — крикнулъ Яшка Лобатый.—Такъ я жъ тебя!

И онъ побѣжалъ куда-то къ площади. Вскорѣ оказалось, что богатырь несъ на плечѣ громадное бревно, почти цѣлый брусъ.

— Сторонись, атаманы-молодцы! Ушибу!—кричалъ онъ.

Всѣ посторонились, а богатырь со всего разбѣгу ударилъ бревномъ въ башенную дверь. Дверь затрещала, но не упала. Лобатый вновь разбѣжался, и отъ второго удара дверь подалась на петляхъ. Послѣдовалъ третій, сильнѣйшій ударъ, и дверь соскочила съ петель.

— Ай да Яша! Онъ бы и лбомъ вышибъ!—смѣялись казаки.

И Лобатый же первымъ бросился вверхъ по лѣстницѣ. За нимъ другіе казаки. Разинъ стоялъ внизу рядомъ съ попомъ Никифоромъ.

— Щуку не убивайте, молодцы!—крикнулъ онъ вверхъ.

Оттуда доносились шумъ борьбы, крики, стоны. Въ нѣсколько минутъ все было покончено, никого не оставили въ живыхъ. Пощадили только воеводу. Его снесъ съ башни Лобатый, словно куль съ овсомъ.

Какъ безумный, подскочилъ къ несчастному попъ Никифоръ и ударилъ его по щекѣ.

— Нна! Это тебѣ за Фросю! За ея дѣвичью честь!—говорилъ онъ, задыхаясь, и тутъ же накинулъ на шею воеводы веревку.— На осину ево, на осину Іуду!

— Нѣтъ, бачка, онъ не твой,—сказалъ Разинъ, отстраняя попа.—Онъ нашъ, войсковой; что кругъ присудитъ, то съ нимъ и будетъ. Сказывайте вашъ присудъ, атаманы-молодцы,—обратился онъ къ казакамъ.

— Въ воду щуку, карасей ловить!—раздались голоса.—Въ Волгу злодѣя!

— Быть по-вашему,—согласился Разинъ.—А теперь скажи, воевода,—обратился онъ къ Тургеневу,—за што ты грабилъ народъ? Али тебя царь затѣмъ посадилъ на воеводство, чтобъ кровь христіанскую пить? Мало тебѣ своего добра, своихъ вотчинъ? Не отпирайся, я все знаю: про тебя, про твое неистовство, и на Дону ужъ чутка прошла. Кайся теперь, проси прощенья у тѣхъ, кого ты обидѣлъ.

Тургеневъ молчалъ. Онъ зналъ, что его не любили въ городѣ. Онъ видѣлъ, какъ сбѣжавшіеся на шумъ царицынцы враждебно смотрѣли на него.

— Православные!—обратился Разинъ къ горожанамъ. — Што вы скажете?

Всѣ молчали. Всѣмъ казалось страшнымъ говорить смертный приговоръ беззащитному человѣку.

— Казни, батюшка, казни злодѣя!

Всѣ оглянулись въ изумленіи. Страшный приговоръ произнесла баба! И то была сплетница!

— Ахъ, ты, язва!—не утерпѣла сердобольная баба, которой стало жаль человѣка, стоявшаго передъ толпой съ безропотной покорность.

Послышался лошадиный топотъ. Это прискакалъ гонецъ съ верхней пристани.

— Стрѣльцы сверху плывутъ, видимо-невидимо!—торопливо сказалъ онъ.

Разинъ глянулъ на Тургенева и махнулъ рукой. Казаки поняли его жестъ.

— Въ воду щуку! Къ стрѣльцамъ на подмогу! — заговорили они.

Одинъ изъ казаковъ взялъ за веревку, которая все еще висѣла на шеѣ воеводы, и потащилъ къ Волгѣ, къ крутому обрыву. Толпа хлынула за ними въ глубокомъ молчаніи.

Вдругъ, откуда ни возьмись, молоденькая дѣвушка, которая быстро пробилась сквозь толпу и съ воплемъ бросилась на шею осужденному.

— Соколъ мой! Васенька! Возьми и меня съ собой! Безъ тебя я не жилица на бѣломъ свѣтѣ!..

— Владычица! Да это Фрося!—всплеснула руками сердобольная баба!

Это и была дочка попа Никифора: искрасна золотистая коса, жгутомъ лежавшая на спинѣ дѣвушки подтверждала это кровное родство съ рыжимъ попомъ, который весь задрожалъ, увидѣвъ дочь въ объятіяхъ ненавистнаго ему человѣка.

Тургеневъ съ плачемъ обнялъ дѣвушку...

— Бѣдное дитя, прости меня!—шепталъ онъ.

— Меня прости, соколикъ, я погубила тебя.

Но казаки тотчасъ же розняли ихъ.

Обрывъ былъ подъ ногами, и воеводу толкнули туда. Не успѣли опомниться, какъ и дѣвушка бросилась туда же, и Волга мгновенно приняла обѣ жертвы.

Попъ Никифоръ стоялъ надъ кручей и рвалъ свои рыжія космы.

XXX. Струги съ мертвой кладью.

Разинъ между тѣмъ дѣлалъ распоряженія о встрѣчѣ стрѣльцовъ, которые плыли сверху на защиту какъ собственно Царицына, такъ и другихъ низовыхъ городовъ.

Все свое «толпище», какъ иногда называли въ казенныхъ отпискахъ его войско, онъ раздѣлилъ на двѣ части: одну половину, меньшую, подъ начальствомъ Васьки-Уса, онъ оставлялъ въ городѣ, съ другою, большею, онъ самъ выступилъ для встрѣчи

московскихъ гостей и для усиленія отряда, находившагося на его флотиліи.

Есаулъ долженъ былъ выстроить свой отрядъ вдоль городскихъ стѣнъ, обращенныхъ къ Волгѣ, и всю крѣпостную артиллерію расположить такъ, чтобы она могла обстрѣливать всю поверхность Волги вплоть до небольшого островка, лежащаго какъ разъ противъ Царицына и заросшаго густымъ тальникомъ и верболозомъ.

Лодки же, на которыя онъ посадилъ часть пѣхоты, онъ приказалъ отвести за островокъ и тамъ укрыть ихъ за верболозомъ. Онъ это сдѣлалъ для того, что когда стрѣльцы, подплывъ къ городу и встрѣтивъ тамъ артиллерійскій огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ, вздумаютъ укрыться за островомъ, то чтобы тамъ ихъ встрѣтилъ не менѣе губительный огонь съ флотиліи, которая и должна была отрѣзать стрѣльцамъ отступленіе.

Самъ же онъ съ небольшимъ отрядомъ конницы пошелъ вверхъ, берегомъ, прямо навстрѣчу московскимъ гостямъ.

Скоро показались и струги съ стрѣльцами. Идали уже слышно было, что стрѣльцы шли съ полной увѣренностью «разнести воровскую сволочь», и на первомъ же стругѣ раздавалась удалая верховая стрѣлецкая пѣсня, до сихъ поръ раздающаяся по Волгѣ отъ Рыбинска, въ то время Рыбное, до Астрахани. Стрѣльцы пѣли:

«Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
«Сизый селезень плыветъ!
«Ишь ты, подижь-ты, чтожъ ты говоришь ты,—
«Сизый селезень плыветъ!»

Но стрѣлецкое пѣніе вдругъ оборвалось, когда съ берега казаки, среди которыхъ было не мало изъ волжскаго бурлачья, гаркнули продолженіе этой пѣсни:

«Вдоль да по бережку. вдоль да по крутому
«Добрый молодецъ идетъ:
«Онъ со кудрями, онъ со русыми
«Разговариваетъ!
«Ишь ты, поди-жъ ты, что ты говоришь ты,
«Разговариваетъ!»

Увидѣвъ на берегу небольшой отрядъ, стрѣльцы направили свои струги ближе къ берегу и открыли по казакамъ огонь. Казаки отвѣчали имъ тѣмъ же, и началась перестрѣлка.

По мѣрѣ усиленія огня, казаки отступали, все болѣе и болѣе приближаясь къ городу. Стрѣльцы изъ этого заключили, что казаки не выдерживаютъ огня, и пустились за ними вдогонку.

Но въ это время со стѣнъ города, о взятіи котораго казаками стрѣльцы и не подозрѣвали, открыли по стругамъ убійственный огонь. Пораженные неожиданностью, стрѣльцы не выдержали артиллерійскаго огня и повернули отъ города, чтобъ укрыться за островомъ, но тамъ ихъ встрѣтила такая же убійственная пальба изъ засады.

Царское войско растерялось, поражаемое съ двухъ сторонъ и ядрами, и пулями. Но стрѣльцы все-таки упорно защищались и только тогда, когда двѣ трети было ихъ перебито, стали просить пощады.

Разинъ велѣлъ прекратить пальбу и привести струги съ остальными стрѣльцами къ берегу.

Когда струги причалили къ берегу, казаки стали считать убитыхъ и насчитали болѣе пятисотъ труповъ. Въ живыхъ осталось до трехсотъ стрѣльцовъ.

Они вышли на берегъ и кланялись побѣдителю. Разинъ сказалъ имъ:

— Коли хотите служить мнѣ, оставайтесь со мною, а нѣтъ...

— Хотимъ, хотимъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ!—закричали побѣжденные.—Мы шли противъ тебя неволею... Прости насъ!

— Добро,—сказалъ Разинъ,—оставайтесь съ нами. А чтобы воеводамъ да боярамъ впредь неповадно было перечить мнѣ, я имъ покажу, какая ждетъ ихъ широкая масленица. Атаманы-молодцы! — крикнулъ онъ къ казакамъ. — Снарядимте-ка два струга, которые будутъ залишніе, и изукрасимъ ихъ, какъ вонъ въ пѣснѣ поется:

«Хорошо были стружечки изукрашены,
«Они копьями, знаменами, будто лѣсомъ поросли».

— А мы изукрасимъ ихъ получше, поцвѣтнѣе.

Казаки, повидимому, не понимали его и ждали, что будетъ дальше. Тогда Разинъ указалъ на два морскихъ струга изъ тѣхъ, которые имъ были оставлены прошлою осенью въ Царицынѣ послѣ морского похода и стояли теперь у пристани порожніе

— Вотъ что, братцы,—сказалъ онъ,—сносите всѣхъ уби-

тыхъ стрѣльцовъ на эти струги, сносите поровну, а тамъ я скажу, что дальше дѣлать. Помогайте и вы ,ребята,—сказалъ онъ оставшимся въ живыхъ стрѣльцамъ.—А у ково въ карманѣ сыщите деньги, сносите ихъ есаулу, въ дуванъ пойдутъ.

Всѣ принялись за работу, не понимая, для чего это, и скоро оба струга наполнены были трупами. Разинъ взошелъ на одинъ изъ струговъ.

— Эхъ!—обратился онъ къ трупамъ.—Жаль мнѣ васъ, горюны, да что дѣлать! Коли лѣсъ рубятъ, то и щепки летятъ... А я, охъ... какой лѣсъ задумалъ вырубить! Заповѣдной! Да хочу вырубить дочиста, чтобъ и побѣговъ не осталось.

Онъ задумался, глядя на обезображенныя лица мертвецовъ.

— Ну, теперь, братцы, распоясывайте у мертвецовъ кушаки!—снова заговорилъ Разинъ.

Казаки повиновались. Когда было распоясано нѣсколько десятковъ на томъ и другомъ стругѣ, Разинъ остановилъ эту странную работу.

— Ну, довольно, братцы: есть чѣмъ изукрасить стружечки,—сказалъ онъ.—Теперь развѣшивайте мертвецовъ по всѣмъ снастямъ, вотъ какъ въ Астрахани бѣлорыбицу либо осетрину, а то и воблу развѣшиваютъ вялить, да балыки провѣсные дѣлаютъ... Да чтобъ понаряднѣе были, всѣ бы снасти и мачты, и шесты изнавѣсить боярскими балыками... Пущай любуются да кушаютъ на здоровье... А я изъ нихъ такихъ балыковъ надѣлаю!

Только теперь всѣ поняли, къ чему клонились эти странныя распоряженія атамана.

И вотъ казаки и стрѣльцы принялись развѣшивать мертвецовъ, подвязывая ихъ къ снастямъ кушаками.

Страшную картину представляло это необычайное зрѣлище. Изъ Царицына все населеніе высыпало смотрѣть на то, что дѣлали казаки. Весь берегъ былъ усыпанъ зрителями.

А Разинъ ходилъ по стругу, иногда останавливался и задумывался, качалъ головою, какъ бы отгоняя назойливыя мысли, и потомъ встряхивалъ кудрями и отдавалъ приказанія:

— Выше, выше подвѣшивай! Да шапку набекрень надѣнь... Такъ, такъ, ладно... Каковы балыки! Это я моему другу любезному, князю Прозоровскому... Пущай отпишетъ къ Москвѣ тестенькѣ своему Ордину-Нащокину, каковы-таковы казаки бы-

ваютъ. А то на! Перевести казаковъ, вольный Донъ да Волгу-матушку перелить въ Москву-рѣку, да въ Яузу... Захлебнетесь Дономъ да Волгою... Я вамъ не Ермакъ дался, не поклонюсь ни Дономъ, ни Волгою, ни казацкою волею, какъ тотъ поклонился царствомъ сибирскимъ: глупъ былъ батюшка Ермакъ Тимоѳеичъ, не тѣмъ будь помянутъ... Да, отольются волку овечьи слезки... Ей! Этово гладково на самый верхъ посадите, на палю, какъ вонъ у запорожцевъ да у турокъ дѣлаютъ, такъ, такъ, ишь важно на палѣ сидитъ! А то на, милостивая грамота... похваляемъ, а тамъ и въ бараній рогъ, какъ старца Аввакума... Нѣтъ, я вамъ не Аввакумъ!..

Когда ужасная оснастка струговъ была окончена, Разинъ обратился къ стрѣльцамъ:

— А кто ваши головы?—спросилъ онъ.

Стрѣльцы отвѣчали:

— Были у насъ, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, пять головъ съ нами изъ Казани послано, да нонѣ въ бою твоими казаками трое изъ нихъ убиты до-смерти, а осталось только двое, вотъ они.

Разинъ подозвалъ ихъ къ себѣ. Тѣ стояли ни живы, ни мертвы.

— Я всѣхъ начальныхъ людей, и головъ, и бояръ убиваю,—сказалъ Разинъ.—Васъ я не трону: вы такъ головами и останетесь: одново изъ васъ я посажу на одинъ стругъ, другова на другой. Плывите въ Астрахань съ своими стрѣльцами, какъ плыли сюда изъ Казани, и кланяйтесь отъ меня астраханскому воеводѣ, князю Прозоровскому, и скажите, что я ему балыковъ посылаю... Вонъ какіе осетры висятъ! Да скажите астраханцамъ всякаго званія людямъ, что я чиню расправу только надъ боярами да міроѣдами, а бѣдныхъ людей не трогаю: бѣдные—мои братья, и всѣ мы промежъ себя ровня. Слышали?

— Слышали, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ,—покорно отвѣчали стрѣлецкіе головы.

— Такъ помните, что я вамъ сказалъ, и астраханцамъ всякаго званія людямъ передайте мои рѣчи отъ слова до слова, какъ я сказалъ,—заключилъ свою рѣчь Разинъ.

Стрѣлецкіе головы поклонились.

— А теперь,—обратился Разинъ къ казакамъ,—снесите на

оба струга корму всякаго и питья на недѣлю и больше тово, чтобъ головамъ было чѣмъ дорогою кормиться. Живо!

Казаки бросились исполнять приказаніе атамана, и чрезъ нѣсколько минутъ изъ города принесено было множество калачей, нѣсколько окороковъ, балыковъ, копченой воблы и нѣсколько боченковъ вина.

— Это вамъ кормъ,—сказалъ Разинъ головамъ,—голодны не будете. Да не перепейтесь дорогой.

Головы кланялись и благодарили.

— А чтобъ вы не бѣжали съ дороги, я васъ обоихъ велю приковать, каждово къ своему рулю,—пояснилъ Разинъ:—рулемъ-то вы будете править, а бѣжать не бѣжите... Гребцовъ вамъ не надо: сама Волга-матушка донесетъ васъ до Астрахани. Эй! Атаманы-молодцы! Принесите двѣ якорныхъ цѣпи, да подлиннѣе, и прикуйте господъ головъ, каждово къ своему рулю.

Казаки принесли двѣ цѣпи и исполнили, что имъ приказывалъ атаманъ: одного стрѣлецкаго голову помѣстили на одномъ стругѣ съ мертвецами и приковали, другого—на другомъ, и тоже приковали.

Затѣмъ оба струга съ мертвою кладью и съ прикованными рулевыми отвели на середину Волги и пустили на произволъ судьбы.

Струги тихо поплыли по теченію...

Зрѣлище было до того ужасно, что многіе стрѣльцы, тѣ, что остались въ живыхъ, глядя, какъ уплывали ихъ мертвые товарищи, горько плакали.

Разинъ долго провожалъ струги глазами и затѣмъ молча воротился въ городъ.

XXXI. Страшная вѣсть.

Царь Алексѣй Михайловичъ, впечатлительный и мечтательный по природѣ, поэтъ въ душѣ, говоря современнымъ языкомъ, очень любилъ всякую торжественную обрядность и «дѣйство», вродѣ «пещнаго дѣйства», а впослѣдствіи и «комидійныхъ дѣйствъ». Нравились ему и благочестивыя зрѣлища съ обрядовою обстановкою, и благочестивое, душеспасительное пѣснопѣніе странниковъ и «каликъ перехожихъ», и онъ охотно слушалъ духовные стихи о «богатомъ и убогомъ Лазарѣ», «о грѣшной душѣ» и т. п.

И теперь, когда онъ занимался въ своей образной горницѣ съ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, на заднемъ крыльцѣ Коломенскаго дворца сидѣли двое «каликъ перехожихъ», о которыхъ онъ слышалъ отъ царевенъ и въ особенности отъ царевны Софьи, что они поютъ разные «зѣло предивные стихи».

Дѣла были неотложныя. Съ нижней Волги съ самаго ея вскрытія не было вѣстей, а между тѣмъ ходили слухи, что Разинъ съ Дону уже двинулся къ Волгѣ. Нужно было озаботиться о снаряженіи на Волгу, въ «плавную службу», какъ можно болѣе ратныхъ людей съ верхней Волги и съ Камы. Поэтому сегодня долженъ былъ выѣхать на Вятку съ государевою «памятью» молодой Ординъ-Нащокинъ, Воинъ, который съ ратными людьми просился въ Астрахань, на всякій случай, въ помощь къ тестю своему, къ князю Прозоровскому.

Вотъ эту «память» и докладывалъ теперь царю Алмазъ Ивановъ. О взятіи Разинымъ Царицына и о разгромѣ посланныхъ изъ Казани стрѣльцовъ до Москвы еще не дошли слухи, такъ какъ единственный путь для сношенія съ низовыми городами—Волга, былъ уже въ рукахъ у казаковъ, одинъ отрядъ которыхъ, посланный Разинымъ изъ Царицына вверхъ по Волгѣ, овладѣлъ Дмитріевскомъ, что нынѣ Камышинъ.

— Да, да, настали для насъ «злы дни»,—говорилъ Алексѣй Михайловичъ какъ бы самъ съ собою, пока Алмазъ Ивановъ надѣвалъ очки, чтобы читать память,—надо торопить съ плавною службою. Ну, вычти...

Алмазъ Ивановъ началъ читать: «Лѣта 7179-го, маія 30 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, память Воину Ордину-Нащокину. Ѣхати ему на Вятку, для того: по государеву указу, велѣно быти на государевѣ службѣ, въ плавной, съ бояриномъ и воеводою, со княземъ съ Юрьемъ Борятинскимъ съ товарищи, съ Вятки ратнымъ людемъ полтретьи тысячи человѣкомъ; да велѣно на Вяткѣ для государевы плавныя службы сдѣлати сто струговъ».

— Сто струговъ? Не мало?—спросилъ государь.

— Въ первую версту, государь, довольно,—отвѣчалъ дьякъ.

— Добро. Ну?

Дьякъ продолжалъ: «А посланъ изъ Казани для тѣхъ судовъ Офонька Косыхъ. И Воину, пріѣхавъ на Вятку, отдати отъ боярина и воеводы отъ князь Юрья Борятинскова съ товарищи

дьяку Сергѣю Резанцеву съ товарищи жъ отписку, и говорити имъ, чтобъ они собрали на Вяткѣ ратныхъ людей полтретьи тысячи человѣкъ тотчасъ, съ вогненнымъ и съ лучнымъ боемъ, и рогатины бъ у нихъ съ прапоры были; а были бъ ратные люди молоды и рѣзвы»....

— Не то, что мы съ тобой,—улыбнулся Алексѣй Михайловичъ.

— Гдѣ же намъ, государь, холопемъ твоимъ тягаться съ твоею государевою рѣзвостью!—пробурчалъ дьякъ свой придворный комплиментъ и продолжалъ докладъ:—«И изъ пищалей бы стрѣлять были горазды, а старыхъ бы и недорослей въ нихъ не было. А какъ на Вяткѣ ратныхъ людей сберутъ, и Воину съ тѣми ратными людьми ѣхати въ Казань тотчасъ съ вешнею водою вмѣстѣ, а Офонасью Косыхъ со стругами велѣти ѣхати въ Казань тотъ же часъ не мѣшкая, чтобъ за тѣмъ государевѣ службѣ молчанья не было. А не пришлютъ съ Вятки ратныхъ людей вскорѣ, по государевѣ указу, всѣхъ сполна, а государевѣ службѣ учинитца за ними мотчанье, и вятчанъ пошлютъ изъ прогоновъ и пеню имъ учинять по государеву указу».

Алмазъ Ивановъ кончилъ.

— Быть по сему,—заключилъ государь.—Пущай же Воинъ ѣдетъ безъ мотчанья. Все доложилъ?

— Все, государь,—отвѣчалъ дьякъ, собирая въ сумку докладные свитки.

Дьякъ откланялся и вышелъ, а государь отправился на дѣвичью половину. Тамъ въ покояхъ царевны Софьи онъ засталъ постояннаго посѣтителя дѣвичьихъ покоевъ Симеона Полоцкаго, который продолжалъ заниматься съ любознательной царевной, а также пріятельницу ея, молоденькую жену Воина Ордина-Нащокина, Наталью Семеновну, и Артамона Сергѣевича Матвѣева съ своею юной воспитанницей, Натальей же Кирилловной Нарышкиной.

— А! И ты, старый, тутъ съ молоденькими,—милостиво поздоровался государь съ Матвѣевымъ.

Матвѣевъ сталъ замѣчать, что Алексѣй Михайловичъ, встрѣчая иногда у дочери юную его воспитанницу, обращалъ на нее особенное вниманіе, и, казалось, она ему серьезно нравилась. Это и заставило его учащать къ Софьѣ Алексѣевнѣ съ своею «царевною Несмѣяною», какъ онъ называлъ ее за то, что она

почти никогда не смѣялась, и хорошенькіе глазки ея были всегда серьезны и задумчивы.

— Да вотъ, государь, моя-то царевна Несмѣяна соскучилась по государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, я и привезъ ее,—отвѣчалъ Матвѣевъ, кланяясь.—А я у нея и мамка, и нянька.

— Что же, дѣло хорошее, — замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.—Намъ, старикамъ, чѣмъ же инымъ и быть, какъ не нянь-ками?

— Помилуй, государь!—возразилъ Матвѣевъ.—Не тебѣ бы это говорить, не намъ бы слушать! Тебѣ, великому государю, самая верста жениться.

Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ замять этотъ разговоръ и обратился къ Симеону Полоцкому.

— А слыхалъ ты, Симеонъ Ситіановичъ, што понѣ весной было трясеніе земли въ Персидѣ?—сказалъ онъ, садясь около дочери.

— Сказывали, государь, — отвѣчалъ ученый бѣлорусъ.—Былъ трусъ и въ грекахъ.

— А отчего оное трясеніе земли бываетъ?—спросилъ государь.

— Я знаю, батюшка, отчего,—отозвалась Софья.

— О! Да ты у меня всезнайка,—улыбнулся государь.—А ну-ну, разскажи.

— Оттого,—начала царевна по книжному,—егда вѣтры внидутъ въ скважни подъ землю и паки оттуду исходити имутъ, и не могутъ поразитися вонъ, и тогда отъ нихъ бываетъ трясеніе земли.

— Такъ, такъ... Ну, а съ чево эти скважни бываютъ?—допытывался государь.

— А съ тово, гдѣ земля вельми жестока, тамо есть на всякомъ мѣстѣ вода подъ тою землею въ исподѣ, и егда та бездна водная подвизается отъ вѣтровъ и вонъ выразитися вода жестокости ради земныя не можетъ, тогда раздираетъ землю великою силою, и сице ту страну двизаетъ,—скороговоркой проговорила Софья, какъ заученный урокъ *).

Симеонъ Полоцкій съ любовью смотрѣлъ на свою ученицу—она не ударила лицомъ въ грязь.

— Да, дивны дѣла рукъ Божіихъ,—задумчиво проговорилъ

---

*) «Книга, глаголемая Лусидаріусъ»

Алексѣй Михайловичъ; и потомъ, обратясь къ молодой Ординой-Нащокиной, съ улыбкой спросилъ.—А что, Наталья, будешь плакать, муженька провожамши на ратное дѣло?

— Я ужъ и такъ, государь, плакала,—вспыхнула молодая женщина.—Я бы и сама съ нимъ, коли можно, къ батюшкѣ поѣхала.

— О-о! Прыткая!—улыбнулся государь.—А впротчемъ, што дивить! Ужъ коли матушки-игуменьи не испужалась, бѣжала къ жениху, дакъ вора Стеньки и подавно не испужаешься.

Молодая бѣглянка еще больше покраснѣла. Но Софья Алексѣевна замяла этотъ разговоръ.

— Что-жъ, батюшка, позвать каликъ?—сказала она.

— Позови, позови,—согласился Алексѣй Михайловичъ.

Царевна вышла и вскорѣ воротилась, но уже не одна: за нею, осторожно ступая, какъ бы опасаясь провалиться, вошли въ свѣтлицу два странника. Одинъ изъ нихъ, помоложе, былъ совсѣмъ слѣпой: волосы его, сбившіеся шапкой и никогда, повидимому, нечесанные, падали на лобъ и на слѣпые глаза. Другой былъ зрячій старикъ, но безъ правой руки. Войдя въ свѣтлицу, они разомъ поклонились земно, а потомъ, стоя на колѣняхъ, проговорили, осѣнясь крестнымъ знаменіемъ:

— Благословеніе дому сему и всѣмъ обитающимъ въ ономъ.

— Аминь, — набожно сказалъ царь. — Встаньте, странники, куда путь держите?

— Къ преподобнымъ Зосимѣ-Савватію на Соловки,—отвѣчалъ слѣпецъ.

— А откуда Богъ несетъ?

— Съ Астрахани, государь-батюшка.

Этотъ отвѣтъ произвелъ общее движеніе. Молодая Ордина-Нащокина даже привскочила на мѣстѣ.

— Изъ Астрахани? — переспросилъ Алексѣй Михайловичъ.—А что тамъ слышно? Что воевода, князь, Прозоровскій?

— Были мы, государь-батюшка, у воеводы, — отвѣчалъ зрячій,—онъ насъ милостиво принялъ, отпустилъ съ миромъ и съ милостынею и велѣлъ помолиться святымъ угодникамъ о здравіи твоемъ, великій государь, и всево государева дома, да велѣлъ еще помолиться о здравіи рабы божьей Натальи.

— Батюшка, родной мой! — вырвалось у Ординой-Нащокиной.

— Да приказалъ еще воевода,—продолжалъ старшій калика,—помолиться объ избавленіи града Астрахани отъ вора и супостата Стеньки Разина.

— А што о немъ слышно, гдѣ онъ? Надъ кѣмъ промыслъ чинитъ? — встрепенулся Алексѣй Михайловичъ. — Оттудова давно нѣтъ вѣстей.

— Слышно, надежа-государь, сказывали, быдто воръ городъ Царицынъ добылъ и воеводу предалъ лютой смерти,—отвѣчалъ чуть слышно калика.

— Боже Всемогущій!—воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ, блѣднѣя.—Пощади люди твоя и грады, и веси, всемилостивый Господи! Што жъ еще слышно, сказывайте.

— Охъ, надежа-государь!—заплакалъ старшій странникъ.— Не слыхали мы, а самъ я своими глазами видѣлъ злое дѣло ево, какъ и глаза у меня не ослѣпли отъ тово, што видѣли... Прошли мы это ужъ Енотаевскій городъ и Черный-Яръ, идемъ Волгою, бережечкомъ, коли слышимъ: птица эта каркаетъ, воронье, да коршуны и орлы клекочутъ, ажъ страшно стало. Смотрю я: птица надъ Волгой тучею носится, такъ хмарою и застилаетъ небо. Далѣе, болѣе, надежа-государь, вижу я: кружитъ та хмара не то надъ высокими деревами, не то надъ островомъ какимъ, и то подымается хмара, то спустится къ тѣмъ деревамъ. Далѣ-ближе, государь-батюшка, вижу я: то не дерева и не островы, а плывутъ по Волгѣ какъ бы двѣ посудины, ни то расшивы, ни то струги большіе, а на снастяхъ у тѣхъ струговъ изнавѣшено что-то будто красное, а на томъ красномъ понасѣло птицы видимо-невидимо: и коя птица стаями садится на тѣ снасти, да на то красное, а коя птица хмарою кружитъ, да каркаетъ, да клекочетъ, и уму непостижимо! Далѣ-ближе, надеженька-государь, вижу ясно: плывутъ два большихъ струга, а помосты-то у нихъ, вымолвить страшно! устланы мертвыми людьми, мертвецъ на мертвецѣ, и все то стрѣльцы...

— Стрѣльцы!—въ ужасѣ проговорилъ царь.

— Стрѣльцы, надежа-государь, — продолжалъ калика; — сотни ихъ тамъ поналетано, либо и тысщи, и на снастяхъ-ту все висятъ стрѣльцы: што ихъ тамъ изнавѣшено, и сказать не умѣю! А на всемъ этомъ трупѣ сидитъ воронье, да орлы, да коршуны, и клюютъ тѣ трупы, и дерутся промежъ себя за добычъ, и каркаютъ, и клекочутъ, и тучею-хмарою кружатъ! Волосы ожили

у меня на головѣ, надежа-государь, дыбомъ встали! Мы стоимъ, смотримъ, да только крестимся. А струги все плывутъ тихо, все плывутъ. И слышимъ мы, надежа-государь, съ тѣхъ струговъ гласы человѣческіе: «люди божьи! помолитесь объ насъ грѣшныхъ, объ рабѣ божьемъ Ларивонѣ, да объ рабѣ божьемъ Панкратѣ: мы-де стрѣлецкіе головы, посланы были съ Казани съ ратными людьми для обереженья низовыхъ государевыхъ городовъ, и супостатъ-воръ Стенька надъ нами-де воровской промыслъ подъ Царицыномъ учинилъ и всю государеву рать, мало не до единово перебилъ вогненнымъ смертнымъ боемъ, а насъ-де, Ларивона да Панкрата, оставилъ въ живыхъ для тово: плыли бъ мы, Ларивонъ да Панкратъ съ мертвою государевою ратью въ Астрахань на двухъ стругахъ, и поклонились бы астраханскому воеводѣ, князю Прозоровскому, мертвою государевою ратью и сказали бъ воеводѣ, чтобъ онъ скоро ждалъ къ себѣ ево, вора Стеньки, приходу. А мы-де, говорятъ Ларивонъ да Панкратъ, прикованы къ стругамъ чепью».

Какъ громомъ поразила всѣхъ эта страшная вѣсть. Алексѣй Михайловичъ, блѣдный, съ дрожащими губами, растерянно озирался. Симеонъ Полоцкій крестилъ и дулъ въ лицо молодой Ординой-Нащокиной, которая лежала въ обморокѣ. Юная Нарышкина Наталья вся дрожала и плакала. Матвѣевъ Артамонъ Сергѣевичъ тоже растерялся. Одна царевна Софья, повидимому, не растерялась: блѣдная, съ плотно сжатыми губами, она подошла къ отцу, который какъ-то безпомощно шепталъ: «злодѣй, злодѣй».

— Батюшка, касатикъ!—взяла она его за руку.—Пойдемъ... Созови сейчасъ думу... бояръ всѣхъ, дьяковъ... За тебя станетъ вся русская земля, за тебя Богъ...

И какъ бы въ подкрѣпленіе мужественныхъ словъ юной царевны, калики тихо, молитвенно запѣли:

«Ой, у Бога великая сила...»

XXXII. Братскія похороны и походъ

Струги съ мертвой кладью достигли, наконецъ, Астрахани.

Этотъ страшный караванъ съ мертвецами, расклеванными до костей хищными птицами, прежде всѣхъ увидѣли астраханскіе рыбаки, закидывавшіе тони выше Астрахани. Какъ и калики перехожіе, они не могли сначала понять, что такое плыло по

Волгѣ, и почему надъ этимъ невѣдомымъ «что-то» тучами кружились и кричали птицы.

Но скоро и для нихъ это «что-то», что-то страшное, стало понятнымъ, особенно когда струги подплыли ближе, и съ нихъ послышались слабые человѣческіе голоса, скорѣе два стона, исходившіе отъ каждаго струга. Приблизившись къ нимъ въ лодкахъ, рыбаки, не смѣя взойти на страшныя пловучія кладбища, отъ прикованныхъ къ рулямъ стрѣлецкихъ головъ узнали всю ужасную ихъ исторію. Невольные рулевые были чуть живы, но все еще настолько владѣли мускулами рукъ, что могли съ трудомъ направлять свои струги по стержню рѣки: они боялись приткнуться гдѣ-либо къ берегу или къ острову, чтобъ не погибнуть голодною смертью за недостаткомъ корма. Когда же они плыли мимо Чернаго-Яра и Енотаевска, то жители какъ того, такъ и другого, узнавъ, что это за струги такіе и какую они кладь везутъ, съ ужасомъ уплывали отъ нихъ къ берегу.

Выслушавъ эту страшную исторію, астраханскіе рыбаки тотчасъ же поспѣшили съ ужасною вѣстью въ городъ.

— Недаромъ тогда старый Илья Осиповъ изъ рыбпова ряду сказывалъ, когда, лѣтось, мы пымали тѣхъ ужастенныхъ осетровъ, что послали тады одново государю-царю, другово святому владыкѣ патріарху, а третьимъ поклонились батюшкѣ Степану Тимоѳеевичу, недаромъ, чу, Осиповъ, сказывалъ, что съ самой той поры, какъ въ Астраханѣ у насъ царила Маришка-безбожница съ Ивашкою Заруцковымъ, такихъ осетровъ въ Волгѣ не видывали,—говорилъ одинъ старый рыбакъ, поспѣшая съ товарищами въ городъ.—Должно и нонѣ будетъ государствовать надъ нами батюшка Степанъ Тимоѳеичъ.

— Дай-то Богъ!—отозвался на это молодой пловецъ изъ затинщиковъ.

– Такъ-ту, такъ, милый, може и будетъ онъ государствовать, да надолго ли?—возразилъ старый ловецъ.—У бояръ-ту на Москвѣ сила не махонька.

Рыбаки тотчасъ же поспѣшили къ воеводскому подворью.

Князь Прозоровскій въ это время объѣзжалъ у себя на дворѣ прекраснаго карабахскаго коня, присланнаго ему изъ Испагани въ подарокъ персидскимъ купцомъ Сэхамбетомъ въ благодарность за то, что въ прошломъ году, когда Разинъ ограбилъ на Каспійскомъ морѣ купеческую персидскую бусу, везшую поминки

шаха царю Алексѣй Михайловичу, и захватилъ въ полонъ ѣхавшаго на этой бусѣ сына Сэхамбета, князь Прозоровскій своимъ вліяніемъ на Разина, смягченнаго тогда любовью въ прекрасной Заирѣ, способствовалъ выкупу изъ полона молодого перса.

Вмѣстѣ съ отцомъ упражнялся на дворѣ въ верховой ѣздѣ и старшій сынишка князя, десятилѣтній княжичъ Степа, подъ руководствомъ опытнаго наѣздника, пятидесятника конныхъ стрѣльцовъ, Фрола Дуры.

— Я теперь, батя, и свово тезки не испужаюсь, Стеньки Разина, — хвастался мальчикъ, трепля гриву своего смирнаго киргизскаго конька.

— О! Княжичъ!—улыбнулся его менторъ, Фролъ Дура.— Да Стенька теперь тебя самъ испужается: вонъ какой ты ратникъ, страхъ!

— Да,—улыбался и воевода,—по нынѣшнимъ временамъ, сынокъ, намъ нужны ратники: не ровенъ часъ, опять нагрянетъ чадушка.

Въ это время вошли на дворъ рыбаки.

Принесенная ими вѣсть до того ошеломила всѣхъ, что воевода, видимо, растерялся. Онъ не ожидалъ, что въ смирившемся было крамольникѣ опять проснулся кровожадный звѣрь. Пославъ тотчасъ же коннаго пятидесятника съ этимъ извѣстіемъ къ своему товарищу, къ князю Семену Ивановичу Львову, онъ приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ созвать къ себѣ всѣхъ стрѣлецкихъ головъ, а самъ поскакалъ къ митрополиту Іосифу, просить его совѣта.

Едва онъ вошелъ во владычныя палаты, какъ подъ окнами раздались крики:

— Плывутъ! Плывутъ струги съ мертвецами!

Услыхавъ страшную вѣсть, митрополитъ тотчасъ же поспѣшилъ въ соборную церковь, приказавъ по пути немедленно собраться туда же и прочему духовенству.

Скоро отъ собора къ Волгѣ потянулась церковная процессія съ крестами, иконами и хоругвями. Митрополитъ и прочее духовенство были облачены въ черныя ризы. За процессіей повалилъ народъ со всѣхъ концовъ города.

На Волгѣ процессію ожидало потрясающее зрѣлище. Выѣхавшіе съ пристани навстрѣчу стругамъ ловцы и ратные люди главной службы буксировали къ берегу страшные струги. Испу-

ганные необычайнымъ движеніемъ на берегу, вороны, сидѣвшіе на трупахъ и кружившіеся въ воздухѣ, оглашали воздухъ еще болѣе оглушительнымъ карканьемъ. Въ толпѣ слышался плачъ женщинъ и дѣтей, и весь этотъ плачъ и карканье хищныхъ птицъ покрывалъ похоронный звонъ всѣхъ астраханскихъ церквей.

Наконецъ, струги были прибуксированы къ берегу, и на борты ихъ кинуты сходни. Когда стрѣльцы отковали прикованныхъ къ рулю головъ и свели ихъ подъ руки на землю, митрополитъ и священники, поднявшись по сходнямъ и не вступая на струги, гдѣ за трупами негдѣ было стать, начали общее отпѣваніе на брани побіенныхъ.

Въ воздухѣ почти не слышно было трупнаго запаха, потому что мертвецы обклеваны были птицею до костей, а отъ многихъ и кости были растащены и разнесены по степямъ орлами и коршунами.

За воплями женщинъ почти не слышно было погребальныхъ гимновъ, и только кадильный дымъ вился струйками въ воздухѣ и таялъ, да отъ времени до времени съ крѣпостныхъ стѣнъ пушкари и затинщики пушечными выстрѣлами отдавали послѣднюю честь погибшимъ въ бою товарищамъ.

Между тѣмъ на кладбищѣ Троицкаго монастыря сторожа и боярскіе холопы, по распоряженію городового приказчика, копали нѣсколько огромныхъ ямъ для общихъ братскихъ могилъ.

Изъ города въ то же время выслано было на пристань нѣсколько телѣгъ для перевозки труповъ, и скоро началась страшная процессія перенесенія ихъ съ струговъ въ телѣги. Зрѣлище было потрясающее.

Но когда хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ возгласилъ стихиру Іоанна Дамаскина: «плачу и рыдаю, внегда помышляю смерть», и когда въ этомъ надрывающемъ душу пѣніи слышались такія слова, какъ «вижу красоту твою, безобразную и безславную, не имущую виду», или «како предаемся тлѣнію», то со всѣхъ сторонъ послышались глухія рыданія...

Плакалъ и князь Прозоровскій. Никогда не могъ онъ и подумать, чтобы когда-нибудь привелось ему видѣть такое зрѣлище, или чтобы, отправляясь на воеводство въ Астрахань, онъ могъ ожидать, что еще будетъ когда-либо плакать такъ, какъ въ послѣдній разъ плакалъ, четыре года тому назадъ, въ Москвѣ, въ

Новодѣвичьемъ монастырѣ, когда тамъ постригали, а ему казалось, хоронили его любимицу, юную дочку Наталеньку...

«Плачу и рыдаю»—стонало у него въ душѣ, и онъ плакалъ, плакалъ, какъ бы предчувствуя, что черезъ нѣсколько дней и его самого будутъ стрѣльцы тащить такого же «безобразнаго, безславнаго, не имущаго виду» и бросятъ въ общую могилу съ сотнями такихъ же, какъ и онъ, «безславныхъ и обезображенныхъ».

И вотъ, подъ заунывный, нестройный, но тѣмъ болѣе удручающій душу перезвонъ колоколовъ всѣхъ астраханскихъ церквей потянулся рядъ телѣгъ съ мертвецами къ Троицкому кладбищу, телѣга за телѣгой, по тряской и изрытой водороинами дорогѣ, а трупы въ лохмотьяхъ, въ красныхъ, изодранныхъ когтями и клювами орловъ и коршуновъ стрѣлецкихъ кафтанахъ, точно недобитые и недоѣденные, подпрыгивали на этихъ водороинахъ и еще болѣе увеличивали тѣмъ ужасъ общей картины. За ними валилъ толпами народъ, жадный до всякаго рода зрѣлищъ, даже до такихъ, каково было это...

Скоро на кладбищѣ образовалось около десятка высокихъ земляныхъ бугровъ.

А къ вечеру новое зрѣлище. За день воеводы и стрѣлецкіе головы успѣли снарядить и вооружить до сорока большихъ морскихъ струговъ и посадить на нихъ около трехъ тысячъ ратныхъ людей, стрѣльцовъ и другихъ служилыхъ съ княземъ Львовымъ во главѣ. Флотилія эта должна была итти навстрѣчу Разину и истребить его «воровское толпище» до послѣдняго человѣка.

Съ возгласами и пѣснями отплывали стрѣльцы отъ Астрахани. Чтобы показать свою удаль, стрѣльцы, едва отплыли отъ берега подъ прощальные выстрѣлы крѣпостныхъ пушекъ, какъ тотчасъ же грянули хоромъ любимую тогда всѣми ратными людьми «весновую пѣсню», которая въ одномъ старинномъ сборникѣ записана была дословно еще въ 1619 году. Запѣвалой былъ Костька «гудошникъ», и онъ началъ подголоскомъ:

«Сотворилъ же, Боже,
«Да и небо-землю,
«Сотворилъ ты, Боже,
«Весновую службу,
«Не давай ты, Боже,
«Зимовыя службы!

Съ берега пѣвцамъ махали шапками, ширинками, это бабы.

На сосѣднемъ стругѣ подхватили другимъ хоромъ, низкими голосами:

«Зимовая служба—
«Молодцамъ кручинно
«Да сердцу надсадно.
«Ино дай же, Боже,
«Весновую службу:
«Весновая служба—
«Молодцамъ веселье,
«А сердцу утѣха».

— Любо! Любо!—кричали стрѣльцы изъ вятичей и ветлужанъ.—Ай да понизовые! У насъ такъ не сумѣютъ голосомъ низы забрать.

А понизовые, поощряемые похвалами, наддавали верхними голосами съ подголосками:

«А емлите, братцы,
«Яровы весельца,
«А сядемте, братцы,
«Въ ветляны стружечки,
«Да грянемте, братцы,
«Въ яровы весельца
«Ино внизъ по Волги...»

— Не внизъ, братцы, а вверхъ!—поправилъ Костька «гудошникъ».—Вверхъ по Волгѣ.

— Ино вверхъ—точно...

«Сотворилъ намъ Боже,
«Весновую службу *).

Князь Львовъ, сидя подъ наметомъ на передовомъ стругѣ и слушая эту пѣсню, самодовольно улыбался: онъ видѣлъ, что его ратные люди съ добрымъ духомъ и съ «рѣзвостью» идутъ противъ вора и злодѣя Стеньки.

Скоро флотилія князя Львова скрылась изъ глазъ провожавшихъ ее астраханцевъ, а они все стояли на берегу и прислушивались къ молодецкому пѣнію, все болѣе и болѣе замиравшему вдали.

---

*) Эта замѣчательная пѣсня записана, какъ сказано выше, въ 1619 г., для оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса, вмѣстѣ съ другими шестью пѣснями, въ томъ числѣ знаменитыя пѣсни царевны Ксеніи Годуновой, которыя и донынѣ хранятся въ Оксфордѣ. Напечатаны въ «Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наукъ».

Флотиліи этой, однако, не суждено было воротиться въ Астрахань...

Что съ нею сталось, это мы узнаемъ изъ послѣдующихъ главъ.

XXXIII. «Они тамъ, а мы тутъ»..

Прошло нѣсколько томительныхъ дней ожиданія возврата стрѣльцовъ съ княземъ Львовымъ; но ни стрѣльцовъ, ни вѣстей никакихъ сверху не было.

Только однажды, на зарѣ, знакомые намъ ловцы, закинувъ гони нѣсколько выше Астрахани, вмѣстѣ съ осетрами и бѣлорыбицей вытащили, къ ужасу, нѣсколько труповъ. Закинули еще, и опять утопленники!

Но когда хорошенько разсмотрѣли обезображенныя и распухшія да притомъ изъѣденныя раками лица мертвецовъ, то хотя съ трудомъ, однако же, распознали въ нихъ тѣхъ стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и дворянъ, которые отправились противъ Разина вмѣстѣ съ княземъ Львовымъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что и эту высылку, состоявшую почти изъ трехъ тысячъ стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, постигла та же участь, какую испытала подъ Царицыномъ прежняя высылка изъ Казани.

Астрахань такимъ образомъ должна была готовиться ко всему.

— Я давно зналъ, што такъ оно и выдетъ,—лукаво замѣтилъ, отпихивая подальше въ воду весломъ тѣло одного стрѣлецкаго головы, тотъ молодой ловецъ изъ затинщиковъ, который охотно ожидалъ въ Астрахань батюшку Степана Тимоѳеича.

— А ты почемъ, возгрякъ, зналъ про то?—спросилъ старикъ-рыбакъ.

— Мнѣ сказывалъ Костька гудошникъ,—отвѣчалъ малый,—мы-де, говоритъ, спѣвку сдѣлали промежъ себя и всѣмъ нашимъ головамъ да сотникамъ зальемъ за шкуру сала, штобъ они напредки не заѣдали нашево кормовово да посошново жалованья

Плывшіе по Волгѣ трупы этихъ головъ да сотниковъ были, наконецъ, усмотрѣны съ берега и въ Астрахани и выловлены. Не нашли между ними только князя Львова. Гдѣ онъ? Что съ нимъ?..

Ждать было спасенія не откуда, а тѣмъ болѣе изъ Москвы: не было болѣе пути, по которому можно было бы тайно послать въ Москву гонца съ вѣстью о предстоящей Астрахани гибели, потому что Волга была въ рукахъ Разина, а посылать черезъ степь было бы безполезно: тамъ по всѣмъ направленіямъ рыскали калмыки, давно озлобленные противъ русскихъ воеводъ за ихъ грабежи и притѣсненія.

Оставалось одно, запереться въ городѣ и укрѣпиться

Въ тотъ же день совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ городскихъ стѣнъ. Ходъ былъ особенно торжественный и внушительный: церковная святыня всѣхъ астраханскихъ церквей, хоругви, кресты, горящія громадныя свѣчи въ массивныхъ паникадилахъ, все двигалось вокругъ стѣнъ, а впереди всего этого шествовала величайшая святыня города—икона Божіей Матери въ драгоцѣнномъ окладѣ. У каждыхъ воротъ шествіе останавливалось, и воздухъ оглашался молебствіемъ и пѣніемъ всѣхъ церковныхъ хоровъ и всего духовенства. День былъ такой тихій, что свѣчи горѣли на воздухѣ, и пламя ихъ совсѣмъ не колебалось. Надъ процессіей кружились стаи голубей, всполошенныхъ церковнымъ звономъ и пѣніемъ.

Вмѣстѣ съ процессіей двигался весь городъ, особенно женское населеніе. Во главѣ шествія, позади духовенства, шелъ воевода и внимательнымъ взоромъ осматривалъ городскія стѣны и ворота. Тутъ же шла и княгиня Прозоровская съ двумя сыновьями. Старшій мальчикъ шелъ бодро, увѣренно. Казалось, что онъ былъ убѣжденъ въ истинѣ словъ своего «коневаго учителя» Фрола Дуры: «Степанъ Разинъ самъ испужается своего тезки», княжича Степана Прозоровскаго. Но младшій сынишка воеводы, Сеня, былъ больше занятъ голубями, между которыми онъ искалъ своихъ любимыхъ «турмановъ».

Однако, не весь городъ участвовалъ въ процессіи. Если бы князь Прозоровскій могъ видѣть и прислушаться къ таинственнымъ перешептываньямъ на базарахъ разныхъ кучекъ холопей и посадскихъ ободранцевъ, то онъ увидѣлъ бы въ этомъ нѣчто зловѣщее...

А вечеромъ, когда воевода обошелъ всѣ городскія стѣны и башни, осмотрѣлъ пушки и боевые запасы, разставилъ по мѣстамъ пушкарей, затинщиковъ и воротниковъ, роздалъ стрѣль-

цамъ запасное оружіе и приказалъ стрѣльчихамъ кипятить въ котлахъ воду, стрѣльчихи коварно между собой переглядывались.

— Ты, Дарьюшка, не больно-то перекипячивай воду...

— Знаю, меня не учить стать: не перекипячу, не впервой своихъ стрѣльчатъ купать въ корытцахъ...

— Ха-ха-ха! Вотъ сказала! Стрѣльчатъ купать...

— А то какъ же? Може и твой соколъ полѣзетъ на стѣну, дакъ и ему кипяткомъ очи заливать! А сподручнѣе тепленькой водицей...

— Да они тамъ и не полѣзутъ... А тутъ мы ихъ сами за бѣлы ручки востягнемъ на стѣну...

— Такъ, такъ: они тамъ, а мы тутъ...

XXXIV. Разинъ въ Астрахани.

Надъ Астраханью спускаются сумерки.

Тихо надъ городомъ и надъ Волгою. И въ городѣ тихо, какъ будто все поснуло, а между тѣмъ никто и не думалъ спать. Тихо такъ, что даже слышится въ темнотѣ какой-то шопотъ. Кое-гдѣ неслышно перебѣгаютъ человѣческія тѣни. Слышно даже, какъ у Волги, подъ учугами, соловей заливается...

— Недолго тебѣ, соловушко, пѣть, — говоритъ боярскій сынъ, стоя на часахъ надъ Вознесенскими воротами,—до Петрова дня ужъ не далеко.

— И то правда,—тихо отвѣчаетъ другой часовой, сидя тамъ же «въ запасѣ»,—ужъ и кукушка, сказываютъ, галушкой подавилась, не кукуетъ болѣ: и какъ овесъ выкинетъ колосъ, дакъ и соловей потеряетъ голосъ.

При всеобщей тишинѣ въ воздухѣ, однако, проносятся иногда какіе-то неопредѣленные звуки; но слухъ не можетъ ихъ уловить; не то жужжанье насѣкомыхъ, не то шопотъ прибрежныхъ камышей съ осокою...

По небу звѣздочка прокатилась и сгасла...

— Што это, видишь?

— А што такое?.. А?.. Гдѣ?..

— Гляди, точно лѣсъ движется и шевелится.

— Вижу, вижу... Это они!.. Звони въ колоколъ! Бей сполохъ.

И вдругъ въ вечерней тишинѣ раздался звонъ башеннаго колокола. За нимъ другой, третій, всѣ башни заговорили.

Въ городѣ началась тревога. Послышались голоса со стѣнъ:

— Воры идутъ!.. Къ Вознесенскимъ воротамъ!

Теперь ясно было видно, какъ къ городу надвигались массы. Въ темнотѣ можно было различить, что нападающіе тащили къ стѣнамъ лѣстницы.

Услыхавъ тревогу, князь Прозоровскій быстро вышелъ на дворъ, гдѣ уже ожидалъ его осѣдланный карабахскій скакунъ, подаренный ему Сэхамбетомъ. Тутъ же на дворѣ суетливо готовились къ бою дворяне, дѣти боярскіе, подъячіе и стрѣлецкіе головы.

Вложивъ ногу въ стремя, князь приказалъ трубить.

— Трубачи!—крикнулъ онъ.—Трубить къ Вознесенскимъ воротамъ!

Онъ выѣхалъ со двора, за нимъ остальные служилые люди. Впереди бѣжали холопы съ зажженными смоляными факелами и освѣщали путь.

Сойдя у Вознесенскихъ воротъ съ коня, воевода поспѣшилъ на стѣну. Отъ факеловъ мракъ кругомъ еще болѣе сгустился, такъ что нельзя было отличить осаждающихъ. Что-то металось внизу, подъ стѣнами, слышны были голоса: «давай лѣстницы!.. Приставляй къ стѣнамъ!.. Дружно, атаманы-молодцы!».

— Лей кипятокъ на головы имъ, окаяннымъ! — распоряжался воевода.

Послышался плескъ воды со стѣнъ.

— Лей дружнѣе!.. Не жалѣй кипятку!

А внизу вдругъ раздался хохотъ...

— Вода-то у васъ, братцы, тепленька! Не замерзла бы!— слышится снизу.

— И впрямь вода не горяча!.. Што за притча!.. Остыла, что ли...—слышны голоса на стѣнѣ.

Между тѣмъ, на стѣнѣ, ближе къ Троицѣ, творилось что-то необычайное. Тамъ приставленъ былъ сплошной рядъ лѣстницъ и по нимъ быстро, но безшумно взбирались на стѣну казаки и стрѣльцы.

Слышенъ былъ шопотъ и сдержанный смѣхъ.

— Давай руку! Такъ, такъ, взлѣзай!

— Соколики! Сюда! Сюда!—слышались бабьи голоса.—Мы васъ давно ждемъ.

Слышны поцѣлуи, радостный говоръ.

— А гдѣ батюшка Степанъ Тимоѳеичъ?

— Ужъ онъ въ городѣ... Городъ нашъ!

Астрахань взята была безъ выстрѣла. Оказалось, что все втайнѣ было подготовлено для пріема Разина и его войска. Согласники его составляли большую часть населенія города: и посадскіе, и стрѣльцы, и холопы, всѣ ждали его, какъ своего спасителя, милостивца, защиту отъ бояръ, отъ приказныхъ, отъ дѣтей боярскихъ и всякаго начальства. Тотъ трехтысячный отрядъ, который былъ отправленъ противъ казаковъ съ княземъ Львовымъ, сдался Разину безъ боя и потерялъ только своихъ головъ и сотниковъ, которыхъ Разинъ приказалъ перебить и побросать въ Волгу.

Князя Львова Разинъ велѣлъ оставить въ живыхъ и приказалъ ему ходить за маленькой калмычкой, за Марушкой, съ которой казаки не хотѣли разстаться.

Когда казаки подошли къ Астрахани на приступъ, то ужъ они заранѣе знали, съ которой стороны брать ее: они показывали видъ, что начнутъ штурмовать городъ съ Вознесенскихъ воротъ, куда и направились всѣ защитники злополучнаго города, а между тѣмъ приставили лѣстницы къ стѣнѣ тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе могли ожидать. Но тамъ ждали ихъ свои, посадскіе люди, стрѣльцы и ихъ жены, а также холопы и базарная, и кабацкая голытьба: они-то и подавали руки осаждающимъ, когда ихъ лѣстницы немного не доставали до верху стѣны. Стрѣльчихи же вмѣсто кипятку налили въ чаны, кадки и перерѣзы теплой воды, въ какой онѣ своихъ дѣтей купаютъ.

Въ ночной темнотѣ грянули вдругъ выстрѣлы: это былъ знакъ, что городъ въ рукахъ у казаковъ.

Воевода, сбѣжавъ со стѣны, вскочилъ на своего карабаха и помчался туда, гдѣ онъ слышалъ крики торжества. За нимъ ринулись дѣти боярскіе, дворяне и оставшіеся вѣрными стрѣлецкіе головы. Но ихъ ждала тамъ гибель: чернь и казаки бросились на нихъ и всѣхъ перебили.

Костка гудошникъ, замѣтивъ воеводу, бросился на него съ копьемъ.

— А! Такъ я жъ тебя ссажу съ коня!

Копье вонзилось въ животъ воеводы, и князь Прозоровскій свалился съ своего великолѣпнаго карабаха. Испуганный конь

умчался, а стонущаго воеводу какой-то сердобольный старикъ на своихъ плечахъ стащилъ въ соборную церковь и тамъ положилъ на коверъ.

Городскія ворота между тѣмъ отворили, и вся масса разинцевъ двинулась въ городъ и затопила площади и улицы.

Начались неистовства, о которыхъ мы говорить не намѣрены...

Скажемъ только, что князь Прозоровскій самимъ Разинымъ былъ столкнутъ съ раската, и его защитникъ, Фролъ Дура, изрубленъ казаками въ куски...

. . . . . .

Разинъ пробылъ въ Астрахани три недѣли, завелъ въ городѣ казацкіе порядки и уничтожилъ посты, всѣмъ велѣлъ ѣсть скоромное.

Сдавъ городъ Васькѣ-Усу, какъ своему намѣстнику, Разинъ наканунѣ выступленія въ походъ приказалъ привести къ себѣ сыновей князя Прозоровскаго.

— Какъ зовутъ тебя?—спросилъ онъ старшаго мальчика.

— Князь Степанъ, княжъ сынъ Семеновъ Прозоровской,— бойко отвѣчалъ мальчикъ.

— Мудрено что-то, — зло усмѣхнулся атаманъ, — и самъ князь, и княжъ сынъ, да еще и Степанъ, мой тезка, значитъ... Ладно... А бояриномъ будешь?

— Буду,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, это еще старуха надвое сказала,—снова усмѣхнулся Разинъ.—А въ казаки хочешь?

— Нѣтъ не хочу.

— Молодецъ! Изъ тебя будетъ прокъ. А тебя какъ зовутъ?—обратился онъ къ младшему.

— Сеней,—отвѣчалъ робко мальчикъ.

— Только-то? А тоже, поди, князь и княжъ сынъ... А бояриномъ будешь? Высоко пойдешь?

Мальчикъ молчалъ.

— Вотъ что, атаманы-молодцы,—обратился Разинъ къ окружавшимъ его,—эти щенята высоко пойдутъ, какъ выростутъ... Пущай же теперь пойдутъ повыше... только ногами кверху. Поняли? А? Повѣсить ихъ за ноги!

Двое изъ казаковъ распустили на себѣ кушаки, связали ноги юнымъ Прозоровскимъ, которые отъ страха не могли даже

плакать, и подвѣсили ихъ съ раската... Тутъ только послышались крики несчастныхъ дѣтей... Личики ихъ затекали кровью...

— Довольно! Тащи сюда щенятъ!

Ихъ подняли и развязали.

— Ну, тезка, а теперь будешь бояриномъ? Будешь вѣшать нашего брата?—спросилъ Разинъ старшаго.

Мальчикъ плакалъ и молчалъ.

— Аспидъ будетъ,—замѣтилъ Разинъ, глядя на него.—Туда ево, къ отцу!

И казаки столкнули мальчика съ раската...

— Ну, а этово малыша жаль,—сказалъ Разинъ.—А чтобъ онъ не былъ бояриномъ, все-таки выпороть его! Подымайте рубашонку.

Ребенка тутъ же высѣкли ремнемъ, по слетка.

— Ну, теперь не будешь бояриномъ,—гладя мальчика по головкѣ, сказалъ Разинъ.—Сѣченый, что за бояринъ! А теперь отвезите сѣченова къ матери.

Подъ раскатомъ кто-то шелъ и пьянымъ голосомъ распѣвалъ:

«Поставлю я келью со дверью,
«Стану я Богу молиться,
«На красную-горку поститься,
«Чтобы меня дѣвки любили,
Крашоныя яйца носили.
«Или-или, или-или, или!
«Крашоныя яйца носили!»

— Да это никакъ попъ Никифоръ? Ахъ, горемыка!

Это и былъ, дѣйствительно, царицынскій соборный протопопъ. Послѣ ужасной смерти дочери, онъ присталъ къ казакамъ и съ горя сталъ пить.

XXXV. Съ самимъ встрѣтиться.

Былъ уже сентябрь мѣсяцъ на исходѣ.

Воинъ Аѳанасьевичъ Ординъ-Нащокинъ, съ успѣхомъ исполнивъ возложенное на него царемъ трудное порученіе по сбору ратныхъ людей съ при-вятскихъ и при-камскихъ волостей, находился уже въ Казани въ распоряженіи воеводы Барятинскаго и ожидалъ со дня на день выступленія въ походъ, когда рано утромъ, сидя на берегу озера Булака, куда онъ ходилъ, чтобы

размыкать свою тоску, къ нему подошла старая цыганка и, вглядѣвшись въ него, таинственно проговорила:

— О чемъ закручинился, добрый молодецъ? Коли о томъ, что на Москвѣ, такъ ту кручину я руками разведу, а коли о томъ, что случилось въ Астрахани, такъ и къ той кручинѣ я ума-разума приложу.

Воина поразилъ этотъ двойственный намекъ цыганки.

— А ты почемъ знаешь о моей кручинѣ?—спросилъ онъ.

— Черная птица всюду летала, всюду все видала и добрымъ людямъ помогала: поможетъ и тебѣ черная птица, добрый молодецъ,—попрежнему таинственно отвѣчала цыганка.

— Чѣмъ же она поможетъ мнѣ?

— А кручину съ сердца сыметъ, а замѣстъ кручины радость положитъ; а та радость астраханской кручинѣ сродни будетъ, а тебѣ, добрый молодецъ, вдвое сродни,—все также загадочно отвѣчала цыганка.

Суевѣрный страхъ внушали Воину эти слова, онъ былъ сынъ своего вѣка и вѣрилъ въ чудесное, какъ Аввакумъ вѣрилъ тому, что онъ бѣса изъ-подъ печки выгналъ и скуфьей билъ.

— Что жъ ты судьбу мою покажешь мнѣ?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Покажу,—отвѣчала цыганка.—Ты видишь въ озерѣ вонъ то бѣлое оболочко?

Она показала на воду.

— Вижу,—отвѣчалъ Воинъ.

— Такъ я и судьбу твою вижу изъ глазъ твоихъ: вонъ Арбатъ, а вонъ Веницея градъ, вонъ, вонъ, съ оболочкомъ все уплыло, и вотъ новая судьба плыветъ...

Воинъ вскочилъ съ мѣста: ему казалось, что онъ видитъ сонъ.

— Почему жъ Веницея?—спросилъ онъ.

— Не знаю, такъ мнѣ черная птица говоритъ... А слышишь, какъ кто-то «не бѣлы-то снѣжки» поетъ и плачетъ?

Воинъ испуганно перекрестился.

— Чуръ! Чуръ! Сгинь-пропади!

— Полно, добрый молодецъ, не чурайся!—улыбнулась цыганка.—Ты думаешь, что я бѣсъ? Нѣтъ, на мнѣ крестъ, видишь?—и она показала висѣвшій у нея на груди крестъ.

Воинъ чувствовалъ, что имъ овладѣваетъ какая-то таин-

ственная сила, и сила эта исходитъ отъ этой невѣдомой женщины. Но въ то же время разсудокъ говорилъ ему, что изъ него хотятъ что-то выпытать, для чего? Для кого?

Вслѣдствіе этого, онъ самъ рѣшился выпытать изъ цыганки, что она, дѣйствительно, знаетъ о немъ.

— А ты знаешь, кто я?—спросилъ онъ.

— Знаю, кто ты былъ, и узнаю, кто-ты есть,—былъ уклончивый отвѣтъ.

— Кто жъ я былъ?—спросилъ Воинъ.

Цыганка посмотрѣла ему въ глаза, потомъ стала глядѣть на воду.

— Вижу: столовая изба, въ ней царь сидитъ и бояре... Какіе хохлатые люди! Большіе... царску руку цѣлуютъ... А послѣ нихъ тотъ, что на тебя похожъ, тожъ руку у царя цѣлуетъ... На Арбатѣ въ саду ночью соловей заливается, а красная дѣвица въ слезахъ потопаетъ... Сгинулъ добрый молодецъ, пошелъ искать за море живой и мертвой воды... Не нашелъ живой воды, кручину нашелъ... Томится добрый молодецъ, что птица въ клѣткѣ: и дверцы отворены, и крылья есть, да летать страшно, коршуны кружатъ въ небѣ... И запѣла пташечка: «не бѣлы-то снѣжки...» Плачется добрый молодецъ на свою горькую судьбину...

Цыганка остановилась, а Воинъ, казалось, все еще слушалъ ее: передъ нимъ проходила вся его жизнь. Но въ то же время онъ ясно видѣлъ, что эта женщина, дѣйствительно, много знаетъ: несомнѣнно, что ей извѣстны главные моменты изъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Но откуда она могла узнать все то, что извѣстно только ему одному да его женѣ? И онъ рѣшился выпытать, что еще ей извѣстно.

— Хорошо говоритъ тебѣ твоя черная птица,—сказалъ онъ послѣ небольшого раздумья.—А што она еще скажетъ тебѣ?

— Вижу, вижу,—заговорила она снова таинственно,—вонъ опять плыветъ оболочко въ водѣ, и затѣмъ за оболочкомъ летитъ изъ-за моря пташка... Откуда ни возьмись коршуна, и ымали бѣдную пташку... Опять пташка въ полону... Это не пташка, а добрый молодецъ въ полону у польскихъ людей... Польскіе люди спятъ, а слѣпые люди выкрадываютъ добра молодца, и добрый молодецъ очутился у хохлатыхъ людей... Надъ Москвою оболочко... Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ всенощная, и добрый мо-

лодецъ тамъ ищетъ красну дѣвицу, а во вмѣсто красной дѣвицы—черная черница!

Цыганка вдругъ замолчала, и, казалось, собиралась совсѣмъ уходить.

— Ну, что жъ дальше было съ добрымъ молодцомъ и съ черничкой?—спросилъ съ улыбкою Воинъ.

— Что было, самъ знаешь,—неохотно, повидимому, отвѣчала цыганка;—а вотъ что было:

«Какъ и курочка бычка родила,
«Поросеночекъ яичко снесъ,
«А черничка да сынка привела»...

Воинъ въ волненіи схватилъ ее за руку.

— Такъ это правда?.. У меня сынъ родился?.. Сказывай!

Но цыганка вдругъ вырвалась и побѣжала берегомъ Булака въ городъ.

— Куда жъ ты? Погоди!—кричалъ ей вслѣдъ Воинъ. — Возьми денегъ за трудъ.

— Черной птицѣ твоей казны не надо!—не оборачиваясь отвѣчала цыганка и скрылась.

Въ странномъ смущеніи остался на берегу Булака Воинъ. Что отъ него нужно было этой цыганкѣ? Несомнѣнно, она изъ Москвы и кѣмъ-нибудь подослана. Но кѣмъ? Отъ кого она могла узнать такія подробности объ его жизни? Она сказала, что сниметъ съ его сердца кручину, а вмѣсто кручины дастъ ему радость. И эту радость она повѣдала ему: она прямо сказала, что та, которая была черничкой, привела ему сына. Неужели это правда? А они съ женой почти четыре года кручинилися, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Его Наталья думала, что неплодіемъ наказалъ ее Богъ за побѣгъ изъ монастыря. И вотъ она теперь мать... Ясно, что цыганка ею подослана. Но отчего жъ она этого не сказала прямо? Отчего Наталья не увѣдомила его о себѣ? Вѣдь почти четыре мѣсяца, какъ онъ съ нею разстался, а она ничѣмъ не дала о себѣ знать. Да и гдѣ было искать его, когда онъ мыкался все лѣто по Вяткѣ да по Камѣ?

Да и Богъ знаетъ, когда еще имъ придется свидѣться. Вонъ какой пожаръ распустили по всей русской землѣ! Съ Дону началось, съ какого-то кабака, а вонъ куда зарево хватаетъ, до Москвы до самой, до державнаго мѣста! Астрахань, Царицынъ,

Саратовъ, Самара, вся низовая сторона, все въ огнѣ. И пламя все дальше и все шире захватываетъ—до Бѣлаго моря дошло, до Соловокъ, до Пустозерска; Аввакума-де изъ земляной тюрьмы выручать пошли, патріарха Никона изъ Ферапонтова вывести хотятъ...

А какія «прелестныя» грамоты разсылаетъ воръ по всему московскому государству! Хана крымскаго съ ордами зоветъ на Русь, персидскаго шаха въ братья себѣ прочитъ, въ Запорожьѣ его воры мутятъ... Теперь всѣ языки поднимаются, татарва, черемиса, мордва, чуваши... Нижній обложили...

Такія невеселыя мысли бродили въ головѣ Воина, когда онъ, послѣ встрѣчи съ цыганкой, возвращался отъ Булака.

А тестя, князя Прозоровскаго, не воротить ужъ къ жизни. А знаетъ ли объ этомъ Наталья? Дошло ли до нея, что отца ея уже нѣтъ на свѣтѣ? Снизу, говорятъ, нѣтъ къ Москвѣ ни проходу, ни проѣзду: всюду пожаръ и кровь.

Въ тихомъ, ясномъ осеннемъ воздухѣ стелятся по небу бѣлыя нити паутины... Ведро, значитъ, еще долго постоитъ... Но вонъ и гуси длинною вереницею тянутся ужъ на теплыя воды, за море...

Воинъ грустно покачалъ головой: ему вспомнилось его мыканье по бѣлу свѣту, тамъ, въ заморщинѣ... А тутъ онъ мыкался по Вяткѣ да по Камѣ... дикая, бѣдная сторона, не то, что тамъ: какіе города, села! А здѣсь одна бѣднота, голодъ... Вотъ голодные люди и идутъ добывать себѣ хлѣба, либо смерти: имъ все равно помирать голодною смертью съ наготы да съ босоты...

«Женишка и дѣтишка испроѣли»—правда, правда: Воинъ самъ все это видѣлъ... Онъ все это доложитъ великому государю, когда Богъ живымъ донесетъ его до Москвы. А тамъ его ждетъ сынокъ, Наталья, да дождутся ли...

— А! Воинъ Аѳанасьичъ! Здравствуй на многая лѣта, до конца вѣка!

— Спасибо, Аѳанасій Ивличъ, какъ твое здоровье?

— Самъ себѣ дивуюсь, какъ еще на ногахъ Богъ держитъ.

— Да, правда, Аѳанасій Ивличъ, кручинно тебѣ было съ этою тяготою на Вяткѣ: шутка ли! Сто струговъ снарядить въ такую пору, когда все въ нѣтѣхъ. Ну, слава Богу, за тобой государево дѣло не стало.

Это встрѣтилъ Воина товарищъ по наряду на Вяткѣ ратныхъ

людей для плавной государевой службы и по постройкѣ тамъ же ста струговъ для Волги, Аѳанасій Косыхъ, мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, но еще бодрый, съ рѣзкою сѣдиной въ русой бородѣ!

— Ты откудова это теперь?—спросилъ Воинъ Аѳанасія.

— Отъ воеводы, отъ князя отъ Юрья: на завтра походъ объявилъ противъ вора, и стружечки мои, чтобъ наутреѣ отошли отъ Бакалды внизъ до Симбирсково съ кормомъ и съ зелейными запасы, а самъ онъ идетъ на вора по сухопутью,—отвѣчалъ Косыхъ.

— Такъ завтра? Ну, слава Богу!—и Воинъ перекрестился, хотя у него на сердцѣ заскребли кошки,—шутка ли! Съ самимъ встрѣтиться,—подумалъ онъ.

XXXVI. Мониста князя Юрія Барятинскаго.

— Кажись, онъ, соколикъ, глазки открылъ?

— И точно, матушка Ираида, смотритъ: не подымаетъ ли ево Господь?

— Охъ, отецъ Варсунофей, я, кажись, ужъ не чаю.

— Не говори, матушка, на все Божья воля: ужъ коли меня, старца негоднаго, Богъ вызволилъ съ турской каторги да изъ Шпанской земли довелъ досюдова и сподобилъ меня приложиться къ мощамъ святыхъ угодниковъ, преподобныхъ Гурія и Варсунофія, такъ ево, воина Христова, подниметъ Господь.

Этотъ разговоръ осторожнымъ шопотомъ вели между собой старый инокъ въ черной скуфейкѣ съ старенькою живою монашкою, черные живые глаза которой такъ, повидимому, не ладили съ ея сухимъ, темнымъ морщинистымъ лицомъ.

Они сидѣли въ просторной горницѣ, въ окна которой проникалъ нѣжный свѣтъ загорѣвшейся на востокѣ зари. Въ той же горницѣ, на высокой кровати у стѣны, полузадернутой зеленымъ тафтянымъ пологомъ, лежалъ среднихъ лѣтъ мужчина, повидимому, тяжко больной. Голова его, обрамленная спутавшимися волосами, и мертвенно блѣдное, съ слѣдами сильнаго загара лицо рѣзко оттѣнялись отъ бѣлой подушки.

Больной, дѣйствительно, открылъ глаза.

— Гдѣ я?—слабо прошептали его запекшіяся губы.

Старый инокъ на цыпочкахъ подошелъ къ нему и осторожно нагнулся.

— А!—съ горечью протянулъ больной.—Такъ я все еще въ Венисеи... а мнѣ чаялось...

— Нѣту, батюшка, ты не въ Венисеи, а на святой Руси,—съ нѣжностью сказалъ старый инокъ,—ты, должно, меня стараго пса призналъ, што выкупилъ съ полону, съ каторги: тебѣ и мерещится Венисея.

— Такъ гдѣ жъ я?—изумленно спросилъ больной.

— Въ Синбирскомъ, батюшка, у боярина и воеводы Ивана Михайлыча Милославсково въ почивальнѣ,—проговорилъ старый инокъ.

Больной закрылъ глаза. Ему казалось, что все это сонъ. Но между тѣмъ въ умѣ его вставали новые неясные образы. Эти запорожцы, которыхъ онъ видѣлъ въ столовой избѣ у царя. Но это сонъ: онъ во снѣ, будто бы въ Казани, на берегу Булака видѣлъ цыганку, и она много ему наговорила и о сынѣ, и о запорожцахъ. Только теперь онъ видѣлъ ихъ не въ столовой избѣ, и не у Брюховецкаго, а гдѣ-то здѣсь, близко... И тотъ еще, самый большой, что упалъ въ столовой избѣ, закричалъ: «вотъ оно, аспидово отродье, сынокъ Ордина-Нащокина!» А вотъ самъ Разинъ... Онъ помнитъ, какъ онъ этого самаго вора Разина хватилъ саблей по головѣ... Да, все это сонъ, хотя онъ, кажется, и лежитъ съ открытыми глазами...

— Онъ опять, соколикъ, открылъ глазки,—слышитъ онъ шопотъ.

— Бредитъ, должно, въ огнѣ.

— Кто это говоритъ?—спрашиваетъ больной, силясь повоpотить голову.

— Я, соколикъ, — говоритъ монашка, подходя къ нему робко.

— Опять цыганка!—слабо простоналъ больной.

— Я не цыганка, я старица Иранда, отъ Натальи Семеновны къ тебѣ прислана.

— Отъ Натальи? А гдѣ она?

— Въ Москвѣ, соколикъ.

— Такъ это сонъ?

— Не сонъ, соколикъ, опомнись... Припомни, ты былъ въ бою съ воромъ Стенькою, тебя порубили въ бою казаки воровскіе, и мы не чаяли видѣть тебя въ живыхъ. А теперь, слава Господу, ты въ память приходишь... Перекрестись, родной.

Воинъ (это былъ онъ) хотѣлъ было перекреститься и не могъ, застоналъ: рука его была на перевязи; онъ былъ раненъ.

Но эта боль заставила его вспомнить все или почти все. Рать воеводы и князя Юрія Барятинскаго изъ Казани подоспѣла къ Симбирску въ то время, когда симбирскій воевода, бояринъ Иванъ Милославскій, истомленный почти мѣсячнымъ сидѣньемъ въ облогѣ отъ воровъ, уже хотѣлъ было сдаться, отворить ворота въ Кремль. Разинъ съ казаками и татарами стремительно бросился на царское войско. Завязалась отчаянная борьба...

Воинъ все вспомнилъ, но это все былъ какой-то адъ... громъ пушекъ, гиканье налетавшихъ на нихъ казаковъ, аллалаканье татаръ, вышедшихъ съ топорами и рогатинами, все это смѣшалось въ какой-то страшной картинѣ...

Лично онъ вспомнилъ, какъ на то крыло, гдѣ онъ находился, ударили татары подъ предводительствомъ мурзъ Багая и Шелмеско; потомъ въ середину лавы врѣзался самъ Разинъ съ тремя запорожцами... Запорожцы узнали его, онъ узналъ ихъ... Но тутъ все смѣшалось въ его умѣ: мелькнулъ бѣлый конь подъ Разинымъ, готовый, кажется, раздавить Воина; но Воинъ махнулъ саблей и угодилъ въ голову Разину... Больше онъ ничего не помнитъ.

Теперь Воинъ осмотрѣлся кругомъ сознательно. Да, это не сонъ, и то не былъ сонъ.

Около его постели опять стояли старый инокъ и цыганка въ монашескомъ одѣяніи. Въ первомъ онъ узналъ отъ бывшаго полонянина Варсонофія, котораго онъ выкупилъ въ Венеціи.

— Ты какъ сюда, старче, попалъ?—спросилъ его Воинъ, все еще смутно сознавая свое положеніе.

— Къ тебѣ, батюшка Воинъ Аѳанасьичъ, приплелся я съ Москвы,—отвѣчалъ старикъ,—тебѣ отслуживать за мою волю, што ты далъ.

— Какъ же ты узналъ, что я здѣсь?

— Я за тобой, батюшка, съ самой Казани.

Воинъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на монашенку.

— А меня прости Христа-ради, батюшка Воинъ Аѳанасьичъ, за Казань,—сказала она, низко кланяясь.—Я не цыганка: я старица Ираида изъ Новодѣвичьей обители.

— Для чево жъ ты въ Казани цыганкой прикинулась?—спросилъ Воинъ съ удивленіемъ.

— Такъ, батюшка, приказала Наталья Семеновна,—отвѣчала монашка.

— Моя жена?

— Она самая, батюшка.

— А для чево?—еще съ большимъ удивленіемъ спросилъ Воинъ.

— Ее спытай, батюшка: ея это воля была,—отвѣчала монашка.—Для ради ея супокою мы вотъ съ Варсунофьюшкомъ и пошли искать тебя, потому насъ, людей божьихъ, старцевъ, кому охота обижать? А пошли она гонца съ грамоткою, и по нонѣшнему времячку ему бы не сносить своей головы: нонѣ и царскихъ гонцовъ по дорогамъ воры вѣшаютъ. А мы што? Мы та же каличь, нишшая братья убогая, съ насъ нечево взять. А мы-то съ Варсунофьюшкомъ въ бродячемъ дѣлѣ дотошны: онъ, самъ вѣдаешь, съ самой бусурманской вѣры, да съ Шпанской земли дошлелся до Бѣлокаменной; а я, родимый, съ той самой поры, какъ насъ съ инокиней Надеждой, што нонѣ твоя благовѣрная, отпустила мать игуменья изъ Новодѣвичья за мірскимъ сборомъ и какъ инокиня Надежда изъ Успенсково собору ушла къ тебѣ, съ той поры и я все брожу по свѣту, по угодничкамъ; и кіевскимъ угодничкамъ маливалась, и самово етмана Брюхатово видала, и соловецкимъ угодничкамъ, Зосимѣ-Савватею, маливалась же, да и у казанскихъ чудотворцевъ, у Гурія и Варсунофея, святыя раки лобызала. Тамъ мы съ Варсунофьюшкомъ и тебя, соколика, сустрѣли, да за тобою, какъ псы вѣрные, и сюда прибрели. А все для ради супокою матушки Натальи Семеновны. И цыганкой-то я обернулась для-ради ея же благополучія. А нонѣ вотъ Богъ привелъ и за тобой походить. Какъ это пришелъ подъ Синбирской съ ратными людьми съ Казани князь Барятинскій, и ты, батюшка, съ нимъ же пришелъ, да какъ учинился у васъ смертный бой съ воромъ и антихристомъ Стенькой, съ утра до ночи бой шелъ, а мы ни живы, ни мертвы ждемъ, чѣмъ кончится, коли къ ночи слышимъ: побили-де царскія рати вора Стеньку на голову, и самъ-де онъ бѣжалъ въ маломъ числѣ, и голова-де у нево перевязана, саблей разсѣчена, и разсѣкъ-де ево, сказываютъ, Воинъ Ординъ-Нащокинъ, а самъ-де Воинъ убитъ лежитъ. Какъ услыхали мы это, батюшка Воинъ Аѳанасьичъ, что ты мертвъ лежишь, мы и свѣта божьяво за слезами не взвидѣли. Коли слышимъ: живъ-де еще Ординъ-Нащокинъ,

токмо зѣло порубленъ. И велѣлъ тогда воевода и бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій снести тебя, голубчика, къ ему въ палаты, и лѣкаря къ тебѣ приставилъ, а насъ во хожалокъ мѣсто. И былъ ты все безъ памяти который день, а нонѣ вонъ божіимъ изволеніемъ въ себя пришелъ.

Монашка радостно при этомъ перекрестилась на иконы. Перекрестился и старикъ Варсонофій.

— Такъ воръ Стенька, сказываете, разбитъ?—спросилъ Воинъ съ просвѣтлѣвшимъ взоромъ.

— Разбитъ начисто, батюшка Воинъ Аѳанасьичъ,—въ одинъ голосъ отвѣчали старица и старецъ,—и тою же ночью бѣжалъ.

— Бѣгу яся, не солоно хлебавши,—добавилъ Варсонофій,—а клевреты его, што не успѣли бѣжать, вонъ всѣ висятъ на висѣлицахъ вдоль берега, ишь какое ожерелье изнавѣшано ихъ!—и старикъ показалъ рукою въ окно.

— И запорожцевъ повѣсили, тѣхъ, что съ тобой вмѣстѣ, батюшка, въ столовой избѣ у государевой руки были, Гараську, да Пашку, да Мишку,—добавила старица Ираида.

— Да и татарскіе мурзы Багай да Шелмеско, што государю челомъ били на государевыхъ воеводъ, и они повѣшены жъ,—присовокупилъ Варсонофій.—А этотъ мурза Багай, сказывали, мало не закололъ боярина и воеводу Ивана Михайловича Милославскаго: мы, говоритъ, помираемъ голодною смертью, съ наготы да съ босоты, а вы, говоритъ, вонъ какіе жирные, дакъ ево ратные люди съ коня сбили и связали, а нонѣ вонъ онъ болтается у самой Волги, што твоя колода.

Въ это время въ опочивальню, въ которой лежалъ раненый Воинъ, вошелъ пожилой мужчина съ окладистой бородой и широкой лысиной ото лба. На немъ было богатое боярское одѣяніе.

— Ба-ба-ба! — весело заговорилъ вошедшій. — Да кажись нашъ богатырь Илья Муромецъ въ добромъ здоро

— Спасибо, бояринъ Иванъ Михайловичъ, по милости божьей, самъ видишь, я очнулся,—отвѣчалъ Воинъ.

Вошедшій былъ бояринъ и воевода симбирскій Иванъ Михайловичъ Милославскій.

— Слава Богу, слава Богу!—продолжалъ бояринъ.—Надо тотчасъ же еще гонца послать, родителя и супругу твою порадовать вѣсточкою, што ты въ себя пришелъ, наконецъ. Да и великій государь радъ будетъ такой вѣсти: вить ты саблей огрѣлъ

ора прямо по башкѣ, зѣло добрѣ пазнаменовалъ!.. Можетъ, отъ твоего знаменья онъ, воръ Стенька, и плечи намъ показалъ: бѣжалъ, аки тотъ Святополкъ Окаянный.

— А гдѣ воевода князь Юрій?—спросилъ Воинъ.

— Да все еще монистомъ своимъ занятъ,—съ улыбкой отвѣчалъ Милославскій.

— Какимъ монистомъ, бояринъ?—удивился Воинъ.

— Да вонъ воровъ нанизываетъ на веревки, шутка ли, болѣ шестисотъ зеренъ жемчугу бурмицково нанизалъ уже на свое монисто... Самыя крупныя зерна у нево три запорожца, што еще съ Брюховецкимъ воровали, да двое мурзишекъ татарскихъ. Багайка да Шелмеско, кои всю татарву да черемису на насъ подняли, знатное монисто! Есть чѣмъ похвастать князю Юрью... А не подоспѣй онъ, я бы попалъ въ монисто къ вору Стенькѣ... Никто какъ Богъ!

XXXVII. Эпилогъ.

Въ Грановитой палатѣ, въ столовой избѣ, у великаго государя съ боярами сидѣнье. Тутъ же и святѣйшій патріархъ Іосифъ съ освященнымъ соборомъ.

Великій государь и святѣйшій патріархъ и бояре думаютъ: великая смута и крамола охватила всю русскую землю; всѣ низовые города взяты воромъ на копье; воеводы, дѣти боярскіе и служилые люди пріяли отъ злодѣевъ наглую смерть; царскія рати либо осилены воромъ и побиты, либо передались злодѣю; замутилась вся русская земля, и что будетъ дальше, Богу вѣдомо...

Ни откуда ни луча надежды...

Какъ быть? Что умыслить? Гдѣ набрать столько ратей?

Великій государь самъ думаетъ итти чинить промыслъ надъ крамольниками... Но съ кѣмъ? Гдѣ его воеводы? Всѣ они оказались безсильными...

Отвратилъ Создатель лицо свое отъ людей своихъ... За чьи грѣхи?..

«Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече!»—шепчетъ святѣйшій патріархъ, поднимая глаза къ лику Спасителя.

Дьякъ Алмазъ Ивановъ, угрюмо уставившись въ какую-то бумагу, прислушивается, кажется, какъ за окномъ ворона каркаетъ...

Думаютъ бояре, есть имъ о чемъ подумать! На нихъ идетъ эта страшная буря; а кто ихъ укроетъ? Ромодановскій, Шереметевъ, Борятинскій Долгорукій? Но отъ нихъ нѣтъ вѣстей; да и гонцы ихъ всѣ погибаютъ въ пути, всѣхъ ловятъ и убиваютъ крамольники.

Вонъ какъ постарѣлъ Алексѣй Михайловичъ за этотъ годъ... И сколько потерь: жену потерялъ, дочь и двухъ сыновей похоронилъ... «И бѣ домъ его пустъ»...

Слышатся подавленные вздохи да карканье вороны за окномъ...

И на крыльцѣ, гдѣ обыкновенно собирались стольники, стряпчіе и дворяне, теперь не слышно «шумства» и споровъ; напротивъ, испуганнымъ шопотомъ передаютъ собравшіеся одинъ другому, что будто бы ужъ и Симбирскъ взятъ и выжженъ, взята и разорена Казань, Лысково, Нижній, Темниковъ, Корсунъ, Саранскъ, оба Ломова, Пенза, Арзамасъ, все въ рукахъ у злодѣевъ, что всѣ холопи и крестьяне разбѣжались, рѣжутъ и вѣшаютъ господъ, жгутъ боярскія усадьбы, что хлѣба въ поляхъ потоптены, потравлены или выжжены, что скоро страшный атаманъ, котораго ни пуля, ни сабля не берутъ, нагрянетъ въ Москву... Куда дѣваться?.. Гдѣ спасеніе?..

Алексѣй Михайловичъ ждетъ совѣта отъ святѣйшаго патріарха, на него вопросительно поглядываетъ, не вразумитъ-ли его Господь?

А святѣйшій патріархъ только шепчетъ, глядя на ликъ Спасителя: «Услыши ны Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече»...

И Онъ услышалъ!..

Тамъ, на крыльцѣ, или на дворѣ, пронесся вдругъ ропотъ не то изумленія, не то испуга:

— Гонецъ!.. Гонецъ пригналъ!.. Съ какими вѣстями?..

И столовая изба вся встрепенулась, точно шумъ вѣтра прошелъ по ней...

Глаза у всѣхъ уставлены на дверь, ожиданіе, томленіе, испугъ...

«Услыши ны, Боже!..»

Гонецъ въ дверяхъ, едва переступаетъ порогъ, онъ блѣденъ, шатается, онъ, кажется, скоро грохнетъ на полъ... Онъ ничего не видитъ, ни царя, ни бояръ...

— Поддержите... онъ упадетъ...

Бояре его поддерживаютъ... Онъ силится говорить...

— Великій государь!.. Воевода князь Юрій... твои государевы рати... вора Стеньку... и ево толпища... разбили на голову...

Крикъ радости вырвался изъ сотни грудей. Всѣ крестились...

— Самово вора Стеньку... Воинъ Ординъ-Нащокинъ... саблею посѣкъ въ голову... а Воина изрубили...

Гонецъ не договорилъ. Отъ Симбирска до Москвы онъ загналъ семь лучшихъ коней, не спалъ и не ѣлъ во весь путь...

Гонца увели, онъ потерялъ сознаніе...

Всѣ оглянулись на стараго Ордина-Нащокина, который сидѣлъ недалеко отъ царя; по лицу старика текли слезы, слезы и скорби, и радости.

КОНЕЦЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 16.

Б

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО

ИЗЪ ИСТОРІИ РИМА ВРЕМЕНЪ МАРІЯ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12. Собств. д.

Кн. 16

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.

(Изъ исторіи Рима временъ Марія).

I.

Молодой понтійскій царевичъ Митридатъ съ огромною свитой охотился въ сосѣднихъ съ Пафлагоніею горахъ своей родины.

Оставшись ребенкомъ послѣ смерти отца, послѣдняго царя Понта, Митридата IV, юный Митридатъ рано понялъ, что онъ не любимецъ матери, которая всю свою нѣжность перенесла на младшаго сына. Можетъ быть, вдовствующая царица Понта имѣла основаніе предпочесть младшаго сына старшему. Своевольный, необузданный нравъ маленькаго Митридата, съ самаго ранняго дѣтства выказывавшаго непреоборимое упрямство, будущую желѣзную волю, воинственныя, безпокойныя игры, несвойственныя дѣтскому возрасту; проявленіе дерзости по отношенію къ матери и нескрываемаго презрѣнія къ избалованному и изнѣженному младшему брату; видимое, какъ казалось царицѣ, пристрастное обожаніе, оказываемое царедворцами юному Митридату, и холодность двора къ ея любимцу, все это не могло не охладить въ царицѣ къ старшему сыну сердца матери, а впослѣдствіи и ожесточить его.

Все это взвѣшивалъ юный Митридатъ своимъ наблюдательнымъ, рано возмужавшимъ умомъ и потому старался держаться вдали отъ двора и большую часть времени проводить на охотѣ

и среди военныхъ упражненій, закалявшихъ его богатырскій организмъ. Но отдаленіе отъ двора Митридата послужило лишь къ тому, что весь дворъ, по крайней мѣрѣ особенно вліятельные и наиболѣе достойные царедворцы послѣдовали за юнымъ царевичемъ въ это добровольное изгнаніе.

Дворъ понтійскихъ царей представлялъ рѣдкое въ то время явленіе. Приближенные послѣдняго царя, Митридата IV, являли собою смѣсь всѣхъ національностей: тутъ были и образованные греки, и римляне, армяне и иверы, персы и сирійцы, египтяне и даже скиѳы, потому что многочисленный флотъ понтійскихъ царей имѣлъ торговыя сношенія со всѣми побережьями Понта Евксинскаго и посѣщалъ для тѣхъ же цѣлей греческія колоніи Босфора Киммерійскаго — Херсонесъ, Пантикапею и цвѣтущую Фанагорію.

Даровитый юный царевичъ, окруженный представителями всѣхъ этихъ національностей, рано усвоилъ ихъ языки и свободно владѣлъ 25-ю говорами какъ культурныхъ народовъ, такъ и мѣстныхъ племенъ-варваровъ.

Исполинъ ростомъ, сложенія и силы Геркулеса, молодой Митридатъ возбуждалъ удивленіе во всѣхъ его окружавшихъ, граничившее съ поклоненіемъ.

Къ довершенію всего, молодой царевичъ подъ руководствомъ образованныхъ учителей изъ грековъ и римлянъ получилъ солидное воспитаніе и основательно изучилъ исторію Греціи и Рима, Египта и Персіи, а равно ознакомился съ историческими судьбами народовъ Востока, ранѣе Понта совершавшихъ свою государственную миссію.

И вотъ, какъ сказано въ началѣ этого повѣствованія, мы застаемъ будущаго царя Понта и опаснаго соперника Рима на охотѣ въ горахъ своей родины.

На этотъ разъ охота была особенно удачна. Дикія козы, фазаны, гуси горныя курочки, каменные бараны, олени, все это свозилось и сносилось массами къ ставкѣ молодого царевича, разбитой на пологомъ берегу живописной горной рѣчки. Около палатокъ прислужники разводили костры, чтобы жарить на нихъ барановъ, козъ, оленей и разную дичь.

Митридатъ, окруженный охотниками изъ свиты, весело возвращался въ свою ставку, гдѣ, подъ руководствомъ главнаго по-

вара, ближайшіе его прислужники снимали шкуры съ оленей и козъ, и очищали дичь отъ перьевъ.

Подходя къ своей палаткѣ, Митридатъ замѣтилъ, что его виночерпій ѣстъ какую-то ощипанную сырую птицу.

— Ты что это, Мосхинъ, пожираешь сырьемъ, точно скиѳ-савроматъ?—спросилъ царевичъ съ удивленіемъ.

— Утку, господинъ,—отвѣчалъ виночерпій, продолжая ѣсть.

Свита Митридата тоже обступила пожирающаго сырье Мосхина, думая, не сошелъ ли онъ съ ума, или не слишкомъ ли ужъ начерпался царскаго вина, которымъ онъ распоряжался по должности.

— Какую утку, да при томъ сырую?—еще съ большимъ удивленіемъ спросилъ Митридатъ.

— Понтійскую, господинъ, утку... Это особый родъ утокъ... Меня сейчасъ укусила въ ногу проклятая гадюка, ядовитая... Такъ это, господинъ, испытанное средство: понтійская утка питается гадюками, и если кого укуситъ этотъ гадъ, то, пока ядъ не заразилъ кровь, надо тотчасъ ѣсть мясо вотъ этой утки, какъ лучшее противоядіе,—отвѣчалъ виночерпій.

Всѣ отнеслись къ словамъ его, какъ къ мѣстному повѣрью; но бывшій въ свитѣ Митридата египтянинъ Радама сказалъ:

— Не изображайте, благородные мужи, вашими лицами знаки недовѣрія и презрѣнія. Наши жрецы давно похитили у матери-природы тайны ея ядовъ и противоядій. Чтобы сдѣлать тѣло человѣка неуязвимымъ ядами, они его или постепенно, ничтожными пріемами отравляютъ, или вводятъ въ кровь отравленнаго тотъ же ядъ, которымъ тѣло укушеннаго отравлено. Такъ и мясо понтійской утки, питающейся гадюками, по волѣ боговъ, управляющихъ вселенною, составляетъ противоядіе.

— О, я давно наблюдалъ за этими интересными понтійскими утками, anatidae ponticae, какъ онѣ питаются гадюками, viperae,—сказалъ римлянинъ, риторъ Гай Постумъ, бывшій учитель молодого Митридата.—Смертные иногда случайно похищаютъ у природы тайны, которыя безсмертные боги, не открывая людямъ, повѣдаютъ животнымъ, какъ въ данномъ случаѣ.

— Это, дорогой учитель, животныя дѣлаютъ это въ силу врожденнаго инстинкта,—замѣтилъ Митридатъ.

— Нѣтъ, царевичъ,—возразилъ Гай Постумъ,—не въ силу инстинкта, а сознательно, своимъ разумомъ, котораго смертные

постигнуть не могутъ. Всмотрись въ жизнь хотя бы пчелъ, какъ онѣ дѣлаютъ себѣ запасъ меда на зиму. А бѣлки, собирающія на зиму наилучшіе орѣхи? А животныя, звѣри и птицы, даже лягушки, предсказывающія перемѣны погоды? Это тайны вѣчныхъ боговъ.

Случай съ уткою глубоко поразилъ впечатлительнаго молодого царевича.

— Такъ ядъ ядомъ побѣждается?—задумчиво проговорилъ Митридатъ.

— Да, царевичъ: similia similibus,—сказалъ риторъ-философъ,—и притомъ сильнѣйшее всегда побѣждается слабѣйшимъ.

— Такъ и слабый Понтъ побѣдитъ всемогущій Римъ?—улыбнулся Митридатъ.

— Да, царевичъ: я тебѣ давно говорилъ, что продажный Римъ будетъ побѣжденъ Понтомъ.

— За то, что онъ изгналъ тебя, оптимата, въ угоду пролетаріямъ?—окончательно разсмѣялся будущій царь Понта.

Между тѣмъ, рабы, большею частью изъ скиѳовъ и гетовъ, успѣли разостлать на лужайкѣ ковры, принести для пиршества мѣха съ виномъ, бурдюки, кратеры, рога горныхъ барановъ, оправленные въ золото и серебро, для питья, разставили на коврахъ блюда для кушаній, и виночерпій Мосхинъ, наѣвшійся понтійской утки до отвалу, доложилъ, что все готово для пира: дичь хорошо прожарилась на вертелахъ, и рѣзаное мясо дикихъ козъ и барановъ, тоже поджаренное на желѣзныхъ прутьяхъ, нынѣшній шашлыкъ, издаетъ ароматическій запахъ.

Въ это время на горной тропѣ, ведущей къ стану Митридата, послышался конскій топотъ.

— Кого боги посылаютъ намъ?—удивился Митридатъ.

— А можетъ быть, фуріи или парки—многозначительно замѣтилъ виночерпій,—твои всѣ съ тобой, царевичъ.

— А не лѣсной ли это богъ-панъ стучитъ козьими копытами, возмущенный тѣмъ, что мы опустошаемъ его лѣса, истребляемъ дичь,—улыбнулся Постумъ:—запахъ жареной дичи достигъ до его волосатаго носа.

Но въ это время на тропѣ показался всадникъ, который и выѣхалъ на лужайку. Его тотчасъ узнали, когда онъ сходилъ съ коня, передавая его рабамъ.

— А! Благородный Сервилій!—воскликнулъ Митридатъ.— Какіе боги вѣтровъ, Эолъ, Эвръ, Нотъ или Аквилонъ, принесли твой корабль изъ Рима? Что новаго въ этомъ продажномъ гнѣздѣ шершней? Цѣлъ ли Капитолій? Не обрушилась ли Тарпейская скала? Живы ли гуси капитолійскіе? Форумъ еще не проданъ никому?

Прибывшій былъ статный римлянинъ, изъ сословія всадниковъ, во время господства Марія и пролетаріевъ покинувшій Римъ и поступившій въ качествѣ недовольнаго Римомъ ко двору понтійскихъ царей.

— Ты, царевичъ, задаешь мнѣ разомъ столько вопросовъ, что я не знаю, на который изъ нихъ и отвѣчать,—сказалъ прибывшій, здороваясь съ Митридатомъ.—Да хранятъ тебя боги Понта, Египта и даже скиѳовъ, только не ослѣпшіе боги Рима.

— А! Нашъ Перунъ и Сварогъ,—весело замѣтилъ любимый оруженосецъ Митридата, великанъ скиѳъ, по имени Яръ.

— Садись рядомъ со мной, благородный римлянинъ,—привѣтливо сказалъ Митридатъ.—Я радъ тебя видѣть.

Всѣ усѣлись по-восточному, поджавъ ноги.

— Наполни, мой вѣрный Мосхинъ, благороднымъ фалернскимъ всѣ кратеры и рога,—обратился Митридатъ къ виночерпію.—Совершимъ возліянія Бахусу-Діонису, побѣдоносному богу, за счастливое возвращеніе мужественнаго Сервилія.

Рога и кратеры были налиты, блюда наполнены испускавшими ароматы, раздражавшіе аппетитъ проголодавшихся охотниковъ, жареными кусками мяса и дичи.

— Да пошлютъ безсмертные боги здоровье и славу царевичу Митридату! — возгласилъ Сервилій, осушая громадный турій рогъ.

— Слава царевичу Митридату, надеждѣ Понта!—подхватили присутствующіе.

Начался пиръ, напоминавшій пиры героевъ Гомера.

— Ты спрашивалъ, царевичъ, что новаго въ Римѣ,—заговорилъ Сервилій, обгладывая вкусный бокъ молодой, жирной козы.—Владыкою Рима по-прежнему остается этотъ горный вепрь, грязный и пьяный Марій. Съ тѣхъ поръ, какъ въ его тріумфѣ шествовалъ Югурта въ золотыхъ цѣпяхъ и въ царскомъ одѣяніи, все преклоняется передъ выскочкой, который когда-то у себя на родинѣ, въ горной деревушкѣ, пасъ единственную

козу своей матери. Югурта не выдержалъ холодной и сырой тюрьмы послѣ знойной Нумидіи и умеръ, какъ левъ его родины, въ этой «ледяной банѣ», какъ онъ называлъ мѣсто своего заточенія, проклиная продажный Римъ. А Марій торжествуетъ: съ нимъ неразлучны его громадная золотая кратера, изъ которой онъ совершаетъ жертвенныя возліянія своему любимому божеству Бахусу, и эта страшная фурія, сирійская Сивилла, которая предсказала, что онъ семь разъ будетъ владыкою міра, консуломъ Рима.

— Она не изъ Сиріи, а изъ моего Египта,—поправилъ Сервилія Радама.—Она воспитывалась въ храмѣ великой Изиды, а потомъ случайно попала въ плѣнъ къ сирійскимъ пиратамъ и продана въ Римъ, гдѣ и поступила рабыней въ домъ знаменитыхъ Юліевъ.

— Да вѣдь Марій и женатъ на дѣвицѣ изъ дома благородныхъ Юліевъ,—пояснилъ Гай Постумъ.—Ея рабыней и было предсказано Марію его величіе.

— А Ливій Друзъ?—спросилъ Митридатъ.

— О, этому не сдобровать!—гнѣвно сказалъ Сервилій.—Онъ пошелъ по слѣдамъ Гракховъ. Одна надежда у оптиматовъ на Суллу. Теперь, готовясь къ борьбѣ съ Маріемъ, онъ находится въ Кампаніи для сбора войскъ. И надо отдать ему справедливость, боги одарили его и энергіей, и умѣньемъ привлекать войска. Возвращаясь изъ Рима сюда, я проѣхалъ въ Кампанію и былъ въ Неаполѣ. Около этого города у него есть роскошная вилла рядомъ съ богатѣйшею виллой молодого Лукулла, его любимца. Такъ, чтобъ привлечь къ себѣ сердца воиновъ, они да еще другъ Лукулла, богатый юноша Крассъ, щедро угощаютъ воиновъ, цѣлыми когортами и легіонами, почти каждый день, а центуріоновъ и легатовъ на своихъ виллахъ закармливаютъ устрицами изъ озеръ Баіи и жирными муренами, откармливаемыми въ громадныхъ писцинахъ тѣлами рабовъ.

— Тѣлами рабовъ! — воскликнулъ добродушный скиѳъ Яръ.—Рыбъ кормятъ людьми! У насъ рыбу ѣдятъ люди, а у нихъ рыбы людей... Насъ называютъ варварами, а сами хуже свиней: ѣдятъ людей въ рыбѣ.

Въ то время, когда пирующіе заняты были разговоромъ, къ виночерпію незамѣтно подошелъ одинъ изъ рабовъ и отозвалъ его въ сторону.

Приблизившись къ палаткѣ царевича, Мосхинъ увидѣлъ тамъ молодого армянина, состоявшаго въ свитѣ царицы, матери Митридата.

— Ты что, Арменъ?—спросилъ его виночерпій

— Меня прислалъ господинъ мой, благородный Тиридатъ, предупредить царевича, что царица замыслила недоброе, — отвѣчалъ тихо Арменъ.—Намъ грозитъ бѣда.

— Я давно это подозрѣвалъ,—мрачно прошепталъ Мосхинъ.—Убійство, отрава?

— Хуже... На праздникъ Посейдона рѣшено арестовать царевича и его свиту по обвиненію ихъ, будто бы, въ заговорѣ на жизнь царицы.

— А! Такъ Посейдонъ самъ приметъ ее въ холодное свое царство,—злобно сказалъ Мосхинъ.—Тѣмъ лучше... Боги, значитъ, судили Митридату занять тронъ отца раньше, чѣмъ онъ ожидалъ... Понтійскій скорпіонъ самъ себя ужалилъ смертельно и своего любимца... Жди же приказаній царевича.

И виночерпій отошелъ къ пирующимъ.

II.

Мать Митридата была родомъ изъ Пергама. Отецъ ея, Атталъ III, въ изступленіи безумнаго деспотизма, умертвилъ свою мать и многихъ родственниковъ, а потомъ завѣщалъ свое царство Риму.

Дочь наслѣдовала это безуміе отца, хотя оно и не проявлялось въ такой, какъ у отца, дикой формѣ. Въ Пергамѣ, какъ извѣстно, процвѣтала скульптура. Знаменитый, находящійся въ музеѣ Капитолія, въ Римѣ, «умирающій гладіаторъ-галлъ» (gallo morente), доселѣ привлекающій путешественниковъ всего міра, принадлежитъ пергамской школѣ.

Эта дивная статуя вдохновила Байрона и вызвала этотъ геніальный стихъ великаго поэта:

Боецъ лежитъ смертельно пораженъ,
Опершись на слабѣющія руки;
Не жить ему, но мужественно онъ
Выноситъ боль своей предсмертной муки.
И падаетъ изъ раны тяжело,
По каплѣ, такъ какъ дождь передъ грозою,
Густая кровь, и блѣдное чело

Склоняется все ниже надъ землею...
Въ безуміи восторга своего
Толпа шумитъ и въ изступленьи дикомъ
Привѣтствуетъ соперника его
Безжалостнымъ безчеловѣчнымъ кликомъ.
Онъ слышалъ все, но кликамъ не внималъ;
Не думалъ онъ о жизни угасавшей,
И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
Нѣтъ, взоръ его былъ съ сердцемъ вмѣстѣ—тамъ,
У хижины, на берегу Дуная,
Гдѣ бѣгали безпечно по полямъ
Его малютки, весело играя;
И мать ихъ тамъ... Но гдѣ же ихъ отецъ?
Зарѣзанъ онъ для развлеченья Рима.
Возстаньте же, о готѳы, наконецъ!
Пусть будетъ месть грозна, неумолима!

Казалось бы, воспитанная при дворѣ отца, страстнаго любителя искусствъ, Атталія, мать Митридата, должна была также быть цѣнительницей искусствъ; но, вмѣстѣ съ безуміемъ отца, она унаслѣдовала ненависть къ скульптурѣ, къ статуямъ: статуи казались ей непохороненными трупами, и она, при видѣ ихъ, содрогалась, какъ при видѣ мертвецовъ.

Другая ненормальность ея чувствъ была непреодолимая нелюбовь къ старшему сыну, къ Митридату. Къ этому же чувству примѣшалась безумная любовь ея къ младшему сыну, изнѣженному Атталу, названному такъ въ честь дѣда, послѣдняго царя Пергама.

Эти-то ненормальныя чувства и толкали ее на преступленіе, на государственный переворотъ, на убійство или отравленіе старшаго сына и на поголовное истребленіе всѣхъ приверженцевъ Митридата.

Но кровавый замыселъ ея не укрылся отъ глазъ друга Митридата, молодого Тиридата, родственника дому царей Арменіи. Онъ-то и спѣшилъ увѣдомить своего друга о замыслѣ Атталіи и совѣтовалъ искать помощи у намѣстника Артаксаты, сѣверной столицы армянскаго царства.

Помощь Арменіи, однако, не понадобилась.

Насталъ день праздника Посейдона-Нептуна. Въ столицѣ Понта, въ Синопѣ, праздникъ этотъ совпадалъ съ днемъ лѣтняго солнцестоянія, когда богъ морей бываетъ наиболѣе благосклоненъ къ смертнымъ, и обыкновенно бурный Понтъ Евксинскій дѣлается особенно спокойнымъ.

Съ утра все населеніе Синопа, точно море въ бурю, волновалось около храма бога морей, заливая собою весь морской берегъ. Храмъ Посейдона-Нептуна стоялъ на самомъ концѣ мыса, полукруглымъ рогомъ вдававшагося далеко въ море. Въ мраморномъ обширномъ углубленіи, въ видѣ исполинской раковины, на высокомъ бронзовомъ пьедесталѣ возвышалась гигантская статуя бога, изваянная изъ бѣлоснѣжнаго мрамора искуснѣйшими мастерами Пергама. Посейдонъ-Нептунъ изображенъ былъ плывущимъ по морю въ тупоносой ладьѣ, влекомой морскими конями съ развѣвающимися гривами и рыбьими хвостами. Посейдонъ стоялъ въ ладьѣ, держа въ одной рукѣ трезубецъ, въ другой извивающагося огромнаго дельфина, и грозно всматривался въ морскую даль, какъ бы отыскивая тамъ для себя жертвы, или же, напротивъ, грозя вѣтрамъ: «вотъ я васъ!»...

У подножія статуи, въ огромныхъ бронзовыхъ и мраморныхъ сосудахъ, словно въ писцинахъ, плавали жертвенныя рыбы, отчасти предназначенныя для всесожженія на жертвенникѣ божества, отчасти же для жертвенной трапезы служителямъ бога морей. Вдоль берега уже пылали костры, на которыхъ, при помощи вертеловъ, жарились всевозможныя рыбы и октоподы для всенароднаго пиршества въ честь празднуемаго бога.

Скоро изъ города потянулась процессія. Впереди, въ бѣлыхъ ризахъ, шли жрецы Посейдона и подъ звуки флейтъ оглашали воздухъ торжественнымъ гимномъ морю:

О, всемогущее,
Необозримое,
Въ гнѣвѣ—ужасное,
Смертью разящее,
Въ милости—доброе,
О, всемогущее!
Къ смертнымъ будь милостиво!

Голоса жрецовъ сливались съ нѣжными голосами молоденькихъ дѣвушекъ, дочерей знатнѣйшихъ особъ Синопа. Украшенныя розами, онѣ несли гирлянды цвѣтовъ для увѣнчанія ими изображенія божества.

Далѣе слѣдовала придворная знать съ царевичемъ Митридатомъ во главѣ. Царица же слѣдовала къ храму Посейдона изъ дворца, расположеннаго по другую сторону синопской гавани-залива, моремъ, на богато убранной двѣнадцати-весельной

ладьѣ. Съ нею находился и ея сынъ-любимецъ, изнѣженный Атталъ.

За придворною знатью шли воины, дворцовая стража царицы и ея тѣлохранители, въ тактъ ударяя копьями по щитамъ.

Когда процессія остановилась передъ лицомъ божества, и служители храма стали возжигать благовонныя куренія, весь берегъ моря огласился могучимъ гимномъ жрецовъ, подхваченнымъ всенародною толпой, въ такихъ выраженіяхъ возносившей моленіе грозному богу морей:

Владыка бездонныхъ пучинъ,
Надежда и страхъ мореходовъ,
Всесильный и добрый Посѣйдонъ!
Къ тебѣ мы возносимъ молитвы,
Да правитъ трезубецъ твой мощный
Вѣтровъ благодатнымъ дыханьемъ,
Чтобъ крѣпкій корабль мореходный,
Равно и ладья рыболова
Спокойно морскія пучины
Во славу твою преплывали.
Внемли намъ, великій Посѣйдонъ!

— Но великій Посейдонъ, повидимому, не внемлетъ нашимъ моленіямъ,—тихо сказалъ Митридатъ стоявшимъ около Гаю Постуму и Тиридату и многозначительно посмотрѣлъ на море.

Несмотря на ясный іюньскій день, море страшно бушевало. Западный вѣтеръ, перешедшій въ ураганъ, гналъ и вздымалъ бушующіе, съ сѣдыми гривами, валы съ неимовѣрною силой. Отъ храма Посейдона видно было, съ какими страшными усиліями билась въ кипящей и клокочущей разъяренной стихіи ладья царицы, державшая отъ дворца курсъ къ храму бога морей. Она то совсѣмъ, повидимому, исчезала въ волнахъ, то выносилась на сѣдыя ихъ гривы, точно легкая яичная скорлупа.

— Свирѣпый Эолъ, кажется, развязалъ всѣ свои мѣха и распустилъ вѣтры на всѣ четыре стороны, и они жестоко борются между собою, Нотусъ съ Евромъ, Аквилонъ съ Бореемъ и Афромъ,—говорилъ Постумъ, слѣдя глазами за погибающей ладьей.

Взоры всей многолюдной толпы съ тревогой наблюдали за борьбою утлой ладьи съ разсвирѣпѣвшею стихіей.

— Гнѣвенъ старикъ Эолъ,—съ злою улыбкою тихо ска-

залъ виночерпій Митридату.—Но болѣе могучіе боги за тебя, царь...

— Царь?.. Еще нѣтъ,—такъ же тихо отвѣтилъ Митридатъ.

Видя неминуемую гибель царской ладьи, хоръ жрецовъ съ особенной силой вновь огласилъ бушующій воздухъ гимномъ богу морей:

Владыка бездонныхъ пучинъ,
Надежда и страхъ мореходовъ,
Всесильный и добрый Посѐйдонъ...

Но хоръ жрецовъ уже не былъ поддержанъ сочувственнымъ голосомъ народа... Царица не была любима народомъ за свое высокомѣріе.

Новый бѣшеный валъ налетѣлъ на ладью, и она исчезла подъ водою.

Глухой гулъ испуга пронесся надъ толпою.

— О, Посейдонъ! Богъ немилостивый!—прошепталъ верховный жрецъ храма, поднимая руки къ статуѣ бога.

— Богъ не внялъ нашимъ моленіямъ, — говорили другіе жрецы, съ тревотой глядя на то мѣсто моря, гдѣ исчезла царская ладья.

— Царица молилась только богамъ Пергама, а не богамъ Понта, и вотъ...—замѣтилъ кто-то.

Митридатъ и Мосхинъ переглянулись. Въ глазахъ виночерпія блеснули искры злорадства. Митридатъ понялъ своего любимца и улыбнулся... только глазами...

Море продолжало бушевать. Но за сѣдыми гребнями волнъ виднѣлись нѣсколько головъ. То утопавшіе боролись со смертью. Но среди утопавшихъ никто не видѣлъ ни царицы, ни царевича.

— Лодки!—съ страшной силой крикнулъ верховный жрецъ, который только теперь опомнился.

Но что могли сдѣлать лодки въ этомъ адскомъ бушеваніи стихій!

Первыя двѣ, съ трудомъ спущенныя на воду, моментально были опрокинуты новымъ, точно съ цѣпи сорвавшимся порывомъ, и смѣльчаки, бросившіеся спасать царицу, теперь сами боролись со смертію.

Между тѣмъ, на мѣстѣ исчезнувшей царской ладьи виднѣ-

лась теперь только одна голова, всѣ остальные гребцы пошли ко дну за своей царицей и царевичемъ.

Тотъ, кто остался на поверхности, отчаянно боролся съ волнами.

— Это Артосъ изъ Колхиды,—замѣчаетъ кто-то.

— Кормчій царской лодки... Лучшій Понта пловецъ... этого и Посейдонъ не утопитъ.

— Да, Артосъ плыветъ сюда... этотъ колхъ плаваетъ, какъ дельфинъ.

Тотъ, о комъ говорили, все болѣе и болѣе приближался къ берегу, къ мысу, на которомъ высился храмъ Посейдона, и гдѣ въ безмолвномъ смущеніи стояли жрецы.

— Боги Пергама безсильны были спасти ее, а боги Понта отвернулись отъ нея за ея невѣріе,—сказалъ верховный жрецъ такъ громко, чтобъ всѣ слышали его.

Артосъ, наконецъ, у берега. Онъ выходитъ изъ воды и, поднявшись къ храму, падаетъ на колѣни передъ статуей бога морей.

— О, великій Посейдонъ! Ты не захотѣлъ сжалиться надъ царицей и ея сыномъ... Когда лодка, управляемая моею твердою рукой, уже преодолѣвала послѣднюю опасность, послѣдній грозный валъ бога Тритона, ты, о грозный богъ! Я это видѣлъ, своимъ могучимъ трезубцемъ пробилъ бока и дно лодки, и она...

— Такъ ты видѣлъ самого бога! — вскричалъ верховный жрецъ.

— Видѣлъ... Онъ мгновенно показался изъ воды... Его кони страшно фыркали.

— А царица и царевичъ?

— Они при видѣ гнѣвнаго бога тотчасъ лишились чувствъ, и морская вода мгновенно наполнила ихъ внутренности.

— О, боги Пергама!—патетически воскликнулъ верховный жрецъ.—Это ваша жертва! Это вы погубили мать нашего царя, Митридата Пятаго!.. Храните же его, боги Понта! На щиты новаго понтійскаго царя, Митридата Пятаго!—закончилъ онъ.

И тѣ, которые по условному знаку коварной Атталіи должны были броситься на ея сына, арестовать его, а, быть можетъ, и убить, теперь пали передъ нимъ на колѣни и преклонили щиты.

— На щиты! На щиты! Царь Понта!—возглашали воины.

— На щиты! Митридатъ, царь Понта!—вторили имъ жрецы.

— На щиты, на щиты, на щиты!—волною прошло по всему берегу и заглушило ревъ моря.

Воины изъ щитовъ мгновенно сложили площадку у ногъ Митридата, а свита его, поддерживая своего молодого царя, поставила его на эту площадку изъ щитовъ, которую, вмѣстѣ съ стоявшимъ на ней Митридатомъ, и подняли на копьяхъ.

Исполинскій ростъ Митридата, казалось, еще выигралъ отъ такого положенія. Казалось, что надъ головами воиновъ высилась гигантская статуя бога войны.

Раздались оглушительныя привѣтствія подъ удары копій о щиты.

— Да здравствуетъ Митридатъ, царь Понта!

А въ это время Мосхинъ виночерпій таинственно перешептывался съ царскимъ кормчимъ Артосомъ, угощая его виномъ изъ громаднаго турьяго рога, чтобъ согрѣть прозябшаго въ морѣ и мокраго пловца-колха.

— Ты сказалъ имъ, будто Посейдонъ пробилъ трезубцемъ ладью,—говорилъ виночерпій.—А если она всплыветъ на поверхность и на ней не окажется знаковъ отъ мнимаго трезубца, а?

— Не всплыветъ,—чуть замѣтно улыбнулся Артосъ.—Ужъ она давно бы всплыла, еслибъ я не выбросилъ якорь, и онъ, конечно, зубьями своими крѣпко уцѣпился за песокъ и водоросли... Я хорошо изучилъ тамъ дно моря... боги Колхиды помогли мнѣ.

— Значитъ, я правъ былъ, когда узналъ о коварномъ замыслѣ погубить Митридата въ праздникъ Посейдона,—сказалъ виночерпій;—я говорилъ тогда, что скорѣе Посейдонъ приметъ ее въ свое холодное царство, чѣмъ погибнетъ Митридатъ.

Такъ совершилось восшествіе Митридата на тронъ предковъ, черезъ трупы матери и брата, которые черезъ нѣсколько дней и были выброшены моремъ у самаго храма Посейдона.

III.

Вѣсть о гибели царицы Атталіи и царевича Аттала и о провозглашеніи царемъ Митридата быстро разнеслась по городу и достигла царскаго дворца.

Новый царь, несомый на щитахъ при помощи копій,

вступая во дворецъ, былъ радостно изумленъ представившимся ему зрѣлищемъ. Ему навстрѣчу шла молоденькая его жена, прелестная Дафна, съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукахъ. Съ нею вмѣстѣ встрѣчали отца маленькія дѣти Митридата, два сына, Фарнакъ и Махаръ и малютка дочь Клеопатра, любимица Митридата.

Дафна была родомъ изъ сосѣдней Понту страны, изъ Пафлагоніи, дочь царя этой страны. На пятнадцатомъ году ставъ женою старшаго сына понтійскаго царя Митридата IV, Митридата же, это юное существо не знало радостей жизни. У нея оставались только воспоминанія о золотыхъ дняхъ дѣтства, когда она вмѣстѣ съ сверстницами, дѣтьми знатнѣйшихъ гражданъ ея родного города, окруженная заботливымъ вниманіемъ нянюшекъ и наставницъ, рѣзвилась въ садахъ своего дворца, а впослѣдствіи, когда подросла, подражая легендарнымъ и полегендарнымъ, а современнымъ ей амазонкамъ, мечтала сдѣлаться ихъ царицею и, подобно легендарной Ѳалестріи, привѣтствовавшей Александра Македонскаго, надѣялась встрѣтить другого, подобнаго ему героя...

И она встрѣтила его, носясь на своемъ скакунѣ на берегу рѣки Галиса... Увидѣвъ молодого исполина, красавца, преслѣдовавшаго быстроногую лань, она вообразила, что то былъ самъ богъ, лучезарный Аполлонъ... Но то былъ царевичъ Понта, Митридатъ... Митридатъ тоже замѣтилъ юную амазонку, и судьба Дафны была рѣшена: Дафна стала женою Митридата.

Такъ кончилось ея дѣтство, и съ нимъ отошли всѣ невинныя радости ея жизни. Атталія сразу не взлюбила юное прелестное существо потому только, что Дафна стала женою ея нелюбимаго сына. И съ тѣхъ поръ для Дафны настала жизнь затворницы. Она любила Митридата, видя въ немъ олицетвореніе миѳической старины. Вырвавшись изъ родного гнѣздышка, отказавшись добровольно отъ нѣжныхъ ласкъ матери, она всѣмъ существомъ прильнула къ мужу. Но она рѣдко его видѣла. Митридатъ тяготился ненавистнымъ ему дворцомъ матери, лицемѣріемъ всего окружающаго и по цѣлымъ мѣсяцамъ скитался въ горахъ съ немногими своими приверженцами, а Дафна плакала, скрывая свои слезы отъ невзлюбившей ее матери мужа...

И вдругъ Митридатъ возвращается къ ней на щитахъ и копьяхъ при кликахъ народа, какъ побѣдитель...

— Скорѣй, скорѣй лавровый вѣнокъ побѣдителю!—рѣшила Дафна.

И вотъ она идетъ теперь съ этимъ вѣнкомъ на встрѣчу побѣдителю. Около нея ея и его дѣти, теперь уже не сиротки...

Взявъ копье у одного изъ воиновъ, Дафна на концѣ этого копья подаетъ вѣнокъ мужу...

— Возьми его, царь побѣдитель,—говоритъ она,—ты побѣдилъ судьбу!

Потомъ она взяла на руки маленькую Клеопатру и протянула ее къ мужу.

— Возьми и ее, свою любимицу

Клеопатра, весело улыбаясь, протянула къ отцу ручки, и Митридатъ, нагнувшись къ ней, взялъ ребенка на руки.

— Геркулесъ съ ребенкомъ на рукахъ!—сказалъ кто-то изъ приближенныхъ.

— Геркулесъ три года сидѣлъ за прялкой у Омфалы, отчего ему и своего ребенка не держать на рукахъ?—замѣтилъ Гай Постумъ.

Сойдя со щитовъ и поблагодаривъ воиновъ, Митридатъ, при кликахъ народа, съ Клеопатрою на рукахъ, рядомъ съ Дафной и мальчиками вошелъ во внутренность своего дворца, гдѣ былъ встрѣченъ бывшимъ учителемъ своимъ, греческимъ мудрецомъ Фокіономъ.

— Привѣтъ мой царю съ челомъ, увѣнчаннымъ лаврами, кои сплела рука царицы Дафны,—сказалъ онъ.—Въ этомъ я вижу великое знаменіе.

— Въ чемъ оно?—спросилъ удивленный Митридатъ.

— Въ томъ, что вѣнокъ сплетала сама Дафна,—отвѣчалъ Фокіонъ.—А кто Дафна?

— Моя жена царица, благородный учитель.

— Но ты забылъ другую Дафну, о которой я тебѣ говорилъ, когда ты былъ юношей и питался духовною пищею изъ моихъ устъ.

— Кто же эта другая Дафна, учитель? — недоумѣвалъ Митридатъ.

— Дафна, дочь Пелея и Геи. А кто былъ сынъ Пелея?

Митридатъ засмѣялся.

— Ты меня экзаменуешь, добрый учитель, какъ когда-то, когда я былъ мальчикомъ.

— Не мѣшаетъ и мужей иногда экзаменовать, въ особенности же царей,—серьезно продолжалъ Фокіонъ.

— Ты правъ, дорогой учитель,—склонилъ голову Митридатъ.—Прости, что я забылъ твои мудрыя наставленія... Кто же былъ сынъ Пелея, благородный Фокіонъ?

— Ахиллъ, прижитый Пелеемъ отъ нимфы Фетиды: значитъ, Дафна сестра Ахилла... Теперь слѣдуй мыслію дальше, что я тебѣ скажу... Мать Дафны Гея, земля, величайшая изъ богинь, рождающая изъ своихъ нѣдръ все живущее, все живое, начиная отъ послѣдняго насѣкомаго и ничтожной травки и кончая человѣкомъ, и она же питаетъ своею грудью все живущее... Уразумѣлъ ты теперь всю глубину того, что услыхалъ отъ меня?

— Уразумѣлъ, дорогой учитель.

— Слушай же дальше... Дочь Пелея и Геи, Дафна, возбудила къ себѣ любовь Феба-Аполлона, который и сталъ ее преслѣдовать... Тогда цѣломудріе Дафны возмутилось, и она превратилась въ лавръ... Этотъ лавръ боги рукою Дафны возложили на твое чело.

Митридатъ и всѣ присутствующіе были поражены словами Фокіона. Имъ казалось, что они имѣютъ глубокій таинственный смыслъ... Пелей, Гея, Ахиллъ, Аполлонъ, Дафна... Но какое отношеніе имѣютъ они къ судьбѣ Митридата? Какое въ нихъ знаменіе?

— О, дорогой учитель!—съ чувствомъ сказалъ Митридатъ, обнимая старика.—Твои слова смущаютъ меня... Но я до конца дней моихъ остапусь твоимъ ученикомъ.

— Это мудрыя слова въ устахъ царя,—проговорилъ Сервилій.—То же сказалъ когда-то Аристотелю, своему учителю, Александръ Македонскій.

— Но я не Александръ, — возразилъ Митридатъ.—Александръ восемнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ спасъ своего отца, Филиппа, при Херонеѣ и одержалъ надъ греками такую побѣду, какой міръ доселѣ не видѣлъ. А я въ сравненіи съ нимъ уже старецъ и до сихъ поръ одерживалъ побѣды только надъ дикими козами да фазанами.

— Это было не въ твоей волѣ,—сказалъ Фокіонъ.—Теперь твоя воля.

— Вспомни, царь—заговорилъ молчавшій доселѣ Гай Постумъ, — что и Ахиллъ находился въ твоемъ положеніи. Ты

хоть воевалъ съ дикими козами, а онъ жилъ на островѣ Скиросѣ у царя Ликомеда и, въ женскомъ одѣяніи, росъ съ дочерьми, какъ его дѣвочка. Но потомъ что вышло изъ этой дѣвочки!

— Да и Геркулесъ у царицы Омфалы три года сидѣлъ за прялкой,—улыбнулась Дафна, съ любовью глядя на мужа.

Въ это время вошелъ виночерпій, онъ же и церемоніймейстеръ, Мосхинъ въ сопровожденіи жреца изъ храма Юпитера Понтійскаго.

— Привѣтъ царю!—поклонился жрецъ.—Владыка вселенной, громовержецъ, ожидаетъ тебя въ святилищѣ своемъ, царь.

— Повинуюсь велѣніямъ божества,—наклонилъ голову Митридатъ,—идемъ благодарить боговъ за оказанную намъ милость и принять власть надъ страною отъ громовержца, отца боговъ и людей.

— И принести жертву великому Харону, дабы онъ не задерживалъ тѣней твоей матери и твоего брата на берегахъ мрачнаго Ахерона и огнепылающаго Флегетона по пути въ область Аида,—добавилъ Фокіонъ, который строго наблюдалъ за исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ.

При выходѣ изъ дворца, Митридата встрѣтили знатные отроки съ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и царскій оруженосецъ, великанъ скиѳъ Яръ, который держалъ копье, щитъ, лукъ и стрѣлы царя.

Впереди опахальщиковъ шли флейтисты, оглашая воздухъ дикою, пронзительною восточною мелодіею, напоминавшей вой голодныхъ шакаловъ.

Въ храмѣ, передъ жертвенными алтарями уже стояли бѣлый какъ горный снѣгъ быкъ и большой черный козелъ.

Въ углубленіи храма, на высокомъ пьедесталѣ, высилась гигантская статуя Зевса-Юпитера, съ скипетромъ въ одной рукѣ и пучкомъ молній въ другомъ.

При приближеніи Митридата къ жертвеннымъ алтарямъ, верховный жрецъ подалъ ему жертвенный ножъ.

— Первая жертва великому Харону за тѣни матери твоей, царицы, и брата, царевича—сказалъ жрецъ, подводя къ нему козла.

Митридатъ мгновенно вонзилъ ему ножъ въ горло, и когда служитель храма положилъ зарѣзанное жертвенное животное,

вмѣстѣ съ кожей и шерстью, на жертвенный треножникъ, хоръ жрецовъ огласилъ воздухъ мрачною мелодіей:

Сынъ Эреба и Ночи Харонъ,
Будь милостивъ къ тѣнямъ погибшихъ
Въ хладныхъ Посѣйдона глубяхъ:
Тѣни тѣ—Понта царицы и царскаго сына.
Ты не держи ихъ на мрачныхъ брегахъ Ахерона.
Прими нашу жертву—она
Какъ Ночь, что тебя породила—черна́.
Пусть шествуютъ въ тайную область Аида,
Да судитъ ихъ Миносъ, сынъ грознаго Зевса и кроткой Европы.

Вслѣдъ затѣмъ заколотъ былъ и жертвенный быкъ, и когда, снявъ съ него шкуру и расчленивъ на части, чтобъ разложить на жертвенные треножники, служители храма подожгли подъ ними легко воспламеняющіяся дрова, изъ глубины храма спустились на главный алтарь громадный орелъ и такой же величины филинъ, чтобъ получить, конечно, жертвеннаго мяса, верховный жрецъ, указывая на нихъ Митридату, торжественно провозгласилъ:

— Этихъ птицъ, царь, посылаетъ къ тебѣ Зевсъ громовержецъ, отецъ боговъ и людей, въ поученіе тебѣ, дабы ты былъ мужественъ, какъ орелъ, царь крылатыхъ, и мудръ, какъ филинъ, царь ночи.

IV.

По восшествіи на престолъ, Митридатъ созвалъ совѣтъ изъ приближенныхъ, чтобъ обсудить предстоявшія ему государственныя дѣла. Конечно, на первомъ планѣ были военныя дѣла. Еще не будучи царемъ, Митридатъ мечталъ о борьбѣ съ Римомъ. Отъ своихъ учителей, особенно отъ греческаго мудреца Фокіона, онъ давно зналъ, какимъ путемъ создалось величіе Рима: оно покоилось на воинской мощи народа, на желѣзѣ. Это желѣзо слѣпо шло за легіонными орлами и покоряло весь міръ. Но было и еще нѣчто, безъ чего желѣзо было бы безсильно, и безъ чего крылья легіонныхъ орловъ опустились бы въ безсиліи. Это было то, что Римъ получилъ въ наслѣдіе отъ растоптанной имъ Эллады, эллинскую культуру и мудрость. Оттого на самой вершинѣ своего могущества Римъ прибѣгалъ нерѣдко къ совѣтамъ и указаніямъ этой испытанной имъ мудрости, которая хранилась не

въ однихъ твореніяхъ такихъ свѣтилъ античнаго міра, какъ Сократъ, Платонъ, Аристотель. Въ тяжкія минуты своего существованія Римъ прибѣгалъ не къ философской, а къ практической, къ политической мудрости растоптанной и заклеванной его легіонными орлами Эллады.

Такъ, когда гордый Римъ потерпѣлъ отъ Ганнибала безпримѣрное пораженіе при Каннахъ, гдѣ палъ и славный полководецъ его, Эмилій Павелъ, державный Римъ не постыдился искать мудрости у заклеванной его легіонными орлами Эллады. Римъ обратился... къ Пиѳіи! А устами Пиѳіи говорила эллинская мудрость—жрецы Аполлона...

Поэтому, когда совѣтъ, созванный Митридатомъ, не могъ придти ни къ какому положительному рѣшенію, на сцену выступила и тутъ мудрость Эллады.

— Царь Понта и доблестные его совѣтники!—обратился къ совѣту Фокіонъ.—Послушайте моего старческаго голоса.

— Мы слушаемъ тебя, благородный, мудрый учитель,—сказалъ Митридатъ,—говори, твои совѣты всегда были полезны.

Старикъ обвелъ присутствующихъ грустнымъ взоромъ. На глазахъ его показалась слезы, которыя онъ и смахнулъ дрожащей рукой.

— Вы знаете,—говорилъ онъ старчески разбитымъ голосомъ,—знаете, какъ унижена Римомъ моя священная родина, дорогая Эллада. Благородные сыны ея, лишившись и значенія, и достоянія, разсѣялись по всему міру, какъ безпріютные скитальцы, къ числу которыхъ принадлежу и я...

— Нѣтъ!—горячо перебилъ его Митридатъ.—Нѣтъ, дорогой учитель! Мой дворецъ—твой дворецъ, мой хлѣбъ—твой хлѣбъ!

— Благодарю, великій царь, — смиренно поклонился Фокіонъ.—Но загляните въ Италію, въ Римъ... тамъ благородные сыны Эллады изъ-за нужды, изъ-за куска хлѣба превратились въ жалкихъ скомороховъ, въ публичныхъ танцовщиковъ, въ наемниковъ и въ лучшихъ случаяхъ въ торгашей, и только немногіе имѣютъ счастье предаваться художествамъ и наукамъ, каковое счастье выпало и на мою долю.

— Да,—сказали въ одинъ голосъ и Гай Постумъ, и Сервилій,—благородный Фокіонъ говоритъ святую истину, и мы видѣли въ Римѣ и во всей Италіи то, что онъ видѣлъ.

— Да, боги свидѣтели, я видѣлъ все это,—сказалъ Фокіонъ и гордо поднялъ сѣдую голову.

Казалось, онъ сразу выросъ.

— Но мудрость Эллады не заклевана легіонными орлами Рима, не разсѣялась, какъ ея благородные сыны, не исчезла,— продолжалъ старикъ.—Она пріютилась въ Дельфахъ, при священномъ храмѣ Феба-Аполлона... Она въ устахъ дельфійскаго оракула, и ее изрекаетъ въ священномъ экстазѣ Пиѳія... И гордый Римъ нерѣдко прибѣгаетъ къ мудрости Дельфъ, особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ... О, великій повелитель Понта! Вѣрь мнѣ, духъ Эллады не умеръ... Надъ нею витаютъ тѣни великихъ мужей и вдохновляютъ тѣхъ, которые провидятъ судьбы народовъ и царствъ...

Старикъ говорилъ теперь съ юношескимъ жаромъ. Голосъ его окрѣпъ.

— Царь Понта!—обратился онъ прямо къ Митридату.— Прибѣгни къ вѣщимъ мужамъ Эллады, къ мудрымъ жрецамъ дельфійскаго бога, которымъ вѣдомъ языкъ Феба-Аполлона, влагаемый божествомъ въ уста смертной, въ уста Пиѳіи. Отправь въ Дельфы посольство съ дарами, и пусть посолъ твой упроситъ оракула повѣдать будущую судьбу твою и твоего царства и наставить тебя, какія дѣянія ты долженъ совершить

Митридатъ казался сильно взволнованнымъ. Грудь великана-царя видимо вздымалась, какъ будто легкимъ его не доставало воздуху.

— Боги вѣщаютъ твоими устами, о, Фокіонъ!—воскликнулъ онъ.—Завтра же я снаряжу посольство въ священныя Дельфы и во главу посольства поставлю тебя, мой мудрый учитель.

Предложеніе Фокіона было единогласно принято, и на утро слѣдующаго же дня въ гавани Синопа стоялъ корабль, готовый къ отплытію въ Фокиду.

Дельфы находились въ Фокидѣ, въ той же части Беотіи, гдѣ виднѣлись священныя для эллиновъ горы, Парнасъ и Геликонъ. Въ этомъ мѣстечкѣ находился и знаменитѣйшій храмъ всей Эллады, храмъ Аполлона, въ которомъ хранились чуть ли не всѣ сокровища Греціи. Въ Дельфахъ постоянно пребывали избираемые знатнѣйшими гражданами, пожизненно, пять «священныхъ» мужей, которые завѣдывали управленіемъ храма и его сокровищами, а также избирали мудрѣйшихъ жрецовъ и Пиѳію.

Тотъ, кто желалъ обратиться къ оракулу съ вопросомъ, долженъ былъ совершить омовеніе въ сосѣднемъ съ храмомъ источникѣ, потомъ провести ночь въ особомъ помѣщеніи, лежа на шкурахъ жертвенныхъ животныхъ и утромъ, затѣмъ, разсказать верховному жрецу видѣнный имъ ночью сонъ. Иногда вопрошающихъ помѣщали на ночь въ храмовое подземелье, гдѣ его устрашали страшныя видѣнія, и потомъ, по принесеніи имъ жертвы Аполлону, вводили въ помѣщеніи Пиѳіи. Пиѳія, обыкновенно избираемая изъ женщинъ самаго строгаго образца жизни, должна была, передъ прорицаніемъ, поститься и подвергалась со стороны верховнаго жреца разнымъ церемоніямъ, которыя, съ современной намъ точки зрѣнія, были ничѣмъ инымъ, какъ гипнотическими внушеніями, гдѣ Пиѳія играла роль «медіума». Какъ египетскіе, такъ и греческіе жрецы были замѣчательными гипнотизерами.

Проводить посольство въ Дельфы явился на корабль самъ Митридатъ съ царедворцами, принеся предварительно жертву Посейдону въ его прибрежномъ храмѣ для умилостивленія бога, чтобы плаваніе въ предѣлахъ его стихіи было благополучное. Сверхъ этого Митридатъ совершилъ возліяніе самому морю съ палубы корабля, а равно морскому богу Тритону, съ тѣмъ, чтобы онъ, во время бури, усмирялъ бушующія морскія волны звуками своей винтообразной раковины, замѣнявшей для морского бога современный рупоръ.

— Да сопутствуютъ тебѣ добрые боги, дорогой учитель,— сказалъ Митридатъ, обнимая на прощаніе стараго Фокіона.— Да будетъ милостивъ къ тебѣ владыка вѣтровъ, сынъ Эллина, Эолъ.

Фокіонъ былъ счастливъ, отправляясь на свою далекую родину, съ которою такъ давно разлучила его жестокая судьба. Старикъ не могъ скрыть этого и весело болталъ.

— Надѣюсь, что богъ вѣтровъ будетъ благосклоненъ къ намъ,—шутилъ онъ,—и не занесетъ нашъ корабль на островъ Эю, въ царство волшебницы Цирцеи, какъ занесъ царя Итаки, хитроумнаго Одиссея, и не обратитъ моихъ спутниковъ въ свиней, какъ она обратила спутниковъ царя Итаки. А если буря прибьетъ нашъ корабль къ острову Циклоповъ, то я поступлю съ великаномъ, какъ Одиссей съ Полифемомъ.

Всѣ разсмѣялись, а Сервилій, любившій пошутить, сказалъ Фокіону:

— Ну, мудрецъ, смотри, не попадись въ руки нимфы Калипсо, а то, чего добраго, и ты, подобно Одиссею, застрянешь тамъ на семь лѣтъ и не скоро попадешь въ Дельфы.

Сходя уже съ корабля, Митридатъ, подозвавъ къ себѣ кормчаго, колха Артоса, сказалъ:

— Я надѣюсь на тебя, Артосъ... Постарайся благополучно провести корабль по всѣмъ попутнымъ морямъ до Беотіи, и Понтомъ Евксинскимъ, и Пропонтидою, и моремъ Ахейскимъ.

— Будь увѣренъ, господинъ, что съ нами не случится того, что случилось на праздникъ Посейдона,—проговорилъ Артосъ, коварно улыбаясь.—Ручаюсь богами моей родины, прекрасной Колхиды, что не случится.

Эолъ, дѣйствительно, благопріятствовалъ плаванію Митридатова посольства. Корабль «Дафна», названный въ честь жены Митридата ея именемъ, благополучно проплылъ Понтомъ Евксинскимъ, Босфоромъ Ѳракійскимъ, Пропонтидой,—нынѣ Мраморное море, — и вступилъ въ Геллеспонтъ—нынѣ Дарданеллы.

— Здѣсь утонула бѣдная Гелла, — задумчиво глядя на оба берега узкаго пролива, отдѣлявшаго и отдѣляющаго Европу отъ Азіи, сказалъ Фокіонъ.

— Какая Гелла?—спросилъ кормчій Артосъ.

— Ахъ да, ты не грекъ, а варваръ, и потому не знаешь нашей исторіи, а имя Геллы, въ особенности же ея брата, Фрикса, не чуждо и вашей Колхидѣ,—отвѣчалъ Фокіонъ.

— Ну, исторія Колхиды мнѣ извѣстна, — возразилъ Артосъ,—а все же я ничего не слыхалъ отъ старыхъ людей ни о Геллѣ, ни о Фриксѣ.

— Такъ я разскажу тебѣ исторію Геллы и Фрикса,—заговорилъ Фокіонъ, котораго такъ восхищала поэтическая исторія его родины.—Давно, очень давно въ нашей Ѳессаліи нѣкто Кретей основалъ городъ Іолкъ. Послѣ него долженъ былъ наслѣдовать престолъ Іолка его сынъ, Эзонъ; но хитрый родственникъ царскаго дома Кретея, Пеліасъ, успѣлъ похитить у него престолъ. Тогда Эзонъ и сынъ его Язонъ удалились изъ Іолка и проводили жизнь въ уединеніи, занимаясь обрабатываніемъ полей и виноградниковъ. Случилось такъ, что коварный Пеліасъ задумалъ принести жертву Посейдону и пригласилъ на это торже-

ство гостей. Язонъ, узнавъ о праздникѣ въ Іолкѣ, захотѣлъ побывать тамъ. Но, подойдя къ ручью, черезъ который нужно было перейти, онъ увидѣлъ, что вода въ немъ сильно поднялась. Тутъ же онъ замѣтилъ хилую старушку, которой, видимо, тоже хотѣлось перебраться черезъ ручей, но она боялась. Тогда Язонъ сжалился надъ старушкой и перенесъ ее черезъ ручей вбродъ, но потерялъ въ водѣ одну сандалію съ ноги. Какъ, послѣ этого итти на праздникъ въ одной сандаліи? Надо воротиться. Но старушка посовѣтовала ему итти смѣло и тутъ же исчезла. Язонъ догадался, что это была богиня, принявшая образъ старушки. Вотъ и идетъ Язонъ на праздникъ Пеліаса. А Пеліасу было предсказано, чтобъ остерегаться человѣка объ одной сандаліи, что человѣкъ этотъ погубитъ его. Увидавъ Язона, Пеліасъ вспомнилъ предсказаніе, и чтобъ избавиться отъ опаснаго гостя, сказалъ ему: «Язонъ, тебѣ по праву принадлежитъ престолъ, которымъ я завладѣлъ; но я уступлю его тебѣ только тогда, когда ты достанешь мнѣ золотое руно, которое находится въ Колхидѣ.

— Это у насъ, значитъ, — удивился Артосъ. — Что же это за золотое руно?

— А вотъ что: въ Беотіи жилъ когда-то царь, у котораго было двое дѣтей, сынъ Фриксъ и дочь Гелла. Когда, послѣ смерти жены, царь женился вторично, то мачиха не взлюбила и пасынка, и падчерицу, и задумала извести ихъ. Тогда Фриксъ взялъ у отца барана съ золотой шерстью и вмѣстѣ съ сестрой бѣжалъ къ вамъ въ Колхиду. Но когда они стали переправляться черезъ этотъ проливъ вплавь на своемъ баранѣ, то Гелла испугалась воды, упала съ барана въ воду и утонула. Съ тѣхъ поръ этотъ проливъ и называется моремъ Геллы—Геллеспонтъ.

— Э! Да это сказка, — презрительно замѣтилъ Артосъ. — Теперь я все понимаю. У насъ, видишь ли, Фокіонъ, въ горахъ Колхиды очень много золота, и наши женщины добываютъ его такимъ образомъ: положатъ въ горный ручей или въ Фазисъ на дно баранью овчину, и тогда крупинки золота, несомыя водой, цѣпляются за шерсть и остаются въ ней *). Отсюда и ваша

*) Греческій историкъ Аппіанъ въ своемъ «Prooemium» говоритъ:— «Во многихъ изъ кавказскихъ рѣкъ находится золото въ видѣ маленькихъ зернышекъ. Туземцы кладутъ въ рѣки бараньи шкуры съ густой шерстью и собираютъ, такимъ образомъ, золотыя зерна, которыя въ нихъ остаются. Въ этомъ же родѣ, должно быть, было также и золотое руно Айэта». «Prooemium», 103.—Аппіанъ—грекъ изъ Александріи.

сказка о золотомъ рунѣ, о баранѣ съ золотой шерстью... Все это вздоръ, сказки, и вы, греки, большіе охотники до всякихъ сказокъ о вашихъ богахъ, о богиняхъ и о всякой чепухѣ.

Фокіонъ обидѣлся за свою исторію и отвернулся отъ кормчаго.

— У васъ, варваровъ, все чепуха, — проворчалъ онъ.

Но когда «Дафна» поровнялась съ берегомъ, на которомъ когда-то стояла Троя, Фокіонъ велѣлъ Артосу привернуть корабль къ берегу.

— Зачѣмъ благородный Фокіонъ? — спросилъ кормчій

— Я хочу поклониться гробницамъ Ахилла и Патрокла, — отвѣчалъ Фокіонъ.

— А! Объ этихъ мужахъ я слышалъ, — сказалъ Артосъ.— Слѣпой грекъ, пѣвецъ, всѣ уши прожужжалъ намъ на площади, въ Синопѣ, постоянно распѣвая о «гнѣвѣ» этого Ахилла, и о какомъ-то Гекторѣ, объ Андромахѣ... Какъ какой-то Парисъ укралъ у какого-то дурака Елену, и изъ-за этого, будто-бы, боги сходили на землю и дрались съ людьми... Такой вздоръ, что нашимъ богамъ тошно.

Фокіонъ только плюнулъ и молча сошелъ на берегъ.

Тамъ не одна слеза скатилась изъ старческихъ глазъ мечтателя на холодныя плиты гробницъ побѣдителей поэтической но несчастной Трои.

V.

Богъ вѣтровъ, однако, не все время былъ благосклоненъ къ пловцамъ. Въ Эгейскомъ морѣ «Дафна» выдержала ужасную бурю, и только благодаря опытности и искусству Артоса, испытавшаго въ своихъ плаваніяхъ и не такіе ураганы въ бурномъ Понтѣ Евксинскомъ, расходившійся Эолъ не потопилъ корабля Митридата.

Остальной путь «Дафна» совершила счастливо и вошла въ заливъ, приведшій ее къ Ѳермопиламъ, гдѣ путники и высадились на берегъ.

Отсюда они должны были совершить путь черезъ горы, для чего и наняли муловъ.

Пока корабельный хлѣбодаръ нанималъ муловъ въ ближайшемъ поселеніи, Фокіонъ и Артосъ пошли взглянуть на памят-

никъ, воздвигнутый Спартою на томъ мѣстѣ Ѳермопильскаго ущелья, гдѣ когда-то триста спартанцевъ, съ Леонидомъ во главѣ, выдержали страшный натискъ персидскаго войска Ксеркса и пали всѣ до одного, исключая Аристодема. Памятникъ изображалъ гранитнаго льва (Леонидъ) на такомъ же пьедесталѣ съ надписью о павшихъ здѣсь герояхъ.

Артосъ, хорошо усвоившій греческій языкъ на службѣ у понтійскихъ царей, прочелъ вслухъ:

Ὦ, ξεῖν' ἀγγέλλει Λακεδαιμονίοις, ὅτι τῇδε
Κείμεθα, τοῖς κείνων ῥήμασι πειθόμενοι.

— Вотъ это не сказка, — сказалъ онъ, — объ этой геройской битвѣ мнѣ говорили въ Синопѣ... Да, это не сказка... Тутъ сражались не боги, а люди, такіе же смертные, какъ я и ты, благородный Фокіонъ... А то Ахиллъ да Юнона тамъ, либо Паллада... А кто ихъ видѣлъ?

— Ну, ты этого не понимаешь, мой добрый колхъ,—улыбнулся Фокіонъ,—для тебя языкъ Аполлона и Музъ не понятенъ.

— А развѣ они говорятъ? Да и кто ихъ слышалъ? Ты, къ примѣру, разговаривалъ съ ними, видѣлъ ихъ въ лицо?... А то, вонъ тотъ слѣпой грекъ въ Синопѣ завываетъ: «муза, скажи мнѣ объ Одиссеѣ» тамъ, а то «пропой, богиня, объ гнѣвѣ Ахилла»... И что жъ? Пѣла ему богиня?.. Все это греческія выдумки... Для дѣтей,—твердилъ свое упрямый колхъ.

Фокіонъ только пожалъ плечами.

Когда они воротились къ кораблю, то мулы были уже наняты. Оставалось только навьючить ихъ дорожнымъ багажомъ и отправляться въ путь, чтобы поскорѣй попасть въ Дельфы.

Оставивъ «Дафну» подъ командою помощника кормчаго, Фокіонъ и Артосъ съ двѣнадцатью матросами, взятыми изъ экипажа корабля, тотчасъ же углубились въ горы живописной Беотіи. Все восхищало взоръ стараго Фокіона. Это была его родина, его дорогая Эллада, съ которою онъ такъ давно былъ разлученъ и которую оплакивалъ на чужбинѣ, въ суровомъ, непривѣтливомъ для него Понтѣ, съ его зимними вьюгами и снѣгами. А тутъ кругомъ рай. Солнце родины такъ привѣтливо, горный воздухъ живительнымъ бальзамомъ входитъ въ усталую старческую грудь, небо такое же бирюзовое, какъ и море ро-

дины, и даже съ горныхъ высей не отличишь, гдѣ онѣ сливаются: море ли лобзаетъ небесную лазурь, небо ли даетъ свои лобзанія морю... Подъ этимъ дивнымъ небомъ, у этого бирюзоваго моря создавались тѣ поэтическіе образы, тѣ полубоги и боги, чарующая прелесть которыхъ не понятна дикому колху, сѣверному варвару...

Но вотъ они и въ Фокидѣ. Обогнувъ подножіе Парнаса, это священное обиталище Феба-Аполлона и девяти музъ, путники увидѣли святилище бога — Дельфы и храмъ Аполлона.

Священнымъ трепетомъ забилось сердце стараго Фокіона, и слезы умиленія выступили на глазахъ. Ему казалось, что самъ лучезарный богъ шлетъ съ бирюзоваго неба привѣтъ страннику, пришедшему съ далекаго, непривѣтливаго сѣвера.

Прибывъ въ Дельфы, Фокіонъ тотчасъ же явился къ верховному жрецу Аполлона и изложилъ передъ нимъ цѣль своего посольства. При этомъ онъ вручилъ жрецу богатые дары, которые Митридатъ жертвовалъ въ казну всесвятилища Эллады.

Жрецъ обстоятельно, до мельчайшихъ подробностей разспросилъ Фокіона о положеніи дѣлъ въ Понтѣ. Это былъ подробный экзаменъ о прошломъ и настоящемъ Понта, о его населеніи, о естественныхъ богатствахъ, о самомъ Митридатѣ, о его характерѣ, познаніяхъ, объ отношеніяхъ Понта къ сосѣднимъ странамъ, въ особенности же къ могущественной Арменіи.

Лицо стараго жреца видимо просвѣтлѣло, когда онъ выпыталъ у своего собесѣдника, точно духовникъ на исповѣди. У служителя Аполлона и духовнаго главы всей Эллады были свои планы, которые онъ держалъ, однако, въ глубокой тайнѣ... Сообразивъ все, онъ задался смѣлою мыслью создать изъ понтійскаго царя противника Рима, этого ненавистнаго Рима, который такъ унизилъ нѣкогда могущественную, славную Элладу, довелъ ее до политической и умственной летаргіи... О, эти легіонные орлы, эти закованныя въ желѣзо рати высокомѣрнаго Рима!.. Воскресить Перикловъ, Мильтіадовъ! Прогремѣть на весь міръ, вернуть Элладѣ всемірное владычество!..

Приказавъ Фокіону омыться въ священномъ источникѣ, жрецъ отвелъ для него на ночь особое помѣщеніе при храмѣ.

— Не устрашись, сынъ мой, — сказалъ онъ Фокіону,—если тебя ночью посѣтятъ страшные сны или потревожатъ твой сонъ ужасныя видѣнія... То будетъ борьба темныхъ, злыхъ силъ съ

добрыми, борьба силъ подземныхъ, силъ Аида съ божествомъ свѣта...

Затѣмъ онъ отправился въ помѣщеніе Пиѳіи.

Прорицательница была худая, съ сѣдыми прядями волосъ старуха, видимо нервная, впечатлительная.

— Ты должна завтра бесѣдовать съ божествомъ,—властно проговорилъ жрецъ,—пусть очистится твое духовное зрѣніе.

И онъ, усадивъ ее на сѣдалище, на спинку котораго она откинула голову, сталъ глядѣть ей пристально, сосредоточенно въ глаза и дѣлать въ воздухѣ движенія, очень медленныя и плавныя сверху внизъ, иногда чуть-чуть касаясь руками головы и прядей волосъ прорицательницы... Продолжалось это довольно долго... Пиѳія глубоко вздохнула и какъ-бы застыла, и широко раскрытые глаза ея, казалось, остеклѣли, какъ у мертвеца...

Медіумъ былъ готовъ, жрецъ взялъ правую руку Пиѳіи и вытянулъ ее впередъ такъ, какъ будто-бы она на что-то указывала.

Жрецъ сталъ говорить, не спуская упорнаго взгляда съ своей жертвы.

— Городъ плаваетъ по водѣ,—говорилъ онъ.—огромный городъ плаваетъ по морю... по морямъ... Орлы вонъ летаютъ... много орловъ... золоченые... все пожираютъ орлы... Элладу пожрали... Понтъ пожрутъ... Ихъ гнѣздо высоко и далеко... тамъ, тамъ оно... достать его... плавающій по морямъ городъ достанетъ гнѣздо... разоритъ его.

Губы Пиѳіи беззвучно шептали... Прорицательница повторяла, вѣроятно, то, что ей внушалъ жрецъ.

Повторивъ снова безсвязный говоръ о плавающемъ городѣ, о золоченыхъ орлахъ, о гнѣздѣ орлиномъ, жрецъ снова началъ дѣлать движенія руками.

Глаза Пиѳіи глянули осмысленно, остеклость ихъ исчезла. Прорицательница какъ-бы облегченно вздохнула.

— Теперь духовное зрѣніе твое очистилось,—проговорилъ жрецъ, — завтра ты будешь бесѣдовать съ божествомъ.

Пиѳія кивнула головой, но ничего не сказала. Жрецъ удалился.

Онъ прошелъ въ то отдѣленіе храма, гдѣ за тонкой кипарисной стѣной находилось помѣщеніе, отведенное на ночлегъ Фокіону.

Фокіонъ лежалъ на жертвенныхъ шкурахъ шерстью наружу.

Но онъ не спалъ. Въ головѣ его роились далекія воспоминанія дѣтства. Онъ играетъ съ сверстниками на берегу Калирое. У нихъ затѣваются Олимпійскія игры, состязаніе въ бѣгахъ, метаніе черепковъ—воображаемые диски, борьба... Награда побѣдителя вмѣсто лавроваго вѣнка вѣнкомъ изъ листьевъ кипариса... Скоро протекли золотые годы дѣтства... Началось ученіе у риторовъ, у философовъ, лучшая, осмысленная пора жизни... Скоро, задавивъ Македонію, нагряпули римляне и на Элладу и погнали тысячи эллиновъ въ Римъ на судъ... Судили и Фокіона за то только, что онъ любилъ свою родину... А дальше скитанія по Востоку, въ Сиріи, въ Арменіи... Затѣмъ пріютилъ скитальца Понтъ...

Вдругъ въ темнотѣ, на стѣнѣ, соприкасавшейся съ внутреннимъ отдѣленіемъ храма, стало вырисовываться бѣловатое пятно... яснѣе, и яснѣе... можно было уже различить человѣческую фигуру... Совсѣмъ ясно... Фокіонъ подумалъ, не задремалъ ли, и приподнялся съ своего шерстяного ложа... На стѣнѣ ясно обрисовывалось изображеніе Аполлона... Видѣніе быстро растаяло...

— Доброе видѣніе,—подумалъ грекъ и скоро заснулъ.

Во снѣ ему тоже являлся Аполлонъ... гипнотическое внушеніе ловкаго жреца.

Утромъ, войдя въ помѣщеніе, гдѣ ночевалъ Фокіонъ, жрецъ спросилъ его, какъ онъ провелъ ночь, не посѣщали ли его страшные сны и не было ли какихъ видѣній, и когда Фокіонъ сообщилъ ему о явленіи Аполлона, жрецъ сказалъ:

— Божество благосклонно къ царю Митридату и къ тебѣ, его послу. Теперь же, послѣ вторичнаго омовенія въ священномъ ручьѣ, приходи въ храмъ для принесенія жертвы божеству.

Фокіонъ исполнилъ приказаніе жреца и явился въ храмъ Аполлона. На фронтонѣ его онъ прочелъ надпись:

Γνῶθι σεαυτόν, [1]).

По принесеніи жертвы, Фокіона ввели въ прорицалище. Тамъ уже сидѣла Пиѳія на золотомъ треножникѣ, надъ расщелиной, изъ которой поднимался одуряющій паръ. Пиѳія была необыкновенно страшна съ ея сѣдыми пасмами и остеклѣлыми глазами

*) «Познай самого себя».

мертвеца. Ужасъ овладѣлъ Фокіономъ, ужасъ въ чаяніи близости невидимаго божества.

Пиѳія, протянувъ въ пространство руку, глухо, безвязно бормотала:

— Городъ плаваетъ по водѣ... огромный городъ плаваетъ по морю... по морямъ... Орлы вонъ летаютъ... много орловъ... золоченые... все пожираютъ... Элладу пожрали орлы... Понтъ пожрутъ... Ихъ гнѣздо высоко и далеко... тамъ, тамъ оно... достать его... Плавающій по морямъ городъ достанетъ... разоритъ его...

Жрецъ на навощеной пластинкѣ записывалъ все, что бормотала Пиѳія. Съ послѣдними словами она упала...

Фокіонъ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ прорицалища. Одуряющій паръ изъ расщелины, казалось, помутилъ и его разсудокъ... Что говорила Пиѳія?.. Городъ, который плаваетъ по морямъ... Какъ можетъ городъ держаться на водѣ?.. А золоченые орлы, которые пожираютъ, какіе орлы?.. И кто придетъ на нихъ съ востока?.. Мысли стараго эллина путались... Онъ ничего не понялъ изъ прорицанія... Что онъ скажетъ Митридату?..

Въ этомъ смятеніи засталъ его жрецъ, вдругъ появившійся изъ храма... Какъ онъ туда проникъ изъ прорицалища?

— Сынъ мой,—сказалъ жрецъ,—послѣ Пиѳіи я вопросилъ божество... Вотъ что вѣщаетъ оракулъ.

И онъ медленно прочелъ пятистишіе, написанное гекзаметромъ:

Городъ построитъ, который бы волны морскія носили
Вплоть до гнѣзда тѣхъ орловъ, что весь видимый міръ облетѣли,
Все пожирая, начавши съ Эллады и Понтомъ кончая.
Крылья, и когти, и клювы орлиные—всѣ золочены.
Но не спасетъ ихъ ничто отъ того, кто нагрянетъ съ востока.

— Плавающій по морямъ городъ—это сильный флотъ, который долженъ соорудить царь Понта,—объяснялъ жрецъ слова оракула.—Орлы золоченые это легіонные орлы Рима, облетѣвшіе весь міръ и покоряющіе страну за страною. Орлиное гнѣздо—это Римъ. Придетъ съ востока разоритъ это гнѣздо—никто другой, какъ царь Понта.

И онъ подалъ Фокіону прорицаніе дельфійскаго оракула,

уже написанное на пергаментѣ и скрѣпленное печатью храма Аполлона.

— Отвези это прорицаніе царю Митридату,—сказалъ въ заключеніе жрецъ.

VI.

Проходили годы. Казалось, прорицаніе дельфійскаго оракула сбывалось съ поражающею точностью и послѣдовательностью, и уже видѣлось, что не далеко тотъ часъ, когда царю Понта изъ урны судебъ народовъ выпадетъ всемірное владычество.

Могучій флотъ его, этотъ «плавающій городъ». разсѣкая по всѣмъ направленіямъ бурныя волны, уже покорилъ подъ власть Митридата всѣ берега этого негостепріимнаго моря, начиная отъ Босфора и Ѳракіи и Мезіи вплоть до Скиѳіи.

Еще счастливѣе были его завоеванія и союзы съ народами, обитавшими на восточныхъ берегахъ Понта Эвксинскаго.

У греческаго историка Аппіана мы читаемъ, что «Митридатъ присоединилъ къ отцовскому царству еще много сосѣднихъ странъ и воинственный народъ колховъ, а изъ эллиновъ покорилъ тѣхъ, которые поселились по берегу моря, и варваровъ, живущихъ за ними выше. Онъ состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ со скиѳами, которые готовы исполнять всякія его приказанія. Онъ въ союзѣ съ сарматами и со всѣми народами, живущими у Танаиса, Истра и Меотиды» *).

Надъ колхами онъ поставилъ наремъ своего сына Фарнака, а надъ покоренными же имъ босфорянами сына Махара.

Повелѣніямъ Митридата повиновались его «союзники армяне, халибы, тавры, ахеи, геніохи, левкосиры и всѣ народы, живущіе у рѣки Ѳермодонта, въ такъ называемой Амазонской землѣ» **.

Эліанъ говоритъ, что союзниками Митридата были также «меоты и сарматы, которые употребляютъ въ пищу просо», и колхи, «которые завертываютъ своихъ мертвыхъ въ кожи, зашиваютъ ихъ и вѣшаютъ на деревьяхъ», и, наконецъ, махліи, варварскій народъ, живущій у Меотійскаго моря.

Знаменитый географъ Страбонъ, родившійся за 28 лѣтъ до Христа и умершій, когда Іисусу было 24 года, описывая Кол-

*) «Prooemium», 69, 101, 64.
**) «Variae historiae». III, 39; IV, 1. «Fragmenta», 135.

хиду, родину Митридатова кормчаго Артоса, между прочимъ, говоритъ: «Какой извѣстностью славилась нѣкогда эта страна, доказываютъ преданія, допускающія предположеніе, будто Язонъ въ своемъ героическомъ походѣ проникъ даже въ Мидію и будто еще раньше его совершилъ путешествіе въ эту страну Фриксъ («золотое руно»). Позднѣйшіе цари, которые управляли страной, раздѣленной на намѣстничества, не имѣли большого значенія; но когда вошелъ въ силу Митридатъ, страна эта перешла въ его владѣніе и онъ посылалъ туда намѣстникомъ или управляющимъ постоянно одного изъ своихъ друзей. Въ числѣ ихъ былъ также Моафернъ, дядя моей матери по мужской линіи. Изъ этой страны Митридатъ получалъ матеріалъ для своего флота» («плавающій городъ» Пиѳіи) *).

Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ говоритъ: «Митридатъ владѣлъ царствомъ, граничащимъ рѣкою Галисомъ, до земли табареновъ и Арменіи и завоевалъ морской берегъ до Колхиды и Малой Арменіи»... «и такъ заботился объ этихъ странахъ, что построилъ тамъ 75 крѣпостей, въ которыхъ скрывалъ большую часть своихъ сокровищъ» **).

Такой страшный противникъ выросталъ для Рима!

Мемнонъ, почти современникъ Митридата, говоритъ: «На войнѣ Митридатъ покорилъ также и царей, управляющихъ странами, прилегающими къ Фазису до склоновъ Кавказскихъ горъ, увеличилъ тѣмъ свое могущество и въ высшей степени хвастался этимъ. Поэтому римляне очень недовѣрчиво относились къ его намѣреніямъ и требовали, чтобы онъ скиѳскимъ царямъ возвратилъ прежнія ихъ владѣнія, но онъ мало обратилъ вниманія на приказаніе ихъ и пріобрѣлъ въ союзники пареянъ, мидянъ, царя Арменія Тиграна, скиѳскихъ царей и царя иберовъ» (грузинъ).

Мало того, что Митридатъ пріобрѣлъ себѣ сильнаго союзника въ лицѣ Тиграна, онъ выдалъ за него младшую дочь свою прекрасноглазую Калліопу. Замужъ она выходила почти ребенкомъ и горько плакала отчасти потому, что, по обычаю, должна была принести въ даръ богамъ всѣ свои дѣтскія игрушки, куклы и любимаго зайчика, отчасти же потому, что должна отправ-

---

*) Страбонъ, XI, 17, 18; XII, 3, 28.
**) Мемнонъ, Fragmenta, XXI, XXX, 2.

ляться къ мужу не въ сѣверную, ближайшую столицу Арменіи— Артаксату, а въ южную, далекую Тигранокерту.

Сколько слезъ было пролито ради того, чтобъ закрѣпить союзъ съ Арменіей!

— И все это Пиѳія надѣлала!—плакалась дѣвочка, прощаясь съ матерью, царицей Дафной, и съ старшей сестрой, царевной Клеопатрой, любимицей отца.—Вотъ тебя не отдали,— говорила она сестрѣ.

— Я не ты, моя дурочка, — ласкала ее коварная Клеопатра,—я амазонка... Съ моей когортой амазонокъ, я пригожусь отцу, а тебѣ няньчить дѣтей своихъ, царятъ Арменіи.

Изъ Клеопатры, дѣйствительно, вышла образцовая амазонка. Поощряемая отцомъ, души въ ней не чаявшимъ, эта царевна, унаслѣдовавшая отъ матери мечту сдѣлаться царицей амазонокъ, о которыхъ ходило столько поэтическихъ и героическихъ легендъ, сформировала цѣлую когорту изъ молодыхъ дѣвушекъ Синопа, которыя и проводили время въ скачкахъ, въ метаніи стрѣлъ и въ примѣрныхъ сраженіяхъ. Оттого Аппіанъ въ своемъ «Prooemium» говоритъ, что послѣ одной стычки римлянъ съ понтійцами, въ числѣ заложниковъ отъ послѣднихъ и плѣнныхъ «было множество женщинъ, которыя имѣли не менѣе ранъ, чѣмъ мужчины. Казалось — прибавляетъ онъ — что это были амазонки» *).

Но Клеопатра не была въ числѣ плѣнныхъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Въ свою очередь римскій историкъ Флоръ, жившій уже около 130 года христіанскаго лѣтосчисленія, говоря о народностяхъ Понта, замѣчаетъ, что у этихъ народовъ и въ этихъ странахъ самымъ старымъ царемъ былъ Айэтъ (отецъ Медеи, похищенной Язономъ); позже тамъ царствовалъ Артабазъ, происходившій отъ семи персовъ (a septem persis oriundus—да и самъ Митридатъ изъ рода Ахеменидовъ), а затѣмъ уже Митридатъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ». И въ другомъ мѣстѣ: «страны иберовъ, каспіевъ, албанцевъ (дагестанцы) и обѣ Арменіи (atraeque Armeniae) были постоянно предметомъ особаго вниманія со стороны Митридата» **).

Наконецъ, до войны съ Римомъ Митридатъ успѣлъ завос-

*) Аппіанъ, I, 103.
**) Флоръ.—Bellum Mithridaticum, XXXVIII, 13, 22.

вать знаменитую Пантикапею, нынѣ Керчь съ «Митридатовой горой», «торговое мѣсто у устьевъ Понта», а также богатѣйшую Фанагорію, нынѣ жалкая Тамань, Херсонесъ, Ѳеодосію и всю Тавриду съ храмомъ поэтически-безсмертной Ифигеніи.

Въ то же время онъ не забывалъ какъ знаменательнаго случая съ его виночерпіемъ Мосхиномъ, котораго ужалила ядовитая гадюка, и спасло отъ неминуемой смерти сырое мясо «понтійской утки», питающейся ядовитыми гадами, такъ и увѣреніе египтянина Радамы, что египетскіе жрецы, похитившіе много тайнъ у природы, нашли способы противодѣйствовать ядамъ либо введеніемъ въ организмъ противодѣйствующихъ ядовъ, либо медленнымъ отравленіемъ организма посредствомъ пріема ядовъ въ мельчайшихъ, не убійственныхъ дозахъ.

И Митридатъ, этотъ рѣшительный, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся богатырь тѣломъ и духомъ, началъ производить смѣлые опыты надъ своимъ организмомъ. Онъ началъ съ опыта противоядія, на который натолкнулъ его случай съ виночерпіемъ Мосхиномъ. Мосхинъ, послѣ ужаленія его гадюкой, ужаленіе которой всегда смертельно, остался живъ, найдя противоядіе въ сыромъ мясѣ «понтійской утки», считавшей, повидимому, особеннымъ лакомствомъ питаться мѣстными ядовитыми гадюками. Между тѣмъ какъ начальникъ одного отряда тѣлохранителей Митридата, будучи укушенъ мѣстною ядовитою гадюкою, одною изъ тѣхъ, какая укусила Мосхина, и не прибѣгнувъ къ лѣченію сырымъ мясомъ «понтійской утки», питая къ нему отвращеніе, умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Митридатъ прибѣгъ къ первому опыту. Онъ безстрашно далъ ядовитому гаду укусить себя, и вылѣчился способомъ, къ которому тогда, на охотѣ, прибѣгъ и его виночерпій. Опытъ вполнѣ удался.

Затѣмъ, чтобы окончательно сдѣлать свой богатырскій организмъ неподдающимся отравѣ, онъ воспользовался указаніями Радамы относительно египетскихъ жрецовъ и сталъ постепенно вводить въ свой организмъ извѣстные въ то время яды самыми ничтожными дозами, восходя отъ малыхъ пріемовъ къ нѣсколько большимъ. И потому, впослѣдствіи, когда ему предстоялъ или позоръ слѣдовать, въ цѣпяхъ униженія, за тріумфальной колесницей побѣдителя подобно Югуртѣ, хотя бы и въ золотыхъ цѣ-

пяхъ, или позорно кончить жизнь въ мрачномъ и холодномъ подземельѣ Капитолія, гдѣ въ мукахъ кончилъ жизнь царь Нумидіи, и когда онъ зналъ, что ядъ уже не подѣйствуетъ на него, и онъ не можетъ отравиться, Митридатъ, отравивъ своихъ женъ и дочерей, чтобъ онѣ не достались побѣдителю, приказалъ рабу-наемнику заколоть себя.

Но до этого было еще далеко. Побѣдная звѣзда его все болѣе и болѣе восходила къ зениту и, казалось, затмевала собой блескъ побѣдной звѣзды гордаго, державнаго Рима, который былъ потрясаемъ внутренними усобицами и борьбой претендентовъ на всемірную власть. Митридатъ успѣлъ уже своимъ «плавающимъ городомъ» захватить Эгейское море, Македонію и Грецію, гдѣ демократы привѣтствовали его, какъ избавителя ихъ отъ римскаго ига.

Въ Римѣ состязались изъ-за власти два великана, не равные годами, но равные одинаковой энергіей и одинаковой жаждой господства. Марій, просто Кай Марій, нѣкогда нищій пастухъ единственной козы своей матери, этотъ крутолобый и горбоносый Марій, изъ пастуховъ поднявшійся до владычества надъ Римомъ и всѣмъ міромъ, Марій, побѣдитель Югурты и кровавая гроза кимвровъ и тевтоновъ, этихъ могучихъ варваровъ, Марій солдатъ, плебей и рядомъ съ нимъ молодой аристократъ, оптиматъ Сулла, не просто Люцій Сулла, а Люцій-Корнелій-Феликсъ Сулла, съ цѣлой вереницей знатныхъ предковъ, богачъ и другъ богачей Лукулла и Красса, вотъ тѣ двѣ силы, отъ столкновенія которыхъ потрясался Капитолій и весь державный Римъ.

Силу Марія перешибла сила Суллы, и послѣднему пришлось схватиться съ Митридатомъ, а Марій снова нищій, изгнанный изъ Рима, на развалинахъ Карѳагена, съ проклятіями въ душѣ на все человѣчество, долженъ былъ прислушиваться къ стуку оружія, доносившемуся до Карѳагена сначала отъ столкновенія Суллы съ греками, а потомъ съ Митридатомъ.

Узнавъ о добровольномъ подчиненіи Греціи Митридату, Сулла пришелъ въ ярость.

— Я имъ не македонскій мальчишка!—вскричалъ онъ, высаживая свои легіоны въ Пиреѣ, чтобы итти брать приступомъ Аѳины,—трупъ македонскаго молокососа (такъ называлъ онъ Александра Македонскаго) трижды перевернется въ гробѣ отъ зависти, когда я напомню имъ Херонею,—сказалъ онъ своему

помощнику и любимцу Лукуллу.—Македонскій мальчишка при Херонеѣ превратилъ въ прахъ Грецію Перикла и Ѳемистокла, а я этотъ прахъ совсѣмъ смету съ лица земли.

— Прикажи, императоръ, и я сегодня же, до прихода съ воскомъ Митридата, превращу въ прахъ самыя Аѳины, размечу статуи ихъ героевъ и изображенія боговъ, и на щебнѣ отъ Акрополя водружу метлу вмѣсто легіоннаго орла,—сказалъ Лукуллъ, строя въ боевые ряды свои залитыя въ желѣзо и мѣдь когорты.

— Да эти плясуны и скоморохи кромѣ метлы и не стоятъ ничего,—возбужденно говорилъ Сулла.—Мнѣ все извѣстно: дельфійская Пиѳія, по внушенію верховнаго жреца Аполлона въ Дельфахъ, прорекла Митридату «плавающій городъ», который разрушитъ «гнѣздо орловъ»... Понимаешь, какое гнѣздо?

— Римъ, императоръ,—отвѣчалъ Лукуллъ.

— Такъ иди, разнеси это гнѣздо осъ, которыя уже не кусаются, а только досадливо жужжатъ о своемъ прошломъ,—закончилъ Сулла.

И Аѳины были разметаны въ прахъ.

Оттуда Сулла двинулся къ Херонеѣ, навстрѣчу Митридату съ понтійскимъ войскомъ.

Противники встрѣтились на томъ самомъ полѣ, гдѣ, ровно 250 лѣтъ назадъ, пала вся «священная дружина» ѳиванцевъ подъ ударами македонскихъ фалангъ, и гдѣ вмѣстѣ съ «священною дружиною» шелъ на македонянъ великій Демосѳенъ, неся свою геніальную голову на алтарь отечества, какъ простой гоплитъ.

Сулла и Лукуллъ издали увидѣли Митридата. Ихъ поразило, что рядомъ съ исполинской фигурой царя Понта на бѣломъ конѣ ѣхала на такомъ же конѣ... они не вѣрили глазамъ своимъ! ѣхала дѣвушка, почти ребенокъ, съ лукомъ и стрѣлами и во главѣ конпаго отряда такихъ же молодыхъ дѣвушекъ

— Что это за видѣніе?—удивился Сулла.

— Это амазонки, императоръ!—отвѣчалъ Лукуллъ, не менѣе удивленный.

— Клянусь богами! Это что-то сказочное... точно читаешь Геродота,—недоумѣвалъ Сулла.

То былъ, дѣйствительно, отрядъ амазонокъ, сформированный любимицею Митридата, царевною Клеопатрою. За ними,

словно лѣсъ, темнѣло войско Митридата, состоявшее изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ.

Но Суллѣ и Лукуллу не долго пришлось предаваться изумленію.

Вдругъ неожиданно раздается пронзительный воинскій кличъ сотни женскихъ голосовъ, и амазонки, съ Клеопатрою впереди, прикрываясь щитами, быстро понеслись на передовой римскій легіонъ, пуская на скаку сотни стрѣлъ, которыя съ трескомъ ударялись о несокрушимые щиты римлянъ и тутъ же отскакивали.

Тогда засвистѣли въ воздухѣ метательныя копья римлянъ, и одною изъ первыхъ была поражена Клеопатра... Она пошатнулась на сѣдлѣ, и, безъ сомнѣнія, упала бы, еслибъ къ ней, какъ ураганъ, не принесся отецъ, и, подхвативъ ее на своего коня, не унесъ, словно малаго ребенка, въ глубину рядовъ своего войска, прижимая любимицу свою къ богатырской груди. За ними поскакали и другія амазонки *).

Этимъ случаемъ воспользовался Сулла, и участь битвы была рѣшена. Спасая дочь, Митридатъ потерялъ сраженіе. Не видя вождя, понтійское войско дрогнуло и дало тылъ...

— Это вторая и послѣдняя Херонея!—сказалъ Сулла, принося богамъ благодарную жертву.

VII.

Подъ знойнымъ солнцемъ Африки, на одномъ изъ обломковъ разрушенныхъ стѣнъ нѣкогда могущественнаго Карѳагена, сидѣлъ согбенный старикъ и, казалось, безумными глазами смотрѣлъ на разстилавшееся передъ нимъ море, на далекій горизонтъ, туда, гдѣ неизмѣримая даль скрывала своею таинственною пеленою Римъ, еще недавно е г о Римъ.

Жалкія рубища покрывали изможденное, нѣкогда могучее тѣло старика. Отъ пурпура его консульской тоги остались только

*) Геродотъ говоритъ, что «въ то время, когда греки воевали съ амазонками (скиѳы—поясняетъ Геродотъ—называютъ амазонокъ ойорпата—οἰόρπατα: отъ ойоръ—мужъ и пата—убить: мужеубійца), амазонки были побѣждены въ сраженіи, данномъ на берегахъ Ѳермодонта, и греки отправились на родину, увозя съ собой на трехъ корабляхъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ. Но въ открытомъ морѣ амазонки возмутились и перебили всѣхъ находившихся на корабляхъ мужчинъ». Геродотъ, IV, 110.

грязныя лохмотья. Покрытыя пылью и потрескавшіяся отъ зноя и грязи ноги опирались подошвами на жалкіе остатки истоптанныхъ сандалій съ оборванными ремнями. Лысую, ничѣмъ не покрытую голову страннаго старика жгли пламенные тучи полуденнаго нумидійскаго солнца.

— Жги, жги!—точно въ бреду бормоталъ самъ съ собою старикъ,—пламени мой мозгъ, солнце Югурты и Ганнибала... Ты безсильно надъ моимъ мозгомъ: онъ раскаленнѣе твоихъ лучей.

Все тѣло говорившаго представляло подобіе трупа, и только глаза его проявляли столько жизни, столько страшной энергіи, что видъ ихъ былъ ужасенъ.

— Га! Митридатъ? Тигранъ? Vir armenus! Armeniae rex!— бормоталъ страшный старикъ.—Да, они отхватили у Рима всю Азію, отъ Египта, отъ Пелузіума, черезъ все mare Infernum, черезъ всѣ Pontus Euxinus до Меотиды и царственной Пантикапеи.

Безумецъ помолчалъ. Онъ какъ будто прислушивался къ жалобному крику чаекъ, носившихся надъ моремъ.

— Тигранъ и Митридатъ хотятъ отнять у меня Римъ, державный Римъ!

Старикъ выпрямился и сильно толкнулъ ногою камень отъ развалинъ стѣны. Камень покатился, и изъ-подъ него выползла большая сѣрая змѣя и съ свистящимъ шипѣньемъ скрылась въ разщелинѣ стѣны.

— А! Сулла! Ехидна, отогрѣтая мною у сердца... Въ благодарность за то укусила смертоноснымъ жаломъ... Но я еще живъ... А пока я живъ, Арменіи и Понту не владѣть моимъ Римомъ.

Старикъ дико, хрипло разсмѣялся и безсильно поникъ головой.

Это былъ изгнанный изъ Рима Марій-нищій, Марій, какъ раненый левъ Нумидіи, ютившійся между грозными въ своемъ разрушеніи развалинами Карѳагена.

Марій глубоко задумался, и вся жизнь пронеслась передъ нимъ, какъ кровавая панорама.

Но отъ крови, отъ ужасовъ войны, по капризу разстроеннаго мозга, мысль его перенеслась къ далекому, золотому дѣтству... Маленькій, полуголый Марій въ горахъ своей родины пасетъ единственную козу своей матери... Отца онъ не зналъ... Умерла

и мать въ нуждѣ и лишеніяхъ... Марій взялся за плугъ, за чужой плугъ... А непокорная мысль неслась въ горы, къ горнымъ орламъ, къ далекому Риму... Плугъ не удержалъ горнаго орленка...

— Да, чужой плугъ... Я покинулъ его среди поля, и меня, выпорхнувшаго изъ родного гнѣзда орленка, пріютилъ Римъ... Вмѣсто плуга онъ далъ мнѣ мечь и копье... Этимъ мечомъ и этимъ копьемъ, подъ начальствомъ Сципіона, я, плечо въ плечо, копье въ копье съ молодымъ Югуртой, въ далекой Испаніи бралъ на копье Нуманцію... А потомъ я взялъ... Римъ... Римъ, весь міръ подклонилъ мнѣ подъ ноги мой побѣдный мечъ... Я сталъ владыкою вселенной... А теперь... теперь...

И несчастный заплакалъ.

У ногъ его тихо плескалось море. Ритмическія волны его, казалось, несли ему печальныя вѣсти изъ утраченнаго имъ Рима, но не привѣтъ, не призывъ...

Онъ вспомнилъ Югурту, нѣкогда друга своей молодости, и потомъ могущественнаго царя Нумидіи, врага Рима, и погрозилъ костлявой рукой кому-то на сѣверъ, по направленію къ невидимому Риму.

— О Югурта, Югурта! Я слышу, какъ звенятъ золотыя цѣпи, которыя надѣлъ на тебя твой бывшій другъ, твой побѣдитель Марій... А все это гнусный квесторъ Сулла... Онъ выманилъ тебя изъ Мавританіи, а я плѣнилъ тебя, льва пустыни... Я же, молодой консулъ державнаго Рима, консулъ отъ козы и плуга, гордо въѣзжалъ въ Римъ на тріумфальной колесницѣ, ведя тебя, моего друга, въ царскомъ одѣяніи и доспѣхахъ и въ золотыхъ цѣпяхъ!

Онъ горько, презрительно улыбнулся.

— И Марій гнусенъ, какъ гнусенъ весь родъ смертныхъ... О, великіе, вѣчные боги!

Но яркія кровавыя воспоминанія скоро вытѣснили изъ безумной головы это минутное самоосужденіе, позднее раскаяніе.

Вотъ галлы надвигаются къ владѣніямъ Рима. На Марія вторично Римъ возлагаетъ консульство... Во главѣ своихъ легіоновъ изъ пролетаріевъ, онъ пять лѣтъ подъ рядъ отбиваетъ галловъ, пять лѣтъ не слагая съ себя консульской власти и тоги, награждая свои когорты изъ пролетаріевъ правами римскаго гражданства, не спрашивая дозволенія сената.

Старикъ гордо улыбнулся. Сенатъ протестовалъ противъ незаконнаго надѣленія пролетаріевъ высокими правами римскаго гражданства. И какъ не улыбнуться!

— Я отвѣчалъ сенату: въ шумѣ войны я не могъ разслышать эхо закона!

И безумный старикъ громко расхохотался. Хохотъ его повторило эхо развалинъ.

Полупарализованный мозгъ старика продолжалъ работать въ извѣстномъ направленіи. Ему казалось, что Римъ, который онъ поднялъ на недосягаемую высоту, рухнетъ подъ властью гнуснаго Суллы, и по священному пути его, по via sacra, будутъ всходить на высоты Капитолія побѣдители Рима, Митридатъ понтійскій и Тигранъ, царь Арменіи, властитель Азіи.

— Не бывать этому! Не бывать!—яростно вскрикнулъ безумецъ.—Скорѣе безсмертные боги падутъ съ высотъ Олимпа подъ пяты Митридата и Тиграна!

И онъ грозилъ жалкимъ кулакомъ куда-то на востокъ, запахиваясь въ свою нищенскую, продырявленную тогу.

— Кимвры и тевтоны не вамъ чета, а Марій уложилъ ихъ трупами, какъ снопами, все Равдійское поле, превративъ воды поля въ кровавый настой... И Римъ наградилъ Марія въ шестой разъ консульской властью.

Старикъ съ упорствомъ маніака вперилъ жадный взоръ на сѣверъ, къ невидимому Риму.

— Наградитъ и въ седьмой разъ!—почти крикнулъ онъ.—Сивилла Сиріи предсказала мнѣ, что я семь разъ буду консуломъ, и буду, клянусь Тартаромъ!

Вдругъ изъ-за выступовъ разрушенныхъ стѣнъ показалось нѣсколько всадниковъ. При видѣ ихъ Марій принялъ величественную осанку, выпрямился и гордо запахнулъ свою нищенскую тогу, вызывающе глядя на приближающихся. То были посланные проконсуломъ центуріонъ и два конныхъ воина

Марій ждалъ ихъ неподвижно. Казалось, это возсѣдало на камняхъ гранитное изваяніе.

— Старикъ! — возвысилъ голосъ центуріонъ, остановивъ коня передъ Маріемъ. — Проконсулъ приказалъ прогнать тебя отсюда.

Глаза старика такъ зловѣще сверкнули, что всадники со

страхомъ попятилась назадъ, а лошадь центуріона стала даже на дыбы.

— Поди и скажи своему господину, что ты видѣлъ Марія на развалинахъ Карѳагена, Марія!—словно мечъ, прорѣзалъ воздухъ голосъ страшнаго старика.

Точно гонимые фуріями, всадники ускакали обратно. Кровавая слава Марія облетѣла весь тогдашній міръ, и посланные проконсула, услыхавъ это страшное имя, бѣжали, объятые ужасомъ.

Въ это время изъ-за развалинъ стѣны, на обломкахъ которой изгнанникъ Рима ждалъ чуда, седьмого консульства, показалась старуха, что-то страшное, что-то въ родѣ привидѣнія, и, бормоча непонятныя слова, подвигалась къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Марій. Волосы старухи сѣдыми космами безпорядочно выбивались изъ подъ грязнаго покрывала, придавая лицу старухи выраженіе нетлѣнной муміи. Какъ и Марій, она прикрыта была жалкими лохмотьями. Въ одной рукѣ старуха держала глиняный сосудъ съ длиннымъ горлышкомъ, въ другой что-то завернутое въ тряпку.

— Здравствуй, великій консулъ!—пробормотала мумія.— Твоя Сивилла принесла тебѣ скудную дань отъ уцѣлѣвшихъ дѣтей разрушеннаго Карѳагена. Сивилла сказалъ имъ, что она питаетъ того, который скоро зальетъ потоками крови неблагодарный Римъ.

И она подала Марію принесенный ею сосудъ и горсть финиковъ.

Это и была сирійская Сивилла, хотя родомъ она была египтянка цыганскаго типа. Родилась она въ Пелузіумѣ, гдѣ и похищена была пиратами сирійскаго побережья. Пираты продали ее римскимъ работорговцамъ, и въ Римѣ она поступила рабыней въ знатный домъ Юліевъ. Молодой Марій, уже прославившійся военными подвигами въ Испаніи, часто бывалъ въ этомъ домѣ, съ которымъ вскорѣ и породнился, женившись на дочери Кая Юлія, увидалъ тамъ Сивиллу и, узнавъ, что она отгадываетъ будущее, попросилъ ее предсказать и его судьбу.

— Ты семь разъ будешь повелѣвать Римомъ,—сказала ворожея,—семь разъ будешь консуломъ.

Марій, пасшій когда-то козу, не надѣялся изъ простыхъ воиновъ подняться на такую высоту; но когда ему вручили кон-

сульство въ войнѣ съ Югуртой, онъ повѣрилъ въ пророчество египтянки и назвалъ ее своей Сивиллой, и съ тѣхъ поръ не разлучался съ нею: египтянка постоянно сопровождала консула во всѣхъ его кровавыхъ походахъ. Даже теперь, когда онъ бѣжалъ изъ Рима и, подобно голодному шакалу, скитался среди развалинъ Карѳагена, египтянка не покидала его и, собирая милостыню, кормила бывшаго повелителя Рима, упорно гипнотизируя его разстроенный мозгъ своими внушеніями и доказывая, что скоро наступитъ его седьмое консульство.

Марій съ жадностью припалъ пересохшими губами къ принесенному египтянкой глиняному сосуду: тамъ было вино. Упорная борьба съ Суллой изъ-за власти и неудачи заставили бывшаго шесть разъ консуломъ побѣдителя Югурты пить съ горя, и пьянство помутило окончательно его разсудокъ.

— Не сразу все выпей, — остановила египтянка жадно глотавшаго вино Марія,—я не хочу, чтобъ ты умеръ, не доживъ до седьмого консульства.

— Доживу,—увѣренно сказалъ фанатикъ, — моего меча ждутъ Митридатъ и Тигранъ.

VIII.

Марій не безъ основанія опасался Митридата и Тиграна, этихъ могущественныхъ противниковъ Рима.

Армяне съ самыхъ первыхъ историческихъ временъ играли руководящую роль въ судьбахъ народовъ всего Востока. Это была выдающаяся по своимъ дарованіямъ и національной твердости раса, рѣдкая по своей духовной устойчивости.

Въ то время, когда начинается наше повѣствованіе, Арменія владѣла всею переднею Азіею. Сирія, Финикія, Киликія, Пергамъ, часть Кавказа, всѣ эти богатѣйшія и населеннѣйшія страны властно захватили потомки Тиграна I-го и Ахеменидовъ. Митридатъ, такъ сказать, одною ногою опирался о южные берега Понта у Синопа, другою о сѣверный уголъ Меотиды съ Пантикапеей. Отдавъ дочь свою за Тиграна, сидѣвшаго на золотомъ тронѣ въ Артаксатѣ, онъ располагалъ несмѣтными богатствами и несокрушимыми силами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ титановъ, которые вели борьбу съ богами.

Гигантъ ростомъ и почти нечеловѣческой силы, исчерпав-

шій всю эллинскую мудрость, обладая непостижимою способностью усвоить знаніе двадцати-пяти языковъ и нарѣчій современныхъ ему народовъ, закаливъ свой организмъ до неуязвимости никакими ядами, опытный и неутомимый въ войнѣ, Митридатъ, въ союзѣ съ своимъ зятемъ Тиграномъ, являлся страшнымъ соперникомъ для Рима, который доселѣ не имѣлъ равнаго себѣ противника.

Вотъ съ кѣмъ мечталъ помѣряться силами безумствовавшій Марій.

Сивилла сказала правду, Марій получилъ седьмое консульство. Диктаторъ Цинна, чтобы не дать власти на руки Суллѣ, самъ призвалъ африканскаго скитальца съ развалинъ Карѳагена въ Римъ.

И вотъ Марій возвращается. Ничего подобнаго не видѣла Италія со дня основанія Рима, не видѣла ничего, подобнаго шествію Марія къ Риму.

По прежнему въ грязи, въ рубищахъ, теперь уже совсѣмъ босой, въ сопровожденіи страшной старухи, онъ подходилъ къ воротамъ Рима по Аппіевой дорогѣ. Навстрѣчу ему вышли Цинна и благородный Серторій во главѣ своихъ когортъ. Квесторъ Рима вынесъ для него почетное одѣяніе и всѣ знаки власти. Марій молча отстранилъ рукою и почетную тогу, и сандаліи, и знаки власти. Онъ хотѣлъ, чтобы Римъ и его легіоны видѣли, какимъ возвращается изъ изгнанія ихъ гордость, ихъ слава, ихъ Марій, этотъ богъ войны и побѣдъ.

Узнавъ объ этомъ, римляне пришли въ ужасъ и отправили навстрѣчу разгнѣванному изгнаннику почетную депутацію униженно просить пощады для Рима.

Депутація встрѣтила его въ воротахъ.

— Именемъ боговъ, пощады, пощады, великій полководецъ!—молили депутаты.

Марій молчалъ.

Войдя въ ворота, онъ знакомъ, мановеніемъ костлявой руки, велѣлъ ихъ запереть.

Цинна и Серторій стали просить за Римъ.

— Смерть! Смерть!—вотъ единственныя слова, которыя произнесъ страшный старикъ, вступивъ въ Римъ.

И нѣсколько мѣсяцевъ смерть царила надъ Римомъ.

Уставъ мстить, безумецъ ринулся съ своими когортами въ Азію.

Вѣсть о походѣ Марія быстро достигла до Артаксаты, второй столицы Арменіи.

Ее привезъ гонецъ изъ Синопа, посланный архонтомъ этого города, управлявшимъ столицею Понта за отсутствіемъ Митридата, который вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Тиграномъ находился въ столицѣ Иверіи, у иверскаго царя Артока.

Вѣсть эта какъ громомъ поразила Калліопу, жену Тиграна. Молодая царица не знала, зачѣмъ ея мужъ и отецъ Митридатъ отправились къ Артоку. Тигранъ сказалъ женѣ, что они ѣдутъ туда охотиться на газелей и горныхъ барановъ; но она подозрѣвала, подслушавъ нечаянно тайный разговоръ отца и мужа, что они отправились къ Артоку заключить съ иверами и албанцами, предками дагестанцевъ, союзъ для борьбы съ Римомъ.

Она велѣла позвать гонца къ себѣ.

— Какъ въ Синопѣ узнали о походѣ римлянъ?—спросила она.

— Вѣсть эту, царица, принесли въ Синопъ съ моря рыбаки, которые охотились на дельфиновъ,—отвѣчалъ гонецъ.—Они видѣли римскія триремы, полныя войска.

— Но, можетъ быть, они идутъ на колховъ... Можетъ быть, до Рима дошелъ слухъ, что въ Колхидѣ найдено новое «золотое руно», неизсякаемое богатство золота.

— Можетъ быть, царица,—почтительно поклонился гонецъ.—Но рыбаки говорятъ что-то страшное, загадочное.

— На передовой триремѣ, на возвышеніи, они видѣли, должно быть, вождя, въ одѣяніи консула, который, точно безумный, простиралъ впередъ руки и страшнымъ голосомъ кричалъ: Я Митридата и Тиграна, подобно Югуртѣ, введу въ Римъ за моей тріумфальной колесницей закованными въ золотыхъ цѣпяхъ.

Калліопа готова была упасть въ обморокъ, но прислужницы поддержали ее.

— Какія же еще вѣсти?—упавшимъ голосомъ спросила она.

— Не смѣю, царица, сказать,—робко отвѣчалъ гонецъ.—Можетъ быть, рыбакамъ это показалось.

— Что же? Говори: я должна все знать.

— Они говорятъ, царица, что около вождя, который гро-

зилъ нашимъ царямъ, да хранятъ ихъ боги, стояло страшное видѣніе, женщина, и они приняли ее за фурію, какъ изображаютъ адскихъ фурій римскіе скульпторы.

Калліопа, дитя своего вѣка вѣрила въ реальное существованіе и фурій, и эвменидъ, и всѣхъ обитателей Олимпа и Тартара. Она въ отчаяніи заломила руки.

— О, безсмертные боги! Пощадите моего отца и мужа... Я принесу вамъ двѣ гекатомбы, я сожгу для васъ горы благовоній.

Приближенные царицы старались успокоить ее и тотчасъ же отправили гонцовъ въ Иверію.

Марій, между тѣмъ, присталъ съ своей флотиліей къ тому мѣсту берега Понта Эвксинскаго гдѣ, около трехсотъ лѣтъ назадъ, Ксенофонтъ и его воины, возвращаясь изъ Персіи, въ первый разъ увидѣли море послѣ долгаго блужданія по пустынямъ и дебрямъ и радостно кричали: «Thalassa! Thalassa!».

Оставивъ здѣсь флотилію съ достаточнымъ числомъ воиновъ для защиты отъ туземцевъ, подвластныхъ частію Митридату, частію царю Арменіи, когорты Марія двинулись внутрь страны по направленію къ Артаксатѣ. Впереди своихъ когортъ, предшествуемый легіоннымъ орломъ, несомымъ знаменосцемъ, великаномъ изъ самнитянъ, ѣхалъ Марій, весь залитый въ золоченыя латы и панцырь съ блестящимъ шлемомъ на головѣ. Рядомъ съ нимъ, также верхомъ на черномъ конѣ, слѣдовала неразлучная съ своимъ консуломъ Сивилла съ трепетавшими по вѣтру сѣдыми космами. Своимъ видомъ она наводила ужасъ даже на римлянъ. Но туземцы, черезъ владѣнія которыхъ проходили когорты тяжеловооруженныхъ гоплитовъ, макроны и таохи, при видѣ Марія съ страшной египтянкой и грозныхъ римскихъ латниковъ съ блестящими щитами и копьями, въ ужасѣ бросались вмѣстѣ съ дѣтьми со скалъ въ пропасти и разбивались вдребезги.

И только халибы, ближайшіе сосѣди армянъ, оказывали сопротивленіе римлянамъ, это тѣ халибы, которые нападали на воиновъ Ксенофонта, и о которыхъ послѣдній въ своемъ знаменитомъ «Anabasis» говоритъ:

«Отсюда они (эллины, воины Ксенофонта) прошли въ семь переходовъ пятьдесятъ парасанговъ черезъ страну халибовъ. Это былъ храбрѣйшій народъ изъ тѣхъ, съ которыми эллины имѣли дѣло въ своемъ походѣ. Они вступали съ ними въ руко-

пашный бой. Халибы носили льняные панцыри, доходящіе до живота. Нижняя часть этихъ панцырей состояла изъ густо сплетенныхъ шнурковъ. Они имѣли также набедренники и шлемы; на поясахъ у нихъ висѣли мечи, приблизительно такой же формы, какъ спартанскіе. Этими мечами они всѣхъ убивали, кто только попадался имъ въ руки. Они отрѣзывали у убитыхъ головы, и, неся ихъ впереди, отправлялись дальше, танцовали и пѣли, въ то время, когда непріятель могъ ихъ видѣть. Копья ихъ были длиною въ 15 греческихъ аршинъ и имѣли только съ одной стороны заостренное желѣзо. Они оставались въ своихъ недоступныхъ мѣстахъ; а когда эллины проходили мимо, то они преслѣдовали ихъ и сражались».

Пока когорты Марія двигались черезъ земли макроновъ, таоховъ и халибовъ, все истребляя на своемъ пути, Митридатъ и Тигранъ, извѣщенные объ опасности, быстро поспѣшили изъ Иверіи къ Артаксатѣ и, наскоро собравъ войска, стоявшія въ Артаксатѣ и въ сосѣднихъ мѣстахъ, а также призвавъ черезъ гонцовъ макроновъ, таоховъ и халибовъ къ совмѣстному дѣйствію противъ врага, поспѣшили преградить римлянамъ путь столицѣ Арменіи.

Когортамъ Марія съ окружающихъ горныхъ высотъ уже сверкали на далекомъ горизонтѣ снѣжная вершина Арарата-Масиса и острый шпицъ Арагадза, нынѣ Алагезъ, когда противники встрѣтились. Римляне издали воинственный кличъ, ударяя копьями въ щиты.

Марій выпрямился на сѣдлѣ. На мертвенномъ лицѣ его проступило нѣчто вродѣ слабаго румянца, и глаза его загорѣлись дикой отвагой.

— Римляне!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ когортамъ.— Съ вершины той далекой ледяной горы,—онъ указалъ на Араратъ,—какъ съ высотъ Олимпа будутъ взирать на нашу битву безсмертные боги, какъ съ высотъ Иды взирали они нѣкогда на битву данаевъ съ троянцами. Какъ Ахиллесъ, привязавъ къ своей побѣдной колесницѣ трупъ сраженнаго имъ Гектора, влачилъ его во прахѣ по полю битвы, такъ я скоро буду влачить трупъ сраженнаго мною Митридата, привязавъ его къ хвосту моего нумидійскаго боевого коня.

Когорты отвѣчали на рѣчь вождя радостными, воинственными криками.

— А я,—потрясая щитомъ и копьемъ, воскликнула страшная египтянка,—я буду носиться по полю брани, какъ Беллона, съ трупомъ Тиграна у хвоста моей мавританской кобылицы.

— Трубите смерть варварамъ и врагамъ священнаго Рима!—махнулъ Марій трубачамъ.

Трубы затрубили, и имъ отвѣтили ужасающимъ ревомъ стройные ряды армянскаго войска и нестройныя толпы халибовъ, таоховъ и макроновъ.

Римляне, издавъ воинственный кличъ, ринулись на непріятеля, потрясая щитами съ копьями наперевѣсъ.

— Смерть Митридату! Смерть Тиграну!

Когорты узнали звонкій металлическій голосъ своего вождя, который уже врѣзался въ ряды непріятеля и какъ ураганъ носился изъ конца въ конецъ, опрокидывая все встрѣчавшееся на пути и безпрестанно повторяя: «Смерть Митридату! Смерть Тиграну!»

За Маріемъ, какъ вихрь, носилась ужасная египтянка. Сѣдыя космы ея трепались въ воздухѣ и казались живыми, подобно змѣямъ на головѣ Медузы.

— Боги моего родного Египта!—хрипло кричала фурія.—Покажите мнѣ лицо Тиграна!

И два страшныхъ всадника носились съ одного края битвы до другого, а за ними леталъ легіонный орелъ, блестя на солнцѣ своимъ золоченіемъ.

Суевѣрный страхъ напалъ на толпы макроновъ и таоховъ, и они, гонимые ужасомъ, бросились врассыпную. Даже мужественные халибы были объяты страхомъ при видѣ такого чудовища, какъ скачущая по рядамъ ужасная египтянка, и тоже обратились въ бѣгство.

Остались одни армяне, но и тѣ не выдержали желѣзнаго натиска римлянъ. Нѣсколько разъ Митридатъ и Тигранъ метали свои копья въ бѣшено носившихся Марія и ужасную его спутницу, но всякій разъ носители легіонныхъ орловъ, всѣ изъ школы гладіаторовъ страшнаго Спартака, отбивали смертоносныя копья царей Понта и Арменіи то своими щитами, то древками легіонныхъ орловъ.

Наконецъ, и ряды армянъ дрогнули, опасаясь быть отрѣзанными нѣкоторыми когортами, заходившими имъ въ тылъ. Началось безпорядочное отступленіе и поголовная рѣзня. Но ни одинъ

армянинъ не дался живымъ въ руки, закалывая себя въ послѣдній моментъ.

— Смерть Митридату! Смерть Тиграну!—все еще раздавался безумный возгласъ двухъ страшныхъ существъ, носившихся по полю, покрытому трупами и залитому кровью, одного на бѣломъ, другого на черномъ конѣ.

Но скоро и этотъ возгласъ умолкъ, а страшные всадники все носились по полю, перепрыгивая только черезъ трупы павшихъ въ бою, ибо непріятель, преслѣдуемый побѣдителями, давно скрылся въ сосѣднемъ лѣсу.

Скоро, однако, римляне замѣтили, что ихъ вождь носился по кровавому полю, припавъ блестящимъ шлемомъ къ гривѣ коня и опустивъ руки вдоль его шеи. Когда же воинамъ удалось остановить коня Марія, то они увидѣли, что вождь ихъ мертвъ!.. Мертвый побѣдитель!

Когда мертваго Марія сняли съ коня, египтянка съ воплемъ упала на его трупъ.

— О! Марій выполнилъ мое прорицаніе до конца, онъ семь разъ былъ консуломъ... Великій воинъ!.. Плачьте надъ его тѣломъ, боги Рима и Египта... О, вѣчные боги!

Сердце Марія, который передъ битвой выпилъ слишкомъ много вина, не выдержало послѣдняго возбужденія и вдохновенія битвы и лопнуло.

IX.

Положивъ на соединенные щиты тѣло своего вождя-побѣдителя, котораго они боготворили, римляне съ тріумфомъ понесли его на своихъ плечахъ съ поля побѣды, гоня во слѣдъ ему толпы плѣнныхъ халибовъ, таоховъ и макроновъ.

Возвращаясь къ оставленной на морѣ своей флотиліи и проходя по землямъ халибовъ, таоховъ и макроновъ, побѣдители подвергали новому разрушенію и огню все встрѣчавшееся на пути и захватывали въ плѣнъ женъ и дѣтей побѣжденныхъ народовъ, чтобы присутствіемъ въ Римѣ, на тріумфѣ мертваго побѣдителя, возможно большаго числа плѣнныхъ возвеличить славу любимаго вождя.

Достигнувъ мѣста стоянки своей флотиліи, римляне немедленно вытесали изъ берегового гранита раку и, положивъ въ нее

обнаженное тѣло Марія, залили ее доверху чистымъ, какъ слеза, медомъ, для предохраненія тѣла отъ разложенія, и прикрыли раку каменной плитой. Такъ въ древности сохраняли тѣла въ меду иногда на продолжительное время. Такъ и Иродъ, царь Іудеи, долго сохранялъ въ меду убитую имъ, безумно любимую супругу Маріамму.

Потомъ римляне принесли жертвы богамъ, какъ споспѣшествовавшимъ ихъ побѣдѣ надъ Митридатомъ и Тиграномъ, такъ и тѣмъ, которые должны были благопріятствовать ихъ предстоявшему плаванію по морямъ.

— Безсмертный Эолъ милостиво надуваетъ наши паруса,— сказалъ навмархъ флотиліи,—воспользуемся же милостями боговъ.

— Здѣсь, въ Понтѣ, трезубецъ безсмертнаго Нептуна не всегда спокойно стоитъ въ углу его подводнаго жилища,—замѣтилъ одинъ изъ центуріоновъ.

— Да, меня разъ тутъ жестоко трепалъ Борей, когда я съ славнымъ Цицерономъ плылъ къ храму Ифигеніи въ Тавридѣ, куда стремился ораторъ, чтобъ поклониться жертвеннику, у котораго священнодѣйствовала благородная дочь Агамемнона,— сказалъ навмархъ.

— Но достаточенъ ли у насъ запасъ воды?—обратился онъ къ проходившему мимо своему помощнику.

— Воды хватитъ до Босфора и Пропонтиды,—былъ отвѣтъ.

Жалобными воплями огласили воздухъ плѣнные, женщины и дѣти, несчастные макроны, таохи и халибы воплями прощались съ родными мѣстами, которыхъ имъ больше не суждено было увидѣть. Жестокое время!..

Боги благопріятствовали плаванію римлянъ, и только Сцилла и Харибда за что-то разгнѣвались на триремы, на которыхъ возвращалось на родину римское войско съ тѣломъ своего вождя, и чтобы умилостивить морскихъ чудовищъ, съ каждой триремы пришлось выбросить въ бушевавшіе водовороты по мальчику и дѣвочкѣ, невинныхъ дѣтей макроновъ, таоховъ и халибовъ.

Только къ «идамъ» лѣтняго солнцестоянія флотилія прибыла къ устьямъ мутнаго Тибра, священной рѣки римлянъ

Извѣщенный черезъ гонца о прибытіи флотиліи съ тѣломъ побѣдителя царей понтійскаго и армянскаго, Римъ поспѣшно сталъ приготовляться къ торжественной встрѣчѣ праха того, чье

грозное имя было пронесено во всѣ концы тогдашняго міра и наполнило неувядаемою славою державный Римъ—городъ Сципіоновъ и Гракховъ. На форумѣ тотчасъ же воздвигнута была тріумфальная арка, увѣнчанная лаврами и черными, траурными розами изъ садовъ Тускулума и Тибура. Вдоль портиковъ храмовъ устроены были сидѣнья для знатнѣйшихъ римскихъ гражданъ и наиболѣе почтенныхъ матронъ.

Скоро насталъ и день въѣзда мертваго тріумфатора.

Тріумфаторъ мертвецъ! Небывалое явленіе въ городѣ Ромула и Рема!

Съ утра весь ходъ по «священному пути», по «via sacra», и боковыя пространства по форуму вплоть до высотъ Капитолія, до подножія Тарпейской скалы и до портиковъ храма Юпитера Капитолійскаго, все свободное отъ шествія процессіи пространство было залито ликующимъ даже во всенародной печали о великой утратѣ Римомъ. Навстрѣчу мертваго тріумфатора вышли всѣ власти Рима: врагъ Марія Сулла, Цинна, Серторій, сластолюбецъ Лукуллъ, молодые Крассъ, Гней Помпей, весь сенатъ въ полномъ составѣ, весталки въ своихъ бѣлоснѣжныхъ одѣяніяхъ, всѣ члены сословія всадниковъ, эдилы и дѣти знатнѣйшихъ гражданъ, мальчики и дѣвочки, усыпавшіе цвѣтами мостовую «форума» и весь «священный путь».

Наконецъ, показалась процессія. По via sacra медленно двигалась тріумфальная колесница, везомая четырьмя прекрасными бѣлыми конями. Съ праваго боку колесницы шелъ сынъ тріумфатора, Марій Младшій, съ печатью глубокаго горя на мужественномъ лицѣ; съ лѣваго—государственный «клеветникъ», который, однако, хранилъ глубокое молчаніе, согласно кодексу римскаго народнаго обычая: «de mortuis aut bene, aut nihil».

— О, великіе боги!—пронесся шопотъ ужаса по форуму и вдоль священнаго пути.

И было отчего! На золоченой тріумфальной колесницѣ возсѣдалъ... мертвецъ! Увѣнчанная лаврами мертвая голова была приклонена къ пологой спинкѣ колесницы. Бѣлая мантія, вышитая золотомъ, отчетливо оттѣняла страшное до ужаса, худое до неузнаваемости лицо мертвеца, которое, казалось, грозило новыми ужасами Риму за былое оскорбленіе, за изгнаніе, за скитаніе по развалинамъ разрушеннаго Кароагена.

Но что вселяло въ зрителей еще большій ужасъ, такъ это то видѣніе, тотъ страшный обликъ чудовища, которое стояло на колесницѣ позади мертвеца и правило конями, везшими колесницу.

— О, великая Прозерпина!—послышался стонъ изъ рядовъ весталокъ.—Это одна изъ фурій Тартара. Какой ужасъ!

— Это Сивилла египтянка, предсказывавшая, что Марій семь разъ будетъ консуломъ, и предсказаніе ея оправдалось,—сказалъ молодой Помпей юной весталкѣ.—Не бойся, жрица великой Весты.

— Эта страшная мегера сопровождала Марія во всѣхъ походахъ и битвахъ,—добавилъ юный Крассъ, любуясь хорошенькой весталкой и думая про себя,—и такая красота, такой пышный цвѣточекъ долженъ завянуть въ храмѣ богини!

Между тѣмъ возбуждавшая ужасъ египтянка, казалось, никого не видѣла и ни на кого не глядѣла:—ея взоръ, горѣвшій какимъ-то дикимъ огнемъ, какъ будто видѣлъ передъ собою что-то далекое и никому невидимое. Это далекое и невидимое была ея родина, далекій Египетъ съ священнымъ Ниломъ и вѣчными пирамидами, которыхъ ей уже не суждено было увидѣть.

Вслѣдъ за колесницей мертваго тріумфатора между рядами когортъ Марія съ высоко поднятыми легіонными орлами двигались толпы плѣнныхъ халибовъ, таоховъ, макроновъ съ ихъ женами и дѣтьми, которыя съ невыразимымъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ леденящимъ душу ужасомъ, смотрѣли дикими глазами на все это невиданное, чего не рисовало имъ даже воображеніе въ горахъ и дебряхъ ихъ далекой, увы! навѣки потерянной родины, смотрѣли съ дикимъ ужасомъ на невиданныя ими лица, одѣянія, на всѣ эти дворцы, храмы и портики.

— Какой великій духъ отлетѣлъ отъ Рима!—грустно сказалъ Цинна, глядя въ мертвое лицо поровнявшагося съ нимъ тріумфатора.

— А сколько тысячъ душъ этотъ великій духъ отправилъ въ область Тартара,—покачалъ головою Серторій, этотъ прекраснодушный сынъ желѣзнаго Рима.

— Да, это участь всего великаго,—замѣтилъ стоявшій тутъ же хмурый Сулла, вспомнивъ, сколько тѣней, отправленныхъ и имъ въ этотъ Тартаръ, ждутъ его тамъ.

Нѣсколько въ сторонѣ, ближе къ Тарпейской скалѣ, уже все

было приготовлено къ сожженію трупа. Тамъ возвышался похоронный костеръ, воздвигнутый въ формѣ алтаря и сложенный изъ сухого еловаго лѣса. Около костра полукругомъ стояли жрецы Изиды въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и съ хлѣбными колосьями въ рукахъ. Не было только у костра, обычныхъ при похоронахъ, изображеній предковъ усопшаго, ибо у Марія, вышедшаго изъ неизвѣстности, не было предковъ. Далѣе стояли обычныя плакальщицы въ траурныхъ одѣяніяхъ. Въ черныя одѣянія драпированы были и носильщики, державшіе въ рукахъ зажженные факелы.

Какъ только остановилась тріумфальная колесница, жрецы торжественно двинулись къ ней, а за ними слѣдовали носильщики.

Откуда-то раздалась невидимая, тихая и печальная похоронная музыка, сливавшаяся съ похоронным пѣніемъ плакальщицъ.

По знаку старшаго жреца Изиды, носильщики сняли съ колесницы тѣло тріумфатора и, плавно, торжественно донеся его до костра, возложили на это послѣднее ложе великаго римлянина, побѣды котораго прославили Римъ и покрыли безсмертіемъ имя Марія.

Египтянка стояла у костра мрачная и неподвижная, какъ изваяніе.

По знаку старшаго жреца Изиды, факельщики со всѣхъ сторонъ подожгли костеръ, и онъ мгновенно вспыхнулъ, какъ гигантское паникадило.

Вдругъ вопли плакальщицъ неожиданно слились съ дикими, душу раздирающими воплями женщинъ и дѣтей плѣнныхъ халибовъ, таоховъ и макроновъ, и казалось, что это неслись къ небу вопли всего Рима и всѣхъ тѣхъ, кого при жизни осиротилъ ужасный покойникъ.

Испустивъ дикій, какой-то нечеловѣческій крикъ, страшная египтянка упала на трупъ уже полусожженнаго Марія и тутъ же вмѣстѣ сгорѣла съ нимъ, смѣшавъ пепелъ отъ своего испепелившагося тѣла съ пепломъ отъ тѣла Марія.

X.

Клеопатра, любимая дочь Митридата, раненая при Херонеѣ и тѣмъ, по своей женской слабости, способствовавшая тому, что

Митридатъ изъ-за нея потерялъ первую битву съ римлянами, не могла простить себѣ этой слабости.

— Это позоръ! — металась она въ лихорадочномъ жару, когда отецъ ея собственноручно, при помощи стараго Фокіона, перевязывалъ ей раненую руку въ своей каютѣ на кораблѣ, возвращаясь изъ Греціи со всѣмъ флотомъ и понтійскимъ войскомъ въ Синопъ.—Мнѣ стыдно будетъ смотрѣть въ глаза моимъ амазонкамъ.

— Ничего, дочь моя,—успокаивалъ ее Митридатъ,—когда заживетъ твоя рана, она же не смертельная, то ты въ первой же битвѣ съ Суллой и обжорою Лукулломъ докажешь свое мужество и отмстишь за Херонею и за свою рану. Я же постараюсь пріобрѣсти новыхъ союзниковъ въ гелахъ и легахъ *).

— Ужъ не по способу ли, описанному у Геродота?—улыбнулся Фокіонъ.

— По какому способу?—спросилъ Митридатъ.

— Какъ! Ты, мой лучшій и способнѣйшій ученикъ, не читалъ Геродота!—немножко вспылилъ старый учитель.

— Ты же знаешь, дорогой наставникъ, что я съ дѣтства не охотно читалъ этого «отца исторіи»,—успокаивалъ его Митридатъ,—въ немъ много басенъ, сказокъ, много невѣроятнаго. Зато я страстно любилъ Ѳукидида и Ксенофонта. Я съ жадностью перечитывалъ, бывало, «Анабазисъ» послѣдняго, особенно гдѣ онъ описываетъ проходъ его войска черезъ мои теперешнія владѣнія, по землямъ халибовъ, таоховъ и фазіанъ **)... Такъ о какомъ способѣ у Геродота ты заговорилъ?—спросилъ онъ, окончивъ перевязку раненой руки дочери и давъ ей успокоительнаго питья.

— При царевнѣ это не совсѣмъ ловко говорить,—шопотомъ отвѣчалъ Фокіонъ.—Вотъ выйдемъ на палубу, и я напомню тебѣ разсказъ Геродота.

Клеопатра, послѣ успокоительнаго питья, скоро заснула, и Митридатъ съ Фокіономъ вышли на палубу.

Понтійская флотилія двигалась стройно при попутномъ вѣтрѣ. Вдали уже виднѣлись, словно облачка, дымчатыя очертанія острова Лемноса. Пурпурные паруса царскаго корабля «Дафны», горѣли еще большимъ пурпуромъ отъ багроваго за-

---

*) По Плутарху γέλαι и Λαγγε.
**) По Ксенофонту ταόχοι и φασιανοί. IV, 6.

ката солнца. Чайки, видимо, собирались на ночлегъ и пронзительно перекликались въ воздухѣ. На одномъ изъ дальнихъ кораблей матросы тянули заунывную пѣсню таоховъ.

— Что, вѣрный Артосъ, успѣемъ къ утру войти въ Геллеспонтъ?—спросилъ Митридатъ своего главнаго кормчаго, начальника-тріерха не только царской триремы, но и всѣхъ тріерховъ понтійскато флота.

— Если Эолъ, которому царь приноситъ жертвы, будетъ милостивъ къ царю,—отвѣчалъ не вѣрившій въ Эола колхъ.

— Такъ что болтаетъ Геродотъ, чего нельзя говорить при моей дочери?—напомнилъ Митридатъ своему учителю о его обѣщаніи.

— Геродотъ въ четвертой книгѣ говоритъ, — началъ Фокіонъ,—что когда греки въ отдаленныя времена, еще задолго до Геродота, воевали съ амазонками, которыхъ скиѳы называли ойорпата, οἰορπατά, «убійцами мужей», отъ скиѳскаго слова «ойоръ» мужчина и «пата» убивать, такъ когда греки воевали съ амазонками, послѣднія были побѣждены въ сраженіи, даномъ на берегахъ Ѳермодонта...

— О, это въ теперешнихъ моихъ владѣніяхъ,—замѣтилъ Митридатъ.—Ѳермодонтъ моя рѣка.

— Твоя, царь, конечно,—кивнулъ головой Фокіонъ.

— Ну, что жъ амазонки?—спросилъ Митридатъ, заинтересованный разсказомъ стараго учителя.

— Такъ вотъ, разбивъ амазонокъ и взявъ многихъ въ плѣнъ, греки отправились на родину, увозя съ собой на трехъ корабляхъ своихъ плѣнницъ. Но амазонки и въ плѣну не дремали. Въ открытомъ морѣ онѣ взбунтовались и перебили всѣхъ грековъ, находившихся на корабляхъ.

— Однако! Если только это не сказка,—усомнился Митридатъ.

— Зачѣмъ сказка? Вѣдь царевна Клеопатра, я самъ видѣлъ, на всемъ скаку поразила стрѣлой горнаго тура и потомъ раскроила ему лобъ «сагарисомъ» *),—возразилъ Фокіонъ.

— Да, моя дѣвочка чистая амазонка,—съ гордой радостью сказалъ Митридатъ.

— Вся въ отца... Настоящая Діана-Афродита,—согласился Фокіонъ.—Такъ вотъ, перебивъ всѣхъ своихъ побѣдителей, ама-

*) Боевая сѣкира—σάγαρις. Страбонъ, X, 5.

зонки очутились въ безвыходномъ положеніи. Не зная употребленія и дѣйствія ни рулемъ, ни веслами, ни парусомъ, онѣ и отдались на волю стихій, и, наконецъ, южнымъ вѣтромъ прибило ихъ къ тому берегу Меотійскаго моря, гдѣ находятся Кремны *), на землѣ свободныхъ и кочующихъ скиѳовъ. Сойдя съ кораблей, амазонки и отправились искать жилыхъ мѣстъ, да на пути и захватили пасшійся въ степи табунъ скиѳскихъ лошадей, сѣли на нихъ и, напавъ на кочевья скиѳовъ, стали грабить ихъ кибитки на колесахъ и имущество. Понятно, скиѳы были поражены... Что это за женщины? Откуда онѣ взялись? Одѣяніе на нихъ невиданное, рѣчь непонятная... Все это, казалось скиѳамъ, юноши и при томъ однолѣтки. Но надо было защищаться отъ этихъ опасныхъ юношей. Скиѳы вступили съ ними въ бой. Амазонки защищались отчаянно. Но все же нѣкоторыя изъ нихъ были убиты и остались на мѣстѣ битвы. Тутъ только, на мертвыхъ амазонкахъ, скиѳы, къ невыразимому удивленію, убѣдились, что это женщины!

— Понимаю удивленіе этихъ варваровъ!—улыбнулся Митридатъ.—Ну?

— Послѣ этого боя скиѳы начали совѣтоваться, что предпринять? И согласились не убивать этихъ странныхъ, но отважныхъ воительницъ, и рѣшили послать къ нимъ самыхъ молодыхъ изъ своихъ воиновъ и въ такомъ, приблизительно, числѣ, сколько, по ихъ разсчету, находилось въ бою амазонокъ. Отрядъ молодыхъ скиѳовъ долженъ былъ расположиться лагеремъ какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ они найдутъ странныхъ женщинъ, и дѣлать то, что и тѣ будутъ дѣлать: если эти женщины станутъ наступать, то не сражаться съ ними, а отступать; если же женщины остановятся, то молодые скиѳы должны расположиться еще ближе къ нимъ.

— Скиѳы, я вижу, не дураки,—замѣтилъ Митридатъ,—этимъ степнымъ варварамъ захотѣлось, конечно, имѣть дѣтей отъ такихъ мужественныхъ женщинъ.

— Царь угадалъ совершенно вѣрно,—согласился Фокіонъ.—И вотъ случилось то, чего хотѣлось скиѳамъ. Когда амазонки увидѣли, что молодые скиѳы пришли не нападать на нихъ, а какъ бы заискивать ихъ расположенія, то природа взяла свое: молодыхъ скиѳовъ потянуло къ молоденькимъ амазонкамъ, и у

*) По Геродоту—Κρημνοί.—V, 110.

амазонокъ сердца оказались не каменными... Скиѳы замѣтили, что амазонки уходили иногда въ сторону, то одна, то по двѣ ихъ, понятно, для естественныхъ потребностей. Какъ-то вскорѣ, когда одна изъ нихъ возвращалась къ своимъ, одинъ молодой скиѳъ подошелъ къ ней и знаками показывалъ, что хочетъ ласкать ее... Амазонка не оттолкнула его, отдалась ласкамъ мужчины и...

— Sapienti sat,—улыбнулся понтійскій царь.

— Именно,—согласился Фокіонъ.

Послѣ того амазонка, не понимая языка скиѳа, жестами и тѣлодвиженіями дала ему понять, что желаетъ, чтобъ и на слѣдующій день онъ пришелъ на это же мѣсто и привелъ бы еще одного изъ своихъ товарищей, и что и она вновь приведетъ съ собой одну изъ подругъ...

— Понравилось!—разсмѣялся Митридатъ, да такъ громко, что Клеопатра въ каютѣ проснулась и попросила пить.

— О чемъ ты, отецъ, хохочешь? — спросила Клеопатра, когда Митридатъ вошелъ къ ней въ каюту.

— Да тамъ Фокіонъ разсказывалъ мнѣ нѣчто смѣшное о древнихъ амазонкахъ, которыя жили еще до Александра Македонскаго.

— А что такое?—полюбопытствовала Клеопатра.

— Послѣ, дѣвочка моя, разскажу, когда совсѣмъ выздоровѣешь, а теперь усни хорошенько, — уклонился отъ разсказа царь Понта и снова вышелъ на палубу.

— Какъ красиво сверкаетъ Гемма въ Коронѣ,—замѣтилъ Фокіонъ, любуясь звѣзднымъ небомъ.

— Да,—согласился Митридатъ.—Но Боотесъ далеко затмеваетъ Гемму своимъ Арктуромъ... Теперь я понимаю геродотовскій способъ привлекать союзниковъ... Что жъ! Амазонки моей Клеопатры, полагаю, не прочь будутъ этимъ же способомъ завербовать въ мое войско геловъ и леговъ, они же такіе красивые и мужественные воины... А что же дальше было съ тѣми амазонками?

— То, чего требовала неотразимая природа: оба латеря, и молодыхъ скиѳовъ, и амазонокъ, стали жить совмѣстною жизнью, или, какъ сказано у Геродота, «они стали жить сообща, каждый мужчина съ женщиной, съ которой онъ имѣлъ первое сношеніе». Но что удивительно, по словамъ Геродота, это то, что скиѳы ни-

какъ не могли усвоить себѣ языкъ амазонокъ, тогда какъ амазонки «живо привыкли къ языку скиѳовъ».

— Женщины то же, что дѣти,—замѣтилъ Митридатъ,—дѣти необыкновенно быстро усваиваютъ языкъ матерей... Такъ и женщины вообще.

— И мнѣ такъ кажется,—сказалъ Фокіонъ.—Еще мнѣ кажется, что женщины, какъ и малыя дѣти, всегда настоятъ на своемъ. Такъ и амазонки настояли на своемъ. Скиѳы говорятъ имъ: у насъ есть родители и богатства; перестанемъ жить такъ, какъ теперь живемъ, и переселимся къ нашимъ гражданамъ. Мы будемъ имѣть только васъ нашими женами. А амазонки на это имъ: мы никогда не могли бы жить съ женщинами вашего племени; наши обычаи ужъ очень различны. Мы привыкли употреблять лукъ, метать дротики и ѣздить верхомъ. Женскія занятія намъ неизвѣстны. Ваши же женщины, напротивъ того, не дѣлаютъ ничего такого, что мы сейчасъ сказали; они занимаются исключительно женскими работами и сидятъ постоянно въ своихъ кибиткахъ-повозкахъ, не ходятъ на охоту и никуда не показываются. Съ ними мы не можемъ жить вмѣстѣ. Но если вы желаете, чтобы мы остались вашими женами, и хотите поступить справедливо, то отправьтесь къ вашимъ родителямъ, потребуйте вашу часть состоянія и возвращайтесь жить съ нами отдѣльно отъ нихъ. Молодые скиѳы поступили такъ, какъ имъ сказали амазонки, и, получивъ свою долю изъ богатства родителей, возвратились къ амазонкамъ. Но послѣднимъ и этого было мало. Онѣ сказали своимъ мужьямъ: намъ страшно продолжать жить въ этой странѣ послѣ того, какъ мы отняли у васъ вашихъ родителей, а раньше такъ часто опустошали ваши поля. Но такъ какъ вы дорожите нами, какъ вашими женами, такъ вотъ что сдѣлайте вмѣстѣ съ нами: оставимъ эту страну, перейдемъ Танаисъ и будемъ жить по ту сторону рѣки. Скиѳы на это согласились. Переправившись черезъ Танаисъ, они шли отъ этой рѣки къ востоку три дня и три дня отъ Меотійскаго моря къ сѣверу и, придя въ то мѣсто, гдѣ и теперь живутъ, основали свои поселенія *).

— Вижу, что женщины, какъ всегда, настояли на своемъ,—замѣтилъ Митридатъ.—Такъ и моя Клеопатра съ дѣтства твер-

*) Геродотъ, IV, 110—116.

дила: «буду амазонкой» и стала амазонкой. Но она, кажется, бредитъ, надо взглянуть.

XI.

По возвращеніи въ свою столицу Митридатъ еще дѣятельнѣе сталъ готовиться ко второй войнѣ съ Римомъ. Во всѣхъ мастерскихъ Синопа день и ночь работали надъ изготовленіемъ боевыхъ колесницъ, на подобіе египетскихъ колесницъ временъ Рамзеса. За изготовленіемъ колесницъ наблюдалъ египтянинъ Радама. Но Митридатъ придумалъ особое вооруженіе для этихъ колесницъ: то были рѣжущія косы. Теперь во всѣхъ кузницахъ Синопа день и ночь слышенъ былъ стукъ молотовъ о желѣзо и наковальни.

Съ своей стороны, Клеопатра, когда совсѣмъ зажила ея рана, стала готовиться къ этой войнѣ съ лихорадочною дѣятельностью. Она набирала новыя когорты амазонокъ, вооружала ихъ на счетъ казны, покупала имъ коней и съ утра до ночи производила съ ними военныя упражненія.

Амазонки души не чаяли въ своемъ юномъ предводителѣ-царевнѣ.

— Боги Понта и Арменіи помогутъ намъ отомстить римлянамъ за рану нашей царевны,—говорили амазонки, бывшія при Херонеѣ.

— Мы непремѣнно возьмемъ въ плѣнъ самого Лукулла!—храбрились самыя юныя изъ нихъ.

Это были большею частью дочери знатныхъ понтійскихъ гражданъ, близкихъ къ царскому двору, и потому кое-что слышали отъ Клеопатры и отъ своихъ отцовъ о дѣлахъ Рима, о Маріѣ, Суллѣ, Лукуллѣ, Крассѣ.

— Мы Лукулла, какъ Югурту, приведемъ въ Синопъ въ золотыхъ оковахъ!—храбрились третьи.

— Зачѣмъ его вести?—говорила самая задорная дѣвочка-амазонка, любимица Клеопатры.—Пораженный нами на-голову, онъ самъ явится въ Синопъ, подобно Прузію, царю Виѳиніи, въ одеждѣ раба, и прежде чѣмъ переступитъ порогъ дворца царя Митридата, да хранятъ его боги Понта! онъ, подобно Прузію, долженъ будетъ поцѣловать этотъ порогъ, какъ нѣчто священное.

— О! Увидѣвъ столько прекрасныхъ дѣвочекъ, Лукуллъ самъ со всѣми своими когортами охотно отдастся въ плѣнъ,—послышался чей-то насмѣшливый голосъ.

Амазонки оглянулись. Это говорилъ Митридатъ, незамѣтно подошедшій, вмѣстѣ съ Сервиліемъ, къ расхрабрившимся дѣвушкамъ.

— Но прежде римляне всѣхъ ихъ перецѣлуютъ, а потомъ отдадутся въ плѣнъ,—съ лукавою улыбкой проговорилъ Сервилій.

Клеопатра вспыхнула и гордо поправила на своей хорошенькой головкѣ легкій золоченый шлемъ.

— О! Я уже получила при Херонеѣ поцѣлуй въ руку, тогда какъ благородный Сервилій оставался, кажется, въ заднихъ рядахъ,—вызывающе сказала она.

— О, нѣтъ, мое дитя, благородный Сервилій былъ тогда около меня и вывелъ изъ битвы твоего боевого коня,—заступился Митридатъ за римлянина.

Сервилій поклонился, приложивъ руку къ сердцу.

— Царь Понта такъ же великодушенъ, какъ и мужественъ,— сказалъ онъ,—боги совмѣстили въ его особѣ и кроткаго голубя, и льва Нумидіи.

Въ это время къ нимъ подскакалъ всадникъ армянскаго типа и, осадивъ коня, почтительно остановился передъ Митридатомъ.

— Ты кто?— спросилъ его послѣдній.

— Великій царь Понта! Я гонецъ отъ моего повелителя, Тиграна, царя Арменіи,—отвѣчалъ прибывшій, сходя съ коня и показывая Митридату перстень Тиграна, какъ вѣрительную грамоту.

— Какія вѣсти?—спросилъ Митридатъ.

— Царь Арменіи, да хранятъ его боги! прислалъ меня, чтобы извѣстить великаго повелителя Понта, что римляне высадились у Селевкіи, недалеко отъ Антіохіи.

— Кто ихъ привелъ? Сулла?

— Сулла, великій царь, отбылъ въ Римъ, гдѣ Цинна провозгласилъ себя диктаторомъ.

— Кто же остался при войскѣ?

— Люцій-Лициній Лукуллъ, великій царь.

— А не извѣстно царю Тиграну, куда намѣрены направиться римляне?

— Наши лазутчики донесли, великій царь, что они, повидимому, идутъ къ нашей южной столицѣ, къ Тигранокертѣ.

— Я такъ и зналъ, что они не осмѣлятся итти на мою сто-

лицу, хоть она у самаго моря,—гордо сказалъ царь Понта.— Хорошо, я встрѣчу ихъ въ горахъ Великой Арменіи.

— И мы, отецъ, и мы!—возбужденно подошла къ отцу Клеопатра.

— Мы должны отомстить за царевну! — поддержали ее другія амазонки.

— За каплю царской крови мы прольемъ потоки римской крови!—пробѣжало по рядамъ амазонокъ.

Митридатъ ласково улыбнулся, любуясь юными личиками въ шлемахъ.

Подошелъ Радама. Въ лицѣ египтянина Митридатъ замѣтилъ какъ бы смущеніе.

— Что скажетъ благородный сынъ Аммона-Ра и Изиды?— съ улыбкою спросилъ царь.

— Я съ повинною къ великому повелителю Понта,—отвѣчалъ египтянинъ, низко кланяясь.

— До сихъ поръ соотечественникъ великихъ пирамидъ и потомокъ Рамзесовъ былъ только мнѣ полезенъ,—ласково сказалъ Митридатъ,—и я не вѣрю въ твою вину.

— Великому царю извѣстно, что вчера всѣ боевыя колесницы были окончены и вооружены мечами, — проговорилъ Радама.

— Да, я знаю и я благодарю тебя за это.

— Но я, не испросивъ позволенія великаго царя, рѣшился на опытъ съ колесницами.

— На какой? Надѣюсь, ты не надъ моими воинами производилъ свои опыты.

— О, великій царь! Тифонъ еще не вынулъ изъ моей головы разсудка... Я пустилъ одну колесницу въ густой лѣсъ камышей..

— И кони не остановились передъ стѣною камышей.

— Нѣтъ, великій царь: я къ передку дышла колесницы придѣлалъ такой рѣзакъ, который при движеніи колесницы косилъ впереди коней камышъ, и кони свободно бѣжали впередъ, а косы, по сторонамъ колесницы, производили страшное опустошеніе въ камышахъ.

— Такъ этотъ рѣзакъ способенъ будетъ косить впереди колесницы и римлянъ?—заинтересовался Митридатъ.

— Надѣюсь, великій царь,—скромно отвѣчалъ египтянинъ.

— Даже если когорты сомкнутъ щиты «черепахою», testudine?—спросилъ Сервилій.

— Полагаю,—былъ отвѣтъ.

— Testudo римлянъ «черепаха», это ихъ самый стойкій строй, родъ ходячей крѣпости,—проговорилъ Сервилій, сильно заинтересованный.—Угодно будетъ царю Понта взглянуть на это приспособленіе благороднаго египтянина? — обратился онъ къ Митридату.

— Горю нетерпѣніемъ, — отвѣчалъ послѣдній и, взглянувъ на Клеопатру, стоявшую впереди своихъ амазонокъ, сказалъ:— Дитя мое, скачи къ конюхамъ и прикажи подавать намъ коней. Мы поѣдемъ производить опытъ съ колесницею.

Клеопатра стрѣлой умчалась къ царскимъ конюшнямъ. За нею поскакали и прочія амазонки.

Приспособленіе, придуманное египтяниномъ, поразило Митридата. Онъ былъ увѣренъ, что римская «черепаха» не устоитъ передъ рѣзакомъ Радамы.

— Сколько всѣхъ колесницъ готово?—спросилъ Митридатъ.

— Сто восемьдесятъ, великій царь,—отвѣчалъ египтянинъ.

— А рѣзакъ всего одинъ?

— Сто восемьдесятъ, царь Понта.

Митридатъ порывисто обнялъ египтянина.

— Завтра же, прежде чѣмъ Люциферъ поблѣднѣетъ на востокѣ, мы выступимъ въ походъ, и битва рѣшитъ, кому боги присудили всемірное владычество! — воскликнулъ соперникъ Рима, садясь на подведеннаго ему коня.

XII.

Митридатъ и Тигранъ встрѣтились съ римлянами на равникѣ, недалеко отъ Эдессы, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Тигранокерты.

Далеко блестѣли на солнцѣ легіонные орлы римлянъ. Еще ярче горѣли на головахъ передовыхъ амазонокъ позолоченные шлемы. На каждой изъ нихъ были латы, у каждой лукъ и колчанъ со стрѣлами, а на поясѣ, въ кожаной продолговатой сумочкѣ, легкія метательныя копья, которыми искусныя наѣздницы попадали въ летящую птицу.

Впереди своихъ когортъ ѣхала Клеопатра, гордо выступая на

конѣ, подаренномъ ей царемъ албанцевъ Оройзомъ *), лучшимъ наѣздникомъ Кавказа. Одна изъ подручныхъ амазонокъ держала надъ нею знамя—высокое древко съ золоченымъ львомъ наверху. Этотъ знаменоносецъ въ коротенькой юбочкѣ изъ бѣлаго виссона долженъ былъ неотлучно, во время битвы, слѣдовать за Клеопатрой, чтобы амазонки знали, гдѣ ихъ «царица».

Вправо отъ амазонокъ двигалось понтійское войско съ Митридатомъ во главѣ, стоявшимъ на золоченой колесницѣ, сверкавшей на солнцѣ убійственными косами, словно серебряными лучами. Латы Митридата также ярко горѣли на солнцѣ, какъ и золоченый шлемъ; его вѣнчало чучело кондора съ распущенными крыльями, готоваго броситься на добычу. Движеніе всѣхъ ста восьмидесяти колесницъ съ вертѣвшимися вмѣстѣ колесами и сверкавшими на солнцѣ косами поразило римлянъ удивленіемъ.

— Ничего подобнаго я не видѣлъ у другихъ варваровъ,— замѣтилъ гигантскаго роста самнитянинъ, державшій надъ Лукулломъ, ѣхавшимъ впереди войска, легіоннаго орла.

— Это не варвары,—сказалъ Лукуллъ,—ихъ боевыя колесницы напоминаютъ колесницы древнихъ египтянъ.

— Видно, что отчаянный народъ, если и молоденькія ихъ женщины идутъ въ битву.

— Это ихъ equites, всадники, — улыбнулся Лукуллъ, любуясь смѣлой посадкой амазонокъ.

— Такія, говорятъ, и съ Александромъ Македонскимъ воевали.

На лѣвомъ крылѣ противниковъ римлянъ двигалось войско Тиграна. Войска и той, и другой стороны постепенно сближались. Римлянамъ уже отчетливо виднѣлись лица амазонокъ. Между ними были совсѣмъ молоденькія.

— Впереди я узнаю ту, которую я ранилъ копьемъ при Херонѣе,—сказалъ Лукуллу ближайшій къ нему легатъ.

— Это, говорятъ, царевна, любимая дочь Митридата, Клеопатра,—сказалъ Лукуллъ.

— То-то тогда при Херонеѣ, когда мое копье угодило въ нее, кажется, въ руку, Митридатъ тотчасъ же подхватилъ ее на своего коня и умчалъ,—замѣтилъ легатъ.

— И тѣмъ потерялъ битву,—улыбнулся вождь римлянъ.— Какъ бы и теперь не случилось того же.

---

*) По Аппіану—Ὀροίξης.—103.

Наконецъ, завыли понтійскіе рожки. Имъ отвѣчало тѣмъ же армянское войско.

Раздались боевые клики, и не успѣли римляне опомниться, какъ амазонки вынеслись впередъ, натягивая луки.

— За царицу!.. За раву Клеопатры! — прорѣзали воздухъ звонкіе голоса амазонокъ.

— Съ нами боги Понта! За насъ Діана-Артемида!

Стрѣлы, какъ пчелы, жужжали въ воздухѣ. Стрѣла Клеопатры впилась въ щитъ Лукулла. Легатъ бросилъ въ отважную царевну копье, но та ловко отбила его щиткомъ и послала свое копье въ противника. Легатъ опрокинулся назадъ: копье Клеопатры угодило ему въ правый глазъ.

— Это за Херонею!

Другое копье Клеопатры ударило въ грудь Лукулла, но со звономъ отскочило отъ кованныхъ латъ молодого вождя желѣзнаго Рима.

Лукуллъ только что хотѣлъ было отплатить тѣмъ же дерзкой дѣвченкѣ, какъ случилось что-то необычайное.

Страшные крики заставили его глянуть налѣво. Ужасныя колесницы Митридата успѣли уже скосить нѣсколько когортъ.

— О, силы Тартара!—воскликнулъ Лукуллъ и бросился въ самое опасное мѣсто боя.

— Сомкнитесь въ черепахи, воины Рима!—кричали легаты своимъ когортамъ.

— Testudines! Testudines!—подхватили центуріоны.

Клеопатра, опьяненная первымъ успѣхомъ, понеслась за Лукулломъ, радостно восклицая:

— Я отмстила за Херонею!.. Мое копье въ глазу у легата ранившаго меня при Херонеѣ!

— Легатъ упалъ! Царица отправила его въ Тартаръ!—восторженно кричали амазонки.

— За мной!.. На Лукулла!—раздавался голосъ Клеопатры

И она, какъ безумная, понеслась въ самую сѣчу.

Это замѣтилъ царевичъ Тиридатъ, родственникъ Тиграна, командовавшій правымъ крыломъ армянскаго войска, къ которому присоединились обитатели Каспіаны, албанцы и ихъ сосѣди иберы *). Тиридатъ, долго живя при дворѣ Митридата

*) «Лукуллъ» Плутарха, гл. 26.

зналъ Клеопатру еще дѣвочкой и втайнѣ любилъ ее со всѣмъ пыломъ огненнаго темперамента своей расы.

Теперь, опасаясь за жизнь любимой дѣвушки, онъ съ албанцами и иберами бросился на помощь безразсуднымъ амазонкамъ.

— Заслонимъ собой царевну Клеопатру, дочь великаго Митридата!—говорилъ онъ иберамъ и албанцамъ.

— За Клеопатру! За амазонокъ! — послышались дикіе возгласы послѣднихъ.

Стремительный натискъ «варваровъ», какъ высокомѣрно называли ихъ римляне, заставилъ дрогнуть нѣкоторыя когорты.

Съ другой стороны на римлянъ ударило лѣвое крыло армянскаго войска съ Тиграномъ во главѣ.

— Поразимъ хищныхъ волковъ всего міра, пока мракъ ночи не укрылъ ихъ!—говорилъ Тигранъ.—За мной, армяне, потомки великой Семирамиды!

Ночь, дѣйствительно, надвигалась вмѣстѣ съ грозными тучами, разразившимися страшными ударами грома. Молніи, какъ огненныя змѣи, прорѣзывали болѣе и болѣе усиливавшійся мракъ ночи, и полилъ ливень. Крики раненыхъ и умирающихъ заглушались ударами грома.

— Юпитеръ посылаетъ огненныя стрѣлы на «варваровъ»!—ободрялъ Лукуллъ дрогнувшія когорты.

Но когорты уже не слушались вождя. Римляне отступали.

По трупамъ павшихъ возвращались назадъ колесницы Митридата. Само небо съ его громами, казалось, опустилось на землю и раздѣлило воюющихъ.

Съ трудомъ Митридатъ отыскалъ свою дочь, окруженную амазонками.

— Побѣда, отецъ, побѣда!—говорила Клеопатра, бросаясь отцу на шею.

Митридатъ поднялъ ее, какъ ребенка, и съ горячей нѣжностью ласкалъ юную героиню.

— Это имъ за Херонею и за безумнаго Марія, — говорилъ онъ.

— Жаль, отецъ, что мы не захватили Лукулла!—ласкалась Клеопатра.

— Боги и въ этомъ намъ помогутъ,—утѣшалъ ее отецъ.

— А тому, кто ранилъ меня при Херонеѣ, я указала дорогу въ область Аида,—хвасталась юная героиня.

— Какъ, дитя мое?—заинтересовался Митридатъ.

— Я послала мое копье ему въ правый глазъ, я узнала его, онъ былъ рядомъ съ Лукулломъ, и мое копье перенесло его на берега Ахерона.

— Я сама видѣла, какъ онъ упалъ съ коня съ копьемъ въ глазу,—подтвердила любимица Клеопатры, амазонка, дочь випочерпія Мосхина.

Въ то же время Лукуллъ приписывалъ побѣду себѣ.

— Безсмертные боги снова прославили оружіе римлянъ, — говорилъ онъ на другой день своимъ воинамъ.

А между тѣмъ утромъ же, посылая съ гонцами въ сенатъ донесеніе, онъ хвастался также, что не только одержалъ блистательную побѣду надъ Митридатомъ и Тиграномъ, но и взялъ на копье столицу послѣдняго, Тигранокерту, и просилъ прислать ему подкрѣпленіе.

Воины, между тѣмъ, сомнѣвались въ своей побѣдѣ: такъ много полегло ихъ товарищей на равнинѣ у Эдессы.

— Почему же мы не преслѣдуемъ побѣжденныхъ? — спрашивали легаты и центуріоны.—Чего мы медлимъ?

— Мое замедленіе имѣетъ ту цѣль,—не краснѣя, лгалъ любитель устрицъ и муренъ, откормленныхъ тѣломъ рабовъ,—чтобы Митридатъ опять могъ оправиться и собрать могущественное войско...

— Клянусь Марсомъ! — воскликнулъ старый легатъ, бившійся съ Митридатомъ и Тиграномъ при Маріѣ, когда этотъ послѣдній въ безумномъ опьяненіи носился по полю битвы рядомъ съ страшною египетско-сирійскою прорицательницей, сжегшей себя потомъ на тріумфальномъ кострѣ мертваго побѣдителя Митридата.—Клянусь щитомъ бога войны! Я въ первый разъ вижу, что побѣжденному врагу даютъ возможность оправиться и собрать многочисленное войско!.. Для чего?

— Для того, чтобы онъ былъ въ состояніи противостоять намъ и не убѣжалъ, когда мы приблизимся,—продолжалъ лгать любитель устрицъ изъ Аорнскаго озера и жирныхъ муренъ.— Развѣ вы не видите, какая большая, безконечная пустыня лежитъ у него съ тыла, а по близости лежитъ Кавказъ и большія глубоко изрѣзанныя горы, которыя могли бы скрыть хоть тысячу царей... Нѣтъ, мы должны дать ему время, чтобы онъ пригото-

вился на собственныя средства и оправился: тогда намъ можно будетъ сражаться съ колхами и тибаренами *).

— Гдѣ же мы его встрѣтимъ и побѣдимъ?—спросилъ старый соратникъ Марія.

— Въ его собственномъ царствѣ, въ Понтѣ, гдѣ ты съ Маріемъ уже нанесъ ему пораженіе.

— О! Это дѣло, — успокоился легатъ, — тамъ я и принесу жертву безсмертнымъ богамъ.

XIII.

Роскошная вилла Лукулла, подъ Неаполемъ, утопаетъ въ зелени экзотическихъ растеній въ перемежку съ группами пальмъ и апельсиновъ. Фасадъ ея, украшенный мраморными и бронзовыми статуями неаполитанскихъ и пергамскихъ мастеровъ, выходитъ на дивный Неаполитанскій заливъ съ его строгами, живописно затушеванными розоватою дымною далью. Влѣво Везувій курится, какъ бы посылая отъ благодарной земли дымъ ѳиміама къ чудно-прекрасному небу. Ниже Везувія, у моря, высятся зданія Геркуланума и Помпеи, не предчувствовавшихъ, что этотъ дымъ ѳиміама Везувія вмѣстѣ съ пепломъ, растопленною лавою и раскаленными въ невѣдомыхъ нѣдрахъ земли камнями погребетъ ихъ навѣки.

Далѣе живописные утесы Салернума, спадающіе къ бирюзовому морю, и дымчатые изломы Капреи какъ бы состязаются своею красотой предъ узкимъ промонторіемъ Миневры.

Солнце, опускавшееся къ горизонту за Путеолями и Прохитою (нынѣ Прочида), лучами своими какъ бы золотило верхушки выходившаго изъ кратера Везувія дыма и дома Геркуланума и Помпеи.

Въ морѣ бѣлѣлись паруса рыбачьихъ лодокъ, и оттуда доносились рѣзкіе крики чаекъ.

У Лукулла пиръ, заданный имъ своимъ друзьямъ въ честь мнимой побѣды надъ Митридатомъ. На этотъ пиръ явилась изъ Рима вся знатная молодежь державнаго города, юный, семнадцатилѣтній Цезарь, молодой Помпей, такой же молодой Цице-

*) «Лукуллъ» Плутарха, гл. 14.

ронъ, двадцатипятилѣтній Катилина, не подозрѣвавшій, конечно, что его молодой другъ Цицеронъ будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ громить его своимъ безсмертнымъ «Quousque tandem abutere, Catilina patientia nostra!» Былъ на пиру и жадный до золота Крассъ, не предвидѣвшій, разумѣется, что впослѣдствіи этимъ золотомъ, растопленнымъ, парояне зальютъ его ненасытную глотку. Прибыли на пиръ и греческія гетеры-куртизанки подъ псевдонимами всѣхъ миѳическихъ музъ—Калліопы, Мельпомены, Терпсихоры, Эвтерпы, Кліо.

Триклиній гостепріимнаго хозяина весь убранъ былъ живыми цвѣтами, а головы гетеръ увѣнчаны были розами, тогда какъ головы мужчинъ рабы украсили цвѣтами мака. Одинъ хозяинъ, какъ побѣдитель, хотя мнимый, былъ въ лавровомъ вѣнкѣ, поднесенномъ ему Крассомъ.

Рабы, между тѣмъ, уставляли обѣденный столъ роскошными яствами и винами, а въ сосѣдней писцинѣ слышны были, въ водѣ, всплески муренъ, вылавливаемыхъ поварами для предстоящаго пира.

Хорошенькая золотоволосая Кліо, обращаясь къ Крассу, задорно проговорила:

— Я, какъ муза исторіи, должна знать факты, которые давали бы право твоему другу, а нашему благородному хозяину на лавровый вѣнокъ... Вѣдь Римъ не наградилъ его тріумфомъ.

— Сулла позавидовалъ молодому побѣдителю и отклонилъ тріумфъ,—отвѣчалъ на рѣчь Кліо Крассъ.—А факты самъ амфитріонъ доложитъ прекрасной музѣ исторіи.

— О!—воскликнула Калліопа, дѣвушка съ томными глазами.—Пусть амфитріономъ будетъ не хозяинъ, это такъ прозаично, а юнѣйшій изъ гостей.

— Кто же здѣсь самый юный?—спросила Мельпомена.

— Я, прекрасная муза,—отвѣчалъ Цицеронъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, благородный Маркъ-Туллій,—перебилъ его Помпей.—Я младшій.

— А въ которомъ году ты родился? — спросилъ его Цицеронъ.

— Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Кая Гракха,—отвѣчалъ Помпей.—Такъ говорила моя мать, которая, казалось, вела лѣтосчисленіе со дня смерти Гракха, такъ она часто объ этомъ говорила. А ты, Туллій?

— Природа праздновала рожденіе будущаго великаго оратора, когда Римъ шестьсотъ сорокъ семь разъ встрѣчалъ новогоднія календы, — съ улыбкой отвѣчалъ Цицеронъ.—Итакъ, прекрасныя музы, — обратился онъ къ гетерамъ, — скажите, сколько мнѣ лѣтъ, высчитайте.

— Какъ это вы считаете?—спросила Терпсихора.

— Съ основанія Рима, божество танцевъ и пѣнія,—отвѣчалъ Цицеронъ.

— Да я не знаю, когда вашъ Римъ основанъ,—пожала плечами Терпсихора.

— Да и всѣ мы не знаемъ,—разомъ заговорили гетеры.

— Такъ слушайте: старикъ Римъ теперь уже 753 года, а я родился, когда ему было

— Все равно не знаемъ и знать не хотимъ,—засмѣялись гетеры.

— Марку-Туллію Цицерону теперь двадцать три года, — отозвался Цезарь, все время молчавшій.

— А! Мы Цезаря-то и забыли,—замѣтилъ Лукуллъ.—Онъ, кажется, самый младшій... Сколько тебѣ лѣтъ, благородный Юлій?

— Безсмертные боги пили на Олимпѣ нектаръ за мое здоровье въ день моего рожденія, когда Римъ встрѣчалъ уже 653-ю весну,—отвѣчалъ Цезарь.—Теперь сосчитайте.

— О! Юлію Цезарю всего только семнадцать лѣтъ,—сказалъ Крассъ, — онъ юнѣйшій здѣсь. А намъ съ тобою, Люцій-Лициній, — кивнулъ онъ Лукуллу, — уже по тридцать третьей веснѣ стукнуло, и парки на нашъ счетъ уже порядочно напряли кудели.

— А сколько лѣтъ Люцію-Сервію?—спросила Эвтерпа Катилину.

Тотъ замысловато улыбнулся.

— Ужъ если дѣло дошло до загадки,—сказалъ онъ,—то я родился ровно черезъ 230 лѣтъ, послѣ пораженія грека Александромъ Македонскимъ при Херонеѣ.

— О!—разомъ заговорили гетеры.—Мы всѣ знаемъ этотъ роковой для милой Эллады годъ! Его наши ораторы оплакивали въ своихъ рѣчахъ, и мы за ними, еще дѣвочками, плакали.

— Сколько же лѣтъ прошло съ того дня, какъ грянулъ громъ надъ Элладой?—съ прежней улыбкой спросилъ Катилина.

— Сосчитай, коварный Люцій,—тоже задорно улыбнулась Кліо.—Послѣ смерти благороднаго Перикла, друга прекрасной Аспазіи, дорогая намъ Эллада была свѣточемъ всего міра только 91 годъ, когда свѣточъ этотъ былъ безбожно потушенъ македонскимъ разбойникомъ.

— Значитъ, Катилинѣ двадцать пять лѣтъ, — сообразила Эвтерпа.

— Вѣрно, прекрасная муза,—согласился Катилина.

— Значитъ, юнѣйшій здѣсь Юлій Цезарь: онъ и амфитріонъ, —рѣшила Калліопа.

— Почему же юнѣйшій, а не старшій, не Лукуллъ, не Крассъ?—спросилъ Цезарь.

— Да потому, что Ганимедъ, сынъ троянскаго царя Троса, былъ юноша и, за красоту взятый на небо, сталъ виночерпіемъ, амфитріономъ на Олимпѣ и любимцемъ Зевса, — объяснила Кліо.—Да и вы всѣ, мужчины, больше любите незрѣлые плоды, дѣвочекъ, чѣмъ зрѣлые.

— Такъ же, какъ вы, женщины, предпочитаете мальчиковъ мужамъ,—засмѣялся Лукуллъ.

— Оттого и избрали амфитріономъ Цезаря, щекъ котораго еще не касалась бритва,—добавилъ Крассъ.

Пришлось уступить прекрасному полу. Цезарь былъ признанъ амфитріономъ.

XIV.

Едва присутствующіе заняли мѣста, какъ рабы, по знаку Цезаря, стали наполнять чаши виномъ.

— Возліяніе богу пиршествъ и веселья, сыну Зевса и Семелы!—возгласилъ амфитріонъ.

Возліяніе Бахусу-Діонису было совершено.

— Здоровье побѣдителя понтійскаго царя Митридата-Эвпатора!—снова возгласилъ Цезарь.

— Мы выпьемъ пока за здоровье благороднаго Люція-Лициніи Лукулла,—возразила Кліо.—А за здоровье побѣдителя Митридата мы осушимъ чаши, когда онъ разскажетъ о своихъ побѣдахъ... Согласны, благородные римляне?

— Согласны, прекрасныя дочери Эллады! — воскликнули мужчины.

Лукуллъ, поправивъ на головѣ лавровый вѣнокъ, чтобы собраться съ мыслями, началъ:

— Я долженъ начать съ горестнаго для нашихъ прекрасныхъ сотрапезницъ повѣствованія.

— Почему же для насъ именно?—перебила его Кліо.

— Потому, что я начну съ моего перваго похода противъ Митридата,—отвѣчалъ Лукуллъ.—Мы съ Суллою, получивъ извѣстіе, что вся Македонія подчинилась Митридату, и что онъ съ понтійскимъ войскомъ двигается къ Аѳинамъ, чтобы предупредить его, высадили наши центуріи и когорты въ Пиреѣ и тотчасъ же двинулись на Аѳины. Сулла, взбѣшенный извѣстіемъ, что греки, вся Эллада ждетъ Митридата съ распростертыми объятіями, какъ освободителя ея отъ римскаго ига, приказалъ мнѣ разрушить городъ Перикла и Сократа до основанія.

— О!—возмутились гетеры.—Какое варварство! И ты?..

— Я долженъ былъ повиноваться грозному приказу, къ сожалѣнію,—добавилъ Лукуллъ.—На глазахъ безпощаднаго Суллы всѣ центуріи и когорты бросились на беззащитный городъ, какъ сыны Тартара, и началось ужасное разрушеніе... Огонь и желѣзо сдѣлали свое страшное дѣло... Багровое пламя пожара клокотало всю ночь, и къ утру слѣдующаго дня все, Акрополь, Олимпиконъ, Одеонъ, зданія Стадій, Пниксъ, Керамикъ, Агора, Стоя, Діомея, все это представляло безобразныя груды развалинъ...

— О, безсмертные боги!—всплеснула руками Кліо.—И грозная Немезида медлитъ поразить своими бичами городъ Сципіоновъ, Гракховъ!

Другія гетеры плакали.

— О, наша Эллада! О, наша гордость, Акрополь, Пропилеи!

— Зевсъ-громовержецъ не поразилъ Суллу своими стрѣлами?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ,—пожалъ плечами Лукуллъ, поднося ко рту кусокъ жирной мурены, откормленной тѣломъ рабовъ.—Въ тотъ же день мы двинулись навстрѣчу Митридату и сошлись съ нимъ при Херонеѣ, на томъ самомъ полѣ, гдѣ...

— Гдѣ восемнадцатилѣтній волченокъ вонзилъ свои смертоносные зубы въ тѣло бѣдной Эллады,—утирая слезы, пояснила Мельпомена.

— Да, прекрасная муза трагедіи, — подтвердилъ Лу-

куллъ.—Но тутъ поразило насъ невиданное зрѣлище. Представьте себѣ двигающуюся на насъ громаду, словно ходячій лѣсъ, и впереди этого движущагося бора—юныя, прелестныя дѣвичьи личики подъ блестящими шлемами, въ латахъ, со щитами, натянутыми тетивами, на коняхъ!.. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ... Какое-то волшебство... Наши центуріи и когорты двигались, полныя изумленія... Вдругъ, эти дѣвочки съ пронзительнымъ крикомъ понеслись на насъ... Въ воздухѣ какъ-то жалобно-задорно запѣли сотни стрѣлъ, ударяясь въ наши латы и щиты... И тутъ только опомнились передовыя когорты, и первое метательное копье, брошенное опытною рукою легата Афридія, поразило предводительницу амазонокъ...

— Такъ это были амазонки!—изумилась Кліо.

— Амазонки.

— А я думала, что это сказки, которымъ повѣрилъ Геродотъ.

— Оказалось, не сказки... И эта предводительница амазонокъ была дочь Митридата, прелестная Клеопатра.

— И Афридій убилъ ее?—спросила Эвтерпа.

— И мы такъ подумали, когда Митридатъ, увидѣвъ ее падающею съ коня, ураганомъ примчался къ ней и подхватилъ къ себѣ на руки, унося вглубь своего войска и увлекая за собой прочихъ амазонокъ. Но оказалось, что Клеопатра не была убита, и въ послѣдней моей битвѣ съ Митридатомъ и Тиграномъ, при Эдессѣ, въ Малой Азіи, она съ прочими дѣвчонками дерзко нападала на меня лично, бросая въ меня стрѣлы и метательныя копья, и однимъ изъ нихъ поразила на смерть Афридія, ранившаго ее при Херонеѣ.

— Клянусь богами!—воскликнулъ юный Цезарь.—Да это сама Беллона!

— Опасныя же эти прелестныя дѣвочки!—воскликнулъ и Цицеронъ.

— И твои воины ни одной изъ нихъ не захватили въ плѣнъ, чтобъ показать это чудо Риму?—спросила Мельпомена.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ: онѣ на своихъ быстроногихъ коняхъ улетали, точно птицы... Такихъ удивительныхъ коней я въ жизни не видалъ.

— Ну, хоть бы одну мертвую привезли въ Римъ, заливъ тѣло ея медомъ,—замѣтила Кліо.

— Но въ томъ и бѣда, что онѣ своихъ убитыхъ подружекъ уносили съ поля, точно на крыльяхъ, — ко лжи прибавлялъ новую ложь Лукуллъ, желая выпутаться.—Такимъ образомъ изъ-за раненой дочери Митридатъ проигралъ первую свою битву съ нами при Херонеѣ.

— Но вѣдь его вскорѣ поразилъ, въ его же царствѣ, мертвый Марій,—замѣтилъ Крассъ.

— Какъ мертвый?—удивилась Терпсихора.

— Да, мертвый... Во время битвы, когда онъ въ пьяномъ безуміи носился по полю съ своею ужасной Сивиллой, у него разорвалось сердце, и Римъ ему, мертвому, устроилъ небывалый тріумфъ.

Пиръ, между тѣмъ, шелъ своимъ чередомъ. Хорошо выдресированные рабы продолжали ставить передъ пирующими новыя яства и подливать въ чаши вино. Не менѣе Лукулла обжорливый, Крассъ уже два раза выходилъ изъ-за стола, чтобы, пощекотавъ въ пищепріемникѣ перышкомъ, извергнуть изъ желудка переполнявшую его пищу и снова пожирать лакомыя блюда.

Наконецъ, по знаку хозяина, рабы внесли на блюдахъ какія-то круглыя темно-красныя ягоды и поставили передъ каждымъ и каждой изъ пирующихъ.

— Что это за ягоды?—спросила Кліо.—Я никогда такихъ не видѣла.

— О!—самодовольно улыбнулся Лукуллъ.—Эти чудныя, невиданныя въ Римѣ и во всей Европѣ ягоды изъ садовъ Митридата. Онѣ удивительно вкусны. Послѣ пораженія Митридата при Эдессѣ и послѣ взятія Тигранацерты, столицы Арменіи, я воротился съ войскомъ къ своему флоту, который стоялъ въ морѣ недалеко отъ Антіохіи и кружнымъ путемъ, оставивъ mare Internum, черезъ моря Эгейское, Ѳракійское, Геллеспонтъ и Пропонтиду, вступилъ въ Понтъ Эвксинскій,—продолжалъ хвастать мнимый побѣдитель при Эдессѣ.—Мнѣ хотѣлось поразить Митридата въ самомъ его царствѣ, въ Понтѣ. Но его тамъ не оказалось. Послѣ пораженія своего при Эдессѣ, онъ воротился въ Синопъ и со всѣмъ своимъ флотомъ отплылъ въ свою столицу Пантикапею, у входа изъ Понта Эвксинскаго въ Меотійское море. Тогда я, высадившись недалеко отъ Синопа, въ городъ Церазусъ, по-гречески Керазунтъ, пошелъ опустошать страну

я забирать золото вездѣ, гдѣ я его находилъ. Случайно я увидѣлъ на деревьяхъ вотъ эти ягоды, и мнѣ мои воины сказали, что онѣ очень вкусны. Отвѣдавъ ихъ, я, любитель вкуснаго, пришелъ въ восторгъ. И вотъ эти ягоды теперь передъ вами. Услаждайте ими вашъ вкусъ, благородные друзья мои.

Всѣ стали лакомиться... вишнями!

— Но какъ зовутъ эти ягоды?—спросилъ Цезарь.

— Я назвалъ ихъ pruni cerasi, по имени города Cerasus,— отвѣчалъ Лукуллъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вкусно,—заговорилъ Крассъ, пожирая невиданное лакомство,—онѣ такъ освѣжаютъ во рту.

— Особенно послѣ того, какъ ты поупражнялся въ твоемъ пищеводѣ съ перышкомъ,—подумалъ про себя Цезарь.

Потомъ Лукуллъ приказалъ рабамъ принести изъ своего сада нѣсколько кадокъ съ посаженными въ нихъ вишневыми деревцами.

— Это,—показалъ онъ на большенькія деревца,—вывезенныя мною, вырытыя съ грунтомъ, прямо изъ Керазунта, а меньшенькія взошли уже здѣсь отъ посаженныхъ въ землю косточекъ отъ этихъ prunorum cerasorum *).

Вслѣдъ за тѣмъ въ триклиній введены были флейтисты, подъ игру которыхъ отяжелѣвшая отъ ѣды и вина Терпсихора нѣсколько потанцовала.

XV.

Хвастливые разсказы Лукулла сильно вспламеняли воображеніе честолюбиваго Помпея. Чѣмъ-то волшебнымъ, казалось ему, вѣяло отъ таинственнаго Востока съ его амазонками и баснословными богатствами восточныхъ царей. И ему страстно захотѣлось помѣряться силами съ титаномъ Востока—съ Митридатомъ.

Но мечтамъ его не скоро суждено было сбыться. Не мало было дѣла и въ Римѣ, гдѣ свирѣпствовалъ самодержецъ Сулла, въ своихъ «проскрипціяхъ», осудивши на казнь сотни тысячъ «маріанцевъ» и приверженцевъ «пролетаріевъ». Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ казнилъ 15 «консуляріевъ»—бывшихъ консуловъ,

*) Что Лукуллъ вывезъ въ Италію вишни изъ Керазунта—это историческій фактъ.

90 сенаторовъ, 2.600 «всадниковъ»—equestres и болѣе 100.000 гражданъ. Пользуясь этими казнями, ловкій Крассъ скупилъ всѣ имѣнія казненныхъ за безцѣнокъ, и въ его рукахъ очутилось почти полъ-Рима.

На югѣ Италіи возстали рабы подъ предводительствомъ страшнаго Спартака. Помпей добивался у Суллы, чтобъ его послали усмирять рабовъ; но Сула поручилъ это дѣло болѣе хитрому изъ своихъ сторонниковъ, Крассу. Три года длилась война со Спартакомъ, и только черезъ десять лѣтъ послѣ описанной нами въ предыдущей главѣ пирушки у Лукулла Крассу удалось поразить могучаго врага, который и палъ въ битвѣ, а остальныя шайки Спартака добилъ уже Помпей.

Теперь ему мерещился Митридатъ, который, казалось, быстрыми шагами подвигался ко всемірному владычеству. Но и тутъ все еще не сбывались мечты его о заманчивомъ Востокѣ и Митридатѣ съ очаровательными амазонками.

— Войска въ Римѣ мало, — сказалъ ему на его докуки Сулла,—все войско въ Галліи, съ этимъ мальчишкой Цезаремъ.

— О, мнѣ стоитъ только топнуть ногою въ землю, и изъ нея выйдутъ легіоны,—самоувѣренно возразилъ Помпей.

Наконецъ, мечты его сбылись. Да и пора было. Митридатъ, заручившись союзомъ всѣхъ царей Малой Азіи и нанявъ въ помощь своимъ войскамъ скиѳовъ и народы, жившіе по Дунаю, заявилъ, что идетъ на Римъ.

— Иду доставать орлиное гнѣздо!—сказалъ онъ въ военномъ совѣтѣ.

— Да слѣдуютъ съ тобою всѣ боги Понта и Эллады!—благословилъ его все болѣе и болѣе дряхлѣвшій Фокіонъ.

— Отецъ! — восторженно заговорила Клеопатра, присутствовавшая на совѣтѣ.—Я видѣла во снѣ, что копыта коней моихъ амазонокъ топчутъ мостовую римскаго Форума, а я съ высоты Капитолія диктую постыдный миръ Риму!

Но едва кончился военный совѣтъ, какъ изъ Колхиды прилетѣла вѣсть, что римскій флотъ, съ навмархомъ Сервиліемъ во главѣ и съ Помпеемъ на главной триремѣ, уже присталъ въ устьяхъ Фазиса.

Дѣйствительно, Помпей, обдумавъ планъ кампаніи и заручившись совѣтами легатовъ и центуріоновъ, уже сражавшихся съ Митридатомъ подъ начальствомъ Марія въ самомъ царствѣ

Митридата, рѣшилъ напасть съ сѣвера на союзника понтійскаго царя, на царя Арменіи, Тиграна, и потому высадился въ устьяхъ Фазиса, чтобъ оттуда произвести развѣдки и дать отдыхъ воинамъ, утомленнымъ борьбою съ страшными бурями въ Понтѣ Эвксинскомъ.

Воины съ жадностью бросились въ Фазисъ, чтобъ купаньемъ укрѣпить истомленные члены. Но едва они начали купаться, какъ до слуха Помпея и Сервилія донеслись отчаянные крики купающихся. Они поспѣшили на берегъ, гдѣ воины съ ужасомъ выскакивали изъ рѣки.

— Что случилось?—спрашивалъ Помпей.

— О, великіе боги!—отвѣчали ближайшіе.—Тамъ, въ рѣкѣ, какія-то чудовища...

— Изъ второй когорты они пожрали пять гоплитовъ.

— Изъ нашей центуріи утащили десять воиновъ.

— Вонъ, вонъ!.. Смотрите! Они топятъ еще нѣкоторыхъ

— Мнѣ вонъ какъ чудовище изуродовало ногу, кровь такъ и льетъ.

Это были конечно, тѣ чудовища, о которыхъ упоминаетъ Павзаній Періегетъ.

«Въ греческихъ рѣкахъ,—говоритъ онъ,—не водится никакихъ животныхъ, опасныхъ для людей, но такія водятся въ Индѣ и въ Нилѣ, въ Египтѣ и въ Фазисѣ. Въ этихъ рѣкахъ есть очень большія животныя, пожирающія людей, похожія своею наружностью на сомовъ (γλάνις), встрѣчающихся въ рѣкахъ Гермѣ и Меандрѣ, но только тѣ сильнѣе и чернѣе» *).

— Однако, эти чудовища не показываются на поверхности рѣки,—замѣтилъ Помпей, пристально вглядываясь въ воду.—Хоть бы посмотрѣть, что это за чудовища.

— Ужъ не они ли стерегли золотое руно царя Айэта, отца Медеи, которую похитилъ Язонъ?—улыбнулся Сервилій, тоже вглядываясь въ воду.—Покажись хоть одно на поверхности, я бы поразилъ его копьемъ, какъ поражаю дельфиновъ.

— Да какъ ихъ увидишь? — замѣтилъ Помпей. — Вода какая-то темная, съ свинцовымъ, не то оловяннымъ отцвѣтомъ **).

---

*) Павзаній Періегетъ, IV, 34, 2.

**) Арріанъ въ своемъ «Periplus» говоритъ: — «Вода въ Фазисѣ имѣетъ цвѣтъ какъ-бы свинцовый или оловянный, но, постоявши, она очищается. Посему принято за правило, чтобы мореплаватели, входя

Помпей и Сервилій пошли далѣе по берегу Фазиса. За ними слѣдовали ликторы и нѣсколько воиновъ.

— Въ молодости, читая « Ἀργοναυτικά » Аполлонія Родосскаго, никогда не думалъ я, что боги приведутъ меня увидѣть царство Аэйта,—задумчиво проговорилъ Сервилій.—Такъ мнѣ и кажется, что тамъ, въ лѣсу, я увижу повѣшенное на деревьяхъ «золотое руно» и подъ нимъ эту страшную змѣю, которая сторожила его.

Помпей, зрѣніе котораго было очень острое, взглянувъ на деревья, къ которымъ они приближались, съ удивленіемъ остановился.

— Я вижу на деревьяхъ руно, но только не золотое,—сказалъ онъ, указывая на какія-то шкуры, подвѣшенныя къ вѣтвямъ деревьевъ.—Что бы это значило?

Они подошли ближе. Такихъ подвѣшенныхъ шкуръ оказалось много.

— Надо узнать, что это,—сказалъ Помпей.—Вступая въ непріятельскую страну, надо все тщательно изслѣдовать.

И потомъ, кликнувъ ликторовъ, онъ велѣлъ одному изъ нихъ подняться на дерево и сѣкирою перерубить ремни, поддерживавшіе странную шкуру.

Ликторъ исполнилъ приказъ полководца, и одна изъ шкуръ очутилась на землѣ. Ликторъ тутъ же распоролъ ее сѣкирой, и тамъ оказались человѣческія кости—цѣльный скелетъ.

— Человѣческій скелетъ,—удивился Помпей.—Вѣроятно, это такой способъ казни у колховъ.

— О, нѣтъ, благородный Гней,—сказалъ Сервилій.—Все тѣ же « Ἀργοναυτικά » объясняютъ это. Аргонавты, я это очень хорошо помню, выйдя на берегъ, увидѣли, какъ вотъ и мы, на высокихъ ивахъ, на верхушкахъ, подвѣшенные трупы умершихъ. И далѣе Аполлоній говоритъ: «И теперь еще считается у колховъ за преступленіе жечь трупы мужчинъ или даже зарывать ихъ въ землю и засыпать курганами. Ихъ кладутъ въ необдѣланныя бычачьи кожи и далеко за городомъ вѣшаютъ

въ Фазисъ, не привозили съ собой другой воды, и когда они приходятъ въ рѣку, то старую воду, которая была на кораблѣ, всю выливаютъ; не исполнившіе же этого, какъ говорятъ, подвергаются несчастному плаванію. Вода Фазиса не портится и можетъ оставаться десять лѣтъ не только не гніющею, но дѣлается еще вкуснѣе. «Periplus», IV, 5.

но и земля получаетъ свое, какъ и воздухъ, ибо ей предаются трупы женщинъ: таковъ ужъ у нихъ законъ».

— Теперь я припоминаю, другъ Сервилій, — заговорилъ Помпей.—Готовясь къ походу противъ Митридата, я прочелъ все, что греческіе и римскіе писатели говорили о народахъ, населяющихъ Кавказъ и сосѣднія страны варваровъ. Дѣйствительно, въ «Παραδοξόγραφοι γραῖκοι» я нашелъ одно мѣсто, гдѣ прямо говорится то же, что у Аполлонія; что именно колхи не хоронятъ умершихъ, но вѣшаютъ ихъ на деревьяхъ *). То же самое я нашелъ и у Нимфодора Сиракузскаго, который говоритъ, что у колховъ не принято ни сжигать, ни хоронить трупы мужчинъ. Трупы эти они кладутъ въ свѣжія кожи животныхъ и вѣшаютъ на деревьяхъ. Трупы же женщинъ они предаютъ землѣ. И это Нимфодоръ поясняетъ словами: «колхи почитаютъ все больше небо и землю **)..

— Итакъ, это ихъ и кладбища, и колюмбаріи,—заключилъ Сервилій.

Въ это время отъ кораблей спѣшилъ къ нимъ одинъ изъ квесторовъ.

Увидѣвъ его, Помпей сердито сдвинулъ брови, думая, что имъ угрожаетъ какая-нибудь опасность.

— Что случилось?.. Съ какими вѣстями, квесторъ?—быстро спросилъ онъ.

— Твои, о, императоръ, ликторы-развѣдчики привели армянскаго царевича, сына Тиграна, который желаетъ повергнуться къ стопамъ вождя державнаго Рима, — быстро проговорилъ квесторъ.

Лицо Помпея озарилось гордою радостью.

XVI.

Дѣйствительно, когда Помпей и Сервилій приблизились къ кораблямъ, то издали еще замѣтили небольшую группу людей въ восточныхъ одѣяніяхъ.

При видѣ Помпея, всѣ они упали на землю ничкомъ. Помпей приблизился, и въ переднемъ изъ нихъ онъ, по богатству одѣянія, призналъ царевича.

---

*) «Παραδ. γραῖκ.». XXIII.

**) Nymphodorus Syracusanus, fragm. XVII.

— Встань съ земли,—сказалъ онъ ласково.

Никто не шевелился, и, казалось, будто они цѣлуютъ землю.

— Встань!..—уже рѣзче повторилъ Помпей.—Я повелѣваю!

Тотъ, въ комъ онъ призналъ царевича, привсталъ на колѣни, не смѣя, по восточному обычаю, поднять глаза на повелителя.

— Кто ты?—спросилъ его Помпей.

— Я сынъ царя Арменіи, Тиграна,—робко отвѣчалъ царевичъ.

— Зачѣмъ ты явился ко мнѣ?—снова спросилъ Помпей.

— Повергнуть мою службу и мою жизнь къ стопамъ великаго вождя державнаго Рима.

— Что побудило тебя къ этому?

— Несправедливость и нелюбовь ко мнѣ отца.

— Ты, можетъ быть, заслужилъ эту нелюбовь?

— Видятъ боги, нѣтъ... Мой отецъ женился второй разъ на дочери понтійскаго царя Митридата, и когда отъ нея пошли дѣти, онъ рѣшилъ отдать свой престолъ сыну понтійки, а мнѣ не хочетъ даже дать сатрапіи.

— А это кто съ тобой?—указалъ Помпей на продолжавшихъ лежать армянъ.

— Это мои вѣрные слуги, а теперь твои, великій вождь Рима.

— Какимъ богамъ ты поклоняешься?

— Ваалу, Молоху и Астартѣ.

— Встань совсѣмъ и не падай больше на землю ницъ.

— Я дѣлаю это по обычаю моей страны *).

Послѣ этого Помпей, велѣвъ царевичу слѣдовать за собой, вмѣстѣ съ Сервиліемъ взошелъ на корабль и ввелъ молодого армянина въ свою каюту.

— Какъ твое имя?—спросилъ онъ царевича.

— Тигранъ-Артакса, потому что я родился въ столицѣ Малой Арменіи, въ Артаксатѣ.

— А въ столицѣ Митрадата ты бывалъ?

— Очень часто, господинъ.

— Кто же при дворѣ Митрада наиболѣе приближенные къ нему?

---

*) Аппіанъ говоритъ: «Тигранъ бросился передъ Помпеемъ, какъ передъ сильнѣйшимъ, по обычаю варваровъ, на землю». — Proomium, 104.

— Виночерпій Мосхинъ, начальникъ флота колхъ Артосъ, потомъ старый его учитель-грекъ Фокіонъ, изъ римлянъ—Гай Постумъ, тоже бывшій его учитель, египтянинъ Радама и римлянинъ Сервилій.

Митридатъ глянулъ на своего навмарха.

— То Сервилій Руфъ, другой линіи Сервиліевъ, а я линіи Юніевъ,—сказалъ навмархъ.

— А кто совѣтникъ твоего отца?—спросилъ снова Тиграна Помпей.

— Царевичъ и сатрапъ Тиридатъ—правая рука моего отца.

Помпей вынулъ мечъ изъ ноженъ и протянулъ его къ Тиграну-Артаксѣ.

— Положи руку на мечъ и клянись твоими богами въ вѣрности Риму.

Тигранъ повиновался.

— Клянусь Вааломъ, добрымъ и злымъ, который лѣтомъ превращается во всесожигающее солнце, въ огонь, въ смерть, во все зло, въ Молоха. Клянусь доброю Милитою, которая превратится въ злую Астарту и пожретъ меня вмѣстѣ съ Молохомъ, если я измѣню Риму и его великому вождю Помпею, — весь дрожа проговорилъ Тигранъ.

Помпей вложилъ мечъ въ ножны.

— Senatus populusque romanus представили мнѣ власть давать право гражданства тому, кого я признаю достойнымъ,—сказалъ онъ.—Съ этой минуты ты civis romanus.

Затѣмъ Помпей сталъ разспрашивать новаго гражданина, что онъ знаетъ о намѣреніяхъ Митридата, а равно о планахъ его отца.

Тигранъ отвѣчалъ, что Митридатъ и его отецъ въ союзѣ съ колхами, иберами, албанцами и скиѳами намѣрены итти на Римъ и взять его, какъ о томъ прорекла Пиѳія въ Дельфахъ, и на ихъ знаменахъ изображено: «За всемірное владычество».

Лицо Помпея выразило глубочайшее презрѣніе.

— Гдѣ въ настоящее время твой отецъ?—спросилъ онъ.

— Въ Тигранокертѣ, великій вождь,—отвѣчалъ Тигранъ.

— А путь къ Артаксатѣ лежитъ черезъ какія земли?

— Черезъ земли лазовъ, мосховъ, гогарсновъ и сирацсновъ и мимо горы Арагадзъ, около которой, въ виду горы Масиса, называемой іудеями Араратомъ...

— О, я читалъ объ этой горѣ въ іудейскихъ книгахъ,—перебилъ Помпей Тиграна,—по іудейскимъ преданіямъ, на горѣ Араратѣ, во время всемірнаго потопа, остановился великій корабль ихъ праотца Ноя, вмѣщавшій въ себѣ его семейство и по парѣ всѣхъ животныхъ земли. Такъ что въ виду этой горы?

— Въ виду этой горы римскій полководецъ Марій разбилъ войска Митридата и моего отца.

— Да, это мнѣ извѣстно,—сказалъ Помпей.—А Артаксата далеко отъ этихъ горъ?

— Между ними, въ нѣсколькихъ часахъ перехода, при рѣкѣ Араксѣ.

Помпей горѣлъ нетерпѣніемъ начать войну, тѣмъ болѣе что обстоятельства ему благопріятствовали. Царь Арменіи находился далеко отъ Артаксаты, и въ Малой Арменіи почти не было войска. Митридатъ, между тѣмъ, не успѣвъ призвать ни Тиграна, ни Артока, царя иберовъ, ни Оройза (Ὀροίζης), царя албанцевъ съ ихъ войсками, едва ли рѣшился бы одинъ остановить Помпея съ его легіонами, которые, занявъ Арменію съ Артаксатою, дадутъ возможность Помпею съ большею половиной своего войска ударить на иберовъ и албанцевъ и порознь разбить ихъ.

Поэтому, оставивъ Сервилія съ флотомъ въ устьяхъ Фазиса, онъ немедленно выступилъ въ походъ. Тигранъ-Артакса и его свита, хорошо знающіе пути своей страны, служили проводниками римскаго войска. Мало того, дорогой они снабжали римлянъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней перехода по землямъ туземцевъ, безмолвно покорившихся римлянамъ при видѣ грозныхъ легіоновъ и при нихъ царевича Арменіи, войска Помпея увидѣли на горизонтѣ гигантскій снѣжный конусъ Арарата.

— Какое безмолвное величіе!—невольно воскликнулъ Помпей, пораженный невиданною имъ доселѣ грозною картиной.—Олимпъ, жилище боговъ, передъ этимъ исполиномъ — ничтожество!

День былъ невыносимо знойный. Внизу, въ долинѣ Аракса, зеленѣли виноградники, и виднѣлись сѣрыя стѣны Артаксаты.

— Такой зной, и солнце безсильно передъ снѣгами этой горы,—задумчиво сказалъ Помпей.

— Это вѣчные снѣга, великій вождь,—замѣтилъ Тигранъ.—

Съ той поры, какъ невѣдомая сила создала міръ, даже огненный, всемогущій Молохъ не въ силахъ растопить снѣга нашего великаго Масиса.

Нѣкоторые изъ воиновъ, при видѣ священной горы, съ криками благоговѣнія и восторга пали ницъ. То были іудеи, служившіе, вмѣстѣ съ галлами и тевтонами, въ рядахъ римскаго войска.

— Съ этой священной горы началось новое человѣчество,— говорили они.

— Тамъ Іегова остановилъ ковчегъ прародителя Ноя!

— О, Адонай Господь! И наши глаза удостоились видѣть эту святыню!

Извѣщенные Тиграномъ о приближеніи римскаго войска, знатнѣйшіе граждане Артаксаты съ своими жрецами во главѣ вышли навстрѣчу Помпею.

Молодыя дѣвушки, дочери знатнѣйшихъ гражданъ, украшенныя вѣнками, бросали цвѣты по пути, по которому вступалъ въ Артаксату на бѣломъ конѣ Помпей рядомъ съ квесторомъ Афраніемъ.

Теперь только Помпей почувствовалъ, что передъ нимъ сказочный, волшебный Востокъ.

— Какія прелестныя дѣвушки!—говорилъ онъ Афранію.

— Такія же прекрасныя, какъ и римлянки,—согласился послѣдній.

— Нѣтъ, что-то иное въ ихъ глазахъ, это ихъ знойное солнце,—возразилъ Помпей.—А все я не вижу амазонокъ.

— Увидишь, благородный Гней,—утѣшалъ его Афраній.

Помпей въ Артаксатѣ, въ виду Арарата!.. Какою гордою радостью билось его сердце!

— Объ этомъ я мечталъ на пиру у Лукуллы, и мечты мои сбываются,—видя, какъ его легіонные орлы входили въ городъ, восторженно прошепталъ онъ.

Его вниманіе привлекли страшные, раздирающіе душу крики дѣтей. Онъ глянулъ въ сторону и увидѣлъ на гранитномъ возвышеніи мѣдное раскаленное до-красна чудовище—великана съ бычачьей головой и протянутыми руками, на которыя жрецы бросали дѣтей, и тѣ съ предсмертнымъ крикомъ, въ корчахъ, скатывались въ раскаленную пасть чудовища

Помпей невольно вздрогнулъ.

— Что это?—съ ужасомъ спросилъ онъ слѣдовавшаго за нимъ Тиграна.

— Это городъ Артаксата, часть населенія котораго во всей чистотѣ сохраняетъ религію Вавилона и Финикіи, въ честь твою приноситъ жертвы богу Молоху.

— Но это варварство! — воскликнулъ Помпей. — Неужели это армяне?

— Нѣтъ, великій вождь, это финикіяне, потомки гражданъ Тира и Сидона, ведущіе обширную торговлю съ Арменіей... Армяне такихъ жертвъ не приносятъ,—отвѣчалъ Тигранъ.

— О, Востокъ!—подумалъ Помпей.—Объ этомъ ли я мечталъ на пиру у Лукулла!

XVII.

Оставивъ часть войска въ Артаксатѣ подъ начальствомъ Афранія, съ остальными легіонами Помпей двинулся къ сѣверу, въ землю албанцевъ, къ сторонѣ нынѣшняго Дагестана, чтобъ наказать этихъ варваровъ, которые, какъ донесено было Помпею, первыми приняли сторону Митридата. Мало того, къ нимъ прибылъ на подмогу и отрядъ амазонокъ изъ Понта.

Амазонки особенно возбуждали пылкое воображеніе Помпея.

Страбонъ, говоря объ этомъ походѣ Помпея, такъ описываетъ часть нынѣшняго Закавказья:

«Отъ сѣверныхъ пастушескихъ народовъ ведетъ трехдневный длинный, тяжелый путь въ гору, а потомъ по узкой долинѣ рѣки Арага («Ἄραγος—конечно — Арагва!) — четырехдневная узенькая дорожка, проходимая лишь для одного человѣка (это, безъ сомнѣнія, первобытный путь нынѣшней военно-грузинской дороги—какая древность!). Конецъ дороги ограждаетъ неприступная крѣпость. Проходъ изъ Албаніи (нынѣ Дагестанъ) идетъ сперва по тропинкѣ, высѣченной въ скалахъ, потомъ по болоту, которое образуетъ рѣка Алазоній (нынѣ Алазань), ниспадающая съ Кавказскихъ горъ. Дорога же изъ Арменіи идетъ черезъ ущелья рѣкъ Кира (Κύρος—Кура) и Арага (Арагва). На берегахъ каждой изъ нихъ, до соединенія ихъ, находится по городу, укрѣпленному въ скалахъ, въ разстояніи другъ отъ друга на 16

стадій. На рѣкѣ Кирѣ лежитъ городъ Армозика (Ἀρμοζικά), на другой—Севсамора (Ξευσάμορα). Этими проходами воспользовался шедшій изъ Арменіи Помпей» *).

По всѣмъ видимостямъ, войско Помпея переходило рѣку Киръ или около нынѣшняго Мцхета, либо около Тифлиса.

Это отчасти подтверждаетъ и камень съ греческой надписью 75 года нашей эры, найденный около Мцхета. Вотъ что гласитъ камень въ переводѣ К. Гана: «Императоръ цезарь Веспасіанъ, августъ, великій первосвященникъ, облеченный трибунскою властью въ седьмой разъ, императоръ въ четырнадцатый разъ, консулъ въ шестой разъ и выбранный въ седьмой, отецъ отечества, цензоръ, и императоръ Титъ, цезарь, сынъ августа, облеченный трибунскою властью въ пятый разъ, цензоръ, и Домиціанъ, цезарь, сынъ августа, консулъ въ третій разъ, выбранный на четвертый,—царю иберовъ Митридату, царя Фарасмана и Ямазды сыну, другу цезаря и другу народа римскаго—выстроили крѣпость **).

«Перейдя рѣку Киръ, или, по Плутарху, Кирнъ, Помпей—говоритъ Плутархъ—полный чувствъ гнѣва и мести, отправился противъ албанцевъ, опрокинувъ всѣ палисады, которыми непріятель заграждалъ переходъ черезъ рѣку. Отсюда дальше шелъ длинный, затруднительный путь по безводной степи, вслѣдствіе чего Помпей взялъ съ собою 10.000 бурдюковъ и наполнилъ ихъ водой, и съ такимъ запасомъ отправился противъ непріятелей. Онъ засталъ ихъ у рѣки Абанта выстроенными въ боевомъ порядкѣ. Ихъ было 60.000 пѣхоты и 12.000 конницы, но они были плохо вооружены и одѣты большей частью въ звѣриныя шкуры».

Здѣсь Помпей въ первый разъ увидѣлъ и амазонокъ.

Стройные ряды когортъ и блестящее ихъ вооруженіе, видимо, поразили албанцевъ. Эти блестящіе на солнцѣ своею позолотой легіонные орлы на высокихъ древкахъ, эти окружающіе Помпея ликторы съ пуками палокъ и сверкавшими на солнцѣ сѣкирами, все это, закованное въ латы, этотъ блескъ желѣза, все это не могло не внушать дикарямъ суевѣрнаго страха. А этотъ

---

*) Страбонъ, XI, 5.

**) Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣст. и племенъ Кавказа. Тифлисъ, т. IV, 1884, стр. 114.

вождь страшныхъ римлянъ, сіявшій на бѣломъ конѣ своими доспѣхами, словно солнце!

— Это стадо пастуховъ,—съ презрѣніемъ обратился Помпей къ легату Каю Ригору.

— Дѣйствительно, стадо коровъ и овецъ,—улыбнулся легатъ.

— Но лѣвое ихъ крыло очень заманчиво и красиво,—указалъ Помпей на отрядъ амазонокъ,—эти юныя дѣвичьи личики, эти маленькіе щитки, метательныя копья, все это не позволяетъ причислить ихъ къ варварамъ.

— Онѣ всѣ, говорятъ, изъ Понта.

— Желательно бы посмотрѣть ихъ поближе.

— Вотъ возьмемъ ихъ въ плѣнъ и посмотримъ.

По знаку Помпея взвыли трубы центурій, и когорты двинулись на непріятеля. Однако, дикари не дрогнули, а, напротивъ, бросились на сомкнутые ряды римлянъ и вступили въ отчаянный рукопашный бой.

Помпей замѣтилъ, что на него устремился, повидимому, предводитель албанцевъ. На немъ были латы и шлемъ съ распущеными крыльями горнаго орла.

— Остерегись, императоръ!—крикнулъ легатъ Ригоръ.— Дикарь въ тебя мѣтитъ.

Дѣйствительно, въ воздухѣ просвистѣло копье и ударилось въ панцырь Помпея «въ томъ мѣстѣ—поясняетъ Плутархъ— гдѣ соединяются листы».

Не будь листы панцыря или чешуи плотно пригнаны одна на другую, копье албанца поразило бы Помпея.

Послѣдній далъ шпоры коню, и не успѣлъ албанецъ бросить второе копье, какъ копье Помпея пронзило отчаяннаго албанца насквозь.

— Habet!—радостно прокричалъ легатъ Ригоръ.

— Habet! Habet! Habet! *)—повторили ликторы.

Албанецъ, однако, не упалъ съ коня, а только уронилъ копье, направленное на Помпея: съ копьемъ послѣдняго въ

---

*) Habet!—habet! — это обыкновенный крикъ зрителей въ римскихъ циркахъ во время боя гладіаторовъ. Удачный ударъ гладіатора, поразившій противника, сопровождается криками толпы: — habet!— т. е. «имѣетъ»:—мѣткій, смертельный ударъ.

груди, онъ смотрѣлъ на своего побѣдителя широко раскрытыми, удивленными глазами.

— Кто ты, храбрый воинъ?—спросилъ его Помпей на своемъ родномъ языкѣ.

Албанецъ только покачалъ головой.

— Кто ты, мой отважный противникъ?—повторилъ Помпей вопросъ по-гречески.

— Я Косисъ—былъ отвѣтъ.

— Вождь албанцевъ? Царь ихъ?

— Нѣтъ... я... братъ царя...

— Братъ царя Оройза?

Косисъ *) слабо кивнулъ головой и свалился съ коня.

Битва, между тѣмъ, кипѣла по всему полю. Помпей бросился къ тому мѣсту лѣваго крыла непріятеля, гдѣ сражались амазонки. Послѣднія, какъ птицы, налетая на когорты и пустивъ стрѣлу или копье, вновь отлетали, увлекая раненыхъ или убитыхъ подружекъ.

— Habet! Habet! Безчисленныя «habet», словно глухіе удары бичей, слышались по всему полю битвы.

Римляне дружно тѣснили врага. Вѣчныя битвы на всѣхъ концахъ міра научили ихъ побѣждать. Легіонные орлы уже носились среди смѣшавшихся и оторопѣвшихъ албанцевъ.

— Habet! Habet!—продолжало оглашать воздухъ.

— Дрогнули варвары! Дрогнули!

— Побѣда! Побѣда!—прогремѣло по полю.

— Vivat imperator victor Gnejus Pompejus!—раздался окончательный крикъ.

— На щиты побѣдителя!

Тысячами труповъ было усѣяно поле побѣды. Началась разборка убитыхъ и сниманіе съ нихъ доспѣховъ и цѣнныхъ золотыхъ украшеній.

Однако, между убитыми не нашли ни одной амазонки.

Плутархъ говоритъ: «Когда римляне стали снимать доспѣхи съ убитыхъ непріятелей, то нашли нѣсколько маленькихъ амазонскихъ щитовъ и полусапожекъ-сандалій, но труповъ женщинъ не нашли» **).

Около одного амазонскаго щитка найдена была окровав-

*) Κῶσες—у Плутарха.
**) «Помпей» Плутарха, гл. XXXV.

ленная записка, писанная по-гречески. Когда ее подали Помпею, онъ прочелъ:

«Мы отъ отцомъ спѣшимъ къ вамъ отъ Босфора на помощь. Поддержите честь Понта и его царя, Митридата Великаго. Клеопатра».

XVIII.

Клеопатра, дѣйствительно, находилась съ отцомъ въ предѣлахъ Босфора Киммерійскаго, въ сѣверной столицѣ Понтійскаго царства, въ Пантикапеѣ, что нынѣ Керчь.

Митридатъ, узнавъ о прибытіи Помпея съ флотомъ къ устьямъ Фазиса и о томъ, что вся Малая Арменія со столицею Артаксатою, вслѣдствіе неудовольствія царевича Тиграна Артаксы на отца, Тиграна, безъ сопротивленія отдается во власть римлянъ, понялъ, что ему одному трудно будетъ бороться съ Помпеемъ, и потому, взявъ на корабль все свое семейство, царицу Дафну, дочь Клеопатру и сыновей, Махара и Фарнака, со всѣмъ своимъ многочисленнымъ флотомъ отплылъ изъ южной столицы своего царства, изъ Синопа, въ сѣверную столицу, Пантикапею, чтобъ оттуда призвать на помощь союзниковъ своихъ, страшныхъ скиѳовъ, племена сарматскія, а также язиговъ, роксоланъ и яксаматовъ, обитавшихъ у верховьевъ Меотиды.

Послами къ этимъ союзникамъ онъ отправилъ съ частью своего флота вѣрнаго оруженосца, скиѳа Яра, и сыновей, Махара и Фарнака, и теперь со дня на день ожидалъ появленія съ сѣвернаго угла Меотійскаго моря своего флота съ Яромъ и союзниками-варварами. Появленіе флота съ скиѳами и другими варварами онъ наблюдалъ съ высоты укрѣпленнаго акрополя, что нынѣ «Митридатова гора». На самомъ возвышенномъ мѣстѣ акрополя находилась высочайшая башня, съ вершины которой видны были на далекое разстояніе не только воды Меотиды и Понта Эвксинскаго, но и укрѣпленія Фанагоріи, расположенной по ту сторону Босфора Киммерійскаго. Съ Митридатомъ поднимались на башню и его ближайшіе совѣтники, виночерпій Мосхинъ, старый, уже дряхлый учитель, Гай Постумъ, аѳинянинъ Фокіонъ, римлянинъ Сервилій и египтянинъ Радама.

Въ іюньскія «иды», находясь на наблюдательной башнѣ, Митридатъ и бывшіе съ нимъ приближенные почувствовали

какъ бы колебаніе башни и всего акрополя съ его подножіемъ-горою.

— Что это? Земля колеблется?—удивился Митридатъ.

— Великіе боги! Да это землетрясеніе!—воскликнулъ Гай Постумъ.—Такъ было передъ изверженіемъ Везувія въ первое консульство Марія.

— Да, я слышу подземный грохотъ,—говорилъ Фокіонъ, прислушиваясь. — Братъ Зевса громовержца, богъ подземнаго міра и властитель царства тѣней, Плутонъ, на кого-то гнѣвается.

— О!—засмѣялся шутникъ Сервилій.—Въ Андѣ идетъ теперь война, Плутонъ поссорился со своей старухой Персефоной-Прозерпиной... Старикъ, должно быть, приволокнулся отъ скуки за младшею изъ трехъ сестрицъ Паркъ, и Церберъ донесъ объ этомъ Прозерпинѣ.

Вдругъ въ сторонѣ берега Меотійскаго моря раздался страшный подземный ударъ, и вершина одного холма закурилась дымомъ, извергая камни съ пламенемъ.

— Изверженіе!—съ испугомъ воскликнулъ находившійся на башнѣ жрецъ храма Зевса пантикапейскаго. — О, великіе боги! Пощадите столицу царя Митридата Эвпатора и воздвигнутые вамъ храмы.

— Но теперь колебанія акрополя и башни не замѣчается,—замѣтилъ Фокіонъ.

— Подземныя силы нашли выходъ тамъ, гдѣ изверглось пламя, и теперь моей Пантикапеѣ не угрожаетъ опасность,—успокоительно проговорилъ Митридатъ.

— Пойду благодарить боговъ и жертвоприношеніями молить ихъ отвратить несчастіе отъ прекрасной столицы Понта.

Вдругъ съ башни замѣтили, что отъ Пантикапеи къ мѣсту изверженія мчатся всадники. То были нѣкоторыя амазонки съ Клеопатрою во главѣ.

— Ахъ, отчаянная!—покачалъ головою Митридатъ, узнавъ свою эксцентричную дочь-любимицу.

— Царевна Клеопатра вездѣ первая тамъ, гдѣ опасность,—проговорилъ Сервилій.

— Да, и при Херонеѣ она была первою... а не будь я возлѣ нея, ея тѣло давно бы поклевали вороны Аттики,—замѣтилъ Митридатъ укоризненно.—Надо и намъ туда поспѣшить.

Скоро Митридатъ съ приближенными скакалъ къ мѣсту изверженія. Приближаясь туда, они издали замѣтили, что амазонки, сойдя съ коней, что-то разсматривали, сильно жестикулируя.

Подъѣхавъ ближе, прибывшіе увидѣли лежащій на землѣ гигантскій остовъ какого-то чудовища. Видно было по всему, что чудовище выброшено было на поверхность земли изъ ея нѣдръ самимъ изверженіемъ, которое теперь, повидимому, утихало и прекращалось.

Всѣ разсматривали гигантскій остовъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Ничего подобнаго земля теперь не носитъ на себѣ,—въ раздумьи говорилъ Митридатъ.—Не то это бывшая рыба, не то чудовищная ящерица.

— А какова величина, ужасъ!—замѣтилъ Радама.—Больше нашихъ нильскихъ крокодиловъ.

— Я вымѣряла его длину, — поспѣшила заявить Клеопатра,—въ немъ около 25 локтей,—обратилась она къ отцу *).

— Въ этомъ явленіи я усматриваю знаменія боговъ подземнаго міра, владыкъ мрачнаго Оркоса,—въ разумьѣ проговорилъ глубоко вѣрившій всѣмъ миѳамъ Эллады престарѣлый Фокіонъ.

— Что же этимъ хотятъ повѣдать боги Аида?—спросилъ Митридатъ.

— Я полагаю, что это чудовище пробиралось въ область Аида,—говорилъ Фокіонъ, что-то соображая.—Вамъ извѣстно, что судьи подземнаго царства, Миносъ, Эакъ и Радамантъ, вмѣстѣ съ перевозчикомъ черезъ адскія рѣки Харономъ зорко стерегутъ входъ въ царство Плутона и Прозерпины... Церберъ, стерегущій этотъ входъ, ранѣе Паркъ, Фурій и судей Аида усмотрѣлъ чудовище и своимъ лаемъ остановилъ его. Тогда Фуріи-Эвменіды, Тезифона, Алекта и Мегера, взявъ свои свѣтильники и бичи, погнали чудовище изъ глубины Эреба, черезъ мутныя воды Ахерона, прямо въ огненныя волны Флегетона, и вотъ огненныя волны Флегетона и извергли сгорѣвшее въ нихъ чудовище на поверхность земли.

Такое толкованіе показалось всѣмъ вполнѣ правдоподобнымъ.

---

*) О выброшенномъ изъ земли изверженіемъ такомъ скелетѣ говоритъ Флегонъ Траллiанскій (Phlegon Trallianus, fragm. 48).

— Да,—согласился суевѣрный сгинтянинъ,—мы всѣ еще съ акрополя видѣли прекрасно адское пламя Флегетона.

— Да, это огонь подземнаго царства,—согласился и старый Гай Постумъ.

— Воистину, — подтвердилъ и Мосхинъ виночерпій,—на этомъ огнѣ нашему хлѣбодару не приходилось печь свои хлѣбы для стола Митридата Эвпатора.

— И жарить понтійскихъ утокъ, питающихся ядовитыми виперами,—улыбнулся невѣрующій ни во что Сервилій римлянинъ.

Клеопатра между тѣмъ съ другими амазонками взбиралась уже на переставшій дѣйствовать вулканъ, чтобъ взглянуть, если можно, въ его внутренность, въ кратеръ.

— Остановись, безумная!—крикнулъ дочери Митридатъ.—Вулканъ можетъ снова изрыгнуть пламя.

— О, женское любопытство!—какъ бы про себя проговорилъ Сервилій.

Амазонки остановились. Неостывшая еще лава преградила имъ путь.

Тогда Митридатъ обратился къ старику Фокіону.

— Что же этимъ знаменіемъ хотятъ повѣдать смертнымъ безсмертные боги Аида?..—спросилъ онъ.

— Извѣстно, что Эвмениды-Эринніи божества мести,—началъ свое толкованіе Фокіонъ,—онѣ, по повелѣнію великаго Плутона и по приговору судей Эреба, Миноса, Эака и Радаманта, наказываютъ того, кто своими дѣяніями оскорбилъ боговъ, нарушилъ правду на землѣ... Кто же, вотъ уже много-много лѣтъ, попираетъ правду на землѣ, кто разоряетъ царства, кто истребляетъ цѣлые народы?

— Ты, конечно, разумѣешь Римъ?—сказалъ Митридатъ.

— Кого же больше, какъ не это разбойничье племя!.. Оно растоптало священную Элладу, а теперь собралось пожрать благословенный богами Понтъ...

— Не бывать этому!—гордо выпрямился царь Понта.

— И я говорю, не бывать!—подтвердилъ Фокіонъ.—Недаромъ Эринніи-Эвмениды и огненный Флегетонъ извергли изъ нѣдръ подземнаго царства это чудовище, только скелетъ его... Это знаменіе тебѣ, могущественный царь Понта... Въ твое царство ворвалось подобное этому хищное чудовище...

— Это Гней Помпей?—полюбопытствовала Клеопатра.

— Онъ, царевна, съ его легіонами.

— А кто же Немезиды-Эринніи?—продолжала Клеопатра.

— Благородная царевна Понта и ея прекрасныя амазонки.

При этихъ словахъ нѣкоторыя изъ юныхъ амазонокъ радостно захлопали въ ладоши.

— А огненнымъ Флегетономъ будетъ мой отецъ, царь Понта, Митридатъ Эвпаторъ, такъ, благородный Фокіонъ?—спросила Клеопатра, любовно глядя на отца.

— Да, великій Митридатъ.

Вдругъ Сервилій, внимательно вглядывавшійся въ морскую даль, показалъ туда рукою. Всѣ оглянулись и увидѣли тамъ, гдѣ небо сливалось какъ бы съ моремъ, бѣлые и пурпурные паруса кораблей.

То волны Меотиды несли на себѣ отъ Танаиса союзниковъ Митридата.

— Благодареніе богамъ!—радостно сказалъ царь Понта.— Теперь мы можемъ извергнуть изъ нашихъ странъ чудовище.

XIX.

Между тѣмъ, пока Митридатъ оставался еще въ Пантикапеѣ, Артокъ, царь Иберіи (нынѣ Грузія), получивъ вѣсть о томъ, что Помпей одержалъ побѣду надъ албанцами и собственноручно поразилъ на-смерть ихъ вождя, Косиса, брата албанскаго царя, Оройза, поспѣшилъ соединиться съ обаренами, отенами и тапирами *), обитавшими на правомъ берегу рѣки Киры, нынѣ Куры, и послалъ гонцовъ къ Оройзу, приглашая его соединенными силами иберовъ, албанцевъ, обареновъ, отеновъ и тапировъ ударить на римлянъ.

Въ виду общей опасности союзныя войска такъ скоро на правомъ берегу рѣки Кира устроили свои засады, что Помпей не успѣлъ перевести своихъ легіоновъ черезъ эту рѣку обратно. Хотя бурный и многоводный Киръ, а также вражескія засады представляли сильныя затрудненія для переправы черезъ него легіоновъ, однако, Помпей, основательно изучившій походы

*) У Азинія Квадрата:: ὠβαρηνοί, ὠτηνοί καί ταπυροί (Asinius Quadratus. fragm.. 8. 19.—Müller, Fragmenta hist. graeci III»).

Александра Македонскаго, не остановился передъ неопреодоливыми, повидимому, препятствіями.

Утромъ того дня, когда замѣчены были за рѣкою непріятельскія засады, въ палатку Помпея вошелъ квесторъ Эмилій Самнитъ.

— Боги да хранятъ побѣдителя! — привѣтствовалъ онъ вождя.—Я изслѣдовалъ здѣсь переправы и нахожу, что едва ли легіоны переберутся здѣсь на тотъ берегъ въ виду непріятеля.

Помпей улыбнулся и ударилъ ладонью по книгѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ.

— Вотъ гдѣ планъ переправы,—сказалъ онъ, улыбаясь.— Вы, самниты, отличные воины, но васъ мало учили. Слыхалъ ты про Александра Македонскаго?

— Какъ же, императоръ,—отвѣчалъ Самнитъ,—мнѣ квесторъ Афраній много чудесъ объ этомъ героѣ разсказывалъ, настоящія сказки.

— А слыхалъ ли ты когда-нибудь о рѣкѣ Оксусѣ?—снова спросилъ Помпей.

— Нѣтъ, императоръ... О Нилѣ слыхалъ, а объ Оксусѣ не слыхалъ.

— Эта рѣка въ Азіи, за Гирканскимъ моремъ, шириною она въ шесть стадій.

— О, боги! Да это цѣлое море воды.

— А быстрота въ Оксусѣ вдвое сильнѣе быстроты этого жалкаго Кира, и все-таки македонскій герой перевелъ свои войска черезъ эту бѣшеную рѣку.

— Какъ же это?—спросилъ изумленный квесторъ.

— А вотъ слушай.

И Помпей, раскрывъ книгу, сталъ читать.

— «Переправиться черезъ эту рѣку не было никакого средства для Александра: шириною она была въ шесть стадій; песчаное дно ея было страшно глубоко, а теченіе столь быстрое, что сваи невозможно было утвердить на днѣ рѣки, да и лѣсу не было для сооруженія мостовъ, а привозка его издалека потребовала бы много времени. Тогда прибѣгли къ такому средству: наполнили соломою и сухими виноградными лозами кожи, изъ которыхъ дѣлались палатки для воиновъ; сшили ихъ такъ крѣпко,

чтобы въ нихъ не могла проникать вода, связали вмѣстѣ, и потомъ войско перешло рѣку въ пять дней» *).

Квесторъ слушалъ чтеніе съ величайшимъ вниманіемъ и одобрительно качалъ головой.

— А у насъ, кромѣ воловьихъ кожъ, еще десять тысячъ пустыхъ водоносовъ-бурдюковъ, которые мы, посредствомъ мѣховъ, надуемъ воздухомъ,—сказалъ Помпей.

— О, императоръ! — воскликнулъ наивный Самнитъ. — Ты превзойдешь македонскаго героя! Ты любимецъ боговъ.

— Прикажи же легатамъ и центуріонамъ готовиться къ переправѣ черезъ Киръ по способу Александра Македонскаго,— заключилъ Помпей, отпуская квестора.

Въ палатку вошелъ рабъ нумидіецъ, держа въ рукѣ двѣ большихъ птицы съ блестящимъ золотистымъ опереніемъ и красивыми длинными хвостами.

— Что это у тебя за птицы, Адгербалій? — спросилъ Помпей.

— Это очень вкусныя птицы, господинъ,—отвѣчалъ рабъ.— Мое копье уложило ихъ разомъ на мѣстѣ. Это самецъ и самка. Прикажетъ господинъ изготовить ихъ?

— Хорошо, изготовь,—согласился Помпей.

— Такихъ птицъ и за столомъ Люція-Лицинія Лукулла не бывало,—продолжалъ болтать рабъ, любуясь своею добычей.

— А какъ ихъ зовутъ?—спросилъ Помпей.

— Армяне называютъ ихъ «тетари», господинъ **).

Это были, конечно, фазаны.

Покушавъ изжаренной на вертелѣ кавказской дичи, Помпей и Эмилій Самнитъ пошли взглянуть на приготовленіе воиновъ къ переправѣ. Работа кипѣла. Бурдюки надувались мѣхами, а воловьи кожи плотно сшивались струнами изъ бараньихъ кишекъ и набивались сухою травой. Потомъ и бурдюки, и кожи

---

*) Arrianus Flavius о походахъ Александра.

**) У Птоломея Эвергета читаемъ:—«фазійская птица называется τέταρος» (Ptolemeus Euergetes II, fragm. 3).—«Фазійскихъ птицъ, которыхъ называютъ τεταροι, привозятъ между прочимъ изъ Мидіи... Это очень вкусная птица» (тамъ же, fragm. 10).—Агатархидесъ Книдскій, описывая рѣку Фазисъ, говоритъ, что «тамъ водится множество фазановъ, такъ какъ они у устьевъ рѣки находятъ себѣ много пищи». (Agatharchides Cnidius, fragm. 10.—Müller. Fragmenta hist. graeci III).— «Тетари»—τέταρος—не отсюда ли наши «тетери»?—Корень одинъ и тотъ же.

были скрѣплены воедино, и образовали плавучій плотъ длиною въ нѣсколько стадій.

Полагая, что бурная рѣка неизбѣжно должна будетъ снести этотъ гигантскій плотъ гораздо ниже устроенныхъ непріятелемъ засадъ Помпей сказалъ квесторамъ, легатамъ и центуріонамъ, собраннымъ на военный совѣтъ:

— Варвары жестоко ошибутся съ своими засадами. Они будутъ надѣяться стрѣлять въ насъ изъ-за своихъ прикрытій словно по мишенямъ, когда мы будемъ на водѣ, а мы пристанемъ къ тому берегу гораздо ниже засадъ и ударимъ на нихъ и съ боковъ, и съ тылу.

— Да позволитъ благородный побѣдитель Гней высказать и мое мнѣніе,—поднялся старый легатъ Корвусъ.

— Говори, достойный соратникъ Марія и Суллы,—сказалъ Помпей.

— Когда я въ ранней молодости служилъ Риму подъ легіонными орлами Сципіона-junior вмѣстѣ съ молодымъ Маріемъ и Югуртою, и мы шли брать проклятую Нуманцію, да отмстятъ ей боги кровь римлянъ, то должны были прежде взять на копье городъ Сальдубу, стоявшій за бурною рѣкой Гиберомъ, а чтобъ насъ при переправѣ черезъ рѣку не перестрѣлялъ непріятель, какъ дикихъ утокъ, такъ мы переплыли рѣку подъ покровомъ ночи, когда на небѣ не свѣтила даже кроткая дочь Гиперіона и Тейи, прекрасная сестра Геліоса, блѣдная Селена, и на зарѣ городъ уже былъ нашъ, — обстоятельно изложилъ свое мнѣніе старый Корвусъ.

— Прекрасная мысль!—одобрилъ Помпей.—И намъ не будетъ свѣтить блѣдноликая сестра Геліоса, когда мы будемъ переплывать бурный Киръ.

На этомъ и порѣшили: совершить переправу ночью.

— Боги помогутъ намъ и въ томъ, что, переправляясь черезъ рѣку вплавь, мы выйдемъ на берегъ въ мокрыхъ одеждахъ, и намъ не жарко будетъ сражаться,—сказалъ Эмилій Сампитъ.

Кончивъ совѣщаніе, легаты и центуріоны оставили палатку Помпея и направились каждый къ своимъ легіонамъ. Тамъ все было готово къ переправѣ. Длинные шесты, которыми предстояло отпихивать гигантскій плотъ отъ берега, и весла для гребли были распредѣлены по когортамъ на нѣсколько смѣнъ.

Скоро тихая южная ночь окутала все непроницаемымъ мра-

комъ. Въ далекомъ небѣ мигали только звѣзды, но ихъ слабое мерцаніе не уменьшало мрака ночи.

Безшумно былъ придвинутъ къ берегу гигантскій плотъ, на который взошелъ Помпей съ квесторами, легатами, центуріонами и очередными гребцами, и такъ же безшумно былъ спущенъ на рѣку. Кура такъ шумно катила свои мутныя волны, что совсѣмъ заглушала слабый плескъ, производимый веслами гребцовъ. Боевой конь Помпея, пріученный свободно переплывать Тибръ около Рима, легко разсѣкалъ своею грудью быстрыя волны Куры, не спуская своихъ умныхъ глазъ съ Помпея и своего учителя-конюха изъ Нумидіи. Держась руками за наполненные воздухомъ бурдюки и за начиненныя сухою травою кожи, воины Рима дружно подвигали плотъ впередъ и тѣмъ помогали гребцамъ. При всемъ томъ плотъ сильно относило внизъ по теченію.

— Придется завтра старику Харону поработать своимъ весломъ, — улыбнулся Помпей, глядя въ непроницаемый мракъ южной ночи.

— А развѣ и души варваровъ будутъ переправляться черезъ Ахеронъ съ душами римлянъ?—наивно спросилъ Эмилій Самнитъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Помпей,—завтра только души варваровъ понесутся въ царство Плутона и Прозерпины, а римляне будутъ праздновать побѣду на полѣ битвы и приносить жертвы богамъ.

Но вотъ и берегъ. Воины стали выходить изъ воды.

— Теперь, достойные сыны Рима, стройтесь по когортамъ и центуріямъ,—сказалъ Помпей.—Прежде, чѣмъ одинъ лучъ Геліоса прорвется изъ-за горизонта, мы должны окружить варваровъ, а до ихъ засадъ еще далеко.

— Полагаю, что не меньше десяти или пятнадцати стадій, у этой рѣки вода быстрѣе, чѣмъ въ нашемъ священномъ Тибрѣ, и насъ очень далеко отнесло отъ засадъ варваровъ.

Въ темнотѣ раздавался голосъ легата Кая Ригора.

— Плотъ прочнѣе привязывайте къ деревьямъ, чтобъ его не угнало водой,—распоряжался онъ на берегу.

— Ригоръ правъ, — сказалъ Помпей Самниту,—этотъ кожанный «Арго» понесетъ насъ, новыхъ аргонавтовъ, въ Колхиду добывать «золотое руно», которое мы найдемъ не на деревьяхъ, а въ аураріяхъ царей всего Кавказа и Понта.

XX.

По свидѣтельству Аппіана, Оройзъ, царь албанцевъ и Артокъ, царь иберовъ, имѣли въ засадѣ 70.000 войска *).

Римляне быстро подвигались къ засадѣ въ ночной тишинѣ, и хотя полный мракъ окутывалъ землю, но «варвары», какъ называетъ Аппіанъ иберовъ и албанцевъ, легко оріентировавшіеся и въ непроглядной темнотѣ, рано замѣтили приближеніе легіоновъ, и не дали римлянамъ врасплохъ окружить себя.

Послѣ первой стычки союзники отступили и быстро скрылись въ непроходимомъ для непривычныхъ римлянъ лѣсѣ.

«Варвары эти говоритъ Аппіанъ,—страшны, когда съ ними приходится сражаться въ лѣсахъ, такъ какъ они тамъ скрываются и подкрадываются» **).

— Въ лѣсу варвары недоступны,—сказалъ легатъ Корвусъ, подходя къ Помпею, когда за густотою лѣса не видно было ни одного непріятеля.

— Но передъ римскими орлами лѣса всего orbis terrarum не могутъ устоять, какъ и люди!—гордо сказалъ Помпей, разгоряченный неудачей.

— Не устоитъ и этотъ лѣсъ съ спрятавшимися въ немъ «варварами»,—твердилъ свое старый воинъ.—Когда легіонные орлы облетали далекую Испанію съ великимъ Сципіономъ, да славится его память вѣчно! такъ тамошніе «варвары» тоже укрывались въ лѣсахъ, и мы ихъ чуть не голыми руками брали изъ лѣсу... Возьмемъ такъ и этихъ, императоръ.

— Какимъ же образомъ?—заинтересовался Помпей.

— Подожжемъ лѣсъ со всѣхъ сторонъ... Тогда они какъ скорпіоны, что жалятъ себя, когда окружены огнемъ, и умираютъ, перколятъ сами себя, или же, вѣрнѣе, попросятъ пощады и внесутъ выкупъ.

— Мысль прекрасная,—согласился Помпей.

— Лѣсъ же здѣсь все почти сосновый,—продолжалъ Корвусъ,—вспыхнетъ, какъ сухая солома.

Предложеніе стараго воина было всѣми одобрено и принято,

---

*) Appiani «Prooemium».—«Bellum Mithridaticum», 103.

**) То же дѣлали потомки этихъ «варваровъ»—черкесы, укрываясь въ лѣсахъ во все время завоеванія Кавказа русскимъ оружіемъ.

и по легіонамъ тотчасъ же данъ былъ приказъ собирать сухую траву и валежникъ и зажигать лѣсъ со всѣхъ сторонъ.

Скоро огненные языки отъ корней деревьевъ поползли все выше и выше, и быстро огненное кольцо охватило убѣжище непріятеля. Пламя ширилось, и шло вглубь лѣса, издавая трескъ и шипѣнье отъ смолистой коры.

Испуганные звѣри, волки, лисицы, кабаны, бѣлки, зайцы, серны, дикіе бараны, гонимые страхомъ смерти, толпами выбѣгали изъ объятаго пламенемъ лѣса и неслись прямо на римлянъ. Птицы также испуганно метались въ воздухѣ и погибали въ пламени.

Люди также стали показываться изъ лѣсу и тушили на себѣ загорѣвшіяся одежды.

— Пощады побѣжденнымъ! Пощады!—кричали тѣ, которые научились нѣсколько говорить по-гречески отъ армянъ и греческихъ купцовъ изъ колоній.

— Покоряемся непобѣдимому Помпею!—кричали другіе,

Выѣхали изъ лѣсу и цари «варвары», Артокъ и Оройзъ. Ихъ можно было узнать по богатому вооруженію и по шлемамъ, украшеннымъ крыльями.

— Трубить побѣду и отбой!—распорядился Помпей и подъ завываніе трубъ поѣхалъ навстрѣчу къ царямъ.

Артокъ и Оройзъ сошли съ коней и пали ницъ передъ побѣдителемъ, плечо къ плечу. Сошелъ съ коня и Помпей, и, вспомнивъ обычаи Востока, дотронулся ногою до головъ распростертыхъ на землѣ побѣжденныхъ царей.

— Пощада и покорность!.. Мы рабы твои, великій римлянинъ!—стонали побѣжденные.

Оба царя говорили по-гречески.

— Встаньте предъ лицомъ моимъ! — сказалъ Помпей тоже по-гречески.

Цари покорно поднялись. Въ это время къ Помпею стали подводить плѣнныхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ амазонокъ, раненыхъ въ первой стычкѣ у засады.

Помпей съ любопытствомъ взглянулъ на послѣднихъ. Это были все молодыя дѣвушки, въ легонькихъ шлемахъ, въ латахъ, съ колчанами за плечами, съ метательными копьями и маленькими «сагарисами», боевыми сѣкирами въ рукахъ. Дѣвушки упорно сохраняли при себѣ оружіе.

— Почтеніе къ побѣжденнымъ, мужественнымъ дѣвамъ!— кинулъ свой короткій приказъ великодушный Помпей.

Потомъ онъ обратился къ царямъ.

— Я принимаю вашу покорность,—сказалъ онъ.—Но вѣрность ваша Риму должна быть обезпечена заложниками изъ царскихъ родовъ.

Побѣжденные поклонились, приложивъ руки къ сердцу.

— Съ вами ли благородный Горолесъ?—спросилъ Помпей.

Изъ толпы плѣнныхъ выступилъ высокій красивый албанецъ и повергся ницъ на землю по примѣру царей.

— Встань передъ лицомъ моимъ, — ласково сказалъ Помпей.

Албанецъ повиновался.

— Это ты прислалъ мнѣ, въ мой станъ, золотую кровать и другіе дорогіе дары?—спросилъ Помпей.

— Я, великій царь царей, почтилъ тебя послѣ побѣды твоей надъ моимъ родственникомъ, Косисомъ, почтилъ скромнымъ даромъ, какъ любимца боговъ,—скромно отвѣчалъ Горолесъ, прикладывая руку къ сердцу.

Лицо Помпея просіяло.

— Я достойно отдарю тебя, благородный сынъ Албаніи,— сказалъ онъ *).

Видя, что нѣкоторыя раненыя амазонки съ трудомъ стоятъ на ногахъ, онъ подозвалъ къ себѣ стараго Корвуса.

— Твоей почтенной старости и твоему отеческому попеченію я поручаю этихъ благородныхъ, мужественныхъ дѣвъ, — громко провозгласилъ Помпей. — Пусть ихъ не раненыя подружки по оружію отведутъ ихъ въ отдѣльныя палатки, обмоютъ и перевяжутъ ихъ раны, а ты доставь имъ всѣ перевязочныя и лекарственныя принадлежности... Утоли ихъ жажду и накорми, какъ если бъ онѣ были твоими и моими дѣтьми.

Нѣкоторыя изъ амазонокъ заплакали... женщины вездѣ и всегда женщины.

— О, великодушный царь царей!—воскликнули съ умиленіемъ нѣкоторыя.—Да наградятъ тебя боги твоей страны.

Помпей приблизился къ нимъ, невольно удивляясь юнымъ героинямъ.

— Я скажу, я засвидѣтельствую вашей царевнѣ или царицѣ

---

*) Флоръ.—«Bellum Mithridaticum». LXXXVIII, 66, 21.

Клеопатрѣ, достойной дочери Митридата Эвпатора, когда мы станемъ съ нею лицомъ къ лицу, что въ обѣихъ битвахъ, и тамъ, въ знойныхъ степяхъ, за рѣкою Киромъ, и здѣсь, въ первой стычкѣ, вы мужественно, геройски поддерживали своимъ оружіемъ честь Понта, — торжественно провозгласилъ онъ. — На полѣ первой битвы, въ пятнахъ крови, я прочелъ поднятое тамъ посланіе къ вамъ Клеопатры, гдѣ она, находясь съ отцомъ въ предѣлахъ Босфора Киммерійскаго, просила васъ поддержать честь Понта, и вы не обманули ея надеждъ, благородныя дѣвушки. Идите же, лѣчите ваши раны.

А потомъ, обратясь опять къ старому Корвусу, добавилъ:

— Проводи же ихъ немедленно въ ихъ палатки и накорми.

Раненыя амазонки, поддерживаемыя своими здоровыми подружками, направились въ указанныя имъ, принесенныя съ плота и тотчасъ же разбитыя палатки. Хорошо прирученные кони, ихъ боевые товарищи, слѣдовали за ними съ тихимъ ржаніемъ.

Аппіанъ, говоря о тріумфѣ Помпея въ Римѣ, по окончаніи войны, замѣчаетъ, что въ числѣ заложниковъ и плѣнныхъ, шедшихъ за тріумфальною колесницей Помпея, «было множество женщинъ, которыя имѣли на себѣ не менѣе ранъ, чѣмъ мужчины» *).

XXI.

Изложенныя въ предыдущихъ главахъ этого повѣствованія побѣды Помпея на Кавказѣ упоминаются также историками Секстомъ Авреліемъ Викторомъ **), Евтропіемъ ***) и Руфомъ Фестомъ ****).

Вѣсти объ этихъ побѣдахъ быстро доходили до Пантикапеи чрезъ посредство грековъ, поддерживавшихъ оживленную торговлю съ богатыми колоніями старой Эллады, съ Пантекапеей и Фанагоріей, и приводили Митридата въ ярость.

Передъ самымъ отплытіемъ изъ Пантикапеи съ своими союзниками скиѳами, сарматами, язигами и роксоланами, онъ узналъ

*) Аппіанъ. «De Mithrid». 103.
**) «De viris illustribus». L. LXXVII, 5 и 6.
***) Eutropii «Breviarium historiae romanae». L. VI, 14.
****) Rufi Festi «Breviarium rerum gestarum populi romani». L. XVI.

отъ кормчаго одного изъ торговыхъ кораблей, заходившихъ изъ Милета въ его южную столицу, Синопъ, о послѣднемъ пораженіи Артока и Оройза на берегу рѣки Кира и о плѣнѣ многихъ амазонокъ изъ когортъ Клеопатры.

Вѣсть эта поразила Клеопатру. Она горько заплакала. Но кормчій просилъ ее не отчаиваться.

— Ты должна радоваться, царевна, и гордиться твоими воинами-дѣвушками,—говорилъ онъ.—При мнѣ прибыли въ Синопъ гонцы и разсказывали чудеса объ амазонкахъ. Послѣ сраженія на берегу рѣки Кира, когда амазонки и войска иберовъ и албанцевъ, застигнутыя ужаснымъ лѣснымъ пожаромъ, не выдержали того, что имъ предстояла участь сгорѣть живыми, и нѣсколько раненыхъ амазонокъ, изнемогавшихъ отъ потери крови, были взяты въ плѣнъ римлянами, Помпей торжественно объявилъ имъ предъ всѣми войсками, что лично засвидѣтельствуетъ тебѣ, прекрасная царевна, что твои амазонки были истинными героями и заслуживали лавровъ побѣдителей.

— Онъ это сказалъ имъ? — спросила Клеопатра. — Это правда?

— Клянусь богами, правда! — говорилъ кормчій. — И Помпей велѣлъ плѣннымъ амазонкамъ оказывать почетъ какъ римскимъ весталкамъ, или какъ бы онѣ были его родныя дочери.

— О, благодареніе богамъ! —воскликнула Клеопатра.—Мои дѣвочки поддержали честь Понта, и не уронили его славы.

— Гдѣ же въ настоящее время римляне? — спросилъ Митридатъ.

— Пріѣзжавшіе изъ Колхиды греческіе купцы говорили мнѣ въ Синопѣ, что Помпей съ своими легіонами направляется къ своему флоту, стоящему въ устьяхъ Фазиса, — отвѣчалъ кормчій.—Вѣроятно, побѣдивъ иберовъ и албанцевъ, онъ достаточно насытилъ свое честолюбіе и возвращается въ Римъ тріумфаторомъ.

— Не думаю, — сомнительно покачалъ головой Митридатъ.—Сколько мнѣ извѣстно, честолюбіе Помпея ненасытно.

— Чего же еще ему! — настаивалъ кормчій. — Мало того что родственникъ албанскаго царя прислалъ ему въ подарокъ золотое ложе и много драгоцѣнностей, царь иберовъ подарилъ

ему не только ложе, но даже столъ и тронъ, и все изъ чистаго золота... *). Будетъ, что ему показать Риму въ своемъ тріумфѣ!

— Ему и этого мало,—возразилъ Митридатъ,—ему хочется со мной помѣриться силой... Въ Римѣ говорятъ, что слава Митридата не давала спать Марію, Суллѣ и Лукуллу, а теперь не даетъ Помпею... До сихъ поръ онъ побѣждалъ только «варваровъ», и то на сушѣ, а одни безсмертные боги вѣдаютъ, что ожидаетъ его на морѣ...

Митридатъ въ это время думалъ о пророченіи дельфійскаго оракула, о «плавающемъ городѣ»... Онъ тутъ, этотъ подвижной городъ...

Отплывая съ флотомъ изъ Пантикапеи, Митридатъ любовно провожалъ глазами удалявшуюся отъ него великолѣпную столицу его Босфорскаго царства...

Ослѣпительно бѣлѣли на солнцѣ высокія стѣны акрополя... Гордо возносилась къ голубому небу наблюдательная башня... Мраморныя колонны храмовъ, мраморныя и бронзовыя статуи боговъ, портики и гигантское изображеніе Посейдона съ трезубцемъ, геніальное твореніе безсмертнаго автора Пергама, все это представляло съ моря величественную и чарующую душу картину...

— Какая красота! — тихо говорилъ Фокіонъ, стоя на палубѣ царской триремы и провожая умиленнымъ взоромъ уходившую въ дымчатую даль сѣверную столицу Митридата.—Куда Риму до этого перла морей!.. Только божественныя Аѳины съ дивнымъ акрополемъ и всѣми сокровищами искусства могли сравниться съ Пантикапеею... Но теперь, увы! и Аѳины въ развалинахъ... О, преступный Римъ!

Митридатъ услышалъ этотъ негодующій возгласъ стараго учителя.

— Вѣчные боги въ лицѣ моемъ отмстятъ ему,—сказалъ онъ.

Съ заднихъ триремъ доносилось заунывное пѣніе скиѳовъ. Слышались имена Перуна, Сварога... Унылымъ раздольемъ степей вѣяло отъ этихъ скиѳскихъ пѣсенъ...

— Славятъ боговъ моей страны, — задумчиво проговорилъ

---

*) У Плутарха читаемъ:—Когда царь иберовъ прислалъ Помпею тронъ, кровать и столъ—все изъ чистаго золота, и попросилъ принять отъ него эти дары, то онъ взялъ и передалъ все это квесторамъ для обращенія въ собственность государственной казны», гл. 36.

Яръ, скиѳъ, оруженосецъ Митридата, прислушиваясь къ заунывному пѣнію степныхъ соотечественниковъ. — Сколько новыхъ могилъ понасыпано въ нашихъ степяхъ съ той поры, какъ я покинулъ родину!.. Поклонился я и свѣжей могилѣ послѣдняго царя... Высокая такая... А вокругъ ея мертвые отроки на коняхъ... стерегутъ мертвый покой царя, хоть у самихъ давно птица глаза повыклевала... Хорошій священный обычай... Пятьдесятъ мертвыхъ отроковъ на мертвыхъ коняхъ, какая картина!.. А еще насъ же называютъ «варварами»...

На горизонтѣ показался корабль, державшій курсъ на сѣверъ. Завидѣвъ флотъ Митридата, онъ поторопился перемѣнить курсъ; но Артосъ, навмархъ Митридата, велѣлъ поднять мирный флагъ, и встрѣчный корабль сталъ приближаться.

— По оснасткѣ я вижу, что этотъ корабль изъ Милета,— сказалъ Артосъ.—Но, судя по курсу, онъ заходилъ или въ Синопъ, или въ Колхиду, въ Фазисъ.

— Быть бурѣ,—замѣтилъ Фокіонъ,—стада Посейдона что-то разыгрались.

Дельфины, дѣйствительно, цѣлыми стадами выныряли изъ моря и быстро опять скрывались подъ водой.

Встрѣчный корабль поровнялся съ передовой триремой флотиліи Митридата.

— Откуда и куда путь держите?—крикнулъ въ воронкообразную трубу Артосъ.

— Теперь изъ Фазиса въ Фанагорію,—былъ отвѣтъ.

— А что слышно въ Фазисѣ про римлянъ?

— Говорятъ, что Помпей вступилъ уже въ Колхиду, и что царь Арменіи отдалъ ему все свое царство.

— Какой царь, Тигранъ?—спросилъ Митридатъ.

— Тигранъ... Въ Арменіи одинъ царь.

— Можетъ быть, это Тигранъ царевичъ, изъ Артаксаты?

— Нѣтъ, самъ царь, что въ Тигранокертѣ *).

---

*) Веллей Патеркулъ говоритъ:—«Первымъ пришелъ къ Помпею сынъ Тиграна, но противъ воли отца, а скоро и тотъ самъ явился съ повинной и предалъ въ его руки себя и свое царство, говоря, что онъ никому, ни изъ римлянъ, ни изъ какого бы народа тотъ ни былъ, не отдастся, кромѣ Помпея. Царь, хотя не лишился своего престола, долженъ былъ, однако, заплатить громадныя деньги».—Historiae Romanae, Lib. II, 37.

Извѣстіе это поразило Митридата... Вся Армснія во власти Помпея!

— Значитъ, и моя сестра Калліопа, теперь римлянка!—съ негодованіемъ воскликнула Клеопатра. — О, боги! Какой позоръ!.. Мужъ моей сестры трусъ!

— Римлянка ли моя Калліопа, или нѣтъ, это еще вопросъ,— возразилъ Митридатъ.

— Какъ вопросъ, отецъ!—горячо проговорила Клеопатра.— Можетъ быть, и она будетъ красоваться съ своимъ трусомъ мужемъ въ позорномъ шествіи за тріумфальной колесницей Помпея... О, мои дѣвочки! Вѣдь и ихъ поведутъ въ Римъ на позорное зрѣлище, какъ нумидійскихъ или мавританскихъ рабынь, какъ говорилъ тотъ кормчій въ Пантикапеѣ, когда разсказывалъ о пораженіи царей Артока и Оройза... Золотой тронъ Артока, золотыя ложа, золотой столъ и мои амазонки, какое зрѣлище для гнуснаго Рима!

— Не предавайся прежде времени мрачнымъ мыслямъ, дочь моя,—успокоительно сказалъ Митридатъ.—До тріумфа еще далеко... Вспомни, что прорекло въ Дельфахъ божество устами Пиеіи... «Плавающій городъ» еще не вступалъ въ дѣло... Я радъ, что римляне подвигаются къ Фазису, къ своей гибели.

XXII.

Помпей, дѣйствительно, двигался въ этомъ направленіи.

Обремененный богатою добычей и плѣнными, онъ направлялся къ своему флоту, чтобъ сдать на корабли лишнюю тяжесть и награбленныя несмѣтныя богатства и встрѣтиться, наконецъ, съ Митридатомъ, который, по дошедшимъ до римлянъ извѣстіямъ, возвращался изъ Пантикапеи въ свое Понтійское царство.

Величіе Кавказскихъ горъ, ихъ дикая красота, недоступные великаны съ вѣчными снѣгами на вершинахъ, шумные горные ручьи, невиданные звѣри, невиданные люди, все это поражало римлянъ и воспаляло пламенное воображеніе Помпея.

— Страна чудесъ!—говорилъ онъ Ауфидію, своему старому учителю побѣдитель иберовъ и албанцевъ.—Тутъ были и Язонъ,

и Медея... Но меня больше всего волнуетъ сказаніе о Прометеѣ, хотя это и миѳъ *).

— Не миѳъ! — возражалъ неисправимый мечтатель, Ауфидій, въ головѣ котораго сидѣла вся греческая и римская миѳологія.—Ферекидъ говоритъ даже о родословіи Юпитерова орла, который за день пожиралъ печень Прометея, а за ночь она вновь выростала... Орелъ этотъ родился отъ Тифона, сына египетскихъ Себа и Нуты, и отъ матери Эхидны. Этого страшнаго орла, сжалившись надъ Прометеемъ, Геркулесъ поразилъ на смерть своею стрѣлой **).

— А когда жилъ этотъ Ферекидъ? — полюбопытствовалъ Помпей.

— Около 350 или 360-ти лѣтъ до нашихъ дней. А у Апполонія Родосскаго говорится, что когда аргонавты подплывали къ Фазису, то видѣли вечеромъ, какъ высоко надъ ихъ кораблемъ летѣлъ этотъ орелъ съ большимъ шумомъ подъ самыми облаками, и отъ взмаховъ его крыльевъ, величиною съ весло триремы, надувались паруса ихъ корабля... Тамъ, гдѣ капала на землю кровь изъ печени Прометея, отъ этой божественной крови выросли цвѣты, изъ которыхъ Медея добывала лѣкарство, имѣвшее чудодѣйственную силу: кто, бывало, смажетъ тѣло этимъ лѣкарствомъ, то оно становилось неуязвимымъ ни для меча, ни для пылающаго огня. Ростъ Прометеева цвѣтка, покоящагося на двухъ стебляхъ, достигаетъ двухъ локтей, а цвѣтомъ онъ похожъ на корикійскій крокусъ, а корень его такого цвѣта, какъ свѣжее мясо ***).

— Вотъ бы намъ такого лѣкарства,—добродушно замѣтилъ старый легатъ Кай Ригоръ.

Они, Помпей и его свита, сидѣли у подножія одной скалы въ Колхидѣ, на дневномъ роздыхѣ этого труднаго пути.

— За что жъ Зевсъ такъ жестоко наказывалъ Прометея?— спросилъ старый Корвусъ.

— А за то, что Прометей, сотворивъ людей изъ земли и воды, похитилъ у Зевса божественный огонь и, скрывъ его въ

---

*) Аппіанъ говоритъ, что Помпею «очень хотѣлось видѣть мѣсто, гдѣ страдалъ Прометей, какъ объ этомъ повѣствуется въ исторіи о походѣ аргонавтовъ, о Діоскурахъ и Геркулесѣ». — Prooemium. «De Mithrid», 103.

**) Ферекида «Fragmenta», 21, 33.

***) «Ἀργωναυτικά», III, 828.

стебелькѣ растенія, вложилъ въ созданныхъ имъ людей, а Зевсъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ приковать Прометея здѣсь гдѣ-то къ скалѣ. А Геркулесъ потомъ, убивъ орла, освободилъ Прометея отъ оковъ.

— Куда же потомъ дѣвался Прометей? — допытывался Корвусъ.

— Это извѣстно только богамъ,—отвѣчалъ Ауфидій.—Но Геркулесъ, освободивъ Прометея, вмѣсто него представилъ Зевсу безсмертнаго Хирона, которому надоѣла вѣчная жизнь, и онъ хотѣлъ умереть за Прометея *).

Вмѣшался въ разговоръ и Сервилій, все время молчавшій.

— Въ послѣдній разъ, когда я былъ въ Римѣ,—заговорилъ онъ, — мнѣ Цицеронъ читалъ свои «Tusculanea», и тамъ въ одномъ мѣстѣ, я помню, говорится: «Это жестокое страданіе, взываетъ къ богамъ Прометей, страданіе, длящееся цѣлые вѣка, ужасные вѣка! сочитъ мою кровь, которою и питаются горы Кавказа **).

— Какіе вѣка!—покачалъ головою Ауфидій.—Тысячелѣтія!

Помпей, слушая все это, добродушно потрепалъ по плечу своего стараго учителя.

— Старый ребенокъ!—сказалъ онъ ласково.—А не съ тобой ли мы читали когда-то Геродора Гераклейскаго, который говоритъ: довольно странно то, что разсказываютъ про оковы Прометея. Прометей былъ когда-то царь скиѳовъ, и такъ какъ онъ своимъ подданнымъ не могъ доставлять всего необходимаго для жизни, вслѣдствіе разлива Аэта, то скиѳы и заковали его въ цѣпи, а когда пришелъ туда Геркулесъ, не хуже насъ бродившій по свѣту, то и отвелъ рѣку въ море, и освободилъ поля скиѳовъ отъ водъ Аэта. А ты самъ, мой благородный наставникъ, знаешь лучше меня, что «орелъ» по-гречески Аэтъ (ἀετὸς). Отсюда и миѳъ объ орлѣ Зевса ***).

Но старый младенецъ-мечтатель не сдавался. Онъ даже вскочилъ на ноги, и, ероша сѣдые волосы, сталъ горячо протестовать.

— Это твердятъ риторы, ни во что невѣрующіе!—пискливо кричалъ Ауфидій.—Имъ бы хотѣлось даже боговъ осязать руками, какъ они любятъ осязать золото, своихъ вещественныхъ

---

*) Аполлодоръ «Bibliotheca», I, 7; II, 5.
**) Цицеронъ. «Tusculanea», II, 10.
***) Herodorus Heracleensis. Fragmentum 23.

боговъ!.. А Дурисъ Самосскій ученѣе Геродора Гераклейскаго, и, оспаривая Гезіода, писалъ: Гезіодъ говоритъ, что Прометей былъ скованъ, и въ наказаніе за похищеніе огня съ неба Зевсъ повелѣлъ своему орлу терзать печень похитителя. А Дурисъ доказываетъ, что Прометей былъ наказанъ за то, что влюбился въ Аѳину. Поэтому кавказскіе народы не приносятъ жертвъ ни Зевсу, ни Аѳинѣ, такъ какъ они виноваты въ томъ, что Прометей отданъ былъ на мученіе. Геркулеса же эти народы ужъ слишкомъ даже почитаютъ за то, что онъ своей стрѣлой убилъ Зевсова орла *).

Но реальный умъ Помпея не мирился съ миѳами и сказками. Онъ и своимъ государственнымъ богамъ оказывалъ только наружно почести, но въ душѣ поклонялся только силѣ, разуму и знанію.

— Блаженна твоя вѣра, мой дорогой наставникъ,—сказалъ онъ.—Съ этою вѣрой ты спокойно отойдешь въ область Аида. А если ужъ нужно истолковать миѳъ о Прометеѣ, то я скорѣе предпочту толкованіе Аристоксена Тарентскаго, который говоритъ, что человѣкъ Прометей... Вѣдь ты знаешь, что значитъ Προμήθεια?

— Еще бы!—горячился мечтатель Ауфидій:—Προμήθεια — providentia.

— Именно, провидѣніе... Такъ Прометей, по толкованію Аристоксена, произошелъ отъ божества провидѣнія и отъ Минервы. такъ сказать, небесной мудрости. Божескій огонь, будто бы похищенный Прометеемъ, это душа человѣка, вдохнутая въ него божествомъ. Оттого простолюдины и говорятъ, что душа украдена съ неба **).

Старикъ Ауфидій, у котораго въ юности Помпей учился поэзіи, исторіи и декламаціи, и котораго любилъ и уважалъ, какъ отца, никогда не разставался съ своимъ даровитымъ ученикомъ и сопутствовалъ ему и въ этомъ походѣ. Но въ Артаксатѣ онъ заболѣлъ, и Помпей оставилъ его тамъ на попеченіи Афранія, а потому онъ и не присутствовалъ въ обоихъ сраженіяхъ, данныхъ Помпеемъ сначала Сотису, брату албанскаго царя Оройза, пав-

---

*) Duris Samius. Fragmentum 19. — Müller. Fragmenta hist. graec. T. II.

**) Arsitoxenes Tarentius. Fragmentum 92. — Müller. Fr. his. graec. T. II.

шему на полѣ битвы отъ руки Помпеи, а потомъ и Оройзу съ Артокомъ и ихъ соединеннымъ силамъ. Уже на послѣднемъ переходѣ легіоновъ черезъ Колхиду Ауфидій прибылъ къ войску подъ почетною охраною воиновъ Тиграна.

— Нѣтъ, не отнимай у меня моихъ боговъ, моихъ вѣрованій,—сказалъ онъ горячо.—Безъ нихъ весь міръ, вся природа будутъ для меня мертвою картиной, не говорящей ни уму, ни сердцу... Лучезарный, свѣтоносный Геліосъ, восходящій на зарѣ на лазурное небо, будетъ представляться мнѣ раскаленнымъ, но мертвымъ шаромъ, брошеннымъ кѣмъ-то въ небесныя выси. Ночью кроткая, блѣдноликая Селена будетъ казаться мнѣ тѣмъ же мертвымъ шаромъ, только холоднымъ. Моря безъ Поссейдона и Нереидъ, ручьи безъ Нимфъ, лѣса и поля безъ Сатировъ и Пана, Аидъ безъ божествъ, безъ Харона, безъ Ахерона, Флегетона и Леты, Олимпъ безъ Зевса, всѣ небеса безъ небожителей, о, вѣчные боги! да, это смерть для души, храмы безъ боговъ, жилища безъ людей!.. Это ужасъ пустыни!.. Да и въ пустынѣ раздаются рыканія льва, двигаются пески пустыни отъ дыханій вѣтра, отъ дуновенія божества... Лѣса безъ говора птицъ... преступленіе безъ Немезидъ... любовь безъ отвѣта... О, пощадите меня, вѣчные боги, отъ такого ужаса!.. Кавказъ безъ Прометея! Да это человѣчество безъ исторіи, Римъ безъ его прошлаго, вселенная безъ жизни!.. Нѣтъ, нѣтъ! Оставь мнѣ мои вѣрованія, оставь!.. О, свѣтоносный Геліосъ!—поднялъ онъ руки къ ярко горѣвшему солнцу.—Какой я былъ плохой учитель! Отъ моихъ наставленій ничто не запало въ душу Помпея!

— Успокойся, дорогой учитель, я не хотѣлъ огорчать тебя, я не буду отнимать у Кавказа его Прометея, у Олимпа Зевса!—говорилъ Помпей, сажая около себя огорченнаго Ауфидія.

Въ это время изъ-за сосѣдней скалы, мимо которой шла горная дорога къ морю, показались всадники.

— Я вижу, это гонцы отъ Сервилія,—сказалъ Помпей.

Всадники приблизились и сошли съ коней.

— Боги да хранятъ вождя Рима и побѣдоноснаго императора,—сказалъ одинъ изъ всадниковъ, подходя къ Помпею.

— Какія вѣсти?—спросилъ послѣдній.

— Навмархъ Сервилій прислалъ насъ, чтобы доложить тебѣ, что въ морѣ, на горизонтѣ, показались корабли: навмархъ считаетъ ихъ флотиліею Митридата.

— Наконецъ, боги посылаютъ мнѣ случай стать лицомъ къ лицу съ хвастливымъ царемъ Понта,—радостно сказалъ Помпей.—Велите трубить выступленіе.

И тотчасъ завыли легіонныя трубы.

XXIII.

Митридатъ, дѣйствительно, приближался къ Фазису, разсчитывая врасплохъ напасть на почти беззащитный, какъ ему донесли, римскій флотъ.

Но онъ ошибся. Онъ не зналъ, что легіоны Помпея находятся въ нѣсколькихъ часахъ перехода къ Фазису.

Когда Помпей съ легіонами и плѣнными, а равно заложниками отъ иберовъ и албанцевъ, прибылъ къ своему флоту и вступилъ на палубу триремы навмарха, онъ пораженъ былъ гигантскими размѣрами кораблей Митридата, подходившихъ къ устьямъ Фазиса, гдѣ въ узкомъ, но очень длинномъ портѣ, укрывался римскій флотъ.

Скоро съ палубы триремы навмарха Помпей могъ различить исполинскую фигуру царя Понта и около него стройную фигурку Клеопатры. Флотъ Митридата шелъ на всѣхъ парусахъ, и Помпей понялъ, что ему предстоитъ жестокая битва съ врагомъ, у котораго такіе гигантскіе корабли, что, въ сравненіи съ римскими, послѣдніе казались маленькими морскими судами рыбаковъ или пиратовъ.

Но эта разница во флотахъ и послужила въ пользу Помпея.

Скоро онъ и Сервилій замѣтили, что флотъ Митридата перестали двигаться впередъ.

— Я такъ и зналъ, что это случится, — весело сказалъ Сервилій.

— Что случится?—спросилъ Помпей.

— Да вотъ это самое. Гиганты Митридата наткнулись на мель, дальше ни шагу! Фазисъ нанесъ столько съ горъ и долинъ илу и песку, что засыпалъ наноснымъ иломъ входъ въ фазійскій портъ, и только наши мелкоходные корабли могли перейти черезъ отмели, а кораблямъ Митридата дальше нѣтъ ходу,—говорилъ Сервилій, замѣчая тревогу на понтійскихъ корабляхъ.—Слишкомъ велики ложки у Митридата, въ ротъ не лѣзутъ.

Но эта неудача не остановила Митридата. Съ каждаго его

корабля были спущены на воду небольшія лодки, въ которыя и помѣщались воины, поскольку каждая лодка могла вмѣстить ихъ. Дикари же, скиѳы, сарматы, язиги, роксоланы и яксоматы, прямо бросались въ воду и вплавь направлялись въ портъ, къ римскимъ кораблямъ.

Митридатъ и Клеопатра помѣщались въ особой, ярко раскрашенной лодкѣ.

Вдругъ въ воздухѣ, со стороны кораблей Митридата, зашипѣли и завизжали огненныя змѣи, летѣвшія на крайній римскій корабль, стоявшій у выхода изъ порта въ море.

То былъ знаменитый «греческій огонь», который бросали на римскій флотъ метательныя машины съ триремъ Митридата.

Вскорѣ крайній римскій корабль сталъ загораться. Тогда бывшіе на немъ воины, по примѣру дикарей, побросались въ воду и вступили съ послѣдними въ рукопашный бой. Но скоро и съ той, и съ другой стороны стали раздаваться вопли.

— Въ водѣ чудовища! Спасайтесь! — кричали римскіе воины.

Нѣкоторые скрылись подъ водой, увлекаемые невидимыми чудовищами.

Между скиѳами и сарматами тоже слышались крики.

— О, Перуне! О, Свароже!

Римскій корабль между тѣмъ пылалъ, какъ костеръ. Но до дальнѣйшихъ кораблей Помпея метательныя машины не въ силахъ были добрасывать «греческій огонь».

Воины нѣсколькихъ понтійскихъ лодокъ успѣли высадиться на берегъ и вступили въ бой съ римлянами.

Клеопатра, узнавъ, по блестящимъ латамъ и другому вооруженію, на статномъ конѣ подъ легіоннымъ орломъ Помпея, прицѣлилась въ него изъ лука, упершись правой ногой въ бортъ лодки. Но Помпей слѣдилъ за нею, и когда стрѣла Клеопатры со свистомъ понеслась прямо на вождя римлянъ, Помпей уклонился, и стрѣла какъ бы съ сердитымъ плачемъ скользнула по чешуѣ латъ римлянина.

— Non habet,virgo!—громко разсмѣялся Помпей.

— Habet!—крикнулъ стоявшій около дочери Митридатъ, бросая въ Помпея свое копье.

— Non habet!—отвѣчалъ послѣдній, когда копье Митридата было перехвачено щитомъ стараго Корвуса.

— Habet!—сказалъ онъ, посылая копье прямо въ голову Митридата.

Копье Корвуса пронизало верхушку его шлема, но головы Митридата не коснулось.

Между тѣмъ римляне, отбивая натискъ понтійскихъ воиновъ, ломившихся на берегъ, успѣли оттѣснить ихъ къ водѣ.

Съ обѣихъ сторонъ берегъ укрывали уже трупы понтійцевъ и римлянъ.

Но быстро наступившая ночь прекратила битву. Это была мрачная осенняя ночь.

«Греческій огонь», однако, сдѣлалъ свое дѣло: загорѣлся и второй римскій корабль.

Боясь пожара всего флота, Сервилій продвинулъ его въ самую глубь устья Фазиса, куда не достигалъ «греческій огонь».

Митридатъ, возвратившись на свой царскій корабль, быстро начертилъ въ умѣ планъ дальнѣйшаго сраженія. Онъ видѣлъ, что, по превосходству его флота, Помпей не приметъ морского сраженія. Оставалось задавить римлянъ на сушѣ тѣми громадными массами скиѳовъ, сарматовъ и прочихъ союзниковъ, которыми онъ располагалъ. Предстояло сдѣлать обходное движеніе съ лѣваго берега Фазиса, въ тылъ римлянамъ. Ночь онъ употребитъ на высадку, при помощи всѣхъ имѣющихся въ его флотиліи лодокъ, всѣхъ союзниковъ въ такомъ мѣстѣ морского берега, откуда римляне будутъ окружены съ трехъ сторонъ «варварами», которые и загонятъ ихъ въ рѣку съ ея страшными невѣдомыми чудовищами, а его собственные воины, понтійцы, ударятъ въ тылъ или въ лицо римлянамъ, смотря по ходу битвы.

Но и Помпей не менѣе быстро сообразилъ рискъ своего положенія: онъ вѣрно угадалъ, что Митридатъ именно такъ поведетъ дѣло, какъ уже съ вечера подсказалъ ему его военный геній.

— Море для насъ—вѣрная гибель,—сказалъ онъ Сервилію,—морской битвы мы не можемъ принять... Открытое море для насъ могила. Но мы на сушѣ изловимъ этого понтійскаго льва, хотя бы силы его и его «варваровъ» превосходили наши силы въ десять разъ. Мы должны укрыть наши корабли.

— Гдѣ же мы укроемъ ихъ отъ «греческаго огня», который Митридатъ будетъ бросать въ насъ малыми метательными машинами не съ кораблей, а съ лодокъ, прямо намъ въ лицо?—съ тревогой спросилъ Сервилій.

— Мы поплывемъ вглубь Кавказа по-суху, — отвѣчалъ Помпей.—Я рѣшилъ отступленіе, другого выхода нѣтъ... Ночь велика... Мы потянемъ наши суда волокомъ, и къ утру «греческій огонь» будетъ имъ не страшенъ. Но чтобъ облегчить наше отступленіе, мы всѣ излишнія тяжести: золото, всѣ сокровища и всѣхъ плѣнныхъ сейчасъ же отправимъ къ квестору Афранію, въ Артаксату.

На томъ и порѣшили. Всѣ легіоны принялись за работу. Корабли задолго до полуночи были повытасканы на берегъ при наивозможной тишинѣ. Тяжести и плѣнные тотчасъ же были отправлены въ Артаксату, и отступленіе началось *).

Каково же было изумленіе Клеопатры, Фокіона, Гая Постума, виночерпія Мосхина, египтянина Радамы и навмарха изъ колховъ Артоса и ярость Митридата и скиѳа оруженосца Яра, когда утромъ они увидѣли опустѣвшее устье Фазиса, гдѣ дымились только остовы двухъ римскихъ кораблей, сожженныхъ «греческимъ огнемъ», а римлянъ не было!

— О, римская ехидна!—рвалъ на себѣ волосы Митридатъ.— Но я же дождусь тебя! Не по воздуху же ты перелетишь съ своими жалкими лодчонками въ твой волчій городъ, въ которомъ волки вскормили вашихъ первыхъ царей.

Неистовствовалъ и Яръ. Онъ столько добычи сулилъ своимъ соотечественникамъ скиѳамъ, и вдругъ добыча ушла!

— О, Перунъ! Пошли ты на нихъ громы твои! — бѣсновался онъ.

Клеопатра выражала свое разочарованіе по-женски, слезами.

А брошенные остовы римскихъ кораблей продолжали дымить.

Фокіонъ всѣми силами старался утѣшить своего бывшаго ученика.

— Въ исторіи нашей Эллады было славное, геройское отступленіе десяти тысячъ эллиновъ съ Ксенофонтомъ,—сказалъ онъ,—это «Anabasis»... А новое отступленіе Помпея, его «Anabasis», безславное бѣгство! Но онъ и въ Тартарѣ не спрячется отъ царя Понта.

---

*) Объ этомъ способѣ волока судовъ Помпеемъ черезъ Кавказъ говоритъ Julius Solinus въ своихъ «Collectaneae rerum memorabilium», XIX, 4.

Когда Митридатъ и его приближенные съѣхали на царской лодкѣ на берегъ, то около тлѣвшаго остова корабля они увидѣли на берегу воткнутый на остріе копья клокъ пергамента. На пергаментѣ было написано:

«Когда Митридатъ безпечно спалъ въ объятіяхъ Морфея, Помпей съ своими легіонами, подъ кровомъ ночи, благополучно вышелъ въ море. Vae Sinopae! Гней Помпей»

Митридатъ повѣрилъ.

XXIV.

Вѣсть объ отступленіи и пораженіи, будто бы, римлянъ быстро разнеслась по Кавказу. И колхи, и иберы, и албанцы ликовали, ихъ побѣдителя наказали боги!

Страшно труднымъ оказалось для римлянъ это отступленіе. Въ горахъ уже настала глубокая осень. Часто стали выпадать снѣга. Горные ручьи отъ дождей и снѣговъ превращались въ бурныя рѣки. Продовольствіе для войска добывалось съ неимовѣрными трудами. Приходилось питаться большею частью дикими плодами лѣсовъ да мясомъ мѣстныхъ животныхъ и птицъ, на которыхъ охотились римляне во время роздыховъ. Пока легіоны волочили свои суда въ верховьяхъ Фазиса, ихъ пищу составляли преимущественно, по словамъ Юлія Солина, дикія козы «олень-козелъ» или «трагелафы» *). Но чѣмъ дальше подвигались эти удивительные люди, тѣмъ путь ихъ становился труднѣе, и легіонамъ приходилось часто голодать. Они претерпѣвали неимовѣрныя трудности...

Кто проѣзжалъ по этимъ странамъ до проведенія тамъ нынѣшнихъ желѣзныхъ дорогъ, тотъ пойметъ весь ужасъ пути, по которому, въ глубокую зиму, римляне волокли на себѣ свой флотъ!

Но римляне это были люди изумительной энергіи и выдержки!

— Римляне! — часто обращался Помпей къ своимъ легіонамъ.—Мы завоевали весь свѣтъ; насъ палило знойное солнце Нумидіи и Египта... Насъ ли могутъ остановить эти снѣга!

— Я бралъ неприступную Нуманцію, — говорилъ своему легіону старый Корвусъ,—а съ вами мы уже взяли обѣ Арменіи,

*) «Τραγέλαφοι» (Julius Solinus), XIX, 19.—«У нихъ, — говоритъ Солинъ—мохнатыя переднія лопатки и длинная борода».

разбили иберовъ и албанцевъ, возьмемъ и весь Кавказъ, всю Скиѳію, Сарматію! Впередъ, львы державнаго Рима!

Какъ ни радовала всѣхъ обитателей Кавказа вѣсть о мнимомъ пораженіи римлянъ Митридатомъ, однако, ни колхи, ни иберы, ни албанцы не осмѣливались напасть на этихъ грозныхъ пришельцевъ. Почти всю зиму двигались они съ своею сухопутною флотиліей вдоль южныхъ склоновъ Кавказа, побѣждая всѣ ужасы природы и зимнія невзгоды.

— Теперь я только понимаю все величіе и силу сына Астрея и Авроры,—говорилъ все опоэтизировавшій мечтатель, старый Ауфидій, глядя на снѣжную метель, бушевавшую въ горахъ и засыпавшую глаза героямъ, волочившимъ свою флотилію.

— Кто этотъ сынъ Астрея и Авроры?—спросилъ добродушный рубака Эмилій Самнитъ.

— Сынъ Астрея и Авроры, это богъ Борей, засыпающій землю снѣгами, превращающій воды въ ледъ, рвущій въ гнѣвѣ деревья съ корнемъ.

— Немилостивый богъ, — покачалъ головою Самнитъ. — Хвала болѣе могущественнымъ богамъ, что они не пускаютъ его въ мою загородную виллу, что въ Неаполѣ, рядомъ съ виллою моего друга Лукулла.

— Но, благородный Эмилій, ты не понимаешь, какія благодѣянія оказываетъ намъ великій богъ гиперборeевъ,—возразилъ Ауфидій.

— Какія же это? Что отморозилъ многимъ храбрымъ воинамъ носы и уши? Это ли не благодѣянія! — не соглашался упрямый Самнитъ.

— Нѣтъ, мой другъ, еслибъ Борей не посылалъ намъ свои дары, снѣгъ, то по камнямъ мы не протащили бы нашихъ кораблей черезъ Кавказъ и въ продолженіе всего года

Дѣйствительно, по снѣгу корабли легче скользили, чѣмъ по камнямъ, такъ что къ половинѣ декабря римляне дошли до того мѣста, гдѣ уже можно было флотилію спустить на воду въ рѣку Куру, или, по однимъ источникамъ, Κύρος, по другимъ—Κύρνος.

Рѣкой Курой Помпей думалъ войти въ Гирканское или Каспійское море и напасть съ востока на Фанагорію и Пантикапею, которыми Митридатъ дорожилъ больше всего за ихъ богатства и обширную мѣновую торговлю.

— Воины! — сказалъ Помпей своимъ легіонамъ передъ

тѣмъ, какъ, починивъ нѣкоторые корабли, пострадавшіе отъ тренія и паденій, спустить ихъ на воду,—завтра, 17 декабря, я дамъ вамъ роздыхъ на цѣлую недѣлю. Завтра мы должны принести жертвы величайшему изъ боговъ, пожравшему всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ Юпитера, богу Сатурну. Завтра начало «сатурналій».

Въ знакъ радости легіоны испустили воинственный крикъ и ударили въ щиты.

Но имъ не удалось отдохнуть.

У Плутарха мы читаемъ: «когда римляне собирались отпраздновать «сатурналіи», то албанцы (ободренные, конечно, слухами о мнимомъ пораженіи Помпея Митридатомъ въ устьяхъ Фазиса), въ числѣ сорока тысячъ человѣкъ, напали на нихъ, переправившись черезъ рѣку Κύρνος. Помпей, которому не трудно было воспрепятствовать переходу албанцевъ черезъ рѣку, спокойно смотрѣлъ на ихъ переходъ, но потомъ напалъ на нихъ, разбилъ войско и убилъ большое множество непріятелей. Царя же ихъ (Оройза), который черезъ посольство просилъ о помилованіи, простилъ и возобновилъ съ нимъ союзъ».

Послы Оройза, униженно прося о помилованіи и повергая къ ногамъ побѣдителя новыя груды золота и другихъ драгоцѣнностей, головою выдали иберовъ. Они сознались, что иберы подбили ихъ напасть на изнуренныхъ якобы римлянъ, и что они и сами немедленно сдѣлаютъ на нихъ нападеніе.

Такъ и случилось. Иберы настигли римлянъ съ тылу, но не сломили желѣзныхъ легіоновъ, и Помпей самъ ударилъ на нихъ.

«Иберы, пишетъ Плутархъ, народъ столь же многочисленный, какъ и албанцы, но болѣе воинственный, во что бы то ни стало хотѣли угодить Митридату и стали всей силой отражать Помпея. Эти иберы, говоритъ далѣе Плутархъ, прежде не покорялись ни мидянамъ, ни персамъ; они даже избѣжали «македонскаго ига», такъ какъ Александръ Македонскій съ поспѣшностью удалился изъ Гирканіи. Но Помпей разбилъ ихъ въ большомъ сраженіи, такъ что девять тысячъ изъ нихъ осталось на мѣстѣ, и больше десяти тысячъ было взято въ плѣнъ *).

Послѣ сраженія Помпей, осматривая поле битвы вмѣстѣ съ Сервиліемъ и легатами, начальниками легіоновъ, замѣтилъ у нѣкоторыхъ убитыхъ длинные арканы.

---

*) Плутарха «Помпей», гл. XXXIV.

— Это не иберы и не албанцы,—сказалъ Помпей, останавливая своего коня около убитаго,—у нихъ аркановъ я не видѣлъ.

— Это колхъ,—замѣтилъ Сервилій,—когда я стоялъ съ флотомъ въ устьяхъ Фазиса, то ко мнѣ часто приходили колхи вотъ съ такими арканами *).

— Да и волосы слишкомъ курчавы, точно у египтянъ, и цвѣтъ кожи темнѣе, чѣмъ у иберовъ и албанцевъ,—продолжалъ разсматривать убитаго Помпей.

— Вѣрно, я къ нимъ присмотрѣлся, — подтвердилъ Сервилій,—курчавые и смуглы, какъ египтяне **).

— А замѣтьте, изъ чего у него соткана туника,—сказалъ, въ свою очередь, легатъ Корвусъ, щупая подъ овечьей верхней одеждой рубаху убитаго,—кажется, изъ тростника ***).

Въ это время къ Помпею подошелъ его рабъ, нумидіецъ Адгербалій, съ убитою козою за плечами.

— Господинъ,—обратился онъ къ Помпею,—я ходилъ сейчасъ охотиться на фазановъ, «на тетари», а мое копье угодило въ дикую козу, вотъ она тебѣ на ужинъ. Но я тамъ, въ лѣсу, увидѣлъ тысячи маленькихъ лодокъ, спрятанныя по кустамъ, и всѣ онѣ просто выдолблены изъ цѣльныхъ дубовъ и сосенъ ****).

Отправились осматривать находку нумидійца. Дѣйствительно, весь лѣсъ и особенно кусты представляли цѣлую флотилію небольшихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая была выдолблена изъ гигантскихъ стволовъ деревьевъ и могла вмѣщать въ себѣ отъ 25 до 30 человѣкъ *****).

---

*) Argonautica. Fragm. 6. Müller. Fragmenta hist Craec.—Діонисій Милетскій.

**) «Жители Колхиды, кажется—египтяне»,—говоритъ Геродотъ:—у колховъ темный цвѣтъ кожи и волосы курчавые. Комментарій Евстафія на Діонисія Періегета тоже утверждаетъ, что у колховъ курчавые волосы, какъ у египтянъ, темная кожа и египетскіе обычаи—напр., они соблюдаютъ обычай обрѣзанія, и носятъ, какъ и египтяне, льняныя одежды», 689.

***) Каллимахъ свидѣтельствуетъ, что у колховъ растетъ тростникъ, изъ котораго они дѣлаютъ холстъ, какъ египтяне. Fragmentum 265.

****) Гиппократъ («De aeribus, aquis et locis») говоритъ, что колхи «свою землю объѣзжаютъ на челнокахъ, выдолбленныхъ изъ цѣльнаго ствола дерева», гл. XV.

*****) Страбонъ утверждаетъ, что «употребляютъ узкія и легкія лодки, которыя вмѣщаютъ въ себѣ 25, рѣдко 30 человѣкъ. Эти лодки эллины называютъ καμάρα» II, 12.

— Ясно,—сказалъ Помпей,—что и колхи возстали противъ насъ. Но вѣчные боги покровительствуютъ священному Риму.

— Подобно намъ, они переволокли свою флотилію въ верховья рѣки Кира, спустились ниже, соединились съ иберами и напали на насъ,—сказалъ въ свою очередь Сервилій, заглядывая въ одну лодку.—Да тутъ у нихъ и провизія, фазаны и вяленое мясо барановъ.

Помпей былъ возмущенъ коварствомъ колховъ.

— Этому народу я не причинилъ ни малѣйшаго зла,— гнѣвно сказалъ онъ.—Я щадилъ ихъ жалкія жилища, ихъ стада. Мое войско больше питалось тѣмъ, что добывало копье воиновъ на охотѣ... Такъ я примѣрно накажу варваровъ!

И онъ исполнилъ угрозу. Жилища колховъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были выжжены, царь ихъ палъ въ битвѣ, и Помпей назначилъ царемъ Колхиды своего квестора Аристарха, снабдивъ его достаточнымъ гарнизономъ *)

XXV.

Наказавъ такимъ образомъ колховъ и иберовъ, Помпей возвратился съ войскомъ къ своему флоту, оставленному подъ охраною албанцевъ, своихъ новыхъ союзниковъ.

Здѣсь, спустивъ на рѣку Киръ корабли и приказавъ Сервилію съ частью войскъ плыть къ Гирканскому морю, Помпей съ большею частью своихъ легіоновъ направился въ Гирканію, куда его влекла слава походовъ Александра Македонскаго. Онъ зналъ, что Митридатъ не уйдетъ отъ него, а таинственная Гирканія такъ манила ненасытнаго въ честолюбіи римлянина.

Давно задумавъ походъ противъ Митридата, Помпей прочелъ всѣхъ греческихъ и римскихъ писателей, у которыхъ онъ могъ почерпнуть всевозможныя свѣдѣнія о Востокѣ. Поэтому онъ многое зналъ о Гирканіи и о народахъ, кромѣ гирканов, населявшихъ эту страну, апаріаковъ, мардовъ, кадусіевъ, амардовъ, уитіевъ **). Онъ зналъ, что гирканы морятъ голодомъ стариковъ свыше 70 лѣтъ, а потомъ выбрасываютъ ихъ въ пустыню и наблюдаютъ за тѣлами ихъ издали: если увидятъ, что орлы и другія

*) Eutropii «Breviarium historiae romanae», VI. 14. — Festi Rufi «Breviarium rerum gestarum populi romani», XVI.

**) Ἀναρίακοι, μάρδοι, καδούσιοι, ἄμαρδοι, οὐίτιοι.

хищныя птицы стаскиваютъ трупы съ мѣста, то считаютъ умершихъ блаженными, а менѣе блаженными считаютъ тѣхъ, коихъ трупы растаскиваютъ хищные звѣри или собаки. Если же не случится ни того, ни другого, то такихъ считаютъ несчастными.

— Гирканія, особенно же части ея, Сакасена и Гагарена,— говорилъ Помпей квестору Самниту, слѣдуя съ нимъ впереди перваго легіона,—изобилуютъ прекрасными плодами и масличными деревьями. Виноградъ тамъ такого качества, что каждая лоза даетъ до трехъ ведеръ вина, а фиговое дерево приноситъ не менѣе десяти четвериковъ плодовъ.

— Вотъ сторонка!—покачалъ головой Самнитъ, косясь на носителя легіоннаго орла, который, покачиваясь на своемъ конѣ, дремалъ. — Не урони святыню! — предостерегъ дремавшаго старый воинъ.

— Тамъ почти не сѣютъ хлѣбъ,—продолжалъ Помпей,—а онъ самъ родится.

— Вѣчные боги!—воскликнулъ старый квесторъ.—Да тамъ и великому Люцію Квинкцію Цинциннату нечего было бы дѣлать и со скуки онъ умеръ бы безъ плуга.

— Тамъ, добрый другъ Эмилій,—продолжалъ Помпей, забавляясь наивностью своего слушателя,—тамъ во время жатвы падаетъ столько зеренъ на землю, что на другой годъ на мѣстѣ сжатаго хлѣба—новое поле прекрасно уродившагося ячменя или пшеницы. Ростетъ тамъ дерево, похожее на дубъ, а съ листьевъ его сочится настоящій медъ...

— Чудеса! Изъ дуба медъ!.. Попробую гирканскаго меду... А пчелъ тамъ, значитъ, нѣтъ?

— Есть тамъ маленькое крылатое насѣкомое, которое эллины называютъ ἀνθρηδών. Оно меньше пчелы, но усердно собираетъ въ горахъ воскъ и медъ, и свои гнѣзда съ медомъ устраиваетъ въ трещинахъ скалъ *).

— Чудеса! Вотъ сторонка!

— Да, счастливая страна, просто элизіумъ... Въ этомъ элизіумѣ смертные живутъ, какъ циклопы, слышалъ о нихъ?

— Кто они, благородный Гней? Я не знаю.

— Это былъ въ древности народъ одноглазый... Развѣ ты не читалъ Гомера? Про циклопа Полифема.

---

*) Eutropii «Breviarium historiae romanae», VI, 14.—Diodori Siculi «Bibliotheca historica», Lib. XVII, 76, 77.

— Какой тамъ Гомеръ въ казармахъ!

— Такъ эти народы, что въ Гирканіи живутъ, какъ циклопы, ничегб не дѣлаютъ, только пасутъ овецъ и выше ста считать не умѣютъ *).

Нѣсколько дней подвигались впередъ римляне подъ знойнымъ небомъ преддверій Гирканіи, какъ вдругъ, однажды, они замѣтили въ степи массы одѣтыхъ въ шкуры, шерстью наружу, невѣдомыхъ людей на коняхъ. То были южные кочующіе скиѳы.

Остановясь на нѣкоторое время и, видимо, посовѣтовавшись между собою, они съ дикимъ крикомъ, похожимъ на вой голодныхъ шакаловъ, ринулись на первый легіонъ, на всемъ скаку пуская въ римлянъ стрѣлы изъ кривыхъ луковъ. Сообразивъ, что римскіе воины защищены прочными латами, скиѳы направляли свои стрѣлы имъ въ лицо или мѣтили въ ноги и нѣкоторыхъ воиновъ ранили. Но сотни копій, брошенныхъ изъ переднихъ легіоновъ и положившихъ на мѣстѣ десятки нападавшихъ варваровъ, тотчасъ обратили ихъ въ бѣгство.

Но скоро всѣ, кто изъ римлянъ были ранены, умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Оказалось, что стрѣлы скиѳовъ были отравлены быстро убивающимъ ядомъ **).

Но на слѣдующій день римляне встрѣтили непреодолимое препятствіе.

То тамъ, то въ другомъ мѣстѣ слышались отчаянные крики воиновъ.

— Что тамъ случилось?—спросилъ Помпей.

— Клянусь мракомъ Орка! Да тутъ легіоны громадныхъ змѣй!—воскликнулъ легатъ Ригоръ.

Дѣйствительно, ядовитые гады кишѣли вокругъ массами и, какъ бѣшеные, бросались на римлянъ, нанося укусы преимущественно въ ноги, выше ремней сандалій, и, судя по колыханію впереди на далекое разстояніе травы, гадовъ было несмѣтное количество.

— О, боги!—слышались болѣзненные крики со всѣхъ сторонъ.

— Да это змѣиное царство!—говоритъ Помпей, топча копытами своего коня извивавшихся гадовъ, которые впивались въ ноги коня.

---

*) Коммен. Евстафія къ Діонисію Періегету, 730.
**) Lucani «Pharsalia», III, 264.

Благородное животное становилось на дыбы и билось.

— Трубить отступленіе!—скомандовалъ полководецъ Рима, которому пришлось отступать не отъ людей, а отъ гадовъ.

— Рвите сухую траву! — крикнулъ своему легіону Корвусъ.—Поджигайте степь!.. Вѣтеръ погонитъ пламя на гадовъ.

Въ разныхъ мѣстахъ вспыхнула степь, и сухая горящая трава огненными языками побѣжала прямо на змѣй.

Степь все болѣе и болѣе пылала. Трескъ горящей травы и сухихъ бурьяновъ смѣшивался съ злобнымъ шипѣніемъ убѣгавшихъ гадовъ.

— Побѣда! Побѣда!—радостно восклицалъ квесторъ Эмилій.

— Такъ вотъ кто стражи заколдованной Гирканіи,—говорилъ Помпей, осматривая укушенныя ноги своего коня.—Бѣдный Дарій! Тебя придется оставить при обозѣ, у конюха—гладилъ онъ по шеѣ своего коня.

— Благородный Гней все зналъ о чудесахъ Гирканія,—сказалъ квесторъ, подходя къ Помпею,—а вотъ о змѣяхъ, вѣроятно, не написано въ книгахъ.

— Да, этого я не нашелъ въ книгахъ,—согласился Помпей.

Въ это время къ нему подошелъ Ауфидій, который подъ бременемъ лѣтъ и усталости находился въ обозѣ вмѣстѣ съ больными воинами.

— Это все дѣло рукъ сестры и супруги отца боговъ, Юпитера,—покачалъ головою, глядя на укушенныхъ воиновъ.

— Что такое говоришь ты, дорогой учитель?—спросилъ его Помпей.

— Да вотъ это насланіе змѣй... Это наслала ихъ на насъ мстительная Юнона, какъ когда-то она наслала змѣй на жреца Аполлонова, на Лаокоона и его сыновей.

— Чѣмъ же я прогнѣвилъ богиню? — улыбнулся Помпей, который всю эллинскую и римскую миѳологію относилъ къ дѣтскимъ сказкамъ.

— А тѣмъ прогнѣвилъ всесильную богиню, что, предпринимая походъ въ Гирканію, ты не умилостивилъ ее жертвоприношеніями, и она чуть не повторила съ тобой того, что испыталъ на себѣ Лаокоонъ и его сыновья.

— А вѣдь онъ правъ,—вмѣшался въ разговоръ старый Корвусъ.—Передъ взятіемъ Нумаціи Сципіонъ приносилъ жертвы Марсу и Беллонѣ.

— Вѣрно, благородный легатъ,—подтвердилъ и вѣрующій Ауфидій.

— Впередъ буду исполнять требованія религіи предковъ,— наружно согласился Помпей и, обратясь къ квестору Эмилію Самниту, сказалъ, — всѣхъ укушенныхъ отправить въ обозъ. Можетъ быть, укусы и не смертельны.

Такъ змѣи и остановили походъ Помпея въ Гирканію *).

XXVI.

Возвратясь изъ неудачнаго похода въ Гирканію, Помпей засталъ свой флотъ въ устьяхъ рѣки Куры (Киръ и Кирнъ), и нашелъ Сервилія въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ албанцами, которые привозили на римскіе корабли, въ своихъ легкихъ лодкахъ, то наловленную ими въ морѣ рыбу, то дичь, то вкусные плоды.

Увидѣвъ приближавшіеся легіоны Помпея, прежніе враги встрѣтили римскихъ воиновъ, какъ братьевъ **).

Тотчасъ же, запасшись водою въ бурдюкахъ и достаточнымъ количествомъ провизіи, неутомимый вождь Рима вступилъ съ своимъ флотомъ въ невѣдомое Гирканское или Каспійское море.

Но когда нѣкоторые корабли не успѣли еще отчалить отъ берега, какъ къ нимъ приблизился римскій всадникъ, сопровождаемый отрядомъ армянъ.

— Да это Квинтъ Теофанъ, квесторъ —сказалъ одинъ центуріонъ, вглядываясь въ прибывшаго.

— Онъ и есть!—подтвердили другіе.

— Эвои Эскулапъ, сынъ Аполлона и Коронпды! Онъ исцѣлилъ мои раны!—радостно махалъ руками прибывшій.—Слава богамъ! Я вижу Гирканское море и счастливо соединяюсь съ непобѣдимымъ Помпеемъ.

Это былъ квесторъ Квинтъ Теофанъ, родомъ изъ Сиракузъ, прошедшій военную школу въ Римѣ при Маріѣ. Въ сраженіи съ Митридатомъ въ устьяхъ Фазиса онъ былъ опасно раненъ

---

*) Плутархъ, гл. XVI. Въ этой мѣстности, о которой здѣсь говорится, въ настоящее время еще встрѣчаются нерѣдко змѣи огромной величины.

**) Юстинъ, XXIV, 2.

мстительнымъ копьемъ Клеопатры и потому былъ отправленъ оттуда, въ ночь отступленія римлянъ, вмѣстѣ съ сокровищами и плѣнными амазонками, въ Артаксату, гдѣ придворный врачъ царя Тиграна и вылѣчилъ его.

Его тотчасъ же взяли въ лодку и доставили на корабль Помпея.

Всѣ обрадовались его пріѣзду, потому что онъ былъ любимъ всѣми близкими къ Помпею лицами и самимъ ихъ вождемъ за свою задушевность.

— Эвои! Привѣтъ царю царей отъ Тиграна! — обратился онъ къ Помпею.—Царь Арменіи прислалъ тебѣ со мною дары: царскій вѣнецъ и золотую державу.

И Теофанъ вынулъ изъ серебрянаго ковчежца золотую корону, усыпанную драгоцѣнными камнями Индіи, и золотой державный шаръ *).

Всѣ любовались дорогимъ подаркомъ Тиграна.

— А какъ здоровье царя Арменіи?—спросилъ Помпей.

— Боги милостивы къ нему,—отвѣчалъ Теофанъ. — Надняхъ онъ праздновалъ свадьбу своего сына, царевича Тиграна Артакса, женившагося на прекрасной амазонкѣ, дочери Мосхина, виночерпія царя Митридата.

— Это одна изъ амазонокъ, взятыхъ нами въ плѣнъ въ битвѣ съ албанцами?—спросилъ Помпей.

— Именно... Она вмѣсто дочери Митридата Клеопатры вела въ битву когорту амазонокъ и, будучи ранена, попала въ плѣнъ.

— Такъ она моя добыча,—сказалъ Помпей,—и въ Римѣ она должна будетъ вмѣстѣ съ другими знатными плѣнными слѣдовать за моей тріумфальной колесницей.

Корабли между тѣмъ плавно разсѣкали бирюзовую поверхность Гирканскаго моря. Слѣва высились, уходя въ небо, снѣжные конусы исполиновъ Кавказа, справа безконечная синева невѣдомаго дотолѣ Риму моря, о которомъ римляне имѣли самое смутное представленіе.

Сидя на возвышенной палубѣ корабля, Ауфидій мечтательно

---

*) Съ этимъ шаромъ въ лѣвой рукѣ впослѣдствіи Помпей былъ воспроизведенъ въ превосходной статуѣ, которая и находилась въ римскомъ сенатѣ. Къ подножію этой статуи и палъ Цезарь, поражаемый мечами Брута и другихъ заговорщиковъ.

созерцалъ то далекія, подернутыя дымкою горы, то гладкое, какъ зеркало, безбрежное море.

— Я теперь какъ будто переживаю то, что когда-то съ захватывающимъ интересомъ читалъ въ молодости,—говорилъ онъ въ волненіи.—О Прометеѣ у Гезіода и въ его Ἔργα καὶ ἡμέραι и въ его Θεογονία... А Προμηθεὺς δεσμώτης Эсхила! Сколько мощи!

Сервилій, замѣтивъ на сѣверо-востокѣ полосу земли, далеко выступавшую въ море, распорядился взять курсъ много правѣе. Это было вблизи нынѣшняго Апшеронскаго полуострова. Корабли римлянъ шли въ это время такъ близко отъ берега, что съ палубъ ихъ виденъ былъ отчетливо какой-то городъ, расположенный террасами на берегу моря, и виднѣлись даже люди.

— Повидимому, это не албанцы,—замѣтилъ Помпей, всматриваясь въ даль,—на этихъ совсѣмъ другое одѣяніе.

— Это не катанны ли, о которыхъ говоритъ Гекатей, что они живутъ у Гирканскаго моря,—предположилъ Ауфидій *).

— Можетъ быть,—согласился Помпей,—да и городъ не похожъ на городъ «варваровъ».

Онъ, повидимому, вспомнивъ что-то, пошелъ въ свою каюту и вынесъ оттуда какой-то чертежъ.

— Что это?—спросилъ Ауфидій.

— Карта Эратосѳена, orbis terrarum secundum Eratosthenem,—отвѣчалъ Помпей, показывая карту Ауфидію. — Тутъ, какъ видишь, mare Hircanum прямо соединяется съ Oceanus Arcticus, а вонъ выше островъ Thule.

— Эратосѳенъ былъ порядочный неучъ!—горячо возразилъ Ауфидій.—Онъ даже Геродота не читалъ, и туда же, издаетъ Orbem Terrarum! Геродотъ прямо говоритъ, что ἡ Ὑρκανία θάλασσα стоитъ отдѣльно отъ другихъ морей и не имѣетъ сообщенія съ океанами, между тѣмъ какъ тѣ моря, по которымъ плаваютъ эллины, какъ Атлантическое, ἡ Ἀτλαντὶς — что за Геркулесовыми столбами, и Красное море — ἡ ἐρυθρή, имѣютъ сообщеніе съ океанами. Гирканское же совершенно отдѣлено отъ нихъ. Геродотъ говоритъ даже, что длину его измѣряютъ въ пятнадцать дней плаванія на веслахъ, а въ ширину въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно самое широкое, въ восемь дней плаванія **).

---

*) Гекатей—κατανοί.
**) Геродотъ, I, 202—203.

— Дѣйствительно, по этой картѣ я самъ вижу, что Эратосѳенъ былъ совершенный невѣжда, хотя и жилъ послѣ Геродота болѣе, чѣмъ на 280 лѣтъ,—согласился Помпей.—А городъ все еще виднѣется вдали,—сказалъ онъ, оглядываясь назадъ.

— Это должно быть, городъ Бадъ-Кудъ *), что по-персидски значитъ «ударъ вѣтра»,—пояснилъ всезнающій Ауфидій.

— Да вѣтеръ, кажется, и начинается,—замѣтилъ Сервилій, всматриваясь на сѣверо-востокъ.

— Да и мудрѣйшій Аристотель, учитель Александра Македонскаго, былъ такой же невѣжда въ географіи, какъ и болванъ Эратосѳенъ,—продолжалъ ворчать Ауфидій.—Въ своихъ Meteorologica **) онъ утверждаетъ, будто Гирканское и Каспійское моря, ἡ Ὑρκανία καὶ Κασπία θάλασσα, совершенно отдѣльныя моря, и что берега ихъ кругомъ заселены... Можетъ быть, послѣднее и вѣрно, но...

Строгій ученый не кончилъ. Порывомъ вѣтра такъ колыхнуло корабль, что критикъ Аристотеля едва не свалился въ море, и упалъ бы навѣрное, если бы его хилое, слабое тѣло не поддержалъ Помпей.

Между тѣмъ, вѣтеръ крѣпчалъ. Море изъ бирюзоваго превратилось въ свинцовое. Волны, какъ горы, съ сѣдыми гривами на хребтахъ, яростно ревѣли, неистово трепля корабли, то вскидывая ихъ на вершины водяныхъ горъ, то бросая въ пропасть.

Но опытные кормчіе и испытанные въ морскихъ буряхъ гребцы мужественно боролись съ неистовавшимъ Посейдономъ.

Только неумолимый судья Эратосѳена и Аристотеля, слабый тѣломъ Ауфидій, заболѣлъ, тщетно взывая къ милости боговъ и обѣщая богатыя жертвы и Посейдону-Нептуну, и свирѣпому Борею, сыну Астрея и Авроры.

Всю ночь бушевали стихіи, и только къ утру буря улеглась, и море опять изъ свинцоваго и чернаго превратилось въ бирюзовое и ласковое.

XXVII.

Снова потянулись слѣва горные хребты, которыхъ ночью не было видно, а теперь, съ утра, они такъ и горѣли на солнцѣ и искрились снѣжными вершинами. Всѣ снова оживились.

---

*) Нынѣ городъ Баку.
**) Аристотеля «Meteorologica», II, гл, 1.

Выползъ изъ каюты и Ауфидій, поблѣднѣвшій и пожелтѣвшій, но радостный: боги услышали его моленія.

Помпей, желая дать роздыхъ воинамъ, которые половину прошлаго дня и всю ночь мужественно боролись съ бушевавшимъ моремъ и совсѣмъ не спали, велѣлъ кораблямъ, по совѣту Сервилія, пристать къ берегу.

Воспользовавшись этимъ, нѣкоторые центуріоны, которые были свободны ночью отъ работъ и потому не были утомлены, сошли на берегъ, чтобы поохотиться въ незнакомой странѣ на звѣрей и птицъ.

Охота ихъ увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ. Они принесли нѣсколько убитыхъ фазановъ, бѣлую, совершенно безъ роговъ, козу и при томъ тупоносую, нѣсколько неизвѣстныхъ римлянамъ птицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя величиною съ самаго большого пѣтуха, съ пестрыми и яркими перьями, а другія—крупнѣе самаго большого гуся, у коихъ ноги какъ у журавля, спина совершенно чистаго алаго цвѣта, брюхо зеленое и бѣлая шея съ разбросанными по ней крапинами шафрановаго цвѣта, длиною не менѣе двухъ локтей, а голова маленькая, продолговатая и черный клювъ.

— Кричитъ эта диковинная птица, какъ лягушка,—говорилъ убившій ее копьемъ центуріонъ, показывая свою добычу Сервилію.

— Да и эта тоже чудная птица,—говорилъ другой центуріонъ,—когда летитъ, то вытягиваетъ ноги къ шеѣ, точно хочетъ поднять себя ногами, чудная! А летаетъ плохо и кричитъ такъ смѣшно, точно собачка лаетъ.

— А эта кричитъ, какъ коза,—показывали охотники и третью птицу, величиною съ гуся, съ плоскою маленькою головой, съ длинными ногами, съ блестящею пурпуроваго цвѣта спиною, съ бѣлыми головою и шеей, а нижняя часть тѣла красиваго алаго цвѣта.

— Но какія чудеса мы тамъ видѣли!—заговорилъ четвертый охотникъ къ своимъ слушателямъ.—Вообразите, видимъ мы, пасется въ травѣ драхва... Откуда ни возьмись, лисица, возьми да и присядь въ травѣ, и подняла, подлая, изъ травы хвостъ, точь-въ-точь шея драхвы! Глупая птица возьми да и пойди къ хвосту, думаетъ, свой братъ, драхва!.. А та, подлая,

цапъ ее, и потащила! Я въ нее копьемъ, и уложилъ обѣихъ на мѣстѣ.

— Это что!—вмѣшался еще одинъ центуріонъ.—Вотъ мы съ Терціемъ Яктусомъ подходимъ тихонько къ рѣкѣ и видимъ, черезъ рѣку движется какая-то живая цѣпь, не то огромная во всю ширину рѣки змѣя, не то, боги вѣдаютъ, что! Подбѣгаемъ ближе и видимъ, это мыши! Представьте себѣ! Эти маленькія, юркія звѣрушки, уцѣпившись каждая зубками за каждую переднюю, за хвостъ, и катаютъ черезъ рѣку! А рѣка горная быстрая *).

Послѣ достаточнаго отдохновенія римляне продолжали путь прямо на сѣверъ и плыли день и ночь.

По ночамъ Помпей и Сервилій, не зная, конечно, употребленія компаса, направляли свой путь, сообразуясь съ положеніемъ на небѣ созвѣздія Оріона **).

— Вотъ Оріонъ,—разсуждалъ Ауфидій, любившій пофилософствовать,—хоть и не былъ богомъ, а только искуснымъ охотникомъ, за что Зевсъ и взялъ его на небо... Хоть онъ и не богъ, а все же помогаетъ смертнымъ, особенно мореплавателямъ.

Помпей лукаво улыбнулся, подмигнувъ Квинту Теофану.

— Боюсь я, какъ бы Зевсъ не лишилъ насъ лучшихъ центуріоновъ,—сказалъ онъ.

— Какихъ? За что?—удивился Ауфидій.

— А тѣхъ, что сегодня, подобно Оріону, искусно охотились.

— Не смѣйся надъ божествомъ, смертный!—строго замѣтилъ наставникъ Помпея.

На пятый день плаванія, горы, громадами возвышавшіяся слѣва, отошли, наконецъ, въ дымчатую даль, и римляне скоро приблизились къ устью какой-то многоводной рѣки.

— Это, должно быть, рѣка Алонтасъ,—сказалъ онъ Сервилію.

— Почему ты это думаешь?—спросилъ Сервилій.

— Оройзъ, царь албанцевъ, говорилъ мнѣ, что къ сѣверу отъ Кавказа впадаетъ въ Гирканское море большая рѣка, которая питается вѣчными снѣгами самой высокой горы всего Кавказа.

---

*) Это явленіе, какъ и все предыдущее, подтверждаетъ впослѣдствіи Эліанъ въ своемъ сочиненіи—«De natura animalium», VI, 24; VII, 17, 33—34, 38.

**) Флоръ «Bellum Mithridaticum», I, XXXVIII, 66.

Это и былъ нынѣшній Терекъ.

— Здѣсь, у устьевъ Алонтаса, я и оставлю тебя съ флотомъ,—сказалъ Помпей,—а я съ легіонами двинусь равнинами, вдоль всего Кавказа, къ Меотійскому морю, собственно, къ выходу его въ Понтъ Эвксинскій, громить Фанагорію. Этимъ только я и могу заманить въ свои тенета страшнаго шакала Востока, Митридата.

— Мнѣ объ этомъ пути разсказывали въ Артаксатѣ армянскіе купцы,—заговорилъ Ауфидій, — я разспрашивалъ ихъ о томъ, что находится сѣвернѣе Кавказа, и они сказали, что тамъ безконечная равнина до самаго Меотійскаго моря и до рѣки Танаиса. Тамъ, на берегу Гирканскаго моря, живетъ народъ аорсы, народъ не воинственный, но занимающійся перевозкою товаровъ на верблюдахъ вплоть до Фанагоріи. А товары эти привозятся изъ самой Индіи къ тому берегу этого моря, гдѣ обитаютъ массагеты. Потомъ товары эти переправляются на корабляхъ сюда, къ аорсамъ, а ужъ аорсы, подрядившись и условившись съ индійскими и армянскими купцами, вьючатъ товары на своихъ верблюдовъ и везутъ прямо въ Фанагорію.

Въ это время на горизонтѣ показалось парусное судно. Оно держало курсъ, повидимому, нѣсколько сѣвернѣе устьевъ Алонтаса, гдѣ причалилъ римскій флотъ, и плыло отъ восточнаго берега Гирканскаго моря.

Но что это? Оно вдругъ спустило паруса и, перемѣнивъ курсъ, на веслахъ торопливо направилось назадъ.

— Клянусь богами, они испугались насъ,—сказалъ Сервилій.

— На весла! Въ погоню!—скомандовалъ Помпей, не отрывая глазъ отъ убѣгавшаго судна.

Быстро закипѣла работа. Корабль Помпея летѣлъ, какъ птица, гребцы не жалѣли своихъ силъ.

Черезъ полчаса корабль Помпея настигъ убѣгавшее судно.

— Остановитесь!—крикнулъ Сервилій.—Кто вы?

— Не бойтесь, мы не разбойники, остановитесь!—громко закричалъ и Помпей.

Судно остановилось; гребцы подняли весла. Помпею показалось, что двое, повидимому, хозяева, армяне по облику.

— Вы армяне?—спросилъ Помпей.

— Да... Мы подданные царя Тиграна, его рабы,—отвѣчали съ судна.

— Такъ благодарите боговъ вашей страны: царь Арменіи, Тигранъ, мой союзникъ и другъ,—сказалъ Помпей.—Откуда вы и куда направляетесь?

— Мы изъ Индіи, съ товарами, и держимъ путь черезъ пустыню къ Фанагоріи.

— Такъ снова благодарите боговъ: и я съ войскомъ иду къ Фанагоріи... Вы мнѣ покажете путь, а я въ пути буду оберегать васъ и ваши товары отъ хищныхъ варваровъ... Давно вы изъ Артаксаты?

— Мы изъ Тигранокерты, и вотъ уже двадцать четыре раза дневное свѣтило мѣняло свой ходъ то на лѣто, то на зиму.

— Два года, значитъ?

— Два года, господинъ... А кто ты самъ, смѣемъ униженно спросить?

— Я римлянинъ, вождь Рима и другъ вашего царя.

— Боги милостивы къ намъ... Слава богамъ!—И армяне подняли руки къ небу.—Дающіе жизнь и смерть, радости и казни, великіе боги Ваалъ-Молохъ и Астарта благополучно провели насъ чрезъ непроходимыя горы, чрезъ всѣ ужасы пустыни и песчаные океаны, и послали намъ тебя, друга царя нашего, да живетъ онъ вѣчно!

— Слѣдуйте же за моимъ кораблемъ,—сказалъ Помпей.

— Кормчій, обратно руль,—приказалъ Сервилій,—мочите весла, воины гребцы.

— Благодареніе богамъ!—набожно возвелъ Ауфидій глаза къ небу.—Они, видимо, сопутствуютъ намъ.

И корабль Помпея, и судно армянскихъ купцовъ направились къ римскому флоту.

XXVIII.

Судно, прибывшее изъ-за Гирканскаго моря съ индійскимъ товаромъ, въ тотъ же день было разгружено владѣльцемъ его и гребцами массагетами и тотчасъ же отправилось въ обратный путь, а на утро купцы-армяне, хозяева товаровъ, привели изъ сосѣдняго кочевья небольшой караванъ верблюдовъ съ ихъ вожаками-аорсами.

Верблюдовъ скоро навьючили товарами, и караванъ двинулся въ путь вслѣдъ за римскими легіонами, слѣдуя въ обозѣ римлянъ. Впереди римскаго войска ѣхалъ на верблюдѣ одинъ изъ аорсовъ въ качествѣ вожака въ безбрежной степи.

Ауфидій, какъ человѣкъ старый и немощный, находился въ обозѣ и возсѣдалъ на арбѣ съ огромнѣйшими колесами, влекомой верблюдомъ, хотя въ прочія арбы обоза римлянъ были впряжены буйволы, вмѣстѣ съ арбами взятые въ Колхидѣ.

Любознательный учитель Помпея тотчасъ же разговорился съ армянскими купцами, слѣдовавшими около его арбы на верблюдахъ.

— Мнѣ разсказывалъ другъ Помпея, Лукуллъ, въ прошлые года воевавшій съ вашимъ царемъ, Тиграномъ, и съ Митридатомъ, царемъ понтійскимъ, что въ Арменіи водятся такіе же львы, какъ въ Ливіи и Нумидіи, а также и барсы, которыхъ армяне будто бы ловятъ посредствомъ овецъ и козъ... Какъ же это можно льва поймать овцою и козою?—недоумѣвалъ онъ.

Купцы разсмѣялись.

— Не поймать, господинъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—У насъ такъ поступаютъ съ львами и барсами. Есть въ Арменіи одна высокая гора, изъ скалы которой вытекаетъ ручей, а съ водой выходятъ изъ отверстія скалы иногда и рыбы, длиною въ локоть и больше, а то и меньше. Внизу скалы высѣченъ изъ камня обширный водоемъ, четыреугольный, длиною около полустадіи. Рыбы, падающія въ водоемъ, бываютъ большею частью полуживыя, а то и совсѣмъ сонныя, цвѣтомъ черныя и безобразныя. Такъ охотники на львовъ и барсовъ, зная, что эти рыбы страшно ядовиты и быстро убиваютъ того, кто попробуетъ ихъ мяса, вытаскиваютъ ихъ изъ водоема, сушатъ на солнцѣ, потомъ рубятъ на мелкіе куски и толкутъ въ ступахъ. Но, чтобъ не умереть, вдыхая пыль отъ этой толченой рыбы, охотники накрѣпко завязываютъ себѣ ротъ и носъ. Потомъ, когда отъ истолченной рыбы получится мука, охотники берутъ овцу или козу, разрѣзываютъ имъ животъ на столько, чтобъ просунуть въ разрѣзъ руку, и осторожно наполнятъ отверстіе ядовитой рыбьей мукой, а потомъ и кладутъ въ извѣстномъ мѣстѣ эти приманки, зная, гдѣ обыкновенно ходятъ на водопой или на добычу львы или барсы. Звѣри эти жадно набрасываются на отравленную

приманку и, пожравъ ее, очень быстро околѣваютъ. Тогда охотники снимаютъ съ нихъ шкуру, выдѣлываютъ ее и продаютъ.

Ауфидій только качалъ головою отъ удивленія.

— Ну, это только львовъ, барсовъ и волковъ добываютъ такимъ способомъ,—сказалъ другой купецъ,—а кабановъ, медвѣдей, оленей, дикихъ ословъ и дикихъ козъ, которыхъ у насъ, въ Арменіи, тоже множество, добываютъ иначе. Эти животныя очень любятъ мучное тѣсто, особенно же смѣшанное съ винными ягодами. Такъ охотники и разбрасываютъ это тѣсто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся эти животныя и звѣри. И вотъ получаются новыя шкуры для продажи.

— Удивительная страна, эта Арменія, — качалъ головою Ауфидій,—сколько звѣрей! А кромѣ ядовитой рыбы есть у васъ и хорошая?

— Еще бы! Въ горныхъ рѣчкахъ и въ обширномъ горномъ озерѣ Лихнитисъ (нынѣ Tokra) водятся превкусныя «пеструшки», которыхъ римляне называютъ «foria». А въ Гирканскомъ морѣ столько рыбы, что на весь свѣтъ хватило бы ея. Особенно славятся огромныя рыбы, называемыя «остроносыми» *). Ихъ величина бываетъ до 8-ми локтей, и мясо ихъ превкусное. Живущіе у моря Каспія подданные нашего царя отличные рыболовы. На продажу «остроносыхъ» они приготовляютъ особымъ способомъ, солятъ и сушатъ, потомъ нагружаютъ ими цѣлые тюки и караванами верблюдовъ развозятъ ихъ по Арменіи, Месопотаміи и до самой Экбатаны. Изъ рыбьяго жира Каспіи приготовляютъ мазь, чистую какъ слеза, и намазываютъ ею свои тѣла. Внутренности «остроносыхъ» они потрошатъ, потомъ варятъ, и изъ этого получается великолѣпный клей. Клей этотъ чрезвычайно прочно скрѣпляетъ все, что клеятъ имъ. Онъ пристаетъ до того крѣпко, что если взять какой-либо предметъ, имъ склеенный, и держать въ водѣ хоть 10 дней, то все же клей не распустится и не отстанетъ. Рабочіе пользуются имъ при выдѣлкѣ изъ слоновой кости разныхъ очень хорошихъ вещей **).

— Я знаю этотъ клей,—сказалъ Ауфидій,—онъ и до Рима доходитъ.

Между тѣмъ легіоны мѣрно подвигались впередъ въ виду безмолвно глядѣвшихъ на нихъ слѣва причудливыхъ и грозныхъ

---

*) Вѣроятно, рѣчь идетъ объ осетрахъ и бѣлугахъ.
**) Эллiанъ,—«De natura animalium», XVII, 31—32.

великановъ съ снѣжными шапками на головахъ, великановъ, которые съ самаго появленія своего на свѣтъ, съ самаго сотворенія невѣдомой силой земли, поддерживающей ихъ, не видали въ разстилавшихся у ихъ подножія равнинахъ такихъ стройныхъ рядовъ невѣдомыхъ воиновъ, не слышали такого бряцанія оружія, не видѣли этихъ блестящихъ шлемовъ и панцырей... Что это?.. Кто эти люди? Откуда?..

— Судя по тому, что писалъ когда-то эллинскій полководецъ Ксенофонтъ въ своемъ »Anabasis«, — снова заговорилъ Ауфидій,—въ Арменіи и простые, сельскіе жители живутъ въ полномъ изобиліи. Вездѣ, куда онъ ни приходилъ со своими воинами, армяне, простые армяне, угощали его и его воиновъ въ изобиліи бараниной, козлятиной, свининой, телятиной, курами, пшеничнымъ и ячменнымъ хлѣбомъ. А если кто-нибудь хотѣлъ пить за здоровье другого, то его тащили къ глиняному кувшину, изъ котораго тотъ и долженъ былъ, нагнувшись, «тянуть побычачьи», какъ выражается Ксенофонтъ *).

— О, насчетъ всякой живности и питья, то у насъ этого вдоволь,—замѣтили купцы.

— Такъ, такъ,—качалъ головою, по привычкѣ, Ауфидій.— А вотъ они живутъ въ подземельяхъ, Ксенофонтъ въ томъ же «Anabasis» 'ѣ говоритъ, что жилища ихъ находятся подъ землей, и входятъ въ нихъ, точно въ отверстіе колодцевъ, внутри же эти жилища просторныя. Тамъ же у нихъ и домашній скотъ: быки бараны, козы, куры, свиньи, только для нихъ прорытъ пологій входъ, и тамъ же и сѣно для скота... Воображаю, какой тамъ воздухъ и какая чистота!

— Да это только зимой, господинъ

— А между тѣмъ въ этихъ подземельяхъ пропасть вина въ огромныхъ глиняныхъ кувшинахъ, а на поверхности вина плаваютъ зерна ячменя въ уровень съ краями кувшиновъ, и тамъ же навалены дудочки изъ камыша: кто захочетъ напиться вина, тотъ беретъ въ ротъ дудочку и потягиваетъ черезъ нее винцо.

— Такъ, такъ, господинъ.

— А что это у васъ тамъ за камень, о которомъ говоритъ эллинскій писатель Эвдоксъ, что этимъ камнемъ рѣжутъ и бурабятъ печати?

---

*) Anabasis, IV, 5.

— Это, господинъ, драгоцѣнный камень для перстней и печатей *).

Любознательность Ауфидія и этимъ не была удовлетворена. Посмотрѣвъ на своихъ собесѣдниковъ, онъ замѣтилъ:

— Да вѣдь вы одѣты не по-армянски. Одежда армянъ походитъ на ѳессалійскую, я на нее насмотрѣлся: длинные хитоны, опоясанные вокругъ груди, и верхній коротенькій плащъ **).

— Вѣрно, господинъ; но мы въ одеждѣ странствующихъ въ Индіи купцовъ.

— Еще я замѣтилъ, что армяне хорошо ѣздятъ на лошадяхъ и превосходные стрѣлки ***).

— Точно, господинъ: съ дѣтства мечутъ стрѣлы въ птицу и звѣря.

А легіоны все двигались мѣрнымъ шагомъ. Было тихо кругомъ. Надъ легіонами кругами плавали въ воздухѣ орлы. Ихъ поражало это невиданное движеніе массъ.

Откуда-то, со степи, доносилось монотонное, заунывное пѣніе.

Ауфидій внимательно прислушивался къ странному пѣнію. Ему все нужно было знать.

— Кто же это поетъ?—спросилъ онъ.

— Народъ утіи тутъ недалеко кочуютъ, такъ они поютъ.

Старикъ, видимо, скучалъ отъ однообразія пути и потому постоянно болталъ.

— Я завидую вашимъ волосамъ,—говорилъ онъ.—У армянъ нѣтъ совсѣмъ лысыхъ, а у насъ то и дѣло видишь голые черепа ****).

— Такъ судили боги: ваши—вамъ, наши—намъ. А кто же смертный можетъ вѣдать волю безсмертныхъ боговъ?

— Справедливо судите,—согласился Ауфидій,—кто постигнетъ волю безсмертныхъ!

Въ это время завыли трубы, сигналъ роздыха.

---

*) Εὐδώξος fragm 9. — Περίωδος —Коммен. Евстафія къ Діонисію Періегету, 634. Не бирюза ли это?

**) Страбонъ, XI, 12.

***) Claulius Claudianus, VIII, 530.

****) Claudius Claudianus. «De consulatu Stilichonis», XXI.

XXIX.

Много дней нужно было употребить войску Помпея для перехода отъ устьевъ Алонтаса, нынѣшняго Терека, къ устьямъ Гипаниса, нынѣшней Кубани. Много нужно было имѣть энергіи и выносливости, чтобы одолѣть эту безконечную пустыню на протяженіи не одной тысячи верстъ и найти пропитаніе среди безлюдныхъ степей, гдѣ только колыхалась степнымъ вѣтеркомъ отъ вѣка никѣмъ не тронутая трава, да около рѣкъ шептались непролазные камыши, своею могучею растительностью не уступавшіе исполинскимъ тростникамъ Нила, и гдѣ только птицы да орлы горъ Кавказа оживляли безмолвную, величавую въ своемъ безмолвіи природу.

Но то были римляне, удивительный въ исторіи всего міра народъ, для котораго на всемъ земномъ шарѣ не было ничего невозможнаго. Эти безмолвныя безбрежныя степи, эти лѣса прибрежныхъ камышей давали легіонамъ Помпея и пріютъ, и пропитаніе: драхвы и другія птицы степей, дикіе кабаны камышевыхъ зарослей, степныя газели, дикія козы, сайгаки—все это предоставляло для продовольствія римскаго войска образцовое интендантство самой природы.

По вечерамъ, послѣ дневныхъ переходовъ подъ знойнымъ солнцемъ пустыни, зажигались сотни костровъ, сначала на берегахъ Алонтаса и нынѣшней Малки, потомъ на берегахъ Гипаниса, и въ походныхъ котлахъ закипали варева съ обильнымъ приваркомъ изъ мяса газелей и козъ, а на громадныхъ желѣзныхъ вертелахъ шипѣли туши жирныхъ кабановъ и сайгаковъ, въ то время когда, по-легіонно, хоры воиновъ оглашали воздухъ пустыни пѣснями далекой родины, пѣснями самнитянъ и вольсковъ, древними пѣснями этрусковъ, и къ мелодіи этихъ пѣсенъ прислушивалась краснорѣчивая въ своемъ величавомъ безмолвіи пустыня.

— Чѣмъ наши пиры бѣднѣе пировъ Лукулла?—говорилъ Помпей, нацѣживая изъ бурдюка въ чашу Ауфидія вино погребовъ Тиграна изъ Артаксаты.—Не достаетъ только гетеръ.

— Но намъ невидимо прислуживаетъ сынъ Троса, богоравный златовласый Ганимедъ, виночерпій боговъ,—мечтательно возражалъ старый Ауфидій.—Я чувствую вѣяніе его крыльевъ

въ этомъ дыханіи вѣтерка пустыни, слышу плесканіе Наядъ въ тихомъ журчаніи рѣчной воды.

— Неисправимый мечтатель!—улыбается Помпей, прислушиваясь къ пѣснямъ старой Этруріи.—Что-то теперь подѣлываетъ Крассъ, Лукуллъ, Цицеронъ, Катилина и молодой Цезарь, съ которыми я передъ отъѣздомъ на Востокъ въ послѣдній разъ пировалъ у Лукулла въ виду дымящагося Везувія?

— Готовятъ невидимый доселѣ Римомъ тріумфъ побѣдителю Митридата, борцу за всемірное владычество,—промолвилъ Квинтъ Теофанъ, обгладывая кость молодого, жирнаго сайгака.

— О, Митридатъ!—проговорилъ Помпей.—Я благодаренъ ему за то, что онъ далъ мнѣ возможность побродить по невиданнымъ странамъ Востока, возлежать вотъ здѣсь, у костра...

— Дымъ котораго, какъ ѳиміамъ куреній, возносится къ престолу божества, — торжественно и молитвенно возгласилъ Ауфидій.

— Выпьемъ же за здоровье Митридата, царя Понта и Босфора!—предложилъ Помпей.

— И плѣнника въ тріумфальномъ шествіи Помпея!—дополнилъ Квинтъ Теофанъ.

Трапезующіе выпили.

— Съ какимъ удивленіемъ смотритъ теперь съ высокаго темнаго неба безсмертная дочь Гиперіона и Тейи, младшая сестра лучезарнаго Геліоса, видя насъ въ пустыняхъ Скиѳіи, куда не достигалъ и Александръ, сынъ Филиппа,—восторженно произнесъ Ауфидій, указывая на тихо плывшую по небу луну.

— О, да! Сколько десятковъ разъ кроткая Селена мѣняла свой ликъ съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили державный Римъ!—вторилъ Ауфидію Эмилій Сампитъ, слѣпо вѣровавшій, что Селена, дѣйствительно, взираетъ съ неба на костры римлянъ въ пустыняхъ Скиѳіи.

— Да, не одну и не двѣ сотни разъ и лучезарный Геліосъ погружался на покой въ волны далекой Атлантіи,—подтвердилъ Ауфидія и старый Корвусъ, невольно воспоминая безлунныя ночи во время похода подъ Нуманцію съ Сципіономъ и молодыми тогда Маріемъ и Югуртою.

Вспомнивъ это, старикъ задумался надъ участью смертныхъ въ загробномъ мірѣ.

— Гдѣ-то теперь нетлѣнныя души моихъ бывшихъ начальниковъ Сципіона и Марія?—вздохнулъ онъ со старческою грустью.

— Въ Аидѣ онѣ, откуда уже нѣтъ возврата черезъ огненный Флегетонъ и мутныя волны Леты,—сказалъ авторитетно Ауфидій.

— А прахъ Сципіона покоится со слезами плакальщицъ въ урнѣ, въ фамильномъ колюмбаріѣ Сципіоновъ; прахъ же Марія развѣянъ по вѣтру Суллою, и только частица его великой души осталась на развалинахъ Карѳагана, гдѣ эта великая душа такъ много выстрадала,— съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ Помпей.

— Выпьемъ же за душу, за кровавую память Марія!—предложилъ Квинтъ Теофанъ и коснулся своею чашей чаши Помпея.

Пѣсни смолкли. Послѣ утомительнаго дневного перехода и послѣ сытнаго ужина воины давно спали, и слышалось только однообразное стрекотаніе цикадъ пустыни.

— Говорятъ, мертвая пустыня, безъ городовъ и людей, мертвая ночь, молчаніе ночи,—разсуждалъ самъ съ собой Ауфидій.— А этотъ говоръ цикадъ, это Дріады своими голосами оживляютъ молчаніе ночи... мнѣ слышатся тысячи голосовъ, и эти голоса, голоса невидимыхъ боговъ, которые сливаются съ природою, съ этою ночью... Ночь говоритъ, молчаніе ночи говоритъ моей душѣ... Кроткая Селена! Тебѣ эти гимны цикадъ, гимны ночи.. Это земля дышетъ могучими легкими...

— Святой ребенокъ!—положилъ ему руку на плечо Помпей.—Видятъ боги, что я завидую тебѣ, я, съ моими заботами... Тебѣ—вся вселенная, мнѣ Римъ—и его слава, его міровое владычество, чтобы senatus populusque romanus твердо увѣренно могли воскликнуть urbi et orbi: нашъ orbis terrarum, нашъ міръ, нашъ Египетъ, наша Галлія, наша Сирія и Іудея, все наше подъ солнцемъ!

— Но ты прислушайся къ говору ночи,—перебилъ его Ауфидій.—Развѣ ты не слышишь, что Дріады голосомъ цикадъ говорятъ: «все покорно Риму, даже хабарены»...

— Кто такіе хабарены?—спросилъ удивленный Помпей.

— Хабарены, Χαβαρηνοί, это каннибалы, которые, если вѣрить Эвдоксу, пожираютъ сырыми груди плѣнныхъ женщинъ, а для дѣтей этихъ женщинъ устраиваютъ пиршества *).

---

*) Εὐδῶξη . Fragmentum 12.

Въ это время къ Помпею подошли армянскіе купцы.

— Мы должны предупредить тебя, господинъ, что завтра мы вступимъ въ земли, населенныя сарматами,—почтительно сказалъ одинъ изъ нихъ,—это кочующее племя сираковъ, которые хотя не знаютъ еще употребленія желѣза, все-таки довольно опасные наѣздники. Мы заручались обыкновенно ихъ расположеніемъ тѣмъ, что давали ихъ царю и другимъ вождямъ подарки, нѣсколько кусковъ индѣйскихъ тканей для ихъ женъ, и они насъ не трогали. Хотя они для твоихъ непобѣдимыхъ воиновъ и не опасны, но все же осторожность съ варварами никогда не бываетъ лишнею.

— Благодарю васъ за предупрежденіе,—сказалъ Помпей.— но что это за народъ? Какое ихъ вооруженіе, если они не знаютъ употребленія желѣза?

— За неимѣніемъ желѣза, господинъ, сираки дѣлаютъ изъ костей очень острые наконечники для своихъ копій, а лукъ и стрѣлы изъ очень твердаго дерева, а острія къ стрѣламъ вытачиваютъ тоже изъ костей.

— Но въ чемъ они особенно большіе мастера, это въ изготовленіи латъ или панцырей,—сказалъ другой купецъ.—Они замѣчательные наѣздники, и у нихъ большіе табуны лошадей, мясомъ которыхъ они питаются и лошадей же приносятъ въ жертву своимъ богамъ, сохраняя только копыта. Копыта эти они собираютъ, и, вычистивъ и отполировавъ лучшія изъ нихъ, дѣлаютъ изъ копытъ нѣчто вродѣ змѣиной чешуи или зеленой сосновой шишки, потомъ прокалываютъ ихъ острымъ шиломъ и сшиваютъ сухими лошадиными или воловьими жилами, и потомъ употребляютъ ихъ въ качествѣ панцырей. Панцыри эти очень красивы и такъ крѣпки, что не уступаютъ ни римскимъ, ни греческимъ и нисколько не портятся, когда въ битвѣ въ нихъ попадаютъ стрѣлы или метательное копье. Этихъ варваровъ много въ войскѣ Митридата.

— Интересно видѣть этихъ варваровъ, не знающихъ употребленія желѣза,—сказалъ Помпей.

— И взять нѣкоторыхъ въ плѣнъ, чтобы украсить ими твой тріумфъ въ Римѣ,—добавилъ Квинтъ Теофанъ.

Луна поднялась уже очень высоко, и весь станъ римлянъ погрузился въ сонъ подъ неумолчное, монотонное и убаюкивающее стрекотаніе цикадъ.

Слышно было только, какъ верблюды аоросовъ пережевывали свою жвачку, да въ прибрежныхъ камышахъ Гипаниса глухо стопала птица выпь.

XXX.

О Фанагоріи, нынѣ Тамань, куда Помпей слѣдовалъ съ своими легіонами, сохранились интересныя свѣдѣнія у греческихъ и римскихъ писателей.

Арріанъ Никомидійскій говоритъ, что города Фанагора Φαναγόρα и Гермонасса, сосѣдній съ Фанагорой городъ, обѣ колоніи іонянъ, которыхъ привелъ туда Фанагоръ Гермоонъ (отсюда Ερμωνασσα) и отъ нихъ эти города получили свое названіе. Другой же Арріанъ, авторъ книги «Periclus», утверждаетъ, что Фанагорія Φαναγόρεια была основана Фэнагоромъ, который бѣжалъ отъ надменности персовъ. Гермонасса же получила свое названіе отъ Гермонассы, жены какого-то жителя Митилены, Семандра, который уговорилъ нѣсколькихъ эолійцевъ выселиться туда и умеръ во время основанія города, жена же его послѣ этого овладѣла городомъ и дала ему свое имя *).

Гекатей, жившій около 550 лѣтъ до Р. Х., говоритъ, какъ и Арріанъ Никомидійскій, что Фанагорія лежитъ на островѣ Фанагорѣ, и что въ этомъ городѣ находится Апатурюнъ, храмъ Афродиты у Аантурской бухты **).

У Страбона читаемъ, что Фанагорія очень значительный городъ и около него Апатурнъ (Απάτουρον)—храмъ Афродиты. Городъ лежитъ на полуостровѣ, а не на островѣ, какъ у Гекатея ***).

Плиній, описывая берега Босфора, тоже указываетъ мѣстность Фанагоріи, а объ Апатурѣ съ храмомъ Афродиты говоритъ, что это «почти заброшенный городъ» ****).

У Амміана Марцеллина сказано, что на азіатской сторонѣ Пантикапейскаго пролива (Panticapes angustiae) лежатъ острова Фанагоръ и Гермонасса (insula Phanagorus et Hermonassa) обстроенные греками *****).

---

*) Арриан. Νικομήδ;—Müller, Fragm, hist. graec. III. Εὐδταδ., 212.
**) Гекатей fragmenta 164, 165. — У Скилокса Каріандтскаго — Φαναγόρου πόλις (Σκύλ καριανδ., § 72).
***) Страбонъ, XI, 2, 3.
****) Plinii «Historia naturalus», VI. 5, 6.
*****) Ammianus Marcellinus, 30.

Этотъ же писатель, говоря о Фанагоріи, поясняетъ, что вокругъ Меотійскаго моря живетъ множество народовъ, отличающихся разнообразіемъ языковъ и внутренняго строя: jaxamatae, jazyges roxolani, halani, melanchlenae, gelanes agathyrsi и maeotae.

Вотъ на землѣ этихъ меотовъ, на правомъ берегу рѣки Гипанисъ, не далеко отъ впаденія ея въ море ниже Фанагоріи, черезъ нѣсколько недѣль послѣ роздыха легіоновъ Помпея, описаннаго въ предыдущей главѣ, въ густомъ лѣсу, примыкавшемъ къ берегамъ Гипаниса, слышенъ былъ дружный стукъ топоровъ.

Это легіоны Помпея строили себѣ плоты, на которыхъ имъ прдстояло осаждать Фанагорію. Работа подвигалась быстро. По мѣрѣ изготовленія плотовъ, они спускались на рѣку и сплетенными изъ молодого гибкаго лозняка канатами придерживались у берега. Другіе воины строили осадныя лѣстницы, выстругивали весла, шесты и рули.

Помпею было извѣстно, что Митридатъ съ своимъ флотомъ и союзниками отплылъ къ Синопу, своей южной столицѣ, будучи введенъ въ обманъ распущенными Сервиліемъ чрезъ албанцевъ слухами, будто бы Помпей и его легіоны вторглись въ Понтійское царство.

— Пока онъ узнаетъ свою ошибку и будетъ поспѣшать сюда, мы успѣемъ взять на копье и Фанагорію, и Пантикацею,— говорилъ Помпей своимъ приближеннымъ.

— Мнѣ говорили греки, посѣщавшіе по торговымъ дѣламъ Фанагорію, что въ этомъ городѣ есть прекрасный храмъ Афродиты,—сказалъ на это Ауфидій,—такъ если боги помогутъ намъ взять Фанагорію, мы должны будемъ принести благодарственныя жертвы этому божеству.

— Не мѣшаетъ передъ выступленіемъ принести жертвы также сыну Юпитера и Юноны, Марсу вмѣстѣ съ Беллоною,—добавилъ Эмилій Самнитъ.

Скоро, однако, плоты были изготовлены для всѣхъ легіоновъ, и своеобразная флотилія, вытянувшись вдоль Гипаниса, понесла римское войско къ морю.

Хотя плоты медленно двигались, выйдя въ море, однако черезъ нѣсколько дней Помпей обложилъ Фанагорію, въ которой почти совсѣмъ не было войска, и потому, когда римляне по приставленнымъ къ стѣнамъ осаднымъ лѣстницамъ взошли на

вершину стѣнъ и словно кольцомъ охватили городъ, фанагорійцы, народъ исключительно торговый, потребовали отъ городскихъ властей покорности. Ворота Фанагоріи раскрылись, и архонтъ города, сопровождаемый другими властями, вынесъ на золотомъ блюдѣ ключи акрополя, гдѣ хранились сокровища Митридата.

— Фанагорія, эллинская колонія, много вѣковъ была свободнымъ городомъ,—сказалъ архонтъ.—Оружіе Митридата лишило ее этой, драцѣнной для всѣхъ смертныхъ, свободы. Теперь же безсмертнымъ богамъ угодно было вырвать нашъ городъ оружіемъ великаго Помпея изъ рукъ Митридата, и Фанагорія съ радостью отдается подъ эгиду державнаго Рима.

— Senatus populusque romanus, сенатъ и народъ римскій предоставили мнѣ право брать подъ эгиду Юпитера Капитолійскаго всѣ страны, города и народы, какіе только добудетъ мечъ державнаго Рима,—сказалъ Помпей, принимая ключи акрополя Фанагоріи.—Я оставлю неприкосновенными частныя имущества и богатства вашего города, а то, что принадлежало Митридату, какъ автократу Фанагоріи, должно принадлежать Риму, автократу всего міра *).

Архонтъ и власти города почтительно поклонились, обрадованные великодушіемъ побѣдителя.

— Фортуна, богиня счастія и несчастія, сняла на этотъ разъ повязку съ своихъ божественныхъ очей,—сказалъ архонтъ по-римски,—она дала возможность достойному мужу, своему любимцу Помпею, Pompejo suo, добыть въ Азіи довольно и почестей, какъ царю царей, и славы, какъ непобѣдимому вождю Рима **).

Отправившись вмѣстѣ съ архонтомъ и другими властями города, въ сопровожденіи квесторовъ и легатовъ, въ акрополь Фанагоріи, въ величественный дворецъ Митридата, Помпей приказалъ собрать всѣ сокровища понтійскаго царя, золото, серебро, золотые и серебряные сосуды, дорогую утварь и драгоцѣнные камни и снести все на свой плотъ, какъ собственность казны, аурарія ***).

Между тѣмъ архонтъ распорядился почтить побѣдителей пиршествомъ отъ города.

---

*) Аппіанъ.—«Proemium», 113.
**) Elori «Bellum mithridaticum». XXXVIII, 66, 2.
***) Παυζάν. Περιγ. I, 21, 5.

Помпея, квесторовъ и легатовъ архонтъ угощалъ во дворцѣ Митридата, а прочіе римскіе воины съ своими центуріонами приняли предложенную обильную трапезу на городской площади. Надъ трапезующими возвышались легіонные орлы.

— Эвое Бахусъ, сынъ Зевса и Семелы!—раздавались на площади голоса пирующихъ.

— Эвое Семела, дочь Кадма и Гармоніи!—подхватывали другіе.

— Эвое Помпей, императоръ, мечъ державнаго Рима!

— Надо угостить и варваровъ-сарматовъ, взятыхъ нами въ заложники,—сказалъ одинъ центуріонъ III-го легіона,—они намъ будутъ полезны на обратномъ пути черезъ пустыню, потому что у насъ уже не будетъ тамъ проводниковъ аорсовъ съ ихъ верблюдами.

— Угостить, угостить!—раздались голоса.

Рѣчь шла о тѣхъ сарматахъ, черезъ страну которыхъ проходили легіоны, слѣдуя къ Фанагорію, и у которыхъ такіе оригинальные панцыри изъ конскихъ копытъ, описываемые Павзаніемъ Періегетомъ *).

Скоро къ пирующимъ приведены были и сарматы съ ихъ красивыхъ панцыряхъ, съ луками и колчанами за плечами и неразлучными арканами изъ волосъ конскихъ хвостовъ.

Сарматы держали себя гордо, какъ дѣти царской крови.

Въ это время къ пирующимъ воинамъ вышелъ изъ акрополя Помпей съ квесторами и легатами.

— Эвое императоръ-побѣдитель! — восторженно встрѣтили его воины.

— На щиты! На щиты непобѣдимаго!—подхватили другіе.

Сложивъ щиты и образовавъ изъ нихъ родъ площадки, воины преклонились передъ Помпеемъ, который и вступилъ на щиты, опираясь на древко легіоннаго орла. Другіе воины, подхвативъ площадку изъ щитовъ своими копьями, высоко подняли стоявшаго на ней полководца.

— Да здравствуетъ дорифоросъ («дориносимый»—копьеносимый) царь царей!—воскликнулъ архонтъ.

Всѣ легіоны ударили копьями въ щиты. Точно волна пробѣжала по площади.

— Эвое дорифоросъ! Эвое царь царей!

---

*) «Помпей» Плутарха, гл. XXXVI.

Когда возгласы смолкли, Помпей обратился къ легіонамъ:

«Римляне! Ваши подвиги достойно оцѣнятъ сенатъ и народъ римскій! А теперь на Пантикапею, на Митридата! За всемірное владычество!»

И его на щитахъ вынесли изъ города.

XXXI.

Пантикапея была такъ же легко взята Помпеемъ, какъ и Фанагорія.

Но здѣсь, когда римляне, по повелѣнію своего вождя, выносили изъ дворца Митридата всѣ сокровища, Помпея особенно заинтересовала богатая библіотека понтійскаго царя.

Гдѣ же, однако, былъ тотъ, въ сѣверныхъ резиденціяхъ котораго такъ безцеремонно хозяйничали теперь римляне?

Обманутый коварнымъ Помпеемъ, ложно извѣстившимъ Митридата, будто римскій флотъ ночью ускользнулъ изъ устьевъ Фазиса и направился громить южную столицу Понта и опустошать владѣнія Митридата, послѣдній бросился спасать и то, и другое, пылая гнѣвомъ на свою мнимую оплошность.

Но прибывъ къ Синопу, онъ, къ вящей ярости своей, не нашелъ тамъ ни римскаго флота, ни римлянъ. Тогда онъ рѣшилъ выместить свою обиду на измѣнившемъ ему царѣ Арменіи. Высадившись въ Синопѣ, Митридатъ, чтобы обойти квартировавшія въ Малой Арменіи римскіе когорты съ квесторомъ Афроніемъ, двинулся съ войскомъ черезъ Галатію и Каппадокію прямо къ южной столицѣ Арменіи, Тигранопертѣ.

Какъ ни труденъ былъ этотъ переходъ, однако, воины его съ боевыми колесницами и конныя амазонки съ Клеопатрою во главѣ преодолѣли всѣ трудности.

Скоро Клеопатра увидѣла знакомыя мѣста, черезъ которыя войска ея отца возвращались послѣ битвы съ хвастливымъ Лукулломъ.

— Тамъ,—обратилась она къ отцу, указывая концомъ копья на югъ,—я отмстила мою херонейскую рану.

— Да, я тогда видѣла, проѣзжая мимо, что твое копье, какъ вертено, торчало изъ глаза у убитаго тобою римскаго легата,— сказала молоденькая любимица Клеопатры, амазонка Ирена, дочь виночерпія Мосхина.

Оруженосецъ Митридата, великанъ скиѳъ Яръ, правя колесницей своего царя, громко, добродушно разсмѣялся.

— Теперь, царевна, тебѣ можно ужъ и замужъ выйти,— сказалъ онъ.

— Почему же это такъ, Яръ?—удивилась Клеопатра.

— А какъ же, царевна!—отвѣчалъ скиѳъ.—У амазонокъ такой законъ: до тѣхъ поръ амазонка не можетъ выйти замужъ, пока она не убьетъ хоть одного врага *).

— Я хоть и сто ихъ убью, а все-таки не выйду ни за кого!— гордо воскликнула Клеопатра.—Я хочу сама быть госпожей, а не рабыней.

Митридатъ весело разсмѣялся.

— Какая гордая у меня дочка,—сказалъ онъ.—Такъ я отдамъ тебя замужъ за царя тибиреновъ: у нихъ такой обычай, что когда жена родитъ дитя, то мужъ ложится въ постель, повязываетъ голову по-женски и стонетъ, а жена должна ухаживать за нимъ, какъ за родильницей, и устраивать для него купанья, назначенныя послѣ родовъ **).

— Какая гадость, отецъ!—презрительно пожала плечами Клеопатра.—Готовить купанья! И не стыдно говорить тебѣ это, отецъ!

Между тѣмъ вѣсть о движеніи Митридата къ Тигранацертѣ давно долетѣла до этого города. Тигранъ понялъ, что тесть идетъ наказать его за подчиненіе Арменіи Помпею. Сопротивленіе такому грозному врагу, какъ Митридатъ, немыслимо. Оставалось одно, униженно умолять этого страшнаго соперника Рима о помилованіи.

Помилованіе. Неужели же грозный тесть не сжалится надъ ни въ чемъ неповинною Калліопою, своею дочерью, и надъ ея дѣтьми, своими внучатами?.. Калліопа должна выплакать у отца это помилованіе.

Надо рѣшиться на все... Надо испить чашу униженія... Подобно щенку, падающему на землю передъ большою собакой, придется царю Великой и Малой Арменіи повергнуться въ прахъ предъ грознымъ царемъ Понта... Но только не передъ своимъ народомъ... это былъ бы позоръ... Арменія отвернулась бы отъ

---

*) Геродотъ, IV, 114.

**) Тибирены— τιβαρηνοί —у Нимфодора Сиракузскаго (Νυμφόδωρος Εὐζαν. fragm. 15) и Аполлонія Родосскаго (Argonatrica, II, 970).

своего царя и, по вѣковѣчному обычаю Востока, побила бы своего повелителя камнями...

И Тигранъ, взявъ жену и самаго маленькаго, грудного сына, Митридатика, выѣхалъ на пароконной колесницѣ изъ Тигранацерты на встрѣчу грозному гостю, захвативъ, тайно, для себя и для жены нищенскія рубища.

Они выѣхали изъ города безъ возницы и, отъѣхавъ нѣсколько стадій, свернули въ лѣсъ, гдѣ, привязавъ къ стволу дерева коней, сняли съ себя царскія одѣянія, сандаліи и головныя украшенія, и облеклись въ рубища.

Повѣсивъ на шею свой мечъ, въ знакъ того, что виновный отдаетъ свою голову на отсѣченіе, Тигранъ и Калліопа съ младенцемъ на рукахъ, босые, пошли навстрѣчу приближавшемуся съ войскомъ Митридату.

Издали увидѣвъ гигантскую фигуру понтійскаго царя на колесницѣ, вооруженной косами, Тигранъ повергся ницъ на землю, а Калліопа упала на колѣни, поднявъ надъ собою плачущаго Митридатика.

— Боги, безсмертные боги, и великій, грозный отецъ, сжальтесь надъ ребенкомъ, въ жилахъ котораго течетъ кровь дочери Понта!—громко вопила Калліопа при приближеніи отца.

Тигранъ лежалъ безъ движенія, словно мертвый.

Митридатъ сошелъ съ колесницы, приблизился къ Тиграну и поставилъ правую ногу на голову распростертаго царя Арменіи.

— Пощади, отецъ, пощади ради Калліопы и твоего внука!—бросилась на шею отцу Клеопатра.

— Прощаю... Встань!—сказалъ Митридатъ.

Примиреніе совершилось.

XXXII.

Уже въ Тигранацертѣ къ Митридату пришло извѣстіе, что его любимыя сѣверныя резиденціи покорены и ограблены Помпеемъ. Тамъ же онъ узналъ, что его могущественный противникъ съ добычею возвращается черезъ пустыни Сарматіи къ Гирканскому морю, къ своему флоту, чтобъ переправивъ его посуху въ Понтъ Эвксинскій, вторгнуться въ Синопъ и опустошить все понтійское царство.

Эти извѣстія привели его въ такую ярость, что онъ тотчасъ

же приказалъ Тиграну предупредить царя гирканов своего сосѣда, чтобы онъ, въ союзѣ съ Митридатомъ, напалъ на Помпея, когда онъ, возвращаясь Гирканскимъ моремъ, высадится у устьевъ рѣки Кира, нынѣ Куры *).

Войско Митридата, отправившееся отъ сѣверныхъ границъ Гирканіи къ устьямъ Кира, было, можно сказать, безчисленное. Впереди выступали гирканы въ качествѣ развѣдчиковъ съ своими умными псами, которые, вполнѣ сознавая свои служебныя обязанности, бѣжали далеко впередъ войска, нюхая воздухъ и заглядывая въ каждый кустикъ, въ каждую норку.

По обоимъ флангамъ ѣхали амазонки, любуясь развѣдочною службою собакъ, которыя скоро освоились съ женскою кавалеріей, понимая, что это союзники гирканов, ихъ хозяевъ.

Не легокъ, однако, былъ этотъ путь для войска Митридата. Много пришлось употребить времени, чтобы одолѣть безконечное пространство отъ Тигранокерты сначала до границъ Гирканіи, а оттуда, черезъ степи и горы, до устьевъ Кира.

— Съ такимъ войскомъ, отецъ, какое у тебя теперь, можно покорить весь міръ, — сказалъ Тигранъ, обозрѣвая съ одного возвышенія несмѣтныя полчища, двигавшіяся вдоль западнаго берега Гирканскаго моря.

— Мнѣ это и обѣщали боги устами дельфійскаго оракула,— возразилъ Митридатъ.

— Но прежде надо раздавить голову міровой змѣи,—сказалъ Гай Постумъ,—змѣю убиваютъ только въ голову.

— Это Римъ, благородный Гай?—спросилъ Тигранъ.

— Да, я знаю его могущество... Западъ онъ уже весь покорилъ вплоть до Геркулесовыхъ столбовъ и Атлантиды, а теперь глядитъ на Востокъ... Если Митридатъ не раздавитъ головы змѣи, то она проглотитъ, какъ удавъ кролика, Парѳію, Сирію, Іудею и Египетъ.

---

*) О гирканахъ мы находимъ свѣдѣнія: 1) у Помпонія Мела («De situ orbis libri», III, гл. I, 2); у Плинія («Historia naturalis», VI, 15, 1); 3) у Іосифа Флавія («Іудейскія древности», II, 16, 4); 4) у Діонисія Періегета («Orbis descriptio», 679); 5) у Вибія Секвестра (Vibii Saquestri «De fluminibus, fontibus, lacubus, memoribus, paludibus, montibus, gentibus», etc. 15, 1); 6) у Эліана («De natura animalium», VII, 35), который говоритъ, что «вмѣстѣ съ гирканами обыкновенно отправлялись на войну также и ихъ собаки, и были тамъ для нихъ союзниками и помощниками».

— Подавится... Ее ждетъ не кроликъ, а левъ, — показалъ глазами Тигранъ на Митридата.

Въ это время среди гирканов произошло какое-то движеніе.

— Что тамъ? — спросилъ Митридатъ своего оруженосца, скиѳа Яра. — Возьми коня и скачи къ передовымъ рядамъ.

Яръ скоро воротился на взмыленномъ конѣ.

— Всѣ собаки убѣжали далеко впередъ,—сказалъ онъ.— Гирканы говорятъ, что онѣ учуяли непріятеля.

Глаза Митридата сверкнули и радостью, и гнѣвомъ.

— Боги посылаютъ, кажется, змѣю на льва, — сказалъ Тигранъ, глядя на Постума.

Клеопатра подскакала къ отцу вся возбужденная.

— Гирканы говорятъ, что непріятель близко, — проговорила она.

— Тѣмъ лучше, — отвѣчалъ Митридатъ. — Но только ты не рискуй, какъ у Херонеи.

— Нѣтъ, отецъ! — гордо возразила дѣвушка. — Я, какъ при Эдессѣ.

Въ это время къ гирканскому царю подскакалъ одинъ изъ его вождей, и сталъ что-то торопливо говорить.

— Что говоритъ онъ? — спросилъ Митридатъ. — Я только этого языка не понимаю, — обратился онъ къ Тиграну, — а тебѣ онъ знакомъ.

— Собаки воротились, отецъ, — говоритъ онъ, — но не лаяли... Онѣ, повидимому, чутьемъ угадали, что непріятель былъ тамъ недавно и оставилъ въ воздухѣ свойственный римлянамъ запахъ, — отвѣчалъ Тигранъ.

— Такъ мы нагонимъ его! — увѣренно проговорилъ Митридатъ.

Дѣйствительно, когда войско прибыло къ устьямъ Кира, то Митридатъ личнымъ осмотромъ мѣстности удостовѣрился, что войско Помпея очень недавно покинуло свой станъ на берегу Гирканскаго моря. Вездѣ валялись рыбьи кости и шелуха. Видны слѣды недавнихъ костровъ. Вдоль праваго берега Кира ясно обозначались отпечатки ногъ, оставленные воинами, очевидно, тянувшими свои суда вверхъ по рѣкѣ бурлацкою лямкой. Брошены были нѣкоторые старые, лопнувшіе бурдюки, въ которыхъ хранилась прѣсная вода во время морского переѣзда.

Поэтому, послѣ достаточнаго роздыха, Митридатъ двинулъ

свое многочисленное войско вверхъ по правому берегу Кира въ погоню за Помпеемъ.

Но Сервилій, наученный опытомъ, устроилъ особое приспособленіе для волока судовъ по-суху. Тамъ, гдѣ уже нельзя было далѣе тянуть корабли по водѣ, и гдѣ приходилось одолѣвать горныя мѣстности, онъ приказалъ воинамъ придѣлать къ днищамъ кораблей вертящіяся катушки, которыя очень облегчали передвиженіе флота по сушѣ.

Съ каждымъ днемъ Митридату казалось, что вотъ-вотъ онъ настигнетъ врага. Но Помпей не давался ему въ руки.

Когда-же войско Митридата достигло Колхиды, то тамъ поразили его три извѣстія: первое — что Помпей, достигнувъ устья Фазиса, былъ встрѣченъ Аристархомъ, поставленнымъ имъ-же царемъ надъ колхами, который передалъ ему трехъ плѣнныхъ вождей иберовъ и дѣтей ихъ царя Артока, а также двухъ плѣнныхъ вождей албанцевъ, которыхъ Аристархъ держалъ въ плѣну до возвращенія Помпея съ Гирканскаго моря, что отъ устьевъ Фазиса Помпей вытребовалъ къ себѣ изъ Артаксаты квестора Афранія съ его когортами, а также съ Тиграномъ Артаксою и его молоденькою женою, бывшею амазонкою, равно съ другими плѣнными амазонками и со всѣми добытыми имъ въ первыхъ двухъ походахъ сокровищами; второе — что Помпей отплылъ съ своимъ флотомъ къ Синопу, гдѣ тоже захватилъ всѣ дворцовыя сокровища Митридата и двухъ его сыновей, царевичей Махара и Клеоника и, по повелѣнію сената, поспѣшилъ чрезъ Пропонтиду и Геллеспонтъ въ Эгейское море, чтобы плыть въ Сирію; и третье — что весь Босфоръ Кимерійскій, подъ предводительствомъ Кастора, архонта Фанагоріи, возсталъ поголовно и свергъ съ себя иго Митридата *).

Понятно, какъ эти извѣстія должны были потрясти гордую душу богатыря-честолюбца, задавшагося вырвать у судьбы всемірное владычество. Но злой рокъ судилъ ему пока иное...

— Пока!—думалъ и самъ онъ. — А Дельфы? Оракулъ... Пифія... Га! Гнусный торгашъ Фанагоріи, Квесторъ, и ты тоже!.. Такъ я-же потушу прежде пожаръ въ Босфорѣ, залью кровью бунтовщиковъ весь Босфоръ, Тавриду... Кровью обмою мраморный храмъ Ифигеніи... Затоплю моремъ дерзкую Фанагорію, и это

*) Аппіанъ.—«Proemium», 108.

море будетъ кровь фанагорійцевъ... Островомъ станетъ полуостровъ Фанагоръ... По крови будутъ плавать торгашескіе корабли ихъ... Судьба, рокъ, фатумъ, фортуна... О, ты, съ повязкою на глазахъ богиня! Я дамъ тебѣ такую пощечину, что повязка слетитъ съ твоихъ глазъ, и ты будешь видѣть, слѣпая, кому расточать свои милости... Выбирай, Помпей или Митридатъ! Элизій или оркъ, Тартаръ!..

Онъ былъ страшенъ... Ни Клеопатра, ни скиѳъ Яръ, ни Гай Постумъ, ни виночерпій Мосхинъ, ни даже старый Фокіонъ не смѣли подступить къ нему.

— Вытребовать тотчасъ сюда навмарха Артоса съ моимъ флотомъ!—сказалъ онъ виночерпію.—Немедленно!.. Пусть гонецъ загонитъ цѣлый табунъ лошадей, только-бъ флотъ мой былъ черезъ два дня здѣсь!

Понтійскій флотъ стоялъ въ это время въ гавани Керазунта, откуда Лукуллъ вывезъ въ Италію первыя вишни.

— Заливъ кровью Босфоръ, Тавриду, я по окрашенному кровью Понту направлю мой «плавающій городъ» на Римъ,— продолжалъ думать обезумѣвшій отъ ярости царь Понта и Босфора.—А разгромивъ гнѣздо орловъ-стервятниковъ съ Капитоліемъ и храмами боговъ, я и въ Сиріи отыщу Помпея... Ты мнѣ полностію заплатишь за все...—грозилъ онъ куда-то кулакомъ.

Флотъ прибылъ въ назначенный день.

Одаривъ золотомъ царя гирканов и его войско и простившись съ Тиграномъ, царемъ Арменіи, Митридатъ посадилъ свое войско на корабли, и отплылъ въ Босфоръ Киммерійскій.

Мы же послѣдуемъ за Помпеемъ.

XXXIII.

Въ Сиріи въ это время находились другіе римскіе легіоны подъ начальствомъ Скавра, Лоллія и Метелла. Они посланы были туда въ виду волненій, потрясавшихъ Іудею и Сирію вслѣдствіе распрей изъ-за іерусалимскаго престола двухъ сыновей, скончавшагося царя Іудеи, Александра, братьевъ Аристовула и Гиркана. Послѣдній призвалъ къ себѣ на помощь изъ каменистой Аравіи царя Арета съ сильнымъ войскомъ *).

*) Іосифа Флавія «Іудейскія древности», кн. XIV, гл. I, 1 — 4; гл. II, 3.

Пока Аристовулъ и Гирканъ боролись въ Іудеѣ, римляне успѣли взять Дамаскъ, а Скавръ съ другимъ легіономъ поспѣшилъ въ Іудею.

Но на дорогѣ къ нему явилось посольство отъ враждовавшихъ братьевъ. Послы Аристовула умоляли Скавра оказать поддержку ихъ господину, за что обѣщали ему взятку-подкупъ въ размѣрѣ четырехсотъ талантовъ. Послы Гиркана обѣщали такую же сумму.

«Но,—говоритъ Іосифъ Флавій,—Скавръ склонился на сторону Аристовула, потому что этотъ былъ и богаче, и великодушнѣе, и менѣе требователенъ, тогда какъ Гирканъ былъ бѣденъ и скупъ, и требовалъ за свое неопредѣленное обѣщаніе гораздо большаго. Въ силу этихъ соображеній онъ склонился на сторону Аристовула, получилъ съ него деньги и освободилъ его отъ осады, при чемъ повелѣлъ Арету удалиться, иначе онъ будетъ объявленъ врагомъ римлянъ».

Наконецъ, прибылъ въ Сирію и Помпей. Стоустая молва разнесла вѣсти о его побѣдахъ по всей Сиріи, Іудеи и Египту. Отовсюду стали являться къ нему посольства съ дарами. Аристовулъ прислалъ дорогой подарокъ, золотой виноградникъ, цѣною въ пятьсотъ талантовъ, о чемъ, кромѣ Іосифа Флавія, упоминаетъ и Страбонъ, говоря, что мастерское произведеніе это художники назвали «Усладинъ».

«Это подношеніе и мы видѣли въ Римѣ,—говоритъ Іосифъ Флавій,—выставленнымъ въ святилищѣ Юпитера Капитолійскаго съ надписью: «Принадлежали Александру, царю іудейскому».

Изъ Египта посольства прибыли съ золотымъ вѣнцомъ стоимостью въ четыре тысячи золотыхъ монетъ.

Немного спустя, опять посольства: отъ Гиркана — Антипатръ, отъ Аристовула—Никодимъ.

— Мой повелитель,—говорилъ послѣдній Помпею,—приказалъ доложить тебѣ, вождь державнаго Рима, что предшественники твои, и Габиній, и Скавръ запятнали римскую честь взяточничествомъ: первый взялъ триста, послѣдній четыреста талантовъ.

— Твое заявленіе, посолъ претендента на іудейскую тетрар-

хію, я не оставлю безъ разслѣдованія,—сказалъ Помпей.—Передай это пославшему тебя. А взаимныя претензіи Гиркана и Аристовула я разберу послѣ, когда они лично явятся ко мнѣ.

И наклоненіемъ головы онъ далъ знать, что аудіенція кончена.

Зима этого года, 63-го до христіанской эры, близилась къ концу, и съ наступленіемъ весеннихъ дней Помпей вывелъ свои войска изъ зимнихъ стоянокъ и двинулся въ область Дамаска.

Дни стояли чудные. Лучи пламеннаго сирійскаго солнца еще не жгли, какъ знойнымъ лѣтомъ, а только ласкали. Легіоны Помпея, отдохнувъ за зиму, смотрѣли бодро, весело. Роскошная природа радовала взоры.

— Какъ милостивы боги въ этой странѣ,—говорилъ старый мечтатель Ауфидій,—хотя обитатели ея и не признаютъ ихъ.

Разговоръ шелъ въ обозѣ съ начальникомъ обоза, старымъ Корвусомъ.

— Какъ не признаютъ боговъ? — удивился послѣдній.— Возможно ли?

— Да, у нихъ свои боги, не наши, а туда, дальше, тамошніе народы, самаряне, галилеяне и іудеи, такъ эти выдумали себѣ бога, у котораго совсѣмъ нѣтъ имени, или они боятся называть его... Впрочемъ, въ какой-то книгѣ я читалъ, что его зовутъ Адонай.

— Такъ, такъ,—обрадовался Корвусъ,—отъ тѣхъ воиновъ іудеевъ, что находились въ легіонѣ Кая Ригора и бѣжали изъ Лаодицеи, чтобы не сражаться противъ соотечественниковъ, я слышалъ имя Адонай.

— Ахъ, да,— перебилъ Корвуса Ауфидій,—это тѣ, что при видѣ снѣжной горы недалеко отъ Артаксаты, упали на колѣни и громко привѣтствовали эту гору... Помню, помню... Послѣ я ихъ спрашивалъ, что это значитъ. Такъ они разсказали мнѣ какую-то сказку, которой они слѣпо вѣрили, будто давно-давно когда-то боги послали на землю всемірный потопъ, а какому-то Ною предварительно сказали, чтобъ онъ построилъ огромный корабль и посадилъ туда съ собой свое семейство и по парѣ и семи паръ всѣхъ животныхъ на разводъ... И вотъ, когда потопъ истребилъ всѣхъ людей и животныхъ на землѣ, этотъ Ной, будто бы, остановился съ своимъ кораблемъ на этой горѣ, которую они называли Араратъ, и когда вода съ земли сошла въ моря, то Ной

самъ вышелъ изъ корабля съ семьей и выпустилъ оттуда всѣхъ животныхъ.

— И львовъ?—съ удивленіемъ спросилъ наивный Корвусъ.

— Конечно, и львовъ.

— Какъ же они его не съѣли?

— Говорю тебѣ, что это сказка... Они, вѣрно, слышали о Девкаліонѣ и спутали, и вышла сказка.

— О какомъ Девкаліонѣ?—спросилъ Корвусъ.—Вѣдь насъ въ казармахъ, кромѣ воинскихъ упражненій, ничему не учили.

— Видишь ли, другъ мой, въ незапамятныя времена жилъ нѣкто Девкаліонъ, сынъ Прометея и мужъ Пирры. Они были люди благочестивые, и боги, разгнѣванные на нечестіе людей, послали на землю всемірный потопъ, чтобъ истребить всѣхъ людей, а Девкаліона и Пирру за ихъ благочестіе пощадили. Такъ вотъ, когда кончился потомъ, Девкаліонъ и Пирра пошли по землѣ и, по наущенію боговъ, бросали черезъ себя камни, и камни эти превращались въ людей.

— Ну, это я понимаю,—согласился Корвусъ;—для боговъ все возможно... А то въ одномъ кораблѣ со львами, тиграми, слонами... Ясно, что сказка... Такъ вотъ отъ этихъ бѣжавшихъ іудеевъ я и слышалъ слово Адонай.

Между тѣмъ легіоны двигались все болѣе на югъ, къ Дамаску.

По дорогѣ,—говорилъ Іосифъ Флавій,—Помпей разрушилъ крѣпость Апамею, которую укрѣпилъ кизикіецъ Антіохъ, и разгромилъ владѣнія Птоломея Меннея, гнуснаго человѣка, который былъ нисколько не лучше своего родственника, обезглавленнаго Діонисія изъ Триполиса, самъ же за свои злодѣянія онъ избѣгъ кары цѣною 10,000 талантовъ, которыми Помпей и выплатилъ жалованье своимъ солдатамъ. Послѣ этого Помпей овладѣлъ Лисіадою, гдѣ властвовалъ іудей Силасъ. Затѣмъ онъ прошелъ черезъ города Геліополь и Халкиду и, перейдя черезъ хребетъ, пересѣкающій Келесирію, черезъ Пеллу достигъ снова Дамаска *).

Тутъ къ грозному вождю Рима явились Гирканъ и Аристовулъ.

Свиту послѣдняго,—говоритъ тотъ же Іосифъ Флавій,—составляли молодые франты, которыхъ пурпуровыя одежды, го-

---

*) Іудейск. древности, кн. XIV, гл. III, 2.

ловныя прически, запястья и прочія украшенія вызывали насмѣшки, такъ какъ эти щеголи явились сюда какъ будто не на судъ, а на какой-то парадъ.

Но прежде враждующихъ за престолъ братьевъ явилась къ Помпею депутація отъ народа, которую полководецъ Рима принялъ ласково.

— Вся Іудея и Самарія возмущены поведеніемъ сыновей Александра,—говорилъ почтенный сѣдой левитъ,—и не желаютъ подчиняться ни Гиркану, ни Аристовулу. Въ нашей странѣ испоконъ вѣковъ существуетъ обычай, въ силу котораго іудеи обязаны подчиняться лишь священнослужителямъ почитаемаго нами Бога. А между тѣмъ, хотя Гирканъ и Аристовулъ и потомки священниковъ, однако, они стараются ввести у насъ другую форму правленія, чтобъ поработить себѣ народъ.

Эта рѣчь, обнаруживавшая смуту въ странѣ, отвѣчала тайнымъ замысламъ римлянина.

— Divide et impera,—думалъ онъ, слушая рѣчь депутаціи,—и я раздѣляю ихъ, и покорю Риму.

Милостиво отпустивъ депутацію и обѣщавъ войти въ положеніе страны, Помпей приказалъ пригласить враждующихъ братьевъ.

Когда они подошли къ лѣстницѣ преторіи, окруженные и сопровождаемые тысячами наиболѣе знатныхъ іудеевъ, Помпей вышелъ къ нимъ, сопровождаемый ликторами и ихъ служебными знаками, пучками палокъ и выступавшими изъ нихъ блестящими сѣкирами.

Въ тысячной толпѣ воцарилось гробовое молчаніе. Да и было отчего! Всѣ знали, что въ безчисленномъ обозѣ этого страшнаго римлянина слѣдуютъ плѣнные цари невиданныхъ народовъ, какія-то удивительныя дѣвы, амазонки, плѣнныя царскія дѣти скиѳовъ и сарматовъ, какіе-то странные люди въ блестящихъ панцыряхъ изъ конскихъ копытъ и несмѣтныя сокровища, добытыя мечомъ этого ужаснаго римлянина.

— Слово принадлежитъ старшему брату, — прозвучалъ съ высоты металлическій голосъ.

Впередъ выступилъ Гирканъ.

— Великій мужъ державнаго Рима!—началъ онъ робко.— Передъ твоимъ лицомъ и предъ всѣмъ іудейскимъ народомъ я обвиняю моего младшаго брата въ томъ, что, хотя я и старше

его, однако, я лишенъ Аристовуломъ права первородства и владѣю небольшою частью страны, тогда какъ всю остальную силою захватилъ Аристовулъ. Аристовулъ же совершаетъ постоянные набѣги на пограничныхъ сосѣдей, а также занимается морскими разбоями, какъ пиратъ. Народъ іудейскій никогда не думалъ бы возстать противъ него, если бы онъ не былъ такимъ своевольнымъ и безпокойнымъ человѣкомъ.

— Правда! Правда! Правда, великій мужъ державнаго Рима!—завопила тысячная толпа, волнуясь и жестикулируя.

Помпей махнулъ рукой, и все смолкло.

Выступилъ впередъ Аристовулъ. Въ его лицѣ, во взорѣ, въ движеніяхъ сказывался пламенный темпераментъ потомка Маккавеевъ. Рѣчь его, собственно тонъ ея и жестикуляція были рѣзки.

— Вождь Рима!—началъ онъ.—Виною потери власти моего брата—его характеръ, его бездѣятельность и, вслѣдствіе этого, отсутствіе авторитетности. Я по необходимости вынужденъ былъ взять власть въ свои руки изъ опасенія, какъ бы не утратить ее совсѣмъ. А теперь я управляю совершенно такъ же и на томъ же основаніи, какъ нѣкогда управлялъ мой отецъ, Александръ. Это ли моя вина!

— Это не вина! Это подвигъ! — подхватили «молодые франты», вызвавъ смѣхъ у сторонниковъ Гиркана.

Помпей нетерпѣливо махнулъ рукой, и опять все смолкло.

— Фактъ насилія, совершеннаго Аристовуломъ, налицо,— сказалъ онъ въ сторону приверженцевъ Гиркана.—Но я лично явлюсь въ вашу страну и данною мнѣ сенатомъ и народомъ римскимъ властью положу окончательное рѣшеніе. Удалитесь же съ миромъ и ждите меня: я скоро буду. Только соблюдайте спокойствіе.

Съ этими словами онъ удалился въ преторію.

XXXIV.

За нѣсколько недѣль до 179-ой олимпіады, въ консульство Гая Антонія и Марка Туллія Цицерона, войско Помпея расположилось около Іерихона, въ долинѣ Іордана, занимая собою десятки верстъ въ окружности, отъ береговъ Іордана и Мертваго или Асфальтоваго моря вплоть до источника пророка Елисея.

Станъ Помпея представлялъ неописуемое зрѣлище. Сотни разбитыхъ палатокъ, осѣняемыхъ стройными финиковыми пальмами, сотни колесницъ и возовъ, составлявшихъ обозъ римлянъ, стада воловъ, перевозившихъ на себѣ этотъ обозъ и стѣнобитныя, страшно тяжелыя орудія, доставленныя сюда изъ самаго Тира, особые шатры для плѣнныхъ амазонокъ, для Тиграна Артаксы съ юною супругою, тоже бывшею амазонкой, шатры для плѣнныхъ царевичей Иберіи, трехъ военачальниковъ иберовъ, двухъ вождей албанцевъ, шатры для скиѳскихъ и сарматскихъ царевичей и скиѳскихъ женщинъ царской крови, пестрый гулъ, волнами носившійся надъ станомъ, ржаніе боевыхъ коней Помпея, легатовъ, квесторовъ и центуріоновъ, все это, подавляя воображеніе неуловимо для описанія.

На берегу Іордана, въ тѣни олеандровыхъ гигантскихъ деревьевъ, расположилась группа плѣнныхъ. Это были амазонки. Въ другой группѣ, ниже по теченію Іордана, сидѣли въ тѣни іерихонскихъ густолиственныхъ ивъ плѣнные царевичи иберовъ и ихъ вожди съ вождями албанцевъ. Еще ниже, не взирая на пламенное іудейское солнце, виднѣлась маленькая группа плѣнныхъ знатныхъ скиѳовъ и сарматовъ съ ихъ женщинами царской крови.

Издали доносились возгласы и смѣхъ купающихся въ Іорданѣ римскихъ солдатъ.

— О, вѣчные боги! Куда занесла насъ немилостивая судьба!—тихо говорила одна амазонка, глядя на висѣвшія за Мертвымъ моремъ мрачныя Моавитскія горы.—Гдѣ-то теперь моя милая родина, Пафлагонія, мои родители, братья, сестры? По какимъ невѣдомымъ морямъ и странамъ пришлось блуждать намъ съ этими жестокими римлянами!.. Мысль моя, какъ ласточка, стремится къ далекой, милой родинѣ.

— А моя родина еще дальше,—говорила другая.—Милая, священная Пантикапея! Неужели я не увижу ея никогда?

— А наша Клеопатра?.. Гдѣ-то она, дорогая царевна? Что съ ней?

— А царь нашъ, Митридатъ? Боги обѣщали ему всемірное владычество... Когда же онъ выручитъ насъ изъ неволи?

— Какъ я помню эту роковую битву на берегу Кира, въ засадѣ... Мы съ албанцами отступили въ лѣсъ... И вдругъ, кругомъ пламя... Мой испуганный конь понесъ меня прямо на

огонь... Я, опаленная, вынеслась изъ лѣсу, и меня поражаетъ римское копье... Что было дальше, не помню... Потомъ, очнувшись, я увидѣла Помпея...

— Но онъ такъ добръ къ намъ, такъ милостивъ, какъ отецъ родной. Но для чего мы ему?

— А этотъ старикъ Корвусъ говоритъ, что мы нужны ему для тріумфа, что въ Римѣ мы будемъ слѣдовать за его тріумфальной колесницей... У нихъ такъ заведено...

— А потомъ? Что потомъ съ нами будетъ?

— Можетъ быть, насъ отпустятъ на родину, и мы увидимъ нашу милую царевну.

— О, Клеопатра! Сколько дала она намъ радостей и горя!

Въ другой группѣ плѣнныхъ слышались другіе разговоры.

— Что-то теперь въ нашей милой Иберіи?—говорилъ юный царевичъ, сынъ Артока.—По горамъ цвѣтутъ ирисы, вода Кира бушуетъ отъ таянія снѣговъ на горахъ... Увидимъ ли все это?

— Увидимъ, — успокаиваетъ его одинъ изъ вождей иберовъ, мы—заложники, а не плѣнные, заложниковъ отпускаютъ.

— Но, боги Иберіи! Когда это будетъ! Помпей хочетъ, кажется, завоевать весь міръ, а міръ такъ великъ.

— Тутъ и деревья не тѣ, что у насъ, въ милой Иберіи,—говоритъ другой царевичъ.—Вонъ тѣ, высокія, гладкія, а наверху шатромъ.

— Римляне называютъ ихъ пальмами, и сегодня намъ давали плодовъ отъ этихъ деревьевъ.

— А лучше было бы, еслибъ насъ отпустили на нашъ дорогой Кавказъ.

— Надо терпѣть,—успокаивалъ царевичей ихъ вождь.—Говорятъ, какъ только Помпей возьметъ Іерусалимъ, такъ сейчасъ же и воротится съ нами въ Римъ.

— Но когда это будетъ?

Скиѳы говорили о раздольѣ своихъ степей, о табунахъ своихъ коней, о кочевкахъ съ мѣста на мѣсто.

— Забыли насъ и Перунъ, и Сварогъ... Вѣрно, римскіе боги сильнѣе нашихъ.

— А Дажбогъ... Онъ милостивый... Онъ вызволитъ насъ... Мы не въ битвѣ взяты, а какъ заложники.

Къ амазонкамъ подошелъ Тигранъ Артакса съ своею супругой амазонкой.

— Боги посылаютъ намъ утѣшеніе, — заговорилъ Тигранъ радостно.—Сейчасъ Помпей сказалъ мнѣ, что походъ его скоро кончится, и онъ тотчасъ возвратится въ Римъ и оттуда, послѣ тріумфа, отправитъ насъ всѣхъ на родину. Онъ говоритъ: ты, Тигранъ, добровольно покорился Риму, раньше твоего отца, и Римъ зачтетъ тебѣ это въ заслугу. Я только, говоритъ, рѣшу споръ между претендентами на іерусалимскій престолъ, между Гирканомъ и Аристовуломъ, а потомъ, оставивъ въ Іудеѣ Габинія, немедленно возвращусь въ Римъ, куда меня, говоритъ, призываетъ сенатъ и народъ римскій, Аристовулъ ужъ здѣсь, я его видѣлъ, когда онъ уѣзжалъ въ Іерусалимъ.

Дѣйствительно, Аристовулъ являлся къ Помпею, но съ тайною надеждой обмануть его, чтобъ приготовиться къ сопротивленію. Однако, Помпей разгадалъ хитраго, талантливаго, надо сказать правду, очень талантливаго іудея, таланты котораго, къ сожалѣнію, принесли гибель Іудеѣ, отчизнѣ всего лучшаго на землѣ и отчизнѣ самыхъ святыхъ заповѣдей человѣчества.

Іосифъ Флавій, въ другомъ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Іудейская война», говоритъ:

«Земля Іериховская, самая плодородная въ Іудеѣ, производящая въ огромномъ изобиліи пальмовыя деревья и бальзаминовые кустарники, изъ которыхъ, если надрѣзать заостреннымъ камнемъ нижній стволъ ихъ, капаютъ ароматныя слезы, которыя и собираютъ, какъ бальзамъ. Въ этой мѣстности Помпей отдохнулъ ночь, и на слѣдующій день, рано утромъ, скорымъ маршемъ двинулся къ Іерусалиму. Устрашенный его появленіемъ, Аристовулъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ мольбой о пощадѣ. Обѣщаніемъ денегъ, добровольной сдачей города и предоставленіемъ самого себя въ его распоряженіе онъ смягчилъ его гнѣвъ. Но ни одно изъ этихъ обѣщаній не было исполнено; Габинія, посланнаго Помпеемъ за полученіемъ денегъ, приверженцы Аристовула не впустили даже въ городъ.

«Раздраженный Помпей продолжаетъ Іосифъ Флавій,—приказалъ взять подъ стражу Аристовула и, приблизившись къ городу, сталъ высматривать удобное мѣсто для нападенія. Онъ нашелъ, что городскія стѣны сами по себѣ настолько крѣпки, что штурмовать ихъ будетъ чрезвычайно трудно, что эти стѣны окружены еще страшнымъ рвомъ, а площадь храма, находящаяся по ту сторону рва, снабжена такими сильными укрѣпле-

ніями, которыя и послѣ взятія города могутъ служить убѣжищемъ для осажденныхъ. Такъ размышляя, Помпей долгое время оставался въ нерѣшительности, а между тѣмъ среди жителей города вспыхнулъ раздоръ: партія Аристовула требовала вооруженнаго сопротивленія и освобожденія изъ-подъ ареста царя; сторонники же Гиркана склонились къ тому, чтобы открыть ворота предъ Помпеемъ. Страхъ предъ находящимся на-виду хорошо организованнымъ римскимъ войскомъ все больше увеличивалъ число сторонниковъ послѣдняго мнѣнія. Наконецъ, приверженцы Аристовула, увидѣвъ себя въ меньшинствѣ, отступили къ храму, уничтоживъ мостъ, служившій сообщеніемъ между послѣднимъ и городомъ, и стали готовиться къ отчаянному сопротивленію. Остальные же приняли въ городъ римлянъ, и предоставили въ ихъ распоряженіе царскій дворецъ. Тогда Помпей отрядилъ туда войско подъ предводительствомъ Пизона. Послѣдній занялъ весь городъ, и, такъ какъ ему не удалось переманить ни одного изъ укрывшихся въ храмѣ, то онъ началъ приспособлять все кругомъ къ аттакѣ. Приверженцы Гиркана усердно помогали ему въ этомъ дѣлѣ и словомъ и дѣломъ» *).

— Еще однимъ царствомъ меньше на землѣ,—задумчиво сказалъ Ауфидій, глядя съ Елеонской горы на обложеніе Іерусалима римскимъ войскомъ.—Мой ученикъ не дремлетъ.

— Да, Гней Помпей не дремлетъ,—согласился старый Корвусъ.—А въ самомъ дѣлѣ, сколькимъ царямъ онъ обрѣзалъ крылья?

— Сколькимъ? Будемъ считать: Арменія, Колхида, Иберія, Албанія, Скиѳія, Сарматія, Босфоръ Киммерійскій...

— Ну, у Митридата обрѣзано только одно крыло,—замѣтилъ Корвусъ.

— Обрѣжетъ и другое... Дай только ему управиться съ царствомъ Соломона.

Слова Ауфидія скоро сбылись.

XXXV

Прибывъ къ Іерусалиму, Помпей приказалъ разбить свою палатку на горѣ, которая впослѣдствіи пріобрѣла всемірную славу.

---

*) «Іудейская война», гл. VI, 6; VII, 1, 2.—«Іудейскія древности», гл. VI, 1, 2.

Это была Голгоѳа!

Какъ бы по предвѣчному предопредѣленію, избранникъ языческаго міра, нанося смертельный ударъ «избранному Богомъ народу», остановился именно на той горѣ, откуда долженъ былъ послѣдовать смертельный ударъ этому именно языческому міру.

Палатка Помпея, разбитая на этой горѣ, вмѣщала въ себѣ то самое пространство, гдѣ впослѣдствіи водружены были три креста... средній для «избраннѣйшаго» сына этого «избраннаго Богомъ народа»...

Помпей стоялъ около палатки и глядѣлъ на вѣчный городъ, болѣе вѣчный, чѣмъ его Римъ. Вмѣстѣ съ нимъ созерцали городъ Мельхиседека и Соломона его приближенные, раздѣлявшіе съ нимъ труды походовъ по Кавказу, Арменіи, Колхидѣ, Иберіи, Албаніи, Скиѳіи, Сарматіи—квесторы Эмилій Самнитъ и Квинтъ Теофанъ, легаты Афраній, Кай Ригоръ, Корвусъ и неразлучный Ауфидій. Около Іерусалима и храма начались уже съ ранняго утра осадныя работы.

— Я не послалъ ваши центуріи и когорты на работы, чтобъ дать и имъ, и вамъ небольшой роздыхъ,—сказалъ Помпей, обращаясь къ своей свитѣ.—Пусть поработаютъ пока здѣшніе:—Пизонъ, Фаустъ Корнелій, Габиній Фурій, Фабій.

— Фаустъ Корнелій далеко пойдетъ,—замѣтилъ Квинтъ Теофанъ,—весь въ отца, въ Суллу.

— Я зналъ знаменитаго Суллу еще молодымъ, — сказалъ Корвусъ,—тотъ же крутой, упрямый лобъ и отцовскіе глаза.

— И отцовская отвага,—добавилъ Афраній.

Внизу кипѣла работа. Нужно было засыпать глубокій оврагъ, отдѣлявшій храмъ отъ города. Подъ дождемъ камней, летѣвшихъ со стѣнъ храма на римлянъ, послѣдніе работали съ ожесточеніемъ. Но оврагъ все еще представлялъ сильное затрудненіе для осады.

Такъ продолжалось нѣсколько дней.

Въ одну изъ пятницъ къ Помпею явился Гирканъ.

— Трудно твоимъ воинамъ работать подъ ударами камней и стрѣлъ,—сказалъ онъ.—Но позволь мнѣ дать тебѣ полезный совѣтъ, великій мужъ Рима.

— Въ чемъ же будетъ состоять твой совѣтъ, благородный сынъ Александра?—спросилъ Помпей.

— Въ силу законовъ нашей вѣры, іудеямъ строго воспре-

щено по субботамъ всякое дѣланіе. Сегодня пятница. Съ закатомъ солнца іудеи, послѣ молитвы, начинаютъ празднованіе субботы,—сказалъ Гирканъ.—Сегодня съ вечера твои воины могутъ безъ помѣхи работать для осады храма, и работа ихъ безпрепятственно можетъ продолжаться до вечера завтрашняго дня.

Помпей не зналъ этого, и потому совѣтъ Гиркана обрадовалъ его.

— Благодарю тебя, царь и первосвященникъ, — сказалъ онъ.—я воспользуюсь твоимъ совѣтомъ и не останусь неблагодарнымъ тебѣ.

И тотчасъ Помпей, пригласивъ къ себѣ военачальниковъ, объявилъ имъ, чтобы все римское войско, всѣ легіоны, попеременно работали надъ засыпкою оврага и возведеніемъ вала всю нынѣшнюю ночь и весь слѣдующій день.

— Евреи въ это время не тронутъ осаждающихъ,—сказалъ онъ,—объявите объ этомъ войску.

Дѣйствительно, съ вечера Іерусалимъ точно вымеръ. Свѣтились только очень ярко огни въ каждомъ домѣ: то горѣли седьмисвѣщники, освѣщая субботнюю трапезу іудеевъ.

— Субботу іудеи встрѣчаютъ какъ желанную невѣсту,— объяснилъ Габиній, уже познакомившійся съ нѣкоторыми обычаями страны.

— Что жъ ты не доложилъ Помпею? — спросилъ Фаустъ Корнелій, сынъ Суллы, молодой человѣкъ въ богатыхъ доспѣхахъ.

— Я сегодня за тѣмъ и шелъ къ Помпею, но Гирканъ предупредилъ меня,—отвѣчалъ Габиній.

— За одну ночь мы соединенными всѣхъ легіоновъ силами совсѣмъ засыпемъ оврагъ, и намъ останется возводить валъ,— сказалъ Фурій.

— И подвозить стѣнобитныя орудія,—добавилъ Фабій.

— Завтра къ ночи или въ воскресенье утромъ я вломлюсь первымъ,—увѣренно сказалъ крутолобый сынъ Суллы.

— Ты развѣ одинъ думаешь получить «стѣнной вѣнецъ»?— гордо спросилъ Фурій.

— Другіе, какъ знаютъ; это ихъ дѣло,—улыбнулся имъ сынъ Суллы.

— Клянусь богами!—воскликнулъ Фабій.—И я на то же разсчитываю.

— Ну! — весело засмѣялся Фаустъ Корнелій. — Ты, какъ прямой потомокъ Квинта-Фабія-Кунктатора, помедлишь «полученіемъ стѣнного вѣнца».

— Но Фабія-Кунктатора не одолѣлъ и Ганнибалъ. Надѣюсь, меня не одолѣетъ Фаустъ Корнелій,—презрительно пожалъ плечами Фабій.

Усиленная работа всю ночь кипѣла у стѣны храма. Добывъ въ складахъ подъ Елеонской горой амфоры оливковаго масла и найдя въ Геѳсиманскомъ саду связки веревокъ, римляне устроили изъ амфоръ блестящіе свѣтильники, при свѣтѣ которыхъ удобно было работать, какъ при дневномъ освѣщеніи.

— Кто догадался такъ прекрасно освѣтить работы?—спросилъ Помпей, подъѣхавъ къ работавшимъ.

— Благородный Ауфидій,—отвѣчалъ Габиній.—Онъ, зайдя въ Геѳсиманскій садъ, что подъ Елеонской горой, богатой масличными деревьями, случайно наткнулся на склады оливковаго масла и подалъ мысль о факелахъ.

— Мой старый учитель до сихъ поръ продолжаетъ учить меня,—улыбнулся Помпей.—Слава благородной старости!

Другіе воины воздвигали туры, съ которыхъ метательными машинами—коррабалистами должны были метать въ осажденныхъ камнями, а третьи воздвигали башни для осадныхъ орудій—тарановъ.

Эти разрушительныя машины были иногда такой страшной тяжести, что въ гористыхъ мѣстахъ римляне впрягали подъ нихъ по нѣсколько сотъ паръ воловъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: такимъ чудовищемъ машиной была одна привезенная изъ Тира съ исполинскою желѣзною головой барана.

При неимовѣрной энергіи римлянамъ удалось, наконецъ, на третій мѣсяцъ осады поднять на туры коррабалисты и установить чудовищный таранъ.

Сколько ни терпѣли римляне при этой осадѣ, — говоритъ Іосифъ Флавій, — все-таки они должны были удивляться стойкости іудеевъ вообще и въ особенности тому, что они подъ самымъ жестокимъ градомъ камней и стрѣлъ не упускали ни одного малѣйшаго обряда изъ богослуженія; точно глубокій миръ царилъ вокругъ нихъ, совершались со всей пунктуальностью ежедневныя жертвоприношенія, омовенія и вообще весь порядокъ богослуженія. Даже послѣ взятія храма, когда кровь ихъ лилась

ежедневно вокругъ алтаря, они не переставали совершать обычныя богослуженія *).

Итакъ, какъ сказано выше, въ 179-ю олимпіаду, въ консульство Гая Антонія и Марка Туллія Цицерона, началась разрушительная работа желѣзной головы страшнаго тарана, ударявшаго въ самую высокую башню наружной стѣны храма. Отъ этихъ ударовъ, казалось, сотрясалась земля Іерусалима съ каменной горою Моріей, на которой стояло святилище Іудеи. Но и громъ тарана не заглушалъ криковъ и воплей осажденныхъ, поражаемыхъ камнями метательныхъ машинъ и стрѣлами римлянъ.

Фаустъ Корнелій, Фурій и Фабій стояли у тарана впереди своихъ центурій и незамѣтно, но ревниво наблюдали другъ за другомъ. Въ сторонѣ, на возвышеніи, у края одного тура, стоялъ Помпей съ Габиніемъ и Скавромъ.

— Кто-то изъ молодыхъ центуріоновъ получитъ сегодня «стѣнной вѣнецъ»? — сказалъ Помпей, указывая на Фауста, Фурія и Фабія.

— Мнѣ почему-то кажется, что сынъ Суллы, — отвѣчалъ Габиній.

Послѣдовалъ ужасающій ударъ тарана.

— Башня шатается!—воскликнулъ Скавръ.—О, боги!

Еще ударъ, еще и еще!

— Валится, валится башня!—какъ бы испуганно повторилъ Габиній возгласъ Скавра.

— Рухнула!—глухо произнесъ онъ.—Finis Iudeae!

Во мгновеніе ока, какъ молодой тигръ, бросился въ расщелину стѣны Фаустъ.

— За мной, центуріи!—крикнулъ онъ, перескочивъ препятствіе и исчезая въ расщелинѣ.

— Сынъ Суллы первый!—сказалъ Помпей, наблюдая, какъ центурія Фауста, по выраженію Іосифа Флавія, «влилась за стѣну».

— Вторымъ центуріонъ Фурій!—возгласилъ Габиній.

— Третьимъ Фабій!—сказалъ Скавръ,—Фабіи всѣ Кунктаторы, опаздываютъ.

---

*) Іудейская война, гл. VII, ч.

XXXVI.

Страшный таранъ продолжалъ расширять проломъ стѣны, а волны римлянъ и іудеевъ, сторонниковъ Гиркана, продолжали заливать храмъ.

Началась ужасающая, омерзительная рѣзня своихъ своими преимущественно.

— Нѣтъ злѣе враговъ, какъ два брата,—проговорилъ Помпей, продолжая наблюдать съ высоты.

— О, боги!—воскликнулъ прибывшій на мѣсто наблюденія Помпея Ауфидій.—Тысячи несчастныхъ свергаются по стѣнѣ въ пропасть!.. Уже кровью окрашены откосы пропасти.

— Они сами осудили себя на смерть,—сурово произнесъ Помпей,—это ихъ выборъ.

— О, великіе боги! Какіе вопли!—продолжалъ соболѣзновать добрый Ауфидій.—Вопли эти донесутся до Олимпа.

— Но у нихъ свой богъ, онъ не слышитъ ихъ воплей, не спасетъ.

Въ это время мимо тура, на которомъ стоялъ Помпей, пробѣжалъ къ пролому стѣны Эмилій Сампитъ съ крикомъ:

— Eheu! Для меня эти вопли—музыка Орфея!

— Прикажи тамъ,—крикнулъ ему Помпей,—чтобъ не убивали никого изъ семейства Аристовула и оставили жизнь зачинщикамъ смуты... Я буду ихъ судьей.

Недолго продолжалась ужасная рѣзня, потому что рѣзавшихъ было въ десять разъ больше тѣхъ, которыхъ рѣзали.

«Такимъ образомъ, — говоритъ Іосифъ Флавій, — погибло 12.000 іудеевъ; римлянъ же пало очень немного».

Когда ужасы рѣзни смолкли, Помпей обратился къ стоявшему неподалеку и плакавшему Гиркану:

— Царь Іерусалима и первосвященникъ іудейскаго народа, введи и меня въ святилище, гдѣ когда-то отдалъ должное вашему божеству великій Александръ, сынъ Филиппа, царь Македоніи.

Всѣ сошли съ тура и направились черезъ проломъ стѣны въ храмъ. При входѣ, среди массы труповъ, Помпея встрѣтили центуріоны Фаустъ Корнелій, Фурій и Фабій.

— Доблестный сынъ славнаго Люція-Корнелія-Феликса, ты достойно завоевалъ себѣ «стѣнной вѣнецъ»,—торжественно сказалъ Помпей сыну Суллы.

Замѣтивъ смущеніе на лицахъ Фурія и Фабія, онъ добавилъ:

— И вы получите соотвѣтственныя награды... Я все видѣлъ.

Увидѣвъ входящаго въ храмъ Помпея вмѣстѣ съ Гирканомъ и другими, римляне и іудеи поспѣшили очистить отъ труповъ путь для вошедшихъ.

Храмъ представлялъ потрясающее зрѣлище. Груды мертвыхъ, лужи крови, обрызганные кровью жертвенники.

Гирканъ продолжалъ плакать.

Когда Помпей подошелъ съ приближенными къ дорогой завѣсѣ, скрывавшей святая святыхъ, въ храмѣ послышались крики и вопли.

— О! Нечестивецъ дерзаетъ вступить въ святая святыхъ!

— Это оскорбленіе святилища! Кощунство! О, Адонай.

— Туда можетъ вступать только первосвященникъ.

— Богъ отцовъ нашихъ! Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Разрази дерзновеннаго!

Не слушая протестовъ, Помпей вошелъ въ святилище вмѣстѣ съ Гирканомъ. Вошли и военачальники.

— Это святая трапеза съ седьмисвѣщіемъ и лампадами,— говорилъ Гирканъ, показывая сокровища святыни,—это жертвенныя чаши, кадильницы.

— Все изъ чистаго золота?—спросилъ Помпей, поражаясь массивностью золотыхъ предметовъ.

- Какой же другой металлъ мы могли бы посвятить Предвѣчному!—отвѣчалъ Гирканъ, благоговѣйно поднимая заплаканные глаза къ небу.

— А это для куреній?—спросилъ Помпей, указывая на массы сложеннаго ѳиміама.

— Это земля, созданная Имъ, посылаетъ свои куренія къ престолу Предвѣчнаго,—былъ отвѣтъ.

Тутъ же стояла золотая рака, наполненная тоже золотомъ.

— Это храмовой кладъ,—сказалъ Гирканъ, видя, что Помпей подходитъ къ ракѣ.—Это достояніе Предвѣчнаго.

— Сколько тутъ?—спросилъ Помпей.

— Двѣ тысячи талантовъ (около 3,000,000 рублей).

— Будь покоенъ, первосвященникъ, ни я, ни мои воины не дотронутся до сокровищъ храма.

— Я былъ увѣренъ въ твоемъ благородствѣ, великій римлянинъ!—сказалъ Гирканъ.

И Іосифъ Флавій говоритъ, что въ святилищѣ Помпей «ничего не тронулъ, въ силу своего благочестія, поступивъ такъ, какъ того и слѣдовало ожидать отъ его добродѣтели».

Выйдя изъ святилища, Помпей приказалъ храмовымъ прислужникамъ очистить оскверненный храмъ отъ труповъ и крови и принести Предвѣчному установленныя жертвы.

И тутъ же произнесъ приговоръ надъ зачинщиками смуты, которыхъ окружала римская стража.

— За смерть—смерть,—сказалъ онъ, обратившись къ арестованнымъ.

— И, по закону отцовъ нашихъ, око за око,—сказалъ и одинъ изъ фарисеевъ, принадлежавшій къ партіи Гиркана.

— Завтра приведите ихъ къ дворцу,—указалъ онъ стражѣ на арестованныхъ.—А это кто?—указалъ онъ на одного, выдѣлявшагося своимъ богатымъ одѣяніемъ.

— Это Авессаломъ, сынъ Гиркана I-го, дядя и тесть Аристовула,—отвѣчалъ Гирканъ II.

— Ты мой военноплѣнный,—сказалъ ему Помпей,—и я пощажу твою жизнь.

Затѣмъ онъ оставилъ храмъ.

На другой день утромъ толпа осужденныхъ на казнь стояла около дворца, ожидая выхода Помпея. Тутъ же находились и палачи изъ нумидійцевъ, бронзовое тѣло которыхъ, прикрытое только у бедръ, обнаруживало ихъ могучіе стальные мускулы.

Массы іудеевъ толпились кучами въ недалекомъ разстояніи.

Осужденные раздѣлены были на двѣ неравныя группы: къ меньшей принадлежали самые ярые изъ волновавшихъ народъ, къ большей всѣ остальные.

Скоро Помпей показался на открытой галлереѣ, подъ которой стояли осужденные. За нимъ слѣдовала свита изъ военачальниковъ и двѣнадцать ликторовъ съ топорами.

На кровлѣ дворца стоялъ Гирканъ съ воздѣтыми къ небу руками. Онъ молился за осужденныхъ и призывалъ благословеніе Предвѣчнаго на свой народъ.

Всѣ ждали рѣчи грознаго римлянина.

— Іудеи!—сказалъ онъ громко, такъ чтобы слышали стоявшіе въ отдаленіи.—Да не смущается сердце ваше при видѣ того, что сейчасъ по волѣ боговъ должно произойти. Я пака-

зываю только виновныхъ предъ вами и вашимъ первосвященникомъ. Вамъ же я объявляю милость сената и народа римскаго.

Потомъ онъ взглянулъ внизъ на осужденныхъ.

— Вы,—сказалъ онъ меньшей группѣ,—получите смерть отъ руки «варваровъ», сыновъ Нумидіи, а вы (къ большей)—отъ гражданъ римскихъ. Ликторы и палачи! Совершайте ваше дѣло.

И гнусное дѣло было совершено.

Ни одинъ осужденный не просилъ пощады, только одинъ, подходя къ палачу, кинулъ вызовъ Помпею:

— Предвѣчный отомститъ за насъ языческому Риму!

— Аминь!—проговорилъ кто-то въ толпѣ казнимыхъ.

XXXVII.

Оставимъ пока Помпея въ Іерусалимѣ и возвратимся къ Митридату.

Въ послѣдній разъ мы видѣли его, послѣ неудачной погони за римлянами, въ устьяхъ Фазиса, гдѣ его до бѣшеной ярости поразили извѣстія о возстаніи фанагорійцевъ и отпаденіи отъ него всего Босфора Киммерійскато.

Эти вѣсти не могли укрыться и отъ находившихся въ его войскѣ скиѳовъ, сарматовъ, роксоланъ и другихъ кочевниковъ, населявшихъ страны выше Меотійскаго моря. Клеопатра, отъ которой, какъ отъ женщины, не ускользали никакія мелочи, стала замѣчать, что между «варварами» начались таинственныя перешептыванія. Сначала она не рѣшалась сказать объ этомъ отцу и тихонько сообщала о своихъ наблюденіяхъ только амазонкамъ, и то лишь нѣкоторымъ, когда флотилія Митридата была давно въ открытомъ морѣ, на половинѣ пути къ Пантикапеѣ.

— О чемъ же они могутъ перешептываться? — спросила дочь главнаго кормчаго, колха Артоса, который былъ женатъ на понтійкѣ.

— Я могу только догадываться,—отвѣчала Клеопатра.—Я подозрѣваю, какія вѣсти дошли до отца изъ Босфора: Фанагорія и Пантикапея отпали отъ насъ...

— Какъ!—съ испугомъ перебила ее Гелла, дочь Артоса.— Пантикапея!

— Да, это мнѣ сказалъ по секрету самъ отецъ.

— О, боги! Эта любимая столица царя, Пантикапея!.. Говорятъ, она прекраснѣе всѣхъ городовъ въ мірѣ!

— Да, милая Гелла, она прекрасна, какъ волшебная сказка... Какіе храмы, статуи боговъ, дворцы, акрополь, портики, колоннады.

— Но мы ее опять возьмемъ!—увѣренно сказала Гелла.

— Надѣюсь... Но я одного боюсь: варвары бросятъ насъ, какъ только мы достигнемъ берега, и уйдутъ въ свои степи и лѣса.

— Почему же, дорогая царевна? Вѣдь они наши союзники.

— А потому, что, отправляясь съ нами въ походъ, они увѣрены были, что ихъ ожидаетъ тамъ богатая добыча и римское золото, а ничего этого они не видѣли, не видѣли даже римлянъ съ ихъ золотомъ.

— Что жъ, царь имъ щедро заплатитъ по прибытіи въ Пантикапею.

Клеопатра грустно покачала головой.

— Ахъ, милая Гелла, ты не все знаешь,—тихо сказала царевна.

— Что же, дорогая?—еще болѣе испугалась Гелла.

— А то, что Помпей и въ Пантикапеѣ, и въ Фанагоріи пограбилъ всѣ наши сокровища, золото, драгоцѣнную утварь, все, все!.. И отцу нечѣмъ будетъ расплатиться съ варварами.

Уже вдали, на дымчатомъ горизонтѣ, виднѣлись зданія Пантикапеи, когда въ морѣ показалось судно, шедшее навстрѣчу флотиліи Митридата.

— Смотри, смотри, царевна! Вонъ на томъ кораблѣ какой-то варваръ поднимаетъ съ съ моря на копьѣ извивающагося огромнаго дельфина,—сказала Гелла.

— Вижу... Онъ къ древку копья прикрѣпилъ арканъ и, держа въ одной рукѣ арканъ, другою бросилъ копье въ дельфина и вонъ, видишь, вытащилъ его,—сказала Клеопатра.—Это плохой знакъ.

— Почему же плохой?——удивилась Гелла.

— Варвары будутъ ѣсть дельфина.

— Что жъ, говорятъ, они у себя всякую гадость пожираютъ.

— Это не то, милая Гелла: значитъ, на кораблѣ провизіи не хватило, и варвары должны питаться дельфинами. Это еще болѣе озлобляетъ ихъ противъ насъ.

Судно, что шло навстрѣчу, пристало къ кораблю «Дафнѣ», на которомъ находился самъ Митридатъ, и на которомъ въ сторонкѣ бесѣдовали Клеопатра и Гелла. Они увидѣли, что съ прибывшаго судна на палубу «Дафны» по веревочной лѣстницѣ поднимается бывшій архонтъ Пантикапеи съ висящимъ на шеѣ обнаженнымъ мечомъ.

Клеопатра поблѣднѣла.

— О, великіе боги!—прошептала она.—Какое еще несчастіе посѣтило насъ!

— О, злой рокъ!—всплеснула руками Гелла, которая знала, что когда кто является къ царю съ обнаженнымъ мечомъ, то это означаетъ, что онъ отдаетъ свою голову на отсѣченіе или за то, что своею виной заслужилъ смертную казнь, или принесъ такое извѣстіе, такую страшную новость, что самъ проситъ казни.

Прибывшій очутился на палубѣ. Онъ былъ смертельно блѣденъ.

— Ты съ чѣмъ?—спросилъ его, подходя, Артосъ, и тоже блѣднѣя.

— Съ страшной тайной къ царю,—отвѣчалъ прибывшій.—Ведите меня къ нему.

Ему показали пологъ каюты Митридата.

Приподнявъ пологъ, онъ повалился ничкомъ на полъ, звеня мечомъ.

— Ты что?—спросилъ Митридатъ, стараясь сдержать свое волненіе.

— Вотъ мечъ, великій царь!—простоналъ вошедшій.—Руби мою голову...

— Говори!—крикнулъ Митридатъ, вставъ съ мѣста.

— Не смѣю... видятъ боги, не смѣю...

— Такъ мертвая голова скажетъ!—наступилъ ногою поверженному на голову.

Тотъ стоналъ и бился въ конвульсіяхъ.

— Языкъ твой вырву, и онъ мнѣ скажетъ, собака!—уже хрипѣлъ Митридатъ.

— Сынъ твой... царевичъ Фарнакъ...

— Что? Фарнакъ?

— Измѣнилъ... тебѣ... возсталъ на тебя... во главѣ варваровъ...

Изъ сосѣдняго отдѣленія каюты съ воплемъ выбѣжала царица Дафна, пафлагонянка.

— Сынъ мой! Первенецъ!.. Ты лжешь, рабъ!

— Не лгу, царица... Пантикапея въ рукахъ варваровъ... и съ ними... царевичъ Фарнакъ...

— А, сынокъ!—могъ только произнести царь Понта.

Съ испугомъ выступили изъ другого отдѣленія каюты другая жена Митридата, родомъ изъ Иберіи, и двѣ ея дочери. Торопливо вошла и Клеопатра, перешагнувъ черезъ распростертаго вѣстника несчастія.

— Встань!—болѣе спокойно проговорилъ Митридатъ.—Я дарую тебѣ жизнь... Только разскажи все обстоятельнѣе.

Вѣстникъ несчастія поднялся.

— Говори, съ чего началось?

— Когда Помпей овладѣлъ Фанагоріею и Пантикапеей и пограбилъ твою, великій царь, казну, и когда вѣсти о томъ дошли до Синопа, царевичъ Тигранъ явился оттуда съ тѣмъ флотомъ, который оберегалъ берега твоего царства и съ вновь набраннымъ войскомъ, которое онъ золотомъ привлекъ къ себѣ изъ Пафлагоніи, изъ странъ макроновъ, саннновъ и лазовъ...

— Ты говоришь, золотомъ?—перебилъ Митридатъ.

— Золотомъ, великій царь: цѣлые мѣшки онъ и сюда привезъ.

Митридатъ задумался. Онъ вспомнилъ о сокровищахъ, накопленныхъ его предшественниками и замурованныхъ въ склепахъ царскихъ гробницъ въ Синопѣ.

— Такъ что: онъ, гнусный воръ, ограбилъ царскіе склепы, о которыхъ, вѣроятно, какъ-нибудь провѣдалъ,—догадался онъ, но не высказалъ этого вслухъ.

Вспомнивъ, что у него въ Пантикапеѣ замурована еще въ стѣнахъ подземнаго хода изъ дворца къ приморскому храму Посейдона не одна тысяча талантовъ, Митридатъ подумалъ, что этихъ богатствъ у него хватитъ и на усмиреніе непокорнаго сына, и на борьбу съ Римомъ.

— Ну, что же дальше?—опять обратился онъ къ вѣстнику несчастія.

— На эти деньги царевичъ закупилъ всѣхъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ варваровъ,—продолжалъ тотъ,—и они, какъ морскія волны, затопили собой весь уголъ Тавриды, что у Пантикапеи, и самую Пантикапею.

— А Фанагорія?—спросилъ Митридатъ.

— Фанагорійцы всѣ поголовно подъ предводительствомъ архонта Кастора пристали къ царевичу.

Клеопатра, припавъ на грудь матери, тихо плакала. Плакали и другія женщины.

Пантикапея была уже теперь вся видна, если можно такъ выразиться о городѣ, какъ бы погруженномъ въ движущіяся волны человѣческихъ головъ и тѣлъ: весь морской берегъ, стѣны города и акрополя, кровли домовъ, храмовъ, портики, все было покрыто людьми.

— Но я еще не все сказалъ, великій царь,—несмѣло прервалъ общее молчаніе вѣстникъ несчастія.

— Что жъ?.. Говори.

— Царевичъ гдѣ-то, подъ храмомъ Посейдона, нашелъ, кажется, кладъ, несмѣтное количество золота и...

Онъ остановился, видя, что Митридатъ готовъ ушасть...

— И?—чуть слышно спросилъ онъ.

— Все перенесъ въ храмъ Посейдона и поставилъ надъ золотомъ стражу.

— Довольно!—сказалъ Митридатъ и, шатаясь, вышелъ на палубу.

Его глазамъ представилась Пантикапея, но въ какомъ видѣ!.. Ничего подобнаго онъ представить себѣ не могъ... Это страшный муравейникъ изъ людей... А берегъ у города и лѣвѣе—стройные, сомкнутые ряды сарматовъ съ блестящими панцырями изъ конскихъ копытъ, за ними другіе ряды и еще, и еще!..

Флотъ, растянувшійся у берега, тоже весь покрытъ вооруженными людьми.

Увидавъ все это, Митридатъ приказалъ направить свою флотилію правѣе, чтобъ, пройдя проливомъ въ Меотійское море, высадиться въ тылу Пантикапеи.

Триремы потянулись гуськомъ одна за другою.

Но едва флотилія вошла въ самую узкую часть пролива, какъ бывшіе на ней скиѳы съ воинственными возгласами стали бросаться въ море и плыть къ берегу.

— Измѣна!—бѣшено закричалъ Яръ.

— Измѣна! Измѣна! — повторили понтійцы, и тысячи стрѣлъ полетѣли въ сплошную массу плывущихъ, изъ-за которыхъ почти не видно было моря.

Многіе, барахтаясь въ водѣ съ торчащими изъ ихъ спинъ стрѣлами, пошли ко дну, но остальныя массы благополучно достигли берега.

Флотъ Митридата опустѣлъ на три четверти.

XXXVIII.

Фарнакъ и Касторъ осаждаютъ Митридата, засѣвшаго въ Фанагоріи.

Отчаянная битва идетъ на берегу моря и по всему протяженію залива, на которомъ расположена цвѣтущая Фанагорія.

Другой день продолжается битва. Уже пали Сервилій, Аргосъ, Гай Постумъ, Регдама и другіе военачальники Митридата. Два послѣднихъ его сына, раненые, взяты въ плѣнъ. Понтійское войско почти все уничтожено. Городъ взятъ. Держится еще только акрополь, гдѣ засѣла Клеопатра съ амазонками и съ остальнымъ царскимъ семействомъ.

«Держалась только одна Клеопатра, дочь Митридата»,—говоритъ Аппіанъ *).

Съ горстью оставшихся въ живыхъ Митридатъ спѣшитъ на помощь дочери. Онъ вступаетъ въ акрополь...

Но что жъ изъ этого? Акрополь будетъ взятъ, это только вопросъ времени и самаго близкаго. Онъ это видитъ лучше всѣхъ.

Онъ вбѣгаетъ въ храмъ Юпитера-Зевса и сталкиваетъ съ возвышенія дивную мраморную статую отца боговъ. Статуя падаетъ и раскалывается...

— Презрѣнный лгунъ!—говоритъ обезумѣвшій царь.

Статуя Аѳины-Паллады также летитъ съ пьедестала и разбивается.

— Потаскуша!—шепчетъ безумецъ и топчетъ мраморъ ногами, уродуя прелестный ликъ богини.

Онъ погрозилъ куда-то копьемъ.

— Дельфы! Пиѳія!.. Продажный Аполлонъ!

---

*) Prooemium, 108.

Онъ выбѣгаетъ изъ храма.

— Моя Клеопатра!.. Она одна богиня на землѣ!

Увидѣвъ ее на стѣнахъ акрополя съ амазонками, онъ подошелъ къ ней.

— Божество мое! Дитя мое! Моя Клеопатра!—сказалъ онъ съ невыразимой нѣжностью.—Сойди ко мнѣ, дитя.

— Для чего, отецъ? Я уже вижу, Фарнакъ подступаетъ къ акрополю... Мы должны защищать его до послѣдней капли крови,—проговорила Клеопатра.

— Сойди, мое божество! — настаивалъ Митридатъ. — Я знаю, для чего зову тебя.

Сказавъ нѣсколько словъ Геллѣ, Клеопатра сошла къ отцу.

Кликнувъ Мосхина и Яра, Митридатъ ввелъ ихъ во дворецъ. Когда всѣ четверо вошли, Митридатъ шепнулъ Яру.

— Запри всѣ входы во дворецъ.

Во дворцѣ они нашли плачущихъ женщинъ и Фокіона. Старикъ старался ободрить и утѣшить ихъ.

Отозвавъ въ сторону Мосхина-виночерпія, Митридатъ шепнулъ ему:

— Наполни виномъ чаши царицъ Дафны и Хлои и царевенъ Клеопатры, Зои и Нереиды, и въ чаши Хлои, Зои и Нереиды впусти того яду, который убиваетъ моментально, безъ страданій.

— И въ мою тоже,—сказалъ Фокіонъ, уловивъ слова Митридата и ихъ смыслъ.

— И въ твою, мой благородный наставникъ.

— Теперь для меня ядъ, это нектаръ, напитокъ боговъ,— сказалъ старый мечтатель.

— И ты все еще вѣришь въ боговъ, бѣдный ребенокъ!— покачалъ головою Митридатъ.

— Вѣрю и въ Аидѣ вѣрить буду.

Митридатъ шепнулъ снова Мосхину:

— А въ чаши Дафны и Клеопатры впусти того вещества, которое сначала сладко опьяняетъ и вдохновляетъ, и отъ котораго потомъ навѣки засыпаютъ въ сладостныхъ грезахъ... Жаль, что для меня не существуетъ ядовъ... Но для меня выкована сталь.

Скоро Мосхинъ наполнилъ чаши, какъ ему приказано было, и подалъ всѣмъ.

— Сотворимъ возліяніе безсмертнымъ богамъ! — торжественно произнесъ Митридатъ.—Вкушайте во славу боговъ... Я пью первымъ.

Выпили и остальные.

Хлоя, Зоя, Нереида и Фокіонъ моментально заснули вѣчнымъ сномъ.

— О, Сократъ... иду къ тебѣ,—успѣлъ прошептать Фокіонъ.

— Что это! — воскликнула Дафна. — Они умерли, отравлены...

Мосхинъ выпилъ свою чашу. Она выпала изъ его руки и упала вмѣстѣ съ нимъ, мертвымъ.

Дафна поняла все. Ея мужъ отравилъ и ее съ Клеопатрой.

— Да, они отравлены, какъ и ты съ Клеопатрою, царица Понта... Понту я принесъ въ жертву мое божество, мою Клеопатру, какъ нѣкогда за Элладу принесъ въ жертву дочь свою, Ифигенію, Атридъ Агамемнонъ,—говорилъ Митридатъ, принявъ величественную позу.—Ты, такая же ученица Фокіона, какъ я и Клеопатра, должны помнить «Ифигенію въ Авлидѣ» безсмертнаго Еврипида, растерзаннаго псами въ Македоніи... И меня хотятъ растерзать псы, и въ ихъ числѣ твой первенецъ, Фарнакъ!

— Мнѣ ли, матери, не помнить, что говорила Клитемнестра, защищая свое дитя!—вдохновенно проговорила Дафна.—Она говорила Агамемнону:

Скажи, подумалъ ли, когда
Въ походъ ходилъ надолго ты, что будетъ—
Что будетъ съ сердцемъ матери ребенка
Котораго зарѣжешь ты, Атридъ!
А я скажу:—отравишь ты!
Какъ я, родившая ее, на ложе мертвой птички.
Осуждена глядѣть я на гнѣздо пустое—
О, пустое, дни за днями, одиноко
Глядѣть, и плакать, и припоминать...

— Ты не будешь ни глядѣть, ни плакать, ни припоминать,— грустно сказалъ Митридатъ, съ невыразимой нѣжностью глядя на Клеопатру,—и ты, и птичка наша скоро перелетите въ область Аида, въ дивные сады Элизіума.

Клеопатра бросилась на грудь отца и, глядя въ его глаза прекрасными вдохновенными очами, заговорила словами Ифигеніи:

О, не губи безвременно меня!
Глядѣть на свѣтъ такъ сладко,
А спускаться въ подземный міръ—
Такъ страшно!.. Пощади!

Митридатъ, прижимая ее къ груди, ласкалъ съ невыразимой нѣжностью.

— Дитя мое!—говорилъ онъ.—На твои слова, слова Ифигеніи, я отвѣчу словами отца ея, Агамемнона... Онъ говорилъ объ Элладѣ, я скажу о Понтѣ...

Мой Понтъ велитъ мнѣ
Тебя убить:—ему угодна смерть твоя...
Но если кровь, вся наша кровь, дитя,
Нужна свободѣ Понта,
Чтобъ варвары въ немъ не царили
И не безчестили ни женъ, ни дѣвъ его—
Ни Митридатъ, ни дочь его,
Голубка Клеопатра, цвѣтокъ чистѣйшій—
Чистѣйшій во вселенной—
Въ той крови Понту не откажутъ...

Замѣтивъ, что она уже скончалась на его груди, Митридатъ поднялъ ее и положилъ рядомъ съ мертвою уже матерью, головкою въ шлемѣ на грудь Дафны.

Снаружи доносились неистовые крики торжества.

— Мой вѣрный Яръ!—крикнулъ Митридатъ оруженосца.

— Я здѣсь, мой господинъ и царь! — выступилъ впередъ скиѳъ.

— Ты видишь?—Митридатъ указалъ на мертвыхъ.

— Вижу, господинъ.

— Они не достанутся варварамъ.

— Не достанутся, господинъ.

Крики торжества близились къ дворцу.

— Слышишь?—сказалъ Митридатъ.

— Слышу, господинъ.

— Они за мной идутъ.

— Я не дамъ!—заскрежеталъ зубами скиѳъ.

— Ихъ больше... съ ними Фарнакъ... Чтобъ не взяли Митридата живымъ, рази меня! Яды безсильны противъ Митридата.

— О, Перуне! О, Свароже!—застоналъ скиѳъ.

— Рази! Царь велитъ тебѣ!

Яръ, поразивъ Митридата мечомъ, самъ упалъ на его трупъ, зарѣзанный тѣмъ же мечомъ.

XXXIX.

Мы въ Италіи, въ городѣ Путеоли, построенномъ въ глубокой древности на берегу Кумскаго залива (sinus Cumanus), нынѣ Неаполитанскаго. Вправо виднѣются богатыя виллы римскихъ вельможъ, расположенныя полукругомъ по живописному берегу залива Баіи. Позади Путеоли, лѣвѣе храма Сераписа, уступами поднимаются горы, гдѣ изъ котловины одной изъ нихъ поднимаются, въ видѣ прозрачной дымки, сѣрныя испаренія. Это— форумъ Вулкана (forum Vulcani), откуда ходъ въ подземное царство Вулкана и гдѣ, по преданію, происходила битва Геркулеса съ гигантами.

Видъ изъ Путеоли на море очаровательный: вдали виднѣется живописный островокъ Капреа, а противъ него, за проливомъ Минервы (promontorium Minervae), одѣваетъ своими красивыми домиками скалистый берегъ городокъ Суррентумъ, нынѣ прелестное Сорренто.

Раннимъ августовскимъ утромъ этимъ видомъ до того, повидимому, залюбовался сидящій на спускающихся съ роскошной виллы къ самому морю ступенькахъ изъ бѣлаго мрамора мужчина около пятидесятилѣтняго возраста съ удилищемъ въ рукѣ, такъ залюбовался, что не замѣтилъ, какъ поплавокъ его удочки, ставъ торчкомъ, тянулся въ сторону невидимою, попавшею на удочку рыбою. Около удилища, тутъ же на ступенькахъ, лежала раскрытая рукопись, заголовокъ которой гласилъ: «Quaestiones academicae».

Удильщикъ былъ Цицеронъ, на ту пору всевластный консулъ Рима.

Въ Путеоли у Цицерона имѣлась роскошная вилла, которая называлась «Academia». Въ знойные лѣтніе дни знаменитый ораторъ и философъ на время покидалъ душный Римъ и переѣзжалъ въ свою виллу отдыхать и, между отдыхомъ, писать свои философскіе трактаты.

Цицеронъ только тогда пришелъ въ себя отъ задумчивости, когда почувствовалъ, что удилище выскользнуло у него изъ рукъ и поплыло за удочкою и рыбою въ открытое море.

— Какая разсѣянность!—проворчалъ ораторъ. — А рыба, должно быть, крупная попалась.

Но его вниманіе было отвлечено представившимся зрѣлищемъ. Изъ промонторія Минервы выплывалъ цѣлый флотъ, направляясь къ Путеоли.

— Неужели это Помпей, побѣдитель Митридата, гордость и слава Рима?—спрашивалъ себя Цицеронъ.—Изъ Іудеи и Сиріи возвращается?

Онъ долго присматривался.

— Да, это трирема Помпея... Надо его встрѣтить.

Взявъ со ступеньки рукопись, онъ поднялся на террасу виллы и кликнулъ рабовъ.

— Велите вестіарію подать мнѣ одѣться,—сказалъ онъ появившимся изъ вестибюля рабамъ.

Пока Цицерона одѣвали въ парадныя одежды, флотъ все болѣе и болѣе приближался къ гавани Путеоли.

Скоро на верхнихъ ступенькахъ мраморной лѣстницы появился Цицеронъ въ консульской тогѣ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ «паразитовъ».

Изъ другихъ виллъ тоже показались обитатели ихъ, заинтересованные приближеніемъ военной флотиліи.

Скоро на передней триремѣ можно было различить фигуры Помпея и Сервилія.

Корабли все ближе и ближе. И Помпей, и Сервилій узнали Цицерона. Весла триремы пріостановили работу, и на воду была спущена шлюпка-барка, въ которую и сошелъ Помпей по сброшенной лѣсенкѣ. Матросы взялись за весла, и барка двинулась прямо къ виллѣ Цицерона.

Послѣдній спустился на нижнюю ступеньку мраморной лѣстницы и знакомъ привѣтствовалъ Помпея. Барка сдѣлала полукругъ, и правымъ бортомъ пристала къ ступенямъ лѣстницы. Цицеронъ протянулъ Помпею руку, и тотъ вступилъ на лѣстницу.

— Привѣтъ державному консулу, благородному Марку-Туллію!—торжественно произнесъ Помпей.

— Привѣтъ императору и побѣдителю Митридата, славному Гнею Помпею!—отвѣчалъ на привѣтъ Цицеронъ.—Боги, видимо, избрали тебя, чтобы прославить оружіе Рима на далекомъ Востокѣ.

— Да, боги милостивы ко мнѣ,—скромно отвѣчалъ Помпей.

— До Рима дошли слухи, что за твоею тріумфальною колесницею будутъ слѣдовать невиданныя въ Римѣ птицы, амазонки,—говорилъ Цицеронъ,—и я горю нетерпѣніемъ видѣть это чудо.

— Если такъ велико твое нетерпѣніе, благородный Маркъ, то намъ никто не помѣшаетъ войти въ мою барку и слѣдовать къ моей триремѣ,—сказалъ Помпей.

— О, твоя любезность не уступаетъ твоимъ доблестямъ!—воскликнулъ ораторъ.

Помпей разсмѣялся.

— O, quousque tandem abutere, consul, patientia tua!

Разсмѣялся и Цицеронъ, которому польстила шутка Помпея, напомнивъ честолюбивому оратору его торжество надъ хитрымъ Катилиной, котораго, однако, уже не было въ живыхъ, и который такъ мужественно палъ на полѣ битвы.

Цицеронъ и Помпей вошли въ барку и отплыли къ триремѣ. Тамъ ихъ встрѣтилъ Сервилій и другіе военачальники.

— Державный консулъ Маркъ-Туллій Цицеронъ горитъ нетерпѣніемъ видѣть амазонокъ,—сказалъ Помпей.—Пойди, доблестный легатъ,—обратился онъ къ старому Корвусу,—предупреди ихъ, вѣдь ты для нихъ точно старая нянька, и онѣ тебя любятъ.

Амазонки помѣщались въ задней части триремы въ особой каютѣ, которая, еще съ двумя каютами для заложниковъ и плѣнныхъ, надстроена была въ Тирѣ передъ отплытіемъ Помпея съ войскомъ въ Римъ.

Амазонки встрѣтили гостей съ полнымъ достоинствомъ, изучивъ этикетъ при дворѣ Митридата, такъ какъ всѣ были изъ высшаго общества столицы Понта.

— Передъ вами, благородныя воительницы, державный консулъ Рима, то же, что временный царь,—обратился Помпей къ амазонкамъ по-гречески.—Его поражали дошедшіе до Рима разсказы о вашихъ воинскихъ доблестяхъ, и онъ пожелалъ лично привѣтствовать юныхъ воительницъ.

Цицеронъ засыпалъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ называлъ ихъ цѣломудренными Артемидами, весталками Востока; говорилъ, что римскія матроны и знатныя дѣвушки позавидуютъ ихъ славѣ.

Тогда выступила одна изъ амазонокъ, Лилія, дочь виночерпія Мосхипа, и обратилась къ Цицерону.

— Если тебѣ, благородный римлянинъ, — сказала она,— какъ говоритъ нашъ великодушный побѣдитель (дѣвушка взглянула на Помпея), предоставлена власть царя, то мы умоляемъ тебя снестись съ царемъ Понта, Митридатомъ, и съ нашими родителями, и они пришлютъ за насъ выкупъ, какой потребуетъ Римъ, только бы скорѣе отправили насъ на милую, далекую родину.

Помпею тяжело было слушать эти слова. Дѣвушки не знали, какая трагическая участь постигла Митридата, котораго давно уже не было въ живыхъ, равно какъ и отца этой дѣвушки, виночерпія Мосхипа, и другихъ приближенныхъ Митридата.

Получивъ извѣстія о страшной смерти послѣдняго, Помпей ничего не сказалъ объ этомъ амазонкамъ, не желая усугублять ихъ душевныя муки. По одному извѣстію Іосифа Флавія, донесеніе о смерти Митридата принесли ему послы изъ Понта, когда Помпей двигался съ войскомъ отъ Дамаска къ Іудеѣ *); по другому, извѣстіе о смерти Митридата и обо всей катастрофѣ, разразившейся надъ его царствомъ, дошло до Помпея уже въ Іерихонѣ **).

По первому извѣстію, Митридатъ будто бы погибъ отъ руки своего сына, Фарнака, чего на самомъ дѣлѣ не было, какъ мы видѣли выше.

Выслушавъ рѣчь Лиліи, Цицеронъ торжественно проговорилъ:

— Нѣтъ, благородныя и доблестныя дщери Понта, вы кровью своею на полѣ брани завоевали себѣ и славу, и уваженіе, и свободу. Вы плѣнницы, и Римъ никогда не потребуетъ выкупа за юныхъ героинь. Послѣ окончанія тріумфальнаго шествія благороднаго покровителя вашего Помпея въ Римъ, мы немедленно снарядимъ почетный корабль, который и возвратитъ васъ вашей далекой родинѣ.

При этихъ словахъ печальныя личики дѣвушекъ оживились, а нѣкоторые прелестные глаза наполнились слезами благодарности и радости.

— Теперь, чтобы облегчить ваше положеніе,—продолжалъ

---

*) Іудейскія древности, кн. XIV, гл. III, ч.
**) Іудейская война, гл. VI, в.

Цицеронъ—я распоряжусь прислать къ вамъ для услугъ греческихъ женщинъ съ свѣжими короткими, сообразно вашему одѣянію, женскими туниками.

— И вдобавокъ, благородный Маркъ-Туллій,—сказалъ Помпей,—пришли сюда, на мою трирему, съ твоими женщинами ванну для моихъ прелестныхъ плѣнницъ. Ты самъ знаешь, что въ походѣ и въ битвахъ не до ваннъ и не до нѣги въ горячихъ термахъ.

Простившись съ амазонками, которыя вслѣдъ за ними вышли изъ своей каюты, радостно разговаривая и восхваляя великодушіе римлянъ, Помпей и Цицеронъ направились къ помѣщенію Аристовула и его семейства, но увидѣли, что неудачный претендентъ на тронъ Іудеи и его сынъ Антигонъ и двѣ юныя дочери находились на палубѣ.

Подойдя къ нимъ, Помпей сказалъ Аристовулу:

— Въ моемъ спутникѣ ты зришь настоящаго владыку Рима, консула Марка-Туллія Цицерона.

— Миръ владыкѣ Рима и привѣтъ отъ несчастнаго плѣннаго и его дѣтей,—смиренно поклонился Аристовулъ.—Я оплакиваю мою вину.

— Римъ прощаетъ вины искренно кающимся,—сказалъ Цицеронъ.

— Дѣти же мои ни въ чемъ неповинны,—добавилъ Аристовулъ.

— Но я не хотѣлъ разлучать ихъ съ отцомъ,—пояснилъ Помпей.—Въ Римѣ же ихъ ждетъ общее вниманіе и ничѣмъ не стѣсняемая свобода.

Въ другомъ мѣстѣ, на палубѣ же, они увидѣли Тиграна съ его молоденькою женою, бывшею амазонкой.

Замѣтивъ Помпея и его спутника и догадавшись, что это знатное лицо, Тигранъ поспѣшилъ приблизиться съ знаками уваженія.

— Кого я долженъ привѣтствовать въ лицѣ спутника великаго Помпея?—поклонился онъ.

— Сынъ Тиграна, царя Арменіи, стоитъ предъ лицомъ державнаго консула, благороднаго Марка-Туллія Цицерона,—отвѣчалъ Помпей.

— Я преклоняюсь предъ величіемъ Рима и его державнымъ консуломъ,—еще ниже поклонился Тигранъ.—Я бы палъ предъ

тобою ницъ, какъ повелѣваютъ обычаи моей страны, но великій Помпей воспретилъ мнѣ это.

— Можно и безъ поверженія на землю привѣтствовать старшихъ,—сказалъ Цицеронъ.—Съ моей стороны могу утѣшить тебя и твою юную супругу, сказавъ, что никакія непріятности не ждутъ васъ въ Римѣ.

И Цицеронъ съ Помпеемъ удалились.

— Теперь я долженъ представить тебѣ образцы народностей, невиданныхъ тобою,—сказалъ Помпей.

— Кого же?—заинтересовался Цицеронъ.

— Дѣтей царя Иберіи, что лежитъ за Колхидой, и трехъ вождей этого народа, а также вождей Албаніи, которую съ востока омываютъ воды Гирканскаго моря, постоянно дополняемыя прѣсными водами величайшей въ мірѣ рѣки—Яксарта, того Яксарта, что возвеличилъ славу Александра Македонскаго, лелѣявъ его и его воиновъ на своихъ волнахъ.

— Какой ты счастливецъ, любимецъ боговъ!—съ завистью проговорилъ Цицеронъ.—Какія страны, какія народности созерцали твои глаза!

— Но ты созерцалъ когда-то храмъ Ифигеніи въ Тавридѣ, а я его не видѣлъ,—возразилъ Помпей.

— Да, правда, видѣлъ въ молодости, и готовъ былъ поплакать о горькой судьбѣ прелестной дочери Агамемнона и Клитемнестры... Гдѣ же твои рѣдкостные люди?—спросилъ Цицеронъ.

— На другой триремѣ,—отвѣчалъ Помпей.

— Такъ сведи меня и туда.

— Идемъ. Моя барка ждетъ насъ.

Сервилій далъ знакъ матросамъ, и они взялись за весла.

Помпей и Цицеронъ спустились съ триремы въ барку.

— Тамъ у меня и скиѳскія дѣвушки царской крови, и царевичъ ихъ, и сарматы въ панцыряхъ изъ конскихъ копытъ.

— Какъ изъ копытъ?—удивился Цицеронъ.

— Вотъ увидишь,—сказалъ Помпей.—Читая Геродота, я многое принималъ къ свѣдѣнію, какъ принимаешь къ свѣдѣнію дѣтскія сказки. Но когда я сражался въ Гирканіи съ чудовищными змѣями...

— Съ змѣями?—снова удивился Цицеронъ.

— Да... Но я это послѣ все тебѣ разскажу, когда тебя будутъ привѣтствовать мои пенаты... А мое плаванье по Гирканскому

морю, и эти переходы по пустынямъ Сарматіи, и созерцаніе высочайшихъ въ мірѣ горъ, все это казалось мнѣ волшебнымъ сномъ, тѣми же сказками.

Они входили на другую трирему, на которой ихъ встрѣтилъ Афраній.

— Благодареніе богамъ, что я могу привѣтствовать державнаго консула, благороднаго Марка-Туллія Цицерона!—сказалъ Афраній.

— Благодарю, доблестный воинъ Рима,—отвѣчалъ на привѣтствіе Цицеронъ.

На палубѣ этой триремы, ближе къ кормѣ, были раскинуты палатки для иберовъ, албанцевъ и сарматовъ. Но послѣдніе больше любили воздухъ и небо и почти постоянно оставались на палубѣ.

И теперь одни изъ нихъ сидѣли, а другіе лежали на звѣриныхъ и лошадиныхъ шкурахъ. Тутъ же сидѣли, поджавъ ноги, и скиѳскія царевны и пряли шерсть, которою ихъ снабжалъ добрый Корвусъ, болтавшій съ ними на какомъ-то условномъ языкѣ, дѣлая ужасную мѣшанину изъ словъ, слышанныхъ имъ то въ Испаніи, то въ Нумидіи, то въ Арменіи, и поясняя все это выразительными жестами нѣмого. Добрый старикъ утѣшалъ ихъ, видя тоску молодыхъ дикарокъ по своимъ степямъ и кибиткамъ.

Встрѣтивъ Цицерона и привѣтствовавъ его, Корвусъ сказалъ:

— Какими людьми безсмертные боги населили землю!

— Что жъ, онѣ понимаютъ тебя?—спросилъ Цицеронъ, разглядывая съ любопытствомъ скиѳскихъ царевенъ.

— Понимаютъ, консулъ... А вотъ мужчины ихъ безтолковѣе, особенно тѣ, что въ панцыряхъ изъ конскихъ копытъ.

— Они больше привыкли разговаривать съ лошадьми,— улыбнулся Помпей.

Къ Корвусу подошли иберскіе царевичи, почти совсѣмъ дѣти, одѣтые по-царски.

— Кто это?—спросили они глазами, указывая на Цицерона.

— Римскій царь,—съ улыбкою отвѣчалъ тотъ по-гречески.

Царевичи подошли къ Цицерону.

— Базилевсъ Рима! — сказалъ одинъ изъ нихъ по-гречески.—Ты скоро отпустишь насъ на Кавказъ?

— Скорс, дѣти,—добродушно отвѣчалъ Цицеронъ.

— Какъ только вашъ отецъ, царь Артонъ, пришлетъ въ Римъ выкупъ за всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ я отпустилъ къ нему, такъ сейчасъ же и отправятъ васъ на Кавказъ, — пояснилъ Помпей.

Въ это время на триремѣ показался одинъ изъ отпущенниковъ Цицерона.

— Ты что, Главкъ?—спросилъ онъ его.

— Изъ Неаполя пожаловали Маркъ-Лициній-Дивесъ и Люцій-Лициній, господинъ,—отвѣчалъ вольноотпущенникъ.

— Слышишь, императоръ?—сказалъ Цицеронъ Помпею,— Крассъ и Лукуллъ ко мнѣ пожаловали. А къ обѣду все готово?— спросилъ онъ вольноотпущенника.

— Все, господинъ.

— Такъ прошу пожаловать ко мнѣ на обѣдъ съ старыми друзьями, — поклонился Помпею Цицеронъ. — Вотъ обрадуешь и украсишь бесѣду разсказами о Востокѣ.

XL.

Прошло нѣсколько дней.

Римъ охватило необыкновенное, небывалое оживленіе. Ликуетъ гордый Римъ въ ожиданіи скораго тріумфальнаго въѣзда въ него побѣдителя Митридата и болѣе двадцати царей далекаго таинственнаго Востока.

Всѣ, въ чьихъ рукахъ находилась государственная власть, явились въ столицу міра на это торжество. Крассъ, Лукуллъ, Цицеронъ, Антоній, Цезарь, всѣ были на-лицо. На форумѣ воздвигнута была тріумфальная арка, перекинутая черезъ via sacra и богато убранная цвѣтами и лаврами. По сторонамъ форума амфитеатромъ возвышались мѣста для публики, закрывавшія собою даже портики и храмы. Подъ Капитоліемъ, къ сторонѣ форума, такой же амфитеатръ.

Въ день въѣзда побѣдителя легіоны его съ утра выстроились шпалерами вдоль всей via sacra. Легіонные орлы, слѣдовавшіе съ побѣдоноснымъ войскомъ по всему міру, при своемъ появленіи вызвали небывалыя оваціи всего населенія Рима.

На почетныхъ трибунахъ возсѣдали консулы Цицеронъ и Ан-

тоній, а также Крассъ, Лукуллъ и Цезарь. Въ боковыхъ трибунахъ дѣвственною бѣлизной отливали на солнцѣ одежды весталокъ. На другихъ почетныхъ мѣстахъ блистали своими нарядами и золотыми украшеніями римскія матроны съ своими дочерьми.

Особыя почетныя трибуны занимали сенаторы, народные трибуны и эдилы.

За ними—всѣ амфитеатры до самыхъ высокихъ сидѣній пестрѣли безчисленными рядами зрителей, и все это море головъ нетерпѣливо поворачивалось въ ту сторону, откуда должно было показаться шествіе.

Но вотъ вдали показалось что-то. Это на высокомъ древкѣ бѣлая доска, несомая курульскимъ эдиломъ. На доскѣ что-то написано крупными золотыми литерами. Доска ближе и ближе. Уже можно читать написанное на ней.

— Митридатъ, царь Понта и Босфора Киммерійскаго, Тигранъ, царь Великой и Малой Арменіи,—читаетъ какой-то патрицій,—Артокъ, царь Иберіи, Оройзъ, царь Албаніи.

— Это списокъ покоренныхъ царей, — говоритъ молодой «всадникъ» eques, разъ, два, три, четыре, пять, шесть... Боги! Больше двадцати царей!

Но вотъ показалась и тріумфальная золоченая колесница, везомая четырьмя превосходными, бѣлыми, какъ одежды весталокъ, конями. На колесницѣ—тріумфаторъ. На Помпеѣ—лавровый вѣнокъ, перевитый терніями, знакъ трудности совершенныхъ тріумфаторомъ подвиговъ. Бѣлоснѣжная тога Помпея густо вышита золотомъ.

Съ лѣваго боку колесницы «государственный клеветникъ», неотъемлемая принадлежность всякаго тріумфа.

Но появленіе Помпея вызвало такую бурю восторженныхъ криковъ, что ни одного слова «клеветника» не было слышно.

За колесницей непосредственно, глубоко склонивъ голову, шелъ Аристовулъ...

— Это одинъ изъ царей Іудеи, Аристовулъ, лишенный Помпеемъ престола,—сказалъ Цицеронъ Антонію.

За Аристовуломъ слѣдовали Тигранъ Артакса и его молоденькая жена.

— Это царевичъ Арменіи,—снова заговорилъ Цицеронъ,—а та его прелестная супруга была амазонкой и, взятая въ плѣнъ Помпеемъ, вышла замужъ за армянскаго царевича. А вонъ смо-

три-смотри! Что за красота! Въ золоченыхъ шлемикахъ, съ маленькими щитками, копьями, съ луками и колчанами стрѣлъ, амазонки... Все дочери знатныхъ понтійцевъ, хорошо образованныя по-эллински дѣвушки.

— Но у нихъ личики веселенькія,—замѣтилъ Антоній.

— Да, бѣдненькія! Имъ Помпей не открылъ несчастія ихъ родины, а онѣ радуются тому, что мы скоро съ почетомъ отправимъ ихъ на родину, къ ихъ богинѣ, Клеопатрѣ, дочери Митридата... Онѣ не знаютъ, что душа ея давно унеслась въ подземный міръ...

— Бѣдная, бѣдная!—сочувственно прошепталъ Антоній.— А это же что за мальчики, слѣдующіе впереди вооруженныхъ красивыхъ воиновъ?

— Это дѣти царя Иберіи, взятые заложниками, а за ними ихъ вожди, тоже заложники, а слѣдующіе—это два вождя албанцевъ.

— А этотъ, что съ свирѣпымъ лицомъ, въ богатомъ одѣяніи и съ золотымъ скипетромъ въ рукѣ?

— Это царь, σκηπτοῦχος, колховъ, по имени Олеакъ, Ολθάκης, —сказалъ Цицеронъ.—Я его видѣлъ еще въ Путеоли, на кораблѣ.

За Олеакомъ непосредственно шли скиѳскія царевны, драпированныя бѣлоснѣжными коротенькими бурками, изготовлявшимися изъ шкурокъ молодыхъ барашковъ у подножія горы Коракса (mons Coracinus), что нынѣ Эльборусъ *).

За ними шли сарматы въ панцыряхъ изъ конскихъ копытъ, съ арканами черезъ плечо, луками и стрѣлами, тѣ сарматы, которые не знали еще употребленія желѣза.

Восторженные крики зрителей не умолкали и теперь ни на минуту.

За сарматами несли драгоцѣнные подарки восточныхъ царей: золотые троны, столы, сѣдалища, золотой вѣнецъ и золотое державное яблоко, подарокъ Тиграна, а также золотые виноградники изъ Іерусалима.

— Да,—говорилъ Цицеронъ Антонію,—Помпей, заслужилъ терній въ свой лавровый вѣнокъ. Вообрази, когда они перетаскивали зимой свой флотъ черезъ Кавказъ, то впереди шли нѣ-

---

*) N. Kiepert. «Atlas antiquus».

которые воины съ длиннѣйшими шестами, которыми ощупывали глубину снѣговъ, и вдругъ воинъ исчезаетъ въ снѣговой пучинѣ! Тогда онъ, засыпанный снѣгомъ, просовываетъ изъ-подъ него конецъ шеста для притока туда воздуха, чтобы не задохнуться, и чтобъ товарищи видѣли, куда исчезъ несчастный... Самъ Помпей нерѣдко съ конемъ исчезалъ въ снѣжной пучинѣ *).

Колесница двигалась медленно. Прекрасные бѣлые кони, какъ бы сознавая все величіе минуты, шли шагомъ, гордо поднявъ красивыя головы и поводя умными глазами по рядамъ любовавшихся ими зрителей.

Страшно загорѣлое подъ знойными лучами іудейскаго солнца, оттѣненное лавровымъ вѣнкомъ, лицо тріумфатора казалось сильно постарѣвшимъ за три года скитаній по Востоку.

А восторженные крики все болѣе оглашали форумъ по мѣрѣ приближенія колесницы.

— Взгляните на Цезаря,—шепнулъ Цицеронъ Антонію,— какъ онъ блѣденъ.

— Это отъ зависти къ Помпею,—улыбнулся Антоній.

— Да, но онъ далеко пойдетъ... Не даромъ когда-то Сулла сказалъ про него: «въ этомъ мальчишкѣ сидятъ десять Маріевъ».

— Да и Лукуллъ, кажется, завидуетъ: какъ насупился.

— Ему нельзя не завидовать: вонъ сколько чудесъ добылъ на далекомъ Востокѣ, а Лукуллъ добылъ только вишни. pruni cerasi.

— Зато Крассъ пожираетъ глазами только золото, ему больше ничего не надо.

— Да, въ накопленіи золота ему усердно помогаютъ сынъ Зевса и Майи и ослѣпленный Зевсомъ Плутусъ.

— Именно: Меркурій у него на посылкахъ, всѣ крылья на ногахъ обтрепалъ.

— Зато Крассу принадлежитъ полъ-Рима.

Цицеронъ повелъ глазами по трибунѣ сенаторовъ и замѣтилъ, что у сидѣвшаго за ними стараго Ауфидія тихо падаютъ изъ глазъ слезы.

— Взгляни на Ауфидія,—сказалъ онъ,—старикъ плачетъ.

— Это слезы умиленія и гордой радости за своего бывшаго ученика.

---

*) Страбонъ, IV, 4.

Колесница, наконецъ, приблизилась къ трибунамъ, и Помпей, увидавъ своихъ друзей, ласково имъ улыбнулся.

Колесница остановилась, и когда дежурный эдилъ взялъ подъ уздцы ея коней, тріумфаторъ, при громѣ усиленныхъ до экстаза восклицаній, сошелъ на землю.

Его тотчасъ же обступили друзья и сановники.

— Теперь въ храмъ Юпитера Капитолійскаго, принести благодарственныя жертвы безсмертнымъ богамъ, — торжественно произнесъ Цицеронъ, какъ первый консулъ.

Всѣ двинулись къ храму, передъ которымъ уже ожидали тріумфатора всѣ жрецы Рима, авгуры, фламиніи, саліи, жрецы Изиды съ звенящими систрами и во главѣ всѣхъ ихъ pontifex maximus.

— Еще не весь міръ имъ завоеванъ,—думалъ про себя Цезарь, искоса поглядывая на Помпея,—для меня остается еще Египетъ съ пирамидами, обелисками и сфинксами, Лузитанія, Галлія, Германія, Альбіонъ...

Всѣ вступили въ храмъ.

КОНЕЦЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 17

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 17

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ.

Историческій романъ изъ эпохи царствованія Алексѣя Михайловича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Попытка къ возврату.

Въ ночь съ 17-го на 18-е декабря 1664 года изъ воротъ Воскресенскаго монастыря, что подъ Москвою, выѣхало нѣсколько саней. Въ переднихъ, съ высокою спинкой, обитыхъ черною матерією, виднѣлась массивная фигура въ черномъ высокомъ клобукѣ, на которомъ, при мерцаніи звѣздъ и движеніи саней, искрились разноцвѣтные огоньки дорогихъ камней. Противъ него, на переднемъ сидѣньи, виднѣлась другая человѣческая фигура, надъ которою высился большой крестъ, тоже искрившійся огоньками. Проходившіе въ это время по дорогѣ люди, завидѣвъ переднія сани и крестъ, поспѣшно отошли въ сторону и упали ницъ.

Ночь была морозная, тихая. На небѣ вызвѣздило. Необыкновенно ярко выступали изъ мрачнаго покрова, раскинувшагося надъ землею, то трепетныя и мигающія, то яркія и дрожащія искры далекихъ огней, брошенныхъ невѣдомою силою въ пространство, и чѣмъ дольше всматривался въ нихъ глазъ, тѣмъ далѣе, казалось, уходили они въ мрачную, безпредѣльную даль и пустоту, такъ что становилось чего-то страшно. Страхъ этотъ ясно изображался на блѣдномъ лицѣ того, который сидѣлъ на переднемъ сидѣньи первыхъ саней и держалъ въ рукахъ высокій металлическій крестъ: онъ, по временамъ, испуганно взгля-

дывалъ на это темное, усѣянное звѣздами небо, на которомъ среди другихъ звѣздъ, неподвижно стояла страшная, хвостатая звѣзда, словно огненная метла, брошенная на небо хвостомъ на полдень, — и тихо шепталъ молитву.

Поѣздъ двигался скоро, рѣзко визжа полозьями по снѣгу. Возницы, сидѣвшіе на передкахъ саней, тихо, безъ словъ, но торопливо подгоняли лошадей длинными бичами. Во всѣхъ саняхъ виднѣлись черные клобуки—и весь этотъ ночной поѣздъ съ черными клобуками представлялъ что-то таинственное, загадочное.

— Что крестъ-отъ такъ дрожитъ у тебя въ рукахъ? — спросилъ вдругъ тотъ, у котораго на клобукѣ искрились драгоцѣнные камни.

— Страховито видѣніе сіе, великій государь, — отвѣчалъ державшій крестъ, указывая на комету

— То знаменіе Божіе—перстъ огненный, имъ же Онъ, сый и грядый, судьбы міра пишетъ.

— Къ добру ли знаменіе то, великій государь?

— Судьбы Его кто исповѣстъ? Можетъ, на враговъ моихъ и сквернителей церкви россійской указуетъ тотъ палецъ огненный, а можетъ на меня.

Черезъ дорогу, впереди саней, промелькнуло что-то сѣренькое и попрыгало по снѣгу къ ближайшему перелѣску.

— Стой! Останови сани!—повелительно сказалъ послѣдній голосъ.—Заяцъ перебѣжалъ дорогу... Лукавъ бѣсъ — ненавидитъ добро... Поди, Иванушко, осѣни крестомъ дорогу.

Возница остановилъ коней. Остановился и весь поѣздъ. Лошади встряхивались, гремя наборною сбруею.

— Что случилось? Зачѣмъ стали?—слышалось изъ прочихъ саней..—Заяцъ передорожилъ.

Тотъ, кого называли Иванушкой, вылѣзъ изъ первыхъ саней, держа передъ собою высокій крестъ, прошелъ впередъ и, трижды осѣнивъ крестомъ дорогу, молча воротился на свое мѣсто.

Поѣздъ снова двинулся. Опять завизжали полозья, звонко, рѣзко, словно-бы подъ ними кто-то вскрикивалъ отъ боли, жалуясь на холодъ. Снова безмолвно смотрѣли съ неба чьи-то страшныя очи да огненный палецъ,—не палецъ, а цѣлая горящая пятерня указывала на что-то далекое, невидимое. Иногда лѣсъ за-

слонялъ собою горизонтъ и снѣжную, утопавшую во мракѣ, равнину, и тогда казалось, что вдоль дороги, по сторонамъ, двигались какія-то тѣни въ саванахъ, изъ-подъ которыхъ простирались длинныя руки, словно закоченѣвшія отъ холода.

Время переходило уже за полночь, и въ ночномъ воздухѣ слышалось что-то похожее не то на продолжительный, неумолкаемый стонъ, не то на далекую, протяжную и плачущую музыку. Сидѣвшій въ переднихъ саняхъ словно какъ-бы вздрогнулъ и вытянулся, къ чему-то прислушиваясь.

— Меня зовутъ — по мнѣ встосковались храмы Божіи,— радостно сказалъ онъ.

То слышался далекій звонъ московскихъ церквей къ заутрени. Скоро близость Москвы стала сказываться все яснѣе и яснѣе. Потянулись изгороди, заборы, боярскія подгородныя усадьбы. Чаще попадались обозы, гуськомъ тянувшіеся въ городъ, къ раннему базару.

У заставы поѣздъ остановленъ былъ окрикомъ сторожей: «кто ѣдетъ»?

— Савина монастыря власти, — отвѣчали изъ первыхъ саней.

— Подвысь! Вольно! Съ Богомъ!

И сторожа, при видѣ креста въ саняхъ, въ недоумѣніи сняли шапки и стали креститься.

Поѣздъ съ крестомъ проѣхалъ прямо въ Кремль и остановился у Успенскаго собора. Въ соборѣ въ это время шла заутреня. Служилъ ростовскій митрополитъ Іона, временной блюститель патріаршаго престола. Народу было полна церковь, такъ полна, что во время молитвенныхъ возглашеній иподіакона вся церковь представляла колышащуюся массу головъ, которыя, повидимому, не вмѣщались въ тѣсныхъ стѣнахъ обширнаго храма и во всякомъ случаѣ не могли дѣлать истовые размашистые поклоны, какъ то требовалось обычаемъ. Въ спертомъ отъ дыханія воздухѣ, свѣчи, которыхъ зажжены были цѣлые лѣса, горѣли тускло, оплывали и чадили. Но при всемъ томъ въ храмѣ царствовала благоговѣйная тишина и только слышались сдержанныя старческія покашливанья да вздохи сокрушенныхъ сердцемъ, а то и просто вздохи обычая—что такъ-де надоть, крѣпче будетъ. Надъ всѣмъ этимъ господствовалъ звонкій, грудной, хотя тоже, въ силу обычая, для большей истовости нѣсколько

гнусившій, голосъ псаломщика—митрополичьяго поддьяка. высоко и шибко забиравшаго большею частью тамъ, гдѣ не слѣдовало. Читалась уже вторая каѳизма. Голосъ чтеца гулко отдавался подъ сводами храма, какъ бы силясь вырваться на морозный воздухъ изъ этой душной, пропитанной восковымъ чадомъ атмосферы?

Вдругъ у входныхъ дверей послышался какой-то шумъ. Сдѣлалось смятеніе. Всѣ головы оборотились назадъ въ ожиданіи чего-то непонятнаго. Входныя двери загремѣли желѣзными засовами, завизжали на петляхъ и тяжело растворились настежъ. Въ церковь дымными клубами ворвался морозный воздухъ.

Что такое? Не царь ли идетъ?—Голосъ псаломщика дрогнулъ; но чтеніе не прекращалось.

Стѣна молящихся насунулась впередъ и уперлась о самый амвонъ. Тѣ, которые занимали середину церкви, шарахнулись въ стороны, какъ овцы, прижимаясь къ стѣнамъ и колыхая паникадилами, которыя чуть не попадали—да упасть было некуда,—попадали только нѣкоторыя свѣчи.

Показались ряды монаховъ съ заиндевѣвшими отъ мороза бородами. За монахами—высокій, блестящій золотомъ и самоцвѣтными камнями крестъ. За крестомъ—высокая, коренастая, осанистая фигура въ черномъ клобукѣ, на которомъ блеститъ и искрится отливающій всѣми цвѣтами радуги налобный крестъ. Лицо вошедшаго за крестомъ блѣдное, суровое, съ выраженіемъ чего-то повелительнаго, непреклоннаго, скорѣе жесткаго и отталкивающаго: глаза—которые никогда, кажется не смотрѣли нѣжно даже на ребенка, губы—которыя никогда, кажется, не знали поцѣлуя любви и ласки.

Всѣ головы оборотились къ нему, и все, казалось, замерло съ испугу. Одинъ поддьякъ не прерывалъ чтенія, хотя и его голосъ срывался и дрожалъ.

— Перестань читать!—раздался, какъ ударъ кнута, повелительный голосъ, который такъ часто когда-то слышали эти стѣны; а теперь и стѣны, казалось, дрогнули отъ испуга: такъ давно онѣ не слыхали этого знакомаго, страшнаго голоса — послѣ шести лѣтъ не слыхали его.

Слова читавшаго каѳизмы замерли въ горлѣ—на полсловѣ остановился, словно бы передъ нимъ разверзлась бездна. А въ

этотъ моментъ откуда-то раздались стройные, плавные звуки, какъ будто бы они исходили изъ купола, въ то время, какъ страшный пришлецъ твердо и грузно вступалъ на патріаршее мѣсто.

— Исполла эти, деспота!

Это пѣли монахи, только что вошедшіе въ церковь. Потомъ запѣли—«достойно есть»... Вся церковь окаменѣла отъ изумленія; никто не молился; митрополитъ стоялъ блѣдный, потерянный—онъ не зналъ, что ему дѣлать, не понималъ, что же такое случилось, что вокругъ него происходитъ.

Когда кончилось пѣніе «достойно», протодіаконъ, стоявшій въ полномъ облаченіи, недвижимъ, какъ истуканъ, невольно поднялъ обернутую въ орарь правую руку, которая дрожала.

— Говори ектенью!—второй разъ прозвучалъ по церкви тотъ страшный голосъ, который всѣхъ приводилъ въ трепетъ.

Протодіаконъ оторопѣлъ, заспѣшилъ-было, сорвался съ голоса, поправился, передохнулъ — и продолжалъ уже ровной, привычной октавой... «О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ! О мирѣ всего міра»...

А страшный пришлецъ, сойдя съ патріаршаго мѣста, плавно, но твердо, словно вдавливая ноги въ церковный каменный помостъ, сталъ ходить по церкви и прикладываться къ образамъ и мощамъ. Народъ со страхомъ разступался передъ нимъ, боясь поднять глаза до его глазъ, свѣтившихся какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ.

Окончивъ это, пришелецъ опять взошелъ на патріаршее мѣсто, возглашая громко, медленно и сурово, какъ бы грозясь кому-то: «Владыко многомилостиве!..»

— Иди подъ благословеніе! — повелительно обратился онъ, тотчасъ послѣ молитвы, къ митрополиту Іонѣ, который продолжалъ стоять неподвижно, попрежнему блѣдный, недоумѣвающій.

Іона повиновался—подошелъ, склонивъ ниже обыкновеннаго сѣдую голову въ богатой митрѣ. За нимъ робко потянулось прочее духовенство. Пришлецъ порывисто шепталъ благословеніе и также порывисто крестилъ подходящихъ, словно ударялъ ладонью провинившійся передъ нимъ воздухъ. Никто не глядѣлъ въ глаза этому страшному пришельцу.

— Поди, возвѣсти великому государю о моемъ пришествіи,——сказалъ онъ митрополиту, окончивъ благословеніе.

Оторопѣлый митрополитъ еще ниже наклонилъ голову—сѣдыя рѣдкія косы его дрожали на плечахъ.

— Иди!—раздался повторительный возгласъ.

Іона пошелъ, шатаясь и не поднимая головы. За нимъ торопливо послѣдовалъ ключарь собора, Іовъ. Народъ поспѣшно разступался передъ ними, какъ-бы боясь прикоснуться до ихъ ризъ.

За духовенствомъ, одинъ за другимъ, тихо и робко ступая по помосту, стали всходить на патріаршее возвышеніе и прочіе молящіеся. Пришлецъ благословлялъ всѣхъ, долго благословлялъ. Не одну тысячу разъ сдѣлала въ воздухѣ крестное знаменіе жилистая рука его; а народъ все подступаетъ, робко прижимаясь одинъ къ другому.

А время идетъ... Пришлецъ нетерпѣливо поглядывалъ на входныя двери—никого нѣтъ... На лицо его все болѣе и болѣе ложится какая-то зловѣщая тѣнь... Глаза перестаютъ глядѣть на подходящій подъ благословеніе народъ: они его не видятъ, а видятъ какъ-будто что-то другое, никому невидимое.

Церковные сторожа робко, словно-бы украдкой и боясь взглянуть на пришельца, пробираются между народомъ съ пучками, съ цѣлыми охапками свѣчей, и втыкаютъ ихъ во всѣ свободныя ячейки паникадилъ и между ячейками, по бортамъ, до безконечности увеличиваютъ это несмѣтное множество блестящихъ огненныхъ языковъ, чтобы ярче, до боли глазъ, освѣтилась огромная храмина, словно бы желая яркимъ свѣтомъ освѣщеннаго огня согнать съ давно вдовствующаго патріаршаго трона это страшное, сидящее на немъ, привидѣніе, о которомъ начали-было уже забывать, какъ о заживо погребенномъ. И храмина освѣтилась ярко, зловѣще; а привидѣніе не исчезаетъ; оно все сидитъ на тронѣ и автоматически машетъ рукою надъ робко склоняющимися головами молящихся. И лицо у привидѣнія становится еще зловѣщѣе: матовая блѣдность его переходитъ въ какую-то зеленоватость, въ сѣро-пепельность...

Вдругъ входныя двери съ шумомъ растворились. Народъ опять шарахнулся въ разныя стороны.—Не царь ли идетъ?—Нѣтъ, не царь.—Показались блѣдныя, смущенныя лица митрополита Іоны, ключаря Іова, а за ними еще четыре лица... Это бояре. Впереди всѣхъ сухая, высокая фигура съ иконописнымъ лицомъ и черненькими въ мѣшкахъ и складкахъ глазами. Это

Одоевскій князь, Никита Ивановичъ, бояринъ и постникъ. За нимъ статная, осанистая фигура другого боярина съ добрымъ лицомъ и добрыми глазами. Это бояринъ—князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Тутъ же и юркій молодой царедворецъ—Родіонъ Стрѣшневъ, и сухой, желтый, морщинистый, какъ пересохшій пергаментъ, великій законникъ и воротило—дьякъ Алмазъ Ивановъ, изможженное лицо котораго походило на полинялый отъ времени харатейный свитокъ, а живые черные глаза на этой харатьѣ представляли подобіе двухъ свѣжихъ чернильныхъ пятенъ.

Бояре прямо подошли къ патріаршему мѣсту. Пришлецъ сидѣлъ, какъ статуя, не двигаясь; только огромный наперсный крестъ съ камнями изобличалъ, что грудь, на которой онъ покоился, дышала тяжело, порывисто: камни дрожали и сверкали разноцвѣтными искрами.

Вся церковь замерла отъ ожиданія. Одоевскій, молча и не кланяясь, подошелъ къ пришельцу. Глаза ихъ встрѣтились. Глаза Одоевскаго потупились и спрятались подъ мѣшечками.

— Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно,—сказалъ онъ хрипло:—обѣщался впредь въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь, о чемъ и написано уже ко вселенскимъ патріархамъ; а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго собора? Ступай въ монастырь по прежнему.

Пришлецъ вздрогнулъ и поднялся во весь свой огромный ростъ. Одоевскій невольно попятился назадъ. По церкви прошелъ ропотъ испуга. Многіе учащенно крестились.

— Сошелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ не званъ для того, чтобъ великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ, а отъ суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ я на свой престолъ по явленію.

Пришлецъ проговорилъ это необыкновенно отчетливо и рѣзко.

— Ступай въ свой монастырь! — вторично прохрипѣлъ князь Одоевскій то, что ему приказано было сказать.

Пришлецъ понялъ, что это уже царскій указъ—«пошелъ!»—и ни слова больше... Онъ пошарилъ что-то подъ панагіею и вынулъ оттуда запечатанный пакетъ.

— Вотъ письмо, отнесите его къ великому государю,—сказалъ онъ, протягивая пакетъ и ни на кого не глядя.

— Ступай въ монастырь!—автоматически повторилъ Одоевскій.

— Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ,—какъ-то испуганно заговорилъ дьякъ Алмазъ Ивановъ, причемъ харатейная кожа на его лицѣ еще болѣе сморщилась: онъ вспомнилъ, что еще не такъ давно, его, думнаго дьяка Алмаза Иванова, да подъячаго Гришку Котошихина, велѣно было бить батоги нещадно за то, что они приняли одно такое письмо, не досмотрѣвъ, а въ немъ была прописка въ титулѣ великаго государя—опискою написано было «гусодаря»,—послѣ каковыхъ батоговъ, не стерпя побой, оный Гришка Котошихинъ бѣжалъ къ свейскому королю за море, а Алмазъ Ивановъ харкалъ кровью.

— Безъ указа великаго государя, его пресвѣтлаго царскаго величества, мы письма принять не смѣемъ,—повторилъ этотъ великій законникъ.

— Пойдемъ, извѣстимъ о семъ великому государю,—добавилъ Юрій Долгорукій.

Посланные вышли. Церковь представляла теперь необыкновенное зрѣлище: служба была прервана; духовенство—соборные попы и протопопы, дьяконы и поддьяконы, находившіеся передъ тѣмъ въ какомъ-то оцѣпененіи, теперь ожили—бродили съ клироса на клиросъ, съ амвона въ алтарь и по церкви, перешептывались, иногда мѣнялись улыбками и шушуканьемъ, кивали головами и свободно зѣвали и широко разметывали косы; сторожа украдкой, а иногда и явно пофукивали на паникадилы и притушивали излишне зажженныя изъ страха свѣчи; народъ, все время до пришествія посланцевъ тѣснившійся къ патріаршему мѣсту для благословенія, теперь съ робостью отхлынулъ отъ этого мѣста и не зналъ, что ему дѣлать. Казалось, въ церкви былъ покойникъ, и словно бы всѣ ждали, что вотъ-вотъ запоютъ—«помилуй раба твоего»... Тяжелое ожиданіе!

И пришлецъ казался теперь не тѣмъ, чѣмъ былъ недавно: онъ сидѣлъ неподвижно, какъ статуя; ему ужъ некого было благословлять—и онъ молча перебиралъ чотки; блѣдное лицо его по временамъ судорожно подергивалось... Между тѣмъ, время тянулось такъ долго. Давно зажженныя свѣчи догорали, и словно

мракъ какой-то спускался отъ купола все ниже къ полу. Становилось какъ-то сумрачно. То тамъ, то здѣсь слышались вздохи, шепотъ молитвы...

Наконецъ, двери опять широко распахнулись—и все вдрогнуло, засуетилось. Вошли прежніе посланцы.

— Великій государь указалъ намъ, холопамъ своимъ, объявить тебѣ прежнее—чтобы ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, а письмо взять у тебя!—проговорилъ, какъ по заученному, Одоевскій, подходя къ патріаршему мѣсту.

Пришлецъ снова выпрямился во весь ростъ и сдѣлалъ шагъ къ Одоевскому и къ прочимъ посланцамъ. Дьякъ Алмазъ Ивановъ попятился назадъ; но чернильныя пятна—глаза его—заискрились.

— Коли великому государю пріѣздъ мой ненадобенъ, то я поѣду назадъ въ монастырь, но не выйду изъ церкви, пока на письмо мое отповѣди не будетъ,—сказалъ пришлецъ попрежнему громко и отчетливо.

И онъ гордо, не какъ проситель, подалъ письмо. Дьякъ Алмазъ Ивановъ быстро нагнулся и взглянулъ на титулъ письма: онъ пуще смерти боялся прописки въ титулѣ—это было одно изъ величайшихъ и тягчайшихъ государственныхъ преступленій того времени.

Посланцы опять вышли—опять въ церкви осталось то же слоняющееся безъ дѣла священство, тѣ же ожидающіе чего-то прихожане, та же неподвижная фигура на патріаршемъ мѣстѣ, а рядомъ—высокій блестящій крестъ въ рукахъ ставрофора-крестоносителя.

Послѣ томительнаго ожиданія въ третій разъ распахнулись входныя двери собора. Теперь впереди посланцемъ отъ царя выступалъ смиренный Павелъ, митрополитъ Крутицкій; но изъ-за маски смиренія лицо его свѣтилось скрытымъ злорадствомъ.

— Письмо твое великому государю донесено,—началъ онъ громко, обводя весь соборъ глазами, и остановился.

Всѣ ждали, притаивъ дыханіе. Митрополитъ началъ:

— Онъ, великій государь, его пресвѣтлое царское величество, власти и бояре письмо выслушали,—продолжалъ онъ и снова остановился.

Всѣ ждали опять—ждали еще съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ. Послышался гдѣ-то стонъ. Съ висячаго паникадила

упала свѣчка, проведя въ воздухѣ огненную полосу, словно падучая звѣзда, и погасла.—«Охъ!» послышался чей-то испуганный голосъ.

— И ты, патріархъ, изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь попрежнему,—закончилъ Крутицкій митрополитъ.

Это былъ жестокій приговоръ. Пришлецъ пошатнулся было назадъ, но тотчасъ же оправился, только лицо его позеленѣло. Онъ молча сошелъ съ патріаршаго мѣста, медленно приложился къ образамъ, взялъ посохъ митрополита Петра—этотъ историческій посохъ московскихъ святителей—и направился къ выходу между двумя стѣнами безмолвныхъ зрителей, которыхъ онъ, не поднимая глазъ, благословлялъ обѣими руками.

— Оставь посохъ!—говорилъ Одоевскій, поспѣшая за нимъ.

— Оставь посохъ!—повторили прочіе бояре.

— Отнимите силою!—не глядя на нихъ, отвѣчалъ пришлецъ и вышелъ изъ собора.

Впереди попрежнему несли крестъ. Ночь была на исходѣ. На небѣ все еще стояла огненная метла, только хвостомъ уже на западъ. Народъ повалилъ изъ собора.

Пришлецъ, садясь въ сани, сталъ отрясать ноги, громко говоря евангельскія слова:

— Идѣ же аще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилепшій къ ногама вашема, отрясите во свидѣтельство на ня!

— Мы этотъ прахъ подметемъ!—дерзко отвѣчалъ стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать пришельца, какъ арестанта.—Пойдемте-ста!

— Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи!—сказалъ ему пришлецъ и указалъ на комету.

— Охъ, Господи! Спаси насъ, помилуй!—послышался испуганный крикъ въ народѣ.

Поѣздъ двинулся въ обратный путь. Народъ повалилъ за поѣздомъ. Изъ дворца прискакали—окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій и любимецъ царскій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ,—и слѣдовали за поѣздомъ.

Странный видъ представляло это шествіе въ ночной темнотѣ, при только что занимавшейся зарѣ. За поѣздомъ тѣснились

толпы, опережая его и производя необыкновенный гулъ и ропотъ: стукъ тысячъ ногъ объ замерзшую землю, скрипъ саней, карканье проснувшихся галокъ и воронья и смутное рокотанье голосовъ сливались въ какой-то невообразимый хаосъ. Въ разныхъ мѣстахъ города звонили колокола, какъ бы прощаясь съ уѣзжающими.

Пришлецъ, тотъ, который произвелъ все это волненіе, сидѣлъ въ первыхъ саняхъ и какъ-то странно глядѣлъ на стоявшій передъ нимъ крестъ... «Порвалась—порвалась послѣдняя нитка»,—шептали блѣдныя губы.

За землянымъ городомъ поѣздъ остановился. Долгорукій сошелъ съ коня и приблизился къ первымъ санямъ, снявъ свою высокую боярскую шапку.

— Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патріарха, благословеніе и прощеніе просить,—сказалъ онъ, почтительно нагибая голову.

— Богъ его проститъ, коли не отъ него смута,—отвѣчалъ сидѣвшій въ первыхъ саняхъ.

— Какая смута?—удивленно спросилъ Долгорукій.

— Я не своей волей пріѣзжалъ—по вѣсти,—былъ отвѣтъ.

Поѣздъ снова двинулся въ путь сквозь густую толпу народа. На колокольнѣ Ивана Великаго загорался золотой крестъ—всходило солнце.

II. Посохъ митрополита Петра.

Такъ неудачно кончилась попытка Никона (это былъ онъ)—попытка къ примиренію съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. «Тишайшій» первый разъ въ жизни оказался непреклоннымъ.

За шесть лѣтъ до начала настоящаго повѣствованія, лѣтомъ 1658 года, въ Москву пріѣхалъ грузинскій царевичъ Теймуразъ. По этому случаю у царя былъ большой обѣдъ. Приглашена была къ столу вся московская знать; не былъ приглашенъ одинъ Никонъ, великій святитель и патріархъ Никонъ, который за столомъ царя занималъ обыкновенно первое мѣсто. Это было для него прямымъ ударомъ въ сердце: «тишайшій» царь, называвшій Никона «собиннымъ» другомъ своимъ, не рѣшавшійся безъ его благословенія ни на какое государственное дѣло, именовавшій его не иначе, какъ «владыкою святымъ», «великимъ

святителемъ», «равноапостольнымъ богомольцемъ», своимъ «преосвященнымъ главою», повелѣвавшій ему писаться въ указахъ царскихъ рядомъ съ царемъ и тоже называться «великимъ государемъ»,—царь вдругъ охладѣваетъ къ своему любимцу и даже не приглашаетъ къ столу. Задѣтый за живое, Никонъ посылаетъ своего боярина, одного князя, во дворецъ за какимъ-то церковнымъ дѣломъ или просто высмотрѣть, что тамъ дѣлается. Въ это время царевичъ Теймуразъ ѣхалъ во дворецъ. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищалъ ему путь, колотя, по московскому обычаю, палкою въ лобъ каждаго, кто высовывается изъ толпы. Одинъ изъ такихъ ударовъ попалъ въ голову посланцу Никона.

— Не дерись, Богданъ Матвѣичъ!—закричалъ посланецъ, хватаясь за голову. —Вить я не просто сюда пришелъ, а съ дѣломъ.

— Ты кто такой?—спросилъ окольничій.

— Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ посланъ.

— Не дорожись!—закричалъ Хитрово и снова ударилъ патріаршаго посланца дубиной по лбу.

Тотъ съ плачемъ бросился къ Никону. Никонъ написалъ царю, прося «розыскать дѣло» и наказать Хитрово. Царь тотчасъ же отвѣчалъ собственноручно: «Сыщу и по времени самъ съ тобою видѣться буду».

Но прошелъ день, другой—ни розыска, ни свиданья.

Подоспѣлъ праздникъ Казанской Богородицы — большой праздникъ, съ крестнымъ ходомъ всего освященнаго собора. А царь—такой богомолецъ, такой любитель церковной обрядности и всего священнаго благолѣпія. Наканунѣ праздника Никонъ, по обыкновенію, посылаетъ попа доложить царю, что святѣйшій патріархъ шествуетъ въ церковь. Отъ царя—ни отвѣта, ни привѣта. У обѣдни—опять нѣтъ царя! Это такъ не похоже на него... И праздникъ не въ праздникъ... Черезъ два дня опять большой праздникъ—праздникъ ризы Господней. Никонъ опять шлетъ къ царю съ вѣстями—и опять нѣтъ царя! Вмѣсто него, является къ патріарху царскій спальникъ, князь Юрій Ромодановскій—такой хмурый, торжественный... Что бы это значило!

— Царское величество на тебя гнѣвенъ,—оттого не пришелъ къ заутрени и повелѣлъ не ждать его и къ святой литургіи.

Вотъ какую громовую вѣсть принесъ Ромодановскій—было

отчего смутиться. Но Никонъ не смутился—онъ зналъ «тишайшаго», своего «собиннаго» друга.

— За что его царское величество на меня гнѣвенъ?—спросилъ онъ.

— Ты пренебрегъ его царскимъ величествомъ,—пишешься великимъ государемъ; а у насъ одинъ великій государь—царь!

— Называюсь я великимъ государемъ не собою. Такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество,—свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою.

— Царское величество почтилъ тебя яко отца и пастыря, и ты этого не уразумѣлъ. А нынѣ царское величество велѣлъ тебѣ сказать: отнынѣ не пишись и не называйся великимъ государемъ, почитать тебя впредь не будетъ.

Что послѣ этого оставалось дѣлать? Или сломить, или самому сломиться. Но не такая это была воля, чтобы сломиться.

По уходѣ Ромодановскаго Никонъ не долго думалъ. Въ немъ тотчасъ созрѣло рѣшеніе. «Кину патріаршій престолъ вдовымъ—напугаю, сломлю всѣхъ... Кроткій и богобоязненный царь испугается»... Онъ сказалъ объ этомъ своему дьяку. Дьякъ сталъ уговаривать—напрасно. Патріархъ былъ непреклоненъ. Дьякъ кинулся къ другу Никона, боярину Зюзину. Тотъ велѣлъ умолять патріарха—не дѣлать этого, не гнѣвить царя: «послѣ-де захочешь воротиться, да поздно будетъ». Упрямый гордецъ задумался было—сталъ даже писать царю; но приливъ злобы все испортилъ...

— Иду!—тряхнулъ онъ своею черною гривою и въ клочки изодралъ написанное... — Купите мнѣ простую палку, какія попы носятъ...

И онъ отправился въ Успенскій соборъ.

Энергіею и силою звучалъ его металлическій голосъ во время службы—никогда онъ не служилъ такъ хорошо, величественно; руки его, сжимая золотыя свѣщницы съ горящими свѣчами, казалось, благословляли этимъ свѣтомъ весь міръ. Когда хоръ возглашалъ: «исполла эти, деспота!» — величественное лицо его, казалось, говорило: «кто противъ меня, тотъ противъ Бога и церкви!»

Послѣ причастія онъ велѣлъ ключарю поставить у выходовъ сторожей, не пускать народъ изъ храма: «поученіе-де будетъ».

И вотъ великій патріархъ вышелъ на амвонъ—лицо какое-то необыкновенное, не его лицо!

— Буди имя Господне!—загремѣлъ хоръ.

Народъ понадвинулся къ амвону. Тысячи глазъ смотрѣли въ лицо проповѣднику.

— Лѣнивъ я былъ васъ учить,—раздались слова съ амвона,—не стало меня за это... Отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ; а если помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема. Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексіемъ Алексіевичемъ въ Колязинъ монастырь, и въ то время на Москвѣ многіе люди къ Лобному мѣсту собирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. А я отбиралъ иконы латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ нѣмецъ изъ своей земли. Вотъ какимъ образамъ надо вѣрить и покланяться (и онъ указалъ на образъ Спасовъ въ иконостасѣ). А я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ—новыя-де книги завелъ! И все это учинилось ради грѣхъ моихъ. Я вамъ предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріархомъ, и вы въ окаменѣніи сердецъ вашихъ хотѣли меня каменіемъ побить; но Христосъ насъ единожды кровію искупилъ,—а коли меня вамъ каменіемъ побить, и мнѣ никого кровію своею не избавить, и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше я вамъ отъ сего времени не буду патріархъ. Аминь.

Какъ громомъ поразили эти слова весь соборъ. Недоумѣвающіе, смущенные, оторопѣвшіе, испуганные, всѣ стояли точно окаменѣлые и съ какимъ-то ужасомъ какъ бы искали понять, кто же тутъ виноватъ во всемъ этомъ, гдѣ тѣ преступники, которые вызвали страшное проклятіе на весь соборъ, на всю эту массу молящихся вѣрующихъ, чего-то чающихъ—гдѣ они, эти изверги, гдѣ виновные въ томъ, что вотъ-вотъ сейчасъ громъ небесный разразится надъ храмомъ... Послышались всхлипыванья, стоны, женщины громко плакали... «Матушки! Святители! Что-жъ это будетъ съ нами!.. охъ!..»

— Батюшка! Кормилецъ! Кому же ты насъ сирыхъ оставляешь!—голосили бабы и боярыни въ истошный голосъ.—Кому, батюшка нашъ! О-о-о!

— Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ,—отвѣчалъ Никонъ.

Его стали разоблачать. Казалось, что это раздѣваютъ покойника. А вонъ и саванъ несутъ—это мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ. Что-жъ это такое будетъ.

Толпа не выдержала — бросилась къ послушникамъ и отняла у нихъ мѣшокъ. Толпа превращалась въ звѣря: какъ она въ другое время побила бы камнями этого самаго Никона, такъ теперь за него она готова была растерзать всѣхъ.

Никонъ не могъ ослушаться толпы и ушелъ въ алтарь. Тамъ онъ потребовалъ бумаги и чернилъ. Нагнувшись къ престолу, онъ, стоя, началъ чертить перомъ на бумагѣ. Рука его дрожала; перо не попадало въ чернильницу. Онъ самъ повторялъ за собою то, что чертила его рука на бумагѣ... Это было письмо къ царю... Отхожу ради гнѣва твоего, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву... И паки: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не примутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногу вашею...

— Отрясу... Отрясу,—бормоталъ онъ, когда, тотчасъ послѣ этого, на него стали надѣвать простую мантію съ «источниками» и черный клобукъ.—Бѣгу во инъ градъ—бѣгу въ пустыню.

Взявъ въ руки простую палку, онъ быстро вышелъ изъ алтаря и направился было къ выходнымъ дверямъ. Что-то страшное и въ то же время обаятельное было во всей его фигурѣ. Сначала было всѣ шарахнулись отъ него съ испугу въ сторону, но потомъ задніе бросились къ дверямъ и заслонили ихъ собою.

— Не пустимъ! Не пустимъ!—застонала толпа.

Женщины истерически рыдали, валяясь въ ногахъ у упрямца и цѣлуя его ризы, ноги, палку... Выпустили только Крутицкаго митрополита Питирима, который поспѣшилъ во дворецъ доложить царю о томъ, что происходило въ соборѣ.

Царь былъ пораженъ, какъ громомъ, нежданной вѣстью... «Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ»,—бормоталъ онъ, хватаясь за голову и безпомощно озираясь. Глаза его упали на стоявшаго тутъ же князя Трубецкого, Алексѣя Никитича, великаго стратига московскаго.

— Иди, Алексѣй, образумь его, скажи: я жалую его, не гоню, радъ ему... Охъ, Господи!

Трубецкой явился въ соборъ. Никонъ сидѣлъ на нижней ступени патріаршаго мѣста, чертя въ задумчивости посохомъ по церковному помосту. Трубецкой подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Прошло мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ,—сказалъ Никонъ, не давая Трубецкому благословенія.—Недостоинъ.

— Какое твое недостоинство? Что ты сдѣлалъ?—спросилъ недоумѣвающій Трубецкой.

— Если тебѣ надобно, то я стану тебѣ каяться,—съ горькою ироніею отвѣчалъ патріархъ.—всему собору, всѣмъ православнымъ христіанамъ буду каяться.

Въ толпѣ послышался ропотъ.—Трубецкой смутился.

— Это не мое дѣло, не кайся, — бормоталъ онъ; — скажи только, зачѣмъ бѣжишь, престолъ свой оставляешь- Живи—не оставляй престола! Великій государь нашъ тебя милуетъ и радъ тебѣ.

Никонъ вынулъ изъ подъ мантіи клокъ бумаги, что сейчасъ исписалъ за престоломъ, и подалъ Трубецкому.

— Поднеси это государю... Попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью.

Трубецкой ушелъ. Патріархъ не смотря на свою желѣзную волю, озирался растерянно, видимо не находя себѣ мѣста: то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, какъ бы униженно припадая къ ногамъ обезумѣвшей отъ изумленія толпы, то вставалъ и порывался къ дверямъ. Но народъ съ плачемъ не пускалъ его, падая передъ нимъ ницъ или простирая къ небу руки. Картина была потрясающая. Женщины то рыдали, сбившись въ кучу, какъ овцы въ зной, то ползали у ногъ упрямца, стукаясь головами о каменный церковный помостъ.

Не выдержалъ и патріархъ—заплакалъ: безпомощно опустившись на нижнюю ступень своего сѣдалища, онъ припалъ лицомъ къ ладони и тихо, беззвучно рыдалъ.

Это уже было выше мѣры. Церковь вся огласилась рыданіями. Даже сторожа, забившись по угламъ, плакали.

Но снова явился Трубецкой и, отдавая Никону назадъ письмо его, сказалъ: «Великій государь указалъ тебѣ сказать, чтобъ ты патріаршества не оставлялъ, а келій-де на патріаршемъ дворѣ много».

— Уже я слова своего не перемѣню,—сказалъ патріархъ, и вышелъ изъ собора.

Теперь ужъ его никто не останавливалъ. Народъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ патріархомъ и ему нанесена обида... Стоитъ-ли-де настаивать послѣ этого!

Но, когда Никонъ хотѣлъ сѣсть въ карету, народъ бросился на нее и выпрягъ лошадей. Никонъ пошелъ пѣшкомъ чрезъ Кремль—народъ за нимъ. Патріархъ хотѣлъ уйти Спасскими воротами—народъ заперъ ворота. Тогда Никонъ сѣлъ въ нишу подъ воротами, въ «печуру». Народъ запрудилъ всю эту половину Кремля, и только посланные изъ дворца бояре могли заставить народъ выпустить своего плѣнника.

Опальный патріархъ пошелъ пѣшкомъ до своего подворья, на Ильинку, а народъ, провожая его, плакалъ словно по покойникѣ.

. . . . . .

Все это вспомнилъ теперь Никонъ, возвращаясь въ свой Воскресенскій монастырь изъ Москвы, куда онъ попытался было, но такъ неудачно, снова воротиться изъ своего добровольнаго, а теперь невольнаго изгнанія. Тяжело было у него на душѣ. Да и какъ перемѣнилось все въ эти долгія, мучительно однообразныя шесть лѣтъ изгнанія? Тогда, оскорбленный и униженный, онъ ѣхалъ въ изгнаніе все-таки полный надеждъ, что его скоро воротятъ, попросятъ назадъ, и торжество его будетъ полное. Теперь онъ возвращался полный мрачной безнадежности и тоски: мало того, что теперь его выгнали какъ собаку—впереди еще ждетъ его судъ вселенскихъ патріарховъ. «О! Наемники!»—невольно вырвалось у него слово—и онъ оглянулся назадъ. Сани его катились по той же однообразной снѣжной равнинѣ, по коей онъ нѣсколько часовъ тому назадъ, ночью, ѣхалъ съ тайною надеждою на побѣду... Нѣтъ, не побѣда ждала его, а глубокое посрамленіе...

И онъ снова мыслью переносился въ прошлое. Тогда, шесть лѣтъ назадъ, эти поля покрыты были зеленью; теперь—кругомъ саванъ бѣлый—глазамъ больно отъ этого снѣжнаго моря...

Вспоминалась ему вся его горькая, одинокая жизнь въ монастырѣ и та свѣтлая, полная торжества, власти и славы жизнь, когда онъ еще не покидалъ патріаршаго престола. Припомнилась и послѣдняя, прошлогодняя схватка съ Паисіемъ Лигаридомъ и

другими посланцами царя... Пришли они къ нему въ келью цѣлымъ сонмищемъ, а впереди всѣхъ этотъ грекъ-бродяга, Паисій... Не вытерпѣло сердце буйнаго патріарха, и онъ ринулся вепремъ на бѣднаго гречина:

— Воръ! Нехристь! Собака! Самоставникъ! Мужикъ! — закричалъ онъ, стуча объ полъ посохомъ.—Давно-ли на тебѣ архіерейское одѣяніе? Есть ли у тебя ко мнѣ грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ? Тебѣ не впервой тыкаться по государствамъ да мутить—у насъ того-же захотѣлъ!

Но увертливый Одиссей не смутился.

— Отвѣчай мнѣ по-евангельски,—мягко сказалъ Паисій по-латыни:—проклиналъ-ли ты царя?

— Я служу за царя молебны, — накинулся на него Никонъ, когда ему перевели слова Паисія.—А ты зачѣмъ говоришь со мною на проклятомъ латинскомъ языкѣ?

— Языки не прокляты, — отвѣчалъ Паисій: — огненный духъ сошелъ въ видѣ языковъ. Я же говорю съ тобою по-еллински, потому что ты невѣжда и не понимаешь этого золотого языка.

А тутъ не-кстати—вмѣшался Іосифъ, архіепископъ астраханскій.

— И ты туда же!—крикнулъ на него Никонъ.—А помнишь ли, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщался ты и царя не слушать, а теперь суешься! Али тебѣ бѣдному, дали что-нибудь! Я ни слушать тебя, ни говорить съ тобою не стану.

— А для чего ты,—вмѣшался въ споръ Одоевскій,—для чего на молебнахъ жалованную государеву грамоту приносилъ, подъ крестъ клалъ и подъ образъ Богородицы, читать ее приказывалъ и изъ псалмовъ клятвенныя слова говорилъ?

— Я на литургіи, послѣ заамвонной молитвы, со всѣмъ соборомъ молебенъ служилъ, государеву грамоту прочитать велѣлъ, подъ крестъ и подъ образъ Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго мя, на Ромашку Боборыкина, а не на великаго государя.

Тѣ не вѣрили, настаивали на своемъ. Никонъ не вынесъ больше и закричалъ:

— А хотя бы я къ лицу великаго государя клятву износилъ—такъ что-жъ? Я за такія обиды и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли!

А потомъ обратившись къ Іосифу, спросилъ:

— Какой у васъ теперь тамъ на Москвѣ соборъ, и кто приказывалъ его вамъ открывать?

Іосифъ отвѣчалъ:

— Этотъ соборъ созванъ по указу великаго государя ради твоего неистовства; а тебѣ до этого дѣла нѣтъ—ты свое достоинство патріаршеское оставилъ.

— Я своего достоинства патріаршаго не оставлялъ.

— Какъ не оставлялъ! — Ему показали письмо. — А это развѣ не твое письмо, гдѣ ты пишешь, что не возвратишься на патріаршество, какъ песъ на свою блевотину? Развѣ не самъ ты писался бывшимъ патріархомъ? И послѣ этого годится ли тебѣ называться патріархомъ?

— Я и теперь государю не патріархъ!—загремѣлъ упрямецъ.

— А по самовольному съ патріаршаго престола удаленію и по нынѣшнимъ неистовствамъ твоимъ ты и намъ всѣмъ не патріархъ... Достоинъ ты за свои неистовства ссылки и подначальства крѣпкаго, потому, что великому государю дѣлаешь многія досады и въ мірѣ смуту.

Тутъ же Никонъ окончательно вышелъ изъ себя и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Вы пришли на меня, какъ жиды на Христа...

Все это припомнилось теперь несчастному. А впереди еще этотъ вселенскій судъ, а тамъ, вѣрно, вѣчная ссылка и вѣчное—до самаго гроба—забвеніе...

Было уже далеко за полдень, когда поѣздъ изгнаннаго изъ Москвы патріарха добрался до села Чернева. Лошади, не кормленныя всю ночь и болѣе половины дня, притомились. Свита Никона, тоже постившаяся и глазъ не сомкнувшая со вчерашняго дня, изнемогла и отощала. Иванъ Шушера, ставрофоръ патріарха, постоянно державшій передъ нимъ крестъ, падалъ отъ утомленія и того и гляди могъ уронить и самый крестъ. Самъ Никонъ, казалось, постарѣлъ за эту ужасную ночь на десять лѣтъ: онъ, постоянно прямой и твердый, какъ-то осунулся и сидѣлъ сгорбившись. Шушера, вглядываясь въ его посеребренную инеемъ бороду, съ ужасомъ замѣчалъ, что въ ней начинаетъ серебриться и другой, не морозный иней—иней сѣдины, старости, дряхлости.

Рѣшено было остановиться въ селѣ Черневѣ—покормить

лошадей и самимъ отдохнуть. Въѣхали на подворье. Молча, поддерживаемый монахами, Никонъ вышелъ изъ саней и вошелъ въ избу. Почти все время, пока оставались въ Черневѣ, онъ сидѣлъ неподвижно, въ глубокой задумчивости. Изъ этой задумчивости онъ былъ выведенъ скрипомъ подъѣхавшихъ къ подворью саней и знакомыми голосами. Онъ встрепенулся—по лицу и по глазамъ его прошелъ какой-то свѣтъ. Онъ узналъ звонкій голосъ Родіона Стрѣшнева и сухой кашель дьяка Алмаза Иванова. Что-то въ родѣ надежды блеснуло въ черныхъ глазахъ изгнанника.

Въ избу вошли Павелъ, митрополитъ Крутицкій, Іоакимъ, архимандритъ Чудовскій, Родіонъ Стрѣшневъ и Алмазъ Ивановъ.

— Великій государь приказалъ спросить тебя, по какой вѣсти пріѣзжалъ ты въ Москву, и взять у тебя посохъ Петра митрополита,—сказалъ Стрѣшневъ, ставъ середи избы.

— Пріѣзжалъ я въ Москву не своею волею—по вѣсти изъ Москвы, — отвѣчалъ Никонъ по-прежнему гордо: посоха не отдамъ—отдать мнѣ посохъ некому.

Митрополитъ Крутицкій хотѣлъ что-то сказать, но Никонъ не далъ ему рта разинуть.

— Тебя я зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю!—крикнулъ онъ на него.—Кто тебя въ митрополиты поставилъ—не вѣдаю, да и знать не хочу. Посоха тебѣ не отдамъ, потому что не у кого, кромѣ меня посоху быть. А кто ко мнѣ вѣсть прислалъ—вотъ письмо.

И онъ подалъ Алмазу Иванову исписанный листокъ бумаги, хранившійся у него на груди подъ мантіею. Алмазъ Ивановъ быстро поднесъ листокъ къ своему пергаментному лицу, пробѣжалъ его своими мышиными глазками, словно нюхая, чѣмъ пахнутъ чернила, и пробормотавъ успокоительнымъ голосомъ—«отъ Зюзина отъ Микитки»,—сунулъ его къ себѣ за пазуху.

Никону доложили, что лошади уже запряжены—пора ѣхать. Не оборачиваясь къ царскимъ посланцамъ, онъ вышелъ изъ избы на крыльцо. Былъ уже вечеръ. Звѣзды, какъ и вчера, горѣли ярко, и длинный хвостъ кометы стоялъ на синевѣ неба прямо, словно огненная метла, поднятая невидимою рукою.

Посланцы вышли за патріархомъ. Когда Никонъ, поддерживаемый монахами, садился уже въ сани, къ нему подошелъ Крутицкій митрополитъ.

— Отдай посохъ,—сказалъ онъ настойчиво.

— Не тебѣ ли, худоглавый!—огрызнулся на его упрямецъ.

— Не мнѣ, а великому государю.

— Чрезъ твои-то коростовыя руки!

Ошпаренный митрополитъ не зналъ, что отвѣчать.

— На!—обратился упрямецъ къ близъ-стоявшему монаху, подавая ему посохъ.—Отвези великому государю... А мой посохъ—вонъ! (онъ указалъ на комету). Я съ нимъ пойду по землѣ и всю россійскую землю вымету начисто...

Онъ сдѣлалъ знакъ рукою, и поѣздъ двинулся въ путь

III. Аввакумъ въ царицыныхъ палатахъ.

Въ этотъ самый вечеръ, когда Никонъ, уѣзжая изъ села Чернева въ ссылку, грозился, что, вмѣсто посоха Петра митрополита, возьметъ въ руки божественную метлу—комету—и ею вымететъ русскую землю,—въ это время въ Москвѣ, во дворцѣ, на половинѣ царицы Марьи Ильинишны, рядомъ съ царицыною мастерскою палатою, въ покояхъ боярынь Ѳедосьи Прокопьевны Морозовой и княгини Авдотьи Прокопьевны Урусовой, которыя были родныя дочери Прокопья Ѳедоровича Соковнина, вѣдавшаго царицыну мастерскую палату, находился рѣдкій гость—мужчина. По тому времени на женскую половину допускались весьма немногіе мужчины—ближайшіе родные, духовники, святоши да юродивые.

Гость, сидѣвшій въ покояхъ Морозовой и Урусовой, былъ попъ, судя по его одѣянію и наружности. Это былъ высокій, широкоплечій мужчина съ длинною, апостольской сѣдою бородою и такими же сѣдыми курчавыми волосами, съ длиннымъ, тонкимъ, красиво-очерченнымъ носомъ, съ сѣрыми большого разрѣза и длинными глазами и низенькимъ лбомъ, на который красиво падали сѣдыя кудерьки,—точь-въ-точь святительскій ликъ, какіе можно видѣть на старинныхъ иконахъ суздальскаго письма. Сѣрые, съ длиннымъ разрѣзомъ и длинными рѣсницами глаза смотрѣли ласково и по временамъ зажигались прекраснымъ, какимъ-то согрѣвающимъ свѣтомъ. Это были совсѣмъ отроческіе глаза подъ сѣдыми бровями.

Боярыни, у которыхъ этотъ, бросающійся въ глаза, старикъ сидѣлъ въ гостяхъ, смотрѣли еще совсѣмъ молоденькими. Онѣ

были одѣты совсѣмъ одинаково: въ черные, съ малиновыми по переду и подолу разводами, сарафаны и въ темно-малиновыя съ золотыми разводами душегрѣи. И лицомъ онѣ походили одна на другую, только старшая изъ нихъ на видъ была покруглѣе лицомъ и всѣми формами: немножко вздернутые кверху носики, большіе, голубые, съ наивно-дѣтскимъ выраженіемъ, глаза и круглые подбородки съ ямочками—все это было одного пошиба и смотрѣло одинаково мягко и симпатично.

Онѣ сидѣли у покрытаго ковромъ стола, на которомъ находился большой серебряный подносъ, а на немъ разсыпанъ жемчугъ и разноцвѣтный бисеръ. Онѣ усердно подбирали жемчугъ и бисеръ, по временамъ какъ бы замирали, слушая своего гостя и поднимая на него отъ работы изумленные, нерѣдко испуганные глаза, и снова наклонялись надъ работой. Тутъ же стояла у стола маленькая, лѣтъ девяти-десяти, бѣлокуренькая дѣвочка и, торопливо выбирая съ блюда самыя крупныя жемчужины, нанизывала ихъ на красную нитку. Она часто смотрѣла на сѣдого гостя своими большими, удивленными глазами, какъ бы не вѣря тому, что тотъ разсказывалъ, и роняя иногда жемчужину на блюдо, нетерпѣливо топала ножкой.

— И какъ я, свѣтики мои миленькія, подалъ эти выписки о сложеніи перстовъ, меня и велѣлъ схватить оный Никонишко,— монотонно говорилъ сѣдой гость, поглаживая свою бороду.— Взяли меня, свѣтики мои, отъ всенощной, прямо изъ церкви, а со мной захватили и стрѣльцовъ человѣкъ до шестидесяти. Ихъ то, дѣтушекъ моихъ, въ тюрьму отвели, а меня на патріарховъ дворъ на цѣпь посадили на ночь, яко медвѣдя. Когда же разсвѣтало, посадили меня на телѣгу и растянули руки, точно распяли, и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на цѣпи, что собаку, кинули въ темную-претемную палатку—вся въ землю ушла, сыра и холодна какъ могила. И сидѣлъ я тамъ, свѣтики мои, три дня, во тьмѣ кромѣшной, не ѣлъ не пилъ, да и не давали ничего. И сидя тамъ, я молился на цѣпи и кланялся съ цѣпью—не знаю на востокъ, не знаю на западъ поклоны клалъ... а цѣпь-то звенитъ, цѣпь-то плачетъ ко Господу! Никто ко мнѣ туда не приходилъ, токмо мыши да черные тараканы, да сверчки и день, и ночь кричатъ. И въ третій день пріалченъ я бысть, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, отощалъ,—и оле чудо—ста предо мною не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ—и по

сіе время не знаю, ста предо мною въ потемкахъ, молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпью къ лавкѣ подвелъ, посадилъ, ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко и штецъ далъ—похлебать—зѣло превкусны хороши, и реклъ ми: «полно! довлѣетъ ти ко укрѣпленію». Да и не стало его: двери не отворялись, а его не стало. Дивно только—человѣкъ ли то, али ангелъ? Ино нечему дивиться, ангелу вездѣ не загорожено.—То-то ночка была!.. На утро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня изъ темницы: журятъ мнѣ, что патріарху не покорился; а я, свѣтики мои, отъ писанія браню его да лаю. А тамъ поволокли меня въ церковь и въ церкви-то за волосы драли, подъ бока пинками толкали, за чепь торгали и въ глаза плевали... а я, свѣтики мои, радуюсь: какъ клокъ-отъ волосъ выдерутъ, а я думаю себѣ: «вѣнецъ-де, нетлѣнный плетутъ мнѣ»; а цѣпь звенитъ—то райскія птички поютъ: таково-то сладко на душѣ было!

Онъ остановился, какъ бы припоминая что. Слушательницы тихо позвякивали жемчутомъ, боясь проронить слово.

— Въ ту пору, свѣтики мои,—продолжалъ гость,—взяли и Логина, протопопа муромскаго. Въ соборѣ, при самомъ государѣ, остригъ его Никонъ въ обѣдню—то-то знатную цирульню изъ храма сдѣлалъ! Во время переноса, оный цирульникъ Никонъ снялъ съ головы у архидіакона дискосъ и поставилъ на престолъ съ тѣломъ Христовымъ и съ чашею. А когда остригли Логина, то содрали съ него и однорядку, и кафтанъ—точно разбойники! Логинъ же разжегся ревностью божественнаго огня, шибко, на весь соборъ, порицалъ Никона и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза ему плевалъ; а потомъ, распоясался, и рубашку съ себя сдернулъ, да голый, въ чемъ мать родила, портками прикрывшись, ту рубашку въ алтарь въ глаза Никону бросилъ... И чудно! Растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискосъ, будто воздухъ... И въ ту пору, свѣтики мои, и царица въ церкви была...

— Въ ту пору, батюшка, и я съ царицею была—тамъ,—тихо сказала княгиня Урусова, вся красная, не поднимая головы.

— Была, миленькая, и чудо видѣла?—встрепенулся гость.

— Нѣтъ, я тогда горько плакала, за слезами ничего не видала.

— Жаль, жаль... Такъ вотъ, свѣтики мои, остригши Логина, возложили на него цѣпь тяжелую, лошадиную и, таща изъ

церкви, били метлами и шелепами до самаго Богоявленскаго монастыря, а народу-то, народу-то, что на улицѣ! И кинули его тамъ въ палатку, въ темницу, и стражу поставили. И что же бы вы думали! Въ ту нощь Богъ ему шубу новую да шапку далъ...

— Богъ шапку и шубу далъ!—встрепенулась бѣлокуренькая дѣвочка, подходя къ старику и глядя своими большими изумленными глазами въ его глаза.

— Далъ, миленькая царевна, Софѣй-премудрость Божія!—ласково сказалъ старикъ, любуясь дѣвочкой.—У Бога все возможно... Вонъ когда на утро и Никонишкѣ разсказали объ этомъ, такъ онъ, разсмѣявся, аки пьяница на кружечномъ дворѣ, сказалъ: «Знаю, су, я пустосвятовъ тѣхъ»! и шапку у него отнялъ, а шубу оставилъ прикрытія наготы ради.

— А въ Сибири, отецъ, тяжко было жить?—спросила Морозова.

— И тяжко, и сладко, миленькая моя... Исходилъ я всю ее, студеную-то сторонку сибирскую. Былъ и въ Тобольскѣ, и въ Енисейскѣ, и вездѣ-то за мной по пятамъ шла злоба Никонова. Мало ему было Енисейска, велѣлъ послать меня въ Даурію съ енисейскимъ воеводою Аѳанасьемъ Пашковымъ. Ужъ и лютъ же былъ до меня оный Пашковъ, да Богъ ему, Аѳанасью проститъ. Вышли мы изъ Енисейска съ полкомъ казаковъ, въ шестистахъ, водою, на дощеникахъ. Ужъ и натерпѣлись же мы тамъ: не одинъ ковшъ горя выпили и не одно ведро слезъ пролили. Однова ѣхали мы по большой Тунгускѣ-рѣкѣ, и въ ту пору встала буря, и погрузило бурею въ воду дощеникъ мой—совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды, и парусъ изорвало; остались надъ водою однѣ палубы, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубу изъ воды дѣтокъ ребятокъ кое-какъ повытаскала, мечется простоволоса, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» А Богъ-отъ молитву людскую слышитъ и козявочку маленькую подъ листочкомъ видитъ и бережетъ,—и ухо Его святое вездѣ, и рука Его благая повсюду... И волею Божіею прибило насъ къ берегу; Богъ беретъ меня, свою козявку бѣдную. Богъ беретъ, такъ Пашковъ, въ угоду Никону, души моей искалъ. Взлютовался онъ на меня крѣпко, сталъ изъ дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ, еретикъ-де, поди-де по горамъ, а съ нами не ходи». Страхъ меня оковалъ тутъ: горы высоки до небесъ; дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна

стоитъ, и поглядѣть на него, заломя голову, такъ шапка валится... А въ горахъ тѣхъ зміи великіе живутъ... И чего-то тамъ нѣтъ! А все не такъ, какъ у насъ на Руси: тамъ и гуси, и утицы—періе красное, и вороны сѣрые и галки черныя, тамъ и орлы невиданные, и соколы дивные, и кречеты, и курята индѣйскіе, и бабы, и лебеди, и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. А звѣрей-то тамъ—и числа, и имени имъ нѣту: козы дикія, и олени съ оленцами малыми бѣгаютъ, и зубры веліе, и лоси, и кабаны—клыкомъ зубра прошибаютъ, и волки, и бараны дикіе во-очію бродятъ, а взять нельзя. На тѣ-то горы выбивалъ меня Аѳанасій со звѣрьми рыскать да со птицами витать. Такъ я ему малое писаньице написалъ. «Человѣче! говорю: убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и взирающаго на бездны, его же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки—единъ ты презираешь его»... Послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ казаковъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему; а я казакамъ кашки наварилъ да кормлю ихъ; а они, бѣдные, и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные, глядя на меня, плачутъ—жалко имъ меня. Привели дощеникъ. Взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ весь отъ злобы. «Попъ ты или распопъ?» кричитъ.—«Азъ есмь Аввакумъ, говорю, протопопъ». Онъ же рыкнулъ, яко звѣрь дикій, и ударилъ меня по щекѣ, да по другой, да въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, да ухватя цѣпь, лежачаго по спинѣ, а потомъ, раздѣвши что липку, по той же спинѣ семьдесятъ два раза. А я подъ кнутомъ-то молюсь: «Господи! Помогай мнѣ». А ему горько и досадно, что не говорю «пощади». Стащили меня потомъ, еле жива, въ казенный дощеникъ, сковали и руки и ноги и на беть кинули. Осень въ ту пору стояла глубокая; дождь на меня лилъ всю ночь,—подъ капелью лежалъ хуже пса... Какъ били кнутомъ-то, такъ не больно было съ молитвою-то; а тутъ, лежа подъ дождемъ, заплакалъ до Бога. Да и какъ было не плакать! Всѣ кости-тѣ щемью щемятъ; жилы-тѣ клещами тянутъ; все сердце во мнѣ съ тѣломъ издрожалось, и я помирать сталъ... Увидали это казаки, плеснули мнѣ въ ротъ водицы—ожилъ, отошелъ... На утро кинули меня въ лодку и везли дальше. Привезли къ порогу Падуну—страшенъ тотъ порогъ, зѣло крутъ; гребень во всю рѣку,—только воротца малыя: что въ воротца не попало, ино въ щепы растрощитъ и размечетъ. Привезли меня подъ порогъ: со всего неба, кажись,

дождь и снѣгъ собрался на меня, а у меня на плечахъ одинъ кафтанишко; льетъ вода и по спинѣ, и по брюху,—углобоша воды до души моей... О! таково нужно было... Привезли меня потомъ въ Братскій острогъ и въ тюрьму кинули,—благо, соломки дали. Въ тѣ поры тамъ зима злая живетъ,—а меня Богъ и безъ платья грѣлъ: что собачка на соломкѣ лежу, о далекой Москвѣ вспоминаю; коли накормятъ, коли нѣтъ, лежу да думаю... А тутъ эти мыши покою не даютъ, и я ихъ, бывало, скуфьею билъ—и батожка мнѣ дурачки не дали... Все на брюхѣ лежалъ; спина гнила,—да что о томъ вспоминать!

А молодыя боярыни, повидимому, все усерднѣе и усерднѣе работали надъ своими жемчугами, только подчасъ выступавшія на щекахъ пунцовыя пятна да дрогнувшая рука обнаруживали ихъ внутреннее волненіе. Маленькая царевна Софьюшка также вся превратилась въ слухъ.

— На весну паки поѣхали впередъ: все далѣ и далѣ,—къ самому, кажись, концу свѣта,—продолжалъ, немного помолчавъ, гость. — Дорогой все испроѣли и совсѣмъ обносились, — мало душу не износили въ лохмотья. И вдругорядь тонулъ я на Байкаловѣ морѣ, только Богъ вынесъ изъ пучины морской. А море-то, миленькіе мои, у какое свирѣпое было! Словно звѣри сѣдые да косматые ходили по немъ да рыкали. А послѣ Байкалова моря по Шилкѣ шли: тутъ Пашковъ заставилъ меня лямку тянуть. Что-жъ! и тянулъ—чѣмъ я лучше другихъ! А зѣло трудно и нужно было—и поѣсть было неколи, да и нечего, не то, чтобы спать. Цѣлое лѣто мучились отъ водяныя тяготы: люди, что мухи, гибли, а у меня и животъ, и ноги сини были—какъ и вынесъ! Два лѣта такъ-то бродили въ водахъ, мерли да синѣли, а зимами черезъ волоки волочилися. И на той Шилкѣ я въ третій разъ тонулъ, да все не утонулъ: оторвало мою барченку отъ берега водою, ухватило да и понесло; жена и дѣти на берегу остались—плачутъ, руки къ небу возносятъ, хотятъ до неба докричать; а меня съ кормщикомъ помчало—словно щепку насъ буря подхватила... Переворачиваетъ, это, нашу барочку вверхъ и боками, и дномъ, треплетъ, а я по ней ползаю, что козявка, да кричу: «Владычица, помози!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ! Гнало съ версту и больше, да люди у смерти отняли,—только все размыло до крохи. Да и крохъ-то этихъ было не густо. А что станешь дѣлать, коли Христосъ да Пречистая

Богородица изволили такъ?—Ихъ воля. Я-то, вышедъ изъ воды, смѣюсь—радъ, что живъ, а люди-тѣ плачутъ, платье мое по кустамъ развѣсивши. А Пашковъ опять меня же хочетъ бить—мало ему, благо зажила спина. «Ты-де, вопитъ волкомъ, самъ надъ собою дѣлаешь на посмѣхъ!» Я-то самъ топлю себя! И я опять Богородицѣ-свѣту докучать: «Владычице! уйми дурака того!» Такъ она, надежа, уняла—жалко меня стало. Потомъ доползли до Иргея озера. Волокъ тутъ большой, стали зимою волочиться—волами подѣлались. Пашковъ отнялъ у меня работниковъ, такъ я одинъ уже и помаялся: дѣтишки маленьки, ѣдоковъ много, хоть и малы рты, а работниковъ одинъ я, горемыка-протопопъ; нарту самъ себѣ стюкалъ топорикомъ, уложилъ дѣтокъ да протопопицу—и волоку. А доволокъ, помогла Всепѣтая. А тамъ и весна тепленька глянула: птички запѣли; травка зазеленѣла; рѣчушки прошли, — такъ мы по Ингодѣ рѣкѣ и поплыли на низъ—четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему и плаканію—всласть наплакался. Тамъ лѣсъ гнали хоромной и городовой — остроги ставили: Иркутскъ, Нерчинскъ, Албазинъ — много остроговъ нагородили. И стало ѣсть нечего: люди учали съ голоду пухнуть да помирать, да отъ работныя водяныя бродни погибать. О-и-хи-хи! Рѣка мелкая; плоты тяжелые; приставы немилостивые; палки большія; баготы суковатыя; кнуты острые; пытки жестокія—огонь да встряска,—люди голодные: лишь станутъ мучить, анъ и умретъ... Ахъ, времени тому! не знаю, какъ и умъ отъ меня не отступился. А отъ Пашкова онъ ушелъ—да и былъ-ли, полно? На Нерчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебиваючися, голодомъ помирая, а онъ все лютуетъ, все ему мало. Осталось насъ малое мѣсто, которые не перемерли, и мы, отай отъ него, по полямъ да по степямъ скитающеся, что кроты коренья копали. А пришла зима—сосну грызли, аки зайцы, а иное кобылятинки Богъ дастъ—либо кости находили звѣрей, что волки зарѣзали, и что волкъ не доѣстъ, мы доѣдимъ, а то и самыхъ озяблыхъ волковъ да лисицъ ѣли и всякую скверну. Кобыла жеребенка родитъ, а голодные отай и жеребенка, и мѣсто скверное кобылье съѣдятъ. А Пашковъ свѣдалъ—и кнутомъ до смерти забьетъ. И кобыла умерла—все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенка того вытащили изъ нея: лишь голову появилъ, а они и выдернули да почали черовъ скверную ѣсть. Охъ, времени тому! И самъ я, грѣшный, волею и неволею причастникъ тѣмъ

кобыльимъ и мертвечьимъ сквернамъ и птичьимъ мясамъ. Увы, грѣшной душѣ моей, юже азъ погубилъ житейскими сластьми! Охъ, времени тому страшному!

— О-охъ!—вырвался страстный стонъ изъ груди Морозовой.

Молодая боярыня бросилась передъ Аввакумомъ на колѣни и, схвативъ его руку, покрывала ее поцѣлуями.

— Батюшка! Свѣтъ ты нашъ—мученикъ Христовъ!—шептала она страстно.

Аввакумъ всталъ въ сильномъ волненіи и силился приподнять молодую боярыню, которая цѣловала его рясу, а потомъ припала къ ногамъ.

— Господь съ тобой, дочушка моя во Христѣ, Ѳедосьюшка милая, свѣтикъ мой!—бормоталъ онъ растерянно, радостно, силясь приподнять молодую женщину.—Встань, дитя божье!

— О-охъ, свѣтъ нашъ-учитель! Дай мнѣ, грѣшницѣ, ноги твои святыя слезами омыть и косою моею мерзкою вытереть,—шептала боярыня, ломая свои пухлыя ручки.

Аввакумъ приподнялъ ее, бережно прижалъ ея голову къ своей груди и дрожащею рукою крестилъ плачущую женщину.—«Господь надъ тобой, дочушка! Ангелы осѣни тебя чистые! Успокойся, дитятко!»—ласково говорилъ онъ, усаживая ее.

Княгиня Урусова также всхлипывала, припавъ головой къ столу. Маленькая царевна стояла вся красная, готовая заплакать.

Морозова сѣла. Грудь ея сильно поднималась подъ малиновой душегрѣею; губы дрожали. Аввакумъ съ трудомъ пришелъ въ себя.

— Разбередилъ я васъ, старый дуракъ, миленькія мои, простите!—говорилъ онъ въ волненіи.—И что же, свѣты мои,—глядючи на васъ, скажу: ближе къ Богу жена стоитъ, нежели мужъ. Ей-такъ! Ей-ей, воистину такъ! Не даромъ Господь жену создалъ изъ ребра мужчины, а мужа изъ персти земной, изъ грязи. Тѣмъ и выше жена мужа и чище его духомъ и тѣломъ. Не вы первыя, свѣтики мои, не вы послѣднія примѣръ тому: ужъ коли женщина вѣритъ, такъ ея вѣра—адамантъ крѣпокъ и сила въ ней несокрушимая. Вотъ хоть бы обо мнѣ сказать: когда мы помирали голодною смертію въ даурской далекой сторонѣ и питались скверною всякою, мертвечиною и сосною, насъ отъ смерти спасли жены воеводскія—жена онаго Аѳанасья Пашкова, Ѳекла Семе-

повна—болярыня—да болярыня воеводская сноха Авдотья Кирилловна—онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его, Аѳанасья, пришлютъ иногда кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется—четверть пуда и гривенку—другую, а иногда и полпудика накопятъ и передадутъ, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребутъ да намъ на обѣдъ либо на ужинъ пришлютъ. А разъ и курочку живую дали. Черненькая была курочка, хохлатенькая и въ штанишкахъ, говорунья такая—все бывало каждое утречко: «коко-коко! коко-коко!» Анъ глядь—два яичка снесла, да такъ по два яичка на день и приносила робяти нашему на пищу, божіимъ повелѣніемъ нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. Да, увы! на нартѣ везучи въ то нуждое время, удавили ее по грѣхомъ нашимъ, не доглядѣли. И плакали по ней—гораздо поплакали. И нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ, голубушка, придетъ. Не то курочка, не то чудо было отъ Бога: во весь годъ по два яичка давала—сто рублей при ней плюново дѣло! Жалѣю... И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, если и рыбка прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ досталася. У боярыни той воеводши куры всѣ переслѣпли и мереть стали, такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала: чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица, то есть, наша, дѣтки у нея, надобны ей куры. Да молебенъ пѣлъ; воду святилъ,—куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все и отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ исцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея, болярыни. Отъ того-то племени и наша курочка была. Да полно того говорить!—у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣтельствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка, и птичка во славу его пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.—А все жаль курочки той...

Вдругъ послышалось тихое, сдержанное всхлипыванье. Поглощенныя разсказомъ Аввакума, мысленно бродившія съ нимъ по далекой, невѣдомой даурской землѣ и по Нерчѣ рѣкѣ, молодыя боярыни, не замѣтили, какъ маленькая царевна, тоже жадно

слушавшая страннаго старичка и не спускавшая съ него своихъ большихъ, изумленныхъ глазъ, припавъ своей бѣлокурой головкой къ колѣнямъ княгини Урусовой, тихо плакала.

— Что съ тобой, солнышко царевна! Объ чемъ ты изволишь плакать?—встревоженно спрашивала молодая княгиня, приподнимая съ своихъ колѣнъ заплаканное личико Софьюшки-царевны.

Дѣвочка не отвѣчала, только розовыя губки ея снова складывались, чтобъ заплакать пуще прежняго.

— Христосъ надъ тобой, солнышко свѣтлое! О чемъ плакынькаешь?—допрашивали ее обѣ сестры-боярыни.—А? Повѣдай намъ, объ чемъ?

— Жалко,—отвѣчала дѣвочка, силясь сдержать слезы и какъ бы глотая ихъ.

— Кого жалко, золотая?

— Курочку жалко...

— А! Курочку...—Всѣ улыбнулись.—Что же теперь плакать о ней?— Вонъ, мы не плачемъ...

— Нѣтъ, и вы плакали.

— Мы плакали о батюшкѣ, объ отцѣ Аввакумѣ, какія онъ тамъ муки терпѣлъ... А тебѣ батюшку жалко, а, скажи, золото червонное?

Дѣвочка посмотрѣла на Аввакума. Тотъ ласково улыбался ей.

— Что меня, стараго-то ворона, жалѣть, осударыня царевна!—сказалъ онъ, подходя къ ней и крестя ея головку.—Я вонъ живъ, брожу, а курочка-то умерла.

Въ это время въ комнату вошла, переваливаясь, какъ не въ мѣру накушавшаяся утка, полная, съ ожирѣвшимъ лицомъ и мѣшковатымъ подбородкомъ, пожилая женщина. Заплывшіе жиромъ глазки чуть-чуть выглядывали изъ своихъ щелей, словно тараканы.

Женщина, увидавъ Аввакума, тотчасъ подошла къ нему подъ благословеніе. Тотъ осѣнилъ ее истово, двуперстно, изобразивъ изъ своихъ пальцевъ сорочій хвостъ.

— Я-то, старая, царевну ищу, а моя царевна вонъ гдѣ,— заговорила вошедшая женщина, кланяясь хозяйкамъ въ поясъ.— Она, моя голубушка, знаетъ, гдѣ коломенской постилой кормятъ.

— Нѣтъ, матушка, я не ѣла постилы,—отвѣчала дѣвочка.

— Ахъ, мы, скверныя!—спохватилась Морозова.—Заслушались слова Божія, а о постилѣ-то и забыли... А намъ свѣженькой, двухсоюзной прислалъ милый княжичъ нашъ, Васенька Голицынъ.—Сбѣгай, Дунюшка, принеси, и батюшку попотчуемъ, какъ та курочка черненька, хохлатенька.

— Ахъ, вы курочки мои золотыя! Балуете старика,—любовно говорилъ Аввакумъ, провожая глазами Урусову.

— А никакъ ты, царевнушка, плакынькала?—сказала толстая мамушка, вглядываясь въ глаза дѣвочки.—Объ чемъ слезки жемчужны? а?

— Объ курочкѣ, какъ курочку задавили ..

— Это я, старый воронъ, каркалъ, раскивилилъ царевну,—вмѣшался Аввакумъ.—Курочка у меня въ Сибири была.

— Осударыня царевна!—послышался вдругъ молодой, звонкій голосъ въ дверяхъ.—Осударыня царица приказала тебя кликать—учитель пришелъ.

Это была молоденькая дворская сѣнная дѣвушка съ розовыми щеками.

— Какой учитель?—встрепенулся Аввакумъ, обращаясь къ маленькой царевнѣ.

— Семеонъ Ситіановичъ,—бойко отвѣчала дѣвочка.

— А! Семеонъ Полоцкій—хохолъ—уникъ бѣлорусскій,—брезгливо замѣтилъ Аввакумъ.—Чему же это онъ учитъ тебя, государыня царевна?

— И письму, и цифири, и великимъ хитростямъ,—быстро заговорила дѣвочка:—псалтырь виршами, и небо мнѣ показываетъ, и планиды—есть планида Кронъ,—есть планида Ермій, а звѣзды веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, а земля черна и кругла—она есть кентръ всего міра...

Дѣвочка захлебывалась отъ торопливости, желая разомъ выложить всѣ свои знанія. Личико ея разгорѣлось, глаза блестѣли. А Аввакумъ, слушая ее, только головой качалъ.

— Ну, научатъ добру эти хохлы, научатъ...

IV. Стенька Разинъ у Никона.

Тяжелое, очень тяжелое было это время — шестидесятые годы XVII столѣтія, къ которымъ пріурочивается наше повѣствованіе,—такое тяжелое время, что едва ли и переживала когда-либо подобную годину святая Русь, хотя она уже и вынесла на себѣ и двухсотлѣтнее татарское ярмо, и лихолѣтье «смутнаго времени», и великое моровое повѣтріе: въ эти тяжелые шестидесятые годы русская земля раскололась на-двое—разорвалось на-двое русское народное сердце, на-двое расщепилась, какъ вѣковое дерево, русская народная мысль, и самая русская жизнь съ этихъ несчастныхъ годовъ потекла по двумъ теченіямъ, одно другому враждебнымъ, одно другое отрицающимъ.

И раскололъ русскую землю и русскую жизнь на-двое не Никонъ, которому приписываютъ это расчлененіе великаго царства раскольники, и не Аввакумъ, котораго исторія считаетъ первымъ заводчикомъ, такъ называемаго, «раскола» или «старообрядчества», нѣтъ, клиномъ, расколовшимъ русскую землю и русскую мысль на-двое, былъ просто типографскій станокъ—это величайшее измышленіе человѣческаго ума,—станокъ, привезенный въ Москву тѣми, которыхъ батюшка Аввакумъ называлъ «хохлами», и о которыхъ онъ говорилъ маленькой царевнѣ Софьюшкѣ, что они «научатъ добру»...

Дѣло было такъ. Привезли хохлы въ Москву этотъ пагубный станокъ, уставили на печатномъ дворѣ, и началось въ Москвѣ печатанье церковныхъ, богослужебныхъ и иныхъ душеспасительныхъ книгъ. А до этой поры на Москвѣ и по всей русской землѣ были книги писанныя. Въ писанныхъ книгахъ, само собою разумѣется, было много описокъ, неточностей, разнорѣчій: по одному списку въ символѣ вѣры значилось—«его же царствію не будетъ конца», а по другому — «и ѣсть конца», въ одной книгѣ объ Іисусѣ Христѣ говорится: «рожденна несотворенна», а въ другой—«рожденна, а не сотворенна», и въ виду этого разнорѣчія одни принимали этотъ азъ, а другіе отметали его. Было много и другихъ подобныхъ спорныхъ вопросовъ. Типографскій станокъ долженъ былъ примирить всѣ эти споры: печать намѣрена была держаться чего-либо одного—и она нашла этотъ азъ излишнимъ. Люди, при-

выкшіе слышать отъ купели своей въ символѣ вѣры этотъ а з ъ возстали за него.

— Намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, — говорили эти сторонники а з а,—подобаетъ умирать за одинъ а з ъ, его же окаянные враги(это «хохлы») извергли изъ символа тамъ, идѣ же глаголется о Сынѣ Божіи Исусѣ Христѣ—«рожденна, а не сотворенна»: велика зѣло сила въ семъ а з ѣ сокровенна.

Къ сторонникамъ а з а принадлежалъ и знакомый уже намъ благообразный старецъ, протопопъ Аввакумъ, вынесшій ужаснѣйшія семь лѣтъ ссылки въ Дауріи и разсказывавшій въ предыдущей главѣ нашего повѣствованія о своихъ страданіяхъ въ сибирской сторонѣ боярынямъ Морозовой и Урусовой и маленькой царевнѣ Софьюшкѣ.

Когда «хохлы» привезли въ Москву типографскій станокъ, то въ числѣ «справщиковъ» къ нему былъ приставленъ и Аввакумъ, или, говоря современнымъ языкомъ, Аввакумъ назначенъ былъ однимъ изъ редакторовъ для печатанія на Гуттенберговскомъ станкѣ церковныхъ книгъ; но когда Никонъ, подъ вліяніемъ образованныхъ «хохловъ», въ родѣ Епифанія Славинецкаго, и хитрыхъ грековъ, въ родѣ Арсенія, началъ коренное исправленіе въ печати богослужебныхъ книгъ, и когда благочестивый Аввакумъ съ товарищами объявили, что за а з ъ они скорѣе умрутъ, чѣмъ позволятъ выбросить его въ корректурѣ символа вѣры, и при этомъ не послушались рѣшенія цѣлаго совѣта или собора святителей, то ихъ и подвергли разнымъ наказаніямъ и ссылкамъ.

Затѣмъ, когда упрямый и властолюбивый Никонъ, въ гнѣвѣ на царя, оставилъ патріаршій тронъ и удалился въ свой монастырь, сторонники а з а, въ большинствѣ случаевъ, были возвращены изъ ссылки. Возвращенъ былъ изъ Сибири и Аввакумъ—и вотъ послѣ этого мы и видѣли его въ бесѣдѣ съ Морозовою и Урусовою въ вечеръ вторичнаго возвращенія Никона изъ Москвы въ свой монастырь.

Это и есть начало раскола въ русской землѣ:—величайшее въ исторіи внутренняго развитія русскаго народа событіе совершилось, такимъ образомъ, изъ-за пустой к о р р е к т у р ы, вызванной все тѣмъ же пагубнымъ станкомъ Гуттенберга.

Такія мысли, какъ волны подъ давленіемъ порывистаго

вѣтра, обуревали посѣдѣвшую голову Никона, когда онъ, на другой день послѣ неудачной ѣздки въ Москву, стоялъ, во время обѣдни, въ своей Воскресенской церкви и прислушивался къ монотонному чтенію иподіакономъ апостола.

— «Литеры малыя, да слова, да препинательные знаки, да перстное сложеніе—экую бурю подняли оныя литеры!—на весь міръ буря... А все сей станокъ печатный»...

Такъ безсвязно думалъ онъ, напрасно силясь вслушаться въ чтеніе иподіакона. Какъ измѣнился онъ со вчерашняго дня!—Словно бы выдержалъ необыкновенный постъ или тяжкую болѣзнь.

Но, какъ онъ ни былъ занятъ своими думами, онъ не могъ не замѣтить какого-то неизвѣстнаго человѣка, который стоялъ у праваго клироса передъ изображеніемъ Спасителя, несущаго крестъ, и горько плакалъ. По виду онъ не казался москвичемъ, да и костюмъ его отличался отъ обыкновеннаго московскаго платья. Никону виднѣлся нѣсколько его профиль съ характернымъ широкимъ носомъ, подстриженный довольно высоко, толстый, какъ у вола, затылокъ; такая же шея и широкія плечи:—вся коренастая, невысокая фигура его казалась крѣпкою, точно выкованною молотомъ на наковальнѣ.

Всю обѣдню незнакомецъ молился и плакалъ: Никонъ видѣлъ, какъ онъ припадалъ головою къ полу, долго не подпималъ ее, и какъ при этомъ вздрагивали отъ плача его могучія плечи.

— «А, должно, большое горе на душѣ у него»,—невольно думалось патріарху; ему самому, разбитому и поруганному, понятнѣе теперь становилось всякое человѣческое горе.

Послѣ обѣдни незнакомецъ подошелъ къ нему подъ благословеніе: необыкновенно добрые и, повидимому, робкіе, съ какою-то скрытою, неуловимою мыслью глаза произвели на патріарха невольное впечатлѣніе. Въ глазахъ этихъ было что-то чарующее, покоряющее своей мягкостью, въ которой сказывалась сила.

— Ты не здѣшній?—спросилъ его Никонъ, поднимая правую руку для благословенія.

— Не здѣшній, великій государь владыко,—смѣло отвѣчалъ незнакомецъ.

— Не называй меня великимъ государемъ,—остановилъ его патріархъ:—прошло мое государствованіе.

Незнакомецъ смотрѣлъ на патріарха, повидимому, не вполнѣ понимая его.

— Я токмо патріархъ, а не великій государь,—продолжалъ Никонъ съ дрожью въ голосѣ:—великій государь у насъ одинъ—царь Алексѣй Михайловичъ... А ты откуда и кто таковъ родомъ?

— Я съ Дону казакъ, святой владыко—Степаномъ называюсь, по нашему Стенькою, а по прозванію Разинымъ... Былъ на Дону на атаманствѣ, а теперь иду молиться—душу спасти.

— Доброе дѣло,—сказалъ патріархъ, и благословилъ его.—Куда жъ ты идешь молиться?

— Кланялся я на Москвѣ московскимъ святителямъ, а теперь иду поклониться соловецкимъ, да къ тебѣ, великій патріархъ, зашелъ просить твоего благословенія всему тихому Дону.

— Благое твое намѣреніе,—ласково и задумчиво сказалъ Никонъ:—я радъ тебѣ, Степанъ; заходи ко мнѣ я съ тобою поговорю.

Разину на видъ казалось лѣтъ около пятидесяти, а можетъ быть и меньше. Въ широкой, окладистой бородѣ его серебрилась рѣзкая просѣдь. Невысокій лобъ разрѣзывался на-двое длинною характерною морщиною. Лобная кость казалась сильно выдавшеюся надъ глазами. Въ выраженіи лица читалось что-то задумчивое, невысказываемое.

Патріархъ вышелъ изъ церкви, а Разинъ остался, чтобы приложиться къ иконамъ и отслужить панихиду по новопредставленной рабѣ божіей дѣвицѣ Дарьѣ. За панихидой онъ плакалъ еще неутѣшнѣе, чѣмъ за обѣдней. Кто была эта новопреставленная Дарья—это зналъ одинъ только Стенька.

Послѣ панихиды къ нему подошелъ посланный отъ патріарха—это былъ его неразлучный крестоноситель, Иванушка Шушера—и позвалъ въ патріаршія кельи.

Никонъ писалъ что-то, когда ввели къ нему Разина. Патріархъ указалъ ему мѣсто на скамьѣ, а самъ остался въ креслѣ съ высокою спинкою, на которой вышитъ былъ малиновый крестъ, какъ бы осѣнявшій голову патріарха.

— Я радъ тебя видѣть, Степанъ,—снова сказалъ патріархъ

привѣтливо, вглядываясь въ красивые глаза гостя.—Что у васъ на Дону слышно?

— Слуховъ у насъ, владыко святой, ходитъ не мало а все больше слухи московскіе,—отвѣчалъ Разинъ.

— Какіе же такіе московскіе слухи?

— О московскомъ нестроеньи ходятъ слухи—на тебя-де, великаго патріарха, гоненіе неправое отъ бояръ: таковы у насъ слухи.

— И то правда,—сказалъ Никонъ, сверкнувъ глазами:—боярамъ я поперекъ горла сталъ—не давалъ имъ воли, такъ они наплели на меня великому государю многія сплетни безлѣпично, и оттого у меня съ великимъ государемъ остуда учинилась на многіе годы. Я сшелъ съ патріаршества, дабы великій государь гнѣвъ свой утолилъ, а они безъ меня пуще распаляли сердце государево. Теперь меня, великаго патріарха, хотятъ судить попы да чернецы, да епископы—дѣти собираются судить отца... А у меня одинъ судья—Богъ!

Патріархъ чувствовалъ, какъ раскрывались въ его душѣ свѣжія раны, и голосъ его крѣпчалъ все болѣе и болѣе.

— Теперь я сталъ притчею во-языцѣхъ: бояре надо мной издѣвки творятъ, мое имя ни во что ставятъ, изъ Москвы и изъ святыхъ московскихъ церквей меня, великаго своего патріарха, выгоняютъ, аки оглашеннаго; ни меня до царя не допускаютъ, ни царя до меня. Враги мои, не зная надъ собою страха, играютъ святостію, кощунствуютъ. Вонъ теперь Семенко Стрѣшневъ, что чинитъ съ своею собакою—и сказать страшно. Онъ, воръ Семенко, научилъ своего пса сидѣть на заднихъ лапахъ, а передними—благословлять!

— Благословлять! Собаку научилъ благословлять! — невольно вскрикнулъ Разинъ и вскочилъ съ мѣста. Глаза его загорѣлись—онъ въ этотъ моментъ совсѣмъ не походилъ на прежняго тихаго, съ кроткимъ выраженіемъ глазъ, Разина.—Это бояринъ научилъ собаку?

— Да, бояринъ Стрѣшневъ,—на ушкѣ у царя онъ... И называетъ эту собаку Никономъ-патріархомъ—Никонкою... Когда соберутся у него гости, и онъ зоветъ тое собаку: «Никонко! Никонко-патріархъ! Поди благослови бояръ...» И безсловесный песъ кощунствуетъ, ругается надъ нами и надъ благословеніемъ божіимъ... Вотъ до чего мы дожили...

Никонъ всталъ и въ волненіи заходилъ по кельѣ, стуча посохомъ.

— Такъ мы тряхнемъ Москвою за такое надругательство надъ вѣрою,—мрачно сказалъ Разинъ.

Онъ былъ неузнаваемъ. Прекрасные глаза его остоячились,—нижняя челюсть дрожала.

— Они хуже бусурманъ,—глухо продолжалъ онъ.—Мы съ нихъ сдеремъ боярскую шкуру на зипуны казакамъ, а то у насъ на Дону голытьба, худые казаки—давно обносились.

Онъ какъ бы опомнился и снова моментально ушелъ въ себя,—только глаза его вопросительно обратились на патріарха.

— Теперь хотятъ судить меня судомъ вселенскихъ патріарховъ,—продолжалъ Никонъ также нѣсколько болѣе спокойнымъ голосомъ.—Я суда вселенскихъ патріарховъ не отметаюсь—ей! не отметаюсь! Токмо, за что судить меня? Если за одинъ уходъ съ престола, такъ подобаетъ и самого Христа извергнуть—онъ много разъ уходилъ страха ради іудейска... А я сшелъ съ престола, боясь гнѣва царева и козней боярскихъ: они хотѣли многимъ чаровствомъ опоить меня, да и опоили было, только Богъ меня помиловалъ—безуемъ камнемъ да индроговымъ пескомъ отпился отъ этого чаровства.

Онъ остановился. Разинъ стоялъ, глубоко опустивъ голову.

— Садись, Степанъ, что ты всталъ?—сказалъ патріархъ, какъ бы намѣреваясь перемѣнить разговоръ.

Разинъ молча сѣлъ и продолжалъ о чемъ-то думать.

— Такъ какъ же, Степанъ,—когда ты въ Соловки думаешь итти?—спросилъ Никонъ.

— Пойду нынѣ же, чтобъ къ веснѣ на Донъ воротиться,—отвѣчалъ Разинъ раздумчиво.

— А у насъ не поживешь?

— Поживу—помолюсь, коли милость твоя ко мнѣ будетъ.

— Живи, у насъ мѣсто найдется, и кормъ будетъ.

— Спасибо, святой патріархъ.

Потомъ, немного помолчавъ, Разинъ спросилъ: «А твое великое благословеніе на Донъ будетъ?»

— Я Донъ благословлю иконою,—отвѣчалъ патріархъ.

— А что мы казацкою думою надумаемъ—и то благословишь?

— Коли на добро православнымъ христіанамъ и во славу

Божію, то будетъ и мое благословеніе. По тебѣ сужу, что донскіе казаки не суть рабы лѣнивіи у Господа — молятся нелѣностно.

— Плоха наша молитва,—отвѣчалъ Разинъ грустно:—не высоко подымается.

— Для чего не высоко?

— Должно трѣхи не пущаютъ до неба—не доходитъ до Бога,—продолжалъ Разинъ какъ-то загадочно.

— Не дѣло говоришь, Степанъ, — строго замѣтилъ патріархъ:—Богъ и высоко, и низко живетъ—до него все доходитъ.

Разинъ молча покачалъ головой и вздохнулъ.

— У тебя, Степанъ, я вижу, горе есть на душѣ,—сказалъ Никонъ, зорко вглядываясь въ своего собесѣдника.

Разинъ молчалъ, только рука его, брошенная на колѣно, задрожала.

— А кто виною печали твоей?—съ участіемъ спросилъ патріархъ.

— Тѣ же, что и твоей, владыко святой,—еще загадочнѣе отвѣчалъ гость.

— Ноли бояре?

Дверь въ келью отворилась, и на порогѣ показался Иванъ Шушера, блѣдный, испуганный.

— Ты что, Иванушко?—тревожно спросилъ патріархъ.—Что случилось?

— Бояре со стрѣльцами пріѣхали.

— Спира воинская... взять меня хотятъ, яко Христа въ саду Геосиманскомъ,—сказалъ онъ, вставая во весь свой ростъ.—Слуги Анны и Каіафы идутъ за мною.

Разинъ также вытянулся и выхватилъ изъ-подъ полы кафтана огромный ножъ.

— Что это?—тревожно спросилъ Никонъ.

— На бояръ,—сипло отвѣчалъ гость.

Никонъ вздрогнулъ. — «Нѣтъ, не буди Петромъ... вложи ножъ... всякъ, иже ножъ изъемлетъ, отъ ножа погибнетъ»,—торопливо говорилъ патріархъ.

Разинъ былъ страшенъ. Казалось, что волосы на головѣ у него ходили—такъ двигалась кожа на его плоскомъ, широкомъ черепѣ.

— Вложи ножъ, Степанъ! Вложи! — повторилъ Никонъ, слыша шумъ въ сѣняхъ.

Разинъ спряталъ ножъ.

—Такъ къ намъ на Донъ:—мы не выдадимъ,—сказалъ онъ угрожающимъ голосомъ,—ихъ разтакъ...

Въ дверяхъ показалось иконописное лицо Одоевскаго, а за нимъ харатейный ликъ дьяка Алмаза Иванова.

— Анна и Каіафа,—громко сказалъ патріархъ, откидывая назадъ голову,—кто ищете?—се азъ есмь...

— Комидіантъ!—проворчалъ про себя Алмазъ Ивановъ:—эки дѣйства выкидываетъ.

Но, увидавъ лицо Разина, замолчалъ и попятился назадъ, къ дверямъ, откуда высовывались бородатыя лица стрѣльцовъ.

— Иди съ Богомъ, сынъ мой,—сказалъ Никонъ, благословляя Разина.—Помолись обо мнѣ.

Разинъ вышелъ, косо посматривая на стрѣльцовъ и мѣряя ихъ съ головы до ногъ своими большими глазами.

— Эки буркалы,—проворчалъ одинъ стрѣлецъ со шрамомъ черезъ всю щеку.—Ну—глазокъ!

V. Аввакумъ и боярыня Морозова.

Боярыня Морозова, которую мы видѣли въ бесѣдкѣ съ Аввакумомъ и которую бесѣда эта такъ сильно потрясла, принадлежала къ самой знатной боярской семьѣ въ Москвѣ. Она была сестрою знаменитаго боярина Бориса Морозова, того, котораго тишайшій царь считалъ не только своимъ «пріятелемъ», но почиталъ «вмѣсто отца родного». Съ своей стороны и Борисъ «сему царю былъ дядька и пѣстунъ, и кормилецъ, болѣлъ объ немъ и скорбѣлъ паче души своея, и день и ночь не имѣя покоя»... А боярыня, молодая скромница Ѳедосьюшка была, что глазокъ во лбу у этого царскаго пѣстуна и кормильца: Ѳедосьюшка, вышедши по семнадцатому году замужъ за Глѣба, брата Борисова, недолго жила съ мужемъ, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ послѣ себя единственную отраду молодой вдовѣ—сынка Иванушку. На этомъ-то Иванушкѣ и на его молоденькой матери пѣстунъ царскій и сосредоточилъ всю свою нѣжность. Любили молодую боярыню и при дворѣ: и ласковый царь отличалъ ее передъ всѣми боярынями и боярышнями, и царица души не чаяла въ

«лѣповидѣ и лѣпословѣ» Прокопьевнѣ—молодая боярыня дѣйствительно была «лѣповида» — существо необыкновенно миловидное, и «лѣпослова»—потому что она была умна, много читала и прекрасно говорила «духовныя словесы».

Но нерадостна была въ то время жизнь молодой боярыни. Еще съ мужемъ она могла чувствовать нѣкоторую полноту жизни; при мужѣ она была менѣе отчуждена отъ міра, менѣе казалась затворницей. А вмѣстѣ со вдовствомъ для нея наступила какъ бы жизнь безъ жизни, безцѣльное прозябаніе и преждевременное старчество.

Громыханье посуды отъ утра до вечера, звонъ ключей отъ зари до зари, плетенья да вязанья, бесѣды съ ключницами да мамушками и—какъ верхъ эстетическаго наслажденія—пѣнье пѣсенъ сѣнными дѣвушками—вотъ вся жизнь боярыни, каковъ бы ни былъ ея темпераментъ, каковы бы ни были годы и ея личныя стремленія.

Но не для всѣхъ женскихъ характеровъ такая жизнь даетъ полное духовное удовлетвореніе... Морозова была изъ такихъ женщинъ, для которой громыханіе золотой и серебряной посуды да звонъ ключей не составляли идеалъ жизни—и она искала большаго, болѣе цѣннаго для ума и сердца чѣмъ золото. Богатыя духовныя силы ея требовали духовной работы; горячее молодое сердце искало любви не къ одному сынку Иванушкѣ,—который еще былъ такъ малъ,—искало борьбы, самопожертвованій, идеаловъ. А идеалы она знала только по книгамъ—идеалы святителей, мучениковъ, высокіе образцы христіанской любви. Кругомъ себя и во дворцѣ она видѣла только будничную сторону жизни, внѣшнія дрязги этой жизни не смотря на ея блескъ и роскошь—и вездѣ она чувствовала пустоту. Пустоту эту, какъ червоточину, она чувствовала и въ себѣ, своемъ сердцѣ. Чтобы задавить этого червяка въ душѣ, залить пустоту, въ которой чахло ея теплое, отзывчивое сердце,—она вся окунулась въ наслажденіе своимъ богатствомъ, своимъ высокимъ положеніемъ. Она окружила себя блескомъ и роскошью. Она поставила свой домъ, и безъ того пышный, гремѣвшій на всю Москву,—поставила на царскую ногу: одной ей, ея прихотямъ услуживало въ домѣ до трехъ-сотъ человѣкъ прислуги; одно мановеніе ея бѣленькой пухленькой ручки, игравшей жемчугами да яхонтами, приводило въ движеніе всю эту ораву челядинцевъ, которые стремглавъ спѣ-

шили исполнить волю и прихоть, какова бы она ни была, своей доброй, ласковой, сердечной боярыньки—свѣта. Когда она выѣзжала изъ дому въ своей богатой «драгой и устроенной мусіею и и серебромъ и съ аргамаки многими» каретѣ, запряженной двѣнадцатью лошадьми, «съ гремячими чѣпьми», то за нею слѣдовало «слугъ, рабовъ и рабынь» сто, двѣсти, а то и всѣ триста, оберегая «честь ея и здоровье», а народъ бѣжалъ толпами, хватая на лету алтыны и копѣйки, которые выбрасывала въ окно кареты бѣленькая ручка боярыни. Самъ тишайшій царь, встрѣчаясь иногда съ блестящимъ поѣздомъ своей «пучеглазенькой Прокофьевны», какъ онъ называлъ Морозову, привѣтливо ей кланялся, снимая свою шапку—«мурманку». А бояре и князья такъ издали сымали шапки и кланялись ей въ поясъ, стараясь хоть мелькомъ взглянуть въ блестящіе изъ-подъ фаты глазки красавицы.

Но и это не удовлетворило ее—не наполнило ея души довольствомъ, не заняло пустоты, въ которой сохло ея молодое сердце. Она искала идеала... Одно время ей думалось, что она нашла этотъ идеалъ человѣка: то былъ Никонъ. Въ своемъ гордомъ удаленіи отъ царскаго и святительскаго блеска, въ своемъ вольномъ изгнаніи онъ казался ей мученикомъ. Вся его прежняя жизнь—отъ босоножія, когда маленькимъ Никиткой онъ голодалъ и зябъ безъ лаптей на морозѣ, до святительскаго клобука и посоха Петра митрополита, когда Никитка, ставшій патріархомъ Никономъ и «великимъ государемъ», гремѣлъ съ амвона на истиннаго великаго государя, — вся эта жизнь представлялась ей въ ореолѣ и величіи апостольства. Но, когда послѣ неоднократныхъ тайныхъ посѣщеній его въ Воскресенскомъ монастырѣ и послѣ продолжительныхъ бесѣдъ съ нимъ, она нашла въ немъ сухого эгоиста и самолюбиваго, властолюбиваго и мстительнаго черствеца,—она горько оплакала этотъ миражъ своего идеала.

И вдругъ судьба столкнула ее съ Аввакумомъ. Этотъ мощный умъ, эта несокрушимая воля, хотя повидимому мягкая и тягучая, какъ золото, въ дѣлахъ добра и желѣзная въ другихъ случаяхъ, эта великая, страстная, по дѣтски наивная, вѣра не только во всепроникаемость божественной любви и всепрощенія, но и въ обрядъ, въ букву, въ послѣднюю іоту вѣры—все это глубоко потрясло воспріимчивую душу молодой, пылкой женщины. Ей ка-

залось, что она очутилась лицомъ къ лицу съ апостоломъ, мученикомъ, съ тѣмъ первообразомъ и идеаломъ истиннаго человѣка, котораго она въ своей пылкой фантазіи видѣла въ ѳиваидскихъ пещерникахъ, въ столпникахъ, въ обличителяхъ нечестивыхъ римскихъ царей. Развѣ Сибирь—не та же страшная Ѳиваида, надъ которой она задумывалась при чтеніи житій святыхъ? Развѣ бояринъ Пашковъ—не римскій преторъ? Развѣ сибирскія земляныя тюрьмы—не тѣ же языческія узилища? — А онъ, Аввакумъ, по всему этому прошелъ—прошелъ босыми ногами по льду и по горящимъ угольямъ. И онъ не очерствѣлъ, не застылъ въ своемъ высокомѣріи, какъ Никонъ:—онъ молился и плакалъ, плакалъ и радовался своимъ страданіямъ,—да мало того—каждый день молился за другихъ, часы и заутреню служилъ, будь то въ земляной тюрьмѣ на соломѣ, въ обществѣ мышей и таракановъ, будь то въ снѣжныхъ сугробахъ, въ лѣсу, на водѣ, на работахъ...

— Охъ, батюшки-свѣтъ! Святитель нашъ! Да какъ же ты службу-то служидъ при экихъ-то трудахъ да мученіяхъ!—невольно воскликнула молодая боярыня, возвращаясь съ сестрой изъ дворца и захвативъ съ собой въ карету своего дорогого гостя.

— А все также, дочушка моя золота-яхонтова: идучи, бывало, дорогою, зимой—или нарту съ дѣтками и курочкой своей волоку, или рыбку ловлю, звѣря промышляю, или въ лѣсу дровца сѣку, или ино что творю, а самъ правильцо въ тѣ поры говорю, пою молитвы, вечереньку либо заутреньку мурлычу себѣ, что прилучится въ тотъ часъ—и плачу, и веселюсь, что живъ, что голосъ мой во пустынѣ мертвой звучитъ, птички божьи мое моленье слышутъ, и за птичекъ молюсь и за деревцо—все вѣдь оно и божье, и наше... А буде въ людехъ я, и бываетъ неизворотно, или на стану станемъ, а товарищи-то не по мнѣ, моленія моего не любятъ,—и я, отступя людей, либо подъ горку, либо въ лѣсокъ—коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, либо о ледъ поколочусь, о снѣгъ, а то и заплачется—и все сладко станетъ, коли голова объ землю поколотится, либо слеза горячая снѣгъ прожжетъ. А буде по мнѣ люди—и я на сошкѣ складеньки поставлю, правильца проговорю, молитовку пропою, въ перси себѣ постучу, а иные со мною же молются, плачутъ, а иные кашку варятъ—и тоже маленько молятся. И въ саняхъ ѣдучи, пою себѣ да веселюсь, и въ тюрьмѣ лежа, пою да кандалами по-

звякиваю; а кандальный-то звонъ, тюремный, свѣтики мои, слаще Богу звону колокольнаго: звонокъ, голосистъ звонъ-отъ тюремный!.. Вездѣ, пташки мои, молюсь и пою, а хотя гдѣ и гораздо неизворотно, а таки поворчу, что собачка передъ Господомъ, повою до неба праведнаго...

Аввакумъ еще болѣе очаровалъ сестеръ, когда вмѣстѣ съ нимъ онѣ изъ дворца пріѣхали въ домъ Морозовой. Цѣлые ряды челяди выстроились по лѣстницѣ и въ сѣняхъ и низко кланялись, когда проходили боярыни; иные кланялись до земли, другіе хватали и цѣловали ея руки, края одежды. Аввакумъ слѣдовалъ впереди хозяйки, благословляя направо и налѣво словно въ церкви.

При входѣ во внутренніе покои, навстрѣчу боярынѣ вышла благообразная, бодрая старушка съ прелестнымъ бѣлокурымъ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ радостно потянулся къ Морозовой, которая съ нѣжностью выхватила его изъ рукъ старушки и стала страстно цѣловать.

— Ванюшка! Веселіе мое! Цвѣтикъ лазоревый!

Затѣмъ, какъ бы спохватившись, она быстро поднесла ребенка къ Аввакуму. Щеки ея горѣли, по всему лицу разлито было счастье.

— Батюшка! Благослови мово сыночка—наслѣдіе мое.

Аввакумъ истово перекрестилъ ребенка, сунулъ легонько свою костлявую, загрубѣлую руку къ раскрытому ротику мальчика и, ласково, добро улыбаясь ему, сталъ гладить курчавую его голову.

— Весь въ матушку красавицу, токмо русенокъ—бѣлявъ волосками гораздо... А подъ ко мнѣ на ручки...

И протопопъ протянулъ къ ребенку растопыренныя ладони. Ребенокъ смотрѣлъ на него пристально, съ удивленіемъ, и, видя улыбку подъ сѣдыми усами, самъ улыбался.

— Подь же къ дѣдѣ на ручки, подь, цвѣтикъ,—поощряла его мать, вся сіяющая внутреннимъ довольствомъ и любуясь добрымъ, нѣжнымъ выраженіемъ лица суроваго учителя.

— Иди-иди, боярушко, иди, миленькій!—говорилъ этотъ послѣдній.

Ребенокъ пошелъ на руки къ Аввакуму. Мать вскрикнула отъ радости и перекрестилась. Перекрестилась и старушка. Всѣ жадно и восторженно смотрѣли, какъ ребенокъ, взглянувъ въ

глаза Аввакума, потомъ, обратясь къ матери и къ нянюшкѣ, сталъ играть сѣдою бородой протопопа.

— Ай-да, умникъ! Ай-да божій!—ласкалъ его протопопъ.— А Бозю любишь? А? Любишь, боярушко, Бозю?

— Маму люблю,—отвѣчалъ ребенокъ, оборачиваясь къ матери.

Морозова только руками всплеснула и припала къ ребенку, цѣлуя его въ плечо и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно припадая губами къ рукѣ Аввакума, лежавшей на этомъ плечѣ.

— А Бозю любишь?—настаивалъ Аввакумъ.

— Няню люблю,—снова невпопадъ отвѣчалъ ребенокъ.

— А Боженьку?—вмѣшалась мать, начиная уже краснѣть отъ стыда и волненія.—Боженьку...

— Дуню, тетю.

— Ахъ, Господи! Ванюшка!

Аввакумъ поднесъ ребенка къ кіотѣ, которая такъ и горѣла дорогими окладами иконъ, залитыхъ золотомъ, жемчугами, самоцвѣтными камнями.

— Вотъ, гдѣ Бозя! — сказалъ онъ. — Глянь какой свѣтлецькій!

Ребенокъ поднялъ ручку и сталъ махать ею около розоваго личика, прикладывая пальчики то къ маковкѣ, то къ плечу и глядя на няню: «смотри-де—какъ хорошо молюсь».

Старушка-няня, мать и «тетя Дуня» улыбались счастливо, радостно. Но Аввакумъ тотчасъ воззрился на пальчики ребенка: такъ-ли-де, истово-ли, молъ, персточки складываетъ? Не никоніанскою-ли-де еретическою щепотью?

— Ну-ко, ну-ко, боярушко, покажь персточки, какъ слагаешь крестное знаменіе...

— Ручку сложи,—подсказала мать.

Ребенокъ не сложилъ, а разжалъ лѣвую ручку, а правой сталъ тыкать въ лѣвую ладонь... «Сорока-сорока, кашку варила, на порогъ скакала»,—лепеталъ онъ, весело глядя въ добрые глаза протопопа.

Мать вспыхнула и застыдившимся лицомъ уткнулась въ ладони. Даже суровый протопопъ не выдержалъ—разсмѣялся.

— Вотъ-тѣ и перстное сложеніе! Ахъ ты никоніанецъ, еретикъ ты эдакій! А! Вонъ, что выдумалъ—по-никоновски мо-

литься: «сорока-сорока—кашку варила»... Истинно по-ни новски!

— Матушки! Срамъ какой! Владычица!—застыдились боярыни.

— Никоніанецъ, никоніанецъ,—добродушно говорилъ протопопъ:—поди, чу, и табачище ужъ нюхаетъ...

Старушка-няня готова была сквозь землю провалиться.

— Чтой-то ты, батюшка, грѣхъ какой, непутемъ говоришь!—защищалась она.—У насъ и въ заводѣ-то этого проклятаго зелья не бывало... Вона, что сказалъ!

А Аввакумъ, между тѣмъ, старался сложить пухлые, точно ниточками перевязанные пальчики ребенка въ двуперстное знаменіе; но какъ ни силился—не могъ: пухлая ладонька или разжималась совсѣмъ, растопыривая пальчики какъ бы для «сороки», или сжималась въ кулачокъ.

— Ну, малъ еще—глупешенекъ, мой свѣтъ, невинный младенецъ,—говорилъ протопопъ, передавая ребенка матери.—Подрастетъ—научимъ перстному сложенію и въ лошадки еще поиграемъ.

Аввакумъ окончательно покорилъ сердца молодыхъ женщинъ. Морозова отъ волненія не спала почти всю ночь. Ей постоянно представлялась далекая, студеная и мрачная Сибирь и какая-то страшная, невѣдомая, еще болѣе далекая Даурія, по которымъ бродилъ и мучился благообразный, святой и добрый старичекъ, страдалъ за перстное сложеніе... «Ахъ, какой онъ добрый да свѣтлый!.. Ванюшка-то какъ его полюбилъ—все бородою его святою игралъ, словно махонькій Христосикъ-свѣтъ игралъ бородою Симеона-богопріимца... Ахъ, нашла я мой свѣтъ, нашла! Пойду я за нимъ, какъ блаженная Марія Египетская... Охъ, Господи, сподоби меня, окаянную... Аввакумушко! Свѣтикъ мой, батюшка!»

Такъ металась въ постели молодая женщина, охваченная волненіемъ и жаромъ: то страстно шептала молитвы, то съ такою же страстью сжимала свои нѣжныя пухлыя руки и била себя въ полныя перси. Она нѣсколько разъ вставала съ постели и босыми ногами пробиралась къ кіотѣ, бросалась на полъ и горячо, сама не зная о чемъ, молилась и радостно плакала. Опомнившись, что она повергается передъ Христомъ простоволоса, въ одной сорочкѣ, сползающей съ плечъ, она стыдилась, вспы-

хивала сама передъ собой и закутывалась въ шелковое изъ лебяжьяго пуха одѣяло; но вспомнивъ, что и Марію Египетскую она видѣла на образахъ простоволосою, даже безъ сорочки, прикрытую только своей косою, она успокаивалась и снова падала ницъ передъ иконами...

«Ахъ, какой онъ свѣтлый!.. И Ванюшку благословилъ... Ахъ, сыночекъ мой!.. А онъ сороку-то сороку»... бормотала она безсвязно.

Затѣмъ неслышными, босыми ногами прошла она въ сосѣднюю комнату, гдѣ, освѣщаемый тусклымъ свѣтомъ лампады, спалъ, разметавшись, въ постелькѣ ея Ванюшка. Въ комнатѣ было жарко, и ребенокъ весь выкарабкался изъ-подъ розоваго одѣяльца. Онъ улыбался во снѣ, а между тѣмъ и сонный выдѣлывалъ ручками что-то вродѣ «ладушки»: молодая мать догадалась, что это онъ во снѣ продѣлывалъ «сороку»,—и, счастливая, восторженная, не вытерпѣла, чтобъ не поцѣловать его босыя ножки...

— Что ты, сумасшедшая, дѣлаешь?—раздался за ней испуганный шопотъ.

Она вздрогнула и обернулась: за нею стояла старая няня и грозилась пальцемъ.

— Что ты, озорная!—накинулась няня на растерявшуюся боярыню:—Испужать, что ли ребенка хочешь—калѣкой сдѣлать?

— Я тихонько, нянюшка, — оправдывалась пойманная на мѣстѣ преступленія молодая мать.

— То-то, тихонько! А чего Боже сохрани...

— Да онъ «сороку», няня, во снѣ дѣлалъ! Ахъ, какой милый!

— А хуть бы и ворону, не то, что «сороку»,—ворчала старушка:—это съ нимъ, съ младенцемъ чистымъ, сами аньделы божіи играютъ—«сороку» сказываютъ ему—вотъ что! А ты, дура, матушка, будишь его.

— Не сердись, няня, не буду.

— То-то не буду... Вотъ такая же дура—царство ей небесное—была и матушка твоя, боярыня Анисья Петровна, не тѣмъ будь помянута... Я тебя махонькую тоже няньчила—выносила вонъ какую красавицу, а покойница боярыня Анисья Петровна

такъ же вотъ, какъ ты, однова ночью и приди въ твою спаленку, а ты лежишь въ кроваткѣ такой аньделочекъ—она и накинься тебя цѣловать... А я-то, старая грымза, тады помоложе была, крѣпко заснула, такъ и не слыхала, что матушка-то твоя съ тобой продѣлываетъ.. Ты какъ вскрикнешь—да такъ и закатилась... Ужъ насилу добрые люди тебя, голубушку, отшептали на другой день... Такъ-то, не хорошо дѣтей будить. Можетъ онъ, свѣтикъ, съ аньделами забавочки творитъ, а ты его пужаешь.

— Ну-ну, прости, нянюля, не буду никогда.

И молодая женщина бросилась цѣловать старушку.

— Ну, добро, добро! Пошла, спи! Ишь полунощница—въ одной рубашенкѣ бродитъ простоволоса—срамница! — ворчала старушка.

Только къ утру Морозова угомонилась и заснула.

Протопопъ Аввакумъ также безпокойно провелъ эту ночь. Воротясь отъ Морозовой къ себѣ домой, на подворье Новодѣвичьяго монастыря, что въ Кремлѣ, онъ засталъ у себя друга своего и сына духовнаго, Ѳедора-юродиваго. Даже такой желѣзный человѣкъ, какъ Аввакумъ, удивлялся суровому подвижничеству этого юродиваго. Онъ жилъ въ это время у Аввакума.

— Зѣло у Ѳедора того крѣпокъ подвигъ былъ,—говорилъ о немъ впослѣдствіи Аввакумъ:—въ день юродствуетъ, а ночь всю на молитвѣ со слезами, да такъ плачетъ горько, что душу разрываетъ. Много добрыхъ подвижниковъ зналъ, а такого другого и не видывалъ. Жилъ онъ со мной на Москвѣ—ужъ и надивился я его великимъ подвигамъ! Бывало ночью часъ-другой полежитъ, повздыхаетъ, да встанетъ—тысячу поклоновъ отбросаетъ—таково стучитъ лбомъ предъ Господомъ да колѣнками бьется, а тамъ сядетъ на полу—и ну плакать. Боже ты мой! Какъ уже плакалъ-то! Откуда и слезы берутся—не вѣмъ... Плачетъ-плачетъ, рыдаетъ-рыдаетъ, нарыдается гораздо, глаза опухнутъ отъ слезъ, да тогда ко мнѣ приступитъ. А мнѣ немоглось тогда. Приступитъ: «долго ли тебѣ, протопопъ, лежать-тося? Образумься, вишь ты, попъ—какъ сорома нѣтъ!» И мнѣ все неможется—такъ онъ подыметъ меня, говоритъ: «встань, миленькой батюшко!» Ну и стащитъ какъ-нибудь меня; мнѣ, въ немощи-то, велитъ, сидя, молитвы говорить, а самъ за меня поклоны бьетъ—и чету нѣтъ! То-то другъ мой сердечный былъ!..

Скорбенъ, миленькой, былъ съ перетуги великія: черевъ у него вышло въ одну пору три аршина, а въ другую пору пять аршинъ—такъ онъ же самъ и кники себѣ перемѣряетъ—и смѣхъ съ нимъ, и горе! На Устюгѣ пять лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, въ одной рубахѣ—я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ онъ и учинился сынъ духовный: какъ я изъ Сибири ѣхалъ, у церкви въ палатку прибѣгалъ ко мнѣ молитвы ради и сказывалъ: какъ-де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшка, отходить, такъ зѣло-де въ тѣ поры тяжко бываетъ».—По кирпичью тому ногами тѣми стукаетъ, что каганьемъ, а на утро опять не болятъ. Псалтирь у него тогда былъ новыхъ печатей въ кельѣ—маленько еще зналъ о новизнахъ, и я ему подробно разсказалъ про новыя книги; такъ онъ, схвативъ книгу, тотчасъ въ печь кинулъ да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была!—Не на басняхъ проходилъ подвигъ—не какъ я, окаянный!

Такія суровыя личности представляетъ этотъ вѣкъ раскола русской земли! Мрачная эпоха и породила мракъ, который и доселѣ не можетъ быть побѣжденъ свѣтомъ—слишкомъ мало этого свѣта.

Юродивый молился, когда Аввакумъ воротился домой отъ Морозовой. Онъ также помолился и легъ. Но сонъ его былъ безпокоенъ. Ему представилось во снѣ, что онъ все еще въ селѣ Лопатицахъ, на Волгѣ, гдѣ онъ былъ когда-то молодымъ попомъ. Въ село приходятъ медвѣдятники съ двумя медвѣдями и «козами» въ «харяхъ», играютъ на бубнахъ и пляшутъ. И возгорается сердце Аввакумово ревностію по Христѣ, и налетаетъ онъ яростно на медвѣдятниковъ и на плясовыхъ медвѣдей, бьетъ и трощитъ ихъ бубны, «хари» и домры, и отнимаетъ медвѣдей—бьетъ ихъ и гонитъ въ поле. А тутъ откуда ни возьмись бояринъ Шереметьевъ, Василій Петровичъ, воевода казанскій—плыветъ Волгою на суднѣ богатомъ и велитъ привести къ себѣ попа-бойца: «за что-де, сякой-такой попишка, медвѣдей прогналъ и медвѣдятниковъ побилъ?»—«За Христа-де ревновалъ».. Бояринъ хвать попа-ревнителя въ ухо, въ другое!—«Ой! За что!»—«Вотъ тебѣ въ третье ухо!»—Бацъ!—«Благослови-де сына моего, Матвѣя боярича».—«Не благословлю-де брадобрица, рыло скобленное: грѣхъ-де благословлять блудоносный образъ»... И

боярин велитъ столкнуть попа въ Волгу,—и, много томя, столкнули... Но не утонъ протопопъ—Богородица вынесла на берегъ—съ бороды каплетъ вода, съ волосъ каплетъ... И вдругъ приходитъ дѣвица лѣпообразная исповѣдаться у попа, и онъ, треокаянный, распалися на красоту дѣвичью... И взялъ попъ три свѣщи, прилѣпилъ ихъ къ налою и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже не угасло въ немъ злое плотское разженіе: и—оле окаянства мерзкаго!—то была не дѣвица, а лѣпообразная боярыня Морозова.

Аввакумъ въ ужасѣ проснулся и уже всю остальную ночь клалъ поклоны и плакалъ. Рядомъ съ нимъ молился и плакалъ юродивый. Когда уже разсвѣтало, они оба упали въ изнеможеніи на полъ. Потъ съ нихъ лилъ ручьями...

— А все не до кроваваго поту—охъ!—стоналъ Аввакумъ и колотилъ себя въ грудь.

VI. Изъ-за аллилуіи.

Морозова проснулась поздно, но пробужденіе это было какое-то радостное, свѣтлое, точно въ эту самую ночь она нашла, наконецъ, то, чего такъ долго и напрасно искала. Она припоминала и переживала опять весь вчерашній день и въ особенности вечеръ, проведенный съ Аввакумомъ. Мысли ея уже не витали въ далекой Дауріи, но воротились къ Москвѣ, ко всему, что ее окружало до сихъ поръ—и во всемъ этомъ она находила теперь смыслъ, котораго прежде понять не могла. Пустота, въ которой она томилась, теперь казалась заполненною чѣмъ-то,—чѣмъ—она сама не знала; но ей было свѣтло и радостно. Ей тотчасъ же захотѣлось видѣть людей, родныхъ и близкихъ. Ей казалось, что и съ ними ей теперь будетъ легче—они стали, какъ бы еще ближе къ ней.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія по дому, поигравъ со своимъ Ванюшкой, который со вчерашняго вечера сталъ для нея еще милѣе и дороже, она велѣла заложить карету, чтобы ѣхать къ Ртищевымъ, съ которыми находилась въ родствѣ, и домъ которыхъ былъ оживленнѣе всѣхъ другихъ боярскихъ домовъ въ Москвѣ. У Ртищевыхъ сходились и никоніанцы, приверженцы западныхъ

повшествъ,и сами западники—черкасскіе хохлы, вродѣ Симеона Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго, и, наконецъ, приверженцы а з а—сторонники Аввакума и его товарищей по двуперстному сложенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ по гоненіямъ и ссылкамъ. Ртищевы и имъ подобные, которые какъ бы начали самозарождаться въ Москвѣ, конечно, не безъ вліянія Запада, были первые сѣятели, бросившіе въ русскую почву зерно, изъ котораго выросла гигантская личность Петра. Ртищевы вызвали въ Москву первую партію ученыхъ «хохловъ», заводчиковъ всѣхъ будущихъ повшествъ. Но Ртищевы, въ то же время, любили и свою родную старину. Въ нихъ была какая-то мягкость, терпимость, которая старалась сблизить между собою людей двухъ враждебныхъ лагерей, и оттого и «хохлы», и аввакумовцы, и никоновцы находили радушный пріемъ въ ихъ домѣ, а сами хозяева—и старый Ртищевъ—Михайло, и молодой—Ѳедоръ—готовы были ночи просиживать въ бесѣдахъ и спорахъ съ людьми обѣихъ партій: сюда и Аввакумъ приходилъ «браниться съ отступниками» и «кричать» о сугубой аллилуіи, и Симеонъ Полоцкій—потолковать о «космографіонѣ», о «комидійныхъ дѣйствіяхъ» и о «плацидахъ».

Хотя весь обиходъ жизни въ домѣ Ртищевыхъ покоился на старинѣ, но повшества нѣтъ-нѣтъ да и проглядывали то въ томъ, то въ другомъ углу—въ одѣяніи хозяевъ, въ ихъ словахъ, въ ихъ обхожденіи съ людьми. Даже молодая Анна Ртищева не боялась разсуждать объ «опрѣснокахъ» и о «кентрѣ» вселенной.

Къ этимъ-то Ртищевымъ и собралась ѣхать Морозова. Когда карета была подана, сѣнныя дѣвушки надѣли на свою молодую боярыню бархатную, опушенную горностаями шубку, а на голову ей—такую же горностаевую шапочку.—«Ужъ и что у насъ за красавица, боярынька наша—лазоревый цвѣтъ!»—ахали онѣ, когда боярынька ихъ, помолившись на иконы, проходила между рядовъ челяди — сѣнныхъ дѣвушекъ, разныхъ благочестивыхъ черничекъ и бѣличекъ приживалокъ, разныхъ странницъ, карлицъ, дурокъ и юродивыхъ. При этомъ старая няня повѣсила ей на руку шитую золотомъ калиту, наполненную мелочью для раздачи милостыни.

Когда она появилась на крыльцѣ, выходившемъ на обширный дворъ, то весь дворъ и вся улица передъ домомъ были уже наполнены народомъ: на дворѣ—это ея «слуги, рабы и рабыни»,

которые дорогою должны были «оберегать честь и здоровіе» своей госпожи, а на улицѣ—нищіе, ждавшіе подачекъ, и любопытствующіе, желавшіе поглазѣть, какъ поѣдетъ пышная Морозиха. На запяткахъ кареты и на длинныхъ подножкахъ у окошекъ ея стояли уже разряженные холопы. Тутъ же у самой кареты, на послѣдней ступенькѣ крыльца сидѣлъ знакомый уже намъ Ѳедоръ-юродивый и заливался горькими слезами. Обыкновенно оборванный, безъ шапки, часто босикомъ и въ одной рубахѣ, онъ теперь былъ одѣтъ въ новенькую однорядку и въ плисовые штаны; на ногахъ у него были новые козловые сапоги, на рукахъ зеленыя мѣховыя рукавички, а на головѣ—лисья шапка съ краснымъ верхомъ. Это его приказала нарядить сама Морозова, когда утромъ онъ явился къ ней и держалъ что-то крѣпко зажатое обѣими руками, которыя онъ при трескучемъ морозѣ не разжималъ во все время пути отъ подворья Новодѣвичья, гдѣ онъ ночевалъ, до дома Морозовой. Оказалось, что это у него крѣпко зажато было въ рукахъ благословеніе, посланное черезъ него Аввакумомъ молодой боярынѣ. Обыкновенно, когда у юродиваго бывала шапка, то, подходя подъ благословеніе къ какому-либо уважаемому имъ попу, вродѣ Аввакума или Никиты Пустосвята, онъ снималъ шапку, принималъ въ эту шапку благословеніе, зажималъ его въ шапкѣ, какъ нѣчто осязательное, и носился такъ съ шапкою цѣлый день, и когда случайно, въ забывчивости или съ умысломъ, надѣвалъ шапку, то начиналъ плакать, что «потерялъ благословеніе», что «обронилъ духа свята», что «улетѣлъ-де духъ святъ» и т. п.

— Ты что, Ѳедюша, плачешь?—ласково обратилась къ нему Морозова, положивъ руку на плечо.

— О-о! Какъ же мнѣ не плакать! Шапку на меня красну надѣли, что на дурака,—плакался юродивый, мотая своею нечесаною бородою съ просѣдью.

— Ничего, Ѳедюша-свѣтъ, какъ же безъ шапки-то?—морозно гораздо.

— Лучше морозно здѣсь, чѣмъ жарко тамъ, въ аду.

— Ну-ну, добро, милый.

И Морозова, снявъ съ него шапку, бросила въ нее изъ своей калиты нѣсколько горстей денегъ.

— На, милый, раздавай бѣдненькимъ.

Затѣмъ взяла его за руку и вмѣстѣ съ собой посадила въ ка-

рету. И на дворѣ, и на улицѣ народъ привѣтствовалъ такой поступокъ боярыни громкимъ одобреніемъ.—«Ай свѣтъ наша матушка, Ѳедосья Прокопьевна! Буди здорова на многія лѣта! О-о.

Сѣдобородый, въ высокой шапкѣ съ голубымъ верхомъ, кучеръ крикнулъ «гисъ!» Постромки всѣхъ шести паръ бѣлыхъ лошадей, запряженныхъ цугомъ, быстро натянулись. Двѣнадцать молоденькихъ вершниковъ, въ шапкахъ съ голубыми же верхами, сидѣвшихъ на каждой упряжной лошади, пріосанились, тронули, прокричали тоже «гисъ!» Загремѣли «чѣпи» и дорогая упряжь, завизжали по снѣгу полозья—и карета двинулась. Она ѣхала шагомъ. По обѣимъ сторонамъ ея рядами шли «рабы и рабыни», но такъ, что всякій изъ нищихъ, желавшій подойти къ окну кареты, могъ свободно пройти между рядами челяди. И впереди, и по бокамъ валили толпы народа, тискаясь ближе къ каретѣ, къ окнамъ ея. А изъ этихъ оконъ постоянно высовывалась—то бѣлая, какъ комочекъ снѣгу, пухлая ручка боярыни и опускала въ протянутыя руки нищихъ либо алтынъ, либо денежку, то—изъ другого окна—корявая и жилистая, словно витая изъ ремней, рука юродиваго и тоже звякала мѣдью по протянутымъ ладонямъ нищихъ.

Шествіе было очень продолжительно. И бѣлая ручка, успѣвшая покраснѣть отъ мороза, и корявая рука, которую не бралъ никакой морозъ, продолжали мелькать то изъ одного, то изъ другого окна кареты и звякать мѣдью. Но, наконецъ, одно окно отворилось, и оттуда, бормоча что-то и мотая головою, быстро вылѣзъ юродивый. Онъ остановился на боковомъ отводѣ кареты, продолжая мотать головою и комкать въ рукахъ шапку. Всѣ ждали, что онъ намѣренъ дѣлать. А онъ, увидавъ стоявшаго въ сторонѣ у забора нищаго, у котораго, за неимѣніемъ шапки, сѣдая, почти безволосая голова была повязана тряпицею, бросилъ ему свою шапку, закричавъ: «лови, дѣдушко!» Нищій поймалъ шапку и началъ креститься. Народъ криками выразилъ свое одобреніе. Потомъ юродивый, распоясавшись и увидавъ бабу съ сумою бросилъ ей поясъ. Затѣмъ онъ снялъ съ себя свою новую однорядку и также бросилъ въ толпу, говоря: «подуваньте, братцы!» Восторженнымъ крикамъ не было конца. Наконецъ, онъ снялъ съ себя и сапоги, и онучи—и остался босикомъ и въ одной рубахѣ... «Го го-го! стонала толпа: Ѳедюшкѣ жарко! Божій человѣкъ!»

Скоро карета Морозовой въѣхала на дворъ къ Ртищевымъ. Дворъ былъ обширный. За домомъ начинался садъ. Высокія, вѣковыя деревья были окутаны инеемъ. Звонъ «чѣпей», которыми особенно щеголяла упряжь Морозихи, былъ такъ пронзителенъ, что вороны, сидѣвшія на деревьяхъ, испуганно послетали съ нихъ и стряхнули цѣлыя облака инею.

На крыльцо выбѣжали стаи холоповъ и холопокъ встрѣчать знатную, богатую боярыню. Оглянувшись, Морозова увидѣла, что юродивый уже роздалъ всю свою одежду и, въ одной рубахѣ и босикомъ, игралъ съ ртищевскими дворовыми собаками, съ которыми онъ былъ, повидимому, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Она только покачала головой и, сопровождаемая своею и ртищевскою челядью, вошла въ домъ. Навстрѣчу ей вышла молодая Ртищева, боярыня Аннушка, та, что уже интересовалась повшествами и «кентромъ» вселенной, и поцѣловалась съ гостьей.

— Ахъ, сестрица-толубушка! У насъ тутъ такая война идетъ, словно Литва Москву громитъ,—сказала она, улыбаясь.

— Какая война, сестрица миленькая?—спросила гостья.

— А протопопъ Аввакумъ ратоборствуетъ.

При словѣ Аввакумъ, Морозова зардѣлась.—«Съ кѣмъ это онъ, сестрица?»

— А со всѣми, и съ Симеономъ Ситіаповичемъ, и съ батюшкой, и съ братцемъ Ѳедоромъ.

Дѣйствительно, изъ другой комнаты доносились голоса спорщиковъ, и всѣхъ покрывалъ голосъ Аввакума. Морозова остановилась было въ нерѣшительности, какъ вдругъ на порогѣ той комнаты, гдѣ происходили споры, показалась сѣдая голова.

— Ба-ба-ба! Слыхомъ не слыхано, видомъ не видано! Матушка, Ѳедосья Прокопьевна!—привѣтливо заговорилъ высокій, съ орлинымъ носомъ старикъ.

Вошедшему было лѣтъ подъ семьдесятъ, но смотрѣлъ онъ еще довольно молодцовато. Лицо его, нѣсколько румяное, опушенное бѣлою бородою, которая спадала на грудь косицами, каріе, живые и смѣющіеся глаза и улыбка выражали привѣтливость и добродушіе.

Это и былъ глава дома, бояринъ Михайло Алексѣевичъ Ртищевъ—москвичъ, одною ногою стоявшій въ древней Руси, а другую занесшій уже въ Русь новую.

— Добро пожаловать, дорогая гостья,—говорилъ старикъ и взялъ Морозову за обѣ руки.—Что тебя давно не видать у насъ?

— Да недосужилось, дядюшка! На-Верху *) въ мастерскихъ палатахъ дѣловъ было много,—отвѣчала молодая женщина.

— Знаю, знаю... Матушка-царица, поди, горы съ вами наготовили къ святкамъ всякаго одѣянія: всю нищую братію пріодѣнете и пріобуете.

— Да, точно, дядюшка: государыня царица наготовила-таки милостыни не мало.

— О, подлинно! Она у насъ, матушка, великая радѣтельница... Пошли ей Господи... Что жъ мы тутъ-то стоимъ? Иди, Прокопьевна, къ нашимъ гостямъ...

— Да какъ же это, дядюшка?—затруднилась было молодая боярыня.

— Ничего—все свои люди—не мужчины, а попы... Иди, иди—посмотришь наши словесные кулачки, какъ Аввакумъ протопопъ съ Симеономъ Полоцкимъ на-кулачки дерутся изъ-за аллилуіи.

Морозова вошла въ слѣдующую комнату. По срединѣ стоялъ Аввакумъ въ позѣ гладіатора и, поднявъ вверхъ правую руку, запальчиво кричалъ:

— На, смотри! Когда Мелетій патріархъ антіохійскій ругался съ проклятыми аріанами насчетъ перстнаго сложенія, то, подъя руку и показа имъ три перста, щепотью, какъ вотъ вы, никоніанцы и табашники, показываете и креститесь—и тогда не бысть ничто-же. А какъ онъ, святитель, сложилъ два перста, вотъ такъ (и Аввакумъ вытянулъ вверхъ сложенные вмѣстѣ указательный и средній пальцы), и сей перстъ пригнулъ вотъ такъ—и тогда бысть знаменіе: огнь изыде... На—смотри!

И Аввакумъ съ азартомъ подносилъ пальцы къ сухощавому, еще не старому монаху, съ крючковатымъ носомъ, большими еврейскими губами и еврейски-умными, лукавыми глазами. Это былъ Симеонъ Полоцкій, недавно приглашенный царемъ изъ Малороссіи для книжнаго дѣла. Ему было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, но онъ былъ худъ. Блѣдное, безцвѣтное лицо изобличало, что его больше освѣщала лампада, чѣмъ солнце, и что

---

*) Т. е. во дворцѣ.

глаза его больше глядѣли на пергаментъ да на бумагу, чѣмъ на зелень и на весь божій міръ.

— Ты, протопопъ, ложно толкуешь Мелетія,—мягко отвѣчалъ Полоцкій: — онъ сложилъ вотъ такъ два перста и къ о н ы м ъ, а не просто пригнулъ большой палецъ—и вышло знаменіе отъ троеперстія, а не двуперстія!

Аввакумъ даже подпрыгнулъ было, какъ ужаленный; но, увидавъ Морозову, такъ и остановился съ открытымъ ртомъ, собравшимся было энергически выругаться.

Низко наклонивъ голову, Морозова подошла къ нему подъ благословеніе. Аввакумъ съ чувствомъ благословилъ ее. Потомъ она въ поясъ поклонилась Симеону Полоцкому и поцѣловалась съ молодымъ Ртищевымъ, съ Ѳедоромъ.

— Вотъ, сестрица, — сказалъ, улыбаясь, Ѳедоръ, — отецъ протопопъ поражаетъ насъ, словно Мамая.

— Да вы злѣе Мамая!—попрежнему горячо заговорилъ задѣтый Аввакумъ.—Всѣ вы—д в у п е р с т н и к и! А не въ вашихъ ли еретическихъ книгахъ (снова обратился онъ къ Полоцкому) написано, будто жиды пригвоздили Христа д о креста? А?

— Что-жъ, коли написано?—спокойно отвѣчалъ Полоцкій.

— Какъ что-жъ! Али крестъ—живой человѣкъ! Вотъ ежели бы д о тебя пригвоздили жиды разбойника, такъ оно было бы такъ; а то на: Христа—д о креста!

— А не все ли равно до креста, или ко кресту?

— Это для васъ, хохловъ, все равно, а не для насъ... О! Да я въ огонь пойду за каше ко—оно истинное, и за него я умру.

Аввакумъ говорилъ горячо, страстно. Присутствіе слушателей, и въ особенности Морозовой, подмывало его еще болѣе, придавало ему крылья. Онъ былъ ораторъ и пропагандистъ по призванію. Онъ «кричалъ слово божіе» вездѣ, гдѣ только были слушатели, и чѣмъ больше была его аудиторія, его паства, тѣмъ онъ охотнѣе выкрикивалъ слово божіе. Въ Сибири ему не передъ кѣмъ было развернуться. А Москва—о! Это великая аудиторія для оратора. Въ Москвѣ Аввакумъ не сходилъ съ своего боевого коня.

— А не вы ли, новщики, разлучили Господа съ Исусомъ!—напалъ онъ съ другой стороны на Полоцкаго....

— Какъ разлучили? — спросилъ тотъ, улыбаясь своими еврейскими глазами.

— Такъ и разлучили — разрѣзали Господа нашего Исуса Христа надвое.

— Я не разумѣю тебя,—отвѣчалъ Полоцкій.

— Да не вы ли на литургіи возглашаете: «святъ, святъ, единъ Господь и Исусъ Христосъ!» Для чего вы прибавили и, иже? Это все едино, что «протопопъ и Аввакумъ»: точно, протопопъ особо, а Аввакумъ особо.

— А!—со злою улыбкою протянулъ Симеонъ.—Мы не говоримъ—«Господь и Исусъ Христосъ», а возглашаемъ—«Господь Іисусъ Христосъ».

— Для чего тутъ и? Новшество для чего!

— Это не новшество..

— Какъ не новшество!

— Не горячись, протопопъ, выслушай меня... Ты не знаешь по еллински и оттого споришь...

— И знать не хочу! Вить святители московскіе, Петръ, Алексѣй, Іона и Филиппъ не по-еллински молились, и въ ихъ книгахъ значится—«Господь Исусъ Христосъ», а не «Господь и Исусъ Христосъ»...

— Да постой, потерпи, протопопъ!—уговаривалъ его Полоцкій,—по-еллински не Исусъ пишется, а Іисусъ.

— Знать ничего не хочу! Намъ еллины не указъ!

— Какъ не указъ—вмѣшался было старикъ Ртищевъ.—Мы отъ еллинъ вѣру взяли...

— А теперь ее хотимъ испортить,—огрызнулся Аввакумъ.

— Да какъ же это такъ!—удивился Ртищевъ.

— А вотъ какъ, миленькой,—ласково обратился онъ къ старому боярину:—мы изъ-начала вѣку пѣли на Пасху: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи»... А они какъ поютъ! Срамъ и говорить то!

— Какъ срамъ?

— Да вотъ какъ: «смертью смерть п о п р а в ъ»... А! Не срамота ли сіе! Точно смерть порты али рубахи прала... «Поправъ!» ишь выдумали! «Прать» — «прать» и есть, сирѣчь «мыть».

— А попрать ногами?—вступился было Полоцкій.

— Да что ты смыслишь, съ своимъ хохлацкимъ языкомъ!— снова накинулся на него неудержимый протопопъ. — Суйся съ своимъ еллинскимъ языкомъ куда тамъ знаешь, а въ нашъ россійскій языкъ съ хохлацкимъ не суйся! Ишь выдумочка какая: смерть сдѣлали прачкой, портомоей... «поправъ»... эко словечко! Да вы разрѣжьте меня на кусочки, а я по вашему пѣть не стану—срамота одна!

— Ну, и крѣпокъ же ты, протопопъ,—задумчиво сказалъ молодой Ртищевъ.

— Крѣпонекъ Божіею помощью.

Морозова и Аннушка Ртищева сидѣли въ сторонѣ и слушали молча. Аввакумъ, чувствуя себя побѣдителемъ, съ торжествующимъ видомъ обратился къ нимъ.

— Такъ то, Михайловна,—сказалъ онъ съ снисходительною улыбкою Аннушкѣ:—слушаете насъ, буесловов?—Слушаете—хлѣбецъ словесный кушаете... Не о хлѣбѣ единомъ...

— А что, отецъ протопопъ,—разнствуетъ хлѣбъ съ опрѣснокомъ?—перебила его Аннушка.

— Вижу, Михайловна, и ты—половина ляховки,—строго замѣтилъ протопопъ.

Аннушка покраснѣла и закрыла лицо рукавомъ. Морозова также вспыхнула—ей стыдно стало за свою пріятельницу: ей казалось, что ты сдѣлала ужасный, непростительный еретическій промахъ.

— А еще царскихъ дѣтей учатъ, чу,—укоризненно обратился неугомонный протопопъ къ старику Ртищеву, намекая на Полоцкаго.

Полоцкій былъ задѣтъ за живое и поблѣднѣлъ. До сихъ поръ онъ говорилъ тихо, голоса не возвышалъ, а отвѣчалъ съ улыбкой, мягко, чувствуя свое превосходство и сознавая, что съ нимъ состязается мужикъ, не знающій даже русской грамматики. Что же съ него и спрашивать! Но послѣднія слова Аввакума показались для него злой выходкой. Полоцкій дѣйствительно, училъ царскихъ дѣтей, и Алексѣй Михайловичъ былъ имъ доволенъ, даже самъ его разспрашивалъ о его «планидахъ» да о разныхъ «комидійныхъ дѣйствахъ».

— Такъ не тебѣ ли съ Никитою Пустосвятомъ да съ Лаза-

ремъ поручить обученіе дѣтей пресвѣтлаго царскаго величества?—сказалъ онъ, сверкнувъ глазами.

— А хоть бы и намъ—ересямъ бы не научили,—огрызнулся Аввакумъ.

— Да вы, невѣжды, запятой отъ ковыки не отличите, «ерокъ» примите за «оксію», «ису» за «варію»...

— За то смерть портомоей-прачкой не сдѣлаемъ, какъ вы, вѣжды, дѣлаете-то! Сидѣли бы въ своей хохлатчинѣ, да вареники съ галушками ѣли!—снова оборвалъ протопопъ.—А то, на! Лазарь крѣпокъ въ вѣрѣ, онъ истинный учитель.

— Лазарь ругатель, а не учитель.

— Нѣтъ, учитель! Лазарь — истинный вертоградарь церковный, а не суется царскихъ дѣтей портить... Вотъ что!

Симеонъ Полоцкій не вытерпѣлъ. Какъ онъ ни былъ сдержанъ, но и его, наконецъ, взорвало. Онъ вскочилъ и, задыхаясь, сказалъ:

— Да какіе вы вертоградари! Вы свиньи, кои весь церковный вертоградъ своими пятачками изрыли...

Оба Ртищева невольно засмѣялись. Старикъ такъ и покатился, даже за бока ухватился.

— Ха-ха-ха! Ну, отецъ протопопъ, наскочилъ же ты на тихонію!.. Ха-ха! пятачками весь вертоградъ изрыли... Ну, сказалъ!—говорилъ онъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣху.

Морозова и молодая Ртищева скромно потупились.

Аввакумъ не сразу нашелся что отвѣчать, такъ неожиданно было нападеніе со стороны «тихони» Полоцкаго, и притомъ нападеніе въ духѣ самого Аввакума.

— Что жъ!—бормоталъ онъ, озадаченный нечаянностью,—ругатели-то не мы съ Лазаремъ, а онъ, песъ, лающій, ему же подобаетъ уста заградить жезломъ...

— Ну, и ты, отецъ протопопъ, — скоръ на отвѣтъ,—засмѣялся молодой Ртищевъ,—невѣсткѣ на отместку...

— Не бойся, миленькой, въ карманъ за словомъ не полѣзу: въ карманѣ-то пусто, такъ на языкѣ густо,—самодовольно проговорилъ нѣсколько опомнившійся протопопъ.

— Я не съ вѣтру говорю,—началъ въ свою очередь Симеонъ Полоцкій, подходя къ старику Ртищеву.—Вонъ его другъ, Ла-

зарь, подалъ царю челобитную, и въ ней гнилостными словесы говоритъ, якобы въ церкви, на ектеніяхъ, поминаючи пресвѣтлое царское величество тишайшимъ и кротчайшимъ, симъ якобы ругаются ему, а «о всей палатѣ и воинствѣ» онъ, Лазарь, въ челобитной своей гнилословитъ, якобы здѣсь говорится не о здравіи и спасеніи царя, его бояръ и воинства, а о нѣкіихъ каменныхъ палатахъ...

— А какъ же! Палата—палата и есть!—снова накинулся на него Аввакумъ.—Палата всегда и бываетъ каменная!

— О, невѣжда протопопъ! — невольно воскликнулъ Полоцкій:—«палата» означаетъ всѣхъ бояръ и близкихъ къ царскому величеству особъ: се есть образъ грамматическій и риторскій, именуемый синекдохе, еже различныя образы бываетъ, егда едино изъ другого коимъ либо обычаемъ познавается.

— Толкуй!—знаемъ мы ваши синекдохи...

И потомъ, неожиданно обратясь къ Морозовой, которая не спускала глазъ со спорящихъ и даже поблѣднѣла отъ волненія, Аввакумъ сказалъ:

— Видишь, Ѳедосья Прокопьевна: они молятся какими-то синекдохами, а я молюсь моему Господу поклонами да кровавыми слезами—и мнѣ съ ними кое общеніе?—яко свѣту со тьмою, Христу съ Веліаромъ!

Морозова потупилась и краска вновь разлилась по ея нѣжному лицу.

— Ахъ, Дунюшка милая!—говорила она потомъ вечеромъ своей сестрѣ Урусовой,—какъ страшно они спорили! И разошлись яко пьяни...

VII. Въѣздъ Брюховецкаго въ Москву.

Послѣдняя неудачная попытка Никона воротить себѣ имъ же самимъ брошенный высокій постъ патріарха и утраченную любовь царя, а вмѣстѣ съ нею полную, почти автократическую власть надъ нимъ, надъ его боярами и надъ всею Россіею—шибко надломила этого гранитнаго человѣка, но, однако не сломила окончательно. Какъ голодный тигръ, который сквозь неплотно притворенную дверь своей желѣзной клѣтки, просунувъ лапу за добычей и получивъ по ней ударъ раскаленной желѣзной полосы, глухо рычитъ, забившись въ дальній уголъ своей тюрьмы, силится расшатать ея связи, такъ и Никонъ, изгнанный изъ

Успенскаго монастыря, какъ оглашенный, какъ простой попъ, затесавшійся не на свое мѣсто, лишенный даже посоха, чувствуя, что онъ получилъ ударъ отъ раскаленнаго царскаго скипетра прямо въ сердце, силился не только расшатать основы имъ же самимъ созданной для себя тюрьмы, но тряхнуть и всею русскою землею.

— Я тряхну ими, тряхну этими бояришками такъ, что они разсыплются у меня, яко листъ желтый съ осенняго древа,— часто бормоталъ онъ, ходя по пустымъ кельямъ своихъ монастырскихъ покоевъ.

По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ иногда, запершись въ своей молельнѣ, которая служила ему и библіотекой, и постоянно роясь въ книгахъ, писалъ по цѣлымъ часамъ, глухо бормоча кому-то угрозы или обрывки изъ текстовъ Священнаго Писанія. Часто исписывалъ онъ цѣлыя кучи бумаги, откидывая въ сторону листъ за листомъ: но потомъ на другой день, перечитывая исписанные листы, сердито трясъ головою, рвалъ написанное и бросалъ въ печку.

— Не то, не то,—шепталъ онъ, глядя на чернѣющіе и испепеляющіеся листы. — Кому озеро Лачъ, а мнѣ горькій плачъ... Али и я несподобился острова Патмоса?.. Нѣтъ, не хочу! не быть тому!

И онъ снова ходилъ по кельямъ, стуча посохомъ и поглядывая въ окна, словно бы онъ кого-то ждалъ. Иногда онъ останавливался передъ образами, беззвучно шепча молитвы, иногда со стономъ повергаясь на полъ и колотясь объ полъ головою. Но потомъ снова вскакивалъ и начиналъ писать до утомленія.

Дни шли за днями однообразно, мучительно медленно; но когда онъ начиналъ оглядываться назадъ, то невольно шепталъ съ ужасомъ: «Годы прошли яко дни... жизнь прошла яко мигъ... О, Владыко Всемилостиве!»..

Ежедневно посѣщалъ онъ службу, почти не вмѣшиваясь въ ходъ богослуженія, только иногда развѣ загремитъ съ своего возвышенія: «не торопись! читай внятно!» и снова опирается на посохъ, и снова задумывается.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Прежде онъ наблюдалъ за всѣми работами какъ въ монастырѣ, такъ и внѣ его стѣнъ, а теперь, когда и весна пришла, зазеленѣлъ лѣсъ, покрылись зелеными бархатомъ молодыхъ всходовъ поля, запѣли птицы,

зажужжали пчелы монастырскихъ бортей, безумно кричали грачи въ монастырской рощѣ,—онъ все оставался въ кельяхъ и повидимому не находилъ себѣ мѣста... Онъ ждалъ—вся жизнь его, сонъ, бодрствованіе, молитва—все для него превратилось въ ожиданіе—ожиданіе острое, саднящее, горькое. Лицо его изъ блѣднаго стало блѣдно-восковымъ.

Часто въ городъ ѣздили его монахи и, по возвращеніи оттуда, непремѣнно обязаны были заходить къ нему, чтобы доложить о томъ, что тамъ видѣли и слышали. А онъ, слушая эти доклады, молчалъ и только иногда переспрашивалъ или требовалъ поясненія того, что казалось ему неяснымъ.

Потомъ снова начиналъ рыться въ книгахъ, читалъ, дѣлалъ отмѣтки и писалъ по цѣлымъ часамъ. Въ это время онъ не впускалъ къ себѣ никого, и даже любимецъ его Иванушка Шушера, его крестоноситель, входилъ къ нему не иначе какъ по зову—когда слышалъ стукъ костыля въ стѣну сосѣдней кельи, въ которой Шушера помѣщался. Если съ наступленіемъ весны могло что-либо нарушить однообразіе его отшельнической жизни, такъ это—ласточка, свившая гнѣздо въ одной изъ нишъ на внѣшнихъ переходахъ его келій. Разъ какъ-то въ хорошій весенній день, сидѣлъ онъ на этихъ переходахъ, переносясь мыслью въ бурное прошлое своей необыкновенной жизни, вспоминая свое дѣтство, когда мальчикомъ онъ жилъ въ монастырѣ Макарія Желтоводскаго и когда кудесникъ предсказалъ ему, что онъ будетъ «великимъ государемъ надъ царствомъ россійскимъ», припоминая и послѣдующее затѣмъ житіе его въ Анзерскомъ скитѣ, съ его суровою, почти могильною обстановкой, и пустынножительство свое въ Кожеозерскомъ скитѣ, и потомъ славную и свѣтлую жизнь въ Москвѣ, въ Новгородѣ, переносъ въ Москву мощей митрополита Филиппа, свое могучее патріаршество. Ласточка, озабоченно попискивая, летала мимо него и въ углубленіи невысокой стѣны лѣпила свое маленькое гнѣздышко. Сначала онъ хотѣлъ было костылемъ своимъ уничтожить всю многодневную работу птички, но потомъ почему-то на мысль ему пришло сравненіе, что и онъ подобенъ этой жалкой ласточкѣ, что и у него всѣ его труды, всѣ начинанія цѣлой жизни разметалъ по вѣтру чей-то костыль—и онъ пощадилъ ласточкину работу. Когда затѣмъ гнѣздо было свито, онъ каждый день выходилъ на переходы, смотрѣлъ, какъ изъ гнѣздышка робко высовывалась блестящая черная головка

птички съ маленькими черными глазками, и ему какъ бы становилось легче. Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что это было первое существо, которое онъ первый разъ въ жизни пощадилъ, не растопталъ ногами, не раздавилъ своимъ посохомъ... А онъ такъ много жертвъ раздавилъ на своемъ вѣку, такъ много проходило въ памяти его суроваго прошлаго растоптанныхъ, сосланныхъ, замученныхъ, такъ много слезъ людскихъ пролито по его непреклонной, безжалостной волѣ... Когда въ гнѣздѣ вывелись дѣти, онъ выходилъ смотрѣть, какъ мать кормила ихъ отъ зари до зари, таская то червячковъ, то мушекъ, и долго сидѣлъ неподвижно, наблюдая за этою страдой маленькой матери... И—странное, невиданное дѣло!—монахи иногда замѣчали издали съ глубокимъ удивленіемъ, какъ суровый патріархъ, въ отсутствіи ласточки, выносилъ изъ своей кельи мухъ въ горсти и кормилъ ими птенцовъ... Даже Иванушка Шушера замѣтилъ, что въ это время патріархъ сталъ какъ будто нѣсколько добрѣе, мягче, смотрѣлъ менѣе мрачно. Затѣмъ, когда ласточки оперились и улетѣли изъ гнѣзда, Шушера видѣлъ, что патріархъ сталъ скучать, по цѣлымъ часамъ безмолвно сидѣлъ на переходахъ или забирался въ свою келью и шуршалъ бумагою.

Особенную озабоченность сталъ проявлять Никонъ въ концѣ лѣта, когда получилъ изъ Москвы какое-то извѣстіе. Онъ нѣсколько дней писалъ и уже не рвалъ и не жегъ написанное, а пряталъ за образъ Богородицы—«Утоли моя печали», перенесенный имъ изъ церкви въ свою домашнюю божницу. Въ это время Шушера иногда слышалъ, какъ патріархъ разговаривалъ самъ съ собою: «Одиннадцатое сентемврія... память преподобной Ѳеодоры и Димитрія мученика... одиннадцатое, одиннадцатое... подожду одиннадцатаго»...

Что же такое могло быть 11-го сентября и почему Никонъ разсчитывалъ на этотъ день?..

А 11-го сентября 1665 года и вся Москва ждала чего-то. Съ ранняго утра отъ Серпуховскихъ воротъ вдоль земляного города до самой заставы и далѣе по серпуховской дорогѣ толпились москвичи, ожидая чего то необыкновеннаго. Сидѣльцы разныхъ торговыхъ рядовъ и линій, Охотный и Юхотный рядъ, Лоскутный и Сундучный, мясники и ножевщики, шапочники и картузники, рѣзники и свѣжерыбники, уличные разнощики и торговцы, суконные фабричники и зипунники всевозможныхъ чер-

ныхъ работъ—все это валма валило за городъ, шурша зипунами и сермягами, толкаясь и бранясь, спотыкаясь и падая. По всему этому пространству, гдѣ валили сѣрыя волны двуногой Москвы, гулъ стоялъ невообразимый, особенно же когда къ Серпуховской заставѣ прослѣдовало нѣсколько сотенъ нарядныхъ стрѣльцовъ съ своими головами и полуголовами, а также нѣсколько взводовъ дѣтей боярскихъ и за ними царскіе конюхи, которые вели подъузцы царскаго коня—сѣраго, нѣмецкаго, въ серебряномъ вызолоченномъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзою, чепракъ турецкій, щитъ золотомъ волоченый по серебряной землѣ, сѣдло—бархатъ золотный, ушми прядетъ по аеру. Скоро туда же прослѣдовали на нарядныхъ коняхъ царскій ясельничій Иванъ Желябужскій и дьякъ Григорій Богдановъ, а за ними дворовые люди и подъячіе изъ приказовъ, а также конюхи—нѣсколько сотъ человѣкъ.

Толпы москвичей особенно кучились за землянымъ городомъ на разстояніи перестрѣла. Тамъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, чисто выметенной и подровненной, шпалерами выстроились стрѣльцы, отливая на солнцѣ пурпуромъ своихъ кафтановъ и блестя вычищенными бердышами. Народъ напиралъ на это мѣсто колыщающеюся стѣною, но стѣна эта мѣстами прорывалась и какъ бы падала назадъ, когда, бодрясь на конѣ, покрикивая: «назадъ! осади назадъ, черти!»—проѣзжалъ какой-либо окольничій или сынъ боярскій, и колотилъ палкою по головамъ, по плечамъ и по лицу выдававшихся впередъ, или просто топталъ лошадью, бросая въ воздухъ крѣпкія, уголватыя московскія словца, словно бы у него за зубами былъ ихъ цѣлый складъ. Въ толпѣ при этомъ слышались крики и стоны, а рядомъ—взрывы хохота тѣхъ, кому еще не досталось по лбу или досталось раньше, да зажило, забылось.

Когда къ этому мѣсту подъѣхали Желябужскій и Богдановъ съ подъячими, конюхами и нарядным царскимъ конемъ, вдали по дорогѣ отъ Серпухова, показались двигающіяся толпы всадниковъ, огромный обозъ изъ каретъ и повозокъ, множество конныхъ и пѣшихъ, а въ хвостѣ, страшно поднимая пыль, медленно двигались кучи рослыхъ, красивыхъ воловъ, какихъ на Москвѣ не видано.

Выждавъ сближеніе этой встрѣчной толпы, Желябужскій пріосанился на сѣдлѣ и махнулъ шитой ширинкой. Толпа остановилась, а къ ней отъ Желябужскаго поскакалъ вершникъ съ бѣ-

лою перевязью черезъ плечо. Здѣшняя толпа понаперла такъ, что дрогнули было шпалеры стрѣльцовъ, но Желябужскій сыпанулъ на обѣ стороны, грузно поворачиваясь на сѣдлѣ, такія крупныя, какъ кнутъ плетеныя изъ междометій слова, что толпа, словно поражаемая картечью, шарахнулась назадъ.

Встрѣчная толпа подъѣзжала все ближе и ближе. Впереди, на вороном, росломъ и широкогрудомъ аргамакѣ, гремя серебрянымъ уборомъ, ѣхалъ статный, дородный мужчина уже немолодыхъ лѣтъ, съ черными висячими къ низу усами и въ шапочкѣ съ перомъ, унизаннымъ каменьями, которые горѣли какъ жаръ. Южный татарковатый типъ лица и лоснившаяся изъ-подъ богатой шапочки гладко подбритая голова, кунтушъ съ расшитою золотомъ грудью и пурпуровыми отворотами, въ рукѣ серебряная палочка съ огромнымъ на концѣ золотымъ яблокомъ, утыканнымъ дорогими камнями и острыми серебряными шипами, словно зубья огромной щуки,—вотъ что прежде всего бросилось въ глаза народу, за нимъ—три въ рядъ, потомъ два, далѣе четыре и нѣсколько другихъ рядовъ на коняхъ—въ такихъ же какъ передній, но въ менѣе богатыхъ кунтушахъ, въ шапкахъ съ разноцвѣтными верхами, съ саблями и перначами въ рукахъ—всѣ съ усами, а иные съ длинными хохлами, закинутыми за ухо. Далѣе коляска съ попомъ и монахомъ. А тамъ—толпы пѣшихъ и конныхъ, на возахъ и при возахъ, и въ заключеніе—волы съ рогами, перевитыми разноцвѣтными лентами.

Народъ замеръ на мѣстѣ, дивуясь на невиданныхъ людей и на воловъ въ лентахъ.

Когда самый передній, что съ булавою въ рукѣ, приблизился къ Желябужскому, плотный и румяный съ русою бородой окольничій медленно сошелъ съ своего коня, снялъ шапку и крякнулъ:

— Есть до тебя войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича съ старшиною рѣчь отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и вы бы съ лошадей сѣли и шапки сняли,—произнесъ Желябужскій по наказу, медленно, громко, внятно, какъ на ектеньѣ въ церкви.

Всѣ сошли съ лошадей и сняли шапки. Попъ и монахъ вышли изъ коляски и прошли впередъ. Народъ также обнажилъ головы.

— Божіею милостію,—продолжалъ Желябужскій тѣмъ же церковнымъ тономъ,—великій государь, царь и великій князь

Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, жалуя тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, велѣлъ встрѣтить и о здоровьѣ спросить: здорово ли есте дорогою ѣхали? Бей челомъ о земь,— тихо подсказалъ онъ.

Брюховецкій поклонился до земли. За нимъ припала головою къ землѣ вся его огромная свита.

— Божіимъ произволеніемъ здоровы есмы,—отвѣчалъ Брюховецкій, подымаясь съ колѣнъ и встряхивая чубомъ, который перевѣсился было на лицо. Поднялись съ земли и встряхнули чубами всѣ остальные.

— Кланяйся въ другорядь и благодари!—подшепнулъ Желябужскій.

Брюховецкій поклонился вторично до земли. За нимъ поклонилась вся старшина: слышно было, какъ болѣе тучные изъ нихъ сопѣли—непривычно имъ было это московское кланянье— «вотъ земелька»!

— За спросъ о здоровьѣ благодаримъ премного его пресвѣтлое царское величество,—снова сказалъ Брюховецкій, вставая на ноги.

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ,—снова наладилъ Желябужскій, входя окончательно въ роль,—всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, его царское пресвѣтлое величество, жалуя тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго, изволилъ къ тебѣ прислать съ своей царскаго величества конюшни коня, на коемъ тебѣ ѣхать на подворье.

По знаку дьяка стремянной конюхъ подвелъ сѣраго нѣмецкаго коня. Конь было заартачился, когда къ нему подступилъ Брюховецкій, фыркнулъ и поднялся на дыбы; но гетманъ сразу осадилъ его и очутился на сѣдлѣ, словно прикованный къ нему.

Совершивъ встрѣчную церемонію, поѣздъ Брюховецкаго

двинулся въ городъ. По правую руку гетмана ѣхалъ Желябужскій, по лѣвую—Богдановъ, всѣ трое въ рядъ, только конь гетмана выступалъ впередъ на полголовы. Впереди, топча копытами и разгоняя палками толпу, словно непріятеля, пролагали путь, иногда по трупамъ москвичей, окольничіе и дѣти боярскіе со стрѣльцами. За гетманомъ слѣдовали, кромѣ переяславскаго протопопа и гетманскаго духовника, атаманъ гетманскаго куреня, генеральный обозный, генеральный судья, два генеральныхъ писаря, пять писарей канцелярскихъ, атаманъ писарскаго куреня, два генеральныхъ есаула и посланцы разныхъ полковъ, съ прислугою 313 человѣкъ. Подъ всѣми ими и подъ обозомъ было 670 лошадей—цѣлый огромный табунище. Тутъ же особо везли въ даръ царю пушку полковую мѣдную, взятую у казаковъ измѣнниковъ, вели дорогого арабскаго жеребца, покрытаго дорогою попоною, и гнали 40 воловъ чабанскихъ, красоты неописанной, съ развѣвающимися лентами на рогахъ. Толпы москвичей особенно тѣснились тамъ, гдѣ ѣхалъ самъ гетманъ, и въ хвостѣ—гдѣ, поднимая облака пыли и меланхолически пережевывая жвачку, «ремегая», шли красивые волы, словно «дѣвчата» украшенные «стрѣчками». Поѣздъ такъ же замыкали стрѣльцы, дивуясь на воловъ и оттѣсняя толпы. Знакомый уже намъ стрѣлецъ со шрамомъ во всю щеку только руками о полы бился, любуясь волами.

— Ужъ и волы же, братцы, знатные, степные, словно сами хохлы,—говорилъ онъ товарищамъ.

— Что и говорить! — и они, хохлы-те, какъ есть волами смотрятъ—ишь увальни черномазые! Ну, народецъ!—подтверждали другіе.

Въ такомъ порядкѣ и сопутствуемый москвичами, толпы которыхъ прибывали какъ морскія волны въ бурю, поѣздъ послѣдовалъ на посольскій дворъ, который и былъ оцѣпленъ стрѣлецкими караулами. Не смотря на то, что любопытныхъ не только не впускали никого на дворъ, но даже гнали и колотили на улицѣ, москвичи, за неимѣніемъ въ то время другихъ общественныхъ зрѣлищъ, кромѣ крестныхъ ходовъ и кулачныхъ боевъ, не отходили отъ посольскаго двора, стараясь заглянуть въ ворота, въ окна или просто глазѣя на крыши, а иногда—что удавалось не всѣмъ—на усатую и хохлатую фигуру, показывавшуюся у котораго либо изъ оконъ посольскаго дома.

А въ посольскомъ домѣ и на посольскомъ дворѣ шла необыкновенная возня съ размѣщеніемъ гостей, ихъ прислуги, пожитковъ, экипажей, лошадей и скота.

Не успѣли они разобраться, какъ Желябужскій, успѣвшій побывать во дворцѣ, явился оттуда съ цѣлою стаею дворской челяди, которая притащила изъ дворца отъ государева стола цѣлыя горы судковъ и блюдъ съ «ѣствою и питьемъ государевыми». Войдя въ главную палату, куда вышелъ гетманъ съ старшиною, Желябужскій поклонился и началъ заученную рѣчь:

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго с старшиною, жалуя, прислалъ къ вамъ отъ своего государскаго стола ѣству и питье.

Гетманъ и старшина низко поклонились и благодарили, а дворская челядь тотчасъ же поставила столъ, накрыла его скатертью и стала ставить на столъ яствы и питья по росписи. Золото и серебро такъ и ломило огромный дубовый столъ.

Желябужскій, подойдя къ столу, налилъ большой серебряный ковшъ заморскимъ виномъ и обратился къ гетману и старшинѣ, держа передъ собою ковшъ, какъ словно сосудъ съ Дарами.

— Чаша великаго государя—царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчича, и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и облаадателя! Дай, Господи, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ, и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, здравъ былъ на многія лѣта!—провозгласилъ онъ и выпилъ ковшъ.

Гетманъ и старшина, повторивъ «многая лѣта», также пили изъ рукъ Желябужскаго и потомъ сѣли за столъ. А Желябужскій, сѣвъ особо и вынувъ изъ-за пазухи бумагу, развернулъ

зе и, подавъ стоявшему около него дьяку, сказалъ: «Вычти вслухъ!».

— Великій государь—царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ,—началъ дьякъ все съ того же утомительнаго тягла,—всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ, и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, жалуя подданнаго своего, сее стороны Днѣпра войска запорожскаго гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, изволилъ указать поденнаго корму и питья къ выдачѣ, противъ посольскаго, съ надбавкою: гетману по хлѣбу грошевому да по два калача грошевыхъ на день. А старшинѣ по хлѣбу грошевому, да по три калача двухденежныхъ. А людямъ ихъ по хлѣбу грошевому да по калачу трехденежному человѣку на день. Да гетману жъ и старшинѣ—по три гуся живыхъ, по семи гусей битыхъ, по трое утятъ живыхъ, по семи утятъ же битыхъ, по десяти зайцевъ, по десяти тетеревей, по пятидесяти куровъ живыхъ на день.

Гетманъ и старшины ѣли, молча переглядывались и серьезно слушали. Только нѣтъ-нѣтъ да и дернется у иного усъ отъ сдержанной улыбки.

— Да имъ же съ людьми,—продолжалъ дьякъ,—по яловицѣ живой, по пяти яловицъ да по четыре стяга битыхъ, по пяти барановъ живыхъ, да по двудесяти-пяти барановъ тушами, по два полтя ветчины на день, по три ведра безъ полутрети сметаны, по триста-пятьдесятъ штукъ яицъ, по пуду безъ полутрети масла коровья, по четыре ведра уксусу, по два пуда соли, по чети крупъ гречневыхъ, по чети гороху, по осмипѣ муки пшеничной, а буде мало—давать по чети; по три ведра молока прѣснаго; на всякую мелочь по четыре гривны на день, а буде мало—ино давать по полтинѣ. А питья давать имъ указано...

При словѣ питья генеральный судья Петръ Забѣла, черный, коренастый мужчина, многозначительно переглянулся съ сидѣвшимъ противъ него переяславскимъ протопопомъ Григоріемъ Бутовичемъ и моргнулъ усомъ и лѣвымъ глазомъ по направленію къ генеральному писарю Захару Шійкевичу, краснорожему, съ выпуклыми, красными же глазами субъекту. Протопопъ лукаво улыбнулся. Шійкевичъ замѣтилъ эту улыбку и насупился.

— А питья давать имъ указано,—продолжалъ дьякъ,—по шести чарокъ вина двойнаго на день, да гетману же вонче: по десяти кружекъ меду паточнаго, да по ведру меду сладкаго, да по ведру меду крѣпкаго, да по ведру пива добраго на день. А старшинѣ по пяти чарокъ пива добраго, по двѣ кружки меду сладкаго, по двѣ кружки меду крѣпкаго, по четыре кружки пива добраго человѣку на день. А людямъ ихъ—по три чарки вина человѣку, а лучшимъ людямъ—по двѣ кружки меду да по двѣ кружки пива человѣку, а достальнымъ по двѣ кружки пива человѣку на день.

Дьякъ остановился. Всѣ думали, что онъ уже кончилъ, а онъ только передохнулъ, высморкался и продолжалъ:

— А въ постные дни рыбные ѣствы указано: гетману вонче—по щукѣ живой на паръ, по одному лещу, по одному язю на паръ, по одной щукѣ колодкѣ, по щукѣ ушной спячей, по полузвену осетрины, по полузвену бѣлужины, по шти гривенокъ икры на день и съ старшиною. Старшинѣ же—по лещику, по невеликому, по двѣ щуки въ ухи, по два звена осетрины, по два звена бѣлужины человѣку на день. Людемъ же ихъ: на триста блюдъ рыбы всякія свѣжія, щукъ, окуней, язей, плотицъ, по два человѣка на блюдо...

Въ это время въ палату, гдѣ кушали гетманъ съ старшиною, вошелъ сѣдой, высокій бояринъ, а за нимъ степенные ключники внесли что-то на огромномъ серебряномъ подносѣ, покрытое тафтою.

— Есть до тебя, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, рѣчь отъ великой государыни—царицы и великой княгини Марьи Ильишны, и вы-бъ съ мѣстовъ встали—провозгласилъ сѣдой бояринъ.

Всѣ встали. Всѣ невольно съ любопытствомъ косились на это что-то, покрытое тафтою.

— Великая государыня—царица и великая княгиня Марья Ильишна, ея царское пресвѣтлое величество,—продолжалъ сѣдой бояринъ, возвышая голосъ и поднимая голову,—жалуя тебя, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, изволила прислать вамъ отъ своего государскаго стола сладкаго—лебедя сахаръ леденецъ, и вы-бъ того лебедя рушили и на здоровье кушали.

И по мановенію его ключники сняли тафту съ подноса. На подносѣ оказался бѣлый сахарный лебедь, граціозно изогнувшій свою длинную шею. Лебедя поставили передъ гетманомъ.

Церемоніи съ обѣдомъ тянулись очень долго, потому что кушаньевъ было необыкновенное количество. Когда, наконецъ, украинцы встали изъ-за стола, генеральный судья Забѣла, вообще большой охотникъ до «жартъ», показывая переяславскому протопопу на свой почтенный животъ, сдѣлалъ такой жестъ руками, что, дескать, теперь у меня послѣ московскаго угощенья хоть желѣзо на брюхѣ куй.

На это протопопъ отвѣчалъ изъ писанія: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»—и перекрестилъ свой ротъ, памятуя другое писаніе, что «не сквернитъ во уста, сквернитъ изъ устъ».

VIII. Сватовство гетмана.

Черезъ день послѣ пріѣзда гетмана съ старшиною въ Москву былъ назначенъ пріемъ ихъ у великаго государя. Пріемъ былъ большой, почетный—посольскій: это—небывалая честь для подданныхъ.

Когда украинцы шли отъ благовѣщенской паперти къ Грановитой палатѣ, то передъ сѣнями Грановитой, по красному крыльцу, уступами по обѣ стороны, стояли жильцы въ терликахъ бархатныхъ и объеринныхъ, человѣкъ съ шестьдесятъ. А когда они подошли къ самымъ сѣнямъ Грановитой палаты, подъ шатеръ, то въ сѣнныхъ дверяхъ ихъ встрѣтили наряженные къ тому стольникъ и дьякъ.

Государь принималъ своихъ чубатыхъ гостей въ Грановитой палатѣ, сидя на своемъ «царскомъ большомъ мѣстѣ», на возвышеніи. Алексѣй Михайловичъ былъ въ царскомъ вѣнцѣ, въ діадемѣ и со скипетромъ въ рукѣ. По бокамъ его стояли рынды, юныя, свѣжія лица которыхъ, не затемненныя даже юношескимъ пушкомъ на подбородкахъ и надъ верхними губами, представляли что-то смягчающее, привѣтливое среди собранія сѣдобородыхъ и просто бородатыхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, сидѣвшихъ на длинныхъ скамьяхъ неподвижно, угрюмо, словно истуканы, въ своихъ золотныхъ ферезяхъ

Гости были спрошены про здоровье съ тѣми же церемоніями, какъ и при встрѣчѣ, но еще съ большею торжественностью.

— Здорово ли есте живете?—прогремѣло послѣ царскаго титула такъ, что нѣкоторые изъ украинцевъ вздрогнули, а веселый и жартливый Забѣла, еслибъ его лично спросили, здоровъ ли онъ въ этотъ моментъ, едва ли бы не сказалъ, что онъ нездоровъ—такъ что-то стало ему не-по-себѣ отъ этой пышной, подавляющей обстановки.

Затѣмъ повели ихъ къ цѣлованію руки. Неровно, неувѣренно двигались по ковру, словно бы ступали по горячимъ угольямъ, казацкія ноги въ красныхъ, голубыхъ и желтыхъ «сапьянцахъ», подходя къ «большому мѣсту»; одна за другой, припадая на колѣно, нагибались бритыя, отливавшія синевой и сивизной, головы съ хохлами и робко, пересохшими губами, прикладывались къ лежавшей на бархатной подушкѣ бѣлой, мягкой и пухлой рукѣ, на которой незамѣтно было даже жилъ. Забѣла, прикладываясь и боясь уколоть эту нѣжную руку своими щетинистыми усами, которыми онъ когда-то безжалостно кололъ розовыя губки своей Гали, одно замѣтилъ на этой нѣжной рукѣ—чернильное пятнышко сбоку праваго сустава средняго пальца... «Это слѣды новаго закона либо смертнаго приговора»,—промелькнуло въ бритой головѣ генеральнаго судьи.

Потомъ являли гетманскіе поминки—представляли привезенные царю подарки: пушку полковую мѣдную, отбитую у измѣнниковъ казаковъ, булаву серебряную измѣнника наказнаго гетмана Яненка, жеребца арабскаго и сорокъ воловъ чабанскихъ въ лентахъ.

А потомъ откланивались, проходили по рядамъ новыхъ бородачей, спускались съ лѣстницъ среди какихъ-то живыхъ статуй—и только тогда опомнились, когда на площади ярко блеснуло сердце, и показалась синяя даль, тянувшаяся на югъ, туда, гдѣ цвѣтетъ красная Украйна...

Въ это время мимо нихъ проѣзжала богатая карета, запряженная шестеркою цугомъ. Окна кареты были завѣшаны пунцовою тафтой. Когда карета поровнялась съ гетманомъ, тафта немножко отодвинулась съ краю, и изъ-за нея выглянуло женское личико съ розовыми щеками и вздернутымъ носикомъ. Черные глаза гетмана встрѣтились съ глазами—не то сѣрыми,

не то черными, смотрѣвшими изъ-за тафты, но такими глазами, что гетманъ невольно попятился...

— Ахъ, матыньки!—ахнуло это что-то за тафтой и спряталось.

Гетману весь день потомъ мерещились эти глаза, и слышалось это «ахъ матыньки». Мерещились и на другой день, и на третій, несмотря на то, что дѣла у него было по горло, такъ что, наконецъ, Желябужскій, состоявшій въ приставахъ при украинскихъ гостяхъ, замѣтилъ задумчивость гетмана и спросилъ о ея причинахъ. Они были наединѣ.

Надумалъ я бить челомъ великому государю,—только бъ кто мое челобитье государю донесъ?—нерѣшительно отвѣчалъ Брюховецкій, не глядя въ глаза своему собесѣднику.

— А о чемъ твое челобитье?—спросилъ Желябужскій.

— Пожаловалъ бы меня великій государь — велѣлъ жениться на московской дѣвкѣ... пожаловалъ бы государь—не отпускалъ меня, не женя,—отвѣчалъ гетманъ, потупясь.

У Желябужскаго дрогнули углы губъ, и голубые глаза его прищурились, чтобы скрыть ненужный и излишній блескъ.

— А есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста?—спросилъ онъ.

Гетманъ вскинулъ на него глазами, хотѣлъ было отвѣчать, но какъ бы не рѣшался, потому что въ это время у него такъ и пронѣло въ ушахъ: «ахъ, матыньки».

— Такъ нѣтъ на примѣтѣ?—переспросилъ приставъ.

— На примѣтѣ у меня невѣсты нѣтъ,—отвѣчалъ, наконецъ, застѣнчивый женихъ, глядя въ окно.

— А какую невѣсту тебѣ надобно—дѣвку или вдову?

— На вдовѣ у меня мысли нѣтъ жениться... Пожаловалъ бы меня великій государь—указалъ, гдѣ жениться на дѣвкѣ.

Гетманъ замолчалъ. Ему, повидимому, хотѣлось что-то высказать, но не хватало рѣшительности, а Желябужскій упорно молчалъ.

— Видѣлъ я одну, не знаю—дѣвка, не знаю—мужняя жена, когда выходилъ намедни изъ дворца,—началъ, наконецъ, Брюховецкій.—Изъ кареты глядѣла...

— А! Запавѣсь лазоревая тафта?—спросилъ приставъ.

— Лазоревая.

— Знаю. То ѣхала сѣнная царицына дѣвка, князя Димитрія Алексѣича Долгорукова дочка... Глазаста гораздо?..

— Точно—глазаста.

— Такъ она. Что жъ—дѣвка хорошая и роду честнаго. Али приглянулась?—улыбнулся хитрый москаль

— Приглянулась—лицомъ бѣла и румяна,—говорилъ гетманъ застѣнчиво.

— Что жъ, доложусь великому государю: попытка не пытка, а спросъ не кнутъ.

«Эка!—подумалъ гетманъ:—и пословицы-то у нихъ, у москалей, страшныя какія—кнутъ да пытка».

— А женясь,—продолжалъ онъ вслухъ,—стану я бить челомъ великому государю, чтобъ пожаловалъ меня на прокормленіе вѣчными вотчинами поближе къ московскому государству, чтобъ тутъ женѣ моей жить, и по смерти бы моей эти вотчины женѣ и дѣтямъ моимъ были прочны.

Желябужскій обѣщалъ доложить.

— А ты почемъ знаешь, что то была Долгорукова дочка?—спросилъ гетманъ.

— А наверху у царицы сказывали: испужалась, говоритъ.

— А чего насъ пужаться? (Брюховецкій старался подлаживаться подъ московскую рѣчь).

— Ужъ такое ихнее дѣвичье дѣло: коли дѣвка испужалась добра-молодца, ахнула—это знакъ, что онъ ей приглянулся: вотъ схватитъ-де да унесетъ,—улыбался приставъ.

Гетману, видимо, нравились эти слова, и онъ съ удовольствіемъ крутилъ свой черный усъ, сожалѣя только, что въ немъ пробивалась проклятая сѣдина.

Но у Желябужскаго въ умѣ было еще и другое.

Онъ не зналъ только, какъ приступить къ тому, зачѣмъ пришелъ и о чемъ хотѣлъ выпытать у Брюховецкаго. Дѣло въ томъ, что сегодня утромъ въ малороссійскій приказъ привели одного человѣка, взятаго караульными стрѣльцами въ то самое время, когда онъ старался тайкомъ уйти изъ посольскаго двора, гдѣ помѣщался гетманъ съ своею огромною свитою. Въ то время въ Москвѣ изъ политической предосторожности наистрожайше было соблюдаемо, чтобы въ бытность пословъ или другихъ иноземныхъ гостей на Москвѣ никто изъ москвичей не ходилъ на посольскій дворъ, кромѣ приставленныхъ къ тому приставовъ. Это дѣлалось, конечно, изъ ложнаго страха, что эти посѣтители могутъ выболтать иноземцамъ какія-нибудь государственныя

тайны, или же, скорѣе, нагородить всякаго вздору, или, въ свою очередь, могутъ наслушаться отъ иноземцевъ какого-нибудь «дурна», а то и будутъ подкуплены или для какихъ-либо интригъ и всякой «неподобной вещи». Для этого въ наказахъ приставамъ весьма пространно объяснялось, какъ они должны были вести себя съ иноземцами, что дѣлать, что отвѣчать на всѣ ихъ вопросы. И Желябужскому вмѣнено было, между прочимъ, въ обязанность:

«А буде гетманъ и старшина учнутъ тебя, Ивана, спрашивать: какъ-де, понѣ, великій государь съ цесаремъ римскимъ, и съ турскимъ салтаномъ, и съ шахомъ персицкимъ, и съ крымскимъ ханомъ, и съ аглицкимъ, и со францовскимъ, и съ дацкимъ, и со свейскимъ короли, и съ галанскими владѣтели? И тебѣ, Ивану, говорити: цесарь-де римской, и турецкой салтанъ, и персицкой шахъ съ царскимъ величествомъ въ ссылкѣ, послы-де и посланники межъ ими великими государи ходятъ. А съ крымскимъ-де ханомъ нынѣ царское величество въ миру-жъ и въ ссылкѣ; только бусурмане-де николи въ своей правдѣ не стоятъ.

«А буде спросятъ: есть ли, де, у царскаго величества ссылка съ папою римскимъ? И тебѣ, Ивану, говорить: съ папою-де римскимъ у царскаго величества ссылки не было и ссылатца-де съ нимъ не о чемъ.

«А буде учнутъ спрашивать о иныхъ какихъ дѣлехъ, чего въ наказѣ не написано, и тебѣ, Ивану, отвѣтъ держати, смотря по дѣлу, и говорить остерегательно, чтобъ государеву имени было къ чести и къ повышенью, а въ большія рѣчи съ ними не входить».

О всѣхъ приходящихъ на посольскій дворъ Желябужскому было наказано: «А того беречь тебѣ, Ивану, накрѣпко, съ большимъ остереганіемъ: буде которые боярскіе люди или чьи-нибудь, русскіе или полоненники, или нѣмцы, или кто изъ русскихъ людей придутъ къ посольскому двору и похотятъ итти на посольскій дворъ, или кто съ гетманомъ или его людьми тайно учнетъ о чемъ говорить, и тебѣ, тѣхъ людей подождавъ, какъ отъ двора пойдутъ, велѣть поимать тайно и присылать въ малороссійской приказъ».

Ча этомъ основаніи утромъ и взятъ былъ одинъ человѣкъ,

который приходилъ за чѣмъ-то на посольскій дворъ, и отведенъ въ малороссійскій приказъ для допроса. Въ приказѣ онъ, повидимому, показалъ не все, а говорилъ, что просился у гетмана, чтобъ гетманъ взялъ его съ собою въ Малороссію, что оттуда онъ хочетъ пройти къ святымъ мѣстамъ, но что гетманъ безъ царскаго указа взять его съ собой не рѣшается. Задержанный тѣмъ болѣе показался подозрительною личностью, что называлъ себя патріаршимъ человѣкомъ и, въ качествѣ родственника Никона, жилъ у него въ монастырѣ въ числѣ другихъ дѣтей боярскихъ. Вообще дѣло это казалось слишкомъ серьезнымъ—дѣломъ большой государственной важности, чтобъ не обратить на него вниманія.

Вотъ это-то обстоятельство и нужно было выяснить Желябужскому. Своимъ полицейскимъ нюхомъ онъ угадывалъ, что тутъ крылся подвохъ, тайна, что тутъ была подсылка со стороны страшнаго Никона, а для чего—этого отъ задержаннаго человѣка не могли добиться. Въ руки властей попалась ниточка отъ какого-то большого клубка, и всѣ убѣждены были, что клубокъ этотъ—тамъ, за стѣнами Воскресенскаго монастыря, и прикрытъ патріаршимъ клобукомъ; но ниточка обрывалась въ самомъ началѣ, и до клубка по ней никакъ нельзя было добраться: обрывалась эта ниточка на посольскомъ дворѣ, въ палатѣ самого гетмана.

И вотъ Желябужскій пришелъ ловить у гетмана кончикъ проклятой нитки.

– А не докучаютъ ли тебѣ, Иванъ Мартыновичъ, московскіе люди?—заговорилъ онъ издалека.

— Чѣмъ они мнѣ докучать могутъ?—съ удивленіемъ посмотрѣлъ гетманъ.

— А вонъ все глазѣютъ на васъ, черкасскихъ людей.

— А нехай ихъ глазѣютъ,—равнодушно отвѣчалъ Брюховецкій, глядя въ окно на улицу, на которой, дѣйствительно, толкались москвичи и, несмотря на то, что стрѣльцы колотили ихъ то кулаками, то прямо алебардами, пялили глаза на посольскія окна.

— А то и къ вамъ на дворъ лѣзутъ,—дальше закидывалъ приставъ.

— Нехай лѣзутъ.

— А коли что своруютъ?

— Нѣтъ, мои хлопцы не дадутъ.

— Гдѣ не дать! Вонъ нонѣ взяли одного; сказываетъ—патріаршій человѣкъ къ тебѣ-де гетману приходилъ... А кто его вѣдаетъ, съ чѣмъ онъ приходилъ.

— Это точно, приходилъ одинъ: сказывалъ, что у святѣйшаго патріарха живетъ, и просился со мной; а я ему сказалъ, что безъ указу великаго государя того мнѣ сдѣлать немочно.

— И то ты, гетманъ Иванъ Мартыновичъ, учинилъ хорошо, остерегательно, и за то тебя великій государь похвалитъ,—сказалъ Желябужскій одобрительно.—А за какимъ дѣломъ онъ просился съ тобой?

— Сказывалъ, на Аѳонъ гору похотѣлъ итти молиться, да въ Царьградъ, да къ гробу Господню.

— А не сказывалъ, что отъ патріарха?

— Не сказывалъ.

— Воровское онъ затѣялъ дѣло,—сказалъ, помолчавъ, Желябужскій,—не своей онъ волей пришелъ, а патріархъ его подослалъ подъ тебя.

— А для чего? На что я ему?

— Богъ его вѣдаетъ: у великаго государя съ патріархомъ остуда учинилась, и патріархъ съ Москвы сшелъ самовольно, и того дѣлать ему не довелось.

Гетманъ задумался. Онъ тоже сообразилъ, что Никонъ подсылалъ къ нему своего родственника недаромъ; но съ какою цѣлью—онъ рѣшительно не могъ понять. Желябужскій понималъ болѣе: онъ видѣлъ, что не въ гетманѣ нуждался Никонъ, что главная цѣль патріархова посланца—выбраться подъ покровомъ гетмана изъ Москвы; слѣдовательно, у патріарха составился какой-то планъ, осуществленіе котораго возможно было внѣ предѣловъ московскаго государства. Желябужскій, такимъ образомъ, нападалъ на слѣдъ, и по этому слѣду онъ надѣялся, рано-ли, поздно-ли, найти то, чего онъ искалъ: это-то и должно было совершиться посредствомъ разматыванія клубка, который всѣхъ безпокоилъ.

— Такъ испужалъ дѣвку?—улыбаясь, спросилъ онъ, докончивъ нить своихъ размышленій.

— Испужалась, точно, такъ и ахнула,—отвѣчалъ гетманъ, тоже улыбаясь.

Въ тотъ же вечеръ во дворцѣ, на царицыной половинѣ,

говорили, что гетманъ сватается за Оленушку, княжну Долгорукую, дочь князя Дмитрія Алексѣича. Сватовство это произвело необыкновенный переполохъ на женской половинѣ. Видано-ли, чтобы московская боярышня выходила замужъ за черкашенина! Да этого не бывало, какъ и свѣтъ стоитъ. Между тѣмъ слышно, что самъ царь былъ сватомъ, и что отецъ невѣсты далъ свое согласіе.

— А что она, голубушка,—спрашивала Морозова, ученица и поклонница Аввакума, находившаяся въ то время въ своей мастерской палатѣ вмѣстѣ съ неразлучною своею сестрою, княгинею Урусовою.—Что Оленушка?—волновалась хорошенькая боярыня, обращаясь къ уткоподобной Авдѣевнѣ, мамушкѣ царевны Софьи.

— Поплакала маленько, родная, нельзя же, — отвѣчала мамушка.

Въ это время вошла въ палату, гдѣ работала Морозова съ сестрой, та самая хорошенькая рожица, что во время шествія гетмана съ старшиною изъ дворца выглядывала въ окно кареты изъ-за пунцовой тафты. Рожица казалась заплаканною. Большіе, свѣтлые, не то совсѣмъ черные, не то сѣрые глаза нѣсколько поприпухли. Морозова бросилась къ ней и обняла ее.

— Здравствуй, моя глазунья дорогая! — нѣжно сказала она.—Что-й-то они у тебя, камни-то самоцвѣты, кажись, заплаканы? — спрашивала она, цѣлуя въ глаза пришедшую. — Асиньки?

Пришедшая снова заплакала, уткнувшись носомъ въ плечо Морозовой.

— Ну, полно же, полно, свѣтикъ!—утѣшала она.—Мы слыхали судьбу твою.. Что-жъ суженой! А ты только, Оленушка, Богу молись...

— Стерпится — слюбится... На то хмѣль, чтобъ по дубу виться,—философствовала мамушка,—на то дубъ, чтобъ хмѣлинушку держать.

Заплаканная дѣвушка, утеревъ рукавомъ бѣлой сорочки слезы, улыбнулась.

— Да ты-то его, Оленушка, видѣла?—спросила Урусова, подходя къ ней.

— Видѣла, сестрица,—отвѣчала та.

— Ой-ли! Гдѣ? Когда?

— Опамедни... ѣхала я отъ батюшки сюда,—начала было дѣвушка и остановилась, потому что на глазахъ ея опять показались слезы.

— Ну, ѣхала?—подсказывала ей Морозова.

— Ѣхала это я... а они идутъ... отъ великаго государя шли... руку цѣловали... А я ѣхала...

Оленушка опять остановилась.

— Да сказывай же, глазунья!—настаивала Морозова. — Ѣхала да ѣхала!

— Ѣхала я, а они идутъ...

— Слыхали ужъ это!

— А я выглянула... а онъ на меня...

— Охъ, батюшки!—испуганно шептала Урусова.

— Ну-ну! Не мѣшай ты, Дуня!—волновалась Морозова.

— Онъ и увидалъ меня.

— А ты ево?

— И я ево.

— Ну, какой же онъ изъ себя?

— Я со страху и не разглядѣла... черный, бритый... глаза...

— А сказываютъ, онъ въ своей землѣ, у черкасъ, все одно, что царь,— замѣтила Урусова.

— И батюшка сказывалъ,—подтвердила Оленушка.

— А какимъ крестомъ онъ крестится, милая? — спросила серьезно Морозова.

— Батюшка сказывалъ, что по нашему,—отвѣчала невѣста.

— Ой-ли, свѣтикъ!—усомнилась Морозова.—Вонъ протопопъ Аввакумъ сказывалъ, что они, черкасы-то, щепотью крестятся.

— А какъ же у нихъ, въ Кеивѣ, угодники-то печерскіе почиваютъ?—усомнилась съ своей стороны Урусова.—Коли бы они были не нашей вѣры, у нихъ бы угоднички не почивали.

— Такъ и батюшка сказывалъ,—подтвердила Оленушка.

Видно, что «батюшка» для нея былъ авторитетъ неоспоримый: что сказалъ отецъ, то свято и вѣрно, притомъ же и само сердце подсказывало ей, что не въ щепоти дѣло. Оно билось и страхомъ чего-то невѣдомаго, и какою-то тайною радостью. Да и то сказать: гетманъ былъ и не страшенъ, какъ сразу ей показалось; она ахнула отъ нечаянности и стыда: шутка-ли, мужчина, да еще черкашенинъ, увидѣлъ дѣвку на улицѣ! И дѣвка

глазѣла на него—срамъ да и только! А она успѣла замѣтить, что этотъ черкашенинъ молодцомъ смотритъ—такіе усы, да и бороды нѣтъ; а то всѣ бояре, которыхъ она видѣла—всѣ бородатые, и всѣ на батюшку похожи... Только одно страшно—сторона далекая, незнакомая...

И въ головѣ Оленушки сама собой заныла горькая мелодія свадебнаго причитанья по русой косѣ:

Ужъ вставайте-ко, мои подруженьки,
Ужъ вставайте-ко, мои лебедушки,
Заплетите-ко мнѣ русу косыньку,
Русу косыньку, мелку-трубчату,
Не во сто мнѣ прядей и не въ тысячу,
Заплетите мелку-трубчату,
Ужъ впервые-ли и въ остаточкѣ...

И Оленушка снова заплакала, закрывъ лицо бѣлымъ рукавомъ.

Въ комнату вбѣжала маленькая царевна и бросилась къ Морозовой.

— А я всѣ уроки выучила, и больше выучила, какъ Симеонъ Ситіановичъ мнѣ задалъ, — радостно говорила она.— Завтрѣ онъ меня похвалитъ.

— Вотъ и хорошо, государыня царевна,—отвѣчала Морозова, лаская бойкую дѣвочку.

— Ну, такъ теперь и постилы можно дать?

— Можно, можно.

Увидавъ заплаканные глаза у Оленушки, царевна бросилась къ ней.

— Ты о чемъ, Оленушка, плакала?—спросила дѣвочка.

Оленушка не отвѣчала, а только смущенно опустила голову. Маленькая царевна вопросительно посмотрѣла на свою мамушку.

— Это ты ее?—спросила она.

— Что-й-то, царевнушка! Все я да я!—защищалась толстуха.—Оленушку замужъ отдаютъ.

— Замужъ! За кого?

— Вонъ за того гетмана, что онамедни у батюшки царя ручку цѣловалъ.

— А! Я его видѣла съ переходовъ—точно ляхъ.

И дѣвочка съ участіемъ подошла къ Оленушкѣ. «Не плачь,

Олеснушка,—сказала она,—вонъ Симеонъ Ситіановичъ сказываетъ—у нихъ, у черкасовъ, говоритъ лучше жить—веселѣе...».

Въ это время кто-то торопливо говорилъ у дверей: «Государыня-царица, государыня-царица идетъ»...

IX. Смута въ Соловкахъ.

Такимъ образомъ, ни 11-е сентября, ни послѣдующіе затѣмъ дни, на которые Никонъ возлагалъ тайныя надежды, не оправдали этихъ надеждъ. Подосланный имъ къ гетману вѣрный человѣкъ, Ѳедотка Марисовъ, двоюродный племянникъ патріарха, воротился ни съ чѣмъ. Ѳедотка не только не убѣдилъ гетмана взять его съ собою, но своимъ появленіемъ на посольскомъ дворѣ возбудилъ серьезныя подозрѣнія властей, и хотя ничего лишняго не сказалъ на допросѣ въ малороссійскомъ приказѣ, однако, накинулъ сильную тѣнь на самое поведеніе патріарха. При всемъ томъ Никонъ не падалъ духомъ и не терялъ надежды. Природа надѣлила его слишкомъ большою живучестью—живучестью мощнаго духа, а желѣзная воля закалилась съ дѣтства, крѣпчая годъ отъ году съ того самаго момента, когда его, голоднаго, холоднаго и босого ребенка, злая мачиха столкнула въ погребъ, и когда онъ, наэлектризованный фанатическою проповѣдью желтоводскаго старца, наложилъ на себя обѣтъ суроваго подвижничества. Дойдя потомъ на своихъ собственныхъ ногахъ до высочайшей ступени человѣческой власти, онъ самъ увѣровалъ въ провиденціальность своей судьбы надъ русскою землею и глубоко вѣровалъ, что не люди, а только Богъ, возведшій его на эту превысочайшую степень, и можетъ свести его оттуда своею десницею, или возвести еще выше. Онъ ждалъ только указанія свыше—и указаніемъ этимъ онъ считалъ перстъ Божій, который прошлую зиму въ видѣ звѣзды хвостатой грозился на кого-то съ неба. Но на кого? Никонъ глубоко вѣрилъ, что не на него, а на его враговъ.

Поэтому и неудача у гетмана не отняла у него надежды. Онъ понялъ только, что Провидѣніе повелѣваетъ ему ждать. И онъ ждалъ, но ждалъ не пассивно, что было не въ его натурѣ. День за днемъ, при посредствѣ своихъ монаховъ и тайныхъ друзей, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ. Онъ видѣлъ, что тамъ ждали чего-то и въ ожиданіи занимались текущими дѣлами. Гетманъ все оставался въ Москвѣ, сватался, а

потомъ собирался жениться. Слѣдовательно, раньше слѣдующаго года или раньше святокъ нельзя было и думать о его выѣздѣ въ Малороссію.

Дни тянулись за днями, какъ тѣ тяжелыя, свинцовыя и холодныя тучи, которыя ползли на востокѣ и которыя созерцалъ патріархъ, ходя по переходамъ своихъ келій и поглядывая иногда на пустое ласточкино гнѣздо. «Придетъ снова весна, и оно будетъ не пустое»,—думалось ему, и при этомъ само собой это черненькое птичье гнѣздышко сопоставлялось съ покинутымъ въ Москвѣ патріаршимъ престоломъ, который теперь тоже пустъ, но для котораго, какъ и для гнѣзда ласточки, снова наступитъ весна, и онъ не будетъ сиротствовать.

Непріятно волновали его другія вѣсти, приходившія изъ Москвы. По этимъ вѣстямъ можно было думать, что тамъ опять начинаютъ поднимать голову тѣ силы, которыя Никонъ считалъ давно сломанными его мощною рукою, далеко разсѣянными и присыпанными морозною пылью далекой Сибири: поднимали голову эти Аввакумы, Лазари, эти Никиты-пустосвяты, которые плевали на труды цѣлой жизни Никона, отреньями старины забрасывали работу рукъ его, кричали на всю Москву о возвратѣ къ старому. И Москва, повидимому, возвращалась къ старому, отворачиваясь отъ дѣла Никона и отъ него самого. За Аввакумомъ же ходили толпы народа, жадно слушая его неистовыя кричанья и лай на Никона. Голосъ Аввакума доходилъ до палатъ боярскихъ. Боярскія и княжескія жены шли за Аввакумомъ, какъ за пророкомъ: Морозова и Урусова—царицыны любимицы—стали духовными дочерьми Аввакума. А Никонъ забывается...

И не одна Москва съ голоса Аввакума лаетъ на Никона и на его работу: во всей русской землѣ завелись свои Аввакумы. Аввакумы проникли и въ Соловки: и тамъ не хотятъ принимать новыхъ книгъ, напечатанныхъ Никономъ. А Соловки—это вѣчевой колоколъ всей старой Руси.

Возвращавшіеся изъ Соловокъ богомольцы сказывали, что соловецкіе старцы въ одинъ голосъ кричатъ:

— По святой Руси ходитъ ересь пестрозвѣриная: опестрилъ тою ересью Никона Арсентій грекъ, а Никонъ опестрилъ ересью всѣ книги, всю русскую землю. Онъ-де самъ въ Успенскомъ со

борѣ каялся народу: окоростовѣлъ-де я коростою ереси, и та короста отъ меня паде на васъ, и вы всѣ окоростовѣли отъ меня.

Дѣйствительно, въ Соловкахъ было далеко не спокойно: Волненія начались тамъ еще въ 1657 году, когда Никонъ былъ на патріаршествѣ. Въ Соловки присланы были новыя богослужебныя книги никоновскаго изданія. Слухи о присылкѣ «новыхъ» книгъ произвели такое смятеніе въ стѣнахъ монастыря и по всѣмъ его усольямъ, какъ будто бы на святую обитель напала орда и хочетъ монастырь разрушить до камня, а братію истребить до послѣдней ноги. Въ виду такого страшнаго дѣла, архимандритъ созвалъ «черный соборъ». У всѣхъ на лицахъ выражались ожиданіе и страхъ.

Вынесли книги, положили на столъ.—«Смотрите, отцы и братія, каковы книги,—взывалъ архимандритъ,—а я уже старъ и слѣпъ—можетъ, чего не догляжу».

Заскрипѣли и защелкали мѣдныя застежки книгъ подъ грубыми ладонями иноковъ, болѣе привыкшихъ рыбу солить да дрова рубить, чѣмъ книги перелистывать. Зашуршала новая толстая бумага подъ непривычными пальцами. Роются старцы усердно, до поту роются—и литеры-то новыя, безъ загогулинъ и завитковъ, и титлы-то кривобоки, и заставки-то съ киноварью не тѣ, и все не на своемъ какъ будто мѣстѣ—не знаешь, гдѣ его и искать, какъ и читать: то «Отче нашъ» не на своемъ мѣстѣ, то въ «Богородицѣ» б у к и не съ такою заставкою, то «Помилуй мя Боже» не отыщешь—застряло гдѣ-то. Бѣда да и только! Въ старыхъ книгахъ знаешь, гдѣ что искать—листы сами открываются тамъ, гдѣ захочешь: нужно тебѣ «Блаженъ-мужа»—онъ тутъ какъ тутъ, понадобилось «Вскую шаташася»—и оно подъ рукой. А тутъ ищи его, а коли найдешь, такъ не прочтешь—литеры не тѣ, новыя, и и ж и ц а не та, и є и т а съ какими-то лапками...

— Отцы и братія!—кричитъ одинъ инокъ.—Въ символѣ вѣры, чу, а з ъ выкинули!

— Этого нельзя! Эти книги не годятся, латынскія онѣ!—кричитъ другой.

Черный соборъ заволновался. Выступили ученые старцы, попы и дьякона.

— Отцы и братія! Стойте на старыхъ книгахъ—по нимъ мы учены и къ нимъ привыкли, а къ новымъ поздно привыкать.

— Поздно! Поздно! Мы, старики слѣпые, и по старымъ книгамъ очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ-то на старости лѣтъ учиться не можемъ, да и некогда: что учено было, и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ, чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ непривычнымъ, сколько ни учиться, не навыкнуть.

— Долой новыя книги!—кричала братія.

— Въ огонь ихъ, въ море!

— Помолчите, отцы и братія!—завопилъ новый ораторъ, выступая изъ толпы.—Дайте слово сказать. Послушайте вы меня, стараго: коли попы станутъ читать и пѣть по новымъ книгамъ, и мы отъ нихъ причащаться не будемъ—помремъ и такъ, а вѣрѣ не измѣнимъ. А коли на отца нашего, на архимандрита, придетъ какая кручина, либо жестокое повелѣніе, и намъ всею братьею бить за него челомъ своими головами, стоять всѣмъ заодно до смерти.

— Ладно! Стоять до смерти!—заревѣлъ черный соборъ.—Не выдавать архимандрита!

Архимандритъ стоялъ у стола, положивъ дрожащую руку на книгу новой печати. По впалымъ и сморщеннымъ щекамъ его катились слезы.

— Братія и всѣ православные христіане!—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Видите, братія, послѣднее время: встали новые учители и отъ вѣры православной, и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, какъ и отцы наши! А я на то пошелъ—умру за святой а з ъ.

Черный соборъ заревѣлъ почти въ одинъ голосъ:

— Намъ латынской службы и еретицкаго чина не надо! Не принимаемъ! Причащаться отъ еретицкой службы не хотимъ и тебя, отца нашего, не выдадимъ!

Два-три голоса возвысились было въ пользу новыхъ книгъ.

— А!—застоналъ черный соборъ.—Хотите латынскую еретицкую службу служить! Живыхъ изъ трапезы не выпустимъ!

Новыя книги такъ и не были приняты. Въ 1666 г., когда Никонъ, сидя въ Воскресенскомъ монастырѣ, томился ожиданіемъ и неизвѣстностью, изъ Москвы посланъ былъ въ Соловки Спасскаго ярославскаго монастыря архимандритъ Сергій съ царскимъ

указомъ, грамотами и наказомъ архіерейскаго собора—привести соловецкую братію къ повиновенію. Сергій собралъ черный соборъ, предъявилъ указъ и грамоты. Невообразимый шумъ и крики заглушили его слабый голосъ.

— Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинуемся!—выдѣлились отдѣльные голоса изъ толпы,—а повелѣнія о символѣ вѣры, о сложеніи перстовъ, о аллилуіи и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ.

На скамью встаетъ самъ архимандритъ соловецкій, старый Никаноръ. Его поддерживаютъ чернецы, чтобы онъ не упалъ. Никаноръ поднимаетъ руку высоко надъ своею головой, складываетъ три первые пальца и кричитъ неистово:

— Смотрите! Это ученіе и преданіе латынское, преданіе антихристово! За два перста я готовъ пострадать! Ведите меня на муку! Да у васъ теперь и главы нѣтъ—патріарха, и безъ него вы не крѣпки! Горе вамъ! Послѣднія времена пришли!

Голосъ его оборвался. Онъ задрожалъ и съ трудомъ былъ снятъ со скамьи. Онъ дико озирался по сторонамъ, какъ пьяный, бормоча: «умру за два перста.. умру за святой а з ъ»...

Сергій, ошеломленный воплемъ стараго фанатика, обращается къ собору и проситъ выбрать кого-нибудь одного.

— Со всѣми разомъ говорить нельзя; меня закричатъ.

— Геронтій! Геронтій!—раздалось со всѣхъ сторонъ!

Выступилъ Геронтій, высокій, сухой чернецъ. Глаза его искрились, въ широкихъ скулахъ и въ прикушенной бородѣ видѣлось что-то упрямое, задорное. Выступилъ онъ съ такимъ угрожающимъ лицомъ и съ такими жестами, словно бы шелъ на кулачки.

— Зачѣмъ вы у насъ Сына Божія отняли!—сразу накинулся онъ на Сергія.

Сергій испуганно отступилъ назадъ, не понимая, о чемъ его спрашиваютъ.

— Зачѣмъ вы въ молитвѣ «Господи Исусе» отъемлете «Сына Божія»?—продолжалъ ораторъ, наступая на оторопѣвшаго посланца царскаго.—Зачѣмъ вы...

Но толпа не дала оратору продолжать: она одно поняла—что съ ними дѣлаютъ что-то страшное, «Сына Божія» отнимаютъ...

— Охъ! Охъ! Горе намъ!—послышался страшный вопль ди-

карей.—Охъ, горе! Отымаютъ у насъ «Сына Божія»!... Гдѣ вы дѣвали «Сына Божія»?

Когда крики нѣсколько утихли, Сергій хотѣлъ было подойти къ Геронтію, но тотъ неистово закричалъ:

— Не подходи!.. Покажи прежде, какимъ крестомъ крестишься, и тогда ужъ и учи насъ!.. Допрежъ сего отъ соловецкой обители вся русская земля всякимъ благочестіемъ свѣтилась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь допрежъ сего не бывывалъ, но яко столпъ и утвержденіе и свѣтило сіялъ. А вы теперь отъ грековъ новой вѣрѣ учитесь, а греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь подъ началъ присылаютъ: они и креститься-то не умѣютъ,—мы ихъ самихъ учимъ, какъ креститься.

По собору пронесся гулъ одобренія. Сергій видѣлъ, что почва подъ нимъ колеблется, что не сломить ему суроваго противника—и онъ прибѣгъ къ страшному средству, послѣ котораго должны уже были заговорить пушки, а не люд

— Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ ли, благочестивъ ли, и православенъ ли, и христіанскій ли царь?—спросилъ онъ.

Въ свою очередь Геронтій передъ этими страшными словами отшатнулся было назадъ, но, увидѣвъ устремленный на него взглядъ стараго Никанора, выпрямился и тряхнулъ волосами.

— Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ, благочестивъ и православенъ,—отвѣчалъ онъ, обводя собраніе глазами.

— А повелѣнія его, которыя къ вамъ присланы, православны ли?—настаивалъ неумолимый посланс

Даже Геронтій на эти страшныя слова не зналъ, что отвѣчать: какъ волкъ, прижатый къ стѣнѣ, онъ растерянно оглядывался, ища взгляда Никанора. Но Никаноръ смотрѣлъ въ землю и упорно моталъ головою.

— Освященный соборъ православенъ ли?—продолжалъ пытать Сергій.

— Допрежъ сего патріархи были православны, а нынѣ, Богъ вѣсть—потому живутъ въ неволѣ, а россійскіе архиреи православны,—съ трудомъ отвѣчалъ Геронтій.

— А которое къ вамъ прислано соборное повелѣніе—и оно православно ли?

— Повелѣнія соборнаго не хулимъ, а новой вѣры и ученія не пріемлемъ, держимся преданія святыхъ чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть,—былъ послѣдній отвѣтъ старцевъ.

Сергій вышелъ изъ собора, окруженный монастырскимъ карауломъ, словно арестантъ. Ему не позволяли даже въ монастырѣ ночевать, а вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ изъ Москвы посланцами вывели на островъ и посадили подъ стражу. Когда его выводили изъ монастырскихъ воротъ, то собравшіеся тамъ изъ окрестныхъ усольевъ и поселковъ мужики громко говорили:

— Которые московскіе стрѣльцы теперь здѣсь въ монастырѣ, и тѣмъ мы свой указъ учинимъ—перебьемъ и перетопимъ, и которые за монастыремъ въ ладьяхъ, и тѣхъ перетопимъ, будто моремъ разбило... Всѣхъ побьемъ каменьемъ—потому посланы они отъ антихриста прельщать насъ.

На соборѣ, между тѣмъ, въ трапезѣ, готовилось челобитье къ царю. Когда оно было кончено, Геронтій всталъ на скамью и началъ громко читать:

— Бьютъ челомъ богомольцы твои государевы: Соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Саввина монастыря архимандритъ Никаноръ, казначей Ворсонофей, священники, дьяконы, всѣ соборные чернецы и вся братія рядовая и больнишная, и служки и трудники всѣ. Присланъ съ Москвы къ намъ архимандритъ Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ, и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, и преданіе великихъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ, въ коемъ прародители твои государевы и начальники преподобные отцы Зосима и Савватей и Германъ, и преосвященный Филиппъ митрополитъ пребывали, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. И мы, худые богомольцы твои и холопишки, чрезъ преданія святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ священные уставы и церковные чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патріарха, по которымъ насъ учатъ новому преданію, вмѣсто Іисуса нашего съ приложеніемъ лишней литеры Іисусъ, чего страшно намъ грѣшнымъ источію приложити, но и помыслити...

— Охъ!—послышалось въ толпѣ, — и ж е приложили ко Іисусу... Охъ, страшно...

— Охъ! Ижемъ Христа прободали въ ребра: иже есть копіе!—провозгласилъ Никаноръ.

— Милосердный государь!—продолжалъ, воодушевляясь и потрясая въ воздухѣ челобитною, Геронтій.—Помилуй насъ и нищихъ своихъ богомольцевъ и холопишекъ—не вели архимандриту Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Савватея, Германа и Филиппа преданія нарушать, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врозь не разбрестись и твоему богомолію украйному и порубежному мѣсту отъ безлюдства не запустѣть.

— Припиши,—кричалъ Никаноръ, — за преданіе-де великихъ чудотворцевъ готовы мы съ радостью наглую смерть принять, и многіе-де старцы, готовясь на тотъ вѣчный путь, посхимились.

— Припиши! Припиши!—подтвердили десятки голосовъ.

— Еще припиши,—настаивалъ упрямый Никаноръ,—вели-де, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе!

Въ такомъ положеніи стояли дѣла на далекомъ сѣверѣ, когда Никонъ, котораго считали виновникомъ всѣхъ этихъ небывалыхъ и неслыханныхъ дотолѣ церковныхъ смутъ, охватившихъ не только соловецкое поморье, но и Москву, гдѣ народъ, торговые люди и бояре почти всѣ отшатнулись отъ духовныхъ властей своихъ, а Аввакумъ до ослѣпленія разжигалъ народныя страсти своею жгучею проповѣдью,—когда Никонъ вдругъ узналъ, что въ Москву прибыли гости, которыхъ онъ всего болѣе боялся. Это были вселенскіе патріархи—Макарій антіохійскій и Паисій александрійскій, онъ же и «судія вселенной».

Наступилъ судъ надъ Никономъ.

X. Судъ надъ Никономъ.

Перваго декабря 1666 года, едва лишь багровое солнце сквозь искристую морозную мглу освѣтило островерхія крыши кремлевскаго дворца и брызнуло золотомъ по маковкамъ церквей и по разрисованному морозомъ стеклу дворцовыхъ оконъ и стеклянныхъ переходовъ, какъ ужъ во дворцѣ, въ столовой избѣ, собрался небывалый дотолѣ и послѣ того въ Россіи вселенскій

соборъ—царь, два патріарха, митрополиты, архіереи и весь синклитъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ на своемъ государевомъ мѣстѣ, на небольшомъ возвышеніи, подъ сѣнію золотого двуглаваго орла, на крыльяхъ котораго играло пробившееся сквозь льдистые кристаллы окна утреннее солнышко, золотя въ то же время лѣвый, уже посеребренный рѣдкою сѣдью високъ и часть заиндевѣвшей тою же назойливою сѣдью русой, мягкой, какъ шемахинскій шелкъ, бороды. Тишайшій царь сидѣлъ задумчиво, глубоко-сосредоточенно и такъ неподвижно, что его можно было принять за иконописное изображеніе, еслибъ тихое, равномѣрное поднятіе и опусканіе висѣвшаго на его груди большого золотого креста не изобличало, что эта грудь дышетъ. Подлѣ него, по лѣвую руку, въ глубокихъ съ высокими рѣзными спинками креслахъ сидѣли патріархи. У ближайшаго къ царю, высокаго, худого и согбеннаго годами, темно-пергаментное лицо смотрѣло изъ-подъ надвинутаго до бровей клобука не какъ лицо, а какъ ликъ на старомъ полотнѣ, выцвѣтшій отъ времени, тронутый непогодью и копотью отъ свѣчей и ладона. Неровныя пряди волосъ желтоватой сѣдины и бѣлая борода, освѣщенныя косыми лучами солнца, нѣсколько дрожали на черномъ фонѣ клобука и панагіи, производя странное впечатлѣніе—какъ будто бы волосы эти дрожали на мертвомъ тѣлѣ отъ посторонняго дыханія, тѣмъ болѣе, что и глаза сидящаго, глубоко опущенные, казались закрытыми тонкою, синеватою кожицею вѣкъ, съ которыхъ, казалось, только что сняты были мѣдные гроши,—принадлежность новопреставленнаго. Это былъ Паисій, патріархъ Александріи и всего Египта—нѣкогда земли фараоновъ. Рядомъ съ нимъ въ такомъ же креслѣ возсѣдалъ антіохійскій патріархъ Макарій. Черные, курчавые, перевитые сѣдыми прорѣзями, какъ серебряною тонкою нитью, волосы, черная, курчавая, какъ давно нестриженная баранья шерсть, съ просѣдью борода, большіе синеватые бѣлки черныхъ, подвижныхъ глазъ съ длиннѣйшими рѣсницами, темно-оливковый цвѣтъ лица—все изобличало въ немъ восточнаго человѣка, котораго какъ-то странно было видѣть не на берегу Іордана гдѣ-нибудь или Мертваго моря, а на берегахъ Яузы, среди чисто-московскихъ лицъ и въ этой типичной обстановкѣ.

Съ правой стороны царя, на застланныхъ сукнами скамьяхъ сидѣли митрополиты, архіереи и весь освященный соборъ. Чер-

ные клобуки, надвинутые на худыя и строгія лица, черныя рясы, кресты и четки — все это смотрѣло мрачно и внушительно, какъ картина страшнаго суда. Тутъ и Сергій спасо-ярославскій, котораго мы недавно видѣли на черномъ соборѣ въ Соловкахъ, и Павелъ суздальскій, и Павелъ саркій, и Питиримъ новгородскій.

По лѣвую сторону отъ царя, на скамьяхъ же, бояре, окольничіе и думные люди—все, что заправляло московскою землею отъ Пскова до Албазина на Амурѣ, отъ Соловокъ до южнаго рубежа русской, все шире и шире разлегавшейся территоріи. Тутъ были лица, большею частью хорошо упитанныя, гладкія, бородатыя.

За особымъ столомъ—дьякъ Алмазъ Ивановъ. Горы бумагъ, книгъ и потемнѣвшихъ отъ времени свитковъ почти всего его закрываютъ собой. И лицо его — такое же желтое, какъ эти свитки — смотритъ спокойно, только изрѣдка щурятся его усталые глаза, перечитавшіе всѣ эти горы бумаги и перенесшіе въ его глубокую, какъ бездонная пропасть, память тысячи мельчайшихъ подробностей дѣлъ, статей разныхъ уложеній, указовъ, отписокъ, справокъ, памятей. Худыми, привычными пальцами онъ держитъ бѣлое, какъ снѣгъ, гусиное перо и неслышно водитъ имъ по бумагѣ.

Тихо въ избѣ. Соборъ ждетъ кого-то. Кого же больше ждать, какъ не того, кого собрались судить вселенне! Въ полночь онъ въѣхалъ въ Москву и прослѣдовалъ въ Кремль Никольскими воротами, которыя тотчасъ же за нимъ и заперли, поставивъ сильную стражу и разобравъ даже мостъ, соединявшій эти ворота съ городомъ. Такъ вотъ какого страшнаго подсудимаго ждетъ вселенскій соборъ!

Скоро за дверями столовой избы послышались чьи-то ровные, сильные шаги. Звякнули алебарды стрѣльцовъ, стоявшихъ у входа. Какое-то невольное движеніе, словно дрожь, прошло по собору, какъ будто бы въ тихій ясный день по безоблачному небу пронеслось облачко и провело бѣгучую тѣнь по высокой травѣ. Глаза всего собора обратились къ входнымъ дверямъ— обратились съ какимъ-то страхомъ, полные ожиданія. И глаза царя блеснули неуловимымъ свѣтомъ, и закрытые вѣками глаза Паисія патріарха открылись, словно бы икона глянула съ тем-

наго полотна человѣческими глазами, и глаза дьяка Алмаза Иванова поднялись отъ бумаги.

Двери распахнулись широко, на обѣ половинки, чтобы пропустить что-то большое. Это было распятіе, несомое передъ патріархомъ. За распятіемъ вошелъ и тотъ, кого звали на судъ. Невольная дрожь прошла по собору, когда увидали того, кто вошелъ. Это былъ все тотъ же прямой, суровый на видъ, массивный человѣкъ, котораго такъ часто когда-то, около десяти лѣтъ назадъ, видѣла Москва на всѣхъ торжественныхъ служеніяхъ, въ церковныхъ ходахъ и въ царской думѣ, и передъ взоромъ котораго все склонялось и трепетало; тотъ же повелительный видъ, тѣ же повелѣвающіе глаза,—только по всему этому прошло что-то разрушительное, пригибающее къ землѣ, вытравляющее живой цвѣтъ лица, задувающее огонь глазъ, обезцвѣтившее до сѣдины вороненый волосъ головы и бороды.

Въ добрыхъ глазахъ царя блеснула жалость—вѣки задрожали... Это ли его бывшій «собинный» другъ, его любовь и гордость!..

При видѣ распятія и вошедшаго за нимъ подсудимаго, весь соборъ сталъ на ноги.

— Владыко Господи Боже нашъ! Благослови входъ раба Твоего и отверзи уста его, да возвѣстятъ хвалу Твою — всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!—громко возгласилъ вошедшій.

Потомъ, оборотясь лицомъ къ царю, онъ поклонился ему до земли. Царь испустилъ глубокій вздохъ, увидавъ, какъ у поклонившагося ему разметались по полу посѣдѣвшіе волосы. Поклонившійся всталъ и, откинувъ назадъ упавшіе ему на лицо волосы, вторично припалъ клобукомъ къ царскому подножію. Царь крѣпко стиснулъ челюсти, чтобы не заплакать. Поклонившійся, приподнявшись вторично отъ полу, въ третій разъ поклонился

Сдѣлавъ полуоборотъ къ патріархамъ, онъ и имъ поклонился до земли дважды. За всѣми его движеніями жадно слѣдили глаза всего собора, а узкіе сѣрые глазки Питирима, митрополита новгородскаго, каждый поклонъ Никона сопровождали злораднымъ блескомъ.

Когда Никонъ поднялся, наконецъ, отъ полу, расправляя волосы, на лицо его, блѣдное и безцвѣтное, какъ у арестанта, набѣжала краска. Патріархи въ свою очередь глубоко нагнули го-

ловы, а потомъ глазами указали на лавку, по правую сторону государева мѣста.

Глянувъ въ ту сторону, Никонъ сразу понялъ, что его приравниваютъ къ простымъ архіереямъ, что особаго мѣста для него не приготовили. Зловѣщая искра блеснула въ его глазахъ.

— Я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ... Развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою,—сказалъ онъ хрипло, съ дрожью въ голосѣ, и оперся на свой посохъ, глядя прямо въ глаза государю.

И добрые глаза послѣдняго блеснули: та искра, что зажглась въ глазахъ у Никона, зажглась и у царя. Питиримъ незамѣтно толкнулъ локтемъ сосѣда своего, Павла, митрополита сарскаго, и указалъ глазами на то, что происходило впереди. Перо дьяка Алмаза Иванова заскрипѣло по бумагѣ, спѣша запечатлѣть чернилами навѣки этотъ историческій моментъ.

— Пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патріархи меня звали?—продолжалъ подсудимый тономъ допрашивающаго, тономъ судьи, и снова вопрошающе посмотрѣлъ на государя.

Алексѣй Михайловичъ порывисто сошелъ съ своего мѣста, путаясь ногами въ своемъ длинномъ одѣяніи, и сталъ передъ патріархами, какъ бы ища укрыться подъ ихъ святынею.

— Святая и пречестная двоице! Великіе вселенстіи патріарси—заговорилъ царь дрожащимъ голосомъ, нервно, торопливо. — Отъ начала московскаго государства соборной и апостольской церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ сей бывшій патріархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта церковь оставилъ, патріаршества отрекся никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились, церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ... Допросите бывшаго патріарха Никона — для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь?

Царь стоялъ, какъ подсудимый, и ждалъ отвѣта. Пока патріархи черезъ переводчика хотѣли только было обратиться къ Никону за этимъ отвѣтомъ, какъ онъ оборвалъ ихъ.

— А есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ константинопольскимъ и ерусалимскимъ патріархами, что меня судить? А безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому—хиротонисанъ я отъ константинопольскаго патріарха.

Изъ-за груды бумагъ выдвинулась тощая фигура дьяка Ал-

маза Иванова и неслышными шагами приблизилась къ патріархамъ. Въ рукахъ у Алмаза было два свитка, перевитые черными лентами, какъ двѣ погребальныя свѣчи.

— Вотъ полномочіе остальныхъ вселенскихъ патріарховъ,—сказалъ Макарій, дотронувшись до одного изъ свитковъ.

Тогда Никонъ попятился назадъ и въ первый разъ оглянулъ судилище, подобно тому, какъ застигнутый врасплохъ ищетъ, куда ему скрыться. Глаза его остановились на Питиримѣ новгородскомъ и на его сосѣдѣ Павлѣ сарскомъ:—глаза послѣднихъ смотрѣли съ вызывающимъ торжествомъ... Никонъ задрожалъ...

— Великій государь и святѣйшіе патріархи!—быстро повернулся онъ.—Бью челомъ: пожалуйте меня и вышлите изъ собора недруговъ моихъ Питирима и Павла; они мыслили зло на меня, хотѣли меня отравить, либо удавить, и для того съ чаровствомъ прислали чернеца Ѳедоса.

— И то онъ говоритъ ложь безлѣпично,—возразилъ Питиримъ, вставая разомъ съ Павломъ,—у великаго государя о чернецѣ Ѳедосѣ есть дѣло.

И опять изъ-за бумагъ выдѣляется фигура дьяка Алмаза Иванова. Онъ подноситъ къ государю дѣло и съ глубокимъ поклономъ подаетъ его. Царь показываетъ это дѣло патріархамъ.

— Отвѣтствуй,—повторили патріархи,—для чего ты отрекся отъ патріаршества?

— Я не отрекся, а сшелъ съ престола своею волею, не стерпя обидъ: царевъ слуга Хитрово билъ моего человѣка безъ вины, и того ему, Хитрово, дѣлать не довелось—то мнѣ безчестье, потому—человѣка своего я послалъ по дѣлу, для строенія церковныхъ вещей. А когда я просилъ у великаго государя обороны—и великій государь обороны мнѣ не далъ,—защищался подсудимый, все болѣе и болѣе возвышая голосъ.

— Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово не во-время: въ ту пору обѣдалъ у меня грузинскій царь, и въ ту пору розыскивать и оборону давать было некогда,—былъ отвѣтъ царя.

Странный, небывалый видъ представляли эти судебныя пренія. Высшая власть въ государствѣ—царь и патріархъ—стояли среди многочисленнаго собора, раздѣляемые распятіемъ и крестоносителемъ, а весь соборъ сидѣлъ, безмолвно слѣдя за словами и движеніями царя и подсудимаго: послѣдній былъ блѣденъ какъ

полотно, у перваго—краска не то стыда, не то негодованія заливала щеки.

Царь чувствовалъ, что отвѣтъ его слабъ.

— Никонъ патріархъ говоритъ, — поспѣшилъ онъ поправиться,—будто человѣка своего прислалъ для строенія церковныхъ вещей, ино въ ту пору на Красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего, и Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, что пришелъ не во-время и учинилъ смятеніе, и то безчестье къ Никону патріарху не относится, и та обида ему не въ обиду. А что не было моего выходу въ праздники, и то учинилось такъ за многими государственными дѣлами. А когда онъ сшелъ съ престола, и я посылалъ къ нему боярина князя Трубецкого и Родіона Стрѣшнева, чтобъ онъ на свой патріаршій столъ возвратился, ино онъ отъ патріаршества отрекался—сказывалъ: какъ-де его на патріаршество обирали, и онъ-де на себя клятву положилъ—быть-де на патріаршествѣ токмо три года. А что посылалъ я князя Юрія Ромодановскаго, чтобъ онъ напредки великимъ государемъ не писался, и то я учинилъ для того, что прежніе патріархи такъ не писывались, ино того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ.

Услыхавъ свое имя, Ромодановскій, тучный и красный какъ кумачъ, бояринъ, торопливо поднялся съ лавки и, не спуская глазъ съ царя, быстро выпалилъ: «Это точно—о государевомъ гнѣвѣ я не говаривалъ».

Никонъ въ полуоборотъ глянулъ на него, но ничего не сказалъ.

— Говорилъ ты про обиды: какія обиды тебѣ отъ великаго государя были?—продолжалъ допрашивать Макарій, тогда какъ Паисій безмолвно перебиралъ свои четки.—Какія обиды?

— Никакихъ обидъ не бывало; но когда онъ (и Никонъ спохватился и тотчасъ же поправился)—когда великій государь началъ гнѣваться и въ церковь ходить пересталъ, въ ту пору я патріаршество и оставилъ.

Царь нетерпѣливо пожалъ плечами, не глядя на подсудимаго.

— Онъ писалъ ко мнѣ по уходѣ,—началъ онъ снова,—«будешь-де ты, великій государь, одинъ, а я-де, Никонъ, какъ одинъ отъ простыхъ».

— Я такъ не писывалъ,—былъ отрывистый отвѣтъ.

Тогда Макарій, обратясь къ архіереямъ, спросилъ: «Какія обиды были Никону отъ великаго государя?»

— Никакихъ обидъ не было,—отвѣчалъ Питиримъ за всѣхъ.

— Я не объ обидахъ говорю!—огрызнулся на него Никонъ, медленно, какъ волкъ, полуоборачивая свою негнущуюся, какъ у волка-же, шею.—Я говорю о государевомъ гнѣвѣ! И прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали—Афонасей александрійской и Григорей-Богословъ.

— Другіе патріархи,—перебилъ его Макарій, — оставляли престолъ, ино не такъ, какъ ты: ты отрекся, что впредь не быть тебѣ патріархомъ: если-де будешь патріархомъ, то анаѳема будешь.

— Я такъ не говаривалъ,—защищался подсудимый,—а говорилъ я, что за недостоинство свое иду; а коли-бъ я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, и я не взялъ бы съ собою святительской одежды.

— Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ «достоинъ». А ты, какъ святительскую одежду снималъ, то говорилъ: «недостоинъ»,—настаивалъ Макарій.

— Это на меня выдумали,—былъ отвѣтъ.

— Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ святѣйшимъ патріархамъ на меня многія безчестья и укоризны, а я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ,—продолжалъ царь,—допросите его—все-ли онъ истину, безъ всякаго прилога, писалъ? За церковные ли догматы онъ стоялъ? Іосифа патріарха святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ ли?

— Что я въ грамотахъ писалъ—то писалъ!—нетерпѣливо отвѣчалъ подсудимый.—А стоялъ я за церковные догматы... Іосифа патріарха почитаю за патріарха, а святъ ли онъ—того не вѣдаю; а церковныя вещи продавалъ я по государеву указу.

Царь обвелъ взоромъ все собраніе и остановился на Алмазѣ Ивановѣ.

— Поставь предъ соборъ колодника,—сказалъ онъ тихо, но такъ, что весь соборъ слышалъ его слова.

Алмазъ Ивановъ поднялся и неслышными шагами вышелъ въ сѣни. Всѣ смотрѣли ему вслѣдъ въ нѣмомъ ожиданіи и страхѣ. Никонъ ближе подвинулся къ распятію и поднялъ на него глаза.

Питиримъ что-то шепталъ своему сосѣду, показывая глазами на подсудимаго.

Въ сѣняхъ послышались шаги, сопровождаемые глухимъ звяканьемъ кандаловъ. Всѣ въ недоумѣніи переглядывались.

Скоро дверь растворилась, и въ соборную избу вошелъ кто-то, закованный въ желѣзо по рукамъ и по ногамъ. Лицо его носило слѣды тяжкаго изнуренія. Увидавъ Никона и распятіе, онъ упалъ ницъ, зазвенѣвъ кандалами. Никонъ вздрогнулъ и пошатнулся: онъ узналъ колодника.

То былъ племянникъ его—Ѳедотъ Марисовъ.

XI. «Мамай въ рясѣ».

Когда гетманъ Брюховецкій отказался взять Марисова съ собою въ Малороссію, откуда этотъ тайный посланецъ Никона долженъ былъ пробраться въ Константинополь къ тамошнему патріарху Діонисію, съ грамотою Никона и съ воззваніемъ ко всѣмъ патріархамъ о разборѣ его распри съ царемъ, любимецъ Никоновъ и его ставрофоръ Ивашко Шушера подкупилъ одного казака за 50 рублей и за пятьдесятъ золотыхъ—взять съ собою Марисова въ число прочей свиты гетмана, якобы своего родственника, взятаго москалями въ плѣнъ во время похода воеводы Бутурлина на Львовъ. Марисовъ, никѣмъ неузнанный, въ январѣ 1666 года, выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Брюховецкимъ и благополучно достигъ Малороссіи; но въ Москвѣ скоро провѣдали объ этомъ тайномъ агентѣ Никона, и къ Брюховецкому посланъ былъ гонецъ съ наказомъ—схватить Марисова. Марисовъ былъ схваченъ и пересланъ подъ карауломъ въ Москву, вмѣстѣ съ грамотами Никона.

Все это сдѣлано было въ глубочайшей тайнѣ, и Никонъ ничего не зналъ, какая судьба постигла его посланца и его грамоты. А въ грамотахъ этихъ онъ не поскупился на сильныя выраженія, на серьезныя обвиненія, падавшія лично на царя и на его управленіе.

Вотъ почему появленіе Марисова въ соборной избѣ такъ поразило Никона. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собою призракъ. Да, Марисовъ, изнуренный заключеніемъ, пытками и душевными страданіями, и смотрѣлъ призракомъ.

Царь сдѣлалъ знакъ Алмазу Иванову. Тотъ подошелъ и подалъ какія то бумаги.

— Твои это грамоты?—спросилъ царь, показывая ихъ Никону.

— Мои,—мрачно отвѣчалъ тотъ.

Марисовъ поднялся съ полу и, снова припавъ къ землѣ, поцѣловалъ край одежды Никона.

— Грамоты ты эти отъ Никона получилъ?—спросилъ царь Марисова. Тотъ молчалъ.—Говори!—повторилъ царь.

— Прикажи меня казнить, великій государь, а на святѣйшаго патріарха я свидѣтельствовать не стану,—сказалъ Марисовъ съ силой.—Отсохни мой языкъ!

— Скажи одно: кто тебѣ далъ эти грамоты?—настаивалъ царь.—Скажи, я тебя помилую.

— Не скажу! Заради, Господи, уста моя!—какъ-то выкрикнулъ упрямецъ.—Сокруши гортань мою!

Никонъ широко перекрестилъ его и снова оперся на посохъ. Царь сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Уведите его!—сказалъ онъ, ни на кого не глядя.

Марисова увели. Царь передалъ бумаги Алмазу Иванову, который, сѣвъ на свое мѣсто, снова заскрипѣлъ перомъ.

— Чти Никоновы писанія!—громко сказалъ Алексѣй Михайловичъ.

Алмазъ Ивановъ, заткнувъ перо за ухо, сталъ читать. Трудно было ожидать, чтобы въ такомъ тщедушномъ тѣлѣ сидѣлъ такой здоровый голосъ. Онъ читалъ грамоту Никона къ константинопольскому патріарху. Въ грамотѣ подробно описывалось, какъ его, Никона, силою избрали на патріаршество, какъ насильно привели въ соборъ, какъ царь, вмѣстѣ съ московскимъ народомъ, кланяясь до земли и слезно плача, умолялъ его, Никона, принять патріаршество, какъ онъ, наконецъ, рѣшился принять посохъ Петра митрополита съ условіемъ, чтобы всѣ его слушались, какъ начальника и пастыря, какъ царь сначала былъ благоговѣенъ и милостивъ и во всемъ заповѣдей божьихъ искатель, а потомъ началъ гордиться и выситься.

Соборъ безмолвствовалъ. Гремѣлъ только ровный, звучный голосъ Алмаза Иванова. Царь стоялъ, потупившись, а Никонъ держалъ голову прямо, не спуская глазъ съ распятія. По лицу Питирима, какъ змѣйка, пробѣгала злая усмѣшка.

— Посланъ я,—звучалъ голосъ Алмаза Иванова,—въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ неправедно...

— Постой!—перебилъ чтеніе государь.

Алмазъ Ивановъ умолкъ. Всѣ взоры обратились на царя.

— Для чего онъ,—обратился послѣдній къ патріархамъ,—для чего онъ такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ, безъ собора, Павла, епископа коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ его не стало безвѣстно... Допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ!

— По какимъ правиламъ я его низвергъ и сослалъ—того не помню, и гдѣ онъ пропалъ—того не вѣдаю... Есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло,—поторопился подсудимый.

— На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало—отлученъ епископъ Павелъ безъ собора,—съ своей стороны поторопился Павелъ, митрополитъ сарскій.

Никонъ ничего не возражалъ. Онъ только сильнѣе налегъ на посохъ, какъ бы желая имъ пронзить помостъ соборной избы.

А Алмазъ Ивановъ продолжалъ вычитывать, какъ по покойникѣ... «и учалъ царь вступаться въ архіерейскія дѣла»...

— Допросите—въ какія архіерейскія дѣла я вступался?—снова прервалъ чтеніе Алексѣй Михайловичъ, обращаясь къ патріархамъ.

— Что я писалъ—того не помню,—отвѣчалъ Никонъ.

...«Оставилъ патріаршество, не стерпя гнѣва и обиды»:—вычитывалъ дьякъ Алмазъ.

— Допросите: какой гнѣвъ и обиды?—прерывалъ царь.

— На Хитрово не далъ обороны, въ церковь ходить пересталъ... Государевъ гнѣвъ объявленъ небу и землѣ,—уже начиналъ кричать подсудимый.

Патріархи остановили его движеніемъ.

— Хотя бъ Хитрово человѣка твоего и зашибъ, и тебѣ то терпѣть бы и послѣдовать Іоанну Милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ,—наставительно сказалъ Макарій (Паисій все молчалъ и изрѣдка взглядывалъ то на царя, то на Никона).—А еслибъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, и тебѣ бы о томъ съ

архіереями посовѣтоваться слѣдовало, и къ великому государю посылать—бить челомъ о прощеніи, а не сердиться.

Раздался чей-то голосъ съ дальней скамьи. Всѣ оглянулись и увидѣли рыжую голову, которая усиленно моргала.

— Въ ту пору я царскій чинъ исполнялъ,—говорила, заикаясь, рыжая голова (это былъ Хитрово), и въ ту пору пришелъ патріарховъ человѣкъ и учинилъ мятежъ, и я его зашибъ не знаючи, я въ томъ у Никона патріарха просилъ прощенія, и онъ меня простилъ.

За Хитрово осмѣлились и другіе. Разомъ послышалось нѣсколько голосовъ со всѣхъ сторонъ.

— Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не бывало, пошелъ онъ не отъ обиды—съ сердца!—кричали съ боярской стороны.

— Когда онъ снималъ панагію и ризы, то говорилъ: «аще помыслю въ патріархи, анаѳема да буду!» Панагію и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ!—кричала архіерейская сторона.

Всѣ кричали, всѣ усердствовали. Никонъ, какъ затравленный волкъ, только озирался. Но не въ его характерѣ было молчать, когда кричали другіе.

— Я васъ перекричу!—раздался вдругъ его рѣзкій, какъ ударъ хлыста, голосъ.

Паисій, сидѣвшій съ опущенными глазами, быстро вскинулъ ими на подсудимаго и тихо сказалъ: «Никонъ!»—Никонъ опомнился.

...«написана книга Уложеніе,—продолжалъ вычитывать Алмазъ Ивановъ изъ письма Никона къ константинопольскому патріарху,—книга святому евангелію, правиламъ святыхъ апостоловъ, святыхъ отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противная... всѣхъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ не могу описать—такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но окромѣ уничиженія, ничего не получилъ, и меня же хотѣли убить»...

— Постой!—остановилъ чтеца Алексѣй Михайловичъ.—Къ сей книгѣ,—обратился онъ потомъ къ Никону,—приложили руки патріархъ Іосифъ и весь освященный соборъ, и твоя рука приложена...

— Я руку приложилъ поневолѣ,—огрызнулся подсудимый.

...«бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ,—читалъ Алмазъ,—научилъ собаку сидѣть и передними лапами благословлять, ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ: мы, услыхавъ о такомъ безчиніи, клятвѣ Семена предали»...

Тонкая улыбка скользнула по губамъ Макарія.

- И того тебѣ, Никонъ, дѣлать не довелось, — сказалъ онъ.—Еслибъ мышь сгрызла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что она причастилась: такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе... Шутить святыми дѣлами не подобаетъ, но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятіе, понеже считаютъ его за ничто.

Когда Алмазъ Ивановъ дочелъ до того мѣста письма, гдѣ говорилось о пріѣздѣ къ Никону князя Одоевскаго и Паисія Лигарида, царь остановилъ чтеніе.

— Митрополитъ и князь,—сказалъ онъ, — посланы были выговаривать ему его неправды, что писалъ ко мнѣ со многимъ безчестіемъ и съ клятвою, мои грамоты клалъ подъ евангеліе, позорилъ газскаго митрополита, а тотъ свидѣтельствованъ отцомъ духовнымъ, и ставленная грамота у него есть.

— Я за обидящагося молился, а не клялъ,—отвѣчалъ Никонъ.—Газскому митрополиту, по правиламъ, служить не слѣдуетъ потому—онъ епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время... Слышалъ я, что онъ ерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ—у меня много такихъ мужиковъ шлется... Мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій государевымъ словомъ, что меня зарѣжутъ...

При этихъ словахъ Одоевскій вскочилъ съ мѣста.—«Такихъ рѣчей я не говаривалъ!»—протестовалъ онъ.—А Никонъ мнѣ говорилъ: «коли-де хотите меня зарѣзать—то рѣжьте»,—и грудь обнажалъ.

Вмѣшался въ споръ и Алмазъ Ивановъ, но осторожно.

— Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрекся.

— Никогда не говорилъ!—огрызнулся на него Никонъ.

Алмазъ Ивановъ опять уткнулся въ бумагу и читалъ изъ письма Никона, будто царь посылалъ къ патріархамъ многіе дары.

— Я никакихъ даровъ не посылывалъ, — прервалъ его царь:—писалъ, чтобы пришли въ Москву для усмиренія церкви; а ты (это къ Никону) посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего и далъ черкашенину много золотыхъ.

— Я черкашенину не давалъ, а далъ племяннику на дорогу.

По знаку царя Алмазъ Ивановъ опять началъ читать. Дочелъ до того мѣста, гдѣ Никонъ говоритъ о своемъ неудачномъ ночномъ пріѣздѣ въ Москву и о высылкѣ его изъ Успенскаго собора.

— Никонъ приходилъ въ Москву никѣмъ не званный,— пояснилъ царь,—и изъ соборной церкви увезъ-было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ ногъ своихъ: и то онъ какое добро учинилъ? и ребята его какіе учители, что такъ учинили?

— Ребята прахъ отъ ногъ своихъ какъ отрясали—того я не видалъ; а какъ пріѣзжали за посохомъ въ Черневo, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти.

— До смерти побивать никого не было велѣно и не биты,— защищался царь.

И снова возобновлялось утомительное чтеніе Алмаза Иванова. А царь и Никонъ все стояли—царь, видимо, былъ утомленъ. Патріархъ Паисій по временамъ какъ бы задремывалъ, и только сухіе пальцы его, тихо водившіе по четкамъ, изобличали, что онъ не спитъ.

«...которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ,—читалъ Алмазъ,—и тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: поддьяконъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строитель Ааронъ сосланъ въ Соловецкій монастырь»...

— Никита,—оправдывался царь,—ѣздилъ отъ Никона къ Зюзину съ ссорными письмами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертію отъ болѣзни. Сысой,—вѣдомый воръ и ссорщикъ, и сосланъ за многіе плутовства... Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ... Допросите—кто былъ мученъ?

— Мнѣ о томъ сказывали..

— Ссорнымъ рѣчамъ вѣрить было не надобно и ко вселенскимъ патріархамъ ложно не писать.

Никонъ смолчалъ. Дьякъ Алмазъ продолжалъ: «...архіереи

по епархіямъ поставлены мимо правилъ святыхъ отцовъ, воспрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію»...

— Когда Никонъ былъ на патріаршествѣ,—опять прервалъ царь,—то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ.

— Я то дѣлалъ не по правиламъ—по невѣдѣнію.

— Ты и самъ на новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живово митрополита Авфонія,—некстати вмѣшался Питиримъ.

— Фоній былъ безъ ума... чтобъ и тебѣ также обезумѣть!—громыхнулъ его Никонъ, какъ бы наотмашь.

Многіе такъ и подпрыгнули на скамьяхъ отъ этого окрика. Паисій глянулъ строго и зачастилъ четками. Питиримъ, какъ ошпаренный, не нашелся, что отвѣчать и только бормоталъ: «это кабанъ бѣшеный... Мамай въ рясѣ... Господи!»... Царь покраснѣлъ, и краска все болѣе и болѣе заливала его щеки, по мѣрѣ того, какъ Алмазъ Ивановъ читалъ далѣе. А онъ читалъ: «отъ сего беззаконнаго собора престало на Руси соединеніе съ восточными церквами, и отъ благословенія вашего отлучились, отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими»...

— Стой! Стой! Погоди!—порывисто заговорилъ царь, повелительно поднимая руку.—Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія святѣйшихъ патріарховъ отчелъ, и къ католицкой вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками! Что жъ это такое?!. Только бы его, Никоново, письмо до святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ дошло, и намъ бы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть подъ клятвою, и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать, и отъ того очиститься.

Голосъ царя сорвался. Самъ онъ дрожалъ. Весь соборъ заколыхался сдержаннымъ, глухимъ ропотомъ. Многіе испуганно крестились, словно бы передъ ударомъ страшнаго грома послѣ молніи. Даже у Паисія, все время сидѣвшаго неподвижно, статуйно, ходенемъ заходила сѣдая голова подъ высокимъ клобукомъ.

— Чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась?—спросилъ онъ строго.

— Тѣмъ,—закричалъ подсудимый запальчиво,—что Паисій газскій перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другого митрополита! И другихъ архи-

реевъ съ мѣста на мѣсто переводилъ же! А ему то дѣлать не довелось, понеже онъ отъ ерусалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ... Да хотя бъ онъ и не еретикъ былъ, а ему на Москвѣ долго быть не для чего: я его митрополитомъ не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ... Всякій мужикъ надѣнетъ на себя монатью—такъ онъ и митрополитъ! Я писалъ все о немъ, а не о православныхъ христіанахъ.

Онъ самъ чувствовалъ, что слишкомъ далеко зашелъ—это былъ конь, закусившій удила... Онъ спохватился было, хотѣлъ увильнуть, но было уже поздно: вырвавшіяся изъ устъ сильныя выраженія—обвиненіе въ еретичествѣ всей страны — нельзя было поймать и воротить назадъ—они потрясли весь сборъ и погубили неосторожнаго.

Послѣдовалъ всеобщій взрывъ негодованія. Москвичи точно забыли о присутствіи царя и патріарховъ; они одно помнили,—что всѣ они оскорблены и опозорены, что имъ, самому православному подъ солнцемъ народу, бросили въ глаза укоръ въ неправославіи, въ еретичествѣ, въ латынствѣ!.. Это ли не обиды?! Да за одинъ намекъ на похлѣбство и на потачку со стороны Лжедимитрія ляцкой вѣрѣ, латынству—Москва сама себя вверхъ дномъ опрокинула, въ золу обратила этого Лжедимитрія и золою выстрѣлила на вѣтеръ, перетрясла потомъ, какъ запыленныя опучи, всю русскую землю—и изъ-за одного только слова «латынство»... А тутъ вся земля и церковь якобы облатынилась? Да послѣ этого жить нельзя! Москву осрамили передъ всѣмъ свѣтомъ!..

Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, замахали руками. Послышались крики.

— Онъ отчелъ всю Россею! Всѣхъ насъ! Этого нельзя

— Онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, православные! Что жъ это будетъ!

— Указъ учинить! Али мы собаки латынскія!

Никонъ стоялъ, ошеломленный общимъ взрывомъ, и только оглядывался по сторонамъ. Царь молчалъ—онъ едва держался на ногахъ отъ усталости и волненія.

Съ трудомъ патріархамъ удалось утишить бурю; но дальнѣйшее чтеніе грамоты Никона—этого поличнаго—шло уже вяло. Всѣ утомились. Даже у привычнаго Алмаза Иванова пересохло въ горлѣ.

Наконецъ, грамота кончена. Алмазъ Ивановъ умолкъ и поклонился. Наступила тишина.

— Богъ тебя судитъ!—горько сказалъ Никонъ, обращаясь къ царю:—Я узналъ еще на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я вознепавидѣнъ и мученъ.

Слова эти передернули царя.

— Святые отцы! Допросите его, какъ онъ узналъ это на браніи своемъ?

Никонъ не отвѣчалъ, а только вздыхалъ, глядя на распятіе

— Онъ же, Никонъ, сказывалъ, что видѣлъ метлу звѣздою, и отъ того будетъ московскому государству погибель: пусть скажетъ, отъ какого духа онъ то увѣдалъ?—заговорилъ одинъ архіерей.

— И въ прежнемъ законѣ такія знаменія бывали—на Москвѣ это и сбудется,—мрачно отвѣчалъ подсудимый;—Господь пророчествовалъ на горѣ Елеонской о разореніи Ерусалима за четыреста лѣтъ.

Паисій всталъ: онъ видѣлъ, что царь не въ силахъ больше стоять, и потому, благословивъ его, указалъ рукою на его мѣсто. Никону же показалъ знакомъ, чтобъ онъ уходилъ.

Поклонившись до земли и проговоривъ глухимъ, упавшимъ голосомъ: «простите меня, православные!», подсудимый вышелъ вслѣдъ за распятіемъ, глубоко поникнувъ головою.

XII. Морозова у Аввакума.

Въ то утро, когда въ Москвѣ начался судъ надъ Никономъ, врагъ его, непримиримѣйшій изъ всѣхъ враговъ, Аввакумъ, сидѣлъ на охапкѣ соломы, брошенной на земляномъ полу въ углу арестантской келейки подмосковнаго монастыря Николы на Угрѣшѣ, и, положивъ на правое колѣно измятый клочекъ синей бумаги, писалъ что-то деревянною палочкою, мокая въ стоявшій на полу глиняный черепочекъ.

И Аввакумъ многое пережилъ въ эти послѣдніе два года. Онъ сидѣлъ въ заточеніи то въ томъ, то въ другомъ монастырѣ, мужественно отрызаясь отъ всѣхъ своихъ враговъ, вымучился полтора года въ тягчайшей ссылкѣ на Мезени, терпя холодъ, голодъ и побои, былъ разстриженъ и теперь привезенъ въ Москву тоже на судъ вселенскихъ патріарховъ.

Тюрьма, въ которой онъ теперь томился, представляла кубическую каменную коробку въ сажень длины и ширины, съ узенькимъ оконцемъ за желѣзною рѣшеткой съ острыми зубьями. Въ этой каменной коробкѣ ничего не было,—ни стола, ни скамьи, ни кровати; вмѣсто всего этого въ уголъ брошена была охапка соломы, на которой и сидѣлъ расколоучитель. По сырымъ стѣнамъ виднѣлась позеленѣвшая плѣсень, мѣстами прохваченная морозомъ и заиндевѣвшая; оконце тоже промерзало такъ, что еслибъ въ него и солнце заглянуло, то оно не въ силахъ было бы пробить своими лучами эту сплошную льдину, въ которую превратилось стекло. На одной изъ стѣнъ каменной коробки, въ переднемъ углу, виднѣлось подобіе большого осьмиконечнаго креста и грубое изображеніе руки съ двуперстнымъ сложеніемъ: эти символы Аввакумъ выцарапалъ въ каменной стѣнѣ своими когтями, которые отросли у него, какъ у собаки.

Аввакумъ много, почти неузнаваемо, измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его у Морозовой, а потомъ у Ртищевыхъ вмѣстѣ съ Симеономъ Полоцкимъ. Сѣдые, длинные и курчавые волосы его были острижены, какъ у арестанта: это была уже не поповская, не иконная голова, а простая колодницкая. Но тѣмъ рельефнѣе теперь выступала ея угловатость и ширококостность; въ этой ширококостности темени и затылка и въ этой сдавленности и вогнутости лобной кости сказывалось желѣзное упрямство мономана, фанатически преданнаго мрачному, суровому идеалу непоколебимой выносливости. Онъ былъ одѣтъ въ дырявый нагольный тулупъ, изъ-подъ котораго виднѣлись ноги, обутыя въ лапти и пестрыя онучи, перевитыя мочалками. По временамъ онъ задумывался, клалъ палочку, замѣнявшую ему перо, на черепокъ и согрѣвалъ дыханіемъ закоченѣвшіе отъ мороза пальцы. Но это, повидимому, не помогало: по холодной тюрьмѣ распространялся только паръ отъ дыханія, но теплѣе не дѣлалось.

— Господи! Дунь на руцѣ мои дыханіемъ Твоимъ! — страстно обращался онъ къ кресту, выцарапанному имъ въ стѣнѣ.—Ты печь огненную охладилъ нѣкогда въ Вавилонѣ дуновеніемъ Твоимъ: согрѣй нынѣ дыханіемъ Твоимъ божественнымъ персты моя, да прославлю имя Твое многомилостиве!

И онъ снова нагибался и чертилъ палочкой по бумагѣ, раз-

ложенной на правомъ колѣнѣ. А потомъ началъ бормотать про себя вслухъ написанное:

«Анисьюшка! Чадо мое духовное! Азъ есмь измождалъ отъ грѣхъ моихъ и отъ холоду въ темницѣ моей и не могу о себѣ молитвы чисты со благоговѣйнствомъ приносити. Ей! Не притворяяся говорю, чадо! Не молюся, а кричу ко Господу, скучу, что собачка-песикъ на морозѣ. Пальцы мои въ льдины обращаются, все развалилося во мнѣ, душа перемерзла моя, на сердцѣ снѣгъ, на устахъ иней. Поддержи мою дряхлость ты, младая отроковица, стягни плетью духовною душу мою, любезная моя! Утверди малодушіе мое, Богомъ избранная—вздохни и прослезися о мнѣ!»

Онъ помолчалъ и снова сталъ дышать въ застывшія ладони. По щекамъ его текли слезы...

— Дунь, Господи! Согрѣй меня! Вить солнце и огнь пекельный въ Твоихъ рукахъ!—опять закричалъ онъ страстно, глядя на крестъ.

Потомъ опять нагнулся къ бумагѣ и сталъ читать: «Слушай-ка, Анисья! О племени своемъ не больно пекись: комуждо и безъ тебя промышленникъ Богъ, и мнѣ, мерзлой псинѣ. Забудь, что ты боярышня, знатнаго роду; а умѣешь ли ты молоть муку? Мели рожь въ жерновахъ, да на сестеръ хлѣбы пеки или въ пекарни шти вари, да сестрамъ и больнымъ разноси. Да имѣй послушаніе къ матери Меланіи, не разсуждай о величествѣ сана своего, яко боярышня, богачка и сановница—отрицайся мысли сея и оплюй ее! Плюй на все, что не отъ Бога!»...

Онъ положилъ бумагу въ сторону, поднялся съ соломы и упалъ на колѣни...

— Вергни ко мнѣ солнце сюда. Тебѣ все, все возможно! Дуни лѣтомъ въ темницу мою!—молился онъ.

За окошкомъ тюрьмы послышался скрипъ саней, бубенчики и звяканье упряжи...

— Охъ! Ужли это она!—вскочилъ онъ въ волненіи.—Она! Ея чѣпи гремятъ...

Сани проѣхали на монастырскій дворъ. Аввакумъ всталъ и шагалъ изъ угла въ уголъ по своей каменной коробкѣ, то и дѣло поднимая глаза къ выцарапанному въ углу кресту.

Черезъ нѣсколько минутъ за дверью послышался шорохъ и скрипъ отмыкаемаго ржаваго замка. Аввакумъ лихорадочно при-

слушивался къ этимъ звукамъ и крестился. Скоро дверь заскрипѣжала на петляхъ и тяжело раскрылась.

— Входите, матушка-благодѣтельница, — послышался голосъ за дверью.

Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!—зазвучалъ серебряный голосокъ, отъ котораго Аввакумъ вздрогнулъ.

— Аминь! Аминь! Трикраты аминь! — крикнулъ онъ восторженно.

Въ дверяхъ показалось бѣлое, зарумянившееся отъ мороза личико. Оно выглядывало изъ-подъ чернаго платка, которымъ повязана была голова, и казалось личикомъ молоденькой черницы. Боярыня Морозова—это была она—робко, со страхомъ и съ какимъ-то благоговѣніемъ переступила черезъ порогъ и, стремительно подвинувшись впередъ, съ тихимъ стономъ упала ницъ передъ Аввакумомъ и, всплеснувъ руками, припала лицомъ къ лаптямъ, прикрывавшимъ его ноги.

— Охъ, свѣтъ мой! Охъ, батюшка! Мученикъ Христовъ!—страстно лепетала она, обнимая онучи своего учителя.

А онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, силился приподнять ее, тоже бормоча безсвязно: «Встань—подымись, мой свѣтикъ, дочушка моя! Дай взглянуть на тебя, благословить тебя, чадо мое богоданное! Самъ Богъ послалъ тебя... Вонъ я, смрадный песъ, молился Ему, Свѣту, вылъ до него: «вергни-де въ темницу мою солнце, дуй на мя, окоченѣлаго»—и онъ послалъ ко мнѣ солнушко теплое—тебя, свѣтикъ мой! Встань же, прогляни, солнушко Божье!» И, приподнявъ ее, онъ крестилъ ея лицо, глаза, голову, плечи, повторяя восторженно: «буди благословенна — буди благословенно лицо твое, очи твои, глава твоя—буди вся благословенна и преблагословенна!»—А она ловила его обѣ руки, цѣловала ихъ, цѣловала его плечи, овчину, которою онъ былъ прикрытъ, и страстно шептала: батюшка! батюшка! святой, не чаяла я тебя видѣть! Касатикъ мой!»

За Морозовой, медленко, осторожно переступая черезъ порогъ, какъ бы ощупывая ногами землю и пытливо высматривая изъ-подъ чернаго клобука, надвинутаго до бровей, маленькими рысьими глазками, вошла въ келью старая монашенка съ большимъ узломъ на лѣвой рукѣ. Она, гремя четками, сдѣлала нѣсколько широкихъ крестовъ въ уголъ и, низко поклонившись

Аввакуму, коснувшись двумя пальцами земли, протянула руку подъ благословеніе. Аввакумъ перекрестилъ ее, положилъ свою горсть на ея горсть, какъ бы вкладывая въ эту горсть нѣчто очень цѣнное, а монашенка поцѣловала его руку.

— Здравствуй, матушка Меланья! Здравствуй, звѣзда незаходимая благочестія!—все также восторженно проговорилъ Аввакумъ.

Старица Меланья—эта «звѣзда незаходимая благочестія»—была дѣйствительно самымъ крупнымъ свѣтиломъ своего вѣка и своего общества: умная, энергическая, съ необыкновеннымъ запасомъ воли и самообладанія, неутомимая въ преслѣдованіи своихъ идеаловъ, но въ то же время осторожная, замкнутая въ себѣ, когда того требовали обстоятельства, сильная словомъ, когда она, такъ сказать, обнажала свой языкъ, острый какъ бритва и ядовитый какъ зубы мѣдянки, смѣлая и рѣшительная, когда требовался натискъ, чтобы сломить препятствія, знавшая все, что дѣлалось въ Москвѣ, проникавшая всюду, какъ воздухъ, и, какъ воздухъ, неуловимая,—старица Меланія была всесильнымъ и невидимымъ центромъ «древляго благочестія»: это былъ воевода въ юбкѣ, воевода невидимыхъ ратей, которыя, однако, держали въ рукахъ, хотя тайно, всю Москву и далекія окраины. Старица Меланія была сильнѣе Никона, которому у нея слѣдовало поучиться борьбѣ съ сильными противниками и умѣнью побѣждать и держать ихъ въ повиновеніи. Она была могущественнѣе самого Алексѣя Михайловича, который, сломивъ Никона, не могъ сломить стараго дерева—«древляго благочестія», главою котораго и игемономъ была матушка Меланія. Всѣ тайные приверженцы старины,—а такими почти поголовно были всѣ московскіе люди, начиная отъ стоявшихъ у престола и кончая стоявшими у корыта монастырской пекарни, всѣ московскіе женщины, начиная отъ царицы Марьи Ильишны и ея ближнихъ боярынь и боярышень и кончая молоденькими черничками,—всѣ находились въ негласномъ «послушаніи» у матушки Меланіи, были ея слѣпыми орудіями, которыя «свою грѣшную волю въ конецъ отсѣкли, какъ червивый хвостъ у собаки». Строгая, фанатичная до изувѣрства, руководившая всѣми, помыкавшая даже такими личностями, какъ Аввакумъ, она, однако, не пошла бы съ ними проповѣдывать на площадь, а, какъ полководецъ, посылала ихъ въ огонь, на висѣлицы, на костры, а сама остава-

лась въ сторонѣ. И они же, эти безумцы, умирая въ страшныхъ мученіяхъ, благословляли матушку Меланію; они же просили палачей или кого либо изъ присутствовавшихъ при истязаніяхъ и при казни такъ или иначе довести до свѣдѣнія «матушки», что они умерли твердо, мученически, не поступившись ни однимъ перстомъ, ни одною «аллилуіею», ни священнымъ азомъ.

Матушка Меланія была уже очень стара; но живучесть и энергія свѣтились, какъ фосфоръ, въ ея рысьихъ глазкахъ, которые ни на кого прямо не смотрѣли, хотя видѣли каждаго насквозь, будучи, повидимому, обращены молитвенно горѣ или сокрушенно долу. Лба ея также никто не видалъ за клобукомъ, а брови смотрѣли какимъ-то навѣсомъ надъ глазами, подъ которымъ эти послѣдніе прятались отъ посторонняго взора, какъ воробьи подъ крышей отъ дождя.

Послѣ первыхъ привѣтствій Аввакумъ усадилъ своихъ гостей на соломѣ, а самъ опустился противъ нихъ на колѣни. Морозова съ ужасомъ и дрожью осматривала страшное помѣщеніе. Матушка же Меланія одобрительно оглядывала промерзшія стѣны, шепча какъ бы про себя: «радуюсь, радуюсь за Аввакумушку—экой благодати сподобился, счастливчикъ».

— Ну, что у васъ въ городѣ слышно, миленькія?—спросилъ Аввакумъ.

— Патріархи вселенскіе пріѣхали, попѣ Никона судятъ,—сказала Морозова.

— Греческіе волки пріѣхали нашего медвѣдя судить,—пояснила матушка Меланія.

— Добро! А какъ они сами, судьи-то, крестются?—спросилъ Аввакумъ.

— Щепотью, сама видѣла,—отвѣчала матушка Меланія.

— Еретики! Звѣри пестрообразные! — Аввакумъ такъ и вскочилъ.

— А у царицы государыни сказывали,—робко начала Морозова,—что и тебя, свѣта, патріархи судить будутъ.

— Добро! Я ихъ научу креститься!—восторженно произнесъ фанатикъ, сверкая глазами.—Для того и съ Мезени меня привезли сюда—травить греческими собаками. Мало того, что бороду у меня отрѣзали и власы остригли, какъ у непотребной дѣвки... вонъ всего оборвали, что собаки—одинъ хохолъ оставили какъ у поляка на лбу... Да добро! Мнѣ же на руку: меня

возятъ по градамъ и селамъ, а я кричу вездѣ, обличаю ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, а люди Божіи слушаютъ меня да поучаются, да плачутъ... Еще не то будетъ, когда удавить меня повелятъ, либо сжечи тѣло мое похотятъ: крикну я тогда на весь свѣтъ и голосъ мой до трубы архангела не умолкнетъ. Я что!— земля, грязь; пущай ихъ тѣло мое жгутъ, жилы вытягиваютъ— больненько-таки, да за то вѣнецъ мученическій получу, а дѣткамъ своимъ православнымъ крикну: «смотрите-де, дѣтушки, вонъ съ какимъ крестомъ до Бога иду! И вы-де за мной, не лѣнитесь!»—Что-жъ! Они думаютъ меня морозомъ напужать— вонъ въ какую баньку посадили, мало не скостенѣлъ: а какъ взвылъ къ Батюшкѣ-Свѣту: «дунь на меня тепломъ—пошли солнышко»,—Онъ, Милосердый, и послалъ, да не одно, а два солнышка—это васъ-то, миленькія мои... И тепло мнѣ стало, охъ, какъ тепло!

Фанатикъ дѣйствительно разгорѣлся внутреннимъ огнемъ и забылъ холодъ, отъ котораго онъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ буквально костенѣлъ.

— А мы тебѣ, Аввакумушко, и въ самомъ дѣлѣ тепленькаго привезли,—сказала мать Меланія, указывая на узелъ:—государыня царица, да вотъ дочушка твоя духовная, Ѳедосѣюшка (она указала на Морозову) наготовили тебѣ приданаго, что невѣстѣ: и сапожки тепленьки, и чулочки, рукавички съ варежками изъ козья пуху, да шубеечку лисью мяконьку.

— Спасибо матушкѣ царицѣ—добра она миленькая, добра, что ангелъ Божій! Да и тебѣ исполать, дочушка моя!—кланялся онъ Морозовой.—А я на соборъ хочу вотъ такъ пойти, да и ко Господу въ свѣтлу горенку постучусь въ семъ же одѣяніи: Онъ, Батюшка-Свѣтъ, и нищихъ примаетъ.

Морозова благоговѣйно смотрѣла на него. Вліяніе этого человѣка окончательно преобразило ее: она стала вся—самоотверженіе. Богатый домъ свой она обратила въ общественную богадѣльню: странники, нищіе, юродивые, больные не выходили изъ ея дома. Она ухаживала за больными и гнойными, сама своими нѣжными руками обмывала ихъ ужасныя язвы, сама кормила ихъ. Нѣжное, пухлое боярское тѣло она облекла власяницею, до того колючею, что тѣло ея горѣло и болѣло, какъ отъ огня.

— Нѣту, Аввакумушко, еще раненько тебѣ ко Господу

итти,—замѣтила мать Меланія:—поживи еще съ дѣтками своими, поучи ихъ да порадуйся ими. Вонъ и Ѳедосѣюшка наша надѣла на себя брачныя одежды.—Она взглянула на Морозову.

Молодая боярыня вспыхнула.

— Что ты говоришь, матушка?—удивленно спросилъ Аввакумъ.

— Говорю: Ѳедосѣюшка боярыня къ вѣнцу нарядилась,—повторила старуха.

Аввакумъ оглянулъ Морозову, которая сидѣла вся пунцовая, готовая расплакаться отъ стыда.

— Что ты, матушка!—защищалась она.—Къ чему это?

— Къ тому, что твой батюшка духовный все долженъ знать... Ѳедосѣюшка-боярыня власяницу надѣла, — обратилась старуха къ Аввакуму,—да думаетъ и ангельскій образъ пріяти.

Глаза Аввакума засвѣтились радостью.—«Слава Тебѣ Господи, Создателю нашъ!—говорилъ онъ восторженно.—Не одна Анисьюшка боярышня на боярство свое наплевала, къ нищей братіи пристала и ангельскому чину пріобщилась... Что боярство передъ ангелы!—А вотъ и дочушка моя Ѳедосѣюшка туда же возревновала, золотая моя! Иди, иди ко ангеламъ—благо ти будетъ въ томъ вѣцѣ... А я Анисьѣ тутъ многонько-таки настрочилъ: снеси ей, матушка,—пускай не забываетъ меня».

И Аввакумъ, доставъ изъ-подъ соломы исписанный листокъ, подалъ его матери Меланіи.

Дверь кельи неожиданно отворилась, и на порогѣ показалась рослая фигура мужчины въ собольей шубѣ и высокой шапкѣ. Открытое лицо съ русой бородою и сѣрыми глазами смотрѣло привѣтливо. При видѣ его и молодая боярыня, и старая черница встали съ своихъ соломенныхъ сидѣній.

— Здравствуй, Аввакумъ! — сказалъ вошедшій.—Здравствуй, матушка боярыня Ѳедосья Прокопьевна! Здравствуй, мать Меланья!

Всѣ отвѣчали поклонами на привѣтствіе пришедшаго, который былъ никто иной, какъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, входившій въ то время въ силу и извѣстный своимъ пристрастіемъ ко всему новому и иноземному.

— Я къ тебѣ отъ великаго государя,—обратился Матвѣевъ къ Аввакуму.—Великій государь указалъ сказать тебѣ, Аввакуму, что нынѣ у насъ на Москвѣ вселенскіе патріархи: святи-

тели-де прибыли къ намъ ради Никонова неистовства и установленія церкви—и ты бы де, Аввакумъ, соединился съ святителями во всемъ.

— Не соединюсь я съ ними ни въ чемъ!—рѣзко отвѣчалъ фанатикъ.—Ни въ перстномъ сложеніи, ни въ азѣ. Умру, а не соединюсь съ отступниками.

— Да какіе же они отступники? Въ чемъ и отъ кого отступились?—спросилъ Матвѣевъ.

— Ахъ, Артемонъ, Артемонъ!—по обыкновенію страстно заговорилъ фанатикъ.—Знаю я, тебѣ все равно, какъ ни молись: ты и въ костелъ пойдешь, и крыжъ ляцкой поцѣлуешь...

— Для чего его не поцѣловать? Не его цѣлую, а Христа.

— Добро! Тебѣ все едино—что святая библія, что твой «Василіологіонъ», что евангеліе, что «Мусы» еллинскія. Ишь напечаталъ на соблазнъ людямъ! А люди оттого гибнутъ: вонъ сколько ужъ замучили нашихъ-то! Али такъ ко Христу приводятъ, какъ вы приводите—кнутомъ да висѣлицей, да огнемъ! Чудно мнѣ! Какъ въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ да кнутомъ, да висѣлицей вѣру утвердить хотятъ! Гдѣ это видано? Токмо у язычниковъ. А апостолы развѣ такъ учили? Мой Христосъ не приказалъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Господь сказалъ ученикамъ: «шедше проповѣдите языкомъ—иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ». Видишь! Волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ огнемъ жечь да на висѣлицѣ вѣшать. Чудно, право! ослѣпли что ли всѣ, что ничего не видятъ. Эки Діоклетіаны новые явились, словно мы въ Римѣ при Неронѣ, живемъ, либо въ Персидѣ. Да что много говорить! Значитъ, такъ надо у Господа: аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы. Ну, давайте намъ вѣнцы, вѣнчайте насъ. Кому охота вѣнчаться мученическимъ вѣнцомъ, не почто ходить далеко, въ Персиду либо въ Римъ, къ Неронамъ да Діоклетіанамъ: у насъ и дома, на Срѣтенкѣ, свой Римъ, свой Вавилонъ. А! Нутко, правовѣрные! Стань на Красной площади, либо въ Кремлѣ, нарцы имя Христово, подыми руку да перекрестися заменіемъ Спасителя нашего двумя персты, яко же пріяхомъ отъ святыхъ отецъ—вотъ тебѣ и мученическій вѣнецъ, царство небесное дома родилось—не почто за нимъ ходить въ Персиду къ Діоклетіану мучителю. Ишь умники! Ученые-ста! Христу палачей въ ученики дали, да

приставовъ немилостивыхъ, да стрѣльцовъ: учите-де кнутомъ да тюрьмой! Эхъ, не глядѣлъ бы! Такъ ужъ вы и евангеліе перемѣните, благо крестъ перемѣнили: «иже-де вѣру имать и крестится щепотью—спасенъ будетъ, а не крестится никоніанскою щепотью—ино того засѣку, повѣшу, изжарю»... Такъ бы слѣдовало Христу сказать. Эхъ! А я вотъ неученъ человѣкъ, гораздо несмысленъ, да то знаю, что все, что церкви отъ святыхъ отецъ предано есть, свято есть и неприкосновенно: не тронь и аза, а тронешь азъ, за нимъ и все трогать станутъ, на то люди—люди. И вотъ я, яко же пріяхъ, держу до смерти и азъ удержу, хоть меня повѣсьте. До насъ оно положено, такъ и лежи оно такъ вѣчно, во вѣки вѣковъ! А то на, переучивать кнутомъ стали, эки апостолы! А люди погибаютъ, а кровь неповинная льется, а церкви пустуютъ, христіане прячутся по вертепамъ, да по пропастемъ земнымъ, какъ въ оно время, при мучителяхъ римскихъ... Эко времечко, Господи Боже!

Аввакумъ даже всплеснулъ руками. Морозова стояла блѣдная, не спуская глазъ съ своего учителя и съ ужасомъ иногда взглядывая на Матвѣева. Мать Меланія, съ потупленными глазами и съ наклоненною головою, казалось, застыла отъ страху. И Матвѣевъ стоялъ изумленный, будучи не въ силахъ остановить страстной рѣчи фанатика.

— Такъ что жъ мнѣ доложить великому государю?—удалось ему, наконецъ, вставить свое слово. — Соединишься съ вселенскими патріархами?

— Не соединюсь во вѣки! — отвѣчалъ изувѣръ. — Доложи великому государю, что мы сами за него, батюшку, умолимъ Господа, и за него, свѣта, и за царицу, и за его царство. А имъ, грекамъ, какое до насъ и до него дѣло? Своего царя проторговали туркамъ и нашего проглотить сюды приволоклися? Такъ и доложи великому государю: я, протопопъ Аввакумъ, не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ не отдастъ намъ нашего царя, благочестивѣйшаго и тишайшаго Алексѣя Михайловича всея Русіи.

— Напрасно упрямствуешь,—сказалъ Матвѣевъ.

Аввакумъ вспылилъ.

— Упрямствую и буду упрямствовать! Слышишь, я хочу вѣнца, я соскучился объ вѣнцѣ! Вотъ ужъ сколько лѣтъ ищу его, а вы мнѣ не даете, дайте скорѣй! Рубите голову, надѣвайте

на нее вѣнецъ нетлѣнный, а грѣховное и мерзкое туловище долой! Будетъ, потаскалъ я его: хочу одинъ вѣнецъ носить безъ туловища... А вы оставайтесь съ туловищами да въ шапкахъ изъ звѣриной шкуры... Такъ и доложи, ни слова не выкидай, ни аза!

Матвѣевъ безнадежно махнулъ рукой и вышелъ, бормоча: «пустосвяты!».

XIII. «Глаза ангела».

Черезъ день было второе засѣданіе вселенскаго собора.

Никонъ вошелъ въ столовую избу медленно, едва передвигая ноги и тяжело опираясь на посохъ. Онъ казался угнетеннымъ, подавленнымъ. За день голова его посеребрилась еще болѣе, и ему, видимо, тяжело было держать ее на плечахъ.

Когда онъ кланялся царю и патріархамъ, то съ трудомъ поднимался отъ полу.

Царь снова всталъ съ своего мѣста и остановился противъ патріарховъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Святая и пречестная двоице! Вселенстіи патріарси!—началъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Бранясь съ митрополитомъ газскимъ, писалъ Никонъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху, якобы все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу, и то онъ писалъ ложно: святая соборная восточная церковь имѣетъ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало: держимъ и вѣруемъ по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ истинно.

Онъ остановился и оглянулъ весь соборъ. Затѣмъ, возвыся голосъ, съ особенною силою выкрикнулъ:

— Бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого поношенія православныхъ христіанъ очистили!

И царь поклонился до земли. Буря пронеслась по собору, застонала столовая изба. Всѣ упали ницъ со стономъ: «смилуйтесь! Очистите, святѣйшіе патріархи! Снимите позоръ со всей россійской православной земли!».

Сотни головъ лежали на землѣ и молились, какъ въ церкви,

громко, со стономъ, съ крикомъ. Это была потрясающая картина, и Никонъ не выдержалъ, зашатался: это все стонало противъ него, искало его погибели.

И въ этотъ самый моментъ капризная память его словно волшебствомъ нарисовала передъ нимъ другую картину. На полу, при слабомъ освѣщеніи лампады, бьется молодая женщина, хватая и цѣлуя его ноги. Она умоляетъ его остаться съ нею, не бросать ее, не уходить въ невѣдомый путь, гдѣ ждетъ его невѣдомая доля. А онъ не внимаетъ мольбамъ и рыданіямъ женщины: его манитъ этотъ невѣдомый путь, эта невѣдомая доля, и онъ уходитъ, оставивъ на полу плачущую женщину. Это была его жена... Теперь онъ извѣдалъ эту невѣдомую долю: высоко, охъ, какъ высоко она поставила его и вонъ до чего довела... А не лучше ли бы было въ той, прежней, скромной долѣ?.. Да ужъ теперь не воротить ея: между тою долею и этою стоятъ тридцать лѣтъ и три года...

— Это дѣло великое,—громко произнесъ чей-то голосъ, и Никонъ очнулся: это говорилъ Макарій, патріархъ антіохійскій. — Это дѣло великое; за него надобно стоять крѣпко. Когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками назвалъ, то онъ и насъ также назвалъ еретиками, будто мы пришли еретиковъ разсуждать... А мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ. Мы станемъ за это Никона патріарха судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ.

Алексѣй Михайловичъ взглянулъ на дьяка Алмаза, и тотъ на цыпочкахъ преподнесъ царю какія-то бумаги.

— Вотъ три письма,—сказалъ царь,—въ нихъ Никонъ самъ отрекся отъ патріаршества, называетъ себя бывшимъ патріархомъ.

Патріархи взяли письмо. Никонъ молчалъ, не поднимая головы.

— Въ законахъ написано,—громко произнесъ Макарій,—кто уличится во лжи трижды, тому впредь вѣрить ни въ чемъ не должно. Никонъ патріархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрить не подобаетъ. Кто кого оклеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ неправедно. Кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ,

тотъ достоинъ: священникъ низверженія, а мірской человѣкъ проклятія.

А Никонъ все молчалъ. Передъ нимъ все валялась отвергнутая имъ женщина, ломая руки: «Микитушка! Лучше ли тебѣ будетъ тамъ, безъ меня? Найдешь ли ты тамъ свое счастье и спасенье?». «Охъ нашелъ, нашелъ больше чѣмъ искалъ, нашелъ цѣлое царство, и потерялъ его, а теперь не найду и того, что было тогда, давно»...

Царь тихо подошелъ къ Макарію антіохійскому и подалъ развернутый листъ и другой—переводъ его на греческій языкъ.

— Письмо Никона о постановленіи новаго патріарха на его мѣсто,—сказалъ онъ, кланяясь.

Макарій взглянулъ на листъ, онъ раньше читалъ его и хорошо помнилъ, и передалъ Паисію александрійскому. Тотъ взялъ, поднялъ свои мертвыя, синеватыя вѣки на листъ, потомъ на Никона и снова опустилъ глаза.

Никонъ стоялъ по прежнему безмолвно, ни на кого не глядя, и тихо качалъ головой, какъ бы отрицая все, что вокругъ него происходило, или какъ бы созерцая никому невидимые образы.

— Когда Теймуразъ царевичъ былъ у царскаго стола,—снова началъ неугомонный Макарій,—то Никонъ прислалъ человѣка своего, чтобъ смуту учинить. А въ законахъ написано: а кто между царемъ учинитъ смуту, и тотъ достоинъ смерти.

— Смерти,—глухо раздалось по собору.

А Никонъ все качалъ головою, какъ бы ничего не слыша, да онъ и не слышалъ: онъ былъ не здѣсь, его смущенная мысль бродила въ прошломъ, среди дорогихъ видѣній молодости.

— А кто Никонова человѣка ударилъ, и того Богъ проститъ, потому что подобаетъ такъ быть.

Это все говорилъ Макарій. При послѣднихъ словахъ онъ повелъ своими восточными, молочно-синеватыми бѣлками по собору и остановилъ ихъ да полномъ лицѣ Хитрово. Хитрово вспыхнулъ. Макарій всталъ и осѣнилъ его крестомъ, а потомъ снова перенесъ свои бѣлки на царя, стоявшаго рядомъ съ Никономъ въ положеніи подсудимаго.

— Архіепископа сербскаго Гавріила били Никоновы крестьяне въ селѣ Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ,—продолжалъ свое обвиненіе Макарій.—Да онъ же, Никонъ, въ соборной церкви, въ алтарѣ, во время литургіи, съ нѣкотораго архіерея

снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ. Да онъ же, Никонъ, на ердань ходилъ въ навечеріи Богоявленія, а не въ самый праздникъ, и то ему, Никону, вина!

Никонъ не слушалъ падавшихъ на его голову обвиненій. Онъ прислушивался къ чему-то другому... «Микитушка! Охъ! Суженый мой, не покидай меня, младешеньку, горькою вдовицей... Микитушка! Вспомни, какъ спознались мы съ тобой, вспомни совыканье наше, какъ ты рѣзвы ноженьки мои цѣловалъ... не покидай меня, соколъ ясный, у насъ еще будутъ дѣтушки»... И бѣлокурая голова колотится объ полъ, хрустятъ тонкіе пальцы на ломаемыхъ рукахъ... «Будутъ дѣти»... А ему мало этихъ дѣтей, ему нужны милліоны дѣтей, и бояръ, и князей, и царей, чтобы всѣ были его дѣтьми... И они были, всею Русью верховодилъ онъ... И вдругъ сорвалось.

Онъ зашатался и упалъ бы, еслибъ не поддержалъ его оторопѣвшій царь вмѣстѣ съ крестоносителемъ.

— Охъ, Господи! Помилуй насъ!

— Божій судъ... Господь дунулъ на него гнѣвомъ своимъ,— пронесся ропотъ по собору.

Блѣднаго, шатающагося Никона вывели... Соборъ былъ прерванъ.

По Москвѣ пошли зловѣщіе слухи. Говорили, что во время собора, въ трескучій морозный день, слышенъ былъ громъ съ небеси, и земля зашаталась. Бояре видѣли, какъ Господь Богъ дунулъ на Никона, и Никонъ упалъ замертво. Разгнѣванный Господь продолжалъ дуть на Москву, и оттого сталъ такой морозъ, какого не бывало, какъ и Русь стоитъ: птицы не могли летать по аеру, падали и замерзали; съ колокольни Ивана Великаго метлами сметали замерзшихъ воробьевъ, голубей и галокъ; изъ лѣсу въ Москву забѣгали волки и забирались отъ морозу въ сѣни, въ дома, въ церковныя сторожки. На небѣ стояло три багровыхъ солнца и ни одно не грѣло отъ холоднаго дуновенія божія, задулъ Господь теплоту ихъ. Москва-рѣка треснула поперекъ, и въ трещину изъ-подо льда выплывала мертвая, убитая морозомъ рыба. Когда люди выходили изъ Успенскаго собора, то видѣли, какъ на паперти стоялъ босикомъ юродивый и плакалъ, и слезы тотчасъ же замерзали и падали на помостъ, стуча какъ горохъ, либо крупный жемчугъ. Все это не къ добру, все это за грѣхи... Стрѣлецкому сотнику,

что съ прочими стрѣльцами поставленъ у Никитскихъ воротъ къ помѣщенію Никона, упалъ на шапку мертвый бѣлый волохатый голубь... Говорили, что и Никонъ, послѣ того какъ на него божьимъ гнѣвомъ дунуло, лежитъ при смерти, безъ языка...

Но слухи были невѣрны, какъ въ томъ скоро и убѣдились бояре и архіереи: не отнялся еще языкъ у Никона, не задуло гнѣвомъ божіимъ его мощнаго духа: онъ прислалъ къ царю сказать, что готовъ вновь стать съ нимъ рядомъ на судъ не только патріарховъ, но и самого Всемогущаго Бога, у котораго въ рукахъ тысячи лѣтъ яко день единъ, а престолы и царства, яко прахъ и паутина.

Царь опять созвалъ соборъ. По собору мгновенно прошелъ гулъ и ропотъ: бояре и архіереи шопотомъ передавали другъ другу, что «чадушко»-то еще «неистовѣе» сталъ, такъ и рветъ, и мечетъ.

Дѣйствительно, патріархъ явился на соборъ еще болѣе заряженнымъ. «Такъ отъ него и пышетъ полымя», разсказывали стрѣльцы, стоявшіе у него у воротъ на караулѣ. Проходя мимо стрѣлецкаго сотника, того, что былъ уже напуганъ паденіемъ на шапку мертваго голубя, онъ такъ на него глянулъ, что сотникъ, и безъ того ожидавшій худа, задрожалъ и упалъ ницъ передъ крестомъ, головою на мерзлую землю, а стрѣльцы со страху шептали, кто: «святъ-святъ», а кто: «чуръ-чуръ меня! Сгинь, исчезни!».

И царь, видимо, съ тревогою ожидалъ послѣдняго отчаяннаго боя. Онъ обводилъ смущеннымъ взоромъ то правыя, то лѣвыя скамьи собранія, то останавливалъ его на патріархахъ, и особенно на Паисіѣ. «Мертвецъ мертвецомъ», думали, казалось, выразительные глаза царя: «мощи сущія, а судія вселенной». Когда по звяканью на дворѣ прикладовъ стрѣлецкихъ ружей и сабель можно было догадаться, что ведутъ Никона, царь тревожно обратился къ патріархамъ.

— Никонъ пріѣхалъ въ Москву, — торопливо заговорилъ онъ,—и на меня налагаетъ судьбы Божіи за то, что соборъ приговорилъ и велѣлъ ему въ Москву пріѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то по моему указу у него взятъ малый, Ивашка Шушера, за то, что онъ въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого малаго меня поноситъ и безчеститъ; говоритъ:

царь-де и меня мучитъ, велѣлъ-де отнять малаго изъ-подъ креста... Если Никонъ на соборѣ станетъ объ этомъ говорить, то вы, святѣйшіе патріархи, вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою нынѣ въ Москву исповѣдывался, пріобщался и масломъ освящался.

«Патріархи подивились гораздо», говоритъ объ этомъ Алмазъ Ивановъ, который велъ протоколъ соборный; но въ этотъ моментъ за дверью послышался шумъ и гнѣвный голосъ Никона.

— А ты крестъ-отъ неси высоко, чинно, истово! Это тебѣ не лопата!—кричалъ онъ на ставрофора, которымъ былъ не любимецъ его Иванушка Шушера, сидѣвшій подъ карауломъ, за приставы, а новый, приставленный царскими слугами соглядатай.—На немъ Христа распяли, и меня ищутъ распяти!

Многіе вздрогнули отъ этого голоса... «Неистовъ, буенъ, аки мескъ», шептались на скамьяхъ.

Никонъ вступилъ въ столовую избу шумно, высоко поднявъ голову и шибко стуча посохомъ, словно старшина на сходкѣ передъ заартачившимися мужиками. Онъ не глянулъ, а сыпанулъ искрами по собору, не поклонился, а метнулъ поклоны, но крякнулъ, а рыкнулъ, встряхнувъ гривою по львиному. Всѣ ждали бури.

Паисій медленно приподнялъ свои мертвыя вѣки, и губы его зажевали беззвучно. Макарій повелъ по собору огромными бѣлками, какъ бы успокаивая робкихъ.

— Никонъ!—послышался тихій, дрожащій голосъ Паисія.—Ты отрекся отъ патріарша престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины.

Голова и руки говорившаго дрожали. Никонъ посмотрѣлъ на него, какъ смотрятъ на маленькаго ребенка.

— Я не отрекался съ клятвою,—сказалъ онъ отрывисто,—я засвидѣтельствовался небомъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва... И теперь иду, куда великій государь изволитъ, благое по нуждѣ не будетъ.

— Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою,—настаивалъ Паисій, между тѣмъ, какъ Макарій молчалъ, уставившись своими большими глазами на подсудимаго.

— Это на меня затѣяли,—отрицалъ подсудимый.—А коли я не годенъ, то куда царское величество изволитъ, туда и пойду.

— Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?—ввязался Макарій.

— Не писывалъ и не говаривалъ!—обрѣзалъ Никонъ, метнувъ въ полуоборотъ глазами на вопрошавшаго

Сидѣвшій недалеко одинъ архіерей заторопился, покраснѣлъ и зашуршалъ бумагой, вынимая ее изъ-подъ мантіи

— Вотъ тутъ написано, твоя рука,—робко заговорилъ архіерей, поднося Никону бумагу.

— Моя рука? Развѣ описался,—нѣсколько смущенно отвѣчалъ послѣдній.

Но тутъ же, чувствуя себя какъ бы пойманнымъ нѣсколько, уличеннымъ, онъ заупрямился еще болѣе и, стукнувъ посохомъ, полуоборотился къ царю.

— Слышалъ я отъ грековъ, что на александрійскомъ и антіохійскомъ престолахъ иные патріархи сидятъ,—сказалъ онъ раздраженно, — чтобъ государь приказалъ свидѣтельствовать, пусть патріархи положатъ евангеліе.

Восточные глаза Макарія метнули искры, и онъ выпрямился на мѣстѣ.

Мы патріархи истинные, не изверженные, и не отрекались отъ престоловъ своихъ!—сказалъ онъ рѣзко.—Развѣ турки безъ насъ что сдѣлали... Но если кто дерзнулъ на наши престолы беззаконно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ, прелюбодѣй! А святому евангелію быть не для чего, архіереямъ не подобаетъ евангеліемъ клятися.

И Никонъ вспылилъ, подзадоренный словами Макарія и въ особенности его невыносимыми глазами.

— Отъ сего часа свидѣтельствуюсь Богомъ, что не буду передъ патріархами говорить, пока константинопольскій и Іерусалимскій сюда не будутъ!—закричалъ онъ, отступая назадъ.

— Какъ ты не боишься суда Божія!—невольно воскликнулъ тотъ архіерей, что сейчасъ уличилъ его подписью, это былъ Илларіонъ рязанскій. — И вселенскихъ-то патріарховъ безчестишь!

Заволновался и весь соборъ. Лица казались возбужденнѣе, гнѣвные взгляды и возгласы учащались. Поднялся Макарій и окинулъ весь соборъ блестящимъ взоромъ.

— Скажите правду про отрицаніе Никоново съ клятвой!—воскликнулъ онъ.

— Никонъ клялся, говорилъ: коли-де буду патріархъ, то анаѳема-де буду! Клялся истинно!—закричало нѣсколько голосовъ.

Но упрямецъ все еще не корился: онъ, повидимому, вызывалъ всѣхъ на бой.

— Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ,—настаивалъ онъ,—а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема! Такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставлять другого патріарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю, какъ изволитъ великій государь и вселенскіе патріархи.

А великій государь все стоялъ неподвижно. Лицо его поминутно то вспыхивало, то блѣднѣло, отражая на себѣ и въ глазахъ всѣ перипетіи борьбы, которая велась на его глазахъ, и въ которой принимало участіе все его существо, вся душа, взволнованная и потрясенная. Онъ чувствовалъ, что бой на исходѣ, но тѣмъ больше сжималось его сердце, въ предчувствіи, что послѣдуетъ что-то недоброе, слишкомъ тягостное... Но надо стоять до конца на этой угнетающей душу вселенской литургіи, на которой отпѣвалась его сокрушенная обстоятельствами горькая дружба съ его нѣкогда «собиннымъ» другомъ.

Да, исходъ борьбы... Патріархи велятъ читать правила помѣстныхъ соборовъ.

— «Кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ,—возглашалъ Илларіонъ рязанскій,—тому впредь не быть на престолѣ».

— Эти правила не апостольскія!—прерываетъ его Никонъ; онъ неутомимъ въ борьбѣ.—Эти правила и не вселенскихъ соборовъ, и не помѣстныхъ; я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю!

— Эти правила приняла церковь,—возражаютъ ему.

— Ихъ въ россійской кормчей нѣтъ!—кричитъ Никонъ.— А греческія правила не прямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, и печатали ихъ еретики... А я не отрекался отъ престола, это на меня затѣяли!

— Наши греческія правила прямыя! — не выдержали оба патріарха.

— Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патріарша престола, то мы его молили, чтобъ не покидалъ престола,—вмѣшался еще одинъ архіерей, тверской,— но онъ говорилъ, что разъ отрекся

и больше не будетъ патріархомъ, а коли-де ворочусь, то буду анаѳема.

— Неправда! Затѣя!

— Никонъ говорилъ, что обѣщалъ быть на патріаршествѣ только три года,—возвысилъ голосъ Родіонъ Стрѣшневъ, вставая и встряхивая молодецки русыми кудрями.

— Затѣя! Ложь!

— Не затѣя.

— Затѣя!.. Я не возвращаюсь на престолъ... Воленъ великій государь.

— Никонъ писалъ великому государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престолъ, яко псу на своя блевотины!—долбанулъ тщедушный дьякъ Алмазъ своимъ здоровымъ голосомъ, подымаясь надъ кипами бумагъ и харатейныхъ свитковъ.

— Затѣю говоритъ дьякъ!—огрызнулся подсудимый въ сторону Алмаза Иванова.—Не токма меня, и Златоуста изгнали неправедно!

— Эко-ста Златоустъ! — послышалось среди бояръ! — Не Златоустъ, а буеустъ!

Никона это окончательно взорвало. Онъ, казалось, позеленѣлъ.

— Ты, царское величество,—грубо обратился онъ влѣво,— ты девять лѣтъ вразумлялъ и училъ предстоящихъ тебѣ въ семъ сонмищѣ, а они все-таки не умѣютъ ничего сказать. Вели имъ лучше бросить на меня камни, это они сумѣютъ! А учить ихъ будешь хоть еще девять лѣтъ, ничего отъ нихъ не добьешься!.. Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я, испугавшись, пошелъ отъ твоего гнѣва.

Эти рѣчи и тишайшаго взорвали. Онъ вспыхнулъ.

— Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь! На меня бунтомъ никто не прихаживалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня, приходили бить челомъ мнѣ объ обидахъ.

Голосъ царя сорвался. Соборъ превратился въ бурю, когда Алексѣй Михайловичъ, тяжело дыша, какъ бы просилъ защиты у собора. Со всѣхъ сторонъ заревѣли голоса, и застучали посохи.

— Какъ ты не боишься Бога! Непристойныя рѣчи говоришь и великаго государя безчестишь!

— Въ срубъ его, злодѣя!

— Медвѣжиной обшить его, да псами затравить!

— Вотъ я его, долгогриваго!

Макарій повелъ по взволнованному собранію своими огромными бѣлками, и крики смолкли.

— Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?—спросилъ онъ подсудимаго.

— Ношу черный клобукъ по примѣру греческихъ патріарховъ... Херувимовъ ношу по примѣру московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ... Съ одною панагіею съ патріаршества сшелъ, а другая—крестъ, въ помощь себѣ ношу.

Онъ говорилъ, задыхаясь. Онъ чувствовалъ, что для него все кончается, почва уходитъ изъ-подъ ногъ, и потолокъ и небо рушатся на него. Архіереи что-то разомъ говорили, но онъ ихъ не слушалъ, а махалъ головою, какъ бы отмахиваясь отъ мухъ.

— Знаешь ли ты, что александрійскій патріархъ есть судія вселенной?—снова обратился къ нему Макарій.

— Тамъ себѣ и суди!—съ досадою, небрежно отвѣчалъ подсудимый: ему, повидимому, все надоѣло, онъ усталъ... скорѣй бы лишь все кончилось.—Въ Александріи и Антіохіи нынѣ нѣтъ патріарховъ: Александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій въ Дамаскѣ.

— А когда благословили вселенскіе патріархи Іова митрополита московскаго на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?

— Я въ то время не великъ былъ,—неохотно отвѣчалъ подсудимый.

— Слушай правила святыя.

— Греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики!

— Хотя я и судія вселенной, но буду судить по Номоканону... Подайте Номоканонъ!—неожиданно сказалъ Паисій, но такъ громко, что всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ.

Макарій взялъ со стола книгу и высоко поднялъ ее надъ головою, какъ въ церкви.

— Вотъ греческій Номоканонъ.

Потомъ, поцѣловалъ ее, передалъ Паисію, который также поцѣловалъ ее и обратился къ собору съ вопросомъ:

— Принимаете ли вы эту книгу яко праведную и пелестную?

— Принимаемъ! Принимаемъ!—раздались голоса

— Приложи руку, что нашъ Номоканонъ еретическій и скажи именно, какія въ немъ ереси?—настаивалъ Макарій.

— Не хочу!

— Подайте россійскій Номоканонъ!—продолжалъ Макарій своимъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ.

Алмазъ Ивановъ, торопливо шагая, принесъ требуемую книгу.

— Онъ неисправно изданъ при патріархѣ Іосифѣ!—огрызнулся Никонъ, жестомъ отстраняя книгу.

— Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха?—добавилъ его Макарій.

— Епископа судятъ дванадесять епископовъ, а патріарха вся вселенная!

— Ты одинъ Павла епископа извергъ не по правиламъ.

Тутъ вступился царь, желая скорѣе кончить этотъ томительный споръ.

— Вѣришь ли ты всѣмъ вселенскимъ патріархамъ?—спросилъ онъ кротко.—Они подписались своими руками, что антіохійскій и александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву.

Никонъ сурово посмотрѣлъ на бумагу, поданную ему царемъ, заглянулъ на подписи.

— Рукъ ихъ не знаю,—пробурчалъ онъ.

— Истинныя то руки патріаршескія!—окатилъ его Макарій своимъ поглядомъ, котораго Никонъ не могъ выносить.

— Широкъ ты здѣсь!—зарычалъ онъ.—Какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ! Широкъ-ста!

Опять сорвались голоса со всѣхъ сторонъ: «Какъ ты Бога не боишься!.. Великаго государя безчестишь а вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставишь!.. Повѣсить тебя мало!»...

Развязка близилась.

— Возьмите отъ него крестъ!—обратился Макарій къ архіереямъ.

Никонъ бросился было за крестомъ, который всегда передъ нимъ носили, схвативъ за руку ставрофора; но въ это время порывисто встало нѣсколько бояръ съ видомъ угрозы, и крестъ очутился въ рукахъ Илларіона рязанскаго. У Никона опустились руки. Снова выступилъ Макарій.

— Писано бо есть: по нуждѣ и діаволъ исповѣдуетъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ.

— Аминь! Аминь!—послышалось въ рядахъ.

Никонъ стоялъ, опустивъ голову. Голова эта тряслась. Для него все кончилось.

— Чего достоинъ Никонъ?—раздался среди наставшей тишины голосъ Паисія.

— Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія,—отвѣчали въ одинъ голосъ греческіе архіереи.

— Чего достоинъ Никонъ?—повторили вопросъ русскимъ архіереямъ.

— Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія,—отвѣчали и русскіе.

Встали оба патріарха. Всталъ и весь соборъ. Настала тишина, слышно было только, какъ за окнами ворковали голуби. Потухшіе глаза Паисія блеснули и упали на Никона.

— Отселѣ, Никонъ, не будеши патріархъ, и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простой монахъ,— возгласилъ онъ громко, отчетливо.

— Аминь!—загудѣло по собору.

. . . . . .

Черезъ нѣсколько минутъ Никонъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ Воскресенскаго монастыря, проходилъ соборной площадью, направляясь къ Архангельскому подворью. Сзади шелъ взводъ стрѣльцовъ. На отлученномъ патріархѣ все еще было патріаршее одѣяніе, но впереди уже не было ставрофора съ крестомъ. Никонъ ступалъ медленно, тяжело опираясь на посохъ и опустивъ голову. Казалось, что въ нѣсколько часовъ онъ одряхлѣлъ и осунулся. Голова продолжала трястись: въ этой трясучей головѣ, казалось, постоянно гвоздила мозгъ неотвязчивая, какъ муха, мысль «нѣтъ, нѣтъ, не патріархъ!»...

Толпившійся на площади народъ сталъ было подходить къ нему подъ благословеніе; но Никоновы монахи знаками показывали, чтобы не подходили, а самъ онъ подтверждалъ тоже страшною головою, которая продолжала, казалось, говорить: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!»...

Въ ближайшей группѣ послышался слабый стонъ: то плакала какая-то женщина. Никонъ взглянулъ въ ту сторону, и его глаза встрѣтились съ плачущими глазами женщины. Глаза эти, большіе и сѣрые, съ поволокой отъ слезъ, отѣненные монашескимъ клобукомъ, смотрѣли на Никона съ молитвенной любовью и бла-

готовѣніемъ, смотрѣли съ такою нѣжностью и скорбью, что Никонъ затрепеталъ: склонный вѣрить въ чудесное и непостижимое, посѣщенный неоднократно въ сонніяхъ, какъ ему вѣрилось, видѣніями и знаменіями, онъ принялъ и эти глаза за видѣніе... Это были глаза ангела, представшаго ему въ образѣ своего же чина, ангельскаго, мнишескаго, и посланнаго ему милосерднымъ небомъ въ подкрѣпленіе и утѣшеніе. Но гдѣ онъ прежде видѣлъ эти глаза? А онъ ихъ видѣлъ, это несомнѣнно; онъ ихъ знаетъ давно... Въ моменты величайшаго торжества его жизни, во время торжественныхъ служеній въ Архангельскомъ и Успенскомъ соборахъ, на большихъ царскихъ выходахъ, во время крестныхъ ходовъ, во время іорданскаго водосвятія, наконецъ, въ недѣлю ваій, когда онъ, бывало, сопровождаемый всею Москвою, шествовалъ на жребяти ослѣ, ведомомъ царскою рукою, э т и глаза, — онъ помнитъ это, — постоянно смотрѣли на него изъ толпы, и если даже онъ не видѣлъ ихъ, не смотрѣлъ въ ту сторону, то все-таки невольно чувствовалъ, что э т и глаза смотрѣли на него, слѣдили за нимъ. Чьи это были глаза, онъ не зналъ и не могъ узнать, потому что они такъ же неожиданно исчезали въ толпѣ, какъ неожиданно и появлялись среди тысячъ другихъ глазъ и головъ, обращенныхъ къ нему... Онъ и тогда, въ годы своего могущества и славы, думалъ, что это глаза его ангела-хранителя, и подчасъ трепеталъ ихъ и любилъ въ то же время... Потомъ онъ долго, очень долго не видалъ этихъ глазъ: лѣтъ девять они ему не показывались, съ того самаго момента, какъ онъ сошелъ съ патріаршества и удалился въ Воскресенскій монастырь. И онъ думалъ уже, что ангелъ-хранитель покинулъ его, отошелъ, и онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ какъ его опять призовутъ всею Москвою на патріаршій престолъ, умолятъ его слезами и колѣнопреклоненіемъ, когда и царь всенародно покается предъ нимъ въ обидѣ и огорченіи, эти глаза опять явятся ему... И вдругъ они явились теперь! Они явились въ моментъ самаго глубокаго его униженія, въ моментъ позорнаго изверженія его изъ сонма святителей церкви, они явились ему, порутанному и оплеванному, ему, выведенному изъ преторіи Пилата на всенародное позорище!.. Они явились подкрѣпить его... Онъ снова глянулъ туда, гдѣ явились плачущіе глаза ангела; но плачущихъ глазъ уже не было тамъ: онъ увидѣлъ только спину

высокой черницы, которая припала лицомъ къ ладонямъ и плакала... видно было, какъ отъ рыданій тряслись ея плечи...

И его голова еще болѣе заходила ходенемъ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—тряслась она,—нѣтъ, нѣтъ»...

Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ нѣсколькихъ вооруженныхъ стрѣльцовъ, которые вели въ Кремль какого-то человѣка. По наружности и одѣянію его сразу можно было признать за грека. Онъ былъ мертвенно блѣденъ и съ ужасомъ оглядывался по сторонамъ. Увидѣвъ Никона, онъ невольно остановился и растерянно взглянулъ ему въ глаза... «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ». казалось, отвѣчала на это трясущаяся голова Никона... Грекъ моментально вынулъ что-то изъ-подъ полы. Блеснулъ длинный ножъ въ воздухѣ.

— За тебя умираю, великій патріархъ!—застоналъ онъ, и не успѣли стрѣльцы кинуться къ нему, какъ онъ всадилъ ножъ себѣ въ сердце по самую рукоятку, захрипѣлъ и упалъ навзничь съ торчащею изъ бока рукояткою ножа, раскинувъ широко руки, на которыхъ еще трепетали въ судорогахъ пальцы.

— Батюшки!—послышалось въ толпѣ.—Зарѣзался! За Никона зарѣзался грекъ!

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ», съ ужасомъ тряслась голова Никона, какъ бы отрицая обвиненіе толпы: «нѣтъ! нѣтъ».

XIV. Аввакумъ передъ вселенскими патріархами.

На слѣдующій день Москвѣ опять предстояло тѣшиться зрѣлищемъ. Зрѣлища идутъ непрерывно одно за другимъ съ самаго лѣта. Въ сентябрѣ прошлаго года Москва встрѣчала гетмана Брюховецкаго, глазѣла на невиданныхъ хохлатыхъ черкасъ, на ихъ рогатыхъ воловъ, украшенныхъ лентами, и потомъ, до самой весны почти, москвичи видѣли этихъ усатыхъ хохловъ почти каждый день, бѣгали глядѣть на нихъ какъ на медвѣдей, иногда укали на нихъ, какъ на звѣрей, не со злости, а добродушно, любя и тѣшась по-московски. А тамъ встрѣчали вселенскихъ патріарховъ, что пріѣхали изъ самой турской земли, народъ все черномазъ, волосатъ и зѣло свирѣпъ, съ вотъ-этакими глазищами и вотъ-этакими бѣлыми бѣльмами: все греки да арапы изъ самой Араніи,—и молодцы изъ Охотнаго да Обжорнаго рядовъ опять бѣгали за ними словно весной за Ярилой,

да улюлюкали отъ радости словно на волковъ. А тутъ привезли Никона, и за нимъ бѣгали, не смотря даже на то, что бояре велѣли сломать мостъ у Никольскихъ воротъ, гдѣ остановился Никонъ, потому что у Никольскихъ воротъ не было ни проходу, ни проѣзду отъ сѣрыхъ чапановъ, нагольныхъ тулуповъ, да однорядокъ.

А тутъ новыя зрѣлища: «двуперстниковъ» да «сугубоаллилуйцевъ» стали возить въ Чудовъ изъ разныхъ монастырей, да строговъ. Есть на что поглядѣть! Одни юродивые какихъ колѣнъ не выкидываютъ Христа ради во время этихъ процессій! Одинъ Ѳедя Божій человѣкъ чего стоитъ! А Аѳанасьюшко слезоточивый и слезопеизсякаемый кладезь божественный?!

Сегодня прошелъ слухъ, что Аввакума протопопа, великаго учителя вѣры, повезутъ на соборъ вселенскихъ патріарховъ. Москва заволновалась. Съ утра народъ валилъ къ Кремлю: и молодцы рядскіе, и черная сошка, и посадскіе малые людишки, и почтенные бородачи гостиной статьи, любившіе потолковать о двуперстномъ и иномъ, богомерзкомъ, сложеніи, и о треклятой «трегубой аллилуіи» и о «хожденіи посолонь», и о «метаніи поклоновъ», именно все о такихъ высокихъ предметахъ, на которыхъ міръ стоитъ, все это толкалось и гудѣло по Красной да по Соборной кремлевской площадямъ. «Осрамитъ ихъ Аввакумушко-свѣтъ, осрамитъ всѣхъ!» слышались голоса. «Гдѣ не осрамить! Осрамитъ! Куда имъ, арапамъ, этакую святость-то понять, алилую-то нашу матушку, либо персты-тѣ! Въ единомъ, чу, перстѣ спасеніе, въ двухъ перстахъ, чу, этому спасенью и смѣты нѣту, а въ трехъ, чу, перстахъ пагуба, адъ кромѣшной». «Что и говорить! А хуть бы насчетъ этого самаго аза, что они, еретики, у Христа отняли! И какъ ихъ громомъ не убило! Шутка ли! Сказано: «Сына Божія, рожденна, а не сотворенна»; а они, злодѣи, этотъ а з ъ-отъ у Христа украли: говорятъ—«рожденна, не сотворенна»... А? Не злодѣи ли!» «Братцы»! слышится между молодцами изъ рядовъ: «Христа обокрали!» «Что ты!» «Пра! А з ъ у ево украли!» «Батюшки! Гдѣ украли? Али церковь подломали»? «Подломали, у Спаса на Куличкахъ»...

— Везутъ! Везутъ!—закричали дальнѣйшія группы.

Рядскіе молодцы, забывъ свой испугъ насчетъ того, что, какъ вотъ сейчасъ сказывали сами хозяева, старые купцы, что Христа-де обокралъ кто-то, а з ъ у ево, Батюшки, злодѣи уво-

ровали, а что это за а з ъ такой, молодцы не знали, не то риза золота, не то вѣнчикъ, съ камнями самоцвѣтными, какъ вонъ на Иверской Матушкѣ, молодцы, забывъ про этотъ невѣдомый а з ъ, со всѣхъ ногъ метнулись туда, гдѣ кричали: «везутъ! везутъ!».

Дѣйствительно, изъ-за головы толпы показалась дуга, перевитая краснымъ кумачнымъ поясомъ, а въ просвѣтъ подъ дугой, выше лошадиной головы, проглядывала сѣдая человѣческая голова, не покрытая шапкой, постоянно кланявшаяся направо и налѣво. Это везли Аввакума. Онъ ѣхалъ стоя въ саняхъ, опираясь лѣвою рукою на плечо стрѣльца, сидѣвшаго за кучера, а правую поднявъ высоко надъ головою съ вытянутыми указательнымъ и среднимъ пальцами. Вокругъ саней, запряженныхъ въ одну лошадь, шли стрѣльцы съ ружьями и съ испугомъ и благоговѣніемъ смотрѣли на конвоируемаго ими арестанта. Лицо Аввакума дышало фанатическою энергіею. Сѣдые, остриженные подъ чубъ волосы, стоявшіе стоймя, казалось, кричали вмѣстѣ съ широко-раскрытымъ ртомъ, изъ котораго въ морозный воздухъ вмѣстѣ съ выкрикиваніями вылеталъ паръ клубами. Неровно выстриженная сѣдая борода дѣлала это странное лицо еще болѣе изувѣрскимъ.

— Православные!—слышалась издали неистовая проповѣдь фанатика. — Не покоряйтесь троеперстному сложенію!.. Троеперстное сложеніе еретицкое: его выдумали хохлы съ турскими наемниками, да арапами!.. Троеперстное сложеніе антихристова печать, геенна огненная, огнь неугасимый, плачъ и скрежетъ зубовъ!.. Креститеся вотъ какъ, православные! Вотъ какъ, истово.

И рука съ двумя вытянутыми пальцами поднималась еще выше и торчала въ роздухѣ, какъ знамя. Въ толпѣ также поднимались и размахивались руки съ протянутыми двумя пальцами и ожесточенно колотили по лбамъ, животамъ и по плечамъ гостиныхъ людей и рядскихъ молодцовъ. Головы также неистово встряхивались, и ропотъ одобренія и благоговѣнія все болѣе и болѣе усиливался. Всѣ толпились взглянуть на великое свѣтило старой, истинной вѣры.

Когда толпа нѣсколько пораздвинулась по мѣрѣ движенія саней, то впереди показалась фигура пляшущаго мужика. Безъ шапки, съ полусѣдою, всклоченною головой, съ растрепанною бородой съ просѣдью, въ одной длинной, какъ у татарина, синей

канифасной рубахѣ, безъ пояса, безъ штановъ, мужикъ босыми ногами мялъ снѣгъ, выплясывая по замерзлой землѣ. Не смотря на морозъ и не по сезону легкій костюмъ пляшущаго, съ лица его катился потъ градомъ. Лицо его выражало смѣсь дикости и наивнаго добродушія.

— Веселыми ногами скакаша, играша, людіи Божіи святіи!—приговаривалъ пляшущій.—Веселись православные! Нонѣ у насъ праздникъ свадьба, веселіе! Аввакумушко, свѣтикъ нашъ, нонѣ вѣнчается! Беретъ онъ себѣ невѣсту прекрасную, жену богатую, свѣтъ-матушку Аллилую Сугубую... А вѣнецъ-то онъ беретъ краше вѣнца царскаго, вѣнецъ мученическій... Веселись, православные! Веселыми ногами скакаша, играша, эхъ, ну!

— Господи! Ишь его, какъ веселится Ѳедя-божій человѣкъ...

— Святая душа, и морозъ его не беретъ, безъ портовъ и босикомъ радуется.

— Ѳедя-божій человѣкъ! А Ѳедя!—обращается къ пляшущему купчина.—Ты что безъ портокъ?

— Такъ надоть!—отвѣчалъ юродивый, дико глядя на купчину,—Христосъ безъ портокъ ходилъ...

— Ай-ай-ай! И отрѣзалъ же!—дивились гостиные люди,—оно и точно, Христосъ штановъ не носилъ, какъ малыя дѣти, ангелы невинные, такъ и они, святые люди... нну!

А Аввакумъ, медленно двигаясь на своихъ дровняхъ, какъ на тріумфаторской колесницѣ, продолжалъ выкрикивать благимъ матомъ: «вотъ такъ крестись, православный народъ, вотъ такъ! А еретикамъ не покоряйся, аллилуію не трегубь! Діонисій Ареопагитъ говоритъ: «со ангелы славословимъ тако: «аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже!» А не трегубо лаемъ, что псы по римскому распутству... не покоряйся еретикамъ!».

Народъ испуганно и благоговѣйно смотрѣлъ на фанатика. А юродивый продолжалъ отплясывать, отъ скоковъ и круженья переходя въ присядку.

— Што ты-гдѣ ты! Штô ты-гдѣ ты! Не обуты, не одѣты!

Вдругъ онъ остановился, закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— О-о-о-о! Спаси и помилуй, Господи, великаго государя, царя и великаго князя Лексѣй Михайлыча всея Русіи! О! Спаси его отъ троеперстнаго сложенія, помилуй его отъ трегубой аллилуи! О! о!—причиталъ онъ жалобно.

— Спаси, Господи, раба Своего, великаго государя, и отврати лицо его отъ погибельной пестрозвѣриной ереси Никонишки окаяннаго, сатанина внука!—возглашалъ съ своей стороны и Аввакумъ.—Молитесь, православные, за великаго государя!

Въ это время впереди послышался звонъ цѣпей и визгъ по снѣгу полозьевъ. Показались вершники на копяхъ и въ высокихъ шапкахъ. На морозномъ солнцѣ блеснулъ высокій, чистый, какъ зеркало, кузовъ кареты. Солнце заиграло на позолотѣ кареты, на стеклахъ и на серебрѣ лошадиной сбруи.

— Боярыня Морозова ѣдетъ во дворецъ,—послышалось въ толпѣ.

Морозова ѣхала съ обыкновенною своею пышностью шестеркою богатыхъ коней, окруженная сотнею челяди. У оконъ кареты, на боковыхъ крыльяхъ, стояло по юродивому. Въ рукахъ у нихъ были мѣшки съ деньгами, которыя они тутъ же и раздавали народу.

Поровнявшись съ санями Аввакума, карета Морозовой остановилась, шибко зазвенѣвъ цѣпями, которыми украшена была богатая наборная упряжь изъ кованнаго серебра. Остановились и сани. Изъ окна кареты, изъ-за уголка приподнятой зеленой тафты, выглянуло хорошенькое личико боярыни.

— Здравствуй, матушка, Ѳедосья Прокопьевна, дочушка моя духовная!—закричалъ протопопъ.—Вѣнчаться ѣду во дворецъ, благослови жениха, свѣтикъ мой, будь посаженной матерью.

Онъ хотѣлъ было вылѣзть изъ саней, чтобы подойти къ окну кареты, но стрѣльцы не пустили его.

— Нельзя, святой отецъ, не приказано,—почтительно останавливали его.

— Ну, ладно, дѣтушки, Богъ съ вами: вы подъ началомъ ходите, творите волю пославшаго васъ,—сказалъ Аввакумъ покорно.—Эй, Ѳедюшка! Подь сюда!—крикнулъ онъ юродивому.

Юродивый подбѣжалъ къ санямъ.

— Давай пригоршню.

Юродивый подставилъ пригоршню. Аввакумъ перекрестилъ ее: «Во имя Отца и Сына... неси боярынѣ»...

Юродивый крѣпко сжалъ пригоршню, какъ бы боясь упустить что-либо, точно тамъ у него сидѣлъ воробей.

— не просыплю, не просыплю благодать Божію,—бормоталъ онъ и понесъ сжатую пригоршню къ каретѣ Морозовой.

Та подняла окно. Пригоршня юродиваго всунулась въ карету, разжалась тамъ, и жаркія, влажныя губы молоденькой боярыни поцѣловали корявыя ладони юродиваго, отъ которыхъ несло навозомъ.

Народъ, рядскіе молодцы и почтенное купечество дивовались и умилялись, разинувъ рты и помавая головами, созерцая такое святое дѣло.

Сани двинулись дальше, къ Кремлю. Карета послѣдовала за ними.

Въ Кремлѣ, у дворцовыхъ воротъ, сани остановились. Навстрѣчу имъ вышелъ стрѣлецкій полуголова и принялъ Аввакума изъ саней. Онъ былъ въ томъ же одѣяніи, въ какомъ мы въ послѣдній разъ видѣли его въ монастырской кельѣ, въ заточеніи. На прощаньи юродивый поцѣловалъ его въ руку и какъ-то пытливо глянулъ ему въ глаза, которые по прежнему свѣтились энергіею.

— Мотри же, женишокъ, крѣпко люби свою невѣсту, Аллилуію-свѣтъ Сугубовну... а вѣнецъ-то будетъ у-у какой! Лучше царсково.

— Добро... только покажи мнѣ вѣнецъ-отъ, я за нимъ на край свѣта потопчусь!

Полуголова и стрѣльцы повели его къ столовой избѣ. Соборъ былъ уже на мѣстѣ. Патріархи возсѣдали на своихъ сидѣньяхъ рядомъ съ царемъ, а царь высился и блисталъ золотомъ, камнями и золотнымъ платьемъ на своемъ государевомъ мѣстѣ. Въ ласковыхъ глазахъ его блеснуло что-то въ родѣ слезы и жалости, когда онъ увидалъ худого, оборваннаго и обезображеннаго стрижкой Аввакума, смѣло переступившаго порогъ избы, гдѣ собрался соборъ. На лицахъ патріарховъ и прочихъ грековъ выразилось глубокое изумленіе. Бояре также смотрѣли ласково и жалостливо; только архіереи глядѣли хмуро и непривѣтливо.

Вступивъ въ палату, Аввакумъ прежде всего глянулъ въ передній уголъ. Увидавъ тамъ нѣсколько образовъ новаго письма и шестиконечный крестъ, онъ сурово отвернулся и, глядя на потолокъ, трижды перекрестился истово, двуперстно, широко, отъ упрямаго лба до самаго подбрюшья. Потомъ, повернувшись къ

царю, три раза поклонился ему до земли. Ни патріарховъ, ни весь остальной соборъ онъ не удостоилъ даже кивкомъ.

— Аввакумъ! Поклонись святѣйшимъ вселенскимъ патріархамъ!—ласково сказалъ царь.

Аввакумъ глянулъ на царя и, замѣтивъ доброе выраженіе его глазъ, отвѣчалъ.—По слову и указу великаго государя землю кланяюсь,—и поклонился до земли.

— Поклонись и всему освященному вселенскому собору,—снова сказалъ царь.

— По указу великаго государя кланяюсь,—опять отвѣчалъ упрямецъ и поклонился на обѣ стороны въ поясъ.

Настала тишина. Дьякъ Алмазъ Ивановъ, по обыкновенію, шуршалъ бумагою, нагибая свое пергаментное лицо то къ той, то къ другой харатьѣ. Макарій антіохійскій перенесъ свои бѣлки на Аввакума.

— Аввакумъ!—громко сказалъ онъ.—Покоряешься ли последнему помѣстному московскому соборному рѣшенію о новоисправленныхъ книгахъ?

— Не покоряюсь!—рѣзко отвѣчалъ Аввакумъ.

— А тѣ исправленія истинныя: для чего не покоряешься?

— Истинныя! — крикнулъ фанатикъ, и глаза его метнули искры.—Въ томъ ли истина, что Никонъ все перемѣнилъ? И крестъ на церкви и на просфорахъ перемѣнилъ, въ латынскій крыжъ обратилъ... И внутри алтаря молитвы іерейскія откинули, и ектеніи перемѣнили, въ ектеніи ни вѣсть чего напихали, и въ крещеніи духу лукавому молиться велятъ: «да не снидетъ-де со крещающимся, молимся тебѣ, Господи, духъ лукавый»... А я духу лукавому въ глаза плюю... И около купели противъ солнца, а не посолонь лукавый ихъ водитъ, и церкви ставятъ противъ солнца и при вѣнчаніи противъ солнца же водятъ, это ли истина?! А въ крещеніи не отрицаются сатаны: дѣти они его, что ли, коли сатаны не отрицаются? Али это истина!

— Да этого въ новыхъ книгахъ нѣтъ, что ты плетешь,—вмѣшался Питиримъ, тотъ, что и Никона злилъ.

— Плетешь ты, а не я!—пуще прежняго крикнулъ фанатикъ.—Никонишко, адовъ песъ, наблевалъ, а вы блевотину его ѣдите, щепотью креститесь...

Макарій остановилъ его горячность.

— Постой, Аввакумъ,—сказалъ онъ,—ты это не истинно

говоришь: вся наша Палестина, и серби, и албанцы, и волохи, и римляне, и ляхи, всѣ тремя персты крестятся; одинъ ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣмя персты, такъ не подобаетъ.

Аввакумъ, услыхавъ, что патріархъ его не задираетъ, какъ задралъ было Питиримъ, нѣсколько успокоился. Взглянувъ на царя, онъ увидалъ, что тотъ смотритъ на него ласково попрежнему. Паисій тоже поглядѣлъ на него съ старческимъ добродушіемъ, это охладило фанатика.

— Вселенстіи учителіе! — началъ онъ спокойнѣе, — Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли: до конца враги быша христіаномъ, на черкасахъ-казакахъ, что на волахъ, ѣздили, церкви Божіи жидамъ въ аренду отдали, оле проклятаго адскаго безумія!.. И у васъ, въ турской землѣ, и въ Палестинѣ и въ Египтѣ, православіе пестро: отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали... А вы сами впредь пріѣзжайте-ка къ намъ на Москву учиться: у насъ Божіею благодатью самодержавство (и онъ взглянулъ на Алексѣя Михайловича, тотъ ему милостиво улыбнулся), никакого Магметки мы не боимся, плевать на него и на римскаго папежа!.. У насъ на Руси, до Никона отступника, у благочестивыхъ князей и царей православіе было чисто и непорочно, аки дѣвство, и церковь не мятежна и не растлѣна. Никонъ волкъ съ братомъ своимъ Фармагѣемъ бѣсомъ и съ отцомъ своимъ Люциферомъ и съ дѣдомъ сатаною велѣли тремя персты креститься, а первые наши пастыри крестились двѣмя персты, и московскіе святители такъ же, и казанскіе Гуріе и Варсонофіе, всѣ молились двѣмя персты.

Онъ остановился, чтобы перевести духъ. На нѣкоторыхъ изъ старыхъ бояръ, видимо, подѣйствовали его слова: вѣдь всѣ они воспитались на двуперстіи, всѣхъ ихъ манила старина, и Аввакумъ чувствовалъ, что за плечами его стоятъ милліонныя рати, начиная отъ князей и бояръ и кончая послѣднимъ смердомъ, у котораго и вѣра-то вся въ двухъ пальцахъ.

Этимъ перерывомъ воспользовался Питиримъ.

— Что ты о святителяхъ плетешь?—сказалъ онъ презрительно.—Они и съ двуперстіемъ, и съ троеперстіемъ были бы святы... Только они были люди не ученые, грамотѣ не умѣли...

Аввакума опять взорвало.

— Ты вотъ ученъ, грамотникъ!—огрызнулся онъ.—Кочергой тебя бабы учили...

— Они греческаго языка не разумѣли, какъ и ты мужикъ..

— Ты, баба, много разумѣешь по-еллински, развѣ сморкаться только тремя персты... Мнѣ съ тобой и говорить-то зазорно.

Онъ было повернулся, чтобы уйти, но остановился, замѣтивъ, что архіереи смотрѣли на него съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Чистъ азъ есмь!—крикнулъ все болѣе и болѣе раздражавшійся фанатикъ, котораго самолюбіе шибко было задѣто.— И чистымъ ухожу, и прахъ отъ ногъ своихъ отрясаю, по писанному: лучше единъ творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ... А вы всѣ беззаконники!

Архіереи возмутились этими послѣдними словами. Многіе вскочили съ мѣстъ. Приставъ подвинулся къ упрямцу, чтобъ остановить его.

— Возьми! Возьми его! — забывшись, закричали нѣкоторые.—Онъ всѣхъ насъ обезчестилъ.

Приставъ схватилъ его за руку. Питиримъ и Илларіонъ приблизились къ нему съ угрожающими жестами.

— Постойте: не бейте!—закричалъ фанатикъ.—Апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ... А вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете?

Это напоминаніе заставило опомниться взволнованныхъ архіереевъ. Они сѣли. Аввакумъ стоялъ посреди собора и тяжело дышалъ. Капли пота катились по его лицу. Ноги его, видимо, дрожали, тутъ сказывалось и душевное волненіе, и слѣды многолѣтнихъ ссылокъ, тюремной истомы и голода, надломившихъ эту желѣзную натуру.

Оглянувшись затѣмъ кругомъ и не видя, на чемъ бы ему можно было сѣсть, онъ попятился къ дверямъ и повалился на бокъ.

— Посидите вы, а я полежу, по-апостольски,—сказалъ онъ задорно.

Бояре засмѣялись.

— Дуракъ-мужланъ, и святѣйшихъ патріарховъ не почитаетъ, и великаго государя срамитъ,—замѣтилъ Питиримъ.

— Вы великаго государя срамите на весь міръ, а не мы,—

огрызался, лежа, упрямецъ,—мы уроди Христа ради, а вы славны яко солнце въ лужѣ: вы въ чести и виссонѣ, мы же безчестни и въ сермягѣ; вы сильны стрѣльцами, мы же немощны со Христомъ, да сугубою аллилуею.

— Для чего сугубая, а не трегубая, яко подобаетъ Святой Троицѣ?—спросилъ Макарій.

— Для чего? Али вы забыли Діонисія Ареопагита? У него прямо сказано, какъ словословятъ Господа небесныя силы: по алфавиту, глаголетъ, едино а л ь Отцу, другое а л ь Сыну, третье а л ь Духу Святому... До Василія Великаго въ церкви пѣли тако ангельское славословіе: «аллилуія, аллилуія, аллилуія!». А Василій велѣлъ пѣть двѣ ангельскія славы, а третью человѣческую сице: «аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже!». Мерзко Богу трегубое аллилуія.

Со скамьи среди монаховъ и архіереевъ поднялся высокій черный клобукъ съ нѣсколько семитическимъ типомъ лица и приблизился къ Аввакуму. Въ рукахъ онъ держалъ книгу въ бѣломъ, пожелтѣвшемъ отъ времени переплетѣ. Это былъ знакомый уже намъ ученый украинецъ, Симеонъ Полоцкій, учитель маленькой царевны Софьи Алексѣевны.

— Вотъ древній харатейный служебникъ, — сказалъ онъ, раскрывая книгу и поднося ее къ лицу Аввакума,—тутъ аллилуія поется трижды.

— Что ты мнѣ тычешь въ глаза свою хохлацкую книгу!—вскинулся на него фанатикъ.—Мало ли какъ у васъ, у хохловъ, поютъ, да намъ, московскимъ людямъ, ваше хохлацкое пѣнье не указъ... Охочи вы, хохлы, соваться не въ свое дѣло: сидѣли бы у себя дома, а у насъ бы не мутили вѣрой... Отъ васъ, отъ каждаго, папежскимъ воняетъ...

— Не говори такъ, Аввакумъ,—спокойно замѣтилъ Полоцкій.—А наши Кіевскіе Печерскіе угодники?

— То не ваши, а наши...

Симеонъ Полоцкій пожалъ плечами и возвратился на свое мѣсто.

— То-то ловки вы!—продолжалъ Аввакумъ.—И какъ васъ великій государь терпитъ? Послѣ самъ увидитъ царское величество, что пустилъ козловъ въ россійскій вертоградъ, да будетъ уже поздно... Вонъ и попѣ пресвѣтлую царевну Софію Але-

кѣевну разнымъ плацидамъ, да «кентрамъ» научаютъ замѣстъ перстнаго сложенія, и Богъ вѣсть, что изъ царевны выйдетъ...

Въ столовую избу, тихо, чуть слышно ступая мягкими козловыми сапогами, вошелъ низенькій, лысый, съ большою сѣдою бородою бояринъ. Онъ прежде всего перекрестился въ передній уголъ, и Аввакумъ, зорко слѣдившій за его рукою, замѣтилъ, что пришедшій бояринъ крестился двуперстно: глаза у Аввакума блеснули, потомъ бояринъ низко поклонился царю, патріархамъ и всему собору.

— Ты что, Прокопій?—тревожно спросилъ его царь.

— Отъ великой государыни царицы и великой княгини Маріи Ильишны съ грамотой къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, — почтительно отвѣчалъ съ присвистомъ беззубый бояринъ.

— Подай.

Бояринъ прошуршалъ козловыми сапогами, снова поклонился и подалъ царю свиточекъ, перевязанный голубою ленточкой. Царь развернулъ свиточекъ, пробѣжалъ его, щурясь и улыбаясь, раза два, поглядѣлъ на Аввакума, снова улыбнулся и спряталъ свиточекъ въ карманъ.

— Охъ, ужъ эти бабы,—тихо, продолжая улыбаться, прошепталъ онъ про себя, а потомъ, обращаясь къ старому боярину, громко сказалъ, — хорошо, Прокопій, ступай: доложи царицѣ, что великій-де государь милостивъ...

Бояринъ, шурша мягкимъ козломъ, вышелъ. Царь, окинувъ собраніе привѣтливымъ взоромъ, остановился на Аввакумѣ.

— Аввакумъ!—сказалъ онъ съ едва замѣтною улыбкой.

Аввакумъ вскочилъ съ полу и быстро приблизился къ царю.

— Что изволитъ приказать великій государь рабу своему?

— Вотъ что, Аввакумъ: ты нонѣ недомогаешь, я вижу... Поди, отдохни, да подумай о томъ, что тебѣ нонѣ святѣйшіе патріархи сказывали, а послѣ поговоримъ... А то и мнѣ нонѣ недосугъ за государскими дѣлами...

— Что мнѣ, великій государь, думать?—смиренно отвѣчалъ онъ.—Шестьдесятъ лѣтъ думаю объ одномъ, о вѣнцѣ мученическомъ... За нимъ пришелъ сюда и безъ него не уйду.

По лицу царя пробѣжала тѣнь. Онъ строго посмотрѣлъ на упрямца.

— Я не Діоклетіанъ,—сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— И я не Юліанъ Отступникъ, не отступлюсь отъ двуперстія!—отвѣчалъ фанатикъ.

— Добро... Ино ступай пока...

— Не уйду, пока вѣнца не дашь!

Добрые глаза царя сверкнули. Онъ глянулъ на бояръ.

— Уведите его!

Бояре кинулись къ Аввакуму. Тотъ не давался. Его взяли подъ руки и увели силою.

— Вѣнца хочу! Вѣнецъ дайте!—доносился изъ сѣней голосъ фанатика.

XV. Низверженіе Никона.

Два главныя дѣйствующія лица въ нашемъ повѣствованіи, Никонъ и Аввакумъ, невольно напрашиваются на сравненіе.

И тотъ, и другой—борцы сильные, съ желѣзною волей. Одному почти всю жизнь везло счастье, да такое, какое рѣдко кому выпадаетъ на долю въ исторіи, и только подъ конецъ жизни сорвалось, потому что это самое счастье, слѣпое, какъ его называютъ, ослѣпило и своего любимца. Другого всю жизнь колотили, буквально колотили, сначала свои прихожане за его страстную, безумную ревность къ вѣрѣ и ея буквальной и внѣшней обрядности, били такъ, что онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ бездыханно, а лишь только приходилъ въ память, опять лѣзъ на стѣну съ своими страстными обличеніями; потомъ его били воеводы, отгрызали у него пальцы, сѣкли плетьми; потомъ билъ его бояринъ Шереметевъ и топилъ въ Волгѣ; цѣлыхъ семь лѣтъ колотилъ его воевода Пашковъ, волоча по снѣгамъ Сибири и Дауріи, и все за ревность и неподатливость въ своихъ правилахъ. Никонъ нѣсколько лѣтъ самовластно правилъ всею Россіею, жилъ въ царской роскоши, считался «собиннымъ» другомъ царя. Аввакумъ почти всю жизнь былъ нищимъ, какъ апостолъ. Въ то время, когда у Никона находилась въ рукахъ власть, онъ казался человѣкомъ съ гранитною волею; но едва власть ускользнула изъ рукъ, онъ раскисъ и измельчалъ: онъ то и дѣло, находясь въ изгнаніи, клянчилъ у царя съѣстного: то проситъ онъ «рыбки и икорки», «малины да вишенки», то жалуется, что кирилловскіе монахи присылаютъ ему на ѣду грибовъ «такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не станутъ ѣсть», то опять плачется, что рыбу ему прислали «сухую» «только

голова да хвостъ», «стяги говяжьи и полти свиныя—на смѣхъ»; что платьемъ и обувью онъ обносился, а «портной-швечишко неумѣющій»; то, наконецъ, надоѣдаетъ царю, что кирилловскіе монахи «смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нихъ въ монастырѣ всѣ коровы пріѣлъ» и т. п. Аввакумъ выдержалъ себя до конца, до мученическаго костра, на который онъ всходилъ, крестясь двумя перстами, а когда охваченъ былъ пламенемъ и уже задыхался, то и изъ пламени поднималъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ и кричалъ свой послѣдній смертный наказъ, чтобъ крестились такъ...

Что особенно поражаетъ въ Аввакумѣ, это необыкновенная цѣльность характера, источникомъ которой была такая глубина вѣры, что она дѣйствительно могла ворочать горами. И оттого, когда Никона въ несчастіи покинули всѣ, исключая одного Иванушки Шушеры, за Аввакумомъ шли тысячи, и не только шли за нимъ, чтобы послушать его страстной проповѣди, а шли на костры, на висѣлицы, на удавленіе, на самосожженіе, на вырѣзываніе языковъ, или медленно умирали въ острогахъ, подземныхъ ямахъ и срубахъ, не поступясь ни на іоту изъ того, что имъ завѣщалъ Аввакумъ. Личный характеръ первыхъ учителей раскола объясняетъ намъ и его историческую живучесть. Всѣ нелѣпости, какія онъ разсказываетъ въ своемъ житіи, и разсказываетъ съ глубокою вѣрою въ то, что онѣ были, всѣ эти изгнанія бѣсовъ, всѣ эти чудеса, какъ его ангелъ въ темницѣ щами кормилъ, какъ саженный ледъ на Байкалѣ разступался, чтобы напоить его, какъ Богородица въ рукахъ бѣса мяла и отдала его Аввакумову духовнику, какъ отрѣзанные языки у его учениковъ выростали въ ночь, весь этотъ сумбуръ онъ поднялъ до высоты раскольническаго евангелія, окрасивъ его, какъ яркою киноварью, своею собственною кровію и скрѣпивъ ужасною смертью Гуса на кострѣ. А эти-то люди и оставляютъ по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи.

Не таковъ былъ Никонъ.

Черезъ недѣлю послѣ осужденія его на соборѣ, его, по повелѣнію царя, призвали въ крестовую церковь, что находилась на воротахъ Чудова монастыря. Проходя Кремлемъ, по площади, онъ упорно смотрѣлъ въ землю, какъ бы ища чего-то потеряннаго и не глядя на толпы москвичей, далеко снявшихъ шапки при видѣ нѣкогда грознаго патріарха. Онъ и теперь еще

патріархъ: патріаршій клобукъ и богатая панагія такъ и плачутъ на солнцѣ брилліантовыми слезами. Никонъ думалъ о томъ, что его ждетъ, и, казалось, не слыхалъ сдержаннаго рокотанья голосовъ, говорившихъ о немъ, жалѣвшихъ его... Передъ нимъ уже не несли креста, и онъ не благословлялъ народъ, какъ было прежде...

— Микитушка, охъ! О-о-охъ!—послышалось ему въ толпѣ, и онъ невольно вздрогнулъ, продолжая упорно глядѣть въ землю и трясти головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—казалось, твердила упрямая расшатанная буйная головушка.—Это мнѣ привязилось... Кому звать меня Микитушкой?..

— Микитушка-свѣтикъ! — послышалось опять, явственнѣе, ближе.

Онъ глянулъ... Опять изъ толпы глядятъ тѣ глаза, глаза ангела... «Всемилостивый! Что жъ это такое!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!»...

Почти ничего не видя, онъ вступилъ въ сѣни крестовой. Въ ушахъ его раздавалось: «Микитушка-свѣтикъ»... Дверь отворилась, и онъ вмѣстѣ съ клубами морознаго воздуха очутился въ церкви. Свѣчи ярко горятъ, слѣпятъ глаза. Онъ перекрестился... Опять тѣ же глаза... нѣтъ, это глаза Богородицы, но такіе строгіе, не милующіе... За что же!..

Онъ оглядѣлся. Патріархи и архіереи стояли въ саккосахъ. Онъ искалъ глазами царя, но царя не было въ церкви. Желтѣлось одно пергаментное лицо, лицо Алмаза Иванова не въ саккосѣ.

Никонъ дважды поклонился въ поясъ патріархамъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей... Послышался дребезжащій голосъ Паисія, который что-то благословлялъ. Затѣмъ началось чтеніе, выписка изъ соборнаго дѣянія, такая длинная... Слухъ Никона ловилъ сначала одинъ лишь гулъ голоса чтеца, который отдавался въ сводахъ церкви, словно колотился о нихъ, желая вырваться на волю, улетѣть высоко, до неба... Потомъ Никонъ сталъ вслушиваться въ слова: все это онъ давно-давно слышалъ, много разъ слышалъ...

«Микитушка-свѣтикъ»... Да, это привязилось ему. Кто могъ называть его такъ? И кто зналъ, что онъ «Микитушка», Никита? Всѣ знали только, что онъ Никонъ... Только она знала и звала его такъ «Микитушка», жена... Но она, поди, давно

умерла: больше тридцати лѣтъ прошло, какъ они, онъ и она, постриглись и разошлись на вѣки... А какъ она плакала, валялась въ ногахъ, не пускала его... Да, у нея такіе были глаза, какъ у этого невѣдомаго ангела... Какъ онъ любилъ когда-то эти свѣтлые, дѣтскіе глаза, какъ любилъ цѣловать ихъ... А она, бывало, закроетъ ихъ и улыбается: «тютю, говоритъ, сѣло твое солнышко, Микитушка, тютю, бай-бай»... А онъ ихъ цѣлуетъ... «Солнышко, солнышко, выгляни въ окошечко, твои дѣтки плачутъ»... А она и глянетъ, брызнетъ свѣтомъ... то-то молодость, глупость!..

«Проклиналъ россійскихъ архіереевъ въ недѣлю православія мимо всякаго стязанія и суда», возглашалъ Макарій вины Никона.

«Покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ».

«Ругаяся двоимъ архіереомъ, одного называлъ Анною, другого Каіафою».

«Изъ двоихъ бояръ одного назвалъ Иродомъ, другого Пилатомъ».

«Когда былъ призванъ на соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются всѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничижилъ и всѣ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по седьмомъ вселенскомъ, всячески отвергъ».

«Номоканонъ назвалъ книгою еретическою, для того, что напечатанъ въ странехъ западныхъ».

«Въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинилъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Оссіи, говорилъ, что синклитъ и вся россійская церковь преклонились къ латинскимъ догматамъ: по порицающій стадо, ему врученное, не пастырь, а наемникъ».

«Архіерея одинъ самъ собою низвергъ».

«По низложеніи, съ Павла, епископа коломенскаго, мантію снялъ и предалъ на лютое біеніе, архіерей оный сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, звѣрями ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или другимъ какимъ невѣдомымъ образомъ погибъ».

«Отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить, и мы, патріархи, сами язвы его видѣли».

«Живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцевъ наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями, кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ»...

Никонъ, повидимому, не слушалъ, что ему читали. Не все ли ужъ равно! Онъ только качалъ головой; но это качанье было не произвольное: оно осталось у него до самой смерти, какъ бы постоянно служа отвѣтомъ на гвоздившую его мысль: «нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ жизнь? Для чего она была? Развѣ это жизнь? Нѣтъ, нѣтъ!..»

— Подойди сюда, Никонъ!—проскрипѣлъ голосъ Паисія.

Никонъ машинально подошелъ къ царскимъ вратамъ, гдѣ стояли оба патріарха.

Макарій дрожащими руками снялъ съ осужденнаго клобукъ и панагію.

— Отселѣ не будеши патріархомъ...

— Знаю! Слышалъ!—оборвалъ его Никонъ, къ которому, казалось, теперь только воротилось сознаніе.

— Живи тихо, безмятежно...

— Знаю и безъ вашего поученія, какъ жить...

Глаза его упали на клобукъ, что сейчасъ сняли съ него, а потомъ перенеслись на синеватые бѣлки Макарія и сверкнули гнѣвомъ.

— А жемчугъ-отъ съ клобука и съ панагіи, что съ меня сняли, по себѣ раздѣлите, достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти, по шти, да золотыхъ по десяти,—сказалъ онъ съ горькою ироніею.—Вы султанскіе невольники, бродяги, бродите всюду за милостынею, чтобъ было чѣмъ заплатить дань султану...

Онъ остановился. Грудь его тяжело дышала. Голова затряслась еще больше, всѣ смущенно ждали послѣдняго взрыва...

— Эко-на! Откуда взяли вы эти законы? Зачѣмъ дѣйствуете здѣсь тайно, что воры, въ монастырской церкви, безъ царя, безъ думы, безъ народа!—заговорилъ онъ хрипло: судороги давили его горло.—Меня упросили принять патріаршество при всемъ народѣ... Я согласился, видя слезы народа, слыша страшныя клятвы царя... Поставленъ я въ патріархи въ соборной церкви, предъ всенароднымъ множествомъ... А если теперь захотѣлось вамъ осудить насъ и низвергнуть, то пойдемъ въ ту

церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня, чему хотите...

Онъ не могъ дольше говорить, ему перехватило горло. Онъ только безнадежно вскинулъ глазами на верхъ царскихъ вратъ, гдѣ на цѣпочкѣ висѣлъ и колебался золотой голубокъ... Ему казалось, что колебалась вся церковь, и стѣны, и полъ...

— Тамъ ли, здѣсь ли, все равно,—едва слышно сказалъ Паисій.—А что нѣтъ здѣсь его царскаго величества, на то его воля.

И старикъ молча подозвалъ къ себѣ греческаго монаха, стоявшаго неподалеку. Тотъ подошелъ и низко наклонилъ голову. Паисій снялъ съ него клобукъ и, поднявшись на цыпочки при помощи этого же монаха, надѣлъ его на опущенную голову Никона: какъ эта голова, такъ и руки Паисія одинаково дрожали. На лицахъ архіереевъ и архимандритовъ, присутствовавшихъ въ церкви, отражались то жалость, то стыдъ, то нескрываемое злорадство. Алмазъ Ивановъ усиленно моргалъ своими чернильными пятнышками на харатейномъ лицѣ.

Дольше тянуть эту тягостную сцену было невозможно. Макарій антіохійскій своими выразительными глазами показалъ, что пора увести его. Два воскресенскіе монаха приблизились и тихо взяли подъ руки своего низверженнаго владыку. Онъ глядѣлъ на нихъ, какъ бы ничего не сознавая, и тихо побрелъ съ амвона, оступаясь на ступенькахъ его и не поднимая головы.

Его вывели на крыльцо. Охваченный морознымъ воздухомъ, онъ разомъ пришелъ въ себя и поднялъ голову. Народъ, столпившійся у саней и разгоняемый стрѣльцами, снялъ шапки... «У него не взяли патріаршаго посоха»,—слышался шопотъ. «И монатья патріарша на емъ, значитъ онъ патріархъ». «Толкуй!». «Что толкуй? Али повылазило тебѣ!»

Вышли и два архимандрита, изъ которыхъ одинъ былъ тотъ, котораго мы видѣли въ Соловкахъ, Сергій.

У саней Никонъ остановился и обвелъ толпу глазами.

— Никонъ! Никонъ!—сказалъ онъ громко.—Съ чего это все приключилось тебѣ? Не говори правды, не теряй дружбы... Коли бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, не случилось бы этого съ тобою.

Онъ сѣлъ въ сани и перекрестился. Сани двинулись. За санями шелъ Сергій; за нимъ стрѣльцы и народъ.

— Далекъ путь до Господа,—сказалъ какъ бы про себя низверженный патріархъ.

— Молчи, молчи, Никонъ,—закричалъ ему Сергій.

Никонъ оглянулся. Рядомъ съ санями шелъ его экономъ.

— Скажи Сергію, что коли онъ имѣетъ власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ,—сказалъ онъ эконому.

Экономъ приблизился къ Сергію и, глядя ему въ глаза, сказалъ громко:—Коли тебѣ дана власть, поди и зажми ротъ святѣйшему патріарху.

— Какъ ты смѣешь называть патріархомъ простого черпеца!—закричалъ на него Сергій.

Въ толпѣ послышался ропотъ. Раздались негодующіе голоса.

— Что ты кричишь!—особенно рѣзко выдался одинъ голосъ.—Имя патріаршее дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго.

Стрѣльцы тотчасъ же схватили этого смѣльчака.

— Блаженни изгнаннiи правды ради!—вздохнулъ Никонъ.

— Микитушка! Микитушка, о-о-охъ!—послышался стонъ въ толпѣ.

Никонъ глянулъ по тому направленію, откуда вырвался стонъ, и задрожалъ. Тѣ глаза, которые онъ считалъ глазами ангела, были близко и смотрѣли на него съ невыразимой тоской и любовью. Только это были глаза не ангела, а просто монахини, уже пожилой, высокой и нѣсколько сгорбившейся. Лицо ея было необыкновенно бѣло и нѣжно, несмотря на рѣзкія морщины, какъ-бы паутиной заткавшія это бѣлое лицо, а черный монашескій клобукъ еще ярче оттѣнялъ его бѣлизну.

— Микитушка! Касатикъ мой! Благослови меня!

Никонъ узналъ монахиню. Это была его жена, та прекрасная подруга его молодыхъ лѣтъ, съ которою онъ разлучился назадъ тому три десятилѣтія... Отъ нея остались только глаза, да и тѣ, казалось, смотрѣли изъ могилы...

XVI. Убійство Брюховецкаго.

Изъ хмурой, холодной Москвы, гдѣ птица на лету замерзала, а волки отъ стужи укрывались въ человѣческое жилье, перенесемся на теплый югъ въ благодатную Украйну.

Весна, усыпавъ землю опавшими лепестками розъ, шиповника, горицвѣта, желтаго дрока и пахучей липы, уже уступала

мѣсто жаркому лѣту, предшествуемому «зелеными святами», «русальными игрищами», «клечальными ходами» и отпѣвающими свой положенный природою терминъ соловьями и кукушками. Вмѣсто цвѣта желтаго дрока и горицвѣта зеленыя рощи, возлѣски и садочки горятъ «червонными чоботками» черноклена, пунцовыми съ чернымъ крапомъ глазами бруслины, пышными лепестками маку, чернобровцевъ и гвоздики. Неумолчныя ночныя трели солозьевъ и гугнявыя покукиванья кукушекъ замѣнялись неумолчными «русальными» пѣснями звонкоголосыхъ «дивчатъ». Молодежь, въ ожиданіи рабочей поры, дни и ночи проводитъ на улицѣ, либо у рѣки, либо въ полѣ за цвѣтами, за выискиваніемъ утиныхъ и перепелиныхъ яицъ, либо разсыпается по лѣсу. Старыя бабы бродятъ по лугамъ и полямъ, рвутъ добрыя и недобрыя травы: отъ порчи и дурного глаза, травы чаровницкія и всякое полезное и вредное зелье.

Шла «русальная» недѣля. Слышались росказни о томъ, что Пилипъ, возвращаясь изъ лѣсу лунною ночью, видѣлъ, какъ русалка качалась на гибкихъ вѣтвяхъ вербы и манила къ себѣ Пилипа; но Пилипъ сказалъ: «цуръ тоби, проклятая мавка, вотъ тебѣ дуля», и благополучно дошелъ домой; или какъ Харько, переѣзжая на човнѣ черезъ Пселъ вечеромъ, тоже видѣлъ, какъ на берегу, въ высокой осокѣ, какая-то дивчина чесала косу, а когда онъ вынулъ изъ шапки горсть полыни и показалъ ее дивчинѣ, она захохотала не своимъ голосомъ и бултыхнулась въ воду. Говорили также, что на Остапа Прудкого напало разомъ пять русалокъ и стали его щекотать, а онъ былъ немножко выпивши, да и ну ихъ всѣхъ «мацать» куда попало, такъ онѣ, аспидскія, простоволосыя дѣвки всѣ и разбѣжались отъ него съ визгомъ, а онъ, Остапъ, ничего-то онъ не боится, да за ними, да все кричитъ: «улю-лю-лю! улю-лю-лю!» Послѣ парубки говорили, что это были не русалки, а свои же гадячскія дивчата, которыя хотѣли испугать пьяненькаго Остапа; такъ не на таковскаго наскочили: онъ ихъ всѣхъ полапалъ-таки порядкомъ. А Явдоха Танцюрчиха, такъ та застала ночью русалку у себя на огородѣ: русалка рвала молодой бутъ, такъ Явдоха какъ кинетъ на проклятую русалку пучекъ «любисту»; а она какъ перекинется козою, да какъ закричитъ: «меке-ке-ке!»—да какъ махнетъ, черезъ плетень, только ее и духу было.

Вотъ уже третью такую «русальную» недѣлю, третью весну,

проводитъ въ Гадячѣ молодая пани гетманова, боярыня Брюховецкая, которую мы видѣли еще княжною Долгорукою въ кремлевскомъ дворцѣ, въ мастерскихъ царицыныхъ палатахъ, вмѣстѣ съ боярынею Морозовою, княгинею Урусовою и маленькою царевною Софьюшкою. Третье лѣто боярыня Брюховецкая живетъ въ Украйнѣ, слышитъ и веселыя, и тоскливыя украинскія пѣсни, видитъ и привѣтливыя, и сумрачныя лица этихъ черкасовъ и черкашенокъ, эти черные чубы и усы, эти чернявыя, увитыя лентами и цвѣтами красивыя головки, и все тоскуетъ по своей родной сторонушкѣ, по хмурой, по дорогой ей Москвѣ бѣлокаменной.

Недавно мужненекъ ея, гетманъ Иванушко, «съ великимъ поспѣшеніемъ» выступилъ въ походъ съ казаками, а куда, противъ кого, она не вѣдаетъ: не то противъ татаръ, не то противъ поляковъ, не по противъ Дорошонка. Ужъ этотъ ей Петрушка Дорошонокъ-воръ! Почему-то она давно не любитъ его и боится. Должно быть, онъ недоброе что затѣваетъ противъ матушки Москвы и супротивъ его царскаго пресвѣтлаго величества... А что-то на Москвѣ дѣлается? Говорятъ, что былъ тамъ соборъ, и на немъ патріарха Никона съ престола низложили, а черкаскіе люди на Москву за это серчаютъ: сказываютъ, что его низложили неправедно, по злобѣ бояръ. И за то черкаскіе люди серчаютъ, что съ Москвы пріѣхали писчики, перепись дѣлать на Украйнѣ, да всѣхъ въ московское тягло записывать.

— А ты, матушка боярыня, все по муженьку, по боярину Иванъ Мартыновичу убиваешься? Полно, родная, погляди, какъ вонъ люди веселятся,—говорила старая няня Аксентьевна, которая не хотѣла разстаться съ своей боярышней и вмѣстѣ съ нею оставила родную Москву для этой постылой черкаской сторонки.—Такое ужъ его ратное дѣло, матушка... А побьетъ, погромитъ этихъ татаръ да поляковъ, и къ тебѣ, голубушкѣ, воротится.

— Да я, няня, по Москвѣ соскучилась,—отвѣчала молодая гетманша-боярыня.—Легко сказать, третій годъ не вижу родной стороны... Хоть бы собачка съ родимой сторонушки прибѣжала.

— И-и, родная! Что объ Москвѣ-то убиваться! Что тамъ?—утѣшала ее старуха, а у самой тоже сердце щемило.—Однѣ

смуты теперсво на Москвѣ и по всей московской землѣ стоятъ... Гонцы вонъ сказываютъ, и не приведи Богъ!.. Никона патріарха посхимили, протопопа Аввакума заслали, сказываютъ, туда, куда воронъ костей не запашивалъ... И стала на Москвѣ шатость; не знаютъ люди, какъ и молиться, какъ и метанія въ церкви творить... И просвиры, матушка, сказываютъ, уже не тѣ нонѣ пекутъ, все по новому, по хохлацкому, сказываютъ... А на Дону, сказываютъ, и по Волгѣ воровскіе казаки царскимъ воеводамъ дурно чинятъ: проявился у нихъ, сказываютъ, воровскій атаманъ, по прозванію Стенька Разинъ; такъ его, мать моя, и пуля не беретъ: въ ево это стрѣляютъ, а онъ пули рукой хватаетъ, да назадъ пущаетъ. А коли ему нужно черезъ воду плыть, такъ онъ, собачій сынъ, разстелетъ это зипунъ, сядетъ на немъ, и поплылъ по морю, словно бы на кораблѣ.

— А все же на Москвѣ, няня, лучше, чѣмъ тутъ,—не унималась молодая боярыня.

— И-и, родная! А ты-ко послушай, какъ онѣ, черкашенки-то, пѣсни свои играютъ, ишь голосищи какіе! И въ Москвѣ такихъ не сыскать... А вонъ какъ онѣ кружатся-то, плетень что-ли заплетаютъ, вона короводы какъ водятъ, дѣвчаты да паробки, видный народъ... Смотритко, смотри, матушка: а вонъ и наши парни, стрѣльцы молодые, туда же въ короводъ затесались, то-то дѣло молодое, веселое...

Домъ гетмана Брюховецкаго въ Гадячѣ, гетманской временной резиденціи, расположенъ былъ на возвышенности, недалеко отъ берега Псела и фасомъ выходилъ на эту небольшую, но живописно текущую среди зелени рѣчку. Къ большому деревянному гетманскому дому, осѣненному стройными тополями, примыкалъ садъ, тянувшійся по скату и густо заросшій вѣтвистыми съ серебряной листвой тополями, дубомъ и липами. Въ густой листвѣ искрились золотомъ на солнцѣ и высвистывали золотистыя иволги. Иногда, какъ бы нечаянно или ошибкой, начинала гугнѣть кукушка, но тотчасъ же срывалась съ голоса и кончала крикливымъ и хриплымъ говоркомъ. Звонко кикали надъ вершинами копчики, гоняя отъ всѣхъ гнѣздъ сорокъ и галокъ. Пустельга пряла въ высокой, прозрачной синевѣ своими подвижными крыльями и разомъ срывалась въ траву, завидя добычу. Пчелы усердно работали и гудѣли въ вѣтвяхъ развѣсистой липы.

Подъ одной изъ такихъ липъ, у ствола которой разостланъ былъ богатый персидскій коверъ, на деревянномъ рѣзномъ креслѣ сидѣла молодая гетманша и вышивала золотымъ бисеромъ и мелкимъ жемчугомъ кисетъ для своего мужа; а старая нянька, повязанная платкомъ, сидѣла на коврѣ и вязала свивальникъ: ея молодая боярынька была если еще не на сносѣ, то все-таки ужъ съ замѣтнымъ спереди округленіемъ. Внизу, передъ глазами у нихъ, по берегу Псела, двигались или неподвижно сидѣли на травѣ живописныя группы гадячской молодежи. Шли «русальныя» игры подъ звонкій смѣхъ и пѣніе десятковъ молодыхъ женскихъ голосовъ, которымъ иногда вторили, передразнивая ихъ, голоса мужскіе.

Проводили русалочки, проводили,
Щобъ вони до насъ не ходили,
Да нашего житечка не ломили,
Да нашихъ дивочокъ не ловили

Свѣжіе, чистые, сильные голоса разомъ обрывались, потому что выходило какое-то замѣшательство. Молодой съ русыми кудрями стрѣлецъ погнался было за кругглолицей, утыканной цвѣтами дивчиною, настигъ было ее, звонко хохочущую и звонко звенящую монистами, у самаго хоровода, но та его разомъ оборвала.

— Геть, москалю! Одчепись!—протестовала она, защищаясь кокетливо, когда стрѣлецъ хотѣлъ дать волю своимъ московскимъ рукамъ.—Жартуй съ своею московкою.

Послѣдовалъ дружный хохотъ. Всѣ дѣвчата, переставъ пѣть, вооружились противъ стрѣльца, швыряя въ него травой и цвѣтами.

— Женихайся съ своими товстопузыми московками! — смѣясь, кричали ему.

— Да московки, дѣвыньки, далече, гдѣ жъ ихъ взять!— оправдывался стрѣлецъ.

— Геть, геть, поганый!

Стрѣлецъ, почесывая затылокъ, удалился, тѣмъ болѣе, что ближайшіе парубки поглядывали на него не особенно дружелюбно.

Солнце, спускавшееся къ западу, играя на раскраснѣвшихся лицахъ дивчатъ и на цѣлыхъ горстяхъ цвѣтовъ, украшавшихъ ихъ головы, кидало длинныя двигавшіяся тѣни на

воду. Хохлята, роясь у воды въ пескѣ, оглашали воздухъ своимъ пѣніемъ:

Савка-булавка
Покотивъ булку,
Та вбивъ курку,
Положивъ на столи:
Дивитеся, москали.

— Явдохо! Явдохо! Чи не тая русалка у тебе на городи бутъ поила?—кричалъ Остапъ Прудкій, указывая на гетманскаго козла, котораго дразнили дѣти, а онъ становился на заднія ноги и трясъ бородою.

— А то-жъ вона: може и тебѣ таки русалки лоскотали, а ты ихъ, пьяненькій, мацавъ,—отрѣзала Явдоха Тантюрчиха.

Опять взрывъ хохота, который прекратился только тогда, когда къ берегу Псела потянулась изъ города процессія старухъ и молодицъ съ ковшами и черепками въ рукахъ. Въ ковшахъ и черепкахъ было молоко. Старухи и молодицы, мокая въ молоко пучками полыни, кропили вокругъ себя дорогу, по которой шли. Это они задабривали молокомъ русалокъ: когда по тѣмъ мѣстамъ, которыя въ русальную недѣлю окроплены молокомъ, будутъ ходить коровы, то русалки не станутъ ни портить ихъ, ни доить.

— Охъ, матушки! Никакъ намъ Богъ гостей посылаетъ,—радостно сказала старая няня гетманши, отѣняя ладонью глаза и вглядываясь въ приближавшуюся группу прохожихъ съ котомками за плечами.

— Гдѣ-гдѣ, няня?—встрепенулась молодая боярыня, бросая работу и мгновенно покрываясь румянцемъ.

— Да вонъ идутъ къ нашему двору.

Дѣйствительно, берегомъ, по которому мимо гетманскаго двора пролегала большая дорога, двигалась группа богомольцевъ. Ихъ можно было сразу узнать по длиннымъ палкамъ въ рукахъ, по буракамъ и тыквяннымъ кубышкамъ у пояса и по котомкамъ за плечами. Въ группѣ виднѣлись старики и молодые парни, а больше всего бабы и дѣвушки. Всѣ они смотрѣли загорѣлыми, запыленными и усталыми. Ноги, обутыя въ лапти, съ трудомъ передвигались.

— Бѣги, нянечка, голубушка, заверни ихъ къ намъ,—видимо волновалась боярыня,—это наши московскіе странички, я вижу.

Старуха торопливо пошла навстрѣчу прохожимъ. Она издали махала имъ рукой и кланялась.

— У-у! Москали въ лаптяхъ!—кричали хохлята съ берегу, завидя прохожихъ.

Брюховецкая торопливо, насколько позволяла ей это ея «непраздность», пошла къ дому, чтобы встрѣтить странничковъ, и притомъ странничковъ съ родной стороны. Стрѣльцы, стоявшіе у воротъ гетманскаго дома и издали любовавшіеся «русальными» играми хорошенькихъ «хохлатокъ», также радостно привѣтствовали своихъ запыленныхъ земляковъ и землячекъ. «Давно ли съ Москвы? Что тамъ дѣлается, въ Расеюшкѣ-матушкѣ, все ли здорово? Какъ крестятся? Не тремя ли персты? Какъ схимили Никона патріарха?» — слышались вопросы. Странники наскоро отвѣчали, что «съ Москвы давно, какъ рѣки прошли», что теперь идутъ «отъ угодничковъ, изъ Кеива», а насчетъ креста и Никона «и-и! и не приведи Богъ!»...

А съ берега широкимъ потокомъ лилась чуждая московскому уху мелодія:

Передъ воротьми долина,
А въ той долини калина,
Ой тамъ Ганочка гуляла,
Жемчугъ-намисто бирвала...

Богомолки и богомольцы, ведомые старою нянею, у которой отъ удовольствія даже морщины сгладились, и щеки покраснѣли, гуськомъ взошли на галлерею съ навѣсомъ, примыкавшую къ гетманскому дому, и низко кланялись гетманшѣ, которая встрѣчала ихъ со слезами радости на глазахъ.

— Вотъ, матушка боярыня, ты говорила, что хуть бы собачка съ родной сторонки прибѣжала, анъ вонъ на, Богъ послалъ своихъ странничковъ,—тараторила няня, разводя руками.

— Какъ-то, матушка-боярынюшка, поживаете на чужой сторонушкѣ? А мы вамъ святости отъ святыхъ угодничковъ принесли,—говорила передняя странница въ костюмѣ черницы.—О-охъ! Давно-давно не видали мы на Москвѣ твоихъ ясныхъ очушекъ, матушка, не слыхали твоего голосу медоваго... А частенько-таки про твою милость вспоминали съ матушкой боярыней Ѳедосьей Прокопьевной, да сестрицей ея милости, княгинюшкой Авдотьей Прокопьевной: что-то-де, говоримъ,

наша гетманша золотая на чужой черкаской сторонкѣ? Далеко-де, высоко-де, говоримъ, залетѣла наша пташечка сизокрылая...

А съ берега неслись надрывающіе душу «черкаскіе» голоса:

Ой туда пріихавъ миленькій,
Ставъ съ коника слизати,
Ставъ съ коника слизати,
Ставъ намиста сбирати:
Збирай, миленькій, сбирай,
Съ тобою я гуляла,
Дороги намисты порвала...

Брюховецкая, томимая этою мелодіею и разбереженная словами старой странницы, закрывъ лицо ладонями, плакала.

Старуха пяня, между тѣмъ, разсаживала гостей по лавкамъ, тянувшимся вдоль всей галлереи. Сошлась и челядь гетманская, бабы и пахолята. Разомъ нанесли жбаны квасовъ, медовъ и тутъ же на галлереѣ стали накрывать столъ, чтобы угощать дорогихъ гостей.

Послѣ неожиданнаго взрыва слезъ, Брюховецкая успокоилась. Она подходила ко всѣмъ и со всѣми здоровалась. Странницу-черничку, какъ особу, повидимому, бывалую, она разспрашивала о своихъ безчисленныхъ родныхъ, Долгорукихъ, Ртищевыхъ, Морозовой и Урусовой, объ Аввакумѣ и о томъ, что дѣлалось «на верху», при дворѣ. Въ то время, когда правильной почты не существовало, когда гонцы съ грамотами и отписками посылались въ два-три мѣсяца, а иногда и въ полгода разъ, когда ни телеграфовъ, ни газетъ не существовало, извѣстія изъ одного края въ другой передавались устно, черезъ странниковъ и торговыхъ людей, и человѣкъ, заброшенный куда-либо вдаль отъ родного мѣста, чувствовалъ, что онъ дѣйствительно «на чужой дальней сторонѣ», а чужа дальня сторона горемъ горожена, слезами поливана, тоскою-кручиною изнасѣяна...

— А ужъ Морозову боярыню, Ѳедосѣюшку свѣтъ Прокопьевну, и узнать нельзя, таково свято житіе ея стало,—говорила словоохотливая черница, которую звали сестрою Акинфіею (она была изъ богатаго дворянскаго рода Даниловыхъ; но поэтическая натура увела ее изъ родительскаго дому, и она сдѣлалась странницей).—Ужъ она понѣ, отай отъ всѣхъ и отъ царицы, на тѣлѣ своемъ власяницу носитъ, а домъ-отъ ее полонъ людей божіихъ, нищихъ, пустынничковъ, юродивыхъ, стран-

пичковъ, бездомныхъ; всѣмъ-то она своими руками служитъ, гнойныя ихъ язвы омываетъ, сама ихъ кормитъ и ѣстъ изъ одной съ ними чаши,—не брезгуетъ матушка...Утромъ, чуть свѣтъ, помолясь истово, она уже на ногахъ: то судъ творитъ своимъ домочадцамъ, да вотчиннымъ деревенскимъ людямъ, да все по-божьему, милостиво, то поучаетъ ихъ отъ писанія, а тамъ, родная моя, за прялку сядетъ, сама прядетъ и сама рубахи да порты шьетъ, и вечеромъ, соймя платье цвѣтное, боярское, вздѣнетъ на себя рубище, да и пошла бродить по Москвѣ, по дальнимъ закоулочкамъ, гдѣ бѣдность, матушка, гнѣздо свила, да по темнымъ темницамъ, и всѣхъ-то жалуетъ: кому рубаху, кому деньги, кому и иное одѣяніе, а то и рубь, и десять рублевъ, а то и мѣшокъ сотный при случаѣ. Узнаетъ ли кого на правежѣ, съ правежу выкупаетъ, на кого надетъ гнѣвъ царскій, изъ опалы того выручаетъ святая душа... И отецъ Аввакумъ, бывало, не нахвалится ею: «такой у меня дочери и не бывало: единое, говоритъ, красное солнышко на небѣ, единое красное солнышко и на Москвѣ Ѳедосѣюшка свѣтъ Прокопьевна».

Сестра Акинфея, увлекшись разсказомъ, совсѣмъ преобразилась. Запыленное и загорѣлое лицо похорошѣло, живые сѣрые глаза почернѣли какъ-то и были прекрасны. Какой-то дебелый молодой парень, босой, съ потрескавшимися отъ солнца и пыли ногами, съ длинными, никогда нечесанными, рыжими волосами, съ корявымъ веснущатымъ лицомъ и добрыми дѣтскими глазами, подошелъ къ ней, сѣлъ у ея ногъ на полъ и не спускалъ съ нея глазъ. Акинфея улыбнулась своими красивыми глазами.

— Ты что, Агапушка?—спросила она.

— Сказочку хочу послушать,—отвѣчалъ тотъ, глупо улыбаясь.

— Какую тебѣ сказочку?

— Вонъ ту, что ты ей (онъ указалъ пальцемъ на Брюховецкую) сказывала, святенькую сказочку... А меня Никонъ посохомъ побилъ за двуперстное сложеніе, «вотъ тебѣ», говоритъ, «вотъ тебѣ»!—И юродивый парень расхохотался идіотическимъ смѣхомъ.

Сидитъ зайчикъ пидъ лишкою—очки тре:
Похваляются козаченьки бить мене...

доносится съ берега. Юродивый парень изумленно вслушивается.

— Ишь какая хохлацкая служба, водосвятіе,—бормочетъ онъ,—безъ попа поютъ.

Между тѣмъ, молоденькіе пахолята таскали на столъ бѣлые хлѣбы, кувшины съ цвѣтными питьями, ковши, солонницы; нанесли горы зеленыхъ свѣжихъ огурцовъ, вяленой рыбы, пироговъ.

Мимо двора, по дорогѣ, гурьбой бѣжали хохлята. Они радостно подпрыгивали, размахивали руками.

— Козаки йдуть! Татаръ везуть!—слышались ихъ звонкіе голоса.

— Гетьманъ! Гетьманъ иде!

Брюховецкая встрепенулась и испуганно поглядѣла вдоль большой, тянувшейся въ гору, дороги. Она не ожидала такъ скоро своего мужа, и эта неожиданная вѣсть, что онъ идетъ, и радовала, и пугала ее. Неужели походъ конченъ? Не можетъ быть; онъ не надѣялся такъ скоро вернуться. Притомъ же она замѣчала въ послѣднее время, что онъ часто и долго о чемъ-то тайно совѣщался съ своими полковниками, разсылалъ во всѣ концы гонцовъ и, видимо, что-то таилъ отъ нея. Но она и не старалась проникнуть въ его дѣловыя тайны: на то онъ гетманъ, у него на плечахъ государево великое дѣло, такъ ей, бабѣ, не слѣдъ соваться въ него. Иногда у него какъ бы нечаянно стали прорываться сердитыя замѣчанія на счетъ Москвы, на счетъ бояръ и воеводъ... «А! Забирается бисова Москва, мовъ голодни вовки, въ нашу отару!»—срывалось у него иногда съ языка. Но жена не придавала этому большого значенія: «осерчалъ что-то Иванушка на бѣдную Москву... только, Богъ дастъ, не надолго, отойдетъ его сердечко»...

Дѣйствительно, скоро показались толпы конныхъ и пѣшихъ. Они поднимали невообразимую пыль по дорогѣ. Слышались громкіе голоса, смѣхъ, иногда выкрикивалось начало пѣсни, которая тотчасъ же и обрывалась. Что-то недоброе слышалось въ этихъ звукахъ: такой сумятицы при гетманѣ никогда не было слышно... Это не гетманъ ѣдетъ... Нестройная толпа приближалась къ гетманскому дому. Русальныя пѣсни замолкли, и толпы гулявшаго народа, бабы съ черепками и ковшами, дивчата въ цвѣтахъ и парубки съ вѣтками любистка въ рукахъ или

съ люльками въ зубахъ сыпнули навстрѣчу двигавшейся толпѣ. Заходившее солнце освѣщало всю эту пеструю картину косыми лучами и кидало длинныя тѣни впереди толпы.

Виднѣе всѣхъ выдавался казакъ въ багряномъ, словно кровь, кармазинѣ. Онъ размахивалъ саблей и кричалъ:

— Шкода москалямъ верховидити! Годи вже! Попогодували мы ихъ своимъ тиломъ? Часъ имъ до дому!..

У Брюховецкой и руки, и ноги похолонули. Странники поднялись и смотрѣли то на яркій кармазинъ то другъ на дружку съ недоумѣніемъ и страхомъ.

Въ багряномъ кармазинѣ Брюховецкая узнала Василька Многогрешнаго, родного брата генеральнаго асаула Демки Многогрешнаго. Ни того, ни другого она не любила за ихъ пьяную необузданность и подслуживаніе, когда они трезвы.

— А! Пани боярыня!—злорадно воскликнулъ Василько, увидавъ Брюховецкую.—Идить, вельможно боярыня, стричати своего мужа, пана гетьмана боярина! Онъ винъ пьяный лежитъ на вози, упився казацькою та мищанською кровью и головы не зведе...

Брюховецкая стояла, дрожа отъ ужаса. Въ толпѣ, между тѣмъ, раздавались и пьяные голоса, и испуганные крики, и отчаянный вопль. «Отъ-такъ голота! Повенъ визъ бурякивъ наклала!» «Охъ матинко! О-о! Ивашечку мій, о-о-о!» «Гуляй, голота, поки штанивъ чертма!» «Ой-ой! Ой лишечко! Кровъ мертви забити!»

Показалсь телѣга, запряженная волами. Чѣмъ ближе подъѣзжала телѣга, тѣмъ очевиднѣе становилось, что она наполнена доверху мертвыми человѣческими тѣлами. Ярко и страшно кричали глазу черныя пятна крови...

— Пріймайте, пани боярыня, вашего мужа! Разбудить его, крепко заснувъ! Поцилуйте его кари очи, та чорни брови, заразъ прокинеться!—раздался пьяный, злой голосъ Василька.

Брюховецкая ринулась къ телѣгѣ, протягивая впередъ руки, какъ безумная. Телѣга остановилась. Брюховецкая, добѣжавъ до телѣги, ухватилась рукою за высокую перегородку и, казалось, застыла. На телѣгѣ, поверхъ обезображенныхъ труповъ—то была побитая голотою, по подстрекательству Дорошенка, лѣвобережная старшина—лежалъ, откинувшись навзничь, гетманъ Брюховецкій. Онъ былъ въ одной только окровавленной и

исполосованной въ клочки рубашкѣ: голота раздѣла его донага... На широкой, поросшей черными волосами, груди блестѣлъ обрызганный кровью золотой крестъ... Виднѣлись голыя подошвы мертвыхъ ногъ, перебитыя дубьемъ колѣни, пробитые бока и обезображенное лицо, съ выскочившимъ изъ орбиты и висѣвшимъ на щекѣ лѣвымъ глазомъ... И брови, и усы остались цѣлы...

Эти-то брови и усы и увидѣла несчастная жена его и, казалось, внимательно разсматривала ихъ... Въ одно мгновенье безумная, пораженная ужасомъ мысль ея перенеслась въ Москву, въ Кремль, и она увидѣла, какъ тогда, въ первый разъ изъ-за тафты каретнаго окна, и эти длинные усы, и эти черныя дугою брови... но только тогда подъ бровями были глаза... а теперь ихъ нѣтъ... вонъ одинъ виситъ на щекѣ... Москва... Кремль...

Изъ груди ея вылетѣлъ глухой стонъ какъ бы сквозь крѣпко сжатые зубы, и несчастная женщина грохнулась наземь, взмахнувъ руками какъ крыльями...

— О, Господи! О-охъ!—кто-то крикнулъ сзади.

— У-у! Та и гаспидськи-жъ нижки! Отъ ноги! Мовъ у дитинки таки маленьки, увъ одну жменю заберешь!—дивился пьяный голосъ маленькимъ ножкамъ, выглядывавшимъ изъ-подъ юбки упавшей на землю боярыни...

XVII. Казнь Стеньки Разина.

Прошло три года. Многое изъ того, что было три года назадъ, было забыто или вспоминалось съ меньшею остротою памяти и чувства: острыя боли утраты или разбитыхъ надеждъ замѣнились тихой грустью воспоминаній; радость замела собой старые слѣды горя; новое горе потемнило нѣкогда яркую, свѣтлую радость, смерть замѣнила жизнь; новая жизнь стала на то мѣсто, гдѣ еще недавно стояла смерть со всѣми ея ужасами. А въ общемъ, міръ божій былъ все тотъ же: все то же было небо голубое, такъ же свѣтило солнышко, такъ же зеленѣла зелень, пѣли птицы, колосилась рожь, какъ и тогда, когда молодая боярыня Брюховецкая ждала изъ похода своего Иванушку. И Москва осталась все та же, какъ и весь остальной божій міръ. Вонъ она, и старое, и малое, сапогъ и лапоть, кафтанъ и сермяга, стремится

куда-то за городъ, за Рогожскую заставу. Вѣроятно, встрѣчать кого-нибудь? Ужъ не Никона ли? Нѣтъ, его надо было бы ждать не со полудня, а со полуночи: онъ гдѣ-то тамъ въ заточеніи, у Бѣла-озера. Не Аввакума ли? Нѣтъ, онъ еще полуночнѣе. А можетъ новаго гетмана на мѣсто убитаго? Нѣтъ, говорятъ, что донскіе казаки везутъ воровского атамана, самого страшнаго Стеньку Разина. Москвѣ радость—новое зрѣлище.

Выступилъ за Рогожскую заставу и отрядъ стрѣльцовъ. Впереди отряда шелъ стрѣлецкій сотникъ, тотъ самый, къ которому пять лѣтъ назадъ, во время свирѣпыхъ морозовъ, въ день суда надъ Никономъ, упалъ на шапку мертвый голубь: это былъ ражій мужчина со шрамомъ черезъ всю щеку, полученнымъ имъ отъ литовской сабли, вязьмитинъ Ондрейко Поджабринъ. Стрѣльцы должны были встрѣтить ужаснаго гостя, имя котораго прошло трепетомъ чрезъ всю русскую землю. За стрѣльцами громыхала коваными колесами и звенѣла цѣпями необыкновенная телѣга, вся выкрашенная черною краской, съ возвышавшеюся на мѣстѣ сидѣнья высокою черною висѣлицею. Далеко изъ-за народа виднѣлась эта подвижная молодецкая «изба не мшоная и не вершоная», и далеко слышно было рѣзкое погромыхиваніе цѣпей, ввинченныхъ въ столбы висѣлицы и въ ея толстую перекладину. По бокамъ телѣги шло шестеро палачей съ блестящими широкими топорами на плечахъ, по три палача съ каждой стороны. Рукава красныхъ рубахъ ихъ были засучены на мускулистыхъ, словно изъ плетенныхъ жилъ, рукахъ, вверхъ за локти.

Когда стрѣльцы расчистили впереди телѣги скучившіяся вдоль дороги толпы народа, то невдалекѣ показался отрядъ всадниковъ въ высокихъ съ вылетами изъ краснаго сукна курпейчатыхъ шапкахъ, съ пиками въ рукахъ и винтовками и стрѣлами за плечами. И они также конвоировали телѣгу; только ихъ телѣга была не пустая: въ ней сидѣли рядомъ два человѣка, скованные по рукамъ и по ногамъ и, сверхъ того, прикованные толстыми цѣпями къ краямъ телѣги. Они были похожи другъ на друга, какъ два родные брата, только у старшаго, болѣе плечистаго и въ окладистой бородѣ съ яркою просѣдью, глаза были невиданные: они, казалось, не были ни свирѣпы, ни дерзки, но необыкновенно спокойны, а, между тѣмъ, когда они глядѣли на человѣка, то человѣкъ невольно пятился отъ нихъ, а собаки

отъ взгляда этихъ глазъ визжали, какъ отъ неожиданнаго удара палкой. На немъ было богатое съ золотымъ шитьемъ платье, хотя пообтертое цѣпями, а мѣстами запачканное и разорванное. Другой былъ одѣтъ проще

Обѣ телѣги остановились одна противъ другой. Стрѣлецкій сотникъ подошелъ къ сопровождавшему вторую телѣгу богато одѣтому казацкому атаману и протоворилъ:

— По указу великаго государя, вору, злодѣю и измѣннику Стенькѣ прислана позорная колесница, на чемъ ему, вору Стенькѣ, въ Москву въѣхать.

Онъ глянулъ на сидѣвшихъ въ телѣгѣ арестантовъ и съ дрожью попятился назадъ. Онъ узналъ ужасные глаза: это были тѣ глаза, глаза невѣдомаго казака, котораго онъ, Ондрейко Поджабринъ, шесть или семь лѣтъ тому назадъ видѣлъ выходившимъ изъ кельи Никона патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ, «буркалы», еще и тогда необыкновенно поразившія Ондрейку. Какъ будто огонь прошелъ по немъ и холодъ разомъ, и волосы подъ шапкой зашевелились. «Такъ вотъ кто это былъ у Никона... вотъ съ кѣмъ этотъ еретикъ водился... такъ вотъ откуда и три персты!» Эти мысли ожгли Ондрейку, онъ растерялся.

Между тѣмъ, палачи при помощи казаковъ расковали желѣза, которыми прикованы были къ телѣгѣ Стенька съ братомъ Фролкою, сорвали съ нихъ цвѣтное золотное платье и надѣли на нихъ гуньки кабацкія, оборванныя и грязныя. Стенька своими спокойными глазищами оглядывалъ толпу, которая со страхомъ пятилась назадъ, давя другъ дружку и открещиваясь «чуръ-чуръ! Съ нами крестная сила». Фролка смотрѣлъ потерянно и грустно своими добрыми глазами.

— Эй, Фролка! Не будь бабою!—ободрялъ его Стенька.— Вонъ какъ насъ почестно встрѣчаютъ: самые большіе бояре вышли посмотрѣть на насъ.

Толпа, дѣйствительно, была разнообразная, словно на водосвятіи. Виднѣлись и богатыя одежды на зрителяхъ. На лицахъ ихъ было что-то непередаваемое: то выраженіе, какое придаетъ лицу человѣка ужасъ, смѣшанный съ удивленіемъ. Гдѣ-то закричалъ ребенокъ: это онъ встрѣтился со взглядомъ Разина. Стенька свободно и быстро взошелъ на московскую телѣгу и,

стоя на ней и увидавъ пролетѣвшую съ испугомъ ворону, закричалъ такъ, что всѣ дрогнули:

— Эй, божья птичка! Прилети ужо ко мнѣ въ гости, моего мясца поѣсть... А я боярскаго мясца поѣлъ гораздо.

Палачи обвили вокругъ его воловьей шеи огорліе цѣпи, спускавшейся съ перекладины висѣлицы, и замкнули это огорліе огромнымъ висячимъ замкомъ. Стенька потѣшался надъ этой ужасной церемоніей.

— Эко честь какая: золоту гривну мнѣ на шею повѣсили,— говорилъ онъ, потрясая замкомъ.

Руки и ноги его палачи приковали особыми цѣпями къ краямъ телѣги и къ столбамъ висѣлицы, такъ что онъ стоялъ, какъ бы распятый. Стенька чихнулъ...

— Будь здоровъ!—послышалось въ толпѣ нѣсколько привѣтствій.

Стенька улыбнулся и повелъ глазами по толпѣ.

— Утри носъ!—сказалъ онъ палачу.

Палачъ повиновался и рукавомъ рубахи утеръ носъ страшному арестанту. На шею Фролки также надѣли цѣпь съ огорліемъ и замкомъ и приковали къ боку телѣги.

— Али онъ собака?—сердито спросилъ Стенька, а потомъ, оборотясь къ брату, прибавилъ:—То-то, Фролушко, я говорилъ тебѣ, надо было больше дѣлать, чтобы быть въ чести, какъ я вотъ.

Московская телѣга, звеня цѣпями, поворотилась передомъ къ Москвѣ и тронулась. Фролка шелъ, низко опустивъ голову, какъ бы считая послѣдніе шаги, которые онъ долженъ сдѣлать на этой землѣ, далеко отъ своего родимаго Дона. Онъ казался необыкновенно жалкимъ съ его кроткимъ, убитымъ видомъ. Многія бабы, глядя на него, утирали слезы рукавами и тихонько молились за него. Черничка Акинфея, шедшая тутъ же въ толпѣ, глядя на энергичное лицо Разина, почему-то вспомнила своего свѣта Аввакумушку и прониклась сама страстнымъ желаніемъ «пострадать», перенести всевозможныя муки, вотъ такъ, какъ переноситъ этотъ распятый цѣпями подъ висѣлицею. И она, глубоко впечатлительная и страстная, молилась за него.

По бокамъ телѣги шли стрѣльцы. Что-то большее, чѣмъ покорность службѣ, было написано на ихъ лицахъ. А Ондрейко

Поджабринъ тревожно думалъ что-то и по временамъ встряхивалъ головой, какъ бы силясь отрясти съ своихъ густыхъ волосъ неотвязчивую мысль. За стрѣльцами слѣдовали казаки, дивуясь на златоглавыя маковки церквей.

— Здравствуй, матушка Москва-золотыя маковки!—неожиданно крикнулъ Стенька.—Не такъ я думалъ вступить въ тебя, такъ не пришлось... эхъ!

Чѣмъ дальше эта необыкновенная телѣга слѣдовала по улицамъ Москвы, тѣмъ больше высыпало на улицы народу, которому издали виднѣлась высившаяся между двухъ столбовъ висѣлицы фигура страшнаго человѣка.

Телѣга проѣзжала мимо богатаго дома Морозовой. Стенька глянулъ на окна, и глаза его встрѣтились съ чьими-то прекрасными и свѣтлыми, какъ у ребенка, глазами... Ему показалось, что это глядитъ на него та его первая полюбовница, персидская княжна, красавица дочь астрабадскаго хана Менды, которую онъ въ припадкѣ бѣшенаго безумія утопилъ въ Волгѣ. Сердце Стеньки первый разъ въ жизни заныло жгучею тоскою по той, которую онъ любилъ и съ которою одной онъ находилъ счастіе, вообще ему неизвѣстное въ жизни; что-то вродѣ слезъ блеснуло въ его глазахъ... Онъ снова глянулъ на окна: бѣлая рука крестила его, а свѣтлые дѣтскіе глаза плакали отъ страстнаго умиленія... Это была Морозова; ея возбужденная страстью душа умилялась видомъ страданій и мученій, къ которымъ она тайно подготовляла себя къ подвигу, къ вѣнцу своей жизни...

Стенька долго оглядывался на ея домъ... Сердце его колотилось и точно таяло подъ теплыми лучами солнца: ему разомъ стало жаль погубленную жизнь. Брошенный на него взглядъ доброты, слезы сожалѣнія невѣдомой женщины, крестящая его бѣлая рука, образъ той, которую онъ одну любилъ въ жизни и самъ же погубилъ, пробудили въ немъ желаніе жизни, счастья, добра... Поздно! Онъ угрюмо поникъ головою.

Но съ этой минуты онъ замолчалъ, крѣпко стиснувъ свои мощныя, какъ у волка, челюсти.

Когда его подвезли къ земскому приказу и сняли съ телѣги, онъ молчалъ. Ввели въ приказъ, поставили передъ боярами и дьяками, молчитъ. Алмазъ Ивановъ сталъ его допрашивать, молчитъ: глянулъ только на Алмаза своими странными глазами, которые показались Алмазу добрыми и грустными... «Это не

онъ,—шевельнулось въ душѣ Алмаза Иванова,—на него наклепали, это честные, добрые глаза, не чета Никоновымъ»... Въ этотъ моментъ Разинъ дѣйствительно былъ и добръ, и честенъ: могущество доброты той, которая изъ окна перекрестила его буйную, кровавую душу, переродило эту душу въ такую, какою она была когда-то, когда Стенька въ Соловкахъ молился о страждущихъ, голодныхъ, обиженныхъ...

Что ни спрашивали у него, молчитъ... Онъ думалъ о той, которая крестила его.

Повели въ застѣнокъ, къ пыткамъ. Что же дѣлать, когда онъ молчитъ?

Стенькѣ сыромятнымъ ремнемъ связали назадъ руки; палачи страшно скрутили ихъ. Потомъ такимъ же ремнемъ связали ноги. Рубаха была сорвана съ него. Подвѣсили за руки къ крюку, вбитому въ невысокій потолокъ свода застѣнка. Одинъ палачъ тянулъ за ремень, которымъ были связаны ноги, а другой билъ по спинѣ толстою, жесткою, какъ желѣзо, съ острыми краями ременною полосою въ пять локтей... Кнутъ стегалъ по голой спинѣ медленно, съ полнаго размаху; руки въ плечахъ выскочили изъ суставовъ, хряснули, вздулись подъ мышками... Каждый ударъ оставлялъ на спинѣ багровую полосу. Съ слѣдующими ударами кожа трескалась, отставала отъ тѣла, лохмоты ея приставали къ кнуту, отлетали къ потолку, падали на цвѣтное платье бояръ, на бумагу, которую держалъ въ дрожащихъ рукахъ Алмазъ Ивановъ, и кровавили собою все... Бояре и дьякъ пятились, съ ужасомъ переглядываясь и видя, какъ багровѣли отъ натуги лица палачей, какъ со спины повѣшеннаго струилась на полъ застѣнка кровь... А онъ все молчитъ! Хоть бы стонъ!

Долго полосовалъ кнутъ живое мясо. Первый десятокъ ударовъ отсчиталъ дьякъ и записалъ, молчитъ. Второй десятокъ отсчиталъ и записалъ дрожащею рукою, молчитъ... Третій, четвертый, пятый, рука отказывается служить, перо не попадаетъ въ чернильницу... Еще десятокъ, еще... Хоть бы звукъ, только зубы скрипнули... Восьмой десятокъ, девятой... Фу, ты дьяволъ!—не выдерживаютъ бояре...

— Винись! Сказывай вины свои!—кричитъ Алмазъ Ивановъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Молчитъ, ни звука.

Принесли саженную чугунную плиту, на которой пламенѣли отъ перебѣгающаго по нимъ огонька раскаленные дубовые уголья, и положили подъ виской, Стеньку спустили съ крюка, какъ кровавое паникадило, съ котораго, вмѣсто тающаго воска, капала багровая кровь, и положили животомъ прямо на уголья. Зашкворчала кровь, падая со спины на уголья, зачадило жаренымъ мясомъ, зашипѣли притухающіе отъ крови угли... чадъ кругомъ, въ глазахъ у бояръ зеленѣетъ... А его все жарятъ, какъ барана на вертелѣ, экой, шашлыкъ!

— Винись, дьяволъ!—падаетъ въ изнеможеніи на скамью Алмазъ Ивановъ.

Нѣтъ, молчитъ!.. Пытающихъ бояръ треплетъ лихорадка... Съ палачей потъ градомъ катится... Фролка, упавъ на земь, стучитъ лбомъ объ полъ, молится... А Стенька все молчитъ... Передъ нимъ мелькаетъ крестящая его изъ окна бѣлая рука...

— Полосу!—кричатъ палачи.—А то заживо изжаримъ, не пикнетъ дьяволъ...

Внесли раскаленную добѣла шину съ желѣзными на концѣ пальцами, отъ которыхъ отдѣлялись красныя искры. Желѣзной раскаленной пятерней стали водить по избитымъ и изожженнымъ членамъ... Шкварчитъ запекающееся, какъ оладье на сковородкѣ, почернѣвшее, поджарившееся тѣло... А онъ все молчитъ!

— Будетъ!—невольно крикнулъ Алмазъ Ивановъ, очнувшійся отъ обморока.—Это не человѣкъ, сатана!

Стеньку сняли съ жаровни, развязали ремни на рукахъ и на ногахъ. Онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, потянулся, глянулъ на палачей и на бояръ, тряхнулъ своими могучими плечами, и вывихнутыя въ плечахъ руки сами вправились въ свои суставы.

Потянули Фролку на дыбу. Тотъ не вынесъ мученій. Раздались вопли.

— Экая ты баба!—въ первый разъ проговорилъ Стенька.—Вспомни-ко наше прежнее житье... Проживали мы со славою, повелѣвали тысячами людей, надо же и теперь вынести... Али это больно! Эхъ, словно баба иглой колетъ.

Зазвенѣли ножницы! Стригутъ Стеньку, не стригутъ, а рвутъ съ тѣломъ. А тамъ стали брить макушку тупою бритвою. Стенька тѣшится, глядя на палачей, у которыхъ дрожатъ руки и ноги.

— Вона какъ! Слыхали мы, что ученыхъ людей въ попы постригаютъ, а мы съ тобою, братъ, неучи, простяки, анъ и насъ постригаютъ...

Но когда стали капать на темя изъ ковша со льдомъ холодною водой, Стенька опять смолкъ. Мучительно долго капали. Этой адской муки никто въ мірѣ не выносилъ, не выноситъ: отъ этой муки здоровые съ ума сходятъ, къ бѣшенымъ возвращается разумъ... А Стенька вытерпѣлъ и это. Онъ только такъ стиснулъ челюсти, что хряснуло во рту, не выдержали здоровые, какъ у лошадей, зубы, и онъ выплюнулъ ихъ на полъ съ пѣной и кровью...

— Не понадобятся ужъ больше, къ чорту зубы!

Даже палачи ахнули... Вся вода вышла, всю вылили на бритое темя; а онъ какъ ни въ чемъ, смѣется...

Нѣтъ, и сатана этого не вынесетъ, убѣждаются бояре. Осталось у Стеньки одно мѣсто цѣлое, не избитое и неизожженое— подошвы. Стали бить по ногамъ палками.

— Куйте, дьяволы, крѣпче!—кричитъ Стенька.—Далекая мнѣ дорога выпала, на тотъ свѣтъ... Куй крѣпче! Подковывай!

Его бросили.

. . . . . .

Ночь. Южный, теплый, но порывистый вѣтеръ шумитъ вершинами липъ, густо и широко разросшихся въ прилегающемъ къ земскому приказу, съ тыльной стороны, давно запущенномъ саду. Въ ночномъ, обманчивомъ полусвѣтѣ, какимъ отличаются сѣверныя іюльскія ночи, деревья кажутся какими-то великанами, которые машутъ множествомъ рукъ и пугаютъ робкое воображеніе. Несмотря на вѣтеръ, въ воздухѣ маритъ, какъ передъ грозой, и сонную Москву только изрѣдка оглашаетъ то пѣніе пѣтуха, то лѣнивый лай собаки.

— Славенъ городъ Москва!—проносится въ воздухѣ окликъ часового.

— Славенъ городъ Новгородъ! — отвѣчаетъ ему другой окликъ съ другого конца.

Вдоль стѣнъ земскаго приказа двигаются человѣческія тѣни. Очертанія ихъ неясны, какъ и все въ эту полумрачную, полуясную ночь; но можно различить, что двѣ тѣни женскія, а одна мужская.

— Я сама видѣла, Ондреюшко, что на немъ пѣтъ креста,— тихо говорилъ женскій нѣжный голосъ,—такъ мы вотъ съ сестрой Акинфеюшкой и принесли ему святой крестецъ да сорочечку чистенькую, да порты... Да мы же, другъ Ондреюшка, по заповѣди отца нашего духовнаго, блаженнаго протопопа Аввакума, хотимъ ему, узничку-то, утѣшеніе духовное преподать, по слову Христа Спасителя: «заключенныхъ посѣтите»...

— Охъ, матушка боярыня, и Богомъ бы радъ пустить васъ къ нему, потому, какъ мы сами отца Аввакума заповѣдь блюдемъ о двухъ перстахъ неуклонно, только, ей-же-Богу, къ этому-то самому колоднику я васъ пустить не смѣю, видитъ Богъ, не могу никоими мѣры, потому самъ крестъ цѣловалъ подъ тяжкою клятвою, и ломать крестное цѣлованье сохрани меня Богъ!

Это отвѣчалъ мужской голосъ. Онъ, видимо, хотѣлъ убѣдить просительницъ въ невозможности исполненія того, о чемъ онѣ просятъ.

— Христомъ Богомъ заклинаю тебя, Ондреюшко, другъ!— еще настойчивѣе умолялъ женскій голосъ.—Пропусти насъ на малый часокъ... Самъ съ нами поди, голубчикъ, тебѣ это можно.

— Матушка! Богомъ прошу, не смущай меня!—отчаянно защищался мужской голосъ.—Ты сама вѣдаешь, золотая моя боярыня, что, коли можно было, я тебя вездѣ пущалъ, и къ отцу Аввакуму, когда онъ былъ въ тюрьмѣ, и къ Ѳедѣ юродивому... А къ этому не могу, Богомъ клянусь, не могу!.. Я самъ утречкомъ передамъ ему все, что ты принесла, а пустить къ нему, ни Боже мой!

Въ это время изъ нижняго окна приказа, изъ-за желѣзной съ острыми зубьями рѣшетки, послышались тихое пѣніе. Мелодія этой неожиданной пѣсни и голосъ ночного пѣвца въ мрачной темницѣ душу пронизывали болью и жалостью. Шедшіе у стѣны остановились, какъ вкопанные. Сильный грудной голосъ пѣлъ, сливаясь съ порывами вѣтра, бушевавшаго на вершинахъ столѣтнихъ липъ:

Не шуми ты, мати, зелена дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати...

Невидимый пѣвецъ пѣлъ протяжно, заунывно, дѣлая продолжительные голосовые роздыхи на антистрофахъ, какъ бы вду-

мываясь во внушительный смыслъ того, что пѣлось. Въ иныхъ мѣстахъ голосъ плакалъ, и впечатлѣніе выходило потрясающее.

— Славенъ городъ Синбирской!—издали доносился сонный окрикъ.

— Славенъ городъ Кострома!—отвѣчали издали еще слабѣе.

А пѣсня невидимаго пѣвца все больше и больше плакала подъ завыванья вѣтра.

— Это онъ поетъ,—опять слышится тихій мужской голосъ.

— Онъ!.. Охъ, силы святыя!—стонетъ женскій голосъ.—Пусти насъ, Ондреюшко! Кровью Господа заклинаю тебя! Ему молитва нужна, а не пѣсня.

А пѣсня все плакала: выплакивались послѣднія слова.

— О-о-охъ! Господи всесильный! Спаси его! — вскрикнула Морозова (это была она въ одеждѣ чернички) и, бросившись къ окну съ рѣшеткой, упала на колѣни, поднимая руки къ небу.

Пѣсня мгновенно оборвалась. Въ окно выглянуло блѣдное лицо, это было лицо Разина.

Морозова рыдала, глядя на доброе, какъ ей казалось, грустное лицо Стеньки.

. . . . . .

Утро. Вѣтеръ утихъ. Висѣвшія всю ночь надъ Москвою тучи отогнало на западъ, и онѣ стояли тамъ неподвижно, сплошною стѣною, рѣзко отдѣляясь отъ земли всхолмленною линіею горизонта. Онѣ казались еще сумрачнѣе оттого, что изъ-за восточнаго горизонта давно выплыло солнце и лило растопленнымъ червоннымъ золотомъ и на вершины ближняго лѣса, и на золотыя маковки церквей, и на восточные откосы Воробьевыхъ горъ.

Москва рано проснулась, чтобъ не проспать зрѣлища, которое ей предстояло. Наканунѣ на всѣхъ базарахъ было оповѣщено, что на утро будутъ четвертовать воровского атамана Степана Тимофеича Разина съ его братомъ роднымъ, съ Фролкою. Какъ же не взглянуть и не полюбоваться такимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ, какъ четвертованіе! Иной, отродясь, не видалъ такого дива. Много разъ видывали, какъ и вѣшали людей, какъ и головы имъ рубятъ, какъ и на срубѣ жгутъ. Да это что! Это оченно просто, и ничего занятнаго тутъ нѣтъ: вздернутъ на веревкѣ кверху, подрягалъ онъ маленько ногами, и готово; али хватятъ топоромъ по шеѣ, голова прочь, кровь какъ изъ вола, лупанулъ раза два глазами, и баста; ну, и на срубѣ тоже не находка, за ог

немъ да дымомъ почти ничего не видать, пустое! Какая это казнь! То-ли дѣло четвертовать молодца! Любо-дорого... Сначала это топорикомъ по лѣвойрученькѣ тюкъ! Рука прочь. А тамъ братцы, по правой ноженькѣ топорикомъ хвать, нога прочь! По лѣвой, шалишь! И лѣвой нѣту; правая одна осталась: «Крестись-де, рабъ божій, правой рукой въ послѣдній разъ, да крестись истово, двумя персты!» Крестится... Тяпъ! И послѣдняя отскочила... А ужъ тамъ буйну голову... Вотъ это, братцы, такъ казнія, разлюбезное дѣло!

Такъ разсуждали молодцы изъ Охотнаго ряда, лавой привалившіе на Красную площадь.

Красная площадь была залита народомъ, по которому какъ бы перекатывались волны говора и ропота. Говорили о предстоящей казни. Особенно поразила москвичей вѣсть, облетѣвшая Москву вслѣдъ за привозомъ Разина, вѣсть о томъ, что воровской атаманъ Стенька, погромившій всю Волгу, Астрахань, Царицынъ, Саратовъ и Симбирскъ, громившій и берега Хвалынскаго моря и самую персидскую землю, что этотъ Стенька находился въ сношеніяхъ съ Никономъ патріархомъ. Вѣсть эта, какъ громомъ, поразила Москву. Стрѣлецкій сотникъ Ондрейко Поджабринъ божился и образъ со стѣны сымалъ въ томъ, что онъ самъ, своими глазами, видѣлъ этого Стеньку, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ образной кельѣ самого Никона, и Никонъ благословлялъ его, называлъ своимъ «сыномъ». Ондрейкѣ потому это особенно осталось памятнымъ, что онъ пораженъ былъ необыкновенными глазами Стеньки, такіе глаза, какіе онъ видѣлъ на страшномъ судѣ у Андронья, у эѳіоповъ рисуютъ: бѣлки съ голубиное яйцо. Еще тогда Ондрейко не вытерпѣлъ и сказалъ: «эки буркалищи!»

— Такъ вонъ онъ каковъ, Никонишко-тъ! Вотъ откедова троеперстное-то сложеніе: эѳіопское оно дѣло: воровское! Правъ былъ Аввакумъ, помоги ему Богъ и спаси его,—говорилъ Охотный рядъ.

— Чего не правъ! Вонъ онъ у меня, у снохи Афимьи бѣса крестомъ двуперстнымъ выгналъ... Билъ ее бѣсъ гораздо, кои годы мучилъ ее: ударитъ это ее о земь, омертвѣетъ вся, яко камень станетъ; руки, ноги размечетъ ей, и лежитъ она яко мертва. Такъ вотъ, братецъ ты мой, Аввакумъ возьми да и проговори надъ ней «о всепѣтую», да кадиломъ это, да крестъ-отъ и со-

твори ей на головѣ двумя персты; голова-то и свободна стала; глянула баба, а вся мертва. Онъ далѣ: по рукамъ перстами провелъ, руки свободны стали; по животу провелъ, Афимья сѣла; чудо да и только; а ноги еще каменныя у ней... Онъ и ноги ей, икры и голяшки, перстами погладилъ; вся Афимья встала! Мы такъ и ахнули! А она показываетъ на окно: «бѣсъ, говоритъ, во образѣ мухи на окошкѣ сидитъ и лапками перебираетъ». Онъ къ окну, бѣсъ на печку, жужжитъ, что муха. Аввакумъ за нимъ, онъ въ окошко, дьяволовъ сынъ, и исчезе яко дымъ.

— Везутъ! Везутъ!

Изъ-за сплошной массы головъ показалось что-то длинное, высокое, качающееся. Это былъ громадный черный покой, гигантская буква церковно-славянской азбуки, изображавшая висѣлицу. Подъ висѣлицей, въ срединѣ этой страшной деревянной буквы, виднѣлась, стриженая голова и лицо съ эѳіопскими бѣлками въ голубиное яйцо. Отъ шеи тянулась цѣпь къ перекладинѣ висѣлицы, къ вершинѣ покоя. Скоро показался и весь человѣкъ, стоявшій на черной телѣгѣ и прикованный къ вдѣланной въ телѣгу висѣлицѣ. Это былъ Разинъ. Фролка, какъ и прежде, словно корова, былъ прикованъ къ боку телѣги и шелъ, понуря голову. Стенька, напротивъ, смотрѣлъ на толпу своими эѳіопскими, какъ казалось сотнику Ондрейкѣ, глазами. На немъ была чистая бѣлая рубаха, подарокъ Морозовой. На груди блестѣлъ большой золотой крестъ на голубой лентѣ: лента эта была въ дѣвичьей косѣ Морозовой въ то время, когда ее въ послѣдній разъ чесали къ вѣнцу дѣвушки-подруженьки и пѣли, надрываясь отъ слезъ, вмѣстѣ съ невѣстою:

Не трубынька трубила рано на зорѣ—
Ѳедосѣюшка плакала слезно по косѣ:
Свѣтъ ты, моя косынька, мелко-трубчата, узорчата.
Вечоръ мою косыньку дѣвушки плели...

Большіе глаза Стеньки, видимо, искали кого-то въ толпѣ, и это-то исканіе наводило ужасъ на близстоящихъ: всѣ, какъ овцы, шарахались отъ волка и жались, стараясь спрятать свои глаза отъ страшныхъ глазъ атамана. А они были совсѣмъ не страшны, напротивъ, самъ онъ былъ блѣденъ и задумчивъ, а глаза смотрѣли грустно, напрасно ища кого-то въ сплошной массѣ головъ. Толпа дышала усиленно, какъ одна грудь.

Черная телѣга, окруженная стрѣльцами, дрогнула и остановилась у самаго Лобнаго мѣста. Зазвенѣли цѣпи и смолкли. Сотникъ Ондрейко сдѣлалъ знакъ, и стрѣльцы вмѣстѣ съ палачами расковали арестантовъ и Стеньку свели съ телѣги. Онъ молчалъ. Сотникъ задрожалъ, когда, пропуская мимо себя Разина къ Лобному мѣсту, встрѣтился съ его глазами. Впереди Стеньки шелъ главный катъ, низенькій, съ маленькою головою, но необыкновенно коренастый мужчина, съ широкими, почти безъ выгибовъ плечами, нѣсколько съ сутуловатою, съ широчайшими лопатками спиною и съ толстыми, какъ сучковатыя бревна, руками. Корявые, съ ногтями, крѣпости лошадиныхъ копытъ, пальцы, казалось, совсѣмъ не сгибались по своей жесткости. Рукава красной рубахи были засучены выше локтей и обнаруживали нечеловѣческіе мускулы. На плечѣ у него блестѣлъ широкій съ дугообразнымъ основаніемъ треугольникъ: то былъ роковой топоръ. Рядомъ со Стенькою и Фролкою всходили на Лобное мѣсто пять другихъ палачей, сподручниковъ главнаго московскаго ката. Стрѣльцы стали вокругъ Лобнаго мѣста сплошною цѣпью, между которою и мѣстомъ казни оставалась свободная площадь съ вбитыми въ разныхъ мѣстахъ островерхими кольями и игравшими на ней собаками, которыя вмѣстѣ съ палачами всегда бѣгали изъ острога на мѣста казни, въ ожиданіи добычи. Стрѣльцы не отгоняли собакъ, это были казенные псы, принадлежащіе острогу.

На Лобномъ мѣстѣ уже находились власти, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ и дьякъ разбойнаго приказа. У послѣдняго дьяка въ рукахъ дрожала бумага.

Стенька сталъ прямо, снова повелъ глазами по толпѣ и какъ бы съ досадой тряхнулъ головою.

Дьякъ дрожащимъ голосомъ сталъ вычитывать «несказанныя и несостижимыя вины» Стеньки. Стенька слушалъ, и по временамъ лицо его говорило: «не то, не то... Эхъ, кабы все они знали!..» На лобъ къ нему сѣла муха, онъ ее согналъ досадливо и какъ-то странно улыбнулся.

Всѣ «вины» вычитаны... Дьякъ отошелъ... Подошелъ главный катъ...

Стенька повернулся лицомъ къ востоку и сталъ молиться... По толпѣ прошелъ ропотъ радостнаго удивленія...

— Онъ истово крестится, двумя персты... О-о! У-у-у!

Сотникъ Ондрейко глядѣлъ недоумѣвающими глазами.

Помолившись, Стенька кланялся на всѣ четыре стороны... Выбритая маковка зловѣще бѣлѣла...

— Простите, православные, въ чемъ согрубилъ вамъ. Простите!

— Богъ проститъ! Богъ проститъ!

Палачи обступили Стеньку, намѣреваясь брать его. Главный катъ не двигался, сверкая только лезвіемъ широкаго топора. Стенька движеніемъ глазъ остановилъ палачей и сдѣлалъ шагъ къ главному кату.

— Побратаемся, добрый человѣкъ, — глухо сказалъ онъ. — Прими меня за брата передъ смертью: помѣняемся крестами.

И онъ, снявъ съ себя золотой крестъ, подалъ его кату. Послѣдній оторопѣлъ было, отшатнулся назадъ, но скоро пришелъ въ себя, перенесъ топоръ въ лѣвую руку и на лѣвое плечо, поцѣловалъ его, снялъ съ своей воловьей шеи мѣдный крестикъ, подалъ его Стенькѣ, а вмѣсто своего надѣлъ Стенькинъ. Стенька сдѣлалъ то же, перекрестился, поцѣловалъ крестикъ и надѣлъ на себя. Всѣ смотрѣли на эту сцену съ глубокимъ изумленіемъ. Многіе крестились... «Господи! Что-жъ это»!..

— Поцѣлуемся теперь, братъ, простимся.

Они поцѣловались, обхвативъ другъ друга жилистыми руками. Топоръ блеснулъ надъ головою Стеньки, многіе ахнули, думали конецъ... Нѣтъ, Стенька обратился къ брату Фролкѣ и такъ же обнялъ его. Фролка плакалъ и испуганно крестился.

Стенька оглядѣлся кругомъ. Къ правому краю Лобнаго мѣста примощенъ былъ толстый досчатый помостъ, родъ кровати. Стенька догадался, что это его смертная кровать. Онъ самъ подошелъ къ ней, влѣзъ на доски, разстегнулъ воротъ рубахи и легъ плашмя такъ, что бородой опирался на край этого ужаснаго ложа. Глаза его опять глянули на толпу; по толпѣ прошелъ трепетъ отъ этого взгляда. Между тѣмъ, палачи подняли толстую дубовую доску, положили ее на спину Стенькѣ, поперекъ спины, такъ что и широкія плечи его были видны, и руки и ноги оставались свободны, а сами сѣли на концы доски, по два палача на тотъ и другой конецъ. Лицо Стеньки, до того блѣдное, побагровѣло. Глаза налились кровью.

— Руби лѣвую руку! — хрипло сказалъ Алмазъ Ивановъ главному кату.

Тотъ не двигался, безмолвно шевеля поблѣднѣвшими губами.

— Руби!—повторилъ Алмазъ.

— Не буду рубить! Онъ мой братъ!—мрачно отвѣчалъ катъ и бросилъ топоръ.

Лязгъ топора заставилъ вздрогнуть и толпу, и палачей. Алмазъ Ивановъ растерялся было, но тотчасъ же опомнился.

— Возьми ты топоръ, руби! — еще болѣе хрипло сказалъ онъ подручному палачу.

Тотъ нагнулся, поднялъ топоръ, обхватилъ конецъ топорища обѣими руками, предварительно поплевавъ на ладони, широко разставилъ ноги, какъ бы собираясь рубить толстое бревно, и занесъ топоръ высоко за голову.

— Гисъ! — проревѣлъ онъ, и лѣвая рука Стеньки отлетѣла, стукнулась объ полъ, сжала пальцы, снова разжала ихъ и застыла.

Со стороны Стеньки хоть бы стонъ, хоть бы движеніе лицевыхъ мускуловъ, ничего не бывало! Глаза продолжали смотрѣть на толпу, ища кого-то.

Палачъ зашелъ съ другой стороны, нацѣлился, натужился... «Руби!»

— Гисъ! — и правая нога отлетѣла.

А глаза все смотрятъ на толпу; только губы, захвативъ клокъ бороды, крѣпко сжались... Въ толпѣ мертвая тишина. Не вынесъ этого вида Фролка...

— Я знаю слово и дѣло государево!—болѣзненно, истерически выкрикнулъ онъ.

— Молчи, собака, — остановилъ его Стенька, выпустивъ изъ сжатыхъ губъ клокъ бороды.

Но вдругъ глаза его вспыхнули, и лицо преобразилось счастьемъ. Въ толпѣ онъ увидѣлъ ее, то свѣтлое видѣніе, которое крестило его изъ окна въ день въѣзда въ Москву, а ночью приходило подъ окно его тюрьмы съ крестомъ и бѣлою сорочкою. Она глядѣла на него, осѣняя крестомъ, и плакала... Самъ онъ уже не могъ перекреститься, нечѣмъ было...

— Прощайте, православные! — крикнулъ онъ на всю площадь; и дрогнула площадь.—Прощай, святая душа! Я еще приду къ вамъ, помните меня, я...

Онъ не договорилъ. Голова его отскочила отъ туловища и

глухо стукнулась лбомъ о помостъ. Гулъ прошелъ по площади. Руки поднимались вверхъ и торопливо крестились...

— О, Боже, Всесильный и Вѣчный! Сподоби мя таковыхъ же мученій Тебя ради, — страстно шептала Морозова, стоя въ толпѣ, рядомъ съ сестрою Акинфіею, въ одеждѣ черпички.

А тамъ палачъ рубитъ мертвое тѣло Стеньки на куски, какъ въ мясницкой рубятъ воловью тушу, а сподручники втыкали эти кровавые куски на колья... Голова взоткнута была на самый высокій колъ и продолжала смотрѣть на площадь своими эѳіопскими глазами...

XVIII. Морозова вступаетъ въ борьбу.

Возвращаясь домой отъ Лобнаго мѣста, Морозова, казалось, ничего не помнила, ничего не видѣла, кромѣ этихъ большихъ, добрыхъ глазъ, которые глянули на нее съ эшафота и такъ и залили, казалось, всю ее тепломъ и радостной, благодарной лаской... И этихъ глазъ уже нѣтъ! Они закрылись навѣки подъ тѣнью пасмурныхъ бровей и спадавшихъ на мертвый лобъ клочковъ волосъ, оставшихся необритыми... Она видѣла на колу эту голову съ выраженіемъ глубокой думы на лицѣ, какое всегда покоится на лицѣ мертвеца, словно бы онъ вдумывается въ то, что совершилось, и созерцаетъ глубокую тайну смерти; но глазъ его она уже не видала... О! Зачѣмъ они закрыли эти глаза, въ которыхъ уже начинались теплиться искры добра и вѣры? Зачѣмъ они убили его? Зачѣмъ сдѣлали ту же ошибку, какія и онъ дѣлалъ въ своей жизни? Развѣ Христосъ велѣлъ убивать?

— Вонъ она туда полетѣла... Охъ! — бормотала она безсвязно, идя рядомъ съ Акинфеюшкою.

— Кто полетѣлъ, сестрица?

— Ворона.

— Охъ! Что-й-то-ты!

— Она полетѣла его клевать... И глаза тѣ выклюетъ... Охъ!

— Полно-ка, сестрица!

— И мое тѣло клевать будетъ... да, склюетъ...

— Охъ, и что съ тобой! Спаси Богъ, что верзится тебѣ!

— А не все-ли равно, черви сгложутъ?

И то, что она сейчасъ съ содроганіемъ созерцала на красной площади, вмѣсто ужаса стало возбуждать въ ней какъ бы сорев-

нованіе... «Вонъ Аввакумушко радуется, въ земляной темницѣ сидя, узами желѣзными словно бы гривною золотою на шеѣ позвякиваетъ... А я-то! На лебяжьемъ пуху тѣло свое все холила»...

И въ душѣ ея, какъ мрачной тучѣ, память молніей прорѣзала прошлое и нарисовала свѣтлую картину дѣвичества. Лебеди на пруду въ рязанской вотчинѣ... Она ихъ кормитъ, а надъ головой кукуетъ кукушка, и солнце, Боже мой! какое яркое да ласковое... А за лѣсомъ слышится охотничій рогъ и звонкое отбиваніе косарями притупившихся о высокую рожь косъ... Ѳедосьюшка идетъ на охотничій рогъ, думая, что это батюшка съ поля возвращается, и вдругъ на опушкѣ не батюшка!.. Зардѣлась вся Ѳедосьюшка... Это не батюшка, а тотъ молодой княжичъ... Ахъ, срамъ какой! Увидалъ ее... Срамъ! А на душѣ такъ свѣтло... Не стало этого княжича: гдѣ-то въ далекой Литвѣ сложилъ свою буйную головушку... И его вороны склевали... А тамъ замужество и теремъ, теремъ безъ конца...

— А вонъ Ванюшка змія пущаетъ.

— Что ты, Акинфеюшка! Каково змія?

— А вонъ погляди-тко: высоко рѣетъ.

Морозова опомнилась. Оглядѣвшись кругомъ, она увидала, что она съ Акинфеюшкой уже у воротъ дома Морозовыхъ. На одномъ изъ переходовъ, вверху, держась за балясины, стоялъ бѣлокурый кудрявый мальчикъ въ шелковой палевой рубашкѣ съ косымъ воротомъ и пускалъ большого бумажнаго змѣя на тонкой, длинной бечевкѣ. Около него, задравъ къ небу лохматую голову, стоялъ Ѳедя юродивый и веселыми глазами слѣдилъ за полетомъ змѣя.

— Ахъ, мама! — закричалъ сверху мальчикъ, узнавъ Морозову, несмотря на ея одѣяніе черницы. — Мы Никона пущаемъ, гляди, какъ высоко.

— Какова Никона, дитятко?—удивилась Морозова.

— А змія-патріарха...

— Что ты мелешь, сынокъ?

— Правда, мама... Ѳедя написалъ на змѣѣ Никона съ тремя перстами, и мы его пущаемъ.

Морозова горько улыбнулась... Она снова увидѣла глаза съ большими бѣлками, глянувшіе на нее съ эшафота... и вздрогнула: ей видѣлось, какъ ворона выклевываетъ эти глаза, сидитъ на темени, нагибается ко лбу и клюетъ, клюетъ... И это были

уже не его глаза, не Разина, а Аввакумовы... или это глаза княжича, что лежитъ на литовской землѣ и глядитъ на чужое небо мертвыми глазами, а ворона ихъ долбитъ кровавымъ клювомъ...

— Ба-ба-ба, Прокопьевна! Али су нонѣ святки? — раздался вдругъ чей-то веселый голосъ.

Морозова снова вздрогнула и оглянулась: на дворъ въѣзжала богатая каптана, везомая прекрасными сѣрыми конями, и изъ-за полога каптаны, отдернутаго въ сторону, выглядывало розовое полное лицо, опушенное бѣлою бородою косицами и оживляемое маленькими карими глазами.

— Вотъ и черничкой обрядилась, а я тебя спозналъ, — продолжалъ улыбаться старикъ.

— Ахъ, дядюшка, добро пожаловать!—зардѣлась Морозова.

— Пожалую, пожалую... Ишь зардѣлась... А что хари не надѣла, по святочному-то! А то безъ хари всякій тебя спознаетъ.

Это былъ старикъ Ртищевъ. Онъ вышелъ изъ каптаны, когда она остановилась у крыльца, и высадилъ изъ громоздкаго экипажа свою дочь Аннушку. Челядь Морозовой запружала уже весь дворъ и крыльцо. Чернички, приживалки и разные божьи паразиты бросились цѣловать руки «свѣтъ боярыньки благодѣтельницы», какъ ни старалась эта послѣдняя увернуться отъ божьихъ коровокъ и ихъ лобзаній. Ртищеву, тоже своему «милостивцу», божьи козявки отвѣшивали не менѣе низкіе поклоны, хотя не безъ нѣкоего «сумлѣньица», боясь его издѣвочекъ.

— Что, безприданницы Христовы, гораздо-ли за насъ грѣшныхъ свово жениха-свѣта молите? — шутилъ старикъ.

— Молимся, батюшка бояринъ, — бормотали чернички

— А протопопу Аввакуму опучки вяжете?

— Гдѣ намъ, батюшка бояринъ!

— А! И ты здѣсь, Акинфеюшка! — ласково заговорилъ старикъ, увидавъ пріятельницу Морозовой. — А я чаю, ты ужъ въ Ерусалимъ успѣла кукушечкой слетать.

— И то правда, батюшка Михайло Алексѣевичъ, какъ есть сичасъ съ Голгофы, — загадочно отвѣчала Акинфеюшка.

— Ой-ли-су!—удивился Ртищевъ.

— Съ самаго лобнаго мѣста...

— А! Такъ видѣли злодѣя?

— Видѣли... Только злодѣй нонѣ ужъ не онъ живетъ! — снова былъ загадочный отвѣтъ.

Аннушка Ртищева ласково поздоровалась и расцѣловалась и съ Морозовой, и съ Акинфеюшкой. Хозяйка ввела гостей въ хоромы. Прибѣжалъ и юный Морозовъ, Ванюшка, въ своей новенькой палевой рубашкѣ и малиновыхъ остроконечныхъ сапожкахъ золотъ-сафьянъ.

— Ахъ, дѣдушка! Какъ мой Никонъ высоко летаетъ,—бросился онъ къ старику Ртищеву, который очень баловалъ мальчика, единственнаго наслѣдника богатаго дома Морозовой.

— Никонъ? Какой Никонъ, колокольчикъ? — удивился старикъ.

— А патріархъ, что тремя перстами молится, — прозвенѣлъ мальчикъ.

— Что ты, какую безлѣпицу звонишь, колокольчикъ? Гдѣ Никонъ патріархъ летаетъ? — еще болѣе дивился старикъ.

— А на зміѣ... Ѳедюшка юродивый написалъ ево на зміѣ, и мы ево пущаемъ... Такъ и гудитъ, у-у-у!

Ртищевъ сдѣлалъ серьезное лицо и взглянулъ на Морозову. Ты вспыхнула и поспѣшила уйти, пробормотавъ: «не осудите, гости дорогіе, побѣгу, переодѣнусь»...

Ртищевъ немножко отстранилъ отъ себя мальчика, который смѣло гладилъ его серебряную бороду, и старался нахмурить свое улыбающееся лицо.

— Ну, колокольчикъ, тебѣ бы за Никона-то надо уши надрать, да добро, я съ матушкой поговорю, — сказалъ старикъ.

Мальчикъ съ улыбкой недовѣрія посмотрѣлъ на него. Въ лучистыхъ глазахъ такъ и свѣтилась избалованность.

— За уши, дѣдушка? Ну, нѣтъ, я не дамся...

Морозова все еще не выходила, и Ртищевъ, погрозивъ мальчику пальцемъ, обратился къ Акинфіи.

— Такъ вы точно ходили смотрѣть, какъ злодѣя Стеньку сказнили?

— Смотрѣли, батюшка Михайло Алексѣевичъ, — былъ отвѣтъ.

— И вы не испужались?

— Чего пужаться? Нонѣ такія времена настали, что загодя научиться надо, какъ помирать... Мы и ходили учиться.

Старикъ посмотрѣлъ на нее недоумѣвающе и покачалъ головой. Молодая Ртищева, Аннушка, къ которой подошелъ юный Морозовъ, играя волосами мальчика, обратилась къ Акинфіи.

— А какой онъ собой, этотъ Степька, милая, страховитъ?

— Можетъ и былъ страховитъ, да не теперь, — отвѣчала Акинфія задумчиво. — Ноне не такіе люди страшны... нѣтъ, не эти страшны.

— А какіе же, по твоему? — спросилъ старый Ртищевъ.

— А новые...

— Какіе-жъ это такіе новые, мать моя?

— А тѣ, что новымъ богамъ молятся, да на старую крѣпкую вѣру новыя заплаты кладутъ... Эти, точно, страховиты: новыя-тѣ заплаты сдерутся скоро, да и старую крѣпкую вѣру, что поняву ветхую, продерутъ... Попомните мое слово!

— Охо-хо-хо! Да ты изъ горяченькихъ! — улыбнулся старикъ. — Вы всѣ Аввакумами стали...

Вошла Морозова, попрежнему смущенная и блѣдная. Сынишка бросился къ ней и повисъ на шеѣ.

— А мнѣ дѣдушка хотѣлъ уши надрать, — говорилъ онъ, ласкаясь.

— За дѣло, чаю? — улыбнулась она нехотя, бросивъ мимолетный взглядъ на старика.

Старикъ всталъ, подошелъ къ молодой боярынѣ и ласково взялъ ее за подбородокъ. Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ смущенные, но отъ того еще болѣе прекрасные глаза.

— Послушай, Прокопьевна, — сказалъ онъ серьезно, но ласково, — Мы къ тебѣ не въ гости, а по дѣлу... Сядемъ рядкомъ, да поговоримъ ладкомъ.

Онъ сѣлъ. Молодая хозяйка тоже сѣла, но молчала, какъ бы обдумывая что-то... Нѣтъ, ей въ ушахъ отдавалась какая-то печальная мелодія, звучалъ голосъ, который она слышала нынѣ ночью подъ окнами земской тюрьмы.

Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка...

Этотъ голосъ не умолкъ для нея, слова доселѣ не замерли тѣ, что она слышала: «душу прободоша словеса оныя», ныло у нея въ мозгу...

— Вотъ что, мой другъ, — сказалъ Ртищевъ медленно,—объ тебѣ на верху рѣчь была недавно...

Морозова вскинула на него свои глаза и тотчасъ же опустила, какъ бы испугавшись, что они слишкомъ многое скажутъ.

— Царю вѣдома твоя жизнь, — продолжалъ старикъ.

Морозова молчала, нервно теребя рукою тонкую шитую ширинку... «Что имъ до меня!—думалось ей.—Что имъ душа моя и мои помыслы?» И ей вспомнились тѣ дни изъ ея дѣвичества, когда изъ Литвы пришли вѣсти, что чернокудрый княжичъ, котораго она встрѣтила за лебединымъ прудомъ, не найденъ на ратномъ полѣ, и что только конь его прибѣжалъ въ станъ, весь покрытый кровью и гремя порожнимъ сѣдломъ и стремянами, ржалъ всю ночь... И тогда ее спрашивали «что съ тобой?», какъ и теперь нудятъ надъ ея душою... «Прободоша душу, прободоша», что-то говорило внутри ея...

Молча Ртищевъ взялъ ее за руку.

— Ты слушаешь меня? — спросилъ онъ.

Она встрепенулась, силясь отогнать отъ себя грезы на-яву.

— Слушаю, дядюшка, — прошептала молодая женщина.

— Царь гнѣвенъ на тебя... Дай токмо Господь здравія царицѣ Марьѣ Ильишнѣ: она твоя заступница.

Окно на галлерею было открыто, и въ него видно было, какъ юродивый силился намотать на рогульку бечевку, на которой взвивался бумажный змѣй, и несвязно бормоталъ: «Ишь Никонишко еретикъ! Не любо тебѣ на привязи-тѣ быть... То-то! А насъ съ Аввакумушкой на цѣпи гноилъ!»

Юный Морозовъ черезъ окно тоже вылѣзъ на галлерею и присоединился къ своему другу. Анпушка Ртищева, съ улыбкой качая головой, шептала: «вотъ дѣти!»

— Ихъ же есть царствіе Божіе, — такъ же тихо подсказала ей Акинфеюшка, стоя у окна.

— А я тебѣ, Прокопьевна, по душѣ скажу, любя тебя, какъ родную, — продолжалъ Ртищевъ, — не упрямствуй, не буди жестоковыйна, отстань отъ прелести Аввакумовой и послѣдуй тому, что насадилъ въ церкви нашей Никонъ... Хотя онъ и обнаженъ сана, токмо дѣло его осталося: Никоновы новыя книги всею землею русскою приняты... Никонъ великій и премудрый учитель; такъ-ту, Прокопьевна!

Старикъ снова взялъ ее за руку. Молодая боярыня, не поднимая головы, тихо качала ею.

— По-истинѣ, дядюшка, вы прельщены, а не я, — задумчиво отвѣтила она, наконецъ, — хвалите такого врага Божія, отступника, и ублажаете книги его, насѣянныя римскими и всякими другими ересями. Намъ, православнымъ, слѣдуетъ отвра-

щаться его книгъ и всѣхъ его нововведенныхъ богомерзкихъ преданій.

На галлереѣ, между тѣмъ, къ юному Морозову присоединился еще такой же мальчикъ, почти его ровесникъ, княжичъ Урусовъ. Вѣтеркомъ на небо, дотолѣ ясное, нанесло облачко, и солнце спряталось за нимъ, согнавъ золотистые переливы съ сосѣднихъ кленовыхъ и липовыхъ кустовъ. Съ галлереи уже доносились звонкіе дѣтскіе голоса:

Солнушко-солнушко!
Выглянь-ка въ оконушко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить-ѣсть хочутъ...

Рядомъ съ дѣтскими голосами, совсѣмъ не въ ладъ, дребезжалъ голосъ юродиваго: «твои дѣтки плачутъ»...

— Выглянуло! Выглянуло! — снова зазвенѣли колокольчиками дѣтскіе голоса.

— Ахъ, колокольчики! Колокольчики!—не вытерпѣлъ старикъ Ртищевъ.

А Морозовой не то слышалось. Изъ-за дѣтскихъ голосовъ до нея, казалось, доносилось что-то протяжное душу, надрывающее:

А дѣти не унимались—звенѣли:

Первенчики-другенчики,
Тринцы-волынцы,
Пята-мята,
Родивонъ-поди вонъ!

— Родивонъ! Родивонъ!—и они цѣплялись за юродиваго.

— Ахъ, Прокопьевна! Миленькая моя!—съ чувствомъ продолжалъ Ртищевъ, показывая на дѣтей;—посмотри на виноградъ сей! Только бы намъ радоваться, глядючи на нихъ, да ликовать съ тобою... Анъ нѣтъ! Отлучилась ты отъ насъ: разсѣченіе между нами стало... расколъ... раскололось на двое... Молю тебя: послушай меня, стараго... Черезъ мою старую голову, чу, ихъ сколько мыслей прокатилося! Все перемѣшала и перемѣрила она въ душѣ моей и въ сердцѣ и избрала истинное. Молю тебя, остави распрю: перекрестись тремя персты и непрекословь ни въ чемъ великому государю и всѣмъ архіереямъ...

Морозова молчала, перебирая ширинку, Ртищеву казалось, что убѣжденія его дѣйствуютъ на непокорную.

Аннушка, видимо, находилась въ страшномъ волненіи; лицо ея горѣло пунцовыми пятнами, и она нетерпѣливо переносила свои, готовые заплакать глаза то на Морозову, то на мелькавшія за окномъ дѣтскія головки, то на неподвижно сидѣвшую Акинфею.

— Что жъ ты, миленькая, молчишь? Прокопьевна? А?—не отставалъ старикъ.—Знаю-су, прельстилъ и погубилъ тебя злѣйшій врагъ, Аввакумишко... Охъ ужъ мнѣ имячко это! Гнушаюсь понѣ и вспомнить его, такъ оно теперь ненавистно мнѣ стало...

— Не такъ, дядюшка, не такъ! — горько улыбнулась Морозова.

— Какъ-су не такъ!—вскипятился старикъ

— Не право твое увѣщаніе,—отвѣчала упрямица, обдавъ собесѣдника лучистымъ свѣтомъ прекрасныхъ глазъ,—сладкое называешь горькимъ, а горькое сладкимъ. Отецъ Аввакумъ есть истинный ученикъ Христовъ: не продалъ свою вѣру за блага міра сего. Тяжкими муками мучатъ его, а онъ ни на волосъ не уступилъ ничего изъ души своей. Тотъ токмо истинно вѣритъ, кто умираетъ за вѣру!.. О! Сподоби мя, Господи, умереть за мою вѣру!

Послѣднія слова она произнесла страстно, почти выкрикнула ихъ, такъ что дѣти на галлереѣ захлопали въ ладоши отъ радости, а юродивый, словно кошка, вскочилъ въ окно, упалъ на полъ и поцѣловалъ подолъ сарафана молодой боярыни...

— Ай-да Ѳедосѣюшка! Слышишь, ангелы плещутъ тебѣ руками,—бормоталъ онъ.

И Ртищевъ, и дочь его вскочили со своихъ мѣстъ.

— Какъ! Опомнись, безумная!—воскликнулъ старикъ, покраснѣвъ до корней волосъ.—Ты умереть хочешь? И за чье ученье-то! Аввакумки неуча, проклятаго архіереями!

Дочь ласково остановила отца за руку...

— Батюшка, погоди мало, дай мнѣ...

И она нѣжно обняла Морозову. Та не противилась, а, напротивъ, стала задумчиво гладить ея волосы.

— А! Шутка сказать, умереть! Да, было бы изъ-за чего, а то на, тьфу!—горячился старикъ.—Ево же, стараго пса, Аввакумку, прокляли, анаѳемствовали и ево, пса, и ево сорочій хвостъ съ двуперстіемъ, и за него же хотятъ умирать! И кто же! Именитая боярыня, красавица на всю Москву, царева сродс-

ница... Да это все едино, что у самово сатаны-тѣ на гнюсномъ хвостѣ повѣситься...

— Погоди, погоди, батюшка! — продолжала Аннушка, ласкаясь къ Морозовой и глядя на отца.—Не брани Аввакума, не гнюсный онъ... Вы, мужчины-тѣ, совсѣмъ нашего женскаго естества не знаете: коли вы браните и хулите того, кто намъ по мысли, тѣмъ мы паче прилѣпляемся къ нему... Ей-ей такъ, батюшка!.. Ты вотъ съ серцовъ мещешь въ Аввакума каменіемъ словеснымъ, а она, голубушка (и Аннушка еще жарче обняла Морозову), сердцемъ своимъ закрываетъ своего учителя: мещиде каменіе въ мое сердце, а не въ него... Такъ ли я говорю, сестрица?

Морозова не отвѣчала, а только продолжала какъ бы машинально гладить голову своей другини. Ртищевъ съ досадой барабанилъ пальцами въ стекло, не глядя ни на кого, а юродивый, сидя на полу, плакалъ. Акинфеюшка, опершись на столъ, тревожно слѣдила за лицомъ молодой боярыни.

Въ это время въ комнату съ шумомъ вбѣжалъ Ванюшка, а за нимъ сверстникъ его, княжичъ Дюрдя Урусовъ, татарковатый мальчикъ съ блѣднымъ личикомъ и узкими черными глазами. Первый держалъ въ рукахъ молодого галченка, пойманнаго на переходахъ. Въ окна съ переходовъ доносились тревожные галичьи крики.

— Мама! Смотри, какой галичъ... Я его буду кормить; ахъ, какой! — радостно говорилъ юный Морозовъ, показывая свою добычу матери.

Та тихо улыбнулась и задумчиво погладила курчавые волосы сына. Ей, повидимому, было не до него... Изъ-за свѣтлыхъ глазъ сына она видѣла другіе глаза, тѣ, что глянули на нее съ эшафота.

— А у насъ скворецъ какой! Онъ Никона проклинаетъ!— радовался Дюрдя Урусовъ, тоже обращаясь къ Морозовой.

— А я, мама, галича научу проклинать его! Вотъ хорошо будетъ! У Стрѣшневыхъ собака, такъ та передними лапками по-никоніански благословляетъ,—пояснилъ Ванюшка.

Морозова все молчала.

— Голубушка сестрица! — съ жаромъ заговорила молодая Ртищева.—Я не виню Аввакума, онъ терпѣлъ многія гоненія.

А я виню старицъ этихъ дармоѣдокъ: старицы съѣли тебя, проглотили твою душу, отлучили тебя, что этого птенца, отъ насъ... вонъ какъ кричатъ онѣ тамъ, и мы кричимъ, отдайте намъ нашу галочку!

А галки, точно понимая, что объ нихъ идетъ рѣчь, еще отчаяннѣе кричали и метались по переходамъ, какъ бы жалуясь кому-то на жестокихъ людей.

— Голубушка! — продолжала молодая Ртищева. — Опамятуйся! Ты не токмо, что насъ презрѣла, но и объ единородномъ своемъ сыночкѣ не радишь (и она указала на дѣтей, которыя сѣли около юродиваго и показывали ему свою добычу)... Одно у тебя чадо милое, и отъ того твое сердце отстудили. Да еще чадо-то какое! Кто не дивится красотѣ его? Когда онъ спитъ, слѣдовало бы тебѣ поставить надъ нимъ свѣчу чистѣйшаго воску, или зажечь невѣмъ каковую лампаду и зрѣть на доброту лица его и веселиться, что даровалъ тебѣ Богъ такое дорогое чадо. А ты во что его полагаешь... Ахъ, сестрица, сестрица! Пойми, великому государю ты не повинуешься, экое страшное дѣло! Вить если какъ-нибудь придетъ на тебя за твое прекословіе огненальная ярость царева, и повелитъ онъ разграбить домъ твой, тогда и сама испытаешь многія скорби, и сына своего сдѣлаешь нищимъ по своему немилосердію... Погляди на него.

Дѣти вскрикнули въ одинъ голосъ: молодой галченокъ, котораго юный Морозовъ показывалъ юродивому, вырвался изъ его рукъ, взлетѣлъ на окно и исчезъ на переходахъ. Дѣти и юродивый всѣ втроемъ бросились за окно.

— Ну, что жъ, Прокопьевна, что ты на ея слова молвишь?— спросилъ старый Ртищевъ, когда дочь его кончила.—Любишь ты сыночка?

Морозова выпрямилась. Ласковые, отчасти робкіе и застѣнчивые глаза ея сверкнули. Сверкнули и глаза Акинфеи.

— Ахъ, дядюшка!—какъ бы съ досадой воскликнула первая.—Люблю ли я сына? Видитъ Богъ, люблю и радѣю о томъ, что полезно тѣлу и душѣ его. А, чтобы мнѣ изъ любви къ сыну повредить душу свою, или, сына своего жалѣючи, отступить благочестія, сохрани меня Сынъ Божій отъ такова напраснаго милованія!

И она истово, широко перекрестилась.

— Безумная!—пробормоталъ старый Ртищевъ.

— Не безумная, дядюшка! — страстно возразила молодая боярыня.—Не хочу, щадя сына своего, погубить себя. Если вы замышляете сыномъ отвлечь меня отъ Христова пути, то я скажу вамъ: слушайте, выведите, коли хотите, сына моего, Ивана на позоръ, отдайте его, дабы устрашить меня, псамъ на растерзаніе... О! Коли даже увижу красоту его, терзаемую псами, и тогда не помыслю отступить отъ вѣры и благочестія. До конца пребуду въ вѣрѣ Христовой, и если сподоблюсь вкусить за нее смерть, то никто не можетъ исхитить сына изъ рукъ моихъ!

Говоря это, Морозова преобразилась: ее никто не узнавалъ... куда дѣвались ея кроткость, мягкость, застѣнчивость! Грудь ея высоко поднималась изъ-подъ фаты, голосъ звучалъ силой, страстностью... Аннушка Ртищева стояла блѣдная, съ дрожащими губами...

— Взбѣсилась, чисто взбѣсилась,—бормоталъ старикъ,—это сущій Стенька Разинъ...

— Дядюшка!—какъ бы опомнившись, сказала тихо Морозова. — Стенька правды искалъ... онъ бѣдныхъ не обижалъ... Никонъ хуже Стеньки...

Ртищева точно что ударило: онъ даже отшатнулся отъ этихъ словъ...

— Свѣты мои!..

Въ дверяхъ показалась рыжая метлой борода и испуганное веснущатое лицо...

— Ты что, Иванушко?—встрепенулась Морозова.

— Волки идутъ боярыня,—торопливо отвѣчала рыжая борода,—охте намъ!

— Али посылка?

— Посылка, боярыня... Сичасъ Степанида Гнѣвная прибѣжала отъ царицыныхъ сѣнныхъ дѣвушекъ: отай наказывала царица, посылка-де къ тебѣ будетъ...

— А кто въ посылкѣ? — спокойно и даже гордо спросила боярыня.

— Акимко, архимандритко чудовской, да Петрушка ключарь...

— Вотъ тебѣ и дождалась! О, Господи, — отчаянно взмахнулъ руками Ртищевъ, хватаясь за свою сѣдую голову.—Дождалась!

Молодая боярыня выпрямилась... Все стихло: только слышно было, какъ за галлерею вѣтеръ шумѣлъ въ верхушкахъ липъ, и Морозовой чудилось въ шелестѣ листьевъ слова, слышанныя ночью:

Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка...

На крыльцѣ послышались шаги и сморканье, по правиламъ «Домостроя»: то шли «волки»...

XIX. Аввакумъ въ Пустозерскѣ.

Морозова вступила, наконецъ, въ открытую борьбу съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

— Тяжко ей бороться со мною... одинъ кто изъ насъ одолѣетъ,—сказалъ царь глухо, когда ему доложили, что молодая боярыня осталась непреклонна.

Гдѣ же былъ тотъ, во имя котораго русская женщина затѣяла борьбу съ силою, могущество которой не могли сокрушить ни татары, ни поляки? Гдѣ былъ учитель, во слѣдъ котораго пошла русская женщина, доселѣ безмолвно покорная «закону», отъ кого бы онъ не исходилъ: въ семьѣ — отъ мужа и отца: «грозенъ свекоръ-батюшка», въ государствѣ—отъ предлежащей власти?..

Онъ былъ далеко, на глубокомъ, почти недосягаемомъ сѣверѣ русской земли: онъ былъ въ ссылкѣ...

Вся жизнь этого необыкновеннаго человѣка была ссылка, земляная тюрьма или срубъ, кандалы и истязанія, и вездѣ при этомъ проповѣдь, проповѣдь дерзкая, неустанная проповѣдь...

— Не почивая, азъ, грѣшный, прилежа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градамъ и селамъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской проповѣдуя и уча слову Божію годовъ съ полтретьядцать, — разсказывалъ онъ о себѣ впослѣдствіи.

А вотъ скорбный листъ его истязаній, когда онъ былъ еще молодымъ попомъ, когда еще не попалъ въ Москву въ «справщики», то есть въ число редакторовъ повоиздаваемыхъ церковныхъ книгъ:

— У вдовы начальникъ отнялъ дочерь,—расказываетъ онъ объ этихъ истязаніяхъ «правды ради»,—и азъ молилъ его, да сиротинку возвратитъ къ матери. И онъ, презрѣвъ моленіе наше,

и воздвигъ на мя бурю—у церкви пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживе Божіимъ мановеніемъ, и онъ устрашися, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволъ: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, а я молитву въ то время говорю...

Каково времячко!..

— Также инъ начальникъ во ино время на мя разсвирѣпѣлъ. Прибѣжалъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песъ, зубами. И егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечерни. И егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки съ двѣмя малыми пищалями и близъ меня бывъ, запалилъ изъ пистоли, и Божіею волею порохъ на полкѣ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила. Онъ же бросилъ ее на землю, и изъ-за другія паки запалилъ также, и божія воля учинила также: и та пищаль не стрѣлила. Азъ, прилежно идучи, молюсь Богу, единою рукою осѣнилъ его и поклонился ему. Онъ меня ласть, а я ему рекъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ: Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!» Поземъ дворъ у мень отнялъ и меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ то же время родился сынъ мой Прокопій, который сидитъ съ матерью въ землѣ закопанъ (въ земляной тюрьмѣ). Азъ же, взявъ клюшку, а мати—некрещеннаго младенца, побрели, аможе Богъ наставитъ, и на пути крестили, яко же Филиппъ каженика древле...

Каковы люди! Воеводы, отгрызающіе пальцы у поповъ!

— Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпѣлъ: пріѣхалъ съ людьми ко двору моему, стрѣлялъ изъ луковъ и изъ пищалей съ приступомъ. И азъ въ то время молился съ воплемъ ко Владыкѣ: «Господи! Укроти его и примири ими же вѣси судьбами». И побѣжалъ отъ двора, гонимъ святымъ духомъ. Тоже въ нощь ту прибѣжали отъ него и зовутъ меня со многими слозами: «Батюшко! Евфимій Степановичъ при кончинѣ и кричитъ неудобно, бьетъ себя и охаетъ, и самъ говоритъ: дайте мнѣ батьку Аввакума, за него Богъ меня наказуетъ». И я чаялъ, меня обманываютъ... Ужасеся духъ мой во мнѣ, и се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя изъ чрева матери моея и отъ небытія въ бытіе устроилъ; аще меня задушатъ, и ты причти мя съ

Филиппомъ, митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и ты причти мя съ Захаріею пророкомъ; аще въ воду посадятъ, и ты яко Стефана пермскаго паки освободиши мя!»

«Задушатъ»... «зарѣжутъ»... «въ воду посадятъ»...

— По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того въ другоредь. Азъ же совлекся къ Москвѣ, и божіею волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ-Повольскомъ. И тутъ пожилъ немного, только восемь недѣль. Діаволъ научилъ поповъ и мужиковъ, и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытащили меня изъ приказа, собраніемъ человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было, среди улицы били батожьемъ и топтали, и бабы били съ рычагами. Грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору пристаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы, которыхъ я унималъ отъ блудни, вопятъ: «убить вора, б...а сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ!»

Каковы иллюстраціи людей и порядковъ!

А истязанія, которымъ его подвергали въ Москвѣ, въ Сибири, въ Дауріи, въ Мезени!

И, между тѣмъ, чѣмъ больше его мучили, чѣмъ больше надрутались надъ нимъ, тѣмъ шире росла его слава и тѣмъ болѣе увеличивалось число его послѣдователей. Да оно и понятно.

Въ то время государственные люди еще не дошли до той простой, но глубоко-философской истины (да и откуда имъ было, при тогдашнемъ повальномъ невѣжествѣ, набраться этой государственной мудрости?), что система репрессалій, система жестокихъ наказаній, преслѣдованій, запрещеній и угрозъ, приводитъ всегда къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыхъ этою системою думаютъ достигнуть: на мѣсто одного жестоко наказаннаго встаютъ сотни и тысячи озлобленныхъ, которые кончаютъ тѣмъ же и увлекаютъ за собою сотни тысячъ; за преслѣдуемыми, по ихъ стопамъ, идутъ тысячи послѣдователей, и эти увлекаютъ за собою массы; запрещенія изощряютъ умъ и извортливость опрокинуть запретную стѣну, разорвать связывающія ихъ путы... Публичныя казни, вмѣсто того, чтобы

устрашить зрителей, становятся аудиторіями, деморализующими университетами страны...

При Алексѣѣ Михайловичѣ не понимали этихъ простыхъ истинъ и создали государству такія затрудненія, которыя оно не въ силахъ побороть, вотъ уже третье столѣтіе.

Единомышленниковъ Аввакума жгли въ срубахъ и на кострахъ, публично вѣшали, задавливали въ темницахъ, жарили въ печахъ, какъ инока Авраамія, о которомъ Аввакумъ говоритъ: «яко хлѣбъ сладокъ пришесеся святѣй Троицѣ». Другимъ, чтобы не проповѣдывали, отрѣзывали языки, какъ дьякону Ѳедору и попу Лазарю, и они съ гугнявыми языками и нѣмые казались народу еще могущественнѣе въ своемъ нѣмомъ краснорѣчіи...

И что же вышло, наконецъ? Русская баба, самое безотвѣтное, самое покорное въ мірѣ животное, нѣмая раба мужа и попа, и та въ первый разъ заговорила при Алексѣѣ Михайловичѣ, пошла на казнь и увлекла за собою полъ русской земли...

А Аввакумъ хорошо зналъ, какъ велика сила бабы. Въ Дауріи онъ однажды попалъ въ руки «иноземныхъ ордъ». Орда ожидала русскихъ, чтобы напасть и разграбить ихъ. «А я,—говоритъ Аввакумъ,—не вѣдаючи, и пріѣхалъ къ нимъ и, пріѣхавъ, къ берегу присталъ. Они съ луками и обскочили насъ, а я-су, вышедъ, и ну обниматься съ ними, что съ черницами, а самъ говорю: «Христосъ со мною и съ вами той же!» И они до меня добры стали и жены своя къ моей женѣ привели. Жена моя также съ ними лицемѣрится, какъ въ мірѣ лесть совершается, и бабы удобрилися. А мы то уже знаемъ: какъ бабы бываютъ добры, такъ и все о Христѣ бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя».

Въ то время, какъ русская баба, въ лицѣ Морозовой, въ первый разъ возвысила голосъ противъ системы насилій, Аввакумъ уже шестой годъ томился въ земляной тюрьмѣ на самомъ дальнемъ сѣверѣ, въ Пустозерскѣ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли его на судѣ, предъ лицомъ вселенскаго собора.

Въ пять лѣтъ онъ еще постарѣлъ, но ни тѣломъ, ни духомъ не упалъ, не сломился и не зачахъ въ той преждевременной могилѣ, въ которую его заживо похоронили: то же сухое, жилистое и упругое, какъ у юноши, тѣло: тѣ же живые, молодые глаза, которые, казалось, стали еще добрѣе; волосы и борода, уродливо обстриженные въ Москвѣ, снова отросли и вились бѣлыми кур-

чавыми прядями. Только матовая блѣдность лица выдавала его: видно было, что въ своей подземной жизни онъ въ теченіе пяти лѣтъ почти не видалъ солнца, и живительные лучи его не окрашивали ни цвѣтомъ здороваго загара, ни краскою крови его впалыхъ щекъ и бѣлаго какъ мраморъ лба.

Темница, въ которой онъ сидѣлъ, представляла собою обширный, если можно такъ выразиться, колодезь безъ воды; въ землѣ была вырыта просторная квадратная яма, около сажени глубиною; въ яму врытъ былъ деревянный срубъ, который выходилъ изъ земли четверти на двѣ; въ одной сторонѣ сруба прорублена была дверка, въ которую сверху вели земляныя ступени съ положенными на нихъ досками; въ другой сторонѣ прорублены были два маленькихъ оконца, которыя пропускали слабый свѣтъ въ мрачный колодезь, а зимою, вмѣсто стеколъ, обтягивались пузырями. Въ одномъ углу подземелья складена была изъ необтесанныхъ камней печка, которая топилась «почерному»: дымъ, за неимѣніемъ трубы, выходилъ въ самое подземелье, а изъ подземелья медленно вытягивался дверью, а лѣтомъ—и оконцами. Сверху срубъ былъ заложенъ хворостомъ и соломой и засыпанъ кругомъ землею... Снаружи, такимъ образомъ, темница представляла подобіе могилы, и подобіе это было тѣмъ болѣе поразительно, что надъ этою земляною насыпью торчалъ восьмиконечный деревянный крестъ, сколоченный стрѣльцами-тюремщиками по просьбѣ Аввакума. Передъ непогодью на вершину креста обыкновенно садилась ворона и каркала, а Аввакумъ всякій разъ, когда слышалъ это, по справедливому народному воззрѣнію, зловѣщее карканье, съ задумчивой улыбкой всегда говорилъ:

— Что, воронушка, мясца мово ждешь? Да полно-су надрываться: не клевать тебѣ мово мясца грѣшново... не для тебя оно... Я-су баранъ у Господа Бога: моя баранинка припасена на всесожженіе... Каркай—не каркай, миленькая, а тебѣ мово мясца не ѣдать...

Въ подземельи хранилось и все хозяйство и богатство Аввакума: два горшка для варки пищи, сковородка, кадка съ водою, глиняная миска, такая же кружка, деревянная ложка, солонница, ножъ; въ переднемъ углу, какъ святыня, сохранялись: образки мѣдные складные, нѣсколько богослужебныхъ книгъ стараго изводу, деревянное масло, ладонъ, крестъ и жалкія, ветхія принадлежности богослуженія. Тяжелыя четки изъ сибирскихъ камней,

подаренныя ему «добренькою бабою», женою воеводы и мучителя Пашкова, всегда были намотаны у него на руку.

Рядомъ съ этой могилой-тюрьмой находились еще три такихъ же насыпи, подъ которыми въ земляныхъ же срубахъ заключены были согласники Аввакумовы—попъ Лазарь, дьяконъ Ѳедоръ и инокъ Епифаній. Каждая изъ этихъ темницъ обнесена была снаружи особымъ срубомъ, а вокругъ всѣхъ высилась общая ограда съ четырьмя замками. У каждой темничной двери помѣщалась стража...

— Осыпали насъ землею,—говорилъ Аввакумъ въ рукописной исповѣди своей иноку Епифанію,—срубъ въ землѣ, и паки около земли другой срубъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками. Стражіе же предъ дверьми стражаху темницы... Таковы-те наши земныя царства, живыя могилки: живи су, не тужи да чѣпьми погромыхивай, что песъ... Патмосъ, воистину, Патмосъ!

Цѣпи на нихъ были ножныя съ желѣзными поворозками, съ желѣзнымъ же поясомъ на случай приковыванья къ стѣнѣ или къ колодѣ...

. . . . . : : : :

Въ Аввакумово подземелье, въ тюремное оконце глянуло лѣтнее солнышко... Аввакумъ молился, стоя на колѣняхъ передъ распятіемъ... Солнечные лучи упали на распятіе... дрогнули вѣки узника, и лицо освѣтилось дѣтской радостью...

— Глянулъ ко мнѣ Господь, глянулъ, Всевидѣцъ—бормочутъ губы узника, и умиленное лицо его обращается къ солнцу.— Гляди, гляди, милое, дай и мнѣ на тебя поглядѣть...

Узникъ крестится и кланяется солнцу до земли...

— Ишь ты, такое жъ ласковое, какъ и въ тѣ поры было, въ молодые-те годы, и тамъ, на Волгѣ, и на Москвѣ, и въ Даурахъ, и на Байкалѣ... А поди и съ Москвы глядятъ на него, какъ я вотъ нонѣ гляжу, и царь глядитъ, и Никонко песъ... И дѣтки мои глядятъ, и Ѳедосьюшка свѣтъ-Морозова... Охъ, миленькая моя дочушка!..

Онъ задумчиво опускаетъ голову. Косые лучи серебрятъ его сѣдину... Голова вновь подымается...

— Что жъ я молчу? Семъ-ко погуторю самъ съ собой, не съ кѣмъ-су а то инъ разучусь говорить въ темницѣ-то... Пятой годъ вить гласу человѣческаго не слышу, о-о-хо-хо!.. Вотъ дни божьи

ужъ не различаю, счетъ потерялъ имъ; не вѣмъ среда, не вѣмъ суббота, не вѣмъ постъ, не знай розговѣнье... Э-эхъ! А ужъ о праздничкахъ божьихъ и не загадывай, ни Спасъ, ни Петровъ день...

Что-то прописикнуло за оконцемъ. Узникъ радостно улыбнулся

— А! Прилетѣлъ, милый... Ну, поклюй, поклюй... Ахъ, воробушекъ, воробушекъ миленькой! По міру, по волѣ летаешь, и нѣтъ-нѣтъ и меня навѣстишь во узахъ... Добро! Богъ и тебѣ зачтетъ это... А что миленькой врабышекъ, все такъ же ли зелень зелена на міру, какъ и бывало? А? И ласточки въ зеленомъ бору разговариваютъ? И травка съ травкой шопоткомъ переговаривается?.. Ахъ, міръ, міръ Божій! Колико красенъ ты и грѣшенъ! Да полно!

Воробей на оконцѣ опять чирикнулъ. Къ нему подсѣли другіе, махая крылышками...

— А, милой! Дѣтокъ привелъ... Ахъ, они махоньки! Ѣстушки просятъ, крылышками трепыхаются... Ахъ, дѣтки, дѣтки!.. А моего гдѣ? Живы ли, полно? А можетъ и ихъ повѣсили, либо такъ удавили, либо сожгли... Охъ, люди звѣріе, люди аспиды и василиски! А еще звѣря звѣремъ называете! Вы озвѣрѣли пуще льва и пардуса, окаменѣли сердца ваши, озлобнѣли помыслы ваши... Охъ, да что я! Али проклинаю! Нѣтъ Господи благослови ихъ и умягчи, открой очеса ихъ... А! Улетѣли врабяточки мои, поклевали крохъ узника, ну, и Господь съ вами...

Въ углу, въ соломѣ, что-то зашуршало. Аввакумъ глянулъ въ уголъ.

— А! И ты, соузникъ мой, пришелъ?.. Ахъ, ты дикой, дикой.

Изъ-подъ соломы выюркнулъ мышенокъ и, поводя усиками, испуганно глядѣлъ на старика своими черненькими глазками.

— Что, дикой, а? Все боишься меня? Бойся, миленькой, бойся человѣка... о! Онъ страшнѣе кошки... Кошка тѣло токмо съѣстъ, а человѣкъ и душу выпьетъ, аки паукъ головку мухи... Ну-ну, дурачокъ! Ступай, ступай, не бойся, тамъ крошки я тебѣ припасъ...

Мышенокъ заскрипѣлъ зубками о сухарь...

Аввакумъ приподнялся съ земли. Цѣпи загремѣли на немъ. Мышенокъ вздрогнулъ всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ и юркнулъ подъ солому.

— А, испужался, дурачокъ! Ахъ, дикой, дикой!

Онъ направился къ переднему углу, гремя кандалами...

— Вотъ и это желѣзцо весело гремитъ... все же разговоры оно говоритъ со мной, желѣзцо-то, дружокъ мой неразлучный... Ну, звени, звени, говори со мной... Спасибо вамъ, Пилаты, мучители мои, что друга со мной посадили въ темницу, узы мои драгія, многоцѣнныя... Благо есть съ кѣмъ погуторить...

И онъ нагнулся, приподнялъ желѣзный поворозокъ кандаловъ и поцѣловалъ его...

— А ржавѣть, друже, началъ, да и не диво: скоро пять годковъ, обнявшись, спимъ... Да что ты, желѣзцо, милое! И душа моя ржавѣть стала, и сердце сдается, проржавѣло... о о хо хо!

Онъ взялъ въ переднемъ уголку своей мрачной кельи книгу и вынулъ изъ нея тетрадку...

— А семъ-кось погуторю еще самъ съ собою... Прочту маленько, что я написалъ нонѣ въ своей душевной грамоткѣ...

И онъ развернулъ тетрадку, поднесъ ее къ свѣтлой полосѣ противъ оконца, покачалъ надъ ней головой, говоря:—По смерти моей прочтутъ дѣтки,—сѣлъ на землю и приготовился читать.

— Отъ сихъ мѣстъ... протопопа Аввакума чтеніе...

Онъ улыбнулся и снова покачалъ головой.

— Въ тѣ же поры,—началъ онъ медленно, — и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопія, велѣно же повѣсить; да они бѣдные оплошали и не догадались вѣнцовъ побѣдныхъ ухватити: испугався смерти, повинились, такъ ихъ и съ матерію троихъ въ землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и безъ смерти-тѣ смерть! Кайтеся, сидя, дондеже діаволъ иное что умыслитъ. Страшна смерть, не дивно! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отрекся и, исшедъ вонъ, плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть. А на робятъ и дивить нечего: моего ради согрѣшенія попущено имъ изнеможеніе. Да ужо добро! Быть тому такъ. Силенъ Христосъ всѣхъ насъ спасти и помиловати... Охъ, дѣтки, дѣтки!

Онъ остановился, по лицу его текли слезы и стучали, разбиваясь брызгами о тетрадку.

— Не вижу-су, слезы застилаютъ... Эки хляби-тѣ слезныя!.. Плачь, плачь, душе моя! Охъ!.. Плачь: слезы пуще мыла моютъ душу грѣшную...

Выплакавшись, онъ перекрестился и продолжалъ чтеніе.

— По семъ той же полуголова Иванъ Елагинъ былъ и у насъ

въ Пустозерьѣ, пріѣхавъ съ Мезени, и взялъ у насъ сказку, еще рѣчено: годъ и мѣсяцъ, и паки: «мы святыхъ отецъ преданія держимъ неотмѣнно, а палестинскаго патріарха съ товарищи еретическое соборище проклинаемъ», и иное тамъ говорено многонько, и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто. По семъ привели насъ къ плахѣ и, прочетъ, назадъ меня отвели, не казня, въ темницу. Чли въ законѣ: «Аввакума посадить въ землю въ срубѣ и давать ему воды и хлѣба». И я супротивъ того плюнулъ и умереть хотѣлъ, не ядше, и не ѣлъ дней со осмь и больше.

Онъ остановился и что-то наблюдалъ, тихонько позвякивая кольцомъ отъ кандаловъ...

— Ишь ты, лядинъ сынъ,—заговорилъ онъ, поднимая глаза кверху, на просвѣтъ,—а! Любишь, дурачокъ, всякую мусикію... па-па, слушай, нѣмецъ ты эдакій!

Это онъ говорилъ къ пауку, который на тонкой нити своей спускался съ потолка темницы на просвѣтъ. Сидя пятый годъ въ одиночномъ заключеніи и боясь разучиться говорить, забыть свой собственный голосъ, Аввакумъ постоянно разговаривалъ самъ съ собой или обращалъ рѣчь къ воробью, прилетавшему къ нему на оконце, къ воронѣ, каркавшей на крестѣ, къ пріученному и прикормленному имъ мышенку и даже къ пауку, котораго привычки онъ изучилъ въ совершенствѣ.

— А? Любишь мусикію, шельмецъ!.. Тоже соузникъ мой, паучекъ, только мушекъ ловить гораздъ, что твой Павелъ краснощекой, митрополитъ крутицкой. Да добро!

За дверью темницы кто-то тяжело вздохнулъ, словно застонулъ.

— А, Кириллушко, тюремщикъ мой, по дѣткамъ да по женѣ тоскуетъ... тоже невольный человѣкъ...

Стонъ повторился. Аввакумъ горько махнулъ рукой и опять лагнулся къ тетрадкѣ.

- По семъ Лазаря священника взяли,—продолжалось тихое чтеніе,—и языкъ весь вырѣзали изъ горла. Мало пошло крови, да и перестала. Онъ же и паки говоритъ безъ языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсѣкли, и рука отсѣченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданію и долго лежала такъ предъ народы, исповѣдала, бѣдная, и по смерти знаменіе Спасителево неизмѣнно. Мнѣ-су и самому сіе чудно! Без-

душная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у него во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ: гладко все, безъ языка, и не болитъ. Далъ Богъ, по временнѣ часѣ исцѣлѣло. На Москвѣ у него рѣзали, тогда осталось языка малость, а нынѣ весь безъ остатку рѣзанъ. А говорилъ два года чисто, яко и съ языкомъ. Егда исполнилися два года—иное чудо: въ три дня у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ, паки и говоритъ безпрестанно, хваля Бога и отступниковъ порицая.

За темничной дверью что-то звякнуло, и словно собака зарычала. Аввакумъ прислушался...

— Ноли песъ? Откуда бы собакѣ быть?

За дверью снова тихо. Гдѣ-то, должно быть, на насыпи или на крестѣ, чирикали воробьи. Мышенокъ усердно грызъ свой сухарь.

— Охъ, могилка, могилка моя тихая!—вздохнулъ узникъ и опять началъ читать.

— По семъ взяли священника-пустынника, инока-схимника, Елифанія старца, и языкъ вырѣзали весь же. У руки отсѣкли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво: по семъ молилъ Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языка, московскій, что на Москвѣ рѣзали, и здѣшній, на воздухѣ. Онъ же, одинъ взявъ, положилъ въ ротъ свой и съ тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обрѣтеся во ртѣ. Дивна дѣла Господня и неизреченны судьбы Владыки! И казнить попускаетъ, и паки цѣлитъ и милуетъ! Да что много говорить! Богъ старый чудотворецъ, отъ небытія въ бытіе приводитъ, вовсе вѣть въ день послѣдній всю плоть человѣчу въ мгновеніе ока воскреситъ. Да кто о томъ разсудити можетъ? Богъ бо то есть: новое творитъ и старое поновляетъ. Слава Ему о всемъ.

Аввакумъ широко размахнулъ рукою, перекрестился и поклонился въ землю.

— По семъ взяли діакона Ѳеодора,—продолжалъ онъ, — языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочекъ небольшой во ртѣ, въ горлѣ накось рѣзанъ. Тогда на той мѣрѣ и зажилъ, и послѣ и опять со старой выросъ, изъ-за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсѣкли руку поперекъ ладони, и все, далъ Богъ, стало здорово, и говоритъ ясно и чисто противъ прежняго. Таже осыпали насъ землею, струбъ въ землѣ, и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя

замками; стражіе же предъ дверьми стрежаху темницы. Мы же здѣсь и вездѣ, сидящіи въ темницахъ, поемъ предъ Владыкою Христомъ, Сыномъ Божіимъ, пѣснями, ихъ же Соломонъ воспѣ, зря на матерь Вирсавіе.

И Аввакумъ, поднявъ голову и руки, словно въ алтарѣ предъ жертвенникомъ, запѣлъ старческимъ, дрожащимъ голосомъ.

«Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твоя горятъ яко пламень огня! Зубы твои бѣлы паче млека! Зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся въ красотѣ сіяешь, яко день въ силѣ своей»...

Вдругъ быстро заскрипѣлъ засовъ тюремной двери. Кто-то страшно зарычалъ, не то звѣрь, не то человѣкъ. Дверь съ шумомъ распахнулась... На порогѣ стояло что-то страшное... Аввакумъ испуганно попятился назадъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ...

XX. Бѣсноватый стрѣлецъ.

То, что стояло на порогѣ темницы, дѣйствительно могло поразить ужасомъ всякаго, даже Аввакума, который, кажется, ничего еще не боялся въ жизни, а, напротивъ, и искалъ ужасовъ и смерти самой мучительной.

На порогѣ стоялъ человѣкъ—не человѣкъ, съ выраженіемъ на искаженномъ лицѣ такого безумія, которое, казалось, согнало съ этого лица все человѣческое. Сбившіяся въ войлокъ, безпорядочныя пасмы волосъ падали на лобъ и на виски, и изъ-за этихъ прядей безуміемъ и бѣшенствомъ горѣли глубоко запавшіе глаза. Искаженное лицо было блѣдно-зеленоватаго цвѣта съ налетомъ загара и пыли. Изъ-подъ усовъ бѣлились широкіе зубы и щелкали, какъ у огрызающейся собаки. Онъ и рычалъ по-собачьи...

— Кириллушка! что съ тобой?—едва опомнился Аввакумъ.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ! Грррь!—залаялъ и зарычалъ бѣшенный человѣкъ, подступая къ Аввакуму тихими шагами, понуривъ голову.

— Господи Іисусе! Господи Іисусе! — бормоталъ, крестясь, Аввакумъ.—Кириллушко!

— Я Полканъ, не Кириллушко! Гамъ-гамъ-гамъ!—залаялъ вновь бѣшеный.

Аввакумъ торопливо схватилъ лежавшее въ переднемъ углу распятіе и замахалъ имъ передъ собою.

— Святъ-святъ-святъ Господь Саваоѳъ! Изыди душе лукавый! Именемъ Распятаго запрещаю ти!

Бѣшеный попятился отъ креста. Аввакумъ продолжалъ его крестить.

— Перекрестись, рабъ Божій Кириллъ!—закричалъ онъ.

Бѣсноватый замоталъ головой...

— Крестись, Кириллушко!—настивалъ Аввакумъ.

— Я полкашка-песъ... Я человѣчью кровь лизалъ, человѣчину ѣлъ, у черкасъ еще лизалъ кровь,—бормоталъ безумный.

— Опамятуйся! Ты бредишь...

— Хохлы убили етмана Ивашку Брюховецкаго... ребра перебиты, торчатъ съ подъ рубахи... глазъ выскочилъ, на ниточкѣ виситъ... кровь, кровь, а я лижу кровь... а етманша волосы на себѣ рветъ... у! Косищи какія! Пасмами рветъ... а я лаю на нее... Въ Чигиринъ повезли ее... «Московка! Московка!» кричатъ ребятишки... а я на нихъ лаю, гамъ-гамъ-гамъ!.. И въ меня каменьемъ бросали... «москаль!» кричатъ... Трава высокая, высокая, а на ей кровь, и въ Днѣпрѣ кровь, и Петрушко Дорошонокъ весь въ крови!..

Аввакумъ приблизился къ несчастному и, продолжая держать передъ нимъ крестъ, шепталъ участливо.—Господь съ тобой, Кириллушко! Перекрестись, прогони бѣса, одержащаго тя...

Безумный смотрѣлъ растерянно, озираясь по сторонамъ...

— А у Никона голова трясется, земля ево, проклятово, не держитъ...

— Во-истину проклятъ есть,—подтверждалъ Аввакумъ.

— А она, баба чорная, черница, какъ заголоситъ: Микитушка! а я и на нее лаялъ, и на Никонку...

Несчастный весь дрожалъ и едва держался на ногахъ.

— Присядь, сынокъ, присядь, Кириллушка,—успокоивалъ его Аввакумъ.

— Хрясть! Руку отсѣкли... хрясть! Ноги упали съ плахи... А онъ, Стенька, какъ гляпетъ на меня... глаза воловьи... Гупъ! И глаза закрылись, и голова объ помостъ бу-бухъ!

— Господи!—шепталъ Аввакумъ, крестясь,—Спаси насъ!..

— Голову взоткнули на колъ... не глядитъ ужъ, не видитъ меня... Нутры бросили на земь... я нутры ево ѣлъ... «Ѣшь ево,

ѣшь ево! говорятъ: возьми, Полкашка!» И я зубами вотъ такъ рвалъ...

И безумный показалъ, какъ онъ будто бы зубами рвалъ внутренности казненнаго Стеньки.

— Владыко! Онъ совсѣмъ обезумѣлъ, миленькой...

— У Лазаря попа языкъ отрѣзали...

— Отрѣзали, отрѣзали, миленькой.

— Языкъ махонькой... бросили на земь... я его хамъ-хамъ, съѣлъ...

Аввакумъ испуганно перекрестился. Безумный продолжалъ бормотать:

— Срубъ высокій, и на срубѣ Исай стоитъ, крестится... поломя на него пышетъ, а онъ руку къ небу, два пальца... не видать за дымомъ... говядиной жареной запахло...

— Охъ, Господи! Охъ, милостивый!—стоналъ Аввакумъ.

— И послали насъ въ Пустозерье... жена и дѣтки бѣгутъ сзади, плачутъ... и я заплакалъ, песъ заплакалъ, глядючи на махонькихъ дѣтокъ... А они ручки подымаютъ «не уходи, батя» и тотъ ручками тянется, что у жены на рукахъ... О-о! И какъ мнѣ нейтить? Я стрѣлецъ... о-о!

И несчастный, обхвативъ голову руками, глухо рыдалъ...

— Охъ, миленькой, миленькой!—плакалъ и Аввакумъ, усаживая больного на солому.—Да эдакъ, не диви, что съ ума сойдешь; вся Русь бѣдная обѣснуется при страстяхъ-тѣ, да гоненіяхъ экихъ... Господи! Не погуби землю православную!..

Больной продолжалъ плакать, качаясь изъ стороны въ сторону.

— Наташа... Наташечка... Наталенька моя! — повторялъ онъ чье-то имя.

— Поплачь, поплачь, родной!—успокаивалъ его Аввакумъ. Слезами-тѣ горе истечетъ малость... Плачь, слезы-тѣ росой-темьяномъ подымаются ко Господу...

— Ай, батюшка! Гдѣ Кирилко? Не истерялъ бы себя,—слышались тревожные голоса за дверью темницы.

— Ох-те намъ! Совсѣмъ ряхнулся малый...

— Да онъ, поди, туточка, у Аввакума дверь-ту отворена...

Въ дверяхъ показались стрѣльцы, сторожившіе пустозерскую тюрьму.

— Потише-потише, Бога-для, ребятки!—предупреждалъ ихъ

Кн. 18

Аввакумъ, показывая на больного. — Не испужайте его, миленькіе.

Стрѣльцы осторожно вошли въ подземелье и испуганно искали въ темнотѣ товарища.

— Гдѣ онъ? Что съ нимъ?—шептали они.

— Тутотка вонъ... бьетъ его...

— Ой-ли! Кто бьетъ?

— Ноли не видите?

Стрѣльцы испуганно топтались на мѣстѣ, боясь отойти отъ двери. Больной лежалъ на соломѣ и бился, какъ въ злѣйшей лихорадкѣ.

— Али безпятой въ емъ?—тихо спросилъ одинъ стрѣлецъ.

— Какой безпятой?

— А что пятокъ-ту нѣту...

— Рогатой?

— Онъ... фу, ево! Наше мѣсто свято!

— Не даромъ онъ по Москвѣ тосковалъ, про дѣтокъ, да про жену вспоминалъ...

— Не отъ тово ему, не съ кручины... на кручину о н ъ нейдетъ.

— А съ чево-жъ ему?

— Може выпилъ е в о, безъ креста пилъ, ротъ не перекрестилъ... Вотъ съ чего!

— Съ водой, чу, выпилъ? Ноли о н ъ съ муху?

— И поменѣ живетъ, въ игольно-чу ушко, въ проранъ махонькой входитъ.

— Ай-ай-ай! Помилуй, Микола угодникъ!

Когда стрѣльцы шептались, съ боязнью поглядывая на корчи больного, Аввакумъ стоялъ на колѣняхъ и молился, усиленно бормоча какія-то молитвы и отплевываясь.

— Отчитыватъ старикъ.

— Старикъ дока на это: что ни на есть отчитаетъ.

— О! На это онъ дюжой!

— Одно слово, старикъ книжной: захочетъ, на коврѣ-самолетѣ отъ насъ улетитъ; захочетъ, въ шапкѣ-невидимкѣ изъ-подъ замковъ уйдетъ.

— Такъ-такъ... и лови потомъ... а мы-жъ въ отвѣтѣ будемъ...

Аввакумъ всталъ съ колѣнъ, досталъ изъ угла небольшую

кружку, вынулъ изъ-за образа кропило изъ пучка травы и приблизился къ больному. Тотъ лежалъ навзничь, закрывъ глаза; казалось, онъ впалъ въ безпамятство.

Взявъ въ одну руку крестъ, а кропило обмокнувъ въ кружку, Аввакумъ нагнулся къ больному и произнесъ медленно и торжественно, тряся бородой:

— Азъ ти о имени Господни повелѣваю, душе нѣмый и глухій! Изыди отъ созданія сего и къ тому не вниди въ него, но иди на мѣсто пусто, идѣже человѣкъ не живетъ, но токмо Богъ прозираетъ...

Стрѣльцы попятились къ двери и съ ужасомъ глядѣли, что будетъ.

— Изыде отъ созданія сего, бѣсъ лукавый, изыде!

Больной лежалъ, не шевелясь. Грудь его тяжело дышала.

— Именемъ Господнимъ, изыди!—крикнулъ въ третій разъ Аввакумъ и брызнулъ въ лицо больного кропиломъ.

Послѣдній съ крикомъ вскочилъ съ соломы...

Стрѣльцы въ ужасѣ бѣжали изъ подземелья...

. . . . . .

Нѣсколько недѣль провалялся больной между жизнью и смертью. Аввакумъ не отходилъ отъ него, да и отойти было некуда: тюрьма оставалась тюрьмой, а мѣсто больного тюремщика заступилъ другой, такой-же нѣмой исполнитель чужой воли, какъ и тотъ, что теперь лежалъ въ тяжкомъ недугѣ.

Физическій, а въ особенности нравственный недугъ больного, по понятіямъ того времени, приписанъ былъ, конечно, бѣсу. Чему же иному! Какъ, съ одной стороны, вездѣ и во всемъ—Богъ, такъ, съ другой, во всемъ виноватъ и бѣсъ. Что въ наше время приписали бы меланхоліи, тоскѣ по родинѣ или просто нервамъ, то въ доброе старое время исключительно относили къ бѣсу: то бѣ искони врагъ роду человѣческому, старый завистникъ, подстрекатель и соблазнитель. Зѣвнулъ человѣкъ, не перекрестилъ рта, бѣсъ ужъ и вскочилъ въ ротъ, а оттуда въ брюхо. Рыгнулъ человѣкъ и не перекрестился, опять бѣсъ тутъ какъ тутъ. Въ ухѣ зазвенѣло, это бѣсъ хочетъ дурно человѣку учинить черезъ ухо: ну, и крести его, безпятаго, гони знаменіемъ Распятаго, что твоей метлой... Увидалъ въ топцѣ спѣ бабу лѣшовидну, либо плясавицу, это ужъ вѣрно, что бѣсъ фармагей хочетъ пакость велію сотворити... Куда ни кинь, вездѣ бѣсъ!

Такъ и Кириллушко-стрѣлецъ, тюремщикъ Аввакумовъ, былъ тоже бѣсомъ одержимъ: это черезъ Кириллушку бѣсъ хотѣлъ пакость учинить самому отцу Аввакуму. Но не на таковскаго наскочилъ! Аввакумъ хорошо зналъ всѣ бѣсовскія уловки, и чортъ остался посрамленъ гораздо.

— Я и не съ такими бѣсами, далъ Богъ, расправу чинилъ,— говорилъ Аввакумъ другому стрѣльцу-тюремщику, приставленному къ нему вмѣсто Кириллы и принесшему ему утромъ положенное: хлѣбъ и воду. — Былъ у меня на Москвѣ бѣшеный, Филиппомъ звали: какъ я изъ Сибири пріѣхалъ, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ, гораздо бился и дрался, и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный со крестомъ и съ водою пріиду, повиненъ бывалъ и яко мертвъ падалъ предъ крестомъ Христовымъ и ничего не смѣлъ надо мною дѣлать, и молитвами святыхъ отецъ сила Божія отгнала отъ него бѣса, но токмо умъ несовершенъ былъ!

— Ишь оно! Ахъ ты!—удивлялся стрѣлецъ и даже растопырилъ руки.—А и больно дрался бѣсъ-отъ?

— Гдѣ не больно!

— Ай, ай! Чѣмъ же онъ билъ окаянный?

— А вотъ чѣмъ, слушай съ молитвою.

Стрѣлецъ набожно перекрестился и даже ротъ разинулъ отъ излишняго усердія.

— Микола, Ягорій, Матушка Пердотеча,—шепталъ стрѣлецъ.

— Однова,—началъ Аввакумъ, — пришелъ я отъ Ѳедора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилося неустройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею между собою побранились, діаволъ ссорилъ ихъ ни за что.

— Это у бабъ плевое дѣло, заразъ за косы,—пояснилъ стрѣлецъ.

— Ну... Такъ я пришелъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо опечалилъ, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ими.

— Это за что-жъ? Бабу учить Богъ велѣлъ,—успокоивалъ стрѣлецъ.

— А ты слушай, дурачокъ,—осадилъ его Аввакумъ.

— Слушаю-ста, прости.

— Ну, бѣсъ и вздивьячился въ Филиппѣ: и началъ чѣпь ломать, бѣсясь, и кричать неудобно, и на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ, и зѣло голка бысть велика. Азъ же безъ исправленія, безъ молитвы, приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротить; но не бысть попрежнему: ухватилъ меня бѣсъ и учалъ бить и драть, и всяко меня, яко паучину, терзаетъ, а самъ говоритъ: «попалъ ты мнѣ въ руки!» Я только молитву говорю, да безъ дѣлъ молитва не дѣйствуетъ. Домашніе не могутъ отнять, а я и самъ ему отдался, вижу, согрѣшилъ: пускай меня бьетъ! Но чуденъ Господь: бьетъ и ничто не болитъ!

— Ай-ай!

— Потомъ бросилъ меня отъ себя и самъ говоритъ: «не боюсь я тебя»... Мнѣ въ тѣ поры горько стало: «бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ»... Полежалъ я маленько, съ совѣстію собрался... Возставъ же, жену свою сыскалъ и передъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланяяся, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна! Прости меня грѣшнаго!

— Ну, это лишнее; бабу добру училъ...

— Ну, и она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фетиньей тѣмъ же образомъ простился, да легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ...

— Ай, Ягорій, Пердотеча! Н-ну—дивился стрѣлецъ.

— Человѣкъ двадцать было въ горницѣ... Ну, и жена, и дѣти, и всѣ, плачучи, стегали меня. А я говорю: «аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части въ царствіи небеснѣмъ»... И они, нехотя, бьютъ и плачутъ, и я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили, и я, возставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминуемую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я крестомъ его благословилъ... И онъ, попрежнему, хорошъ сталъ...

Больной, который лежалъ на соломѣ съ закрытыми глазами, тяжело вздохнулъ и открылъ глаза Онъ былъ страшнѣе мертвеца. Глаза смотрѣли нѣсколько болѣе осмысленно, чѣмъ прежде.

— Гдѣ я, братцы? — тихо спросилъ онъ, взглянувъ на стрѣльца.

Стрѣлецъ быстро перекрестился и торопливо, съ испугомъ, кинулся изъ подземелья.

— У меня, миленькой,—ласково отвѣчалъ Аввакумъ, подходя къ больному и осѣняя его крестнымъ знаменіемъ.—Легче тебѣ?

—Легко... я выспался... въ Москвѣ у жены былъ...

— Господь съ тобой, Кириллушко, это въ соніи было... А перекрестись истово.

Больной перекрестился.

— Ну, добро, Богъ тебя спасъ,—радостно сказалъ Аввакумъ,—скоро Владыка и на ноги тебя поставитъ...

Но это Аввакуму только казалось такъ. Правда, больной началъ понемногу вставать, иногда просилъ ѣсть; но такъ какъ онъ иногда просилъ «безъ правила», то есть, безъ молитвы, то Аввакумъ не давалъ ему ничего и, подозрѣвая, что это все еще шутки бѣса просить ѣсть «безъ правила», по цѣлымъ часамъ морилъ несчастнаго на молитвахъ, на стояніяхъ и совсѣмъ измучилъ его. Когда же больной, утомленный стояніемъ, падалъ въ изнеможеніи, то Аввакумъ, подозрѣвая опять-таки, что все это «діаволъ сонъ ему наводитъ», безжалостно «стегалъ» несчастнаго своими массивными каменными четками, будучи вполнѣ увѣренъ, что «стегаетъ» самого бѣса, а не изможденное тѣло страдальца.

«Егда бывало стряпаю,—откровенно признается въ своемъ «Житіи» ослѣпленный своею мрачною вѣрою старикъ,—въ то время онъ, Кириллушко, ясть проситъ и украсть тщится до времени обѣда, а егда предъ обѣдомъ Отче нашъ проговорю и благословлю, такъ того брашна и не ястъ, проситъ неблагословеннаго, я ему силою въ ротъ напихаю, а онъ и плача глотаетъ»...

«Онъ же преставился, миленькой, скоро»...

Еще бы!.. За то передъ смертью «отрадило» ему отъ бѣса»... Какъ «не отрадить»!..

И вотъ онъ лежитъ на соломѣ, холодный, окоченѣлый... Солнце черезъ тюремное оконце бросило на мертвое лицо послѣдніе лучи... Не закрывшійся правый глазъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ косится на молящагося передъ распятіемъ Аввакума, и синія раскрытыя губы словно бы шепчутъ подъ русыми

усами: «ахъ, что я тебѣ сдѣлалъ? За что ты четками стегалъ меня, безумный старикъ?..

На окнѣ, какъ и прежде, чирикалъ воробей, ища крошекъ...

Мышенокъ, выюркнувъ изъ-подъ соломы, на которой лежалъ мертвецъ, грызъ сухарь, недоѣденный мертвымъ... А на Москвѣ жена и дѣти покойника просятъ Морозову написать въ Пустозерье грамотку къ ихъ Кириллушкѣ... Въ углу такъ жалобно жужжитъ пойманная паукомъ муха... Бѣдная муха... Бѣдные люди!..

«Лежалъ у меня мертвый сутки, и я, ночью вставъ, помоля Бога, благословя его мертваго и съ нимъ поцѣловался, опять подлѣ его спать лягу (говоритъ Аввакумъ въ «Житіи»): товарищъ мой миленькій былъ. Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я такъ же умру!» *)...

---

*) Все это—не измышленія автора, а взято изъ «Житія» Аввакума.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Никонъ въ Ферапонтовѣ.

Сѣверное, необыкновенно прозрачное лѣтнее утро только что начинается. Розовая заря давно уже залила блѣднымъ пурпуромъ весь восточный и сѣверо-восточный край неба, и изъ-за продолговатаго, всего окрашеннаго зарею облачка вотъ-вотъ брызнутъ первые лучи солнца. На зеркальной поверхности Бѣлаго озера отразилась и эта розовая заря, и это окрашенное ею продолговатое облачко.

Въ одномъ изъ оконъ «патріаршихъ келій» Ферапонтова монастыря виднѣется большая голова съ сѣдою бородою и, повидимому, задумчиво созерцаетъ разстилающуюся передъ ея глазами картину, розовый востокъ съ блѣдно пурпуровымъ облачкомъ, гладкую, тоже розоватую поверхность Бѣлаго озера, кое-гдѣ какъ бы дымящуюся утреннимъ паромъ, большекрылую и бѣлогрудую птицу, летающую надъ озеромъ и ударяющую иногда красными ножками объ ея зеркальную поверхность... Тамъ, гдѣ птица касается воды, поверхность озера искрится, словно бы на нее разсыпали жемчугъ... Ласточки, точно черненькія мушки, со своими игольчатыми крылышками, и юркіе, пискливые стрижи, словно пули, рѣжутъ утренній воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Голуби, проголодавшіеся за ночь, усердно снуютъ отъ надоконныхъ наличниковъ и карнизовъ монастырскихъ зданій то къ водѣ, то къ сѣновальнямъ и конюшнямъ, около которыхъ всегда имѣется зерно и всякая бросовая снѣдь. Неугомонные воробьи въ-запуски, точно на заказъ, стараются перетрещать одинъ другого, гоняясь за мухой и за всякой живой мелочью. У праваго, приглубаго берега, надъ остроконечными темными елями носятся вороны, оглашая воздухъ неистовымъ

карканьемъ изъ-за выѣденнаго яйца, брошеннаго на навозъ монастырскимъ поваркомъ Ларкою.

Голова съ сѣдою бородою смотритъ изъ окна на все это и трясется на плечахъ, какъ бы говоря: «нѣтъ, нѣтъ, не надо, не надо этого... изъ-за чего они мечутся!.. Нѣтъ, не надо»...

На востокѣ изъ-за розоваго облачка брызжутъ золотые лучи, отражаясь и на летающей птицѣ, и на сѣдой бородѣ стоящаго у окна и трясеніемъ головы какъ-бы отрицающаго все, что онъ видитъ и слышитъ: «нѣтъ, нѣтъ, не надо, не надо»...

Изъ-за угла «патріаршихъ келій» показывается согбенная фигура высокаго чернеца, который, поровнявшись съ стоявшимъ у окна, низко кланяется, а стоящій у окна грозитъ ему суковатой палкой и судорожно шепчетъ: «кирилловскій лодыжникъ»...

Свѣтъ все ярче и ярче заливаетъ картину, открывающуюся глазамъ стоящаго у окна; а онъ, повидимому, все больше и больше сердится и все упрямѣе трясетъ головой...

— Забыли, всѣ забыли патріарха Никона,—патріарха божіею милостію, — шепчетъ онъ угрюмо, отворачиваясь отъ окошка.—Такъ я же васъ!..

И онъ съ сердцемъ стучитъ клюкой объ полъ...

Въ просторной кельѣ, уставленной въ переднемъ углу иконами и обнесенной по стѣнамъ широкими лавками, на деревянномъ со скатертью столѣ двѣ горящія свѣчи какъ-то странно мигаютъ, блѣднѣя передъ льющимся въ окна утреннимъ свѣтомъ...

— Я васъ, темники и баскаки!—еще шибче стучитъ старикъ клюкой, подходя къ столу.

Дверь тихо отворяется, и на порогѣ кельи показывается испуганное, заспанное лицо молодого служки съ голымъ подбородкомъ. Вошедшій низко кланяется...

— Тебѣ чево?—озадачиваетъ его старикъ.

— Звать изволилъ, святѣйшій патріархъ?—робко вопрошаетъ вошедшій.

— Кто тебя звалъ? Пошелъ вонъ!—сердится старикъ, стуча клюкой.

Служка лукаво улыбается глазами и исчезаетъ за дверью.

— Ишь темники! Чертей напустили, спать не даютъ... Вотъ я царю обо всемъ повѣствую, увидите у меня!—ворчитъ ста-

рикъ, и, подойдя къ столу, беретъ исписанный листъ бумаги.— Вотъ тутъ написано...

Онъ надѣваетъ очки и, подставивъ бумагу подъ свѣтъ, сначала про-себя шевелитъ губами и бородой, а потомъ сердито читаетъ вслухъ:

«Иже живъ сый привмѣненный съ нисходящими въ ровъ, сѣдяй во тьмѣ и сѣни смертнѣй (онъ покосился на окна и на врывавшійся въ нихъ свѣтъ утра), окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ твой, великаго государя, худой и смиренный нищей Никонишко, милостію Божіей коростовый патріаршишко. Не вели, государь, кирилловскому архимандриту съ братьею въ мою кельишку чертей напускать. Дворецкій Кириллова монастыря говорилъ про меня: «Что онъ съ Кирилловымъ монастыремъ заѣдается? Кому онъ хоромы строитъ? Чертямъ что-ли въ нихъ жить?» И вотъ вечоръ-же, государь, птица, невѣдомо откуда взявшись, яко вранъ черна, пролетѣла сквозь кельи во всѣ двери и исчезла, невѣдомо куда, и во всю ночь демоны не дали мнѣ уснуть, одѣялишко съ меня дважды сволочили долой и бѣды всякія неподобныя многія творили, да и по многіе дни великія бѣды бѣсы творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами, и въ окна теперь пакостятъ, овогда звѣрьми страшными являются, грозяся, овогда птицами нечистыми»...

Онъ остановился и сердито посмотрѣлъ на окна.

— Я вамъ докажу, темники! — бормоталъ онъ. — А то на! Чернилъ и бумаги не давать Никону... то-то!

И онъ снова глянулъ въ свою бумагу.

...«Да они же, государь, кирилловскіе монахи, говорили моимъ ѳерапонтовскимъ старцамъ: «кушаетъ-де вашъ батька насъ». И я, государь, благодатію божіею не человѣкоядецъ»...

При послѣднемъ словѣ онъ, казалось, что-то вспомнилъ и, потушивъ свѣчи, подошелъ къ стоявшему въ правомъ углу аналою, взялъ лежавшія на немъ четки, надѣлъ клобукъ и пошелъ къ дверямъ, шурша ногами, обутыми въ плисовые на мѣху изъ бѣлки сапоги, подбитые мягкою кожею.

Въ сѣнцахъ повстрѣчался тотъ же съ голымъ подбородкомъ служка и подошелъ подъ благословеніе. Старикъ мотнулъ въ воздухѣ ладонью и какъ-то сердито ткнулъ въ губы служкѣ.

На крыльцѣ онъ остановился и прищурился. На дворѣ начи-

палась дневная суета. То тамъ, то здѣсь показывалась черная скуфья или клобукъ, и, увидѣвъ старика, торопливо проходили, потупивъ головы, или низко кланялись. Съ коровьяго двора слышалось, какъ тамъ усердно доили коровъ, и часто слышались возгласы: «стой, стой, буренка!» или мычанье коровъ и голодныхъ телятъ. На дровяникѣ стучалъ топоръ. Въ сосѣдней избѣ, сквозь открытыя окна, сердито гудѣла струна монастырскаго шерстобита. Два стрѣльца шли съ берега и расчесывали мокрые волосы роговыми требенками. На заднемъ дворѣ ржалъ скучающій по матери жеребенокъ, и въ отвѣтъ ему слышалось: «тпрусеньки-тпруси»...

Все это, казалось, еще болѣе сердило старика... Да и не удивительно: то-ли это, что на Москвѣ когда-то бывало, когда загудутъ, бывало, разомъ всѣ сорокъ сороковъ, провозвѣщая славу Господу Вседержителю да святѣйшему патріарху Никону! Эко времячко-то было... И все прахомъ пошло...

На рѣшетчатыхъ переходахъ, ведущихъ въ старыя кельи, показался среднихъ лѣтъ мужчина въ мірской одеждѣ, въ голубомъ легкомъ камзолѣ, сафьянныхъ сапогахъ со скрипомъ и въ пуховой шляпѣ. Небольшая бородка на полномъ скуластомъ лицѣ, черные съ узкимъ разрѣзомъ глаза и стоячія уши отдавали татарковатостью. Пришедшій издали снялъ шляпу и почтительно подошелъ подъ благословеніе къ старику. Старикъ и у этого мотнулъ ладонью передъ носомъ и ткнулъ въ губы тылью правой руки.

— Буди здравъ, святой отецъ, — сказалъ пришедшій.

— Спасибо, князь Самойло, — брюзгливо отвѣчалъ старикъ.

— Хорошо-ли есте почивалъ, святой отецъ?

— Како почивалъ! Всее ночь не спалъ!—сердился старикъ.

— Ну, годы-то твои, святой отецъ, не маленьки: сонъ-атъ и нейдетъ.

— Каки еще мои годы-ста! — пуще прежняго разсердился старикъ. — Аще въ силахъ, осьмдесятъ... а мнѣ и семидесяти-ту нѣтъ! А то на! Годы-ста!

Князь Самойло Шайсуповъ, онъ приставленъ былъ смотрѣть за Никономъ, незамѣтно улыбнулся своими узкими татарковатыми глазами и потупился.

— Черти мнѣ спать не давали, вотъ кто! — продолжалъ сердиться старикъ.

Приставъ поднялъ на него удивленные глаза.

— Кирилловскій архимандритишко съ своими иночишками ко мнѣ въ келью чертей напустилъ!

— Какъ чертей напустилъ, святой отецъ?—изумился Шайсуновъ.

— А такъ! Дворецкій ихъ говорилъ про меня: «кому онъ хоромы строитъ? Чертямъ что-ли въ нихъ жить!» — Вотъ что, слышишь? Чертямъ жить!

— Такъ что-жъ изъ того, что дурень мелетъ?

— То-то мелетъ... А вечоръ, въ ночь, не вѣдаю какая птица, яко вранъ черна, пролетѣла сквозь всѣ кельи и исчезла невѣдомо куда...

— Да то, можетъ, и была ворона.

— Толкуй, дурачекъ! Ворона въ келью не залетитъ.

— Такъ, надоть думать, ластушка.

— Ласточки всѣ спали давно.

— А я тебѣ скажу, святой отецъ, кто это леталъ: нетопырь, мышь летуча...

Старикъ окончательно разсердился

— Да что ты меня учишь! Ученъ гораздо!.. А ты-бъ попробовалъ самъ уснуть въ моей кельѣ: нонѣ ночью демоны двожды съ меня одѣяло сволочили долой...

— Ай-ай? Съ нами крестъ! — притворно изумлялся приставъ.

— Звѣрьми страшными скакали, старцы кирилловскіе. языки на меня извѣся, что псы лаяли...

— Ай-ай-ай! Эки страхи!

— Я нонѣ о семъ великому государю отписалъ... И Аввакумку протопопа въ тонцѣ снѣ видѣлъ: у нево на двухъ перстахъ бѣсикъ, бѣсъ махонькій сидѣлъ и на сопѣли игралъ...

— Те-те-те... вонъ они дѣла-тѣ, н-ну!

Изъ дровяника вышелъ молодой служка въ фартукѣ и съ вязанкою дровъ. Никонъ издали остановилъ его, замахавъ клюкою. Сложивъ дрова на-земь, служка торопливо подошелъ къ старику, тщательно вытирая руки о фартукъ и поправляя свою бѣлокурую, туго заплетенную косичку. Подойдя подъ благословеніе, онъ добродушно глядѣлъ своими большими сѣрыми глазами и ожидалъ приказаній.

— Что поздно печь затопляешь?—попрежнему сердито спросилъ старикъ.

— Затопилъ,—былъ короткій отвѣтъ.

— А что нонѣ стряпать мнѣ будешь?

— Что поволишь.

— Ушицы мнѣ свари изъ стерлядокъ, да окуньковъ туда прикинь, да ершиковъ, да налимью печеночку приметни. Да чтобъ лучку и перчику въ пору, поболѣ вкинь, да сольцы не забудь... А?

— Добро-ста,—снова былъ короткій отвѣтъ.

Отвѣтъ этотъ такъ и вскипятилъ старика. Голова его затряслась еще болѣе, губы и борода задвигались, щеки покраснѣли и клюка такъ и заходила въ рукѣ.

— Ты опять меня идоломъ зовешь! А!—закричалъ онъ со старческой запальчивостью.—Я тебѣ приказывалъ не называть меня идоломъ, а!

Служка — это былъ Никоновъ поварокъ, Ларка, большой искусникъ стряпать, отряженный къ особѣ бывшаго патріарха изъ Кирилловскаго монастыря; поварокъ безмолвно переминался на мѣстѣ и добродушно глядѣлъ то на сердящагося старика, то на недоумѣвающаго пристава. Князь Шайсуповъ, дѣйствительно, даже ротъ разинулъ отъ изумленія... «Какой идолъ? Кто его называлъ идоломъ?»...

— А! Приказывалъ я тебѣ? Приказывалъ? А?—горячился старикъ.—Говори, приказывалъ?

— Приказывалъ-ста.

— Такъ напредки не смѣй обзывать меня идоломъ... я христіанинъ...

Поварокъ молчитъ, а приставъ, уставившись въ землю, улыбается-себѣ татарковатыми глазами. Старикъ начинаетъ понемногу успокаиваться.

— Ну, такъ уху свари мнѣ, да поядреннѣе, слышишь? А?

— Слышу-ста.

— Да биточекъ изъ щучки сколоти, съ лучкомъ же, да чтобъ безъ костей... да масла добраго орѣховаго, да подрумянь, да не пересуши... понялъ? А?

— Понялъ-ста.

— Да на сковородкѣ-тѣ и подай, чтобъ шипѣло... Слышишь?

— Слышу-ста, не въ первой.

— Да теши межукосной... нѣтъ, теши не надоть... Осетринки доброй изжарь, да посочнѣе, чтобы мягко было, что пухъ, и лимонцу ломтиками нарѣжь, ровненько... Да огурчиковъ въ уксусѣ, да рыжиковъ подашь, клюковки тамъ моченой, яблочковъ въ патокѣ, а?

— Добро-ста.

И опять этотъ отвѣтъ, это несчастное «добро-ста» взбѣлснило старика. Онъ даже отшатнулся назадъ.

Въ это время по двору проходилъ тотъ высокій согбенный монахъ, который кланялся въ окно Никону, и которому этотъ послѣдній погрозилъ клюкой.

— Отецъ строитель, отецъ Исаія, подь сюда!—закричалъ ему Никонъ.

Длинный, сухой монахъ, съ строгими глазами и съ тонкою бородою развилками, приблизился и подошелъ подъ благословеніе. Никонъ повертѣлъ у него передъ глазами рукою съ четками и еще болѣе насупился.

— Кто у васъ научилъ его называть меня идоломъ сидонскимъ?—ткнулъ онъ на Ларку.

— Идоломъ сидонскимъ?—изумился длинный монахъ.

— Да, Астартомъ, его же невѣгласи за бога почитали.

— Не вѣмъ, святой отецъ,—пожалъ плечами длинный монахъ.

— Какъ не вѣдаешь-ста! Нонѣ ночью ко мнѣ въ келью чертей напустили, а этотъ меня Астартомъ, идоломъ сидонскимъ, сейчасъ дважды назвалъ. А!

Длинный монахъ не зналъ что отвѣчать. Сѣрые моргающіе глаза его быстро скользнули по глазамъ Шайсупова, и по лицу обоихъ пробѣжала мимолетная, лукавая улыбка.

— Ты слыхалъ, князь Самойло, какъ онъ называлъ меня Астартомъ?—обратился старикъ съ Шайсупову.—А? Слыхалъ?

— Не знаю...

— Какъ не знаешь! Ты тутъ стоялъ...

— Стоять, стоялъ, святой отецъ, да кажись не слыхалъ такова мудренаго слова... Да я его, признаться, и не выговорю.

Всѣмъ было неловко. Несчастный поварокъ только хлопалъ своими невинными глазами.

— А Ларкѣ такое слово какъ выговорить, не вѣмъ,—изумлялся инокъ Исаія.

— То-то не вѣмъ! А онъ такъ и сказалъ: «добръ Астартъ»... А въ древнемъ писаніи идолъ былъ нѣкій, сидонскій, Астартъ, и которые его за бога почитали, приглашали: «добръ Астартъ»,— пояснялъ Никонъ все съ той же горячностью,—а я не идолъ, не Астартъ, а христіанинъ.

Исаія только пожималъ плечами, а Шайсуновъ кусалъ губы, чтобъ не засмѣяться.

— А ну-ко-сь, Ларивонъ, скажитко оное слово,—обратился онъ къ несчастному Ларкѣ.

Тотъ молчалъ.

— Сказывай, говорятъ тебѣ!

— Како слово?—спросилъ Ларка.

— Да что отецъ-атъ святой сказывалъ.

— Не знаю такова слова.

Шайсуновъ вскинулъ на Никона своими лукавыми глазами, которые казались совсѣмъ добрыми, простодушно-наивными.

— Прости его, Бога-для, святой отецъ,—заговорилъ онъ ласково,—прости на сей разъ ради завтрева, ради праздничка божія... Може, что онъ и сказалъ своею дуростію, такъ прости для Бога.

— Не вмѣни ему во грѣхъ, святой отецъ, — просилъ и Исаія,—можетъ, бѣсъ попуталъ.

— А поди, самъ бѣсъ-атъ и словцо оное шепнулъ, а не Ларка,—пояснилъ Шайсуновъ.

— Я ему питимью за это наложу нарочитую,—прибавилъ Исаія.

— Ну, инъ быть по сему!—смягчился, наконецъ, старый упрямецъ.—Только, смотри у меня, осетринку не перепарь... да чтобъ лучку и перчику и сольцы въ мѣру...

— Добро-ста,—обрадовался Ларка, а даже мотнулъ головой.

Но не тутъ-то было! Никонъ даже привскочилъ своими больными ногами, его опять чѣмъ-то ошпарили, и голова ходенемъ заходила...

— Слышите, слышите! Опять Астартъ!—кричалъ онъ и стучалъ клюкой.—Что-жъ это будетъ? Я нонѣ же великому государю напишу. Я буду бить челомъ, чтобы великій государь велѣлъ розыскъ учинить надъ Кирилловымъ и Ѳерапонтовымъ монастыремъ, откуда оное повелось, чтобъ въ святыя обители бѣ-

совъ напущать, да православныхъ христіанъ сидонскими идолами именовать... Великій государь велитъ сыскать...

Розыскъ — это было страшное въ то время слово: тогда «искали» не глазами, не расспросами, а «пыткой», плетьми, кнутомъ, дыбой, да огнемъ... «Допросъ», «испытаніе», «пытка»— это одного корня слова: кнутъ да жаровня чинили допросъ...

И инокъ Исаія, и приставъ князь Шайсуповъ испугались угрозъ Никона... Онъ накличетъ на нихъ неминуемую бѣду: всѣ безъ вины будутъ виноваты. Надо чѣмъ-нибудь умилостивить разсвирѣпѣвшаго старика...

— Отецъ святой! Смилуйся! Вели смирить парня!—взмолился Исаія.

— Смири его, какъ поволишь, и я стрѣльцовъ дамъ,—предлагалъ свои услуги приставъ, желая защититься чужою спиною.

— Накажи его, отецъ святой, поучи.

— Поучи Бога-для... онъ перестанетъ дуровать.

А тотъ, кого совѣтовали «поучить», «смирить», попрежнему смотрѣлъ недоумѣвающе... «Блажь-де нашла на старика... не впервой его клюкѣ гулять по моей спинѣ, что-жъ!»

— Такъ велишь смирить, святой отецъ?—умолялъ Исаія.

— Что мнѣ смирять! Я старецъ смиренный... смиряйте вы, а я великому государю отпишу,—не унимался упрямецъ.

Приставъ и Исаія переглянулись.

— Что-жъ, князь Самойло, вели давать плетей,—сказалъ послѣдній.

Шейсуповъ свистнулъ какъ Соловей-разбойникъ. На свистъ изъ-за угла стрѣлецкой избы вышли два стрѣльца.

— Плетей давай!—крикнулъ Шайсуповъ.

Бѣдный поварокъ упалъ на колѣни и тянулся къ ногамъ Никона, чтобы хоть ухватить и поцѣловать полу его подрясника.

— Прости... не буду...

— Не трошь, не трогай ногъ! У меня ноги больныя!—кричалъ упрямый старикъ, отстраняясь.

— Не буду идоломъ звать, о-о!

Подошли четыре стрѣльца и молча глядѣли на эту сцену. У двоихъ изъ нихъ въ рукахъ было по плети, узловатыя московскія чудовища младшія сестрички кнута-батюшки: «плеть не кнутъ дастъ вздохнуть; а батюшка-кнутъ не дастъ и икнуть»...

— Ну-ну, сымай рубаху, не нѣжься, сымай! — поощрялъ приставъ.—Сымай-ка рубашечку.

— И порки,—пояснилъ Никонъ.

Стрѣльцы стали раздѣвать поварка, развязали и сняли фартукъ, разстегнули и сняли подрясничекъ, рубаху...

— Ишь ты, почотъ какой, ризы сымаютъ,—шутилъ приставъ,—кубыть патріарха.

Никонъ сердито глянулъ на шутник

— Мотри, Самойло... и въ дыры муха падаетъ,—проворчалъ онъ.

Поварокъ стоялъ совсѣмъ голый и ежился. Только нижняя часть худого, бѣлаго, какъ у женщины, тѣла не была обнажена

— Порки долой!—не унимался развоевавшійся старикъ.

Поварокъ, съ досадой, торопливо спустилъ нижнее бѣлье и повернулся спиной къ своему мучителю.

— Чево-жъ ты смотришь, чернецъ?!—накинулся этотъ послѣдній на Исаію.

Исаія стоялъ, ничего не понимая, и молчалъ.

— Твое дѣло, вели класть,—командовалъ старикъ. — Да одежду подъ голову.

Поварокъ не сопротивлялся, уже онъ зналъ Никона. Да и сѣченіе въ то время было дѣломъ обыденнымъ: «хлѣбъ насущный», «каша», только «березовая», «баня», «горяченькая», «припарочка», вотъ синонимы сѣченья...

Положили поварка. Одинъ стрѣлецъ сѣлъ верхомъ на голову, другой на ноги. Поварокъ только сопѣлъ да какъ-то старался втянуть въ себя то, что особенно выдавалось, какъ будто можно было сдѣлать это...

Стрѣлецъ, сидѣвшій на головѣ, казалось, никакъ не могъ усѣсться ловко и ерзалъ.

— Не души,—протестовалъ чуть слышно осѣдланный.

— Чево разиня ротъ стоишь!—напоминалъ старикъ Исаіи его обязанности.

— Валяй, ребята!—распорядился Шайсуповъ.

Удары посыпались на обнаженныя части бѣлаго тѣла, которое сразу стало багровѣть полосами. Несчастный поварокъ то глухо кричалъ, то грызъ зубами свою одежду и задыхался...

Никонъ смотрѣлъ, трясь головою и шевеля губами, и счи-

талъ удары на четкахъ, какъ онъ считалъ на нихъ «метанія», земные поклоны...

— Не зови меня идоломъ сидонскимъ, не зови Астартомъ... я благодатію божіею христіанинъ...

А бѣлое тѣло все багровѣе и багровѣе... Несчастный, забивъ себѣ ротъ рубахою, ужъ и не кричитъ... Четки перебраны уже до половины.

— Стой! Будетъ! — удовлетворяется, наконецъ, бывшій божіею милостію великій патріархъ.

Поварокъ всталъ и дрожащими руками облачается... Руки не попадаютъ, куда слѣдуетъ... Волосы повыдергались изъ косички и падаютъ на лицо... Одѣвшись кое-какъ, онъ кланяется до земли своему мучителю...

— Добро... поучили... не будешь больше меня идолить,—поучаетъ этотъ послѣдній.

Шайсуповъ и Исаія переглядываются, поводя руками

— Ну, подь теперь, стряпай... Да помнишь, что я тебѣ заказывалъ нонѣ?—говоритъ старикъ какъ ни въ чемъ не бывало.— Не забылъ? А?

— Не забылъ-ста,—пробормоталъ несчастный дрожащими губами.

— Да осстринку-то не засуши, да лучку, да сольцы въ мѣру...

— Добро-ста...

И опять трясущаяся голова заходила ходенемъ и застучала клюка объ рундукъ...

— Опять за свое! Опять добръ Астартъ!..

Шайсуповъ не вытерпѣлъ и покатился со смѣху, держась обѣими руками за животъ...

— Ой, батюшки! Ой, Ларка! Ха-ха-ха! Умру! Охъ, святой отецъ, ой, ой, ой!—заливался онъ.

— Что ты! Что ты! Обезумѣлъ!

— Ха-ха-ха! Охъ, батюшки, родители мои! За что вспроли малаго.

Всѣ смотрѣли на хохочущаго пристава съ удивленіемъ. Даже высѣченный поварокъ улыбался сквозь слезы.

— Ха-ха-ха! Да онъ, вить, поварокъ, говоритъ: «добро-ста»; это у его привычина такая: «добро-ста» да «добро-ста», а ни-

какого идола тутъ нѣту... А его пороть!... Ну, дали-же мы маху!

Никонъ еще болѣе разсердился на такое произвольное толкованіе.

— Что ты меня учишь, стрѣлецъ!—накинулся онъ на пристава,—Вонъ ихъ учи, а я ученъ... Ты объ идолѣ Астартѣ не слыхалъ, а можетъ, и про Перуна, что у насъ въ Новѣгородѣ палкой дрался, не слыхивалъ; тебѣ, невѣголосу, что! А я въ древнемъ писаніи хаживалъ, зубы пріѣлъ гораздо...

Старикъ бы, вѣроятно, долго не пересталъ брюзжать, если бы въ это время не показались въ воротахъ возы, нагруженные припасами, которые поставлялъ для его обиходу Кирилловъ монастырь.

Старикъ замахалъ клюкой.

— Подавай сюда, къ крыльцу вези!

Инокъ Исаія поспѣшилъ къ возамъ. Поварокъ, сдѣлавъ поясной поклонъ, побрелъ за дровами. Никонъ, кряхтя и морщась, усѣлся на крыльцѣ и ждалъ. Стрѣльцы ушли на берегъ купаться. Приставъ стоялъ у крыльца и продолжалъ улыбаться своими узкими глазами. «Ужъ и чадушко же, и-ну!» говорили лукавые глаза.

II. У Никона гости.

Изъ-за корму и припасовъ у Никона шла презѣльная брань со всѣми десятью бѣлозерскими монастырями, обязанными доставлять ему все необходимое, и въ особенности съ Кирилловымъ, самымъ богатымъ изъ нихъ. Онъ, повидимому, забылъ все на свѣтѣ, и свое прежнее величіе, и славу, и вселенскую борьбу, и паденіе съ недосягаемой высоты, и всеобщее отчужденіе, и, казалось, помнилъ только про одинъ кормъ: «семга» да «сижки», «икорка» да «сметанка», «вишни въ патокѣ» да «яблоки въ меду», «язи» да «лещи», да «теша межукосная», да «грибки»... Это былъ теперь его боевой конь, съ котораго онъ готовъ былъ не сходить по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ: воевалъ съ кирилловскою и иною черною братіею, строчилъ царю безконечныя жалобы и кляузы, нудилъ все про кормъ и жалованье и даже плелъ царю небывальщину, что будто бы онъ «нагъ и босъ, стыдно и выйти, многія, будто бы, зазорныя части не покрыты»... Старикъ просто лгалъ и озорничалъ со скуки и отъ бездѣйствія... Онъ былъ жалокъ.

И теперь, когда онъ сидѣлъ на крыльцѣ и, тряся головой, кряхтѣлъ, лицо его выражало, что онъ вотъ-вотъ на кого-нибудь сейчасъ накинется, на кого—это ему все равно, только бы поозорничать, да выкричаться, благо ему всю ночь черти спать не давали, а просто старику не спалось, и въ голову лѣзла всякая дрянь...

Одинъ возъ подъѣхалъ къ крыльцу. Сморщенный и черный, какъ груша на лоткѣ, монашекъ, который велъ клячонку въ поводу, низко поклонился и подошелъ подъ благословеніе...

— А ты прежде покажь, что привезъ, доброе ли, а тогда и суйся подъ благословеніе,—сразу обрѣзалъ его озорной старикъ.

Монашекъ попятился. Исаія, кликнувъ чернеца отъ другого воза съ сѣномъ, сталъ развязывать рогожу, покрывавшую возъ. Этотъ другой чернецъ тоже сунулся-было подъ благословеніе, но Никонъ прогналъ его клюкой...

— Сѣно-то у тебя все гниль, да бурьянъ... лѣшихъ чертей имъ кормить развѣ,—ворчалъ онъ.

Развязали первый возъ.

— Что въ плетешкѣ тамъ?—всзрился старикъ.

— Грибки, святой отецъ: рыжики, да бѣлые,—смиренно отвѣчалъ морщенный монашекъ.

Никонъ, опираясь на клюку и кряхтя, всталъ, подошелъ къ возу и сталъ клюкою ковырять связки сушеныхъ грибовъ.

— Ишь грибешки каки! Все скаредные!—ворчалъ онъ и, вздѣвъ на клюку одну связку, тыкалъ ее въ носъ то иноку Исаіи, то Шайсупову.

— Ишь скареды, съ мухоморомъ все!

— Помилуй, святой отецъ! Грибки, какъ есть, знатные,—защищался Исаія.

— Велика ихъ знатность! На, нюхай, князь,—тыкалъ старикъ грибами въ носъ Шайсупову.—Гниль одна...

— Ничево, запашокъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ запахъ, — одобрялъ грибы приставъ, лукаво улыбаясь.

— То-то запашокъ! Смердятина одна! — брюзжалъ старикъ.—И свиньи жрать не станутъ...

Грибы осмотрѣны, наконецъ, и охаяны, на чемъ свѣтъ стоитъ. Дошла очередь до другихъ запасовъ.

— А тутъ что?—тыкала клюка въ пологъ.

— Тутотка рыбка сушена, да вялена, тешечка межукосна, вязижка въ пучечкахъ,—пояснялъ Исаія.

— А ну, покажь.

Развертывается пологъ, показывается рыба.

— Ишь сушь какая!—накинулся старикъ й на рыбу.—Голова да хвостъ только, а рыбы нѣту...

— Помилуй, святой отецъ, какъ голова да хвостъ!—всплеснулъ руками Исаія.

— А это что! Видишь?

И клюка, дѣйствительно, тыкала только въ головы да въ хвосты.

— Голова да хвостъ, все хвосты...

— Господи! Да рыба-то цѣла, не рѣзана, куда жъ туловамъ у ней дѣться?—вопилъ Исаія.—Вотъ онѣ, цѣлы рыбки, всѣмъ тѣломъ...

— Али у рыбы тѣло! — накинулся старикъ на неудачное слово.—Такъ у рыбы тѣло?

Исаія молчалъ и только морталъ глазами. Шайсуновъ кусалъ губы.

— Тѣло у рыбы? Сказывай, князь?—набросился Никонъ съ экзаменомъ на пристава.—Тѣло? А?

— Что жъ, мясо рази?—улыбнулся приставъ.—Мясо скоромное, а рыба постна: стало, не мясо, а просто рыба; рыба и есть,—разсуждалъ онъ,—рыба не мясо, курица не птица.

— И у собаки тѣло?—приставалъ Никонъ опять къ Исаіѣ.—А? Тѣло у пса?

— У человѣка тѣло и у Христа,—нашелся, наконецъ, совсѣмъ загнанный Исаія.

— То-то же! А то на! У бѣлорыбицы тѣло! У поросенка тѣло!—сердито поучалъ старикъ.

Перерылъ клюкой и вязигу... И вязига не понравилась...

— Худа, что жила баранья... пироги только гадить такой вязигой...

Поковырялъ клюкой и тешки и на тешки поворчалъ: «межукосны... то-то! Все бы поплоше»...

— А въ мѣшкѣ что?—продолжалъ досмотръ.

— Хмѣлекъ на квасъ да на бражку,—былъ отвѣтъ.

— Развяжи, покажь.

Развязали мѣшокъ. Старикъ брезгливо зацѣпилъ горсть

хмѣлю, поднесъ къ глазамъ, къ носу, понюхалъ, поковырялъ другой рукой...

— И хмѣлишко скаредный!—Таково было заключеніе послѣ осмотра.

— Хмѣль доброй.

— Доброй, съ листомъ, точно табачище проклятой.

Исаія только пожалъ плечами. Приставъ зѣвалъ отъ скуки: ему давно хотѣлось купаться.

— Еще чего прислали? Сыми-ко цыновку.

Сняли цыновку. Голова старика такъ и заерзала изъ стороны въ сторону, лицо покраснѣло...

— Это еще что! А?

— Стяги говяжьи солены, да полти свиныя.

— Али я мясоядецъ! Али я не чернецъ! А? Еретикъ я, что ли!

Старикъ такъ взбѣленился, что сталъ клюкой выбрасывать стяги и полти на земь и топтать ногами...

— А! На смѣхъ прислали мяснова! А! Вотъ же вамъ!

— Господи! Что жъ это такое!—взмолился Исаія.—Да это не тебѣ присылка, а работнымъ твоимъ людишкамъ, портному швечишкѣ, шерстобиту да приспѣшнику, мірянамъ все.

Но старикъ и слышать ничего не хотѣлъ. Онъ бы, вѣроятно, еще долго шумѣлъ и горячился, если бы не замѣтилъ въ воротахъ бабъ и мужиковъ съ котомками. При видѣ ихъ онъ сразу присмирѣлъ. Онъ видѣлъ, что это люди пришлые, можетъ быть, издалека, изъ самой Москвы, пришли поклониться ему, «великому заточнику», и, быть можетъ, и окрестные селяне пришли къ нему полѣчиться.

Никонъ въ изгнаніи полюбилъ лекарское дѣло. Ему помогалъ въ этомъ инокъ Мордарій. Отецъ Мордарій часто ѣзжалъ, по порученію Никона, въ Москву и привозилъ оттуда лѣкарственные запасы, камень безуй, самое любимое лѣкарственное снадобье Никона, траву чечуй, звѣробойную, целибоху, росной ладонъ, деревянное масло, скипидаръ, нашатырь, купоросъ, квасцы и камфору.

При видѣ пришлыхъ людей, лицо Никона нѣсколько оживилось, глаза просвѣтлѣли, какъ будто и потеплѣли, весь видъ его какъ бы подобрѣлъ, и даже брюзгливый голосъ смягчился. И неудивительно: забытый всѣми старикъ, заброшенный въ пустын-

ное, мертвенное заточеніе, человѣкъ, пережившій свою славу, свое величіе, старикъ, у котораго разбита была вѣра въ единственнаго, въ «собиннаго» всей его жизни друга, въ «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича, нѣкогда всемогущій сосамодержецъ русской земли, а теперь арестантъ, котораго иногда нарочно дразнили и пристава его, и стрѣльцы, и монахи, особенно кирилловскіе, старикъ, уже больной и нравственно надломленный, онъ радъ былъ всякому проявленію къ нему участія и довѣрія, оживалъ при мысли, что и онъ еще не всѣми забытъ, что, если не бояре, эти «псы, лающіе только на нищихъ», то хоть простой народъ его помнитъ и цѣнитъ...

Неудивительно отчасти и то, что онъ такъ измельчалъ въ изгнаніи... Стальная воля Аввакума поддерживалась борьбой и настоящимъ подвигомъ мученичества, его рука тянулась за вѣнцомъ мученика... А Никону и бороться было не съ кѣмъ, кромѣ какъ съ кирилловскою братьею изъ-за грибовъ, да рыбы, да хмѣлю...

А мученичество его было невидное... не вѣнецъ у него впереди, а вѣнокъ изъ крапивы, который постоянно жегъ его безпокойную голову... Конечно, у Аввакума натура была цѣльнѣе; а Никона когда-то избаловало счастье, небывалое на землѣ, бѣшеное счастье, а потомъ все рухнуло, и выросла одна крапива, крапивный вѣнокъ на головѣ, крапива и въ сердцѣ...

Прохожіе, между тѣмъ, подошли къ крыльцу. Впереди выступали, снявъ шапки и вздѣвъ ихъ на длинные дорожные посохи, двое загорѣлыхъ бородатыхъ мужиковъ, обличье, стрижка и всѣ ухватки коихъ изобличали вольное казачество. Одѣты они были въ добрые зипуны. Запыленные сапоги глядѣли крѣпко, а по другой парѣ сапогъ висѣло за плечами, рядомъ съ объемистыми переметными сумами. Кожаные пояса, шириною почти въ ладонь, заставляли подозрѣвать, что тамъ, въ этихъ «чересахъ», имѣются денежки—золотые «лобанчики» и «левы» да «дукаты». Рукоятки ножей, торчавшія изъ-подъ зипуновъ, предупреждали и предостерегали всякаго любопытнаго, что «череса» тѣ сидятъ на своемъ мѣстѣ здорово. У обоихъ изъ нихъ было по серьгѣ въ ухѣ. Старшему, коренастому и черному, съ просѣдью въ бородѣ, казалось лѣтъ за пятьдесятъ; но, вглядываясь въ его сѣрые, полные жизни и энергіи глаза, подъ крутыми черными бровями, едва можно было дать ему двадцать лѣтъ. Младшему, красноватому и

нибко весноватому, съ курчавой бородой и такой же головой со стрижкой въ кружало, едва ли перевалило за сорокъ годовъ, а черные, маленькіе плутоватые глаза такъ и выговаривали сами собой: «много было бито и пито, давлено и граблено, надо и душу спасти»...

За ними плелся худой, сухой и корявый мужикъ на босыхъ, потрескавшихся отъ цыпокъ ногахъ, который велъ за руку такого же босоногаго, лѣтъ семи-восьми мальчика, съ головой и лицомъ обмотанными грязными тряпками. Мальчикъ, видимо, пухнулъ, не то съ голодухи, не то отъ болѣсти лихой.

За ними еще старуха въ рогатой кикѣ и молодая, худенькая, миловидная бабенка, съ головою, повязанною платкомъ. Большіе свѣтло-толубые глаза глядѣли совсѣмъ съ дѣтскою робостью.

Прохожіе низко кланялись и по очереди подходили къ Никону подъ благословеніе. Тотъ теперь не моталъ сердито рукою, не билъ ею воздухъ, не громыхалъ чотками, а благословлялъ плавно, истово, широко. Даже лицо старика преобразилось, и голова, казалось, меньше тряслась, не говорила: «нѣтъ, нѣтъ, не надо, не надоть»...

Прохожіе и приставу поклонились, косясь на него исподлобья, какъ бы говоря: «знаемъ мы васъ, боярское сѣмя: не ухватомъ, такъ сковородникомъ доѣдете»...

— Съ коехъ мѣстовъ Богъ несетъ, добрые люди?—ласково спросилъ Никонъ первыхъ.

— Съ тихово Дону, государь, святѣйшій патріархъ,—отвѣчалъ старшій, кланяясь.

По лицу и по запавшимъ глазамъ Никона словно скользнулъ свѣтъ, какъ бы отраженный отъ чего-то свѣтлаго извнѣ, и въ тотъ же моментъ стасъ. Лицо приняло спокойное, ласковое выраженіе, и только непокорная голова, казалось, еще упрямѣе зачастила: «нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть»... И князь Шайсуновъ навострилъ свои большія татарскія уши, словно бы до сихъ поръ силящіяся освободиться отъ шитой золотомъ тюбетейки предковъ...

Никонъ, взглянувъ мелькомъ на пристава, торопливо сказалъ:

— Не называйте меня, Божьи страннички, святѣйшимъ патріархомъ... Я болѣе не патріархъ, а простой инокъ, мнихъ сми-

ренный, рядовой монашишко... Отнято у меня патріашество, а въ патріашества мѣсто сниде на меня благодать лекарственная... Бысть мнѣ гласъ въ тонцѣ снѣ: «Никонъ, Никонъ! Отнято у тебя патріаршество, зато дана чаша лѣкарственная, лѣчи болящихъ»... И я Божіею помощію лѣчу...

Онъ остановился. Старуха громко вздохнула и поправила платокъ на головѣ молодухи. Глянули на нее и воровскіе глаза младшаго казака и словно выговорили: «ишь волоокая, только худа гораздо, щупленька»...

— А путь куда держите?—помолчавъ, спросилъ Никонъ.

— Да твоей святынѣ поклониться,—отвѣчалъ старшій.

— Много наслышаны,—добавилъ младшій, тряхнувъ, «кучерями».

— А коли твоя милость будетъ, осударь, благословишь насъ, и далѣ побредемъ,—пояснилъ старшій.

— Куда же именно?—спросилъ Никонъ.

— Въ Соловки, осударь.

— Отъ Никона къ Зосимѣ,—пояснилъ опять младшій:—съ молоду жито, о душѣ забыто: а теперь надоть и душу спасти,—бойко окончилъ онъ и покосился на молодуху.

У Никона опять глаза метнули искры и потухли. Онъ вспомнилъ, что лѣтъ шесть тому назадъ, когда онъ жилъ еще въ Воскресенскомъ монастырѣ, къ нему тоже приходилъ съ Дону этотъ крутолобый, глазастый казакъ и тоже шелъ съ «тихово Дону» въ Соловки «душу спасти». А вскорѣ пришли слухи, что этотъ крутолобый чуть не полъ-московскаго государства, словно краюху хлѣба, отмахнулъ себѣ и чуть всего московскаго государства вверхъ дномъ не поставилъ... То былъ Степанъ Тимоѳеичъ Разинъ, тоже съ виду тихоня и смирена, а вонъ какой окраекъ царства отворотилъ...

— Доброе дѣло, доброе дѣло душу спасти,—задумчиво сказалъ Никонъ.

Глаза этого крутолобаго Степьки съ Дону, казалось, глядѣли на него и теперь... «Эхъ, Степанъ, Степанъ, думалось ему, и тебя съѣли бояре»...

— А что на Дону у васъ теперь тихо?—спросилъ онъ.

— Тихо-ста... дѣловъ никакихъ... скучно... ну, вотъ и идемъ спасаться,—проговорилъ младшій.

— Ну, спасибо, что вспомнили меня смиреннаго и забы-

таго,—съ дрожью въ голосѣ промолвилъ Никонъ:—азъ есмь привмѣненъ съ нисходящими въ ровъ... Поживите у меня, отдохните, помолитесь...

Казаки поклонились.

— Челомъ бьемъ на добромъ словѣ, да на милости...

— Сымайте-ко переметки съ плечъ, облегчитесь, положьте вонъ туда, на заваленку,—вмѣшался Шайсуповъ, до того времени молчавшій и тоже иногда поглядывавшій на миловидную бабенку.

Казаки недовѣрчиво глянули и поклонились; но котомки все-таки сняли съ плечъ и положили.

— А ты что, старикъ?—обратился Никонъ къ босоногому старичку съ мальчикомъ.—Твое лицо какъ будто мнѣ знакомо.

— Да мы, отецъ родной, твои сироты: крохински,—прошамкалъ старикъ.

— А, изъ Крохина.

— Крохински, родной, крохински... Еще третьегодь ты мнѣ воспенново внучка вылѣчилъ, такъ съ той поры воспенными и дразнятъ насъ, Шадровитыми.

— А! Шадровитый, помню, помню,—обрадовался Никонъ.

— Шадровиты, точно, отецъ...

— Что жъ это у мальца-ту твоего? Чѣмъ недуженъ?

— Воспа у ево была, у Сысойки, внучекъ мнѣ тоже будетъ.

Никонъ велѣлъ подвести мальчика ближе. Изъ-за тряпокъ, которыми было обвязано лицо его и голова, виднѣлась сплошная кора изъ струпьевъ.

— Ай-ай-ай!—качалъ головою Никонъ.—Да онъ, кажись, весь отекъ, пухнетъ...

— Пухнетъ, отецъ, пухнетъ.

— Съ чего жъ бы это? А?

— Безъ хлѣбушка живемъ, съ тово, должно...

— Отъ заячьяго корму,—раздался вдругъ съ переходовъ чей-то добродушный голосъ.

Всѣ оглянулись. Къ крыльцу подходилъ низенькій, широколицый, улыбающійся монахъ, старый, но совсѣмъ безбородый, словно каженикъ, котораго крестилъ Филиппъ апостолъ.

— Съ заячьяго корму раздобрѣлъ отрочокъ, — повторилъ улыбающійся монахъ.

— А! Мордарушка... каженикъ,—улыбнулся Никонъ.

— Корочку ивову да липову, поди, грызли вмѣсто хлѣбушка, дѣдко?—спросилъ каженикъ.

— Корочку, отецъ, ивушку да липку,—былъ отвѣтъ.

— А съ конхъ мѣстъ безъ хлѣба-то?

— Съ поста, отецъ, съ поста... да лѣтомъ, слава ти, вальготно: кору не грыземъ, грибки есть да ягодки въ лѣсу, ими кормимся.

Голова Никона тряслась какъ будто съ укоромъ кому-то: «нѣтъ, нѣтъ, не такъ, не такъ надо»... И казаки какъ-то неодобрительно покачали головами.

Никонъ вопросительно взглянулъ на того, кого называлъ «Мордарушкой» и «каженикомъ».

— Покоримъ ихъ, какъ рукой сыметъ оное пухово,—замѣтилъ этотъ послѣдній съ доброй улыбкой.

— Да, Мордарушко, корми, корми ихъ... ахъ, Ты, Господи!—торопливо говорилъ Никонъ.

— Откормимъ, отецъ святой... Мужикъ, смердъ, что клонъ: кажись совсѣмъ высохъ, одни пленки въ емъ остались, подохъ совсѣмъ; а припусти ево къ себѣ, и онъ напился уже такъ, что вотъ-вотъ лопнетъ, и ожилъ, и здоровъ, и смердитъ... Такъ и мужикъ: кажись, помираетъ совсѣмъ, а вкинь ему въ брюхо хлѣбца чистенькаго, да рыбки либо мясца кусочекъ, ну и ожилъ, и работать здоровъ, и смердитъ гораздо...

— А струпья-тѣ струпья, глазъ мало видать,—качалъ головой Никонъ.

— И струпья сымемъ... святымъ маслицомъ отъ лампадки помажемъ, мигомъ исцѣлитъ,—успокаивалъ отецъ Мордарій.

— За глаза-тѣ страшно, Мордарушко.

— Что глаза! У смердешка глаза, что у щенка: покормилъ молочкомъ, ну и прозрѣлъ.

Отецъ Мордарій хорошо зналъ натуру смердью: покорми его, напой, и всѣ болѣсти рукой сыметъ.

— Такъ ты ужъ, Мордарушко, попечись о нихъ, — сказалъ, наконецъ, Никонъ.

Старикъ подтолкнулъ своего мальца, что-то шепнулъ ему, и они оба поклонились въ землю.

— Добро, добро, встаньте,—бормоталъ Никонъ, и въ голосѣ его звучала доброта и ласковость.—А ты что, баунька?—обратился онъ къ старушкѣ съ молодухой.

Старушка повалилась въ ноги.

— Полно, полно, бабка... говори, что у тебя.

— Дочка вотъ... исцѣли, угодникъ...

— Чѣмъ недужна?

— Охъ, угодничекъ!.. Порченна...

— Порченая? Бѣсноватая?

— Охъ, порчена, угодничекъ: бѣсъ въ ей... исцѣли, изгони бѣса-ту.

— Что жъ, выкликаетъ?

— Кличетъ, угодничекъ, кличетъ.

— А кого именно!

— Охъ, угодничекъ печерской! Епишку кличетъ.

— Кто жъ оный Епишка-то?

— Мужъ ейный будетъ... зятекъ мой...

Молодуха при этихъ словахъ сильно закашлялась и со стономъ ухватилась за правый бокъ.

— А что бокъ-отъ у тебя, милая?—ласково обратился къ ней Никонъ.

Молодуха не отвѣчала. Она, видимо, пересиливала боль, но выразительное лицо ея и дѣтскіе глаза выдавали ея страданія.

— Болитъ бокъ, миленькая?—еще ласковѣе переспросилъ Никонъ.

— Ребро у ей, угодничекъ,—отвѣчала за нее старуха.

— Что ребро?

— Перешиблено, батюшка.

— Какъ! Чѣмъ перешиблено, бабка?

— Полѣномъ, угодничекъ.

— Что ты говоришь? Кто перешибъ?

— Епишка, супругъ ихній.

Никонъ всплеснулъ руками. Князь Шайсуповъ только покачалъ головой, какъ бы говоря: «дѣло бывалое»... Казаки многозначительно переглядывались...

— Такъ вонъ онъ гдѣ бѣсъ-отъ, въ ребрѣ, хоть и молоденька еще красавица,—добродушно замѣтилъ каженикъ.—И онъ часто бьетъ ее?—спросилъ онъ старуху.

— Частенько-таки, батюшка: какъ пьянъ, такъ и бьетъ.

— И все полѣномъ.

— Нѣту, родной: бываетъ и за косы, всѣ косы выдеръ.

— А за что бьетъ?—спросилъ Никонъ.

— За красоту, угодничекъ, за красоту ея горемычную: говоритъ «всѣ-де на тебя глаза пялютъ, а ты-де и рада». Ну и бьетъ, чѣмъ попадя.

Старуха заплакала. У молодой тоже стояли въ глазахъ слезы и тихо скатывались по щекамъ.

— Когда жъ она выкликаетъ?—допрашиваетъ Никонъ.

— Какъ увидитъ, батюшка, пьяново-ту Епишку, такъ и задрожитъ вся, да и упадетъ замертво, и ну, и ну, кликать: Епишенька! Епишенька!».

Отецъ Мордарій, взглянувъ на Никона и замѣтивъ по трясущейся головѣ, что онъ сильно взволнованъ, подошелъ къ старухѣ и положилъ ей на плечо красную, пухлую руку.

— Слушай-ко, баунька, — сказалъ онъ медленно, — святой отецъ Никонъ изгонитъ изъ твоей дочки бѣса бражника, будь благонадежна... Теперь вы оставайтесь у насъ въ монастырѣ: мы дочку-то твою съ божьею помощію исцѣлимъ. А потомъ самово бѣса-ту возьмемъ въ монастырь и смиримъ его постомъ и молитвою...

— Такъ, такъ, Мордарушко,—одобрилъ его Никонъ.

— Посидитъ на пищѣ святого Антонія, шелковой станетъ. А не поможетъ, вербіемъ по тѣлу: а то и сыромятной стегавочкой по хребту смиримъ.

— Такъ, такъ,—машинально повторялъ Никонъ, думая о чемъ-то другомъ.

Ему опять вспомнился крутолобый казакъ съ Дону... Какъ широко онъ загадывалъ! Бояръ всѣхъ хотѣлъ перебрать «на сѣмяна, говоритъ, не оставлю... А тебя, отецъ святой, всѣмъ Дономъ, говоритъ, на патріаршество посадимъ»... Такъ не выгорѣло его дѣло... А что эти, съ какимъ дѣломъ?

Голова его опять заходила: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не будетъ этого»...

А еще собинным другомъ именовалъ и вторымъ отцомъ, то-то! А теперь Артамошка, поди, въ собины попалъ, Матвѣевъ... Какъ же! Умникъ, ученъ... «мусы» да «комидійныя дѣйства... у нихъ нонѣ въ ходу, а старый Никонко забытъ, яко безплодная смоковница»...

Опомнившись послѣ минутнаго раздумья, Никонъ увидѣлъ, что всѣ стоятъ вокругъ него и какъ бы чего-то ожидаютъ. Князь Шайсуповъ, сидя на нижней ступенькѣ крыльца, видимо, ску-

чалъ и выводилъ палкой на землѣ какія-то каракули. Привычный глазъ отца Мордарія тотчасъ же прочелъ эти каракули: «купатца вжаръ дюжѣ харашо»... Солнышко, дѣйствительно, уже припекало порядкомъ и купаться теперь было какъ разъ въ пору, въ Бѣломъ же озерѣ купанье знатное...

Казаки переминались съ ноги на ногу. Воровскіе глаза младшаго нѣтъ-нѣтъ да и пощупаютъ молодую бабенку... «А жаль, не бедраста, ущипнуть не за что», говорятъ воровскіе глаза.

— А ты вотъ что, Мордарушко,—сказалъ вдругъ Никонъ,—возьми дорогихъ-отъ гостей (и онъ указалъ на казаковъ), да покорми ихъ честію... И болящихъ-ту призри, накорми и напой...

— Ладно, святой отецъ, знаю свое дѣло,—кивнулъ головой каженикъ,—страннаго пріими, голоднаго накорми, босово обуй...

— А вы, божіи странники,—обратился Никонъ исключительно къ казакамъ,—потрапезуйте у насъ и опочите съ дороги, а опосля приходите ко мнѣ, хочу побесѣдовать съ вами; наставить васъ отъ писанія.

— Челомъ бьемъ на ласкѣ, — въ одинъ голосъ отвѣчали казаки.

— Ухъ, маритъ! — отозвался, наконецъ, Шайсуповъ. — Пойти покупаться

III. Мучительная ночь.

Вечеромъ того же дня казаки сидѣли у Никона въ кельѣ. Старикъ казался необыкновенно возбужденнымъ, что замѣтно было и по дрожанію головы, и по судорожному движенію рукъ, постоянно громыхавшихъ чотками.

— Бояре и царю поперекъ горла стали и водятъ его, что малаго ребенка, да ему, великому государю, то невдомекъ: потому доберъ сердцемъ гораздо, тихъ и мягокъ, аки воскъ: лѣпи изъ него умѣлый, что хочешь: Богу ли свѣчу, чорту ли кочергу... «Свѣте тихій», однимъ словомъ, такъ я его называлъ, когда онъ мнѣ еще вѣрилъ. Такъ нѣтъ! Загасили оный «свѣтъ тихій» бояре лиходѣи, а все по злобѣ на меня: я имъ не потакалъ, не давалъ имъ изводить государское сѣмя, ну, и распалились на Никона, на смердья сына. А смерды что! Смерды единые вѣрные слуги государевы, а бояре изъ-за своей гнусной корысти готовы и Христа въ ложкѣ воды утопить, не то что великаго государя.

Нынѣ и казаковъ хотятъ въ холопи къ себѣ закабалить, Донъ вашъ тихой весь своими утробами несытыми выпить...

— Ну, нѣтъ! Поперхнутся на первомъ ковшѣ,—мрачно замѣтилъ старшій казакъ.

— Отъ донской воды-тѣ боярское брюхо вспучитъ, рогомъ вода встанетъ,—пояснилъ младшій.

— Охъ, Господи! Что это? — испуганно воскликнулъ Никонъ.

Казаки встрепенулись. Никонъ съ ужасомъ, широко крестясь, глядѣлъ на что-то летающее по кельѣ.

— Что случилось, святѣйшій патріархъ?—участливо спросилъ старшій казакъ.

— Вонъ-вонъ... чертей ко мнѣ напустили бояре да чернецы... черти вонъ летаютъ... Охъ-те мнѣ!

Что-то черное, покружившись по кельѣ, прицѣпилось къ окладу иконы и съ шипомъ возилось тамъ. Младшій казакъ подошелъ къ иконѣ и схватилъ рукою это черное...

— А! Да это не чертъ, а настопырь,—сказалъ онъ улыбаясь.

— Настопырь по нашему, летуча мышка, великій патріархъ,—успокоивалъ старшій.

— Ахъ ты тварь! За палецъ тиснула!—вскрикнулъ младшій.—Вотъ же тебѣ!

Несчастное животное, напугавшее Никона, у котораго безсонныя ночи совсѣмъ разстроили воображеніе, запищало въ могучей рукѣ казака.

— А! Не любишь!.. Гляди-ко, патріархъ, какой звѣренышъ махонькій, съ мышку, ишь ушки каки...

И казакъ поднесъ свою добычу къ лицу Никона.

— Ай-ай! Выбрось его въ окно,—продолжалъ Никонъ брезгливо,—это бѣсъ во образѣ нетопыря... брось его и оградись крестомъ...

Казакъ швырнулъ своего маленькаго плѣнника въ открытое оконко. Никонъ перекрестилъ это окно, въ которое съ голубого неба глядѣлись мигающія звѣздочки, отражавшіяся и на гладкой поверхности Бѣлаго озера. Ночь была тихая и ясная, лѣтняя сѣверная ночь. Казакамъ слышно было, какъ съ берега неслись посвисты ночной птички, которую у нихъ зовутъ «овчарикомъ, свиститъ по ночамъ словно пастушокъ у стада... А Никонъ прислушивался къ чему-то другому: за монастырской огра-

дой въ рощѣ, человѣческимъ голосомъ выгукивала сова, и онъ вспомнилъ, что точно также, много лѣтъ назадъ, въ ночь передъ избраніемъ его на патріаршество, онъ прислушивался къ таинственному голосу этой птицы, пророчившей ему что-то невѣдомое...

За окномъ сквозь сонъ пропищала ласточка; вѣроятно, во снѣ ей померещился ястребъ, пискнула и замолкла...

— И у насъ на тихомъ Дону межъ несогласниками тѣ же слухи ходятъ,—нарушилъ молчаніе старшій казакъ.

— Какіе это «несогласники»?—спросилъ Никонъ.

— Да у насъ съ самаго Степана Тимоѳеича казацкій кругъ раскололся на двое, на «согласниковъ» и «несогласниковъ».

— «Согласниковъ» у насъ дразнятъ «московскими попихальниками, а то и «боярскими помыкачами», — пояснилъ младшій.

Никонъ, повидимому, не понималъ этихъ казацкихъ филологическихъ тонкостей.

— «Согласниковъ» Москва, значитъ, пихаетъ, куда хочетъ, и бояре ими помыкаютъ: съ того, значитъ, они и слывутъ у насъ «помыкачами» да «попихальниками», — болѣе вразумительно пояснилъ старшій.

— Кто-жъ у васъ эти московскіе согласники?—спросилъ Никонъ.

— Да которые казаки побогаче, которые, значитъ, шерстью московской обросли, земель да угодьевъ нахватали и ужъ сами въ бояре норовятъ на Дону попасть да рядовымъ казакамъ на шею сѣсть, тѣ, значитъ, всѣ московскіе согласники,—отвѣчалъ старшій.

— Одно слово, кровопийцы,—пояснилъ младшій.

— А кто-жъ ими верховодитъ?—допытывался Никонъ.

— Коршилко Яковлевъ, что Стеньку въ Москву возилъ.

— И въ холопы за то пожалованъ,—добавилъ младшій.

Никонъ вскинулъ на него глазами.

— А «несогласники» жъ кто у васъ?—спросилъ онъ.

— Вольные, рядовые казаки,—отвѣчалъ старшій,—что въ ярмѣ еще не бывали.

— Голутьба, у которыхъ зипуновъ нѣтъ,—продолжалъ пояснять младшій,—они также отъ бояръ норовятъ, какъ чортъ отъ ладону.

Никонъ опять вскинулъ на него глазами.

Сова продолжала погукивать, словно бы она предостерегала отъ чего-то Никона. «Овчарникъ» своимъ свистомъ продолжалъ напоминать казакамъ ихъ родимый Донъ... Когда-то они вновь попадутъ туда?

— А которые въ Астрахани митрополита Іосифа убили?— спросилъ Никонъ.

— Митрополита Осипа казаки сказнили за измѣну,—потупился старшій,—онъ за боярами руку тянулъ.

— Онъ съ Терекомъ воровскимъ дѣломъ переписывался, а въ казачій кругъ съ крестомъ пришелъ, словно мы нехристи!— горячо заговорилъ младшій.—На насъ на самихъ крестъ.

— Осипъ свою смерть заслужилъ,—успокаивалъ старшій.

— Онъ былъ боярскій похлебникъ... мягко стлалъ...

Никонъ продолжалъ нервно погромыхивать чотками, какъ бы силясь не слышать зловѣщаго голоса совы. Старшій изъ казаковъ нетерпѣливо двигался на лавкѣ, повидимому, не рѣшаясь сказать то, что у него было на душѣ. Онъ крякнулъ. Младшій глянулъ на него значительно.

— А мы къ тебѣ, святой отецъ, по дѣлу,—началъ старшій перѣшительно.

Никонъ вопросительно вскинулъ на него своими угрюмыми глазами.

— По дѣлу?

— По великому дѣлу...

— Что-жъ сказывай.—Голосъ старика дрогнулъ.

— Не въ Соловки мы идемъ...

— Не Соловки у насъ на умѣ,—пояснилъ младшій.

— Къ тебѣ мы пришли...

— За какимъ дѣломъ?

— Донъ прислалъ тебѣ, святѣйшій патріархъ, свое великое челобитье...

Онъ остановился. Никонъ ждалъ... А изъ рощи все доносится этотъ стонъ...

— Опростать себя отсюда приговорилъ Донъ...

У Никона вѣки дрогнули... Рука, перебиравшая чотки, застыла...

— Опростать и отъ бояръ,—добавилъ младшій.

Голова Никона опять заходила... «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ»...

— Пошли ты съ нами на Донъ грамоту: тихому-де Дону твое благословенье, навѣки нерушимо, а боярамъ-де, твоимъ и государевымъ супротивникамъ, неблагословенье...

— Анаѳема-проклятъ,—пояснилъ младшій.

— Въ тѣ поры мы въ кругу грамоту вычитаемъ и, стакавшись съ Запорогами, на бояръ ударимъ...

— На сѣмена не оставимъ...

— И тебя, святителя, опростаемъ...

— И будешь ты патріархомъ по гробъ жизни...

Въ это время подъ окномъ что-то хрустнуло... Никонъ вздрогнулъ и испуганно глянулъ на окно... Голова младшаго казака высунулась туда...

— А! Князь!.. Что не спишь?

— До вѣтру малость вышелъ,—послышался смущенный голосъ князя Шайсупова, который тихонько пробирался къ окошку, чтобы по московскому обычаю, подслушать. — До вѣтру...

— А, то-то... и носомъ слыхать,—насмѣшливо замѣтилъ казакъ,—несетъ...

— Ишь шутникъ, право, а! — отшучивался пойманный князь.

— Шутникъ ты, князь: другово мѣста не нашолъ до вѣтру окромѣ этого окна...

Смущенное татарское лицо глянуло въ окошко...

— Не спится что-то,—какъ бы извинялся онъ передъ Никономъ.—А вы объ чемъ тутъ бесѣдуете?

— О божественномъ,—пробурчалъ старшій казакъ.

— О перстахъ,—пояснилъ младшій.

Никонъ сидѣлъ ошеломленный. Глаза расширились, какъ отъ испугу, голова тряслась еще пуще, какъ бы все гоня отъ себя и отрицая «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ»...

. . . . . .

— Кажись, все написалъ... А крѣпонько таки написано... Можетъ, гдѣ и прилгалъ малость, да добро! Лишь бы крѣпонько... что дивить! Прилыгаю... А сказано не нами: «ложь конь во спасеніе»... Не мимо идутъ словеса сіи... Да и апостолъ Петръ,—на немъ же, аки на камнѣ, созиждалъ Христосъ церковь свою—и Петръ атъ святой прилыгалъ малость спасенія ради... «Языкъ-

де твой явѣтя творитъ, что и ты-де съ нимъ человѣкомъ заодно»... «Нѣтъ, говоритъ, не вѣмъ человѣка сего»... А пѣтель-ту и возгласи...

Такъ бормоталъ самъ съ собой Никонъ далеко за полночь, сидя у стола и разсматривая исписанный имъ листъ бумаги— письмо къ царю: онъ все писалъ по уходѣ казаковъ и пристава, не спалось ему отъ старости, да и возбужденъ онъ былъ рѣчами казаковъ.

— Да, отрекся апостолъ, а пѣтель-ту и возгласи...

И гдѣ-то въ монастырѣ, далеко, запѣлъ пѣтухъ... Никонъ вздрогнулъ...

— Ишь ты, евангельская птица поетъ...

Онъ перекрестился, зѣвнулъ, снова перекрестился.

— А нѣтъ и нонѣ не усну... Семъ-ка прочту, что я написалъ великому государю.

И, надѣвъ на носъ круглыя, огромныя, словно на воловьи глаза, очки, онъ началъ тихо читать:

«И нонѣ я, государь, боленъ, нагъ и босъ и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому многія зазорныя части не покрыты. Со всякой нужды келейной и недостатковъ оцынжалъ; руки больны, и лѣвая не подымается; на глазахъ бѣльмы отъ чаду и дыму; изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго; ноги пухнутъ и оттого не могу церковнаго правила править, а попъ одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ; никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого»...

— Крѣпонько-таки, крѣпонько... а и такъ бывало,—какъ бы оправдывался онъ самъ передъ собой.

«Оглашаютъ меня кирилловскіе,—продолжалъ онъ читать,— будто я ихъ монастырскихъ людей бью, а я никого не бивалъ. Нонѣ строитель Исаія здѣсь въ Ѳерапонтовѣ у келейнаго дѣла приставленъ, а у меня ихъ поварокъ Ларка, и оный Ларка ко всякому дѣлу, о чемъ я ему молвлю, говоритъ: «добръ Астартъ». А въ древнемъ писаніи, государь, идолъ былъ нѣкій сидонскій, Астартъ, и которые его за бога почитали, приглашали: «добръ Астартъ». Я ему, Ларкѣ, говаривалъ много разъ не зови меня Астартомъ; я, благодатью Божіею, христіанинъ, а не Астартъ.

И онъ, Ларка, не переставъ зовучи меня Астартомъ. Я жаловался на него строителю Исаіи, и строитель севодни смирялъ его передъ нашею кельею плетьми, а не я его билъ»...

— Что-жъ, не зови идоломъ, — снова оправдывался старикъ,—а то на! Добро-ста, говорятъ... то-то добро-ста!

«Прислалъ ты мнѣ, государь, онамедни бѣлугъ, да осетринки, да лососинки, да коврижекъ. А я было ожидалъ къ себѣ твоей государской милости и овощей, винограду въ патакѣ, яблочекъ, сливъ да вишенокъ, только тебѣ о томъ Господь Богъ не извѣстилъ, а здѣсь этой благодати никогда не видаемъ, и аще обрѣлъ буду предъ тобою, государь, пришли Господа ради убогому старцу. Да еще я тебѣ, государь, докучаю: которые здѣсь монастыри бѣдные, и тѣ ничего не даютъ положеннаго съ нихъ, а Кирилловъ и богатъ, а столовыхъ запасовъ не присылаетъ. Нонѣ грибовъ и прислали, токмо такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не станутъ ѣсть; рыбу прислали сухую, только голова да хвостъ; хмѣлю прислали съ листомъ, что и въ квасъ класть не годится. Прислали, чего не прошено: стяги говяжьи и полти свиныя на смѣхъ. Платьемъ и обувью я съ братьею обносился, а сшить некому, присланъ изъ Павлова монастыря портной швечишко не умѣющій, кромѣ шубнаго и сермяжнаго сшить и скроить о себѣ ничего не умѣетъ. Отъ недостройки въ погребѣ всѣ запасы овощи перемерзаютъ по зимамъ, помираемъ съ голоду, наги и босы ходимъ»...

Онъ взглянулъ на свои плисовые сапоги...

— Что-жъ! Хоть и плисовы, эка важность!—сердился онъ на кого-то.—А о н и въ бархатѣ рытомъ да золотѣ...

Онъ опять зѣвнулъ и перекрестился... Опять запѣлъ пѣтухъ ближе, громче...

— Ишь разорался,—сердился онъ на пѣтуха,—а свово дѣла не дѣлаешь,—куры-тѣ ничего не несутъ...

Онъ глянулъ на окно... Востокъ началъ блѣднѣть, къ утру идетъ, брезжитъ... Опять зѣвокъ...

— А все сна нѣту... Сонъ мой на патріаршемъ престолѣ остался, тамъ и сидитъ; въ бѣломъ клобукѣ мой сонъ ходилъ, такъ сняли...

Голова затряслась шибче, онъ сердился... Зашуршалъ бумагой...

«Еще, государь, отъ бѣднаго своего прошенья къ тебѣ не

перестану, яко червь отъ древоточенія, понемже утробою стѣсняемъ отъ Кириллова монастырря, что противъ твоего указа столовыхъ запасовъ не присылаютъ; а питаюся я твоимъ государевымъ жалованьемъ, покупаючи столовые запасы дорогою цѣною, да и купить стало негдѣ—пустое мѣсто и отъ города удалѣло, а у меня клячишки свои есть и коровенка для ради молочишка и маслица, а скотинныхъ кормовъ, сѣнъ и иныхъ нѣтъ, а ближе Кириллова монастыря иныхъ монастырей нѣтъ-же. А въ Кирилловѣ монастырѣ смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нихъ въ монастырѣ всѣ коровы пріѣлъ, а мнѣ пріѣсть ихъ нечѣмъ. А нынѣ священникъ и дьяконъ, и простой старецъ просятся отъ меня прочь, скудости ради пищныя, потому что ихъ кормить стало нечѣмъ, и келейнаго ради безпокойства, потому что печей нѣтъ; а держать мнѣ ихъ насильно нельзя, понеже они терпѣли у меня, помня мою милость къ себѣ прежнюю. Милостивый, милостивый, милостивый, великій государь, сотвори, Господа ради, со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцамъ меня заморить. Да вѣдомо мнѣ учинилось, что будто нѣкій чернецъ, именемъ Сергій, дьяконъ, говоритъ про меня, будто я не чаю воскресенья мертвыхъ. А я мню, что и тебѣ самому памятно, идѣже прилучится при твоемъ приходѣ во святую церковь, идѣже прилучится символу вѣры глаголатися, никому иному оставляю глаголати, но всюду самъ и до днесь. И ты, Господа ради, не повѣрь тому и, воспріимъ ревность Давида, погуби глаголющія неправду. Господа ради, вели печи сдѣлать, а не велишь, и братья разбредутся розно, и я останусь одинъ. Охъ, увы мнѣ, что буду!».

За окномъ что-то зашуршало. Онъ остановился... Послышалось сердитое воркованье голубя, другого, шелестъ крыльями объ оконные наличники...

— Ишь, голуби подрались... и у нихъ, что у людей же, вражда... о-охъ!

Онъ снова нагнулся къ бумагѣ и сталъ просматривать ее, подперевъ голову руками.

— Многонько-таки написано, да добро! Многонько у меня и накипѣло, а говорить не съ кѣмъ... Пускай великій государь читаетъ сіе мое слово, аки оное «Слово Даніила Заточника»... Не онъ первый, не онъ послѣдній: нынѣ Никонъ Заточникъ новый, а и послѣ Никона будутъ заточники: не нами сіе положено,

такъ было искони бѣ,—разсуждалъ старикъ самъ съ собою,—и голуби враждуютъ, а людямъ не занимать-стать вражды у голубей да у врабушковъ... о-охъ! Да полно того!

«Бьютъ челомъ тебѣ, великому государю, — снова зашуршалъ старикъ бумагой,—Кириллова монастыря старцы, будто посылаютъ они на Украйну покупать для меня вишни, и то тебѣ буди вѣдомо, что не едина мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня, только на прошлой годъ за вишни деньги дали, и строитель говоритъ, чтобъ имъ платить черемховымъ морсомъ за вишни, потому что черемха родилась и собирали великое множество того морса съ вотчинъ, и мнѣ не дали ни единой капли. Да на прошлый годъ собрали Кириллова монастыря крестьяне малины тоже не малое число ведеръ, а мнѣ не дали ни единой же капли. Они бьютъ челомъ тебѣ, будто отъ меня Кирилловъ монастырь раззоряется, а мнѣ раззорять Кирилловъ монастырь не кѣмъ; я мало могу и ходить отъ старости, и слышится намъ, что они сами Кирилловъ монастырь пустошатъ и съ крестьянъ денежные поборы частые собираютъ и посылаютъ къ Москвѣ и говорятъ: стало-де намъ челобитье на Никона тысячи въ двѣ, а хотя станетъ и въ пять тысячъ, и намъ будетъ отбиваться, и тѣмъ тебя, великаго государя, безчестятъ, будто про площадной приказъ говорятъ безстрашно; а на мнѣ милость твоя ни по челобитью, ни по дачамъ, но по твоей милости и разсмотрѣнію. Воистину скуднѣе и нищѣе насъ нонѣ нѣтъ. Сотвори милость, пожалуй рыбки и икорки, да умилосердися надо мною грѣшнымъ и надъ приставомъ, надъ князь Самойломъ, вели перемѣнить: онъ со всякія нужды помираетъ, да и меня уморилъ, поноже никто ни въ чемъ его не слушаетъ».

Онъ остановился и сидѣлъ, подперевъ голову руками, чтобъ она не тряслась. Онъ сидѣлъ такъ долго. Можно было подумать, что онъ уснулъ, еслибъ не шевелилась его борода...

Снова запѣлъ пѣтухъ вдали...

— Пѣтелъ возгласи... трикраты... да, ужъ трикраты... а ко мнѣ нейдетъ сонъ... Да, да, въ бѣломъ клобукѣ мой сонъ, въ клобукѣ... на престолѣ онъ на патріаршемъ, тамъ остался, нейдетъ въ мою келью... И сонъ, какъ и люди-жъ, обходятъ гонимаго... А что теперь царь-отъ, спитъ-ли? Что его сонъ? Поди, спитъ хорошо, что ему! Съ молодой женой нонѣ спитъ, съ На-

тальей Кирилловной... То-то покойница во блаженномъ успеніи дарица Марья Ильишна, святая была душенька...

Онъ поднялъ голову, всталъ, расправилъ спину, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и подошелъ къ окну. Въ окно уже заглядывало блѣдное утро: вырисовывался восточный горизонтъ и бѣловатымъ паромъ клубилось Бѣлое озеро.

— Опять не усну, нѣту сна... Пойти развѣ, побродить по берегу, може тамъ и найду сонъ...

Онъ взялъ клюку и побрелъ по кельямъ, слабо освѣщаемымъ блѣднѣвшимъ востокомъ. Изъ угловой кельи дверь вела прямо къ берегу озера. Никонъ вышелъ въ эту дверь и очутился на воздухѣ.

Подойдя къ самому берегу, онъ остановился и оперся на клюку. Озеро клубилось паромъ не на всей поверхности, а только мѣстами. Кое-гдѣ, вдали, на гладкой поверхности чернѣлись маленькія лодочки: это ранніе рыбаки на переметахъ осматривали заброшенные на ночь уды и крючки съ приманкой. У берега кое-гдѣ плескалась безсонная рыба...

— Ишь, и рыбка не спитъ, и ей сна нѣту...

Онъ побрелъ къ своему живорыбному садку, къ сажалкѣ для рыбы и раковъ, устроенной какъ разъ противъ оконъ его рабочей кельи. Сажалка — была большая плетеная корзина, опущенная въ воду и прикрѣпленная къ берегу веревками. Къ ней вели доски, укрѣпленныя на подставкахъ.

Никонъ подошелъ къ сажалкѣ. Поверхность въ ней замѣтно подергивалась рябью...

— Гуляетъ рыбка... Гуляй, добро, а то Ларка и нонѣ тебя сачкомъ выловитъ для ушицы мнѣ, не до гулянья будетъ!..

Онъ задумался. Востокъ начиналъ блѣднѣть и розовѣть.

— Тоже узнички, рыбка-то: въ заточеніи сидятъ, какъ вотъ и я... А Ларку добро постегали за Астарта, да добро! Помни!

Онъ побрелъ дальше по берегу. Становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй. Кое-гдѣ уже начинали чирикать воробьи и попискивать ласточки.

Онъ дошелъ до высокаго деревяннаго креста, стоявшаго на береговомъ взлобкѣ, на видномъ мѣстѣ, и, перекрестясь, поклонился до земли...

— Се мой крестъ, а се моя Голгоѳа душевная,—тихо проговорилъ онъ.—Пройдутъ годы, многая множество лѣтъ, и пра-

вославные будутъ стекаться къ сему кресту и сію надпись прочитывать: «Никонъ, божіею милостію патріархъ, поставилъ сій крестъ Христовъ, будучи въ заточеніи въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ»... И вспомянутъ тогда Никона... Кто бысть сей Никонъ?—рекутъ. А бысть онъ изъ простыхъ худородныхъ поповъ, отъ родителя смерда родомъ, именемъ Мины, и бѣгаше нѣкогда сей Мининъ сынъ Микитка босикомъ, нагъ и гладенъ, и бысть ему, оному Микиткѣ, пророчествовано отъ нѣкоего мужа татарина: «быти тебѣ Микитко, великимъ государемъ надъ царствомъ россійскимъ»... И сбысться пророчество: возведенъ бысть Микитко, во иночествѣ Никонъ, въ санъ россійскаго патріарха, и бысть собиннымъ другомъ царя и соправителемъ царства... И новоисправи, и новонапечата Никонъ россійскія книги церковныя, и бысть Никонъ велій въ царствѣ своемъ... И ненавистникъ добра отъ вѣка, діаволъ, распали на Никона завистію бояръ, и погубиша его... Бысть Никонъ, и се не бѣ...

Онъ горько задумался. Полуосвѣщенная отъ востока массивная фигура его, опиравшаяся на клюку, сама изображала подобіе надмогильнаго памятника, поставленнаго у креста...

— А теперь что я, что Никонъ патріархъ? Инокъ худый, монашишко, аки заяцъ псами затравленный, притча во языцѣхъ... И забытъ я, и преѕрѣнъ... О, Господи!..

Наклоненная голова его словно отъ острой боли закачалась изъ стороны въ сторону.

— Боже, Боже мой! Вскую мя еси оставилъ! О-ой!—стонетъ несчастный старикъ.

Предразсвѣтный вѣтерокъ шевелитъ сѣдыми прядями волосъ, спустившимися на плечи... Стоящая у креста фигура вырисовывается все отчетливѣе и ярче.

— Се мой крестъ, Господи! Душу мою распяли на крестѣ семъ, прободена душа моя, прободена до смерти... А за что? За гордость мою...

Онъ опустился на колѣни и припалъ головой къ землѣ... Плечи судорожно вздрагивали...

— Святѣйшій патріархъ, что съ тобой! Зачѣмъ такъ убиваться?—послышался вдругъ голосъ изъ-за креста...

И надъ Никономъ наклонилось круглое безбородое лицо.

— Встань, святѣйшій патріархъ... Посмотри, утро ужъ настало, а ты и не спалъ посямѣстъ...

Это былъ старецъ Мордарій... Онъ помогъ старику приподняться съ земли и повелъ его къ кельямъ. Никонъ повиновался...

— За гордость, за гордость,—бормоталъ онъ самъ съ собой,—и патріашества лишенъ, и сонъ взяли, вмѣстѣ съ бѣлымъ клобукомъ сняли сонъ съ головы, Боже, Боже!..

IV. Бакланъ и Киликейка.

Сонъ, котораго напрасно искалъ Никонъ, самъ пришелъ къ нему непрошенный.

Слезы, которыхъ давно не зналъ старикъ, облегчили его, и онъ, воротившись отъ креста въ свою келью и какъ бы отдавшись на волю Бога, уснулъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, который давно уже не посѣщалъ его. Сонъ перенесъ его въ далекое прошлое, въ молодые годы, когда на плечахъ его еще не лежало тяжелое величіе сана, и когда вокругъ него бѣгали и ласкались курчавые бѣлокуренькіе мальчики, его дѣти, а пучеглазая красавица жена расчесывала и цѣловала роскошные волосы своего ненагляднаго свѣтъ-Микитушки... Что за глаза! И проснувшись уже не рано, бодрый и какъ бы обновленный, онъ припоминалъ и этотъ сонъ, и эти милые глаза, которые потомъ, въ годины величія и славы и въ минуты горчайшія въ его жизни, являлись къ нему откуда-то какъ «глаза ангела».

Воспоминаніе о бесѣдѣ съ казаками, которая вчера заставляла его ощущать тайный страхъ, теперь оживляла и ободряла его, вливая смутную, но сладостную надежду въ сердце, уже было переставшее биться надеждами, надежду, что, быть можетъ, на закатѣ дней его, какъ та миѳологійная птица, о которой онъ читалъ въ нѣкоемъ древнемъ сказаніи, изъ пепла, возродится его вторая молодость, и онъ еще услышитъ, какъ будутъ гудѣть во срѣтеніе ему безчисленные колокола всѣхъ сорока-сороковъ церквей московскихъ, а тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ будетъ итти передъ нимъ, Никономъ, возсѣдающимъ на «жребяти осли», и кланяться ему передъ всѣмъ народомъ... И посреди этого великаго сонмища онъ опять увидитъ, какъ въ числѣ тысячъ и темъ глазъ народныхъ будутъ глядѣть на него и «глаза ангела»...

Размягченный и сонным видѣніемъ, и этими сладостными думами, онъ подошелъ къ окну и открылъ его. Бѣлое озеро свер-

кало, какъ сталь, отражая въ себѣ и голубое небо, и темную рощу. Въ душную келью врывались струи воздуха, напоенныя ароматомъ зелени.

Вдругъ онъ увидѣлъ, что какая-то огромная птица на длинныхъ ногахъ и съ длиннымъ, какъ у цапли, клювомъ, усѣвшись на край рыбной сажалки, таскаетъ изъ нея своимъ безобразнымъ клювомъ самую лучшую рыбу и безжалостно проглатываетъ.

— Что это? Бѣсъ во образѣ птицы!—удивился онъ и встревожился.—Цапля не цапля, баба не баба-птица... сказать бы журавль, такъ нѣтъ... Бѣсъ, видимое дѣло, бѣсъ,—изумленно бормоталъ онъ.

Онъ протеръ свои глаза, перекрестился, послалъ крестное знаменіе по направленію къ этому бѣсу-птицѣ... Нѣтъ, сидитъ и таскаетъ лучшую отборную рыбу...

— Бѣсъ, бѣсъ проклятый!.. Все это кирилловскіе старцы напустили на меня легіонъ бѣсовъ... Вотъ я же ему дамъ.

Онъ торопливо пошелъ за перегородку, въ свою спальную келейку, гдѣ у него надъ постелью висѣла на стѣнѣ пищаль. Снявъ ее со стѣны, онъ осмотрѣлъ курокъ, кремень, затравку, потеръ ногтемъ большого пальца объ остріе кремня, примялъ тѣмъ же ногтемъ порохъ на затравкѣ, перекрестилъ и кремень, и затравку, и дуло пищальное и, шепча какую-то молитву, торопливо подошелъ къ окну, выходившему къ сажалкѣ...

Птица-бѣсъ продолжалъ сидѣть на краю сажалки и таскалъ рыбу... Вотъ онъ вытащилъ молоденькаго сижка. Рыба встрепенулась и выскользнула изъ клюва, но упала не въ сажалу обратно, а въ озеро...

— Ахъ проклятый! Всю рыбу мою извелъ...

Старикъ примостился на колѣни, положилъ стволъ пищали на подоконникъ, приложился правой щекой къ прикладу и закрылъ лѣвый глазъ...

— Господи! Помози на бѣса... Архистратигъ Михайло! Порази нечистаго...

Птица-бѣсъ нацѣлился, еще что-то клюнулъ носомъ, вытянулъ шею...

Грянулъ выстрѣлъ, и птица, взмахнувъ крыльями, перевернулась и опрокинулась въ сажалку...

— Угодилъ... угодилъ... поразилъ бѣса!—радостно шепталъ старикъ, поспѣшая изъ своей кельи къ сажалкѣ...

Птица трепыхалась на поверхности воды. Старикъ торопливо взошелъ на мостки, приблизился къ самой сажалкѣ.

Странная птица, распластавшись на водѣ и болѣзненно трепыхаясь, при приближеніи Никона подняла свою гусиную голову съ огромнымъ, щелкающимъ клювомъ... Злые, не то сѣрые, не то зеленые глаза смотрѣли прямо въ глаза Никона.

— Бѣсъ... бѣсъ... заклинаю тебя именемъ божіимъ,—бормоталъ старикъ.

Птица силилась подняться... Никонъ ударилъ ее клюкой...

— Аминь-аминь, разсыпися!..

Но бѣсъ не разсыпался. На выстрѣлъ изъ монастыря высыпала братія, стрѣльцы, князь Шайсуповъ, казаки и старецъ Мордарій. Всѣ торопились къ сажалкѣ.

— Что-й-то? Въ ково онъ стрѣлилъ? Ково бьетъ?—изумлялись стрѣльцы.

— Ай да святѣйшій патріархъ! Ай да казакъ! Стрѣлять умѣетъ!—дивились казаки.

— Атаманъ! Одно слово атаманушка! Любо!

— Ково зашибъ, святой отецъ?—спрашивалъ Шайсуповъ.

— Бѣса, самово бѣса, князь Самойло!—взволнованно отвѣчалъ Никонъ, силясь попасть клюкой по птицѣ и подтащить ее къ себѣ.

— Да гдѣ онъ взялся, идолъ? Откелева?—изумлялся приставъ.

— Кирилловскіе напустили... изъ самово аду прилетѣлъ...

— Да какъ ты увидалъ ево?

— Въ окошко... онъ рыбу изъ сажалки таскалъ..

— А ты ево пищалью?

— Помогъ Владыка...

Съ трудомъ Никону удалось пригребсти къ себѣ раненую птицу, которая, повидимому, обезсилѣла и отъ потери крови, и отъ патріаршей клюки, что усердно колотила мнимаго бѣса... Нагнувшись, Никонъ схватилъ птицу за крыло и поднялъ. Птица рванулась, подняла голову и долбанула клювомъ старика въ руку...

— Ахъ, проклятый чуръ-чуръ меня! Святъ-святъ-святъ!..

Никонъ бросилъ ужасную птицу. Казаки засмѣялись. И Шайсуповъ не утерпѣлъ, разсмѣялся.

— Что, щиплетца больно?

— До крови, почитай...

— Это бакланъ-птица... У насъ ихъ на Дону прорва, — отозвался младшій казакъ.

Прибѣжалъ Ларка и, протискавшись промежъ Никона и Шайсупова, схватилъ сердитую птицу за шею. Птица слабо трепыхалась въ его рукахъ.

— А ты, святой отецъ, стрѣлять-ту дока, — удивлялся Шайсуповъ. — Гдѣ сему художеству навыкъ?

— А еще въ тѣ поры какъ въ скитахъ жилъ...

— То-то я смотрю! Гдѣ бы, я чай, старцу навыкнуть...

— Прирѣжь ево, Ларка, прирѣжь бѣса! — сказалъ Никонъ, обращаясь къ поварку.

— Добро-ста... прирѣжу...

Никонъ не разслышалъ ненавистнаго ему «добро-ста», которое, какъ и эта несчастная птица «бакланъ», стали достояніемъ исторіи. Ни Никонъ, сердившійся на Ларку, за «добро-ста» и застрѣлившій «баклана», ни Ларка, сѣченый плетьми за «добро-ста», не думали, не гадали, что и это «добро-ста», и этотъ «бакланъ», и самъ Ларка пріобрѣтутъ историческое безсмертіе... А они пріобрѣли его, послуживъ въ то же время орудіемъ къ большему еще отягощенію участи ѳерапонтовскаго заточника по смерти «собиннаго» друга его, царя Алексѣя Михайловича... И «добро-ста», и «бакланъ», и сѣченый Ларка это были обвинительные пункты, на коихъ основалось рѣшеніе властей о «тягчайшемъ смиреніи монаха Никона»...

— Отрѣжь ему голову.

— Добро-ста, отрѣжу.

— И крылья отсѣки.

— Добро-ста, отсѣку.

— И ноги урѣжь.

— Добро-ста...

Шайсуповъ не вытерпѣлъ и расхохотался, глядя на Ларку и на Никона.

— Бѣги же, неси топоръ...

— Добро-ста...

Шайсуповъ продолжалъ хохотать. Никонъ догадался.

— А ты опять меня идоломъ именуешь!—поднялъ онъ было клюку на Ларку; но Ларки и слѣдъ простылъ...

Звонили «къ правиламъ». Съ берега Никонъ прошелъ прямо въ церковь и сталъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на правомъ клиросѣ. Братіи было немного въ церкви; кто на рыбной ловлѣ, кто по другимъ работамъ, внѣ монастыря. Виднѣлись стрѣльцы, оба донскихъ казака, которые, крестясь, шибко встряхивали головами, обстриженными въ-кружало, и вчерашніе пришлые. Служилъ старенькій, слѣпенькій, гугнявый и весь потертый, какъ ржавый алтынъ, попикъ. Онъ не глядѣлъ въ книгу, потому что ничего въ ней, по слѣпотѣ и малоученію, не видѣлъ, а гугнявилъ такъ, «литургисалъ навпростецъ». Слабенькій голосокъ его перекрикивали голуби и воробьи, которые ютились на ветхомъ темномъ иконостасѣ, ворковали, чирикали, дрались и совершали свои любовныя дѣла... Глупая птица, несмысленная, безгрѣшная, не вѣдаетъ бо, что творитъ...

Никонъ молился съ умиленіемъ. Давно онъ такъ не маливался! И этотъ церковный полумракъ, и гугнявое, смиренное литургисаніе потертаго слѣпенькаго попика, и воркованье голубей, занятыхъ своимъ житейскимъ голубинымъ дѣломъ, и громкіе вздохи казаковъ, и покашливанья старцевъ, тихое погромыхиванье чотокъ, все это располагало къ умиленію... Никонъ задумался, задумался и забылся такъ сладко..

Въ той же задумчивости выходя изъ церкви и не глядя ни на кого, онъ на паперти нечаянно поднялъ глаза, и, что это такое? глаза его встрѣтились съ тѣми глазами... «глазами ангела»...

Онъ невольно остановился... Это глядѣла на него та молоденькая бабенка изъ Крохина, которую вчера мать привела къ Никону для изгнанія изъ нея бѣса... Она не смотрѣла теперь такою усталою, больною и худою, какъ наканунѣ: старецъ Мордарій, какъ отецъ родной, принялъ ихъ, обласкалъ, накормилъ, напоилъ, истопилъ для нихъ баньку и велѣлъ имъ въ ней попариться и помыться. Оспеннаго мальчика помазалъ святымъ масломъ по язвеннымъ мѣстамъ. Киликейку, такъ звали молоденькую бабенку, тоже полѣчилъ: велѣлъ ей послѣ бани тѣмъ же святымъ масличкомъ-елейцемъ намазать «болящій бочокъ»... Киликейка хорошо поѣла, выпарилась въ банькѣ, хорошо выспалась, отдохнула и смотрѣла теперь совсѣмъ оправившеюся, такъ что младшій казакъ, ощупавъ теперь ее всю своими воровскими гла-

зами, рѣшилъ: «ну, да и молодка же! Ни то погладить, ни то ущипнуть, ни то укусить, смерть хоцца!»..

Киликейка, увидавъ добрые глаза «дѣдки», робко подошла къ нему подъ благословеніе. «Дѣдко» благословилъ ее особенно съ нѣжнымъ чувствомъ, онъ такъ расположенъ былъ сегодня къ нѣжности...

— Буди благословенна, дочушка по Бозѣ! — прошепталъ онъ. Киликейка горячо припала влажными губами къ сухой руки «дѣдки».

— Иди за мной, я помолюсь о твоемъ здравіи, — тихо сказалъ «дѣдко», и пошелъ въ свою келью.

Киликейка робко послѣдовала за нимъ, не смѣя поднять глазъ.

— Вотъ старикамъ лафа, э-эхъ-ма! — съ завистью процѣдилъ младшій казакъ, провожая и ощупывая Киликейку жадными воровскими глазами.

Въ столовой кельѣ Никона былъ уже накрытъ маленькій столикъ, и на немъ стояло «утѣшеніе»: паюсная и зернистая икорка отъ благодѣтеля, великаго государя царя Алексѣя Михайловича, холодная осетрина, балычокъ астраханскій, шемаечка донская, рыжики въ уксусѣ, яблочки въ патокѣ, пастилка, винцо церковное.

Служка-келейникъ хорошо зналъ привычки святого отца, эти знанія внушены ему были клюкою святого старца; и въ то время, когда Никонъ «правило правилъ», былъ въ церкви, служка всегда къ его приходу готовилъ «утѣшеніе» и уходилъ, не смѣя показываться на глаза, пока святой отецъ кушалъ: онъ не любилъ, когда ему въ ротъ глядитъ служка, что собака, и провожаетъ глазами въ глотку всякій кусокъ; и служка только тогда осмѣливался появляться, когда святой отецъ стучалъ костылемъ въ стѣну или колотилъ имъ въ маленькое било, висѣвшее въ молельной кельѣ.

Войдя въ столовую, Никонъ помолился на кіоту и поставилъ въ уголъ клюку.

Киликейка стояла у порога и удивленными дѣтскими глазами оглядывала келью и все въ ней находившееся; нигдѣ, кромѣ церкви, не видала она ничего подобнаго... Глаза ея такъ и разбѣжались...

Никонъ ласково глянулъ на это наивное лицо съ разинутымъ ртомъ и съ свѣтлыми, лучистыми глазами.

— Какъ зовутъ тебя, милая? — кладя руку на плечо молоденькой женщины, спросилъ Никонъ.

— Киликейкой, — застѣнчиво отвѣчала она.

— Киликейкой! Какъ же это? Киликія? — удивлялся Никонъ. — И попъ зоветъ тебя Киликіей? А?

Киликейка смотрѣла на дѣдку своими глупыми, но хорошенькими глазами и ничего не отвѣчала.

— А! Догадался... Кикилія, а не Киликія... Мученицы Кикиліи память двадцать второво ноемврія... Такъ ты, Кикилія, «пляшущая», сирѣчь, попросту, плясовица. Такъ ты, миленькая, плясовица? А? Точно: образъ твой благолѣпъ зѣло, красавица, хоть бы Иродіадѣ плясавицѣ, такъ въ зависть бы...

Киликейка потупилась. Щеки ея такъ и залилъ молодой румянецъ.

— Ну, иди сядь, милая, потрапезуй со мной, — приглашалъ ее къ столу Никонъ. — Сказано бо: страннаго напитай.

Она нерѣшительно стояла. Старикъ взялъ ее ласково за плечо, подвелъ къ столу и посадилъ на лавку. Киликейка готова была заплакать: такой добрый былъ этотъ дѣдка...

Сѣлъ и Никонъ противъ нея въ деревянное изъ массивнаго дуба кресло. Онъ налилъ изъ муравленнаго кувшина чару «церковнаго», перекрестился и выпилъ. Налилъ еще и подалъ Киликейкѣ.

— Выпей, милая, церковное...

Та взяла чару и, не зная, что съ нею дѣлать, глупо глядѣла на старика своими дѣтскими глазами.

— Пей, Кикилія, раба божія: это церковное, въ немъ причастіе даютъ.

— Такъ надоть, — подумала Киликейка, — онъ бѣса изгоняетъ, — и выпила все, даже поперхнулась. Румянецъ разлился по всему ея молодому лицу, и она казалась еще болѣе красивою.

— Господи благослови! — Никонъ перекрестилъ стоявшее на столѣ всякое «утѣшеніе».

— Все съ молитвой, — подумала Киликейка, — святой дѣдко... божій.

Никонъ взялъ лежавшій на деревянной тарелкѣ кусокъ бѣлаго хлѣба, перекрестилъ его снова и разломилъ надвое. Ту

другую половину онъ густо намазалъ икрой, присыпалъ мелко искрошеннымъ зеленымъ лучкомъ и подалъ одну половину Киликейкѣ.

— Кушай, раба божія Кикилія: это хлѣбецъ божій со утѣшеніемъ.

— Такъ надоть... дѣдко добрый, боговъ... — И Кикилейка кушала хлѣбецъ божій со утѣшеніемъ. Ей стало какъ-то тепло и радостно, какъ давно не бывало: словно она опять въ дѣвкахъ и сидитъ съ парнями на посѣдкахъ... Лицо ея горѣло, въ головѣ какъ бы шумѣло, и боку стало легче...

— Это дѣдко лечитъ меня... таково хорошо мнѣ...

И самъ дѣдко кушалъ. Далъ онъ Киликейкѣ и осетринки, и все съ молитвой, все «раба божія». Всего далъ покушать Киликейкѣ.

Потомъ еще налилъ чару краснаго, самъ съ крестомъ выпилъ, налилъ и Киликейкѣ, перекрестилъ чару и далъ выпить Киликейкѣ.

«Такъ надоть»... И Киликейка выпила, но уже не поперхнулась; и такъ стало ей хорошо и сладостно, что и сказать нельзя: точно она въ раю... Ахъ, какой добрый, святой дѣдко!

— Такъ бьетъ тебя мужъ-атъ, милая? — спросилъ Никонъ, употчивавши свою гостью всѣми «утѣшеніями».

— Бьетъ, дѣдушко.

Она совсѣмъ забыла, что передъ ней патріархъ, котораго, не видя, она боялась какъ чего-то невѣдомаго. А теперь она сидитъ съ нимъ, ѣстъ и пьетъ «все святое» и не боится его: это не человѣкъ, а угодникъ божій, да такой добрый, словно матушка родима...

— За что-жъ онъ бьетъ-ту, милая?

— Такъ, ни за что.

— А давно?

— Съ самой свадьбы бьетъ.

— А давно ты замужемъ?

— Съ осени, дѣдушко.

— Такъ съ самой свадьбы и началъ бить?

— Съ первой же ночи... съ первово дни (Киликейка спохватилась и поправилась), съ первово дни и бьетъ.

По глазамъ Никона прошла какая-то неуловимая мысль... Голова его затряслась...

— Може, ты дѣвство не соблюла?

Молчитъ Киликейка и тупо смотритъ, ничего не поняла.

— Можетъ въ дѣвкахъ честь потеряла?

Киликейка закрыла лицо рукавомъ рубахи... — Нѣту, нѣту... не утеряла... — Она заплакала...

— За что же, милая? А? — Никонъ отвелъ ея руку отъ лица и, взглянувъ въ заплаканные глаза, перекрестилъ это раскраснѣвшееся лицо.

Киликейка успокоилась, утерла слезы, улыбнулась.

— За что же, миленькая?

— Да онъ, дѣдушко... онъ пьяной... меня батюшка выдалъ за ево силкомъ, онъ богатырь въ Крохинѣ у насъ...

— Ну, и что же, за что же бить-ту?

Она опять закрылась рукавомъ.. — Слабой онъ... не сдюжаетъ меня...

У Никона глаза блеснули...—Не можетъ? Слабъ плотію? А?

— Да... дѣвка я посемѣстъ... а онъ не сдюжаетъ меня...

— А бокъ когда-жъ онъ перешибъ тебѣ, милая?

— Онамедни, полѣномъ...

— Ахъ, онъ злодѣй!.. А который бокъ?

— Правой...

— И болитъ шибко бокъ-атъ?

— Нѣтъ, нонѣ не болитъ совсѣмъ... Дѣдушка Мордарій давалъ мнѣ святово елейцу, такъ я имъ въ банѣ помазала бокъ-атъ свой.

Никонъ всталъ и подошелъ къ ней...

— А нуко-сь, встань, милая.

Она встала.

— Покажь бочокъ, я посмотрю ево, какъ зашибенъ...

Она стояла, повидимому, ничего не понимая, и только хлопала глазами.

— Покажь, раба божія, бокъ-атъ, разстегни рубаху

Она не шевелилась.

— Дай-ко я самъ, милая.

И Никонъ сталъ разстегивать ея сборчатый воротъ... Она не давалась...

— Постой, постой, глупая, для тебя же...

— Може, надоть такъ... такъ надоть... — Эта мысль побѣ-

дила ее, и она безсильно опустила руки, покорилась... — Такъ надоть... Онъ святой... бѣса изгоняетъ...

Старикъ дрожащими руками распустилъ воротъ рубахи и спустилъ ее до пояса... Киликейка закрыла лицо руками и вся трепетала...

Старикъ повернулъ ее къ свѣту, нагнулся, дотронулся, какъ до раскаленнаго желѣза, до правой, упругой, словно точеной груди, до розоваго соска, нѣсколько прижалъ...

— Не больно?.. Нѣту?.. А вотъ пониже малость сине... тутъ ушибъ...

Она, казалось, ничего не слыхала, о чемъ тотъ ее спрашивалъ... Голова какъ будто кружилась, но не болѣла; все тѣло точно пылало...

— Послушать надоть сердце и легкія, — бормоталъ старикъ и, обхвативъ руками голыя плечи Киликейки, приложился щекой и ухомъ къ здоровому, лѣвому боку.

«Такъ надоть»... Киликейка чувствовала своимъ тѣломъ горячую щеку старика... Борода щекотала ее... Щека все крѣпче прижимается къ боку, потомъ выше—къ груди самой, къ сосцу... Дѣдко губами прижимается къ сосцу...

— Такъ надоть... бѣса изгоняетъ дѣдко...

— Сердце доброе... здраво, хвалити Господа...

И къ лѣвому боку дѣдко прижимается тихо, слушаетъ... А лѣвой рукой держится тамъ... за правую грудь... жметъ ее маленько... «Такъ надоть»...

— И легкія добры, — бормочетъ дѣдко, — только бокъ-атъ слеемъ надо мазать... заживетъ... все будетъ здорово... А нѣтъ ли чего пониже?

Дѣдко тамъ что-то дѣлаетъ у пояса сарафана... Онъ креститъ груди...

— Спаси, Господи, рабу божію, — говоритъ,—Киликейку...

Все что-то у пояса возится, распускаетъ сарафанъ... — Такъ надоть... Богородушка, спаси...

— А бѣса мы крестомъ, да святымъ масломъ, да кропиломъ — бормочетъ дѣдко, — силенъ онъ, врагъ рода человѣческаго, а крестъ-атъ сильнѣе ево живетъ... А въ церкви кличешь? А? Кличешь въ церкви на бѣса?

— Кличу и въ церкви.

— На херувимскую? А? Тогда кличешь?

— Какъ дьяконъ кадиломъ кадитъ, кличу.

— И дома кличешь?

— И дома кличу... Епишку выкликаю... боюсь ево... Ахъ! Ахъ!

Сарафанъ и рубаха упали на полъ... Киликейка, отнявъ руки отъ лица, увидѣла себя совсѣмъ голою...

— Ахъ, ахъ! Матыньки!..

— Ничево, милая, ничево... Господь съ тобой... все это отъ Бога... тѣло все отъ Бога... не грѣшное... въ тѣлѣ нѣту грѣха, оно божье, какъ и травка, крипъ сельный... Злоба токмо грѣховна...

Киликейка, не помня себя, желая только укрыться отъ глазъ, бросилась на грудь старика и, обхвативъ его, шептала въ безпамятствѣ:

— Ахъ, дѣдушко! Охъ, стыдно! Ахъ, стыдобушка! Матынки!

— Все тѣльцо елеемъ падоть освятить, все, миленькая!

— Охъ, стыдно, стыдно, дѣдушка мой!

— Все, все тѣльцо... всѣ уды... отъ бѣса...

— Охъ, умру!

— Все, все; а то бѣсъ силенъ...

— Дѣдушко! Святой! Матынки! О-о!

Киликейка начала «выкликать»: съ нею сдѣлался истерическій припадокъ, а Никонъ стоялъ надъ нею съ крестомъ и брызгалъ на нее кропиломъ, что еще болѣе усиливало припадки «порченой» *).

V. Арестъ Морозовои.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, нравственное и политическое раздвоеніе общества принимало угрожающіе размѣры. Взаимная борьба отколовшихся одна отъ другой половинъ московскаго общества становилась открытою, и фанатизмъ отколовшихся отъ правительства обострялся тѣмъ болѣе, чѣмъ круче принимались мѣры противъ непокорныхъ. Преслѣдованіе, такъ сказать,

*) Эпизодъ съ Ларкой поваркомъ и съ его «добро-ста», равно съ застрѣленнымъ «бакланомъ» и сцена съ Киликейкою въ кельѣ—не авторское измышленіе, а историческіе факты, которые любопытствующій читатель можетъ видѣть въ «Исторіи Россіи» Соловьева (т. XI, стр. 392, и т. XIII, стр. 245) и тамъ же—въ показаніи старца Іоны.

воспитывало и закаляло политическую твердость и неподатливость преслѣдуемыхъ: коли люди безстрашно и охотно сами идутъ добровольно умирать за что-то «свое» и считаютъ эту смерть славною, мученическою, то, всеконечно, истина на сторонѣ преслѣдуемыхъ, а не преслѣдователей... Увѣренность эта, какъ воздухъ, невѣдомыми путями проникала вездѣ: въ мужичью избу, въ купеческій домъ, въ боярскія палаты, въ монастырь и во дворецъ: вездѣ, словно изъ земли, выростали эти отколовшіеся, эти «раскольники», какъ ихъ тогда назвали, и царь, и царская дума, и всѣ приказы, какъ паутиной, опутаны были тайною сѣтью отколовшихся, начиная отъ сѣнныхъ дѣвушекъ и кончая думными боярами и даже женскими членами царскаго семейства. Ни одно тайное распоряженіе или даже намѣреніе, ни одно слово, сказанное даже шепотомъ во дворцѣ, не оставалось тайнымъ для отколовшихся: они все это узнавали вовремя и принимали «свои» мѣры. Власть теряла подъ собою почву, теряла голову и дѣлала еще болѣе крупныя ошибки, именно дѣлала то, чего не слѣдовало, что подрубало подъ корень ея популярность, отнимало у нея послѣднихъ союзниковъ: они становились въ ряды преслѣдуемыхъ, ибо преслѣдованіе заразительно: оно заражаетъ здоровыя мѣста, какъ чесотка, только чрезъ прикосновеніе... Чѣмъ болѣе усиливалось шпіонство со стороны власти, чѣмъ усерднѣе и искуснѣе стали дѣйствовать эти «никоніанскіе волки», тѣмъ болѣе усиливалось сопротивленіе отколовшихся, тѣмъ безтрепетнѣе дѣйствовали они, и тѣмъ быстрѣе формировались ихъ тайные легіоны...

Какъ только «волки», или, по тогдашнему, «волци», посѣтили Морозову въ день казни Стеньки Разина и пригрозили ей отнятіемъ вотчинъ, если она не изъявитъ покорности, такъ тотчасъ же, мягкая по природѣ, она сама превратилась въ волчицу и на угрозу отвѣчала угрозой — принять мученическую смерть. Мало того, она тотчасъ же объявила старицѣ Меланіи, что рѣшилась постричься, навсегда порвать связи со всѣмъ, съ чѣмъ соединила ее знатность ея рода и ея высокое положеніе при дворѣ...

«Волци» начали пробираться во всѣ знатные и незнатные, почему-либо подозрительные дома, а когда дѣлать это днемъ стало стыдно, то «волци» пробирались въ такіе дома по ночамъ,

обманомъ, «яко тати», чувствуя нечистоту своего дѣла и боясь уличнаго соблазна.

Когда Морозова объявила Меланіи о своемъ непремѣнномъ желаніи «воспріять ангельскій чинъ», хитрая, осторожная и умная старица, которой не могли вынюхать и выслѣдить никакіе «волци», несмотря на строжайшее повелѣніе объ этомъ «съ Верху» и со стороны давящихъ властей, неуловимая, съ рысьими глазками, старица всѣми силами старалась отклонить ее отъ этого рокового и опаснаго шага.

— Какъ ты, матушка, утаишь экое великое дѣло?—говорила она.—Пронюхаютъ о семъ «волци», и будетъ намъ, овечкамъ, послѣдняя горше первыхъ. Одно то, что въ своемъ дому тебѣ, миленькая, утаить сего нельзя будетъ: «волци» гораздо чуютъ, гдѣ кровію пахнетъ. А увѣдано будетъ это царемъ, многія, охъ, многія скорби будутъ многимъ людемъ разспросовъ ради, чтобъ только узнать, кто постригъ. Охъ, сколько овечекъ невинныхъ на дыбу взволокутъ! А бѣжать тебѣ изъ дому, что Варварѣ Великомученицѣ, такъ отъ того и горшія бѣды живутъ. А ежели и удастся это, не провѣдаютъ «волци», такъ новая бѣда страшничкомъ прибредетъ: придетъ пора сынка Иванушку боярченка бракомъ сочетать, пещись о свадебныхъ чинахъ и уряженій; а сіе инокинямъ не подобаетъ... А какъ ты укроешься отъ поповъ и «волковъ»? Вить въ церковь-ту тогда тебѣ ходить нельзя будетъ: ты не то, что мы, мыши подпольныя, насъ и «волци» не пымаютъ, ужъ больно мы махоньки, да чорненьки...

Но воля Морозовой не пошатнулась при видѣ картины будущихъ ужасовъ: ей казалось, что съ Лобнаго мѣста, съ высоты эшафота, къ ней повернулась голова человѣка, сдавленнаго между дубовыхъ досокъ, и большіе, какіе-то могучіе глаза, смотря въ ея очи, говорили: «видишь, сестрица, какъ умираютъ за правду: умри и ты такъ, и приходи скорѣй ко мнѣ»...

— Степа! Степа! Я хочу къ тебѣ!—страстно прошептала молодая боярыня.

— Что съ тобой, матушка!—изумленно спросила Меланія.—Какой Степа?

Морозова опомнилась и перекрестилась... «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка», звучало у нея въ сердцѣ, и этотъ голосъ, казалось, звалъ ее къ себѣ...

— А помнишь отца Аввакума?—спросила она.

— Помню, матушка, нашего свѣта-учителя.

— Я по немъ гряду...

Меланія должна была покориться, и молодую красавицу-боярыньку постригли.

Когда, во время тайнаго постриженія, отецъ Досиѳей, исполняя обрядъ, бросилъ на полъ ножницы и сказалъ: «подаждь ми ножницы сія», Морозова упала на колѣни и, подавая ножницы, страстно ломала руки.

— Урѣжь всю косу! Всю мою русу косыньку остригни, батюшко!—молила она.—Ноженьки Христовы я своею косою утирать хощу!

А сестра, молодая княгинюшка Овдотья Урусова, глядя на распущенную роскошную косу сестры, какъ до нея коснулись ножницы постригавшаго попа, плакала навзрыдъ, не имѣя силы отогнать отъ себя знакомой пѣсни, которую пѣли надъ ея сестрою и надъ этою русою косою въ день свадьбы:

Вечоръ мою русу косыньку, дѣвыньки-подруженьки заплетали...
Охъ-и моя косынька русая, кому тебя расплетать будетъ?..

— Вонъ кто расплелъ, Господи!

А самой Морозовой во время постриженія думалось не то. Ей представлялась ея роскошная расплетенная коса въ рукахъ палача, тамъ, на Красной площади, на Лобномъ мѣстѣ, откуда смотрѣли на нее незабываемые ею глаза предъ тѣмъ моментомъ, какъ голова вмѣстѣ съ этими глазами скатилась на помостъ... И смотрятъ на нее, на Ѳедосью, всею Москвою и бояре, и князи, и самъ царь со всею своею дворскою челядью: то ея послѣдній дѣвичникъ, послѣднее расплетеніе русой косыньки... Только свѣтъ Аввакумушко не увидитъ, далеко онъ, далеко, тамъ, куда и солнышко рѣдко заглядываетъ...

«Волци» скоро, однако, провѣдали о постриженіи Морозовой и доложили царю. Царь видѣлъ, что шатость проникла и къ нему во дворъ, что скоро, можетъ быть, на сторонѣ Аввакума окажется вся Москва, и онъ увидитъ себя на своемъ тронѣ болѣе одинокимъ нравственно, чѣмъ Аввакумъ въ своемъ мрачномъ подземельѣ, а Аввакумовъ врагъ, Никонъ, въ кельяхъ Ѳерапонтова монастыря... Царь рѣшился топоромъ и висѣлицей задушить внутреннюю крамолу, показать свой «огнепальный гнѣвъ» на

такой крупной въ московскомъ государствѣ личности, какъ боярыня Морозова, его же царская родственница...

— Подсѣку сей кедръ ливанскій! — сказалъ онъ, вспыхнувъ.—А горькія осинки и сами усохнутъ.

Юная Софьюшка царевна, слышавшая эти слова и страстно любившая свою «тетю Ѳедосьюшку», которая бывала кормливала ее коломенской двухсоюзной пастилой, тотчасъ же шепнула объ этомъ своей сѣнной дѣвушкѣ, чтобъ та предупредила «тетю Ѳедосьюшку о гнѣвѣ батюшковомъ»...

— Тяжко ей бороться со мною: одинъ кто изъ насъ одолѣетъ,—часто потомъ повторялъ Алексѣй Михайловичъ, задѣтый за живое удаленіемъ отъ него такого украшенія его двора, какъ боярыня Ѳедосья.

Тѣмъ зловѣщѣе звучали эти слова «тишайшаго», что передъ каремъ у нея уже не было прежней заступницы, царицы Марьи Ильишны, недавно «переставившейся»: ея мѣсто занимала молодая царица: вся пропитанная «повшествами», Наталья Кирилловна Нарышкина.

— Пускай и она посмотритъ, чья коса лучше, ейная или моя, какъ мою косу на Лобномъ мѣстѣ будетъ палачъ расплетать,—говорила Морозова, намекая на Наталью Кирилловну.

Какъ ярко сказалась женщина въ этихъ словахъ, такая даже женщина, которая искала смерти во имя своей идеи!.. Чья коса лучше?.. Морозова знала цѣну своей русой косѣ: она увѣрена была, вопреки пословицѣ, что, и снявши голову, по ея косѣ заплачутъ...

Разъ вечеромъ, глубокій осенью 1671 года, князь Урусовъ, воротившись изъ дворца, гдѣ онъ по своему положенію бывалъ каждый день, сказалъ своей женѣ:—Дунюшка! Съѣзди къ сестрѣ Ѳедосьѣ и скажи ей отай, что нонѣ ночью будетъ къ ней съ Верху присылка: скорби великія грядутъ на нее. Содержимый неукротимымъ гнѣвомъ царь созволяетъ на томъ, чтобы вскорѣ изгнать ее изъ дому... Да смотри, не мѣшкай: простися только съ ней, можетъ, въ семъ вѣкѣ больше и не увидитесь.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть весь богатый и многолюдный домъ Морозовой, только не самое хозяйку: гордая радость блеснула въ ея добрыхъ глазахъ... Приспѣ бо часъ пострадать... Слышишь, Степа, братецъ мой духовный!—колотилось у

ися въ сердцѣ. Расплетутъ косыньку, расплетутъ, чѣмъ бы ножки Христовы утереть...

Но въ тотъ же моментъ она вспомнила, что съ нею «волци» могутъ захватить и всѣхъ проживавшихъ въ ея домѣ старицъ и бѣличекъ. Она тотчасъ же собрала ихъ въ своей молельной.

— Матушки мои, голубицы!.. — говорила она собравшимся.—Время мое пришло ко мнѣ... Идите вы всѣ, куда васъ Господь наставитъ, а меня благословите и помолитеся, чтобъ Господь вашихъ ради молитвъ укрѣпилъ меня страдать о имени Господни.

Пораженныя ея словами, старицы и бѣлички не хотѣли оставлять своей «сестрицы-крина сельнаго»: онѣ хотѣли умереть вмѣстѣ съ нею...

— Мы съ тобой, мы съ тобой, нашъ кринъ сельный-цвѣточекъ лазоревый!—страстно молилась Акинфеюшка.—И мы хотимъ вѣнцовъ мученическихъ! Мы хотимъ, чтобъ у царя не достало ни вѣнцовъ, ни желѣза!

Но осторожная Меланія усмирила бурю.

— Не приспѣ бо часъ нашъ, сестрицы миленькія!—сказала она.—Пойдемъ въ міръ, пронесемъ слово божіе по всей землѣ... Приспѣетъ и нашъ часъ; и наши головы будутъ въ вѣнцахъ торчать на кольяхъ.

И все это сборище въ тотъ же вечеръ разсыпалось по Москвѣ, еще болѣе нафанатизированное.

Остались только Морозова и Урусова. Послѣдняя не послушалась мужа, не воротилась домой, чтобы уже и никогда болѣе не возвращаться туда...

— Мама! Мама!—влетѣлъ юный Морозовъ, Ванюшка, въ опочивальню, гдѣ сидѣли сестрицы.—Знаешь, что, мама?

Сердце у матери дрогнуло при видѣ раскраснѣвшагося юноши; но это же страстное сердце подсказало ей: «пущай онъ видитъ мою косу на Лобномъ... Мы читали о Матери, плакавшей при крестѣ, на коемъ былъ распятъ Сынъ: пущай по моей смерти будутъ честь о сынѣ, стоящемъ у матерней плахи и плачущемъ»...

— Что, сынокъ?—спросила она и со страстью перекрестила его курчавую голову.

— Я завтра, мама, поѣду къ Дюрдѣ на новомъ иноходцѣ и на новомъ черкасскомъ сѣдлѣ,—радостно сказалъ юноша.—Ахъ,

мама, какая ты черничкою стала хорошенькой!.. Такъ можно ѣхать, мама?

— Добро, родной, поѣзжай; а теперь поди почивать.

Мать снова перекрестила юношу, и онъ ушелъ... Ни онъ, ни она не знали, что больше не увидятся...

. . . . . .

Время за полночь. На дворѣ слышится вѣтеръ. Намокшія отъ дождя и растаявшаго снѣга вѣтки деревьевъ, что за переходами, хлещутъ въ окна переходовъ. Морозова и Урусова стоятъ въ той же моленной у аналоя передъ раскрытою книгою, освѣщаемою висящими лампадами. Тихо въ домѣ.

— Никакъ стучатъ, сестрица?—прислушивается Урусова.

— Это стучатся къ намъ въ окна голыя вѣтки, имъ холодно безъ листьевъ,—задумчиво отвѣчаетъ Морозова.

— И то, сестрица, вѣтки... А чти-ко дальше...

Морозова читала: «Тогда глагола имъ Исусъ: вси вы соблазнитеся о Мнѣ въ нощь сію. Писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада. Отвѣщавъ же Петръ рече Ему: аще и вси соблазняется о Тебѣ, азъ никогда же соблажнюся... Рече ему Исусъ: аминь глаголю тебѣ, яко въ сію нощь, прежде даже алекторъ не возгласитъ, трикраты отвержися Мене. Глагола ему Петръ: аще ми есть и умрети съ тобою, не отвергнуся Тебѣ. Такожде и вси ученицы рѣша. Тогда пріиде съ ними Исусъ въ весь, нарицаемую Геѳсиманія, и глагола ученикомъ: сѣдите ту, дондеже, шедъ, помолюся тамо. И поемъ Петра и оба сына Зеведеова, начатъ скорбѣти и тужити. Тогда глагола имъ Исусъ: прискорбна есть душа Моя до смерти: пождите здѣ и бдите со Мною. И пришедъ мало, паде на лицѣ своемъ, моляся и глаголя: Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не яко же азъ хощу, но яко же Ты»...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не отвергнусь!—какъ бы въ забывчивости проговорила Урусова.

— Что съ тобой, Дуня?—спросила Морозова.

— Я не отвергнусь отъ тебя, какъ Петръ, сестрица!—прошептала молодая княгиня.

— Полно, Дунюшка... Вонъ и Христосъ молился о чашѣ...

— Молись и ты, милая!

— Почто! Можетъ, мнѣ и не уготована чаша: вонъ никто не пейдетъ.

Онѣ снова стали прислушиваться: деревья шумѣли и хлестали въ окна попрежнему... Запѣлъ гдѣ-то пѣтухъ, за нимъ гдѣ-то дальше другой...

— Вотъ и алекторъ возгласилъ,—задумчиво сказала Урусова...

— За полночь время: видно, стыдятся рано брать меня...

— И Христа ночью брали... А прочти, сестрица, отъ Луки то мѣсто, какъ они пришли.

Морозова стала перелистывать книгу и, наконецъ, нашла, что искала...

— Вотъ... «Еще же ему глаголющу, се народъ, и нарицаемый Іуда, единъ отъ обоюнадесяте, идяще предъ ними; и приступи ко Исусови цѣловати Его. Сіе бо бѣ знаменіе далъ имъ: его же аще ложбу, той есть. Исусъ же рече ему: Іудо, лобзаніемъ ли сына человѣческаго предаеши? Видѣвше же, иже бѣху съ нимъ, бываемое, рѣша ему: Господи, аще ударимъ ножемъ? И удари одинъ нѣкій отъ нихъ архіереова раба, и урѣза ему ухо десное. Отвѣщавъ же Исусъ рече: оставите до сего. И коснувся уха его, исцѣли его. Рече же Исусъ ко пришедшимъ нань архіереомъ и воеводамъ церковнымъ и старцемъ: яко на разбойника ли изыдосте со оружіемъ и дрекольями яти Мя? По вся дни сущу ми съ вами въ церкви, не простросте руки на Мя. Но се есть ваша година и область темная»...

— Охъ, точно, сестрица: ихъ година ночная и темная, все ночью берутъ и на Москвѣ...

— Воистину, сестрица: неправда боится свѣту, яко тать...

Послышался глухой стукъ въ большія ворота. Звякнула желѣзная щеколда, и снова, казалось, все стихло.

— Пришли... я слышала щеколду,—дрогнувшимъ голосомъ сказала Урусова.

— Еще не цѣпи, не топоръ,—загадочно отвѣчала Морозова, взглянувъ на образа.

Послышался скрипъ главныхъ воротъ и какое-то бряцанье, словно цѣпями. На дворѣ испуганные голоса...

— Они... я слышу... на дворѣ...

— Съ оружіемъ и дрекольми, поди, — горько улыбнулась Морозова.

Въ постельную, испуганная и дрожащая, вошла старая няня.

— Охте намъ! Владычица!..

— Уйди! Уйди, няня!—строго сказала боярыня.—Это не къ тебѣ, а ко мнѣ... Уходи, иди къ Ванѣ!

Старушка, обхвативъ голову и качаясь изъ стороны въ сторону, вышла.

Слышно было, какъ растворялись входныя въ палаты двери, раздавались голоса... Вотъ уже близко.

Морозова упала на лавку и въ отчаяніи ломала руки. Урусова, стоя на колѣняхъ, подняла къ ней руки.

— Матушка-сестрица! Дерзай! Съ нами Христосъ, не бойся!

— Охъ, не боюсь я! Сама того искала!—страстно отвѣчала Морозова.—А плачу о томъ, что страдала мало!.. Я боярыня бѣлотѣлая, не изнурили меня, не измучили, я не заслужила вѣнца! Зачѣмъ я не смердовка голодная!

— Полно, полно, родная!.. Встань, положимъ начала... Идутъ...

Морозова выпрямилась, и глаза ея снова блеснули...—Попрошу, чтобы больше мучили, жгли бы боярское тѣло, клещами бы рвали,—мысленно порѣшила она.

Сестры, не торопясь, положили по семи приходныхъ поклоновъ. Дорогія чотки Морозовой звучали въ тактъ съ крупными жемчугами на шеѣ Урусовой, когда онѣ кланялись, шурша шелкомъ одеждъ: одна черной монашеской, другая цвѣтной, княжеской.

— Благословимся свидѣтельствовать истину,—сказала Морозова, тяжело дыша отъ поклоновъ и внутренняго волненія.

— Благословимся, сестрица.

Сестры благословили одна другую. Урусова потянулась къ сестрѣ, чтобы обнять и поцѣловать ее.

— Не прикасайся мнѣ, не убо взошла къ Отцу моему,—тихо отстранила ее Морозова.

— Что съ тобой, сестрица?—изумленно спросила молодая княгиня.

— Развѣ ты забыла, что мнѣ и съ сестрой нельзя цѣловаться, я инокиня... Развѣ въ гробѣ поцѣлуешь меня...

Урусова застонала и поклонилась сестрѣ въ ноги. Та отвѣтила ей такимъ же земнымъ поклономъ.

— Я лягу на одръ свой, а ты ложись тамъ, въ келейкѣ матери Меланіи, на ея одрѣ.

— Для чего ложиться, сестрица?

— А ты поли хочешь на ногахъ встрѣтить волка грядущаго въ овчарню и поклономъ почтить его?

— Нѣту, сестрица... А сидя?

— Недостоинъ онъ и того: тать входитъ въ домъ хозяину на одрѣ сущу... Это разбойники къ намъ идутъ.

Въ сосѣднихъ комнатахъ послышались шаги и голоса...

— Гдѣ они?

— Въ опочивальнѣ... туда входить нельзя...

— Что ты, рабъ-холопъ! Мы царевымъ именемъ...

Морозова, совсѣмъ одѣтая, легла на постель «на одръ», близь иконы Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія. Урусова удалилась въ сосѣднюю съ опочивальней келейку, гдѣ обыкновенно скрывалась Меланія, и всегда подъ чужими именами, потому что ее всегда разыскивали «волци» и не могли найти: она была неуловима, сегодня она Анна, завтра Александра, послѣ завтра Кикилія, Асклепіада, Нупеха, Вивея, Виринея, Овечка, и всѣ эти имена разыскивались, и ни одна «Овечка» не попадалась «волкамъ» въ руки.

Морозова лежала съ открытыми глазами, перебирая четки, и, по непонятному ей сцѣпленію мыслей, вдругъ вся перенеслась въ прошедшее, въ свое дѣвичество, когда въ своей вотчинѣ, стоя у тѣнистаго пруда, она кормила лебедей, а изъ-за лѣсу неслись звуки охотничьей трубы...

У дверей опочивальни звякнуло что-то металлическое, «сабля стрѣльца, либо крестъ попа», и двери съ шумомъ растворились... Въ дверяхъ показался черный клобукъ надъ блѣднымъ лицомъ съ рыжею бородою, а за нимъ лысая голова съ узкими, постоянно моргающими глазками... Далѣе въ глубинѣ слѣдующаго покоя звякали сабли, и грубо топались сапоги стрѣльцовъ...

— Се Іуда,—какъ бы читая евангеліе, проговорила вслухъ Морозова, не шевелясь и смѣло глядя на гостей,—се Іуда, единъ отъ обоюнадесяте пріиде, и съ нимъ народъ многъ со оружіемъ и дрекольями.

Пришедшіе, какъ бы подзадориваемые этими словами, «дерзостно» выступили на середину опочивальной.

— Ты кто?—обратилась Морозова къ клобуку, не перемѣняя своего положенія.

— Посолъ отъ великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго

величества, Чудова монастыря архимандритъ Іоакимъ,—торжественно отвѣчалъ клобукъ.

— А меня, боярыня, я чаю, знаешь? — спросила, щурясь глазами, лысая голова.

— Думнова дворянина Ларивона Иванова на Верху знавала, а разбойника Ларивона Иванова вижу впервое,—отвѣчала Морозова.

— Я не разбойникъ, а посолъ царевъ — гордо возразилъ думный дворянинъ.

— Царскіе послы не врываются по ночамъ къ честнымъ вдовицамъ въ опочивальни, яко тати и разбойники, — продолжала Морозова.—Почто вы днемъ не пришли?

— Не наше это дѣло, боярыня, а воля царева.

— Мы не спорить пришли,—перебилъ строго Іоакимъ,—а объявить воля цареву... Встань, боярыня.

— Не встану,—отвѣчала Морозова.

— Встань, говорю я!—настаивалъ Іоакимъ.—До тебя есть великаго государя слово, а его, лежа, слушать не подобаетъ.

— Не встану!—повторяла Морозова.

— Встань, да не впадеши въ напасть!

— Не встану, не шевельнусь!

И архимандритъ, и думный дворянинъ даже назадъ попятились... Вотъ баба!..

— Трикраты говорю: встань,—хрипло повторилъ архимандритъ, поднимая крестъ.

— Трикраты и стократы реку: не встану, перстомъ не пошевельну!

Послы въ недоумѣніи переглянулись: первый разъ въ жизни они наскочили на такой кремень бабу!.. А она лежала такая молодая, красивая, нѣжная.

— Боярыня! Ѳедосья Прокопьевна! — взмолился архимандритъ, боясь, чтобы и его не постигла опала за то, что онъ царскую титлу, экое великое дѣло! говоритъ передъ лежащей на постели бабой.—Боярыня! Присядь по малости.

— Я не присяду передъ татями!—былъ отвѣтъ.

— Ахъ, Господи!—всплеснулъ руками Ларіонъ Ивановъ.

— Вы тати, разбойники, а не послы!—продолжала боярыня, теребя чотки;—Вы, какъ жиды за Христомъ, пришли за мной ночью, по писанію: «се есть ваша година и область темная»...

У архимандрита крестъ въ рукахъ заходилъ отъ волненія: онъ чувствовалъ, что евангельское слово о ночныхъ набѣгахъ на раскольниковъ указываетъ именно на нихъ, бьетъ по ихъ совѣсти... Ему стало стыдно и омерзительно... «Отчего не днемъ! Зачѣмъ таиться!»... Краска стыда залила его лицо...

Онъ поспѣшилъ приступить къ формальному допросу.

— Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи указалъ тебя, боярыню Ѳедосью Прокопьеву дочь, Морозову вопрошать: какимъ крестомъ ты крестишься?— началъ онъ торжественно, словно литію въ церкви.

— Я крещусь крестомъ истиннымъ, вотъ какимъ! Смотрите!

И Морозова, вытянувъ на поднятой правой рукѣ два нѣжныхъ, пухлыхъ пальчика, указательный и средній, и пригнувъ остальные, стала широко и истово знаменоваться, сильно вдавливая пальцы въ бѣлый, какъ мраморъ, лобъ, въ животъ, въ плечи.

— Вотъ какъ я крещусь!—повторила она, гремя чотками.

Архимандритъ чувствовалъ, что онъ безсиленъ передъ этой женщиной, и нерѣшительно переминался на мѣстѣ... Онъ не зналъ, что ему дѣлать: Морозова такъ сильна при дворѣ и въ городѣ, что его же самого можетъ стереть въ порошокъ... «И се не бѣ», вертѣлся у него на умѣ какой-то страшный текстъ...

— А гдѣ обрѣтается старица Меланія?—свернулъ онъ свой допросъ на другое менѣе для него страшное лицо.—Не у тебя ли въ дому?

— По милости божіей и молитвами родителей нашихъ, по силѣ нашей, убогій нашъ домъ всегда отверстъ былъ для странныхъ рабовъ христовыхъ: было время, были Сидоры и Карпы, и Меланіи, и Александры... нынѣ же никого изъ нихъ нѣту,—отвѣчала она съ горькой улыбкой.

Между тѣмъ, Ларіонъ Ивановъ прошелъ въ келейку Меланіи, думая найти тамъ эту опасную и неуловимую женщину... При слабомъ мерцаніи лампадки онъ замѣтилъ кого-то на скромной, изъ голыхъ досокъ и съ деревяннымъ изголовьемъ кровати, что-то цвѣтное...

— Кто ты?—спросилъ онъ съ невольной дрожью въ голосѣ.

— Я жена Петра Урусова,—былъ отвѣтъ.

Ларіонъ Ивановъ попятился назадъ со страху... Сейчасъ только онъ видѣлъ ея мужа, князя Урусова, у царя... Вонъ куда забрались они, истинно «тати»! Но отступать было уже поздно...

— Ты какъ крестишься, княгиня Евдокія Прокопьевна?— спросилъ онъ по указу.

И эта сложила два перста... Ужасные персты! И самъ онъ, Ларіонъ Ивановъ, когда-то, да повинъ этихъ, крестился этими же перстами... И теперь рука невольно такъ слагается... «Охъ, Никонъ, Никонъ!»...

— Господи, Исусе Христе, Сыне божій, помилуй мя грѣшную!—произнесла Урусова.—Сице азъ вѣрую!

Ларіонъ Ивановъ и руками объ полы ударился... «Ну, наскочили!» вертѣлось у него на языкѣ.

— Охте-хте-хте,—качалъ онъ лысою головою, возвращаясь въ спочивальню.

Какъ-то безпомощно и боязливо переглянулись царскіе послы... «Что тутъ дѣлать? Какъ быть?» И ума не приложить... Стрѣльцы въ дверь заглядываютъ и тяжело вздыхаютъ, ерзая сапожищами и боясь чихнуть... «Эка службушка! Собачья, полупошная... А боярынька-ту пышечка лежитъ, ишь лазоревый тряточекъ, цыпочка какая!..»

Надо же что нибудь дѣлать посламъ.

— Пожди меня малость... Пойду, доложусь великому государю,—глухо проговорилъ архимандритъ.

Не глядя на Морозову, онъ вышелъ, оставивъ Ларіона Иванова съ глазу на глазъ съ боярынею. Ларіонъ стоялъ у притолоки, стараясь не глядѣть на хозяйку; а она, все въ томъ же положеніи, перебирая чотки, громко и нараспѣвъ, какъ обыкновенно читаются «страсти», читала наизусть: «Спира же и тысящникъ и слуги іудейскія яша Исуса, и связаша его и ведоша его ко Аннѣ первѣе: бѣ бо тесть Каіафѣ, иже бѣ архіерей лѣту тому. Бѣ же Каіафа давый совѣтъ іудеомъ, яко уне есть единому человѣку умрети за люди. По Исусѣ же идяше Симонъ Петръ и другій ученикъ: ученикъ же той бѣ знаемъ архіереови, и вниде со Исусомъ во дворъ архіереовъ. Петръ же стояше при дверехъ внѣ. Изыде убо ученикъ той, иже бѣ знаемъ архіереови, и рече дверницѣ, и введе Петра. Глагола же раба дверница Петрови: егда и ты ученикъ еси человѣка сего? Глагола онъ: нѣсмь. Стояху же раби и слуги огнь сотворше, яко зима бѣ, и грѣяхуся: бѣ же съ ними Петръ стоя и грѣяся. Архіерей же вопроси Исуса о ученицѣхъ его, и о ученіи его. Отвѣща ему Исусъ: азъ необинуяся глаголахъ міру, азъ всего учахъ на

сопмищихъ и въ церкви, идѣже всегда іудее снемлются, и тай не глаголахъ ничесоже. Что мя вопрошаеши? вопроси слышавшихъ, что глаголахъ имъ? се сіи видять, яже рѣхъ азъ. Сія-же рекшу ему, единъ отъ предстоящихъ слугъ удари въ ланиту Исуса, рекъ: тако ли отвѣщаваеши архіереови? Отвѣща ему Исусъ: аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ, что мя біеши?»...

Это ровное, какъ бы плачущее, чтеніе «страстей» подъ гулъ вѣтра за окнами производило потрясающее впечатлѣніе и на Ларіона Иванова, который обливался потомъ, и на стрѣльцовъ, тяжело дышавшихъ въ сосѣднемъ покоѣ и не смѣвшихъ пошевельнуться.

Всѣ ждали возвращенія отъ царя архимандрита.

VI. Стрѣлецъ Онисимко.

Архимандритъ пашелъ царя въ грановитой палатѣ. Была еще ночь, но Алексѣй Михайловичъ не спалъ. Послѣдніе смутные годы, борьба съ Никономъ и судъ надъ нимъ, напряженное преслѣдованіе раскола, который, повидимому, росъ съ поражающей силой, чувствуемая имъ атмосфера скрытаго неповиновенія даже въ самомъ дворцѣ, лишили его спокойнаго сна болѣе, чѣмъ внѣшнія войны и неудачи. Онъ сталъ необыкновенно подозрителенъ. Потерявъ нравственное равновѣсіе, онъ принималъ мѣры, одна другой суровѣе, не хотѣлъ поступиться ничѣмъ и былъ поражаемъ на каждомъ шагу своими же собственными мѣрами. Онъ видѣлъ, что народъ отъ него отшатнулся. Прежде, во время выѣздовъ, народъ тѣснился къ нему волнами, давилъ и заглушалъ его выраженіями своего восторга, а теперь народъ, видимо, сторонился отъ него, избѣгалъ встрѣчи, чтобы не попасться въ руки «волковъ», рыскавшихъ день и ночь по Москвѣ въ погонѣ за раскольниками и тайными крамольниками.

Царь это видѣлъ, волновался и дѣлалъ новыя ошибки и обиды обществу.

И сегодня онъ плохо спалъ, ожидая вѣсти о томъ, какъ Морозова приняла его волю...

— Всѣ точно сговорились скорѣе свести меня въ могилу, думалъ онъ, сидя въ грановитой палатѣ, окруженный боярами и ожидая возвращенія пословъ отъ Морозовой.

Царь былъ въ шапкѣ, какъ онъ обыкновенно принималъ бояръ раннимъ утромъ. Раннее утро въ то время начиналось вскорѣ послѣ полуночи, ибо въ то время люди еще не привыкли проводить за дѣлами и за удовольствіями на пролетъ цѣлыя ночи и ложились вмѣстѣ съ курами и вставали съ курами же. Въ послѣднія пять лѣтъ, что мы не видали Алексѣя Михайловича, онъ много измѣнился и постарѣлъ. Ясность взгляда и прозрачность сквозившей въ немъ души замѣнились чѣмъ-то тусклымъ, безжизненнымъ. Глаза его глядѣли прямо и какъ-то взглядывали пытливо и недовѣрчиво, какъ бы выпытывая: что де тамъ у него на душѣ?.. Лицо какъ-то осунулось, одряблѣло; углы губъ опали; сѣдина на вискахъ бѣлѣла, словно серебряная мишура...

По бокамъ его, въ отдаленіи, статуйнымъ образомъ, стояли бояре. Видно было, что многіе изъ нихъ не выспались, но зѣвать боялись: зѣвалъ одинъ царь и крестилъ ротъ рукою. Только глаза дьяка Алмаза Иванова чернѣлись на пергаментномъ лицѣ, осмысленно переносясь съ царя на бояръ и съ бояръ на царя, Видно, что эти рабочіе глаза привыкли къ безсонницѣ и начинали свою службу всегда съ пѣтухами. Петръ Урусовъ тревожно поглядывалъ на царя и на дверь. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ кивалъ тихо головою, выслушивая какія-то нашептыванья князя Юрія Долгорукова.

У царскаго сидѣнья, нѣсколько позади, стояли въ бѣлыхъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ молоденькіе, съ розовыми щеками, словно херувимчики, рынды и совсѣмъ дремали.

Тихо и робко вступилъ въ палату Іоакимъ и низко поклонился царю и боярамъ.

— Что, отецъ архимандритъ, винится боярыня?—торопливо протоворилъ царь, такъ что дремавшіе рынды вздрогнули и попятились.

— Сопротивляется, великій государь.

Архимандритъ рванулся было сказать, что боярыня не встала даже передъ «царской титлой», но спохватился и замолчалъ.

Алексѣй Михайловичъ какъ-то безпокойно откинулся на сидѣнье и передвинулъ шапку выше на лобъ, какъ будто-то бы ему стало жарко.

— Такъ гнушается нами? Не крестится? — спрашивалъ

онъ съ видимымъ раздраженіемъ, подозрительно взглядывая на бояръ.

— Не крестится, великій государь. Да и княгиня Авдотья, князя Петра Урусова...

— Но-ли, и она тамъ?—перебилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Тамотка, великій государь.

Алексѣй Михайловичъ глянулъ на Петра Урусова: онъ былъ увѣренъ въ его татарской, собачьей вѣрности. Урусовъ стоялъ блѣдный.

— Точно, великій государь, я не нашелъ жены дома и не зналъ, гдѣ она обрѣтается,—сказалъ онъ какъ бы на нѣмой вопросъ царя.

— Княгиня тамотка,—повторилъ архимандритъ.

— Что жъ она?—спросилъ царь.

— И она, великій государь, крѣпко сопротивляется твоему повелѣнію.

Царь взглянулъ снова на Урусова.

— Не думаю, чтобъ было такъ: слышалъ я, что княгиня смиренна, не гнушается нашей службы... Но та, сумасбродная, люта.

Урусовъ молчалъ. И рынды, и бояре косились на него, не то съ сочувствіемъ, не то съ боязнью. Онъ вспомнилъ, что вечеромъ, отсылая жену къ сестрѣ предупредить объ опасности, онъ сначала просилъ свою «Дунюшку» поскорѣе воротиться домой; но когда она на прощанье обняла его и, положивъ голову на плечо, шептала тихо и нѣжно, — Петруша, Петрушенька мой, соколикъ ясный! Что жъ будетъ съ нами?—онъ отвелъ отъ себя лицо ея съ заплаканными глазами и почти шепотомъ сказалъ:

— Княгиня! Послушай, еще азъ начну глаголати тебѣ, ты же внемли словесамъ Христовымъ... Онъ рече въ евангеліи, свѣтъ нашъ: предадятъ на сонмы и темницы... не убойтеся отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ лише что сотворити...

Царь сурово задумался и бормоталъ про себя,—тяжко ей бороться со мною, одинъ кто одолѣетъ...»

Онъ поднялъ голову и окинулъ глазами бояръ; онъ рѣшился...

— Отнять ее отъ дому!—было окончательное рѣшеніе.— Быть по сему!

Іоакимъ еще ниже поклонился и вышелъ, не поднимая головы.

Когда онъ воротился въ домъ Морозовой, то первымъ его дѣломъ было собрать всю челядь въ переднія обширныя палаты и подвергнуть общему допросу и сложеніи перстовъ.

— Какимъ крестомъ вы креститесь?—спросилъ онъ, водя своими холодными глазами по рядамъ челяди «мужска и женска пола».

— Правымъ крестомъ! — послышались голоса.

— Подымите руки и сложите персты.

Руки не подымались. Всѣ поглядывали другъ на друга и только переминались на мѣстѣ, ожидая, кто первый покажетъ примѣръ. Но никто не рѣшался быть первымъ.

— Креститесь! — повторилъ Іоакимъ свой приказъ инымъ образомъ.

Стоять и переминаются. Надо начать самому.

— Сице ли креститесь?—поднялъ онъ руку.—Такъ ли?

— Такъ такъ, батюшка!

— Подымите руки!

Руки поднялись, сначала робко, мало, потомъ всѣ и высоко... Не поднялись только двѣ руки. Іоакимъ увидѣлъ двухъ женщинъ, одну молодую, съ блѣднымъ, красивымъ лицомъ и черными глазами, смѣло глядѣвшими изъ подъ чернаго платка, и другую пожилую, съ лицомъ благодушнымъ и кроткими глазами.

— Какъ тебя зовутъ?—обратился онъ къ пожилой съ кроткими глазами.

— Степанидой звали,—отвѣчало благодушное лицо.

— Степанида Гнѣвная,—подсказалъ кто-то изъ челяди.

— Ты какъ крестишься, Стефанида?—снова обратился къ ней Іоакимъ.

— Вотъ такъ, батюшка, какъ отцы и дѣды крещивались, и какъ допрежь сево самъ государь царь Лексѣй Михайлычъ маливался,—добродушно отвѣчала Степанида Гнѣвная.

— А тебя какъ зовутъ?—обратился Іоакимъ къ младшей.

— Анной,—былъ отвѣтъ.

— Аннушка... Анна Амосовна, — подсказалъ кто-то изъ челяди снова.

— Ты какъ, Анна, крестишься?—продолжался допросъ.

— Такъ, какъ и Степанида-жъ.

Іоакимъ пожалъ плечами и велѣлъ стоявшимъ у дверей стрѣльцамъ отдѣлить отъ прочихъ «рабовъ и рабынь» Морозовой Степаниду Гнѣвную и Анну Амосову и, распустивъ остальныхъ, пошелъ въ опочивальню.

Теперь онъ вошелъ къ молодой боярынѣ смѣлѣе, чѣмъ прежде. Морозова продолжала лежать. А Ларіонъ Ивановъ сидѣлъ на лавкѣ, видимо пересиливая клонившій его голову сонъ.

— Встань, боярыня! Выслушай стоя царскую титлу и указъ!—сказалъ Іоакимъ торжественно.

— Не встану; я встаю токмо передъ титлою Царя Небеснаго,—былъ тотъ же отвѣтъ упрямой боярыни.

Архимандритъ откашлялся и взглянулъ на Ларіона Иванова. Тотъ стоялъ на вытяжку, ожидая царской титлы, экое великое дѣло! Титла царева...

— Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи указать изволилъ...—тромко провозгласилъ архимандритъ и остановился.

— Ну, досказывай, чернецъ! — кинула слово гордая боярыня.

— Указать изволилъ: тебя, боярыню Ѳедосью, Прокопьеву дочь Морозову, отогнать отъ дому!

— Только-то?—презрительно улыбнулась боярыня, не перемѣняя своего положенія.—Я сама себя отъ него и отъ смраднаго боярскаго сана давно отгнала.

— Не гордись, не гордись, боярыня!

— Ты гордишься своимъ холопствомъ у царя, а не я.

— То-то не умѣла ты жить въ покореніи, но утвердилась въ прекословіи своемъ; такъ полно тебѣ жить на высотѣ, сниди долу... Встань и иди отсюда.

Морозова продолжала лежать и только усиленно перебирала четки. Стрѣльцы изъ другого покоя робко просовывали въ дверь головы, чтобы вглянуть на боярыньку... «Эко лебедушка бѣлая!.. Поди вить и впрямь святая, и царя не боится... эка красавица!»...

— Встань и иди!—настаивалъ Іоакимъ.

— Не пойду... силой, аки мертвую, вынесете, — былъ отвѣтъ упрямицы.

— Ахъ ты, Господи!—Іоакимъ даже руками ударился объ полы.

— И впрямь нести надоть, — посовѣтовалъ Ларіонъ Ивановъ,—долго ль еще короводиться намъ тутотка! Вонъ скоро свѣтъ.

Въ окна уже, дѣйствительно, заглядывало морозное утро. Дождь и снѣгъ перестали: вѣтеръ дулъ съ полуночи, сиверко. Истомились и стрѣльцы.

— Позовите рабынь!—приказалъ имъ архимандритъ.

Стрѣльцы метнулись искать «рабынь» и скоро привели Степаниду Гнѣвную и Анну Амосовну. Тѣ со слезами бросились цѣловать руки у своей госпожи.

— Полно, полно, голубицы мои! Не плачьте! — съ чувствомъ говорила Морозова.—Не плачьте, а радуйтесь за меня... я больше не боярыня: отъ меня не смердитъ кровью...

— Матушка наша, святая ты наша! Золотъ перстень!—плакались «рабыни».

— Сымите ее съ ложа и посадите на сѣдалище сіе.

Іоакимъ указалъ на стоящее у постели высокое, обитое золотою матеріею, кресло.

— Сымите меня, голубицы мои!—сказала въ свою очередь и Морозова.—Я не повинуюсь еретикамъ, такъ пущай несутъ меня силою.

— Что ты, что ты, золотъ перстень!

— Сымите, други мои, я повелѣваю вамъ! — настаивала боярыня.

«Рабыни» повиновались и бережно усадили свою госпожу въ кресло. Іоакимъ позвалъ четырехъ стрѣльцовъ, стоявшихъ у дверей. Они робко вошли и поклонились хозяйкѣ.

— Здравствуйте, миленькіе!—ласково отвѣчала она имъ поклономъ.

— Возьмите и несите изъ дому,—распоряжался Іоакимъ.

Стрѣльцы попрежнему робко подошли къ кресламъ, но не рѣшались ихъ взять.

— Берите, миленькіе,—ободрила ихъ хозяйка.

Стрѣльцы нагнулись, осторожно приподняли кресло съ мо-

лодою боярынею и понесли черезъ всѣ богатыя палаты къ выходу.

За креслами шла Урусова, повторяя: «я-не отвергнуся тебе, сестрица... Апостолъ Петръ отвергся, и изшедъ вонъ плакася горько, а я не отвергнуся...

Тутъ же шли Степанида Гнѣвная и Анна Амосовна и плакали. Іоакимъ и Ларіонъ Ивановъ открывали шествіе.

Изъ внутреннихъ покоевъ показалось испуганное лицо юноши: это былъ сынъ Морозовой, Ванюшка, Иванъ Глѣбовичъ... Мать не видала его и не оглядывалась: она думала, что онъ спитъ...

— На новой лошадкѣ, на иноходцѣ, и на черкаскомъ сѣдельцѣ хотѣлъ голубчикъ нонѣ ѣхать къ Дюрьдинькѣ въ гости,— вспомнилось ей вчерашнее прощаніе съ сыномъ,—и онъ, и Дюрдя сиротки теперь, да добро: Богородица не намъ чета: лучше ихъ, матушка, взроститъ...

Ванюшка молча въ спину поклонился матери и закрылъ лицо руками...

Когда Морозову вынесли на крыльцо, было уже совсѣмъ свѣтло, и холодный вѣтеръ трепалъ голыя вѣтви деревьевъ. Въ домѣ и на дворѣ раздались вопли и причитанія. На улицѣ, противъ воротъ и дома знаменитой боярыни, тоже толпились любопытствующіе, и слышались непріязненные возгласы:

— Что это, дневной грабежъ! Боярыню изъ своего дома выбиваютъ! Эки нехристи!

— Матушка! Куда ее несутъ, голубушку? Хоронить живую, что ли?

На крыльцѣ вѣрная челядь успѣла накинуть на опальную боярыню съ сестрою по теплому платку и по шубейкѣ.

— Прощайте, миленькіе!—кланялась Морозова на всѣ четыре стороны.—Молитесь обо мнѣ, за крестъ хочу пострадать.

— Прощай, матушка боярыня! Молись за насъ грѣшныхъ!

— Матыньки! Да что жъ это такое будетъ, голубчики? Ноли Литва на насъ пришла?

Возгласы неслись со всѣхъ сторонъ, и каждый изъ этихъ возгласовъ, словно порывъ вѣтра, говоря иносказательно, обрывающій листья со старато дуба, отрывалъ у Алексѣя Михайловича народную любовь и довѣріе.

Морозову перенесли черезъ дворъ и внесли въ такъ называемыя «людскія хоромы».

Войдя въ хоромы, Іоакимъ приказалъ стрѣлецкому десятнику подать кандалы. Звукъ желѣзъ, вынимаемыхъ изъ мѣшка, заставилъ Урусову вздрогнуть, но Морозова обратилась къ сестрѣ со вздохомъ, сіяющимъ радостью.

— Слышишь, сестрица! Слышишь, Дунюшка!

— Слышу, сестрица! О-охъ!

— Не охай, а радуйся, Дуня милая! То наши новыя чотки звенятъ... Ахъ, какъ радостно звенятъ онѣ ко Господу!.. Лучше колоколовъ звонятъ... Каждый ихъ звоночекъ слышитъ ухо Христово, до сердца Божія звонятъ звоночки-тѣ эти...

— Ахъ, сестрица!

— Такъ, такъ, Дунюшка! Это наша молитва, цѣпи-тѣ, путы Христовы...

Стрѣлецкій десятникъ стоялъ нерѣшительно, держа въ рукахъ желѣза. Его добродушное лицо съ вздернутымъ носомъ и вообще мало сформировавшимся профилемъ заливалось красными пятнами стыда...

— Что жъ стоишь? Куй,—хрипло сказалъ Іоакимъ.

— Царева воля, заковывай,—повторилъ и Ларіонъ Ивановъ, не глядя на Морозову.

— Куй, миленькой!—ободряла десятскаго Морозова.—Куй, исполняй волю цареву токмо не при нихъ... Вонъ отсюда! — крикнула она на архимандрита и на Ларіона Иванова.—Вонъ, Пилаты! При васъ, на вашихъ глазахъ не обнажу ногу мою, не обнажу, во еже мнѣ и умрети...

Десятскій топтался на мѣстѣ. Урусова припала на колѣни передъ сестрой...

— Изыдите вонъ!—повторила упрямица.

Іоакимъ и думный переглянулись. «Надо покориться бѣсу-бабѣ», читалось въ глазахъ думнаго.

— А безъ насъ дашь себя заковать?—спросилъ Іоакимъ.

— Дамъ, не токмо ноги, но и выю дамъ заковать.

Іоакимъ и думный, пожимая плечами, вышли въ подклѣть, оставивъ сестеръ съ стрѣльцами.

— Куй, миленькой,—ласково обратилась Морозова къ десятскому и, приподнявъ немного ряску, показала маленькія въ

шитыхъ золотомъ черевичкахъ ножки и часть полныхъ икоръ, обтянутыхъ бѣлыми чулками.

Стрѣлецъ сталъ на колѣни, нагнулся и еще болѣе вспыхнулъ, покраснѣли даже уши.

— Куй же, вотъ мои ноги...

Стрѣлецъ пыхтѣлъ, не смѣя взглянуть въ лицо арестанткѣ.

— Микола угодникъ! Эки махоньки ножки... да это робячьи ножки, у робенка словно,—безсвязно и растерянно бормоталъ онъ,—тутъ и ковать нечего, ничевошеньки... эхъ!

Морозова горько улыбнулась, а Урусова, припавъ головой къ ручкѣ креселъ, тихо всхлипывала:

— Куй, миленькой... Христа ради... для Христа это...

Стрѣлецъ отчаянно тряхнулъ волосами и перекрестился... двумя перстами... У Морозовой глаза блеснули радостью...

— Миленькой! Братецъ! Куй же!—И она восторженно перекрестила стрѣльца и его наклоненную, встрепанную голову.

Стрѣлецъ дрожащею рукою дотронулся до ноги боярыни, словно до раскаленнаго желѣза... Рознялъ кольцо ножное, обножіе желѣза и дрожащими пальцами обвилъ это кольцо вокругъ ноги повыше щиколотки...

— Прости, матушка... мученица... не я кую, нужда куетъ... крестное цѣлованіе, дѣтки махоньки... Микола угодникъ...— бормоталъ онъ, замыкая обножіе.

То же сдѣлалъ онъ и съ другою ногою, безсвязно борморча:— эки ножки... робячьи... крохотки... экъ только ну!.. Ужъ и служба же проклятая!.. Ахъ, ножки божьи, ахъ!..

И онъ порывисто, крестясь и утирая слезы, припалъ лицомъ къ закованнымъ имъ ногамъ и цѣловалъ ихъ, какъ святыню...

— Матушка! Прости! Святыя ножки... молись объ насъ... помяни раба божія Онисимку стрѣльца... ахъ!

Остальные стрѣльцы стояли и набожно крестились.

VII. Поруганіе надъ Морозовой.

Черезъ три дня, утромъ, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, на обширномъ дворѣ дома Морозовыхъ и на улицѣ, у воротъ и противъ дома, толпились кучи народа: на дворѣ челядь, рабы и рабыни Морозовой, на улицѣ, за воротами, толпы любопытствующихъ и нищихъ, сопровождавшія всякій выѣздъ знатной

боярыни, какъ было и тогда, семь лѣтъ назадъ, когда Морозова ѣздила въ гости къ Ртищевымъ слушать словесныя «на-кулачки» между Аввакумомъ и Симеономъ Полоцкимъ.

И теперь, повидимому, ждали выѣзда Морозовой. На дворѣ, у крыльца главнаго подъѣзда, стояла богатая, извѣстная всей Москвѣ «каптана» Морозихи, украшенная бронзою, «муссіею и серебромъ и аргамаки многими» карета, запряженная двѣнадцатью бѣлыми рѣдкими конями съ великолѣпными «гремячими чѣпьми». Около «каптаны» толпились рабы и рабыни, числомъ не менѣе двухсотъ, ожидая торжественнаго выхода. На козлахъ попрежнему сидѣлъ сѣдобородый плотный кучеръ, бояринъ не бояринъ, попъ не попъ, а что-то очень важное, въ высокой мѣховой шапкѣ съ голубымъ верхомъ на подобіе купола Василія Блаженнаго, сидѣлъ, важно поглядывая на толпу и сплевывая черезъ спесивую губу, и здоровыми ручищами въ оленьихъ рукавицахъ сдерживалъ коней, грызшихъ и пѣнившихъ слюною блестящія удила. На каждой изъ лошадей, запряженныхъ цугомъ, сидѣло по молоденькому вершнику въ высокихъ шапкахъ съ голубыми верхами... Все, рѣшительно все глядѣло такъ же торжественно, какъ и семь лѣтъ назадъ... Не было только Ѳеди юродиваго, котораго удавили за вѣру въ далекой Мезени, на глазахъ у толпы...

— Али, родимый, Морозиху ждутъ, народу-то что натолкалось?—спрашивала оборванная нищенка бѣлобрысаго дѣтину изъ Охотнаго ряду въ шапкѣ такихъ размѣровъ, что изъ ея мѣху можно было бы выкроить три добрыхъ шапки.

— Знамо, Морозиху, не тебя, мочену грушу,—осклабился дѣтина.

— А какъ же, милой, сказывали, будто ее, боярыню-ту, за двуперстіе на чѣпь посадили, а какъ стали, сказываютъ, ноги-ту ейныя чѣпью заковывать, такъ отъ ногъ-атъ огнь изыде и стрѣльцу Онисимкѣ всю бороду опалило...

— Точно опалило,—подхватила торговка оладейница,—я въ тѣ поры оладьи волокла въ Охотный рядъ, такъ видѣла своими глазыньками, аки бы дымъ какой на дворѣ, а на трубѣ ворона каркала, и ужъ таково страшно...

— Ахъ, Владычица-Предотеча! Что жъ Онисимкѣ-то?

— Да что, сказывали въ обжорномъ ряду: какъ увидалъ царь-отъ осударь Онисимку, да и испужайся, и говоритъ: «она-

де, Морозиха, мученица есть, привезти-де ее ко мнѣ во дворецъ въ золотой каптанѣ»...

Въ это время съ задняго двора выѣхали простыя дровни, покрытыя соломкой и запряженныя водовозной клячей, и остановились у крыльца людскихъ хоромъ. Клячу велъ подъ уздцы стрѣлецъ.

— А дровни-тѣ, родимая, для кого-жъ будутъ?—спросила нищенка у оладейницы.

— Не вѣдаю, милая...

— Дровни-тѣ подъ тебя, мочена груша,—зубоскалилъ дѣтина изъ Охотнаго ряду.

— Охальникъ ты, охальникъ и есть!—обидѣлась нищенка.

— Пра, баунька, вотъ-тѣ крестъ татарскій! Хотятъ, чу, везти тебя царю на показъ.

— Идетъ! Идетъ!—заволновалась улица.

Съ главнаго крыльца сходилъ кто-то, поддерживаемый подъ руки плачущею старою нянюшкой и мрачнымъ слугою Иванушкою: но только это сходила не Морозова. Видна была наглухо застегнутая соболья шуба да высокая боярская шапка, а, повидимому, плачущее лицо закрыто было ладонями.

— Боярченокъ, боярченокъ! — пронеслось въ толпѣ,—Ванюшка, Иванъ Глѣбычъ Морозовъ.

— Ахъ, родимыя! Какъ онъ плачетъ-то, сердешный.

Юнаго Морозова, обливающагося слезами, посадили въ каптану и захлопнули дверцы. Иванушка сталъ на запяткахъ.

— Въ Кремль, подъ царскіе переходы! — крикнулъ Иванушка кучеру, и каптана двинулась, зазвенѣвъ на весь дворъ «тремячими чѣпьми».

Въ этотъ же моментъ, гремя другого рода цѣпями, стрѣльцы сносили съ крыльца людскихъ хоромъ кого-то въ нагольномъ тулупѣ, прикованнаго къ массивному дубовому стулу... Ропотъ ужаса прошелъ въ толпѣ... На дворѣ послышались вопли и причитанья...

Это стрѣльцы снесли на дровни Морозову и положили на солому. Она была прикована, какъ цѣпная собака, массивною цѣпью за шею. Цѣпь привинчена была къ стулу.

Голова Морозовой закутана была чернымъ шерстянымъ платкомъ, концы котораго спускались на нагольный тулупъ, но не прикрывали цѣпи, тянувшейся отъ шеи къ стулу.

За нею вынесли въ такомъ же одѣяніи и тоже прикованною къ стулу Урусову и положили рядомъ съ сетрою на дровни.

Толпа и на дворѣ, и за воротами, пропустивъ блестящую каптану, замерла на мѣстѣ.

Морозова, загремѣвъ цѣпью и поцѣловавъ ее, высоко подняла правую руку съ двумя вытянутыми пальцами.

— Слава тебѣ, Господи! — громко произнесла она,—Яко сподобилъ меня еси Павловы узы носити.

— О-о—хо—хо!—заохали бабы.

— Кто жъ этотъ, родимая, Павелъ-то, что она клянетъ котораго?—спросила любознательная нищенка.

— А Крутицкій митрополитъ, краснощекій Павелъ, видывала?—отвѣчала оладейница.

— Видывала, родимая, какъ же.

— Еще онъ тоже, какъ и я вотъ, грѣшная, смолоду оладейникомъ былъ, оладьи да блины въ Обжорномъ ряду продавалъ... Не даромъ Аввакумъ протопопъ обличалъ его: «Павелъ, тытъ, краснощокой, не живалъ духовно: блинами-де все торговалъ да оладьями, да какъ учинился попенкомъ, такъ по боярскимъ дворамъ блюда лизать научился»...

— Ужъ язычекъ же у Аввакума!

Дровни, сопровождаемыя стрѣльцами, выѣхали со двора. За ними и рядомъ съ ними толпою слѣдовала челядь и всѣ тѣ массы любопытствующихъ, которыя ожидали пышнаго выѣзда боярыни Морозовой. Но это былъ не тотъ выѣздъ, къ которому привыкли москвичи. Впереди ѣхала блестящая каптана, громыхавшая дорогой упряжью и поражавшая торжественнымъ шествіемъ, цугомъ, двѣнадцати бѣлыхъ аргамаковъ съ вершниками; но за каптаною не слѣдовалъ никто. Напротивъ, всѣ массы пораженныхъ небывалымъ зрѣлищемъ москвичей толпились вокругъ дровень. По мѣрѣ движенія по московскимъ улицамъ этого страннаго поѣзда, къ нему присоединялись все большія и большія толпы: портные оставляли свои кроечные столы, сидѣльцы—свои лавки, ряды и линіи, нищіе бросали паперти, у которыхъ собирали милостыню, бражники оставляли кружала, на которыхъ бражничали, и все спѣшило присоединиться къ поѣзду Морозовой. А она лежала на дровняхъ, высоко поднимала руку съ сложеннымъ двуперстнымъ знаменіемъ креста и звонко потрясала цѣпью, прикованною къ стулу.

— Смотрите, смотрите, православные! Вотъ моя драгоцѣнная колесница, а вотъ чѣпи драгія... Въ этой драгоцѣнной колесницѣ я, коли сподобитъ Господь, достигну рая свѣтлаго, а въ той каптанѣ (и она указывала на слѣдовавшую впереди карету свою) одна была мнѣ дорога, въ адъ... Молитесь такъ, православные, вотъ сицевымъ знаменіемъ!

Страстныя рѣчи молодой боярыни, и при такой потрясающей обстановкѣ, жаромъ и холодомъ обдавали толпу... Многіе испуганно крестились, женщины плакали. Стрѣльцы, сопровождавшіе поѣздъ, шли съ потупленными головами: имъ стыдно было глядѣть по сторонамъ, такое унизительное распоряженіе исполняли они!.. «Эхъ, и распроклятая же собачья служба!» горько качалъ головою Онисимко десятскій.

А Урусова, лежа на дровняхъ рядомъ съ сестрою, часто крестилась и читала псаломъ: «помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ»...

Сестеръ везли въ Кремль, подъ царскіе переходы. Наканунѣ ихъ изъ-подъ стражи водили въ Чудовъ монастырь для увѣщанія. Когда думный Ларіонъ Ивановъ явился къ нимъ въ подклѣть людскихъ хоромъ, гдѣ онѣ содержались подъ карауломъ, и по повелѣнію царя требовалъ, чтобъ сестры шли за нимъ, куда онъ поведетъ ихъ, упрямицы наотрѣзъ отказались итти, и тогда Морозову опять понесли въ креслахъ, а Урусова шла за ней слѣдомъ. Эта процессія надѣлала много шуму въ Москвѣ, хотя происходила раннимъ утромъ. Бабы, шедшія на рынки, и крестьяне, привозившіе въ городъ сѣно и дрова, а равно богомольцы, возвращавшіеся отъ заутрень, съ удивленіемъ видѣли, какъ холопы, предшествуемые и сопровождаемые стрѣльцами, несли на креслахъ какую-то боярыню молоденькую, не то больную, не то бѣсноватую, только нѣтъ не бѣсноватая она, потому что всю дорогу она крестилась истово; а другую такую же молодую боярыньку, которая плакала, холопы вели подъ руки... Оказалось, что ихъ ожидали въ Чудовомъ монастырѣ, въ пріемной палатѣ, митрополитъ крутицкій, «краснощокій Павелъ изъ оладейниковъ и блинниковъ», знакомый уже намъ архимандритъ Іоакимъ и нѣсколько думныхъ. Павелъ былъ главный сыщикъ по дѣламъ раскола, главный «волкъ». Когда Морозову внесли въ палату, то она усердно поклонилась образамъ, а думнымъ поклонилась высокомѣрно и презрительно, едва кивнувъ голо-

вой: «малое и худое поклоненіе сотворила». Но потомъ она тотчасъ же сѣла въ свое кресло и ни за какія просьбы не хотѣла встать: «никогда я не склонюся и не встану передъ мучителями моими», говорила она настойчиво... Павелъ зналъ и понималъ высокую породу Морозовой и увѣщалъ ее тихо, ласково, умолялъ покориться царю. Боярыня стояла на своемъ. Павелъ хотѣлъ размягчить ея непреклонную волю напоминаніемъ о сынѣ. «Христу живу я, а не сыну» попрежнему непреклонно отвѣчала она.

Убѣжденія не дѣйствовали; увѣщанія оказались напрасными. Тогда приступили

— Какимъ ты крестомъ крестишься?

— Старымъ, истиннымъ, коимъ и ты допрежъ сего крестился, а не никоніанскою щепотью.

— Причастишься ли ты хотя по тѣмъ служебникамъ, по коимъ причащаются великій государь, благовѣрная царица и царевны?

— Не причащуся! Знаю, что царь причащается по развращеннымъ служебникамъ Никонова изданія.

Митрополитъ думалъ поразить ее крутымъ вопросомъ, припереть ее, такъ сказать, къ стѣнѣ.

— Какъ же ты думаешь о насъ всѣхъ: ноли мы всѣ, и царь, и освященный соборъ, и бояре, еретики?

— Врагъ Божій Никонъ своими ересями, какъ блевотиною, наблевалъ, а вы нонѣ то скверненіе его полизаете: явно, что и вы подобны ему,—былъ безповоротный отвѣтъ.

Урусова отвѣчала то же... Ихъ снова отправили въ подклѣть подъ стражу...

Сегодня вмѣсто ножныхъ желѣзъ ихъ приковали за шеи къ стульямъ-колодкамъ. Это была самая позорящая заковка, собачья, словно собакъ за шеи ковали. Но Морозова радовалась этой заковкѣ и съ благоговѣніемъ поцѣловала холодное желѣзное огорліе цѣпи, когда Онисимко, весь трепеща, надѣвалъ и замыкалъ его на бѣлой шеѣ боярыньки, а ножные кандалы, снявъ съ ея «махонькихъ, робячьихъ ножекъ», положилъ къ себѣ за пазуху, чтобъ потомъ повѣсить ихъ у себя подъ образами и молиться на нихъ, какъ на святыню... Вотъ къ какимъ результатамъ приводили суровыя преслѣдованія!

Сегодня непокорныхъ сестеръ рѣшили позорно, «съ великимъ

безчестіемъ» провезти по Москвѣ... И вотъ ихъ везутъ въ Кремль, подъ царскіе переходы, чтобы самъ царь могъ видѣть униженіе самой крупной сановницы своего государства, и чтобы «жестоковыйная ослушница» сама «нарочито восчувствовала стыдъ и раскаяніе»... Такъ понимали тогда сердце человѣческое... Чтобы еще болѣе усилить позорность униженія, велѣно было впереди позорной колесницы-дровней провезти богатую карету Морозовой, въ которой она ѣзжала ко двору прежде, и въ эту осиротѣвшую каптану посадить ни въ чемъ неповиннаго сына непокорной...

Такъ и сдѣлали.

Но этотъ-то самый позоръ, это глумленіе надъ ея породой, надъ богатствомъ, знатностію и женской стыдливостію, это безжалостное стеганіе по сердцу и всему, что могло быть дорого обыкновенной человѣческой душѣ, это-то и наполняло восторгомъ и умиленіемъ страстную душу Морозовой. Ей хотѣлось, чтобы въ этомъ «опозориваніи» видѣли ее всѣ, кто зналъ ее и завидовалъ ей въ пору ея могущества и славы, и чтобы видѣли ее въ этомъ «уничиженіи до зѣла» даже тѣ, которые любили ее, которые могли скорбѣть о ея участи... «Горькій видъ мой, сіе уничиженіе до зѣла, елеемъ спасенія падутъ и на ихъ душу», думалось ей... «Увидятъ меня въ семъ уничиженіи и царь, и молодая царица, и Софьюшка-царевна... Бѣдная Софьюшка! Воистину ей будетъ жаль меня, и помолится она о душѣ своей тети Ѳедосьюшки... Только ужъ пастилки ей коломенской двухсоюзной не дастъ тетя Ѳедосьюшка... И Васенька Голицынъ увидитъ меня, и Урусовъ Петръ... Бѣдная Дуня! Не отреклась она отъ меня, яко Петръ... Ахъ, только свѣтъ мой Аввакумушко не увидитъ меня въ уничиженіи до зѣла, во славѣ моей, не увидитъ, миленькой... Въ земляной темной темницѣ сидитъ онъ... Да полно, живъ ли онъ ужъ? Можетъ, и его удавили, либо, что хлѣбецъ крупичатый, испекли въ пещи огненной... А онъ, Степанъ Тимофеичъ, видитъ меня... И его на цѣпи везли, что собаку... Да онъ заслужилъ, самъ каялся... А все же онъ научилъ меня страдать со дерзновеніемъ... Слышу, слышу я: вѣтеръ шумитъ въ липахъ, а онъ сидитъ за желѣзной рѣшеткой и поетъ:

Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати.

Когда позорный поѣздъ слѣдовалъ черезъ Красную площадь, мимо Лобнаго мѣста, Морозова оглянулась на мѣсто казни Стеньки Разина. Тамъ, у Лобнаго моста, на высокомъ колу все еще торчала голова казненнаго, не голова, а голый костякъ, покрытый снѣгомъ... Ей показалось, что изъ черныхъ глазныхъ впадинъ на нее смотрѣли глаза Стеньки, какъ они смотрѣли на нее тогда изъ-подъ дубовыхъ досокъ на плахѣ... На костякѣ сидѣла ворона и, оборотившись къ Кремлю, каркала...

Когда дровни проѣзжали Фроловскими, нынѣ Спасскими воротами, то на выѣздѣ они проѣхали мимо двухъ оборванныхъ и, повидимому, подвыпившихъ церковниковъ съ косичками, которые о чемъ-то спорили.

— Ты не такъ, Кузьма, поешь сей стихъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ не такъ! Нѣтъ, такъ!

— Сказано не такъ! Во какъ пой: «сорока, сорока, зелеэ-о-ный хвостъ»...

— «Въ Чермнѣ морѣ», въ «Чермнѣ м-о-о-рѣ»...

— Что вы тутъ разорались, бражники!—крикнулъ на нихъ Онисимко.—Али не видите, кого везутъ?

Церковники сняли шапки и поклонились съ изумленіемъ. Морозова перекрестила ихъ.

Въ Кремлѣ странный поѣздъ ожидали не меньшія толпы народа. По Москвѣ съ быстротою молніи разнесся слухъ, что въ этотъ день въ Кремлѣ будетъ происходить что-то необыкновенное. Говорили, что будто бы изъ ссылки воротили и Никона и Аввакума; что Никона будто бы за двоеперстіе и за «аллилуюматушку» Богъ совсѣмъ превратилъ въ звѣря Навуходоносора; что звѣрь этотъ ѣстъ мясо и стрѣляетъ изъ пищали по чертямъ; другіе сказывали, что Богъ превратилъ его въ птицу «баклана», и что когда «бакланъ» этотъ сталъ ловить въ Пустозерскѣ рыбу, то Аввакумъ застрѣлилъ его изъ пищали, и оказалось, что это не «бакланъ», а самъ Никонишко-еретикъ, только обросъ бакланьими перьями, а ноги у него, у бѣса, пѣтушьи, и что этого «баклана» будутъ въ Кремлѣ жечь въ срубѣ. Третьи утверждали, что дѣйствительно Аввакума воротили изъ ссылки, и что сегодня царь будетъ всенародно просить у него прощеніе за «батюшку-аза» и за «матушку-аллилую» и передъ всѣмъ соборомъ отречется отъ новыхъ книгъ и всякихъ проклятыхъ новшествъ,

и тутъ же, въ Кремлѣ, велитъ сжечь всѣ новыя книги, и вмѣстѣ съ книгами и печатнымъ станкомъ сожгутъ и всѣхъ «хохловъ», которые привезли въ Москву этотъ проклятый станокъ и завели всѣ бѣсовскія новшества; что первымъ сожгутъ черномазаго Симеошку Полоцкаго... Такія вѣсти шли изъ Обжорнаго ряду... Охотный же и Сундушный ряды съ Ножовою линіею утверждали, напротивъ, что въ Кремль привезутъ боярыню Морозову, чтобы по новымъ книгамъ «отчитывать» ее отъ старой вѣры и «совращать въ новую, а ежели она, матушка, устоитъ, пребудетъ въ старой вѣрѣ тверда, аки адаманъ, то тогда проклятые никоніане, чтобъ «привести» ее въ свою вѣру, будутъ «разстригать» ее въ Успенскомъ соборѣ; а коли-де она и послѣ этого не «впадетъ въ соблазнъ», то ее предадутъ анаѳемѣ, а никоніанская-де анаѳема не въ анаѳему, сказать бы просто, плевое дѣло»...

Хотя воображеніе богослововъ Обжорнаго ряда было гораздо, какъ видите изъ этого, пламеннѣе воображенія Охотнаго ряда съ Сундушнымъ, однако всѣ ряды и линіи единодушно высказывали въ этомъ случаѣ болѣе консервативныя мнѣнія, именно, всѣ были противъ новшествъ Никона, противъ новыхъ книгъ и «хохловъ».

Вотъ потому-то, въ виду этихъ необыкновенныхъ слуховъ, москвичи сегодня и загатили своими тѣлами всю кремлевскую площадь, толкаясь, шумя, ликуя и ругаясь въ ожиданіи чего-то такого, чего не бывало, какъ и Москва стоитъ.

Поэтому, когда въ Кремлѣ появилась блестящая, запряженная двѣнадцатью бѣлыми аргамаками каптана Морозовой, толпы такъ навалили на поѣздъ, что двѣнадцать вершниковъ, правившихъ конями, могли очищать себѣ путь только при помощи длинныхъ кнутовъ, которыми они хлестали москвичей направо и налѣво, не разбирая, по какимъ частямъ хлесталось выносливое московское тѣло, по плечамъ ли, по головамъ, или по самому рожеству: «побьютъ-де, не возъ навьютъ»... «за битаго-де двухъ не битыхъ даютъ»... «тѣмъ-де море не погано, что псы налокали, въ томъ-де спинѣ не стыдоба что кнутомъ стегали» такова московская философія исконе бѣ...

Но москвичи разочаровались... Заглянувъ въ окна каптаны, они увидѣли, что тамъ, уткнувшись въ уголокъ, сидитъ какой-то боярченокъ, припавъ лицомъ къ ладонямъ, и горько-прегорько плачетъ...

Но когда они оглянулись назадъ, то съ ужасомъ увидали, что какая-то клячонка тащитъ жалкія дровнишки, и въ дровнишкахъ, на соломѣ, прикованная за шею къ колодѣ лежитъ сама Морозиха рядомъ съ сестрою, и потрясая цѣпью, вопитъ:

— Православные! Раби Христовы! Воззрите на мя грѣшную и недостойную, яко сподоби мя Господь Павловы узы носити за крестъ правый... Держитесь этого креста, православные, держитесь, вотъ онъ! Держитесь за него, аки за ножки Христовы!..

Она глянула на дворецъ, на царскіе переходы и подняла обѣ руки, еще громче потрясая цѣпями...

— Радуйся, царю, радуйся, яко сподобилъ мя еси великія славы, радуйся, царь московскій!

Народъ глянулъ на переходы и боязливо началъ сымать шапки...

Съ переходовъ, прячась въ углубленіе, глядѣлъ царь Алексѣй Михайловичъ, блѣдный и гнѣвный... Стоявшая тамъ же, полузакрытая фатою, царевна Софьюшка, увидавъ Морозову, съ плачемъ бросилась къ отцу, да такъ и повисла у него на шеѣ...

VIII. Московка на Украинѣ.

Неприглядна московская сторонка...

Тяжело, безотрадно оставаться долго мыслью все въ этой суровой сторонѣ. Томительно и невыносимо витать воображеніемъ по этой непривѣтливой земелькѣ съ ея мрачнымъ историческимъ прошлымъ, носиться мыслью по землянымъ тюрьмамъ Пустозерска и Мезени да холодной Дауріи, либо по темнымъ кельямъ монастырей: Угрѣшскаго, Ѳерапонтова, Кириллова, Воскресенскаго съ ихъ узниками, томящимися тамъ десятки лѣтъ за свои убѣжденія, каковы бы они ни были... Не надъ чѣмъ тутъ отдохнуть усталой мысли, не надъ чѣмъ съ любовью остановиться и всеживотворящему воображенію... Невесело московское прошлое...

Мысль невольно тянется къ жаркому югу, къ яркому солнцу, къ чарующей природѣ, къ другимъ людямъ, съ другими заботами, кромѣ трегубой аллилуіи, съ другими страданіями и радостями.

Воображенію хочется отдохнуть на Украинѣ, хоть и тамъ лилось не мало слезъ и крови, да все не такъ, не изъ-за того...

Мы видѣли, какъ въ 1668 году, въ Гадячъ, во время «русальныхъ игрищъ», привезли на возу съ трупами обезображенное тѣло гетмана Брюховецкаго, какъ оплакала его молодая жена-гетманша, Олена Дмитревна, урожденная княжна Оленушка Долгорукова. Не привелось, однако, молодой вдовѣ, похоронивши своего мужа Ивася, воротиться на свою родимую сторонку, въ Москову бѣлокаменную: Дорошенко отправилъ ее въ тогобочную Украину, за Днѣпръ, въ Чигиринъ, въ свою гетманскую резиденцію.

За горемъ и слезами, въ тоскѣ по родинѣ и въ горькой кручинѣ по безвременно погибшемъ мужѣ, не видала Оленушка Брюховецкая всей красоты тѣхъ полей и цвѣтущихъ долинъ, лѣсовъ и луговъ, степей и байраковъ, рѣчекъ и переправъ, цвѣтущихъ селъ и городовъ съ вишневыми садочками, вербами и левадами, по которымъ и мимо которыхъ везли казаки знатную московскую полонянку съ ея старою нянею, Аксентьевною. Точно во снѣ, снился ей этотъ рай земной, по которому, въ самую роскошную весеннюю пору, везли ее горькую, осиротѣлую. Смутно остался ей въ памяти только Кіевъ, гдѣ они переправлялись черезъ Днѣпръ: на красивыхъ горахъ и холмистыхъ взгорьяхъ, весь въ цвѣту и зелени, съ высокими печескими стѣнами и церквами, весь залитый весеннимъ солнцемъ, нарядный и пестрый отъ сновавшихъ по улицамъ его чубатыхъ и усатыхъ черкасъ и черкашенокъ, увитыхъ съ головы до ногъ цвѣтами и лентами, бряцающихъ монистами и серебряными подковками своихъ красныхъ и желтыхъ черевичекъ, все это показалось ей чѣмъ-то въ родѣ дивныхъ «соній», видѣній во снѣ, и все это было такъ непохоже на родимую, но суровую Москву, гдѣ женское личико пряталось отъ людскихъ глазъ, какъ нѣчто зазорное, грѣховное, бѣсовское, и гдѣ даже дѣти, казалось, не смѣли рѣзвиться изъ боязни, чтобы ихъ игры не приняли за «бѣсовскія игрища»...

И вотъ уже пятый годъ живетъ Оленушка Брюховецкая въ Чигиринѣ, въ семействѣ гетмана Петра Дорошенко, который оставилъ ее у себя въ качествѣ знатной московской заложницы. Уже и сыну ея, Грицю, котораго она родила тотчасъ по смерти мужа, въ Чигиринѣ, пошелъ пятый годокъ, и молодая мать московка не можетъ надивиться, какъ это изъ ея сынка Гришутки вышелъ такой дошлый «хохленокъ», который ни слова не мо-

жетъ сказать по-московски, да и не любитъ этой рѣчи, родной рѣчи матери, а такъ и чешетъ по-украински, по-черкасски, да и матери не велитъ называть его Гришуткой, а требуетъ, чтобы она звала его «Грицемъ» либо «Грицикомъ» и «Грицькомъ», потому-де, говоритъ, у! смѣшной мальчишка «хлопци надъ Гришуткой, говоритъ, сміються та лають и въ «горобейку», и въ «ворона» та въ «зайчика» не даютъ зъ ними гратись»... У, чудной мальчишка! И надъ нею, надъ матерью, смѣется: «яко-бо ты, мамо, говоритъ, дурна московка, нашои мовы и доси не знаешь»... Да и самъ въ отца весь, чернявенькой и глаза словно вишня владимірка... И Оленушка въ немъ души не чаетъ...

И жена Дорошенка, и старуха-мать очень полюбили эту тихенькую и скромную московочку, которая казалась имъ такою горькою сиротою на чужбинѣ, особенно когда онѣ отъ нея же узнали, каковы московскіе порядки, и каково тамъ невеселое житье для женщины—не выйдти изъ дому не смѣй, ни на мужчину не моги засматриваться, неволя, чистая турецкая неволя эта жизнь въ Московщинѣ. Да и въ турецкой неволѣ женщинѣ легче живется, чѣмъ московкѣ въ Московщинѣ: вонъ тамъ «дивка бранка, Маруся, попивна Богуславка», и изъ неволи уходить не хочетъ «ради роскоши турецькои, для ради лакомства проклятаго», вонъ и «волыночка поляночка», которую татары увели, и которая своею «косою изъ золотого волоса» весь боръ освѣтила и «зеленую диброву и биту дорогу», и та машетъ ручкою своему «батеньку», чтобъ онъ не гнался ужъ за нею, вернулся бы «до-домоньку»... Особенно возмущали московскіе теремные порядки молодую Дорошенчиху, которая была-таки порядочная «гульвиса», и объ которой всѣ знали, да и «самовидецъ», почтенный лѣтописатель, въ своей «лѣтописи» записалъ, что она, молодая «гульвиса» Дорошенчиха, когда мужъ ея пошелъ на Брюховецкаго, «скочила черезъ плотъ за молодшимъ». Еще бы не «скочить!» Мужъ постоянно въ отсутствіи: то онъ съ татарами и турками колобродится, Богъ вѣсть гдѣ, то на тотъ бокъ уходитъ задирать тогобочныхъ, лѣвобережныхъ гетмановъ, московскихъ «понихачивъ», то съ ляхами заведется: а молодая жена сиди-себѣ одна да «выглядывай» своего Петруся... ну, «выглядаетъ — выглядаетъ» даромъ, да и «скочитъ черезъ плотъ», урвется въ «вишневый садочекъ», въ

«леваду», «у лугъ зелененькій», а тамъ ужъ и ждетъ ее «казакъ молоденькій», «ручками обнимае, до серденька пригортае»...

Вотъ теперь этотъ «пройдисвитъ» Дорошенко вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ и его ордами потянули къ Ладыжину, а оттуда подъ Каменецъ къ самому турецкому султану, чтобы Польшу «ускромнить» до конца, а молодая женушка сиди тутъ дома да скучай. Еще хорошо, что хоть съ этой молоденькой московочкой можно душу отвести, либо пойти посмотрѣть, какъ «парубки та дивчата» справляютъ «веснянскія» игры на берегу Тясмина, а то хоть утопиться, такъ впору...

Вотъ и теперь онѣ сидятъ подъ вербою у спуска отъ городской стѣны къ Тясмину, а внизу отъ нихъ на зеленой лужайкѣ «дивчата» поютъ свои «веснянки» и играютъ въ «Лялю».

Тихій весенній день клонится къ вечеру. Но тѣни еще не удлинились настолько, чтобы защищать играющихъ отъ жаркихъ лучей солнца. Дѣвичьи голоса звенятъ на всю окрестность; имъ отвѣчаютъ «парубоцькіе» хоры съ другой стороны, и воздухъ дрожитъ мелодіями...

— Да, не долго довелось проклятому Демкѣ Многогрѣшному вселить очи свои цвѣтиками, что онъ выростилъ на могилѣ моего мужа, покойнаго Ивана Мартыныча,—говорила задумчиво вдова Брюховецкая, прислушиваясь къ пѣнію молодежи и слѣдя глазами за своимъ сынкомъ Грицемъ, который игралъ съ другими хохлятами не далеко отъ дѣвичьяго хоровода.

— Та такъ-таки, такъ не довго,—отвѣчала Дорошенчиха, вскидывая на Оленушку своими сѣрыми большими глазами изъ-подъ черныхъ бровей «на шнурочку».—Козаки съ того боку казали, що оце самое с середопостю старшина тогобочная, ливобережная, минуючи, же постереги змину того Демка Игнатенка Многогришнаго противко вашего московскаго царя, напали на Демка въ ночи у замка батуринському на ложу, взяли его и звязали якъ злодія, а потимъ уложили въ визъ, накрыли шкурою мовъ кабана заризаного и повѣзли на Москву... А вже ваша Москва никого ни милуе, отъ сторонка! И якъ вы іи, Оленко, доси не забули, вашу темницю московську!

— Ахъ, кума миленькая! Какъ же мнѣ забыть родимую сторонку!—грустно, но ласково отвѣчала Брюховецкая, не спуская глазъ съ своего Гриця.—Тамъ у меня и батюшка, и матушка... Жила я въ холѣ и радости...

— О! Яка-та тамъ холя! У тереми мовъ у тюрьми...

— Я дворская была, сѣнная дѣвушка, въ царскомъ дворцѣ у царицы жила.

— Отъ добро! Така жъ турецка неволя!

— Мамо-мамо, и ты, Цяцю! Идить сюда!—кричалъ маленькій Брюховецкій Грицъ, весь раскраснѣвшись и указывая на берегъ.—Идить туда, мамо.

На Грицѣ была бѣленькая полотняная съ прямымъ воротомъ украинская сорочечка, шитая красною заполочью и завязанная у ворота красною лентою «червоною стричечкою». Голубые шароварцы убраны въ красные сафьяновые сапожки. Подстриженъ онъ кругло и высоко, по-украински. Смуглое личико съ розовыми щечками загорѣло на солнцѣ.

— Та йдить-бо, мамо!—волновался мальчикъ, обнимая мать и заглядывая ей въ глаза.—Ты впьять по Москви плакала?

Дорошенчиха лукаво, но съ доброю улыбкою посмотрѣла на мальчика, а мать потупила глаза.

— Плакала мама, Цацю? — бросился мальчикъ къ Дорошенчихѣ и тоже обнялъ ее.

— Трошки-таки поплакали,—улыбнулась гетманша.

— Ну вже-жъ!—и мальчикъ топнулъ ногой.—Якъ я буду гетманомъ, я погану Москву у полонъ возьму тоди мама не плакатиме...

Обѣ женщины засмѣялись.

— Добре, Грицю, добре!—похвалила Дорошенчиха.

— Цяцю! Мамо!—снова приставалъ мальчикъ.—Идить-бо до играшки, а то я заплачу.

И Брюховецкая, и Дорошенчиха должны были повиноваться ими же избалованному Грицю. Мальчикъ схватилъ ихъ за руки и повелъ къ Тямсину, на лужайку, гдѣ происходили «играшки».

На лужайкѣ, словно макъ въ огородѣ, краснѣлись и пестрѣли «дивчата», взявшись за руки и кружась то подъ ту, то подъ другую пѣсню. Теперь онѣ играли въ «Лялю». Высокая, полненькая, бѣлокурая, но съ черными глазами и черными, точно не своими бровями, дѣвушка наряжена была «Лялею»: бѣлокурая съ широкою косою головка ея была перевита цвѣтами, и шея, грудь, руки и ноги увиты зеленою рутою и барвинкомъ. Дѣвушка вся представляла изъ себя пучекъ цвѣтовъ, оживленный веселымъ, улыбающимся личикомъ. Изъ-за цвѣтовъ и зелени пестрѣли

цвѣтныя ленты, бѣлая сорочка, коротенькая ярко-оранжевая сподница и желтые сафьяновые черевички...

— Ахъ, хороша, хороша дѣвушка, лѣпота какая!—невольно пробормотала Брюховецкая.

«Ляля», взявъ нѣсколько вѣнковъ, которые ей подали другія дѣвушки, положила ихъ на зеленый пригорокъ, на которомъ стояло уже нѣсколько плетенокъ, наполненныхъ красными яйцами, коржиками, бубликами и разными «ласощами». Потомъ, подозвавъ къ себѣ низенькую, смуглую, словно татарочка, дѣвушку и положивъ ей руки на плечи, поцѣловала ее въ голову, а потомъ въ губы.

— Оце для того, щебъ голосокъ бувъ тоненькій та высоченькій,—сказала она серьезно.

— Коли дастъ святый Урай, то буде,—такъ же серьезно отвѣчала та, которую поцѣловала «Ляля», и которая должна быть «запѣвалой» и «танокъ вести».

— И мене! И мене!—закричали другія дѣвушки, приступая къ «Лялѣ».

— Добре, добре, дивчаточка: моихъ губъ на ихъ достане,—отвѣчала послѣдняя.

— И парубкамъ ще трошки зостанеться,—лукаво улыбнулась Дорошенчиха, глядя на «Лялю».

Щеки дѣвушки такъ и залились румянцемъ...

— Яки-бо вы, пани гетманова!—потупилась «Ляля».

Перецѣловавъ ее и посадивъ около вѣнковъ на пригорокъ, дѣвушки взялись за руки, сдѣлали изъ себя живую гирлянду, и смуглая «татарочка» завела своимъ свѣжимъ, груднымъ, сильнымъ не по росту голосомъ:

Та Урай матку кличе;
Та подай, матко, ключи—
Одимкнути небо,
Выпустити росу,
Дивоцькую красу.
Дивоцькая краса,
Якъ литняя роса

Молодые голоса звенѣли стройно. Нѣсколько однообразная, какъ бы не пѣсенная, а обрядовая мелодія отдавала чѣмъ-то далекимъ, стариннымъ, можетъ быть, еще языческимъ напѣвомъ, когда «стыдливые»,—по Нестору,—поляне и полянки, совершая

свои игрища у воды, этими самыми мелодіями славили своихъ первобытныхъ боговъ, и Перуна, и Дажьбога, и Стрибога, и Велеса... Оленушку Брюховецкую глубоко трогала эта мелодія, подобной которой она ничего не слыхала на своей далекой сторонкѣ... Даже Гриць стоялъ безмолвно, не шевелясь и широко раскрывъ свои розовыя губки...

Ой, дивоцькая краса
Якъ литняя роса...

— Правда, правда, дивчаточка!—не то съ грустью, не то съ шуткой сказала Дорошенчиха.—Дивоцькая краса, якъ литняя роса: сонечко зійде, пригріе, и росоньки немае...

Хоръ смолкъ... Движущаяся гирлянда остановилась и замерла на мѣстѣ. «Ляля» сидѣла около своихъ вѣнковъ, такая задумчивая, и обрывала лепестки махроваго мака... Задумчиво сидѣла на травѣ и Брюховецкая, вѣроятно вспоминая о своей Москвѣ далекой, о царскихъ переходахъ, откуда онѣ, сѣнныя дѣвушки, вмѣстѣ съ царевною Софьюшкою изподтишка на добрыхъ молодцовъ посматривали... Что-то тамъ теперь? И царевна Софьюшка ужъ поди выросла, пятнадцатый не то шестнадцатый годокъ пошелъ...

— А вы бъ, дивчаточка, заспивали про пани Брюховецьку,—съ улыбкой сказала пани Дорошенкова.

Брюховецкая съ недоумѣніемъ посмотрѣла на послѣднюю...

— Про удову, дивчаточка, заспивайте, якъ удивонька ходила, дивкамъ танецъ водила,—пояснила пани гетманова.

— А ну жъ, «татарочка», заводь: «коло млина калина»,—сказала «Ляля», бросивъ на траву общипанную головку маку.

«Татарочка» завела, что ей сказано было, и молодые голоса опять выносили новую мелодію:

Коло млина калина,
Тамъ вдивонька ходила,
Дивкамъ танокъ водила,
Що вывде, та й стане,
На всихъ дивчатъ погляне.
Вси дивочки въ таночку,
Тилько нема одной,
Марусеньки молодои.
Мати Марусю чесала,
Ще й чешучи навчала:
Не стій, доню, зъ нелюбимъ,
Не дай ручки ститкати

И перстника знимати,
А стій, доню, зъ миленькимъ,
Якъ зъ голубомъ сивенькимъ;
И дай ручку стиснути
И перстника изняти...

— Такъ-такъ, дивчаточка, добре!—поощряла пани гетманова.—Не стійте зъ полюбомъ...

Гриць Брюховецкій, повидимому что-то вспомнивъ, стремглавъ кинулся отъ другихъ сверстниковъ къ «Лялѣ» и остановился передъ нею, какъ вкопанный, въ робкой нерѣшительности.

— Вы що, паниченько?—ласково спросила «Ляля».

Мальчикъ переминался, уткнувъ носъ въ свою красную стричечку и порывисто теребя ее руками.

— Що, паниченко любы? Що, Грицю?—еще ласковѣе спросила дѣвушка.

— А «Шума», Лялю, можно? — нерѣшительно спросилъ мальчикъ.

— «Шума»? Можно, паничу.

Мальчикъ радостно поднялъ голову, и личико его засвѣтилось.

— А я «Шумомъ» буду, Лялюсю? — бросился на шею мальчикъ.

— Добре, добре, паниченьку, — ласкала его дѣвушка, —а мама, пани-мама здозволять?

— Мама ничого... Мамо! Мамо!—и Гриць бросился къ матери.—Мамо, мамуню! Я буду «Шумомъ», Ляля сказала,—звенѣлъ Гриць, вѣшаясь на шею матери.

— «Шумомъ»? Ахъ, сынокъ мой! Ахъ, Гришуточка! Да ты упадешь,—ласково, но нерѣшительно защищалась Оленушка, которая ужъ знала, что такое быть «Шумомъ. — Я боюсь, сынокъ...

— Ахъ, мамо! Яко бо ты московка! — настаивалъ мальчикъ.—Я не впаду... я вже бувъ «Шумомъ»...

— Ну-ну, добро, добро, только не упади...

Гриць опять кинулся къ Лялѣ, поцѣловавъ по дорогѣ Цацю, пани Дорошенкову.

— Мама сказала можно, я не впаду...

— Ну, добре... «Дивчаточка:—обратилась Ляля къ подругамъ,—будемо грати «Шума».

— «Шума!» «Шума!»—подхватили десятки голосовъ.

Гриць сѣлъ на траву и тутъ же сталъ снимать съ себя красные сапожки, торопясь и весь краснѣя отъ волненія и радости.

Между тѣмъ, «дивчата», взявшись за руки одна другой, растянулись длинною цвѣтною лентою по зеленой лужайкѣ: это была, дѣйствительно, лента «стричка» изъ веселыхъ, молодыхъ, улыбающихся лицъ, изъ русыхъ и преимущественно черныхъ головокъ, украшенныхъ разноцвѣтными «скиндячками», изъ такихъ же разноцвѣтныхъ, яркихъ «плахтъ», запасокъ», «сподницъ» и всѣхъ цвѣтовъ червичковъ. Одинъ конецъ этой живой ленты сталъ плавно заворачиваться и, пробѣгая мимо тѣхъ «дивчатъ», которыя, продолжая держать другъ дружку за руки, стояли на мѣстѣ,—скользили, какъ подъ гирлянду, подъ приподнятыя руки двухъ крайнихъ дѣвушекъ. Когда вся живая лента играющихъ проскользнула подъ такую же гирлянду изъ шитыхъ рукавовъ послѣдней пары, эта парочка также обернулась подъ своими руками, и дальнѣйшее движеніе играющихъ представляло уже «плетеніе плетня», гдѣ вмѣсто лозы и хворосту перевивались и скрещивались руками смѣющіяся молодыя существа... А «татарочка», а за нею и вся вереница звенѣла новою пѣсенькой:

Ой, нумо, нумо!
Въ зеленого Шума
Огирочки жовтяки—
Женитеся, парубки.

— А мене-жъ, Ляю, «Шума!»«волновался Гриць, подскакивая на босыхъ ножкахъ.

«Ляля» схватила его на руки и стала цѣловать...

«Шумъ» иде! «Шумъ» иде!—говорила она, подносяя мальчика къ скрестившейся живой изгороди изъ рукъ и головъ, и поставила его на эти сплетенныя руки.

Гриць, счастливый и смѣющійся, гордо поглядывая съ высоты на мать «московку», на Цяцю Дорошенчиху, на своихъ сверстниковъ казачатъ, завистливо смотрѣвшихъ на него, смѣло пошелъ вдоль живого плетня, ступая своими босыми ножками по дѣвичьимъ рукамъ и слегка дотрагиваясь руками до ихъ головъ, а живой плетень въ это время пѣлъ хоромъ, подъ звонкій голосъ «татарочки»:

А въ нашего Шума
Зеленая шуба!
Шумъ ходитъ по диброви,
А Шумиха рыбу ловить:
Що вловила, то й пропила,
Доцци шубы не справила...

Пѣсня становилась все звонче и звонче, молодые голоса какъ бы крѣпли еще болѣе, а въ перебой имъ изъ-за Тясмина неслось шумное, но стройное «парубоцкое спиванье»: это парубки за рѣчкою выкрикивали, какъ бы подзадоривая «дивчатъ»:

А позаду Сагайдашный,
Що проминявъ жинку на тютюнъ да люльку—
Необашный!

Хоръ парней на минуту замолкалъ, какъ бы прислушиваясь къ пѣнію про «Шума», а потомъ снова гремѣлъ и заливался:

Мени съ жинкою не возиться,
А тютюнъ та люлька козаку въ дорози
Знадобиться—
Знадобиться!..

Подъ звонъ голосовъ какъ по сю, такъ и по ту сторону Тясмина никто не замѣтилъ, какъ съ пригорка сходила, торопясь и спотыкаясь, повязанная по-московски и въ московскомъ одѣяніи старушка. Она вся раскраснѣлась, а на полномъ, старчески осунувшемся лицѣ и въ щурящихся маленькихъ глазкахъ выражались и волненіе, и радость...

— Ау, матушка боярынька! Ау, Олена Митревна!—аукала она, напрасно силясь вынырнуть своимъ слабымъ старческимъ голоскомъ изъ цѣлаго потока голосовыхъ волнъ, которыя неслись и переливались въ воздухѣ по обѣ стороны Тясмина.

Ее никто не слыхалъ, а Гриць хотя и увидалъ ее съ своего возвышенія, съ живого плетня изъ дѣвичьихъ рукъ, но тотчасъ же отвернулся, боясь, что это его хотять звать или «кашку кушать», или «головку мыть», либо «почивать», и что ему ужасно надоѣло.

— Матушка боярыня, Олена Митревна, намъ Богъ радость послалъ,—говорила запыхавшаяся нянюшка.

— Что ты, няня! Охъ!—встревожилась Брюховецкая, даже поблѣднѣла.

— Точно родимая, радость, чу, Богъ послалъ...

— Говори же, сказывай, Аксентьевна, что такое?

— Та мабуть бабушци Богъ сынка або дочку пославъ, — усмѣхнулась пани Дорошенчиха,—кого вамъ Богъ давъ, бабусю, москалика чи московочку?

— Господь съ тобой, панія! Что ты непутное говоришь!— обидѣлась старушка.

— Такъ что же? Сказывай, няня, не томи!—тревожно спрашивала Брюховецкая.

— Гонецъ съ Москвы, родимая, пригналъ и отъ батюшки князя и отъ матушки княгинюшки поклонъ и благословеніе тебѣ привезъ, и грамотки съ имъ...

— Ахъ, няня! Что ты! Охъ!—скорѣе испугалась, чѣмъ обрадовалась молодая боярыня.

— Истинно докладываю... Я и свѣту не взвидѣла, какъ рѣчь-ту родную услыхала... съ родимой-ту сторонки и собачка, чу родная сестрица,—бормотала старушка, разводя руками.

— Вже-й сторонка!—улыбнулась Дорошенчиха.

— Такъ идемъ, няня, скорѣе... Гришутку взять надоть, ахъ, Господи!

Всѣ заторопились. Только Гриць никакъ не хотѣлъ разстаться съ своей почетной ролью «Шума». Съ плачемъ онъ былъ стащенъ съ дѣвичьихъ рукъ и насильно уведенъ домой.

— Я не хочу москалемъ буть... я не хочу бояриномъ буть... я буду козакомъ... у москаливъ бороды... я не хочу бороды, я хочу вусы... не давайте мене москалямъ,—капризничалъ Гриць всю дорогу.

— Добре, добре, Грицю,—подзадоривала его веселая Дорошенчиха,—ты у насъ будешь гетманомъ.

— Ни, не хочу гетмана... я буду «Шумомъ»...—Такъ Гриць и остался при своемъ мнѣніи.

IX. Гонецъ изъ Москвы.

Гонецъ, которому такъ обрадовалась старая няня Аксентьевна, ѣхалъ съ грамотами изъ Москвы, изъ малороссійскаго приказа, къ гетману правобережной Украины, къ «Петру Дорошичу», какъ величали московскіе люди Дорошенка, когда были довольны имъ или хотѣли его задобрить, и котораго тотчасъ же

превращали въ «Петрушку» съ укоризненнымъ прозвищемъ «Дорошенокъ», какъ только имѣли поводъ на него гнѣваться. Пріѣхавшій въ Чигиринъ гонецъ былъ не простой москвичъ, а молодой думный дворянинъ, «государевъ холопишко Ѳедька Соковнинъ», какъ онъ самъ писалъ себя, родной братъ двухъ «великихъ страстотерпицъ», боярыни Морозовой и княгини Урусовой.

Не одна старая няня обрадовалась Соковнину: «боярыня и панія Олена Митревна Брюховецкова», какъ называлъ ее московскій гонецъ, расплакалась отъ умиленія, увидавъ больше чѣмъ «собачку съ родной стороны», человѣка, который зналъ ее дѣвушкою и видѣлъ, какъ она въ послѣдній разъ «своею дѣвичьею красою—русою косою свѣтила», то есть, былъ у нея на свадьбѣ въ числѣ ближнихъ гостей, мало того, ближнихъ—ближайшихъ: Ѳедоръ Прокопьевичъ Соковнинъ былъ на этой свадьбѣ «тысяцкимъ» и на конѣ, съ саблею на-голо, стоялъ, по-московскому обычаю, всю брачную ночь у подклѣти, въ то время, когда въ подклѣти между новобрачными, гетманомъ и бояриномъ Иваномъ Мартыновичемъ Брюховецкимъ и княжною Оленушкою Долгоруковой «доброе совершалось».

Рѣчи въ первыя минуты свиданья были такъ безсвязны, что ихъ трудно было уловить кому бы то ни было. Только уже послѣ необходимыхъ и неизбѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ возгласовъ, вопросовъ и отвѣтовъ, Соковнинъ, плотный русый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, напоминавшій, только вчерне, своихъ сестрицъ, обратилъ вниманіе на Гриця, который, держась за подолъ матери, исподлобья поглядывалъ на незнакомца.

— А это, чаю, сынокъ твой, Олена Митревна?—спросилъ онъ и потянулся было погладить мальчика.

Гриць попятился назадъ и топнулъ ножкой.

— Сыночекъ? У-у дикой!— Соковнинъ коснулся рукою головы мальчика.

— Не рушь мене, не рушь,—упрямился Гриць.

— Что-что онъ бормотитъ?

— Не рушь, ты москаль!

— Ого-го-го, какой черкашенинъ? — разсмѣялся Соковнинъ.—Фу ты, ну ты! А какъ зовутъ его?

— Гришей, Гришуткой,—отвѣчала молодая боярыня.

— Я не Гришутка... я Гриць,—понуро пояснилъ упрямый хохленокъ.

Разговоръ, конечно, скоро перешелъ на московскія дѣла. Въ горницу, которая была отведена Брюховецкой въ Чигиринѣ, въ домѣ Дорошенка, и въ которой молодая боярыня приняла теперь своего московскаго гостя, немного погодя вошли и Дорошенчиха, спросивъ предварительно, не помѣшаетъ ли она.

— Нѣтъ-нѣтъ, кумушка, гдѣ помѣшать!—успокоила ее Брюховецкая.—Я у васъ, какъ у родныхъ, жила, и мнѣ отъ васъ таить нечего, да и не по-что.

Соковнина, видимо, удивила, и удивила пріятно эта черкасская вольность: пришла баба, молодая и красивая, въ комнату, гдѣ находился посторонній мужчина, пришла сама, и не прячется! Не закрывается ни фатой, ни рукавомъ, не ахаетъ и не убѣгаетъ, какъ чортъ отъ ладону. Онъ даже молодцовато пріосанился при видѣ молодой черкашенки, у которой, ему припомнилась сейчасъ московская пѣсня:

Лицо бѣлое—набѣленое,
Брови черныя—насурмленыя,
Глаза сѣрые—развеселые...

Все это, дѣйствительно, было у молодой красивой украинки, только не «набѣленое» и не «насурмленое» по-московскому обычаю, а природное. Соковнинъ и бороду свою русую съ краснецой молодцовато оправилъ.

— Такъ Нероновы времена, сказываешь, настали на Москвѣ, Ѳедоръ Прокопьичъ?—продолжала Брюховецкая начатый разговоръ.

— Нероновы и Діоклетіановы, матушка Олена Митревна,—отвѣчалъ гость, взглядывая мелькомъ на красивую черкашенку-гетманшу.—Развели это сестеръ въ разныя темницы: Ѳедосѣюшку заточили въ печерскомъ подворьѣ, а Дуню на Алексѣевскомъ монастырѣ подъ приставы. И какихъ это съ ими діоклетіанскихъ мученій не продѣлывали, и сказать я тебѣ, матушка, не умѣю. Первое дѣло, силкомъ ихъ къ церковному четью-пѣтью волочили. Нейдутъ это сестры, не хотятъ имѣть общеніе съ никоніаны, такъ ихъ, срамъ сказать! кладутъ это на рогожныя носилки и несутъ къ четью-пѣтью словно бы мертвое тѣло... Сама посуди, каково это!

Брюховецкая грустно качала головой и молчала... Ей представлялись эти грязныя рогожныя носилки и на нихъ эти пышныя боярыня и княгиня, которыхъ она видѣла когда-то во дворцѣ на самыхъ почетныхъ мѣстахъ, въ самыхъ дорогихъ нарядахъ, или же въ блестящихъ, раззолоченныхъ каптанахъ «съ аргамаки многи и гремячими чѣпьми»... И вдругъ, на рогожахъ!.. Ей вспомнилось окровавленное, обезображенное лицо мужа на грудѣ мертвыхъ тѣлъ... Она невольно вздрогнула... Это смерть стала за плечами...

— И откуда это все взялось у сестеръ, я и ума не приложу,—продолжалъ Соковнинъ.—Вить въ дѣвкахъ да и замужемъ ужъ были онѣ тихи, что овечки, скромницы такія, что и сказать нельзя, мухи не обидѣли, и что бывало ни скажешь имъ «Ѳедосьюшка, молъ, сдѣлай, молъ, тото и то-то», либо «Дунюшка, поди, молъ, принеси» неперечили ни въ чемъ и никому. А тутъ на поди! желѣзныя какія-то стали, адамантовыя... Несутъ это которую по двору къ четью-пѣтью, увидитъ она кого, и ну стонать къ носильщикамъ-ту: «Увы мнѣ! Охъ, утомилася я, старицы, постойте немного!» Ну, тѣ и спущаютъ носилки на земь, а она ну вѣщать: «Зачѣмъ-де волочите меня? Развѣ-де я хочу съ вами молиться! Никакъ! Не почитаю я вашей-де службы!» И ужъ достанется тутъ и Никону, и попамъ, и архиреямъ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ и по черевичкамъ... И что жъ бы ты думала, Митревна! Со всей Москвы валитъ народъ, и худородныя, и вельможныя жены, только бы посмотрѣть, какъ волочатъ въ церковь боярыню либо княгиню, да послушать ихъ горяченькой проповѣди... Ужъ и вправду, горяченькая, охъ, горяченькая!

— Яки-жъ се сестры, скажить, будьте ласкови, и за що ее ихъ такъ, мовъ злодіивъ, москали мордуютъ?—спросила пани гетманова, заинтересованная разсказомъ Соковнина.

— Это, панія ваша милость, мои сестры будутъ, родныя, значитъ, сестренки: старшая—вдова боярина Морозова, а молодшая будетъ княгиня Урусова,—любезно отвѣчалъ Соковнинъ.

— За що жъ ихъ, мовъ турки Байду, катуютъ?

— За крестъ, ваша милость, за крестное сложеніе.

— Якъ за хрестъ?—удивилась пани гетманова.—Хиба жъ у васъ у Москви вира татарська теперъ, чи турецька?

— Нѣтъ, панія ваша милость,—улыбнулся Соковнинъ,—

у насъ, сказать бы, понѣ два креста: единъ крестъ старый, истовый, это двуперстный будетъ, а новой, никоніанской, это троеперстной... такъ вотъ, сказать бы, кто истовова креста держится, тово и мучаютъ...

— А за що? Хиба не все одно, що двома пальцями Бога славити, чи трема, чи усіею рукою?

— Нѣтъ, государыня, это, сказать бы, не все едино... Правда, сказать бы, оно и тово, коли бы не тово...

— Отъ чудни москали!—пожала плечами пани Дорошенчиха и улыбнулась.—Мабудь имъ ничого бильше робить, такъ коло пальцивъ заходились... Отъ народець! Отъ чудна порода!

Соковнинъ потупился и тоже улыбался, а Брюховецкая все-таки мыслью витала надъ этой «чудной», но ей лично дорогой родиной: «батюшкова она и матушкина родимая сторонка».

— Выбачайте, пане!—спохватилась пани гетманова.—Що жъ було дальшъ зъ вашими сестрами?

— А все такъ, посемѣстъ сидятъ во узахъ, и караулятъ ихъ словно Стеньку Разина.

— Се-бъ то того казака съ Дону, що хотивъ Москву до горы ногами поставить?

Соковнинъ снова снисходительно улыбнулся.

— Ну, ваша милость, Москва-тѣ, сказать бы, больно широка и тяжела: не такъ-ту, сказать бы, ей легко въ гору ноги подымать... Гораздо тяжела наша матушка-Москва живетъ.

Онъ остановился и поглядѣлъ на задумчивое лицо Брюховецкой.

- Мамо! Мамо! — зазвенѣлъ Гриць, радостно влетая въ свѣтлицу, откуда ужъ онъ успѣлъ улизнуть.—Я киду съ хлопцями слухать, якъ онъ тамъ кобзарь про козака Голоту спивае—

Якъ на Голоти шапка бирка,
Зверху дирка,
Травою пошита,
Витромъ подбита...

И Гриця слѣдъ простылъ...

— Ну, озорной малецъ!—развелъ руками Соковнинъ. — Вотъ вѣтеръ, н-ну!

— А меня все московкой бранитъ, непутевый ребенокъ,— пояснила мать.

Но потомъ мысль ея снова перенеслась въ Москву: встали передъ ней, какъ живые, образы Морозовой и Урусовой.

— Ахъ, бѣдныя, бѣдныя мученицы!—покачала она головой.—Такъ онѣ и сидятъ въ заточеніи и никого не видаютъ?

— Гдѣ видать! Отай развѣ, благо караульщики, стрѣльцы-тѣ, все свой народъ, и сердце-ту у нихъ, сказать бы, не каменное, да и сдабриваемъ ихъ... А болѣе всего мучаютъ Ѳедосью сестру: ужъ больно она горяча въ вѣрѣ и въ словесахъ остра. Одново какъ она ошпарила это Иларивона, митрополита рязанскова, просто ахъ! Этотъ Ларивонъ митрополитъ, сказать бы, самъ былъ старой вѣры допрежъ сего и другъ закадышной Аввакума протопопа, да послѣ почестями разлакомился и перешелъ въ никоніанство. Ужъ и лютъ же сталъ гонитель старой вѣры! Діоклетіанъ, сущій Діоклетіанъ. Аввакумъ, за сію лютость возьми да и пришли въ Москву написаніе нѣкое, «о Мельхиседекѣ» рекомое, а въ писаніи семъ многонько таки этово Ларивона митрополита словесами, словно, сказать бы, кнутомъ постегалъ. Дошло сіе написаніе до сестры Ѳедосьи: она возьми и выучи его наизусть. Вотъ и пріѣзжаетъ къ ей въ темницу оный митрополитъ Иларіонъ, отъ царя, сказать бы, увѣщевать сестру, весь въ бархатѣ и виссонѣ, въ каретѣ и на вороныхъ аргамакахъ... «Смирись,—говоритъ сестрѣ,—не буди горда, раба божія Ѳедосья». А сестра и ну вычитывать ему наизусть отъ Аввакумова писанія: «Другъ мой, говоритъ, Илларіонъ, архіепископъ рязанскій! Мельхиседекъ, живый въ чащи лѣса, во горѣ Ѳаворской, седьмъ лѣтъ, ядый вершіе древъ, вмѣсто питія росу лизаше, прямой былъ священникъ: не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ, и винъ процѣженныхъ, и вина съ кардамономъ, и медовъ малиновыхъ, и вишневыхъ, и бѣлыхъ разныхъ. Видишь ли, другъ мой Иларіонъ, какъ Мельхиседекъ-отъ жилъ? На вороныхъ конехъ въ каретахъ не тѣшился, ѣздя. Да еще былъ царскія породы, а ты кто? Охъ, охъ! Бѣдный! Некому по тебѣ плакать. Недостоинъ есть вѣкъ твой весь противъ Макарьевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь ли, какъ на комарахъ-тѣ стаивано на молитвѣ? Явно ослѣпилъ тебя діаволъ. Гдѣ ты умъ свой дѣлъ? Столько трудовъ и добра погубилъ! Воспомяни убо, яко молитвой и бѣсовъ прогонялъ. Помнишь какъ въ тебя бросали каменіемъ на Лысковѣ у мужика, какъ я къ тебѣ пріѣзжалъ? А нынѣ уже мирно содружился ты

съ бѣсами и мирно живеши съ ними и любимъ еси ими. Какъ имъ тебя не любить! Столько ты христіанъ прижегъ и прирубилъ злымъ царю наговоромъ, еще же и ученіемъ своимъ льстивымъ и пагубнымъ многихъ неискусныхъ во адъ свелъ. Никто же онъ отъ властей, яко же ты ухищреніемъ своимъ и пронырствомъ царя льстишь и люди божіе губишь. Да воздастъ ти Господь по дѣломъ твоимъ въ день страшнаго суда! Полно мнѣ говорить, хощу нынѣ отъ васъ терпѣть!..» Такъ онъ ажно позеленѣлъ, сказывали сестры, отъ этихъ словъ.

— А ты съ сестрами самъ отъ видался?—спросила Брюховецкая, напряженно слушавшая разсказъ гостя.

— Отай видывался... Такъ, послѣ этой-ту закуски, Ларивонъ и наговори царю, что Ѳедосья-де видается со всѣми странницами, что онѣ-де передаютъ ей и письма отъ Аввакума, и все такое, и что всему-де голова и воевода старица Меланія.

— О! Я помню ее, Маланью-ту: она къ намъ, въ батюшковъ домъ, хаживала, да и покойная царица Марья Ильишна ее своей царской милостью жаловала.

— А хто ся Меланія?—спросила пани гетманова.

— Старица, монашка, сказать бы,—отвѣчалъ Соковнинъ,—святой жизни женщина... Такъ царь и распалился гнѣвомъ па оную Меланію и велѣлъ ее хоть на днѣ моря сыскать. Такъ гдѣ! Не родился такой человѣкъ, чтобъ мать Меланію сыскать, либо, знавши ея укрывательство, выдалъ; за нее всѣ въ огонь и воду: стратигъ, сказать бы, всему московскому государству эта Меланія старица. Ужъ и меня царь допытывалъ да умасливалъ, не вѣдомо ли-де мнѣ, гдѣ та Меланія старица обрѣтается? И великое мнѣ свое государское жалованье сулилъ... Такъ ничево не возьмешь... Вотъ для того нынѣ и изъ Москвы меня выслалъ, якобы съ грамотами къ гетману Петру Дороѳеичу, а послѣ тово велитъ мнѣ на воеводствѣ быть въ Чугуевѣ... А все изъ-за сестеръ.

А подъ окномъ слышится протяжная, заунывная мелодія подъ однообразное треньканье нехитраго инструмента, простая, но за душу хватающая мелодія:

Ой изъ города изъ Трапезонта выступала галера
Трема цвитами процвитана, малевана:
Ой, первимъ цвитомъ процвитана—
Златосинними киндяками побивана,

А другимъ цвитомъ процвитана—
Гарматами арештована,
Третимъ цвитомъ процвитана—
Турецькою билою габою покровена...

Всѣ, какъ очарованные, невольно прислушиваются къ этому пѣнію, и даже Соковнинъ, опустивъ голову, сидитъ, не шелохнется—слушаетъ... Умолкаетъ пѣніе, только слышится переборъ пальцами по струнамъ...

— Ужъ и пѣвучая жъ сторонка, ахъ!—какъ-то восторженно встряхиваетъ волосами московскій гость.—Ужъ и сторона же!.. Сколько я нонѣ по ней не ѣду, все пѣсня, все пѣсня, такъ и звенитъ: и парни, и дѣвки поютъ, и малы ребятки соловьевъ заливаются, и самые что ни-на-есть дряхлы старики, и тѣ поютъ... Ужъ и сторонка-же, ахъ! Богова сторонка! Рай, сказать бы земной...

— И точно рай,—какъ бы про себя замѣтила Брюховецкая,—только и въ емъ безъ родныхъ скучно...

— Та рай-же-жъ, рай, — весело заговорила пани гетманова,—та коли бъ сей рай москали не запсовали, мовъ мухи образъ, якъ вони онъ-тамъ, на тимъ боци Днипра позасидили вже сей рай...

То въ тій галери Алканъ-баша,
Трапезонськее княжа гуляе
Избраннаго люду соби мае—
Сямсотъ туркивъ, янычаръ чотыриста,
Та бидного невольника пивчвартаста...

Это опять поетъ голосъ пѣвца за окномъ...

— Ишь старый! Какъ же складно выводитъ,—удивляется Соковнинъ,—ну, народецъ этотъ хохолъ, а-ахъ!

— Ну, а Ванюшка, сынокъ Морозовой, что онъ?—спохватилась Брюховецкая.

— А! Ванюшка? Племянникъ мой! Богу душеньку свою отдалъ...

— Какъ! Что ты! Ахъ, Господи!

— Помре, да...

— Давно ли? Съ чего? Ахъ, бѣдная, бѣдная...

— Отъ великія печали по матери... Давно и сорочины по душѣ я справилъ... Ужъ и убивалась же бѣдная Ѳедосьюшка,

какъ попъ безкуфейникъ принесъ ей горькую вѣсть о сыночкѣ: долго колотилась объ землю сердечная, да причитала, да на царя плакалась, онъ-де искалъ его погибели...

— Ой-ли? Что ты?

— Да такъ, боярыня... У насъ въ московскомъ государствѣ, сама изволишь вѣдать, и смерть, и опала богатаго боярскаго рода на корысть великому государю: всегда въ такомъ разѣ вотчины и богатства опальнаго и умершаго отписываются на государя, чтобы-де его царскому пресвѣтлому величеству было прибыльнѣе.

— Отъ-такъ сторонка! — невольно воскликнула Дорошенчиха.

— Мамо! Мамо! — стрѣлой влетѣлъ Гриць. — Дай мени злотого.

— На что тебѣ, сынокъ?—удивилась мать.

— Я кобзареви у шапку вкину...

Мать должна была исполнить требованіе своего избалованнаго Гриця.

— Подай, милой, и отъ меня слѣпенькому алтынь,—полѣзъ-было Соковнинъ къ себѣ за пазуху.

Гриць остановился и недовѣрчиво вскинулъ на него своими черными, какъ владимірская вишня, буркалами...

— Ни,—сказалъ онъ, подумавъ,—я московскихъ грошей не хочу...

— Добре, Грицько, добре!—засмѣялась Дорошенчиха.— Одъ москаля полу врижъ та втикай

И всѣ разсмѣялись этой выходкѣ. Гриць улетѣлъ изъ свѣтлицы...

— Ой, паничу! Якъ вы мене злякали були,—послышался чей-то голосъ за дверями.

На порогѣ показался рослый парубокъ съ высокою постриженною черною головою и съ чубомъ: бѣлая, шитая красною заполочью сорочка съ стоячимъ «комиромъ», завязанная у горла синею «стричкою» изъ «Явдошиной косы» (съ Явдохою парубокъ только вчера вечеромъ «женихался» на улицѣ, и Явдоха сама выплела изъ своей косы ленту «стричку» и завязала ею сорочку своему «любому козаченькови Петрусеви»), широчайшія съ неизмѣримою, какъ степь, и висящею до земли «матнею»,

желтыя, какъ въ полномъ цвѣту подсолнухъ, шаровары и «нови чоботы», отъ которыхъ несло какъ изъ дегтярной бочки...

— Ты чого, хлопче?—спросила пани гетманова, закрывая «хусткою» носъ.—Отъ намазавъ чоботы, дурный, ажъ очи рогомъ лизуть...

Парень нѣсколько оторопѣлъ...

— Та се я... трошки помазавъ... онъ для ихъ... шануючи пана боярина... шобъ не казали у Москви, що у насъ...—оправдывался растерянный совсѣмъ малый, ссылаясь на то, что онъ такъ усердно намазалъ свои «чоботы» изъ вѣжливости, изъ уваженія къ знатному московскому гостю, чтобъ въ Москвѣ не сказали, что козаки якобы не умѣютъ принимать дорогихъ гостей,—шобъ у Москви не казали, шо у насъ...

— Дегтю мало?—засмѣялась пани гетманова, обдавъ, какъ кипяткомъ, своими сѣрыми глазами московскаго гостя.—Ну, чего жь ты стоишь?—снова обратилась она къ парубку.

— Та мани-матка оце послали мене... запрохати шановнаго пана москаля, чи пакъ боярина... якъ его... тее... оце й забувъ... тее то якъ его... запрохати тее пана моска... цуръ ему! Тее... отъ и забувъ...

Малый совсѣмъ сбился, а шелъ съ затверженной рѣчью, которою онъ, отъ имени старой пани-матки, самой матери гетмана, долженъ былъ пригласить гостя «на частуванне», на закуску съ дороги.

— Просимо дорогого гостя, просимо,—встала пани гетманова и приглашала итти къ старой «пани-маткѣ», къ хозяйкѣ и главѣ гетманскаго дома.—Ходимо, Оленко, и ты ходи, Олесю,—ласково обратилась она и къ Брюховецкой,—мати ждутъ насъ... Бижи хутко, Петрусь, та скажи пани-матци, що заразъ будемо.

Петрусь метнулся, разнося дегтярный запахъ по всему гетманскому дому. Петрусь былъ того мнѣнія, что деготь пахнетъ лучше всякихъ цвѣтовъ и духовъ и что «безъ дегтю пропали бы люди»...

Когда гость, предшествуемый пани гетмановою и Брюховецкою, входилъ въ покои старой пани-матки, Петрусь недоумѣвающе топтался у дверей и вопросительно посматривалъ на молодую госпожу.

— Може тее, пани... коли воняютъ, чоботы, то я-бъ може тее-бъ, босый-бы або що...

Пани гетманова только махнула рукой.

— Або-що!.. Може-бъ и безъ штанинъ або-що,—пробормотала она, про себя улыбаясь.

— А я запамятовалъ, простите, матушка Олена Митревна,—торопливо сказалъ Соковнинъ, вступая въ пріемный покой, гдѣ онъ долженъ былъ представиться старой матери гетмана,—царевна, ея милость Софѣй Алексѣевна, наказывала мнѣ съ сѣнною дѣвушкой: «поклонись-де, Ѳедоръ, отъ меня боярынѣ Оленѣ Митревнѣ и спроси о здоровьѣ»...

— Ахъ, свѣтикъ-царевнушка! Что она, цвѣтикъ лазоревый? Ахъ!

— Ростетъ, полнится, хорошѣетъ, что заря утренняя, и всякимъ хитростямъ и дѣйствамъ учится...

Послышалось тяжелое шарканье по полу шаговъ, и на порогѣ внутреннихъ покоевъ показалась высокая осанистая старуха, черная и вся въ черномъ. Единственное, что бросилось въ глаза Соковнину, это рѣзкій цыгановатый обликъ старухи.

То была мать Дорошенка.

X. Тишайшій купаетъ въ пруду стольниковъ.

Не въ одной Украйнѣ голубое небо, жаркое солнце, яркая зелень...

Жаркое, хотя утреннее лѣтнее солнце пурпуромъ горитъ на золотыхъ верхушкахъ лѣтняго дворца Алексѣя Михайловича въ селѣ Коломенскомъ, обдаетъ пурпуромъ яркую зелень царскаго сада съ цвѣтниками и прудомъ и превращаетъ въ нѣжную бирюзу голубое московское небо, когда-то сыпавшее, казалось, одними снѣгами и мятелями, да дышавшее трескучими морозами. Лѣтняя царская резиденція, изукрашенная и «измечтанная» невиданными рѣзными узорами и красками, обрызганная позолотою, испещренная цвѣтными и разрисованными стеклами, вся въ столбикахъ, конькахъ, гребешкахъ и рѣшеткахъ, такъ и рябитъ, такъ и слѣпитъ своею золото-ордынскою пестротою непривычный глазъ.

Прелестное московское утро... На дворцовыхъ карнизахъ, межъ рѣшетинами переходовъ и на наличникахъ голуби воркуютъ... Въ чащѣ сада турлукаютъ горлинки и свистятъ иволги.

И среди этой природы, на женской половинѣ дворца, въ вы-

сокомъ теремѣ царевенъ, на полузадернутыхъ отъ солнца пологами переходахъ раздается звонкій, металлическій голосокъ той, о которой сейчасъ почти, именно вчера подъ-вечеръ, вспоминали въ Украйнѣ правобережной, въ Чигиринѣ, въ домѣ гетмана Петра Дорошенка... Это голосокъ «ея милости царевны Софѣй Алексѣвны».

Царевна Софья Алексѣевна сидитъ въ своемъ теремкѣ съ Симеономъ Ситіановичемъ Полоцкимъ и учится «ариѳметикіи»...

Царевнѣ уже пошелъ пятнадцатый либо шестнадцатый годокъ. Она, какъ справедливо замѣтилъ думный дворянинъ Ѳедоръ Соковнинъ на вопросъ Брюховецкой, похорошѣла, выросла, пополнѣла пышнымъ бѣлымъ тѣльцемъ... Бѣлокурая ея умненькая головка выростила роскошную косу, которая заплетена въ двѣ трубы... Голубые, совсѣмъ московскіе глаза съ поволокой поглядываютъ иногда на зелень сада, на прудъ, у береговъ котораго картинно плаваютъ лебеди. Одна шибка стеклянной галлереи переходовъ отворена въ садъ, оттуда вѣетъ ароматомъ цвѣтовъ и зелени. У пруда, у «ердани», стоятъ часовые стрѣльцы. Кое-гдѣ виднѣются въ тѣни зелени бояре, стольники и другая дворская саранча.

— Такъ, такъ, цифрей ни лишнихъ, ни неправильныхъ нѣту,—говорилъ, какъ бы про себя, Симеонъ Полоцкій, перелистывая тетрадку на столѣ. — Циферное дѣло гораздо, въ порядкѣ... Похваляю Премудрость царевну... А что есть ариѳметикія?—вскинулъ онъ на нее своими умными семитическими глазами.

Царевна какъ бы немножко вздрогнула отъ задумчивости, но тотчасъ же оправилась.

— Ариѳметикія или числительница есть художество честное,—быстро заговорила она,—независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ въ разныя времена явившихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное.

Прекрасные глаза царевны смотрѣли весело и свѣтло.

— Изрядно, преизрядно!—похвалялъ учитель. — А каково есть ариѳметикіино челобитье до учащейся юности?

— Челобитье ариѳметикіино таково есть:

Пріими, юнице, премудрости цвѣты,
Разумныхъ наукъ обтецая верты,
Ариѳметикіи прилежно учися,
Въ ней разныхъ правилъ и штукъ придержися,
Ибо въ гражданствѣ къ дѣламъ есть потребно
Лечити свой умъ, аще числить вредно
Та пути въ небѣ рѣшитъ, и на мори,
Еще на войнѣ, полезна и въ поли.

— Оптиме! Оптиме—похвалялъ учитель, любуясь своей ученицей.

— А что есть «оптиме»?—удивленно спросила царевна.

— «Оптиме» есть велія похвала римская, сирѣчь «преизрядлѣйшее», «препохвальнѣйшее», изряднѣе чего быть не можетъ.

— А что есть «верты», учителю?—снова спросила любознательная ученица.

— «Верты» суть множественное число, по грамматикіи, отъ «верта», а «верта» есть мать и сестра «вертограда»: попросту «верта» есть садъ.

— А что есть «штукъ»?

— «Штука» есть слово польское и украинское и равносильно слову «художество».

Царевна глянула въ окно и улыбнулась.

— Государь батюшка вышелъ на смотръ,—сказала она, продолжая весело улыбаться,—а бояре-тѣ, бояре какъ земно кланяются головами въ песокъ, красны, что раки, пыхтятъ какъ...

Она совсѣмъ разсмѣялась. Тонкая улыбка змѣйкой пробѣжала по губамъ и глазамъ Симеона Полоцкаго.

— Усердіе свое великому государю являютъ,—замѣтилъ онъ скромно.

— Ахъ! Дьякъ Алмазъ Ивановъ ужъ тринадцатой поклонъ кладетъ,—снова засмѣялась царевна,—кувыркается...

— Онъ легонькой, худъ гораздо, ему не тяжело,—пояснилъ Симеонъ.

— Ахъ! А князь Трубецкой, Алексѣй Никитичъ, съ земли не можетъ подняться... ахъ!

— Тученъ онъ и старъ гораздо...

— Ево поднимаютъ князь Юрье Ромодановской да Ртищевъ Ѳедоръ... ахъ, подняли! Подняли! Государь батюшка смѣется... руку жалуетъ...

Царевна вспомнила, что она отвлекается отъ «урка» и зардѣлась... потомъ отвернулась отъ окна, чтобъ не соблазняться «кувырканьями» бояръ.

Симеонъ Полоцкій понялъ это.

— А коликогуба есть ариѳметикія, царевна Премудрость?— съ ласковою улыбкою спросилъ онъ.

— Ариѳметикія есть сугуба.

— Изрядно... А каково есть ариѳметикіино первой части послѣдствіе?

— Ариѳметикіино послѣдствіе гласитъ сице:

О, любезнѣйшая прочитателько,
Буди о Христѣ ты снисателька,
Да въ наукѣ сей будешь свершенна.
И вездѣ у всѣхъ добре почтенна.
Но еще молю тя потщися,
Прочихъ частей изучися,
Въ нихъ же охотно ся понуди,
Въ политикіи всей свершенна буди,
Да будешь почтена всеконечно
И увѣнчана отъ всѣхъ вѣнечно.

— Оптиме! Сугубо и трегубо! Оптиме!—поощрялъ учитель.

Царевна вдругъ засмѣялась, да такъ дѣтски искренно и звонко, что даже Алексѣй Михайловичъ, занятый важнымъ государственнымъ дѣломъ, счетомъ земныхъ поклоновъ своихъ бояръ и другихъ сановниковъ, оглянулся на теремъ царевны и добродушно улыбнулся...

— Батюшка государь сюда смотритъ и смѣется,—сказала царевна и быстро спряталась за пологъ, словно вспугнутая птичка.

— Великій государь любитъ тебя, царевна, паче всѣхъ,— серьезно замѣтилъ Полоцкій.

— А я, ахъ, я батюшку государя таково крѣпко люблю, таково крѣпко!.. А однова, онъ говорилъ мнѣ, что когда ево, царевичемъ, заставляли уроки учить, такъ повсяденъ велѣли прочитовать «похвалу розгѣ»... А «похвала розгѣ», батюшка сказывалъ, такова:

Розгою Духъ Святой дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравія вредитъ...

Она снова засмѣялась... Симеонъ, позвякивая четками, ласково смотрѣлъ на нее и улыбался...

— А дальше, батюшка сказывалъ, тако:

Благослови Боже, оные лѣса,
Иже розги добрыя родятъ на дѣтскія тѣлеса,
Да будутъ благословенны и оныя златыя времена,
Егда убо сѣкутъ розгами людскія рамена...

— Нынѣ сему не учатъ,—замѣтилъ Симеонъ, когда царевна кончила.

— А «комидійнымъ дѣйствамъ» учатъ?—наивно спросила юная царевна.—Ахъ, какъ оныя «дѣйства» хороши, зѣло хороши!

Симеонъ Полоцкій скромно потупился, и даже немножко какъ бы румянецъ показался на его блѣдномъ, безцвѣтномъ лицѣ.

— А ты, царевна, видѣла ихъ?—спросилъ онъ, немного подумавъ.

— Однимъ глазкомъ видѣла, когда у батюшки въ палатахъ оныя дѣйства показывали... Я изъ-за полога смотрѣла... Таково хорошо!.. Выходитъ это Навуходоносоръ, царь гордый такой, страшный, и съ нимъ бояринъ Амиръ, и бояринъ Зарданъ, и слуги, и воины... А лицедѣй и говоритъ государю-батюшкѣ:

То комидійно мы хощемъ явити
И аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ,
Княземъ, боляромъ, вѣрно ти служащимъ,
Въ утѣху сердецъ здрави убо зрите,
А насъ въ милости сохраните...

Безцвѣтное лицо монаха расцвѣло, глаза были необыкновенно свѣтлы, губы подергивались...

— Память-то какова у тебя, царевна Премудрость, золотая! Воистину золотая!—радостно бормоталъ онъ, не спуская глазъ съ раскраснѣвшагося личика дѣвушки.

— А какъ весело было, когда были «ликовствованія», и на полѣ Деирѣ, когда Навуходоносоръ царь велѣлъ гудцамъ трубить и пискать... Ахъ, таково хорошо! И болванъ златъ, идолъ Навуходоносоровъ, и пещь огненная, и три отрока въ пещи, и ангелъ... Ахъ, какъ они бѣдненьки, отроки-тѣ, не сгорѣли въ пещи!

— Ангелъ не попустилъ...

— Да, ангелъ, точно... Я такъ и замерла, за пологъ уцѣпившись, мало со страху не крикнула, да няня назадъ оттащила меня силкомъ... Я такъ и расплакалась объ отрокахъ...

— Да оно такъ только, царевна-матушка: одно лицедѣйство... Отрокамъ не горячо было въ пещи,—успокаивалъ свою ученицу Симеонъ, довольный въ душѣ эффектомъ своей пьесы,—то комидійное дѣйство, а не самосущее...

— А все страшно... Я послѣ таково возрадовалась, когда на другой день увидала въ окно, что отроки живы и здравы были... Одного я знаю, онъ истопниковъ сынъ Митя...

Юная царевна совсѣмъ разболталась, а Симеонъ, польщенный ею, только улыбался.

— А потомъ лицедѣй и говоритъ,—снова восхищалась царевна,—говоритъ таково красно и кланяется государю-батюшкѣ и боярамъ:

Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволилъ еси дѣйства послушати,
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше.

Въ это время на дворѣ послышался какой-то крикъ, плескъ воды и громкій смѣхъ. Царевна выглянула изъ-за полога и тоже засмѣялась...

— Государь-батюшка тѣшиться изволитъ, стольниковъ купаетъ,—пояснила она.

Дѣйствительно, противъ внутренней выходной площадки коломенскаго дворца, гдѣ въ высокомъ рѣзномъ креслѣ сидѣлъ царь, окруженный предстоящими ему боярами, князьями и всякими именитыми сановниками, на дворѣ, у самаго пруда, происходило нѣчто необыкновенное, хотя, по понятіямъ того наивнаго вѣка, весьма естественное. «Тишайшій», дѣйствительно, изволилъ тѣшиться: купалъ въ пруду своихъ стольниковъ. Эти невольныя ванны царскіе стольники принимали «ежеденъ» и «ежеутръ», какъ писалъ о томъ самъ Алексѣй Михайловичъ стольнику Матюшкину: кто опоздалъ къ царскому смотру, то есть къ поклонамъ, какіе вонъ нынѣ утромъ такъ усердно дѣлалъ дьякъ Алмазъ Ивановъ, самый аккуратный царедворецъ, какъ великій законникъ, или князь Трубецкой, не могшій потомъ под-

няться съ земли, кто запаздывалъ къ этимъ поклонамъ, того въ прудъ, такъ-таки совсѣмъ въ кафтанѣ, и золотномъ платьѣ и сафьянныхъ сапогахъ и погружали въ воду, бросая въ прудъ съ «ердани», съ мостковъ, устроенныхъ для водосвятія.

Сегодня особенно было много купаемыхъ. Да и немудрено: утро выдалось жаркое, слѣдовательно, покупаться для потѣхи его царскаго пресвѣтлаго величества даже пріятно. Конечно, въ сентябрѣ и октябрѣ, когда начинались заморозки, а царь все еще оставался въ Коломенскомъ, стольники рѣже опаздывали къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, къ поклонамъ; но жаркимъ лѣтомъ почему и не опоздать? Особенно же потому лестно было быть выкупаннымъ, что всякаго, кто потомъ благополучно выползалъ изъ пруда, мокрый, какъ мышь, царь жаловалъ, кормилъ за царскимъ столомъ: такъ мокраго и сажалъ, и тотъ преисправно кушалъ «царску ѣству» и пилъ изрядно...

— Великій государь! Смилуйся, пожалуй! Не вели топить, дѣтушки малъ мала меньше!—вопилъ одинъ толстый, красный стольникъ, котораго стрѣльцы подъ руки тащили къ пруду, между тѣмъ какъ другой уже барахтался въ водѣ, брызгалъ и фыркалъ, какъ купаемый конюхомъ жеребецъ, и охалъ, путаясь въ мокрыхъ складкахъ своего цвѣтного кафтана и захлебываясь водой.

— Караулъ! Тону! Пустите душу на покаянье!—молился онъ, выбиваясь изъ силъ.

— Кидай! Кидай далѣ, глыбче!—наблюдалъ за порядкомъ Алмазъ Ивановъ.

— Ой-ой, батюшки! Государь!

— Бултыхъ!.. Только жмурки пошли по водѣ отъ толстаго стольника...

А «тишайшій», положивъ руки на полный, выхоленный животъ, «любительно» смѣется... Ему вторятъ почтительнымъ ржаніемъ бояре...

Испуганные лебеди бьются по пруду крыльями и отчаянно кричатъ...

Стрѣльцы волокутъ третьяго стольника, который крестится и тихо читаетъ псаломъ «Помилуй мя, Боже, по велицей»...

— Охъ! Тише! Задушите!

И его бултыхнули съ мостковъ со всего розмаху.

— Ой-ой! Убили! Батюшки, убили!

Этотъ третій стольникъ, падая торчмя въ прудъ, хлобыснулся какъ разъ объ спину толстаго, второго стольника, который только было вынырнулъ изъ воды...

— Охъ! Спасите, кто въ Бога вѣруетъ, потопаю, охъ!

А тотъ, первый, что раньше другихъ барахтался въ водѣ, кое-какъ добрался до берега, выкарабкался на четвереньках и приближается къ царю съ улыбкой подобострастія... Мокрые волосы спутались, закрыли все лицо, съ волосъ и съ бороды течетъ; съ платья, съ кафтана и штановъ ручьями льетъ вода; сафьянные сапоги, наполненные водой, хлюпаютъ и брызжутъ... Стольникъ, оставляя за собой на землѣ полосу воды, подходилъ къ царскимъ ступенямъ и кланялся земно, прямо лбомъ въ песокъ... Поднимается, песокъ и грязь на лбу и волосахъ, руки, колѣни, полы, все въ землѣ... Но на лицѣ самая преданная, самая холопская улыбка...

— Жалую тебя, Еремѣй, ѣшь нонѣ съ царскаго стола,— милостиво, съ доброю улыбкою на полномъ розовомъ лицѣ, говоритъ «тишайшій».

Стольникъ опять кланяется земно, осклабляется...

— Я, ваше царское пресвѣтлое величество, нарокомъ опоздалъ,—стоя на четвереньках, благодаритъ выкупанный стольникъ,—коли-де опоздаю, такъ выкупаютъ, да и за столъ посадятъ...

— То-то!—улыбается царь, и бояре «осклабляются, что псы вѣрные».

— Для тово и опоздалъ нарокомъ... ѣствы царской сродясь не ѣдалъ, какова она, ѣства царская,—пояснялъ выкупанный.

За третьимъ сбросили въ воду четвертаго, пятаго, шестого, до дюжины... А Алмазъ Ивановъ наблюдаетъ порядокъ, зорко слѣдитъ за симъ важнымъ государевымъ дѣломъ, словно бы тутъ была царская овчарня, а это купаютъ овецъ или молодыхъ щенятъ, чтобъ блохи не водились.

Въ это время стрѣльцы подошли къ одному высокому, красивому, совсѣмъ молодому стольнику, чтобы и его вести въ воду. Стольникъ былъ одѣтъ щеголевато, въ малиновый лѣтній кафтанъ «заморской кройки» и въ сафьянные со скрипомъ сапожки. Онъ глянулъ на окно царевнинаго теремка и вспыхнулъ, какъ маковъ цвѣтъ... и тамъ, въ теремкѣ, вспыхнули же: вспыхнула царевна Софья Алексѣевна и даже рукавомъ закрылась.

— Иди, князь Василій Васильичъ, твой чередъ,—строго обратился къ красивому стольнику Алмазъ Ивановъ.

Руки стрѣльцовъ потянулись было къ стольнику...

— Прочь, смерды! Не трошь своими лапами!—отмахнулся отъ нихъ молодой стольникъ.—Самъ вѣдаю государеву службу...

И со всего бѣгу, съ припрыгомъ, ринулся съ іорданскихъ мостковъ въ прудъ и исчезъ подъ водою...

— Ай да молодецъ князь Василей,—похвалялъ царь, милостиво улыбаясь.

— Молодецъ! Молодецъ! Изъ молодыхъ да ранній,—почтительно ржали бояре.

Но молодого князя и слѣдъ простылъ, онъ исчезъ подъ водою—только пузыри пошли...

Ждутъ ждутъ... нѣту князя Василья... Еще ждутъ, нѣту... нѣту...

— О-охъ!—послышался слабый стонъ въ окнѣ царевниного теремка... Царь глянулъ туда, ничего не видать...

Симеонъ Полоцкій, испуганный, дрожащій, бросился къ своей ученицѣ... Она блѣдна, какъ снѣгъ, помертвѣла...

— Что! Что съ тобой, царевна? Охъ, Господи!

— Вася! Васенька Голицынъ утонулъ... о-о-о!

Но Васенька Голицынъ вынырнулъ въ другомъ концѣ пруда и своимъ появленіемъ распугалъ всѣхъ лебедей. Даже стрѣльцы объ полы руками ударились, а Алмазъ Ивановъ ажно испужался, совсѣмъ испужался... «Ишь язва... ахъ, н-ну»...

— Похваляю и жалую тремя обѣды вразъ,—положена милостивая царская резолюція на купанье молодого князя Голицына.

Всѣ, и бояре, и думные, и стольники, смотрѣли съ завистью на счастливчика на князя Василья...

И изъ царевнина теремка съ любовью смотрѣло на него счастливое дѣвичье личико *)...

---

*) Купанье стольниковъ — историческій фактъ. Царь Алексѣй Михайловичъ самъ писалъ изъ села Коломенскаго стольнику Матюшкину: «Извѣщаю тебѣ, что тѣмъ утѣшаюся, что стольниковъ купаю ежеутръ въ прудѣ, Іордань хороша сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанія жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ: многіе нарокомъ не поспѣваютъ»... (Русская исторія Костомарова, IV, 98).

XI. Увѣщаніе Морозовой

Стольники выкупаны, вдоволь накормлены, доклады дьяковъ выслушаны, резолюціи по отпискамъ воеводъ и посольскихъ людей положены, грамоты посланы... Послѣ обѣда часа два соснуто; квасу и браги и медовъ со сна полтретья ведра выпито; вечерни отслушаны; побаловано сластями; медвѣжатниковъ похвалено; «комедійное дѣйство о блудномъ сынѣ» просмотрѣно; на ночь попито, поѣдено и гораздо запито, и прошелъ московскій день... Слава Тебѣ, Создателю всяческихъ...

Ночь...

И царь Алексѣй Михайловичъ спитъ, и царица Наталья Кирилловна спитъ, и царевна Софьюшка баинькаетъ, и Васенька князь Голицынъ спитъ, и дьякъ Алмазъ Ивановъ дрыхнетъ...

Царю грезятся стольники, царицѣ—лазоревы цвѣточки, царевнѣ Софьюшкѣ—Васенька княжичъ. Васенькѣ—царевнушка Софьюшка, Алмазу Иванову—гусиное перо...

Ночь и въ Пустозерскѣ...

Все спитъ и тамъ... Не спитъ только Аввакумъ въ своей земляной тюрьмѣ: молится, кричитъ до Бога, звеня цѣпями... А привыкшая тюремная мышка грызетъ свой сухарикъ...

И въ Ѳерапонтовѣ ночь...

Никонъ не спитъ: стучитъ костылемъ по полу кельи, съ чертями воюетъ...

И на Украйнѣ, въ Чигиринѣ ночь...

Тамъ никто не спитъ: пани гетманова въ «вишневомъ садочкѣ» съ «молодшимъ» обнимается, пани Брюховецкая нянины московскія сказки слушаетъ, Гриць мечется въ постелькѣ, «Шумомъ» бредитъ... Петрусь съ Явдохою «женихается»... «Дивчата» и «парубки» поютъ отъ зари до зари...

Но и на Москвѣ въ эту тихую лѣтнюю ночь не всѣ спятъ. Ровно въ полночь тихо заскрипѣла калитка на подворьѣ Печерскаго монастыря, загремѣло желѣзо, и изъ калитки вышла женщина, вся закутанная въ черномъ и сопровождаемая вооруженными людьми. На ногахъ женщины звякали кандалы...

— Ишь, лѣшіе, лошадь выпустили! — соскочилъ со скамейки заспавшійся сторожъ подворья, которому со сна, по звяканью кандаловъ, померещилось, что это ушла съ подворья стреноженная цѣпью лошадь.

Онъ бросился за мнимою лошадью и въ изумленіи развелъ руками: то была не лошадь, а закутанная черною фатою женщина съ кандалами на ногахъ.

— Ишь ты, монатка должно, проворовалась, — пробормоталъ онъ и снова пошелъ спать.

Да, то была дѣйствительно, «монатка», которая, «проворовалась гораздо»: «воровство ея знамое», какъ сегодня еще выразился о ней Алексѣй Михайловичъ въ разговорѣ съ патріархомъ Питиримомъ II. Надо замѣтить, что въ то время «воровство» означало совсѣмъ не то, что значитъ теперь: «воровствомъ» тогда называли всякое государственное преступленіе, неповиновеніе, бунтъ, и оттого тѣхъ казаковъ, которые шли противъ правительства, называли «воровскими». Вотъ потому-то сегодня царь, разговаривая съ патріархомъ о Морозовой, выразился: «воровство-де ея знамое»...

Морозову это-то и вели подъ карауломъ изъ Печерскаго подворья. Разговоръ объ ней у царя съ патріархомъ былъ сегодня по слѣдующему случаю. Игуменья Алексѣевскаго монастыря, въ которомъ заточена была сестра Морозовой, княгиня Урусова, не разъ заводила съ патріархомъ рѣчь о томъ, что вотъ-де у нея въ монастырѣ «смиряютъ» княгиню Урусову, «волочатъ» каждый день ее, «аки мертвую, къ четью-пѣтью церковному», а она-де «вопитъ свою проповѣдь на весь міръ» — и оттого на Москвѣ «молва живетъ гораздо», да и «соблазнъ великій», потому-де вся Москва знаетъ о ея «вельможіи и породѣ». Да и о сестрѣ-де ея, боярынѣ Морозовой, «велія молва живетъ»... Вотъ потому-то сегодня патріархъ и говорилъ царю»: «Совѣтую я тебѣ, великій государь, боярыню ту Морозову вдовицу—кабы ты изволилъ опять домъ ей отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ. А княгиню тоже бы князю отдалъ, такъ-бы дѣло-то приличнѣе было. Женское ихъ дѣло, что онѣ, много смыслятъ! А объ нихъ многія знатныя особы всего московскаго государства соболѣзнуютъ: и это тебѣ, царскому величеству, не на корысть живетъ, а тебѣ же въ убытокъ. Да и сынокъ твой родной, царевичъ Михаилъ, соболѣзнуя онымъ сестрамъ, частенько-таки, сказываютъ, къ нимъ заѣзжалъ посмотрѣть сквозь рѣшетку на ихъ мученичество и слушаетъ ихъ со умиленіемъ: «удивляетъ-де меня ваше страданіе; одно только смущаетъ меня: не знаю — за истину-ли вы терпите». А царь и говоритъ патріарху: «Давно

бы я простилъ и пожаловалъ боярыню Морозову; но не знаешь ты лютости этой женщины. Какъ повѣдать тебѣ, сколь наругалась и нынѣ ругается Морозова-та! Много подѣлала она мнѣ трудовъ и неудобствъ показала. Если не вѣришь моимъ словамъ, изволь самъ испытать: призови ее къ себѣ, спроси и самъ узнаешь ея твердость. Начнешь ее истязать, и вкусишь пріятности ея... Потомъ я сдѣлаю, что повелишь... А воровство ея знамое»...

Вслѣдствіе этого разговора и вели теперь къ патріарху Морозову, чтобы онъ самъ могъ «вкусить ея пріятности».

Тихо кругомъ по всей сонной Москвѣ, только слышится роковое позвякиванье кандаловъ, да кое-гдѣ лай собаки, разбуженной этимъ звякапьемъ. Морозова идетъ, немного наклонивъ голову и какъ-бы къ чему-то прислушиваясь. Она вспоминаетъ, какъ годъ тому назадъ, она, въ сопровожденіи Акинфеюшки, такою же лѣтнею ночью шла къ тюрьмѣ земскаго приказа навѣстить заключеннаго Стеньку Разина. Но теперь и она заключенница. Не одинаковы-ли ихъ вины передъ Богомъ и русскою землею? Да, одинаковы. И она, Ѳедосья боярыня, такой-же, какъ и Стенька, «воровской атаманъ», только тотъ шелъ противъ боярскаго богопротивнаго самовластья, а она идетъ противъ боярской богопротивной новой вѣры. И ее ждетъ такая-же казнь, какая постигла Стеньку... Что-жь! На то она пошла, на то взяла свой страннический посохъ, чтобы съ нимъ добрести до могилы... А тамъ она и Ванюшку своего встрѣтитъ.

Только тогда, когда она шла къ Стенькѣ, вѣтеръ шумѣлъ вершинами липъ, и тотъ, къ кому она тогда шла, сидя у тюремнаго окна, пѣлъ:

Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка...

А она будетъ пѣть «пѣснь нову».

Проходя мимо своего дома, она взглянула на него. Домъ стоялъ мрачнымъ, пустыннымъ, и ни въ одномъ окнѣ ни огонька, хотя бы лампадка теплилась, ничего нѣтъ... Да и кому тамъ возжигать лампадки? Ея домъ теперь сталъ выморочнымъ и взятъ въ казну великаго государя... Только слышно, на дворѣ собаки жалобно воютъ, по хозяинѣ тоскуютъ...

Морозову привели въ Чудовъ монастырь и ввели во Вселен-

скую палату. Палата была тускло освѣщена, и Морозова увидѣла только нѣсколько черныхъ клобуковъ, но лицъ ихъ сначала не распознала... «Волци, — мелькнуло у нея въ умѣ, — наемники не радятъ объ овцахъ, и волци распудятъ стадо»... Увидѣвъ въ переднемъ углу палаты новые образа, она отвела отъ нихъ лицо и перекрестилась истово, глядя на небо, въ потолокъ. Клобуки глядѣли на нее, но она имъ не кланялась: молодое, красивое, нѣжное лицо глядѣло на нихъ гордо, какъ бы спрашивая: зачѣмъ вы здѣсь? Ваше мѣсто на большой дорогѣ, въ муромскихъ лѣсахъ, но не здѣсь... И для чего я вамъ надоблюсь? Какое общеніе Христа съ Веліаромъ?.. Она не хотѣла стоять волею и почти висѣла на рукахъ державшихъ ее стрѣлецкихъ сотниковъ... «Не буду стоять... это волци»...

Она скоро узнала, кто были эти «волци»: патріархъ Питиримъ, «краснощекій» Павелъ «оладейникъ», митрополитъ крутицкій Іоакимъ, архимандритъ чудовской, и думный дворянинъ Ларіонъ Ивановъ, «со властями и градскими начальниками».

«Лиѳостротонъ, сущій лиѳостротонъ», думалось Морозовой.

Патріархъ, приблизясь къ ней, взглянулъ своими старческими глазами въ ея свѣтлые, чистые дѣтскіе глаза и покачалъ головой: «жить-бы только, жить-бы такой молодой да Бога славить, — подумалось ему, — такъ нѣтъ... сама смерти взыскуетъ»...

Старикъ тяжело вздохнулъ и снова глянулъ въ свѣтлые глаза, блестѣвшіе изъ-подъ монашескаго клобучка.

— Дочь моя, почто окаменѣло сердце твое? — спросилъ онъ тихо и ласково.

Морозова молчала... «Она же отвѣта не даде», шевельнулось въ сердцѣ у старика. Митрополитъ Павелъ, архимандритъ Іоакимъ и думный Ларіонъ молча переглядывались: они уже «вкусили пріятности» этого василиска и аспида съ ангельскимъ личикомъ...

— Камень, камень, — бормоталъ старый патріархъ, качая головой.

«Камень... на семь камени созижду церковь... О! Созижди, Господи!» — колотилось въ сердцѣ у вопрошаемой.

— Боярыня! — съ силою сказалъ патріархъ. — Оставь всѣ твои нелѣпыя начинанія, присоединись съ соборной церкви и ко всему россійскому собору.

Боярыня вскинула на него своими ясными глазами.

— Мнѣ некому исповѣдываться и не у кого причаститься,— тихо отвѣчала она.

— Поповъ много въ Москвѣ, — съ удивленіемъ замѣтилъ патріархъ.

— Поповъ много, — былъ отвѣтъ, — но истиннаго нѣтъ... У истинныхъ языки вырѣзали, либо живыхъ въ землю закопали.

Патріархъ отступилъ назадъ. Чотки задрожали въ его рукахъ; онъ, видимо, что-то вспомнилъ... Вспомнилъ, что и онъ такъ же вѣровалъ, какъ вотъ она... но... искушеніе власти, прелести міра.

— Дочь моя! — еще съ большею силою сказалъ онъ. — Вельми пекусь о тебѣ: самъ на старость понуждусь исповѣдать тебя и, отслужа, самъ тебя причащу.

Какая честь! Честь небывалая въ московскомъ государствѣ. Но Морозова отказалась и отъ этой чести.

— Развѣ есть разница между н и м и и тобою? Развѣ ты не творишь и х ъ волю? — заговорила она съ горечью. — Когда ты былъ крутицкимъ митрополитомъ, держался обычая, переданнаго отцами нашей русской землѣ, и носилъ клобучекъ старый, и тогда ты нами былъ отчасти любимъ. А нынѣ ты захотѣлъ творить волю земнаго царя, а Содѣтеля твоего презрѣлъ и возложилъ на свою голову рогатый клобукъ римскаго папы, и оттого мы теперь отвращаемся отъ тебя. Такъ не утѣшай меня тѣмъ, что самъ меня причастишь; не требую я твоей службы.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, краска заливала лицо маститаго главы московской церкви: онъ глубоко сознавалъ правоту ея словъ и съ горестью вспомнилъ о своей молодости, когда и онъ носилъ «малый клобучекъ на главѣ, а въ груди сердце чисто»... Теперь потускнѣло это сердце... «потускнѣ, яко зерцало отъ дыханія»...

Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы его облачили въ церковныя ризы. Руки его дрожали.

— Принесите освященное масло... сучецъ подайте... помажу ее... авось придетъ въ разумъ,—бормоталъ онъ, готовясь мазать муромъ упрямицу.

Подали патріарху сосудъ и сучецъ. Патріархъ приблизился къ ней, творя молитву. До этой минуты она висѣла на рукахъ

сотниковъ, которымъ даже пріятно было держать «таку цыпочку», но тутъ она выпрямилась и сверкнула глазами.

Крутицкій митрополитъ протянулъ-было свою жирную руку, чтобы приподнять треушокъ отъ клобучка, падавшій на мраморный лобъ боярыни, дабы патріарху удобнѣе было помазать ее масломъ, но упрямица гордо отстранила руку митрополита.

— Помни, чернецъ: я боярыня, боярыня Морозова! — сказала она съ достоинствомъ.

Рука митрополита опустилась, какъ обожженная...

— А кусается, — лукаво шепнулъ думный Ларіонъ своему сосѣду архимандриту Іоакиму.

— Сущая крапива, — улыбнулся на это архимандритъ.

— Я хотѣлъ токмо треушокъ поднять, — бормоталъ, оправдываясь, митрополитъ.

— То-то, не забывай моего боярскаго чина, — повторила боярыня.

Но патріархъ приблизился къ ней и омочилъ сучецъ въ масло. Морозова, удерживаемая сотниками, взмолилась съ воплемъ отчаянья.

— О-о! Не губи! Не губи меня, грѣшницу, отступнымъ масломъ.

Лицо патріарха покрылось краской негодованія.

— Молчи! Ты поносишь святое мѵро!

— Не святое оно, отступное... О! Уйди отъ меня... Ужели однимъ часомъ хочешь погубить весь мой трудъ!.. Отступи: удались! Не требую я вашей святыни.

И она отворачивала назадъ голову, билась въ рукахъ стрѣльцовъ, какъ пойманный голубь, звеня желѣзами.

Патріархъ отступилъ и передалъ сосудъ митрополиту: дрожащія руки его могли пролить священное мѵро. Онъ самъ весь дрожалъ...

— Уведите вражью дочерь съ глазъ моихъ долой! — заикался старикъ. — Она еще отвѣдаетъ сруба.

Морозову увели. Когда она выведена была на крыльцо, то услыхала звяканье еще чьихъ-то кандаловъ. То вели еще двухъ колодницъ.

— Дунюшка? Это ты?

— Я, сестрица, — отвѣчала, радостно, Урусова, которую тоже вели къ патріарху.

Морозова и Урусова бросились-было другъ къ другу; но стрѣльцы, конвоировавшіе ихъ, не пустили.

— О! Такъ ты жива еще! Не сожгли? Не удушили?

— Жива, сестрица.

— А кто съ тобой?

— Это я, — отвѣчалъ женскій голосъ, — али не узнала меня, Ѳедосьюшка?

— Акинфеюшка! Милая! И ты въ узахъ?

— Во узахъ Павловыхъ, миленькая: радуюсь!

— Слава Тебѣ, Создателю... Дерзайте же, миленькія! Дерзайте именемъ Христовымъ: той бо побѣди міръ... Дерзайте!

Колодницъ развели силою.

— И Анисьюшку боярышню взяли волци! И Устиньюшку взяли, поволокли въ Боровскъ!—кричала уже съ крыльца Акинфеюшка.

— А мать Меланію?

— Мать Меланія здравствуетъ!

Стрѣльцы зажали ротъ Акинфеюшкѣ.

Когда во Вселенскую палату ввели Урусову и Акинфеюшку, патріархъ встрѣтилъ ихъ сердито.

— И вы во слѣдъ оной-же волчицѣ? — спросилъ онъ, приближаясь къ колодницамъ.

— Невѣдома намъ волчица, а вѣдомы токмо волци, — отвѣчала княгиня.

Патріархъ велѣлъ подать освященное масло.

— Княгиня! Оставь свои заблужденія, — заговорилъ онъ болѣе спокойно, — покорись царю и освященному собору, и тебя возвратятъ мужу и дѣтямъ.

— Нѣту у меня мужа, — отвѣчала раскольница, — топоръ развѣ будетъ моимъ мужемъ, а брачнымъ ложемъ плаха.

— А ты, боярышня, за ними-же? — обратился патріархъ къ Акинфеюшкѣ, отворачиваясь отъ Урусовой.

— Я жениха ищу, — отвѣчала та спокойно.

Акифеюшка смотрѣла теперь далеко не тою, какою мы видѣли ее, болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, въ Малороссіи, въ городѣ Гадячѣ, въ гостяхъ у гетманши Брюховецкой, когда Акинфеюшка вмѣстѣ съ другими странницами и странниками возвращалась изъ Кіева, куда они ходили на богомолье. Тогда она смотрѣла загорѣлою, съ энергическимъ лицомъ и задумчивыми

въ то же время глазами, черницею, которая ходила изъ конца въ конецъ русской земли, ища себѣ «жениха», какъ она выражалась. Въ сущности она бродила по «святымъ мѣстамъ», побуждаемая скрытою въ ней жаждою все видѣть, чего она не видала прежде, искать новой, незнакомой ей природы, новыхъ, невиданныхъ ей людей. Это была по призванію «бродячая душа», перелетная птичка, которую съ каждой весной тянуло въ невѣдомыя страны. Теперь она пошла въ заточеніе. Тюремная жизнь сгладила съ ея лица загаръ и украинскаго, и поволжскаго солнца, убѣлила это лицо, возвративъ ему боярскую бѣлизну и нѣжность. Но въ душѣ она осталась все та же: искала «жениха», жаждала видѣть невиданныя страны... Только теперь эти невиданныя страны представлялись ей на «томъ свѣтѣ», за могилой, и она жаждала скорѣе пуститься въ эту далекую дорогу, къ невѣдомымъ странамъ...

Питиримъ, поглядѣвъ на ту и другую колодницу и видя, что словесныя увѣщанія и тутъ ни къ чему не поведутъ, рѣшился скорѣе укротить ихъ строптивыя сердца священнымъ муромъ. Обмакнувъ сучецъ въ масло, онъ потянулся было къ Урусовой.

— Не подходи! Не подходи! — закричала она, вырываясь изъ рукъ стрѣльцовъ.

Силясь вырваться изъ грубыхъ рукъ, которыя все-таки старались держать ее «полегше, молодешенька ужъ она больно, хрупкенька, пухлое тѣльцо мягконько, что у робенка», она нечаянно сорвала съ себя фату!.. Покрывало и повязка спали съ головы... Пышная русая коса снопомъ развалилась по плечамъ и спинѣ точно рожь спѣлая...

И стрѣльцы, и духовныя власти увидѣвъ женскую косу, пришли въ ужасъ: обнажить отъ покрывала женскую голову въ то время считалось величайшимъ позоромъ и преступленіемъ...

— Батюшки, свѣты! Волосъ бабій! Ахъ! Что мы надѣлали!— ужаснулись стрѣльцы.

— Святители! Бабу опростоволосили! Да за это и въ аду мало мѣста...

— Ахъ, Господи! Что-жь это такое будетъ?!

— Власы женски... передъ чернецами... коса... грѣхъ какой! — растерянно бормоталъ патріархъ. — Уведите, уведите ее! Ахъ!

— Экое добро пропадаетъ, ни она себѣ, ни другимъ, — огор-

чался въ душѣ Ларіонъ Ивановъ, глядя во слѣдъ уводимымъ женщинамъ и созерцая все еще не прикрытую роскошную косу Урусовой.

— Н-ну зелье, ахъ! — едва передохнулъ Питиримъ. — Да легче со львомъ въ пустынѣ состязаться, чѣмъ съ бабою... Ну, зелье!..

XII. Въ застѣнкѣ.

На слѣдующую ночь къ ямской избѣ собрались бояре: князь Воротынскій, князь Яковъ Одоевскій и Василій Волынскій. Имъ предстояло трудное государское дѣло, пытать трехъ бабъ: боярыню Морозову, князя Петра Урусова жену Евдокію, да изъ дворянскаго рода Даниловыхъ дѣвицу Акинфею. Диву дались бояре, разсуждаючи о томъ, что нынѣ творится въ московскомъ государствѣ, а особливо въ царствующемъ градѣ Москвѣ: «бабы взбѣсились, всѣ-таки до единой перебѣсились и бабы, и дѣвки». Забрали себѣ въ голову, шутка сказать! итти за Христомъ, да такъ и прутъ и на все фыркаютъ: боярыни фыркаютъ на боярство, княгини и княжны на княжество, стрѣльчихи на стрѣлецкую честь. На, поди! Говорятъ, что Христосъ-де и царскаго роду былъ, а жилъ смердомъ, мужикомъ, ходилъ, мало безъ сапогъ, безъ лаптей, и спалъ, чу, подъ заборами, а питался-де подъ окнами, гдѣ день, гдѣ ночь жилъ. А объ боярствѣ-де и у него да о княжествѣ и помину не было, и кругомъ-де него все были мужики и смерды, рыбаки да пастухи. И кинулись это бабы все добро дѣлать: сами нищихъ одѣваютъ и моютъ, боярышни имъ щти варятъ, да хлѣбы пекутъ, срамъ да и только.

Что это подѣлалось съ бабами, бояре и ума не приложатъ. Житья не стало имъ дома отъ этихъ бабъ, не приступись къ нимъ, такъ все рвутъ и мечутъ, а смотрятъ смиренницами.

— Вотъ и на моей княгинѣ бѣсъ поѣхалъ, — говорилъ массивный, остробородый толстякъ князь Воротынскій,—уйму ей нѣту съ тѣхъ самыхъ мѣстъ, какъ увидѣла Морозову на дровняхъ, везли ее тады зимой, подъ царскіе переходы: совсѣмъ взбѣсилась моя баба; «хочу, говоритъ, и я за Христомъ итти!» «Да гдѣ тебѣ, говорю, полоротая, за Христомъ иттить, коли у тебя домъ на рукахъ и хозяйство?» «Нищимъ, говоритъ, раздай, все»... А! Слышали! Ну, признаюсь, я ее маленько-таки, какъ

законъ велитъ, и постегалъ по закону: вѣжливенько соймя рубашку...

— Что жена! — перебилъ его Одоевскій.—У меня дочушка дѣвчонка взбѣленилась: «не хочу, говоритъ, быть княжной и служить діаволу, хочу, говоритъ, Павловы узы носить»... А! И откуда онѣ взяли эти Павловы узы? Ужъ и Богъ ихъ знаетъ. А всему виной Морозиха эта да Урусиха... Теперь эта моя дѣвченка все, что ни попадетъ ей подъ руку, раздаетъ черничкамъ да нищимъ. Ужъ я не знаю, что и дѣлать съ ней: училъ малость, такъ хуже: «убѣгу, говоритъ, отъ тебя, какъ Варвара Великомученица отъ отца Діаскора бѣжала»... А! Каково!

— И точно, времена настали тяжелыя, — замѣтилъ и Волынскій, — съ этово съ самово новокнижія все пошло да съ никоновскихъ новшествъ... Допрежъ того бабы были, какъ бабы: знали свое кривое веретено. А нынѣ на поди! Обо всемъ-ту онѣ говорятъ, во все вмѣшиваются: и Никонъ-ту нехорошъ, и Аввакумъ-то хорошъ, и кресты-тѣ не тѣ, и просфоры не тѣ, и клобукъ на чернецахъ великъ да рогатъ-де, да римскій-де онъ, неправый... И въ законъ бабы пустились: скоро насъ, чаю, изъ боярской думы выгонятъ, да за веретено посадятъ, а сами въ боярской думѣ будутъ государевы дѣла рѣшать... Фу ты пропасть!

— И дѣтей портятъ, и дѣти туда-жъ за ними, — печаловался Одоевскій.

— Что дѣти! Вонъ царевна Софья Алексѣевна «комидійныя дѣйства» смотритъ, а на божественномъ писаніи, да на хитростяхъ всякихъ Алмаза Иванова затоняетъ, — пояснилъ Волынскій.

— Что и говорить! А поди тутъ дѣло безъ черкасъ не обошлось, безъ хохловъ этихъ!.. У! Зелье народъ!

— А вотъ теперь великій государь сердитуетъ, гнѣвомъ пышетъ, говоритъ: мы распустили узду, крамолѣ-де въ зубы смотримъ, — съ огорченіемъ пояснилъ Одоевскій. — Ахъ, Боже мой, мы ли не стараемся?! Вонъ нонѣ всѣ тюрьмы полны, сколько заново земляныхъ тюремъ выкопали, и всѣ полнехоньки. А крамола, словно грибъ послѣ дождя, изъ земли выскакиваетъ...

За дверями послышалось звяканье кандаловъ... Бояре встрепенулись.

— Ведутъ вѣдьму-ту...

— Хорошенько надо попарить да расправить боярски-тѣ косточки...

Въ палату ввели, скорѣе на рукахъ втащили Морозову. Ее съ помощью стрѣльцовъ привелъ Ларіонъ Ивановъ. Бояре невольно встали, увидавъ ея спокойное лицо, которому они когда-то при дворѣ и въ ея собственномъ домѣ такъ усердно кланялись.

За Морозовой ввели Урусову и Акинфеюшку. Сестры издали поздоровались.

— Здравствуй, Дунюшка! Жива еще? Не удавили?

— Жива, сестрица. А ты?

— Скучаю объ вѣнцѣ... А ты, Акинфеюшка?

— Объ странствіи соскучилась я... хочу скорѣе иттить на тотъ свѣтъ, да посошка еще мучители не дали...

Арестантки разговаривали, какъ будто бы передъ ними никого не было.

— Полно-ко вамъ! — перебилъ ихъ Воротынскій. — Вы приведены сюда не на посѣдки, а за государевымъ дѣломъ, для пытокъ.

— Али ты, князь Воротынской, изъ холопей въ палачи пожалованъ? — замѣтила Морозова. — Велика честь!

Воротынскій не нашелся, что отвѣчать.

— Скора ты! — глянулъ на непокорную боярыню Одоевскій.—Что-то скажешь на дыбѣ?

— Скажу тебѣ спасибо, князь Яковъ; скажу, не забылъ-де мою хлѣбъ-соль, какъ при покойномъ мужѣ у меня ежеденъ гащивался, — попрежнему спокойно отвѣчала боярыня.

И Одоевскій поперхнулся: онъ вспомнилъ, какъ заискивалъ у этой самой Морозовой, какъ холопствовалъ передъ нею и ея мужемъ, и какъ, дѣйствительно, Морозовы до отвалу кормили его вмѣстѣ съ другими прихлебателями, льнувшими, какъ осы къ меду, къ царской родственницѣ и любимицѣ.

Воротынскій, который тоже кое-что вспомнилъ, желая замять свою неловкость, подошелъ къ Акинфеюшкѣ.

— Ты кто такая? Какъ твое имя? — спросилъ онъ.

— Марія, — былъ отвѣтъ.

— Какъ Марія! Въ отпискѣ ты именована Акинфеею Герасимовою, Даниловыхъ дворянъ.

— Была Акинфея... токмо не я, а другая... Я Марія.

— А чьихъ?

— Тебѣ на что? Богова, не твоя и не царева... На томъ свѣтѣ не спросятъ мою душу: Данилова ты, али Гаврилова?..

— Покоряешься ли ты царю и собору?

— А тебѣ какое дѣло до моей покорности?

— Такъ мы повелимъ тебя пытать огнемъ.

— Пытайте, это ваше дѣло... Я ничего не украла, никого не убила, никому худа не дѣлаю, токмо люблю моего Христа; за Христа и жгите меня, жиды новые.

Воротынскій приказалъ вести ее въ застѣнокъ. Она сама пошла впереди стрѣльцовъ. За стрѣльцами послѣдовали Воротынскій, Одоевскій и Волынскій. За ними ввели Морозову и Урусову.

Въ просторномъ застѣнкѣ висѣли привѣшенные къ потолку «хомуты», хитрыя приспособленія для дыбы и встрясокъ. По стѣнамъ висѣли кнуты, плети, клещи. На полу, у стѣнъ, стояли огромныя жаровни, лежали гири, веревки... На всемъ этомъ чернѣлись слѣды запекшейся крови... Огромный горнъ былъ полонъ, въ немъ тлѣли и вспыхивали синеватымъ огнемъ дубовые уголья... У горна и у хомутовъ возились палачи съ засученными рукавами, въ кожаныхъ фартукахъ, словно кузнецы.

— Оголи до пояса, — указалъ Воротынскій палачамъ на Акинфеюшку.

Она было вздрогнула, но потомъ перекрестилась и опустила руки.

— Христа всего обнажили, чтобы ребра прободать и голени перебить,—сказала она какъ бы про себя.

— Дерзай, миленькая, дерзай! — ободряла ее Морозова. — Будешь россійскою первомученицею.

Палачи сорвали съ Акинфеюшки верхнюю одежду и спустили рубаху до пояса... Она было прикрыла руками дѣвичьи груди, согнулась: но палачи розняли руки и связали ихъ за спиной... Несчастную подняли на дыбу... Она не вскрикнула и не застонала... Сдѣлали встряску, руки несчастной выскочили изъ суставовъ...

— Господи! Благодарю Тебя!—прошептала мученица.

— Повтори встряску! — хрипло проговорилъ Воротынскій.

Встряску повторили... Удивительно, какъ совсѣмъ не оторвались руки отъ туловища, отъ плечъ... Несчастная висѣла долго... Морозова и Урусова глядѣли на нее и молча крестились.

— Что же оцтъ и желчь не подаете?—проговорила съ дыбы жертва человѣческой глупости.

— Много чести, — злобно замѣтилъ Воротынскій.

— Копіемъ прободайте...

— Нѣтъ, мы плеточкой, любезное дѣло!

— Худа больно, легка на вѣсу; ее дыба не беретъ,—глубокомысленно замѣтилъ Одоевскій.

— Проберетъ: дай срокъ, — успокоилъ его Волынскій.

— А теперь, княгинюшку, — злорадно показалъ палачамъ Воротынскій на Урусову, и самъ сорвалъ съ нея цвѣтной покровъ, замѣтивъ: — ты въ опалѣ царской, а носишь цвѣтное!

— Я ничѣмъ не согрѣшила передъ царемъ, — отвѣтила Урусова тихо.

Палачи хотѣли было и ее обнажать.

— Не трошь ее! — раздался вдругъ чей-то грубый голосъ.

Всѣ съ изумленіемъ оглянулись. Изъ отряда стрѣльцовъ, стоявшихъ въ дверяхъ застѣнка, отдѣлился одинъ, блѣдный, съ дрожащими губами... То былъ Онисимко... Морозова узнала его: онъ цѣловалъ ея ноги, когда въ первый разъ заковывалъ ихъ въ желѣзо... Она перекрестила его.

— Благословенъ грядый во имя Господне.

Палачи, озадаченные первымъ возгласомъ, опустили было руки, но теперь снова подняли ихъ.

— Не трошь, дьяволы! Она княгиня!—повторилъ Онисимко, хватаясь за саблю.

— Взять его! — закричалъ Воротынскій

Онисимку схватили за руки сотники и стрѣльцы и увели изъ застѣнка.

— Идолы! Мало имъ! Скоро всѣхъ дѣтей малыхъ заберутъ въ застѣнки! — слышался протестующій голосъ уведеннаго стрѣльца.

— Дѣлай свое дѣло! — прикрикнулъ на палачей Воротынскій.

На Урусовой разорвали воротъ сорочки и обнажили, какъ и Акинфеюшку, до пояса. Она вся дрожала отъ стыда, но ничего не говорила. Всѣмъ, даже стрѣльцамъ стало неловко: слышно было ихъ тяжелое дыханіе, словно бы ихъ поджаривали на полкѣ въ банѣ... У Ларіона Иванова даже лицо поблѣднѣло, и глаза смотрѣли сурово...

Урусову подняли на дыбу... Она застонала...

— Потерпи, Дунюшка, потерпи, не долго ужъ!

— Тряхай хомутъ-отъ! — командовалъ Воротынскій.

И у Урусовой руки выскочили изъ суставовъ...

— Мотри и кайся, — обратился Воротынскій къ Морозовой. — Вотъ что ты надѣлала! Отъ славы дошла до безчестія. Вспомни, кто ты и какова роду! И все отъ того, что принимала въ домъ юродивыхъ...

— Я и тебя принимала, не ты ли уродъ у дьявола? — перебила его Морозова.

— О! Ты востра на языкъ, знаю... да царь-отъ на востроту твою не посмотрѣлъ... Гдѣ нынѣ твое благородіе?

— Не велико наше тѣлесное благородіе, и слава человѣческая суетна на землѣ, — съ горечью отвѣчала Морозова. — Сынъ Божій жилъ въ убожествѣ, а распятъ же былъ жидами, вотъ какъ и мы мучимся отъ васъ.

— Добро! Равняй себя со Христомъ-тѣ.

— Я не ровняю... отсохни и мой, и твой языкъ за такое слово.

— Добро! Поговори-ко вонъ съ ними, ихъ поучи, мудрая! — указалъ онъ на палачей, которые усердствовали около Урусовой и Акинфеюшки. — Взять и эту! Покачайте-ко боярыньку на качельцахъ.

Два палача приступили и къ Морозовой. Она кротко взглянула имъ въ лицо и перекрестила того и другого.

— Здравствуйте, братцы миленькіе, — также коротко сказала она; — дѣлайте доброе дѣло.

Палачи растерянно глядѣли на нее и не трогались. Она еще перекрестила ихъ. У одного дрогнули губы; глаза усиленно заморгали; онъ глянулъ на стрѣльцовъ, на Воротынскаго.

— Дѣлайте же доброе дѣло, миленькіе! — повторила Морозова.

— Доброе... Эхъ! Какое слово ты сказала! — какъ-то отчаянно замоталъ головой второй палачъ.

— Ну-у! — прорычалъ Воротынскій.

Палачъ глянулъ на него и еще пуще замоталъ головой.

— Воля твоя, бояринъ... вели голову рубить, — бормоталъ онъ, — али на насъ креста нѣту?

— А! И ты! Вотъ я васъ! — задыхался, весь багровый, Воротынскій. — Вяжите ее, — крикнулъ онъ на стрѣльцовъ.

И стрѣльцы ни съ мѣста... Воротынскій, съ пѣною у рта, бросился было на стрѣльцовъ; тѣ отступили... Онъ къ палачамъ съ поднятыми кулаками, и тѣ попятились назадъ...

— Такъ я же самъ! — И онъ схватилъ Морозову за руки и потащилъ къ свободному «хомуту»...

Къ нему подбѣжалъ Ларіонъ Ивановъ, и они вдвоемъ связали Морозовой руки за спину...

— Спасибо, что не побрезговали, — какъ бы про себя сказала она.

Подняли на дыбу и Морозову... Въ это время Акинфеюшку, вынутую изъ «хомута», положили внизъ лицомъ на «кобылу», нѣчто въ родѣ наклонно поставленнаго длиннаго стола съ круглою прорѣзью въ верхней части «кобылы» для головы, чтобы во время истязанія кнутомъ или плетьми пытаемаго по спинѣ кнутъ не попадалъ въ голову, и съ кольцами по сторонамъ, для привязыванья къ нимъ истязаемой жертвы: руки и ноги несчастной прикрутили ремнями къ кольцамъ, и два палача вперемежку стегали ее ременными кручеными плетьми по голой спинѣ... Бѣлая, нѣжная спина пытаемой скоро покрылась багровыми поперечными полосами, а вслѣдъ затѣмъ изъ багровыхъ полосъ стала струиться темно-алая кровь...

— О-о-о!—вырвался изъ груди Морозовой стонъ отчаянія при видѣ мученій своей подруги по страданіямъ.—Это ли христіанство, чтобы такъ людей учить?

— Мы не попы,—злорадно огрызнулся Воротынскій,—тѣ учатъ словесами, а мы эдакъ-ту.

— А Христосъ такъ ли училъ?

— Мы не Христы; гдѣ намъ съ суконнымъ рыломъ!

Прежде всего сняли съ дыбы Урусову. Вывихнутыя изъ суставовъ руки торчали врозь...

— О! Что вы надѣлали!—залилась несчастная слезами.— Охъ, мои рученьки! Креститься мнѣ нечѣмъ... охъ!

Палачи взяли ее за руки, потянули со встряской. Урусова вскрикнула отъ боли... но руки вошли въ свои суставы... Она съ трудомъ перекрестилась...

Акинфеюшку, съ кровавою спиною, отвязали отъ колецъ и сняли съ кобылы. Урусова, видя ее всю въ крови, взяла свой

бѣлый покровъ, брошенный палачами на землю, и стала прикладывать имъ къ истекающей кровью спинѣ Акинфеюшки...

— Милая, голубушка, мученица... это святая кровь...

— Слава Тебѣ, Спасителю нашъ... сподобилъ меня...

— Бѣдная, горемычная...

Урусова цѣловала ея руки... Лицо Акинфеюшки выражало блаженство...

— Охъ, какъ мнѣ легко, Дунюшка!

Она взяла изъ рукъ Урусовой весь пропитанный кровью покровъ и, отыскавъ своего палача, подала ему:

— Возьми, братецъ миленькой, этотъ покровъ, спеси его къ брату моему кровному, Акинфею, отдай ему и скажи: «сестра-де тебѣ своею кровью кланяется...» Онъ тебя не оставитъ безъ награжденія.

Когда вынули изъ «хомута» Морозову, то вывихнутыя изъ суставовъ и еще не вправленныя руки ея съ широкими рукавами бѣлой сорочки представляли подобіе распростертыхъ и запрокинутыхъ назадъ крыльевъ...

Урусова и Акинфеюшка упали передъ нею на колѣни и подняли руки, на молитву...

— Матушка! Ангелъ! Ангелъ сущій во плоти...

— И крылышки... точно ангелъ... ахъ!

— Крылѣ, яко голубинѣ... матушка! Сестрица!

Но палачи поспѣшили превратить крылатаго ангела въ плачущую женщину...

. . . . . .

«Чи я-жъ тебе не люблю—не люблю,
Чи я-жъ тоби черевичкивъ не куплю—не куплю!
Ой моя дивчинонько!
Ой моя рыбко!»

Выбивалъ топака въ Чигиринѣ, на улицѣ, Петрусь, заметая широкою матнею улицу и площадь, въ тѣ самые часы, какъ въ Москвѣ, въ Ямской избѣ, шли пытанья Морозовой, Урусовой и Акинфеюшки...

— Добре, Петрусь, добре!—кричала улица.—А ну, хлопче, ушкварь «гречаники».

И Петрусь «ушкварилъ».

Гопъ, мои гречаники! Гопъ, мои били!
Чому-жъ, мои гречаники, васъ свини не или...

А на другомъ концѣ улицы дудитъ дуда на весь Чигиринъ:

Дудъ у Дуды ночувавъ,
Дудъ у Дуды дудку вкравъ...

— Ужъ дьяволова же сторонка! Вотъ сторона!—ворчалъ, между тѣмъ, Соковнинъ, которому не спалось подъ этотъ полуночный гомонъ.—И когда они спятъ, дьяволы чубатые? Ну, сторона! А хорошая сторонка, что ни говори... А что-то на Москвѣ теперь? Что сестры э-эхъ!

Мы сейчасъ видѣли, что его сестры...

XIII. Мазепа практикуется.

Если бы Соковнинъ, которому не спалось въ эту чудную украинскую ночь, сидя у окна, могъ своимъ взоромъ проникнуть на противоположную сторону улицы, гдѣ изъ-за темной зелени сирени, бузиновыхъ кустовъ, изъ-за пышныхъ липъ и серебристыхъ и стройныхъ пирамидальныхъ тополей выглядывалъ гетманскій палацъ, то онъ увидѣлъ бы, что и тамъ, за однимъ окномъ, полузакрытымъ зеленью, обрисовывается женская головка съ распущенною косою. Въ этой простоволосой головкѣ онъ узналъ бы свою землячку, боярыню и панію Брюховецкую, которой эта душная ночь не давала спать... Да и не одна духота гнала отъ нея сонъ: «улица» съ неумолкаемой пѣснью, эти думы и воспоминанія о Москвѣ, воспоминанія, которыя особенно разбередили въ ея душѣ разсказы Соковнина, и еще что-то жаркое, охватывающее ее словно объятіями, волнующее кровь до краски въ лицѣ, что-то такое, въ чемъ она сама себѣ не могла бы признаться, все это заставляло ее метаться въ душной постели, разметать косу, которая давила ей голову своею тяжестью, и, наконецъ, привело ее къ открытому окну, у котораго хоть дышать можно было чѣмъ-нибудь, дышать этимъ дыханіемъ ночи и зелени, запахомъ свѣжей травы, ароматомъ цвѣтущей липы...

Вонъ какія-то звѣздочки мигаютъ ей въ окно съ темнаго неба... Какъ много ихъ, и не перечесть, словно песокъ морской... А какой этотъ песокъ морской? Она никогда его не видала, да и моря не видала никогда... Говорятъ и конца краю нѣтъ морю, а Кіянъ-море и того больше... И стоитъ вся землю на этомъ Кіянъ-

морѣ, а не тонетъ она потому-де, что ее, землю-ту, держатъ на спинѣ три кита... Вотъ велики, поди, киты-тѣ! На что велика московская земля, а все еще не до край свѣта раскинулась! Вотъ тутъ черкасская земля, и тоже велика гораздо, у, велика! А то еще Польша, а тамъ Литва, а тамъ турская земля, и цесарская земля, и земля галанская, и земля аглицкая и земля францовская, да еще Китай-земля, да Персида, да Ерусалимъ съ святою землею... Эхъ, сколько земель! А Ерусалимъ-градъ, сказываютъ, на самомъ пупѣ земли стоитъ... Чудно! Ажъ стыдно подумать... И все это киты держатъ на себѣ, страшно и подумать! А все Богъ... А какъ киты эти, сказываютъ, маленько ворохнутся, и отъ того ихъ вороху трусъ и потопъ на землѣ бываетъ.

А звѣздочки все мигаютъ, все мигаютъ... Одна больше, другая поменьше, а то и въ макову росинку есть звѣздочки, и не перечесть ихъ... А все божьи очи это—все ими Богъ видитъ, что на землѣ дѣлается: и ее, вдову горемычную, видитъ Господь у окошечка, простоволосу, да Ему что! Простоволоса ли, покрыта ли, все едино: Онъ на душеньку смотритъ, на помыслы... И Гришутку Онъ видитъ, какъ спитъ Гриша въ своей постелькѣ, убѣгался съ хохлятами да дѣвчатами, въ «Кострубоньки» играючи... Чудной такой! «Дурна, говоритъ, мамо, московка!»

А на Москву, поди, другія звѣздочки глядятъ, гдѣ этимъ! Далеко больно Москва-матушка живетъ... А что царевна Софьюшка теперь? Спитъ, поди, и всѣ на Верху, во дворцѣ, спятъ... Спала и она тамъ когда-то, давно, когда въ сѣнныхъ дѣвушкахъ была...

Экъ ихъ заливаются полунощницы дѣвчаты! Что имъ? Молоды, горюшка мало... Вонъ поютъ:

Йшли коровы изъ дибровы, а овечки зъ поля,
Заплакала дивчинонька край козака стоя:
Ой куды-жъ ты одъизжаешь, сизокрылый орле,
Ой хто-жъ мою головоньку безъ тебе пригорне?..

Такъ и Ивась ся, гетманъ, отъѣзжалъ съ войскомъ, и она, провожаючи ево въ далекій путь, плакала... Не даромъ плакала... Такъ и не вернулся... Вернулся, только не онъ, а его тѣло, да и тѣла нельзя было узнать за кровавыми ранами...

Охъ хто-жъ мою головоньку безъ тебе пригорне?..

Да, некому «пригорнуть», некому приголубить...

И молоденькая вдова сама чувствовала, что она вспыхнула... жаромъ опалило ее...

Этотъ молодой козакъ, запорожецъ, что пріѣхалъ отъ гетмана съ вѣстями, тоже зовутъ Иваномъ, Ивасемъ, Иванъ Степановичъ Мазепа; какой хорошій изъ себя, ласковый... Только несчастненькой такой: все утѣшалъ молодую вдовицу, говоритъ, «хорошъ-де человѣкъ гетманъ былъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкой, такъ злые люди его погубили»... Таково ласково утѣшалъ ее, вдовицу Олеиушку: «самъ-де я, говоритъ, не извѣдалъ долгосчастья въ жизни, никто-де меня не любилъ, и я-де никого еще по сейчасъ не любилъ, а ужъ третій-де десятокъ изжилъ, на свѣтѣ маючись»... Таково жалко его стало, такъ бы она и положила его бѣдную голову на свою сиротскую грудь и поплакала бы вдоволь горючими слезами... А какіе у него глаза добрые, и Москву-то онъ таково любитъ: «нигдѣ-бы, говоритъ, и жить не хотѣлъ окромѣ Москвы бѣлокаменной»... И руки у нея такъ цѣловалъ... стыдъ какой! Она такъ вся и сгорѣла, такъ и пополовѣла со стыдобушки... И что это съ ней сталось? Такъ вотъ въ душу-то самое, въ сердечушко въ ретивое такъ и заползъ лаской да печалію своею этотъ Мазепа... И Гришутка полюбилъ его, козака этого, все съ нимъ игралъ...

Нехай тоби зозуленька, мени соловейко,
Нехай тоби тамъ легенько, де мое серденько:
Мени буде соловейко рано щебетати,
Тоби буде зозуленька раненко кувати...

Это голосокъ Явдошки... Счастливая!

А на Москвѣ-ту, на Москвѣ что, и не приведи Богъ! И крестъ сталъ не крестъ, и молиться люди не вѣдаютъ какъ... За крестъ въ срубы сажаютъ да огнемъ жгутъ... А Ѳедосьюшка-ту Морозова, а Урусова Овдотьюшка, Господи! Мученицами стали за крестъ святой... И что съ Москвой подѣлалось? Съ чего все это? Знамо, нечистый насѣялъ зла въ московскомъ государствѣ... И Аввакума протопопа заслали, куда воронъ костей не заноситъ, языки попамъ да монахамъ рѣжутъ... Ахъ, горькая, горькая родимая сторонушка!.. Люди, сказываетъ Соковнинъ Ѳедоръ, въ лѣсахъ, что звѣри, прячутся, за рубежъ бѣгутъ... Ахъ, Москва, Москва бѣдная!

А тутъ, ишь заливается:

Ой зійду я надъ ярочокъ, пущу голосочокъ:
Дзвони дзвони, голосочку, по всему ярочку,
Нехай мене то зачуе, що въ поли ночуе...

Что она это машетъ, липовая вѣточка? Куда манитъ? Некуда... На родимую сторону запала дороженька, заросла горькимъ осинничкомъ да разрывъ-травой...

А тамъ, за Тясминомъ, соловушки поютъ... И у нихъ «улица» своя: и Явдошка такая-жъ тамъ и Петрусь... А можетъ есть межъ ними и такая-жъ горькая сиротинка, какъ она, Оленушка Брюховецкая... Какъ не быть?! Можетъ, коршунъ заклевалъ ея соловушка...

Добрый, добрый, ласковый Мазепа... Имя-ту какое, Мазепа... Иванушка, Ивась Мазепинька... Кажись, и теперь рукѣ жарко отъ его губъ, и всей жарко, стыдно! Стыдно и хорошо таково...

Никто-ту не любилъ его, бѣднепькаго, и онъ никого не любилъ также... Бѣдный Мазепинька!..

А можетъ и на Москвѣ теперь поютъ «просо сѣютъ» дѣвушки:

Ужъ я просо сѣяла—сѣяла...

Гдѣ пѣть! Не до пѣнья нонѣ на Москвѣ... плачутъ люди, да молются отай, чтобы не увидали злые приставы...

Покатилась, покатилась по небу звѣздочка и сгасла... Которая это? Куда покатилась? Гдѣ сгасла? Точно она, горькая сиротинка, покатилась съ московскаго неба и сгасла тутъ, въ черкасской землѣ... Не свѣтить ей больше съ московскаго небушка...

А отсюдова Мазепа, сказывалъ, поѣдетъ съ универсалами да съ листами отъ гетмана Дорошенка къ тогобочнымъ козакамъ, и въ Полтавѣ, сказывалъ, будетъ, и въ Гадячѣ, и могилкѣ, сказывалъ, покойнаго гетмана Брюховецкаго поклонится... Добрый онъ, Мазепинька, добрый...

Просилъ въ сумерки выдти въ садочекъ побесѣдовать... Тоскуетъ онъ, бѣдный, по матушкѣ по своей: такъ, говоритъ, хоть объ матушкѣ, объ родителяхъ побесѣдуемъ... Нѣтъ, стыдно... какъ можно въ сумерки! Еще кто увидитъ да осудитъ... А жаль его, такой добрый...

Она встала и тихонько пошла въ глубину комнаты: тамъ въ

своей постелькѣ что-то возился Гриць и шепталъ что-то... Она прислушалась: мальчикъ во снѣ бормоталъ:

А въ нашего «Шума»
Зеленая шуба.
«Шумъ» ходить по диброви...

— Ахъ, дитятко! Все «Шумомъ» бредитъ... наигрался, кажись, такъ нѣтъ—мало: и во снѣ играетъ...

Она перекрестила его и, нагнувшись къ постелькѣ, тихонько поцѣловала горячую головку мальчика...

— Мама!

— Что, сынку? Спи, дитятко.

— Дядя Ивашечко прійде завтра?

— Какой дядя Ивашечекъ?

— Дядя Мазепа.

Молодая мать опять зардѣлась, опять ей жарко стало... Она натянула на плечи спустившуюся сорочку...

— Прійде, мамцю?

— Должно, придетъ... А тебѣ на что?

— Винъ казавъ, що на свого коня мене посадить.

— Добро, добро, сынокъ, спи, Господь съ тобой.

— Я поиду на конику...

— Добро, добро, баинькай... А-а-а-а...

У кота-кота-кота
Колыбелька золота...

— Не хочу, мамо, московськои... не треба...

— Ну-ну, добро...

— Спивай нашои, мамо, про котика... про нашого, а не про московського котика...

— Добро, добро... Спи только...

А-а—котино;
Засни мала дѣтино.
Ой на кота воркота,
На дѣтину дремота...

Хоть она и знала ужъ украинскія колыбельныя пѣсни, наслушалась ихъ вдоволь, но выговоромъ русила ихъ...

— Ни, мамо, спивай другой, якъ сонъ ходить.

— Спою, спою... Спи тихохонько...

Ходитъ сонъ по долинѣ
Въ червоненькой жупанинѣ,
Кличетъ мати до дѣтины:
Ходи, соньку, въ колисоньку,
Приспи мою дѣтиноньку...

Грицъ, какъ въ воду канулъ, спалъ уже: тихое, ровное дыханіе обнаруживало, что онъ заснулъ безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ.

Мать перекрестила его и снова отошла къ окну; сонъ все не шелъ къ ней... Она снова задумалась о Мазепѣ, о Москвѣ, о тамошней смутѣ...

— А ко мнѣ нейдетъ сонъ и въ червоненькой жупанинѣ,— думала она, опять глядя на звѣздное небо и невольно прислушиваясь къ неугомонной «улицѣ»,—сонъ нейдетъ, такъ Мазепа хотѣлъ приттить... ахъ, срамъ какой! Ко вдовушкѣ-ту... А вотъ и Гришутка полюбилъ его, добрый онъ, хорошій человѣкъ, а все-жъ стыднехонько мнѣ... хоть, кажись, такъ бы и кинулась ему на шею, срамница... Что-то онъ завтра скажетъ? Говоритъ, что будетъ просить за меня гетмана Петра Дорофеича, чтобъ на Москву меня отпустилъ, хоть и больно, говоритъ, будетъ оттого моему сердцу: «точно вы, говоритъ, родная мнѣ, такъ по душѣ пришлись, словно бы я васъ, какъ сестру родную, полюбилъ, жалѣючи васъ»... Да, добрый онъ, хорошій братецъ мой родненькій, Иванушка-свѣтикъ... Приди онъ теперь, такъ бы, кажись, закрывши глаза со стыда, и повисла у него на шеѣ, слезами бы вся изошла на радости... Такой онъ добрый! Нѣтъ, полно-ка! Не стану о немъ думать; буду думать о Москвѣ: что тамъ нонѣ дѣется, какъ людей за крестъ мучатъ, какъ Ѳедосьюшка страждетъ за вѣру... Нѣтъ, горька эта думушка... горемычная моя родная сторонушка, вотъ и ты нонѣ, какъ въ пѣснѣ поется, горемъ горожена, а слезами поливана... Ахъ и не томите же вы мое сердечушко вашими пѣснями! И безъ того мнѣ горько-тошно, а они, какъ нарочито, про меня поютъ, какъ изъ «вишневово садочку зозуленька вылетала», да какъ она на синє море поглядала, какъ на томъ морѣ козаченько потопалъ да своей горькой женушкѣ-вдовушкѣ отповѣдь сказалъ:

Да нехай моя жонушка меня не ждетъ,
Да нехай она замужъ идетъ,

Нехай копаетъ яму глыбоку,
Да садовитъ калину червону...

— А! Шутка сказать: пущай не ждетъ, пущай замужъ идетъ... А! Богъ съ тобой, родная сторонушка московская, за горами ты высокими, за рѣками за глыбокими... Ужъ бы скорѣе утречко наставало, можетъ онъ, Ивашечко, Мазепа, придетъ, душу мою словомъ ототрѣетъ...

Что-то зашуршало подъ окномъ, словно шаги чьи-то... да, шаги, точно шаги, только никого не видать...

Еще шаги за вишнею... Ходитъ кто-то...

— Хто се тутъ?—слышится за кустомъ чей-то едва уловимый шопотъ.

— Се я, ясочко моя, зоре моя вечерняя,—щепчутъ въ отвѣтъ.

— Охъ! Якъ же я ждала тебе, мій голубе...

— Сердце мое, рыбко моя! Иди-жъ, иди до мене... на рученьки...

— Охъ, любимый мій, о-охъ!

— Кто бы это былъ? Петрусь развѣ съ Явдохою? Такъ нѣтъ: вонъ слышно Петрусевъ голосъ, вонъ какъ заливается:

Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ головоньку клонить,
Ой тожъ тоби, мій сыночку, тая улиця робить...

— Кому-жъ бы тутъ быть въ садочку?..

Она прислушивается... что-то стукаетъ: тукъ-тукъ-тукъ, тукъ-тукъ-тукъ... Это ея сердце стучитъ, такъ, кажется, и подымаетъ горячую сорочку...

— Такъ ты мене любишь, моя зоренько?

— Коли-бъ не любила, не выйшла-бъ... Чуешь, якъ мое серденько стукотитъ?

— Чую-чую, мое золото червоне...

— Охъ, о-охъ! Полегше, соколику, задушишь мене...

Слышно, какъ цѣлуются... Молодая вдовушка огнемъ горитъ... Вотъ такъ бы и она цѣловала и обнимала Мазепиньку, еслибъ не постыдилась, вышла къ нему... Да какой въ этомъ грѣхъ? Вотъ любитъ же она и цѣлуетъ Гриця своего, отчего-бъ и его, Мазепиньку, не любить?..

— Гетьманъ другого хотивъ зъ листами послать, такъ я самъ напросився, щобъ тилько тебе, моя ясочко, повидати...

— Охъ, мій соколоньку... А винъ-же-жъ не дознаеться, що мы съ тобою любимося?

— Де дознатись? У мене на губахъ не остануться слиды отъ твоихъ губонькивъ, серденько.

— Охъ! А мени сдаеться, що на моихъ губахъ такъ и остануться твои устоньки жаркіи...

— А мои вусы остануться?

— О! Якій бо ты жартливый...

А тамъ, на улицѣ «гукаютъ» да выводятъ голосно:

Ой, зійди ты, зійди, зирочко ти вечирняя,
Ой, выйди, выйди, дивчинонько моя вирная.

— А я вже думала була, що ты не мене любишь...

— А кого-жъ, сердце?

— Та нашу-жъ московочку.

— Охъ, лишечко!

— Та вона-жъ така гарнесенька, русявенька, кирпатенька...

— А ты краща надъ неи...

«Московочка», опершись на подоконникъ, такъ и зардѣлась отъ этихъ словъ, какъ маковъ цвѣтъ... это про нее говорятъ... Кто-жъ бы это? Она, что тамъ цѣлуется съ нимъ, кажется, сама пани гетьманова, Дорошонкова жена; а кто онъ?.. Ужъ не Мазепа ли? Охъ! Такъ сердечушко и упало у Оленушки... Нѣтъ, не онъ, не онъ! Мазепа самъ сказывалъ, что еще никого не любилъ и его, бѣдненькаго, никто не любитъ... Это не онъ...

Вотъ еслибъ Мазепа ее, Оленушку, у гетмана вымолилъ, да на Москву ее отпустили бы, да съ нею бы и самъ онъ, Мазепинька, на Москву съѣхалъ, вотъ бы хорошо было... Пущай тамъ за крестъ люди страждутъ, Богъ съ ними!.. А какимъ крестомъ самъ Мазепа крестится? Она что-то не запримѣтила: должно быть «пучкой» крестится, какъ всѣ черкасы... Да что-жъ изъ того, что «пучкой?». Черкасы такіе-жъ христіане, да и угодниковъ у нихъ въ Кіевѣ сколько! И на Москвѣ столькихъ нѣту...

Грицю Грицю, до роботы!
Въ Гриця, порваны чоботы!
Грицю, Грицю, до телятъ!
Въ Гриця ниженьки болятъ...

Это кто-то веселую отхватываетъ на улицѣ... Грицъ, маленькій Грицъ, такъ любитъ эту пѣсню...

— Я понесу тебе на ручкахъ, ягидко моя...

— Охъ, куды, куды?..

— Та туды-жъ... на скошену травку... якъ на постильку...

— Охъ, Ивасю... я боюсь... боюсь...

— Яка ты легенька...

— О, якій бо ты... любый... охъ!..

Оленушка такъ и перевѣсилась за окно... Изъ-за куста мелькнуло что-то бѣлое и красное... Брязнули подковья... сабля...

Онъ, обхвативъ ее поперекъ, какъ малаго ребенка, несетъ черезъ садикъ, а она обвилась руками вокругъ его шеи...

Она, это ясно, пани гетьманова, Дорошенчиха... А онъ, ахъ, Господи! Это Мазепа... Мазепа!..

Сдавивъ себѣ горло рукой, Оленушка съ глухимъ стономъ упала на свою «вдовую» постель... А съ улицы доносилось:

Постиль била, стина нима, ни съ кимъ размовляти...

Выплакавшись до послѣдней слезинки, молодая вдова уснула только къ утру.

XIV. Царевна Софья за географіей.

А въ это утро въ селѣ Коломенскомъ, въ царскомъ дворцѣ, о ней, о бывшей княжонушкѣ Долгоруковой, а нынѣ гетманшѣ-вдовицѣ, вспоминали и жалѣли.

Старая мамка рано взбудила царевну Софьюшку. Не хотѣлось старой будить царевну, такъ хорошо спала она, разметавшись въ постелькѣ, и такъ сладко улыбалась да шептала не то «батюшка свѣтъ»—царя батюшку, должно, видѣла во снѣ, не то «Васенька соколикъ» какой-то; а все-жъ надо было разбудить: сама царевна крѣпко-накрѣпко наказывала разбудить, «урки-де учить» надо... И на что это дѣвку урками мучать?—думалось мамушкѣ,—а все-таки нельзя не разбудить; приказывала: коли-де, сказывала, выучу урки-тѣ, такъ батюшка-царь обѣщалъ взять ее съ собой дѣйства смотрѣть.

И царевна сидитъ у стола, такая розовенькая, иногда позѣвываетъ со сна, креститъ свой розовый ротикъ и все учитъ что-то очень мудреное, что задалъ ей этотъ Симеонъ Ситіановичъ.

Передъ царевной книга рукописная, а на столѣ глобусъ. Царевна то въ книгу заглянетъ, то на потолокъ съ узорами и покачивается.

— Ангуль-ангуль—уголь, аркусъ—дуга, аксисъ—ось, екваторъ — уравнитель... Екваторъ, екваторъ, екваторъ, какой трудный!

Потомъ, закрывъ глаза ладонями, повторяетъ эти слова наизусть и все спотыкается на экваторѣ...

— Евкаторъ, еькаторъ, эхъ, какой трудный!

Глянула въ книгу, топнула ножкой—нѣтъ, не евкаторъ, а екваторъ, екваторъ...

А мамушка сидитъ у окна съ чулкомъ и тихо шевелитъ губами, считая петли.

— Зона торрида — поясъ горячій, или знойный, зона фригида—поясъ хладный, или студеный...

— Ишь, диво какое! — удивленно качаетъ головой мамушка.—Нашли вонъ поясъ горячій... А съ чево ему быть-ту горячимъ?.. И чему учатъ! Не диви-бы божественному...

— Ахъ, мама, ты не знаешь!—защищаетъ царевна своего учителя.—Это поясъ въ географіи, а не такой поясъ, какой носятъ...

— Ну, и у этой тамъ егорафьи съ чего быть поясу горячу?

Царевна смѣется самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Ахъ, мамушка, какая ты смѣшная! «Егорафья»!.. Географія, а не егорафья...

— Ну, Богъ съ ней, матушка царевна, съ этой евграфьей! Вонъ сестрицы твои, другія царевны, ничему такому заморскому не учены, а все-таки, Бога благодаря, здоровехоньки живутъ... Да и то сказать, ты у батюшки-царя любимое дите...

А царевна опять покачивалась надъ книгой да закрывала глаза ладонями, чтобы запомнить разныя премудрости и не ударить лицомъ въ грязь передъ батюшкомъ.

— «Свойства и аффекціи, которыя земному кругу отъ теченія солнца и звѣздъ являющагося приключаются, суть: единаго мѣста періики суть антиковъ того мѣста антиподы и антиподовъ того мѣста антики», антики, періики, антиподы, ахъ, какъ трудно! Антиподы, антиподы, антики...

Она встала и начала ходить по терему, повторяя и прищел-

кивая пальцами: «антики, періики, антиподы, антики, періики»...

Она глянула въ окно. Тамъ часовые стрѣльцы стоятъ... А прудъ такой тихій, по немъ лебеди плаваютъ... Увидали ее, свою любимицу царевну, и отъ радости начали крыльями махать... Царевна вся порозовѣла отъ этого лебединаго привѣта... Надо ихъ, лебедушекъ, покормить... да и учиться надо...

— «Тако единаго мѣста антиподы суть антиковъ того мѣста періики, и періиковъ антики», — снова уткнулась она въ книгу.—«Сіе отъ дефиниціи довольно ясно есть и не требуетъ доказанія»...

— Ясно! То-то ясно!.. Ахъ, мамушка, неясно!

— Что ты, моя золотая! Совсѣмъ свѣтло...

— Нѣтъ, въ книгѣ неясно...

— Ну, глазки, поди, притомила, отдохни...

— Нѣтъ, глаза не устали, а не пойму!

— Такъ у учителя спроси, мое золото.

— Ахъ, какая ты!—досадовала юная царевна.

И вдругъ ей вспомнилась курносенькая, съ розовыми щеками Оленушка, княжна Долгорукова, что нынѣ вдова гетманша Брюховецкая...

— Что-то она подѣлываетъ теперь тамъ, въ черкасской сторонѣ?

— Кто, золотая?

— Княжна Оленушка, гетманша.

— Въ полону, она, бѣдная, сказываютъ; какъ убили черкасы ея мужа, такъ Петрушка Дорошенокъ, сказываютъ, взялъ ее къ себѣ въ полонъ.

— Ахъ, бѣдная! Что-жъ батюшка не отыметъ ее у Дорошенки? Я попрошу батюшку.

— Да вотъ Ѳедоръ Соковнинъ, поди, скоро привезетъ отъ нея вѣсточку, а може и грамотку.

— Да... А вотъ сестры его, бѣдныя, Морозова да Урусова... Я батюшку про нихъ спрашивала, такъ говоритъ, закону-де супротивны стали.

— О-о-охте-хте! Гдѣ ужъ супротивны!.. Все этотъ Никонъ...

Царевна какъ бы опомнилась и снова нагнулась надъ книгой.

— Ну, мамушка, не мѣшай мнѣ.

— Что-й то ты! Кто тебѣ мѣшаетъ? Ты мнѣ мѣшаешь, вонъ петлю спустила...

— Ну-ну...

Царевна встала и, глядя въ потолокъ, стала спрашивать сама себя, такъ, какъ ее спрашивалъ Симеонъ Полоцкой.

— «Дистанціи мѣстъ премѣняются-ли?» — «Премѣняются: путевая убо мѣстъ дистанція овогда большая, иногда меньшая быти можетъ; но истинная и кратчайшая дистанція географическая пребываетъ тая-жде, развѣ егда познаеши, что суперфиція земная прервется или отдѣлится. Мѣста же здѣ разумѣваемъ пункты земные недвижимые. И тако ежели суперфиція между двоихъ мѣстъ срединоположенная учинится высшая, то будетъ и дистанція мѣстъ учинена большая, а буде низшая, то будетъ меньшая».

Это она проговорила почти однимъ духомъ наизусть, такъ, что даже вся раскраснѣлась.

— Ай да умница! Не забыла,—похвалила она себя.—Поцѣлуй же себя.

И она подбѣжала къ овальному зеркалу, висѣвшему на стѣнѣ, и поцѣловала свое отраженіе.

— Ба-ба-ба!—послышался вдругъ возгласъ въ дверяхъ терема.—Ай да дѣвка! Сама съ собой цѣлуется...

Мамушка вздрогнула и уронила чулокъ. Царевна отскочила отъ зеркала. Въ дверяхъ стоялъ царь Алексѣй Михайловичъ и улыбался своею доброю улыбкою. И ласковые глаза, и розовыя щеки, все такъ и свѣтилось нѣжностью.

— Ай да дѣвка!

— Батюшка! Государь! — радостно, зарѣвшись вся, воскликнула царевна и бросилась отцу на шею.

Онъ ласково крестилъ и цѣловалъ ея голову.

— А! Какъ ростетъ дѣвка, — нѣжно говорилъ онъ, положивъ руки на плечи дочери и глядя въ ея лучистые глаза,—ужъ скоро и до головы не достану, скоро отца переростетъ.

— Ахъ, батюшка, свѣтикъ мой, миленькой, государь!—ласкалась дѣвочка.

— Да и что дивить! Дѣвкѣ скоро шестнадцать стукнетъ...

— Пятнадцать, царь-государь, — поправила его мамушка, подходя и цѣлуя царскую руку.

— Здравствуй, мамка!.. Вы всегда убавлять года любите, это женское дѣло...

— Нѣту, государь-батюшка.

— А что вы тутъ дѣлаете?

И царь подошелъ къ столу, на которомъ лежала развернутая рукописная книга, и стоялъ глобусъ. Онъ взялъ книгу и сталъ смотрѣть ея титулъ, расписанный киноварью и разными цвѣтными заставками.

— «Географіи генеральная», — читалъ онъ,—«небесный и земноводный круги купно съ ихъ свойствы и дѣйствы, отъ Бернардуса Вареніуша сложенная»... Такъ, такъ, географія...

Царевна, прижавшись головкой къ плечу отца, тоже заглядывала въ книгу. Царь перевернулъ первый листъ.

— Вижу, самъ Симеонъ писалъ, искусникъ, худогъ добрый... Ишь скромникъ, что говоритъ въ предисловіи: «того ради малымъ и худымъ кораблецемъ смысла моего съ прочими на широкій сей океанъ толкованія пуститися дерзнулъ»... Да, скромникъ... Это хорошо... «Моя же должность объявити—продолжалъ читать царь—яко проводихъ сію не на самый словенскій высокій діалектъ противъ авторова сочиненія и храненія правилъ грамматическихъ, но множае гражданскаго посредственаго употреблялъ нарѣчія, охраняя сенсъ и рѣчи самаго оригинала иноязычнаго»... Ишь ты! А что есть «сенсъ?»—обратился онъ къ дочкѣ и погладилъ ея волосы.

— «Сенсъ» сирѣчь смыслъ,—бойко отвѣчала дѣвочка.

— Такъ, умница.

Старушка-мамушка, стоя въ сторонѣ, съ умиленіемъ глядѣла на эту нѣжную сцену.

— Много выучила? — спросилъ царь, взглянувъ на дѣвочку.

— До періиковъ и антиковъ, батюшка.

— Хорошо, дочушка... А трудно, поди?

— Трудно...

— Ничего... корень ученія горекъ, а плоды его сладки суть...

Онъ взглянулъ на глобусъ, тронулъ его, повернулъ на оси...

— А сіе разумѣешь?—спросилъ онъ, тыкая пальцемъ въ глобусъ.

— Разумѣю, батюшка.

— Это что такое! Словно ось махонька...

— Сіе есть аксисъ, на чемъ земля вертится.

— Ишь ты, аксисъ... слово, поди, греческое... такъ-такъ, словно ось...

— Да она осью и называется, батюшка, — пояснила дѣвочка.

— Точно-точно... Премудро все сіе... Токмо не уразумѣю я, какъ люди не упадутъ съ земли, коли она круглая...

— Не падаютъ, батюшка.

— То-то я самъ вижу, что не падаютъ... Вотъ и мы не падаемъ, стоимъ, потому кверху падать нельзя... А вотъ тѣ-ту, что внизу, подъ нами живутъ?

— Они, батюшка, называются антиподы

— Антиподы, ишь ты... А мы кто же?

— А мы антики...

— Вонъ оно что! Поди ты, мы антиками стали, русскіе-то... А все премудрость Божія...

Онъ задумчиво качалъ головой, разсматривая глобусъ и повертывая его.

— А гдѣ-жъ Москва тутъ будетъ?—спросилъ онъ.

Царевна повернула глобусъ, нагнулась къ нему... «Вотъ Москва, батюшка».

— Вижу, вижу... И на чертежѣ государства россійскаго тако-же... А Ѳерапонтовъ монастырь, примѣромъ сказать?

Дѣвочка вопросительно посмотрѣла на отца.

— Не знаю, батюшка.

Царь задумался: онъ вспомнилъ о своемъ нѣкогда «собинномъ» другѣ и вздохнулъ.

— Нѣтъ его, поди, тутъ, Ѳерапонтова-ту,—раздумчиво сказалъ онъ,—и Пустозерска нѣтъ...

Мысль его, видимо, гдѣ-то витала; но дѣвочка не понимала этого и молчала... Она слышала только, какъ лебеди кричатъ на пруду; она знала, что они о ней соскучились, она избаловала ихъ.

— Дивны, дивны дѣла Твои, Господи, — продолжалъ царь раздумчиво.—А это что такое, опоясочка чернецкая кругомъ, а?—спросилъ онъ, проводя пальцемъ по экватору.

— Ее-ев-екатеръ это, батюшка,—зардѣлась дѣвочка, чувствуя, что дѣло не совсѣмъ ладно.

— Евкаторъ...

— Сирѣчь уравнитель,—поправилась она.

— Уравнитель... опоясочка вокругъ земли... А кто ее опоясалъ? Все Богъ... Для Него, Батюшки-Свѣта, вся земля, что яблочко едино, клубочекъ махонькій, взялъ и опоясалъ Своею божественною ниточкою, поясомъ господнимъ... Одѣяся, яко ризою, облакомъ, лѣтѣ на крылу вѣтреннюю... Чудны дѣла Твои, Господи... Ишь лебеди раскричались, къ дождю, поди...

— Они ѣсть хотятъ.

— То-то, проголодались безъ тебя... А вотъ сія опоясочка тоненька?—указалъ онъ на сѣверный полярный кругъ. — Что оная означаетъ?

— Сіе есть зона фригида, поясъ хладный или студеный,— бойко отвѣчала дѣвочка, увѣренная, что на этотъ разъ не вретъ.

— Такъ поясъ-таки? Такъ и называется?

— Поясъ, батюшка, хладный.

— Хладный... почему-жъ хладный?

— Поелику сѣверный, а на сѣверѣ хладъ...

— Точно, точно... Вонъ въ Крыму и на Терекѣ, сказываютъ, теплѣе, а въ Ерусалимѣ знойно.

— А вонъ тамъ, батюшка, и поясъ знойный или горячій, зона торрида, — торопилась дѣвочка, показывая своимъ розовымъ пальчикомъ южный полярный кругъ.

— Такъ-такъ, дочушка моя, умница... Учись... Это премудрость Божія...

Дѣвочка стала ласкаться къ нему, словно кошечка.

— Ахъ, ты моя Софей-премудрость Божія, — гладилъ онъ ее.

— А возьмешь меня на дѣйство?—вдругъ спросила она.— На «Навуходоносорово» дѣйство...

— Возьму, возьму. — Онъ снова поцѣловалъ ее въ голову.—Ишь выросла...

Выглянувъ затѣмъ въ окно, Алексѣй Михайловичъ увидѣлъ, что къ крыльцу, по заведенному порядку, уже стали сходиться бояре и стольники на смотръ, для поклоновъ и для докладовъ. Межъ ними онъ увидалъ князей Воротынскаго и Одоевскаго, да Василія Волынскаго. Какая-то тѣнь прошла по благодуш-

ному лицу царя; онъ догадался, зачѣмъ пришли эти трое... Этой ночью они пытали Морозову и Урусову.

Царь разсѣянно и торопливо перекрестилъ дочь и вышелъ изъ терема.

XV. Морозова въ заточеніи.

Воротынскій доложилъ царю о безуспѣшности «розыска» надъ Морозовой и ея сестрой. Онъ доложилъ это съ такими потрясающими подробностями, что Алексѣй Михайловичъ невольно поблѣднѣлъ.

— Палачей въ трепетъ привела своимъ неистовствомъ и стрѣльцовъ къ своему буевѣрію наклонила, — пояснилъ Одоевскій.

— Волосы ходили у меня, великій государь, по головѣ аки живы,—доложилъ и Волынскій,—дьякъ Алмазъ, великій государь, занеможе отъ виду тоея муки.

Царь оглянулся кругомъ: дьяка Алмаза Иванова дѣйствительно не было среди приближенныхъ.

— Что же дѣлать съ ними?—обратился царь къ сонму князей и бояръ. — И церковь, и земная власть безсильны надъ ними!

Всѣ потупились, страшно было отвѣчать на такой вопросъ...

— Огонь осилитъ,—послышался чей-то мрачный голосъ...

Всѣ поглядѣли на говорившаго: это былъ краснощекій Павелъ, митрополитъ крутицкій. Алексѣй Михайловичъ долго молча глядѣлъ на него.

— Огонь?—какъ бы не понимая этого слова, спросилъ онъ.

— Огонь небесный, великій государь.

— А въ нашихъ ли рукахъ огонь-атъ небесный?—качая головой, снова спросилъ царь.

— Въ твоихъ, великій государь: сказано бо, сердце царево въ руцѣ Божіи...

— А Богъ милостивъ.

— Милостивъ къ вѣрнымъ, а на Содомъ и Гоморру Онъ сослалъ съ небесе огнь и жупелъ.

Бояре безмолвно переглядывались. Долгорукій, князь Димитрій, отецъ вдовы Брюховецкой, раздумчиво качалъ головой. Онъ вспомнилъ Морозову на свадьбѣ своей дочери, когда ее

выдавали за Брюховецкаго. Морозова была посаженой матерью и утѣшала плакавшую Оленушку... Сердце сжалось у Долгорукова при этомъ воспоминаніи: обѣимъ не задалось счастье... т а тамъ, э т а здѣсь»...

— Прикажи, великій государь, срубъ поставить на Болотѣ,—продолжалъ жестокій митрополитъ «оладейникъ», — затепли свѣчу предъ Господомъ, свѣча эта будетъ Морозова...

Многіе невольно вздрогнули отъ этого предложенія...

— Изъ живова тѣла свѣчу Господу, ахъ!—отозвался кто-то.

— И свѣча та спасетъ православный народъ,—настаивалъ Павелъ.

Долгорукій не вытерпѣлъ! Морозова и его бѣдная погибшая дочь живыми стояли передъ нимъ... одна горѣла, другая такъ таяла...

— Али тебѣ, митрополитъ, мало свѣчново сбору, что ты вздумалъ насъ свѣчами подѣлать?!—съ дрожью въ голосѣ заговорилъ онъ.—Спасай словомъ, а не огнемъ... Христосъ не жегъ огнемъ невѣрующихъ, а молился за нихъ, не вѣдаютъ бо что творятъ...

Царь ласково посмотрѣлъ на Долгорукова: ему самому тяжелы были эти пытки да казни.

Но такъ на этотъ разъ ни чѣмъ и не порѣшили.

Какъ бы то ни было, на другой день, за Москвой рѣкой, на Болотѣ, какъ разъ противъ теремныхъ оконъ, съ ранняго утра ставили какое-то странное зданіе. Это былъ четырехъ-угольный срубъ изъ сухихъ сосновыхъ бревенъ, съ одною дверью, но безъ оконъ. Въ срубѣ складены были костромъ дрова, а полъ устланъ былъ соломой и уставленъ снопами, которые доходили до самыхъ верхнихъ вѣнцовъ сруба.

Любопытствующіе толпились около этой странной горенки.

— Мотри-мотри, братцы, мышь бѣжитъ изъ сруба!—кричалъ парень съ лоткомъ на головѣ.

— То-то, подлая, знаетъ, что въ горенкѣ-ту тепло будетъ,—осклабился другой малый.

— А вонъ и другія, ахъ ты курова дочь! Нну!

Къ горенкѣ подошли двѣ монашки. Въ старшей, съ низко опущеннымъ на глаза клобучкомъ, можно было, хотя съ трудомъ, признать мать Меланію, отыскать которую не могли никакими средствами. Другая была молоденькая, и блѣдное, изящ-

ное округленное лицо ея обнаруживало, что не простого роду эта монашка. Это и была боярышня, сестра Анисья, которой писалъ когда-то Аввакумъ изъ своей тюремной кельи у Николы на Угрѣшѣ, чтобы она забыла свое боярство, и «сама мѣсила хлѣбы да варила шти для нищихъ».

Меланія грустно покачала головой, глядя на странную горенку...

— Уготована-уготована... постель брачная, — тихо бормотала она.

— Да, и снопами уложена, какъ подобаетъ на свадьбѣ,— добавила Анисья.

— Такъ-такъ, Анисьюшка, эти хоромы краше царскихъ...

Онѣ заглянули и внутрь горенки...

— Да-да... чинно, зѣло чинно устроено...

Молодая монашка дотронулась рукой до сноповъ, до бревенъ... Руки ея дрожали...

Охъ, Ѳедосьюшка! Помолись за насъ!

Меланія перекрестила всѣ четыре угла страшной горенки. Все это она дѣлала тихо, плавно; безстрастное лицо ея выражало спокойствіе, и только крысьи глазки свѣтились ярче обыкновеннаго изъ-подъ своихъ навѣсовъ. За то лицо ея молодой спутницы отражало на себѣ всѣ волновавшія ея душу движенія.

— Пойти, утѣшить Ѳедосьюшку, — сказала, наконецъ, Меланія.

— Чѣмъ, матушка?

— Да, вотъ, горенкой новой.

— О-охъ! Помилуй Господи!

— Да письмомъ Аввакумовымъ.

— Точно, точно, матушка... утѣшь ее, горемычную, порадуй... Вонъ она, мученица, что ту ночь вытерпѣла на пыткѣ, Онисимко стрѣлецъ сказывалъ...

Молодая монашка нагнулась, выдернула изъ одного снопа небольшой пучекъ соломы и поцѣловала его. Затѣмъ онѣ поклонились ужасной горенкѣ и пошли въ городъ. Молодая монашенка шла съ пучкомъ соломы, словно бы она возвращалась съ вербой отъ вербной заутрени... Она сама думала объ этомъ...

— И точно верба... И подъ Христа ваіи метали предъ распятіемъ...

— Только некого намъ будетъ «плащаницею чистою обвить»,—многозначительно сказала Меланія.

Ночью Меланіи удалось пробраться въ темницу къ Морозовой. Какъ она проникла въ это никому недоступное мѣсто, это была тайна ея неотразимаго вліянія на всю, поголовно подчиненную ей, притомъ тайнымъ подчиненіемъ, Москву. Меланію всѣ знали, начиная отъ князей и бояръ и кончая послѣдними стрѣльцами, тюремщиками, и палачами. Ей всѣ повиновались, она проникала всюду, передъ ней разступалась стража, отмыкались замки; но когда царь требовалъ сыскать эту опасную женщину, грозилъ опалой за неотысканіе ея, Меланія точно сквозь землю провалилась...

Стража Морозовой пропустила къ ней мать Меланію.

Морозова стояла у тюремнаго окошечка и, держась руками за желѣзную рѣшетку, смотрѣла на блѣдныя, слабо мерцающія звѣзды. Ей казалось, что кто-то смотритъ къ ней въ темничное оконце, смотритъ съ того далекаго, невѣдомаго неба... Ей представлялось оно населеннымъ живыми, свѣтлыми, родными ей существами: и Ванюшка, сынокъ ея, и тотъ княжичъ, что полегъ давно на литсвскихъ кровавыхъ поляхъ, и добрый мужъ ея Глѣбушко, и тотъ сильный, страшный, но не смирившійся Степанушко Разинъ... Гдѣ подѣли его голову, его кости? Куда воронъ занесъ ихъ?..

Дверь тихо визгнула и отворилась...

— Ѳедосьюшка! Дочка моя! — послышался знакомый голосъ.

— Матушка! Мати моя! Радость моя!

Морозова бросилась на землю и восторженно цѣловала руки своей учительницы. Меланія благословила ее. Слышны были только не то радостныя, не то горькія всхлипыванья...

За окномъ завылъ протяжный окликъ часового...

— Словно ангелъ, дверемъ затвореннымъ, пришла,—захлебывалась и радостью, и слезами Морозова.

— Не плачь, дочь моя, а радуйся,—внушительно сказала Меланія.—Ужъ домъ тебѣ готовъ, весьма добръ, чинно устроенъ и соломою цѣлыми снопами установленъ, сама ходила на Болото посмотрѣть... Радуйся! Уже отходишь ты въ блаженство ко Христу, а насъ сирыхъ оставляешь...

Что чувствовала при этихъ словахъ своей наставницы Мо-

розова, это знаютъ только тѣ немногіе, которые рѣшались итти на вольную смерть за идею... Они чувствуютъ то, что чувствовалъ Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ, когда молился о чашѣ: страшна эта чаша, хоть избранники своею волею тянутся испить содержимое въ ней, въ этомъ сосудѣ смерти, хоть и сладко утѣшеніе тамъ, глубоко гдѣ-то, въ пламенѣющей восторгомъ душѣ...

Морозова снова упала на колѣни и подняла руки къ небу, которое слабо мерцало звѣздами сквозь тюремную рѣшетку: она тихо молилась...

— А я тебѣ еще радость принесла, — сказала Меланія, когда она поднялась съ земли.

Морозова, казалось, не понимала, что ей говорили: первая «радость» была слишкомъ велика, чтобы тотчасъ же хватило силъ принять и «вторую»...

— Аввакумово посланіе къ тебѣ принесла я, — пояснила старица,—слово тебѣ великое, похвальное...

И она вынула изъ-подъ рясы сложенную въ дудочку бумагу.

— Отъ Аввакума! Господи, благодарю тебя! Сподобилъ меня! — какимъ-то подавленнымъ голосомъ воскликнула узница.—Передъ смертью хоть... благословитъ меня...

Меланія подала ей свертокъ. У Морозовой дрожали руки, и она не могла развернуть посланія...

— Страничекъ въ посохѣ принесъ изъ Пустозерья,—пояснила старица,—просверлили подожокъ и вложили туда посланіе, страха ради никоніанска: а то никоніане отняли бы...

Морозова развернула свитокъ, пригнулась къ нему, поцѣловала; но читать еще было темно, хотя лѣтняя ночь уже посылала въ тюремное оконце блѣднорозовую зорю.

— Потерпи мало, миленькая, уже свѣтаетъ,—успокоивала ее старица,—свѣтлый ликъ Господа скоро глянетъ къ тебѣ въ оконце.

Морозова стала разспрашивать ее о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ, кого еще взяли, кто цѣлъ остался, кого замучили. Старица разсказывала, какъ плакалъ и цѣловалъ братъ Акинфеюшки кровавое покрывало, которое она прислала ему изъ застѣнка, прямо съ пытки съ стрѣльцомъ, какъ онъ призвалъ потомъ къ себѣ стрѣлецкихъ сотниковъ, дарилъ ихъ, угощалъ...

— А все ухлѣбливалъ ихъ для того, чтобы не свирѣпы были къ вамъ, дѣти мои,—пояснила старица.

Потомъ разсказала, какъ онѣ съ Анисьюшкой ходили на могилку къ ея сынку, Ванюшкѣ, помолились, панихидку отпѣли...

— И таково хорошо тамъ у него,—прибавляла старица,— цвѣтики лазоревы и аленьки, и синеньки посажены на могилкѣ, таково хорошо цвѣтутъ.

Всѣ эти вѣсти для заключенной казались принесенными изъ другого, далекаго міра, въ который для нея уже не было возврату.

— А братца твово Ѳедора царь послалъ съ грамотами въ черкаскую землю, къ гетману Петру Дорошонку, — сообщила старица,—а тотъ Дорошонокъ держитъ въ полону нашу бывшую княжну Долгорукову...

— Оленушку, какъ же, бѣдная! Еще я у ей посаженной матерью была,—горько покачала головой узница.

Заря уже ярко глядѣла въ оконце, и хотя съ трудомъ, но читать Аввакумово посланіе можно было. Морозова перекрестилась, снова поцѣловала его, приблизила свертокъ къ оконцу и стала читать.

«Аввакумъ протопопъ, рабъ Божій, живый въ могилѣ темнѣй, кричитъ вамъ чада мои! Миръ вамъ!—начала она.—Увы! Измолче гортань мой, исчезосте очи мои, свѣтъ мой государыня Ѳедосья Прокопьевна! Откликнись въ могилу мою: еще ли ты дышешь, или удавили, или сожгли тебя, яко хлѣбъ сладокъ? Не вѣмъ и не слышу. Не вѣдаю живо, не вѣдаю, сконча ли чадо мое церковное, драгое? О чадо мое милое! Провѣщай мнѣ, старцу грѣшну, единъ глаголъ: жива ли ты!».

Морозова невольно опустила бумагу на колѣни и утерла катившіяся изъ глазъ слезы, которыя, падая на листъ, мѣшали читать...

— Жива еще, дышу благодатію Божіею, — тихо, сквозь слезы говорила она.

Вытеревъ глаза, она опять поднесла къ свѣту бумагу.

«Увы Ѳедосія! Увы Евдокія» — начала она снова, и остановилась.

— А что Дуня?—спросила она.

— Вечоръ я заглянула и къ ней, — отвѣчала старица, — земно кланяется тебѣ.

— А что руки у нея, какъ?

— Опадать стала опухоль въ плечахъ, легшаетъ.

— А духомъ какъ?

— Бодра... истинный воинъ Христовъ...

«Увы Өеодосія! Увы Евдокія, — продолжала читать Морозова. — Два супруга нераспряженная, двѣ ластовицы сладко глаголивыя, двѣ маслины и два свѣщника предъ Богомъ на земли стояще! Воистину подобни есте Еноху и Иліи, женскую немощь отложивше и мужескую мудрость воспріявше, діавола побѣдиша и мучителей посрамиша, вопіюще и глаголюще: «Пріидите, тѣлеса наши мечи ссѣцыте и огнемъ сожгите, мы бо, радуяся, идемъ къ жениху своему Христу». О, свѣтила великія, солнце и луна русскія земли, Өеодосія и Евдокія»...

— Ахъ, матушка, мнѣ стыдно читать, — потупилась узница,—я не стою этого...

— Онъ, свѣтъ нашъ, знаетъ, чего ты стоишь,—успокоила ее старица,—чти далѣ.

— «О двѣ зари, освѣщающія весь міръ на поднебеснѣй! Воистину красота есте церкви и сіяніе присносущныя славы Господни, по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбраняете волкомъ входъ во святыя. Вы два пастыря, пасете овчее стадо Христово на пажитѣхъ духовныхъ, ограждающее всѣхъ молитвами отъ волковъ губящихъ; вы руководство заблудшимъ въ райскія двери и вшедшимъ древа животнаго насажденіе. Вы похвала мучениковъ и радость праведнымъ и святителемъ веселіе. Вы ангеломъ собесѣдницы и всѣмъ святымъ сопричастницы и преподобнымъ украшеніе. Вы и моей дряхлости жезлъ и подпора, и крѣпость и утвержденіе, и что много говорю! Всѣмъ вся бысте ко исправленію и утвержденію во Христа Іисуса»...

Она припала лицомъ къ ладонямъ и тихо плакала радостными слезами... «Не заслужила я, охъ, не заслужила»...

— Полно-ка! Чти, скоро день, — понуждала ее старица,— онъ знаетъ, что говоритъ.

«Какъ васъ нареку? Вертоградъ едемскій именую и Ноевъ славный ковчегъ, спасшій міръ отъ потопленія. Древле говаривалъ и нынѣ тоже говорю: кіотъ священія, скрижали завѣта, жезлъ Аароновъ прозябшій, два херувима одушевленная. Не вѣдаю, какъ назвать. Языкъ мой коротокъ, не досяжетъ вашей доброты и красоты. Умъ мой не объемлетъ подвига вашего стра-

данія. Подумаю, да лишь руками возмахну! Какъ такъ государыни изволили съ такія высокія степени сступить и въ безчестіе вринутися! Воистину подобны Сыну Божію, отъ небесъ сступилъ, въ нищету нашу облечеся и волею пострадалъ. Тому-жъ и здѣсь прилично. О васъ мнѣ разсудить не дивно: яко 20 лѣтъ и единое лѣто мучатъ мя»...

— Двадцать лѣтъ!—невольно воскликнула молодая узница, поднявъ глаза къ потолку тюрьмы.

— Двадцать лѣтъ и съ годомъ, — тихо поправила ее Меланія.

— А я то что противу него! Мнѣ и году нѣтъ, какъ я въ заключеніи.

— Добро и то: нонѣшнюю ночь вспомяни...

— Что, матушка, нонѣшнюю?

— Вчерашнюю, дочь моя, какъ на вискѣ-тѣ висѣла: тамъ мигъ единъ годомъ кажется.

Старица была права: Морозова вспомнила прошлую ночь, ночь въ застѣнкѣ... Да, тамъ минута острой боли казалась годомъ!.. Она невольно вздрогнула.

«На се-бо званъ есмь, да отрясу бремя духовное, — продолжала она читать, — азъ человѣкъ нищей, непородной и неразумной, отъ человѣкъ беззаступной, одѣянія и злата и сребра не имѣю, священническа рода, протопопъ чиномъ, скорбей и печалей преисполненъ предъ Господомъ Богомъ. Но чудно и пречудно о вашей честности помыслити; родъ вашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ сему царю былъ дядька, и пѣстунъ, и кормилецъ, болѣлъ объ немъ и скорбѣлъ паче души своей день и нощь, покоя не имуще. Онъ сопротивъ того, царь-отъ, племянника его роднаго, Ивана Глѣбыча, опалою и гнѣвомъ смерти напрасной предалъ твоего сына и моего свѣта»...

Дрогнули у несчастной матери руки при чтеніи этихъ словъ; но она отогнала отъ себя образъ сына и продолжала читать:

«Увы, чадо драгое! Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная твой сынъ плотскій, а мой духовный! Яко трава посѣчена бысть, яко лоза виноградная съ плодомъ къ землѣ преклонися и отыде въ вѣчныя блаженства со ангели ликовствовати и со лики праведныхъ предстоитъ святѣй Троицѣ. Уже къ тому не печется о суетной многострастной плоти и тебѣ уже некого

четками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадкѣ поѣдетъ и по головкѣ некого погладить»...

Она не могла дальше читать... «Некого по головкѣ погладить»... Эта курчавая головка такъ и стоитъ передъ нею... стоитъ, вотъ тутъ, въ душѣ стоитъ, а погладить некого!

— О мой сыночекъ! О, мой кринъ сельный!..

Она обхватила голову руками и закачалась на мѣстѣ какъ бы отъ нестерпимой боли.

— Не плачь, Ѳедосьюшка-свѣтъ, скоро сама съ нимъ увидишься,—бросила ей жестокое утѣшеніе мать Меланія.—Онъ, свѣтикъ, скоро встрѣтитъ тебя...

— Охъ! Дитятко мое!

— А ты полно, родная, чти... Онъ утѣшитъ тебя... чти, голубка!

Морозова оторвала руки отъ лица, подняла голову къ небу и застонала, крѣпко стиснувъ руки.

— Читай же, чти, золотая.

«Помнишь ли, какъ бывало миленькой мой государь — читала несчастная, захлебываясь, — въ послѣднее увидался я съ нимъ, егда причастилъ его. Да пускай! Богу надобно такъ, и ты не больно о немъ кручинься. Хорошо, право, Христосъ изволилъ. Явно разумѣемъ, яко царствію небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно: съ Ѳедоромъ тамъ себѣ у Христа ликуйствуютъ. Сподобилъ ихъ Богъ и мы еще не вѣмы, какъ до берега доберемся. Поминаешь ли Ѳедора и не сердитуешь ли на него? Поминай Бога-для, не сердитуй»...

— За что-жъ мнѣ сердитовать на него? Божій былъ человѣкъ, — горестно покачала она головой, — помню, какъ онъ разъ со мной въ каретѣ къ Ртищевымъ ѣхалъ, миленькой... Да что про то вспоминать!

Становилось совсѣмъ свѣтло. Востокъ розовѣлъ, и на монастырскомъ дворѣ и въ зелени для мелкой птицы уже насталъ день радостей и заботъ, говорливый птичій день. Мать Меланія встала, на лицо ея легла особая тѣнь...

Морозова все поняла чуткимъ сердцемъ и, казалось, приникла, опустилась всѣмъ тѣломъ: сердце и лицо Меланіи сразу сказали ей, что съ нею хотятъ «прощаться», прощаться въ послѣдній разъ, навѣки, прощаться, чтобъ ужъ не свидѣться болѣе до страшной трубы ангела...

— Матушка! Ты покидаешь меня!—прошептала она словно бы чужими, дрожащими губами.

— Не я покидаю тебя, а ты насъ, отходишь въ блаженство, — рѣзанули ее по сердцу безпощаднымъ утѣшеніемъ, — ты, свѣчечка наша воскояровая, гаснешь...

— О-о! Мать моя! Матушка!

Мелалія незамѣтно вынула изъ своей черной рясы что-то блестящее. Звякнули ножницы...

— Матушка! Что это?

— Ножницы, сладкое чадо мое.

— Зачѣмъ онѣ тебѣ?

— А затѣмъ, дочушка моя, что ты отходишь отъ насъ въ жизнь вѣчную, покидаешь насъ сирыхъ... А насъ много, что будутъ вспоминать тебя да плакать по тебѣ: мы съ Анисьюшкой, Анна Амосова да Степанида Гнѣвная, рабыни твои и сестры по Богѣ, рабъ твой Иванушка, что злато серебро твое, всѣ сокровища твои скрылъ отъ царя и никоніанъ и за что нынѣ взятъ и мученію преданъ...

— Такъ и Иванушку, стараго раба дому моего, взяли? — спросила, о чемъ то думая, узница.

— Взяли, милая.

— А богатства мои, золото и серебро и камни многоцвѣтные?

— Сокрыты отъ всѣхъ... Иванушка и подъ пыткой не выдалъ тебя.

— Кому же открылъ онъ?

— Мнѣ, милая... Одна я, старая грѣшница, все знаю... Такъ вотъ намъ на память о тебѣ хоть по прядочкѣ волосочковъ твоихъ шелковыхъ оставь, миленькая, чтобъ было чѣмъ вспоминать тебя...

— Хоть всю косу мою возьмите!—страстно воскликнула молодая боярыня.

— Зачѣмъ всю косу? Съ косою ты должна предстать жениху твоему, Христу Богу...

— Матушка! Святая моя!

— Съ косою, съ косою, дитятко... Эко коса у тебя!

И старая «наставница», распустивъ роскошную косу своей «послушницы», выбрала одну пядь и отрѣзала ее ножницами.

— Эко коса невиданная! — бормотала она, навертывая

прядь на свой сухой палецъ.—Такъ-ту... А то вся бы сгорѣла, ни волосочка бы не осталось.

Морозова упала на колѣни, какъ бы на молитву.

— Благослови меня, матушка! Подкрѣпи меня!

— Не нонѣ подкрѣпа моя нужна тебѣ, милая, а послѣ... тамъ...

Старая наставница не договорила. Морозова глядѣла на нее заплаканными глазами и, казалось, не понимала, что ей говорили.

— Ну, прощай, дочушка моя любимая,—перекрестила ее старуха.—А ты вотъ что, слушай: когда возьмутъ тебя никоніане на казнь и поставятъ на срубъ и подожгутъ подъ тобой солому и дрова, тогда перекрестись истово и покажи народу руку съ двумя перстами: тутъ и меня увидишь... Я тоже подыму руку... по рукѣ меня и узнаешь... Сквозь огонь и дымъ увидишь меня... тогда я подкрѣплю тебя...

Гдѣ-то за монастырской стѣной послышалась пѣсня:

Какъ журушка по бережку похаживаетъ,
Шелковую травинушку пощипываетъ!..

XVI. Тишайшій рыбу удитъ.

Страданія за идею нравственно заразительны.

Чтобы понять этотъ, повидимому, странный парадоксъ, слѣдуетъ обратиться къ исторіи человѣчества. Историческая жизнь человѣчества представляетъ, если можно такъ выразиться, послѣдовательный рядъ нравственныхъ эпидемій, смѣняющихъ одна другую и часто осложняемыхъ другими, болѣе или менѣе сильными, болѣе или менѣе повальными продолжительными эпидеміями духа общества. Исторія отмѣчаетъ намъ нѣсколько крупныхъ проявленій нравственныхъ эпидемій вродѣ эпидеміи «крестовыхъ походовъ», когда эта спеціальная зараза охватила даже дѣтей. Были эпидеміи монашескихъ и фанатическихъ самоистязаній. Въ началѣ XVI-го вѣка, послѣ открытія Америки, эпидемія открытія новыхъ земель. Эпидемія самоубійствъ весьма часто чередуется въ исторіи человѣчества съ другими эпидеміями.

Къ такимъ же нравственнымъ эпидеміямъ принадлежатъ эпидеміи страданій за идею. Пострадалъ одинъ, и за нимъ, какъ

са Христомъ и апостолами, идутъ десятки, за десятками сотни, за сотнями тысячи.

Такъ было и въ эпоху, къ которой относится наше повѣствованіе. Страданіями думали устрашить другихъ и, напротивъ, заражали незараженныхъ, увлекали искать страданій. За Аввакумомъ шла Морозова, за Морозовою Урусова, Акинфеюшка, Иванушка, Анна Амосовна, Степанида Гнѣвная. За этими послѣдними цѣлые легіоны.

Эпидеміи страданій за вѣру порождаются преслѣдованіями. Когда въ царскомъ дворцѣ, на женской половинѣ, въ теремахъ, узнали о страданіяхъ Морозовой съ сестрою, такъ Алексѣю Михайловичу отбою не стало отъ своихъ сестеръ и дочерей: всѣ жалѣли о страдалицахъ, плакали, приставали къ царю, не давая ему проходу, и чуть не учинили женскій теремный бунтъ. Первая взбунтовалась пятнадцатилѣтняя царевна Софьюшка, бросила учиться, закинула куда-то и ариѳметикію», и «премудрости цвѣты», и всякія «верты», и географію съ ея «періиками» и «антиками», и задумала итти въ монастырь, постригаться... Одно только ее смущало, какъ же съ лебедями быть, которые безъ нея соскучатся?.. Однимъ словомъ, царевна Софьюшка рвала и метала, и какъ ее отецъ ни умасливалъ, что возьметъ съ собою на «Навуходоносорово дѣйство», она дулась теперь и твердила о монастырѣ

Но больше всѣхъ досадила царю его старшая сестра, царевна Ирина Михайловна.

— Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣпоту творишь, — упрекала она царя,—зачѣмъ вдову бѣдную помыкаешь?

— Какую вдову, сестрица?—съ неохотою отвѣчалъ царь.

— А Морозову. Достойно было бы познать службу Борисову и брата его Глѣба.

Напоминаніе о Борисѣ Морозовѣ, о дядькѣ и пѣстунѣ «тишайшаго», особенно было огорчительно и досадливо.

— Добро, сестрица! Коли тягчишь о ней, тотчасъ готово ей у меня мѣсто,—съ сердцемъ отвѣчалъ онъ.

Но, какъ бы то ни было, Морозову не рѣшились жечь въ срубѣ, что уже срубили на Болотѣ...

Видя, что вся Москва, и дворъ, и боярство, и чернь, тайно и явно переходятъ на сторону заключенной боярыни, царь при-

казалъ увезти ее изъ Москвы и заключить въ Новодѣвичій монастырь. Но это только подлило масла въ огонь. Вся Москва поднялась на ноги, особенно женскій полъ: «вельможныя жены» и «вельможныя дщери» съѣзжались въ монастырь смотрѣть на «мученицу» и «учиться у нея, како страдати». Открылись такимъ образомъ, такъ сказать, «курсы науки страданій», и все валило въ Новодѣвичій «учиться страдать и умирать». Москву постигла буквально эпидемія страданій.

И всѣмъ этимъ движеніемъ заправляла невидимая рука неуловимой матери Меланіи и ея черныхъ юныхъ послушницъ, вродѣ Анисьюшки, Агафьюшки, Евдокеюшки и иныхъ, проникавшихъ всюду, во всѣ семьи и увлекавшихъ за собою и старость, и молодость, стрѣльцовъ и тюремщиковъ... Стали искать страданій сами палачи...

Алексѣй Михайловичъ просто терялся, не зная, что предпринять. Даже купанье въ пруду стольниковъ теперь не тѣшило его. Онъ ходилъ самъ не свой, не вѣря никому, боясь своихъ совѣтниковъ и наушниковъ.

Тогда, не говоря никому ни слова, онъ принимаетъ новое рѣшеніе, покориться народной волѣ... Но онъ не зналъ, что это уже было поздно: народное чувство было обижено въ лицѣ тѣхъ, кого онъ, народъ, любилъ и кому вѣрилъ.

Алексѣй Михайловичъ приказалъ позвать къ себѣ не боярина и не духовнаго сановника, а человѣка изъ народа, стрѣлецкаго голову Юрія Лутохина.

— Знаешь, Юрье, боярыню Морозову?—ласково спросилъ царь.

— Какъ-ста, ваше царское пресвѣтлое величество, не знать боярыни Ѳеодосьи Прокопьевны!—отвѣчалъ Юрій, шибко тряхнувъ волосами.

— А какъ ты, Юрье, о ней думаешь?—косвенно допытывался царь.

— Не могимъ-ста знать, ваше царское пресвѣтлое величество,—былъ отвѣтъ и новая встряска волосъ.

— Я спрашиваю: правое ея-су дѣло, или неправое?—настаивалъ царь.

— Не наше-ста это дѣло, ваше царское пресвѣтлое величество,—наладилъ стрѣлецъ.

— Какъ не ваше-су?

— Не нашево-ста ума, ваше царское пресвѣтлое величество.

Царемъ овладѣло нетерпѣніе... «Эко чурбанъ!.. Хоть колъ на головѣ теши, не скажетъ»...

— Да ты-то что о ней мыслишь?—уже раздраженно спросилъ царь.

«Чурбанъ», которому думать не полагалось, и тутъ нашелся.

— Какъ поволитъ твое царское пресвѣтлое величество, такъ я и мышлю,—отвѣчалъ онъ.

Алексѣй Михайловичъ видѣлъ, что тутъ ничего не добьешься; но онъ достаточно зналъ свой народъ, чтобы не видѣть, что стрѣлецкій голова не на его сторонѣ... Ясно, это гласъ народа...

И Алексѣй Михайловичъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Вотъ что, Юрье,—сказалъ онъ, подумавши,—ступай ты къ Морозовой въ Новодѣвичій и скажи ей моимъ государевымъ словомъ: «Мати праведная, Ѳедосья Прокопьевна! Хощу тя азъ въ первую честь возвести. Дай мнѣ таковое приличіе людей ради, что аки не даромъ тебя взялъ: не крестися тремя персты, но точію руку показавъ, наднеси на три перста. Мати праведная, вторая Екатерина мученица! Послушай: азъ пришлю по тебѣ каптану мою царскую и со аргамаками своими, и пріидутъ многіе боляра и понесутъ тя на головахъ своихъ. Послушай, мати праведная! Азъ, самъ царь, кланяюсь главою моею: сотвори тако!»

Алексѣй Михайловичъ, дѣйствительно, поклонился. Юрій Лутохинъ стоялъ, видимо, пораженный; въ глазахъ и на лицѣ его играли умиленіе и радость.

— Уразумѣлъ?—спросилъ царь.

— Все, все до капли, ваше царское пресвѣтлое величество... съ силою отвѣчалъ стрѣлецъ.

— И все знаешь?

— Все, все до капли, ваше царское пресвѣтлое величество... Мати праведная, Ѳедосья Прокопьевна! Хощу тя азъ...

— Добро-добро... Ступай...

Поклонившись и неистово тряхнувъ волосами, стрѣлецъ вышелъ, ногъ подъ собою не чуя.

Юная царевна Софьюшка, нечаянно подслушавшая этотъ разговоръ отца съ стрѣлецкимъ головою, положила гнѣвъ на милость, и когда Алексѣй Михайловичъ, послѣ всѣхъ своихъ дѣлъ,

распустилъ бояръ, усталый, но довольный собою, зашелъ по обыкновенію въ теремокъ царевны, Софьюшка встрѣтила его совсѣмъ милостиво, попрежнему бросилась на шею отцу и даже осчастливила его приглашеніемъ итти съ нею на прудъ рыбу удить.

— Что ты, глазунья моя!—удивился царь.—Вотъ выдумала! Царь рыбу удить будетъ... вотъ!

— А какъ же, государь батюшка, апостолы удили?—озадачила она отца.

Царь не могъ не удивиться находчивости своей любимицы. Онъ улыбнулся.

— И то правда, дочка: апостолы рыбари были.

— И Христосъ съ ними рыбу ловилъ.

— Ахъ ты, умница моя!.. Точно, велѣлъ онъ мережи метать...

Алексѣй Михайловичъ совсѣмъ расчувствовался. Онъ гладилъ шелковистые волосы своей «глазуньи» и удивлялся, когда она успѣла вырасти... Онъ при этомъ почему-то вспомнилъ своего младшаго сыночка, царевича Петра, котораго ему на-дняхъ родила молодая царица... «Ужъ и крикунъ же уродился Петрушенька царевичъ!—думалъ онъ.—Въ кого бы только буянъ такой задался?.. И что изъ него выйдетъ?..»

— Такъ пойдешь рыбу удить, батюшка?—ласкалась царевна.

— Инъ такъ и быть, пойду, побалую съ тобой!

Царевна тотчасъ же бросилась на переходы, захватила тамъ удочки, ящичекъ съ сырою землею и червями, взяла отца за руку и особымъ «царевнинымъ» ходомъ потащила его къ пруду. Царь, при своей тучности, едва поспѣвалъ за ней. Съ такимъ же трудомъ тащилась вслѣдъ за ними, переваливаясь уткой, старая круглая мамушка, глазъ не спускавшая съ своей необыкновенно подвижной питомицы.

— Охъ, ужъ и что это за огонь-царевна! — ворчала старушка.—Государя батюшку замаяла.

— Ничего-ничего, мамушка,—успокаивалъ ее благодушный царь.

— Ой, весело! Охъ, хорошо!—восхищалась балованная дѣвочка.—Батюшка рыбу удить будетъ.

Увидѣвъ свою любимицу, лебеди подняли необыкновенный

гвалтъ, махали крыльями, спѣша къ берегу. Выйдя изъ воды, они тотчасъ же напали на царевну и, вытягивая свои длинныя шеи, безцеремонно запускали свои головы ей въ карманы и за пазуху...

— Ай, щекотно!—смѣялась она, защищаясь отъ птицы.— Отстаньте!

Но избалованная птица не отставала: въ карманахъ и за пазухой у царевны уже запасена была разная провизія, и лебеди доставали ее и жадно ѣли. Алексѣй Михайловичъ смѣялся, любуясь этой сценой.

Лебеди накормлены и успокоились, а царевна повела своего отца дальше вдоль пруда, подъ тѣнь огромной ивы, гдѣ былъ устроенъ особый плотокъ съ сидѣньемъ для потѣхи царевны, для уженья рыбы.

Алексѣй Михайловичъ съ видимымъ удовольствіемъ опустился на покойную со спинкой скамью. Прудъ былъ тихъ и ясенъ, только между водяными лопухами и лиліями-маковками выигрывала на солнцѣ рыба. Царь давно не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ этотъ день. Онъ любилъ природу, и ему пріятно было забыться здѣсь, послѣ трудовъ и заботъ. Любя природу, онъ прежде, когда былъ моложе и менѣе тученъ, страстно любилъ соколиную охоту, когда все дѣлалось по соколиному уставу, «красовато, премудровато, молодцовато», когда весь обрядъ охоты совершался, словно литургія, «подправительно, подъявительно, ко красотѣ кречатѣ и къ видѣнію человѣческому»... А теперь онъ утучнѣлъ, а природу любилъ по старому, и природа, казалось, сама улыбалась теперь ему своею прежнею, молодою улыбкою... Тогда онъ и самъ былъ молодъ, больше любилъ, и Никона «собиннаго» друга любилъ, и Аввакума... Тогда еще не было этихъ смутъ, этого раздвоенія русскаго сердца изъ-за креста... Не было и казней... Все измѣнилось, все измѣнило царю и человѣку—одна природа не измѣнила ему... Попрежнему ласково смотритъ солнце, попрежнему любовно шепчетъ надъ ними своими зелеными листьями ивушка кудрявая... Пчелы жужжатъ, дятелъ долбитъ гдѣ-то; иволга, словно кусокъ золота, порхаетъ въ зелени вѣтвей...

— Насаживай, мамушка, червей,—командуетъ царевна,— я ихъ боюсь... А ты, батя, самъ насаживать будешь?—обра-

щается она къ отцу, суя ему въ руку удочк.—Ты не боишься червей?

Царь задумчиво улыбается, не отвѣчая: его мысли въ разбродѣ, растаяли какъ-то.

— Боишься червей?—допытывается Софья.

— Боюсь, милая.

— И я боюсь.

Черви насажены, удочки закинуты, поплавки торчатъ. Тихо кругомъ, задумчиво какъ-то все, и прудъ, и небо, и зелень, и удильщики. И мамка задумчиво вяжетъ чулокъ.

— У тебя клюетъ,—шепчетъ царевна.

Но у самой у нея такъ сильно что-то клюнуло, что она даже вздрогнула. Поплавокъ юркнулъ въ воду и потомъ пошелъ бокомъ. Царевна вытащила торопливо. На удочкѣ извивалась крупная, въ четверть длины, рыба.

— Окунь! Окунь!—радовалась Софья Алексѣевна, хватая бьющуюся на плоту рыбу.—Вынимай, матушка, удочку да насаживай новаго червя.

И у Алексѣя Михайловича поплавокъ потащило, но тихо, плавно.

— Тяни, батя, тащи!—волновалась Софья.

Царь вытащилъ свою удочку. На лесѣ болтался черный ракъ, защемившій въ свои клещевидные зубы червя съ удочкой и не желая разстаться съ добычей.

— Ай, ракъ! Ахъ, скверный!—печаловалась царевна.

— Первый блинъ комомъ,—улыбнулся царь.

— Ничего, батя милый,—успокаивала его дочь,—и ты поймаешь окуня, а то и леща, либо сазана. Я разъ сазана поймала, да не вытащила, ушелъ съ удочкой. Я плакала, я тогда была еще маленькая, глупая.

— Ну, и я бы заплакалъ,—благодушно шутилъ царь.

Рака отцѣпили отъ удочки; все это дѣлала старая мамка.

— Я боюсь раковъ, они щиплются, — пояснила совсѣмъ счастливая Софьюшка.

«Не одни раки щиплются», думалъ царь, вспоминая о Морозовой.

А царевна почему-то вспомнила въ этотъ моментъ о своей прежней пріятельницѣ, княжнѣ Долгоруковой, нынѣ Брюховецкой, съ которою онѣ когда-то здѣсь часто уживали рыбу.

— А разъ Оленушка Долгорукова поймала линя вотъ какова,—показывала она отцу величину этого пойманнаго когда-то линя.

— Ого, какой!—добродушно удивлялся царь

— А что-жъ ты ее, батя, не возьмешь у Дорошенкова?

— Кого, милая?

— Оленушку Долгорукову... Она, бѣдная, въ полону...

— Я уже послалъ по нее къ Петру Дорошонку съ грамотой Оедора Соковнина.

И при имени Соковнина и ему, и царевнѣ разомъ вспомнилась сестра этого Соковнина, Морозова, что сидѣла въ заключеніи.

Въ это время изъ-за ивы показалась шедшая по дорожкѣ, укутанная фатою, старшая сестра царя, царевна Ирина Михайловна. Такая же тучная, краснощекая и добротѣлая, какъ братъ, съ такими же добрыми глазами, она совсѣмъ напоминала брата. Увидавъ, какъ Алексѣй Михайловичъ закидываетъ удочку, она улыбнулась и покачала головой... «Ишь, старое и малое тѣшится».

Замѣтивъ старшую царевну, царь спросилъ: «Что, сестрица, Петрушенька-царевичъ все буянитъ у мамки?»

— Нѣту, братецъ, угомонился. А ты иди, тебя ждетъ Юрье Лутохинъ по нужному дѣлу,—отвѣчала сестра.

Царевна Софья взглянула на отца, и глаза ея блеснули радостью. Царь всталъ и направился ко дворцу вмѣстѣ съ сестрою.

Черезъ полчаса уже видѣли царя хмурымъ и задумчивымъ: принесенныя Лутохинымъ отъ Морозовой вѣсти испортили все его расположеніе духа. Морозова «неистово противилась»...

XVII. По дорогѣ въ Боровскъ.

Прошло нѣсколько недѣль.

Жаркимъ лѣтнимъ утромъ отъ Москвы по калужской дорогѣ къ Боровску шагомъ двигалась телѣга, запряженная въ одну лошадь и сопровождаемая по обѣимъ сторонамъ стрѣльцами. Это слѣдовалъ изъ Москвы арестантскій этапъ. Въ телѣгѣ, казалось, никого не было; но это казалось такъ только издали: въ телѣгѣ лежало что-то живое, прикрытое рогожкою.

День былъ тихій. Бѣлая пыль, взбиваемая копытами лошадей

и колесами, клубилась надъ телѣгою и позади ея, усыпая рогожу бѣлымъ слоемъ.

Стрѣльцы шли лѣниво, босикомъ, уложивъ сапоги и рацы въ телѣгу. Ворота рубахъ разстегнуты, потому жарко, упека, ни облачка на небѣ, такъ и маритъ. Скучно. Одинъ, наиболѣе другихъ, повидимому, скучающій, вотъ уже съ полчаса какъ тянетъ монотонную и скучную, какъ это голое поле, пѣсню:

На-до-ѣ-ли но-чи, на-до-ску-чи-ли, да на-до-ску-чи-ли;
Со ми-лымъ, со ми-лымъ друж-комъ раз-лу-чи-ли со милымъ дружкомъ разлучили...

Вдали виднѣется сельская церковь, но до села еще не малое пространство, еще поле, а тамъ пригорокъ, а тамъ еще поле. На томъ полѣ что-то метлешится: не то стадо, не то табунъ коней... Нѣтъ не стадо и не табунъ: что-то въ воздухѣ мотается, словно бы ширинки на шестахъ... Кой тамъ прахъ!

Эхъ и надоскучили,
Со милымъ дружкомъ разлучили!..

Чѣмъ ближе подвигались туда стрѣльцы съ телѣгою, тѣмъ яснѣе видно было, что тамъ народъ, много народу. А то не ширинки на шестахъ, а церковныя хоругви.

— О дождѣ, знать, молебствіе, — рѣшилъ пѣвучій стрѣлецъ;—ухъ и надоску-учили!..

— А ты выплюнь пѣсню-то, али не видишь!—строго замѣтилъ пѣвуну старый стрѣлецъ.

— Что ее плевать! Не скоромная...

— То-то, не скоромна, а тебѣ бы все съ родительницей!

— Зачѣмъ родителей поминать? Не чай на мнѣ крестъ.

Пододвигаясь еще ближе, стрѣльцы замѣтили, что вся дорога и часть поля по обѣ стороны дороги заняты сплошною массою народа, мужиками, бабами, дѣвками, ребятишками. Надъ ними возвышались хоругви и образа на шестахъ.

Телѣга остановилась. Стрѣльцы подошли къ толпѣ. Народъ кучился вокругъ хоругвей и образовъ, и тамъ же, въ серединѣ, виднѣлся старенькій попъ въ бѣдномъ облаченіи, съ книгою въ рукахъ, и такой же завалящій въ старенькомъ крашенинномъ подрясничкѣ и съ косичкой въ крысиный хвостъ пономарь съ кадиломъ. Попъ стоялъ на шибко пожелтѣвшей отъ засухи по-

лосѣ ржи и, нагнувшись съ нѣкоторыми изъ мужиковъ къ пивѣ, что-то разсматривалъ.

— А ты, бачка, не трошь е в о,—предостерегалъ попа сѣдой мужичекъ,—о н ъ те скрючитъ...

— Мене не скрючитъ: я е в о во чѣмъ,—указывалъ попикъ на свой засаленный и мѣстами прожженный угольками изъ кадила епитрахиль.

— Ево, братецъ ты мой, не скрючитъ: на емъ, на бачкѣ-те, свята одежа,—говоритъ другой мужикъ.

Стрѣльцы втерлись въ кругъ, оставивъ у телѣги только одного товарища.

— Что у васъ тутай-ка, братцы, али о дождѣ?—спрашивали стрѣльцы.

— Како объ дождѣ? Вонъ видишь е в о дьявола? — отвѣчалъ бойкій парень-боровлянинъ.

— А что, милый?

— Вонъ, заломъ заломилъ аспидъ.

— Ой ли? Ахъ!.. Эко дѣло!

— Да, братъ, не въ дождѣ сила... дождя намъ Боженька дастъ... а вонъ онъ анаѳемской.

— А кто-жъ онъ будетъ, милый человѣкъ?—любопытствовалъ стрѣлецъ.

— Знамо, изъ никоніанъ, што щепотью крестются... Вонъ у насъ отъ того хлѣбушка и не родитъ, третій годъ голодуха, пухнемъ безъ жратвы, и скотинка падаетъ, помирать пришло... А все никонцы...

Оказалось, что это было общественное молебствіе, заклинаніе нечистой силы въ «заломѣ», найденномъ бабами на одной полосѣ ржи. Отъ этого страшнаго «залома» и неурожай, и голодуха, и моръ на скотъ. А отъ кого самый «заломъ», знамо отъ кого: отъ недобраго человѣка, что по новому молится, тремя перстами «воображаетъ», такъ толковалъ старый пономарь своимъ боровлянамъ. А отъ «залома» одно спасенье: молебенъ крѣпонькой со «всепѣтою», да чтобы самъ батюшка «сквозь патрахиль заломъ-отъ вырвалъ съ корнемъ»... Тогда и все крѣпко будетъ...

— А ты, батька, молебенецъ-отъ покрѣпче загни,—упрашивали мужики...

— Со всепѣтою, слышь, родной.

— Да чтобы и мечъ, и гладъ, и трусъ, вверни, кормилецъ, и гладъ, потому съ голоду помираемъ.

— Да, да, кормилецъ, ужъ не пожалѣй, поядренѣй молитву закати...

— А ужъ мы всѣ окарачъ молиться будемъ...

— До поту, что и говорить!

— И ещо тебѣ, родной, гривну міромъ накинемъ...

— Ладно, ладно, православные, — успокаивалъ ихъ попикъ,—свое дѣло знаю, не занимать-ста этого добра.

— Да ладонцемъ, батька, не скупись: кури въ нашу голову, чтобы тошно я м у стало, больше дыми...

Началось молебствіе. Народъ, дѣйствительно, молился «окарачъ»; все такъ покотомъ валялось по дорогѣ и по межамъ, крестясь и колотясь головами о пыльную дорогу, о колючую траву. Это была дѣтская, невинная, но жаркая молитва, голодный, болѣзненный стонъ.

Когда началось пѣніе, рогожа на этапной телѣгѣ приподнялась, и оттуда выглянуло блѣдное, но все еще прекрасное женское лицо. Оно смотрѣло съ недоумѣніемъ и широко крестилось, обративъ глаза на старыя, неподвижно висѣвшія въ пыльномъ воздухѣ хоругви и закоптѣлыя иконы.

— Миленькой, а, миленькой! — тихо обратилось блѣдное лицо къ молившемуся тутъ же стрѣльцу.

— Что, матушка Ѳедосья Прокопьевна?—отозвался онъ.

— Помоги мнѣ, миленькій, встать и помолиться.

— Сичасъ-сичасъ, матушка.

Стрѣлецъ бережно приподнялъ арестантку за руки. Зазвенѣли ножные кандалы.

— Спасибо, миленькой братецъ.

Колодница, при помощи стрѣльца, вылѣзла изъ телѣги и стала на колѣни. Глядя на хоругви и на голубое небо, она горячо молилась и плакала. Къ ней подошли дѣти, что не могли протолпиться въ середину сѣрой массы, и съ боязнью глядѣли то на ея блѣдное, нѣжное лицо, то на заржавѣлые кандалы.

— Молитесь и вы, дѣточки,—обратилась къ нимъ колодница,—ваши молитвы скорѣе дойдутъ до Бога.

Дѣти, косясь на нее, крестились и клапялись. Изъ толпы доносились скрипучіе, надтреснутые голоса старенькаго попика и

такого же старенькаго попомарика. «Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, и сущихъ въ мори далече»...

«О-о-о!» стонала толпа, колотя себя двумя пальцами по запотѣвшимъ лбамъ и подтянутымъ голодомъ животамъ и колотясь этими лбами о-земь...

Наконецъ, молебствіе кончилось. Поникъ, передавъ дьячку кадило и книгу съ крестомъ, нагнулся къ пучку ржи, на вершинѣ которой виднѣлось нѣсколько помятыхъ и какъ-бы завязанныхъ узломъ колосьевъ. Мужики серьезно и сдержанно, а бабы со страхомъ и, крестясь, смотрѣли, что будетъ дѣлать попъ. Вотъ-вотъ онъ дотронется «до залома»... Вотъ-вотъ онъ ударитъ его о-земь, скрючитъ, расшибетъ.

Но старый попина зналъ свое дѣло, не впервой-су! Онъ завернулъ руку епитрахилью и схватилъ «заломъ»...

— О-о-охъ!—вскрикнули въ ужасѣ бабы и попятились.

— Не вой, бабы, брысь!—накинулись на нихъ мужики.

Но хитрый попина, «ужъ и попина же, братцы! У-у! Дуй ево!» разомъ какъ рванетъ пучокъ ржи, такъ съ корнемъ и вырвалъ. Всѣ такъ и ахнули! «А-ахъ! Н-ну! Ужъ и ловокъ же старый песъ... тьфу, окромя ево священства»!..

Между тѣмъ, тутъ же другіе мужики выкопали яму въ аршинъ глубиною.

— Копай глыбче, братцы, глыбче!

— Чтоба не тово, не выцапался аспидъ...

— Будетъ, братцы, не выцапается,—успокаивалъ ихъ попъ.

— Ну, будя, такъ будя.

Попина, пошептавъ и трижды сплюнувъ на западъ, «въ самую морду нечистому,—пояснялъ дьячекъ,—потому: бѣсъ николи же на востоцѣ не стоитъ, не смѣетъ, и все на западъ солнца»—швырнулъ «заломъ» въ яму.

— Да зольцой, батька, зольцой изъ кадила присыпь я в о, крѣпче будетъ,—просили мужики.

Попина взялъ кадило, потрусилъ надъ ямой золой...

— Въ зенки е м у, анаѳемѣ,—пояснялъ попомарище-старецъ.

— Да уголекъ, родной, съ огонькомъ вкинь въ яму-ту,—упрашивали мужики,—огнемъ я м у святымъ въ буркалы-те.

Попина и уголекъ изъ кадила вкинулъ въ яму: таковъ попъ, каковъ приходъ...

Засыпали яму землей, затоптали ногами, поплевали всѣ на насыпь и на западъ. А тутъ и колъ осиновый готовъ.

— Вколачивай, братцы, колъ-отъ въ спину яму, аспиду никонцу, щепотнику.

Вколотили и колъ въ землю.

Въ этотъ моментъ отъ Боровска послышался ямской колокольчикъ. Всѣ оглянулись. По дорогѣ скакала тройка, сопровождаемая парою всадниковъ. Пыль стлалась клубами по полю.

— Гонецъ царской, братцы,—послышалось въ толпѣ.

Всѣ знали, какъ ѣздятъ царскіе гонцы. «Кому бы быть? Откедова гонитъ? Не съ Крыму ли, отъ самого ханишки, а можетъ изъ Черкасъ?»

Тройка приблизилась. Толпа разступилась передъ конными. Но дальше проѣзду не было: на самой дорогѣ стояла этапная телѣга, а около нея въ черной одеждѣ женщина... Виднѣлось только блѣдное лицо.

Въ телѣгѣ ямской съ переплетомъ и верхомъ, что скакала отъ Боровска, сидѣлъ русый, запыленный и загорѣлый среднихъ лѣтъ мужчина въ боярскомъ одѣяніи.

Блѣдная колодница, увидавъ его, невольно всплеснула руками.

— Ѳедюшка! Братецъ!

— Ѳедосьюшка! Сестрица! Родненькая!

Гонецъ выскочилъ изъ телѣги и стремительно бросился къ колодницѣ... «Голубушка! Мученица!» — «Братецъ! Соколикъ!»—«Куда тебя, родная?» — «Въ Боровскъ, въ земляную тюрьму»...

Это былъ братъ Морозовой, Ѳедоръ Соковнинъ, возвращавшійся изъ Малороссіи, отъ Дорошенка. Онъ обхватилъ сестру и страстно сталъ цѣловать ее... «Сестрица моя! Ягодка!»

— Охъ, братецъ! Охъ, не цѣлуй меня... мнѣ нельзя!—силилась защититься бѣдная женщина.

— Ѳедосьюшка! Свѣтикъ!

— Я не Ѳедосьюшка... братецъ! Охъ! Я сестрица Ѳеодора...

— Господи: что жъ это такое!

Онъ зарыдалъ и, припавъ головой къ плечу несчастной сестры-мученицы, плакалъ голосомъ.

Глядя на него, и бабы плакали.

XVIII. Въ земляной тюрьмѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ въ большее ослѣпленіе впадали московскія власти и, видя безсиліе своихъ жестокихъ мѣръ, теряясь во мракѣ своего собственнаго безумія, приходили въ ярость. Они чувствовали, что нравственная власть выскользала изъ ихъ рукъ, почва уходила изъ-подъ ногъ, однѣ жестокія ошибки вели къ другимъ, еще болѣе жестокимъ и непоправимымъ, и какъ люди съ похмѣлья, которые прибѣгаютъ къ той же отравѣ, чтобъ опохмѣлиться, забыться въ одурѣніи, они бросались въ омутъ того же опьяненія, въ омутъ безумной жестокости и преслѣдованія. Началась буквальная травля двуперстниковъ, «псовая облава на христіанъ», какъ выражались сами двуперстники.

«Времена Діоклетіана настали!» кричали на площадяхъ и по базарамъ уцѣлѣвшіе ученики и ученицы Аввакума и Меланіи.

«Нероновы свѣщники изъ христіанской плоти возжигаютъ на Болотѣ освѣщенія ради тьмы кремлевскія»! возглашалось на Красной площади при видѣ срубовъ на Болотѣ и у Лобнаго мѣста, гдѣ должны были жечь и жгли непокорныхъ.

А непокорные, какъ бабочки ночью, «аки метыли на лампаду», шли на этотъ огонь.

Въ Боровскъ, кромѣ Морозовой, свезли и заключили въ земляную тюрьму Урусову, Акинфеюшку и инокиню Юстину. Вѣрный рабъ Морозовой, Иванушка, уже чахъ тамъ въ другой мрачной ямѣ.

Мать Меланія съ своей боярышней Анисьюшкой не замедлила явиться и въ Боровскъ. Стрѣльцы, караулившіе земляную тюрьму, были тотчасъ же обращены матерью Меланіею въ «своихъ», и когда изъ Москвы явились «волцы», съ розыскомъ, чтобъ найти, наконецъ, этого «бѣса полуденнаго», эту «вѣдьму Малашку», часовые вытерпѣли пытку, а не выдали «матушку» которая спрятана была подъ поломъ самой караулки.

Прядь волосъ изъ прекрасной косы Морозовой стала для «вѣрующихъ» святынею, и золотистые волоски ея раздавались до

стойнымъ на «вѣчное поминовеніе», носились на груди съ крестами, зашивались въ ладонки словно святыя реликвіи.

Стрѣлецъ Онисимко, цѣловавшій закованныя въ желѣзо ноги Морозовой, сталъ коноводомъ всего своего стрѣлецкаго полка, съ которымъ впослѣдствіи этотъ самый Онисимко, уже въ царенiе Софьи Алексѣевны, чуть все московское государство не поставилъ вверхъ дномъ.

А Аввакумъ изъ своей пустозерской земляной тюрьмы то и дѣло разсылалъ свои зажигательныя письма, вродѣ: «всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ», или «старицѣ Меланіи съ сестрами и съ подначальною Анисеею», или «на крестоборную ересь».

Хотя земляная тюрьма въ Боровскѣ отличалась всѣми ужасами подобнаго рода мѣстъ заключенія того безжалостнаго вѣка, хотя она была сыра и темна, какъ могила, и кишѣла всякими гадами, однако, узницы въ Боровскѣ чувствовали свое положеніе съ менѣе жгучею и разъѣдающею остротою, чѣмъ въ Москвѣ: въ Москвѣ онѣ находились въ одиночномъ заключеніи и чувствовали себя заживо погребенными; здѣсь, въ Боровскѣ, въ одномъ помѣщеніи ихъ находилось четыре узницы: Морозова, Урусова, Акинфеюшка и Юстина. Онѣ могли говорить и молиться вмѣстѣ, а если одна изъ нихъ заболѣвала, то другія ходили за ней. Онѣ проводили дни и ночи въ молитвахъ, въ пѣніи гимновъ, въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о своей прежней жизни. Но что особенно громадныя удобства представляло въ боровской тюрьмѣ, такъ это то, что когда трое изъ узницъ ложились спать, то четвертая не спала и отгоняла отъ нихъ крысъ и мышей, постоянно бѣгавшихъ по темницѣ. Но, и кромѣ того, была еще хорошая сторона подземной жизни въ Боровскѣ: это то, что Акинфеюшка была оживляющею силою этой маленькой подземной общины. По призванію странница, много побродившая по святымъ мѣстамъ, хотя сама еще была молода, Акинфеюшка цѣлые дни бывало разсказываетъ о томъ, какъ она ходила на поклоненіе угодникамъ въ Кіевъ, въ Соловки, въ Казань, въ Новгородъ, что видѣла тамъ, что испытала. Въ этихъ разсказахъ выказывалась вся ея поэтическая, мечтательная душа. Часто вспоминала она, какъ четыре или пять лѣтъ тому назадъ, возвращаясь изъ Кіева, она вмѣстѣ съ другими страни-

цами зашла въ Гадячъ въ гости къ Оленушкѣ, бывшей княжнѣ Долгоруковой, а въ то время гетманшѣ Брюховецкой, и какъ въ ту пору черкасы привезли тѣло убитаго мужа Оленушки вмѣстѣ съ другими мертвыми тѣлами. Разсказывая о Малороссіи, она часто повторяла, что это «рай земной». Разсказы ея замѣняли для узницъ общество людей, и свѣтъ, и солнце, которое не заглядывало въ ихъ темную, глубокую темницу

Съ другой стороны, инокиня Юстина много разсказывала о разныхъ монастыряхъ, въ которыхъ она жила съ молодыхъ лѣтъ, мѣняя одинъ монастырь на другой, чтобы лично на себѣ испытать, въ какомъ изъ нихъ старицы жили наиболѣе суровою жизнью. Это была личность энергическая, характеръ закаленчый въ лишеніяхъ. Она сама истязала свое тѣло, и оно становилось еще выносливѣе; она спала, подкладывая подъ себя булыжникъ.

Но сообществомъ Юстины не долго пришлось пользоваться нашимъ узницамъ. Она раньше другихъ покончила свое земное существованіе, и покончила насильственною, мученическою смертью, спасая другихъ, сидѣвшихъ съ нею въ заключеніи, отъ гнѣва властей.

Дѣло было такимъ образомъ. Мать Меланія, которую узницы называли «равноапостольною», принесла Морозовой и Урусовой еще одно письмо отъ неутомимаго Аввакума изъ Пустозерска. Въ письмѣ было обращеніе и къ Акинфеюшкѣ. Посланіе это произвело на узницъ впечатлѣніе чуднаго весенняго дня съ тепломъ и зеленью, пѣніемъ птицъ и шопотомъ листьевъ—весенняго дня, внесеннаго божественною силою въ ихъ мрачное подземелье.

«Азъ протопопъ и юзникъ о Господѣ,—взывалъ между прочимъ, пустозерскій фанатикъ,—молю вы, друговъ моихъ сердечныхъ, стойте и не унывайте о житіи прежде бывшемъ. Вѣмъ, другъ милой, Ѳеодосья Прокопьевна: жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, въ верху чина царева близъ царицы. Дома твоего тебѣ служащихъ человѣкъ съ триста; у тебя же было крестьянъ 8,000, имѣніе въ дому твоемъ на 200,000, или на полтретья было. У тебя же всему сему былъ наслѣдникъ, сынъ, Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ. Друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много. Ѣздила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ коретѣ драгой и устроенной мусіею и среб-

ромъ и аргамаки многи 6 и 12 съ гремячими чѣпьми. За тобою же слугъ, рабовъ и рабынь грядущихъ 100 или 200, а иногда человѣкъ и 300, оберегая честь твою и здоровье»...

Морозова остановилась на этомъ мѣстѣ письма. Въ отверстіе, продѣланное въ тюрьмѣ для свѣта и около котораго она читала Аввакумово посланіе, что-то заглянуло.

Морозова всплеснула руками.

— Литвинушка! Песикъ миленькой! Какъ ты сюда попалъ!—воскликнула она радостно.

Въ оконце просунулась собачья морда и тихо, жалобно и радостно визжала.

— Литвинъ, Литвинушка!—обрадовалась и Урусова.—Съ Москвы прибѣгъ бѣдненькой.

Собака лизала протянутыя къ ней руки. Всѣ были ей рады, какъ дорогой гостьѣ.

— И какъ она дорогу нашла сюда!—дивилась Акинфеюшка.—Какъ узнала, что вы тутъ?

Снаружи послышался окрикъ на собаку. Собака завизжала; ее отогнали отъ оконца.

— Вотъ звѣри-те добрѣе людей,—замѣтила Юстина.

— Не говори, матушка,—тихо возразила ей Морозова;—и люди добры, а ежели и творятъ злое, то творятъ волю пославшаго, вотъ хоть бы и съ нами.

Она поднесла письмо къ свѣту и снова начала читать.

«Предъ ними же лѣпота лица твоего сіяла, яко древле во Израиля святыя вдовы Іюдифы, побѣдившія Навходоносорова князя Олоферпа. И знаменита была въ Москвѣ предъ человѣки, яко древняя Деворра во Израили, Есфирь, жена Артаксеркса. Молящу ти ся на молитвѣ Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ яко бисеріе драгое схождаху. Изъ глубины сердца твоего воздыханія утробу твою терзаху, яко облацы воздухъ возмущаху. Глаголы же устъ твоихъ яко каменіе драгое удивительны предъ Богомъ и человѣки бываху. Персты же рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственные великій и меньшій и средній въ образъ трехъ ипостасей; указательный же и великосредній въ образъ двухъ естествъ божества и человѣчества Христова сложа, на чело возношаше, и на пупъ снося, на обѣ рамѣ полагаше и себя поместая на колѣну предъ образомъ Христовымъ, прося отпуска грѣховъ

своихъ и всего міра. Очіе же твои молніеносны держастася отъ суеты міра, токмо на нищихъ и убогихъ призираютъ»...

Морозова чувствовала, что при этихъ словахъ щеки ея заливаетъ краска. Она вспомнила, какъ ея молодые глаза, эти «очіе молніеносны» не на однихъ нищихъ и убогихъ смотрѣли... Какъ часто бывало, когда она уже овдовѣла, глаза ея украдкой смотрѣли изъ кареты, изъ-за задернутой тафты, на красивыя лица добрыхъ молодцевъ, какъ сердце ея ныло безъ отвѣтнаго взгляда, котораго она, какъ «честная вдова», въ то же время и боялась и стыдилась... Хотя она все потомъ сказала Аввакуму, какъ узнала его и стала его духовной дочерью, но развѣ можно разсказать все, все, что переживаетъ молодое женское сердце! Она и не сумѣла бы этого разсказать, этого словами не передашь... А сказывала только Аввакуму на духу, что «во всемъ грѣшна», что и «око ея соблазняло ее»... но какъ, когда, гдѣ, на кого глядѣло ея око съ тайною страстью, что при этомъ на сердцѣ было, что думалось, этого женщина даже себѣ не говоритъ, не то, что попу на духу... «Ахъ, это око!..»

— Что же ты, сестрица, остановилась?—вывели ее изъ задумчивости.

— Сейчасъ-сейчасъ, Дунюшка!

«Нозѣ же твои дивно струпаніе имѣютъ: до полуночи съ Анною Амосовною, домочадицею своею, тайно бродила по темницамъ и по богадѣльнямъ, милостыню отъ дома своего нося, деньги и ризы потребная комуждо неимущему довольно, овому рубль, а иному десять, а инда пятьдесятъ рублевъ и мѣшокъ сотной. Напослѣдокъ же сына своего, Ивана, принесе Богу...»

При этомъ Морозова перекрестилась и вздохнула. Перекрестились и всѣ остальныя.

«... принесе Богу православія ради еже есть: скончался скоро отрокъ отъ великія печали, егда отступники съ тобою разлучили. Ты же не мало отъ подвига уклонися, ни усумнѣся, но и паче простирашеся къ обличенію враговъ креста Христова и разорителей догматовъ святыя церкве. Они же тя, яко звѣріе дивіи, терзаху на пыткѣ, руцѣ твои и плоть рваху,и сестру твою, княгиню Урусову, Евдокію Прокопьевну...»

Урусова радостно перекрестилась.

«... также мучили на пыткѣ. И Акинфеюшку Данилову»...

— Батюшка! Свѣтикъ мой! И меня не забылъ! Господи!

Акинфеюшка вскочила съ соломы, на которой сидѣла у ногъ Морозовой, и, упавъ на колѣни, стала молиться и класть поклоны.

«И Акинфеюшку Данилову съ вами же пытали и кнутомъ били. Приглашаху еретики, у пытки стоя: «Отверзитеся знаменія Христова и пять персть, отъ святыхъ преданныхъ въ рукѣ не слагайте; но пріимите изволъ государевъ три перста и запечатайте себя антихристомъ, богомъ нашимъ, мы же къ вамъ милостиви будемъ». Вы же, троица святая, Ѳеодосія и Евдокія, и Акинфія, умрети изволиша Христа ради и не послушаша духа противнаго. Въ муки ввержени быша безъ чести обнаженнымъ тѣлесемъ и раны пріяша. Тоже чѣпьми окована быша и во юзилищахъ мучени много времени быша. Таже всѣхъ васъ и съ иными, страждущими Христа ради, обще живыхъ въ землю вкопали, и иніи отцы и братія наша огню предани быша. Молю вы о Господѣ, дѣтки мои духовныя, святіи и истинніи раби Христовы: Богъ есть съ нами, и никто же на ны! Кто можетъ насъ разлучити отъ любви Христовы? И самъ діаволъ не учинитъ ничево стоящимъ и держащимся за Христа крѣпцѣ. Что воздамъ вамъ, земніи ангели, небесніи человѣцы? О, святая Ѳеодосія и блаженная Евдокія и страстотерпица Акинфія, мученицы и исповѣдницы Христовы, дѣлателіе винограда Христова! Вертоградъ едемскій васъ именую и Ноевъ славный ковчегъ, стоящь на горахъ Араратскихъ, свѣтліи и доблии мученицы, столпи непоколебимі! О, каменіе драгое, акинфъ, и измарагдъ, и асписъ! О, трисіятельное солнце и немерцающія звѣзды! Кто не удивится, и кто не прославитъ терпѣніе и мужество ваше противъ козней враговъ и разорителей церковныхъ? Не стѣни разоряютъ, но законы. Не токмо осуждены будутъ въ вѣкъ грядущій жиды, иже Господа убиша, плоть его терзавше, на крестѣ пригвоздивше, оцтомъ и желчію напоиша и копіемъ въ ребра прободше, апостоловъ побивше и Богу не угодивше, яко же никоніяне жертву духовную опровергоша и духа святаго глаголютъ не истинна быти, но просто животворяща, а вся церковная, Духомъ Святымъ преданная, отмещутъ и злѣ развращаютъ, на плотское мудрованіе сводятъ. Кольми суть паче жидовъ осудятся, понеже невидимаго Бога борютъ. Тамо видимую плоть терзаху, здѣ же невидимый Духъ Святый воюютъ ихъ же грѣхи и мученическая кровь загладити не можетъ. Такъ Златоустый

пишетъ на посланіе апостольское въ бесѣдахъ, правоученіи обличая схизманики, еже есть раздирающія церковь, яко же, нынѣ видимъ, творятъ никоніяне; вся Богомъ преданная и святыми отмещутъ, да говорятъ сами діаволомъ научени:« Какъ бы нибудь, лише бы не по старому». Охъ, собаки! Что вамъ старина та помѣшала? Развѣ то тяжко, что блудить не велятъ старыя святыя книги? Блудъ, собака!..»

Вдругъ тихо, осторожно скрипнулъ тюремный засовъ.

— Охъ, Господи! Кто это?

— Не урочный часъ... розыскъ... прячь письмо, сестрица...

Въ дверяхъ показалась знакомое Морозовой лицо московскаго подъячаго изъ розыскного приказа, красное угреватое лицо «людоѣда» Кузмищева, какъ его величала вся Москва.

— Что вы читали?—спросилъ онъ, взглядываясь со свѣту въ темноту.

Всѣ молчали. Слышно было тихое шуршанье бумаги: это Морозова комкала у себя за спиною Аввакумово посланіе.

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества доказывайте, что читали?—повторилъ свой вопросъ «людоѣдъ», приближаясь къ Морозовой.

— Молитву читали,—смѣло отвѣчала за всѣхъ Юстина.

— Не молитву, воровское письмо! громко сказалъ подъячій.

— Мы не воры!—также рѣзко отвѣчала Юстина.

Но не научившаяся притворяться Морозова выдала себя: шорохъ бумаги и смущеніе обличили ее... Подъячій схватилъ ее за плечи, потомъ за локти...

— Владычица! Что жъ это!.. Ахъ!

Письмо уже было въ рукахъ «людоѣда»...

— А! Молитва-ста...

Но въ одинъ мигъ Юстина наскочила на него, вырвала изъ рукъ его письмо и, скомкавъ комомъ, засунула себѣ въ ротъ. Подъячій кинулся на нее: завязалась борьба... Сильная, привыкшая ко всему монахиня, защищая свой ротъ, который силился разодрать ««людоѣдъ», чтобы достать дорогое для него поличное, такъ хватила своего противника, что тотъ навзничъ повалился на солому.

Предательское письмо было проглочено мужественною инокинею...

. . . . . .

Черезъ нѣсколько дней, рано утромъ, узницы были разбужены стукомъ топоровъ. Слышно было, что около ихъ тюрьмы что-то строили. Какой-то веселый плотникъ пѣлъ фальцетомъ:

Построю я келью со дверью,
Стану я Богу молитца,
Штобъ меня дѣвки любили,
Крашоныя яйцы носили,
Тили-тили-тили-тили-тили;
Грушовыемъ квасомъ поили...

— Что ты, дьяволъ, разорался! Али не знаешь, каку хоромину то ладимъ,—останавливалъ пѣвуна другой голосъ.

— Знаю, амбаруха аховая, ѣшь ее мухи!

Вили-вили-вили-вили-вили—
Толчоныемъ лукомъ кормили...

То-то, слякоть эдака! А онъ ржетъ, жеребецъ!

— Ржу, потому, за хоромину эту бояринъ денегъ далъ... есть па что жеребяткамъ хлѣбушка купить, а то вонъ съ голоду попухли...

Э-эхъ—толчоныемъ лукомъ кормили...

Морозова выглянула въ оконце и перекрестилась: она узнала, что это за хоромину строили... Дѣлали два сосновыхъ сруба, въ разстояніи не болѣе сажени одинъ отъ другого, словно бы это готовили обшивку для колодцевъ. Тутъ же навалены были десятки сноповъ ржаной соломы.

— Что, сестрица?—тревожно спросила Урусова, по лицу сестры понявъ, что тамъ строится что-то необыкновенное.

— Горенки намъ строятъ,—съ горькою усмѣшкою отвѣчала Морозова.

Къ плотникамъ подошелъ подъячій Кузмищевъ.

— Живѣй, живѣй ребята!—понукалъ онъ. — Чтобы къ полдню было готово.

— Добро-ста,—отвѣчалъ пѣвунъ, почесывая въ затылкѣ;—стараемся для вашей милости.

Узницы попеременно выглянули въ оконце. Взглядъ Юстины встрѣтился со взглядомъ подъячаго. Послѣдній отвернулся.

— Видѣли, сестрицы, что намъ припасаютъ?—тихо спросила Морозова.

— Видѣла, матушка,—отвѣчала Юстина.

— И слышали, что подъячій сказалъ?

— Слыхали, къ полудню: полдничать хочетъ «людоѣдъ» мясцомъ нашимъ.

— Такъ надо бы намъ, сестрицы милыя, подумать о душѣ,— продолжала Морозова.

— Всю жисть, матушка, думали о ней,—снова отвѣчала за другихъ Юстина.

— А все же подобаетъ по закону исправу учинить на отходъ души.

— Знамо, помолимся Господу.

— Помолимся по церковному преданію: канунъ отпоемъ по душамъ нашимъ, а тамъ простимся.

— Да,—сказала, какъ бы про себя, Акинфеюшка,—въ путь-дороженьку снарядиться надо... А долга дорога та, далеко иттить будетъ, далѣ, чѣмъ до Кеива.

Морозова стала пѣть отходную. За нею повторяли и остальныя узницы. Чистый, серебристый голосъ Урусовой часто срывался и дрожалъ, какъ слабо натянутая струна, но за то голосъ сестры ея, ровный, твердый, за душу хватающій, постоянно, казалось, крѣпчалъ грудными, глубокими нотами. Юстина пѣла твердо, спокойно, какъ будто бы она не себя отпѣвала, не съ собой прощалась на порогѣ таинственнаго будущаго, а читала по чужомъ, совершенно ей незнакомомъ мертвецѣ.

Въ это время, гремя желѣзнымъ запоромъ, отворилась тюремная дверь, и Кузмищевъ въ сопровожденіи двухъ стрѣльцовъ вошелъ въ подземелье.

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества симъ извѣстую: черница Юстина нынѣ огню предана быть имѣетъ... Готовься къ смерти!—возгласилъ подъячій.

— Я готова,—спокойно отвѣчала осужденная.

— А мы?!—разомъ вскричали другія узницы.—И мы приготовили себя на муки.

— Объ васъ указу нѣтъ,—отвѣчалъ Кузмищевъ.

Морозова опустилась передъ осужденной на колѣни. За нею послѣдовали Урусова и Акинфеюшка. Онѣ цѣловали ея грубыя, худыя, жилистыя руки и плакали.

— Матушка, отходишь ко Христу... Молись за насъ: умоли Христа и насъ взять къ себѣ, въ блаженство горнее...

Къ полудню срубы, дѣйствительно, были готовы и обложены соломенными снопами. Узницы одного только не могли понять: почему срублено было два сруба, тогда какъ «людоѣдъ» объявилъ, что будутъ жечь только старицу Юстину. Юстина, между тѣмъ, мужественно готовилась къ смерти. Она на словахъ передавала своимъ сестрамъ по заключенію послѣднюю волю, если только ихъ не постигнетъ та же участь. Она просила земно поклониться матери Меланіи и такой же земной поклонъ послать «преподобному» отцу Аввакуму. Просила поминать ее на молитвахъ.

Когда стали отпирать дверь тюрьмы, Юстина затеплила восковую свѣчу и простилась съ подругами, которыя цѣловали ея руки и плакали.

Вошелъ Кузмищевъ съ двумя палачами. У каждаго изъ нихъ урѣзано было по лѣвому уху и вырваны ноздри по самые хрящи.

— Милости просимъ, матушка Юстина, въ баньку, косточки попарить,—злорадно сказалъ подъячій, низко кланяясь.

— Спасибо тебѣ, человѣче, за твое великое добро ко мнѣ,— серьезно отвѣчала осужденная.

— Не на чемъ-ста: не стоитъ благодарности,—зло усмѣхнулся подъячій.

— Стоитъ, человѣче: ты отпираешь мнѣ рай свѣтлый.

— Ну, это еще вилами на водѣ писано, авоськами присыпано...

Осужденная твердо вышла изъ подземелья, держа въ рукѣ горящую свѣчу.

— Пожалуйте и вы, государыни,—лукаво обратился подъячій къ Морозовой, Урусовой и Акинфеюшкѣ.

— Слава тебѣ, Господи!—радостно воскликнула первая изъ нихъ.—И насъ Господь призываетъ.

— Не радуйся, боярыня... погоди радоваться,—остановилъ ее подъячій.

И онъ вышелъ изъ тюрьмы. За нимъ вышли Морозова, Урусова и Акинфеюшка. Толпы народа волновались вокругъ срубовъ, и оставался свободнымъ только проходъ къ нимъ изъ подземелья, по которому шла Юстина со свѣчой.

Первое, что представилось глазамъ Морозовой при взглядѣ на срубы, это знакомая фигура на одномъ изъ нихъ, стоящая наверху костра, между снопами. Морозова узнала, кто стоялъ на

кострѣ: то былъ ея вѣрный слуга, Иванушка. Онъ съ дѣтства любилъ свою госпожу, и когда она выходила замужъ за Морозова, то Соковнинъ, отецъ Ѳеодосьи, далъ въ приданое дочери, между прочимъ, и Иванушку. Это былъ не человѣкъ, а собака по вѣрности и преданности своей госпожѣ и ея пользамъ.

— Матушка! Ѳедосья Прокопьевна! — восторженно крикнулъ Иванушка и поклонился, припавъ головой къ снопамъ.— Благослови меня, святая мученица!

— Иванушка миленькій! Тебя за что?..—затрепетала молодая боярыня.

— За Христа-свѣта да за тебя...

— Полно-ка, смердъ!—крикнулъ на него подъячій.—А ты скажи, гдѣ схоронилъ сокровища своей госпожи, и за то я сниму тебя съ костра, если скажешь.

— Не скажу!—твердо отвѣчалъ Иванушка.

— Сказывай, кому отдалъ сокровища?—повторилъ подъячій.

— Самому Христу въ руки!—былъ отвѣтъ.

— Въ послѣднее отвѣщай: кому?

— Христу да Богородушкѣ матушкѣ на масло.

Между тѣмъ Юстина, всходя на другой костеръ, сама подожгла нѣсколько нижнихъ сноповъ, и костеръ мгновенно объяло пламенемъ. Въ толпѣ послышались крики ужаса, дѣтскій плачъ...

— Ахъ, ты, окаянная!—ударилъ объ полы руками подъячій.—И указъ не дала вычесть... ахти мнѣ!

И онъ, торопливо выхватилъ изъ-за пазухи бумагу, сталъ выкрикивать, постоянно путаясь и заикаясь, какія-то безсвязныя фразы...

... указалъ его царское пресвѣтлое величество... освященный соборъ... за таковыя ихъ злыя вины... мучительныя казни... ино милосердуя духомъ о своихъ подданныхъ, по неизреченной своей милости, указалъ огнемъ сжещи...

А пламя, между тѣмъ, охватило весь костеръ. Что-то страшное было и поражающее во всей фигурѣ Юстины, которая кланялась на всѣ четыре стороны...

— Простите, православные, за Христа умираю!

На ней вспыхнула одежда... Она сама казалась горящимъ снопомъ.

— Простите, сестрицы! Прощай, матушка Ѳедосья...

Она не договорила, задохлась въ дыму и пламени..

Другой костеръ также вспыхнулъ...

— Кому отдалъ золото, сказывай!—кричалъ подъячій.

— Христу... Богородицѣ... Простите, православные!

— Богъ проститъ! Богъ проститъ!—гудѣла и крестилась толпа.

— Матыньки! Ахъ! Глядите, глядите! Вонъ душеньки ихъ летаютъ! Матыньки!—вопилъ бабій голосъ.

— Это голуби, братцы, мотри, голуби!

— Не голуби, душеньки, ахъ!

Черезъ полчаса послѣ этого Морозова, глядя изъ тюремнаго оконца на кучи пепла, оставшіяся отъ костровъ, замѣтила какую-то странницу, которая рылась въ золѣ и что-то клала въ висѣвшую у нея на поясѣ берестянку...

Въ странницѣ Морозова узнала мать Меланію, которую, по строжайшему указу царя, напрасно искали по Москвѣ и по Боровску...

XIX. Смерть княгини Урусовой.

Три года томились въ боровской земляной тюрьмѣ несчастныя жертвы религіознаго невѣжества, или вѣрнѣе, жертвы безумія вѣка, одного изъ тѣхъ эпидемическихъ безумій, которыми послѣдовательно страдаетъ человѣчество и будетъ еще долго страдать въ той или другой формѣ въ силу величайшаго изъ историческихъ золъ, зла невѣдѣнія, ибо «кто знаетъ—прощаетъ».

Послѣ сожженія Юстины и Иванушки, изъ Москвы пришло повелѣніе: вырыть новую, болѣе глубокую и не доступную ни для людей, ни для божьяго свѣта земляную тюрьму и перевести въ нее оставшихся трехъ узницъ. Все, что еще уцѣлѣло у нихъ, «малыя книжицы», «иконы на малыхъ доскахъ», даже одежду и бѣлье, все отобрали. Старую земляную тюрьму разрушили и сравняли съ землей.

Новая тюрьма была ужасна. Ни откуда не проникалъ въ нее ни воздухъ, ни лучъ свѣта, ни звукъ, глубокая, темная, безмолвная могила! Въ первыя же сутки, какъ перевели туда узницъ, онѣ потеряли возможность узнавать время, различать, день ли надъ ними, тамъ, надъ могилой, или ночь, солнце ли свѣтитъ надъ землею, или глядитъ на нее темное небо своими безчисленными звѣздами. Сначала онѣ силились разграничить день отъ

ночи, чтобы хоть знать, когда молиться имъ и когда спать; но это было невозможно: для нихъ настала безконечная ночь. Можно было бы узнавать о томъ, когда надъ ними стоитъ невидимый для нихъ день, если бы имъ каждодневно приносили пищу; можно было бы спрашивать объ этомъ тюремнаго сторожа, но онъ приносилъ имъ запасъ ржаныхъ сухарей и воды на нѣсколько дней и потомъ исчезалъ. Только по прошествіи многаго времени—не дней, онѣ этого не различали—только, повторяемъ, по прошествіи долгаго времени онѣ замѣтили, что иногда имъ къ сухарямъ прибавляли по яблоку или по огурцу, и когда онѣ спрашивали сторожа, что это значитъ, онъ отвѣчалъ: «нонѣ праздникъ у насъ на землѣ, второй Спасъ», либо «Казанска», или: «нонѣ у насъ тамъ воскресенье»...

Что причиняло имъ невыразимыя мученія, это то, что не могли видѣть лица другъ друга: хотѣлось знать выраженіе милаго лица, посмотрѣть, не похудѣло ли оно, не поблѣднѣло ли, и ничего не видать!.. И тогда, какъ бы для облегченія мученія неизвѣстности, онѣ руками осязали другъ у друга лица...

— Худѣешь ты, родная моя, чую я... слышу, охъ!

— Нѣту, миленькая... ты, я чую, сохнешь, съ личика спала... жаръ у тебя... губы пересохли...

— Нѣту, не бойся, родная... это такъ...

Онѣ старались чѣмъ-нибудь нарушить могильную тишину, а то страшно, до безумія страшно, хоть бы звукъ!.. И онѣ или говорили между собой, или молились громко... Но тутъ новое горе: у нихъ отобраны были и четки, и лѣстовки, а какъ безъ нихъ уставы исполнять, дѣлать положенное число метаній, поклоновъ и славословій! И несчастныя должны были пооборвать подолы сорочекъ, чтобы на этихъ тряпицахъ завязать по десяти-двадцати узелковъ и по нимъ считать поклоны.

— Хоть бы крысы были!—какъ-то тоскливо, со стономъ проговорила разъ Акинфеюшка, прислушиваясь къ могильной тишинѣ, когда сестры забылись сномъ.

— Что ты, миленькая? — отозвалась Морозова, открывая глаза во мракѣ.

— Тихо таково, мертво; хоть бы крысы бѣгали, какъ въ той тюрьмѣ, а тутъ и крысъ нѣтъ!

Морозова вздохнула... «А скоро, другъ мой, еще тише будетъ».

— Такъ ужъ скорѣй бы!

Съ первыхъ же дней пребыванія въ новой тюрьмѣ Урусова стала недомогать. Нѣжный хрупкій организмъ ея не выдерживалъ мученій духа и тѣла...

— Дюрдя, сынокъ мой! Видишь, мнѣ глаза выжгло, охъ!— бредила она иногда.—Я ничего не вижу, тебя не вижу, забыла твои глазки... Я знала, что небо голубое, лѣсъ зеленъ, и теперь все стало чернымъ...

Иногда ей казалось, что она заблудилась въ своей тюрьмѣ. Она ходила вокругъ земляныхъ стѣнъ, ощупывала ихъ руками и плакала.

— Сестрица, миленькая, куда я иду? Гдѣ востокъ, гдѣ западъ, я не знаю, я все забыла, охъ, горюшко мое! Ослѣпла я, забыла все...

Сестра отыскивала ее въ темнотѣ, брала ее за руку ощупью же доводила до запертой тюремной двери и только этимъ нѣсколько успокоивала больную.

— Вотъ, Дунюшка, вотъ дверь, ощупай сама... Дверь-отъ, помнишь, выходитъ на полночь; такъ вотъ тутъ будетъ востокъ, а тамъ западъ, гдѣ солнушко садится.

— А гдѣ оно теперь, солнушко, садится или встаетъ.

— Охъ, миленькая! Сама не вѣмъ... кажись, теперь ночь...

Скоро она такъ ослабѣла, что съ трудомъ поднималась съ соломы. Она просила, чтобъ ее положили головой къ востоку...

— Такъ мнѣ легче... я буду думать, какъ солнушко встаетъ, какъ птички поютъ, какъ въ лѣсу листочки шепчутся.

Иногда она начинала тосковать о томъ, что не слышитъ больше церковнаго звону...

— Охъ, хоть бы разъ еще услыхать, какъ колокола звонятъ... Господи!.. А я не услышу... и по мнѣ, по моей душѣ звонить не будутъ...

Она до того обезсилѣла, что не могла руки поднять, не въ силахъ была креститься...

— Охъ, сестрица... возьми мою руку... правую... перекрести меня...

И Морозова становилась передъ нею на колѣни, брала ея руки, складывала ей истово исхудалые пальцы и дѣлала крестное знаменіе...

— А метаній я ужъ не дѣлаю... поклоновъ творить не могу,—тосковала больная.

— Я за тебя, миленькая, творю метанія, бью поклоны по сту и по тысячѣ,—успокаивала ее Акинфеюшка...

Скоро ее начали посѣщать видѣнія, грезы... Она все говорила съ собой...

— Вотъ свѣтло стало, я опять вижу... А, это отъ пожару... Ахъ, какой пожаръ!.. Кто это горитъ? Иванушка горитъ и кланяется... Хорошо Иванушкѣ, свѣтло... И вонъ тамъ свѣтло, Оленушку съ черкашениномъ вѣнчаютъ, съ Брюховецковымъ... Вонъ и Ѳедосьюшка тамъ, а гдѣ жъ я? Себя я не вижу... Чу! И звонъ слышу, вся Москва звонитъ, объ чемъ это звонятъ? А! Вижу: Никонъ идетъ въ Успенскій соборъ, да какой онъ сердитой... на кого онъ сердитуетъ? А! На Аввакума... Какъ играетъ Аввакумушко-свѣтъ съ Ванюшкой, велитъ ему перстики сложить, а онъ, глупенькой, ручками сороки сказываетъ: сорока-сорока, на порогъ скакала... А гдѣ же Ванюшка? Съ Дюрдемъ играетъ въ лошадки?.. Ахъ, Оленушка, Оленушка! Бѣдная она, въ черкаской сторонѣ, и мужа у нея убили черкаскіе люди... А какъ черкаскіе люди знаменіе творятъ? Тремя персты? Нѣтъ, нѣтъ, они не никонцы, ни еретики... Вонъ и царевну Софьюшку черкашенинъ учитъ всякимъ хитростямъ... какой черный, точно муринъ... Чудно мнѣ это: долго не видала, какъ солнушко всходитъ, а нонѣ вижу, и глядѣть на него больно... А кого это пытали въ ямской избѣ, въ застѣнкѣ? Ѳедосьюшку да Акинфеюшку? Да, и меня вѣшали на виску и въ хомутѣ пытали, а мнѣ не было больно... А когда жъ я ушла изъ земляной тюрьмы, изъ Боровска? А! Это тогда, вспомнила, какъ горѣли срубы, а на срубахъ стояли и кланялись намъ Иванушка да мать Юстина... Это мы улетѣли съ голубками вмѣстѣ...

Встали въ ея помутившемся разсудкѣ видѣнія прошлаго, безсвязные клочки воспоминаній изъ пережитаго и выстраданнаго... Слушая ея безпорядочный бредъ, Морозова глухо рыдала, молясь Богу о томъ, чтобы онъ возвратилъ разсудокъ ея несчастной сестрѣ, чтобы хоть умерла она въ памяти...

И несчастная, дѣйствительно, приходила иногда въ себя, но не на радость: она снова тоскливо спрашивала, гдѣ востокъ, не къ западу ли она лежитъ головой, и что теперь на дворѣ: день ли,

ночь ли, лѣто или зима уже? Иногда она страстно звала своего мужа, дѣтей, особенно любимца своего Юрья Дюрдю. И тогда сестра припадала къ ней и старалась утѣшить страдалицу, навести ея мысль на спасительный подвигъ, въ которомъ искушаетъ благой и кроткій Спаситель, самъ взывавшій на крестѣ: «Эли эли, лама самохѳани!..» Въ то же время, лаская ее, Морозова старалась осязаніемъ лица и тѣла бѣдной сестры, убѣдиться, въ какой мѣрѣ она худѣетъ, тая, какъ свѣчка, и пылая огнемъ.

Морозова чувствовала, что и ее покидаютъ силы. Съ трудомъ она творила положенное число метаній, забывала число сдѣланныхъ поклоновъ, забывала молитвы. Хоть бы на одинъ короткій часъ посѣтила ихъ мать Меланія, силы бы ихъ воротились опять, думалось ей часто. Но уже и всемогущая Меланія не могла проникнуть къ нимъ, хоть она и бродила тайно по Боровску и около тюрьмы, успѣла подкупить и привести въ свое согласіе всѣхъ стрѣльцовъ и караульщиковъ; одного только она не могла достигнуть, побѣдить подъячаго Кузмищева.

Передъ самой смертью къ Урусовой какъ будто воротился разсудокъ, и она сама сознала, что умираетъ, что минуты ея сочтены.

— Видѣла я сонъ, сестрицы мои миленькія,—говорила она передъ смертью,—дивенъ тотъ сонъ... Вижу я это: распаялось у меня на рукѣ золотое кольцо и покатилось по полу. А было это въ Успенскомъ соборѣ. Покатилось оно къ святымъ вратамъ, а я за нимъ иду... И, какъ живое, вскатилось оно на ступени, гдѣ дьяконъ евангеліе читаетъ, а я за нимъ... Оно дальше, я за нимъ... Оно въ царски врата, и я окаянная за нимъ, забыла, что женскому полу возбранено вхожденіе во святая святыхъ... Кольцо къ алтарю, и я, грѣшная, за нимъ. И что жъ бы вы думали, сестрицы мои? Въ алтарѣ стоитъ Аввакумушка-свѣтъ въ ризахъ блистанія и благословилъ меня крестомъ... На этомъ я и проснулась...

— Хорошій это сонъ, Дунюшка,—сказала Морозова,—твоя праведная душенька пойдетъ прямо къ престолу Господа.

— А поли отецъ Аввакумъ уже преставился?—какъ бы про себя спросила Акинфеюшка.

— Богу-то вѣдомо: може и отстрадалъ свое, и нонѣ въ ри-

захъ блистанія ликовствуетъ со Христомъ и съ блаженнымъ Ѳедюшкой и съ моимъ сынкомъ Ванюшкой.

Скоро Урусова опять впала въ безпамятство. Тогда Морозова и Акинфеюшка стали читать по ней отходную, какъ онѣ читали предъ сожженіемъ старицы Юстины.

Несчастная скончалась тихо, подъ похоронныя причитанья сестры, и ни Морозова, ни Аканфеюшка не слыхали, какъ и въ какой моментъ испустила послѣдній вздохъ та, надъ которой онѣ читали и пѣли отходный скорбный канонъ.

Когда Морозова припала къ сестрѣ, чтобы проститься, та была уже безжизненна и холодна. Морозова сначала не поняла, что съ сестрой, почему она похолодѣла; но когда припала къ ней, прислушалась къ дыханію, къ біенію сердца, ее охватилъ ужасъ: ни дыханія, ни біеній сердца уже не было...

Глухо застонала несчастная, осиротѣвшая сестра, прижавшись головой къ холодному трупу. Она особенно тосковала о томъ, что не видитъ лица умершей, не знаетъ, насколько смерть измѣнила его.

— О, Господи Боже! Хоть бы глянуть на нее, хоть бы разочекъ посмотрѣть на мертвый ликъ ея, на ея глазыньки, что отглядѣли уже, на уста мертвыя, не заговорить уже больше имъ... Матушка моя сестрица! Почто ранѣе меня ушла ко Христусвѣту, на кого меня въ сиротствѣ, въ темницѣ темной покинула? Али мы не во дружествѣ съ тобой жили, али не вмѣстѣ за Христа-свѣта муки терпѣли!

Потомъ она вспомнила, что воду и сухари сторожъ приносилъ недавно, а потому долго никто не будетъ знать о томъ, что у нихъ въ темницѣ мертвецъ лежитъ. Она бросилась къ двери, которую привыкла находить въ темнотѣ, начала стучать въ нее, сколько хватало силы, кричала, звала на помощь; но голосъ ея замиралъ въ мертвомъ подземельѣ. Но потомъ она даже какъ бы обрадовалась этому: несчастная думала, чѣмъ дольше не будутъ входить въ тюрьму, чѣмъ дольше не будутъ знать о смерти ея сестры, тѣмъ дольше дорогое тѣло ея будетъ оставаться съ ними, его не возьмутъ, не унесутъ отъ нихъ, не схоронятъ вдали отъ темницы.

Но проходилъ день за днемъ, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось имъ... Начиналось чувствоваться присутствіе разлагающагося трупа... И съ Морозовой отъ времени до времени стало

дѣлаться дурно, она падала на солому въ изнеможеніи и думала, что умираетъ... И ей стали представляться видѣнія изъ ея прежней жизни, чудныя картины прошлаго: она слушала кукованье кукушки въ батюшкиномъ саду, спрашивала, сколько ей жить, бѣгала по зеленому лугу за бабочками... И опять этотъ тѣнистый прудъ съ лебедями, и высвисты иволги въ зеленой листвѣ, и звуки охотничьяго рога за рощей, и встрѣча съ княжичемъ, что палъ на литовскихъ поляхъ въ бою съ Литвою... А тамъ переѣздъ изъ вотчины въ Москву, сватовство Морозова, жизнь при дворѣ, работы въ царицыныхъ мастерскихъ палатахъ, знакомство съ Аввакумомъ... Въ яркихъ, чудныхъ краскахъ вставало передъ ней это прошлое, счастье, богатство, честь и слава, и отъ всего этого она отвернулась, все промѣняла на иную славу, на славу безсмертія...

Но не легко дается смертнымъ безсмертіе, не легкою цѣною покупаютъ люди вѣчную славу...

Урусова уже купила ее, Морозова скоро, скоро купитъ...

Но вотъ слышится визгъ запора у наружныхъ дверей тюрьмы. Взвизгнули на ржавыхъ петляхъ и внутреннія двери. Вошелъ сторожъ съ обычною пищею и водою. На этотъ разъ онъ принесъ заключеннымъ еще по яблочку: на землѣ, значитъ, былъ праздникъ Воздвиженья честнаго креста Господня.

— Миленькой!—сказала Морозова принесшему пищу.—Погѣдай властямъ, что сестра моя, княгиня Евдокія, скончалася...

— Какъ скончалась?—удивился сторожъ.

— Да, скончалася, умре... похоронить ее надоть...

— Такъ отпѣть, значитъ бы? Попа позвать?

— Нѣту, миленькой, намъ никоніанскаго попа не надоть.

— Ну, инъ, какъ знаете.

Черезъ часъ послѣ этого въ тюрьму вновь отворилась дверь, и въ нее вошелъ Кузмищевъ, освѣщая путь восковою свѣчою. За нимъ шли знакомые уже намъ два ката съ рваными ноздрями. Они были съ заступами и лопатами, а на плечѣ у одного изъ нихъ лежала еще и рогожа.

Только теперь, въ первый разъ по заключеніи въ это подземелье, Морозова и Акинфеюшка, прожившія въ немъ, казалось, несмѣтное число дней и ночей или, вѣрнѣе, одну безконечную, страшную и томительную ночь въ могилѣ, только теперь онѣ увидѣли эту свою могилу при слабомъ мерцаніи восковой

свѣчи. Это былъ по-истинѣ могильный склепъ съ черными сверху и желтыми, глиняными земляными книзу стѣнами, выглаженными заступомъ и лопатою.

Кузмищевъ прямо направился къ тому мѣсту, гдѣ на соломѣ лежала покойница, и нагнувшись, освѣтилъ ея мертвое, искаженное страданіями, уже черно-синее лицо. Онъ невольно отшатнулся назадъ, вполнѣ убѣдившись, что «княгиня Овдотья Урусова помре»... Страшный ротъ и глаза ея были открыты и, казалось, грозно глядѣли въ мрачный потолокъ своей темницы, закрывшій отъ этихъ мертвыхъ очей голубое небо... Руки были сложены на груди... Никто бы, даже родная сестра не узнала бы въ этомъ обезображенномъ смертью лицѣ нѣкогда полное жизни, свѣжести и красоты лицо княгини Урусовой...

И Морозова въ первый разъ теперь увидѣла это незнакомое ей лицо... Она вскрикнула и упала на землю. Мужественная Акинфеюшка стала утѣшать ее...

Кузмищевъ, между тѣмъ, приказалъ тутъ же, въ западномъ углу темницы, копать могилу. Работа пошла быстро.

Морозова, придя въ себя, стала, сколько умѣла, отпѣвать сестру. Ей помогала Акинфеюшка.

Глухо раздавались по подземелью, смѣшиваясь съ ударами заступа и рыданіями, потрясающія душу возглашенія: «Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею»... «идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная»... «Со святыми упокой»... «и сотвори ей вѣчную память»...

Яма готова. Около умершей разстилаютъ рогожу. Морозова и Акинфеюшка кладутъ трупъ на рогожу и въ послѣдній разъ закрываютъ лицо мертвой.

У Кузмищева дрогнула свѣча въ рукѣ, когда палачи свалили въ яму трупъ и стали валить въ яму землю... Завалили и ногами утоптали... Кузмищевъ торопился уходить, точно его гнало что отсюда...

Снова исчезъ свѣтъ изъ подземелья, снова завизжали запоры у дверей, и все затѣмъ смолкло...

XX. Неудачное посольство.

Княгиня Урусова умерла 11-го сентября 1675 года. Зарыли же ее 14-го числа, въ день Воздвиженья честнаго животворящаго креста Христова. Три яблочка, принесенныя въ этотъ день сторожемъ узницамъ, остались несъѣденными.

Въ виду предстоящаго переѣзда на зиму изъ коломенскаго дворца въ кремлевскій, Алексѣй Михайловичъ въ послѣдній разъ тѣшился купаньемъ стольниковъ въ холодной водѣ коломенскаго пруда, когда Кузмищевъ явился къ нему съ извѣстіемъ о смерти Урусовой.

Ужъ всѣ провинившіеся стольники были выкупаны, когда къ царскому выходному крыльцу подошелъ этотъ вѣстникъ смерти. Онъ усердно дѣлалъ земные поклоны, словно бы это было передъ иконой, какъ вдругъ маленькій царевичъ, Петрушенька-свѣтикъ, будущій царь Петръ Алексѣевичъ, бывшій тогда уже по четвертому году, соскочивъ съ колѣнъ отца, сидя на которыхъ онъ забавлялся золотымъ наперснымъ крестомъ своего родителя, стремительно бросился къ Кузмищеву, схватилъ его за рукавъ и сталъ тащить къ пруду.

— Иди, иди; тебя топить будутъ,—лепеталъ маленькій царевичъ.

Подъячій, оторопѣлый, смущенный и присутствіемъ царя съ вельможами, и этими странными словами царевича, стоялъ, какъ истуканъ, не зная, какъ ступить, что подумать, куда повернуться; а Алексѣй Михайловичъ, видя его смущеніе и усилія его баловня, «вора Петрушеньки», затащить подъячаго въ прудъ, добродушно смѣялся.

— Ай да царевичъ, ай да Петрушенька! Знаетъ свое дѣло,—весело говорилъ онъ.

Царевичъ, между тѣмъ, видя, что неповоротливый подъячій не двигается, бросился къ отцу и повисъ у него на рукѣ.

— Батя-батя! Вели утопить его! Вели!—лепеталъ царственный ребенокъ.

Алексѣй Михайловичъ закатился самымъ искреннимъ смѣхомъ. За нимъ почтительно хихикали и бояре, любуясь сорванцомъ царевичемъ.

— Ахъ ты, воръ Петрушенька!—смѣялся тишайшій.—Да онъ, чу, не стольникъ, что его купать!

— Нѣтъ, батя, утопи ево!—настаивалъ ребенокъ.

Дѣло въ томъ, что маленькій царевичъ смѣшивалъ слова «купать» и «топить». Въ его дѣтской, умненькой головенкѣ засѣла мысль, что эти два понятія и дѣйствія, «купать» и «тонуть», однозначущи, тождественны; что «топить» значитъ только «дольше купать». И это понятіе сложилось въ его своеобразной головенкѣ тоже своеобразнымъ, самымъ оригинальнымъ путемъ... Живя лѣтомъ съ родителемъ въ Коломенскомъ, онъ каждое утро видѣлъ, какъ «батя» купаетъ стольниковъ. Маленькому царевичу это придворное занятіе казалось самымъ веселымъ изъ всего, что онъ видѣлъ вокругъ себя во дворцѣ. Онъ такъ пристрастился къ этимъ купаньямъ, что постоянно присутствовалъ при нихъ и несказанно радовался и хохоталъ, хлопая рученками, когда какой-нибудь бородатый стольникъ отчаянно барахтался въ водѣ, путаясь въ полахъ широкаго и долгополаго кафтана, и подчасъ захлебывался водой. Мало того, крошка царевичъ едва замѣчалъ вновь приходившаго стольника, запоздавшаго къ смотру, какъ уже самъ подбѣгалъ къ нему, хваталъ за рукавъ и тащилъ къ пруду, говоря: «иди, тебя топить будутъ». И бояръ, и царя это несказанное тѣшило. Нравилось это и самимъ купаемымъ стольникамъ, что вотъ-де ихъ самъ царевичъ-крошка купаетъ.

Но почему для маленькаго царевича «купать» и «топить» стали синонимами, на это была особая причина, хотя вытекавшая изъ того же источника, изъ купанья стольниковъ. Маленькій царевичъ, подражая батюшкѣ-царю, завелъ своихъ собственныхъ «стольниковъ», чтобы купать въ своемъ любимомъ пруду раньше батюшкиныхъ стольниковъ. Для царевича стольниками служили щенята и котята, которыхъ онъ и купалъ въ пруду. Дворская челядь, изъ угожденія царю и молодой царицѣ, которые души не чаяли въ своемъ умненькомъ не по лѣтамъ, остромъ, живомъ, какъ живое серебро, чадушкѣ, въ «ворѣ Петрушенькѣ», каждое утро стаскивала во дворецъ, къ царскому пруду, щенятъ и котятъ со всего Коломенскаго, и маленькій царевичъ, окруженный своею свитою, цѣлою оравою нянюшекъ и мамушекъ, изволилъ тѣшиться «по-батюшкову»: выходилъ къ пруду и самъ своими рученками бросалъ съ плота въ воду своихъ четвероногихъ стольниковъ. Который выкарабкивался изъ воды, того царевичъ тотчасъ же «жаловалъ», кормилъ молочкомъ и бѣлыми московскими сайками и калачами, а который

выбивался изъ силъ и тонулъ, того послѣ челядь вытаскивала изъ воды и забрасывала. На этомъ-то купаньѣ щенятъ и котятъ будущій преобразователь московскаго государства и усвоилъ себѣ оригинальное представленіе, что «купать» и «топить» одно и то же. Эти же дѣтскія забавы такъ пристрастили его къ пруду, что онъ почти весь днеь не отходилъ отъ него, то купая своихъ стольниковъ, то дразня лебедей, то гоняясь за лягушками. И мамушки, и нянюшки весь день бывало трепетали, боясь, какъ бы этотъ рѣзвый, никого не слушавшій и ничего не боявшійся царственный младенецъ не скувырнулся въ воду и не захлебнулся. Эти же забавы заставили царевича съ дѣтства привязаться къ водѣ вообще съ такою страстью, что впослѣдствіи онъ уже всю жизнь предпочиталъ воду землѣ, море сушѣ, заморщину всему родному, русскому...

Когда, наконецъ, Кузмищевъ былъ спрошенъ, съ какими вѣстями онъ прибылъ изъ Боровска, и доложилъ о смерти и погребеніи, на четвертый уже день, княгини Евдокіи Урусовой, и что боярыня Морозова попрежнему остается «жестоковыйною», царь сталъ и смутенъ, и гнѣвенъ, такъ что, когда маленькій царевичъ продолжалъ нудить и приставать къ нему, чтобъ «утопить» подъячаго, царь съ досады далъ ему маленькаго шлепка, велѣвъ итти къ нянькамъ и мамкамъ. Избалованный ребенокъ заоралъ, какъ простой смертный, благимъ матомъ и бросился на верхъ къ матери и теткамъ жаловаться на отца. Мать, конечно, приняла сторону ребенка, нагрузила его сластями, обѣщала утопить настоящаго стольника, а потомъ, при встрѣчѣ съ царемъ, сдѣлала ему, какъ теперь говорятъ, сцену, то есть попросту упрекала его, что онъ «не отецъ, а извергъ», не любитъ-де свое «собственное рожденіе»... Царь, по своему благодушію, оправдывался, говорилъ, что онъ смущенъ былъ извѣстіемъ о смерти княгини Овдотьи и о «жестоковыйности» сестры ея, да и «ребенка-де не зашибъ вовсе, а такъ малость самую шлепочка далъ»...

— Добро бы за дѣло ребенка обидѣлъ, а то на! Изъ-за этихъ святошъ-раскольницъ,—ворчала царица по уходѣ царя.

Ребенокъ запомнилъ эту сцену на всю жизнь: въ памяти его сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ отецъ разъ въ жизни далъ ему шлепка, и все это изъ-за какихъ-то «раскольницъ». Не милы затѣмъ остались ему раскольницы и раскольники, когда онъ и царемъ сталъ и брилъ россійское царство начисто...

Съ другой стороны, и царевна Ирина Михайловна, и царевна Софьюшка сдѣлали сцену: первая брату, а послѣдняя отцу, но уже не за Петрушеньку царевича, а за этихъ самыхъ гонимыхъ раскольницъ. Софьюшка, зная, что отцу очень нравится, когда она причесана такъ, какъ причесывалась ея мачиха, будучи еще въ дѣвушкахъ, заплетая косы «на заморской ладъ», и какъ послѣ того стали причесывать и Софьюшку царевну въ угоду отцу, взяла да на этотъ разъ и велѣла причесать себя «по старому», «по московски». Царь увидалъ эту перемѣну, зайдя по обыкновенію въ теремокъ дочери, и замѣтилъ при этомъ, что она дуется.

— Ты что, Софѣй, такой невеселый? — ласково спросилъ царь, догадываясь, что дочка заряжена, капризничать собралась. — А? Что, Софѣй?

— Я думаю о тетѣ Ѳедосьюшкѣ да о покойной тетѣ Дунѣ,— отрѣзала царю, надувъ губки.

Царь поморщился. Его и самого что-то грызло за сердце: «заварили кашу съ этими новшествами, кому-то расхлебывать будетъ?..»

— А ты что такъ причесана? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Такъ... по старому... Я и все буду дѣлать по старому безъ этихъ новшествъ, — снова отрѣзала, сдѣлавъ удареніе на словѣ «по старому»...

А когда пришелъ на урокъ Симеонъ Полоцкій, то заряженная Софьюшка ему просто нагрубила, сказавъ, что она «урка изъ ариѳметикіи не вытвердила, все читала псалтырь»...

Какъ бы то ни было, но смерть Урусовой произвела большое впечатлѣніе и на дворъ, и на всю Москву. Царь смущенъ былъ болѣе другихъ. Въ него невольно заползало сомнѣніе. Вправѣ-ли онъ былъ дѣлать все то, что привело царство къ такому всеобщему шатанью? Хорошо ли онъ сдѣлалъ, что допустилъ всѣ эти новшества? А вѣдь эти новшества не ограничились новыми книгами и троеперстнымъ сложеніемъ. Услужливые люди не разъ уже доводили до его свѣдѣнія о томъ, что въ народѣ молва идетъ «не хорошо-де въ народѣ толкуютъ» и насчетъ того, что молодая царица Наталья Кирилловна, попирая преданія старины и древляго благочестія, ѣздитъ въ открытой каретѣ и показываетъ свое свѣтлое лицо народу, «чего на московскомъ государствѣ не бывывало, какъ и свѣтъ стоитъ». Осуждали и то, что царь допускалъ «комидійныя дѣйства» и тѣшился ими, для чего построилъ

и «комидійныя хоромы». Мало того, набралъ нѣмцевъ и хохловъ и научилъ ихъ «комидійному дѣлу», играть на варганахъ и сопеляхъ, мало того — скакать и плясать и хребтами вихлять; а ужъ это совсѣмъ бѣсовское дѣло...

Смущенный царь позвалъ къ себѣ Симеона Полоцкаго и сталъ его спрашивать, хорошо ли онъ все это дѣлаетъ. Хитрый хохолъ сказалъ, что все, что дѣлаетъ онъ, царское пресвѣтлое величество, все это хорошо; что у иноземныхъ государей все это давно сдѣлано.

— Почему-жъ многіе меня за сіе осуждаютъ и не повинуются мнѣ? — спросилъ царь.

— По невѣдѣнію, великій государь, по темнотѣ разума своего, — уклончиво отвѣчалъ украинецъ,—и еще паче потому...— хитрый украинецъ остановился.

— Говори, Симеонъ, досказывай, не бойся.

— Потому, великій государь, что ты силою велишь дѣлать то, что самъ находишь хорошимъ. А человѣческое сердце такъ сотворено, что когда Господь сказалъ первому человѣку: «не вкуси отъ плода сего древа», онъ отъ него-то и вкусилъ паче. Запрещенный плодъ всегда сладокъ. А пускай сами они полюбятъ твое хорошее, и они съ радостію примутъ его. А прикажешь, не послушаются, умрутъ, а не послушаются, зане Богъ далъ человѣку свободную волю. Увѣрь его, и онъ послушаетъ тебя, а ни огня, ни меча не послушаетъ. И чѣмъ ты болѣе будешь гнать ихъ, мучить и казнить, тѣмъ скорѣе они будутъ нарождаться, яко тѣ миѳологійные драконовы зубы. А престань ихъ гнать, и они сами придутъ къ тебѣ. Дабы пояснить твоему царскому пресвѣтлому величеству сіе примѣромъ, я укажу тебѣ на мою милую родину, на Украину-неньку, какъ у насъ оную именуютъ. Доколѣ польское королевство не подвергло гоненію нашу христіанскую вѣру, дотолѣ украинскіе люди были вѣрнѣйшими слугами польскаго королевства. Егда же они попустили гоненіе на вѣру, какъ Малороссія свергла съ себя польское владычество и подклонилась подъ твою державную и милостивую руку. А повели ты украинскому народу креститься двоеперстіемъ, либо воспрети говорить малороссійскою рѣчью, чтобы говорили московскою, и се Всемогущій Богъ свидѣтель, что Малая Россія отложится отъ московскаго государства, и будутъ послѣдняя горше первыхъ...

Царь глубоко задумался надъ этими, какъ ему казалось, про-

роческими словами, и они долго не выходили у него изъ головы. Но когда онъ сталъ совѣтоваться съ своими боярами и митрополитами, то благія слова Симеона Полоцкаго тотчасъ же вылетѣли изъ памяти. Попы и бояре затвердили ему: «строптиваго накажи», и безвольный царь опять пошелъ по пути наказаній.

Въ Боровскъ былъ отправленъ Іоакимъ, архимандритъ чудовскій, уже извѣстный намъ «увѣщатель» строптивыхъ. Онъ долженъ былъ воспользоваться постигшимъ Морозову несчастьемъ, смертью сестры. Она поражена, убита горемъ; она, наконецъ, истомлена и тѣломъ, и духомъ. На нее могутъ теперь подѣйствовать увѣщанія, проникнуть въ ея истомившуюся душу, какъ благодатный дождь въ разрыхленную засухами землю; осиротѣлая овца услышитъ и послушается гласа пастыря своего...

Такъ думали въ Москвѣ. Горда и непреклонна была боярыня въ своей боярской обстановкѣ, когда вся Москва на нее взирала и дивилась ей: было изъ чего набраться «жестоковыйности». Теперь не то: было когда и отчего одуматься и смириться.

Пріѣхавъ въ Боровскъ, Іоакимъ отправился въ тюрьму въ сопровожденіи Кузмищева. Когда дверь отворилась и подъячій вошелъ со свѣчой, Морозова поднялась было съ соломы, на которой лежала: смерть сестры сломила и ее; она сама теперь стала недомогать, часто лежала, съ трудомъ творила положенное число метаній и, поклонившись въ землю, иногда не въ состояніи была сама подняться на ноги, и тогда поднимала ее Акинфеюшка. Поднявшись при входѣ Кузмищева, она увидала, что за нимъ идетъ Іоакимъ съ крестомъ въ рукѣ. Она тотчасъ же снова опустилась на солому, бросивъ на архимандрита понятный ему взглядъ: «что де передъ тобой и передъ твоимъ крестомъ я стоять не буду».

Это нѣсколько смутило Іоакима.

— Дочь моя... — началъ онъ было.

— Ты мнѣ не отецъ и я тебѣ не дочь, — рѣзко перебила Морозова; — али тѣмъ только отецъ, что въ застѣнкѣ на дыбу меня подымалъ?

— Не я подымалъ, подымала тебя твоя грубость великому государю, — возразилъ Іоакимъ.

— Такъ ты и нонѣ отъ него?

— Отъ него.

— Знаю... Не онъ послалъ тебя ко мнѣ, а вы, отъявъ у него зрѣніе и разумъ, прислали ко мнѣ посломъ его безуміе и слѣпоту.

— А ты попрежнему грубно отвѣщаешь послу государеву.

— Я послѣдую угодникамъ: они грубнѣе того отвѣщевали посламъ Діоклетіана... И ты отъ Діоклетіана.

Кузмищевъ глянулъ на Іоакима, какъ бы говоря: «одинъ съ ней разговоръ, на кострѣ». Архимандритъ, однако, надѣялся подѣйствовать на непреклонную ласкою и обѣщаніями. Онъ такъ и началъ говорить:

— Послушай, боярыня: великій государь, помня честь и заслугу дядьки своего Бориса Морозова и мужа твоего службу, хощетъ возвести тебя на такову степень чести, каковой у тебя и въ умѣ не бывало.

— Не велика его честь, коли я промѣняла ее на сей вертепъ, — указала упрямица на мрачныя стѣны подземелья.

— Твоя была воля, боярыня.

— Не моя, а Господова.

— Господь и меня послалъ нынѣ къ тебѣ: покорися царю, воздай кесарево кесареви...

— О, сатана!—страстно воскликнула Морозова, всплеснувъ руками.—Припомяни тѣ же словеса евангелія, ими же ты яко собака на Христа лаешь. Помнишь ли ты, чернецъ, когда Христосъ постился въ пустынѣ и приступи къ Нему діаволъ, и ятъ Его въ Іерусалимъ, и постави Его на крылѣ церковномъ и рече Ему: «аще Сынъ еси Божій, верзися отсюда долу: писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранити Тя, и на рукахъ возьмутъ Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою...» Слышишь, чернецъ? Діаволъ заговорилъ отъ писанія! Діаволъ сказалъ Христу: «писано бо есть»... О фарисей! И ты говоришь отъ писанія о кесарѣ!

— Я говорю о великомъ государѣ, — заторопился смущенный архимандритъ; — онъ обѣщаетъ тебѣ великую милость и честь велію, если ты...

Морозова перебила его, вскочивъ въ нетерпѣніи съ соломы и опять опускаясь на-земь.

— О, чернецъ! — сказала она съ горькою усмѣшкою.—Зачѣмъ ты идешь въ слѣдъ діавола? Припомяни тоже божественное слово: «И возведъ Его діаволъ на гору высоку, показа Ему вся царствія вселенныя въ чертѣ времяннѣ, и рече Ему діаволъ:

«Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ, яко мнѣ предана есть и ему же аще хощу, дамъ ю: Ты убо аще преклонишися предо мною, будутъ Тебѣ вся...»

Кузмищевъ удивленно качалъ головой: «ну, баба!» думалось ему: «любова попа за поясъ заткнетъ». Іоакимъ краснѣлъ со стыда и досады.

— Такъ поди къ царю,—продолжала Морозова уже совсѣмъ спокойно, — раскрой передъ его омраченными очами евангеліе отъ Луки, главу четвертую, и прочти ему отъ стиха перваго даже до стиха четырнадцатаго.

— Аминь! — громко сказала все время молчавшая Акинфеюшка.

— Скажи царю, — продолжала Морозова, — у меня здѣсь въ темницѣ есть такое великое сокровище, каково царю не купить за всѣ богатства.

И она указала на маленькій земляной холмикъ, высившійся въ одномъ углу подземелья: то была могилка ея сестры.

— Я хочу лечь рядомъ съ нею,—заключила она свои слова.

— Такъ это твои послѣднія слова? — съ досадою спросилъ архимандритъ.

— Нѣтъ, не послѣднія. Еще скажи царю: пускай онъ готовится отвѣчать предъ Господомъ на страшномъ судѣ, когда обыдетъ его сонмъ казненныхъ имъ невинно и каждый возопіетъ: «отдай мнѣ языкъ мой, что ты у меня урѣзалъ», другой «собери кости мои и пепелъ отъ костей моихъ, и власы отъ головы моей, собери на мѣстѣ костра, гдѣ ты сжегъ меня и пепелъ мой вѣтрамъ и дождямъ отдалъ»... Пусть готовитъ отвѣты всѣмъ удавленнымъ, обезглавленнымъ, утопленнымъ по его повелѣнію. Пускай и мнѣ готовитъ свой отвѣтъ за моего сына и за сестру мою... А теперь иди и такожде готовься самъ къ отвѣту на судѣ Бога вселенскаго.

Силы оставили ее, и она безъ чувствъ упала на солому...

— Ну, баба! — бормоталъ Кузмищевъ, выходя съ архимандритомъ изъ подземелья. — Сущій Стенька Разинъ.

XXI. Смерть Морозовой.

Сущій «Стенька Разинъ», однако, всего только однимъ мѣсяцемъ и тремя недѣлями пережилъ свою сестру. Со смерти Урусовой, Морозова таяла съ каждымъ днемъ. Она уже почти не вставала и на молитву: за нее молилась Акинфеюшка. Слухъ больной такъ обострился, что она, лежа на соломѣ, большею частью съ закрытыми глазами, потому что все равно ничего не видно было въ кромѣшной тьмѣ подземелья, своимъ чуткимъ слухомъ прислушивалась, какъ молилась ея «свѣчечка передъ Господомъ», какъ она называла теперь Акинфеюшку, и считала ея поклоны.

— Сто да полтараста, полтретьяста, — раздавался иногда ея слабый голосъ, — передохни малость, моя свѣчечка восковяровая.

Но Акинфеюшка не хотѣла передохнуть, и опять слышался слабый шелестъ соломы, на которую падали колѣни молящейся. А Морозова лежала съ закрытыми глазами, слушала этотъ шелестъ соломы, тяжелое дыханіе и иногда слабый хрустъ уставшихъ членовъ и шевелила губами.

— Четыреста, девяносто девять, пятьсотъ!.. Будетъ, свѣчечка!

Акинфеюшка переставала молиться и садилась около больной. Руки и той, и другой взаимно тянулись къ лицамъ и взаимно осязали ихъ: руки замѣнили имъ глаза во мракѣ.

— Устала ты, свѣчечка, притомилась: вонъ лобъ и виски мокры.

— Ничево, сестрица: я молиться горазда, здорова... А вонъ ты-то, вижу, таешь...

— Такъ-ту, свѣчечка, легче будетъ къ Богу летѣть, дымкомъ кадильнымъ...

— О-охъ! А я-то съ кѣмъ буду?

— Не тужи, свѣчечка: я къ тебѣ стану пташкой прилетывать...

Въ это время мысли больной почти исключительно витали въ прошедшемъ, и она, какъ бы, думала вслухъ.

— А небо-то, небушко голубое пологомъ надъ тобою раскинулось, и конца-краю ему нѣту и не бывало... А я лежу, младая

дѣвынька, въ травѣ, руки подъ голову заложила, лежу и думаю, глядючи на небо. А по небу лентою тянутся гуси, на теплыя воды летятъ, высоко-высоко надъ землею, и я слышу говоръ ихъ межъ собою... И сама, кажись, я лечу съ ними на теплыя воды, въ невѣдомыя земли, къ морямъ синимъ, и подо мною грады и веси, рѣки и озера «вся царствія вселенныя въ чертѣ времяннѣ»...А надо мною пчелки летаютъ-жужжатъ, козявочки махоньки... И слышно мнѣ, какъ въ отъѣзжемъ полѣ собаки лаютъ, это батюшка съ охотою тѣшится... И какъ же любилъ меня батюшка! Я была ево дрочоное дите, холеное, вѣтру, кажись, не давалъ онъ на меня дохнуть... А какъ я ево любила! Да и не диво: я матушки не запомню... Да, свѣчечка, то было мое райское житіе, когда мы съ батюшкой въ вотчинахъ ево жили... Тамъ мой рай и кончился... Тамъ и княжича я спознала, жениха свово, что на Литвѣ сложилъ свою кудрявую головушку...

Акинфеюшка безмолвно слушала ее, держа за руку и съ грустью передумывая также и свое прошлое, свою бродячую жизнь. Съ особенной яркостью выступали передъ нею ея странствія по Малороссіи, по этой черкаской сторонѣ, которая теперь изъ ея мрачной темницы представлялась ей какою-то волшебною, сказочною страною, и, казалось, отъ самыхъ воспоминаній о ней вѣяло тепломъ и свѣтомъ... «Ужъ и что это за сторонка! Излюбленный Господомъ вертоградъ цвѣтной... Не диво, что въ одномъ Кеивѣ, въ пещерахъ, болѣ угодниковъ, чѣмъ во всемъ московскомъ государствѣ», думалось ей.

— А помнишь, свѣчечка, какъ мы съ тобой спознались?

— Какъ не помнить! Аввакумушко свелъ.

— Аввакумушко, точно... Что-то онъ?

— Да... Богу то вѣдомо...

— А помнишь ту ночь, какъ мы къ Степану Разину ходили?

— Подъ ево окошко тюремное, да.

— И голосъ помнишь ево?

— Помню... «Не шуми ты, мати, зеленая дубровушка»...

— А на Лобномъ-ту мѣстѣ, на плахѣ?

— Да, страшно подумать.

— А я думаю, свѣчечка... я много объ немъ думала... У него я научилась терпѣть... Только не привелъ мнѣ Богъ дождаться того, чево я искала...

— А чево, сестрица?

— Ево смерти, на глазахъ у всей Москвы.

— Что ты, милая! Зачѣмъ?

— А то такъ-ту лучше спить, какъ мы тутъ гніемъ? Никому не въ поученіе... А то, глядя на насъ, и другіе бы учились умирать.

Но скоро и эти грустныя бесѣды и воспоминанія прошлаго все рѣже и рѣже становились. Морозова по цѣлымъ днямъ лежала безмолвно, и только, когда Акинфеюшка начинала горько плакать на молитвѣ, она силилась утѣшать ее.

— Не плачь... думай лучше о томъ, какъ тамъ всѣ встрѣтимся...

— Меня не беретъ Богъ.

— Проси... толцы двери гроба, отверзутся...

Чувствуя, наконецъ, что приходятъ ея послѣдніе дни, Морозова воспользовалась однажды появленіемъ въ тюрьмѣ сторожа съ водою и сухарями, чтобы обратиться къ нему съ послѣднею просьбою.

— Миленькій, братецъ, — слабо сказала она, — вѣруешь ты въ Христа?

— Какъ же, матушка, не вѣрить-ту? — удивленно спросилъ простодушный стражъ.

— А въ церкви бывалъ?

— На мнѣ, чаю, крестъ, какъ не бывать?

— А слышалъ, какъ на страстяхъ читаютъ про то, какъ Христа распяли, и какъ Онъ-свѣтикъ скончался.

— Знамо, слыхали.

— А помнишь, тамъ читаютъ, что когда Ево, Батюшку, сняли со креста, то Іосифъ Аримаѳейскій взялъ тѣло Христово и, плащаницею чистою обвивъ...

— Таково, кажись, не слыхивали.

— Ну, вотъ что, миленькой: я скоро помру, я ужъ не жилица... Такъ именемъ Христа молю тебя, исполни мою послѣднюю просьбу... Не хочу я итти ко Христу въ грязной срачицѣ... Такъ будь милосердъ, возьми мою сорочку, голубчикъ, вымой ее въ рѣкѣ... Я за тебя Богу буду молиться.

Сторожъ исполнилъ послѣднюю просьбу умирающей.

Наканунѣ смерти, прислушиваясь къ давно знакомымъ ей звукамъ, къ шуршанью соломы отъ поклоновъ Акинфеюшки, она вдругъ остановила ее.

— Постой, свѣчечка моя передъ Господомъ... будетъ ужъ... сгасни, потухни, лампада моя... Давай пѣть отходную по душѣ моей...

Акинфеюшка перестала молиться. Умирающая начала было читать отходную, но память и языкъ отказывались служить ей: она часто останавливалась и слушала, какъ читала Акинфеюшка. Потомъ опять начинала и опять обрывалась.

— Вотъ я и отхожу... Упроси, милая, стражей вырыть мнѣ ямку тамъ...

Акинфеюшка, плача, цѣловала ея холодѣющія руки.

— Да положи такъ... знаешь... чтобъ моя рогожа... близко... съ ея бы рогожкою вмѣстѣ...

Въ послѣдніе часы умирающая бредила тѣмъ, что она называла «райскимъ житіемъ», своею раннею молодостію, далекими вотчинами своего отца, и только на мгновенія приходила въ себя.

— Небо... все небо кругомъ... зелень... лебеди кричатъ... меня ждутъ... Да, сестрица, не забудь... какъ отходить стану... сложи персты мои... такъ сложи... истово... Иволга свиститъ... а вонъ кукушка закуковала... куку-куку... сколько мнѣ лѣтъ жить... много, много, лѣтъ... наживусь... счету нѣтъ ея кукованію... счету не будетъ годамъ моимъ... все кукуетъ, все кукуетъ...

Въ ночь съ 1-го на 2-е ноября 1675 года и сама она откуковала.

Акинфеюшка исполнила ея завѣтъ: въ ея рукѣ закоченѣла правая рука умершей съ сложенными истово двумя перстами...

XXII. Сожженіе Аввакума.

Такъ одинъ за другимъ сходили со сцены первые дѣятели великой исторической драмы, идущей на исторической, чисто народной русской сценѣ вотъ уже третье столѣтіе. Много перебывало актеровъ на этой обширной, почти неизмѣримой сценѣ. Съ правой стороны, изъ-за великихъ историческихъ кулисъ, выходили актеры съ чисто русскимъ типомъ, съ великими, шекспировскими характерами, въ родѣ Аввакума, Морозовой и ихъ послѣдователей. Съ лѣвой же стороны, изъ-за этихъ же историческихъ кулисъ, выступали другого сорта актеры, иногда съ та-

кимъ же русскимъ типомъ, какъ князь-кесарь Ѳедоръ Юрьичъ Ромодановскій, Андрей Иванычъ Ушаковъ, Степанъ Иванычъ Шешковскій, иногда же и нѣмцы... Лѣвые постоянно сгоняли со сцены правыхъ, вгоняли ихъ въ темницы, въ могилы; всѣ они, какъ тѣнь Банко, выходили изъ могилъ и являлись на сценѣ съ тѣми же двумя истово сложенными перстами.

Они выходятъ на сцену доселѣ, и ихъ гонятъ, гонятъ, и все не могутъ согнать со свѣту, потому что ихъ дѣло, правое дѣло, дѣло совѣсти, и если бы на страницахъ исторіи могла выступать краска стыда, то страницы, на которыхъ написаны имена актеровъ лѣвой стороны, казались бы совсѣмъ кровавыми...

Возвратимся къ самому первому актеру правой стороны, къ Аввакуму.

Четырнадцать лѣтъ томился онъ въ земляной тюрьмѣ въ Пустозерскѣ. Онъ пережилъ почти всѣхъ своихъ учениковъ и ученицъ, и Ѳедю юродиваго, котораго удавили въ Мезени, и Морозову съ Урусовой, истаявшихъ въ Боровскомъ подземельѣ, и многихъ другихъ, имена которыхъ не сохранила исторія. Онъ, сидя въ своемъ подземельѣ, все молился да разговаривалъ то съ вороною, каркавшею у него на крестѣ землянки, то съ воробьемъ, прилетавшимъ на его оконце клевать крошки, насыпаемыя туда узникомъ, то съ мышенкомъ, что погрызывалъ его сухарики, то, наконецъ, съ паукомъ, спускавшимся съ потолка на звонъ его цѣпей, говорилъ затѣмъ, чтобъ не разучиться говорить и Бога славить, говорилъ, молился и писалъ, безъ конца писалъ, разсылая свои посланія по всей русской землѣ съ помощью увѣровавшихъ въ него тюремщиковъ.

Вотъ и теперь онъ пишетъ, согнувшись въ три погибели, а на оконцѣ чирикаетъ воробей, мышенокъ шуршитъ соломой, утаскивая къ себѣ сухарикъ, Аввакумомъ же для него припасенный; ворона попрежнему каркаетъ на крестѣ...

— Во вѣки вѣковъ, аминь! — съ силою вздохнулъ старикъ, положилъ перо за ухо и разогнулъ спину. — Кончилъ!.. А ты каркай не каркай, подлая, не будешь ѣсть мово мясца...

Онъ сталъ перелистывать лежавшую у него на колѣняхъ тетрадь.

— Ну-ко, что я понѣ въ концѣ нацарапалъ? Прочту.

И онъ сталъ читать вслухъ: «Егда я еще былъ попомъ, съ первыхъ временъ какъ подвигу касаться сталъ, бѣсъ меня пу-

живалъ сице: изнемогла у меня жена гораздо и пріѣхалъ къ ней отецъ духовный; азъ же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь нощію глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришелъ, стольникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ стольникъ на мѣстѣ своемъ. И я, не устрашась, помоляся предъ образомъ, осѣнилъ рукою стольникъ и пришедъ, поставилъ его, и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ во гробѣ стоялъ и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылась доска и саванъ шевелиться сталъ, устрашая меня. Азъ же, Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца, и бысть попрежнему все, ино ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, устрашая меня. Азъ же, помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ приступя: а онѣ по-старому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково-то ухищреніе бѣсовское къ намъ! Да полно того говорить!»

Онъ помолчалъ немного, прислушался къ отдаленному стуку топоровъ.

— Чтой-то они тамъ строютъ? Вотъ съ самово утрея топоры говорятъ... Ужъ не срубъ ли мнѣ работаютъ?.. Дай-то, Господи!.. Хощу славы сей...

Онъ задумался. Сѣдая голова его тихо качалась. Нечесанныя космы свѣсились на лицо. Онъ взялъ одну прядь!

— Ишь, бѣлы, что снѣгъ, паче снѣга убѣлились... бѣлы... серебро, чистое серебро... Ужъ я и забылъ, каковы они смолоду были... черны, кажись, ни то русы.

Онъ махнулъ рукой и опять нагнулся къ тетради.

«Ну, старецъ, моего вяканья вѣдь много ты слышалъ. Отъ имени Господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-тѣ тебя яли... и какъ бѣсъ-отъ дрова-тѣ сожегъ и какъ келья-то обгорѣла, а въ ней цѣло все, и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко. Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, елики сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ дѣяніяхъ зачатокъ тридцать пятой и сорокъ вторая и величашеся имя Господа Іисуса, мнози

же отъ вѣровавшихъ прихождаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя, да и много того найдется въ апостолѣ и въ дѣяніяхъ. Сказывай, не бойся, лишь совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ищи, говоря, но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ Христовъ веселится, чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ да помянетъ предъ Богомъ насъ, а мы о чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди, и будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣковъ аминь» *)

— А все стучатъ топоры... Ну, инъ-съ Богомъ: стучите, стучите,топорики... Можетъ мнѣ печечку-ту воздвизаете, коровай въ той печкѣ изъ меня Христу печи будутъ.

Онъ перекрестился, свернулъ тетрадь, взвѣсилъ ее на рукѣ.

— А тяжеленька-таки, многонько настрочилъ... Только свѣтамъ моимъ, Ѳедосьюшкѣ, да Овдотьюшкѣ, не читать ужъ мово вяканья, отчитали свое... тѣлеса ихъ святыя въ Боровскѣ, въ землѣ темничнѣй, почиваютъ, а сами онѣ, свѣты, нонѣ ликъ Христовъ читаютъ, ликовствуютъ... О, свѣты, свѣтики мои! Голубицы бѣлыя! Какъ я, старой песъ, любилъ ихъ, бѣленькихъ и тѣльцемъ, и духомъ!

Вдругъ что-то влетѣло въ оконце и упало къ ногамъ его...

— Ноли воробышекъ? Нѣтъ... Что бы это такое было?

Онъ сталъ искать въ соломѣ. Руки его ощупали камень, обернутый бумажкой.

— Писаніе... отъ кого?.. Благослови, Господи!

Онъ перекрестился и развернулъ бумажку. Руки его дрожали. На бумажкѣ было что-то нацарапано.

«Смиренная и убогая старица Меланія...»

— Меланія! Владыко всемилостиве! Какъ она сюда попала!

«Смиренная и убогая старица Меланія преподобному Аввакуму, пророку и посланнику Бога живаго, столпу непоколебимому православія, солнцу правды, адаманту вѣры правыя, о Христѣ радоватися. Приспѣ бо часъ твой. Уготована убо огненная колесница, на ней же нынѣ вознесешись ко Господу. Аминь».

Что выражало лицо его, неизреченное ли блаженство или невыразимый ужасъ, когда онъ упалъ этимъ лицомъ на солому и не своимъ голосомъ выкрикнулъ: «да будетъ воля Твоя!», это извѣстно только тѣмъ, которые умирали за идею...

---

*) Изъ «Житія протопопа Аввакума», имъ самимъ писаннаго.

Черезъ часъ, изъ открытой двери подземелья, въ которомъ четырнадцать лѣтъ высидѣлъ Аввакумъ, ни разу не видавъ ни неба, ни земли, вышелъ стрѣлецъ съ алебардой, а за нимъ Аввакумъ, сопровождаемый другимъ стрѣльцомъ. Узникъ, которому казалось лѣтъ подъ восемьдесятъ, ступивъ на землю, поднялъ голову и нѣсколько минутъ стоялъ такъ, глядя на небо, на бѣловатыя облачка, кучившіяся къ полудню, на свою землянку, на темную зелень далекаго бора, какъ бы стараясь что припомнить и убѣдиться, такъ ли все еще сине и глубоко небо, какимъ оно было четырнадцать лѣтъ назадъ, такъ ли свѣтитъ въ этой голубой выси солнце, такъ ли, какъ прежде, плаваютъ по небу облачка, зеленѣетъ лѣсъ, порхаютъ въ воздухѣ ласточки, стрижи...

Убѣдившись, что міръ Божій остался все такимъ же прекраснымъ, какимъ былъ и четырнадцать лѣтъ назадъ и въ дни его юности, онъ какъ-то ни то горько, ни то радостно тряхнулъ головой и, смахнувъ со щекъ выкатившіяся изъ глазъ слезы, широко, размашисто, перекрестился. Онъ хотѣлъ было двинуться за переднимъ стрѣльцомъ дальше, къ выходу изъ ограды, которою обнесена была его тюрьма, какъ услыхалъ позади себя звяканье цѣпей. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, какъ изъ трехъ другихъ такихъ же, какъ его, землянокъ выходили тоже узники съ стрѣльцами, и въ этихъ узникахъ онъ отчасти узналъ, отчасти догадывался, что узналъ,—такъ неузнаваемо измѣнились они въ четырнадцать лѣтъ!—друга своего, попа Лазаря, дьякона Благовѣщенскаго собора Ѳедора и духовника своего инока Епифанія, того самаго, которому онъ сейчасъ только писалъ въ «житіи» своемъ, какъ «Богородица бѣса въ рукахъ мяла и ему, Епифанію, отдала» и прочее.

Аввакумъ радостно всплеснулъ руками.

— Други мои, свѣты!.. Вмѣстѣ ко Господу идемъ!

— Аввакумушко! Протопопъ Божій!

— Епифанушко миленькій! Ѳедорушко братецъ!

— Живы еще! Всѣ живы! И помремъ вмѣстѣ!.. Лазарушко, и ты съ нами!

Они обнимались и плакали, звеня цѣпями. Стрѣльцы, глядя на нихъ, супились и отворачивались, чтобы скрыть слезы.

Звякнула щеколда оградной калитки, калитка распахнулась, и въ ней показалось красное, прыщеватое лицо «людоѣда».

— Эй! Лизаться, пустосвяты, вздумали!—закричалъ Кузмищевъ.—Еще нацѣлуетесь съ дымомъ да съ полымемъ... Веди ихъ, стрѣльцы!

Узниковъ развели и повели гуськомъ къ калиткѣ. Впереди всѣхъ шелъ Аввакумъ. За тюремной оградой глазамъ арестантовъ представился большой срубъ, наполненный щепами и установленный снопами сухого сѣна, перемѣшаннаго съ берестой да паклей. Около сруба толпился народъ.

Кузмищевъ, взявъ у стоявшаго около сруба съ зажженными свѣчами монаха четыре восковыхъ свѣчечки, роздалъ ихъ осужденнымъ.

— За мною, други мои, вѣнцы царски ловить!—воскликнулъ Аввакумъ, поднимая вверхъ свѣчу и твердо всходя на костеръ.

Товарищи послѣдовали за нимъ и стали на кострѣ рядомъ, взявшись за руки.

Кузмищевъ досталъ изъ-за пазухи бумагу, медленно развернулъ ее, откашлялся. Но въ этотъ моментъ Аввакумъ, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, быстро нагнулся и, подобно старицѣ Юстинѣ въ Боровскѣ, въ разныхъ мѣстахъ самъ своею свѣчею подпалилъ сѣно и бересту. Пламя мгновенно охватило костеръ... Въ толпѣ послышались крики ужаса... Всѣ поснимали шапки и крестились...

Подъячій окончательно растерялся...

— Охти мнѣ!.. Ахъ, изверги!..

Изъ пламени высунулась вся опаленная чья-то рука съ двумя истово сложенными пальцами...

— Православные! Вотъ такъ креститесь!—раздался изъ пламени сильный рѣзкій голосъ Аввакума.—Коли такимъ крестомъ будете молиться, во вѣкъ не погибнете, а покинете этотъ крестъ, и городъ вашъ песокъ занесетъ, и свѣту конецъ настанетъ!

— Аминь! Аминь! Аминь!—прозвучалъ въ толпѣ голосъ, столь знакомый всей Москвѣ.

Изъ толпы выдѣлился черный низенькій клобучекъ, а изъ-подъ клобучка свѣтились зеленоватымъ свѣтомъ рысьи глазки матери Меланія.

— Охти мнѣ! Ахъ, злодѣи, воры, аспиды!—метался подъячій съ бумагою въ рукахъ.

Костеръ, между тѣмъ, трещалъ и пылалъ, какъ одна гигант-

ская свѣча, отъ которой огненный язычище съ малыми язычками высоко взвивался къ небу, обрываясь тамъ, развѣваясь и расплываясь въ воздухѣ сѣрою дымкою.

Кругомъ, казалось, все засумрачилось, потемнѣло, словно бы на землю разомъ опустились сумерки. Онѣмѣвшій отъ страха народъ не смѣлъ шевельнуться. Сумракъ сгущался все болѣе и болѣе. Костра уже не было—оставалась и перегорала огромная куча огненнаго угля...

Вдругъ какъ изъ ведра полилъ дождь...

— Батюшки! Православные! Небо плачетъ! Небушко заплакало отъ эково злодѣянія! О-о-охъ!—раздался въ толпѣ отчаянный вопль женщины.

Кузмищевъ встрепенулся, словно его кнутомъ полоснуло.

— Эй! Лови ее, лови! Держи воруху! Держи злодѣйку!

Но Меланіи, это она выкрикнула, и слѣдъ простылъ... «Въ воду, братцы, канула, сгинула, провалилась»...

Народъ сунулся къ залитому огнемъ костру, собирать на память «святыя косточки», чтобъ разнести ихъ потомъ по всему московскому государству... Аввакумъ былъ правъ, говоря о сожигаемыхъ: «изъ каждой золинки ихъ, изъ пепла, аки изъ золы феникса, изростутъ милліоны вѣрующихъ...» Такъ и вышло...

XXIII. Смерть Никона. Заключеніе.

Въ то время, когда въ Пустозерскѣ дымъ и чадъ отъ сожигаемаго Аввакума сѣрыми облачками возносился къ пасмурному небу, въ Кирилловомъ монастырѣ, на Бѣломъ озерѣ, врагъ и погубитель всей жизни перваго расколоучителя, Никонъ, умиралъ медленною, мучительною смертью всѣми забытаго старика и заточника.

Когда черезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Морозовой, въ концѣ января 1776 года, умеръ тишайшій и благочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи, и преемникъ его, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, послалъ къ Никону съ дарами и съ вѣстью Лопухина просить у старика прощенія и разрѣшенія покойному царю на бумагѣ, то Никонъ, по обыкновенію, заупрямился.

— Богъ его проститъ,—отвѣчалъ онъ,—ино въ страшное пришествіе Христово мы будемъ съ нимъ судиться; я не дамъ ему прощенія на письмѣ!

Пользуясь этимъ, на Никона къ царю полѣзли доносчики: вывели на Божій свѣтъ и застрѣленнаго имъ баклана, и высѣченнаго изъ-за «добро-ста» поварка Ларку, и раздѣтую для лѣченія бабу Киликейку...

Никона перевели въ болѣе тяжкое заточеніе, въ Кирилловъ монастырь, старцы котораго и прежде постоянно сердили сварливаго старика, то привозя ему въ пищу грибовъ съ мухоморами, то «напуская къ нему въ келью чертей», то говоря, что онъ у нихъ въ монастырѣ «всѣхъ коровъ переѣлъ»...

Въ Кирилловѣ Никонъ таялъ съ каждымъ днемъ. Онъ уже съ трудомъ передвигалъ отъ старости свои больныя и усталыя ноги, посхимился, готовился къ смерти...

Объ этомъ донесли куда слѣдуетъ: умираетъ-де старецъ Никонъ, какъ и гдѣ похоронить его?

И тогда изъ Москвы пришла милость: порадовать-де заточника свободой хоть передъ смертью...

Порадовали... Повезли въ Воскресенскій монастырь... Ему страстно, передъ смертью теперь, захотѣлось взглянуть, цѣло ли попыпѣ тамъ, на переходахъ его келіи, то ласточкино гнѣздо, которое онъ пощадилъ когда то, не разметалъ клюкою...

Больного Никона изъ Кириллова монастыря привезли на берегъ Шексны, посадили въ стругъ и, по его желанію, поплыли внизъ къ Ярославлю, а отуда къ Нижнему, къ тому далекому селу, гдѣ родился онъ и бѣгалъ маленькими босыми ногами, счастливый, невинный... Хотѣлось ему передъ смертью взглянуть на родное село, потомъ на ласточкино гнѣздо въ своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ, а тамъ и на Москву, послушать въ послѣдній разъ могучаго звону всѣхъ сорока сороковъ, вспомнить свое патріаршество, свое царство, какъ они дѣлили его съ покойнымъ «собиннымъ» другомъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ...

Это было въ августѣ 1681 года. Дорогой, во время плаванія, погода стояла сухая, тихая, теплая, ясная, словно весенняя. Зелень еще не начинала желтѣть, паутина еще не тянулась серебряными нитями въ воздухѣ, и только ранняя перелетная птица, гуси и лебеди, звонко перекликались глубоко въ небѣ, напоминали, что они летятъ на теплыя воды, на полдень, туда же, куда, казалось, медленно плылъ и стругъ Никона...

Цѣлые дни сидѣлъ онъ и больше лежалъ на своей дорожной

зностели, кутая холодѣющія ноги и глядя на воду, на медленно убѣгающіе берега рѣки, на рощи, синѣющія вправо и влѣво, на красноватые береговые обрывы и красивые изломы горъ, на селенія, то тамъ, то здѣсь какъ бы выбѣгавшія на берегъ посмотрѣть на плывущій откуда-то стругъ, а на немъ на сумрачное съ усталыми глазами лицо стараго, невѣдомаго монаха...

Гребцы иногда затянутъ пѣсню либо «не бѣлы то снѣжки», либо «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», да вспомнятъ, кого везутъ, и замолчатъ...

Чѣмъ дальше двигался нѣкогда «державный» заточникъ, тѣмъ быстрѣе впереди его бѣжала вѣсть, что везутъ Никона, имя тридцать лѣтъ гремѣвшее на Руси, благословляемое и проклинаемое; имя, когда-то возглашавшееся вмѣстѣ съ царскимъ, а потомъ опозоренное, поносимое, отверженное. Народъ толпами собирался на берегу въ мѣстахъ, гдѣ приставалъ стругъ съ нѣкогда грознымъ, теперь тихимъ и задумчивымъ патріархомъ. Одни тянулись къ нему за благословеніемъ, несли дары и кормъ, другіе, чтобъ увидѣть апокалипсическаго звѣря, что пустилъ по Руси «пестрообразную никоніанскую ересь». Тамъ, гдѣ стругъ не приставалъ къ берегу, народъ встрѣчалъ его на лодкахъ, на серединѣ рѣки, и долго слѣдовалъ за его стругомъ, съ любопытствомъ и боязнью всматриваясь въ блѣдное лицо, утомленно и печально глядѣвшее изъ-подъ высокаго чернаго клобука, и окаймленное бѣлыми, серебристыми космами волосъ и бороды. Матери поднимали дѣтей, чтобы хоть издали показать имъ Никона.

17-го августа стругъ съ «великимъ заточникомъ» отъ Толгскаго монастыря, что противъ Ярославля, плылъ къ другому, нагорному берегу и входилъ въ рѣку Которость. Цѣлая флотилія лодокъ слѣдовала за стругомъ. На берегу Которости толпились массы народа, духовенство, свѣтскія власти, гостиные и посадскіе люди изъ Ярославова града.

Къ стругу пристала большая лодка съ московскимъ духовенствомъ, и въ стругъ смиренно, съ поникшею головою, вошелъ архимандритъ Сергій, тотъ самый, котораго мы видѣли когда-то въ Соловкахъ на «черномъ» соборѣ, и который потомъ издѣвался надъ Никономъ, когда его, свергнутаго съ патріаршества, везли въ ссылку. Сергій, подойдя къ ложу Никона, припалъ головою къ днищу струга...

— Прости блаженне! Не вмѣни въ вину грубство мое ве-

лико!—какъ-то застоналъ онъ, не поднимая головы.—Прости, блажене!

— Встань... кто ты?—слабо спросилъ «великій старецъ».

— Я Сергій, Сергушко архимандритишко... песъ смердящій...

— Встань, Сергій... Кто ты? Я не помню...

— Я, тотъ окаянный, что ругался надъ тобою послѣ собора... Прости, помилуй!

— Помню... встань...

— Я ругался по-неволѣ... Брехалъ на святителя, творя угодное собору...

— Прощаю и разрѣшаю,—слабо махнулъ рукою Никонъ.

Народъ не вытерпѣлъ и бросился въ воду, крестясь и поднимая руки...

— Батюшка! Святитель! Угодникъ Божій!

— Мы тебя на себѣ повеземъ! Благослови насъ!

Слабая, добрая улыбка пробѣжала по лицу «великаго старца»...

— Се Почайна, а се людіе мои, Господи!—радостно бормоталъ онъ.

Народъ, котораго увлеченья не знаютъ границъ, обезумѣлъ отъ умиленія и восторга. Стругъ, какъ щепку, вынесли здоровыя руки восторженнаго народа на берегъ, и все бросилось въ стругъ цѣловать руки, ноги, одежду, ложе освобожденнаго узника-святителя... У изголовья его стоялъ Сергій и плакалъ...

Сквозь толпу протискалась старая-престарая монашка и тоже плакала, шепча: «Микитушка-свѣтикъ»... Но Никонъ уже не узналъ своей жены...

Солнце клонилось къ западу, золотя лучами шелковистое серебро волосъ и бороды Никона. Заблаговѣстили къ вечернямъ...

При звонѣ колоколовъ лицо Никона преобразилось; ему казалось, что подъ этотъ священный голосъ церквей онъ вступаетъ въ Москву со славою, благословляемый народомъ... Что-то прежнее, величавое блеснуло въ его глазахъ, въ чертахъ лица... Онъ бодро глянулъ кругомъ на небо, на солнце, сталъ оправлять себѣ волосы, бороду, одежду, какъ бы готовясь въ путь...

Стоявшіе у его изголовья, архимандриты Сергій и Никита кирилловскій поняли, что «великій странникъ собрался въ далекій, невѣдомый путь», и стали читать отходную...

И Никонъ все понялъ: сложивъ на груди руки, вытянулся,

вытянулся и глубоко, продолжительно вздохнулъ, чтобъ уже больше не повторять этого вздоха...

Такъ кончилъ и другой боецъ изъ воиновъ той великой битвы, которая вотъ уже третье столѣтіе ведется между двумя половинами русской земли, ведется единственно вслѣдствіе того, что обѣ половины не вѣдаютъ, что творятъ...

Что же сталось съ другими лицами, которыхъ мы забыли на время, занятые главными историческими дѣлателями «Великаго раскола»?

Петрушенька-царевичъ, которому пошелъ уже десятый годокъ, по смерти батюшки пересталъ топить щенятъ и котятъ, и вмѣстѣ съ сверстниками «робятками» изволитъ тѣшиться потѣшными ружьями, барабанами, пушками, и изъ зависти къ сестрицѣ Софьюшкѣ перегоняетъ уже ее во всѣхъ «уркахъ ариѳметикіи» и иныхъ хитростей.

Царевна Софьюшка стала уже совсѣмъ взрослою дѣвицей и зорко присматривалась къ тому, какъ ея больной братецъ, царь Ѳедюшка, «государствуетъ», чтобъ и самой послѣ него «государствовать», не забывая въ то же время зорко присматриваться и къ красивому, статному княжичу, Васенькѣ Голицыну.

Симеонъ Полоцкій, «расплодивъ въ Москвѣ продувныхъ хохловъ, что таракановъ», лежалъ уже въ сырой землѣ на кладбищѣ Заиконоспасскаго монастыря, велѣвъ посадить на своей могилѣ вербу, чтобъ она напоминала ему и въ могилѣ его далекую, дорогую Украину. Царевна Софья часто посѣщаетъ его могилу, тѣмъ болѣе, что тамъ она въ первый разъ поцѣловалась съ своимъ княжичемъ Васенькой...

Мамушка ея продолжаетъ вязать чулокъ и спускать петли и со-слѣпу уже не видитъ и не слышитъ, какъ Софьюшка царевна бѣгаетъ иногда, въ селѣ Коломенскомъ, въ садъ, къ пруду, на свиданье со своимъ Васенькой.

Мать Меланія попрежнему неуловима и втихомолку готовитъ ту страшную драму, которая разразилась «стрѣлецкимъ бунтомъ» и бритьемъ всей Россіи.

Ондрейко Поджабринъ, стрѣлецъ, нѣтъ-нѣтъ да и вспомнитъ тѣ «буркалы», которыя онъ видѣлъ когда-то въ кельѣ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, а потомъ на плахѣ на Лобномъ мѣстѣ.

Ласточкино гнѣздо, пощаженное Никономъ, чернѣется по-

прежнему на переходахъ патріаршихъ колій. Въ немъ выводится уже семьдцатое поколѣніе потомковъ той ласточки, которую кормилъ мухами Никонъ. Куда бы онѣ ни улетали на зиму, а весной опять возвращались къ старому гнѣзду, какъ бы вспоминая Никона.

А что сталось съ нашими украинцами и украинками.

Петрушка Дорошонокъ, нынѣ воевода Петръ Дорофеичъ, тоскуетъ въ «московской неволѣ» въ селѣ Ярополчѣ, Волоколамскаго уѣзда, и вспоминаетъ о милой Украинѣ и о своей хорошенькой, но вѣтреной жонкѣ, оставшейся въ Чигиринѣ...

А жонка, совсѣмъ не старѣющаяся, продолжаетъ слушать «веснянки» и «скакать черезъ плотъ съ молодшими», начиная съ Мазепы и кончая юнымъ бунчуковымъ товарищемъ Останикомъ.

Мазепа, обманувъ Брюховецкую, утопивъ потомъ своего благодѣтеля, Дорошенка, и начавъ уже копать яму другому благодѣтелю, гетману Самойловичу, шибко идетъ въ гору и шибко продолжаетъ «скакать въ гречку» со всякою смазливенькою женщиною, будь то украинка, полька и даже московка.

Маленькій Гриць Брюховецкій, играя въ «Шума», простудился и отдалъ Богу свою младенческую душу, твердя въ своей мертвой постелькѣ: «ахъ мамо, яко бо ты московка»...

Мама «московочка» не пережила своего Гриця; такъ она и не видала своей родной сторонки, Москвы бѣлокаменной, а, умирая, благословила Украину, гдѣ ее всѣ любили.

Петрусь продолжаетъ усердно мазать чоботы дегтемъ и женихаться со своею Явдохою. Когда онъ узналъ, что москали дегтемъ не мажутъ сапогъ и «вси переказились» изъ-за того, какъ креститься двумя или тремя пальцами, онъ только рукой махнулъ: «отъ дурни москали!..»

BINDING LIST JUN 15 1950

PG
3467
M8
1914
kn.15-18

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY